Кир

БУЛЫЧЕВ

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
МОНУМЕНТЫ МАРСА
КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ
ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ
СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД
МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Москва
ЭКСМО
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Миллион приключений: Фантастические повести / Кир Булычев; [сост. М. Манаков]. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-20179-3

Впервые в рамках одной книжной серии выходят все повести и рассказы об отважной девочке из будущего Алисе Селезневой и ее замечательных друзьях.

В очередной том включены восемь фантастических повестей, в которых Алисе и ее друзьям предстоит участвовать в необычайных путешествиях и приключениях на земле, под землей, под водой и в космосе.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Булычев К., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-699-20179-3

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Часть I

НОВЫЕ ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

Глава 1

АВГИЕВА ЛАБОРАТОРИЯ

Весеннее утро началось мирно, а кончилось большим скандалом.

Первым, как всегда, пришел Аркаша. Он поспешил на делянку, где выращивал чувствующие цветы. Все растения умеют чувствовать, но попробуй разберись в их чувствах.

При виде Аркаши цветы закивали головками; они раскрывали лепестки, шевелили листьями и изображали радость. Аркаша подключил шланг и начал поливать своих питомцев теплой витаминной водой.

Затем пришел Джавад. Он покормил зверей в клетках и выпустил на волю питекантропа Геракла, который тут же помчался к домику, где ночевали три собаки — Полкан, Руслан и Султан, которые, как ни странно, были сестрами. Собаки летом работали у геологов и по запаху разыскивали руду и ископаемые кости глубоко под землей. Но сезон еще не начался, поэтому сестры были в отпуске и дружили с Гераклом. А он умело пользовался этой дружбой и завтракал два раза — у себя и у собак.

Прибежали близняшки Маша и Наташа, худенькие, глазастые, с одинаковыми ссадинами на коленях. Они так похожи, что не отличишь, а на самом деле — совершенно разные люди. Маша — серьезная и уверяет, что любит только науку. А Наташа — страшно легкомысленная и любит не столько науку, сколько зверей и танцы. При виде Маши и Наташи дельфины Гришка и Медея по пояс высунулись из бассейна — соскучились за ночь.

Алиса Селезнева запоздала. Она ездила в Космический центр договориться об экскурсии на планету Пенелопа. Но Алисе сказали, что неизвестно, будут ли места, попросили прийти через месяц. Алиса была расстроена, она даже не заметила, как подошел Геракл с протянутой рукой. То ли хотел поздороваться, то ли надеялся на угощение.

Алиса скрылась в невысоком здании лаборатории, чтобы оставить там сумку и переодеться, а когда вышла, гневно заявила:

— Это не лаборатория, а авгиевы конюшни!

Геракл, который ждал ее у входа, ничего не ответил, потому что никогда не читал греческих мифов, а кроме того, знал только съедобные слова. Как его ни учили, дальше слов «банан», «яблоко», «молоко», «сахар» он не пошел.

Зато возглас Алисы услышала Машенька Белая.

— Разумеется, — сказала она. — Пашка Гераскин сидел там вчера до поздней ночи, а убрать за собой не удосужился.

— А вот и он, — сказала Наташа Белая. — Легок на помине.

Пашка Гераскин медленно шел к станции по кокосовой аллее и на ходу читал книгу. На обложке крупными буквами было написано: «Мифы Древней Греции».

— Обратите внимание, — ехидно сказала Машенька Белая. — Этот юноша хочет узнать, как чистят авгиевы конюшни.

Пашка услышал, остановился, заложил страницу пальцем и сказал:

— Могу сообщить, что Геракл — значит «совершающий подвиги из-за гонений Геры». Кстати, Гера — это жена Зевса.

Питекантроп Геракл услышал свое имя и заявил:

— Дай банан.

Пашка задумчиво посмотрел на него и произнес:

— Нет, тебе подвигов не совершить. Ростом не вышел.

— Слушай, Пашка, — сказала мрачно Алиса. — Ты чем занимался в лаборатории? Можно подумать, что там тридцать лет никто не убирался.

— Когда у меня возникают идеи, — ответил Пашка, — я не обращаю внимания на мелочи жизни.

— А мы обращаем, — сказала Машенька.

— Не шумите, — сказал Пашка. — Все уберу. Через полчаса будет полный порядок.

— Свежо предание, но верится с трудом, — сказал Аркаша. — Предлагаю на время уборки отобрать у Пашки книгу: зачитается и все забудет.

После короткой схватки Пашка лишился книги и удалился в лабораторию зализывать раны и обдумывать месть.

Убираться ему не хотелось, скучное это занятие. Он подошел к окну. Машенька сидела на краю бассейна, возле нее были разложены карточки с цифрами. Дельфины зубрили таблицу

умножения. Наташа рядом плела венок из первых желтых одуванчиков. Джавад о чем-то спорил с Алисой, а над ними возвышался скучный, глупый, любопытный жираф Злодей с одним рогом посреди лба.

«Как же это я умудрился так насорить?» — поразился Пашка.

На полу валялись мятые листы бумаги, обрывки магнитофонных лент, образцы почвы, ветки, апельсиновые корки, стружки, обломки разбитых колб, предметные стекла, скорлупа орехов — следы вчерашней бурной деятельности, когда Пашкой овладела гениальная идея создать животное без легких и жабр для жизни в безвоздушном пространстве. Идея лопнула часам к одиннадцати, как раз тогда позвонила мать и потребовала, чтобы он возвращался домой.

Есть минусы, подумал Пашка, в том, что ты энтузиаст и живешь среди энтузиастов. Ребята, и Пашка в том числе, проводили на станции все свободное время, прямо из школы спешили к своим зверям и растениям, а в субботу и воскресенье часто просиживали там с утра до вечера. Пашкина мать ворчала, что он совсем забросил спорт и делает ошибки в сочинениях. А на каникулах ребята собирались на планету Пенелопа, в настоящие, еще не исследованные джунгли, — разве от такого откажешься?

Вздохнув, Пашка взял губку и начал протирать лабораторный стол, сбрасывая ненужный хлам на пол. «Жалко, — подумал он, — что книгу мифов отобрали. Сейчас бы прочесть, как Геракл чистил авгиевы конюшни. Может быть, он схитрил?»

Когда через полчаса в лабораторию заглянул Джавад, Пашка уже вытер все столы, расставил по местам колбы и микроскопы, убрал в шкафы приборы, зато на полу мусора прибавилось.

— Долго еще будешь копаться? — спросил Джавад. — Может, помочь?

— Управлюсь, — сказал Пашка. — Еще пять минут.

Он сгребал щеткой мусор к середине комнаты, получилась гора чуть ли не до пояса.

Джавад ушел, а Пашка остановился перед горой и задумался, как бы ее вынести наружу в один прием.

В этот момент в открытом окне показалась физиономия питекантропа Геракла. При виде хлама он даже ухнул от удовольствия.

И Пашке пришла в голову счастливая мысль.

— Иди сюда, — сказал он.

Геракл тут же впрыгнул в окно.

— Доверяю тебе дело большой важности, — сказал Пашка. — Если ты вынесешь все это из нашей авгиевой лаборатории, получишь банан.

Геракл подумал, напряг свой неразвитый мозг и сказал:

— Два банана.

— Ну ладно, два банана, — согласился Пашка. — Я сейчас должен сбегать домой, чтобы к моему приходу все было чисто.

— Бу-сде, — сказал питекантроп.

Просьба Пашки Геракла не удивила. Его часто использовали на всяких работах, где не нужно большого ума. Правда, бесплатно он ничего не делал.

Пашка выглянул в окно. Никого. Он перескочил через подоконник и побежал домой.

Геракл поглядел на мусор и поскреб в затылке. Куча была большая, за раз не вынесешь. А Геракл был великим лентяем. Он думал целую минуту, как бы заработать бананы без усилий. И сообразил.

На поляне рядом с лабораторией лежал шланг для поливки. Геракл умел им пользоваться, а в жаркую погоду подстерегал прохожих, обливал их с головы до ног и ухал от радости.

Он выскочил из лаборатории, повернул кран и запустил струю воды внутрь лаборатории. Струя была несильная, на полу сразу получилась большая лужа, в которой крутился мусор. Это не удовлетворило питекантропа. Он отвернул кран до отказа и, вцепившись лапами в непослушный конец шланга, направил толстую струю в грязное болото, которое раньше было лабораторией.

Струя ударила в мусор. Бумажки, тряпки, осколки, деревяшки отнесло к дальней стене. Шланг дергался в руках Геракла, и неудивительно, что струя заодно смыла и то, что стояло на столах, — колбы, приборы, склянки и пробирки. Хорошо еще, микроскоп устоял и шкафы не разбились.

Дверь лаборатории от напора воды распахнулась, и оттуда вырвалась могучая река, которая несла в себе массу вещей, сбила с ног Аркашу и закрутилась водоворотами вокруг ног жирафа Злодея.

До Геракла дошло, что он натворил. Он бросил шланг, быстро вскарабкался на манговое дерево, сорвал плод и начал его чистить, делая вид, что он ни при чем.

Пашка вернулся минут через пять, когда все уже успели всласть его изругать. В конце концов Наташа Белая даже пожалела его, потому что он расстроился больше всех.

Аркаша вернул ему книгу «Мифы Древней Греции» и сказал:

— Ты не дочитал до самого интересного и не знаешь, что наш питекантроп чистил лабораторию по древнему рецепту.

— Как так? — удивился Пашка.

— Настоящий, древний Геракл отвел в авгиевы конюшни соседнюю реку.

— Совпадение полное, — сказала Машенька Белая. — За одним исключением: в авгиевых конюшнях не было микроскопов.

Глава 2

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРАКЛА

Надо рассказать, откуда на биостанции питекантроп.

Алиса, Аркаша, Джавад и Пашка Гераскин были в Институте Времени.

Они давно хотели туда попасть, но временные кабины расписаны между учеными на год вперед, а туристов в прошлое не пускают. Мало ли что может случиться!

К счастью, у Алисы Селезневой большие связи, в том числе в этом институте. Ей уже приходилось бывать в прошлом.

Однажды на биостанции раздался звонок, и на экране видеофона показался курчавый худой молодой человек по имени Ричард Темпест.

— Неожиданно освободилась большая кабина, — сказал он. — Я обо всем договорился. Так что одна нога там, другая — здесь.

Не прошло и получаса, как биологи уже были у дверей института, где их ждал Ричард.

— Значит, — сказал он, — вы желаете поглядеть, когда и как обезьяна превратилась в человека?

— Правильно, — ответил Джавад. — Долг ученых — зафиксировать этот момент.

— Тогда скажите, пожалуйста, — попросил Ричард, проводя ребят внутрь громадного здания, — какого числа, месяца или хотя бы года до нашей эры произошло это событие? Кстати, подскажите мне, в какой точке земного шара это случилось...

— Точно не скажу, но приблизительно... — задумался Джавад.

— Начнем с приблизительного.

— Примерно от миллиона до двух миллионов лет назад.

Алиса с Пашкой засмеялись, а Ричард очень серьезно записал эту цифру, вздохнул и сказал:

— Спасибо за информацию. А теперь сообщите мне место этого события.

— Где-то в Африке или в Южной Азии, — ответил Джавад.

— Очень точно, — сказал Ричард и записал. — Значит, сегодня мы отправляемся куда-то на юг, за миллион или за два миллиона лет до нашей эры. И если повезет, увидим, как обезьяна превратилась в человека.

Ричард шутил. Ученые давно интересовались этой проблемой и несколько раз летали в прошлое, искали древних людей. Конечно, никто не увидел, как обезьяна стала человеком, потому что такого момента и не было. Зато удалось найти стадо наших далеких предков — питекантропов на острове Ява.

Сначала Ричард показал биологам Институт Времени.

Всего там три зала с кабинами для путешествий в прошлое. В будущее, как известно, попасть нельзя, потому что его еще нет. Сколько кабин, столько и отделов. Первый — исторический. Временщики, которые там работают, пишут подробную, точную, иллюстрированную историю человечества.

Ребята попали в галерею, где висели объемные цветные фотографии знаменитых людей прошлого. Там были портреты Гомера, Жанны д'Арк, молодого Леонардо да Винчи и старого Леонардо да Винчи, вождя гуннов Аттилы и даже Ильи Муромца, который оказался молодым голубоглазым усачом. Там же были тысячи картин, снятых в самые различные эпохи. Например, вид города Вавилона с птичьего полета, пылающий Рим, подожженный Нероном, и даже деревня, которая когда-то стояла на месте Москвы...

Пашка Гераскин, страдая от зависти, прошептал Алисе:

— Пожалуй, уйду из биологов в историки. Уж очень они интересно живут.

— А я никогда не изменю биологии, — ответил Джавад. — Историки только объясняют, что было, а мы, биологи, изменяем мир.

— Пустой спор, — заметил Ричард, открывая дверь в следующий зал. — Все мы изменяем мир, и историки в том числе. Наш мир существует не первый день и не последний. И когда мы узнаём новое о прошлом, этим мы изменяем не только прошлое, но и настоящее. Понятно?

Они остановились перед большим, в три метра, портретом: молодая красивая женщина с курчавым мальчишкой на руках. Мальчишка был чем-то расстроен, вот-вот заревет.

— Это кто? — спросила Алиса.

— Уникальный снимок, — сказал Ричард. — Наши ребята за ним год охотились. Маленький Пушкин на руках у своей мамы.

— С ума сойти! — ахнул Пашка, входя в следующую комнату.

Здесь историки-временщики хранили свое оборудование: одежду, обувь, оружие, украшения. Рядом тянулись шкафы с кафтанами и мушкетерскими плащами, стояли строем ботфорты и римские сандалии, громоздились шляпы с перьями и зеленые чалмы в рубинах и бриллиантах. У стены выстроились рыцарские доспехи.

— Это все настоящее? — спросил Пашка.

Никто ему не ответил. И так ясно, что все здесь — оттуда. Когда временщик уходит в прошлое, он изучает язык и обычаи «своего» времени тщательнее, чем старинные шпионы. Потом специальная комиссия проверяет, готов ли он. Если нет, никто его не отпустит. Пашкины ноги приросли к полу — уйти отсюда было выше его сил. Пришлось Ричарду за руку увести Пашку из зала.

Следующий этаж института занимал исследовательский отдел. Здесь трудятся специалисты самых различных наук. Прошлое может дать ответ на задачи, которые не решишь сегодня. Геологи отправляются на миллиард лет назад, чтобы узнать, как передвигались земные материки и какой глубины были первобытные океаны, ботаники привозят из прошлого вымершие растения, чтобы использовать их в хозяйстве, астрономы собираются посмотреть собственными глазами на солнечное затмение, которое случилось три тысячи лет назад в Южной Индии...

А вот третий отдел института, куда ребят Ричард не повел, только рассказал о нем, показался Алисе самым интересным.

Он назывался так: «Отдел исправления исторических ошибок и несправедливостей».

Вход туда для посторонних закрыт, потому что временщики занимаются в нем такими тонкими и рискованными операциями, что любая ошибка может дорого обойтись всей Земле.

— Например, — рассказал Ричард, — всем известно, что писатель Гоголь сжег второй том своего романа «Мертвые души». Но любой из нас может его прочесть.

— У меня дома есть, — сказал Пашка.

— Ничего удивительного. А было вот что: временщик из третьего отдела проник в прошлое, в тот день, когда Гоголь собрался сжечь свой роман, и в последний момент сумел незаметно подменить его стопкой чистой бумаги. Ход истории не был нарушен, зато мы, потомки Гоголя, увидели этот роман.

— Ну а еще что? — спросила Алиса.

— Еще? Знаете ли вы об Александрийской библиотеке?

— Я слышал, — сказал Аркаша. — Она была в Египте, в Александрии, и сгорела, когда туда пришел Юлий Цезарь.

— В этой громадной библиотеке погибло много тысяч папирусов. И недавно наш институт решил эту библиотеку спасти. Три тысячи восемьсот рукописей нам удалось вытащить из горящего здания. Много раз временщики уходили туда, в огонь и дым, возвращались опаленные, полузадохшиеся, израненные, но тут же, сдав добычу, спешили обратно...

— А библиотека Ивана Грозного? — спросил Джавад. — Ее уже нашли?

— Обязательно найдут, — сказал Ричард. — Никуда она не денется. Ну ладно, нам пора самим отправляться в прошлое.

В зале исследовательского отдела пришлось несколько минут подождать. Кабина была еще занята, ждали, когда вернутся из прошлого физики, которые наблюдали падение Тунгусского метеорита.

Тем временем Ричард показал гостям опытный временной экран. Он горизонтально висит над столом. Все, что под него попадает, начинает двигаться обратно во времени. Но не так, как в кабине, где человек может пролететь миллион лет и нисколько не измениться. Если положить под экран бабочку, через некоторое время она превратится в куколку, потом в гусеницу. Если положить тряпку, то она превратится в скатерть, которой когда-то была. А если положить листок бумаги со стертыми буквами, то вскоре можно будет увидеть, что на ней было написано раньше. Этот прибор сделали по просьбе реставраторов старых картин и рукописей, но он, наверно, пригодится и в других местах.

Загудела сирена — возвращались физики.

Ребята бросились в зал, чтобы не пропустить этот момент.

Над кабиной загорелась надпись: «30 июня 1908 года».

Дверь кабины открылась, и из нее вышли два человека. Они были странно одеты — в ватники и высокие сапоги.

Один из операторов спросил:

— Ну что? Видели?

— Видели, — устало ответил один из пришедших, снимая фуражку и вытирая со лба пот. — Ядро кометы, как я и говорил.

— Об этом мы еще поспорим, — ответил второй, скидывая с плеч зеленый рюкзак и осторожно ставя его на пол. — Здесь все пленки, записи и образцы. Но сначала я мечтаю принять ванну и забыть о комарах.

Не успели физики уйти из зала, как к ребятам подбежала маленькая хрупкая женщина.

— Скорей, — сказала она. — А то астрономы нас выгонят. Они кабину со вчерашнего утра ждут. Ричард, веди их в дезинфекционную камеру. Дай им маски, и чтобы через пять минут были здесь. Я пока наберу код. Ява, миллион — двенадцать по Кривой Петрова, правильно?

За несколько минут ребят очистили от всех микробов — нельзя же в прошлое привезти какой-нибудь микроскопический подарок из двадцать первого века, — выдали им защитные маски с фильтром, и не успели они опомниться, как оказались в кабине, которая тут же загудела, замигала лампочками, готовясь к прыжку длиной в миллион лет.

Сам перелет на первобытную Яву занял мгновение. Но чувство было неприятное, особенно если путешествуешь в первый раз. Как будто проваливаешься в бесконечную пропасть и тебя крутит так, что непонятно, где верх, где низ...

Кабина стояла на вершине невысокого, поросшего травой и мелким кустарником холма над извилистой речкой.

Ричард распахнул дверь, и ребята высыпали из кабины как горох. В лицо им пахнуло жарким, влажным, душистым воздухом.

— Никуда без моего разрешения не отходить! — приказал Ричард. — Это опасно.

Из-за маски его голос звучал глухо.

— А что, — сказал Пашка, — здесь неплохо. Можно и остаться.

Большая муха подлетела к Пашке и попыталась на него усесться.

— Не приставай, — сказал ей Пашка. — Может, ты кусачая.

— И наверняка ядовитая! — заметила Алиса.

Пашка отступил на шаг. Муха — за ним. Пашка отошел на несколько шагов, муха не отставала. Пашка отпрыгнул... но тут Ричард сказал:

— Тише. А то больше не буду брать детей. Поверил вам, что вы — настоящие ученые...

— Смотрите, — сказал Джавад. — У реки...

И тут они увидели питекантропов.

Предки человека оказались обезьянами, похожими на шимпанзе, ростом с десятилетнего ребенка. С холма было видно, как некоторые из них переходили с места на место на задних конечностях, не касаясь земли руками, а один крупный питекантроп, наверно вожак, держал в руке толстую палку.

Одно дело — видеть фильм или читать об этом в книге, другое — глядеть на стоянку своих собственных предков и не только видеть их, но и ощущать эту жару, влажный ветерок, слышать, как шуршат листья и ухают питекантропы.

— Гляди, — прошептал Джавад, — ребенок.

Один из питекантропов, поменьше других, повернул голову в их сторону, приложил руку к глазам, чтобы не мешало солнце, и старался рассмотреть, кто там пожаловал в гости. Его мамаша дала подростку подзатыльник, и он заревел.

— Можно подойти поближе? — спросила Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Ричард. — Мы искали это стадо почти два года. А если оно сменит стоянку, придется снова его разыскивать. Смотрите!

Из-за деревьев внезапно выскочил громадный полосатый тигр с клыками такой величины, что они казались саблями. Тигр на секунду прижался к земле и прыгнул.

С визгом питекантропы бросились врассыпную. Лишь вожак стада попытался прикрыть собой остальных, подняв палку.

Тигр промахнулся — вожак успел отпрыгнуть и взлететь на дерево. Хищник оглядывался, выискивая следующую жертву.

Ею оказался питекантроп-подросток, который не догадался влезть на дерево, а побежал по открытому склону холма. Тигр кинулся вслед.

— В кабину! — крикнул Ричард, хватая за руку Алису, которая стояла к нему ближе всех.

Алиса не успела сообразить, как оказалась в кабине.

Джавад с Аркашей втиснулись за ней.

— Пашка! — крикнул Ричард. — Не сходи с ума!

Сквозь прозрачную стенку кабины было видно, что Пашка бежит навстречу визжащему питекантропу, а к ним приближается прыжками саблезубый тигр.

Пашка успел подхватить беглеца в тот момент, когда тигр уже готов был сомкнуть клыки, а спас их Ричард, выхвативший пистолет и всадивший снотворную пулю в морду тигра.

Тигр грохнулся на землю, лапы кверху, и захрапел.

Пашка в обнимку с питекантропом втиснулся в кабину, Ричард — вслед за ними.

И тут Ричард сообразил, что пассажиров прибавилось.

— Ты с ума сошел, — возмутился он. — Сейчас же выпусти животное.

Но животное, видно, поняло, что ему грозит, и так вцепилось в Пашку, что оторвать его было невозможно. Притом питекантроп верещал, словно Ричард хотел его зарезать.

Дверь кабины медленно закрывалась.

— Да ты понимаешь, что с лишним грузом мы можем вообще домой не попасть? — Ричард старался оторвать питекантропа от Пашки.

— Поздно, — сказал Аркаша.

И был прав, потому что свет в кабине померк и снова началось стремительное падение. Кабина неслась сквозь время...

Дверь открылась. Они были в знакомой лаборатории. Маленькая женщина, которая руководила полетом, возмущенно сказала:

— Это совершенно недопустимо. Вы столько набрали трофеев, что получилась страшная перегрузка. Не представляю, как вообще удалось вас вытащить... Ах!

Из кабины выскочил перепуганный питекантроп, который

тут же забрался на стол, ощетинился, оскалил зубы, показывая, что легко врагам не сдастся.

— Ого, — сказал кто-то из операторов. — Ну и влетит тебе, Ричард, от директора. Нельзя же брать из прошлого живых существ. Разве забыл?

— Если бы мы его не взяли, — сказал Ричард, — его бы сожрал тигр... Но что с ним делать? Отправлять обратно? А стадо уже убежало.

Тут из кабины вышел Пашка, юный питекантроп взвизгнул, бросился к нему и обнял, как потерянного брата. И разлучить Пашку с питекантропом не удалось.

Так на биологической станции на Гоголевском бульваре появился новый обитатель, которого окрестили Гераклом и стали ждать, когда он превратится в человека.

А Геракл не спешит. Его устраивает доля питекантропа.

Глава 3

ВТОРОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Полюбуйся, — мрачно сказал Аркаша Сапожков, увидев Алису. — Что делать — ума не приложу.

Еще вчера на опытном поле колосилась грядка полосатых апеляблок с планеты Пенелопа. Апеляблоки, когда поспеют, ничем не будут отличаться от настоящих яблок — ни вкусом, ни формой, только размером они с горошину и растут в колосьях.

Еще вчера все любовались колосящимися апеляблоками, а за ночь из земли вылезли пенелопские сорняки — колючие вьющиеся кусты, которые полностью заглушили делянку, — с трудом можно было разглядеть в их тени поникшие колосья.

— Вырви их с корнем, — сказал подошедший Пашка Гераскин. — Хочешь, помогу?

— Не получится, — вздохнул Аркаша. — Смотри.

Он изо всей силы потянул за плеть горбато-рогатого сорняка. С минуту сорняк сопротивлялся, а потом с треском поддался, выворотив крепкими длинными корнями квадратный метр земли.

— Жалко, — сказал Пашка. — Не успели созреть твои яблочки.

Сорняки давно донимали Аркашу. Как ни отбирай семена инопланетных растений, всегда проберется на грядку сорняк.

Вот и сейчас за одну ночь сорняки загубили месяц труда.

— Нет, я не сдамся, — сказал Аркаша, расправляя узкие плечи и поднимая как кнут вырванный с корнем сорняк. — Я до вас доберусь!

И в тот же день, после обеда, он отправился к Ричарду Темпесту в Институт Времени.

— Вы меня помните? — спросил он.

— Конечно, помню. Это вы осенью питекантропа привезли, а у меня из-за вас состоялся неприятный разговор с директором. Что же тебе нужно? Хочешь отправить питекантропа обратно?

— Пускай живет! У него есть и положительные качества. Нет, мне нужен на несколько дней ваш временной экран.

— Экран, под которым время идет назад?

— Я его не сломаю.

— Вряд ли это возможно, — сказал Ричард. — Понимаешь, экран — не игрушка.

— А я не собираюсь играть в игрушки. Меня измучили сорняки. Помогите избавиться.

— Но при чем здесь экран?

— У меня есть конструктивная идея.

— Я могу пойти с тобой к директору института, но на сто процентов уверен, что он не разрешит.

— И все-таки попробуем, — сурово сказал Аркаша. — Я умею убеждать директоров.

И он был прав.

На следующий день техники из Института Времени установили на опытной делянке Аркаши Сапожкова временной экран.

Бурные заросли горбато-рогатых колючек заполнили всю грядку и поднимались метра на два. От апеляблок и следа не осталось.

— Ну, расскажи теперь, как ты будешь бороться со своими сорняками? — попросила Машенька Белая, разглядывая странный прибор, — над грядкой с апеляблоками был натянут белый блестящий экран, от которого к пульту управления, стоящему метрах в двадцати, в тени мангового дерева, тянулись провода и трубки.

— Очень просто, — ответил Аркаша. — Я все продумал. Можно включать!

Техник включил экран.

— Сорняки появились недавно, всего два дня назад. К тому времени апеляблоки уже начали колоситься. Значит, — сказал Аркаша, — мы должны отступить на два дня назад, когда сорняки лишь появятся из-под земли. Вот мы их и выполем. Просто, как все гениальное.

Аркаша обернулся к технику и спросил его:

— Когда время под экраном уйдет на два дня назад?

— Минут через пятнадцать, — сказал техник. — Гляди, чтобы никто туда не залез.

Техник был молодой, очень серьезный. Он опасался, что ребята его недостаточно уважают.

— Не беспокойтесь, — ответил Пашка Гераскин. — За пятнадцать минут ничего не случится.

Он ошибся. Пятнадцать минут — не такой уж маленький срок.

Машенька Белая отлучилась к бассейну с дельфинами, Джавад пошел поглядеть, почему поссорились жираф с кроликами. Алиса вспомнила, что забыла закрыть клетку с птицей-прокудинкой, у делянки остались только Аркаша с Пашкой.

И надо же было так случиться, что именно тогда питону Архимеду надоело лежать на ветвях мангового дерева и он пополз по толстому суку, нависавшему над пультом управления, поглядеть, чем занимается под деревом чужой человек.

Техника забыли предупредить, что на дереве живет семиметровый питон Архимед. Можно представить его удивление, когда он услышал шипение и увидел в пяти сантиметрах от своего носа немигающие глаза громадной змеи. Он подскочил на метр, чуть не сломал пульт, опрокинул стул, потерял равновесие, рухнул в бассейн и исчез под водой.

Смущенный Архимед перепугался и пополз обратно, на вершину дерева, дельфины дружно нырнули, потому что они обожают спасать утопающих, а их на биостанции не бывает, Пашка с Аркашей тоже кинулись к бассейну.

Падая, техник задел пульт управления, и экран заработал на полную мощность. Сорняки быстро съежились, и уже можно было разглядеть полегшие колоски апеляблок. Первым увидел их петух, которого подарила биостанции одна бабушка, купив-

шая себе цыпленка, чтобы не скучать. Когда цыпленок подрос, он обнаглел, будил криком на рассвете весь дом, заклевал до полусмерти соседского кота и на бабушку — ноль внимания. Бабушкино терпение лопнуло, и петух оказался на биостанции. С тех пор вот уже два месяца он бродил по станции и всех задирал.

Колоски заинтересовали петуха. Он вышел на делянку и принялся их клевать. Экран пожирал время со скоростью два месяца в минуту. Через минуту гребень петуха съежился, и роскошный рыжий хвост сократился вдвое. Еще минута — петух превратился в цыпленка и очень удивился, увидев, что стоит на пустой грядке. Пока своим умишком он сообразил, что же делать дальше, он совсем уменьшился и превратился в белое яйцо.

Это яйцо и попалось на глаза питекантропу Гераклу.

Яйца он обожал, хотя их ему давали редко, чтобы не страдал неправильным обменом веществ.

Одним прыжком Геракл прыгнул под экран, уселся на землю, схватил яйцо и попытался его прокусить. Но, к его величайшему изумлению, яйцо уменьшалось у него в руках. Геракл склонил голову, пытаясь понять, что это значит, а потом решил, что лучше проглотить яйцо, пока оно совсем не пропало. Он разинул рот, закинул туда яйцо, но оно исчезло, прежде чем он успел ощутить его языком. Геракл оскорбился в своих лучших чувствах и обиженно заревел.

Алиса не спеша возвращалась к экрану. Она обратила внимание на то, что техник, весь мокрый, сидит на краю бассейна, а вокруг суетятся остальные, и удивилась, чего это он решил купаться в одежде? И тут же она увидела, что под экраном сидит Геракл.

— Ко мне, Геракл! — закричала она, кидаясь к грядке.

Геракл не обращал на нее внимания. Он смотрел на свою ладонь, с которой уже исчезли мозоли, — она порозовела и стала чуть ли не вдвое меньше.

Алиса сообразила, что Геракл помолодел. Нельзя терять ни секунды.

Она бросилась под экран, подхватила на руки визжащего детеныша и через несколько секунд отчаянной борьбы выволокла его наружу.

Тут уж мокрый техник подбежал к пульту. Он поглядел на счетчик времени, ахнул и выключил экран.

Но дело было сделано.

Во-первых, все посадки Аркаши пропали начисто — и сорняки, и апеляблоки. Во-вторых, исчез петух. В-третьих, Геракл помолодел чуть ли не на полгода. А в-четвертых, помолодела и сама Алиса. Насколько, сказать трудно.

Техник, виновато собирая аппаратуру и время от времени грозя кулаком спящему питону, сказал, что Алиса пробыла под экраном секунд пятнадцать, не больше. То есть помолодела недели на две. Можно и не обращать внимания на такую безделицу.

Алиса, конечно, не стала спорить, но с тех пор решила справлять день рождения два раза в году, с промежутком в две недели. Второй день рождения справляют только на биостанции — это биологическая тайна.

Глава 4

ПОЖАЛЕЙТЕ МАСЛЯТ

Разумеется, все на станции любят животных — иначе какой из тебя натуралист? Но Аркаша убежден, что растения никак не глупее животных.

Аркаша подружился с психологом Плюфдекером, и тот подарил ему невероятно чувствительную смородину, которая съеживалась, если близко проходил хулиган Геракл, и краснела, когда у нее опадали листья, потому что полагала, что стоять голой — не совсем прилично. Плюфдекер дал Аркаше порошок-стимулятор. Если им осыпать даже бесчувственное растение — например, кактус, — тот сразу начнет переживать, а уж какая-нибудь нежная мимоза только что разговаривать не сможет.

Вечером, когда все уже собрались домой, разгорелся жаркий спор.

Наташа Белая уговорила Пашку с Алисой идти на рассвете за грибами, а Аркаша, как услышал, встал на дыбы.

— Это бесчеловечно, — вещал он, размахивая тонкими руками. — Это недостойно гордого звания человека.

— Ты не прав, Аркадий, — возмутилась Алиса. — Человечество не стало бы разумным, если бы не собирало грибы в первобытные времена, пока не изобрело лук и стрелы. Ты погляди на Геракла — он великий мастер-собиратель.

— Что простительно питекантропу, — не сдавался Аркаша, — то позорно для человека. Мы должны исправлять ошибки предков, а не усугублять их. Сколько мы тратим усилий, чтобы восстановить леса и очистить реки! Сколько вымерло птиц и зверей, сколько растений мы погубили, а теперь выводим их снова или привозим из прошлого!

Надо сказать, что никого Аркаша не переубедил. В науке всегда найдется кто-нибудь с крайними взглядами, а надо искать золотую середину.

Золотая середина заключалась в том, что Наташа нашла в сосновом бору в дальнем конце бульвара, в местах укромных и почти нехоженых, целое поле новорожденных маслят — к утру они должны подрасти. Идти по грибы надо на рассвете, потому что кто-нибудь из грибников по соседству тоже мог выследить это «месторождение».

— Значит, завтра в шесть встречаемся у входа на бульвар, — сказал Пашка.

— Вы меня не хотите выслушать? — возмутился Аркаша.

— Мы тебя вежливо выслушали, — сказала Наташа и рассмеялась. — И в тот день, когда ты перестанешь есть хлеб, сделанный из чувствительной пшеницы, и пожирать помидоры и ананасы, мы бросим собирать грибы.

Ребята ушли, а Аркаша сказал, что задержится — записать дневные наблюдения.

Дождавшись, пока остальные уйдут, Аркаша бросился в лабораторию, достал из шкафа пакет с порошком-стимулятором, подхватил распылитель и побежал по бульвару к сосновой роще.

Его путь лежал по кокосовой аллее, мимо альпийского луга, где между камней дремали куропатки, мимо озера с черными лебедями и фламинго, бамбуковых зарослей, эвкалиптовой рощи, где медленно ворочались, укладываясь спать, медведи коалы, через прозрачную на закате березовую рощу, туда, где за темным ельником начиналась чаща сосновых посадок.

Он еле успел — уже начало темнеть, и внутри, под ветвями, все было укрыто сиреневой тенью. Но все же он разглядел коричневые пуговки маслят.

— Ах вы, мои бедные, — прошептал он, садясь на корточки, чтобы получше разглядеть грибы. — Я вас спасу.

Грибы молчали.

На следующее утро, в шесть, у входа на бульвар встретились три охотника за грибами с корзинками в руках.

Легкий туман окутывал Гоголевский бульвар, вдали за деревьями виднелись вершины небоскребов. На траве лежала роса.

— Плохо дело, — сказал Пашка. — В тумане мы ничего не увидим.

— Пока дойдем, рассеется, — возразила Алиса.

— Я вас сейчас догоню, — сказал Пашка.

— Ты куда?

— Геракла возьму. Я ему обещал. Он еще никогда грибов не собирал. Первое лето в двадцать первом веке.

— Может, обойдемся без него? — не очень решительно возразила Наташа. — Он еще натворит чего-нибудь.

Но Пашка не слушал — он уже мчался к биостанции.

Они с Гераклом догнали девчат в ельнике. Приближение друзей было слышно издали — они топали, словно изображали взбешенного слона. Увидев Алису с Наташей, Геракл обрадовался — скучно ему ночью одному в домике, — бросился целоваться, его отогнали.

— Погодите, отдышусь, — сказал Пашка. — Он меня загонял. Видно, за последний миллион лет мы потеряли спортивную форму.

От шума проснулся на озере белый журавль, поднялся в небо. И словно по сигналу из глубины ельника вылетели комары и яростно набросились на Пашку.

— Удивительно, — сказал Пашка. — Чего мы только не изобрели, а с комарами так и не справились. Откуда, скажите на милость, взяться комару в центре Москвы?

— Вот смешной, — сказала Наташа. — Ведь из этого леса до ближайшей улицы минут пятнадцать идти. Москва — на пятьдесят процентов лес.

Это Пашку не утешило. Не утешило и Геракла, которому тоже досталось от комаров. Он скалился и прыгал, но ни одного из злодеев не настиг.

— Займусь комарами, — сказал Пашка. — Обязательно займусь.

— И как ты будешь с ними бороться? — спросила Наташа.

— Не беспокойся. Я еще оставлю след в биологии.

— Пора, — сказала Алиса. — Вы забыли, зачем сюда пришли?

Туман уже почти рассеялся, в сосняке было тихо, лишь щебетали птицы. Земля была густо покрыта иглами.

— Где твои маслята, Наташа? — спросила Алиса.

— Сейчас увидишь.

Они прошли дальше. Ни одного масленка. Лишь большой оранжевый мухомор стоит как семафор.

Геракл ухнул от радости при виде такого красивого гриба и протянул руку, чтобы его сорвать.

— Не смей! — сказал Пашка. — Это ядовитый гриб. Ты умрешь, если откусишь от него хотя бы кусочек.

Геракл понял, отпрыгнул назад и погрозил мухомору кулаком.

Наташа села на корточки, разгребла ладонью иглы и увидела небольшой масленок.

— Первый, — сказала она. — Теперь пойдут тысячами.

Она срезала гриб и бросила в корзинку.

Но больше не нашлось ни одного гриба. Впустую ребята разбрасывали иглы и сучья — ничего.

Впереди начиналась густая чаща — не проберешься.

Пашка вынул масленок из Наташиной корзинки и показал Гераклу.

— Такие увидишь — зови меня.

Питекантроп понюхал гриб, скорчил страшную рожу и бросился в чащу. Ребята за ним.

Но тут же пришлось остановиться — словно кто-то заставил деревья сплестись ветвями, чтобы не пропустить их дальше.

— Ой, ребята! — воскликнула Наташа. — Вы только посмотрите.

За сплетением ветвей, на небольшой полянке, окруженной стеной сосенок и елей, стояли тысячи грибов. Большей частью маслята, несколько боровиков и сыроежек.

Это скопление грибов, словно почетным караулом, было окружено цепочкой оранжевых мухоморов и бледных поганок.

— Ничего страшного, — сказал Пашка. Он отдал свою корзинку Гераклу и сказал: — Пробивайся туда, нарви маслят.

— Угу, — согласился Геракл.

— Мне это не нравится, — сказала Алиса. — Почему вчера грибы росли обыкновенно, а сегодня собрались на недоступной полянке?

Геракл с трудом протиснулся сквозь сучья и приблизился к грибам. Ребята, отмахиваясь от комаров, следили за ним.

При виде Геракла самые сильные и крепкие мухоморы начали раскачивать шляпками и поскрипывать.

— Иди, Геракл, это ветер, — успокоил питекантропа Пашка.

Но стоило Гераклу сделать еще один шаг, мухоморы сдвинулись с места и образовали между ним и маслятами прочный заслон.

Увидев, как грибы движутся ему навстречу, Геракл не выдержал. Он бросил корзинку и метнулся обратно. Оставляя клочья шерсти на колючих ветвях, он протиснулся к ребятам, обнял Пашку за колени и завыл, жалуясь на страшные переживания.

— Ну вот, — расстроился Пашка, — а как же корзинку достать?

— Забудь о корзинке, — сказала Алиса. — Мы должны сейчас же вернуться на станцию.

— Эге, — догадался Пашка, — ты думаешь, это шутки Аркаши?

— А ты видел, чтобы мухоморы защищали маслят?

— Если я сейчас не сплю, — сказал Пашка, — то вижу это впервые в жизни.

— Ах, он их своим стимулятором опрыскал! — воскликнула Наташа. — Тогда пускай сам добывает корзинку.

Аркашку они встретили у входа на биостанцию. Видно, не выдержал, встал пораньше.

Первым делом он заглянул в корзинки. Увидев, что они пустые, он сказал как ни в чем не бывало:

— Плохие вы следопыты. Не вам за грибами ходить.

— А ну-ка, — сказала мрачно Алиса. — Повтори закон для юных биологов, который ты обязался выполнять, когда пришел на станцию!

— Какой закон?

— Забыл?

— Помню, но почему я должен его повторять?

— Повтори, — сказал Пашка.

— Каждый юный биолог имеет право ставить любые научные опыты, которые считает полезными, нужными или интересными...

— Дальше...

— Дальше?.. Но он не должен проводить опытов, которые могут повредить или помешать другим людям.

— Еще дальше!

— Тот, кто нарушит это правило, будет с позором изгнан со станции.

— Все ясно? — спросила Алиса, протягивая Аркашке пустую корзинку. — Ты можешь получить прощение, если принесешь полную корзинку грибов.

— И мою тоже, — сказала Наташа.

— А третью, Пашкину, найдешь на поляне.

— Но я не проводил опытов! Я только защищал грибы от таких варваров, как вы.

— А когда принесешь три корзины грибов, мы их поджарим и тебя угощать не будем.

— Это жестоко!

Но ребята прошли на станцию. За ними — Геракл.

Через час Аркаша принес три пустые корзины.

У него не поднялась рука рвать грибы.

К тому времени Пашка был по горло занят проблемой, как избавиться от комаров, Алиса с Наташей — своими делами.

Грибов они набрали на следующее утро, когда действие стимулятора прекратилось.

Глава 5

КУДА УЛЕТАЮТ КОМГУСИ?

Павел Гераскин решил извести комаров.

В то лето комаров развелось множество — им нравилось резвиться над ручьями и полянами Гоголевского бульвара, вечерами накидываться на влюбленных или биологов.

Будучи человеком гордым и уверенным в своих способностях, Пашка не скрывал, подобно некоторым гениям, своих намерений.

Еще до начала опытов он бродил по станции и рассуждал вслух, обращаясь к своему верному спутнику питекантропу Гераклу:

— Какой мы изберем путь? Будем травить комаров ядами? Это уже пробовали, а комарам хоть бы что!

Геракл кивал и жевал бублик, который тайком сорвал с бараночного дерева, выведенного Аркашей.

— Есть и биологические методы — подманивают, например,

самцов, подражая самкам, — без самцов нет у комаров дружной семьи, и они должны бы вымирать, а не вымирают.

Геракл бросил бублик, надеясь попасть на рог жирафу Злодею — добрейшему скучному существу.

— Значит, надо найти путь, которым никто еще не шел, а мы с тобой пойдем. Но какой путь? Какой, я спрашиваю?

Геракл развел руками, как бы говоря: если такой биологический гений, как Пашка Гераскин, не может избавиться от комаров, я пасую!

Решение пришло неожиданно — словно яблоко упало.

Пашка задумчиво стоял у Аркашиной делянки, смотрел, как скворцы деловито выклевывают с грядки червяков.

— Труженики, — сказал он о скворцах.

— Эх, — ответил с горечью Аркаша, — бурей вчера два скворечника свалило. Только они устроили себе дом и уют, придется снова квартиру искать.

— Да, — согласился Пашка, — летишь через полмира, а тебя даже не могут обеспечить...

— Ты чего? — спросил Аркаша.

— Я понял, — ответил Пашка медленно. — Я решил, что делать с комарами.

— Только учти, — предупредил Аркаша. — Если ты собираешься их уничтожить, я — категорически против. Это жестоко, к тому же может нарушить экологический баланс.

— Спасибо за подсказку, — сказал Пашка. — Но я придумал гуманное решение. Я выведу перелетных комаров.

— Не понял.

— Сейчас поймешь! Чем плох комар — зимой он спит или вообще еще не родился. А летом нападает на людей и животных... А нужно сделать так, чтобы он на лето куда-нибудь улетал.

— А как ты намерен это сделать?

— Это уже пустяки. Главное — внедрить в него перелетный инстинкт. Как потеплеет, будет он улетать в Арктику или Антарктику, сосать кровь у рыб и тюленей. А человечество будет спасено.

— Но там тоже люди — зимовщики, ученые...

— Что легче — защищать от комаров несколько тысяч полярников или сотни миллионов людей умеренных широт, включая детей и стариков?

Пашка не стал слушать возражений, а побежал в лабораторию.

Там он застал толстяка Джавада, который читал ветеринарный справочник, — второй день у жирафа Злодея болело ухо.

— Джавад, будь другом, — попросил его Пашка. — Скажи мне, какие птицы улетают на лето в полярные края?

— Ну, гуси, например. Потом...

У Пашки есть отвратительная манера не дослушивать собеседника, если он уже узнал, что требовалось. Догадайся Джавад, к чему приведут его слова, он бы тысячу раз подумал, прежде чем сказать про гусей. Ведь есть и маленькие птицы, которые летают в полярные страны. Но он сказал «гуси» и снова углубился в справочник.

На следующее утро Пашка исчез: помчался в Институт генного конструирования, чтобы достать там гены серых гусей. Комаров в его распоряжении было больше чем достаточно. Так что с обеда закипела работа.

— Что-то Пашка не вылезает из лаборатории, — сказала Машенька Белая через несколько дней.

— Комаров хочет загубить, — ответила Алиса.

Они кормили дельфинов, а те прыгали так, что казалось — весь бассейн выплеснут.

— А почему он молчит? Ты представляешь, чтобы Пашка в нормальном состоянии молчал?

— Это подозрительно. Давай развеем тайну.

— Как?

— Пойдем к нему. Ему самому не терпится похвастаться.

Алиса с Машенькой заглянули в лабораторию. Пашка сидел у электронного микроскопа и даже не заметил, как они вошли. На столе стоял какой-то ящик, накрытый черной тканью.

— Пашка, пойдем в волейбол поиграем, — сказала невинно Алиса.

— Отстань, — отмахнулся Пашка. — Я занят.

— Пашка, Геракл по тебе скучает, — сказала Машенька.

— Потерпит, — сказал Пашка.

— Слушай, что случилось? Ты на себя не похож.

Пашка молчал.

— Скажи хоть, чем занимаешься? — спросила Машенька.

— Сделаю — увидите.

— Не похоже на тебя, — сказала Алиса. — И вообще не пом-

ню случая, чтобы кто-нибудь из нас делал тайну из своей работы.

— А я вот делаю, — сказал Пашка. — Потому что вы играете в детские игры, а я создаю переворот в биологии.

— Значит, не скажешь?

— Потом, потом...

Девчата вышли из лаборатории расстроенные. Мимо как раз проходил Аркаша.

— Слушай, Аркаша, — спросила Алиса, — ты не знаешь случайно, чем так увлечен Пашка Гераскин?

— Знаю, — сказал Аркаша. — Он выводит перелетного комара.

— Зачем?

— Чтобы комары на лето улетали в полярные страны и не кусали людей. Он их с кем-то скрещивает.

— Что-то я беспокоюсь, — сказала Алиса и побежала к Джаваду, который менял компресс на ухе жирафу Злодею. Жираф стоял перед ним, как старинный железнодорожный шлагбаум, вытянув шею вперед.

— Джавад, — сказала Алиса, — ты не знаешь случайно, с кем Пашка собирается скрещивать комаров?

— А он их скрещивает?

— Чтобы они стали перелетными и улетали на лето в полярные страны.

— Что-о?!

Джавад даже подскочил, а жираф от неожиданности клюкнулся носом в песок.

— Что тебя испугало?

— Испугало! Да я в ужасе! Он же меня как-то спрашивал, какие птицы улетают на лето в полярные страны.

— И ты что сказал?

— Я сказал — «гуси».

И наступило молчание.

— Надо его немедленно остановить. Он не представляет, чем это кончится, — тихо сказала Машенька.

Но договорить она не успела, потому что из лаборатории донесся торжествующий вопль Пашки:

— Вывелся! Вывелся! Есть первый перелетный комар!

Ребята подбежали к окну лаборатории и заглянули внутрь. Черная ткань, оказывается, скрывала стеклянный колпак, под

которым поблескивало что-то большое и довольно страшное. Пашка стоял у колпака с черной тряпкой в руке. Увидев зрителей, он произнес:

— Вот он, перелетный комар! Никто раньше не догадывался скрестить комара с перелетной птицей. Лишь начинающий, но талантливый генный конструктор Павел Гераскин решил эту задачу и вывел комгуся.

Пашка гордо смотрел на зрителей, а тем временем его творение поднялось на шесть тонких ног, кончающихся перепончатыми лапами. Серые перья комгуся кое-как прикрывали его блестящий хитиновый панцирь, прозрачные крылья были покрыты гусиным пухом, а вместо клюва из его головы высовывалось жало длиной в полметра.

Комгусь поднатужился, привалился к стенке колпака, и колпак рухнул на пол, Пашка отскочил в сторону, а грозный гибрид расправил крылья и сердито оглянулся, разыскивая подходящую жертву.

Жертвы стояли совсем близко — у окна. Они сразу догадались, что им грозит, поэтому бросились в разные стороны.

Комгусь вылетел в окно, набрал высоту и сделал круг над поляной.

— Его нельзя выпускать! — крикнула Алиса. — Он кого-нибудь в городе до смерти искусает!

— Я сеть принесу! — крикнул Джавад и побежал на склад.

Звери метались в клетках — к счастью, сквозь прутья комару было не пролезть, питон спрятался в листве мангового дерева, жираф, как страус, сунул голову в песок, надеясь, что гибрид примет его за архитектурное украшение, а тут еще, в довершение суматохи, из лаборатории вылетел Пашка и закричал:

— Не смейте его трогать! Это единственный экземпляр.

Джавад носился с сетью по площадке подобно римскому гладиатору, но комгусь, хоть и новорожденный, понял, что к чему, и на Джавада не обращал внимания.

Все забыли о Геракле, который дремал под деревом. От шума питекантроп проснулся, но ему лень было двигаться с места. Как мудрый старец, он лежал в тени и снисходительно наблюдал за беготней. Может быть, в его времена встречались комары и покрупнее этого гибрида.

Комар погнался за Алисой, но ее спасли дельфины. Они захрюкали, зовя ее в бассейн, и Алиса прыгнула в воду. Комар

взмыл вверх, а через минуту загнал в бассейн Машеньку. Потом уже по доброй воле туда сиганули Аркаша с Пашкой, который не переставал требовать, чтобы гибрида оставили в покое.

На поляне оставались лишь Джавад с сетью и Геракл. За неимением других жертв комгусь заинтересовался Гераклом. Питекантроп сообразил, что шутки с этим злодеем плохи, вскочил на ноги и, когда комар был совсем близко, подпрыгнул и схватился за сук, надеясь скрыться в листве. Но сук с треском обломился, и Геракл свалился на землю.

— Скорей к нам! В бассейн! — закричала Алиса.

Но Геракл не выносил воды.

Он увернулся от комара и, когда тот снова пошел в атаку, встал на его пути, подняв палку.

С удивительным для питекантропа хладнокровием Геракл выждал момент, когда комар был совсем близко, и со всего размаха треснул его палкой по голове.

Комар хрустнул и упал в траву.

Геракл оперся на свою дубинку и ждал, пока биологи вылезут из бассейна.

— Вот так обезьяны превращаются в людей, — сказала серьезно Машенька, глядя на Геракла.

— Их к этому принуждают обстоятельства, — добавил Джавад.

Лишь Пашка был настолько расстроен, что не нашел для Геракла добрых слов.

— Дураки, — сказал он. — Неужели нельзя было подождать, пока он сам улетит в полярные страны?

Глава 6

ДЖИНН В КОРАБЛЕ

С утра Стас улетел в пузыре к маленькой бухте за скалами Зевса, Пашка Гераскин, конечно, с ним. На прощанье Стас строго-настрого приказал Машеньке с Наташей не купаться и вообще к воде близко не подходить: у них разыгрался страшный насморк, а, как известно, к концу двадцать первого века человечество справилось со всеми болезнями, за исключением насморка.

Позавтракав, Алиса вышла на берег и позвала дельфинов —

Гришку с Медеей. Дельфины отозвались сразу — соскучились за ночь. Они кувыркались, щелкали, щебетали, звали Алису скорей нырять в воду.

Утро было прохладным, свежим, но солнце уже начало припекать — и через час-два на берегу станет жарко. А вода здесь теплая, как парное молоко, днем и ночью одинаковая.

— Доброе утро, — сказала Алиса дельфинам. — Сплаваем в бухту Калиакрис?

Алиса опустила на глаза очки и, разбежавшись, врезалась в упругую чистую воду, подняв сноп сверкающих брызг. Издалека с берега донесся Наташкин крик:

— К обеду возвращайся!

... Есть у биологов друг Стас, конструктор и подводный археолог. Многие считают, что, займись он чем-нибудь одним, стал бы великим человеком.

— Великим — да, — соглашался Стас. — Но счастливым — никогда. И еще не доказано, что лучше.

Например, если в конструкторском бюро назревает открытие или близится к концу важная работа, оказывается, что в Средиземном море нашли очередную Атлантиду. С этой минуты Стас работает кое-как, мечтая лишь об одном — скорей нырнуть в Средиземное море и не вылезать, пока не вытащит Атлантиду наружу.

Но не успеет он вытянуть свою Атлантиду, как получает письмо от друзей-конструкторов — родилась потрясающая идея! И Атлантида тут же теряет половину своей привлекательности — теперь уж Стас рвется обратно.

Уже вторую неделю биологи и дельфины жили в гостях у подводных археологов на острове Пробос в Средиземном море. Стас взял их в экспедицию — поднимать со дна моря флот тирана Диостура, который пропал без вести две с половиной тысячи лет назад. Отправился завоевывать Афины и пропал. Древние историки рассказывали, что боги были недовольны поведением тирана. Зевс кинул в него звездой, поднялась отчаянная буря, флот разметало по волнам и разбило о скалы.

Многие думали, что флота никогда не существовало, а вся эта история — легенда. И вот весной геологи, обследуя окрестности острова Пробос, натолкнулись на разбросанные в бухте остатки деревянных кораблей. И при первом же погружении

нашли под грудой обломков глиняных амфор золотую корону с древнегреческой надписью: «Диостур».

Вскоре из разных стран туда слетелись подводные археологи, чтобы исследовать погибший флот и поднять на поверхность все интересное. Стас, без которого ни одна подводная экспедиция не обходилась, взял на остров юных биологов и их друзей — дельфинов...

Некоторое время Алиса ехала верхом на Гришке, затем скользнула в воду и поплыла с дельфинами наперегонки. Хоть Алиса и неплохой пловец, еще не было человека, который обогнал бы дельфина. Так что дельфины плыли не спеша.

Вот и три скалы, торчащие из моря, словно зубы утонувшего дракона. За ними — глубокая уединенная бухта Калиакрис. Она еще не обследована археологами, и Алиса обещала Стасу побывать там и поглядеть, нет ли там отбившейся от флота галеры.

Бухта казалась зловещей: обрывистые берега замыкали ее с трех сторон, бурунчики и белые пятна пены показывали, что к самой поверхности подходят зубцы скал. В бухте были предательские водовороты, но Стас за Алису не боялся — он знал, что, когда рядом дельфины, ничего не случится. И Алиса это знала, к тому же она была отличным ныряльщиком и могла три часа дышать под водой — для этого надо только проглотить пилюлю.

Алиса нырнула. Сверху вода была голубой, солнечной, с бликами, глубже она зеленела и темнела. Из глубины поднимались волосы длинных водорослей, рядышком проплыла медуза, и Алиса отпрянула, чтобы не обжечься. Дельфины крутились по соседству, гоняли стайку серебряных рыбешек. Алиса опустилась к самому дну. Гришка скользнул рядом — не хотел терять Алису из виду. Алиса обогнула скалу, за ней открылась громадная ниша, словно гигант начал выгрызать нору в скале, но передумал.

Это место Алисе понравилось. Хорошо бы, подумала она, найти здесь галеру или даже затонувший город.

Издали легко было убедить себя, что обломки скал — руины дворцов, но, оглядев их, Алиса разочаровалась и решила подниматься на поверхность — великого открытия не произошло.

Только прежде стоило осмотреть длинную скалу в самой глубине ниши, заваленную каменными глыбами.

Казалось, кто-то обтесал скалу, прежде чем кинуть сюда. А потом она обросла ракушками и лишайниками.

Алиса отодрала мидию и удивилась: под ракушкой оказалась матовая ровная поверхность, похожая на металлическую.

Алиса медленно проплыла вдоль всей скалы. И где бы она ни скребла ее, везде была такая же гладкая поверхность.

Сначала Алиса решила, что это потонувшая когда-то подводная лодка, но она никогда не слышала, чтобы подлодки были похожи на миндальный орех метров в двадцать длиной.

А вдруг это космический корабль?

Такая мысль Алисе понравилась. А почему бы и нет? Нашли же космический корабль, который упал на Землю триста тысяч лет назад в пустыне Калахари!

Но в космическом корабле должен быть люк.

Поиски люка заняли минут двадцать. Дельфинам надоело присматривать за подругой, и они поднялись выше. Иногда Алиса видела их тени, проносившиеся сверху.

Люк было трудно найти не только оттого, что он зарос ракушками, но и потому, что рядом с ним когда-то упал обломок скалы и намертво его заклинил.

Вытащить клин было нелегко, но когда Алиса наконец отвалила камень и соскребла ракушки, она увидела тонкую линию — границу люка.

Алиса вставила в эту нитяную щель острие ножа, и, к ее удивлению, люк легко открылся, словно только вчера был смазан. Внутри тоже была вода.

Алиса включила фонарь, прикрепленный ко лбу, и увидела по ту сторону камеры второй люк.

Гришка подплыл сверху, словно свалился с неба, но Алиса отогнала его, чтобы не мешал.

Алиса вошла внутрь и только дотронулась до внутреннего люка, как почувствовала за спиной движение воды. Она обернулась и увидела, что внешний люк быстро закрывается. Алиса повернула обратно, но опоздала. Люк закрылся.

Вода быстро уходила из камеры — через минуту в ней было сухо, над головой вспыхнул свет. Автоматика затонувшего корабля действовала.

Внутренний люк открылся, словно приглашая пройти внутрь, что Алиса и сделала.

Она оказалась в каюте. Перед ней был пульт управления,

масса незнакомых приборов. В дальнем конце каюты стояла прозрачная ванна, наполненная зеленоватой жидкостью, и в ней плавало тело космонавта.

Алиса подошла к ванне и потрогала ее рукой — ванна была холодной.

Еще недавно, когда люди не умели прыгать через пространство, на каждом космическом корабле были такие анабиозные ванны. Космонавты погружались в глубокий сон, и время для них останавливалось. А когда подлетали к нужной планете, включался сигнал — и космонавты приходили в себя.

Над головой вспыхнул яркий свет, замигали огоньки на пультах.

Крышка ванны начала сдвигаться.

Космонавт шевельнулся. Вот это везение! Алисе удалось не только найти потерпевший бедствие космический корабль с неизвестной планеты, но и освободить от заточения инопланетного путешественника!

Космонавт оперся четырьмя длинными коричневыми руками о края ванны и поднялся.

Он был страшно худ, втрое тоньше нормального человека. Его лицо было сплющено с боков, словно в раннем детстве он старался пролезть сквозь узкую щель. Ушей вообще не было, а длинный подбородок заканчивался жидкой желтой бородой.

Наверно, для того, кто раньше с жителями других планет не сталкивался, вид этого несчастного пришельца показался бы неприятным, но Алиса знала, что в Галактике живут такие разные существа, что подходить к ним с земными мерками неразумно. Поэтому Алиса сказала:

— Здравствуйте, я очень рада, что нашла ваш корабль.

Говорила она на космолингве — галактическом языке, который отлично знала.

Космонавт сморщил лоб, потер виски — казалось, он собирался с мыслями.

— Садитесь, — сказала Алиса, показывая на кресло. — Вам надо прийти в себя. Сейчас я отправлюсь за помощью, и вас поднимут на поверхность.

Пришелец ничего не ответил, но в кресло сел.

— Вы меня не понимаете или так давно упали, что еще космолингвы не было?

Алиса говорила медленно, тихим голосом. Ведь это же трагедия — столько лет провести под водой на чужой планете, без надежды, что тебя отыщут.

— Я все понимаю, — проскрипел космонавт, словно его голос заржавел.

— Когда ваш корабль упал, — сказала Алиса, — сверху свалился камень и заклинил люк?

— Да, — сказал космонавт.

— И вы решили погрузиться в анабиоз и подождать, пока вас найдут?

— Да.

— Какое счастье, что я на вас натолкнулась...

— Да.

— Вы издалека к нам прилетели?

— Да.

— И давно?

— Да.

Космонавт попался неразговорчивый.

Чтобы не быть навязчивой, Алиса сказала:

— Я поплыву позову помощь, чтобы ваш корабль подняли. Тут недалеко археологи работают, у них оборудование есть. Через час будете на берегу. Не беспокойтесь.

Космонавт ничего не ответил. Алиса пошла к двери.

Дверь была закрыта.

— Откройте, пожалуйста, — сказала Алиса.

Космонавт молчал.

— Так что же вы? — спросила Алиса.

Космонавт медленно поднялся с кресла и подошел вплотную к Алисе.

Она не успела опомниться, как он больно вцепился в ее плечо костлявыми пальцами и отбросил к стене.

— Стой здесь, — сказал он тихо.

— Что вы? — удивилась Алиса.

— Я не люблю повторять, — сказал космонавт. Он возвышался над Алисой как живой скелет. От него попахивало гнилью. — Я прилетел сюда, чтобы покорить Землю. Это было две с половиной тысячи лет назад. Мой корабль приняли за падающую звезду, а буря, которая поднялась, когда я упал в море, погубила целый флот. Но, как назло, меня завалило огромными скалами...

При воспоминании об этом космонавт поморщился.

— А зачем вам покорять Землю? — спросила Алиса.

— Потому что меня изгнали с моей собственной планеты, объявив тираном. Я хотел покорить Землю, набрать здесь армию и жестоко наказать тех, кто посмел поднять на меня руку...

— Но теперь-то поздно... — сказала Алиса.

— Никогда не поздно, — ответил тиран.

— Да и Земля уже не та, что была раньше. Вряд ли нас можно покорить.

— Да, Земля уже не та... — сказал тиран. — В первую тысячу лет я поклялся, что тому, кто меня спасет, я подарю половину сокровищ Земли. Во вторую тысячу лет я решил, что оставлю ему жизнь. А в третью тысячу лет...

— Вы поклялись убить спасителя, — подсказала Алиса.

— Молчи. Сейчас убедишься, как близка твоя догадка к правде.

— А какой смысл меня убивать? — спросила Алиса.

— Смысл есть, — ухмыльнулся космонавт. — Я убью тебя и приму твой облик. Мне нелегко завоевать Землю в собственном обличье. А вот в твоей шкуре это будет нетрудно сделать.

— Да вы про меня ничего не знаете, — сказала Алиса. — Даже смешно.

— Я изучу твой мозг, прочту твои мысли, я разберу тебя на атомы и соберу снова. И всего-то мне на это понадобится час. Потом я поднимусь на поверхность, и судьба Земли будет решена.

Тиран подошел к стене, нажал кнопку, и стена раздвинулась. Там обнаружилась ниша с множеством приборов.

— Не пытайся сопротивляться, — сказал он, — тебе меня не одолеть. Никто не придет тебе на помощь. Никто не знает, что ты здесь... И гордись тем, что в твоем бывшем теле будет жить и действовать величайший тиран всех времен и народов.

— Нет, — быстро сказала Алиса, — когда я уплывала, я оставила записку, где меня искать. Мои друзья обязательно приплывут сюда.

— Тебя в то время уже не будет в живых, — сказал тиран. — Я их встречу в твоем облике и скажу, что нашел космический корабль, а в нем мертвого космонавта — мое бывшее тело. Все продумано, девочка.

Космонавт начал готовить приборы, но в то же время не спускал с Алисы заднего глаза. Две руки трудились, две другие были предостерегающе протянуты к Алисе.

— Ничего у вас не получится, — сказала Алиса. — Мои друзья куда образованнее вас. Даже если вы меня убьете, вас через два дня разоблачат.

— Что же, немало, — сказал тиран. — За два дня можно многое сделать.

— Вы даже не успеете вылезти наружу...

— Успею. Пока я лежал в анабиозе, мои приборы наблюдали за всем, что творится вокруг. Я даже знаю, что ты плыла сюда с двумя громадными рыбинами. Тебе нельзя отказать в смелости.

— Это же ручные дельфины, чего их бояться? — сказала Алиса.

— Если они тебя не жрут, значит, они тебя боятся, — ответил тиран. — Другого пути нет. Все живые существа делятся на слабых и сильных, умных и глупых. Глупым и слабым положено быть в рабстве у сильных. Эти рыбы в рабстве у тебя, а ты у меня...

— Неправда! — воскликнула Алиса. — Ведь есть еще дружба....

— Дружба, — отмахнулся тремя руками тиран. — Это утешение для слабых. Дружба с рыбами!

Он заскрипел, захохотал и стал приближаться к Алисе, протягивая тонкую иглу с едва мерцающим на конце белым огоньком.

— Не бойся, — говорил он. — Ха-ха-ха! — Он все еще не мог насмеяться. — Все будет мгновенно: удар тока — и тебя нет.

В это время в дверь постучали. Сильно и уверенно.

Тиран замер.

— Ты здесь, Алиса? — послышался голос Стаса.

Тиран отбросил иглу, схватил Алису и прошептал:

— Молчи!

— Что случилось? — спросил Стас. — Почему ты не выходишь?

— Алиса у меня в плену, — сказал тиран. — Вы слышите? И если вы сюда войдете, она погибнет. Мне нечего терять.

— Я хочу услышать голос Алисы, — сказал Стас.

— Я здесь, — сказала Алиса. — Извини, Стас, но я в самом деле у него в плену. Я не думала, что он хочет завоевать Землю.

— Все нормально, — сказал Стас. — Я советую вам, любитель приключений, немедленно отпустить девочку и открыть дверь. Земля — не место для опытов над людьми.

— Соглашайтесь, — сказала Алиса. — Стас шутить не любит.

— А где гарантия? — спросил тиран.

— Мне надоело ждать, — сказал Стас. И в то же мгновение по металлу двери кольцом прошла золотая искра, и круг металла диаметром в метр выпал внутрь каюты. За дверью стоял Стас с лазерным резаком в руке.

— Алиса, иди сюда, — сказал он.

Хватка тирана ослабла. К счастью, он не настолько обезумел, чтобы решиться на глупость.

За люком на дне стояли три археолога и Пашка Гераскин. Ждали. Поодаль крутились дельфины.

Гришка бросился к Алисе. Он выглядел виноватым — еще бы, не усмотрел.

Когда все, включая пленного тирана, поднялись в катер, ожидавший на поверхности, Алиса сказала:

— Я виновата перед дельфинами.

— Да, уж они-то переволновались, — сказал Стас.

Пашка добавил:

— Гришка с Медеей примчались к нам как сумасшедшие и бормочут, что с тобой беда. На них лица не было.

Мрачный тиран сидел, уткнув лицо в четыре руки.

— Как же они успели прибежать? Ведь все было рассчитано! — бормотал он в отчаянии.

— Неужели вы ничего не поняли? — удивилась Алиса. — Не все делятся на господ и рабов. Дельфины — мои друзья.

— Если бы не они, — добавил Пашка Гераскин, который завидовал, что не на его долю выпало такое удивительное приключение, — то завтра ты, Алиса, завоевала бы всю Землю. Была бы ты девочка-тиран.

Часть II

ЗАГРАНИЧНАЯ ПРИНЦЕССА

Глава 1

МЫ ЛЕТИМ В ДЖУНГЛИ ПЕНЕЛОПЫ!

В тот день Алиса Селезнева примчалась на станцию юных натуралистов, словно за ней гналась стая космических драконов, и от самого входа закричала:

— Все в порядке!

Казалось бы, ничего особенного.

Но нормальная жизнь станции сразу нарушилась.

Джавад, который кормил обезьян, вырвал банан из рук питекантропа Геракла и съел вместе с кожурой.

Аркаша Сапожков рассыпал семена моментального гороха, они тут же проросли, и через десять секунд стебли опутали Аркашу, словно змеи древнегреческого героя Лаокоона.

Маша Белая, которая каталась на дельфине Гришке по бассейну, упала в воду, и дельфинам пришлось нырять за ней, искать на дне и выталкивать носами на поверхность.

А Павел Гераскин, который в этот момент сидел в лаборатории и выводил гигантскую стрекозу, свалил на пол электронный микроскоп и перепутал гены, которые с утра сортировал по размеру.

Юные биологи окружили Алису и наперебой спрашивали:

— Неужели разрешили?

— А когда мы летим?

— А что с собой брать?

— Когда вернемся?

— Спокойствие, коллеги! — сказала Алиса. — Объясняю все по порядку. Нам разрешили лететь на планету Пенелопа. На все каникулы. Будем жить в джунглях, собирать растения и животных для нашего музея, а если повезет, делать открытия. И еще будем купаться, загорать и так далее. Ясно?

— Ясно!

— Вылетаем послезавтра. Сначала на Плутон, а оттуда на звездном лайнере до самой Пенелопы. С собой ничего лишнего не брать. Мой отец договорился, что там нам дадут все, что нужно.

— А кто из взрослых полетит?

— К счастью, никто. Но на Пенелопе нас встретит папина знакомая и поедет с нами в джунгли.

— Жалко, — сказал Пашка Гераскин. — Я люблю свободу.

— Не обращай внимания, — сказала серьезная Машенька Белая. — Ты же знаешь Пашкину маму. Она его вообще может не отпустить.

— Я пользуюсь самостоятельностью, — возразил Пашка. — В разумных пределах.

Питекантроп Геракл, которому надоело ждать, пока о нем вспомнят, потянул Джавада за рукав и сказал:

— Ба-нан.

Геракла уже полгода учили говорить, но он не хотел произносить ничего, кроме съедобных названий.

— Я возьму с собой гербарные папки, — сказал Аркаша. — У них на Пенелопе наверняка хуже.

— А я — свой батискаф, — сказала Маша.

— А я, — заявил Пашка, — считаю нужным вооружиться. В джунглях могут встретиться опасности.

— Если были бы опасности, нас бы не пустили, — сказала Алиса.

— Со львом не справишься голыми руками, — не согласился Пашка.

— Не слушайте его, — сказала Маша. — Я вообще не понимаю, как такой человек может заниматься биологией. Ему надо уехать в прошлое и воевать с Юлием Цезарем.

— Надеюсь, — возразил Пашка, — на мой век хватит опасностей в открытом космосе. Сами еще прибежите ко мне с криками: «Спаси, Пашенька!»

— Вы только на него поглядите! — сказала Маша. — Рыцарь!

Пашка раскраснелся, русые волосы растрепались, глаза сверкали. Он подскочил к Джаваду, оторвал банан от грозди, которую тот держал в руке, и прицелился из банана в дельфина Гришку, который, сгорая от любопытства, высунулся из бассейна.

— Лапы вверх, чудовище! — воскликнул Пашка. — Отважный рыцарь сэр Ланселот вызывает тебя на поединок!

Глава 2

ПЕНЕЛОПА И ЖАНГЛЕ-МНОГОТОЧИЕ

Теперь надо сказать, почему юные биологи так хотели попасть на Пенелопу.

Лет за двадцать до того космический корабль «Малая Медведица» под командованием Полугуса Земфирского летел к своей родной Пилагее и вдруг у известной звезды Кассандра открыл планету, которой никто раньше не видал, хотя по этому пути пролетали тысячи кораблей. Разумеется, Полугус Земфирский приказал припланетиться. На планете были зеленые леса, белые снежные горы, синие океаны. Над полянами летали бабочки и птицы с хвостами длинными, загнутыми, раздвоенными, растроенными и даже расчетверенными. Под деревьями скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики.

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Все фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел только в стороне от людей, а ветер бывал только слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных речках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тридцать килограммов, но не нашел ни одного человека, ни одного хищника и даже ни одного комара. Наконец Полугус Земфирский с трудом собрал по лесам и полям команду своего корабля и еле уговорил друзей вернуться домой.

Со вздохами и стонами покидали космонавты гостеприимную планету.

— Жди нас, — повторяли они, словно боялись, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики. — Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешественника Одиссея. — И они назвали планету Пенелопой.

Когда Полугус рассказал на Пилагее об открытой планете, ему сначала не поверили. Тогда отважный капитан разделся до трусов, и все увидели, каким сказочным бронзовым загаром покрыто его мускулистое тело.

— Где я мог так загореть, если только вчера вернулся из длительной космической командировки? — спросил он скептиков.

Тогда все поверили в существование планеты Пенелопа.

На Пенелопу полетели несколько экспедиций. Восторженный рассказ Полугуса Земфирского полностью подтвердился, и было решено сделать Пенелопу туристским заповедником.

Но у Пенелопы нашелся один недостаток. Она лежит в стороне от других звездных систем. Далеко не всякий полетит сюда в отпуск: пока долетишь да вернешься, весь отпуск пройдет. Поэтому в построенном на ней туристском городке большинство гостиниц пока пустует, только роботы-уборщики бегают по коридорам, стирают со столов пыль и меняют простыни в номерах.

Специальная комиссия, которая придумала и спланировала город — столицу туристской Пенелопы, долго решала, как этот город назвать. Кто-то предложил сложить название из первых букв планет, которые его строили. Получилось: ЗППППКРСТФКУГ. Это означало: Земля, Плутон, Пилагея, Попокатепепо и так далее. Попробуйте произнести, тем более быстро! Был другой вариант: взять первые слоги от названий планет. Получилось — Землплпипокерасотрфукауггр. Конечно, это слово произнести легче, чем первое. Но все-таки... А как сделать, чтобы никого не обидеть? Тогда приказали электронному мозгу сказать первое попавшееся красивое слово на любом из галактических языков. Машина сказала — «ЖАНГЛЕ», что по-пилагейски означает «Светлый ветер, дующий с высокой горы».

Всем название понравилось. Его передали художникам и поэтам, чтобы оповестить Галактику, где лучше всего отдыхать. Через два дня поэты и художники принесли свои произведения. Первый художник показал картину будущего города, окруженного лесами и озерами, а поэт прочел надпись к картине:

Поскорее прилетай
В славный город Жанглетай!

— Что такое? — раздался возмущенный голос. — Город называется Жангле!

— Ничего страшного, — ответил поэт. — Города еще нет. Попробуйте придумать рифму к слову Жангле. Не получается? Зато прислушайтесь, как красиво звучит: «Жанглетай, Жанглетай, поскорее прилетай!»

— А почему бы и в самом деле не назвать город Жанглетаем? — спросил делегат с планеты Фукрук. — Пускай будет: «Жанглетай, Жанглетай, поскорее прилетай!»

Остальные члены комиссии согласились и позвали второго поэта и второго художника.

Художник развернул изумительное полотно. На нем был изображен объемный движущийся музыкальный карнавал. Раздались аплодисменты, и все обернулись к поэту, ожидая, какие он прочтет стихи. Он прочел:

Прилетай на карнавал
В славный город Жанглевал!

— Как так? — удивилась комиссия, — Ведь город называется Жанглетай! Ну в крайнем случае Жангле.

— А как вы прикажете рифмовать Жангле со словом «карнавал»? — удивился поэт. — К тому же города еще нет, и неважно, как он называется.

— Придется поискать рифму, — сказал фукрукец. — У города уже есть название.

— Ах так! — воскликнул художник. — Я забираю свою картину обратно, потому что меня вполне устраивают стихи.

— Давайте отложим наше окончательное решение до следующего художника, — сказал Иван Тристанович Сингх — делегат Земли.

Вошел третий художник. Его картина изумляла своими яркими и даже необычными цветами. Неважно, что на ней было изображено, но — нечто очень привлекательное.

— Замечательно! — послышались голоса. — Любой человек, увидев эту картину, устремится в Жангле... — И все опасливо замолчали, потому что не знали, чего ждать от третьего поэта. А тот прочел:

Вот какую красоту
Ты увидишь в Жанглету!

— И это тоже название? — спросил Иван Тристанович.

— А чем оно хуже других? — спросил поэт.

Комиссия не стала с ним спорить, а вызвала четвертого поэта, который предложил следующее:

Коль устал ты, прилети
В славный город Жанглети!

Пятый поэт прочел:

Если ты утомился и тоскуешь притом,
Приезжай отдыхать поскорей в Жанглетом!

— Все ясно, — сказал Иван Тристанович. — Прослушивание стихов прекращается. Комиссия удаляется на совещание.

Три часа комиссия совещалась без перерыва. А потом Галактика узнала о ее решении.

Так как в конкурсе участвовали достойные поэты и написали достойные стихи, то комиссия решила никого не обижать. Отныне столицу планеты Пенелопа каждый имеет право называть как ему вздумается при условии, чтобы название начиналось со слова Жангле. А дальше — как удобнее.

Все имеют такое право. Даже читатели этой повести. И даже те, кто жил в XIX веке до нашей эры.

В официальных документах и на звездных картах название столицы планеты Пенелопа пишется так: «Жангле...» — то есть Жангле-многоточие. Обитатели Галактики зовут этот город Жанглепупом, Жанглетоном, даже Жанглекоком. А уж что с этим словом делают поэты — страшно подумать!

Любой поэт придумает стихи
Про город Жанглехи — хи-хи-хи-хи!

Глава 3

ВСЕ БЕДЫ ОТ РОМАНТИКИ

Больше всего забот у Алисы было из-за Пашки Гераскина.

Он в первый раз попал в космос — раньше мама не пускала, словно в наши дни можно удержать человека на Земле. Вот и передержала.

Уже на космодроме при погрузке, когда ребята сдавали все лишние вещи и домашние пирожки, потому что вес ограничен, Пашка умудрился протащить на корабль свой знаменитый нож с тридцатью тремя лезвиями, пилой и даже садовыми ножницами. Ну ладно бы протащил, но ведь он еще и воспользовался им на Плутоне.

Там, пока ждали пересадки на звездный лайнер, пошли гулять вокруг базы. Все были на тросах. На всякий случай ребят сопровождал один тамошний геолог. Казалось бы, что может случиться на обжитом Плутоне с нормальными школьниками? Но случилось. И, конечно, с Пашкой.

Как известно, на Плутоне живут снеговики. Поймать их еще

не удавалось, хотя их немало, любому гостю показывают издали.

Почему снеговика трудно поймать? Потому что он двуликий. Живут снеговики на границе солнца и тени. Если за ними погонишься по теневой стороне, сразу перелетают на солнце и испаряются, взлетают облачком пара — только его и видели. А когда опасности нет, они пасутся себе в тени в виде сверкающих, почти прозрачных шаров из мелких замерзших кристаллов. Удивительное зрелище!

Когда ребята пошли на прогулку по Плутону, они заметили снеговиков и стали их фотографировать. Тут Пашка увидел, что один из снеговиков забрался далеко в тень.

Пашка отлично понимал, что на тросе он как щенок на поводке — не погонишься за снеговиком, сразу назад вернут. Свой утаенный нож он прятал в кармане скафандра и, когда на него никто не смотрел, перекусил садовыми ножницами трос, освободился и бросился вслед за таинственным плутонским жителем.

Хватились его минуты через три. Трос обрезан, а юного биолога и след простыл — он успел далеко умчаться за снеговиком, который хоть и неразумен, но, видно, сообразил, что преследователь неопасен, и решил поводить его за собой среди скал.

На Плутоне объявили всеобщую тревогу. Сотни людей были оторваны от дел, все механизмы и планетарные катера были высланы на спасение исчезнувшего ребенка. А ребенок между тем и не подозревал, что он — источник тревоги.

Когда его нашли, он еще отбивался и кричал, что он на грани великого открытия — чуть-чуть не поймал голыми руками снеговика, а ему помешали.

И потом, уже на пути на Пенелопу, он нет-нет да и вздыхал и говорил с печалью:

— Эх, если бы не плутонские перестраховщики, был бы живой снеговик в нашем зоопарке.

— Ты бы его в кармане привез? — спрашивала ехидно Машенька Белая.

— Наивно, — отвечал Пашка. — Я его испаряю и загоняю в банку. В банке и везу. Дома снова замораживаю. У меня все рассчитано.

Пришлось группе поручиться, что Пашка больше не будет позорить биологию и устраивать из научной экспедиции дет-

ский сад. Хотя ученые с Плутона предупреждали: «Зря вы ему верите. Он сейчас искренний, а потом забудет о своих обещаниях. Не потому, что он лживый или плохой человек, а потому, что слишком увлекающийся. Таким в космосе не место».

Ну ладно, пожалели.

В лайнере «Солнечная система — система Кассандры» Пашка вел себя почти идеально, лишь ворчал, что прошли времена приключений и корабль, на его взгляд, слишком цивилизованный. Хотя сам купался в корабельном бассейне, играл в футбол на корабельном стадионе и даже учился скакать верхом на синтетических конях в корабельном манеже.

Когда прилетели на Пенелопу, ребята почти забыли о плутонском снеговике, хотя Алиса не очень доверяла Пашке и решила за ним присматривать, когда они попадут в джунгли. В городе ему вроде бы ничто не грозило. Романтика там в основном туристская, безопасная.

В первый день ребят повезли на экскурсию по городу Жанглетону и показали некоторые достопримечательности. Достопримечательности были, например, природные. Самое интересное — скала с круглой дырой. Если смотреть сквозь дыру, то видишь озеро, от которого до скалы тридцать километров, а стоит тебе сквозь дыру пройти, как озеро исчезает и за скалой оказывается непроходимый лес. Есть там и целебные источники, которые в три минуты заживляют всякую рану. Только они кипящие, и если сунуть порезанный палец в источник, не остудив воду, то вместо маленькой царапины получишь большой ожог. Потом ездили к «Малой Медведице», которая открыла эту планету. «Малую Медведицу» три года тому назад списали за старостью, привезли в Жангле-многоточие и поставили на одной из площадей. Правда, пока что эта площадь не обстроена домами, и, если не знаешь, что это городская площадь, можно подумать, что корабль стоит на поляне в лесу.

Все остальные достопримечательности — специально туристские.

Во-первых, гостиницы. Обыкновенные, если не считать гостиницы для крокосов. Эта гостиница — прозрачный шар, внутри которого крокосы будут плавать и любоваться окрестностями. Правда, еще ни один крокос на Пенелопу не прилетел, поэтому гостиница стоит пустая, а рядом — цистерны с одеколоном, который для крокосов заменяет воздух. Когда-нибудь гостиницу доверху нальют одеколоном.

В Жанглеграде разбит также великолепный парк с аттракционами, свезенными с разных планет. Аттракционы пока не работают, но когда заработают, найдется развлечение для любого жителя Галактики: подземные туннели с сюрпризами и привидениями, качели со скоростью света, карусели на воздушной подушке, комнаты плача и хохота, фонтан с апельсиновым соком, бассейн для схватки с осьминогом, площадка для соревнований по сбору мухоморов, живая библиотека и многое другое.

Особенно Пашке понравился будущий аттракцион — рыцарский турнир. Его участники должны надевать латы, взбираться на коней и сражаться копьями. Пашку с трудом оттащили от аттракциона, и то только когда робот-экскурсовод сказал, что кони и латы искусственные, а копья — из мягкого пластика.

— Это для детей, — заявил Пашка. — Подделок я не терплю. Подождем до джунглей.

— Но в джунглях нет рыцарей, — сказал ему экскурсовод, который, разумеется, принимал Пашку всерьез.

— Может, и нет, — согласился Пашка. — Но в джунглях могут быть другие опасности. Встречи с дикими зверями и так далее.

— Опасных зверей пока не нашли, — сказал экскурсовод.

— Вот именно, что пока, — ответил Пашка. — К этому надо быть готовым.

Машенька Белая тяжело вздохнула, потому что считала Пашку почти ненормальным. Она была уверена, что самое лучшее приключение — это сделать какое-нибудь открытие в биологии, а все остальные приключения получаются только от глупости. О них даже и думать не стоит.

В гостинице ребят ждала записка от местного биолога Светланы, где говорилось, что она заедет на своей машине в семь часов вечера, чтобы до ужина успеть на лесную станцию, где она работает и около которой будет разбит лагерь юных биологов.

Ребята пообедали. Потом Аркаша сел писать дневник. Джавад лег спать, а Машенька с Алисой принялись сочинять письма домой.

Прошел час, потом Алиса спросила:

— А где Пашка?

— Спит, наверно, — сказала Машенька.

— Что-то неладно у меня на душе, — сказала Алиса. — Как бы он не побежал искать приключений.

— Не обращай внимания, — сказала Машенька. — Он сидит у себя в комнате и думает, где раздобыть космическую пушку, чтобы убить из нее стрекозу или муху.

Это Алису не успокоило. Она провидеофонила в комнату Пашки, но там никто не ответил. Потом она выбежала в коридор и заглянула к ребятам. Пашки и там не было.

Она решила не беспокоить зазря Машеньку, вернулась в номер и сказала:

— Пойду подышу свежим воздухом. Через час вернусь.

— А письмо?

— Мне писать пока нечего. Летели, летели и долетели. Передавай в своем письме привет от меня. Хорошо?

— Хорошо, — сказала Машенька.

Алиса обежала все этажи, расспросила всех встречных и узнала, что мальчик, о котором она спрашивает, час назад вышел из гостиницы и не возвращался.

До прихода Светланы оставалось полтора часа.

Глава 4

СВИНЯ УЛА

При виде Алисы двери в гостиницу разошлись и выпустили ее наружу.

На площади светило солнце, щебетали птицы, с голубых недалеких гор слетал освежающий ветерок. Туристы усаживались в автобус, чтобы ехать на целебные воды. Другие не спеша гуляли по площади.

Несколько человек стояли посреди площади под громадным висящим в воздухе шаром. Они глядели на шар и спорили.

Шар был указателем. На его боках было написано, куда пойти.

К сожалению, этот шар очень понравился птицам. Некоторые успели уже прилепить к его бокам гнезда, другие стайками гонялись друг за другом вокруг шара так быстро, что в глазах рябило. Сверху шар был уже покрыт шапкой птичьего помета,

словно арктическим льдом. От шапки к тропикам тянулись языки ледников. В общем, разобрать, что написано на шаре, было трудно.

На другой планете прогнали бы птиц, вымыли шар, и все в порядке. Но на Пенелопе есть закон: птиц нельзя беспокоить. Поэтому жанглетонцы решили загубленный шар подарить птицам, а рядом повесить еще один, такой скользкий, что на нем ничто не удерживается. Пока суд да дело, поставили под шаром списанного по старости робота-уборщика, который как местный старожил давал разъяснения.

— Что там написано черными буквами? — спросил турист с Альдебарана, которого Алиса без труда отличила от человека, потому что у него колени сзади, а локти спереди.

Маленький блестящий робот отъехал в сторону, подумал и сказал:

— Пенелопская Швейцария.

— А что такое Швейцария? — спросил турист с Альдебарана.

— Это планета, где живут швейцары, — ответил робот.

Робот был похож на кастрюлю на ножках и говорил хриплым голосом.

Алиса знала, что робот ошибся, но не стала вмешиваться, чтобы не обижать старика. Сама она в Швейцарии еще не бывала, живого швейцарца не видела, но знала, что в Швейцарии живут не швейцары, а швейцарцы. А это большая разница.

— Простите, — сказала она, обращаясь к роботу. — Вы не видели здесь мальчика?..

— Сколько ног? Сколько рук? С какой планеты? — перебил робот.

— Две руки, две ноги, одна голова, на голове синяя шапочка с козырьком.

Туристы расступились, чтобы роботу с Алисой было удобно обойти шар вокруг.

— Вот, — сказал робот, — он пошел туда.

Алиса попыталась прочесть надпись на боку шара, которая выглядела так: «С — гнездо — В — спящая птица — Н — стая бабочек — Я УЛ — гнездо — А».

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса.

— К сожалению, я тоже забыл, — сказал робот.

— Может, это Свиная улица? — спросила Алиса.

— Нет, — обиделся робот, — у нас не может быть такого названия.

— Улица Свидания, — подсказал турист с Альдебарана.

— Нет, — сказал робот, — для свиданий у нас парк, а не улица.

— Все просто, — сказал турист-двадцатитрехног. — Это Северная улица.

— Нет, — возразил робот, — север у нас совершенно в другой стороне.

Каждый из туристов старался помочь Алисе и предложить свое название. Когда исчерпались все названия на космическом языке, некоторые стали предлагать слова на своих родных языках.

— Совенкуня улица! — кричал двухголовый веганец.

— Улица Справгенупяря?

— Улица Сдерв-ван-ни-ван-ня?

— Может, это Справочная улица? — спросила Алиса.

Робот замолчал. Он, видно, не подозревал, что может быть так много улиц.

И неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, если бы какой-то мальчишка не кинул бутербродом в шар, да так метко, что попал точно в стайку бабочек. Бабочки взлетели, и оказалось, что они скрывали собой буквы «ИРНА».

Получилось: «С В НИРНАЯ УЛ А».

— Вспомнил! — воскликнул робот. — Это Сувенирная улица!

— Я теперь и без вас вижу, что Сувенирная, — согласилась Алиса. — А как мне туда попасть?

— Вот это уж проще простого. Идите в ту сторону и увидите.

А когда Алиса отошла, робот крикнул ей вслед:

— Этот мальчик с двумя ногами, двумя руками и одной головой в синей шапочке с козырьком спрашивал меня, где продается оружие или боевые кони.

Глава 5

ВСЕ ДЛЯ ШПИОНА

Пройдя через парк, где замерли в ожидании гостей аттракционы, Алиса остановилась перед большой, в тяжелой золотой раме, вывеской. На вывеске было написано:

«СУВЕНИРНАЯ УЛИЦА».

Алиса ступила под вывеску и замерла от удивления: этого она не ожидала увидеть даже на планете Пенелопа в славном городе Жанглечуде!

Улицу сделали нарочно. Для туристской романтики.

Это была очень узкая, извилистая улица, составленная из старинных домов. Первый дом справа был каменный, с узкими высокими окнами. Его второй этаж выдавался над первым, а третий — над вторым. А над третьим этажом нависала крутая крыша из красной черепицы. Напротив возвышался дом, составленный из множества тесно стоящих колонн. Колонны были покрыты резьбой, и двери на первом этаже были такими узкими, что внутрь можно было попасть только боком, выпустив из себя весь воздух. И так далее...

Первые этажи домов были заняты магазинами и лавками, над ними висели вычурные вывески, вдоль улицы тянулись фонарные столбы с керосиновыми фонарями, к одному из столбов была приставлена лестница, на ней стоял человек в черном цилиндре и, открыв фонарное стекло, зажигал свет.

Только тут Алиса поняла, что уже смеркается и надо спешить. И так она потеряла минут десять у шара на площади.

— Простите, — обратилась она к фонарщику. — Вы не видели здесь мальчика с двумя ногами?..

Фонарщик закрыл стекло фонаря и поглядел вниз.

У него были длинные грустные усы.

— Видел. Он спросил у меня, где продают оружие и охотничьи припасы.

— Правильно. Это он!

— Мальчик оскорбил меня.

— Как?

— Он назвал меня фонарщиком.

— Разве вы не фонарщик?

— Я — трубочист. Это и слепому видно.

— А почему вы тогда зажигаете фонари?

— Ах, девочка! — Фонарщик спустился с лестницы и достал из кармана трубку. Осторожно разжигая ее, чтобы не подпалить усы, он продолжал: — В славном городе Жанглешуне решили сделать Сувенирную улицу для романтиков. Все здесь должно быть старинным и настоящим. По всей Галактике стали искать чудаков, которые согласились бы жить в старинных домах, топить печки и камины и торговать сувенирами. Меня тоже на-

шли. Последнего настоящего трубочиста на Земле. Я обрадовался, что могу поработать по специальности, потому что вот уже восемнадцать лет мне приходилось тренировать альпинистов — ведь на всей Земле не осталось ни одного действующего дымохода. И что же оказалось? Чудаков, которые согласились бы жить на романтической улице, топить печи, пользоваться керосиновыми лампами и готовить себе пищу на плите, нашлось всего два. Я и Фуукс.

— Это совсем неудивительно, — сказала Алиса.

— Неудивительно, но обидно. И что тогда сделали? Оставили фонари только на улице, а внутри домов все сделали совершенно обыкновенно — с пищедоставкой, телекорами, пенованнами и всякой современной требухой. Но не уезжать же мне обратно! Хоть фонари стоят. Вот я и работаю. Обещают в будущем году сделать специально для меня одну большую трубу. Этой надеждой и живу.

— Но куда пошел тот мальчик, который назвал вас фонарщиком?

— Он пошел дальше по улице.

— И давно это было?

— Почти час назад. Я успел уже зажечь восемь фонарей и долить в них керосин.

— И обратно он не возвращался?

— Нет.

— А он мог пройти дальше?

— У этой улицы нет второго конца, — сообщил трубочист. — Загляните в магазин старика Фуукса. Я на месте романтически настроенного мальчика обязательно зашел бы в тот магазин. И, может, даже не вышел бы обратно.

— Что вы этим хотите сказать?

— Зайдите — узнаете, — сказал трубочист. — Передавайте от меня Фууксу привет. Только умоляю, не верьте ему!

— Не верить?

— Ни в коем случае! Это очень рискованно.

Смеркалось. От желтых фонарей на узкой улице казалось темнее. Воздух стал синим. На нижних этажах старинных домов ярко горели витрины с сувенирами. Только покупателей пока что было мало. Раз или два Алиса встретила прохожих, глазевших на экзотические витрины и вывески. Она шла довольно медленно, потому что забыла спросить, как называется магазин старика Фуукса, которому нельзя верить. К тому же Пашка мог

застрять в каком-нибудь совсем другом магазине. Или даже на выставке сирианских марок, которая разместилась в круглой башне с зубцами поверху.

Дом Фуукса Алиса прозевала. Он был сдавлен двумя соседними домами — один был пузатый, как самовар, и сверкал оранжевым блеском, а другой был похож на старинный паровоз. Седой бревенчатый домик между ними был почти незаметен. Да и витрина в нем освещалась одной керосиновой лампой. Скудный свет падал на квадратный лист белой бумаги.

Алиса миновала уже этот магазин, но вдруг остановилась и обернулась. Ведь трубочист говорил, что на улице всего два ревнителя старины — он и Фуукс. А в витрине горит керосиновая лампа!

Алиса вернулась обратно.

Так и есть. Над узкой дверью маленькая жестяная вывеска: «Магазин Фуукса».

Алиса наклонилась к самому стеклу витрины, чтобы при слабом свете керосиновой лампы прочесть, что там написано.

ВСЕ ДЛЯ ШПИОНА!
Продаем и покупаем государственные тайны!
Меняем секретные документы на секретные документы.
Обеспечиваем тайный проезд в любую точку Галактики!
Имеются в продаже подлинные документы всех планет и звездных систем!
Шпионы и авантюристы, спешите к нам!
Только в магазине Фуукса в славном городе Жанглебумсе!
То, что забыто в Галактике, можно вспомнить у нас!
Последние рыцари Большой дороги и авантюристы звездных трасс, СПЕШИТЕ К НАМ!

— Если Пашки здесь нет, то он здесь был обязательно, — сказала Алиса вслух и направилась к двери в магазин.

Глава 6

ДВА ЛИЦА ФУУКСА

Дверь громко заскрипела, и внутри магазина отозвался колокольчик. Магазин оказался длинной, вытянутой в глубь дома комнатой.

На боковых стенах висели старые, потертые на сгибах карты неизвестных островов и заливов, под стеклами — гравюры с парусными кораблями под пиратским флагом.

Гравюры были засижены мухами и потускнели от времени, а казалось, что корабли окутаны пороховым дымом. Посреди магазина стояла бочка, возле нее — три табуретки, а дальний конец зала был перегорожен прилавком, на котором выстроились в ряд стаканы, чашки, несколько старинных бутылок и грудой валялись растрепанные книги. На полу посреди магазина почему-то стоял детский ночной горшок с незабудками на боках.

Откуда-то из-за прилавка бесшумно вышел раскормленный рыжий кот с красным носом, поглядел на Алису и улегся в углу, не спуская с нее глаз, словно боялся, что она обокрадет магазин.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросила Алиса.

Никакого ответа. Старинные часы пробили шесть раз.

Алиса сделала несколько шагов к прилавку. Половицы громко заскрипели, а сидевшее на прибитом к стене сухом суку чучело совы вдруг зашаталось и перевернулось вниз головой.

Алиса подошла к прилавку, поглядывая на сову, — вдруг оживет? В таком магазине Алисе еще не приходилось бывать.

Вдруг из-за двери, которая вела в заднюю комнату, послышался детский плач, потом громкий голос спросил:

— Куда запропастилась эта проклятая посудина?

Тут же из двери выскочил в магазин маленький лысый человек в черных очках, с очень длинным и массивным носом, который тянул его книзу, и оттого человек бежал, как охотничья собака, почуявшая добычу.

Он не заметил Алису, а устремился к ночному горшку с криком: «Вот он!» — словно открыл Америку.

За ним в магазин вбежал мальчик лет пяти, по пояс измазанный вишневым вареньем. В руке словно шпагу он нес длинный полосатый леденец.

— Папочка! — промяукал мальчик. — Памила снова сорвала занавеску и ее жует.

Лысый человек увидел Алису и тихо сказал: «Ах!»

Он подхватил горшок, кинулся к ребенку, приподнял его за шиворот и громко прошипел:

— Разве ты не видишь, что у нас покупатель?

С этими словами он исчез, лишь из-за двери слышался топот и писк. Рыжий кот вздохнул, вспрыгнул на прилавок и устроился среди бутылок.

Алиса подумала, что чучелу совы неудобно висеть вниз головой. Она встала на цыпочки и постаралась поставить сову на место, но чучело тут же перевернулось снова.

За этим занятием Алиса не заметила, как носатый человек вернулся в магазин.

Если бы не нос и не черные очки, никогда бы не догадаться, что это он только что бегал по магазину с ребенком и горшком в руках.

Человек успел накинуть черный халат с вышитыми на нем звездами, а на голову надеть черную шляпу из соломки.

— К вашим услугам, мадемуазель, — произнес он натужным голосом. — Что вы желаете приобрести, продать или променять?

— Здравствуйте, — сказала Алиса, стараясь не улыбаться. — Вы — директор этого магазина Фуукс?

— Бальтазур Фуукс, магистр черной, белой и зеленой магии, к вашим услугам, — поклонился ей человечек, но тут нос перевесил, и Алисе пришлось подхватить Фуукса, чтобы он не стукнулся носом о бочку.

— Спасибо, вы очень любезны, — сказал Фуукс серьезно.

— Вам привет от трубочиста, — сказала Алиса.

— Вы с ним знакомы?

— Недавно познакомились.

— Тогда при случае передайте ему привет. Я должен вас предупредить, что простыми сувенирами мы здесь не торгуем.

— Скажите, пожалуйста, к вам не заходил недавно мальчик?..

— В синей кепочке?

— Вот именно.

— К сожалению, это тайна.

В этот момент из-за прилавка послышались глухие страшные стенания. Забыв обо всем, Фуукс бросился туда и извлек пузатую вазу, из которой торчали маленькие ноги в красных носках.

Держа вазу под мышкой, Фуукс попытался вытянуть ребенка наружу, но тот или застрял, или не хотел вылезать, хотя ревел как бык, потому что звуки отражались от внутренних стенок ва-

зы и усиливались ужасно. Кот выгнул спину и от страха сиганул в открытую дверь.

— Это кто из вас? — спросил Фуукс, засовывая в вазу нос.

— Я-а-а! — ответил ему рев.

— Не угадываю! Но это неважно, — опечалился Фуукс. — Придется разбивать вазу молотком. Забудем о ее ценности. Дети дороже.

Фуукс поставил вазу на пол и исчез за внутренней дверью. Тут же в магазине появились два мальчика; одного Алиса знала — он был измазан вареньем, а второго раньше не видела — он был измазан яичным желтком.

— Это Памила полезла за медом, — сказал мальчик в вишневом варенье.

— Это мы ей сказали, что там мед. А там меда нет, — сказал второй.

— Тут гооорчица! — раздался гулкий глухой голос из вазы.

— Давайте ее вынем, пока она там не отравилась, — сказала Алиса.

— А папа побежал за молотком, — сказал вишневый мальчик.

Алиса подошла к вазе и потянула Памилу за ноги. Памила оказалась тяжелой и плотной девочкой, притом она сопротивлялась, а мальчишки прыгали вокруг и мешали Алисе.

— Пускай папа молотком! — кричали они. — Это же интереснее.

Алиса положила вазу на бок, сама села на пол, уперлась ногами в крутые бока вазы и стала тянуть девочку на себя. Мальчишкам это понравилось, и они вцепились в Алису, как в сказке о репке.

Ваза сказала: уух!

Памила вылетела из нее как пробка, Алиса и мальчишки отлетели к стене, а Памила метров пять проехала носом по полу. Она была так измазана горчицей, что у Алисы даже в горле запершило.

В магазин вбежал Фуукс — полы халата развевались, черные очки сверкали. Он тащил громадный молоток.

— Ээх! — крикнул он от прилавка и замахнулся.

— Остановитесь! — закричала Алиса. — Памила уже на свободе.

Но остановиться Фуукс не успел. Молоток опустился на вазу — ваза вдребезги, а мальчишки в восторге закричали:

— Ура! Теперь еще чего-нибудь!

— Где мой ребенок? — приговаривал Фуукс, ползая на коленях среди черепков. — Я тебя заодно не разбил?

— Я здесь, папочка, — сказала Памила.

Фуукс поднял голову и увидел, что Памила сидит у Алисы на руках.

— Ты жива? — удивился он. Забыв подняться на ноги, он перебежал комнату на четвереньках и принял Памилу из Алисиных рук. Но тут запах горчицы пронизал все его тело, и он принялся так отчаянно кашлять и чихать, что Памила вырвалась у него из рук и вместе с братьями умчалась из магазина.

Глава 7

ГДЕ ПАШКА ГЕРАСКИН?

Откашлявшись и отчихавшись, Фуукс сообщил Алисе:

— У меня аллергия на горчицу. Чем могу служить?

— Я вас спрашивала о мальчике.

— А, в синей шапочке? Простите, я только закрою дверь. Моя жена, простите, на конференции, и я совсем один с детьми.

— А разве у вас нет роботов?

— Вы с ума сошли! Неужели я допущу, чтобы моих кровных детей воспитывали пластиковые монстры? Детям нужно человеческое тепло.

Фуукс запер дверь на железный засов, и дети тут же начали в нее молотить.

— Не обращайте внимания, — сказал Фуукс, — они у меня упорные.

— Я и не обращаю, — сказала Алиса. — Вазу жалко.

— Какую вазу? Эту? Ничего страшного. Раньше в ней жил джинн, но я отпустил его на свободу, и вряд ли он вернется. Что вы мне предложите?

— Ничего. Мне нужно узнать, куда делся мой товарищ по имени Павел?

— Рыцарь Павел? Как же, я с ним отлично знаком. Но ничем не могу помочь. В нашей конторе умеют хранить тайны.

Правда, вы можете у меня эту тайну купить. Любую тайну можно купить.

— Но у меня нет денег. И я даже не знаю, какие здесь деньги.

— При чем здесь деньги! — Фуукс щелкнул себя по носу, и звук получился гулким, словно нос был картонный. — Разве в наши дни стоящую тайну за деньги купишь?

Фуукс уселся на табуретку и подвинул Алисе вторую.

— Садитесь, пожалуйста. Вы здесь в качестве шпионки?

— Никакая я не шпионка, — возмутилась Алиса. — Разве я похожа на шпионку?

— Если шпионы будут похожи на шпионов, тогда их не надо искать. А что вы здесь делаете?

— Мы на экскурсии. Через час нам надо уезжать в джунгли, а Пашка исчез.

— А вам-то до него что за дело?

— Мы вместе приехали, и я несу ответственность перед его родителями. Вы не представляете, какая у него строгая мать. Она и так его еле отпустила, а если узнает, что он пропал, она этого не переживет.

— Ужасная история! Он скрыл это от меня! Он сказал, что приехал искать приключения! — воскликнул Фуукс. — У меня сердце разрывается от жалости к его несчастным родителям. Я сам родитель! Но я ничем не могу вам помочь, потому что вашего друга нет на Пенелопе.

— Как нет? Вы не шутите?

— К сожалению, я лишен чувства юмора и никогда не шучу. Ваш друг по доброй воле покинул Пенелопу и отправился на другую планету.

— Вот этого я и боялась. Он абсолютный авантюрист, наверное, потому, что его воспитывали в строгости. До сих пор его в школу провожает бабушка. Что же теперь делать?

— Ума не приложу! — Фуукс развел руками и стал похож на большую черную птицу. — Я даже не знаю, когда он вернется... и вообще, вернется ли...

— Как же вы могли допустить такое безобразие? — возмутилась Алиса. — Вы же взрослый человек!

— Вы уверены? — спросил Фуукс. — Моя жена в этом сомневается.

Фуукс грустно замолк, и только слышно было, как дверь сотрясается от детских ударов.

— Как вы думаете, чем мои крошки молотят в дверь? — спросил Фуукс.

— Наверно, тараном, — сказала Алиса.

— Нет, больше похоже на мясорубку. Так на чем мы остановились?

— Вы мне не сказали, куда дели Пашку.

— Он сам делся. И теперь, когда я узнал всю правду о вашей экскурсии и его строгих родителях, я вне себя от горя.

Фуукс поднялся с табурета, подошел к прилавку, налил два стакана лимонада и вернулся к бочке.

— Выпейте, — сказал он. — Это бодрит...

Сам он залпом выпил свой стакан и продолжал:

— Представляете, дети плачут, манная каша подгорает, а ваш друг требует настоящих рыцарских приключений. Я продал ему за бесценок документы и билет на ту планету, куда он стремился. Какой ужас! Что скажет моя жена, когда узнает?

Горе и раскаяние Фуукса могли бы показаться искренними, если бы его губы при этом не улыбались. Так что Алиса ему и верила, и не верила.

— Верните Пашку обратно! — сказала она.

— Не могу! — воскликнул Фуукс. — Ни минуты свободной. Пора готовить ужин. Кроме того, ваш друг честно расплатился за билет и документы. Вот, смотрите.

Фуукс откинул полу халата и достал из кармана брюк пять одинаковых значков, изображавших мальчика на дельфине, — это были значки общества юных биологов — Пашка захватил их с собой целую горсть.

— Чепуха какая-то, — сказала Алиса. — Вы меня, наверно, разыгрываете. Значки как значки...

— Ни в коем случае, — сказал Фуукс. — Для вас это значки, а для меня — великая ценность. Один человек обещал мне за них настоящую пиратскую карту с кладом.

Ну что на это скажешь? Понятно, что Алиса промолчала.

Не дождавшись ответа, Фуукс продолжал:

— Есть один вариант... Не знаю только, устроит ли он вас?

— Какой вариант?

— Если у вас найдется немного времени, может, вы слетаете за вашим другом?

— Как же так? Через час мы должны быть в гостинице!

— Я вам бесплатно документы дам. И билет.

— Но у меня только час времени! До космодрома больше часа ехать.

— Корабль ждет во дворе моего магазина.

— Как? Прямо здесь?

Фуукс протянул руку и взял Алисин стакан с лимонадом.

— У нас солидная фирма, — сказал он, — очень солидная. Ее знают по всей Галактике.

— Но я должна хотя бы вернуться в гостиницу и сказать ребятам, — не сдавалась Алиса.

— Вот тогда уж вы точно никуда не успеете. А если решитесь ради вашего товарища слетать на другую планету, то, может быть, через час-другой вернетесь обратно.

— Вы не шутите?

— Я уже говорил, что никогда не шучу. Все в нашем мире относительно. И время, и расстояния... и верность друзьям, и отвага, и трусость. А может быть, в самом деле вам лучше вернуться в гостиницу и подождать вашего друга. Если он, конечно, вернется.

— Чего же мы теряем время? — спросила тогда Алиса. — Ведите меня к кораблю.

Глава 8

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

— Погодите, — сказал Фуукс. — Так дела не делаются. Не можете же вы лететь на другую планету без документов.

— Почему? — спросила Алиса. — Сюда мы прилетели просто так.

— Не спеши, девочка. Это на цивилизованных планетах документы отменили, а на некоторых даже еще не придумали. Твой друг просился на особенную планету — планету с рыцарями, приключениями и так далее. Там документы в ходу. Поэтому держи! — Он кинул на бочку деревянный кубик.

— Это что такое? — спросила Алиса.

— Бери. Это пропуск в город.

— Но на нем ничего не написано.

— И не должно быть написано. Там у них с грамотностью плохо.

— Ну, можно идти? — спросила Алиса.

— Опять двадцать пять. Идти — легче легкого. Даже твой непутевый друг оказался сообразительней тебя. А кем ты, простите за нескромность, там будешь?

— Как так кем? Сама собой.

— В таком случае ты и двух шагов не сделаешь. Нужна маскировка.

— А Пашка?

— Он в лучшем виде. Странствующий рыцарь. Этого ему и хотелось. Но ты не можешь быть странствующим рыцарем...

Фуукс вытащил из кармана стопку разноцветных бумажек и разложил бумажки на бочке. Он водил по ним носом и бормотал:

— Сделать тебя камеристкой... нет, ты не умеешь прислуживать... крестьянкой... нет, еще кто-нибудь тебя обидит, да и во дворец тебе не попасть... ведьмой... сожгут невзначай... Ага!

Фуукс выхватил из стопки розовый листочек и помахал им перед носом Алисы:

— Вот! То, что нам нужно, держи.

На листке был нарисован герб: щит с пятью розами и тремя аистами, его придерживают два голых великана с дубинками. И никакой подписи.

— А это что такое? — спросила Алиса.

— Это твои документы. И твой герб.

— Но кто я такая?

— Ты — зарубежная принцесса. Приехала с неофициальным визитом. Если не ошибаюсь, ты даже дальняя родственница вдовствующей королевы-мачехи.

— Ой, может, чего-нибудь попроще?

— Хватит. Или ты едешь, или ты не едешь. Я лучше знаю, какие тебе давать документы. И так уж я из-за тебя вазу разбил, детей без ужина оставил, а жена вот-вот с конференции вернется. Что мы тогда ей скажем?

Фуукс вскочил и бросился к внутренней двери.

Пришлось Алисе пойти за ним.

Фуукс откинул щеколду и потянул дверь к себе. Дверь резко отворилась, и все его дети высыпали им под ноги.

Фуукс резво перескочил через них и потянул Алису в комнату, где у стены стоял старинный деревянный шкаф. Шкаф был распахнут, и из него горой вывалились всевозможные платья,

рубашки, халаты и полотенца. На этих вещах мирно спал толстый рыжий кот.

— Ах, шалуны, — расстроился Фуукс, — все-таки сняли замок. Чем же это они?

— Топориком, папочка, — раздался голос от двери.

Но Фуукс уже не слышал, он, к возмущению кота, зарылся в вещи и через минуту выхватил из груды белое платье.

— Скорей! — крикнул он, протягивая платье Алисе. — Это свадебное платье моей супруги. Когда-то она была худенькой.

— Не верьте папочке, — пискнул от двери детский голосок.

— А ты и не видел, — возразил Фуукс.

Алиса схватила платье в охапку, Фуукс сунул ей еще серебряные туфельки, они пробежали через кухню, где на плите выкипал суп, и выскочили во двор.

Двор был большой, он зарос полынью, лопухами, репейником. Над сорняками в вечернем сумраке суетились птицы и бабочки. Поодаль возвышалась довольно ржавая старинная ракета, какие давно уже сняты даже с околоземных трасс. Люк в ракету был распахнут и держался на одной петле.

— Скорей! — торопил Алису Фуукс. — Осталось всего две минуты. Сейчас с работы вернется моя жена, и все погибло.

Он подхватил валявшуюся в траве табуретку и первым подбежал по узкой тропинке к ракете. Алиса за ним. Все случилось так быстро, что она даже не успела сказать, что на такой ракете опасно выходить в открытый космос.

Фуукс приставил к люку табуретку и подсадил Алису. При этом он без умолку говорил:

— Ракета автоматическая, доставит куда надо. Иди, иди, не бойся, там совершенно безопасно, не заблудишься. Да скорей же! Дай я помогу тебе закрыть люк. Ты летала, ты знаешь, как пристегнуться?..

Алиса согнулась и вошла в полутемный корабль. Навстречу выскочил рыжий кот. Морда у него была обиженная, усы во все стороны. Еще бы, не дают спокойно отдохнуть!

Фуукс, стоя на табуретке, прилаживал люк.

— Эй, принцесса! — крикнул он ей. — Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Учти только, что не всему надо верить. Если не всему верить, то обойдется. Я об этом говорил Пашке, но он, по-моему,

плохо слушал. Ты ему напомни, чтобы не всему верил. Слышишь?

— Слышу.

— И не задерживайся. Потому что чем дальше, тем труднее не верить.

— Постойте! — крикнула Алиса, увидев, как уменьшается щель люка. — А когда я смогу вернуться? Ведь нас ждут.

— Не беспокойся, я придержу время, — ответил Фуукс. — Сколько бы вы там ни были — здесь не пройдет больше часа. Фирма гарантирует.

Люк захлопнулся, и последнее, что услышала Алиса, — это далекий тонкий крик кого-то из детей Фуукса:

— Не верь папочке, Алиса!

И звук шлепка.

Алиса кое-как отыскала стартовое кресло, уселась в него и пристегнулась пыльными ремнями.

Впереди загорелась надпись:

«До старта десять секунд».

И тут же в окошечке начали выскакивать цифры: «7... 6... 5... 4... 3... 2... 1...»

Глава 9

ЛАТЫ В МЕТАЛЛОЛОМ

Алиса была уверена, что ей попался старый тихоходный корабль, а не прошло и трех минут после старта, как впереди зажглась надпись:

«Внимание! Приступаем к супергиперпрыжку».

Тревожное жужжание заполнило корабль. Алиса устроилась поудобнее в кресле, проверила, хорошо ли держат ремни, а когда снова взглянула вперед, там уже горела другая надпись: «Начинаем посадку».

Загорелся тусклый свет. И прежде чем Алиса успела опомниться, надпись сменилась третьей: «Полет закончен».

Алису одолело сомнение: а вдруг все это злая шутка носатого старика? Пашки он и в глаза не видел, а загнал Алису на какой-нибудь ближний астероид.

Алиса стояла в нерешительности, держа в руках платье и

туфли жены Фуукса. Переодеться или сначала поглядеть, куда ее занесла судьба?

И тут Алиса заметила, что на полу что-то блестит. Она нагнулась и подняла значок: мальчик на дельфине. Значок мог обронить только Пашка. Значит, старик Фуукс не обманул. Пашка здесь был. И на том спасибо.

Алиса натянула платье поверх комбинезона. Платье было велико, но не очень — правда, оно волочилось по полу и в нем не побегаешь. Нет, лучше слушаться Фуукса. А вдруг здесь принцесс узнают по туфлям?

Вот и все. Алиса прошлась по каюте. Не очень удобно, но терпимо.

Она подошла к люку и толкнула его. Люк со скрежетом распахнулся, сорвавшись с петли. «Хорошо еще, что это случилось не в космосе», — подумала Алиса.

Она ожидала увидеть космодром и встречающих. Даже приготовила кубик и розовую бумажку.

Но оказалось, что корабль опустился на поляне в лесу. Близко подступали деревья и кусты, с одной стороны между ними виднелась покосившаяся изгородь.

День был сумрачный, облака бежали низко над лесом, вот-вот мог начаться дождь. Тихо. Лишь стрекочет кузнечик и ветер шуршит листвой.

Алиса подобрала длинное белое платье, спрыгнула с люка и обошла ракету кругом. Ни души.

Поляну пересекала тропинка, которая пробегала как раз под кораблем.

Алиса поглядела под ноги — нет ли значка. Может, Пашка догадался оставлять следы, как Мальчик-с-пальчик. Нет, не догадался.

Алиса прикрыла люк, сжала в кулаке кубик, обернутый в розовую бумажку с гербом. Только бы дождь не начался — хороша будет зарубежная принцесса в мокром платье!

Направо тропинка скрывалась в кустах. Налево — вела к прогалине между деревьев. Туда Алиса и пошла.

Дождь здесь, видно, лил с утра. Тропинка была скользкой, в углублениях стояли лужи, высокая трава склонялась под тяжестью капель воды, приходилось подбирать платье, но все равно туфли и подол промокли. Алиса смотрела под ноги и поэтому заметила двух женщин, собиравших хворост, только когда до

них оставалось шагов десять. Алиса остановилась, разглядывая их.

Женщины были босые, одеты в лохмотья. При виде Алисы они замерли, словно увидели тигра.

— Простите, — сказала Алиса, — я принцесса из соседнего государства. Здесь не проходил мальчик?..

Звук голоса словно разбудил женщин. Мелькая мокрыми пятками, они кинулись в кусты.

— Стойте! — крикнула им вслед Алиса.

Но разве их догонишь? Особенно в таком идиотском платье. Может, Пашка здесь чего-нибудь уже натворил?

Рыцарей Алиса пока что не встречала, а вот женщины здесь запуганные.

Тропинка влилась в проселочную дорогу, идти стало легче. Алиса даже опустила край платья. Карету бы найти какую-нибудь. Интересно, здесь есть извозчики?

Из-за туч выглянуло солнце, сразу начало парить. Лес кончился, дорога потянулась через обширную пустошь.

Пустошь была вытоптана словно стадом слонов, деревья и кусты, которые кое-где поднимались из грязи, стояли без листьев, веток, а то и без коры. Потом Алиса увидела, что по земле разбросаны какие-то железки и тряпки. Железки поблескивали на солнце, и от них поднимался пар. Вблизи оказалось, что это части рыцарских доспехов: шлемы с поломанными страусовыми перьями, нагрудники и налокотники, копья, мечи, обрывки плащей, попон и флагов и даже подковы.

Под дубом у дороги стояла большая тачка, наполненная шлемами и латами. На тачке, свесив ноги, сидел человек с трубкой в зубах и в странном костюме. Выше пояса его камзол был поделен надвое: справа — красный, слева — синий. А вот рейтузы были раскрашены наоборот: правая штанина — синяя, левая — красная. Заканчивался этот костюм тапочками с сильно вытянутыми носками: правый — красный, левый — синий.

Человек был немолод. Пегие пряди волос были зачесаны на лысину, голубые глазки окружены множеством морщинок, а кончик острого носа чуть свешивался вниз, к тонким губам.

— Здравствуйте, — сказала Алиса.

— Добрый день, принцесса, — ответил человечек. — Гуляешь? Ноги не промочила?

— Не беспокойтесь, сегодня не холодно. А что здесь случилось?

— Здесь позавчера битва была. Большое сражение.

— Почему?

— А почему битвы бывают? Как обычно, из-за пустяков. Граф Визислон Двурогий спьяну назвал барона Крипта Синеусого, рыцаря Синей Ямы, безнадежным болваном.

— Ой, как нехорошо! За что же?

— За дело. Каждый в королевстве знает, что это чистая правда.

— А барон?

— Барон, конечно, ответил, что от болвана и слышит. Это, кстати, тоже всем известно.

— И они вдвоем так насорили?

— Что ты, принцесса! Сразу видно — зарубежная. За графа Визислона вступилась вся Уймитская конфедерация, а воинствующий орден Кольца и Веревки встал стеной за барона Крипта. Вот и сражались от рассвета до заката.

— И кто победил?

— Ты еще спроси — с каким счетом, — захихикал двухцветный человечек. — Конечно, никто не победил. Собрали убитых и раненых и разъехались по своим замкам. Устроили перерыв перед большим турниром. Ты ведь тоже, наверно, на турнир явилась?

— Нет, я знакомого ищу.

— Кого же? Я тут, почитай, всех знаю. Он из благородных?

— Он рыцарь. Только вы вряд ли его знаете. Он тоже приезжий.

— Так опиши его своими словами.

— На вид он еще мальчик, в синей шапочке с козырьком...

— Ага, на мальчика похож! Знаю. Павлом зовут. Час назад здесь проходил. С космодрома шел. Как увидел латы и копья — прямо затрясся. Давай, говорит, меняться.

— И вы поменялись?

— Он взял латы, копья, щит, меч, а мне значков с дельфином дал. Штук десять. Честно говоря, я значков не собираю, но уж очень парень был настойчивый.

— Разве можно было ему настоящее оружие давать? Он еще мальчик.

— Сама же говорила, что рыцарь. И он мне подтвердил, что

рыцарь. И документы показал. Все как в аптеке. Рыцарь Красной стрелы. У меня как раз баночка красной краски нашлась — мы с ним на щите эту стрелу и нарисовали.

— А разве это ваши доспехи?

— Теперь мои. Бой вничью кончился, а земля мне принадлежит. Еще покойным королем-отцом подарена. Очень выгодное владение. По крайней мере раз в неделю какое-нибудь сражение здесь происходит.

— А за что вы эту землю получили?

— За службу. Я на королевской службе. Шутом работаю. Но разве на одну зарплату у нас проживешь?

Алиса совсем расстроилась. Оказывается, Пашка уже и латы себе раздобыл. Теперь обязательно чего-нибудь натворит.

— А куда он дальше пошел? — спросила она.

— В город, куда же. Только сначала ему надо коня раздобыть. Без коня — какой рыцарь?

— Но у него денег нет. И значки, наверно, кончились.

— Настоящий рыцарь все без денег возьмет. Такой у рыцарей обычай.

— Но Пашка не такой...

— Может, он раньше был не такой, а как попал в рыцари — станет как все. Грабителем, угнетателем сирот и бедных, бездельником и бандитом.

— Нет! Вы просто не любите рыцарей.

— За что мне их любить?.. Ну ладно, в город пора.

— А можно, я с вами? А то я здесь в первый раз...

— Иди, принцесса. У тебя пропуск есть?

— Есть. Вот он.

Шут развернул розовую бумажку и стал разглядывать герб.

— Смотри-ка, — сказал он наконец. — Да ты, оказывается, из хорошей семьи. И нашей вдовствующей королеве-мачехе приходишься внучатой племянницей. Правильно?

— Мне об этом говорили, — согласилась Алиса. — Только я ее совсем не помню.

— Ну конечно, ничего удивительного. Ведь королева Изабелла от вас совсем молоденькой уехала. Ты, наверно, тогда под стол пешком ходила. Держи свои документы. Все в порядке. Можно идти в город.

Шут взялся за длинные ручки, с трудом приподнял тачку и тут же бросил. Схватился за поясницу и замер в изогнутой позе.

— Какое горе! — простонал он. — Опять меня скрутил радикулит. Что делать, что делать?

— А зачем вам эти латы? Они же гнутые, ломаные.

— Вот и сдам их в металлолом. Гроши заплатят, но все равно деньги. При нашей-то бедности...

На глазах у шута выступили две большие слезы и медленно покатились по щекам. И весь он съежился, стал маленьким и старым.

— Я вам помогу, — пожалела его Алиса.

Она подхватила тачку. Старый шут пожадничал, навалил на тачку не меньше центнера. Уже через десять шагов Алиса все руки себе оттянула.

— Ты потерпи, — уговаривал ее шут. — Вон до того бугорка, а дальше я сам повезу. Пройдет приступ, и сменю тебя. Ты не думай...

Шут бодро вышагивал рядом с Алисой, даже забегал вперед, чтобы убрать с дороги камень или ветку.

— Надолго к нам? — спросил он голосом любезного хозяина. — Да ты не спеши, не надрывайся. В твоем общественном положении надрываться необязательно.

— Найду Пашку — и сразу обратно, — сказала Алиса.

— Это правильно, — сказал шут. — Нечего у нас задерживаться. Отстало живем, темные мы люди. Горстка рыцарей и князей угнетает простой народ, который живет в нищете и бесправии. Просто безобразие. Ждем не дождемся, когда начнется Возрождение. Может, тогда вздохнем немного. А у вас какая обстановка?

— У нас лучше, — сказала Алиса, стараясь дышать глубоко, как во время бега на три километра.

— Воевать с нами не собираетесь?

— Ни с кем не собираемся воевать.

— Вот это зря. Нас, я тебе скажу, можно голыми руками взять.

— Вот уже и бугорок, — сказала Алиса, напоминая шуту о его обещании.

— Что-то у меня сердце прихватило, — ответил шут. — Давай втащим тачку наверх и передохнем немножко. Ты не возражаешь?

Он взялся за ручку и сделал вид, что помогает Алисе, хотя от его помощи не было никакого толку. И глазки у него были такие хитрые, что Алиса заподозрила: может, он нарочно подстерегал какого-нибудь простака, чтобы самому тачку не тащить?

— А чего вы лошадь не купите? — спросила Алиса. — И работа у вас есть, и участок земли, и металлолом сдаете.

— Нельзя, — сказал шут. — По причине неблагородного происхождения. Рад бы, да нельзя. Есть у меня, правда, осел, но я его напрокат сдал в королевский зоопарк, на нем принцы катаются, а мне за это денежки идут. Лучше уж я попотею, сам тачку потаскаю, зато деньги целы будут. Бережливость — вот мой лозунг, коль не пришлось благородным родиться.

На вершине холма Алиса поставила тачку и поглядела вперед. Там, в долине, стоял город. Он был обнесен каменной зубчатой стеной, по углам возвышались башни, а в стене у открытых ворот дежурили стражники. Их латы поблескивали под солнцем. Между путниками и городом расстилались вспаханные поля, кое-где темнели хижины под соломенными крышами. От города доносился далекий колокольный звон.

— Красота, — вздохнул шут. — Люблю природу. Ну что, отдохнула? Пойдем дальше.

— Еще минуточку, — сказала Алиса.

Глава 10

ОБИЖЕННЫЙ МАРКИЗ

Послышался стук копыт, звон оружия, и на вершину бугра выскочил богато разодетый толстый рыцарь с обнаженным мечом. Забрало шлема было поднято, и оттуда, как из окошка, торчали красный нос и рыжие кошачьи усы. Сзади, положив поперек седла длинное рыцарское копье, скакал юный лохматый оруженосец в кожаной куртке.

— Где он? — завопил рыцарь, осаживая коня перед Алисой. — Где этот мерзавец?

— Вы о ком, уважаемый маркиз Фафифакс? — спросил шут.

— Я его растерзаю на четырнадцать частей! Или даже больше, на восемь! — кричал рыцарь.

— Какая потрясающая неграмотность, — прошептал шут Алисе. — Полагаю, что ему вообще не приходилось ходить в школу. Представляете?

Алиса кивнула.

— Вы чего бормочете? — спросил рыцарь. — Со мной шутки плохи. Может, вы его спрятали! Грико, погляди в тачке.

Оруженосец не спеша подъехал поближе, но в тачке копаться не стал.

— Осторожнее, маркиз, — сказал шут. — Вы забыли, что тачка принадлежит мне, а я — любимец его величества.

— Мне на всех наплевать, — сообщил рыцарь, — пока я не отыщу негодяя, который освободил из цепей моих рабов. Что еще за вольности с чужой собственностью? Кто дал ему право?

— Может, это право сильного? — спросил шут.

— Сильный — это я. Вчера не слезал с седла тридцать один час, свалил трех великанов и обезглавил одного дракона. Не слыхали?

— Кто не знает об этом, господин маркиз? — согласился шут. — Вот зарубежная принцесса специально прибыла полюбоваться вами на большом турнире.

— Грико, подставляй спину! — закричал рыцарь. — Я должен поздороваться с принцессой.

Оруженосец подмигнул Алисе — он был худой, поджарый и загорелый, совсем еще юный, даже без усов. Он соскочил на землю и нагнулся у рыцарского коня, чтобы господину было на что поставить ногу.

Рыцарь тяжело перевалился через седло, со всей силой наступил сапогами на спину оруженосца. Алисе страшно стало — не сломал бы он парню позвоночник. Но Грико как ни в чем не бывало выпрямился и, пока маркиз поправлял сбрую, сказал Алисе:

— Не обращай внимания. Я крепкий, на мне воду возить можно.

Рыцарь подошел к Алисе, разгладил железной перчаткой рыжие усы и сказал:

— Рад приветствовать вас, принцесса. Вы не замужем?

— Нет, — сказала Алиса. — И не собираюсь.

— Не желаете ли стать моей дамой сердца? — спросил маркиз.

— Я об этом как-то не думала, — сказала Алиса. — К тому же я здесь проездом.

Рыцарь подошел поближе и подцепил перчаткой рукав платья.

— Какая ткань! — воскликнул он. — Такого у нас не делают. Заграничная работа. Вы прекрасны, мадемуазель.

— Не обращай внимания, — сказал оруженосец.

— Простите, маркиз, — сказал шут. — Вы тут жаловались на какого-то рыцаря.

— Ах, даже вспоминать неприятно. Тем более в такой момент. Какой-то молокосос увидел моих рабов, которых вели на продажу, и посмел их освободить.

— А рыцарь-то местный?

— Нет, чужой. Герб у него — Красная стрела.

Шут обернулся к Алисе и сказал тихо:

— Это он.

Алиса уже поняла.

— А куда он поехал? — спросил шут.

— Куда поехал? Если бы я знал, то догнал бы и разорвал. — Маркиз пошевелил усами и продолжал спокойнее: — Наверно, в город. Я на него королю пожалуюсь, будет знать, как хулиганить. Но не в этом дело...

Рыцарь снова обернулся к Алисе и торжественно заявил:

— Желаю встать перед вами на колено.

— Нельзя, ваша милость, — сказал оруженосец, — у вас левое колено заржавело.

— Я на правое встану.

— Что вы, маркиз, — вмешался шут. — На правое колено встают только перед королем. Кто-нибудь узнает, донесет его величеству.

— Кто же донесет? — удивился маркиз.

— А я на что? — спросил шут. — Обязательно донесу.

— Да, правильно, ты, конечно, донесешь, — согласился рыцарь. — Простите, принцесса, преклонение отменяется.

— Пожалуй, я все равно донесу, — сказал шут сладким голосом.

— Но ведь я не вставал!

— Но хотел.

— Это неблагородно!

— А я неблагородный. Я деньги люблю.

— Шут, откуда у меня деньги? — удивился рыцарь. — У меня меч и копье. Ими я добываю славу.

— А еще людьми торгуете, — заметил шут.

— Долги отдавать пришлось. А свободных денег — ни монетки. Вот и продал. Они все равно ленивые.

— Ладно уж, не буду доносить, — согласился шут. — Только при одном условии. У меня тачка тяжелая, до города не дотащить. Пусть ваш оруженосец нам поможет.

— А кто же мое копье повезет? — удивился маркиз. — И мне, кстати, без свиты ездить не положено.

— Положено, — вмешался тут оруженосец. — Вчера весь день без меня ездили: к вашей мамаше за деньгами ездили, потом в карты играть ездили и ужинать ездили. И все без меня.

— Вчера я с великанами воевал, — возразил маркиз.

— Все, — сказал шут стальным голосом. Алиса даже удивилась, откуда у шута появился такой голос. — Поезжайте, маркиз. Мы вас найдем во дворце.

Маркиз все еще колебался, хотя на шута поглядел с опаской.

Алиса представила, каково ей одной тащить тачку с металлоломом, и взмолилась:

— Маркиз, я вас лично прошу, оставьте нам своего оруженосца.

Это был выход. Одно дело подчиняться шуту, другое — иностранной принцессе.

— Не могу отказать прекрасной даме. Берите, пользуйтесь.

Все втроем они помогли рыцарю взгромоздиться на коня. Грико протянул ему копье.

— Тяжело, — признался рыцарь.

— А вы не спешите, — сказал шут. — Потихонечку, полегонечку. Турнир еще не начинается. Может, даже соснете часок где-нибудь в тени.

— Отдыхайте, маркиз, — поддержала шута Алиса. Она поняла, что чем позже рыцарь приедет в город, тем лучше для Пашки. — Спасибо за помощь.

— Во дворце увидимся, — сказал маркиз и повернул коня в сторону.

Шут подождал, пока маркиз скрылся за поворотом, и сказал:

— Поехали, что ли?

— Поехали, — согласился Грико. — Возьмите моего коня.

Они пошли вниз, к городу. Впереди оруженосец вез тачку и порой смотрел на Алису и улыбался. Алиса шла чуть сзади, при-

держивая за край свое заграничное платье. Шут вел на поводу коня и тихо напевал:

Все съезжались на турнир
В славный город Жангленир.
Мы храбрейшего узнаем
На турнире в Жанглезае.

— Простите, — обернулась к нему Алиса. — Разве этот город тоже называется Жангле-многоточие?

Шут пожал плечами:

— Каждый называет этот город как хочет. А виной тому поголовная неграмотность.

Глава 11

ДРУГОЙ ЖАНГЛЕ...

Мост через ров у городской стены был опущен, решетка ворот поднята. Мимо стражников, стоявших по обе стороны входа, проходили крестьяне с мешками и связками хвороста, горожане в высоких шляпах, горожанки в пышных юбках, монахи в черных рясах, подпоясанных веревками. Медленно брела вереница полуголых людей, скованных общей цепью.

— Вот видишь, Алиса, — сказал шут, пока они стояли у моста, ожидая своей очереди войти в город, — некоторые молодые люди стремятся в средневековые времена и думают, что там была увлекательная приключенческая жизнь — рыцари скакали по полям и осаждали замки. А рыцари, скажу тебе, были довольно темными и жестокими людьми. И для многих здесь жизнь не сахар.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Мы в школе проходили.

— Можно по-разному проходить, — сказал шут. — Ты, может, и запомнила что-то, а твой друг почти все пропустил мимо ушей. Ты не представляешь, сколько лишнего беспокойства и неприятностей происходит от невнимательных романтиков.

— А вы много знаете, — сказала Алиса.

— Я уже немолодой шут... Ну, пошли дальше.

Стражники опустили алебарды, преграждая дорогу.

— Кто такие? — спросил один из них.

— Не узнаешь, деревенщина? — рявкнул шут басом.

— Ты похож на королевского шута Фу-фу, — сказал страж-

ник. — Но полной уверенности у нас нет. И к тому же откуда у тебя лошадь?

— Лошадь не моя, а маркиза Фафифакса. А это его оруженосец.

— Правильно, — сказал второй стражник. — Остается выяснить личность этой девушки.

— Вот. — Алиса протянула им бумажку и кубик.

Стражник взвесил кубик на ладони и вернул обратно.

— Настоящий, — сказал он.

Потом развернул розовую бумажку, покрутил ее так и этак и крикнул:

— Эй, начальник! Погляди, кто пришел.

Из двери, спрятанной в стене, выскочил третий стражник в каске с петушиными перьями. Он выхватил бумажку из рук своего подчиненного и сказал:

— Ты что, слепой, что ли? Не отличаешь розового пропуска от простого? Это же как минимум принцесса.

— И притом заграничная, — сказал шут.

— Вижу, что заграничная. Я своих всех наперечет изучил. Уж не будете ли вы, ваше высочество, двоюродной внучатой племянницей ее вдовствующему величеству?

— Ясное дело, — сказал шут.

Сзади уже скопилась длинная очередь, и некоторые начали ворчать: «Что нам здесь, до вечера ждать, что ли?»

— Молчать! — рявкнул начальник караула. — Мы на посту! Мы при исполнении!

И совсем другим голосом он продолжал:

— А вам, ваше высочество, надо проследовать в ваши апартаменты во дворце, номер с ванной. Вот ключ.

Начальник стражников достал большой позолоченный ключ и передал Алисе.

— Добро пожаловать в гостеприимный Жанглепуп!

А когда оруженосец уже подхватил тачку, чтобы следовать дальше, начальник наклонился к уху Алисы и прошептал:

— Если привезли контрабандный чай или кружева, я дам лучшую цену.

Шут услышал и усмехнулся:

— Поздно. Я уже все перекупил.

— Ну конечно, — расстроился начальник караула. — С тобой разве можно состязаться? Небось у самой границы караулил?

Перейдя площадь у ворот, спутники попали на узкую улицу, чем-то похожую на Сувенирную улицу в другом Жангле-многоточии. Шут сказал:

— Ты, Алиса, не обижайся. Но иначе от него не отвязаться. Разве бы он поверил, что заграничная принцесса может приехать без всякой контрабанды?

— Мертвый номер, — подтвердил оруженосец. — Дальше куда?

— Поможете мне довезти груз до металлолома, а потом — во дворец.

— А может, мне не надо идти во дворец? Я здесь жить не собираюсь. Мне только Пашку Гераскина найти — и сразу обратно.

— А где ты его сейчас искать будешь? Без моей помощи не обойтись. Сделаем так: ты пойдешь к себе, а я разузнаю, чего еще успел твой друг натворить. Как только найду его, сразу сообщу. Я — твой первый союзник. Ты мне нравишься, а здешние порядки совсем не нравятся.

— Слушайся шута, принцесса, — сказал оруженосец. — Он такой пройдоха — второго во всем королевстве не сыщешь.

— А оруженосец с тобой побудет, — сказал шут. — На всякий случай. Он — парень веселый и честный. Я его с детства знаю. Мы с его родителями были соседями.

— Да, мама до сих пор о вас очень тепло отзывается, — сказал оруженосец.

— Только без этих нежностей! Я, придворный интриган, этого не люблю.

Они свернули в узкий темный переулок, над которым почти смыкались крыши домов, и остановились перед воротами. Над ними косо висела ржавая вывеска:

ПРИЕМ МЕТАЛЛОЛОМА

Сдавайте старые кастрюли, доспехи, котлы, чешую драконов, щиты и прочий лом черных и цветных металлов. Цены по соглашению.

— Тут я с вами прощаюсь, — сказал шут. — Грико выведет тебя ко дворцу, а я вступлю в бой — за каждый шлем придется торговаться. Как я этого не люблю...

Глава 12

НОМЕР С ВАННОЙ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

— Далеко до дворца? — спросила Алиса у оруженосца.

— Нет, минут десять ходу. — Грико был почти на голову выше Алисы, очень стройный. Наверно, из него получился бы хороший спортсмен.

— Ты каким-нибудь видом спорта занимаешься?

— Если повезет, стану рыцарем.

— Ну, это еще не спорт, — сказала Алиса.

— Может быть. Но это жизнь. А ты чем занимаешься?

— Я принцесса.

— Ну конечно. Выйдешь замуж и будешь сидеть в башне.

— Не думаю. У нас совершенно другое отношение к людям. Ты, кстати, в школе учился?

— Один год учился, у монахов. Даже читать умею. Если печатными буквами. Но я это от моего маркиза скрываю. Он бы меня выгнал. И так с трудом удалось место найти. Ты не представляешь, сколько мои родители бились, прежде чем такое благородное место для меня нашли!

— А может, лучше бы дальше учиться?

— А потом куда? Писарем? Или в монастырь?

— Да, выбор маленький. И все-таки я бы на твоем месте поискала себе другую работу. В моряки бы пошла, в путешественники.

— Слушай, — обиделся оруженосец. — Ты что думаешь, если ты благородного происхождения, то можешь мужчину учить?

Алисе стало смешно.

— Ты чего? — спросил оруженосец. В общем, он оказался славным парнем.

— Странно все это слышать.

Им пришлось посторониться и прижаться к стене, потому что четверо слуг несли крытые носилки с гербом на занавесках. Слуги тяжело дышали, один даже прихрамывал.

— А кто тебе этот рыцарь? — спросил Грико. — Жених, что ли?

— Нет, товарищ, — сказала Алиса. — Мы с ним вместе научной работой занимаемся.

— Звезды считаете или колдуете? — спросил оруженосец. — А то еще окажется, что ты ведьма, беды не оберешься.

— Разве я похожа на ведьму?

— Они хитрые. Если бы ведьмы были похожи на ведьм, то сожгли бы всех, и дело с концом.

— Нет, я не ведьма, честное слово, — сказала Алиса. — Да и мой Пашка вовсе не рыцарь. Он только вообразил, что, если попадет на рыцарскую планету, отыщет всякие волнующие приключения.

— А у вас что, своих рыцарей нет?

— Все вывелись.

— Ну и скучно же вы живете.

— Веселее, чем вы. Может, как-нибудь к нам выберешься, поглядишь?

— Нет, я опасаюсь за границу ехать. Там у вас драконы и колдуны на каждом шагу.

Алиса поняла, что спорить с Грико невозможно. Как ему объяснишь, чего он никогда не видел. Ей кажется, что в его мире скучно, а ему — наоборот.

— Но ты мне поможешь, если нужно?

— Конечно, помогу, — сказал оруженосец. — Особенно если твой друг с моим маркизом враги — я, честно говоря, хоть и у него на службе, этого толстого борова не выношу. Дурак, жадный, пьяница, картежник. Половину своих крестьян в рабство продал. Но надо его опасаться. Он дурак-дурак, но хитрый. Ты думаешь, он нас послушался, отдыхать поехал? Как бы не так! Наверняка уже у короля сидит, ябедничает, чтобы твоего друга в тюрьму упекли.

— Что же делать?

— Без шута нам ничего не поделать. Фу-фу хоть и придворный, но неплохой человек. Мы с ним соседи по Кривой улице. Всего своим трудом добился.

Дворец оказался бестолковым зданием, с массой пристроек. Казалось, сначала кто-то возвел трехэтажный дом с колоннами и башнями, потом, когда понадобились новые комнаты, пристроил к нему двухэтажные флигеля по краям, а уже после каждый кому не лень дополнял дворец флигелями, переходами, крыльями, башенками.

Закованный в латы страж — только нос наружу, чтобы дышать, и уши, чтобы слышать, — поглядел на Алисины документы и сказал:

— Вам, принцесса, через третий подъезд, по лестнице на

второй этаж, потом направо до конца коридора. Номер шестнадцать. А вот вашему пажу придется переночевать в коридоре, мы ему подстилку дадим.

Алиса хотела сказать, что Грико — не ее паж, но тот ее успел ущипнуть — она поняла и промолчала.

— Больно щиплешься, — сказала она Грико, когда они отошли от стража. — Синяк будет.

— Извини, но если бы не ущипнул, оставили бы меня на дворе маркиза ждать. А я ведь тебе могу пригодиться.

Дворец давно не ремонтировали, краска слезла, штукатурка кое-где осыпалась, а стекол в окнах вообще не было.

Они поднялись по темной лестнице на второй этаж и еле отыскали в конце коридора шестнадцатую комнату. Дверь была не заперта, но Грико пришлось поднатужиться, чтобы ее открыть. Вся рассохлась.

В комнате было много ковров — весь пол и стены в коврах. В одном углу стояла кровать под лиловым балдахином, расшитым двухвостыми птицами. На кровати можно было бы уложить весь Алисин класс. Правда, простыни на ней не оказалось. Зато рядом лежали звериные шкуры. Кроме кровати, в комнате стояли два деревянных стула с очень высокими резными спинками и длинный сундук. Вот и вся мебель. Открытая дверь вела в соседнюю комнату. Алиса сразу сунула туда нос.

— И это называется ванная! — воскликнула она.

— А что? — спросил Грико, стараясь пригладить непослушные лохмы. — Роскошно будешь жить, принцесса.

Ванна оказалась деревянным чаном. Рядом с чаном на полу стоял ночной горшок.

— Совмещенный санузел, — сказала Алиса.

— Чего? — спросил Грико.

— Сами живите в такой роскоши, — сказала Алиса. — Тоже мне, королевский дворец!

— Но у нас же средние века! — сказал Грико.

— Слишком уж средние, — возразила Алиса, вернулась в комнату и подошла к окну. Окно было затянуто частым деревянным переплетом, но без стекол. Оно смотрело по другую сторону дворца. Там был стадион.

Невысокие деревянные трибуны окружали поле без ворот.

— Здесь у вас в футбол играют? — спросила Алиса.

— В какой еще футбол, принцесса? — удивился оруженосец.

— А что тогда на этом поле делают?

— Это же площадка для турниров, на которых не на жизнь, а на смерть сражаются доблестные рыцари, — сказал Грико. — Даже младенцы об этом знают.

— Я же тебе сказала, что у нас рыцари вывелись.

Глаза оруженосца сверкали, смуглые ноздри раздулись. Он глядел на это вытоптанное пыльное поле, как голодный обжора на коробку шоколадных конфет.

— Счастливый твой друг, рыцарь Красной стрелы, — сказал Грико. — Он уже имеет право помериться силами с великими рыцарями. Если бы мне происхождение позволило, я бы отсюда вообще не вылезал.

— Ну и дурак, — сказала Алиса. — Прихлопнут еще без пользы.

— Ну и пускай, лучше умереть на поле славы, чем влачить скучную жизнь.

Алиса не успела ответить этому отсталому юноше, потому что услышала знакомый скрипучий голос:

— Ну, как устроилась, принцесса, не скучала?

— Ой! — Алиса бросилась к старому знакомому: — Вы что-нибудь узнали?

Шут был одет как прежде, только сменил шляпу на высокий, с двумя верхушками колпак, увешанный бубенчиками.

Шут отрицательно покачал головой, и бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— В городе я ничего узнать не смог и поспешил во дворец, чтобы опередить маркиза. Когда я примчался к их величеству, они мыли руки. Это новая заморская мода. Если король моет руки, его нельзя отвлекать.

— И вам ничего не удалось сказать?

— Не только мне, но и маркизу, который сунулся было со своей жалобой. Ему велели подождать до конца обеда. Так что собирайся, и побежали в столовую. Я сказал о твоем приезде королеве-мачехе. Она в принципе порядочная женщина, тоскует здесь. Ей будет о чем с тобой поговорить — общие друзья, родственники...

Алисе показалось, что шут смотрит на нее с усмешкой.

— А она меня помнит? — спросила Алиса.

— Еще бы. Малюткой она тебя качала на коленях. А когда твоя мама сопровождала твоего папу в походах, тебя обычно от-

давали на сохранение твоей тетушке Изабелле. Так что я надеюсь на ее помощь.

«Плохо дело, — подумала Алиса. — Ну и влипла же я с этой рыцарской страной! Вернусь, неделю с Пашкой разговаривать не буду. Если вернусь...» Вернее всего, эта старуха королева обязательно Алису узнает, и тогда уже не убежишь... Не объяснишь же им, откуда ты в самом деле. Сожгут, как ведьму.

— Ну, чего мы ждем? — спросил шут. — Все уже за столом. А ты, Грико, иди на двор, к другим слугам, там тебя чем-нибудь накормят. Увидимся на турнире.

— Счастливо, Алиса, — сказал оруженосец.

Алиса протянула ему руку, но он не посмел до нее дотронуться, поклонился и убежал.

Алиса с шутом долго шли темными коридорами и еле освещенными лестницами, в одном месте дорогу им перебежала крыса, в другом — спугнули сову. Шут нес перед собой керосиновую лампу, и от ее света возникали длинные, подвижные, страшноватые, словно живые тени. Шут размышлял вслух:

— Надо же было твоему дружку отпускать на свободу рабов! Ну ладно бы увел чужую лошадь, избил кого-нибудь, ограбил, наконец. Это у рыцарей не большой грех. Но отпускать на волю рабов — преступление. Как его выручить, не представляю...

— А разве вы на его месте не стали бы освобождать рабов? — спросила Алиса. Она, конечно, догадывалась, что ответит шут.

— Это чепуха! — заявил он. — Это война с ветряными мельницами, как у Дон Кихота.

— У кого? — удивилась Алиса. Вот уж не думала, что здесь кто-нибудь слышал об этой книге.

— Был такой рыцарь. Хотя, может, его иначе звали. А что?

— Ничего.

— Чужого раба освободить — все равно что соседу в карман залезть. Никогда бы я не стал чужих рабов освобождать.

— Но ведь у Пашки совсем другое воспитание. Нет на Земле рабов, понимаете? Вы бы к нам попали, еще бы не того натворили. Что же вас, на костре жечь?

— Меня нельзя — я на королевской службе. Только их величество могут меня сжечь. Ладно, не печалься. Придумаем чего-нибудь. Мир не без добрых людей.

Глава 13

КОРОЛЕВСКИЙ ОБЕД

— Осторожней, здесь приступочка, — предупредил шут, когда они вошли в высокий, темный, кое-как освещенный дымными факелами и свечами зал. Чуть ли не половину зала занимал стол в виде буквы «П». Он был уставлен яствами, а вдоль него на скамьях без спинок сидело человек сто, не меньше. Во главе стола, на троне, восседал король, рядом — его приближенные.

Вокруг стола бегали слуги с подносами. На подносах лежали гуси и поросята. За слугами носились охотничьи собаки, которые следили, не свалится ли что-нибудь вкусное с подноса.

— Ну, держись, принцесса, — сказал шут. — Начинаем представление.

Вдруг он встал на руки, так что концы колпака волочились по каменному полу, и пошел к столу, пронзительно вереща:

— Я привел с собой принцессу, которая перевернула мне душу и тело! Ай-ай! Я теперь никогда не смогу встать на ноги!

Его последние слова заглушил громовой хохот рыцарей и вельмож, которые сидели за столом. Хохот метался под сводами зала, словно заблудившаяся стая ворон.

— А если я прикажу тебе на ноги встать, — закричал бородач в золотой короне, — ты встанешь или нет?

— Я рад бы! Я рад бы! — ответил шут. — Но не могу. Придется мне руки отрубить.

— Ну и чувство юмора, — вздохнула Алиса.

— Тогда пускай твоя принцесса идет сюда, — сказал бородач. — У нас для нее найдется свободное место.

Он поднял широкую ладонь и стукнул по шее худого старикашку, который сидел рядом. Старикашка свалился со стула. Гости захохотали пуще прежнего.

Алиса послушно пошла к столу, хотя ноги у нее подгибались. Она жутко струсила. Главное, не забыть, что ты принцесса и всю жизнь провела в таких вот компаниях.

Особенно неприятно было идти мимо вереницы усатых, бородатых, тонких, толстых, лысых, волосатых, молодых, старых физиономий — они даже жевать перестали, глазея на гостью.

Король до самых глаз зарос черной бородой, но все равно видно было, что лицо у него приплюснутое, словно кто-то уда-

рил его по голове, — от этого глаза выпучились, зубы вылезли вперед, нос задрался кверху. Руки у короля были заняты: он держал баранью ногу. Поэтому здороваться с принцессой он не стал, а только спросил:

— Чего пожаловала? Мы тебя вроде не приглашали.

— На турнир, ваше величество, — сказала Алиса.

— Молодец. Девчонка, а смелая. Ну, тогда садись. Можешь звать меня дядей. Эй, дайте сюда гуся помоложе. Моя племянница проголодалась.

Прибежал слуга с золотой тарелкой, на которой лежала гусиная нога.

— Жуй, — сказал король. — У нас все попросту.

Алиса не знала, с какой стороны взяться за такую ножищу, тем более что есть не хотелось.

Виночерпий налил Алисе бокал красного вина.

— И выпей, — сказал король. — Не обижай наше величество.

Все внутри у Алисы сжалось, как от мороза.

И тут она услышала тихий, мелодичный голос:

— Не стесняйся, девочка. Только вина тебе пить, пожалуй, не стоит. Ты сделай вид, что пьешь.

Алиса обернулась. Справа от нее сидела молодая женщина изумительной красоты. У нее были пушистые вьющиеся темные волосы, синие глаза в черных ресницах. Она была бледной и грустной. Платье у этой женщины было темно-синим с серебряным шитьем, а на голове горела небольшая корона.

— Ты меня не узнаешь, Алиса? — спросила женщина.

— Я... наверно, я забыла...

— Конечно, ты была совсем маленькая. Я — королева Изабелла, твоя внучатая тетка по матери. И еще меня называют вдовствующей королевой-мачехой.

— Ой, извините, — сказала Алиса. — А я думала, что королева-мачеха обязательно должна быть старой и злой. Ведь сам король тоже немолодой.

— Его отец взял меня в жены четыре года назад, — сказала королева-мачеха. — Я была младше его на тридцать четыре года. А вскоре он умер, на престол взошел его сын, а я стала пленницей в этом дворце. Так мне и придется, видно, провести здесь остаток моих дней, если враги не отравят.

Король громко чавкал, пожирая баранью ногу, и запивал

вином из кубка размером с ведро. К счастью, он сразу позабыл про Алису.

— Как твоя мамочка? — спросила Изабелла.

— Спасибо, здорова, — сказала Алиса. Она вообще врать не любила, а врать такой грустной и приятной женщине было втрое противно.

— А папа?

— Папа тоже здоров.

— Он оправился от ран?

— Оправился.

— Ему, кажется, дракон ногу откусил в битве за волшебную чашу? — спросила Изабелла.

— Да, кажется, — сказала Алиса и почувствовала, как краснеет, хорошо еще, что здесь не очень светло.

— А как твой братишка? — продолжала расспросы королева-мачеха.

Нет, все-таки правду говорили в сказках, что мачехи в королевском чине — самые коварные люди на свете. И что ей приспичило допрашивать гостью о родственниках?

— По-старому, — сказала Алиса.

— Как его зовут, я забыла? — упорствовала королева Изабелла.

Алиса в отчаянии так вгрызлась в гусиную ногу, что даже зубы застряли. Теперь, если бы Алиса захотела ответить, все равно ей не вытащить зубы из жесткого мяса.

А над ухом все журчал голос королевы-мачехи:

— Да, конечно, его зовут Венедиктом. Рыцарем Венедиктом. Или Павлом? Может, Павлом?.. Кажется, я его звала Павликом... Это он победил оборотня в битве у Заупокойного озера? Конечно же, вторая голова оборотня всегда висела в библиотеке твоего папы над письменным столом...

Изабелла посмотрела на Алису, подняв брови. Ничего не оставалось, как кивнуть головой. Такой ответ Изабеллу вполне удовлетворил.

— Правильно, — сказала она, — все сходится. Узнаю в тебе славную дочь бурного рода королей Актианских.

В этот момент король отложил баранью ногу, вытер ладони о живот и вспомнил о заграничной принцессе.

— Ну, как ты устроилась, ванна тебе понравилась? — спросил он. — У вас тоже теперь руки перед едой моют?

Алиса попыталась освободить зубы из гусиной ноги, но ничего не вышло. Алиса извивалась в борьбе с проклятой ногой. А вдруг король решит, что она притворяется?

Но король все понял. Одной рукой он ухватился за кость, а другой крепко взял Алису за волосы и дернул.

Слезы брызнули из глаз Алисы, в ушах зазвенело, со страшным всхлипом гусиная нога вырвалась наружу, и король поднял ее вверх как знамя.

— Повара! — закричал он. — Повара ко мне!

Изабелла достала кружевной платочек и вытерла Алисе слезы.

— Вот видишь, — сказала она, — какие у нас грубые нравы.

— Где повар? — вопил король.

Все молчали. Вдруг из-под стола показался колпак шута.

— Не извольте гневаться, ваше величество, но повара только на той неделе казнили, — сказал он.

— А где его помощник?

— Он убежал в лодке в открытое море.

— Кто же тогда готовил гуся, которым чуть не загубили нашу именитую гостью?

— Ученики кулинарной школы, ваше величество.

— Пусть их всех казнят.

— Ой, не надо, ваше величество! — закричала Алиса.

— Принцесса права, — сказал шут. — Эти ученики — наша последняя надежда. Если мы их казним, придется переходить на консервы.

— Ты так думаешь? — спросил король. — Ненавижу консервы. В последнем походе на мумизматов мы консервными банками из катапульты стреляли. Триста убитых, остальные раненые. Полная победа!

Король метнул гусиной ногой в собаку, и она убежала, воя на весь зал.

— Подайте компот! — велел король. — И перейдем к делам. А то до турнира не управимся. Камергер, какие у нас дела?

Грузный мужчина с маленькой головой подбежал к трону, вытирая рукавом губы.

— Государственных дел на сегодня нет, — сказал он.

— А жалобы есть?

— Жалобы есть.

— От кого и на кого?

— От знатных людей, — сказал камергер. — На неизвестного рыцаря.

— Ну, начинай.

Король взял чашку с компотом и откинулся на троне.

Глава 14

ЖАЛОБЫ НА РЫЦАРЯ

— У кого жалобы, поднимайте руки! — воскликнул камергер.

Над столом поднялось несколько рук.

Шут вылез из-под стола и втиснулся между Алисой и королем.

— Ты чего? — спросил король.

— Буду советы давать.

— Так ты ж дурак.

— Один дурак от такого отсоветует, чего десять умников насоветуют, — сказал шут.

— Ладно, посмотрим. Начинай жаловаться, маркиз Фафифакс.

Рыжий толстяк с красным носом встал в дальнем конце стола.

— Известный склочник, — сказала королева-мачеха.

— Ваше величество, — зашевелил рыжими усами толстяк, — приношу жалобу на ограбление, воровство, обиду и оскорбление.

— Кто посмел обидеть моего верного слугу?

— Рыцарь Красной стрелы.

— В чем его вина?

— Он увидел моих рабов, которых вели на продажу, разбил мечом их оковы и избил стражников.

— Серьезное преступление, — сказал король. — А куда он увел рабов?

— Маркиз думает, как бы получше соврать, — сказал шут. — Рабов-то у него не уводили. Тот рыцарь просто пошутил. Разбил оковы и уехал дальше. А рабов маркиз потом поймал и все равно продал.

— Это правда? — спросил король. — Ненавижу, когда меня обманывают по мелочам. Неужели до сих пор не поняли?

— Но это же грабеж! — закричал маркиз.

— Баловство, а не грабеж. Каждый рыцарь имеет право испытывать свое оружие на неблагородных. А он даже никого не убил. Садись. Следующий.

Следующим поднялся мужчина в меховой шапке, которую он даже за столом не снял.

— Ваше величество, я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Что случилось, торговец Пузанелло?

— Он украл коня из моего табуна.

— Как так?

— Он встретил табун лошадей, вскочил на одного из коней и оставил пастухам расписку, что конь взят взаймы, потому что рыцарю нельзя появляться без коня на турнире. — Торговец помахал бумажкой.

— Ну-ка дай сюда, — приказал король.

Бумажку передали по рукам. Король повертел ее в руках и сказал:

— Почерк непонятный, неблагородный почерк. Если ты благородный, то пиши квадратными буквами. Я правильно говорю?

— Правильно! — закричали рыцари и вельможи.

— Разрешите, я прочту, — сказала Алиса. — Я этот почерк разбираю.

— Ты? — удивился король. — Видно, у вас в королевстве распустились, принцесс уже начали грамоте учить. Была бы ты моя дочь, я бы тебя выпорол, не посмотрел бы, что голубая кровь.

— Не обращай внимания. Это он для вельмож выступает, чтобы своих дочерей не учили, — прошептала королева-мачеха. — А то добьются равноправия — и погибнет рыцарство.

На листке, вырванном из блокнота, Пашкиной рукой было написано:

«Взят взаймы из табуна 1 конь (один). Верну его вечером со всеми трофеями, которые добуду на турнире. П. Гераскин, рыцарь Красной стрелы».

— Ай-ай-ай, — сказал король. — На трофеи рассчитывает.

— Ничего преступного, — вмешался шут. — Как же еще благородному рыцарю получить коня, если не взять взаймы? Вы же

сами, ваше величество, когда в том году воевали, три миллиона у ростовщика взяли.

— А в самом деле! — закричал король. — Ну-ка, плесните мне компота! Не может же рыцарь на турнир без коня приехать.

— А вдруг не вернет? — упорствовал торговец.

— А если не вернет? — спросил король у шута.

— Вернет, — сказала Алиса. — Я за него ручаюсь.

— А если не вернет, — прищурился шут, — то придется ему сделать с торговцем Пузанелло то же, что вы сделали с ростовщиками, когда они после войны попросили вас вернуть долг.

— А что я сделал? — спросил король.

— Вы же их всех утопили.

Король так расхохотался, что поперхнулся компотом. Пока шут с камергером били его по спине, торговец вскочил из-за стола и исчез.

— Ну, есть еще жалоба? — спросил король, откашлявшись.

— У меня жалоба, ваше величество, — поднялся со своего места рыцарь в золотых латах. У него был острый нос, острые глаза, острые уши, а изо рта на сантиметр вылезали клыки. На груди у него был нарисован герб — черный клыкастый волк.

— Говори, благородный рыцарь Черного волка.

— Я приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы.

— Опять! — возмутился король. — Чего он еще натворил?

— Я стоял на улице и наводил порядок.

— Какой же ты порядок наводил?

— Я лупил палкой служанку, которая пережарила кашу.

— Правильно. И что же дальше?

— Мимо проезжал рыцарь Красной стрелы, он вырвал у меня палку и этой палкой меня ударил. Видите ли, женщин бить нельзя.

— Молодец, — сказала Алиса.

— Как нельзя? — удивился король. — Ну, может, принцесс еще нельзя, но служанок обязательно надо бить!

— Как мудро! Какой государственный ум! — раздались возгласы в зале.

— Если каждый будет чужих служанок выручать да чужих рабов освобождать, — сказал камергер, — порядок погибнет.

— Разрешите дураку слово сказать! — закричал шут.

— Говори!

— Думаю, нам с вами, король, в это дело вмешиваться

смешно. Если наши рыцари за себя постоять не смогут, кому они такие нужны? Не надо было спину подставлять.

— Так я же в одной пижаме был! — сказал рыцарь Черного волка. — А пока за мечом сбегал, его и след простыл.

— Все это похоже на склоку, — сказал король. — Сам ищи обидчика.

— Что-то мой пасынок сегодня добрый, — сказала Изабелла. — Повезло нам, не будут твоего Пашку наказывать. Обошлось. — И только она это произнесла, словно сглазила — по другую сторону короля поднялся высокий, похожий на ворона человек в черной одежде с золотым поясом и в высокой красной шапке.

— Я тоже приношу жалобу на рыцаря Красной стрелы, — сказал он. — Я надеюсь, что на этот раз никто его не сможет защитить.

— Слушай, епископ, мы утомились. Может, отложим на следующий раз?

— Нет, ваше величество. Он совершил страшное преступление.

— Ну, тогда говори, епископ.

— Мы хотели сжечь одну ведьму. Вдруг появился этот рыцарь, разогнал стражу, затоптал костер, освободил ведьму, посадил ее на коня и ускакал!

В зале наступило гробовое молчание. Алиса поняла, что этого преступления Пашке не простят.

— Он дьявол, — в полной тишине раздался голос камергера.

И все зашептали:

— Дьявол, дьявол...

— На плаху его! — рычал король, отбрасывая жбан с компотом. — На костер! Никакой пощады! Он мое государство хочет загубить!

— Плохо дело, — сказал шут.

— Разрешите, я спрошу, — услышала Алиса тихий голос вдовствующей Изабеллы. — А где же тот рыцарь? Кого вы будете жечь и казнить?

— Да, кстати, где он? — спохватился король. — Почему его до сих пор не привели? Почему я его не знаю? И вообще, откуда он к нам явился?

— Вот видите, — сказала Изабелла. — У меня возникло подозрение, что это просто-напросто романтически настроенный

юноша из другого королевства. Он еще не научился отличать настоящие рыцарские подвиги от баловства. А ведьма его, наверно, околдовала. Вы же знаете, как легко опытной ведьме околдовать юного рыцаря.

— Не слушайте, король, — сказал епископ. — Во-первых, это неопытная ведьма. Ей всего три года. А во-вторых, давно пора присмотреться к королеве Изабелле. Она ведь тоже из другого королевства.

— Да, надо разобраться... — растерялся король.

Но тут на помощь королеве-мачехе пришел шут:

— Осторожнее, ваше величество. Сегодня они съедят вашу мачеху, а завтра за вас примутся.

— Правильно! — закричал король. — Не сметь обижать мою любимую матушку. И вообще, разбор жалоб окончен. Поймаем рыцаря, тогда и займемся им.

Все начали вставать из-за стола.

— Созывайте рыцарей! — приказал король. — После третьего гонга чтобы все были на стадионе. Не терплю опозданий.

— Ох, отравил бы я вас, — сказал злобно епископ, проходя мимо Изабеллы.

— Не удастся, — ответила королева-мачеха с улыбкой. — Я сама себе готовлю.

Глава 15

НАЧИНАЕТСЯ ТУРНИР

Изабелла провела Алису через специальный вход «Для знатных лиц», но все равно по дороге у них несколько раз спрашивали, нет ли лишнего билетика.

В толпе, стекавшейся к стадиону, мелькали продавцы мороженого и пирожков, звенели кружками торговцы сладкой водой, зазывали покупателей хозяева пивных ларьков. Шум стоял невообразимый.

Густая толпа скопилась перед большой доской, на которой лесенкой были нарисованы фигуры рыцарей: выше всех тот, кто больше всех побеждал в прошедших турнирах. Его Алиса узнала — это был обиженный Пашкой рыцарь Черного волка в золотых латах. А где же толстый маркиз Фафифакс? Вот он, в середине таблицы.

— Слышал о новом рыцаре? — донеслись до Алисы слова какого-то болельщика.

— Кто такой?

— Рыцарь Красной стрелы. Выступает вне конкурса.

— Иностранец?

— Говорят, что приехал из-за границы.

— Его не допустят, — сказал торговец в меховой шапке, у которого Пашка занял коня. — Он неблагородный. Даже не рыцарь, а обыкновенный колдун и проходимец.

«Ой, Пашка! Ведь обязательно приедет на турнир, — подумала Алиса. — И тут его схватят. Правда, шут побежал его искать, чтобы предупредить, но вдруг они разойдутся? Или Пашка шута не послушается?»

— Может, я подежурю у входа? — спросила Алиса.

— Нет, — ответила Изабелла. — Тебя узнают и вернут на стадион. Я думаю, что лучше быть поближе к королю. Если что случится, мы сможем на него воздействовать.

Лакей в красном камзоле провел их наверх, в ложу, где в креслах уже сидели вельможи и королевские родственники.

— Вам сюда, к барьеру, — сказал лакей.

— Знаю, — ответила Изабелла. — Не первый раз на турнире.

Они сели у самого барьера. Кресла по обе стороны пустовали. Слева — кресло для короля, справа — для епископа.

Зрители на трибунах узнали Изабеллу, и раздались аплодисменты.

— Меня любят в народе, — сказала вдовствующая королева-мачеха. — Во-первых, за красоту, во-вторых, за доброту, а в-третьих, потому, что меня епископ не любит.

Королевская ложа нависала козырьком над трибунами и даже над полем. Поле было ограждено деревянной стенкой. Оно было похоже на футбольное, только ворота на нем были деревянные и закрытые.

Трибуны шумели и волновались.

— Может, он уже вернулся домой, а я тут сижу? — подумала Алиса. Нечаянно мысль прозвучала вслух, и королева-мачеха ответила:

— Не похоже. Если у человека такой характер, он обязательно прискачет на стадион, чего бы это ему ни стоило.

— Но он на лошади плохо ездит.

— Неважно. Здесь же все — любители. Кроме того, пожилые. Да ты не расстраивайся. Выручим мы твоего Пашку. Вернешься с ним обратно.

— Вы не верите, что я принцесса? — спросила Алиса.

Вдовствующая мачеха убрала пышную прядь волос под корону и ответила без улыбки:

— Как же верить, если ты врать не умеешь? Я тебя за обедом спрашивала о родственниках, и ты призналась, что у твоего отца ноги нет, а брат с оборотнем дрался.

Алиса опустила голову.

— Так вот, отец принцессы, за которую ты себя выдаешь, самый миролюбивый король на нашей планете, уже десять лет не ездил на войну. Оборотней не бывает — это каждому разумному человеку известно. Да и как я могла тебя спутать с моей племянницей, если она курчавая и черноглазая, а ты — блондинка?

— А почему вы меня не выдали?

— Кому? Этим вельможам? За кого ты меня принимаешь? Мне шут обо всем рассказал. Мы с ним друзья. Встань, король идет.

Изабелла поднялась со своего кресла. Алиса тоже. Вошел король. Камергер с епископом шли по бокам и что-то нашептывали ему в оба уха. Король был мрачен.

— Объелся, теперь спать хочет, — шепнула Изабелла.

Весь стадион поднялся на ноги, оркестр заиграл гимн. Зрители и придворные запели. Король тоже подпевал, шевеля черной бородой. На середине второго куплета он махнул рукой, сел и смежил веки. Оркестр умолк, стадион снова загудел.

— Король всегда так, — сказала Изабелла. — В первом куплете поется, какой он славный и великий. А во втором про его папу. Это ему не так интересно.

Из-под трибуны бежали судьи. Они были в черно-белых полосатых камзолах, черных чулках и круглых черных шляпах с черными и белыми страусовыми перьями. Главный судья держал в руках медный гонг и колотушку, а его помощники — крючья.

— Зачем это? — спросила Алиса.

— А как же растаскивать рыцарей, когда они перепутаются?

Судьи остановились в центре поля.

— Ваше величество, — подсказал камергер, — давайте сигнал.

Величество перестал храпеть, протер глаза и махнул рукой, словно отгонял комара. Судья поклонился и ударил в гонг.

Тут же боковые ворота широко растворились, и на поле выехали десятка два рыцарей.

Зрелище было великолепное. Латы сверкали, перья раскачивались, плащи колыхались — и вообще-то рыцари были немного похожи на украшенные новогодние елки.

Даже король проснулся, извлек из кармана очки в золотой оправе и напялил их на нос.

Он подмигнул Алисе и сказал:

— Что, не видала? Это называется — очки. Новинка цивилизации.

— Представляем участников турнира! — закричал главный судья таким пронзительным голосом, что его, наверно, было слышно в открытом космосе. — Номер один — рыцарь Черного волка. Латы золотые, герб черный, выступает на жеребце Парашюль от Парасковьи и Шульца.

Раздались аплодисменты и свист болельщиков.

Рыцарь выехал вперед, поднял копье и поклонился королю и зрителям.

— Маркиз Фафифакс! — закричал судья. — Латы серебряные. Герб розовый, изображающий заднюю половину свиньи. Выступает на кобыле Бругунде от Бруска и Ундины.

Аплодисменты на этот раз были пожиже, а свиста больше.

Судья начал представлять других рыцарей, а тем временем в ложе появился шут.

— Ты где пропадал, Фу-фу? — спросил король. — Мне же скучно.

— Я осла искал, — ответил шут. — Я тоже хочу сражаться.

— Да кто же на осле сражается? — захохотал король. — Ну, ты у нас и дурак! Тебя же любой победит.

— А какая разница? — спросил шут. — Я буду дурак на осле, а они — ослы на конях!

— Ну, ты даешь! — хохотал король. — Ну, ты рискуешь! Это же благородное рыцарство, опора моего трона.

— Такие шутки могут стоить головы, — сказал епископ.

— На эту голову не замахивайся, — ответил король. — Мне без шута нельзя. Кто мне будет правду говорить? Не ты же?..

— Я никогда не лгу, ваше величество, — быстро ответил епископ и отвернулся к камергеру.

— Поединок первый. Рыцарь Черного волка и рыцарь Трехльвиного трилистника! — объявил главный судья. — Первый раунд.

Все рыцари, кроме двух, уехали с поля. Участники поединка разъехались в разные стороны.

Барабаны забили дробь.

Стадион умолк. По сигналу судьи рыцари пришпорили коней и помчались навстречу друг другу.

Слышался только топот и барабанный бой. Казалось, что два танка вот-вот столкнутся лбами.

Но рыцари промахнулись и помчались дальше, придерживая коней.

— Второй раунд! — закричал судья, пока рыцари разворачивались у борта.

Снова забили барабаны.

На этот раз кони пронеслись близко друг от друга, копья ударились в щиты и сломались с таким треском, словно какой-то великан сломал о колено вековой дуб. Черный волк удержался в седле, а вот рыцарь Трехльвиного трилистника вылетел из седла и грохнулся о землю.

Раздались бурные аплодисменты. Король топал ногами от восторга.

Пока уносили побежденного рыцаря, победитель, откинув забрало, проехал мимо трибун, и девушки бросали в него цветами.

— Алиса, — раздался рядом тихий голос.

Это был шут. Он подошел сзади и наклонился, чтобы никто не слышал.

— Что? Вы нашли Пашку?

— Нашел. И все погубил.

— Ну, что случилось? Говорите скорей!

— Тише. Я его нашел. Я знал, где искать. Его спрятали у себя дома родители ведьмы, которую он спас от костра.

— И вы его видели?

— Видел. Я сказал ему, что ты его ищешь и просишь скорей возвращаться.

— И он?..

— Он совсем уж было согласился, но дернул меня черт за язык рассказать, как мы его защищали на обеде от маркиза и Черного волка.

— И что же?

— Он как закричит: «Ах, они хотят со мной сразиться! Так они свое получат. Не могу я бежать от них словно заяц. Это, говорит, юному биологу не к лицу».

— Так и сказал?

— Так и сказал. А кто такие биологи?

— Трудно объяснить. В общем, занимаемся животными и цветами.

— Садовники? Кучера? Ах нет... вы же благородные, — усмехнулся шут, — если не притворяетесь...

— Ты же знаешь, что притворяются, — сказала королева-мачеха, у которой был замечательный слух.

— Кто притворяется? — спросил король, который услышал только последние слова.

— Я, ваше величество, — ответил шут. — Я всю жизнь притворяюсь, чтобы кто-нибудь не счел себя глупее, чем ваш любимый дурак.

На поле уже появилась другая пара рыцарей, и снова застучали барабаны и подковы.

— И что же теперь будет? — спросила Алиса.

— Он велел тебе передать, что, как только победит этих рыцарей, тут же возвратится с тобой в джунгли.

— Не нравится мне это, — сказала Алиса. — Они его в порошок сотрут.

— Не исключено, — сказал шут Фу-фу. — Хотя помни, что многое здесь только кажется страшным.

— Мне это и Фуукс говорил, — сказала Алиса.

— Вот видишь... А кто такой Фуукс?

— Он далеко живет. Вы с ним незнакомы.

— Если далеко, то конечно...

Третий поединок закончился вничью. Рыцари раз пять съезжались, но все промахивались. Пришлось их под свист трибун снимать с соревнований.

В перерывах играл оркестр, зрители ели мороженое и пирожки, один рыцарь выехал с плакатом, на котором было написано: «Защищаю честь прекрасной дамы Вероники».

Все стали спрашивать, кто такая Вероника.

Даже король заинтересовался и спросил у камергера:

— Почему я с ней незнаком?

Тут судья объявил, что Вероника — бабушка рыцаря. Все успокоились.

Пашки все не было. Как бы не перехватили его на дороге!

Когда кончила бой последняя, десятая пара, на поле снова выехал рыцарь Черного волка.

Изабелла сказала:

— Вот теперь начинается самое интересное!

Пронзительный голос судьи возвестил:

— Рыцарь Черного волка вызывает на роковой поединок до первой крови любого рыцаря королевства!

Из оркестра поднялся музыкант и трижды протрубил в рог.

Наступила тишина.

Никто не отозвался.

Музыкант снова поднялся и снова протрубил в рог.

Никто не явился. В третий раз музыкант поднес рог к губам, но протрубить не успел, потому что дальние ворота со скрежетом растворились и из них выехал рыцарь.

Алиса привстала. Неужели Пашка? Нет, для Пашки он слишком толст.

— Я, маркиз Фафифакс, готов сражаться с тобой, рыцарь Черного волка, до полной победы или первой крови! — воскликнул рыцарь.

— Победитель получает оружие, обмундирование и коня проигравшего, — заявил судья.

— Знаем! Знаем! — кричали на трибунах. — Пускай начинают.

Рыцари бок о бок подъехали к королевской ложе.

Король обернулся к епископу:

— Надеюсь, кровь ненастоящая? Я этого не выношу.

— Не беспокойтесь, ваше величество. Им выдано по пузырьку с красными чернилами. Черный волк победит маркиза в третьем заходе с небольшим преимуществом.

— Разрешаю вам поединок, мои дорогие смельчаки! — воскликнул король, поднимаясь со своего места. — Подавай сюда кубок, — обернулся он к камергеру, — все вам приходится напоминать.

Камергер раскрыл сундучок, стоявший у его ног, и вынул оттуда высокий хрустальный кубок.

Король поднял кубок в руке и произнес:

— Победитель получает этот приз! Вручит его наша гостья, заграничная принцесса Алиса.

Зрители захлопали, многие начали вставать, чтобы разглядеть неизвестную принцессу.

«Где же Пашка? — волновалась она между тем. — Куда он запропастился? Сидишь здесь, тратишь время понапрасну, а вдруг его уже на костер ведут?»

— Приготовились! — закричал судья.

Рыцари только опустили забрала, как ворота справа от Алисы распахнулись от сильного удара и на поле выехал третий рыцарь.

Он был в серебряных латах, на его щите была нарисована красная стрела.

Глава 16

РОКОВОЙ ПОЕДИНОК

Алиса чуть было не крикнула ему: «Пашка, скорей обратно!» Но осеклась. Пашка ее не услышит, а если услышит, не послушается. Да и королю с епископом этого слышать не надо.

— Это он! — сказал епископ.

— Это он! — сказал камергер.

— Это он? — спросил король, роняя на колени мороженое.

Рыцари на стадионе оторопели от такой наглости. Они стояли и ждали.

Доспехи Пашке были велики — правда, этого никто, кроме Алисы, не заметил, потому что остальные Пашку без доспехов не видели. «Наверно, — подумала Алиса, — он себя чувствует как зернышко в просторной ореховой скорлупе». Но даже в больших латах Пашка был раза в два меньше любого из своих врагов.

— Эй! — закричал он, не поднимая забрала. — Кто тут вызывал на поединок? Я готов к бою.

— Опоздал! — воспротивился главный судья. — Вызов уже принят. Это не по правилам.

— Да я его без правил на куски разорву! — завопил маркиз. — Он рабов освобождает!

И, тяжело развернувшись, он пустил своего коня навстречу Пашке.

— Нет! — крикнул Черный волк, цепляя копьем маркизова коня за попоны. — Он — моя жертва. Я первый его вызывал! Я ему покажу, как защищать моих служанок!

Помощникам судьи пришлось захватить взбесившихся рыцарей крючьями и тащиться за ними по земле, как якоря за кораблем в бурю.

Король разозлился и стукнул кулаком по барьеру.

— Всех разгоню! — закричал он, перекрывая веселый гул стадиона. — Прекратите безобразие!

По знаку камергера из ворот выбежали стражники и окружили рыцарей. Минут через пять удалось восстановить на стадионе порядок. А вот в королевской ложе порядка не было. Епископ наскакивал на короля, вот-вот заклюет:

— Не разрешайте ему драться, ваше величество, отдайте его мне. Я его на костре сожгу.

— Он рыцарь! — возражал шут. — Он не хуже наших чугунных болванов!

— Никакой он не рыцарь! — возмущался камергер. — У него документы фальшивые.

— Самый настоящий рыцарь! — спорила королева-мачеха. — Я с его родителями знакома. У них замок в живописной местности с прудом и лебедями.

Стражники подхватили под уздцы рыцарских коней и подвели их к королевской ложе.

— Я его знаю! — вмешалась в спор Алиса. — Он благородный рыцарь, но еще совсем мальчик. Его надо отпустить домой.

— Возраст не помеха, — ответил епископ. — Мы и новорожденного сжечь можем.

— Все ясно! — рявкнул король, когда ему надоело слушать эту перепалку. — Выношу свое решение.

Он встал во весь рост, поправил корону, стряхнул с колен лужу мороженого и заявил:

— Мы тут посоветовались с приближенными и решили...

Стадион замолк. Всем, разумеется, хотелось посмотреть бой — ведь за билеты деньги заплачены. Кроме того, у Пашки оказалось много болельщиков: слухи о его подвигах уже распространились по всему городу.

— Мы решили, — продолжал король, — дозволить бой.

— Уррра! — закричали на стадионе.

— Я протестую, — зашипел епископ. — Я буду жаловаться.

Но его никто не слушал.

— Золотой рыцарь Черного волка, — продолжал король, — будет биться с победителем пары маркиз — рыцарь Красной стрелы. Это справедливо. Кубок достанется окончательному победителю.

Под бурю аплодисментов король уселся в кресло.

— Я — справедливый человек, — сказал он. — Притом мудрый.

— Правильно, — улыбнулся камергер. — Вы самый справедливый и мудрый. А этот мальчишка никогда не одолеет маркиза, не говоря уж о моем племяннике.

— Это я и имел в виду, — сказал король. — Кто-нибудь его обязательно ухлопает.

Алиса почувствовала, как слезы навертываются у нее на глаза. Изабелла протянула ей свой платочек и сказала:

— Видишь, как опасно приукрашивать древнюю романтику.

Рыцарь Черного волка и судьи освободили середину поля. Стражники выстроились вдоль ограды. Забили барабаны в оркестре.

Пашка и маркиз разъехались к воротам. Конь у Пашки был небольшой, худенький — видно, подобран по росту. А когда соперники поскакали навстречу друг другу, казалось, что маркиз раздавит Пашку, как слон зайца.

Но этого не произошло.

Копья противников со всего размаху врезались в щиты, и от этого удара Пашка, как более легкий, вылетел из седла, взвился высоко в воздухе и приземлился метрах в двадцати.

Тут бы поединок и кончился в пользу толстого маркиза.

Но помогло чудо: подпруга седла у маркиза лопнула, и он вместе с седлом свалился с коня, шмякнулся оземь и замер.

От неожиданности стадион онемел.

Алиса схватилась за барьер, чтобы перепрыгнуть и бежать к Пашке на помощь. Изабелла вцепилась в нее. Алиса попыталась вырваться, но увидела, что Пашка медленно поднимается на ноги. Он пошатывался — видно, как следует ему досталось. Он поднял забрало и приложил к шишке на лбу железную перчатку, поморщился, соображая, что делать дальше, а потом под приветственные крики зрителей подошел к лежащему на земле маркизу, достал меч и приставил его к горлу своего противника.

«И где же он успел выучить правила?» — изумилась Алиса, у которой после всех волнений руки и ноги отнялись.

Постояв, Пашка спросил судью:

— А что мне делать дальше?

Судья растерялся: он не рассчитывал, что мальчишка победит могучего маркиза, и боялся присудить Пашке победу. У маркиза были влиятельные друзья, и судье могло не поздоровиться.

Спас положение шут. Он громко сказал королю:

— Из одного чугунного болвана вылетел дух. Чего же мы с вами ждем? Пускай второй попробует!

Король был не очень доволен, но согласился:

— Пускай начинает поединок с Черным волком.

По его знаку стражники подхватили бесчувственного маркиза и поволокли к воротам.

К стражникам подбежал оруженосец Грико, чтобы им помочь. Алиса встретилась с ним взглядом, Грико подмигнул ей, и она тут подумала, что подпруга у маркиза лопнула не случайно.

Стражники взяли под уздцы маркизова коня, чтобы его увести, но Пашка закричал:

— Это не по правилам. Конь и доспехи достаются мне.

— Этого еще не хватало, — озлился камергер. — Он еще будет нас учить рыцарским правилам!

— И я, — продолжал Пашка, — прошу отдать трофейного коня и сбрую тому торговцу, у которого я брал взаймы мою лошадь.

— Этого не будет! — закричал камергер.

— Это по правилам, — возразил шут. — Так надо. Если король разрешит разок нарушить правило на турнире, в следующий раз нашего любимого короля прирежут в постели.

— Ты с ума сошел, — возмутился король. — Ты чему их учишь?

— Так каково ваше решение? — спросил шут как ни в чем не бывало.

— Конь и доспехи маркиза принадлежат рыцарю Красной стрелы, — объявил король. — Мы строго следим за правилами.

Тут же на поле выскочил торговец, подхватил коня и был таков.

Рыцарь Черного волка уже ждал своего соперника. Золотые латы сверкали, над шлемом покачивались алые перья. Он проверил подпругу и дал своему коню кусок сахара.

Пашка отыскал глазами Алису на трибуне и помахал ей.

— Вы все-таки знакомы? — спросил король. — Не нравится нам это.

— Я этого не скрывала.

Пашка поднял руку, чтобы опустить забрало, — рыцарь Черного волка уже потянул поводья, посылая коня вперед.

— Обходи его, Пашка! — крикнула Алиса из всех сил. — Вспомни, как в хоккее защитника обходил!

Хорошо бы Пашка услышал. Второй раз на землю грохнуться — недолго и ногу сломать.

— Подсказывать нельзя, — сказал камергер. — И тем более колдовские слова.

— Почему колдовские? — спросила Алиса.

— Хоккей — никому не известное слово. Наверно, колдовское. И вообще, нам следует присмотреться к принцессе.

— Это не слово, — сказала Алиса. — Это имя одного рыцаря.

— Правильно, — пришла на выручку Изабелла, — я с ним знакома.

Алиса отыскала руку Изабеллы и пожала ее.

Изабелла чуть улыбнулась холодной и гордой улыбкой королевы-мачехи.

Пашка услышал подсказку. Он не спешил навстречу, а поджидал врага недалеко от своей стены, хотя зрители начали свистеть, решив, что рыцарь Красной стрелы струсил. А когда рыцарь Черного волка приблизился, Пашка сумел ловко отклониться в сторону, и соперник пролетел мимо, как неуправляемая ракета, не успев придержать коня. И когда конь в последний момент отвернул от стены, он вылетел из седла и со всего хода врезался в стену головой.

— О-ох! — стонал стадион, потому что все видели, как голова Черного волка ушла глубоко в плечи.

— Дьявол! — воскликнул епископ. — Он от меня не уйдет.

Все ждали, встанет рыцарь или нет.

Лишь король не беспокоился.

— Сейчас встанет, — сказал он. — У него только кости помялись, пустяки. Со мной так уже было — и ничего, царствую.

Алиса взглянула на короля и только теперь поняла, почему у него такое сплющенное лицо. И в самом деле, не прошло и минуты, как Черный волк приподнялся на руках, потом встал на колени и принялся выволакивать из ножен длинный меч.

Пашка соскочил с коня и осторожно приближался к сопернику.

Когда он был шагах в десяти, рыцарь Черного волка уже встал на ноги, обнажил меч и был снова готов к бою.

Он надвигался на Пашку, как бульдозер. Зрелище было внушительное особенно потому, что над широкими плечами выдавалась только макушка шлема и остатки красных перьев.

— Ну, вот теперь твоему парню не поздоровится, — не без удовольствия сказал король. — Не надо было сердить моего рыцаря.

Пашка с трудом поднял обеими руками тяжелый меч, но Черный волк со страшным рычанием взмахнул своим и выбил меч из Пашкиных рук. Добро бы только выбил, но и перерубил его.

Пашка стоял обезоруженным.

— Беги! — крикнула Алиса.

Она обернулась к Изабелле, чтобы та помогла спасти Пашку, но ее кресло пустовало. Надо же! В самый нужный момент королева куда-то ушла!

Черный волк снова занес меч, наверно, чтобы разрубить Пашку пополам, но Пашка увернулся и извлек из кармана свой знаменитый перочинный ножик, который был по сравнению с оружием его врага не больше чем булавкой.

Следующий удар Черного волка был так ужасен, что меч, просвистев по пустому воздуху, вонзился на полметра в землю.

Рыцарь страшно закряхтел, вытаскивая оружие из земли, а за это время Пашка успел, пользуясь свободной секундой, раскрыть свой перочинный ножик.

Рыцарь развернулся, снова рассек воздух мечом. На этот раз меч ушел в землю по самую рукоять.

— Нечестно! — кричали вельможи. — Убегать нельзя!

— Убей его! — вопил камергер.

— Держись, Красная стрела! — кричали с трибун.

Черный волк тужился, стараясь вытащить меч из земли. Судья подбежал к нему и стал помогать. Они тянули меч вдвоем, а Пашка тем временем спокойно подошел к рыцарю и прошелся перочинным ножом по его латам.

Рыцарь бросил меч и, подняв громадный железный кулак, обернулся к Пашке.

И вот тогда все зрители на стадионе буквально легли от хохота.

Как известно, рыцарские доспехи скреплены кожаными завязками. Эти-то завязки Пашка и перерезал своим знаменитым самозатачивающимся перочинным ножом.

И когда Черный волк поднял железный кулак, чтобы пригвоздить Пашку к земле, железные штаны упали вниз и стреножили его, как буйного коня.

Черный волк рванулся к Пашке, но потерял равновесие и, запутавшись в доспехах, рухнул на землю. Теперь уж окончательно.

Пашка не спеша подошел к поверженному врагу и поставил ему ногу на грудь.

Стадион буквально раскалывался от рукоплесканий.

— Добей его! — кричали зрители. — Он известный мерзавец и угнетатель. Не жалей!

Но уже подбежали судьи, а король взмахнул платком, измазанным в мороженом.

Стражники схватили Пашку и заломили ему руки назад.

— Немедленно прикажите казнить его! — требовал камергер. — Он нанес нам оскорбление, победив лучших рыцарей. Кто же теперь будет нас бояться?

— Сжечь его! — настаивал епископ. — Он победил дьявольской хитростью!

Но в это время все зрители на стадионе, заглушая угрозы вельмож, скандировали:

— Мо-ло-дец!

И еще:

— Ку-бок по-бе-ди-те-лю!

Над дальней трибуной взвился плакат:

Вот какие молодцы
Побеждают в Жанглецы!

— Все правильно, — сказал король, которому нельзя было отказать в сообразительности. Он встал и взял в руки кубок. — Приведите ко мне победителя.

Судьи увидели жест короля и бросились поднимать рыцаря Черного волка.

— Ну и дурачье, — поморщился король. — Этак они накликают целое восстание. Ведите другого.

Торговец между тем выскочил на поле и увел оттуда обоих коней. Никто, кроме Алисы, этого не заметил.

Пашка под охраной стражников и судей поднялся по боковой лестнице к королевской ложе. Под рукоплескания стадиона и кислые улыбки вельмож король вручил ему хрустальный кубок и пожал руку.

Глава 17

ПОБЕДИТЕЛЬ НЕ УЙДЕТ ОТ НАКАЗАНИЯ

— Ну, обошлось, — сказала Алиса с облегчением и отправилась было к Пашке, чтобы увести его домой.

— Не обольщайся, — услышала она голос шута. Алиса удивилась, какой у него печальный вид.

— Вы что, Фу-фу? — спросила она.

— Не верь улыбкам королей, — сказал шут. — Иначе быстренько без головы останешься.

— А что они могут сделать?

Краем глаза она наблюдала за Пашкой. Он снял шлем и не без удовольствия принимал поздравления от вельмож. Вельможи пожимали ему по очереди руку, вежливо осведомлялись: «Где вы учились рыцарскому искусству?» — глаза у них были злые, а рыцарь Красной стрелы принимал все это за чистую монету.

— Что они могут сделать? — повторил шут в задумчивости. Как будто они могли сделать столько гадостей, что трудно решить, какую выбрать. — Главное, сбежать пораньше, — сказал он наконец. — За ужином они Пашку обязательно отравят. Даю слово.

— Но мы же сейчас уйдем. Хватит.

— Уйдешь, как бы не так.

— Вот и отлично, — сказал король, глядя на Пашку с нежностью. — Теперь попрошу на ужин. Мы славно повеселимся. Надеюсь, мы все останемся друзьями?

Последние слова относились к маркизу и рыцарю Черного волка, которые стояли сзади, мрачные, как снеговые тучи. Рыцарь Черного волка стал до удивления похож на короля: глаза и

губы выпучились, подбородок и нос высунулись вперед, а щеки ушли вглубь.

— Простите, — сказал Пашка, который все еще улыбался, — но мне надо срочно возвращаться домой.

Король взял его под руку.

— Слушай, рыцарь, — сказал он. — Нехорошо получается. Даже нечестно. Кубки ты получаешь, богатырей моих побеждаешь, а принять королевское гостеприимство не желаешь. Зазнался, что ли?

— Нет, что вы, — сказал Пашка. — Я не хотел вас обидеть.

— Вот и отлично, — сказал король. — Перерыв двадцать минут. Чтобы через полчаса все были в зале. Вот только руки вымою, и начнем.

Король пошел к выходу, остальные — за ним. Только тут Алисе удалось пробиться к Пашке. Пашка шествовал как индюк, обняв одной рукой шлем с перьями, другой — хрустальный кубок.

— Тоже мне, рыцарь, — прошептала Алиса. — Спасай тебя теперь.

— Это меня спасать? — удивился Пашка. — Да я всех рыцарей одной рукой могу побороть.

— Что-то я этого не видела, — сказала Алиса. — Первый вылетел из седла, потому что ему кто-то подпругу подрезал, и я даже почти знаю, кто это сделал. А второго ты победил, потому что хитрее и хоккеем занимался. А по части силы ты им не соперник.

— Хотя бы и так, — ответил Пашка. — Но кубок-то я получил, и король меня поздравлял. А ты — спасать...

— Погоди ты, — перебила его Алиса, — хвалиться будешь в кружке биологов. В средневековой жизни я лучше тебя разбираюсь. Главное, удрать до ужина.

— Почему? Поужинаем и поедем. Я жутко голодный. Эти поединки ужасно выматывают.

— На ужине тебя обязательно отравят, — сказала Алиса. — Или как-нибудь еще укокошат.

— Ты с ума сошла! За что?

— А мало ты им здесь крови попортил?

— Чепуха, несмотря на отсталость, они все-таки рыцари.

— Тогда оглянись, рыцарь, — раздался голос шута, который, оказывается, бесшумно шел рядом. В двух шагах сзади, почти

наступая на пятки, вышагивали два стражника с обнаженными мечами.

— Ты думаешь, это почетный караул? — спросил шут ехидно.

— А вы не вмешивайтесь в чужие разговоры, — грубо ответил шуту рыцарь Пашка. — Довольно того, что вы пытались меня отговорить от турнира словно последнего труса.

— Ты зазнался, — заметила Алиса. — Это очень опасно. У тебя здесь мало друзей.

— Слишком мало, — согласился шут. — И убежать будет нелегко.

На улице их обогнали маркиз с Черным волком. Маркиз нарочно толкнул Пашку локтем так, что тот чуть не упал и уронил шлем. Черный волк поддал шлем ногой, и оба рыцаря захохотали.

— Да я вам... — начал Пашка.

Но его противников и след простыл.

Шут наклонился к уху Алисы:

— Попытаемся убежать, когда дойдем до дверей. Там темно, ты знаешь. По моему знаку побежите. Грико уже запряг карету королевы Изабеллы, они нас ждут.

Алиса кивнула.

— А пока уговори своего рыцаря слушаться тебя.

Пока они шли ко дворцу, болельщики узнавали Пашку, махали ему руками и кричали:

— Поздравляем, Красная стрела! Ждем на следующем турнире!

Пашка улыбался, а потом сказал почти серьезно:

— Странно, что никто автографа не попросил.

— Да они же здесь поголовно неграмотные! — сказала Алиса. — Пашка, опомнись и постарайся меня слушаться. Если еще чего-нибудь выкинешь, считай, что на биологическую станцию вход тебе запрещен. Ни в какие джунгли ты с нами не поедешь.

— А я, может, вообще решил здесь остаться, — ответил Пашка. — Буду защищать бедных и слабых. А если станут меня притеснять, уйду в разбойники, буду совершать набеги на баронов, как Робин Гуд.

— Прелестная мысль, — заметил сзади шут. — Ты еще и из лука умеешь стрелять, как Робин Гуд?

— Научусь, — не смутился Пашка.

Алиса поняла, что придется прибегнуть к последнему средству.

— Кроме того, — сказала она, — обо всем станет известно твоей маме. Я даю тебе честное слово.

— Ну уж... — Рыцарь Красной стрелы рухнул с высот на землю. — Можно обойтись и без таких угроз.

Они миновали двор и вошли в заднюю дверь дворца.

— Как скажу, побежишь, — шепнула Алиса и протянула руку, чтобы не потерять Пашку в темноте.

Они вошли в переднюю, за ней начиналась темная лестница наверх.

Но достичь темноты они не успели.

Глава 18

СУД ВО ДВОРЦЕ

Через всю комнату в ряд стояли стражники, а впереди них — камергер. Алиса почуяла неладное, дернула Пашку в сторону, а он со своими шлемом и кубком был неповоротлив, как бегемот.

Из боковых дверей тоже вышли стражники.

— Именем короля, — сказал камергер, — рыцарь Красной стрелы, колдун и самозванец, арестован.

— Не было такого королевского приказа! — сказал шут. — Это ты сводишь счеты.

— А мы его прямо к королю отведем. И там разберемся, кто из нас врет, а кто и клевещет, — ответил камергер.

Алису отшвырнули от Пашки. Ему заломили руки назад, кубок и шлем грохнулись на пол. Клубок стражников с Пашкой в середине покатился вниз по лестнице.

До Алисы донесся Пашкин слабый крик:

— Вы не имеете права, я вам не подчиняюсь!

— Право, право... — вздохнул шут, подбирая брошенный кубок. — Говорил я ему.

— Скорей, надо освободить Пашку! — умоляла шута Алиса.

— Ох уж эти дети! Как ты его освободишь? Пошли к королю. Может, все-таки это недоразумение.

В обеденном зале было пусто. Только слуги суетились у столов, расставляя тарелки.

— Кто-нибудь видел короля? — спросил шут.

— Они в тронный зал побежали, — сказал слуга. — Очень спешили. Даже рук не помыли.

— Ну и ну, — покачал головой шут, и все бубенчики на колпаке запели. — Чтобы ужин отложить — такого даже не помню.

Король был в тронном зале. Там пахло пылью и между колонн, куда не доставали уборщики, висела занавесями паутина. Вдоль колонн толпились вельможи и рыцари — когда только успели сбежаться?

Алиса с шутом вошли через боковую дверь как раз в тот момент, когда король устраивался поудобнее на троне, говоря склонившемуся к нему епископу:

— Только попрошу поскорее. Я еще рук не мыл. Не могу же я садиться за обеденный стол с грязными руками.

— Ваша воля, король, — заметил епископ. — Но ваши отец и дед никогда не мыли рук. Это не мешало им быть великими правителями.

— Мой отец был великий обжора, — возразил король. — А дед — великий пьяница. А ты, епископ, враг прогресса. Введите обвиняемого.

В зале появился рой стражников. Они разошлись веером, и оказалось, что между ними стоит мальчишка в порванной, грязной одежде. Пашка сильно уменьшился без лат и щита, и гонора у него поубавилось.

— На колени! — заявил камергер.

— И не подумаю, — огрызнулся Пашка.

В зале захихикали. Пашка не был опасен никому.

— Давай обвиняй.

— Мы обвиняем этого молодого человека, — епископ сделал шаг вперед, — в том, что он с помощью колдовской силы нарушил покой нашего государства. Он ограбил уважаемых людей, обманом победил наших лучших рыцарей и вытащил из огня ведьму. За это он заслуживает смерти.

— Смерть! — закричали вельможи. — Смерть!

— А сами кубок вручали, руку жали, — сказал с горечью Пашка.

— Ай-ай-ай! Ведь я в самом деле ему кубок вручал, — согласился король. — Что же получается, меня обманули?

— Разумеется, — сказал епископ.

— А вот это неправда. Меня никто обмануть не может. Иначе бы я не был королем. Я с самого начала обо всем догадался.

Но не мог же я казнить его на стадионе. Это бы не понравилось народу, который не выносит моих драгоценных рыцарей и лично тебя, дорогой епископ. И, наверно, за дело, потому что такого жестокого охотника за ведьмами в нашем королевстве еще не было. Но все равно для порядка мы должны примерно наказать смутьяна.

Епископу было противно слушать эту речь. Даже его клюв почернел от негодования. Но он взял себя в руки и как ни в чем не бывало продолжал:

— Свидетели, подойдите сюда!

Камергер подтолкнул маркиза Фафифакса и Черного волка.

Рыцари поклонились королю.

— В честном ли бою победил вас этот мальчишка? — спросил епископ.

— Обманом! — прошипел Черный волк приплюснутыми губами.

— Колдовством! — сказал маркиз и плюнул в Пашкину сторону.

— Больше свидетелей нет? — спросил епископ. — Вот видите...

Алиса выбежала из-за колонны.

— Я — свидетель, — сказала она.

— Вы иностранка! — сказал епископ.

— Пускай говорит, — усмехнулся король. — Мы же все равно решим, как нам будет удобнее.

— Да здравствует король! — закричали придворные.

— Все это нечестно, — сказал Алиса, стараясь не заплакать от злости. — На стадионе никакого колдовства не было. Все видели...

— Ну и что? — спросил король. — Значит, плохо глядели.

— Кроме того, он иностранный рыцарь. Из моего королевства. Изабелла может подтвердить. И я очень прошу, отпустите его. Я прослежу, чтобы он больше сюда не возвращался.

— Не унижайся перед ними, Алиска, — сказал Пашка.

Шут забежал сбоку и начал уговаривать короля:

— И зачем нам с вами осложнения с соседями? Нам и внутренних бед хватает. Еще войной на нас пойдут...

— Молчи, шут, — ответил король. — Соседи далеко. Какое им дело до бродячего мальчишки? А вот мои собственные вельможи близко. Кто мне опаснее: мальчишка или епископ? Сегодня я епископу помогу, завтра и он меня не забудет. К примеру, намечаю я ремонтировать дворец, а денег в казне нет...

— Об этом стоит подумать, — заметил епископ.

— Вот видишь. А ты мне: соседи, соседи, иностранное мнение... Продолжай, епископ.

— Тут некоторые, — сказал епископ, — пугают нас иностранными державами. А кстати, кто может поклясться, что это настоящая принцесса?

— Ну, ты уж слишком, епископ, — прервал его король. — Она Изабеллина племянница с материнской стороны.

— Не уверен, — сказал епископ. — Но дело не в этом. Если вас, король, беспокоит законность, я сейчас такого свидетеля приведу, что пальчики оближешь. Никакая заграница не пикнет.

— Хорошо бы. Страсть не люблю международных осложнений. Веди свидетеля.

По знаку епископа двери отворились, и монах, подпоясанный веревкой, втащил на веревке маленькую девочку. Она была в разорванном платье, лицо ее было измазано и заревано.

— Сейчас же отпустите ее! — крикнул Пашка.

Эту девочку Алиса где-то видела.

— Ага, узнал? — обрадовался епископ. — Кто она такая?

— Это просто маленькая девочка, — сказал Пашка. — Перестаньте ее мучить.

По побеленному лицу шута скатилась большая слеза. Где же Изабелла?

— Теперь им ничем не помочь, — прошептал шут.

— А ты знаешь этого человека? — спросил епископ у девочки.

— Этот дядя меня из дров вынул и домой отвел, — сказала девочка. — Дядя, зачем они меня снова взяли?

Епископ торжествовал:

— Вот, король. С громадным трудом моим сотрудникам удалось снова обнаружить эту ведьму на чердаке, где ее прятали родители. Никто не избежит нашего правосудия. Хоть десять раз из костра ведьму вынимай, а мы ее снова туда же!

— А в чем, кстати, ее вина? — спросил король. — Что-то уж очень она мала для ведьмы.

— Для ведьм не существует возраста, — сказал епископ. —

Бывают даже новорожденные ведьмы. Нам на нее донесли соседи. Она рисовала на песке колдовские фигуры.

— Я рисовала картинки, — сказала девочка, — а не фигуры.

— И одна из фигур была похожа на ваше величество, — сказал епископ. — Вы знаете, что это значит?

— Чур меня! Я мог от этого заболеть и даже умереть! — перепугался король. — Это всем известно.

Вельможи роптали и старались не глядеть на колдунью.

— Я доброго короля рисовала, — сказала девочка.

— Никакой пощады! — рявкнул король. — Все они одна компания.

— Включая принцессу и королеву Изабеллу, — поспешил уточнить епископ.

Но король уже опомнился.

— Тебе бы всех арестовать, — сказал он, — хватит тебе рыцаря с ведьмой. Делай с ними что хочешь. А для наших родственников твои руки коротки!

Епископ поклонился. Он-то добился своего.

— Можно зачитать ваш указ? — спросил он, не скрывая торжества.

— Уже заготовили? — совсем не удивился король.

— Ваш указ готов, — сказал камергер, разворачивая свиток с подвешенной снизу печатью: — «Мы, король и повелитель, приказываем колдуна и самозванца, известного под именем рыцаря Красной стрелы, а также его подругу ведьму сжечь на костре. Собственноручно подписано. Король».

— Нет, так не пойдет! — сказал король.

У Алисы шевельнулась в сердце надежда. Но она тут же исчезла, потому что король продолжал:

— Не годится рыцаря жечь. Отрубим им головы, и дело с концом. О гуманизме не забывайте.

— Да здравствует наш добрый король! — закричали придворные.

— Ну и ладушки, — сказал король. — Дай-ка подмахну. И ужинать. Ведь так и с голоду помереть можно.

Он взял протянутое ему камергером орлиное перо, расписался под указом и сказал Пашке, поднимаясь с трона:

— Лично против тебя, рыцарь Красной стрелы, я ничего не имею и даже с удовольствием наблюдал за твоими поединками. Как порядочный человек, я подтверждаю награждение кубком.

Пусть этот кубок останется с тобой неразлучно до самой твоей смерти.

Раздались аплодисменты и крики: «Да здравствует король!»

И король быстро соскочил с трона и бросился в заднюю дверь, чтобы не потерять ни минуты. Ведь ему надо было вымыть руки, а ужин мог остыть.

Глава 19

ПАЛАЧ ПОДТВЕРЖДАЕТ

— Ваше величество, — бросилась за королем Алиса. — Это уже никуда не годится...

Короля она не догнала, а стражники по знаку камергера тут же схватили Алису за руки и заткнули ей рот. Это было сделано так ловко, что она растерялась и видела вокруг только высокие сапоги и кожаные животы стражников.

Она тыкалась в тумбы-ноги, как мышонок, окруженный слонами, а когда ноги разошлись, поняла, что стоит посреди опустевшего зала.

Никого нет. Только слуги гасят свечи.

Лишь на возвышении у трона пригорюнился шут Фу-фу. Его набеленное лицо изборождено потеками слез, дурацкий колпак сполз на ухо... Алиса взяла себя в руки и громко сказала, хоть и сама не верила в то, что говорила:

— Хватит слезы лить! Сколько можно! Пошли к королю. Я не дам ему пожирать компот, пока он не перестанет безобразничать.

— Очень он тебя послушает! — воскликнул шут. — К тому же он боится, что епископ его отравит или камергер зарежет. Это же сплошной скорпионник. Ну кто просил твоего Пашку приезжать сюда и устраивать представление?

— Если вы не идете, я иду без вас.

— И сама голову потеряешь, и парню не поможешь, — ответил шут, не двигаясь с места. — А без меня короля не найдешь, заблудишься во дворце.

— Может, вам нужны деньги? Вы их любите? Я обещаю, что, как только вернусь, пришлю вам сколько пожелаете. Мне помогут.

— Глупая. Раз в жизни я переживаю бескорыстно, и то мне не верят!

В этот момент до них донесся звук трубы. Такой тоскливый, словно волк заблудился в черных коридорах.

— Ну вот, — сказал шут. — Мы опоздали.

— Как опоздали?

— Начинается казнь.

Алиса схватила шута за полосатый рукав и так дернула, что он потерял равновесие, скатился вниз, но тут же вскочил на ноги и бросился к двери.

Алиса за ним.

Они бежали по черным переходам и лестницам, и казалось, что конца им не будет.

— А где Изабелла? — крикнула Алиса на бегу.

— Она побег вам готовила, — ответил шут. — Но все зазря. Против них нужна по крайней мере дивизия с пушками. Уговорами их не проймешь.

Неожиданно в глаза брызнул свет.

Они сбежали по лестнице к небольшой площади. С одной стороны площадь ограничивал дворец, с трех других стояли дома — серые, мрачные, высокие, с узкими окнами.

Посреди площади возвышался деревянный помост.

На помосте — большая колода. Рядом с ней — Пашкин кубок.

По одну сторону колоды стояли Пашка и девочка-ведьма. Пашка держал девочку за руку и успокаивал ее. Девочка рыдала.

«Еще бы, — подумала Алиса, — второй раз за день казнят».

Пашка был бледный как полотно. И даже немного дрожал. Но держался.

По другую сторону колоды переминался с ноги на ногу огромного роста человек с длинной завитой бородой, в красной короткой накидке и черных штанах. Как на костыль, он опирался на страшных размеров топор. Это был палач. Там же стоял епископ.

Помост был окружен цепью стражников. За ними толпились вельможи и рыцари, торговцы и придворные, которых Алиса уже видела у короля на обеде и на стадионе. Народ попроще глядел на это представление из окон домов и из переулков, вливавшихся на площадь.

— Вот видите, — сказал епископ, делая шаг к краю помоста, — как велика милость нашего короля. Вместо того чтобы сжечь этих колдунов на костре, он подарил им гуманную кончину — от руки нашего уважаемого мастера.

Палач поклонился зрителям.

Затем епископ обернулся к осужденным и спросил:

— Раскаиваетесь ли вы в своих страшных преступлениях?

Девочка ответила:

— Не знаю.

А Пашка пожал плечами. Может, надеялся, что все это сон?

— Есть ли у тебя последнее желание или жалоба? — спросил епископ у ведьмочки.

— Я к маме хочу, — сказала она.

В толпе послышался недовольный ропот. Все здесь верили в ведьм, но все-таки некоторым стало жалко девочку.

— Она же только притворяется девочкой! — воскликнул епископ.

Люди замолчали. Ведь в самом деле, если веришь в ведьм, приходится верить, что они умеют притворяться девочками.

— Есть ли у тебя, колдун и самозванец, последнее желание? — спросил епископ у Пашки.

— Отпустите меня, — сказал Пашка. — И я уеду.

Вельможи и рыцари стали улюлюкать и кричать:

— Трус! Кончай его, палач! Позор!

Тогда Пашка покраснел, разозлился и закричал, перекрывая свист и крики:

— Ничего я не струсил! Вы сами трусы! Не надо мне вашей пощады...

— Может, это ему только кажется? — спросила Алиса у шута.

Шут покачал головой и сказал:

— Уже не кажется...

Епископ махнул рукой.

Барабанщики затараторили в барабаны.

Алиса понимала, что нужно бежать, прекратить это издевательство. Но, как в дурном сне, ноги не слушались ее, язык прилип к горлу, и она стояла словно восковая кукла, глядя, как палач не спеша протирает суконкой и без того блестящий топор, а его помощники ведут Пашку к колоде и заставляют опуститься на колени.

И в этот момент Алиса услышала, что сзади кто-то бежит к ней. Она не могла отвернуться от помоста, но чувствовала, как до ее плеча дотрагивается мягкая рука, и ей вдруг захотелось услышать мамин голос: «Ну, просыпайся же, Алиса, в школу опоздаешь».

Но голос принадлежал королеве-мачехе:

— Алиса, ты меня слышишь?

— Где вы были, королева? Почему вы опоздали?

— Нельзя падать духом. Еще не все потеряно. Я пришла, чтобы напомнить об одном древнем обычае.

— Скорей! О каком обычае? О каком?

Палач кончил вытирать свой любимый топор, вырвал волос у себя из бороды, подбросил его вверх и на лету разрубил под аплодисменты вельмож.

— Неужели не слышала? Если чистая, юная девушка объявит осужденного своим женихом...

— Вспомнила! — крикнула Алиса. — Стойте!

Но из-за грохота барабанов ее никто не услышал.

Она бросилась сквозь густую толпу вельмож и рыцарей, извиваясь как змея и пуская в ход острые локти и колени. Ее пытался остановить толстый маркиз, к ней тянулись лапы стражников и монахов, но вот она, придерживая белое платье, взлетела по шатучей лесенке на помост и встала рядом с палачом.

Палач уже занес топор над головой Пашки.

— Стойте! — закричала Алиса.

Барабаны продолжали бить.

Но рядом уже стояла королева-мачеха. Она властно подняла тонкую руку, и этому знаку барабанщики подчинились.

Епископ скривился, словно у него заболел зуб.

Наступила мертвая тишина, только слышно было, как быстро и громко бьется Пашкино сердце.

— Слушайте принцессу! — сказала Изабелла.

— Слушайте, — сказала Алиса. Она заговорила негромко, но ее слова долетали до самых верхних этажей домов и проникали в переулки. — Есть старинный обычай. Юная девушка может взять осужденного в женихи, и тогда его должны отпустить.

— Правильно! — раздались голоса на площади. — Был такой обычай.

— Его давно отменили! — спохватился епископ. — Его уже нет!

— Кто его отменял? — строго спросила Изабелла. — Поднимись сюда, старый плут, и поклянись перед народом королевства, что этот обычай отменен.

— Не отменен! Не отменен! — кричали на площади.

— Отменен! — завопил маркиз.

И вдруг послышался тонкий, почти детский, но очень пронзительный голос. Это говорил громадный палач, который возвышался над всеми как гора:

— Мне лучше знать про этот обычай! Я специалист. Никто этого обычая не отменял, только давно не находилось девушек, которые хотели взять в женихи осужденного, тем более колдуна. Мне этот обычай страшно невыгоден, но я — честный палач.

— Тогда я беру этого рыцаря себе в женихи, — сказала Алиса.

— Ура! — закричал шут, который уже развязывал Пашке руки и помогал ему подняться с колоды. И добавил: — Но тебе, Алиса, придется выходить за него замуж. Не завидую.

— Оркестр, свадебный марш! — приказала королева-мачеха.

Оркестр послушно заиграл торжественный марш, Алиса протянула Пашке руку и пошла с ним к лестнице, вниз с помоста. Палач махал им вслед топором.

— Скорей! — сказала Изабелла. — Сейчас они спохватятся. Лошади ждут в том переулке.

— Ты чего, Пашка? — крикнула Алиса.

Но Пашка рванулся назад.

— Ведьмочку! Ведьмочку я им не оставлю!

— Не думай об этом! Ты всех погубишь! — испугался шут.

Но Пашка уже подхватил ведьмочку и метнулся вслед за остальными.

— Дорогу молодым! — закричал тонким голосом палач. — Да здравствует древний обычай! Кубок не забудьте!

Изабелла быстро шла первой, и вельможи, рыцари, стражники и монахи волей-неволей расступались перед ней.

Глава 20

БЕГСТВО ИЗ ГОРОДА

Они не успели добежать до переулка, как сзади донесся тонкий голос:

— А ведьму зачем взяли? Ведьмочку мне верните!

— Обман! — пришел в себя епископ. — Держи их!

До входа в переулок оставалось всего шагов двадцать. Навстречу уже бежали два стражника. Они выставили свои алебарды, но королева-мачеха сверкнула глазами и приказала не терпящим возражений королевским голосом:

— Назад! Как вы смеете!

Стражники остановились. Где уж им, беднягам, разобраться, кого слушать, а кого хватать?

У входа в переулок толпились зрители, которые сразу расступились и образовали коридор, в конце которого задом к площади стояла карета. Над ее крышей возвышалась лохматая голова оруженосца Грико, который сидел на козлах. Он поднял руку, торопя друзей.

За спинами беглецов люди сразу сомкнулись, и стражники, гнавшиеся за ними, волей-неволей задержались, расталкивая упрямых зрителей.

Первым в карету прыгнул Пашка с девочкой на руках, потом Алиса, потом шут с Пашкиным кубком, а когда карета уже тронулась, — королева-мачеха. Сейчас она меньше всего была похожа на королеву: пышные волосы растрепались, щеки раскраснелись, а корону она где-то потеряла.

Колеса кареты застучали по булыжной мостовой. Гул толпы и крики сразу затихли.

— Ну уж теперь-то все? — спросила Алиса.

— Вряд ли, — ответил шут, выглядывая в заднее окошко. — И не представляю, как из города вырваться. В любой момент они могут закрыть ворота.

— Эх, нет у меня коня и меча, — вздохнул Пашка, — я бы их задержал.

— Нет, вы только на него посмотрите, — засмеялась Изабелла, которая достала зеркальце и гребень. — Не успели убежать, как он снова расхрабрился.

Пашка насупился. Обиделся.

— В самом деле, молчал бы, — не удержалась Алиса. — Сколько неприятностей из-за твоего легкомыслия!

Она поглядела в окно. Совсем близко из домов выглядывали удивленные лица: никому еще не приходилось видеть, чтобы карета с королевским гербом неслась по улицам как сумасшедшая. Королевским каретам положено ездить с достоинством.

— Мне так вас не хватало, — сказала Алиса Изабелле.

— Я надеялась, что Пашке удастся со стадиона спастись. Вот и побежала искать Грико. Мы с ним вывели мою карету из конюшни. А потом перегнали ее к площади казней. Чуть не опоздали.

Карета замедлила ход.

— Сейчас будут ворота, — сказал шут.

— Посторонись, Фу-фу, — сказала Изабелла. — Жалко, я где-то корону обронила.

Изабелла откинула окошко и выглянула наружу.

Карета встала.

— Ложитесь на дно, — прошептал шут своим спутникам.

Алиса услышала ленивый голос королевы Изабеллы:

— Нахал, ты не узнаешь свою вдовствующую королеву-мачеху?

— Как же без короны узнаешь? Вы бы мне лучше документ показали.

— Ты где, болван, видел, чтобы королевы с собой документы возили?

— Я, конечно, не видел, но слыхал.

— Ужасно, решетка ворот опущена, — простонал шут.

— Ах так! — возмутилась Изабелла, распахивая дверь кареты и выпрыгивая на мостовую. — А теперь ты меня узнаешь?

— Узнаю, ваше величество, по платью узнаю! — ответил стражник. — Поднимай решетку, опускай мост! Их величество изволят гневаться!

Завизжали железные цепи.

— Мне что, — разглагольствовал стражник. — Мне велено документы спрашивать и после обеда никого из города не выпускать. Конечно, бывают исключения... И в кареты заглядывать приказано. Мне их превосходительство камергер говорил: «Да будь, говорил, там твои родные мама-папа, все равно проверяй, чтобы не было контрабанды или беженцев. Если не проверять, у нас полгорода разбежится».

— Погоди, — сказала Изабелла. Послышалось шуршание материи и звон.

— Кошелек достала, — шепнул шут. — Правильно. Единственный способ. Ну что они там медлят?

Сзади послышался шум. Алисе показалось, что она различает крики и стук копыт. Как медленно поднимается решетка!

— Вот, держи, — сказала Изабелла. — Сдачи не надо.

— Тогда другое дело, — сказал стражник. — Что такое? Кто там скачет?

Тут же раздался голос Изабеллы:

— Грико, гони!

— А вы?

— Я их постараюсь задержать! Меня не тронут!

Карета рванула с места, все быстрей и быстрей. Загрохотали колеса, уж близко топот копыт... И сквозь шум слышны слова Изабеллы:

— Счастливого пути, принцесса Алиса!

Карета вдруг накренилась назад, словно взбиралась на гору.

— Эх, залетные! — закричал на лошадей Грико. — Не подкачайте!

Карета взлетела на подъемный мост, который еще не успели опустить, лошади прыгнули через широкую щель, карета пролетела, словно лыжник с трамплина, ударилась передними колесами о дорогу, каким-то чудом осталась цела и покатила прочь от города.

Глава 21

ПРОЩАЙ, ШУТ!

— Все живы? — спросил шут.

— Я жива, — сказала ведьмочка. — Мы скоро приедем к маме?

— Я себе вторую шишку набил, — сообщил Пашка. — Как на турнире.

— Потерпи, — сказала Алиса. Она тоже ушибла коленку, но не стала жаловаться. Все равно не поможешь.

Шут встал коленями на сиденье и смотрел в заднее окошко.

— Ждут, пока мост опустят, не решаются прыгнуть, — сказал он. — Тоже мне смельчаки.

— Они Изабеллу не убьют? — спросила Алиса.

— Сейчас не убьют, не посмеют. Но вообще-то говоря, ей отсюда надо уезжать. Обязательно отравят. Давно бы отравили, но Изабелла сама себе готовит. И меня тоже, если я вернусь. А может, зарежут. Не такая уж важная птица. А жалко...

— Давайте спрячемся где-нибудь и переждем, — сказал

Пашка, — а потом вернемся в город и увезем Изабеллу. Опасно ее оставлять.

— Но вы-то с нами? — спросила Алиса.

— Нет, мне с вами нельзя. Я, можно сказать, из другой истории. Вот девчонку вам придется с собой взять. Может, воспитаете...

Карета подпрыгивала на ухабах — дорога была паршивая. Вот карета взбирается на холм, где Алиса встретилась с маркизом и Грико...

— Скорей! — крикнул шут. — Они выскочили из города!

— Я и так гоню из последних сил, — послышался голос Грико. — Одно колесо еле держится — вот-вот отвалится.

Шут приоткрыл дверцу кареты и высунулся наружу.

— Сворачивай на боковую дорожку. И гони до оврага. Знаешь где?

— Знаю.

— В овраге остановись так, чтобы карета дорогу перегородила.

Карета покатила вниз.

И снова сквозь стук донесся топот коней.

Все ближе, ближе...

Шут подхватил девочку.

— Держитесь! — крикнул он ребятам.

Карета накренилась, разворачиваясь, и замерла.

Пассажиры попадали друг на друга. Дверь распахнулась. За дверью стоял Грико.

— Торопитесь, — сказал он, подхватывая девочку, которую ему передал шут.

Шут выскочил следом.

Когда Алиса спрыгнула на землю, она увидела, что карета стоит поперек дороги, которая с двух сторон стиснута крутыми заросшими откосами. Пашка покинул карету последним.

— Беги за шутом! — крикнул Грико.

В руке у него был меч.

Он подтолкнул Пашку с Алисой к кустам. Шут с девочкой на руках уже карабкался вверх.

— А ты? — спросила Алиса.

Рыцари были уже совсем рядом, по ту сторону кареты. Они придерживали коней, чтобы не врезаться в нее.

— Я их задержу! Прощай, Алиса.

— Я останусь с ним, — заявил Пашка. — Они его убьют!

Алиса схватила его за руку и дернула к кустам.

— Ничего они со мной не сделают! — крикнул Грико. — Недаром я учился на рыцаря. Я их задержу, а потом убегу и отправлюсь путешествовать. Или моряком стану.

— Держи их! — кричал маркиз, но с лошади не слезал.

— Хватай! — кричал рыцарь Черного волка, вертя сплющенной головой.

В последний раз Алиса увидела оруженосца с вершины склона. Лохматый Грико стоял на крыше кареты и отбивался мечом сразу от десяти рыцарей, которые страшно мешали друг другу на узкой дороге.

— Прощай, Алиса! — крикнул Грико. — Может, я еще приплыву в твое королевство.

— Скорей! — торопил ребят шут. — Они уже пустили по нашим следам стражников. Пашка, забирай свой кубок, а то мне тяжело.

— Вы его не забыли? Вот здорово! — обрадовался Пашка.

— В такую минуту заботиться о пустяках! — сказала Алиса и про себя подумала, что некоторые мальчишки всегда остаются детьми.

От стражников удалось убежать. Шут долго вел беглецов по лесу, путая следы, переходя вброд ручьи и пересекая каменные осыпи.

Алиса устала так, что готова была на все за минуту отдыха. Но терпела. Шуту было труднее. Он тащил на руках девочку.

И когда Алиса уже решила сесть на землю и умереть, лес расступился, беглецы оказались на краю поляны.

Посреди нее стоял небольшой ржавый космический корабль, на борту которого было написано: «Посетите магазин Фуукса!»

— Твоя карета? — спросил шут.

— А вы как догадались?

— Я все знаю, — ответил шут. — Иначе бы не выжить в этом государстве.

Он поставил девочку на ноги.

— Обещаете о ней позаботиться?

— Обещаем, — сказала Алиса.

— Тогда прощайте. Счастливого пути.

Пашка с Алисой, держа ведьмочку за руки, пошли к кораблю.

— Я тоже на нем прилетел, — сообщил Пашка.

— Знаю, — сказала Алиса. — Ты в нем значок потерял.

У корабля они оглянулись. Шут стоял на краю леса. Был он маленький и печальный. Он стянул с головы дурацкий колпак и помахал ребятам. Бубенчики зазвенели тонкими голосами.

— Не хочется мне их здесь оставлять, — сказала Алиса.

Пашка помог ей и ведьмочке залезть внутрь корабля.

— Жалко будет, если их отравят, — сказал Пашка. — Они нам здорово помогли.

Он закрыл люк. Стало темно.

— Куда бы поставить кубок, чтобы не разбился? — спросил он.

— Держи в руках, — сказала Алиса. — Жених...

Ей было грустно.

Глава 22

СНОВА ФУУКС

Путешествие обратно было быстрым и незаметным.

Правда, ведьмочка канючила и просила пить, а воды на корабле не нашлось.

Зажглась надпись:

«ПЛАНЕТА ПЕНЕЛОПА.
МОЖНО ВЫХОДИТЬ».

Люк открывался со скрипом, словно городские ворота. Снаружи был вечер. Мимо пролетела стая светящихся птичек с длинными хвостами.

Было тепло, как всегда на планете Пенелопа, в славном городе Жангле-многоточие.

В траве суетились светлячки.

Дверь на кухню Фуукса была приоткрыта. Из щели лился желтый свет и доносился детский смех.

— Ну вот, — сказала Алиса. — Вроде бы обошлось.

Она поглядела на Пашку, который выпрыгнул из люка и стоял рядом.

Даже в сумерках было видно, какой он грязный и оборванный. Словно недели две непрерывно сражался с драконами.

Алиса опустила ведьмочку на землю. Ведьмочку тоже надо будет приодеть. Да и сама принцесса...

Ведьмочка вырвала руку и побежала к дому.

— Погоди, — сказала Алиса. — Ты их там перепугаешь.

— Ой, смешно! — ответила ведьмочка.

Она уверенно распахнула дверь на кухню, и в лицо путешественникам ударил сноп света. Черным силуэтом, как в театре теней, ведьмочка замерла на пороге.

— Памила! — раздался женский крик. — В каком ты виде! Сейчас же переодевайся и мой руки. Совершенно невозможно оставить с отцом!

Алиса с Пашкой по узкой тропинке подошли к двери и осторожно заглянули внутрь.

Незнакомая женщина решительно раздевала ведьмочку. Над тазом с горячей водой поднимался пар.

Чисто умытые мальчишки, сыновья Фуукса, прыгали рядом и кричали:

Не пускай таких грязнуль
В славный город Жангленуль!

— Ничего не понимаю, — сказала Алиса.

Мальчишки оглянулись и увидели Алису с Пашкой.

— А эти еще грязнее, — удивился один из мальчишек.

— Прекратите, дети, — раздался голос от двери.

Там стоял Фуукс. Он был в халате, усеянном звездами. Черные очки и громадный нос придавали ему зловещий вид, который никак не соответствовал его веселому голосу.

— С возвращением, друзья! — воскликнул он. — Проходите, проходите прямо в магазин и подождите меня одну минуту.

Он схватил ребят за руки и потащил через кухню к двери в магазин.

Вслед им несся голос женщины:

— О других ты думаешь, а обо мне никогда. Я возвращаюсь домой с конференции по прерывной квантовой терминологии, а дома все вверх дном. Дети по пояс в варенье, дочки вообще не видно, а появляется она в виде какой-то нищенки, измазанная с головы до пят... Потом ты в своем маскарадном костюме с накладным носом, еще какие-то грязные дети... Клянусь, что заставлю тебя отказаться от этой дурацкой лавочки и заняться делом. Или мы с детьми покинем тебя...

Дверь за Пашкой и Алисой захлопнулась, и до них доносились лишь отдельные звуки, как две мелодии: низкая и суровая — Фууксовой жены и высокая, прерывистая — самого Фуукса.

Сова так же висела кверху ногами на суку.

На бочке лежали разноцветные бумажки.

На полу валялись осколки разбитой вазы.

Часы пробили семь раз. Всего час назад Алиса была в этой комнате.

Хлопнув дверью, в магазин ворвался Фуукс.

— Еле вырвался. Вы довольны? — спросил он. — Приключения были? Документы пригодились?

— Бальтаз-уу-ур! — раздался из-за двери крик. — Немедленно снимай маскарад и накрывай на стол.

— Иду, кисочка! — крикнул Фуукс. — Ну ладно, увидимся, заходите, всегда рад... Может быть, куда-нибудь слетаем.

Фуукс помахал ручкой и бросился обратно, на ходу стаскивая нос с приклеенными к нему черными очками. Халат распахнулся на бегу, и из-под него показались тонкие ноги в штанах в обтяжку, одна штанина красная, другая — синяя, словно у средневекового шута.

Дверь захлопнулась и снова растворилась.

Оттуда высунулась Памила и подмигнула Пашке.

— А я ведьма! — сказала она басом.

...На Сувенирной улице все было по-прежнему. Светились витрины, гуляли туристы.

Самой бедной была витрина магазина Фуукса.

Керосиновая лампа освещала белый листок бумаги.

— Ты читал? — спросила Алиса.

— Еще бы, — сказал Пашка. — Все и началось, когда я прочел.

— И не жалеешь?

— Ты с ума сошла! Да я бы сейчас все повторил!

— Нет, ты безнадежен, — сказала Алиса.

Пашка покрепче обнял хрустальный кубок и сказал, словно ничего не случилось:

— Ну, ты идешь? Нас ведь ждут.

Глава 23

ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ГДЕ МЫ БЫЛИ!

Юные биологи стояли на площади перед гостиницей — ждали Алису с Пашкой.

— Идут! — крикнул Джавад.

— С ума сойти! — ахнула Машенька Белая, увидев, как они подбегают к гостинице. — Что с вами случилось? Пашка, ты на помойке валялся? Алиса, что за платье на тебе?

Алиса только сейчас вспомнила, что забыла вернуть Фууксу платье принцессы.

— Откуда ты такую вазу приволок? — спросил Джавад.

— Ребята, вы себе не представляете... — начал Пашка.

— Еще как представляем, — ответил серьезный Аркаша. — Мы с ног сбились, вас разыскивая. Ну ладно еще Пашка, он романтик, но от тебя, Алиска, мы этого не ожидали.

— Где ты шишку такую заработал? — спросила Маша. — Ты дрался?

— Если б вы знали... — снова начал Пашка.

— Я знаю только, что на чужой планете вы убежали от нас неизвестно куда и ничего нам не сказали. Товарищи так не поступают. — Аркаша был неумолим.

— Не вините их слишком строго, — сказала, подойдя незаметно, вдовствующая королева-мачеха Изабелла. — Я уверена, что Алиса ни в чем не виновата. А что касается вашего друга Пашки, он не смог устоять перед искушением. А потом уже было поздно...

— Вы его не знаете... — начал было Аркаша, но посмотрел на Алисину физиономию и осекся. Алиса стояла разинув рот и глядела на королеву-мачеху как на самое настоящее привидение. Королева сменила синее длинное платье с серебряными узорами на легкий серый комбинезон с зеленой ветвью галактической биологической службы на груди. А в остальном...

— Давайте знакомиться, ребята, — сказала королева-мачеха. — Меня зовут Светланой. Я работаю на лесной станции Пенелопы. В ближайшие две недели вы будете моими гостями — вместе будем жить в джунглях, собирать коллекции, купаться и загорать.

— Вас зовут Светланой? — спросил Пашка. — Я не ослышался?

— Нет, мой дорогой рыцарь, — ответила королева-мачеха.

— И вас не отравил епископ?

— Как видишь, нет.

— И вы никогда не были в том королевстве?

— В каком?

— Пашка совсем зарапортовался, — сказала Машенька. — Видно, участие в драках не проходит бесследно.

— Вы нам потом все расскажете, ребята, — улыбнулась Светлана. — А сейчас быстро умываться, переодеваться — моя машина уже ждет. Нам надо до ночи добраться до лесной станции.

Алиса зашла к себе в комнату, сняла платье, включила душ, присела на секунду в кресло и поняла, что снова подняться она не в силах. Ноги отнялись от усталости.

Конечно, это могло быть миражем, иллюзией, шуткой... никакая это не рыцарская планета...

Но ссадина на Алисиной коленке была самой настоящей. И кубок, который Пашка потащил к себе в комнату, прижимая к груди, как мама любимого младенца, был настоящим.

В дверь постучали.

— Можно, Алиса? — В дверях стояла Светлана.

Она сразу увидела ссадину на распухшей коленке.

— Ты это где?

— В карете, — сказала Алиса. — Когда через ров прыгали.

— Ты ее как следует промой, я тебе пластырь принесу.

— Ничего, само заживет, — сказала Алиса. — Ой, как спать хочется!

— Потерпи еще немного, — сказала Светлана. — Через час будем на месте.

— Ладно. — Алиса заставила себя подняться с кресла. — Потерплю. Скажите, Светлана, это все шутка для туристов? Аттракцион?

— Я, конечно, не знаю, что ты имеешь в виду, но думаю, ты ошибаешься.

— Но этого не было? В самом деле не было?

Светлана рассмеялась:

— Откуда мне знать? Я сегодня весь день провела в лаборатории. Почти никуда не выходила. Иди, иди, мойся. На тебя смотреть страшно.

Алиса открыла дверь в душ.

— Я тебе тут одну вещь на столик положу, — сказала Светлана. Что-то звякнуло. — А то Пашка хватится, с ума сойдет от горя. Как же ему, бедному, без оружия жить в настоящих джунглях?

Послышались легкие шаги. Щелкнула, закрываясь, дверь. Алиса выглянула в комнату.

На столике лежал Пашкин перочинный нож с множеством лезвий. Тот самый, которым рыцарь Красной стрелы разрезал завязки на латах Черного волка, о чем еще долго будут вспоминать в городе, где живет, если ее не отравили, королева-мачеха Изабелла.

Часть III

КАНИКУЛЫ НА ПЕНЕЛОПЕ

Глава 1

ПОЛОВИНА РОГАТОЙ СОБАКИ

На планете Пенелопа, в диких, нехоженых джунглях, над рекой, названия которой еще не придумали, стоят две палатки. В голубой живут Пашка Гераскин, Аркаша Сапожков и Джавад Рахимов. В белой — Алиса Селезнева и сестры-близнецы Маша и Наташа Белые. Юные биологи прилетели сюда на каникулы с Земли, потому что планета Пенелопа почти не исследована.

Чуть выше по склону, за деревьями, виден домик биостанции. В домике живет красивая женщина, биолог Светлана.

То утро начиналось так.

Сначала встала Маша Белая, сделала зарядку и принялась готовить завтрак. Никто не заставлял ее этим заниматься, но сегодня дежурит Пашка Гераскин, а если на него положиться, сядешь за стол не раньше полудня.

Вторым поднялся Аркаша Сапожков, схватил зубную щетку и полотенце, побежал к речке. Он спешил. Он любил повторять, что жизнь коротка, а надо так много успеть!

Пока он чистил зубы, с обрыва скатились Алиса с Наташей Белой.

Они с разбега нырнули в прохладную воду, обрызгав Аркашу с ног до головы, и наперегонки поплыли к тому берегу.

Наконец не спеша, солидно к реке спустился Джавад, подталкивая перед собой Пашку Гераскина, который сегодня вообще решил было не подниматься с постели. Джавад сразу понял, что в самом-то деле Пашке попросту не хочется утруждать себя хозяйственными делами. Поэтому он сдернул с Пашки одеяло и заставил его встать, применив грубую физическую силу. Пашка сопротивлялся и кричал, что у него страшный радикулит, он не может разогнуться и вскоре умрет, а виноват в этом будет жестокий толстяк Джавад.

Джаваду надоело слушать стенания Гераскина, он подтащил его к берегу и бросил в воду. Снова целый фонтан брызг обрушился на туалетные принадлежности аккуратного Аркаши. Теперь, прежде чем вытираться, ему пришлось бы выжимать полотенце.

Аркаша опечалился. Он с укором глядел на уплывавших к середине реки товарищей и вдруг увидел нечто невероятное!

По тому берегу медленно шел крупный пушистый зверь, похожий на собаку колли, но с рогами на лбу. У зверя не было задних ног и хвоста. Голова на месте, передние ноги на месте, грудь на месте, а больше ничего. Можно бы понять, если бы зверь умирал, истекал кровью оттого, что кто-то откусил ему заднюю часть. Ничего подобного: зверь совершенно не обращал внимания на недостачу, а с задумчивым видом разглядывал купающихся биологов.

— Маша! — закричал Аркадий, не сообразив, что может спугнуть зверя. — Скорей неси камеру! Такого мы еще не видели!

К сожалению, зверь услышал этот вопль. Он поглядел на Аркашу, покачал рогатой головой и, не теряя достоинства, скрылся в кустах.

Тут наверху обрыва показалась Маша и спросила:

— Ты что кричал?

— Эх! — с горечью сказал Аркаша. — Ты бы еще завтра пришла. Где камера?

— Зачем тебе камера?

— Сфотографировать половину собаки с рогами.

— Аркаша, — сказала Маша совершенно серьезно, — ты пробыл на солнце всего десять минут. Когда же ты успел перегреться?

К берегу подплыл Пашка Гераскин, который уже забыл о том, что у него радикулит и он проведет весь день в постели.

— Ныряй! — крикнул он Аркаше, прыгая на одной ноге, чтобы вытрясти из уха воду. — Вода сказочная!

— Ну вот, — сказал Аркаша, который нашел нового виновника своих бед. — Распугали криками половину собаки.

Но Пашка не расслышал. Он спросил Машу:

— Завтрак готов?

— А кто сегодня дежурный? — спросила в ответ Маша. — Пускай он и займется.

— А кто? — спросил Пашка.

— Ты.

— Не может быть.

Пашка подумал две секунды и сказал:

— Есть предложение: если ты сегодня за меня подежуришь, я за тебя опишу всех твоих улиток и головастиков.

Маша только отмахнулась. Свои трофеи она никому не доверяла. И Пашка, разумеется, отлично об этом знал.

— Алиса, — сказал Аркаша, видя, что остальные тоже выходят из воды, — ты видела на том берегу половину зверя?

— Чего?

— Переднюю половину собаки с рогами.

— А где она лежит?

— Она не лежит, она ушла, — сказал Аркаша. Он уже понял, что никто ему не поверит, поэтому даже не стал слушать насмешки, а подобрал мокрое полотенце, щетку, скользкое мыло и начал взбираться наверх.

— Маша, о чем это он? — спросила Алиса.

— Я только сняла яичницу, — сказала Маша, — как слышу его дикий вопль: «Неси камеру!» Я сначала решила спросить, зачем она ему. А он отвечает, что видел половину собаки с рогами...

— Знаешь, что удивительно, — сказала Алиса, вытирая полотенцем короткие светлые волосы, — Аркаша совершенно не способен придумать такую шутку.

— Это точно, — подтвердил Пашка и посмотрел на тот берег.

И все поглядели туда же.

Берег был пуст.

А тем временем Аркаша поднялся наверх, подошел к палатке, чтобы повесить сушить полотенце, и увидел, как за палаткой медленно идет задняя половина неизвестного пушистого животного — пара ног, живот и длинный хвост.

— Ой! — сказал Аркаша.

Он уже никого не звал, не бежал за камерой, он просто смотрел.

Задняя половина на секунду приостановилась, помахала хвостом и исчезла в чаще.

Ребята, поднявшись с реки, видели, что Аркаша замер у палатки с полотенцем в протянутой руке.

— Что случилось? — спросил Джавад. — Снова увидел рогатую собаку?

— Не знаю, — сказал Аркаша слабым голосом.

— Почему не знаешь?

— Потому что это была задняя половина, и я не видел, есть ли у нее рога.

Глава 2

ДИКАРЬ ЛОВИТ РЫБУ

В тот же день перед обедом случилась неприятность. Утонул батискаф.

Батискаф привезла с собой Машенька Белая. Она — прирожденная подводница, родители еле отговорили ее вживлять себе жабры, чтобы вообще переселиться под воду.

Батискаф у Машеньки особенный. Единственный в своем роде. Он надувной, чтобы всегда можно было положить в сумку и везти с собой куда хочешь.

Что такое надувной батискаф? Пузырь с воздухом. Глубоко ему не опуститься — сожмет давлением. Но в озерах, на мелководье ничего другого Машеньке не нужно.

Она садится в лодку, надувает двойную оболочку шара, привязывает к нему груз, чтобы не плавал на поверхности, складывает внутрь свои камеры, записные книжки, магнитофон, очиститель воздуха, прочее добро, забирается туда же, перекатывается через борт и уходит ко дну. Понемногу обитатели озера или речки привыкают к тому, что в их владениях поселился пузырь, и не обращают на него внимания. Это Машеньке и нужно.

Чтобы Маша не забыла, что нужно идти обедать или спать, к оранжевому поплавку, который плавает над батискафом, прикреплен шнурок, который тянется на берег и дальше, до самого лагеря. Если Маши долго нет, дежурный дергает за шнурок, и внутри пузыря-батискафа трещит звонок. Тогда Маша отцепляет груз, поднимается наверх и возвращается в лагерь.

В озере много живности, но нет крупных хищников, и никто на Машу не нападает. Вернее, не нападал до последнего дня.

В тот день Джавад, как всегда, вывез Машеньку в лодке на

середину озера, а когда она погрузилась, поплыл обратно к лагерю.

Маша снимала, как рыбы строят песчаные замки, и записывала их голоса.

Вдруг она увидела, что сверху опускается большая сеть. Странно, подумала она, кто бы мог заниматься здесь рыбной ловлей?

Снизу хорошо было видно, как под сетью мечутся рыбы. Сеть потащила рыб наверх. Из динамика, который улавливал голоса рыб, доносились тонкие, почти неслышные крики — жители озера были страшно напуганы. Сеть пошла кверху, крики рыб стали затихать.

— Кто мог такое придумать? — вслух сказала Машенька. — Это похоже на Пашку с его причудами. Но он обязательно бы меня предупредил.

Машенька решила было отцепить груз, подняться и все выяснить. Все равно рыбы в озере так напуганы, что придут в себя не скоро.

И вдруг она увидела, как из глубины озера к сети несутся две огромные рыбины, каких Машенька ни разу не видела, хоть опускалась в озеро уже десятый день подряд. Они были похожи на щук: морды у них были сильно вытянуты вперед и усажены острыми, загнутыми назад зубами.

Рыбы догнали сеть и начали рвать ее зубами, но сеть оказалась крепкой, она лишь вытягивалась, но не рвалась.

Как же Машенька их раньше не заметила? В сети оказались еще две или три такие же зубастые хищницы. Они грызли сеть изнутри.

Все это заняло меньше минуты. Сеть между тем поднялась на поверхность, вода взбаламутилась и сомкнулась вновь.

Машенька быстро принялась отключать приборы и собирать записи, готовясь к подъему. Она была очень сердита и в то же время озадачена. Благодаря этому печальному случаю ей удалось сделать открытие: найти первых на Пенелопе крупных хищников.

Но этого быть не могло! Еще на Земле Маша заучила наизусть рассказ о том, как была открыта планета Пенелопа, удивительное небесное тело, будто специально созданное для туристов...

Корабль «Малая Медведица» под командованием известно-

го галактического капитана Полугуса Земфирского возвращался к своей родной планете Пилагее и вдруг у звезды Кассандра обнаружил планету, которую никто раньше не видел.

Планета была покрыта зелеными лесами, их омывали синие океаны, над ними возвышались снежные горы. Среди деревьев порхали бабочки и летали птицы, по деревьям скакали синие, зеленые и оранжевые белки, в траве прыгали золотые кузнечики...

Прохладной ночью вода в речках была теплой, а в жару становилась холоднее. Фрукты на деревьях были только спелые, дождь шел лишь в стороне от людей, а ветер бывал лишь слабый до умеренного.

Полугус Земфирский провел на планете два месяца, каждый день купался в прозрачных реках, катался на лыжах со снежных гор, загорел и поправился на тридцать килограммов, но не нашел там ни одного разумного существа, ни одного крупного хищника, ни одного комара, ни одной ядовитой змеи.

Понятно, что капитан с трудом собрал в лесах и полях свою команду и еле уговорил подчиненных вернуться домой. С печалью покидали космонавты удивительную планету.

— Жди нас, — твердили они, словно опасались, что планета сойдет с орбиты и умчится в другой конец Галактики. — Жди нас, как Пенелопа древнегреческого путешественника Одиссея.

Они были очень начитанными людьми.

И планету назвали Пенелопой.

Вскоре на Пенелопу полетели специальные экспедиции. Рассказ Полугуса Земфирского подтвердился, и было решено сделать ее туристским заповедником для всей Галактики. Пусть отдыхают здесь жители всех планет, но при одном условии: леса, поля, океаны Пенелопы должны сохраняться в совершенной неприкосновенности.

В тот момент, когда Машенька протянула руку, чтобы отцепить груз, обе хищницы, кипя гневом, набросились на пузырь и вцепились в него. А надувной батискаф, кстати, не рассчитан на то, чтобы его рвали зубами.

Через секунду его внешняя оболочка не выдержала, и воздух громадными пузырями устремился вверх. Но пузырь еще поднимался, потому что внутри камеры оставался воздух.

Машенька сообразила, что, как только пузырь выскочит наверх, он съежится. Она схватила записную книжку и в тот момент, когда пузырь разрезал поверхность воды, открыла сверху люк и выпрыгнула наружу.

Пузырь выпустил воздух и медленно, словно тряпка, пошел ко дну.

Машенька быстро поплыла к берегу. Она запомнила, какие у этих «щук» зубы. И если они с такой злостью нападали на пузырь и сеть, уж ногу-то откусить им ничего не стоит.

Она махала руками, словно хотела поставить рекорд мира по плаванию вольным стилем, а когда наткнулась на что-то твердое, не сразу сообразила, что это крутой берег. Еще через две секунды она уже стояла на берегу и, откинув с лица мокрые волосы, старалась рассмотреть, кто же виновник всех ее приключений.

Озеро было довольно узким и длинным — метров сто.

На том берегу у сети, полной рыбы, стоял незнакомый Машеньке высокий молодой человек в плавках и короткой куртке из шкуры оленя. У него были длинные, до плеч, светлые волнистые волосы. На руке широкий блестящий браслет.

— Что вы наделали! — закричала Машенька.

— Здравствуй, — ответил молодой человек. — Ты меня перепугала. Я и не знал, что здесь водятся подводные девочки. Хорошо, что ты не попала мне в сеть.

— Мне не до шуток, — ответила Маша. — Вы утопили мой батискаф, а меня чуть не сожрали щуки.

— Чуть-чуть не считается, — ответил молодой человек. — Давай знакомиться. Как тебя зовут?

— Меня — Маша Белая. Но не в этом дело. Кто разрешил вам ловить рыбу в этом озере? Разве вы не знаете, что на Пенелопе нельзя охотиться, рыбачить, жечь костры, рубить деревья?

— Не может быть! — удивился молодой человек. — Я, видишь ли, дикарь. Принципиальный дикарь. В отличие от вас, городских жителей, живу в полном согласии с природой. Живу как ветер дует...

— Разве вы местный житель? — удивилась Машенька. — На Пенелопе местных жителей нет и никогда не было.

— Нет, — сказал молодой человек. — Я — вольный бродяга. Мой дом — вся Галактика. Я дикарь.

— А здесь вы что делаете?

— Я никому не задаю вопросов и никому не даю отчета.

Считай, что мне тут нравится. Эта планета еще не загажена цивилизацией.

Им приходилось говорить громко, потому что между ними лежало озеро.

Правда, погода была тихая, безветренная, даже птицы примолкли и насекомые перестали стрекотать.

— Но раз вы приехали сюда, то должны уважать правила, которые установлены для всех, — упорствовала Маша.

— А я неграмотный, — засмеялся дикарь. — Я совершенно неграмотный.

Маша от удивления замолчала. Она и не подозревала, что могут существовать неграмотные люди. Может, этот дикарь шутит?

— Кроме того, я голоден, — сказал дикарь.

— Если вы голодный, приходите к нам, мы вас накормим.

— Спасибо на добром слове.

Дикарь взвалил на плечо тяжелую сеть с рыбой и пошел прочь. Кусты расступились и сомкнулись за ним. Словно и не было человека.

Маша долго глядела ему вслед. Может, ей все это почудилось?

Ничего себе почудилось, если батискаф лежит на дне, приборы погибли, камеры промокли, и еще неизвестно, как нырять в озеро и доставать пузырь, если там появились хищники...

Глава 3

ДИКАРЬ ПЬЕТ ЧАЙ

Аркаша со Светланой с утра спорили, как описывать местные насекомоядные цветы. Было их вокруг немало — синих, красных, белых, каждый питался одним видом тли или мух — все другие мухи могли безбоязненно садиться на цветы.

Они так увлеклись, что не заметили, как подошла мрачная Машенька.

— Сидите и ничего не знаете, — сказала она.

— Что случилось? — спросила Светлана. — Что-нибудь с батискафом?

— Ничего особенного, — сказала Машенька, кладя на стол слипшуюся записную книжку. — Батискаф утонул, камеры и

записи погибли, в озере водятся громадные хищники, какой-то дикарь ловит рыбу, а вообще-то ничего особенного.

Светлана ничем не показала, что удивлена или взволнована. Несмотря на свои горести, Машенька залюбовалась ею. Густые королевские черные волосы тяжелыми волнами опускались на узкие плечи, и даже удивительно было, как Светлана носит на голове такую тяжесть.

— Ну! — Светлана засмеялась теплыми синими глазами. — Расскажи сначала, и подробнее.

Когда Маша закончила рассказ, все отправились к озеру. К ним присоединился и Пашка, который захватил с собой большой крюк на тросе. С помощью этой удочки вытащили из воды батискаф, похожий на пустой мешок, разложили его на берегу и принялись вынимать из него промокшие вещи и приборы.

— Ума не приложу, — сказала Светлана, — откуда здесь мог появиться такой странный человек? Ты говоришь, он называл себя дикарем? Надо будет сегодня же позвонить в город. Зачем они пускают сюда туристов с рыболовными сетями?

— Смотрите! — крикнул Пашка.

Громадная рыбина с длинной зубастой мордой выскочила из воды и вновь скрылась. Только круги пошли.

— К сожалению, — сказала Светлана, — хищники тебе не почудились. Теперь в озеро путь заказан. А ведь мы только в прошлом году изучали его фауну, ничего подобного здесь не было.

— А они выросли за год, — предположил Аркаша.

Вечером за ужином на веранде домика Светланы только и разговоров было, что о дикаре.

— Он в самом деле красивый? — спросила Наташа, близняшка Машеньки, но куда более легкомысленная.

— Может, и красивый, — ответила Машенька. — Только мне он не понравился.

И в этот момент раздался голос:

— Почему же не понравился? Обычно я нравлюсь женщинам и детям. Потому что я добрый и веселый.

Из синих сумеречных кустов, усыпанных разноцветными светлячками, вышел дикарь и поднялся на веранду.

— Я решил воспользоваться приглашением любезной девочки, с которой познакомился сегодня.

Дикарь вежливо поклонился Наташе, которая сидела к нему ближе всех, а Наташа широко открыла глаза и сказала невинно:

— Простите, я вас вижу первый раз в жизни.

Что было истинной правдой.

Дикарь был в той же оленьей куртке, синих кожаных штанах с бахромой сбоку, как у древних индейцев, и в сапогах со шпорами. Волосы он перехватил тонкой золотой цепочкой, на которую садились ночные бабочки, полагая, что это цветок. У дикаря были большие светлые добрые глаза в черных ресницах, короткий чуть вздернутый нос и подбородок с ямочкой. «Совершенно очаровательный дикарь», — подумала Алиса, но вслух говорить этого не стала.

— Зачем же так меня обижать? — сказал дикарь сокрушенно. — Я же не нарочно вас утопил.

Тут он увидел Машеньку, понял, что ошибся, широко улыбнулся и сказал:

— Прошу прощения, я не подумал, что сюда привозят близнецов. Так вы меня не прогоните? У меня кончился чай, а без чая цивилизованному дикарю просто невыносимо. Кроме того, мне сегодня скучно.

И, не ожидая приглашения, дикарь уселся на свободный стул.

— Здравствуйте, — сказала Светлана. — Значит, это вы сегодня испортили день нашей Машеньке?

Может, такое начало разговора было не очень вежливым, но Светлана, как известно, человек прямой.

— Ах! — воскликнул дикарь, глядя в упор на Светлану. — Сплошные чудеса! Я оказался гостем прекрасной женщины. А это все ваши дети?

— Это мои друзья, — сказала Светлана. — А кто вы?

Дикарь улыбнулся, но ничего не ответил.

Алиса спросила:

— Вам покрепче?

— Как можно крепче, — сказал дикарь. — Обожаю все крепкое. Меня самого природа не обидела силой и ловкостью. Передайте сахар.

Дикарь подвинул к себе сахарницу и насыпал в чашку ложек пять сахару.

— Ну вот, — сказал он, отпив глоток и расплывшись в улыбке от счастья. — Лучше чая, чем здесь, я в жизни не пил. Клянусь Черной туманностью.

Вдруг Аркаша вскочил, чуть не опрокинув стол.

— Я же говорил, а мне не верили!

Дрожащим пальцем он показывал на освещенную площадку перед верандой — там медленно шла задняя половина собаки с пушистым хвостом. Правда, остальные опоздали обернуться и увидели только, как чей-то хвост исчезает в кустах.

— Я клянусь, что у нее нет головы! — воскликнул Аркаша.

— Все ты придумываешь, — сказал Пашка. — Чем же она ест?

— Лучше здесь ничему не удивляться, — сказал дикарь. — Иначе окажешься в дураках. Я сегодня рыбу в озере ловил. Сварил — горькая, в рот не возьмешь. Представляете мое разочарование? Пришлось обедать консервами.

— Кстати, — Светлана проявила настойчивость, — вы так и не рассказали нам, как сюда попали.

— Как я сюда попал? — Дикарь протянул Алисе чашку и попросил: — Пожалуйста, еще одну, покрепче. Как я сюда попал? Так же, как и вы, на космическом корабле. Я приехал сюда в поисках дикого уголка. Скоро в Галактике не останется места, чтобы любитель природы мог отдохнуть спокойно.

— А где вы живете? — спросила Светлана.

— В лесу. Мне ничего не нужно. Рюкзак, палатку, одеяло и надувную подушку. Вот и все. А не будет одеяла, проживу и без него. Я иду по лесам и полям. Где мне нравится, останавливаюсь и живу, пока не надоест...

— Но разве вам не сказали, что здесь нельзя ловить рыбу и охотиться? Это же заповедник.

— Я не варвар, — сказал дикарь. — Я просто естественный человек. Я беру у природы лишь то, что нужно мне для пропитания. Я не граблю, а прошу природу поделиться со мной. Я — часть ее. Если бы я не поймал сегодня в озере этих несчастных рыб, их бы сожрали зубастые хищники. — И он обернулся к Машеньке: — Правильно?

— Правильно, — сказала Машенька. — Я сама видела.

— Так что я безопасен и хочу дружить с людьми и зверями. И пусть мне все платят взаимностью, хорошо?

Он оглядел сидящих за столом, доверчиво улыбаясь, как бы уговаривая их стать его друзьями. И неудобно было отказать та-

кому человеку. Только Машенька отвела взгляд. Она вспомнила, что батискаф погублен и в озеро ей больше не опуститься. А дикарь, словно угадав ее мысли, добавил:

— А тебя я спас. Если бы не я, ты увидела бы этих чудовищ слишком поздно. И они разодрали бы тебя на кусочки. Вот такто. Мы всех любим, а нас любят далеко не все. Это, к сожалению, закон природы.

Он допил чай, потянулся и сказал, поднимаясь:

— Большое спасибо. Теперь я жду вас к себе в гости. Моя палатка в лощине на том берегу. И не сердитесь на меня. Я никому не желаю зла.

С этими словами дикарь перемахнул через перила.

— Постойте! — закричала вслед Алиса. — Вы же не сказали, как вас зовут.

— Зовите меня Дикарем, — ответил он. — Я не обижаюсь на это прозвище. Просто Дикарем.

И он исчез, только суетились мотыльки и шуршали листья.

— Какой интересный парень, — сказал Пашка. — Настоящий дикарь.

— А ты уж готов пойти по его стопам, — возмутилась Машенька.

Пашка ничего не ответил, а Светлана сказала:

— Все-таки когда человеку хочется рыбы, он берет удочку. Зачем же загребать большой сетью?

— Может, у него не было удочки? — сказала добрая Наташа.

— Я ему дам крючок, у меня есть, — сказал Пашка.

Глава 4

ТАМ БЫЛ ГОРОД

Ночью прошел короткий бурный ливень, словно специально для того, чтобы утро, когда Светлана с Пашкой и Алисой собрались в дальний поход, было свежим.

Путь их лежал вверх по реке, на плоскогорье, где еще никто не бывал. Там суше, чем в джунглях, и должны быть неизвестные растения и животные.

Алиса несла кинокамеру и передатчик, Аркаша — гербарную папку и блокнот, Светлана — рюкзак с пищей и сумку с приборами. Еще Светлана захватила парализующий пистолет.

Правда, еще ни разу на Пенелопе не довелось пустить его в дело, хоть Пашка Гераскин давно смотрел на него с вожделением.

Аркаша проводил путешественников до реки. Он с ними пойти не мог, потому что занозил ногу. Его долго было видно: он стоял, поджав ногу, как журавль.

Шли не спеша, по плотному песку, по лугам, заросшим высокой травой, по редким, без подлеска рощам.

— Светлана, — спросила Алиса, — ты этому Дикарю поверила?

— Странный он какой-то, — сказала Светлана. — Я вчера ночью позвонила в инспекцию. Они никому не давали разрешения провозить на Пенелопу рыболовные сети.

— Но они о нем знают?

— Много туристов приезжает на Пенелопу со всех сторон Галактики. Некоторые живут в лесу. Но о нем никто не слышал.

Путь пересекал неширокий ручей. Потеплело, солнце поднялось выше.

— Осторожнее, — сказала Светлана. — Я пойду первой. А вдруг здесь водятся хищные рыбы?

Над ручьем синими лентами летали бабочки, словно держались друг дружке за хвосты. На том берегу прямо на земле лежало гнездо с пятнистыми яйцами. На него спикировала большая черная птица с красным загнутым клювом. Птица строго поглядела на путешественников, но Алиса сказала ей:

— Не обращай на нас внимания.

Птица послушалась. Она примерилась и тюкнула клювом по ближайшему яйцу.

— Она же не хозяйка гнезда, — догадался Пашка. — Это воровка! Ее прогнать надо.

— Не надо, — сказала Светлана. — Пусть все идет своим чередом. Алиса, возьми кинокамеру.

Алисе не хотелось снимать такую варварскую сцену, но ученый есть ученый — не всегда будешь наблюдать то, что тебе нравится.

Птица деловито проклевывала яйца. Разбив последнее яйцо, она отступила в сторону, словно любуясь результатами своего труда. И вдруг в дырочке, пробитой в одном из яиц, показался маленький красный клювик. Клювик начал расширять отверстие, и птица тут же подпрыгнула к яйцу и принялась помогать тому, кто рвался из яйца наружу. Через минуту черный с

желтым, мокрый и головастый птенец вылез на солнышко. А из других яиц уже выбирались его братья и сестры.

— Ну вот, — сказала Светлана, когда путешественники снова двинулись в путь. — Видите, как опасно судить по нашим меркам. Если птица клюет яйца — значит, она разбойник. А она не разбойник, а заботливая мамаша.

— До свидания, мамаша, — сказал Пашка, глядя, как суетится птица: последний птенец никак не мог выбраться наружу.

Вскоре начался подъем на плоскогорье.

Речка стала уже, из нее высовывались обкатанные камни, и вода бурлила вокруг.

Затем деревья расступились, и впереди показалась широкая долина, на которой стояли большие корявые деревья, а между ними шумела под ветром высокая прямая трава.

— В прерии должны водиться бизоны! — воскликнул Пашка и, изображая краснокожего охотника, спрятался в траве.

Светлана с Алисой не спеша пошли по каменистой полосе в траве, внимательно глядя по сторонам, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного.

Вдруг Светлана остановилась и спросила:

— Алиса, тебя ничего не смущает?

Алиса в тот момент смотрела на двухголовую ящерицу, спящую на круглом камне.

— Нет, — сказала она.

— А ты погляди вперед.

— Ничего особенного.

— А под ноги.

— Ничего... Не может быть!

Алиса поняла, что они идут по заросшей дороге, сложенной из каменных плит.

— Может, здесь какие-нибудь звери... — начала Алиса и замолчала, потому что никаких таких зверей на Пенелопе не было.

— Значит, когда-то на Пенелопе жили разумные существа, которые умели строить дороги, — сказала Светлана. — А это переворачивает все наши представления о планете.

Они остановились. Еще бы. Вот уже несколько лет, как Пенелопа открыта, здесь построены город, гостиницы, санатории, парк с развлечениями, работают ученые, и все глубоко убеждены в том, что никаких разумных существ на Пенелопе нет и никогда не было.

— Пошли дальше? — спросила Алиса.

— Сейчас. Пашка, беги сюда!

Пашка замешкался. Он что-то искал в траве.

— Скорее!

— Сейчас!

Пашка что-то нес в руке.

Он запыхался от бега.

— Глядите!

На его ладони лежал большой, совсем не заржавевший болт.

— Что вы на это скажете?

— А мы уже знаем, — сказала Алиса.

— А чего же вы молчали? Разве вы не понимаете...

Они пошли дальше по дороге. Трава подступала к ней вплотную, кое-где дорога вообще скрывалась под ней, наверное, поэтому дорогу не заметили, когда снимали планету с воздуха.

И тут в тени громадного раскидистого дерева они увидели развалины дома.

Развалины густо заросли лианами и кустарником — и в десяти шагах не разглядишь. Остатки стен были изрезаны извилистыми трещинами. Вокруг в траве были разбросаны камни, словно какой-то гигант в гневе разломал дом на куски.

— Наверно, это было очень давно, — сказал Пашка.

— Не так давно, — ответила Светлана. — Разломы на камнях довольно свежие.

Еще один разрушенный дом скрывался под следующим деревом. Деревья стояли словно памятники, обозначая дома. Можно было даже подсчитать, что когда-то здесь стояло десятка три зданий, одинаково разрушенных неведомой силой.

— Какая загадка! — восклицал Пашка. — Какая изумительная тайна! Наконец-то!

— Пошли, ребята, к дальним деревьям, — сказала Светлана.

Деревья впереди были вдвое крупнее своих собратьев.

Там скрывались самые большие здания города. Они были так же жестоко разрушены, как и остальные, но по остаткам стен и размеру глыб можно было догадаться, какими крепкими и обширными они когда-то были.

— Здесь было землетрясение, — задумчиво сказал Пашка, глядя на развалины. — И все погибли под руинами.

— Кто все? — спросила Алиса.

Светлана остановила ее жестом. В развалинах кто-то шевелился.

— Не бойтесь, женщины, — сказал Пашка. — Здесь не бывает крупных хищников.

— Но здесь не бывает и разрушенных городов, — попробовала возразить Алиса.

Но Пашка не слышал. Он подбежал к проему в обрушенной стене и крикнул:

— Эй! Кто здесь?

Шуршание прекратилось.

Светлана схватила Пашку за руку и оттащила назад, свободной рукой доставая из кобуры парализующий пистолет. Она не любила случайностей.

Из проема вылез встрепанный Дикарь в распахнутой оленьей куртке.

— Привет! — радостно воскликнул он. — Добро пожаловать!

Глава 5

ДИКАРЬ В ГОРОДЕ

— А вы что здесь делаете? — строго спросила Светлана. — Почему вы здесь?

— Не думайте, что я — виновник гибели города, — засмеялся Дикарь. — Клянусь вам, я не прикладывал рук к этому безобразию. И, оказавшись здесь случайно, удивился не меньше вас.

Дикарь легко спрыгнул с горы мусора и присел на камень.

— Кстати, — сказал он, — раз уж вы пришли, не найдется ли куска хлеба? Понимаете, заблудился, проголодался, а домой возвращаться не хочется. Вам тоже, наверно, пора обедать.

— В самом деле? — спросил Пашка.

Светлана улыбнулась, раскрыла рюкзак с продовольствием, Алиса расстелила на траве скатерть.

Дикарь сказал Алисе:

— Давай помогу тебе порезать хлеб и колбасу.

— Нет, — сказала Алиса, — у вас руки в земле. Вымойтесь сначала.

— В природе нет грязи, — засмеялся Дикарь. — Это предрассудок.

Но тут он взглянул на Светлану и добавил:

— Бегу, бегу. Я могу еще спорить с девочкой, но когда такие прекрасные глаза смотрят на меня с осуждением, я тут же превращаюсь в послушного мальчика.

Дикарь громадными прыжками понесся к ручью, Пашка подхватил флягу — и за ним. Светлана подумала вслух:

— Чего это он оказался так далеко от дома?

— Вы думаете, он следит за нами?

— Нет, Алиса. Зачем ему следить? Но мне кажется, что он здесь не случайно.

— Почему?

— Погляди.

У пролома в стене лежала куча свежей земли.

— Давайте я загляну внутрь, — сказала Алиса. — И мы все узнаем.

— Нет.

Возвратились Дикарь с Пашкой. Дикарь рассказывал Пашке что-то веселое. Пашка слушал раскрыв рот. Видно, у Дикаря была фантастически развита интуиция. Он словно почувствовал, о чем говорили Светлана с Алисой, потому что, подойдя поближе, сказал:

— Кстати, мы не первые, кто нашел этот город. Поглядите на кучу земли у входа. Кто-то здесь уже побывал. И знаете, что я думаю?

— Что?

— Наверно, там жил какой-то зверь. А потом его кто-нибудь съел. Вообще-то внутри ничего интересного. Обломки и мусор.

Они уселись обедать. Пашка насыпал в воду немного ананасовой эссенции, хлеб был свежий и пышный, сыр с большими дырками, колбаса розовая, а холодное мясо нежное, словно крем. Дикарь проглотил, не разжевывая, целый бутерброд и сказал:

— Вы меня просто закормите. Я потеряю боевую форму. А вам будет трудно от меня отделаться.

— Нам колбасы не жалко, — сказала Светлана.

— Спасибо. Но вы уже, наверно, догадались, что я попадаюсь вам на пути вовсе не из-за обжорства.

— А из-за чего? — спросил Пашка.

— Я влюбился в Светлану. С первого взгляда, безнадежно и навсегда. А разве ты бы на моем месте не влюбился?

Пашка вдруг покраснел:

— Не знаю.

«Ну и дурак», — подумала Алиса. Но вслух сказала:

— И я бы на вашем месте обязательно влюбилась. Но знайте, что множество смелых рыцарей погибло, сражаясь за право называть Светлану своей прекрасной дамой.

Светлана улыбнулась, а Дикарь обрадовался.

— И я бы рад, — сказал он. — Но, как назло, здесь нет ни одного рыцаря, который бы согласился выйти со мной на поединок. Давай договоримся, Алиса. Как только ты прослышишь о таком рыцаре, сразу зови меня.

— Перестаньте, — сказала Светлана, правда, без злости. Ведь трудно найти женщину, которая сердилась бы, когда говорят о ее красоте. — Лучше скажите, когда и почему погиб этот город?

— Очень просто, — сказал Дикарь, доедая третий бутерброд. — Его разрушили.

— Но кто мог это сделать?

— Здесь была война. Достаточно посмотреть на развалины, чтобы понять, что город обстреливали. Посмотрите...

Дикарь легко вскочил, подошел к обвалившейся стене и показал на дыру, кое-как заложенную камнями.

— Видите, сюда попал снаряд, но защитники дома успели кое-как залатать рану. И таких дыр я видел несколько. А это что? Неужели эта трещина появилась от старости? Нет, как меня ни убеждайте, я утверждаю: здесь бушевала война. Поверьте моему опыту.

— А что у вас за опыт? — спросила Алиса.

— Я видел войну и сам воевал, — сказал Дикарь.

— Где же была такая война? — удивилась Алиса. — В цивилизованной Галактике войн не бывает.

— Не обо всем ты знаешь, моя девочка. У меня была трудная молодость.

— Невероятно, — сказала Светлана, подходя к дыре в развалинах. Ей очень не хотелось соглашаться с Дикарем, но ничего другого она придумать не могла.

— Но если прекрасной Светлане приятнее думать, что войны не было, а это просто причудливые скалы, я заранее согласен, — сказал Дикарь, кладя руку Светлане на плечо. Светлана повела плечом, сбросила руку и отошла.

— Наверно, — сказала она, — больше ничего интересного мы здесь не найдем. Кто за то, чтобы собираться в обратную дорогу?

— Как же так! — удивился Пашка. — Мы еще совершенно не обследовали плоскогорье!

Но Алиса пришла Светлане на помощь.

— Я устала, — сказала она, — становится жарко, и пока мы дойдем до лагеря, наступит вечер.

— А вы, — сказала Светлана Дикарю, — можете оставаться здесь. Мы найдем дорогу без вашей помощи.

— Ни в коем случае! — возразил Дикарь. — Я буду вас охранять. А вдруг на вас нападут дикие звери?

— Здесь нет диких зверей, — сказала Алиса.

— Ах, как мало мы еще знаем об этой планете! — сказал Дикарь. — Давай помогу, Алиса, собрать со стола и вымыть посуду. Я не люблю быть нахлебником.

Глава 6

ТИГРЫ НА ДОРОГЕ К ДОМУ

Дикарь подобрал с земли тяжелую дубину и закинул ее на плечо.

— Похож я на Геркулеса? — спросил он. — Вот убью льва, буду ходить в его шкуре.

— Какое счастье, что львов здесь нет, — сказала Светлана.

— Нет — это слишком категорично, Светочка, — сказал Дикарь. — На любой уважающей себя планете водятся львы или драконы. Только надо их найти... чтобы убить... И снять шкуру. Пока они не успели снять шкуру с тебя.

— Откуда в вас столько кровожадности? — Светлана поморщилась. Ей не нравилось, когда малознакомые люди называли ее Светочкой.

— Я самый миролюбивый человек во всей Галактике, — сказал Дикарь. — Меня не тронь, и я не трону.

Пока шел этот разговор, Алиса собирала рюкзак, а Пашка достал свой знаменитый перочинный нож и принялся отпиливать сухой сук.

— Ты чего? — спросила Алиса.

— Да так, вооружиться решил, — сказал Пашка, словно шутил, хотя вовсе не шутил.

— Мне кажется, — сказала Алиса, — что на тебя начинает влиять наш новый знакомый.

Дикарь услышал.

— Ничего удивительного. Я — романтик. А в Пашке тоже живет романтик. Нет ничего опаснее для молодого духа, чем обыденность. Живешь, работаешь, скучаешь...

— Неправда, — сказала Алиса. — Нет ничего интереснее науки!

— Разумеется, — вежливо поклонившись, согласился Дикарь. — Нет ничего более увлекательного для горячего юноши, чем отыскать новый вид червя или подсчитать число чешуек на хвосте у какой-нибудь ящерицы...

Пашка не вмешивался в разговор. Сук с треском отломился, и Пашка принялся его обстругивать.

— Ну, ты готова, Алиса? — спросила Светлана. — Давай сюда рюкзак.

— Ни в коем случае, — возразил Дикарь. — Неужели я позволю прекрасной женщине, в которую я влюблен, нести этот рюкзак?

Он ловко перехватил рюкзак у Алисы, перекинул через плечо и подмигнул Пашке.

— Учись, — сказал он. — И помни. Мы рыцари. Мы боремся со львами и защищаем прекрасных дам.

Светлана пошла первой, не оборачиваясь. Она почему-то сердилась на Дикаря, но это его не смущало. Алиса подумала, что, если бы Светлана рассердилась на нее, она бы места себе не находила. А Дикарь хоть бы что...

Пашка шагал рядом с Дикарем, закинув на плечо дубинку и стараясь подражать его походке. Дикарь улыбнулся и тихо сказал, наклонившись к Пашке:

— Избрав себе кумира, мой друг, не подражай ему в мелочах.

Солнце припекало, путники немного устали и растянулись цепочкой вдоль реки. Светлана ушла довольно далеко вперед. Дикарь крикнул ей:

— Дорогая, нельзя так беспечно ходить по джунглям. Я не успею прийти на помощь...

— Удивительная навязчивость, — сказала Светлана. — Особенно если учесть, что мне ничто не грозит.

И как бы в ответ на ее слова в кустах послышалось рычание.

— Ну вот, — сказал Дикарь, сбрасывая на землю рюкзак. — А вы настаивали. Я же...

Но он не успел закончить фразу.

Желтая тень промелькнула среди ветвей.

Поджарый, покрытый короткой желтой шерстью зверь одним прыжком вылетел на тропинку, перегородив путь.

Светлана замерла.

Зверь стоял неподвижно.

С белых загнутых клыков капала на песок слюна.

Раздался громкий плеск. Это Пашка прыгнул в воду и поплыл от берега, держась за дубинку, как за спасательный круг.

Дикарь поднял свою дубинку и пошел навстречу хищнику.

— С дороги! — крикнул он зверю. — Кто смеет вставать на пути человека?

Зверь присел на задние лапы, его длинный голый хвост метался по земле, поднимая сор и пыль.

— Ну, — сказал Дикарь, — уж не боитесь ли вы меня?

И тогда зверь, обозленный таким обращением, прыгнул прямо на Дикаря. Дикарь не рассчитал своих сил, дубинка вылетела у него из руки, а сам он покатился по тропинке.

Неизвестно, чем бы кончилось это приключение, если бы Светлана не вспомнила, что у нее на поясе висит парализующий пистолет.

Раздался негромкий хлопок.

Зверь, словно натолкнувшись на невидимую стену, упал на землю у самых ног Светланы. Его хвост раза два дернулся и замер.

Светлана села на землю, уронила пистолет и заплакала.

— Ну что вы, — бросилась к ней Алиса, которая даже перепугаться толком не успела. — Не переживайте так...

— Я не за себя, — попыталась улыбнуться Светлана. — Я за вас, дураки... Я как представила себе, что он до вас доберется... Ну как же я раньше о пистолете не догадалась? Ну какая же я дура...

— Кем-кем, а дурой бы я вас никогда не назвал, — сказал Дикарь, поднимаясь с земли и потирая ушибленный локоть. — Вы оказались героиней в этой маленькой стычке.

Он подобрал дубину, подошел к зверю и ткнул его носком башмака в оскаленную морду.

— Такой и льву не уступит...

Светлана смахнула тыльной стороной ладони слезы и поднялась.

— Ноги не держат, — созналась она, — ну и перетрусила же я.

— Пашка! — крикнула Алиса. — Ты чего это вздумал купаться в такое время? Плыви обратно.

Пашка уже возвращался.

— Не смейся над ним, — сказала Светлана Алисе.

— Я и не смеюсь, — сказала Алиса.

— По крайней мере, — сказал Дикарь, — Пашка поступил разумнее остальных. Он проявил хладнокровие.

Алиса широко раскрыла глаза. Ничего себе хладнокровие — бухнулся в речку.

— Он понял, что нет нужды подставлять себя под удар неразумного хищника. Если бы этот зверь нас растерзал, Пашка добрался бы до лагеря и сообщил о нашей судьбе.

Дикарь говорил серьезно, и Пашка даже кивал головой, соглашаясь, потому что боялся, что его будут ругать или, что еще хуже, будут смеяться.

Впрочем, Алисе почудилась издевка в голосе Дикаря.

Светлана сказала:

— Я была не права. Здесь, оказывается, водятся тигры и львы.

— Хотя эта штука, — добавил Дикарь, перекидывая через плечо рюкзак (он снова улыбнулся, словно забыл о приключении), — больше похожа на крысу-переростка.

— Это тигрокрыс, — сказал Пашка.

Глава 7

ВЕСТИ ИЗ ГОРОДА

Поднялся ветер, откуда-то набежали сизые тучи, и пошел дождь.

— Ну как назло, — сказала Алиса, смахивая с лица капли. — И хищники, и дождь.

— Зато нашли таинственный город, — утешал ее Пашка. Он хотел, чтобы все поскорее забыли о его купании.

— Ничего в нем нет таинственного, — сказал Дикарь. — Я уже смотрел. Этим развалинам миллион лет, и когда жители уезжали отсюда, они забрали с собой все до последней нитки.

— Это решать не нам, а археологам, — сказала Светлана. — Наверно, сегодня вечером мне следует отправиться в город...

— Куда вам ехать на ночь глядя? — возразил Дикарь. — Завтра с утра я вас провожу.

— Нет, спасибо, — сказала Светлана. — Вы уже проявили себя достойным защитником женщин и детей...

— Вы заблуждаетесь, Светочка, — улыбнулся Дикарь. — Я мог свалить этого крысенка кулаком. Но не хотел вам мешать.

— Со мной ничего не случится. Сяду в машину, через час я уже в городе...

— А ребят оставляете на произвол судьбы? А вдруг какой-то тигрокрыс...

— Ребята переночуют в доме... Или поедут со мной.

— Ни в коем случае! — закричала Алиса. — Светлана, вы хотите загубить нам каникулы? Нас же отправят домой.

— Прямо не знаю, что делать...

— Сначала напоите меня чаем, — сказал Дикарь. — А потом вместе подумаем.

Светлана несла пистолет в руке, и он поблескивал под дождем.

Показалось серое, мутное от капель дождя озеро.

— Не хватало, чтобы кто-нибудь простудился, — сказала Светлана.

— В Москве климат хуже, но ничего с нами не случается, — сказал Пашка. — Я вообще специально под дождем хожу. Для закалки.

— Правильно, — сказал Дикарь. — Мой покойный папа всегда выпускал меня на снег босиком.

— А вы откуда родом? — спросила Светлана.

— Мой дом — вся Галактика.

Тропинка на обрыв была скользкой, и Дикарь протянул Светлане руку, чтобы помочь взобраться.

— Спрячьте пистолет, — сказал он с усмешкой. — Здесь тигров нет.

Тигров не было.

Но в лагере, у белой палатки, стоял взъерошенный, промокший, печальный Аркаша.

— Что еще случилось? — спросила издали Светлана, готовая к худшему.

— Ее убили, — сказал Аркаша.

— Кого?

— Рогатую собаку.

— Да не пугай ты нас, пожалуйста, — взмолилась Светлана.

— Я не пугаю. Посмотрите.

На земле под деревом лежала передняя половина мохнатой собаки с рогами во лбу. Собака была мертвой.

— Ну и чудеса, — сказал Дикарь. — А где ее вторая половина?

— Не знаю.

— Значит, — сказал Дикарь, — тигры добрались и до лагеря. Ты права, Светочка, давай отправим детей в город. Нельзя рисковать, если тигры пожирают собак прямо в лагере. И что за манеры! Сожрал половину и убежал!

— Нет, — возразил Аркаша. — Вы не правы. Вы не знаете. Это совершенно отдельная половина собаки. Я видел, как она гуляет в таком виде. А ее задняя половина тоже встречается.

— И тоже живая? — засмеялся Дикарь. Он обернулся к Светлане. — Придется с археологией подождать. У детей не выдерживают нервы.

— А вы? — спросил Пашка.

— Со мной ничего не случится. Я постерегу ваше добро.

— Но ведь здесь тигрокрыс!

— Он меня не съест.

— Тогда, — сказал Пашка, — я остаюсь с вами. Я могу быть вам полезен. Между прочим, я не желаю прятаться в городе от каких-то крыс.

Аркашка хлопал ресницами, он-то ничего не знал о тиграх. Наконец ему удалось вставить слово:

— Я не знаю, о чем вы говорите, но клянусь, что эту собаку никто не ел. Поглядите, она же просто так кончается на половине.

И в самом деле, собака не была разорвана или разрезана, а просто кончалась, словно расплывалась в воздухе.

— Хватит, — сказала Светлана, — у меня голова раскалывается. Не слишком ли много для одного дня? Тигры, города, разрезанные собаки, а что еще будет?..

Откуда-то издалека донесся глухой, угрожающий рев, зашумели, откликаясь на него, деревья, порыв ветра срывал листья.

— Где остальные? — спросила Светлана.

— Джавад спит, а близнецы в домике, — сказал Аркаша. — Вы в самом деле видели тигра? Он похож на земного? А какая у него окраска?

В Аркаше проснулся исследователь.

Через полчаса все собрались на веранде. Путешественники привели себя в порядок, умылись и, если не считать Дикаря, переоделись.

Пока Машенька готовила чай, Светлана пыталась созвониться с городом. Но никто в инспекции не отвечал — наверно, ушли домой. Светлана позвонила в туристский центр. Но и там никто не подошел.

— Вспомнил! — сказал Дикарь, наблюдавший за Светланой. — Вспомнил! Сегодня в городе карнавал. Я позавчера ездил туда за консервами, и меня приглашали. Все они на карнавале. Давайте лучше пить чай.

Ребята были взбудоражены событиями, Светлана расстроена и встревожена, только Дикарь вел себя так, будто ничего не произошло.

Он вдруг начал рассказывать о приключении с тигром, осмеял самого себя и восхвалял находчивость Светланы. Все смеялись, Светлана покраснела, а Алиса подумала, что Дикарь не так уж плох.

— А завтра что вы делаете? — спросил Пашка, который был страшно благодарен Дикарю, что тот ни словом не обмолвился о его прыжке в реку.

— Завтра? Разве можно планировать жизнь на столько часов вперед? Представь себе, я пойду ночью обратно, меня сожрут хищники. И никто не пожалеет...

— Не говорите глупостей, — сказала Светлана. — Вы можете остаться у нас.

— Спасибо за приглашение...

И тут зазвонил видеофон. Так резко, что звон его разнесся по всему лесу.

Светлана чуть не опрокинула стул и бросилась в комнату. Все обернулись к открытой двери.

Дикарь подхватил стул, поставил его на место и сказал:

— Ну вот, они отгуляли на карнавале и теперь вспомнили, что забыли нас пригласить.

На большом экране видеофона появилось лицо пожилого человека с короткими усами.

— Светлана! — сказал он. — У вас все в порядке?

— Не совсем...

— Все здоровы?

— Все здоровы. Я старалась дозвониться к тебе в инспекцию, но никто не подходил.

— И не могли подойти. Ну хорошо, что хоть у вас все в порядке...

— А что случилось?

— Я говорю с резервного пульта на космодроме, — сказал старый инспектор, — потому что моей конторы больше не существует.

— Как так?

— Вы ничего не слышали?

— Ничего.

— В Жанглетоне землетрясение. Часть города разрушена. Несколько человек ранены. Нарушена связь...

По изображению пошли полосы...

— Опять! — крикнул старик. — Я выключаю связь.

— Но что нам делать?

— Оставайтесь у себя. Когда все утихнет, я свяжусь с вами...

Экран замигал, и изображение исчезло. Лишь легкое шуршание доносилось из видеофона.

— Ну вот, — в общей тишине сказал Дикарь. — Я же говорил, что идеальных планет не бывает. У каждой из них в запасе для доверчивых людей есть землетрясения, извержения вулканов, бури, тигры и ядовитые змеи. Кстати, смотрите под ноги. Здесь водятся ядовитые змеи...

С этими словами Дикарь перепрыгнул через перила и быстро пошел к лесу.

— Куда вы? — закричала Алиса. — Возьмите хоть фонарь!

— Фонарь? — обернулся Дикарь. — Чтобы меня видели все кому не лень? В ночном лесу, кишащем хищниками, человек должен быть таким же, как и они, незаметным, коварным и быстрым.

Что-то зашевелилось в кустах.

— Вернитесь! — закричала Светлана.

Дикарь отпрыгнул в сторону и выхватил из кармана небольшой пистолет. Подождал секунду и пошел дальше.

Он растворился в темноте и шуме дождя. Алиса посмотрела на Светлану.

— А у него есть...

— Я видела, — сказала Светлана.

Глава 8

ОНИ ЛЮБЯТ ДРУГ ДРУГА!

Поздно ночью старый инспектор смог улучить несколько минут и позвонил снова. Он выслушал новости, которые сообщила Светлана. Новости ему не понравились, он попросил всех быть осторожными, не уходить из лагеря. И еще сказал, что, вернее всего, туристов с Пенелопы вывезут. Вид у него был измученный, невыспавшийся, дела в городе были плохи.

Утром погода исправилась. Хоть дул холодный ветер и по небу бежали быстрые облака, дождь перестал и туман, окутавший к утру весь лес, рассеялся.

— Сегодня останемся в лагере, — сказала Светлана. — Но ничего страшного. У нас накопилось множество дел, надо разбирать коллекции, приводить в порядок снимки и записи. Объявляю день камеральных работ.

За завтраком Пашка сказал:

— Как там наш Дикарь? Добрался ли?

— Думаю, ничего с ним не случилось, — сказала Светлана. — У него склонность к театральным эффектам.

— А если он наступил на ядовитую змею? — спросила добрая Наташа. — Или тигр на него напал...

— Надо бы сходить проведать его, — сказал Пашка.

— И не мечтай, — сказала Светлана.

— А если он истекает кровью?..

— У него есть передатчик, я его спрашивала, — сказала Светлана. — Только он не захотел оставлять своих позывных. Все. Кто дежурный? Ты, Джавад? Дежурный моет посуду, а остальные за работу!

Пашке работать не хотелось. Некоторое время он покрутился в лаборатории, потом сказал, что, наверно, простудился и хочет отдохнуть. Никто не возражал, и он отправился в палатку.

В палатке он пробыл недолго. Быстро натянул башмаки, накинул непромокаемую куртку, сунул в карман свой знаменитый перочинный нож, затягиватель ран и плитку шоколада, потом подошел к окошку палатки, чтобы убедиться, что никто не выглядывает из домика.

Пусто, тихо, лишь воет ветер.

Пригнувшись, Пашка выбрался из палатки, бегом пересек открытое пространство и скатился к реке. Прежде чем его отсутствие заметят, пройдет какое-то время. Он уже будет далеко.

Пашкой руководило не только беспокойство за судьбу Дикаря, но и любопытство. Могло же случиться, что Дикарь встретился со стаей тигров и теперь лежит в палатке, не в силах добраться до передатчика и сообщить, что истекает кровью. Но в то же время Пашка сильно рассчитывал на то, что Дикарь жив и можно поглядеть, как живет этот таинственный враг цивилизации.

... Хорошо, что его предупредила какая-то птица — громко и испуганно закричала над головой.

Впереди, метрах в трех, из травы поднималась треугольная змеиная голова.

«Этого еще не хватало! Опять Дикарь прав. Насколько он мудрее всех ученых, включая даже прекрасную Светлану, — подумал Пашка, отступая на шаг и глядя под ноги — вдруг там еще одна змея. — Он прав: никому нельзя верить, ни одной планете. Планеты уважают только сильных, только борцов и героев».

— А ну, с дороги! — крикнул Пашка змее. — Я — человек! Я здесь господин!

Змея тем временем выползла на холмик. Она была невелика, с полметра, и, вернее всего, подумал Пашка, вовсе не ядовитая. Пашка вытащил нож и метнул его в змею, чтобы отрубить ей голову. Нечего делать змеям в двух шагах от лагеря.

Нож пронесся рядом с головой змеи и воткнулся в землю. Змея не уползла, а зашипела и раздула шею.

Надо подобрать нож. Но как это сделать? Пашка пошел вокруг, глядя под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь гада. Когда он снова поглядел на змею, то увидел, что змея, увеличившись до метра, успела отрастить вторую голову. И эта вторая голова тянулась к Пашке.

Пашка остановился. Придется взять еще правее. И главное, не бояться. Если убегать от каждой паршивой змеи...

Третья голова вытянулась так, что закрыла Пашке путь назад. Тут же возникла и четвертая. Она увеличивалась на глазах, пришлось отпрыгнуть вбок. Теперь на холмике сидело внушительное чудовище — четырех... нет, уже шестиголовое, отовсюду Пашке грозили разинутые пасти и ядовитые зубы.

Вот это страшно...

Пашка замер. Вдруг змее надоест преследовать или она примет его за сухое дерево.

Змея не унималась. Она словно издевалась над Пашкой.

Пашка не хотел, но закричал:

— На помощь!.. Помогите!

Крик получился слабый, конечно, его не услышат в лагере. И никто его теперь не спасет...

Глаза змеи, пустые, словно стеклянные, блестели в метре от лица.

— Помогите!

Пашка зажмурился... «Ну зачем я только не послушался Светлану!..»

Эту, может, последнюю Пашкину мысль прервали сухие хлопки выстрелов. Пашка раскрыл глаза.

Трах! — одна из голов поникла. Трах! — вторая разлетелась на куски. Трах! — третья отлетела, отрезанная от шеи...

Змея собралась в клубок и с легким шуршанием умчалась в заросли.

И будто ее не было.

Как в страшном сне.

— Что, перепугался, мой отважный друг?

В нескольких метрах от Пашки, пряча пистолет за пояс, стоял Дикарь.

— Я бы тоже на твоем месте перепугался. И вообще — урок на будущее. Если не вооружен, лучше отступить перед незнакомой опасностью.

— И вы так всегда делаете?

— Всегда, — сказал Дикарь. — Отвага должна быть разумной. Ты куда идешь?

— К вам в гости, — сказал Пашка.

— И что ж тебя на это надоумило?

— Я боялся, а вдруг что-нибудь случилось...

— Ты беспокоился обо мне?

— Да.

Пашка старался не смотреть на Дикаря. Он понимал, какую чепуху несет, — он, мальчишка, беспокоился о настоящем супермене...

Но Дикарь не смеялся. Он взял твердыми длинными пальцами Пашку за подбородок, поднял его лицо. Глаза у него были такими печальными — вот-вот заплачет.

— Неужели на свете есть люди, которым не все равно, жив я или нет? И это ты, Пашка? Ты, мой маленький друг?

Дикарь обнял Пашку за плечи, и они не спеша, как самые близкие товарищи, пошли через заросли к палатке Дикаря, которая одиноко стояла посреди небольшой полянки.

Когда до палатки оставалось несколько шагов, Дикарь нажал на драгоценный камень на своем браслете. Легкий щелчок донесся со стороны палатки, воздух заколыхался, будто пролетел порыв ветра.

— Что это? — спросил Пашка.

— Я снял защитное поле, — сказал Дикарь. — Я не люблю, когда в палатку забираются, если меня нет дома. Представляешь, какой-нибудь тигр порвет мои любимые игрушки. Заходи, будь гостем.

Палатка была большой, круглой, как половина шара. Пашка почему-то думал, что это будет хижина из толстых бревен с одним окошком-амбразурой, чтобы отстреливаться, если на тебя нападут...

Правда, внутри обстановка была куда более романтической. Там стояла походная койка, на которой были брошены грудой шкуры, у постели на полу валялся большой синий рог, оправленный в серебро, стояли высокие сапоги и походная фляга, обтянутая змеиной кожей.

Посреди палатки — белый кубик электропечки, на которой стоял котелок. В нем бурчала, пузырилась каша. А за печкой что-то большое, накрытое пластиком. С потолка свешивалась переносная лампа, сделанная из уха веронецкого дракона, а пол был покрыт ковром, сшитым из оранжевых шкур.

— Ну как? — спросил Дикарь. — Нравится? Хочешь чего-нибудь выпить? Джин, виски, водка, пурсанский круц, спирт, настоянный на яде нага, или что-нибудь покрепче?

— Спасибо, я не пью, — с достоинством ответил Пашка, который отлично понял, что Дикарь шутит.

— Ну и великолепно. Тогда отведай крельного сока — это с Фальмагусы. Я там как-то охотился на вертушаек, освободил от их гнета одну деревню, и старейшина подарил мне целую бочку этого сока. Кстати, за каждую его каплю на Сириусе дают по алмазу. Я мог бы сказочно разбогатеть. Но разве в этом счастье?

— Не в этом, — сказал Пашка, осторожно отхлебывая из маленького стаканчика. Сок был кисловатый, приятный, но, в общем, ничего особенного. Странные вкусы на Сириусе.

— Нравится? — спросил Дикарь.

— Угу!

— А мне нет, — сказал Дикарь. — Я рад, что ты не забыл обо мне.

— Можно с вами пойти на охоту? — спросил Пашка.

— А почему ты решил, что я иду на охоту? Может, я спешу в Жанглетон спасать людей, пострадавших от землетрясения...

— Тогда я тоже!

Пашка вскочил, хлопнул себя по боку и понял, что свой драгоценный нож он забыл на месте схватки с многоголовой змеей.

— Ты ножик потерял! — догадался Дикарь. — Возьми мой. Мне для тебя, честно говоря, ничего не жалко.

И он протянул Пашке изумительный кинжал, рукоять которого была сделана из голубой кости.

— Ну что вы, — смутился Пашка. — Я не могу...

— Все можно. Если тебе что-то предлагают, никогда не отказывайся. Кстати, его рукоять сделана из зуба акулоида-людоеда. Я за ним гнался четыре часа. Это было... Извини.

Дикарь поглядел на часы. Видно, ему пора уходить.

Он сказал:

— Конечно, я мог бы взять тебя с собой.

— В Жанглетон?

— Нет, у меня другие дела. А к тебе есть личная просьба. Правда, я не знаю, умеешь ли ты хранить тайны?

— Умею, — сразу ответил Пашка. — Честное слово.

— Я другого ответа и не ждал. Тогда слушай: мы со Светланой полюбили друг друга...

— Не может быть!

— Ты еще мало знаешь женщин. Чаще всего они наиболее резки к тем, кого любят. Уж поверь моему опыту.

— Я вам верю, — сказал Пашка.

— Понимаешь, — продолжал грустно Дикарь, — как много препятствий на пути к нашему счастью...

— Вы так полюбили друг друга за три дня? — удивился Пашка.

— Нет. Мы любим друг друга уже четвертый год. И я здесь из-за любви к Светлане...

— Ну вот... — сказал Пашка разочарованно. Грустно, когда твой герой оказывается простым влюбленным.

Ведь ни одна женщина не стоит того, чтобы из-за нее лететь на другую планету и терпеть лишения, когда на свете есть столько интересных дел и приключений.

— Ты во мне разочаровался? — спросил Дикарь со свойственной ему проницательностью.

— Нет, что вы! — сказал Пашка. — Это ваше дело.

— Теперь слушай: ты вчера видел по видеофону старика.

— Да.

— Это главный инспектор заповедника планеты. Он жестокий и злой старик. Он никогда не простит Светлане, если она соединится со мной. Поверь, если он узнает, что Светлана меня любит, он найдет способ ее погубить.

Пашка застыл. Перед ним раскрывались страшные тайны. Трудно представить, что такое может существовать на мирной Пенелопе.

— Ты понимаешь, — продолжал Дикарь, — почему мы должны таиться? Поэтому Светочка так строга со мной, хотя, поверь, ее сердце обливается кровью. Сколько еще можно притворяться? Ответь мне, есть ли предел ее страданиям?

— Нет.

— Поэтому я должен Светлану украсть. Понятно?

— Да.

— И ты должен нам со Светланой помочь.

— А как?

— За разрушенным городом у меня спрятан небольшой космический корабль. На нем мы улетим. Сейчас ты вернешься в лагерь и до вечера неотлучно будешь при Светлане. Но ни слова — она не простит мне, что я доверился мальчишке. Она не понимает, что ты уже настоящий мужчина.

Пашка только кивнул.

— Вечером, как стемнеет, ты позовешь Светлану на берег озера. Найдешь предлог. Я буду вас ждать. Как только мы со Светланой уйдем, ты поднимешь тревогу. Только не сразу, дашь нам уйти подальше. И когда тебя будут спрашивать — стой на своем: ты видел, как Светлану украл неизвестный дикарь, а она сопротивлялась.

— Ясно.

— Твоя задача: от Светланы ни на шаг. Охраняй ее. Инспектор что-то подозревает. Я на тебя надеюсь.

— Я сделаю все, что могу, — сказал торжественно Пашка.

— А теперь беги. Встретишь змею — брось в нее мой нож. Он самонаводящийся.

— Я пошел, — сказал Пашка.

Дикарь вышел с ним из палатки. Стало совсем холодно. Снова собирался дождь.

— Погоди минутку, — сказал Дикарь.

Он вынес из палатки шапку, сделанную из хвоста какого-то зверя. Хвост был длинный — его хватило на то, чтобы обернуть вокруг головы, а сзади он свисал на спину. Пашка сразу стал похож на охотника из романа Фенимора Купера.

— Беги. Я на тебя надеюсь.

Палатка Дикаря давно скрылась за деревьями. У Пашки сжималось сердце: в его руках — счастье двоих людей.

Он подумал, что лицо инспектора ему сразу не понравилось. Это было неправдой, но Пашка умел себя убеждать.

Глава 9

ГДЕ ЖИВЕТ СОБАКА?

Пашка вышел на открытый берег озера и тут увидел, что навстречу ему кто-то спешит.

Светлана!

Неужели она так неразумна, что сама, без свидетелей идет к своему возлюбленному? Но ведь Дикаря сейчас уже, наверно, нет дома.

— Стойте! — закричал Пашка. — Стойте, Светлана! Его нет дома.

Светлана подбежала ближе.

— Ты куда делся? — спросила она. — Я чуть с ума не сошла, когда ты пропал.

Пашка только отмахнулся.

— Я был у него, — сказал он. — Там все в порядке. Можете не беспокоиться.

— За кого я должна беспокоиться? — притворилась удивленной Светлана. — Как тебе не стыдно! Ты что, маленький, что ли? В такой тревожный день убежать, и никому ни слова!

Пашка вздохнул. Светлана вела себя правильно. Ведь она думает, что Пашка не в курсе ее дел. А открыться нельзя, хотя, честно говоря, Пашке смертельно хотелось намекнуть ей, что у нее есть верный союзник — Павел Гераскин.

Светлана хотела пойти напрямик к лагерю, через луг, но Пашка остановил ее:

— Не надо, там многоголовые змеи. Дикарь еле справился с ними, когда они меня окружили.

— Ты опять выдумываешь?

Пашка только развел руками. Разве можно спорить с женщиной?

— Ладно, пошли напрямик, — сказал он. — Дикарь подарил мне самонаводящийся нож.

Но тут Светлана, конечно, передумала, и они пошли дальним путем, у самой кромки воды. Светлана молчала, сердилась. Пашка тоже решил помолчать.

Наверху, у палаток, стоял Джавад, держа парализующий пистолет.

Пашку кольнула ревность. Светлана никому не доверяла свой пистолет. Хоть Пашка и просил ее об этом. А вот Джаваду дала.

— Нашелся? — сказал Джавад. — Я так и думал, что он к своему Дикарю побежал.

— Никто не звонил? — спросила Светлана.

— Звонил инспектор из города. Сказал, что постарается сегодня приехать.

— Хорошо бы, — сказала Светлана.

И, не глядя больше на Пашку, она быстро прошла в свой домик.

— Ну и дурак же ты, — сказал Джавад. — Что у тебя за сооружение на голове?

— Шапку Дикарь подарил, — сказал Пашка небрежно. — Кстати, мне пришлось сразиться с многоголовой коброй.

— И ты до сих пор жив? — спросил Джавад не без ехидства.

С веранды сбежал Аркаша с ведром в руке.

— Джавад, — сказал он, — Светлана просила проводить меня к реке за водой.

— Пошли, — сказал Джавад, взвешивая пистолет в руке.

«Нет, — подумал Пашка, — здесь меня никто не понимает...»

— Ой! — воскликнул Аркаша. — Откуда у тебя это?

Аркаша показывал тонким пальцем на шапку.

— Подарили, — коротко ответил Пашка.

— Кто подарил? Говори сейчас же!

— Дикарь ему подарил. У них дружба, — сказал Джавад. Пашка понял, что Джавад ему завидует. Ну и пусть.

— Он разбойник! — закричал Аркаша тонким голосом. — Его нужно немедленно выгнать с планеты!

— Что еще такое? — спросил Пашка. — Кого выгнать?

— Твоего Дикаря. Вот кто убил рогатую собаку! Это ее хвост.

— А ты откуда знаешь? — спросил Пашка.

— Я видел. Я, честное слово, видел заднюю половину с хвостом, когда она здесь гуляла. Я бы никогда не спутал...

— Ничего удивительного, — сказал Пашка. Надо было защитить честь друга. — Он мне сам рассказывал. Он нашел заднюю половину, уже мертвую. Вот и сделал из хвоста шапку. И мне отдал.

— Я тебе не верю!

Светлана вышла на шум.

— Что здесь происходит?

— Пашкина шапка сделана из рогатой собаки, — сказал Джавад. — Аркаша узнал.

— Дикарь ее случайно нашел, — упорствовал Пашка.

— Когда же? — спросил Джавад.

— Сегодня утром.

— И сразу сшил шапку?

— И сразу сшил.

— И ты этому поверил?

— Дай сюда шапку, — сказала Светлана. — Я покажу ее инспектору.

— С удовольствием, — сказал Пашка, снимая шапку. — Светлане отдам. Хотя инспектору я бы ее показывать не стал.

Он подмигнул Светлане, чтобы она поняла, как опасно давать в руки инспектору такое оружие против ее возлюбленного.

Но Светлана или не поняла, или хитрила.

Пашка надеялся, что она сообразит, как себя вести.

Ребята ушли наконец за водой. Пашка с облегчением вздохнул. Не жалко ему было шапки, и не в собаке дело. Наверняка Дикарь ни в чем не виноват. Хотя Пашка в глубине души допускал, что Дикарь мог и застрелить собаку, не задумываясь над такими пустяками. Нельзя сказать, что Пашка одобрил бы такой поступок. Но он, по крайней мере, понимал романтическую душу Дикаря. Дикарь был влюблен. И этим многое объяснялось.

Пашка собрался было пойти в дом, поглядеть, что делает Светлана, — обещал же глаз с нее не спускать. Но в этот момент из-за дома, где кончалась дорога из города, выскочил маленький мобиль на воздушной подушке, в котором сидел старик с неприятным лицом — инспектор. А снизу от реки показались Джавад с Аркашей. Аркаша что-то возмущенно кричал, а Джавад шел на шаг сзади, нес в одной руке пистолет, в другой — ведро.

Пашка оказался точно в центре, к которому стремились старик и ребята. Старик вылез из мобиля и с интересом слушал, как Аркаша набросился на Пашку:

— Это все ты со своим Дикарем!

— Что еще случилось? — спросил Пашка.

— Там еще одна мертвая половина собаки, — возмущался Аркаша. — Джавад тоже видел. Теперь ему не отвертеться. Он перебил всех собак. Это же преступление!

— Ну-ка, объясните, молодой человек, — сказал инспектор. — Кто здесь убивает собак?

— Дикарь. У Светланы есть шапка. Он шапку Пашке подарил. Я когда первый раз увидел, то страшно удивился, а потом заднюю половину увидел. Вы себе не представляете, какое это зрелище... — Аркаша вдруг замер с открытым ртом. Рот медленно-медленно закрывался. Аркаша сказал: — Эврика! Я догадался!

Светлана стояла на веранде.

— Кром, как хорошо, что ты приехал!

— Здравствуй, девочка, — сказал Кром. — Сначала я хочу

узнать, что здесь происходит с половинами собак. Что это еще за загадка?

— Я ее решил, — сказал Аркаша. — Но перед тем как все рассказать, я должен отыскать переднюю половину, только живую, а потом засесть в засаду.

— Боюсь, что это исключается, — сказал инспектор, поднимаясь на веранду. — Мы решили свезти все туристские группы на космодром и, как только прибудут корабли, вызванные с ближайших систем, всех эвакуировать. Планета закрывается.

— Но мы же не туристы! — воскликнул Пашка. Надо было любой ценой задержать инспектора. Ужасно представить, какое разочарование постигнет влюбленных, если инспектору удастся увезти Светлану!

Аркаша с Джавадом побежали в дом, чтобы послушать, о чем там будет идти разговор.

О Пашке забыли.

Но он уже знал, что делать.

Он со всех ног бросился к навесу за домом, где стоял большой мобиль Светланы, на котором приехали биологи. Недаром Пашка занимался в техническом кружке, даже конструировал гоночные мобили. Он знал, что сделать, чтобы мобиль не мог двинуться с места. Он не стремился к собственной выгоде. Он должен был защитить хрупкое счастье своего друга.

Когда Пашка вошел в комнату, все слушали рассказ инспектора о событиях в городе. Светлана вопросительно подняла брови, а Пашка кивнул ей: не беспокойся, я сделал все как надо. Светлана пожала плечами.

— А теперь, — сказал инспектор, — расскажите мне о таинственной собаке.

— Боюсь, что вы мне не поверите, — сказал Аркаша, — потому что такого не бывает.

— Все на свете сначала не было, а потом началось, — задумчиво сказал инспектор. Он был маленький, лысый, и даже удивительно, как мог угрожать Светлане.

— Я думаю, — сказал Аркаша ученым тоном, — что мы столкнулись на этой планете с принципиально новым типом животных. Что мы видели? Сначала одну половину, потом другую, которые гуляют раздельно. Значит, это для них естественно!

— Ну и что же? — сказала Наташа Белая.

— Не перебивай. Я считаю, что рогатые собаки живут не

только в пространстве, но и во времени. Передняя половина собаки уже гуляет по сегодняшнему дню, а задняя пока что остается во вчерашнем.

— Ой, — сказала Наташа, — ты, Аркашка, гений.

— Боюсь, это слишком смело, чтобы сразу поверить, — сказал инспектор, но Аркаше эти слова пришлись по душе.

— Конечно, — сказал он, — слишком смело. Но все на свете сначала не было, а потом началось.

Инспектор улыбнулся.

— Знаете, как Дикарь на них охотится? — сказал Аркаша. — Он выслеживает совершенно беспомощную заднюю половину собаки и отрезает у нее хвост. А передняя гибнет от боли. Светлана, покажите шапку.

Инспектор мельком взглянул на шапку и отложил ее.

— Это очень интересно, но сейчас, — он взглянул на часы, — важнее другое. Я обещал в городе, что через час привезу вас обратно. Сами понимаете, свободных машин в городе нет и ваш мобиль тоже нужен.

— А Дикарь? — спросил Аркаша. — Неужели вы оставите его здесь?

— Этого не случится, — сказал инспектор. В его словах Пашке послышалась угроза. — Как только мы перевезем вас на космодром, я вернусь за ним.

Пашка взглянул на Светлану. Ему показалось, что она побледнела. Еще бы, такое крушение планов!

— Может, Светлана останется здесь? — спросил Пашка. — Чего ей с нами в город мотаться?

Светлана сделала вид, что удивилась.

— Нет уж, — сказала она. — Во-первых, я по второй специальности медик и могу пригодиться в городе, а во-вторых, я боюсь тигров и змей.

— Пашка, — сказала Алиса, глядя на друга с подозрением, — ты говоришь такие странные вещи, что я начинаю сомневаться...

Она не договорила, в чем сомневается, потому что Машенька сказала:

— Надо быстро собираться. Ведь у нас все материалы, коллекции разбросаны.

— Может, оставим их здесь? — спросил инспектор, но все

так зашумели, что он махнул рукой и сказал: — Тогда я помогу вам грузить добро в мобиль.

Пашка спокойно пошел со всеми. Генератор тяготения был надежно спрятан в кустах. Мобиль никуда не поедет.

— Ты чего не собираешься? — спросил инспектор.

— А мне нечего собирать... все уже в рюкзаке, — соврал Пашка.

Ветер дул все сильнее. Пашка пожалел, что отдал шапку Светлане. Может, пойти в дом и взять ее? Все-таки подарок.

Он помог Аркаше перетащить громадную стопу гербарных листов, потом поднялся на веранду. Шапка лежала на стуле. Светлана звенела какими-то склянками. Каково ей, несчастной, подумал с грустью Пашка. Не хотел бы он оказаться на ее месте. Он надел шапку.

— Светлана, — послышался голос инспектора, — что-то случилось с твоим мобилем. Ты на нем давно ездила?

«Начинается», — подумал Пашка и отошел в угол веранды, откуда было все видно.

Инспектор сидел в кабине мобиля, нажимал на кнопки. Машина жужжала, но, разумеется, не приподнималась ни на миллиметр.

«Давайте пробуйте, — не без злорадства подумал Пашка. — Наша фирма работает как часы».

Минут через десять инспектор вылез наружу. Джавад и Машенька, которые старались помочь ему, стояли рядом.

— Мертвое дело, — сказал инспектор. — Как всегда, беда одна не приходит. Что же делать?

Темная туча опустилась над лагерем. Вот-вот должен хлынуть ливень.

— Не отчаивайтесь, — сказал инспектор. — Я слетаю в город на своей блохе. Через час буду здесь с большим мобилем и привезу механика.

Через минуту его машина исчезла за деревьями.

Алиса подошла к Пашке и тихо спросила:

— Ты ничего не делал с мобилем?

Пашка удивился:

— Зачем мне это?

— Как зачем? Чтобы остаться здесь. С тебя станет...

— Алиска, да ты подумай, что говоришь! — постарался возмутиться Пашка. Только это получилось не очень убедительно.

Алиса отошла.

А Пашка подумал, что он получил отсрочку. Но надолго ли?

До вечера еще далеко. Через час вернется инспектор с механиком. Всех увезут. И Светлану, разумеется. И все погибло. Как же он не догадался, что инспектор не откажется от мысли увезти их отсюда?

В его распоряжении всего час. Один час.

Пашка стоял под деревом.

Туча навалилась на поляну, придавила вершины деревьев.

И вдруг, словно открылись краны, с неба рухнули толстые упругие струи воды.

Глава 10

В ПОИСКАХ ДИКАРЯ

Пашка несся через поляну. Может, повезет? Может, Дикарь уже вернулся? Только бы он был дома...

Дождь хлестал так, что дышать было нечем.

Пашка не думал о тиграх или змеях — в такую погоду ни одна тварь не высунет носа наружу. Раз Пашка грохнулся, проехал животом по луже. Но если ты уже насквозь промок, это не играет роли.

Вот и лужайка. Мокрая, исхлестанная ливнем палатка.

Стараясь перекрыть рев падающей воды, Пашка крикнул:

— Дикарь!

Дверь в палатку была застегнута на «молнию».

— Дикарь! — кричал Пашка, тряся упругую дверь. Палатка пружинила, раскачивалась. Никто не отзывался.

Пашка нащупал застежку и потянул ее вверх. Дверь отогнулась, и Пашка быстро, чтобы не залило дождем, пролез в палатку и затянул вход.

В палатке было почти темно.

— Дикарь, — позвал Пашка без всякой надежды.

Никто, конечно, не откликнулся.

В палатке почти ничего не изменилось. Только пластик в дальнем конце был откинут. Видно, Дикарь спешил, отбирая нужные ему вещи.

То, что осталось, никак не вязалось с хозяином палатки.

Там были свалены какие-то инструменты, буры, приборы,

скафандр средней защиты, поблескивал мощный космический передатчик. Несколько собачьих пушистых хвостов валялось между приборами, а сверху поблескивал боевой бластер, точно такой же Пашка видел как-то в музее на Марсе, но совершенно новый, зловещий.

Пашка взял его в руки. Бластер был тяжелый. Пашка положил его обратно. Он думал, зачем Дикарю все эти штуки? Ведь он же...

Но когда человек хочет верить своему другу, он всегда найдет оправдание. Конечно же, решил Пашка, ведь Дикарь — космический разведчик-следопыт. И этот бластер у него не для развлечений. На неисследованных планетах надо быть готовым к любым неожиданностям.

Но где же может быть Дикарь? Наверно, он волнуется, ждет того момента, когда они со Светланой смогут убежать с этой проклятой Пенелопы. А если опоздаешь, все погибло.

Дикарь говорил, что у него здесь космический корабль. На нем они должны убежать. Но где же?

Пашка стукнул себя по лбу. Так, в суматохе, свое имя забудешь, сказано же: у разрушенного города. За час туда не успеть.

Но не возвращаться же в лагерь, не ждать же, пока всех увезут в город.

Больше Пашка не раздумывал ни секунды.

Если бежать напрямик, то можно срезать половину пути.

Но вскоре Пашка пожалел, что побежал напрямик. Лес стал гуще, лианы и колючки тянулись к нему со всех сторон, словно хотели остановить. Стало темно, не было видно, как корни ставят подножки одинокому человеку, бегущему через лес. Кто-то страшно ухал над головой, словно подгоняя Пашку. Листва смыкалась черным потолком, и оттуда срывались капли размером с яблоко.

Конца лесу не было. Пашка мечтал лечь и передохнуть, но не смел остановиться, потому что понимал, что этот лес — живой. Он ждет, когда человек свалится, и тогда опутает его корнями и лианами, чтобы высосать, как паук муху.

И вдруг впереди — свет. Поляна.

Поляна поросла высокой, по пояс, травой. Волны ветра и дождя пригибали стебли травы, и Пашка увидел, что по поляне бежит стая передних половинок собак.

«Когда же эти половины соединятся?» — подумал Пашка.

Он верил, что Аркадий, который когда-нибудь станет великим ученым, правильно разгадал их тайну. Наверно, их половинки соединяются в полночь.

Пашка устало брел по траве, как по воде, разгребая стебли руками. Трава нехотя расступалась перед ним и сразу смыкалась сзади.

Впереди снова вставали стеной деревья. Может, он сбился с пути?

И тут впереди и чуть правее раздался гулкий и длинный удар. Словно кто-то стукнул палкой по стальной двери.

И сразу все стихло. Даже дождь измельчал и осторожно постукивал по травинкам маленькими каплями.

Может, это Дикарь проверяет двигатели своего корабля? Может, что-то с ним случилось?

Пашка забыл об усталости.

Он побежал, забирая вправо, туда, где в стене леса виднелась прогалина.

Глава 11

ПАШКА ИСЧЕЗ

Прошло, наверно, минут десять с тех пор, как инспектор уехал за помощью. Все вещи хоть в спешке, кое-как, но уложены в машину, палатки оставили стоять — может, пригодятся. Тем более что они мокрые.

Аркаша сидел в машине, осторожно раскладывая гербарные папки. Он был расстроен больше всех, потому что был уже на пороге важных открытий. Маша с Наташей помогали Светлане собирать приборы на биостанции. Джавад гулял с пистолетом по веранде, охранял лагерь.

А вот Пашки нигде не было.

«Умеет же человек пропадать, — подумала Алиса. — Куда же он опять запропастился?»

Алиса решила не поднимать шума. Она накинула куртку и спустилась с веранды.

— Ты куда? — спросил Джавад голосом сурового часового.

— В палатку, — сказала Алиса, — поглядеть, не забыли ли чего.

— Иди, — сказал Джавад. — В случае чего я тебя прикрою.

— Спасибо, — сказала Алиса, стараясь попасть ему в тон. Мужчины любят, чтобы их принимали всерьез.

Подойдя к палатке мальчиков, Алиса обернулась. Веранда почти скрывалась за стеной дождя. Темный силуэт Джавада маячил на веранде.

Она заглянула в палатку. Хорошо бы Пашка там спал. Она даже представила себе, как он спит, — на боку, рука под щекой, и посапывает.

Кровать Пашки была пуста. На полу валялись какие-то бумажки, один башмак, объектив от аппарата. Все-таки они свиньи, мальчишки, подумала Алиса. Ну кто будет за ними убирать? Она знала, что у девочек Машенька уходила последней, и уж она не оставит за собой беспорядка.

Пашкино поведение в последние дни смущало Алису. С того момента, как появился этот Дикарь с его романтическими наклонностями, Пашка как обезумел. Он даже стал ходить, как Дикарь, ступая сначала на носок, а потом на пятку, — сам-то он, конечно, не замечал, что подражает.

И сегодня он бегал к Дикарю, а когда вернулся, на его физиономии было написано: «Ах, что я знаю, но вам, простые смертные, не скажу». Почему-то он глаз не сводил со Светланы и даже ей подмигивал. Что еще они с Дикарем задумали?

И тут Алиса поняла, что Пашка решил здесь остаться. Все уедут, а он, герой, останется.

Но для того чтобы привести свой план в исполнение, Пашке надо где-то надежно спрятаться — не в палатке и не в соседних кустах. А что, если Дикарь обещал Пашке помочь? Сказал, что они останутся в джунглях вдвоем — два дикаря, два настоящих бродяги!

Ну конечно же, Пашка скрывается в палатке у Дикаря.

Алиса взглянула на часы. Прошло минут пятнадцать с тех пор, как уехал инспектор. Позвать Джавада, чтобы он проводил ее до Дикаря? Нет, пускай уж он охраняет лагерь... Алиса вышла из палатки.

— Джавад! — крикнула она, перекрывая шум дождя.

— Чего? — донесся его голос.

— Я посплю в палатке, что-то устала. Когда будете уезжать, не забудьте меня.

Эта мысль показалась Джаваду очень забавной.

— Обязательно забудем! — закричал он. Смех его сливался с журчанием воды и шумом деревьев.

Через несколько минут Алиса уже стояла на поляне, где жил Дикарь.

— Павел, — сказала она строго, подойдя к двери, — выходи сейчас же. Твои жалкие попытки остаться в джунглях разоблачены следопытами.

Палатка загадочно молчала.

— Есть здесь кто-нибудь живой? — спросила Алиса.

Молчание.

— Дикарь, — сказала Алиса. — Можно войти?

Молчание.

— Что еще за детские шутки! — рассердилась Алиса. — Двое мужчин прячутся от одной девочки.

Она нашла застежку, растегнула «молнию» и вошла в теплый и сырой полумрак палатки.

— Ну, где вы прячетесь?

Она вынула из кармана фонарик, с которым никогда не расставалась.

Кровать из звериных шкур, печка с кастрюлей каши на ней, лампа, груда оборудования... Луч фонаря упал на пол. Мокрые следы вели через палатку. Пашка был здесь. И совсем недавно — следы не успели высохнуть.

Пашка не застал своего нового друга. Покрутился, покрутился и побежал куда-то дальше. Может, он вернулся и они разминулись? Нет, надо знать Пашку с его упрямством, он никогда не вернется, если уж задумал здесь остаться. Значит, он знает, где искать Дикаря. Но где? Алиса этого не знала.

Она остановилась перед грудой приборов, рассматривая передатчик, тяжелый бластер, разбросанные, словно забытые в спешке, хвосты половинчатых собак... Дикарь тоже куда-то спешил. Он — совсем не тот, за кого себя выдает. Никакой он не дикарь, только изображает из себя веселого простака. Но зачем?

В палатке делать нечего. Алиса подумала, что похожа сейчас на последнюю жену Синей Бороды, которая забралась в тайную комнату и трепещет: вдруг кто-то войдет и застанет ее здесь.

Она вышла под дождь. Уж полчаса прошло с тех пор, как Пашка сбежал. Плохо дело, придется возвращаться и рассказывать обо всем Светлане. Мало ей других неприятностей.

И тут до Алисы донесся далекий глухой удар.

Взрыв.

Что в той стороне? Разрушенный город? В разрушенном городе они встретили Дикаря.

Дождь сразу утих, словно взрывом разметало облака. Может, рискнуть — пройти в ту сторону, к разрушенному городу? Ведь там кто-то есть. А кому там быть, кроме Дикаря и Пашки?

Алиса еще несколько секунд колебалась — идти ей или все-таки вернуться, но в конце концов она решила, что лучше найти Пашку самой.

Правда, до города далеко. Придется спешить.

Алиса сбежала к реке и побежала по берегу, поближе к воде, где был песок и потому не так скользко.

Глава 12

ГОВОРЯЩИЙ ТИГРОКРЫС

Второй взрыв, куда ближе, Алиса услышала, когда пробегала мимо кустов, где в прошлый раз они встретили тигрокрыса. Теперь уже никаких сомнений не было: кто-то есть в разрушенном городе. Наверно, с городом связана какая-то важная тайна.

Дождь почти перестал, иногда в просветах облаков мелькало солнце, и тогда сразу начинало парить.

Ни одна птица, ни одна бабочка так и не показалась — видно, все еще прятались в своих гнездах и норах.

В воздухе была какая-то тревога, что-то должно было случиться...

И в этот момент земля дрогнула. Качнулись вершины деревьев, взвыл ветер, под ногами застонало, словно кто-то громоздкий стремился выбраться наружу.

Алиса не удержалась на ногах и полетела на песок, ушибив локоть. Когда она попыталась встать, новый толчок снова бросил ее на песок. Ей показалось, что нависший над ней обрыв начал осыпаться: вот-вот погребет ее. Но ничего поделать она не могла, потому что лежала, вцепившись в какие-то травинки, а земля, такая надежная, оказалась зыбкой и коварной.

Постепенно дрожание и грохот утихли. Алиса смогла поднять голову — часть обрыва съехала к реке, и глыбы земли остановились всего в метре от Алисы.

Алиса медленно поднялась и стала стряхивать с себя песок и

грязь. Больше всего ей хотелось броситься обратно в лагерь... Она даже попыталась утешить себя тем, что Пашка, наверно, давно уже возвратился. Но, уговаривая себя вернуться, Алиса уже сделала первый шаг вперед, к разрушенному городу. Хуже нет, чем возвращаться с полпути. А землетрясения на открытом месте, на берегу совсем не страшны. Кто боится землетрясений?

— Ну, кто боится землетрясений? — спросила Алиса вслух.

— Ты, — ответил низкий, хриплый голос.

В десяти шагах от Алисы, широко расставив когтистые лапы, вытянув вперед голову, стоял громадный, выше ее, тигрокрыс.

Алиса даже не пыталась убежать. Она отлично поняла, что этот зверь настигнет ее одним прыжком. Может, нырнуть в реку, как Пашка, переплыть ее?..

— Не убегай, — сказал тигрокрыс.

Он говорил! Ей не показалось!

И все-таки Алиса постаралась заглянуть за спину зверя. Тигрокрыс показался примитивным хищником.

— Это я говорю, не удивляйся, — сказал тигрокрыс. Пасть его открывалась, и внутри шевелился розовый язык.

Если хищник разговаривает, мелькнула мысль, значит, он не намерен на тебя нападать. Значит, с ним можно договориться. Это ведь только в сказках волки говорят: «Я тебя съем, Красная Шапочка». В жизни хищники никогда не беседуют со своими жертвами — так можно с голоду помереть.

— Я и не убегаю, — сказала Алиса. — Просто уж очень много событий. И ливень, и землетрясение, и вот вы...

— Чтобы с тобой разговаривать, мне нужно произносить звуки. А чтобы произносить звуки, мне нужен рот, язык и зубы, — сказал тигрокрыс.

— Но у вас есть рот, язык и зубы, — сказала Алиса.

— Вот именно. Поэтому я с тобой и разговариваю.

Наступила пауза. Довольно неловкая, потому что Алиса ничего не поняла, а тигрокрыс понял, что Алиса ничего не поняла. Почему-то Алиса подумала: «Вот я стою, а там, может, Пашка ждет меня. Он ждет, а я тут со зверями разговариваю». И тут до нее дошло: вот кто, оказывается, хозяин планеты. А Дикарь на него с дубинкой бросался, Светлана стреляла из пистолета. Хорошо еще, что только усыпила. Впрочем, и он хорош, пугает прохожих... А что, если он не нападал, а только хотел поговорить? Ведь была бы сейчас у Алисы с собой какая-нибудь пушка, могла бы с перепугу и убить тигрокрыса.

— Простите, — сказала Алиса. — Вчера мы вас приняли за хищника...

— Ничего. Это входило в наши замыслы. Мы за вами внимательно следили. Очень внимательно. Сначала не возражали, а теперь говорим: уезжайте отсюда. Вам ясно?

— А почему мы должны уезжать отсюда?

— Вы оказались такими же, как те. И чем скорее вы уедете, тем лучше. Даю вам три дня сроку.

Тигрокрыс повернулся и скрылся в кустах.

— Да постойте же! — крикнула Алиса.

Она бросилась вслед за ним, зажмурившись, потому что мокрые ветки хлестали по лицу, и не заметила, как врезалась в теплый шерстистый бок тигрокрыса.

— Ой, — сказала она. — Вы меня испугали...

— Я не пугал, — сказал тигрокрыс. — Я жду вопроса. Ты бежала за мной, потому что хотела что-то спросить.

— Вы, наверное, сердитесь, что Светлана в вас выстрелила? — спросила Алиса. — Но ведь вам никакого вреда от этого не было. А Светлана защищала нас.

— Человек, — сказал тигрокрыс скучным голосом, — при чем тут одинокий выстрел? Я о нем готов забыть. Мы недовольны людьми. Уходите.

— А почему вы это говорите мне? Ведь есть же взрослые люди в городе...

— Я не хожу в город, — рассудительно ответил тигрокрыс.

Он был прав. Алиса представила себе, как такое чудовище придет в Жанглетон и попытается поговорить с туристом.

— Пришли бы в лагерь.

— Там есть пистолет, — сказал тигрокрыс. — В меня станут стрелять.

— Но ведь это только усыпляющий...

— Когда я усыплен, — сказал тигрокрыс со свойственной ему логикой, — я не могу говорить. Ты тратишь время. Скажи людям, чтобы ушли.

— Но мне же не поверят.

— Почему? Разве не все равно, с кем говорить? Ты можешь говорить здесь с любым существом. Почему тебе не поверят?

— Ну, представьте себе, я возвращаюсь обратно и говорю,

что встретила чудовище, которое мне велело передать, чтобы все люди улетели с планеты...

— Теперь я ничего не понимаю.

К удивлению Алисы, чудовище уселось на камень, подперло когтистой лапой морду и задумалось.

— Значит, один человек может говорить другому то, чего в самом деле нет? — спросил наконец тигрокрыс.

— К сожалению, бывает и так, — вздохнула Алиса.

— Значит, один человек может делать то, о чем не знают другие люди? И чего они бы не одобрили?

— Так бывает, — осторожно сказала Алиса. — Вернее, так бывало раньше, а теперь так почти не бывает...

Тигрокрыс тяжело поднялся с камня и сказал загадочно:

— Никогда нельзя принимать решений, не посоветовавшись с виновной стороной.

Пока Алиса обдумывала эту фразу, тигрокрыс ушел.

Алиса вернулась на берег реки. Несмотря на разговор с тигрокрысом, она все-таки решила сначала отыскать Пашку. Плоскогорье уже близко...

Странное животное. Совершенно не похоже на разумное существо... Но ведет себя как хозяин планеты. Может, в разрушенном городе раньше жили тигрокрысы?

Подъем на плоскогорье показался коротким, и вот она уже стоит на краю равнины, над которой поднимаются могучие деревья.

Никого не видно.

По заброшенной дороге Алиса пошла к развалинам.

Впереди, где в прошлый раз они встретили Дикаря, что-то чернело. Когда Алиса подошла поближе, оказалось, что это вывернутое с корнями громадное дерево. Комки земли были разбросаны метров на сто вокруг. За деревом виднелась широкая воронка — все, что осталось от развалин большого дома.

Алиса стояла на краю воронки и оглядывалась по сторонам, стараясь понять, куда же могли деваться люди. Вдруг услышала знакомый уже глухой голос:

— Ты не знала о том, что здесь случилось?

Алиса оглянулась. Никого вблизи. Голос доносился сверху. Где же прячется тигрокрыс?

На торчащем высоко вверху корне вывороченного дерева

сидела большая темно-зеленая птица. Это она говорила голосом тигрокрыса.

— Как же я могла знать? — удивилась Алиса. — Я же была далеко.

Птица широко разевала клюв, старательно выговаривая слова.

— А он тебе не сказал?

— Кто?

— Тот, кто сделал два взрыва.

— Я даже не знаю, кто это сделал. Хотя подозреваю, что Дикарь.

— Вы его называли Дикарем. Вы с ним ели и пили коричневую воду.

— Чай, — сказала Алиса. — Эта вода называется чай.

— И он не сказал?

— Ничего он мне не сказал. Вообще он странный человек.

— Это непостижимо, — сказала птица.

Для Алисы было непостижимо, куда делся Пашка.

— Скажите, — спросила она, — а этот Дикарь был здесь один?

— Сначала он был один. Потом к нему пришел маленький человек, — сказала птица.

— А где он теперь?

— Они ушли, — сказала птица. — Он сделал мне больно. Мне давно не делали так больно, как этот Дикарь.

— Может, я могу вам помочь? — спросила Алиса у птицы.

— Нет, — коротко ответила птица. — Ты мне не поможешь.

Птица расправила крылья. Изнутри они казались голубыми. Она быстро поднялась в небо и полетела к дальнему лесу.

Пашка с Дикарем куда-то ушли. Где же их искать?

Алиса вскарабкалась на торчащие к небу корни, чтобы с высоты оглядеть окрестность.

Вдали что-то блестело. Космический корабль?

Глава 13

ДИКАРЬ СОБРАЛСЯ УЛЕТАТЬ

Пашка прибежал на плоскогорье за полчаса до Алисы.

Дерево, которое Алиса увидела вывороченным с корнями, тогда стояло накренившись — первый взрыв не смог его сва-

лить. У дерева сидел на корточках Дикарь, подготавливая новый взрыв.

Пашка обрадовался, увидев друга.

— Дикарь, — закричал он, — Дикарь!

Дикарь вскочил и побежал к нему навстречу.

— Ложись! — крикнул он страшным голосом.

Он сбил Пашку с ног, и тут же раздался оглушительный взрыв. Вокруг летели обломки камней, комья земли. Когда все утихло, Дикарь поднялся на ноги и сердито сказал:

— Носятся здесь самоубийцы.

— Я же не знал, что вы взрываете, — сказал Пашка. — Можно было человеческими словами объяснить...

Дикарь только отмахнулся и пошел к сваленному дереву. Пашка бежал сзади и говорил:

— Я же не так просто прибежал. Надо спешить...

— Я и спешу, — сказал Дикарь.

— Но вы всего не знаете...

В этот момент началось землетрясение, которое свалило с ног Пашку и Дикаря.

Пашка подполз к своему другу и прижался к нему.

Земля перестала содрогаться...

Дикарь оттолкнул Пашку, поднялся и сказал:

— Задержка, задержка, а каждая минута на счету.

— Я к вам так спешил... — сказал Пашка.

Пашка был как гонец, израненный, умирающий, который добегает до царского шатра, чтобы сообщить, что приближаются враги. А царь занят другими делами.

— Зачем спешил? — спросил Дикарь, поднимаясь на кромку воронки.

— Он приехал.

— Кто он?

— Ваш враг, инспектор.

— Куда приехал? — спросил Дикарь, оглядывая воронку сверху.

— В лагерь приехал. Понимаете?

— Ну и что?

Дикарь начал осторожно спускаться внутрь воронки.

— Он хочет увезти нас со Светланой.

— Ну и что?

Дикарь начал разгребать руками землю.

Пашка в полном отчаянии пытался растолковать Дикарю, что случилось.

— Он хотел всех посадить в машину и увезти в город...

— Так чего же не увез?

— Я им помешал. Я же знал, что тогда вы не сможете соединиться со Светланой.

— С какой еще Светланой?

Дикарь злился, он не находил того, что искал.

— Вы же сказали, чтобы я не спускал глаз со Светланы.

— Ну и не спускал бы.

— Вот я и сломал машину, чтобы они не смогли уехать.

— Сломал?

— Но инспектор уехал в город за новой машиной. Прошло больше часа, он, наверно, уже вернулся...

— Ах ты, какая неудача! — сказал Дикарь. — Нет хуже услужливого дурака. Уехали бы в город. А теперь тебя хватятся, будут разыскивать. Еще сюда прибегут.

— Зато Светлана спасена.

— На что мне твоя Светлана... — Дикарь не договорил. Из-под земли показался угол черного ящика. Дикарь сел на корточки, разгребая землю. Через несколько секунд ящик оказался в руках Дикаря.

И тут Пашка увидел, как земля с краев воронки начала осыпаться — все быстрее и быстрее... Комья застучали по спине и затылку Дикаря, который ничего не замечал.

— Дикарь! — закричал Пашка. — Вас засыплет!

Дикарь все мешкал. И опоздал. Земля накрыла его с головой. Пашка с ужасом смотрел, как его друг исчез.

Раздумывать было некогда. Пашка прыгнул внутрь воронки и стал быстро разгребать землю руками, словно щенок, который откапывает любимую кость. Земля была рыхлая, с краев воронки сыпались новые комья. Но, к счастью, и Дикарь не сдавался — вот уже показалась его голова.

— Я думал, не вылезу! — крутил головой Дикарь. — Там лопата. Скорей же!

Пашка бросился за лопатой. Дикарь торопил его, ругался, а когда ему удалось освободить руки, передал Пашке тяжелый черный ящик, а сам, опираясь на лопату, выбрался следом.

Пашка поставил ящик на край воронки и понял, что обижен на Дикаря. Хотя бы спасибо сказал.

Дикарь никак не мог вылезти наверх. Земля осыпалась под ним, тянула обратно. Он протянул Пашке лопату и приказал:

— Тяни!

Пашка тянул из последних сил. Вот-вот и его самого затянет внутрь. Но все кончилось благополучно. И вот они стоят рядом на краю воронки.

— Проклятие! — сказал Дикарь, пытаясь вытащить комья земли из когда-то золотых волос. — Все это подстроено. Точно тебе говорю — подстроено. Я еще с ними рассчитаюсь.

— С кем? — спросил Пашка.

— Со мной лучше не шутить. Ну ладно, пошли.

— Куда?

— Чем меньше будешь задавать вопросов, тем дольше проживешь, — ответил Дикарь, поднимая ящик. Он спустился к дереву. Пашка увидел в траве два туго набитых мешка.

— Бери один, — сказал Пашке Дикарь.

Мешок оказался легким, словно был набит мехом.

— Что в нем? — спросил Пашка, закидывая мешок на плечо.

Дикарь взял другой мешок.

— Собачьи хвосты, — сказал Дикарь. — Целое состояние. На Паталипутре модницы за них отдадут что угодно.

— Это вы столько собак убили? — удивился Пашка.

— А что их, оставлять, что ли? Это же уроды!

— Нет, — сказал Пашка. — Они не уроды. Они просто живут во времени. Передняя половина сегодня, а задняя — вчера.

— Вот умора, — захохотал Дикарь. — А я думал, чего они такие? Значит, она смотрит, а хвоста еще нет?

— Не смейтесь, — сказал Пашка; он был огорчен, что Дикарь так вел себя на планете. — Они же умирают. Они обязательно умирают, если отрезать хвост.

— Еще смешнее, — хохотал Дикарь, — нет хвоста, и разрыв сердца. Я умру от смеха. Когда я расскажу об этом, все помрут...

Впереди показался небольшой космический корабль.

Настроение у Пашки было гадкое. Как будто он сам в чем-то виноват.

— Это ваш корабль? — спросил он.

— Мой.

— Так вы не возьмете Светлану?

— Я передумал.

— Я не понимаю, — сказал Пашка, — я так старался...

— Забудь об этом, — сказал Дикарь. — Мы с тобой вольные бродяги...

— Но ведь вы же говорили...

— Мало ли что я говорил. Полетишь со мной. Я из тебя воспитаю отличного волчонка. Мы с тобой будем желанными гостями в Сером облаке. С этим ящиком...

— Нет, — сказал Пашка. — Меня ждут.

— Неужели ты не романтик? — удивился Дикарь.

Корабль был уже близко.

— Романтик, но, наверно, другой...

— Романтик должен быть авантюристом, — сказал Дикарь. — Ни одна душа в Сером облаке не верила, что я смогу достать черный ящик с сокровищами Кандоры, который потеряли лигмейцы, когда бежали с этой планеты. А я достал. Видишь, как просто!

— Кто бежал с этой планеты?

— Те, кто нарушил мой покой, — сказала змея, поднимая голову из травы.

Это была большая зеленая змея.

В мгновение ока Дикарь бросил мешок, выхватил пистолет и ударил по змее смертоносным лучом.

— Но она говорила... — ахнул Пашка.

— Теперь больше не заговорит.

Дикарь подхватил мешок и, побежав к кораблю, открыл люк и кинул его внутрь.

— Давай свой мешок, — сказал он Пашке.

Пашка передал мешок. Трудно переносить такое разочарование.

— И Светлану вы совсем не любили? — спросил он, хотя можно было бы и не спрашивать — и так ясно.

— Кого? Эту девочку? Ты не представляешь, какие красотки ждут меня в Сером облаке... Неужели ты не понял, что мне нужно было от тебя отделаться? А ты, мой друг, перестарался.

Ослепительно улыбаясь, Дикарь поставил на край люка черный ящик.

— Ты не летишь со мной?

В голове у Пашки проносились быстрые мысли. Он уже все понял. Дикарь — космический разбойник.

Пашка отрицательно покачал головой.

— Ну как знаешь...

— Пашка! — раздался далекий крик.

По полю бежала Алиса.

— Еще чего не хватало! — сказал Дикарь и выхватил пистолет.

— Не смей! — закричал Пашка.

И бросился к нему.

Дикарь спрятал пистолет. Он все еще улыбался.

— Ты мне пригодишься, — сказал он, схватил Пашку за пояс и забросил, как мешок, в люк корабля. — Они не посмеют стрелять, если ты будешь со мной.

Он прыгнул в люк и задраил его.

Алиса все это видела. Она уже была совсем близко.

Но опоздала.

Корабль приподнялся над землей, трава полегла от удара разгонных двигателей.

С легким шипением корабль поднялся над долиной и пошел вверх.

Глава 14

«СЧИТАЮ ДО ДЕСЯТИ...»

Алиса смотрела, как поднимается, уменьшаясь, корабль, а по ее щекам катились слезы.

Она не заметила, как сзади опустился мобиль и из него выскочил старый инспектор.

— Он похитил парня? — спросил инспектор.

— Да, — сказала Алиса. — Пашка не хотел улетать.

— Все будет хорошо.

Он включил связь.

— Прием, — сказал он. — Прием.

Загорелся экран видеофона. На нем возникло лицо молодого человека в форме космического патруля.

— Капитан Симон, — сказал старик, — ты меня принимаешь?

— Отличная связь.

— Дикарь две минуты назад стартовал с плоскогорья. Ты его сейчас можешь засечь на локаторе. Объяви тревогу среди спасательных кораблей, которые летят к Пенелопе. Особо опасный преступник.

— Там Пашка, — сказала Алиса.

— Учти, — продолжал старик, — на борту корабля похищенный мальчик. Требуется предельная осторожность. Корабль может быть вооружен.

— Не беспокойтесь, инспектор, — сказал молодой капитан. — Мы его не упустим.

Экран погас.

— Не расстраивайся, Алиса, — сказал старик.

— Я клянусь, Пашка не подозревал, что Дикарь — преступник.

— Мы тоже не догадались. Только сейчас поняли, что под видом Дикаря скрывается один из последних космических пиратов Серого облака. Это мы виноваты.

— Так вы в самом деле не знали? — раздался уже знакомый Алисе глухой голос. — Только не стреляйте. Он только что меня убил. Это очень больно.

Говорила змея. Большая зеленая змея.

— Ничего мы не знали, — сказала Алиса, — сколько раз вам нужно повторять одно и то же.

— И о взрыве не знали?

— Нет.

— И когда он ловил рыбу в озере, вы тоже в этом не участвовали?

— Нет.

— И не охотились с ним?

— Нет.

— Кто вы? — спросил инспектор.

— Это странно, — сказала Алиса. — Сначала со мной разговаривал тигрокрыс, потом птица, а теперь змея, но все одним голосом. Как будто один и тот же человек переодевается.

— Девочка права, — сказала змея. — Это говорю я, планета Пенелопа.

— Понятно, — сказал старик. — Мы давно чувствовали неладное. Эта планета слишком правильно организована.

— Я организована так, как мне удобнее, — сказала змея.

— Вы хотите нас изгнать? — спросил старик.

— Много лет назад ко мне уже прилетали подобные вам. Они построили город, как раз на этом плоскогорье. Они начали бурить меня, они рубили деревья, они убивали животных, которых я вырастила. Я предупреждала их. Я хотела показать им, что

все здесь, до последней мошки, это я. Одна я. Я создала хищных животных. Они не послушались. Они рыли во мне ямы, разыскивая металлы. Я наслала на них дожди и бури. Они не послушались. Я пыталась говорить с ними — они стреляли в моих посланцев. Тогда я разрушила город. И те, кто остался жив, убежали.

— Но мы же старались вас не тревожить.

— Поэтому я терпела. Мне было интересно. Но потом все началось снова... Тот человек, который улетел...

— Он не человек. Он давно изгнан из общества.

— Я не знала, что люди могут враждовать между собой. Я думала, что вы все такие же...

— Так, значит, это вы сделали тигрокрысов, хищных рыб и змей? — спросила Алиса.

— Да, — сказала змея. — Я хотела, чтобы вы ушли.

Экран приемника загорелся.

— Мы вышли с ним на связь, — сказал патрульный капитан. — Слушайте.

На экране была видна рубка патрульного корабля.

Алиса подошла поближе.

Что-то холодное коснулось руки.

Она невольно убрала руку: громадная зеленая змея тоже смотрела в экран.

Патрульный капитан говорил:

— Дикарь, Дикарь, вы обнаружены. Мы предлагаем вам немедленно пристать к искусственному спутнику.

— Черта с два, — раздался голос Дикаря. — Прежде чем сдаться вам, я взорву десяток таких, как ты.

— Но в конце концов погибнете сами, — сказал капитан.

— Вы не посмеете, — сказал Дикарь. — У меня на борту ваш мальчишка.

— Вы сейчас в центре силового поля. Через пять минут оно сомкнется. Сдайтесь добровольно...

— Не успеете, — засмеялся Дикарь. — Я уже за пределами атмосферы Пенелопы. Здесь свободная Галактика. Меня ждет корабль моих друзей.

— Корабль ваших друзей сдался нам два часа назад.

— Не верю!

— Придется поверить. Я соединяю вас со спутником.

Сиплый голос произнес:

— Он прав, Дикарь, нас схватили. Ты узнаешь меня, неустрашимого бродягу?

— Черт возьми, это подстроено...

— Считаю до десяти... — сказал молодой капитан.

...До лагеря ехали мобилем.

Инспектор сказал, что Пашка вернется только к вечеру.

Змея, не спросив разрешения, забралась в мобиль и оказалась очень разговорчивой. До самого лагеря она, не переставая, задавала вопросы. Алиса с инспектором устали на них отвечать.

А когда мобиль затормозил у веранды и Светлана с ребятами выбежали их встречать, змея, забыв, что не все с ней знакомы, вышла из машины вместе с Алисой, обмотав ее плечи и положив голову ей на плечо, чтобы не прерывать беседу.

Можно представить, что подумала Светлана, когда она увидела, что Алиса, измазанная в земле, мокрая и растрепанная, выходит из мобиля, подобно статуе древнегреческого героя Лаокоона, а змея при этом довольно громко, глухим басом рассуждает:

— Меня, надо признаться, растрогало то, что вы отменили воздушные полеты надо мной, чтобы не беспокоить птиц и насекомых. Поэтому тем более горьким было разочарование...

Алиса покорно кивала головой.

При виде Алисы Светлана не выдержала: уж очень переволновалась за день, — и грохнулась в обморок. Джавад с Аркашей еле успели подхватить ее.

А змея не обратила на это внимания — она, видно, решила, что Светлана легла спать. Она поглядела на Аркашу и сказала:

— И еще мне хотелось бы поближе познакомиться с Аркадием Сапожковым, который догадался, что мои драгоценные рогатые собаки живут во времени...

Часть IV

ШКАТУЛКА ПИРАТСКОЙ МАМАШИ

Глава 1

ПРИЕЗЖАЙ НА БРАСТАК ОТВЕДАТЬ СКРРРУЛЕЙ

Вот и подошли к концу каникулы на планете Пенелопа. Пора возвращаться.

Лагерь в джунглях собран, коллекции погружены в мобиль, палатки свернуты и спрятаны в домике биостанции, батискаф Машеньки Белой запакован в рюкзак, коллекцию бабочек Джавад бережно держит на коленях...

Из леса медленно вышел зверь тигрокрыс и копает передней ногой землю, печалится, расставаясь с друзьями. За ним появилась стая собак. Хвосты гуляют отдельно, головы — сами по себе.

— Ничего не забыли? — спросила Светлана.

— Аркашу Сапожкова забыли, — сказала Наташа Белая. — Только что тут был.

— Он оставил в лаборатории шесть самых драгоценных гербарных папок, — сказал Пашка Гераскин.

— Немудрено, — сказала Алиса Селезнева, — их у него восемьсот двадцать, вчера до самой ночи пересчитывал.

— И все самые драгоценные, — добавил Джавад.

— Я схожу попрощаюсь с тигрокрысом, — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — возразил Пашка. — Он тебя заговорит.

— Постой-ка, — вспомнила Светлана. — Я вчера в городе взяла для тебя письмо, сунула его в карман и забыла. Прости.

Светлана протянула письмо Алисе.

— Ой, какая марка! — воскликнул Пашка. — У меня такой в коллекции нет.

— Еще бы! — Алиса посмотрела на обратный адрес. — Это

из Брастака. — На марке был изображен объемный черно-зеленый котенок с одним голубым глазом посреди лба.

— Какой миленький, — сказала Наташа Белая. — Почему их к нам на Землю не привозят?

— Может, они ростом с трехэтажный дом, — сказал Джавад.

— Их не могут завозить, — сказала Алиса. — Они сами иногда приезжают. На научные конференции или на переговоры.

— Они разумные? — удивилась Наташа.

— Разумнее нас с тобой. Только планета Брастак маленькая, лежит в стороне от основных путей, а брастаки — домоседы.

— Они с трехэтажный дом? — спросил Джавад.

— Нет, — сказала Алиса, — котята как котята.

Наташа засмеялась, а Алиса поняла, что не совсем правильно выразилась, поэтому добавила:

— То есть они похожи на котят. Но у них нет хвостов. Кстати, на марке нарисован их великий путешественник Кк-ррр.

— Ты умеешь читать на их языке?

— Немножко. Как-то я была в археологической экспедиции, там подружилась с одним археологом с Брастака. Его зовут Рррр. Это от него письмо.

— Слушай, Алиса, — сказал Пашка. — Ты ведь марок не собираешь?

— Собираю. Флору и фауну.

— Но ведь великий путешественник — это не фауна. Отдай его мне.

— Бери с конвертом.

От дома бежал Аркаша Сапожков, сгибаясь под грудой гербарных папок.

— Поехали? — спросила Светлана. — Надеюсь, больше ничего не забыли?

— Там все чисто, я проверил, — сказал Аркаша.

Мобиль приподнялся над землей и заскользил по дороге к городу. Передние половинки собак горестно завыли, а тигрокрыс помчался громадными прыжками за мобилем, добежал до поворота дороги, остановился, подняв длинный тонкий полосатый хвост, и опустил голову. Прощайте, друзья!

— Ну и что он тебе пишет? — спросил Пашка, любуясь маркой.

— Светлана, — обернулась Алиса к биологине, — сколько от Пенелопы лететь до Брастака?

— Никогда не летала, — сказала Светлана. — Придется тебе в городе спросить.

— Ты собираешься на Брастак? — удивился Пашка — А как же школа?

— Рррр приглашает меня на великий праздник, который бывает раз в три года. На этом празднике все едят скрррулей. Он меня давно обещал пригласить.

— А что такое скрррули? — спросил Аркаша. — Если это живые существа, то есть их — варварство.

— Честное слово, не знаю, — ответила Алиса. — Только он мне говорил: отведаешь скрррулей — на всю жизнь запомнишь.

— А как же твои родители? Они ведь ждут тебя? — сказала строго Машенька Белая.

— Я лучше прочту письмо.

«... Я написал на Землю, что хотел бы видеть тебя, мой старый друг, на празднике скрррулей, но твой уважаемый отец сказал, что ты улетела на Пенелопу. О, решил я, мне повезло. От Пенелопы до Брастака рукой подать. Я тут же сообщил твоему уважаемому отцу, что ты можешь побывать у нас на празднике и успеть домой к началу учебного года. Двадцать первого августа на Пенелопе останавливается лайнер, идущий на Абрадабру с остановкой на Брастаке, а двадцать шестого от Брастака стартует к Солнечной системе «Аристотель». Так что ты отведаешь скрррулей и успеешь в школу. Твой уважаемый отец провел совет с твоей уважаемой мамой, и они выразили согласие с моим скромным планом. Билет тебе заказан. С нетерпением жду тебя на космодроме. Твой уважающий профессор космической археологии, почетный член восемнадцати академий и научных обществ. Рррр».

— Вежливые у тебя друзья, — сказал Джавад.

— Ты не представляешь, какой он замечательный!

— Повезло человеку, — сказал Пашка. — Скрррулей отведаешь.

— Я тебе привезу, — сказала Алиса.

— Если бы их можно было перевозить, давно бы привезли на Землю, — сказал Аркаша. — Наверно, их можно есть только свежими.

— Сегодня двадцатое, — сказала Светлана. — Значит, тебе придется улететь раньше, чем остальным. А мы хотели съездить на Синие озера.

— Ничего, в следующий раз съезжу, — сказала Алиса. Понятно было, что человеку интересней загадочные скрррули, чем пенелопские Синие озера.

Глава 2

«ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ!»

На следующий день с утра поехали на Синие озера. Вернее, не все. У Пашки вдруг заболел живот, и он остался в гостинице.

Алиса сама принесла ему завтрак из ресторана, но Пашка грустно поглядел на фрукты и чай с молоком и сказал:

— Уж лучше я сегодня не буду есть. Какая досада! Если меня не взяли на Брастак, хоть бы съездил на Синие озера.

— Пойми, Пашка, — сказала Алиса. — Я бы тебя с удовольствием взяла куда угодно, потому что ты мой друг. Но я не могу предупредить Рррр, что приеду не одна. Кроме того, на корабле может не быть мест. И что скажут твои родители, если ты не вернешься со всеми?

— Все это так, — сказал Пашка. — Но можно написать моим родителям, что я остаюсь с тобой. Ты же знаешь, как моя мама тебя уважает. Она совершенно не будет беспокоиться.

— Нет, Пашка, исключено, — сказала Алиса и оставила его в грустном одиночестве. А сама поехала на космодром, чтобы узнать, когда прилетает лайнер на Абрадабру.

Небольшой космодром Пенелопы, у города Жангле-многоточие, кишел туристами. Только что опустился специальный рейс с Пилагеи. Пилагейские туристы в диких, с точки зрения землянина, одеждах — юбках до земли и широких шляпах — с букетами искусственных цветов, с пустыми корзинками в руках и с маленькими магнитофонами на запястьях шли сплошным потоком.

Алиса отыскала справочного робота, у которого, как назло, сломался блок ответственности. Вместо того чтобы сообщить Алисе, когда прибывает корабль на Абрадабру, он пригласил ее гулять в парк аттракционов. Пришлось разыскивать дежурного, вместе с ним ловить робота. Время шло, так что, когда Алиса вернулась в гостиницу, до прилета корабля оставалось полчаса. Когда она собрала свою сумку, осталось двадцать минут, переоделась — пятнадцать, побежала к Пашке, чтобы попрощать-

ся, — двенадцать, когда обнаружила, что Пашка куда-то смылся, — десять. Завтрак был начисто съеден — видно, не так уж Пашка был болен. Притворялся, специально остался, чтобы уговорить Алису.

Алиса примчалась на космодром, когда посадка на корабль заканчивалась. Алиса Селезнева была в списке пассажиров. Подхватив сумку, она побежала через поле и успела к кораблю как раз в тот момент, когда последняя пилагейская туристка поднималась по трапу.

В переходнике пассажирского лайнера было пусто, лишь последняя туристка наседала на робота-стюардессу, говоря на ломаном галактическом языке — космолингве:

— Мой запасной шляпа есть драгоценный цветок, но отсутствует и непонятно.

— Найдется ваша шляпа, обязательно найдется, — успокаивала туристку стюардесса. — Может быть, вы ее сдали в багаж?

— Мой шляпа нельзя в багаж, ибо есть цветы ломались и гибли. Вы ясно? — У пилагейки были черные очки в пол-лица.

— Тебе, девочка, в какую каюту? — спросила стюардесса.

— В восемнадцатую.

— Направо, четвертая дверь, — сказала стюардесса. — Ты одна летишь?

— Конечно, одна.

— А раньше ты летала?

— Много раз, — сказала Алиса.

— Перед стартом я все равно к тебе загляну — погляжу, знаешь ли ты правила.

— Пожалуйста, заглядывайте, — сказала Алиса, сделав вид, что не обиделась.

— Мой запасной шляпа, — сказала туристка с Пилагеи, — суть редкий цветок.

Алиса сказала:

— Но у вас же осталась хорошая шляпа на голове.

— Девочка, суть не вмешивайся. Есть взрослый беседа. Не исключено, что потеря мой запасной шляпа связана с тобой характер. Соблазнение суть велико. Как великий сувенир.

— Как вам не стыдно так думать! — возмутилась Алиса.

— Слушай, девочка, — сказала замороченная стюардесса, которая уже не чаяла, как избавиться от туристки. — Иди в свою каюту, а то скоро старт.

Алиса пожала плечами: не хотите, чтобы я вам помогла, не надо. Чужих шляп мне не нужно. А что касается сувениров, то у меня такие есть, о которых вы и не мечтали!

Продолжая мысленно разговор с пилагейкой, Алиса дошла до своей каюты. Там она вынула из сумки зубную щетку и другие нужные в путешествии вещи, положила их на полку над умывальником. Откинула койку. По правилам положено во время старта лежать. Хоть в современных лайнерах перегрузки почти не чувствуются, но старое правило никто не отменял. Сейчас придет стюардесса и обязательно проверит. Плохо быть такой молодой. Всегда к тебе недоверие.

В дверь постучали. Вот и стюардесса.

— Войдите, — сказала Алиса.

В дверь боком влезла пилагейская туристка.

— Вы есть здесь обитаешь? — спросила она, сверкая черными очками. — Ты здесь прятает мой запасной шляпа?

— Простите, — сказала Алиса, — но сейчас будет старт, и вам надо быть в вашей каюте. А то стюардесса вас хватится, старт отложат, и все будут недовольны.

— Сначала я есть найду свой запасной шляпа, — упрямо сказала туристка. — Она есть под твоя кровать.

— Я же вам сказала!

Туристка одним длинным шагом пересекла каюту.

— Я сейчас позову стюардессу, — сказала Алиса и протянула руку к звонку. Но туристка хлопнула ее по руке маленькой корзинкой.

— И не мечтай, Алиса, — сказала она. — Ты меня погубишь.

Туристка сорвала с себя очки. У нее было лицо Пашки Гераскина. Алиса ничего и сказать не успела, как он подобрал длинное платье, под которым обнаружились ходули, упал на колени и быстро заполз под койку.

В дверь снова постучали.

— Попробуй только меня выдать, — прошипел Пашка. — Я тебя буду всю жизнь презирать. И других заставлю.

В каюту заглянула стюардесса.

— Девочка, — сказала она, — через пять минут старт. Я так и думала, что ты никогда раньше не летала на кораблях. Сейчас же ложись и пристегни себя ремнями.

Алиса, ругая про себя последними словами Пашку Гераскина, послушно прыгнула в кровать, и стюардесса пристегнула ее

ремнями. Тут Алиса поняла, что стюардесса вот-вот услышит, как быстро и громко дышит под кроватью этот дурак Пашка, и на всякий случай громко и надрывно закашлялась.

— Что с тобой? Ты простужена? — спросила стюардесса.

Ну хоть бы поскорее ушла!

— Нет, крошка в дыхательное горло попала.

— Я после старта к тебе загляну — погляжу, как ты себя чувствуешь. Или врача пришлю.

— Ни в коем случае, — сказала Алиса. — Я себя уже хорошо чувствую.

— Странная девочка, — сказала стюардесса и, взглянув на часы — до старта оставалось две минуты, — поспешила к двери.

— Пашка, я тебя презираю, — сказала Алиса, когда за стюардессой закрылась дверь. — Я же тебе все объяснила, а ты применил такой низкий способ, чтобы проникнуть на корабль.

— Во-первых, не низкий, — ответил Пашка из-под кровати. — Если ты думаешь, что я ограбил какую-нибудь пилагейку, ты глубоко ошибаешься. Я честно-благородно обменял мою коллекцию значков на запасную одежду одной туристки, которая только что прилетела на Пенелопу. Клянусь тебе, она выиграла от этого обмена.

— Ты променял все значки, которые собрал на Пенелопе?

— Зато я отведаю скрррулей, а это что-нибудь да значит.

— Все равно я на тебя зла...

В этот момент зазвенел звонок — старт.

Алиса вытащила из-под головы подушку и сунула ее под кровать.

— Возьми, низменный авантюрист, подложи под голову, а то еще расшибешь макушку.

— Ты не представляешь, какая у меня крепкая макушка, — ответил из-под кровати «низменный авантюрист». — Но пойми же, я бы никогда не смог проникнуть на корабль иначе. Мне надо памятник поставить за изобретательность.

— На планете обманщиков.

— На планете великих обманщиков. Только пилагейские туристы всегда ходят организованными группами, их даже никто не считает. Если уж пилагеец идет на корабль, значит, у него не только билет, но и путеводитель, и магнитофон, и сумка для сувениров — все как полагается.

Алису легонько прижало к кровати. Корабль начал подъем.

— Слушай, а как же твои? Они с ума сойдут, куда ты делся.

— Я оставил в комнате у Джавада письмо, в котором написал, что у тебя случайно оказался второй билет на корабль.

— Мне стыдно, что ты мой друг.

— Зато, — не сдавался Пашка, — я отведаю скрррулей.

Глава 3

ИХ НИКТО НЕ ВСТРЕТИЛ

В первый день Алиса с Пашкой почти не разговаривала, злилась на него, но сколько можно злиться? Раз уж она его не выдала стюардессе, надо мириться со спутником. К тому же вдвоем лететь веселее, все-таки почти три дня в дороге, быстрее корабли пока не летают. Плохо только, что голодно, одна порция на двоих.

Как известно, на Брастаке нет космодрома, который принимал бы галактические лайнеры. Поэтому корабль выходит на орбиту и с него спускают планетарный катер-автомат. Он высаживает пассажиров, оставляет почту и возвращается.

Когда по внутренней связи объявили, что корабль подходит к Брастаку и пассажиры, покидающие его, должны собраться в нижнем эллинге, Алиса с Пашкой уже были готовы.

Алиса подошла к катеру первой, делая вид, что незнакома с пилагейской туристкой, которая ковыляла сзади.

— Ну как, девочка, довольна путешествием? — спросила стюардесса.

— Да, спасибо.

— Питание тебе понравилось? Полюбила ли ты пирожки с заварным кремом, гордость нашего повара?

Алиса ничего не ответила, потому что пирожков ей не досталось. Все сожрал Пашка — не смог удержаться.

За Алису ответила пилагейская туристка:

— Ваш заварной пирожки есть весьма вкусно.

— Что? — удивилась стюардесса. — С каких пор пилагейцы стали есть пирожки? Ведь у вас совершенно другая кухня. Одного пирожка для пилагейца достаточно, чтобы получить расстройство желудка.

— Мой желудок есть синтетический, — поспешила с отве-

том пилагейка. — Есть настоящий потерян в страшный катастрофа. Теперь могу есть даже железный винт.

Пилагейка оттолкнула Алису и направилась к катеру.

— А вы куда? — еще больше удивилась стюардесса. — Ведь вся группа пилагейцев летит до Абрадабры.

— Я есть думал иначе, — сообщил Пашка, стараясь влезть в люк катера, что нелегко, если ты на ходулях. — Я буду глядеть на пейзаж Брастак, очень хвалят. И покупай новый шляпа. Мне есть стыдно возвращайся домой с одна шляпа. Вам не понять.

Наконец Пашке удалось проникнуть в люк, и он исчез внутри.

— Ничего не понимаю, — сказала стюардесса. — Все пилагейцы летят на Абрадабру, а поодиночке они никогда не летают. Надо сообщить капитану.

— Не надо, — сказала Алиса. — Ну что плохого в том, что пилагейке хочется посмотреть на Брастак? В случае чего я за ней присмотрю.

«Внимание! — сказал голос в динамике. — Катер на Брастак отправляется. Прошу срочно занять свои места».

— Еще раз спасибо за все, — сказала Алиса. — Заварной крем был очень вкусный.

Она прыгнула в катер, и стюардесса закрыла за ней люк.

— Ой, Пашка! — сказала Алиса, усаживаясь рядом с ним в кресло. — Кто тебя тянул за язык?

— Но ты ведь не представляешь, какие были вкусные пирожки. Жалко, что мало. И учти, я ничего не могу поделать — одна ложь тянет за собой другую.

— Знаешь, что я тебе посоветую? — сказала Алиса. — Ты лучше сними с себя весь этот камуфляж. Теперь он тебе не нужен. Меня встречают, может, с цветами, а ты в таком виде...

— Ни в коем случае! Шутить так шутить! Вся планета будет хохотать, когда узнает, что под обличьем пилагейки скрывается великий шутник Павел Гераскин.

Кроме них, в катере никого не было. Туристы сюда попадают редко, Брастак — планета без достопримечательностей, да и удобств для туристов мало. На всю планету одна гостиница для гостей. В местном доме человеку не уместиться — уж очень велика разница в росте.

Катер опустился на космодроме.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Пошли, — сказал Пашка, с трудом поднимаясь на ходули и надевая черные очки.

Люк раскрылся.

Впереди, до низкого здания вокзала, расстилалось поле космодрома, выложенное квадратными желтыми и голубыми плитками. И не было на нем ни единого человека, ни одного брастака и даже ни одного робота.

Автоматический катер закрыл люк, зажужжал гравитонными двигателями, поднялся чуть-чуть над полем, замер на секунду и понесся вверх.

Земная девочка и пилагейская туристка стояли в полном одиночестве посреди поля. Дул холодный ветер, вот-вот начнется дождь.

— Ну что? — спросила пилагейка. — Где ваши встречающие? Где есть многочисленные букеты цветов? Может, это не Брастак? И даже спросить не есть у кого.

— Перестань кривляться, Пашка. Здесь какая-то ошибка.

— Тогда нечего стоять посреди поля. Еще подхватишь насморк — единственную неизлечимую болезнь двадцать первого века. Пошли навстречу своей судьбе и скрррулям.

Глава 4

ПЛАНЕТА В КАРАНТИНЕ

В низком обширном зале космического вокзала с обычной круглой стойкой дежурного диспетчера, приемными камерами багажа, креслами возле буфета все было, как на любой другой планете, за исключением одного — ни единой живой души.

— Неужели праздник уже начался и они доедают скрррулей, не дождавшись нас? — спросил Пашка. — Я этого не переживу.

— Погоди ты, — ответила Алиса. — Кому приятно, если тебя пригласили в гости, а встретить забыли? Но космодромы не бывают пустыми. Это невероятно.

Алиса подбежала к справочному бюро и нажала кнопку. Экран не включился.

— Эй! — крикнул Пашка на космолингве. — Кто там гуляет по верхней галерее? Откликнитесь, встретьте космических путешественников.

Алиса подняла голову — никого.

— Кто там был?

— Какой-то человек прошел. Поглядел вниз и исчез.

— Человек?

— В черном комбинезоне и в черном шлеме.

— У тебя галлюцинации, Пашка, — сказала Алиса.

— Не веришь — не надо. Может, отдохнем немного? Мне надоело гулять на ходулях. Это очень утомительно.

Из маленькой двери в зал выбежал темно-зеленый котенок без хвоста с оранжевым глазом посреди лба.

— Рррр! — закричала Алиса. — А мы уж думали, что-то случилось.

— Я не Рррр, — ответил брастак, останавливаясь в десяти шагах. — Я — Мммм. Прошу вас немедленно покинуть планету.

— Как так — покинуть? — удивилась Алиса. — Мы же к вам в гости приехали, нас приглашали.

— Скрррулей есть, — добавил Пашка.

— Ничего не знаю, ничего не слышу, ничего не вижу, — ответил Мммм. — Попрошу вас покинуть нашу планету.

— Но как?

— На чем прилетели, на том и улетайте.

— Но мы прилетели на автоматическом катере. Он тут же улетел обратно.

— Минутку, надо посоветоваться, — сказал Мммм. — А вы стойте. Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Чудак какой-то, — сказал Пашка. — Сам же выгоняет, сам же не велит двигаться.

— Что-то здесь случилось, — сказала Алиса.

— Тебе нельзя отказать в наблюдательности, — ответил Пашка. — Даже слепой догадается, что здесь что-то случилось. Они не очень любят гостей.

— Неправда, — вступилась за брастаков Алиса. — Они очень гостеприимны.

Мммм уже бежал к ним снова.

— Зачем вы прилетели? — спросил он. — Откуда и куда? Надолго ли?

— Нас пригласили, — сказала Алиса.

— Отведать скрррулей, — добавил Пашка.

— В этом городе скрррулей не будет, — сказал Мммм. — Откуда вы приехали?

— Я с Земли, — сказала Алиса.

— А я — пилагейка, это каждому понятно.

— Меня пригласил Рррр, — сказала Алиса.

— Какой Рррр?

— Профессор археологии. Его здесь все знают.

— Минутку, — сказал Мммм. — Я посоветуюсь и вернусь. Ни шагу в сторону.

— Знаем, — сказал Пашка. — Шаг в сторону будет рассматриваться как побег.

— Здесь что-то неладно, — сказала Алиса. — Вряд ли принято говорить гостям, куда им можно шагать, а куда нет.

Вернулся Мммм.

— На планете эпидемия, — сказал он. — Заразная эпидемия. Все лежат.

— Но еще две недели назад, — сказала Алиса, — о ней и речи не было.

— Эпидемия началась десять дней назад, — сказал Мммм. — Вся планета в карантине.

— И Рррр болен?

— Я же сказал — все больны.

— Что же делать? Нам не на чем улететь обратно.

— Мы посоветовались и решили, что вам надо будет подождать следующего корабля в гостинице для почетных гостей. Никаких контактов с больными. Ваша жизнь в опасности. Шаг в сторону...

— Знаем, знаем, — сказал Пашка. — Вот тебе и отведал скрррулей.

— Следуйте за мной, — сказал Мммм и поспешил к выходу.

Они оказались на пустой площади. Шел дождь. Перед дверью стояла низкая длинная машина с решеткой сзади.

— Сюда, — сказал Мммм.

Он обежал машину сзади, встал на задние лапы, открыл замок и раздвинул решетку.

— Это такси? — спросил Пашка, осторожно спускаясь на ходулях по мокрым от дождя ступенькам.

Мммм ничего не ответил. И так ясно, что это не такси.

Пашка все-таки поскользнулся и грохнулся у самой машины. Шляпа с цветами отлетела в сторону, длинное платье задралось, и обнаружились деревянные ходули.

— У вас протезы? — спросил Мммм.

— Нет, — сказал Пашка, стараясь подняться. — У нас есть такой мода, понимает? Называется высокий каблук.

Алиса помогла Пашке подняться и взобраться в машину.

Мммм со скрипом задвинул решетку и повернул ключик. Потом опустил металлическую штору.

В машине стало темно, как в подземелье. И тесно — потолок в метре от пола. Пришлось сесть на пол.

— Да сними ты свои протезы! — сказала Алиса.

— Ни в коем случае, — сказал Пашка. — У нас на Пилагее только так и ходят. Я уже начинаю привыкать.

Машина рывком тронулась с места и поехала неизвестно куда.

— Эх, разве так встречают гостей! — сказал Пашка.

— Но у людей несчастье, эпидемия, карантин.

— Я и говорю: разве гостей встречают эпидемиями?

Глава 5

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ

Машина резко затормозила и замерла. Слышно было, как Мммм хлопнул дверцей, обошел машину. Заскрипела штора. Глаза отвыкли от света, и Алиса зажмурилась.

— Выходите, — сказал Мммм. — Только ко мне не приближаться, я в карантине.

Алиса спрыгнула на асфальт. За ней, громыхая ходулями и поддерживая одновременно шляпу, платье, корзиночку и сумку, выбрался Пашка.

Машина стояла в пустом дворе, с трех сторон окруженном трехэтажным зданием. Окна были закрыты, и никто не подошел к ним, чтобы поглядеть, кто же это приехал. Часть двора была завалена пустыми ящиками, бочками, там же стояли небольшие, словно из детского сада, машины.

Мммм взбежал по маленьким ступенькам к низкой двери, открыл ее.

— Сюда, по одному.

— Не хочу! — вдруг взвился Пашка. — Это куда вы нас привезли?

— В гостиницу для почетных гостей.

— А почему с заднего хода?

— Парадный закрыт по случаю карантина, — сказал Мммм.

— Пошли, — сказала Алиса. — Не стоять же нам под дождем.

Они поднялись по узкой лестнице на второй этаж и оказались в обыкновенном по размерам коридоре. Мммм сразу показался маленьким и, видно, чувствовал себя неуютно.

Он поспешил к одной из дверей и остановился перед нею.

Тут Алиса заметила, как эта дверь устроена. У нее были две ручки, две замочные скважины: одна — в полуметре от пола, вторая, как полагается, на уровне пояса. Алиса сообразила, почему это так: ведь гостиница построена специально для приезжих, для высоких землян, пилагейцев и других галактических жителей, похожих на людей. Значит, им нужно открывать дверь верхней ручкой и вкладывать ключ в верхнюю замочную скважину. Но в гостинице есть дежурные, уборщицы, официанты ростом по колено человеку. Для них и сделана вторая ручка и вторая замочная скважина.

Мммм открыл ключом нижний замок, потом протянул лапку кверху:

— Открывайте!

И отскочил в сторону.

Алиса нажала на ручку, дверь отворилась. Она оказалась в самом обычном гостиничном номере, не таком, правда, большом и удобном, как на Земле или на планете Пенелопа, но вполне привычном для человека, которому приходится немало летать по Галактике. Главное, все предметы здесь были нормального размера. Номер двойной, кровати застелены...

— Вы две женщины, — сказал Мммм, — вам будет тут удобно.

И с этими словами он улизнул из комнаты.

Щелкнул замок.

Алиса повернулась к двери и нажала ручку.

Ручка повернулась, но дверь не открылась.

Алиса присела на корточки, повернула нижнюю ручку — то же самое. Гостей заперли.

— Что вы наделали! — крикнула Алиса. — Как же мы выйдем отсюда?

— А вам не нужно выходить, — ответил приглушенный голос из-за двери. — Дверь в туалет справа. Как только придет ка-

кой-нибудь корабль, мы вас отпустим и отправим домой. Мы же бережем вас от заразы. Карантин у нас, карантин.

Мммм захихикал.

И все смолкло.

— Вот тебе, бабушка, и отведали скрррулей, — сказал Пашка, садясь на кровать и отвязывая ходули. — Когда здесь будет корабль?

— Двадцать шестого, — сказала Алиса.

— Через два дня. Никогда еще не сидел в тюрьме.

Путаясь в длинном платье, которое волочилось за ним, как шлейф, Пашка подошел к Алисе и прошептал ей на ухо:

— Нас могут подслушивать. Говори шепотом. Давай готовиться к побегу.

— Но если у них в самом деле эпидемия?

— Ты в это веришь?

— Сама не знаю.

— А я не верю. Обманывает нас этот Мммымра. Клянусь тебе. Сам-то он здоровый. Почему те, с кем он советовался на космодроме, не вышли к нам?

— Может, они больны?

— Лежат на кроватках в диспетчерской?

Алиса пожала плечами. Наверное, Пашка прав. Но мало ли что бывает? Может, и в самом деле — карантин.

За окном, затянутым упругим пластиком, была улица. На другой стороне стояли в ряд несколько многоэтажных домов. В отличие от гостиницы, рассчитаны они были не на людей. Как раз на уровне со вторым этажом гостиницы был восьмой этаж небоскреба. А улица была пуста. Кто же ухаживает за больными, кто их лечит, кормит?

— Я уже немного проголодался, — сказал Пашка.

— Нажми кнопку. Здесь есть пищедоставка.

Но Пашка не успел отойти, как Алиса крикнула:

— Скорей, смотри!

По улице бок о бок шли два человека в черной облегающей одежде и в шлемах, плотно обхвативших голову. Один из них держал в руке тяжелый боевой бластер. У второго оружие висело на ремне через плечо.

Люди шли медленно, поглядывая по сторонам.

— Я видел такого на космодроме, а ты мне не поверила, — прошептал Пашка.

— Но что они здесь делают? Может, это медики... — Алиса не договорила, потому что сообразила, как нелепо медикам гулять по улице с бластером.

Улица снова опустела.

— Ладно, — сказал Пашка. — Чем голову ломать, давай позавтракаем.

Он подошел к стандартной нише, внутри которой в ряд тянулись кнопки с маленькими рисунками над ними и прикрытое заслонкой окошко выдачи.

— Чего будешь? — спросил Пашка.

— А что здесь есть?

— Кефир, молоко, яичница...

— Не знаю, из чего здесь молоко делают. Возьми мне гренки с вареньем и чай.

— Исполняем, — сказал Пашка, нажимая кнопки. — А мне сосиски и кофе. Где они здесь вилки и ложки прячут?

— Сбоку погляди.

Алиса все еще стояла у окна, ждала, не появится ли еще кто-нибудь на улице. Пашка возился у ниши, звенел ложками, укладывая их на столе.

— Ну, как твои сосиски? — спросила Алиса.

— Сейчас. Что-то запаздывают.

— Подозреваю, что ты и сосисок не дождешься.

— Почему?

— Если карантин, то некому на кухне работать.

— Роботы не болеют, — отмахнулся Пашка, но права оказалась Алиса. Пищедоставка работала, зеленый огонек горел, а заслонка не открывалась, и стол был пуст.

— Я с ума сойду, — сказал Пашка. — Мне без пищи совершенно невозможно.

— Попробуй что-нибудь другое, — сказала Алиса. — Например, печенье или вафли.

Пашка принялся нажимать все кнопки подряд.

Никакого результата.

Алиса подошла к нему и нажала крайнюю красную кнопку — вызов дежурного.

Дежурный не ответил, но заслонка вдруг медленно поднялась, и вместо сосисок и чая на стол вылетела записка.

Глава 6

ВЕГЛЕЦ

— Уже что-то, — сказал Пашка. — Тише. Читай шепотом.

— «Карантина нет, — прочла Алиса. — Вас обманули. Планета завоевана космическими пиратами. Не верьте им. Сообщите в Галактический центр. Записку уничтожьте».

— Ну вот, — сказал Пашка, — а я что тебе говорил?

— Что же делать? — Алиса порвала записку в мелкие клочки.

— Я им покажу! — сказал Пашка. — Пусть только попробуют сюда сунуться. И кормить не хотят, и в плену держат, и еще планету завоевали.

— Но кто же?

— Эти, черные, разве не понятно?

Пашка, уже привычным жестом подобрав свой шлейф, смело направился к двери.

— Стой! — остановила его Алиса. — Все погубишь!

— Может быть, я погибну в борьбе за справедливость, но никого не погублю. Ты — девочка, ты оставайся здесь. Тебя никто не тронет.

— Остановись, неразумный, и послушай меня, — сказала Алиса. — Я старше.

— Ты? Старше?

— Да. На пять месяцев. Но не в этом дело. У меня опыта больше. Я уже раз десять в космосе путешествовала, бывала в таких приключениях, о которых тебе и во сне не снилось, и, кстати, уже встречалась с космическими пиратами. Казалось, их уже совсем разогнали, но где-то они скрывались. И пока еще есть в Галактике отсталые планеты, от них окончательно не избавиться.

— Кажется, мне повезло, — сказал Пашка.

— Еще чего не хватало. Ты сидишь в тюрьме, рискуешь опоздать к началу учебного года, а говоришь, что повезло.

— Если опоздаю, то мне вдвое повезло. Ведь по уважительной причине.

— Ничего себе уважительная причина — переоделся в пилагейку и зайцем забрался на космический лайнер!

— Ничего ты не понимаешь, Алиса. Но ведь я спасу от пиратов целую планету. Мне за это по справедливости можно полгода и школу пропустить.

— И это говорит мой друг!

— Друзей не выбирают, — сказал Пашка. — Друзья сами находятся. Где бы достать оружие? Могли бы с запиской переслать и какой-нибудь пистолетик. Без оружия мне будет нелегко.

— Никуда ты не пойдешь, — сказала Алиса. — Мы должны делать вид, что мы — глупые туристы, которые ровным счетом ничего не поняли и страшно боятся заразы. Мечтают об одном — чтобы их отправили домой. Ясно?

— Ничего не ясно. Я — человек действия.

— Вот и действуй. Только молчи. Нам с тобой доверили тайну целой планеты... А если тебя схватят, кто тогда сообщит на Землю?

— Испугалась?

— Не испугалась...

Они не успели доспорить, потому что за окном послышались выстрелы.

Пашка с Алисой осторожно выглянули наружу.

По улице бежал зигзагами пушистый брастак. За ним — два черных человека, которые палили из бластеров. Смертоносные белые лучи метались по улице, плавя камни домов, оставляя в асфальте глубокие желобы, разнося стекла.

Поравнявшись с гостиницей, котенок метнулся к ее стене и исчез. Алиса прижалась носом к стеклу, но не увидела, куда он делся.

Черные люди тоже остановились под самым окном и принялись лупить из бластеров куда-то вниз.

— Эй, вы! — крикнул Пашка. — Немедленно прекратите!

— Молчи! — Алиса оттягивала его от окна. — Ты все погубишь.

— А что же делать?

— Думать надо. Думать надо уметь.

— Значит, притворяться?

— Да, притворяться. И советую тебе нацепить свои ходули и привести в порядок парик. Может, даже лучше, что ты туристка с Пилагеи. И пускай ты будешь не простая туристка...

— А кто? — спросил Пашка, доставая из-под кровати ходули и со вздохом прикрепляя их к башмакам.

— Ты — двоюродная дочка хранителя государственной корзинки.

— Это ты сейчас придумала?

— Нет, я где-то читала о государственной корзинке. Что в ней носят, не знаю.

— А почему двоюродная дочка?

— Потому что у пилагейцев очень сложная система родства. Бывают двоюродные и троюродные дети, сводные мужья и близнецы-погодки.

— Обязательно надо слетать на Пилагею, — сказал Пашка.

Он поднялся во весь рост, нахлобучил шляпу, поправил у пояса корзинку.

— Я есть возражаю против заточений в ваш карантин...

Послышался шорох.

Алиса обернулась. Шорох доносился со стороны доставки. Там что-то блеснуло.

— Тиш-ше, Пашка.

— Что?

— Смотри.

— Там кто-то есть. Кто там?

Из-за открытой заслонки раздался тихий стон.

Алиса осторожно заглянула внутрь.

Там, на пустом подносе, где ребята недавно нашли записку, лежал пушистый брастак.

— Вы кто такой? — спросила Алиса.

— Помогите... — прошептал котенок, — я ничего не вижу... Это ты, Алиса?

— Ой, Рррр!

— Они гнались за мной... меня ранили...

— Пашка, — приказала Алиса, — сейчас же к двери. Закрой на задвижку. Никого не впускай. Ты не обидишься, Рррр, если я выну тебя вместе с подносом?

— Спрячь меня... Вы получили записку? Мы боялись, что ее перехватили.

У профессора археологии Рррр было рассечено зарядом бластера ухо и обожжен бок.

Алиса осторожно перенесла поднос с брастаком на кровать, отыскала в сумке целебный пластырь, спасающий от ожогов и затягивающий раны.

— Потерпи, — приговаривала она, осторожно прикладывая пластырь к голове друга. — Конечно, надо бы сначала тебя обрить...

Рррр, чтобы не стонать, прикусил острыми клыками нижнюю губу.

В дверь громко постучали.

Глава 7

«ГДЕ ВЫ ЕГО СПРЯТАЛИ?»

— Пашка, — прошептала Алиса, — задержи их.

— Будет сделано, — кивнул Пашка.

— Откройте! — раздался голос за дверью.

Алиса схватила поднос и бросилась к доставке.

— Я тебя спрячу здесь, они не догадаются, я заслонку закрою.

— Нет. Они меня выследили. Они догадаются.

— Откройте, а то я вышибу дверь! — требовали снаружи.

— Это есть безобразие, — ответил Пашка. — Бедный женщина не кончил скромный туалет, а незнакомый мужчин рвется в дверь. Я буду жаловаться свой двоюродный папа, хранитель государственная корзина на планете Пилагея.

— Плевал я на твои корзинки! — раздался голос. — Немедленно открывай.

Алиса все еще стояла посреди комнаты: не могла сообразить, где бы спрятать Рррр. Под кроватью нельзя — они туда наверняка залезут, и в туалет тоже...

— Быстрее, ко мне в корзинку, — сказал Пашка.

— А вдруг?..

— Некогда думать.

Алиса осторожно переложила раненого брастака в корзинку, и Пашка, сорвав со шляпы букет искусственных цветов, прикрыл ими археолога.

Дверь дрожала от ударов.

— Отходи от двери! — прогремел голос. — Стреляю!

— Не стреляйте! — крикнула Алиса. — Мы открываем.

Она схватила поднос, забросила его обратно в пищедоставку. Пашка уже шел к двери.

— Стой, — сказала она. — Еще секунду.

На подносе были пятна крови. Она выхватила платок и вытерла кровь, а потом приложила платок к носу, словно кровь шла из носа.

Пашка открыл дверь. Оттолкнув его в сторону, внутрь ворвался здоровенный усач в черном пластиковом мундире и в таком же черном, облегающем голову шлеме. На шлеме были нарисованы скрещенные космические ракеты, а над ними белый череп.

— Где вы его прячете? — спросил пират.

Пашка изобразил перепуганную и возмущенную туристку с независимой и благополучной планеты Пилагея.

— Не сметь врываться в мой квартира! — кричал он, перекрывая крик пирата. При этом он размахнулся корзинкой, норовя стукнуть ею пирата, и тот несколько опешил и даже отступил.

В комнату вбежал Мммм, сверкая оранжевым глазом, и остановился на пороге.

— Мой друг, — сказал он, — очень взволнован, прошу его извинить. Он беспокоится о вашем здоровье.

— А что случилось? — спросила Алиса.

— Прискорбное происшествие. Из карантина сбежал один опасный и заразный больной. Представляете себе, что случится, если он вас заразит и вы распространите заразу по всей Вселенной...

— Да, да, — сказал усатый пират. — Карантин, конечно, карантин. Пусть он только мне попадется, я покажу ему, как бегать из карантина.

— Но к нам никто не приходил, — сказала Алиса. — Вы же сами дверь заперли.

— И мы тоже заперли своя сторона, чтобы инфекция не ходил в наш комната. Можете уйти к дьявол, — сказала пилагейская туристка, сверкая черными очками. — Вы, может, сам заразный!

— Вы, дамочка, помолчите, — сказал пират, наморщив низкий лоб, и его маленькие глаза скрылись в глубоких глазницах. — Он где-то здесь прячется.

— Не позволю! — сказал Пашка.

— Лучше не спорьте, — сказал Мммм своим тоненьким вежливым голосом. — Господин Дуч — главный городской врач.

Дуч двумя шагами пересек комнату, распахнул дверь в туалет, велел Мммм залезть под ванну, под кровать, сам заглянул в пищедоставку, провел пальцем по подносу..

— Ну и порядки у вас, — сказала Алиса. — Какое-то варварство. И почему у вас такая странная для врачей одежда?

— Молчать! — рявкнул пират, оборачиваясь к гардеробу и вытаскивая Алисину сумку.

— Куда же вы его спрятали? — ворчал пират, вывалив все из сумки на пол. — Больше ему некуда было деться. Через пищедоставку пробрался.

— Кстати, — сказала Алиса, — у вас доставка не работает. Мы что, должны три дня голодными сидеть?

— Не беспокойтесь, госпожа, — сказал Мммм, — не беспокойтесь. — Он очень суетился: ему хотелось, чтобы туристки ничего не заподозрили. — Я прикажу принести пищу специально для вас. Не беспокойтесь. Все будет в порядке...

Пират крутил головой, раздумывая, где еще поискать.

— Вы нам не доверяете, — возмущенно сказал Пашка. — Это есть оскорбление.

— А ну-ка, — сказал пират, — приподними юбку.

— Что? — удивилась пилагейская туристка.

— Не беспокойтесь, господин Дуч, — поспешил вмешаться Мммм, — я сам загляну.

И он скользнул по полу к юбке туристки.

— Аааййй! — завопила пилагейка на всю гостиницу.

Никогда бы Алиса не подумала, что у Пашки может быть такой пронзительный и отвратительный голос. Задрожали стекла. В шкафу оборвалась вешалка, а в туалете сама по себе хлынула вода.

— Не смейте! — кричала туристка, прижимая юбку. — Я мышей боюсь!

Пират что-то кричал, но, разумеется, его не было слышно.

В коридоре грохотали шаги, другие пираты появились в открытой двери и, раскрыв рты, смотрели, как по комнате бегает высокая неуклюжая ковыляка в большой шляпе, с корзинкой, полной цветов, а за ней носится брастак.

— Пошли отсюда! — крикнул пират, воспользовавшись короткой паузой. — Черт с ними.

Мммм рад был подчиниться.

— Там наверняка ничего нет.

Пираты гоготали во все горло. Им эта сцена понравилась.

— А вы еще в шляпе, в корзиночке моей поглядите, — наступал на него Пашка. Усатый пират Дуч уже добрался до две-

ри. Пашка сорвал с себя шляпу и ловко запустил ею в лицо пирату. Тот не успел закрыться, и жесткий край шляпы сильно ударил его по щеке.

Пират попытался спрятаться за своих хохочущих друзей.

А Пашка метнулся к туалетному столику, схватил флакон одеколона с распылителем и метнул в пиратов струю, крича при этом:

— Дезинфекция! Дезинфекция! Карантин!

Дверь хлопнула, и в наступившей тишине слышно было только, как Мммм возится с ключами, запирая дверь.

Алиса подошла к двери, закрыла ее на задвижку и сказала:

— Ну, дорогая двоюродная дочка, тебе надо выступать в театре. Какая актриса пропадает!

Глава 8

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

Алиса тщательно обработала раны еле живого Рррр — ему сильно досталось в корзинке, потому что Пашка забыл о нем, размахивая корзинкой, как гранатой.

Пашка снял ходули и уселся в кресло, страшно довольный собой.

— Тебе больно, Рррр? — спросила Алиса, когда кончила перевязку.

— Ничего, терпеть можно, — сказал археолог. — Главное, что мы встретились.

Раздалось жужжание, потом что-то звякнуло в доставке.

— Еще кто-то идет? — вскочил Пашка.

На подносе стояла тарелка с лепешками и кувшин с водой.

— Вспомнил-таки, — сказал Пашка. — Боится международного скандала.

Он взял кусок хлеба.

— Сухой как камень. Пожалел свежего. Для своих господ оставил.

Но все-таки принялся грызть, запивая водой. Алиса тоже взяла сухарь. Рррр отказался.

— Так что же у вас случилось? — спросила Алиса.

— Если бы мы понимали! — Рррр зажмурился от боли. —

Ты, Алиса, и вы, самоотверженная дама, которая спасла меня от гибели...

— Он не дама, — сказала Алиса, грызя сухарь. — Он Пашка Гераскин, мой друг. Он узнал, что я лечу сюда отведать скрррулей, и решил обязательно полететь со мной. А когда я отказалась его взять, переоделся пилагейской туристкой и полетел самостоятельно.

— А когда прилетели, — добавил Пашка, — я не стал переодеваться, потому что вам смешно было бы узнать, до чего мне хотелось скрррулей.

— Эх, — сказал Рррр, — не скоро теперь мы отведаем скрррулей... Я согласен, что вы, Пашка, талантливый актер, и я вам благодарен. Но когда в следующий раз будете класть меня в корзинку, пожалуйста, не машите ею так сильно.

— Обещаю, — сказал Пашка. — Простите, я увлекся.

— Так вот, — сказал Рррр. — Пираты появились на нашей планете неожиданно. Мы готовились к празднику, и вдруг на улицах наших городов появились люди в черной одежде с черепами на шлемах. Они в несколько минут захватили наши радиостанции и учреждения, электростанции и аэродромы. Мы и опомниться не успели, как оказались рабами.

— Но откуда же они появились?

— Клянусь вам, не представляю. И никто не представляет.

— Так просто и появились?

— Да. Так просто и появились. Всем жителям нашей планеты было приказано оставаться в домах и не выходить, а пираты принялись грабить наши сокровищницы, музеи, склады, дворцы.

— И вы не сопротивлялись?

— Это случилось десять дней назад. Сначала мы так растерялись, что никакого сопротивления пиратам не оказывали. Но на третий день мы поняли, что так продолжаться не может. Мы договорились, что через два дня начнем восстание и выгоним пиратов. Ведь они не знали наших подземных ходов, они не могли проникнуть в щели и отверстия, которые для нас кажутся широкими дверями, они были обречены.

— Ну и что случилось?

— Предательство.

— Как так?

— Понимаете, ребята, когда приходит завоеватель, почти

всегда находятся такие, которые думают, что им выгоднее быть на стороне сильного.

— Мы знаем... Мы читали в истории, — сказала Алиса.

— А у нас это случилось сейчас. Надо сказать, что мы, брастаки, различаемся цветом глаз.

— Мы, на Земле, тоже.

— Но на Земле это ничего не значит, а вот на Брастаке — очень много. Какой у тебя цвет глаз, такой и характер. Бывает даже, что брастак рождается с голубым глазом, но из-за плохого воспитания или по другой причине его характер портится. И тогда его глаз желтеет. У очень плохих брастаков они становятся оранжевыми.

— У Мммм оранжевый глаз.

— Ничего удивительного, он оказался одним из первых предателей. Еще неделю назад у него глаз был умеренного желто-зеленого цвета.

— А у честных брастаков какие глаза?

— Серые, голубые... Бывает, брастак родился желтоглазым, но с возрастом его глаз голубеет.

Пашка незаметно взглянул на их гостя. У него был голубой глаз.

— Как у вас просто! — сказала Алиса. — Поглядел на глаз — и сразу ясно, с кем имеешь дело.

— Конечно, — согласился Рррр. — Если преступник попадает в тюрьму, его выпускают, только когда глаз у него становится серым или хотя бы зеленым, — значит, он исправился.

— Надо было давно всех желтоглазых послать в какое-нибудь отдельное место, — сказал Пашка, сторонник решительных мер. — Пускай исправляются в одиночестве и другим жить не мешают.

— Не думаю, что это разумно, — ответил Рррр. — Наверно, и на Земле не все люди хорошие.

— Встречаются и не очень хорошие, — согласился Пашка. — Я, например, иногда бываю просто невыносим. У меня в эти моменты глаза становятся совершенно желтыми. В переносном смысле.

— Ну вот, ты и сам ответил. Не будете же вы на Земле высылать людей в какое-то место, потому что вам не нравится их характер.

— Все равно у вас жить проще, — повторила Алиса.

— Да, нам проще, — согласился Рррр, — зато и пиратам было проще. В первый же день к ним прибежали несколько предателей и предложили свои услуги. Пираты собрали всех желтоглазых и сказали, что разделят с ними власть на планете. Некоторые согласились. Они выдали нас. Теперь выгодно ходить с оранжевым глазом. Это как бы опознавательный знак: стоит пирату увидеть оранжевый глаз, и он понимает, что это свой.

— И что случилось потом?

— Они жестоко расправились с нами. Они загнали нас в лагерь, где томятся сотни тысяч брастаков. Остальным приказано не выходить из домов. Мы голодаем, умираем от болезней, и единственная наша надежда — вы. Если вы не сможете сообщить в Галактический совет...

— Но мы сами в тюрьме, — сказала Алиса.

— Через два дня придет корабль. Вы должны обязательно на него попасть.

— Все ясно, — сказал Пашка. — Не беспокойтесь. По крайней мере, на меня можете положиться.

— А я бы не положилась, — сказала Алиса. — Хватит ли тебя на то, чтобы два дня притворяться и терпеть?

— Хватит, — сказал Пашка, — не беспокойтесь.

Вечером под отдаленный шум нестройных песен, которые распевали напившиеся брастакского портвейна пираты, Рррр, исполосованный пластырями, попрощался с ребятами и, осторожно приподняв заслонку, скользнул в доставку.

— Простите, — сказал он на прощание. — Придется вам приехать на скрррули в следующий раз.

— Что касается меня, — ответил Пашка, — то я даже доволен. Лучше приключения, чем скрррули.

— Для тебя это приключения, — сказал Рррр, — а для нас беда.

Заслонка опустилась.

— Эх, Пашка! — сказала Алиса. — Опять ты не то сказал.

— Главное, чтобы правильно действовал. Язык мой — враг мой, это еще моя мама говорила, когда я самое первое слово произнес.

— Почему?

— Потому что все дети говорят сначала «дай» или «мама», а я сказал «ура».

— Ну что мне с тобой делать? — вздохнула Алиса. — Иди спать.

— Иду-иду, только я все равно голодный, и ноги от ходулей болят.

Глава 9

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХЕОЛОГА

Алиса проснулась рано, за окном чуть рассвело. Проснулась она от голода. Очень хотелось встать, нажать на все кнопки подряд и посмотреть: вдруг доставка уже работает? Потом она стала думать о Рррр, добрался ли он до своих? Его могли подстеречь пираты или какой-нибудь желтоглазый предатель.

Соседняя кровать скрипнула. Алиса покосилась в ту сторону. Пашка осторожно сел на кровати, спустил босые ноги на пол и на цыпочках прошел к доставке. Алиса даже улыбнулась. Оказывается, людям могут приходить одни и те же мысли. Пашка начал нажимать по очереди на все кнопки. Доставка молчала.

Алиса не выдержала и хихикнула.

Пашка обернулся:

— Ты не спишь?

— Нет, я от голода проснулась. И даже подумала: вдруг доставка заработала. А тут ты встаешь, словно мои мысли угадал.

Но гордость не позволяла Пашке сознаться, что он, как голодная обезьяна, нажимал кнопки у неработающей машины.

— Ничего подобного, — сказал он. — Я думал: а вдруг там записка есть от Рррр?

— Тогда открой заслонку и посмотри. Для этого не надо кнопки нажимать.

— Что я и собираюсь сделать, — сказал Пашка и приподнял заслонку. Там ничего не было. — Что-то спать хочется, — сказал Пашка, подходя к окну. — А на улице дождь идет.

— Еще сутки нам терпеть, — сказала Алиса. — Если не умрем от голода, то завтра уже будем на борту нашего корабля.

— Умрем.

— Не ходи по полу босиком, простудишься, — сказала Алиса.

— Где-то со вчерашнего дня сухарь оставался, — сказал Пашка. — Неужели я его нечаянно съел?

— Вчера еще, — сказала Алиса. — Давай вставать, что ли?

Когда Алиса чистила зубы, она услышала, как гремят ходули и шуршат бумажные цветы, — Пашка со вздохами превращался в пилагейку.

— И когда только кончатся мои мучения? — ворчал он.

— Знаешь что, — сказала Алиса. — Я думаю, нам пора поднять скандал. Ни одна пилагейская туристка не допустила бы, чтобы ее кормили сухарями, даже в карантине.

— Я как раз собирался это сделать, — сказал Пашка.

И тут же раздался стук ходулей — Пашка шел к двери. Он выбил по двери барабанную дробь. Потом повторил ее погромче. Никакого ответа.

— Эй! — закричал Пашка. — Мы есть умрем от голода, и вы виноват!

— Слушай, — заметила Алиса, возвращаясь в комнату. — Может, обойдешься без коверканья космолингвы?

— Ничего подобного. Мне так больше нравится.

— Эй-эй! — Он снова принялся молотить в дверь. — Давай мне кусок мяса!

Неожиданно дверь растворилась, и Пашка чуть не вылетел в коридор. За дверью стоял Мммм.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Меры приняты. Доброе утро.

— Желаю питать себя, — сказала пилагейка.

Усатый пират Дуч вошел в комнату с подносом в руках. Ему непривычно было носить подносы — бластер мешал, к тому же он зацепился мечом за дверь.

— Давайте, — сказал он не очень любезно. — Питайтесь.

Он бросил поднос на стол.

Кофейник подпрыгнул, крышка с него слетела, и всю комнату наполнил вкусный аромат горячего кофе. В миске дымилась каша, а рядом грудой лежали свежие лепешки — маленькие, на один зуб, зато их было много.

— Давно бы так, — сказал Пашка.

— Ах, что поделаешь, — развел лапками Мммм, — у нас карантин, некому готовить, я сам живу всухомятку. Ну ладно, не буду мешать, кушайте, отдыхайте, я потом к вам зайду, у меня для вас есть сюрприз.

— Интересно, что он придумал? — сказал Пашка, наливая в чашку кофе.

— Узнаем, — сказала Алиса. — Ничего хорошего.

Не успели они кончить завтрак, как дверь снова отворилась и на пороге появился Мммм.

— Вы готовы принять гостя? — спросил он.

— Смотря кого, — сказал Пашка.

— Вашего лучшего друга.

В дверях стоял черный брастак с голубым глазом посреди лба.

— Ах, не надо загадок, — сказал он. — Для моей подруги Алисы все брастаки на одно лицо. Добро пожаловать, моя подруга. Как поживает твой уважаемый папа, твоя уважаемая мама, твоя уважаемая бабушка?

— Я не узнаю вас, — сказала Алиса.

— Неужели? Как обидно! Я профессор археологии Рррр, который пригласил тебя сюда отведать скрррулей. Но, к сожалению, я не смог тебя встретить, потому что вчера лежал в кровати с высокой температурой.

— Какой же вы Рррр? — неосторожно сказал Пашка.

— А что? — обернулся к нему котенок. — Вы разве меня раньше встречали? Что-то не помню.

— Здравствуй, Рррр! — воскликнула Алиса. — Прости, что я тебя сразу не узнала. Как я рада тебя видеть!

У Пашки глаза на лоб вылезли. Ведь только вчера вечером Рррр убежал, весь оклеенный пластырем.

— Ну вот и отлично, — сказал Рррр, вскакивая на кресло. — Значит, у тебя дома все в порядке?

— Все в порядке, — сказала Алиса. — А как твои дела?

— Мои дети уже подросли. Они лежат в карантине. Как долетела?

— Ничего, долетела, — сказала Алиса. — Правда, пришлось лететь не прямо с Земли, а сделать пересадку на Абрадабре. Не было прямого корабля.

«Ну и чепуху она несет, — подумал Пашка. — Какая еще Абрадабра? — И тут же он сообразил: — Какой я дурак! Она же его испытывает. Это не настоящий Рррр!»

— Значит, ты давно уже вылетела из дому? — спросил лже-Рррр.

— Пять дней назад.

— И какая была погода?

— Погода была отличная, — сказала Алиса. — Шел дождь с грибами. Помнишь, как мы с тобой встретились на Паталипутре?

— Конечно, — обрадовался лже-Рррр, — как же не помнить?

— И катались там со снежных гор.

— Замечательно катались! — воскликнул лже-Рррр.

«Разумеется, — сказал про себя Пашка, — мы еще в школе учили, что на Паталипутре тропический климат, даже на полюсах».

— И какие у тебя дальнейшие планы, мой друг Рррр? — спросила Алиса.

— У меня очень скромные планы, — сказал тот. — Я хочу тебя порадовать. Я решил составить тебе компанию и полететь с тобой на Землю.

— Как хорошо! А зачем же ты полетишь на Землю?

— На научный конгресс по археологии.

— Разумеется, там будет конгресс. Кстати, скажи мне, мой друг, какие у тебя последние открытия?

— Замечательные открытия, — сказал лже-Рррр.

— Что, новые архары и архаровцы? — серьезно спросила Алиса.

— Кто? — удивился лже-Рррр.

— Ведь арх-еология занимается арх-арами и арх-аровцами?

— Ах да, конечно, — сказал Рррр. У него появились какие-то сомнения. Пашка подумал, что Алиса увлеклась и переигрывает. — Я нашел много этих... археоаровцев.

Мммм кашлянул, как бы предупреждая своего спутника, чтобы тот был осторожнее.

— А что, Алиса, — спросил лже-Рррр, — не кажется ли тебе, что я немного изменился?

— Что ты... — начала было Алиса, но тут все услышали, что в доставке что-то зашуршало.

— Ты тот же самый, мой любимый, мой драгоценный спутник Рррр! — громко сказала Алиса.

— Что там? — спросил Мммм, глядя на доставку.

— Ничего, — сказала Алиса, — наверно, проверяют систему.

— Некому проверять, — вмешался лже-Рррр. — А ну-ка, Мммм, взгляни! Живо!

— Какой есть странный профессор на археология, — сказал Пашка. — Командует, как генерал.

— Ничего удивительного, — ответил Мммм. — Мы все уважаем профессора археологии.

Алиса не успела задержать его, как он приоткрыл заслонку и выхватил оттуда записку.

— Отдайте! — крикнула Алиса. — Это мне.

Мммм соскочил на пол и в два прыжка оказался у двери.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он. — И даже могу прочесть ее вслух. Здесь написано: «Дорогая Алиса! Все в порядке. Добрался до своих. Чувствую себя лучше. Жди вестей. Твой Рррр».

Наступила тишина. В полуоткрытую дверь заглянул пират с бластером в руке.

— Значит, комедию разыгрывала! — сказал лже-Рррр. — Издевалась над археологом? Притворялась? Презренная землянка!

— Я не есть понимай! — воскликнул Пашка. — Зачем вы обвиняй мой соседка?

— А вы бы, госпожа, помолчали. По недомыслию или по злому умыслу вы не донесли, что ваша соседка встречается здесь с врагами...

— То есть с заразными элементами, — поправил его Мммм.

— Неважно, как называть. Главное, встречается. И укрывает. Учтите, это вам даром не пройдет.

— Я не видел никакой элемент, — сказал Пашка.

Лже-Рррр повернулся и быстро побежал к двери. За ним Мммм с запиской в лапке.

Дверь захлопнулась.

— Ну, попались, — сказал Пашка. — И надо было тебе над ним издеваться? Сама всегда меня ругаешь...

— Я должна была проверить, настоящий он или поддельный.

— Ну, проверила, и хватит.

— Потом я увлеклась, — созналась Алиса.

— Что же теперь делать?

— Погоди, — сказала Алиса.

Она на цыпочках подбежала к двери, приложила ухо к замочной скважине. Потом поманила Пашку.

Слышно было, как в коридоре разговаривают:

— Значит, вы считаете, господин Крыс, что землянку надо убрать?

— Да, спрячьте ее как следует. Она опасна. Я думаю, что она обо всем догадалась.

— А что делать со второй?

— Вторая — наша надежда. Она так глупа, что до сих пор ничего не подозревает. Когда землянку уберут, мы постараемся ее обработать... Я предлагаю следующий план...

Они отошли от двери, и больше ничего не было слышно.

— Пашка, ты понял? — быстро сказала Алиса. — Сейчас они меня заберут и спрячут.

— Я им не позволю. Лучше погибну, чем отдам тебя врагам.

— Сейчас некогда говорить красивые слова. Они думают, что ты — глупая туристка. Не разубеждай их. Все зависит от твоего актерского таланта. Помни, ты — пилагейка, двоюродная дочка хранителя государственной корзинки. Как только вернешься на корабль, организуешь спасение.

Алиса протянула ему руку. И вовремя.

Не успела она отойти, как дверь распахнулась и в комнату вошли два черных пирата.

— Девчонка, следуй за нами, — сказал один из них.

— Как так? — сказал Пашка. — А я?

— А насчет тебя указаний не было. Сиди и жди.

Пашка с трудом сдержался, чтобы не броситься Алисе на выручку, но Алиса успела так посмотреть на него, что он спохватился. Дверь закрылась, и Пашка остался один. Один против всех пиратов Галактики.

Глава 10

ТУРИСТКА ЛЮБИТ ДРАГОЦЕННОСТИ

Пашка с удивлением подумал, что настроение у него сносное. Казалось бы, куда хуже: планета захвачена пиратами, Алиса в тюрьме, сам он заперт в комнате, но ведь борьба не окончена, основные сражения впереди. А у какого рыцаря портится настроение перед боем?

Сначала он собрал Алисину сумку. Нельзя ничего оставлять врагам. Теперь бы неплохо вооружиться, но вооружиться не-

чем, только зубная щетка. Он поудобнее прикрепил ходули, надел на них резиновые наконечники, снятые с ножек кроватей. Потом положил в доставку такую записку: «Меня увозят в тюрьму. Пилагейская туристка осталась одна. Алиса».

Только он успел закрыть заслонку, как пришел Мммм. Пашка был ко всему готов. Но Мммм его удивил.

— Я принес вам небольшой подарок, — промурлыкал он. — Вы позволите?

Мммм вынул из-за спины лапку, в которой он держал небольшую коробочку.

— Это вам на память о нашей планете.

— Спасибо, — сказал Пашка, — положите на стол. А какова есть судьба моей соседки Алисы? Она скоро вернется сюда?

— Алиса уехала к своему другу, археологу Рррр, — сказал Мммм. — Не беспокойтесь, мадам. Неужели вам не хочется заглянуть в коробочку?

— Потом, — сказала гордая пилагейская туристка. — Дома погляжу.

— Нет-нет. — Мммм подбежал к столику, вскочил на него, открыл коробочку сам. Там лежал синий сверкающий камень.

— Нравится?

«Чего ждет этот Мммм? Вернее всего, думает, что я должен обрадоваться и вцепиться в камень. Нет, мы тебя обманем». Пашка подошел к столику, небрежно взял камень, покрутил его в руках, потом положил обратно и сказал:

— У моей двоюродный папа, хранитель государственной корзинка, есть такой камень тысяча штук.

И Пашка отвернулся к окну, словно этот камень его не интересовал.

— Вам этот подарок не нравится?

— Я буду его дарить стюардессе на лайнер, — ответил Пашка, не оборачиваясь, чтобы Мммм не видел, как он улыбается.

Мммм закрыл коробочку, спрыгнул на пол и пошел к двери.

Как только дверь за ним закрылась, Пашка тут же бросился к ней и приложил ухо к замочной скважине.

— Она не хочет, — услышал он голос Мммм. — Говорит, что у нее таких тысяча.

— Я слышал. А ну-ка дай сюда коробочку.

— Вы же сами мне ее дали, господин Крыс.

— Не возражать!

Какая-то возня за дверью, писк, потом голос Крыса:

— Так я и знал. Когда успел подменить камень на стекляшку?

— Я не подменял. Это само так получилось.

— Ах, само! Вот тебе за само! Вот тебе за воровство! А теперь отдавай настоящий сапфир.

— Нету... не бейте меня, господин Крыс.

— А что у тебя за щекой? У вас у всех защечные карманы есть. Не кусайся! Голову отверчу! Ну вот, а ты говорил.

— Я нечаянно.

— Правильно, никто не ворует нарочно. Все нечаянно. Когда меня мама в детстве била за воровство, я тоже кричал, что я нечаянно. Подсунул стекло и думаешь, если она знатная дама, то и дура. Ты мне хочешь государственное дело загубить? Заруби на носу, предатель, что мы-то отсюда уйдем, даже если большого корабля не захватим. А если ты останешься, твои земляки спросят, что ты делал при пиратах?

— Не губите меня, господин Крыс, клянусь, что это в самом деле нечаянно. Не мог же я подумать, что туристка разбирается в драгоценных камнях.

— Глупые в драгоценностях разбираются лучше всех, — сказал Крыс. — А умные книжки читают. Ты это учти на будущее.

— А вы, господин Крыс, книжки, конечно, читаете?

— Нет, на меня и умники, и дураки работают. Теперь давай, быстро. Мама ждет, как пройдет операция. Стучи в дверь.

Мммм боком втиснулся в комнату и замер у порога. Вид у него был встрепанный.

«Ну и славно же тебя взгрел твой пиратский друг», — подумал Пашка, а вслух сказал:

— Вы научились стучать дверь. Что еще вы мне притащили?

— Произошла ошибка, — заговорил Мммм, глядя снизу вверх. — Я нечаянно перепутал коробочки.

— Не нужны мне ваши стекляшки, — сказал Пашка.

— Это была ошибка, заверяю вас! Виновные уже понесли строгое наказание. Извольте взглянуть на настоящий сапфир.

Мммм вспрыгнул на стол и раскрыл коробочку.

Конечно, настоящий сапфир сверкал ярче стеклянного. Но большой разницы Пашка не усмотрел.

— Оу! — сказал он, осторожно держа камень в пальцах. — Если не ошибаюсь, это хороший сапфир.

— Да, разумеется, настоящий сапфир. Очень редкий. Возьмите, а?

Пашка задумался, потом закрыл коробочку и сказал:

— Нет, у меня такие есть.

— Умоляю! Мне не сносить головы!

— Кого не сносить?

— Моя голова — чик-чик... — И Мммм печально взмахнул лапкой.

— Ладно, — сжалился Пашка. — Я беру подарок. Как одолжение, чтобы вам не чик-чик.

— Вы любите драгоценности?

— О, я коллекционер драгоценностей, — сказал Пашка — Я есть ценитель. Теперь уходи, маленький жулик.

Мммм задом попятился к двери, нащупал нижнюю ручку, открыл ее и исчез в коридоре.

Пашка сразу приник к двери.

— Взяла, — прошипел Мммм.

— Я все слышал. Вроде бы клюнуло...

— Она собирает драгоценности.

— Посторонись, дай-ка я превращусь в кого-нибудь...

— Меня потрясает, господин Крыс, — сказал Мммм, — ваше умение превращаться. Как это вам удается?

— Это у меня от папы. Большой был негодяй.

— А что с ним случилось?

— Он как-то решил подшутить над моей мамашей, превратился в цыпленка. Моя мамаша, женщина серьезная, открутила ему головку.

— Какая ужасная смерть! Я представляю себе горе вашей уважаемой мамы!

— Ничего не представляешь. Она сказала: цыпленку — цыплячья смерть. И пошла на кухню готовить глинтвейн крепостью в сто тридцать градусов. Моя мамаша выпить любит.

— Преклоняюсь перед ее железным характером.

— Ладно, я пошел. А ты жди здесь.

Пашка кинулся к креслу и сделал вид, что дремлет.

— Уважаемая госпожа пилагейка, — услышал он голос и открыл глаза. Вот уж не ожидал увидеть добродушного краснощекого мальчишку в коротких штанишках! Да, великий мастер маскировки этот Крыс! Никогда бы не догадался!

— Кто вы? — спросил Пашка.

— Я — сын местной королевы, — сказал мальчик. — Моя мама узнала, что вы приехали к нам, и ждет вас в гости.

— Зачем? — удивился Пашка.

— Моя мама коллекционирует драгоценности, и ей очень хотелось познакомиться с настоящей ценительницей. Мамочке скучно, не откажите ей...

— Драгоценности! — воскликнул Пашка. — Обожаю драгоценности! Идем к вашей маме.

Крыс даже сощурился от радости. Все получилось, как он хотел.

Глава 11

ПИРАТСКАЯ МАМАША

На этот раз Пашку везли в большой открытой машине, а по сторонам, спереди и сзади ехали на велосипедах черные пираты и время от времени палили из бластеров по окнам домов.

На заднем сиденье машины, которую раньше использовали для почетных гостей с других планет, устроились Пашка и Крыс. В ногах у них свернулся Мммм.

Кавалькада стрелой пронеслась по улицам, пролетела сквозь парк, засаженный карликовыми деревьями, и замерла перед дворцом. Дворец был трехэтажный, с мраморными колоннами и статуей какого-то брастака в короне перед главным входом.

— Здесь раньше жили короли, — сказал Мммм. — Потом открыли музей, а теперь его заняли наши новые господа.

— Господа или карантинные врачи? — спросил Пашка.

— Карантин — это шутка, — сказал мальчик Крыс.

— Не понимаю таких шуток, — удивился Пашка. — Зачем такая шутка?

— Потому что мы коллекционеры драгоценностей.

Шофер распахнул дверцу, и Пашка, подобрав длинную юбку, чтобы не упасть, торжественно вышел из машины.

По сторонам широкой лестницы с очень маленькими ступеньками были навалены груды камней, кирпича, штукатурки со следами росписей, клочья ковров и гобеленов.

— Наши господа, — сказал Мммм, — такие крупные, что ради их удобства пришлось вынести из дворца все лишнее.

— Правильно, — сказал мальчик Крыс. — Всю музейную требуху выкинули. Народу это не нужно.

— Совсем не нужно, — захихикал Мммм, но Пашке показалось, что смех у него невеселый.

Войдя во дворец, Пашка понял, что пираты превратили трехэтажный дворец в одноэтажный — сломали перекрытия, перегородки, а заодно и все украшения.

«Ну и варвары! — подумал Пашка. — Сколько придется потрудиться реставраторам»!

Они миновали первый, когда-то трехэтажный, зал. У следующей двери сидели кружком пираты и резались в карты.

— Вы куда? — спросил один из них.

— Мы к мамаше, — сказал Крыс.

— Что-то я тебя не знаю, младенец, — сказал один из пиратов.

— А вот сейчас узнаешь, — ответил Крыс и в одно мгновение превратился в невысокого худого человека с очень белым лицом.

— Одну минутку, господин Крыс, — сказал пират и, сунув голову в дверь, сказал: — Мамаша, к тебе сынок с компанией.

— Пусть войдет, — послышался нежный голос.

Во второй половине дворца ободранные стены были кое-как прикрыты коврами. Посреди зала стояло штурманское кресло, на котором сидела молодая розовощекая женщина в длинном белом платье и в небольшой золотой, в изумрудах, короне.

За спиной женщины стояли два черных пирата с алебардами, а перед троном — десятка два брастаков.

Когда Крыс и Пашка вошли в зал, брастаки как один обернулись, и их глаза загорелись желтыми и оранжевыми искрами.

Увидев Крыса, женщина что-то спросила у него на непонятном языке. Крыс коротко ответил. Желтоглазые брастаки расступились, чтобы не попасть под ноги пирату.

Крыс обернулся к Пашке и сказал:

— Подойдите к трону. Госпожа мамаша пиратов, королева Брастака и повелительница Серой туманности, готова вас принять.

Пашка стоял в нерешительности. Мамаша должна была быть совсем не такой. Какой? Ну, с повязкой через глаз, в красном платке, кожаной куртке, цыганской юбке или кожаных

штанах с пистолетами за поясом. Конечно, все это было пустое воображение. Разве в двадцать первом веке пираты такие же, как в шестнадцатом? Пашка сделал шаг вперед. Кланяться, что ли, надо? Кланяться он не мог — ходули не позволяли.

— Подходи, мы здесь без церемоний, — сказала мамаша приятным голосом. — Крыс, подай-ка гостье стульчик. А вы, остальные, брысь отсюда!

Желтоглазые брастаки опрометью кинулись во все стороны.

— Ну вот, — сказала мамаша, — остались только свои. Можно говорить без притворства. Вы не представляете, как мне надоели эти придворные фигли-мигли. Но приходится — политика.

— Да, вы есть совершенно правы, — сказал Пашка.

Крыс принес два стула, на один сел сам, другой подставил пилагейской туристке.

— А вы, говорят, из хорошей семьи? — спросила мамаша.

Пашка залюбовался ее гладкой нежной кожей, длинными ресницами, фарфоровым высоким лбом. Даже удивительно, что у нее такой взрослый сын.

— Я есть двоюродная дочь хранителя государственной корзинки, — сказал Пашка. — Вы с ним не знакомы?

— Еще не приходилось встречаться. И как его драгоценное здоровье?

— Спасибо, не жалуется. А ваше как?

— Некогда думать о здоровье, — улыбнулась мамаша, — разве тут отвлечешься? Сразу всю планету растащат. Правда, сынок?

— Ничего не поделаешь, встречаются еще кое-где иногда недостаточно морально чистоплотные типы в наших рядах, — вздохнул Крыс. — Но в ближайшем будущем, я надеюсь...

— Всех перевешаю, — сообщила пиратская мамаша. — Дай только с делами разобраться.

Пашка потянул вниз юбку, чтобы женский глаз мамаши не увидел ходуль с резиновыми наконечниками. Ее-то не обманешь.

— Скажите мне, если это, конечно, не секрет, что вы носите в государственной корзинке?

— Вообще-то это секрет... — начал Пашка.

— Ну, между нами, государственными деятелями...

— Понимаете, когда-то, в свое время...

— Ты мне скажи, что сейчас.

— Сейчас папа в корзинке завтрак носит. Два яйца всмятку и термос с кофе.

— Так я и думала! — обрадовалась пиратка. — Везде обман, везде надувают простой народ. Ну, ты меня порадовала! Теперь за дело. Ты, говорят, драгоценности уважаешь?

— Я их коллекционирую, — сказал Пашка.

— Правильная коллекция. Я вот деньги коллекционировала. И ненавижу, когда их отменяют. На какой планете отменят — я сразу ее в черный список заношу. А теперь поумнела. Черт с ними, с деньгами, ты мне камушки давай. Правильно я рассуждаю?

— Разумеется.

— А ну-ка, сынок, принеси мне из сейфа сундук с камнями. Поглядим.

Крыс встал и вышел из зала. Пиратка тут же обернулась к одному из своих телохранителей и сказала:

— Бесноватый, голубчик, будь другом, проследи за моим сынком, чтобы он ничего себе в карман не положил.

Телохранитель без единого слова поспешил следом за Крысом.

— Вы даже сыну не доверяете? — удивился Пашка.

— Никому не доверяй — вот наш пиратский принцип. У меня все подозреваемые. Кроме тех, кого я уже обвинила.

— И я?

— И ты. Я тебя черт знает в чем подозреваю. Может, ты и не пилагейка, а, допустим, парень и мой враг.

Пашка весь сжался. Неужели она догадалась? Нет, это была королевская шутка. Мамаша тут же расхохоталась, словно серебряные колокольчики зазвенели в зале. У Пашки даже мурашки по спине побежали от наслаждения. Он чувствовал, что влюбляется в мамашу, несмотря на разницу в возрасте.

— Какая вы красивая и обаятельная! — вырвалось у него.

— Мне многие это говорят, — сказала пиратка. — Что есть, то есть! Этого у меня не отнимешь. Но я и не дура.

Вошел, прижимая к животу тяжелый сундук, мрачный как туча Крыс.

— Ну, мамаша, — сказал он, — не ожидал! Даже родного сына...

— Много он успел спереть? — спросила королева у Бесноватого, который шел следом.

Тот без слов разжал горсть и показал — там лежали три больших сверкающих алмаза.

— Передай сюда сундук, — сказала королева. — Ну что ты с ним будешь делать? Мальчишка еще. Не вешать же мне его. А может, повесить?

— Мамаша, — возмутился Крыс, — у нас гости.

— Сиди, сиди, я скорей вот этой пилагейке свой сундук доверю, чем тебе, паршивец. Давай сюда ключ от сейфа. Отпечаток снять успел? Ну ничего, я сегодня вечером новый замок врежу. Так на чем мы остановились?..

С ангельской улыбкой она обернулась к Пашке.

— Вы хотели показать мне свои сокровища.

— Да, да, фамильные драгоценности, все время с собой вожу. От моей бабушки остались.

«Так я тебе и поверил!» — подумал Пашка, стараясь сбросить с себя наваждение. Уж очень доброй казалась красавица.

В сундуке было несколько шкатулок. Одна была доверху полна бриллиантов, вторая — изумрудов, третья — жемчуга, четвертая — голубых с красными искрами тритонитов, пятая — небесных сапфиров, шестая — малиновых альвейсов, седьмая — алых рубинов, восьмая — огненных краков, а дальше Пашка и счет потерял всем этим камням, серьгам, кольцам и брошкам. Пиратка словно впала в транс: не могла остановиться — раскрывала шкатулку за шкатулкой, доставала бриллиантовые ожерелья и приговаривала тихим голосом:

— Музейные вещи, уникумы, мы плохого не держим...

— Мамаша, — сказал наконец Крыс, — время не терпит. Надо решать.

— А чего решать? — с трудом оторвалась от своих драгоценностей королева. — Красиво?

— Очень! — сказал Пашка. — За такие камни и душу продать не жалко.

— Хочешь, поделюсь? Вряд ли на своей Пилагее найдешь такой сундук.

— Ах, разве можно сравнивать!

— Правильно, ты умная женщина. Окажешь мне небольшую услугу — поделюсь.

— Да за такие камни я готова двоюродного папу проме-

нять! — сказал Пашка. И тут ему стало стыдно перед населением планеты Пилагеи, которое он такими словами оклеветал, притом несправедливо. Нелегка доля шпиона.

Пираты переглянулись. Мамаша подмигнула сыну. Именно этого они ждали от пилагейки, так как люди часто судят о других по себе. И пираты, готовые на все ради грабежа, надеялись, что пилагейка не лучше их. И угадали.

— Я буду с тобой откровенна, — сказала мамаша. — У нас корабль сломался, а моему сыну надо срочно слетать на Землю.

— Ну и что? Пускай летит.

— У него нет билета, — сказала пиратка.

— Отдать ему мой?

— Ни в коем случае. Вы вместе полетите. Ты и он — под видом Алисы.

— Под видом Алисы?

— Конечно, у нее билет есть.

— А Алиса?

— Она останется. Забудь о ней. С тобой полетит Крыс. Под видом Алисы. А ты получишь камни.

— Не понимаю...

— Твое дело маленькое. Иди на корабль, как будто ты с Алисой лучшая подруга, и держи язык за зубами. О карантине ни слова! Ясно?

— Всего-то?

— А нам от тебя много не нужно. Крыс, принеси-ка маленькую шкатулку, у меня на туалетном столике стоит, понял?

— Мигом, мамаша, — сказал Крыс.

— А мы с тобой по маленькой, — сказала мамаша. — Употребляешь? Вообще-то я азотную кислоту предпочитаю, но за компанию могу и обыкновенного спирта принять.

Она хлопнула в ладоши, и тут же подошел пират с подносом, на котором стояли большая бутыль и два высоких бокала.

— Вы уж простите, — сказал находчивый Пашка, — но у нас на Пилагее другое пьют. Спирт нас не берет.

— Что же такое вы пьете?

— Воду.

— Неужели? А я даже и притронуться к воде не могу — мутит. Так на вашей планете можно сесть на берегу речки — и пьяный будешь?

— Нет, мамаша, — сказал фамильярно Пашка. — У нас с водой туго. У нас реки спиртовые. А воду в бутылках раздают.

— Как же я раньше не знала? Я бы на вас разбогатела. Возила бы к вам воду. — Она обернулась к Бесноватому. — Чего стоишь как истукан? Принеси-ка моей гостье стаканчик воды, да покрепче.

— Мне рюмочки хватит, — сказал Пашка.

Они чокнулись — мамаша бокалом со спиртом, Пашка — с водой. Мамаша широко открыла рот и влила туда весь бокал, крякнула и заела грибком. Пашка осилил воду в два глотка, поморщился и сказал:

— Крепкая у вас водица!

— Чего же не закусываешь?

— Ничего, я завтра закушу. У нас такой обычай.

— Вот, мамаша, — сказал Крыс, входя с маленькой шкатулкой в руках. — Все как вы сказали.

— Молодец. Для нашей дорогой соратницы ничего не жалко.

Она забрала из первой шкатулки горсть бриллиантов, хотела пересыпать в маленькую шкатулку, которую принес ей сын. Но потом отсыпала большую часть обратно, а что осталось, кинула с сожалением в шкатулку. Алмазы застучали о дно как горох.

— Мамаша, не скупись, — сказал Крыс.

— Молчи, — возмутилась фарфоровая красавица, — не ты их зарабатывал, тебе легко чужим добром распоряжаться. Я зато побольше жемчуга насыплю. Жемчуг красивее.

Жемчуга она тоже пожалела, смогла расстаться только с одним сапфиром: пришлось, чтобы заполнить шкатулку доверху, подарить Пашке носовой платок, подушечку для иголок, расшитую бисером, позолоченную брошку и нитку стеклянных бус. Пашка не спорил, старался не улыбаться, хотя раньше ему такой жадности видеть не приходилось.

— Вот держи, — сказала она наконец. — Сегодня я добрая. Бери, не стесняйся.

— Очень вам благодарна, — сказал Пашка.

— Но если ты на корабле пикнешь, мои люди тебя под землей найдут. Ясно?

— Ясно.

— Ну, ладно, пойду всхрапну. Еще вопросы есть?

— Я беспокоюсь за моя соседка Алиса. Желаю, чтобы она была здорова.

— Не беспокойтесь, — сказал Крыс. — Алиса довольна и счастлива. Следующим же кораблем она полетит домой. Слово пирата.

— А вам можно верить? — спросил Пашка.

— Как же не верить, — сказала мамаша. — Покажи ей Алису.

— Она в парке резвится.

— Покажи ее нам.

Крыс быстро ушел из зала.

Королева достала из-под трона небольшую подзорную трубу.

— Эй, Бесноватый, — сказала она, — раздвинь шторы. Пускай пилагейка на свою соседку поглядит.

Бесноватый раздвинул шторы.

За окном на лужайке была какая-то девочка.

— Ты смотри, смотри, — сказала королева, протягивая Пашке подзорную трубу.

Наклоняясь, чтобы сорвать цветок, и весело танцуя, резвилась Алиса в розовом платьице и с венком из ромашек на голове.

— Удовлетворена? — спросила королева.

— Да, — сказал Пашка. — Я пойду?

— Сейчас мой Крыс вернется — и пойдешь.

Бесноватый задернул шторы.

«Ну что ж, — подумал Пашка, — Алису этот Крыс изображает довольно убедительно. Только забыл, что у нее розового платья и в помине нет. И уж тем более в такой момент она не будет скакать по лужайке».

Пашка вежливо пожал руку пиратской королеве.

— До встречи, — сказал он.

— Аревуар, как говорят французы, — улыбнулась королева и залилась серебряным смехом. — Шкатулку тебе доставят в гостиницу.

Глава 12

МАЛЕНЬКАЯ ТЮРЬМА

Алиса сидела в тюрьме. Тюрьма была чистая, теплая, без клопов и тараканов, только пахло дезинфекцией и было невероятно тесно.

Поместили Алису в тюремной столовой. Из-за нее остальные заключенные остались без еды. Но даже по столовой Алиса могла передвигаться только на четвереньках, и то головой упиралась в потолок.

Тем более несладко было приставленному к ней сторожу — усатому пирату Дучу, который улегся в тюремном коридоре, перекрыв путь к туалету, умывальнику и тюремному двору. Так что остальным заключенным пришлось отказаться от мытья и от прогулок.

Дуч лежал на холодном жестком полу и громко ворчал:

— И чего тебя сюда принесло? Ну, завоевали мы эту планету, потешились немножко, улетим, и дело с концом, а из-за тебя мне самому пришлось стать заключенным. Представляешь, если сейчас мои соратники какой-нибудь музей чистят?

— Ну, они с вами поделятся, — отвечала Алиса через дверь.

А сама думала, как там Пашка, сумеет ли перехитрить пиратов? Если провалится, тогда все, планета Брастак погибла. И Алиса, конечно, погибла.

— Жди, поделятся! Это же не люди, а обезьяны. Дикари, варвары.

— Как вы плохо отзываетесь о своих товарищах!

— Пират пирату не товарищ. Да я к ним случайно пристал. По собственной слабости. Я — интеллигентный человек.

— Неужели?

Пират повернулся на другой бок, отпихнул ногой желтоглазого тюремщика, который хотел было пробраться мимо него по коридору, и продолжал:

— Летел я как-то мимо Серой туманности, и что-то в моем корабле сломалось. Опустился я на планете Дум-Дум, стал корабль чинить, выскакивают из кустов какие-то дикари, тащат в пещеру, разжигают костер и собираются меня сварить.

— Не может быть! — воскликнула Алиса.

— Может, собственными глазами видел, — сказал пират. — Слушай, пленница, протяни руку на кухню, дай мне оттуда ведерко с водой. Спасибо. Может, прикрыть дверь, а то сбежишь, мне потом отвечать придется?

— Продолжайте, продолжайте, — сказала Алиса. — Очень интересно.

— Причиной такому безобразию, — сказал Дуч, — страшная отдаленность той планеты от культурных центров Галактики. Там люди недавно произошли от обезьян и еще не имели ника-

ких моральных устоев. Для них своего ближнего съесть даже не стыдно.

— И как же вы спаслись?

— Только меня стали в котел окунать, как входит в пещеру сказочной красоты дама.

— Красивая?

— Ослепительно. Она только что прилетела с другой планеты. Что-то не поладила со своим народом, пришлось ей с отрядом искать счастья — вот и наткнулась на дикую планету, перестреляла вождей, запугала колдунов и стала править.

— А дальше?

— Меня в котел кладут, а я смотрю на королеву и любуюсь ее сказочной красотой. Увидела она выражение моих глаз, засмеялась серебряным смехом и говорит: «А ну-ка, отпустите этого несчастного. Мне нужны преданные и интеллигентные солдаты». Вот я и стал служить королеве.

— И стали пиратом?

— Не сразу, девочка, не сразу. Жизнь там была несладкая, суровая и неприхотливая. Что награбил у дикарей, тем и живешь. Иногда съездишь в соседний район, подавишь какое-нибудь восстание или пристрелишь бунтовщика, а так жизнь без культурных развлечений, карты, выпивка, драки...

— Так зачем же вы этим занимались, — удивилась Алиса, — если были интеллигентом?

— Был. Работал в библиотеке, играл в теннис. Но какой у меня был выбор? Не будешь подавлять и убивать, отдадут тебя людоедам, они тебя сварят и съедят. Уж лучше я буду других варить...

— И есть?

— Ни в коем случае. Я, кстати, убежденный вегетарианец. Знаете, что это такое?

— Знаю. Овощами и фруктами питаетесь.

— Правильно. Овощами и фруктами. Редко-редко позволишь себе баранью отбивную, только в качестве закуски. Так что считайте, что я жертва несчастной и неразделенной любви к пиратской королеве.

— Какая уж тут любовь, — возмутилась Алиса. — Говорили бы, что струсили. Сами же объяснили — лучше быть палачом, чем жертвой.

— Эх, молодая ты, ничего в жизни не понимаешь, даже разговаривать с тобой неинтересно, — сказал пират Дуч. — Скорей бы смена пришла, все бока отлежал, вот заработаю из-за тебя радикулит...

Некоторое время они молчали.

Нет, думала Алиса, Пашке одному не справиться. Надо что-то делать. Не одна она в этой тюрьме сидит...

Алиса тихонько постучала в стенку.

Тут же послышался ответный стук.

— Ты чего там? — спросил пират. — Не стучи, а то я тебе по голове стукну, с меня спрос маленький, я рядовой солдат.

— Бывший библиотечный работник, — поправила его Алиса.

— Что было, то прошло. Кстати, чем меньше думаешь, тем здоровее становишься. Наверно, я долго проживу.

— А как же вы на Брастак попали? — спросила Алиса. В то же время она старалась придумать, как объяснить соседям, кто она такая. Ведь она не знает их азбуки.

— Проще простого, — сказал Дуч, — у нашей королевы сынок есть по имени Крыс, известный бандит в галактическом масштабе.

— Знаю его, — сказала Алиса.

— Ну вот, почему-то они с мамашей не сжились, разошлись их разбойничьи дорожки. Но когда плохо пришлось Крысу, добрался он до нашей дикой планеты и сказал мамаше: «Чего ты проводишь свои лучшие годы в безделье и мелком разбое? Вся Галактика лежит у наших ног, только надо как следует за это дело взяться». Показал он мамаше некоторые свои трофеи и уговорил ее ограбить какую-нибудь мирную планету. Его план всем нам понравился. Сели мы на корабль Крыса, рванули сюда — и все вышло по-нашему. Вот только без меня сейчас грабеж идет.

— Так идите грабьте, — сказала Алиса. — Я все равно отсюда не выберусь. Заперто же.

— Не уговаривай, мамаша мне этого не простит...

— А как же вам удалось так неожиданно планету захватить? — спросила Алиса. — Говорят, что никто и опомниться не успел.

— Это наш Крыс придумал, — сказал пират. — Он же умеет в кого угодно превращаться...

— Но ему одному бы не справиться...

— Ни в коем случае... — Вдруг пират осекся и сказал серди-

то: — Ты что, хочешь меня на виселицу взгромоздить? Зачем государственные секреты выведываешь? Ах ты, недаром тебя сюда притащили! Еще минута — и я бы попался!

— А я и не спрашивала, — сказала Алиса. — Я же разговаривала с вами как с бывшим интеллигентным человеком, а теперь принципиальным негодяем.

— Ну уж, какие там принципы, — сказал пират. — Обстоятельства, а не принципы.

— А чего вы отсюда не улетаете? Ну, награбили, набедокурили, пора бы и домой.

— Тут никакой тайны нет, — сказал Дуч. — Дело в том, что у нас всего один небольшой корабль, а награбили мы столько, что на двадцать лайнеров хватит. И как нам прикажешь отсюда улетать?

— Лучше всего вернуть награбленное, извиниться и уйти.

— Вот и видно, что нет в тебе романтики. Кто же это по доброй воле отказывается от награбленного? Мы не учли, что в их корабли нам не уместиться. Вот нам и нужно какой-нибудь другой корабль захватить. Завтра сюда подойдет лайнер, который к Земле летит, мы его и захватим. Сейчас мамаша твою соседку в шляпе с цветами обрабатывает, драгоценности ей сулит, чтобы она помогла нам на корабль пробраться... А тебя изолировали. Ясно?

— Куда как ясно, — сказала Алиса и подумала: «Только бы Пашку не разоблачили. А то подойдет завтра к планете ничего не подозревающий лайнер...» — А если команда будет сопротивляться?

— У нас закон строгий. Кто не с нами, тот против нас — сразу к стенке. Ну, ладно, посплю часок.

Алиса поняла, что должна любой ценой отсюда выбраться. Любой ценой. Корабль в опасности! А Пашка об этом не знает!

Пират в коридоре засопел — видно, задремал.

— Кто здесь? — прошипел тихий голос.

— Это я, Алиса. Я с Земли, меня захватили пираты.

— Алиса? Вот встреча! А я — Рррр. Меня сегодня утром поймали. А завтра нас всех хотят расстрелять.

Голос Рррр доносился из-под потолка, где была вентиляционная решетка. Алиса подползла поближе.

— Вы слышали, — спросила она, — что говорил пират?

— Да. Надо предупредить корабль.

— На свободе остался мой друг, но он один не может справиться с пиратами. Мне надо обязательно бежать.

— Потерпи, — сказал Рррр, — до ночи мы обязательно что-нибудь придумаем.

Глава 13

БЕГСТВО

Время в камере тянулось медленно. Алисе казалось, что она сидит там уже несколько суток. Наконец за единственным решетчатым окошком стемнело. Алисе слышно было, как в коридоре гремят посудой — это желтоглазые тюремщики притащили Дучу поесть. Алису покормить забыли, да она и не стала у них просить, хоть была страшно голодна. Дуч все ворчал, страдал, что его не подменяют, а потом стал считать награбленные драгоценные камни и перекладывать их из кармана в карман.

За окошком вышла луна. Алиса опасалась разговаривать со своими соседями по тюрьме, чтобы Дуч не услышал.

Наконец-то из коридора послышался храп. Дуч заснул.

— Все в порядке, — услышала Алиса голос Рррр, — нам удалось подсыпать ему в ужин снотворного. Его до утра пушкой не разбудишь. Тюремщики тоже спят. Держи ключ от главной двери.

Через решетку пролетел маленький ключик, меньше ногтя. Алиса осторожно подхватила его.

— Ползи направо, доберешься до конца коридора...

— А вы?

— Наша камера закрыта снаружи на засов, нам не выйти.

— Неужели я вам не могу помочь?

— Не думай о нас — в твоих руках судьба всей планеты. Спеши, скоро смена караула, тебя хватятся.

— Нет, — сказала Алиса, — так не годится. Я убегу, а вас казнят. Скажите, где дверь вашей камеры?

— Ты рискуешь.

— Скорее.

— Выход из столовой, в которой ты сидишь, в один коридор, а из нашей камеры в другой.

— Скорее.

— По коридору налево, потом еще раз налево и еще раз налево. Нет, тебе не успеть...

Дальше Алиса не слушала. Она отворила пошире дверь столовой. Дуч храпел, улегшись во всю длину коридора. Нелегко было отодвинуть тяжелого пирата к той стенке, он во сне сопротивлялся, бормотал сквозь зубы о не сданных вовремя книгах и грозился принять меры. Наверно, во сне он возвращался в старые добрые времена, когда работал в библиотеке.

За поворотом коридор был еще уже, два котенка еле там разошлись бы, да притом он был коротким — ноги Алисы были еще в большом коридоре, а голова уткнулась в стенку другого. Ей даже показалось, что она застряла. Навсегда. Она сосчитала до десяти, чтобы не волноваться. Нет, застревать в коридоре брастакской тюрьмы никуда не годится. Скоро ночь кончится, вот-вот смена придет...

Алиса так разозлилась на себя и на эту дурацкую тюрьму-недомерок, что даже не заметила, как изогнулась и оказалась за углом. Вот и дверь, закрытая на засов.

— Рррр, — прошептала Алиса, — ты меня слышишь?

За дверью раздался мягкий топоток.

— Ты уже здесь, Алиса?

— Сейчас открою засов.

Как бы теперь руку освободить — локоть застрял. Наконец-то! Засов поддался не сразу. Дверь отворилась, и оттуда вывалились сразу десять брастаков. Алисе показалось, что она сейчас задохнется, брастаки пытались протолкнуться между ней и стенкой, карабкались на плечи, щекотали лицо...

— Опомнитесь! Возьмите себя в руки! — крикнул Рррр. — Алиса, как ты себя чувствуешь? Сможешь ползти задом наперед?

— Попробую, — сказала Алиса, отталкиваясь локтями, чтобы двинуться назад. Но ничего из этого не вышло. Брастаки взволнованно перешептывались.

— Трое забирайтесь за поворот, — приказал Рррр, — будете тащить Алису за ноги. Остальные вместе со мной толкаем Алису отсюда. Понятно? Начали!

Ощущение было не из приятных — брастаки облепили ее, как лилипуты Гулливера, исцарапали лицо, чуть не вырвали волосы, изодрали в кровь щиколотки, но только еще больше заклинили Алису. К тому же Алиса поняла, что где-то посеяла ключ от тюремных ворот.

— Стойте, — сказала она, — так дело не пойдет. Сначала надо ключ найти, возьмите его и бегите. Может, кто-нибудь из вас сумеет предупредить корабль...

— А ты?

— Мне придется дожидаться пиратов, чтобы они меня выволокли.

— Ни за что, — сказал Рррр. — Мы тебя не бросим.

— Ну что мне с вами делать! — рассердилась Алиса. — Неужели вы не понимаете, что главное сейчас — спасти планету...

— Мы это понимаем, — сказал Рррр. — Но не можем бросить тебя в беде.

— Я с вами с ума сойду, — сказала Алиса.

Где же этот ключик? Она из всех сил старалась встать на четвереньки, уперлась спиной в потолок, да так сильно, что потолок вдруг поддался, пошел вверх с таким скрипом и скрежетом, что, наверно, перебудил весь город.

Какое удивительно приятное чувство, когда ты можешь наконец разогнуться! Алиса поднялась во весь рост, и крыша тюрьмы свалилась с ее спины прямо в тюремный двор.

Ночь была темная, лунная, у горизонта, за морем маленьких домов, появилась уже розовая полоска зари. Алиса взглянула себе под ноги, спасенные ею брастаки съежились на полу, потрясенные страшной катастрофой.

— Ну вот, — сказала Алиса. — Теперь нам ключ не нужен.

Часть тюрьмы, с которой слетела крыша, казалась сверху кукольным домом. В двух метрах от Алисы в открытом сверху коридоре, словно в ящике, лежал, похрапывая, пират Дуч.

— Брастаки, — сказала Алиса, — побежали! Вам помочь?

— Мы сами, — сказал Рррр, — мы умеем прыгать.

Через три минуты все они были уже на свободе. Полдела сделано.

— Дальше куда? — спросила Алиса. — Где космодром?

— Отсюда далеко, — ответил Рррр. — Я пойду с тобой. Остальные скроются у друзей и родственников.

— До свидания, — сказала Алиса брастакам, окружившим ее.

— Успеха тебе, Алиса, — ответили нестройным хором брастаки и по знаку Рррр бросились во все стороны, прижимаясь к стенкам домов.

Тюрьма была выше Алисы, так что закрывала вид на ту сторону. Зато с другой стороны перед глазами были бесконечные крыши. Здесь, на окраине города, дома были невысокими, через некоторые Алиса без труда могла бы перешагнуть.

— Надо скорее выбраться из города, — сказал Рррр. — Мы дождемся утра в лесу.

Алиса поспешила за брастаком. Она забыла, что если видит далеко вокруг, то и ее видно. Сзади донесся крик.

— Пригнись! — сказал Рррр.

Алиса обернулась.

Совсем недалеко, возвышаясь по пояс над окраинными домишками, стоял пират и глядел на нее.

Алиса пригнулась и бросилась вперед.

Впереди уже были видны первые деревья.

Луч бластера пронзил синий рассветный воздух.

— Держи ее! — закричал пират.

Алиса всей спиной ощущала, как он снова целится в нее. Она не выдержала и присела на корточки. Но выстрела не последовало — вместо этого донеслись страшные проклятия.

Вскочив на ноги, Алиса кинула взгляд назад. Оказалось, что пират в спешке не посмотрел под ноги и, споткнувшись о дом, рухнул во двор — только ноги в черных сапогах торчат кверху.

А еще через десять минут Алиса и Рррр, перебравшись через небольшой ручей и скрывшись в густой чаще, свалились в мягкий высокий мох и долго не могли отдышаться.

— Теперь можно часа три-четыре поспать, — сказал Рррр. — Здесь нас никто не найдет. Не бойся, Алиса, я тебя разбужу.

— А далеко отсюда до космодрома?

— За час дойдем.

Глава 14

ДРАМАТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА КОСМОДРОМЕ

— Ваше дамское превосходительство, — разбудил Пашку голос Мммм, — пора вставать, скоро прибывает катер. Корабль «Аристотель» уже вышел на орбиту нашей планеты.

Первым порывом Пашки было вскочить — но, к счастью, он успел сообразить, что спит без парика и черных очков, ходули

лежат под кроватью... Он натянул одеяло на голову и возмущенно закричал в узкую щель:

— Это есть возмутительно! Я, чужестранная женщина, не есть одета, отдыхаю с обнаженная голова, а мужчина ходит по мой квартира. Вон отсюда!

— Простите. — Пашке видно было, как Мммм пятится к двери. — Но я стучал, а вы не откликнулись...

— Закройте за собой дверь, плебей! — закончил Пашка свой монолог. — Чтоб я вас больше не видела.

А из-за двери донесся дрожащий голос:

— А вставать все-таки придется, придется. Вы уж простите, госпожа.

— Ладно, встаю. Вы лучше бы о завтраке побеспокоились.

Пашка быстро умылся, привел себя в порядок. Потом разрешил брастаку принести завтрак.

— Как остальные? Готовы? — спросил он, пока Мммм, стоя на задних лапах, расставлял на столике чашки и тарелки.

— Все в порядке, благородная госпожа, — сказал Мммм. — Я очень польщен, что вас оделила своим вниманием сама госпожа королева пиратов. Она приказала доставить вам шкатулку с драгоценностями. Шкатулку я поставил на столик у кровати.

— Ах да, шкатулка! — Пашка бросил на нее взгляд, но открывать не стал, а вместо этого спросил: — Как там моя соседка поживает? Надеюсь, ничего с ней не случилось? Мне было бы жалко ее, такая милая девочка.

— Ничего в ней милого нет, — сказал Мммм. — Гигантское шумное существо, притом служит чужому делу.

— С ней все в порядке?

— А что? Вам что-нибудь известно?

— Что мне может быть известно, если я спала?

— Ну, тогда и не думайте об этом, — раздался голос Крыса.

Пиратский сын вошел в комнату, поскрипывая кожей мундира, отбросил сапогом с дороги Мммм, присел в кресло.

— Кончай скорее, пилагейка, — сказал он, улыбнувшись тонкими, нитяными губами. — Помнишь наш вчерашний уговор?

— Помню, помню, — сказал Пашка, давясь лепешкой, — вы — мне, я — вам.

— И не вздумай шутить. Земляне на корабле у тебя в случае чего все драгоценности отнимут. А что касается нас, дорогая, то

руки у космических пиратов длинные. Я лично явлюсь к тебе, чтобы придушить. Я непобедим, потому что я — зло. Добро без зла существовать не может, а то не с чем сравнивать.

— Ну зачем угрозы? — сказал Пашка. — Неужели нельзя договориться по-дружески?

— По-дружески нельзя. Совершенно исключено. Друзей в нашей профессии не бывает. Пошли.

Пашка подхватил свою сумку, в другую взял Алисину.

Крыс внимательно наблюдал за ним, прищурив белые глаза без ресниц.

— Ты чего чужое хватаешь? — спросил он тихо. — Думаешь с ней еще раз встретиться? Не выйдет. Мы ее все равно поймаем.

У Пашки все внутри пустилось в пляс — поймаем! Значит, Алиса убежала!

— Я не чужое, — сказал он, стараясь скрыть улыбку. — Я в надежде...

— На что?

— На то, что вы ее поймаете. Зачем ей тогда сумка? А мне она пригодится. Понятно, пират?

— Не шутишь?

— Хватай, что плохо лежит, — сказал Пашка. — Никому не доверяй, обходись без друзей. Вот мой принцип.

— Вот баба! — обрадовался Крыс. — Ну, не ожидал. От простой туристки не ожидал. Хотя, впрочем, у моей мамаши был солдат Дуч, усатый такой, ты его видела. Он раньше библиотекарем работал. Мирная профессия. А у нас считался первым головорезом.

— А почему «был»?

— Он Алису стерег. И не устерег.

— И что?

— А ничего, не задавай лишних вопросов, а то скоро состаришься и потеряешь свою неземную красоту.

Пашка с сумками в руках заковылял к двери.

— Постой, совсем рехнулась. За копейкой гонишься, а тонну золота теряешь. Оглянись, ничего не забыла?

— Нет, все со мной, — сказал Пашка.

— Смущаешь ты меня, — сказал Крыс. — А шкатулку с драгоценностями я за тобой таскать должен?

— Ах, склероз, склероз, — спохватился Пашка, — самое главное чуть не забыла.

Он вернулся, положил шкатулку с драгоценностями, подарок пиратской мамаши, к себе в сумку. Ну и ругал же он себя — всегда разведчики на мелочах попадаются.

Пашку отвезли на космодром в государственном рыдване. Крыс сидел рядом, хмурился и ворчал:

— Эх, эти мамины причуды! Вышли бы в космос, взяли бы лайнер на абордаж без этих тонкостей. Чего не выношу — это тонкостей.

— А вдруг лайнер вооружен? — спросил быстро Пашка. — На нем должны быть лазеры и метеоритные пушки.

— Да ты не слушай, я так рассуждаю. Все равно мамаша мне корабля нашего не доверит, хоть он и мой по праву. Боится, что смоюсь на нем со всеми драгоценностями. И до чего она у меня подозрительная, ты и не представляешь!

— Представляю, — сказал Пашка. — Еще как представляю. Сама такая.

Машина остановилась на краю поля, у здания космовокзала. Там в тени скрывались несколько пиратов.

— А ну, прячьтесь! — прикрикнул на них Крыс. — Не демаскируй!

— Да еще нет никого, господин принц.

— Когда увидят, поздно будет. Они могут сверху наблюдать.

Пираты, огрызаясь, ушли в здание. И вовремя. Над полем медленно снижался автоматический катер.

Пашка взглянул на Крыса. И опять не уловил того момента, когда пират исчез. Вместо него рядом стояла Алиса в розовом платьице, с цветочком в руке.

— А ну-ка дай сюда мою сумку, — сказала Алиса.

— Она не твоя, а настоящей Алисы.

— Ты у меня поговори!

Пашка не стал спорить. Пускай несет. Он не спускал глаз с катера. Хоть бы кто-нибудь прилетел на нем.

— Пошли, — сказал Крыс и первым вышел на залитое солнцем поле. За ним — Пашка.

Люк катера открылся. Из люка кто-то вышел.

— Серая туманность! — воскликнул Крыс. — Еще чего не хватало. Нам ведь сообщили, что ни одного пассажира на Брастак нет.

Пашке бы помолчать, но язык — его враг.

— Это же робот, — сказал он. — Робот-стюардесса. Неужели не отличи...

Он осекся, но было поздно.

— Ах, робот! — сказал Крыс. — Ну и замечательно. Люблю роботов.

Стюардесса улыбнулась пассажирам.

— Добро пожаловать, — сказала она, — на корабль «Аристотель». Но кто из вас Алиса Селезнева?

— Я, — сказал Крыс, выходя вперед, — я возвращаюсь к папе и маме.

— Проходи, девочка, — сказала стюардесса. — Ты есть в списках пассажиров.

Пашка только тут сообразил, что у него нет билета. А вдруг его не пустят в катер? Этого нельзя допустить.

— Я есть пилагейская туристка, — сказал он, — я отстала от своей группы.

— Первый раз вижу одинокую пилагейскую туристку, — сказала стюардесса, — представляю, каково вам пришлось! Но ведь наш корабль летит на Землю. Не лучше ли вам подождать следующего?

— О нет! — воскликнул Пашка. — Я не терплю одиночества.

Стюардесса отступила на шаг в сторону, чтобы пропустить пассажиров в катер, но тут послышался приближающийся треск мотора и длинный гудок. К катеру неслась низкая брастакская машина, на крыше которой, уцепившись за края открытых окошек, лежала Алиса. Машина резко притормозила у катера, Алиса спрыгнула, и машина умчалась дальше. Вслед ей от здания вокзала потянулись раскаленные лучи бластеров — это опомнились пираты.

Крыс, который уже вошел было в катер, оглянулся и замер. Стюардесса крутила головой, стараясь понять, что произошло. Один Пашка не растерялся. Он наклонился вперед и кинулся на Алису в розовом платье, чтобы она не успела превратиться в Крыса. Крыс потерял равновесие и влетел в катер, Пашка за ним. И тут же в катер вбежала Алиса. Пока Пашка старался подняться на ноги, проклиная неуклюжие ходули, Крыс успел отпрыгнуть к стене, превратиться в пирата и выхватить бластер.

— Считаю до трех, — сказал он Алисе. — Или ты выметаешься из катера, или я выбрасываю твой труп. Раз. Два...

— Господин Крыс! — закричал Пашка. — Это не цивилизованно! Я буду жаловаться!..

— Ты у меня тоже вылетишь из катера, — сказал Крыс.

А настоящая Алиса стояла спиной к пульту управления катером.

— Ну, пошевеливайся! Второй раз от нас не уйдешь!

Алиса начала продвигаться к выходу. «Догадается ли она нажать на кнопку тревоги?» — думал Пашка.

У двери стояла стюардесса. Ее розовое искусственное лицо улыбалось — стюардессы всегда улыбаются.

— Прошу занять свои места, — сказала стюардесса, словно командовала самым обычным полетом.

— С дороги! — крикнул Крыс роботу. — Эта девчонка с нами не летит.

— Невозможно, — улыбнулась стюардесса, — у нее есть билет. Это Алиса Селезнева.

— Я тебя расстреляю! — закричал Крыс. — С дороги!

— Меня нельзя расстрелять, — сказала стюардесса. — Меня нельзя уничтожить бластером, пушкой, лазером, мазером и прямым попаданием метеорита. Советую вам занять места.

— Долой! — Пират начал стрелять в стюардессу, но улыбка так и не пропала с ее лица. В кабине стало жарко.

— Прекратите, — сказала стюардесса. — Вы можете повредить стены кабины, а так как мы уже находимся в высших слоях атмосферы...

— Где? — У Крыса даже рука опустилась.

— Это автоматический катер. Он уже приближается к кораблю.

Крыс стоял неподвижно.

— Давайте сюда оружие, — сказал Пашка, — а то и в самом деле стены кабины повредите.

— Нет, — сказал Крыс. — Игра еще не кончена.

Он положил бластер на стол и снова превратился в Алису.

Но Пашка, который внимательно следил за пиратом, увидел, что бластер оставлен без присмотра, кинулся к нему и успел схватить раньше, чем ложная Алиса протянула к нему руку.

— Отдай сейчас же, пилагейская дура. Все равно у тебя все драгоценности отнимут.

Он прыгнул на Пашку, они покатились по полу, а бластер

отлетел в сторону. Алиса бросилась к Пашке на помощь, и неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, но стюардесса ласковым голосом, словно привыкла к таким дракам в своем маленьком катере, сообщила:

— Катер прибыл к кораблю «Аристотель». Прошу пассажиров перейти на корабль.

Люк отлетел в сторону, словно кто-то рванул его с той стороны. В проеме люка стоял космонавт в форме капитана Глубокого космоса.

— Прекратите драку! — сказал он тихо. — Дети!

Пашка поднялся на ноги. Конечно, в глазах капитана это все выглядело детской дракой. Две одинаковые девочки и странное существо в платье пилагейки, но без парика, а со стриженой мальчишеской головой.

Капитан наклонился и поднял бластер.

— Откуда вы добыли оружие? — спросил он.

За его спиной стояли еще два космонавта.

— Мы не дети, — сказал Пашка. — Вот эта девочка — известный космический пират Крыс.

— Какая? — поморщился капитан.

Пашка и Алиса показали на Крыса, а Крыс — на Алису.

— Кто из вас нажал на кнопку тревоги? — спросил капитан.

— Я, — сказала Алиса. — Но без Пашки я бы не справилась.

— Пашка? — спросил Крыс. — Какой еще Пашка?

Пашка приподнял подол юбки, и все увидели, что он стоит на ходулях.

— Никакая я не пилагейская туристка.

— Предатель! — закричал Крыс. — Какую змею мы пригрели с мамой!

— Теперь вы верите? — спросила Алиса у капитана.

Вторая Алиса, что в розовом платье, сказала:

— Я сдаюсь. Я — космический пират Крыс, и запираться нет смысла. Я проиграл. Где здесь у вас тюрьма?

— Предупреждаю, — сказал Пашка, подхватывая с пола свою сумку, — он может превратиться в кого угодно, даже в вас, капитан. Посадите его в такую каюту, где даже маленькой щели нет.

— Это правильно, — сказала девочка в розовом платье, — меня нужно тщательно сторожить.

Глава 15

ВРОДЕ БЫ ВСЕ УДАЛОСЬ...

Наверно, полчаса пришлось все объяснять капитану, а тем временем судовой доктор, задумчивый, похожий на садовую лейку, перевязал Алисины ссадины и царапины. Капитану нелегко было во все поверить — за двадцать лет, которые он водил космические корабли на дальних трассах, ему не приходилось сталкиваться с такой дикой историей: шайка пиратов захватила целую планету и еще собирается взять в плен мирный лайнер.

Надо было принимать решение. Капитан приказал радисту передать срочную гравиограмму — через час ее получат на Земле, еще через час — в Галактическом совете. Пока суд да дело, корабль продолжал кружить на орбите вокруг планеты.

В ожидании указаний из Галактического совета капитан приказал привести к нему пирата.

Крыс смирно встал у двери. Он все еще изображал Алису в розовом платьице.

— Пускай Крыс перестанет притворяться, — сказала Алиса. — Мне неприятно, что он похож на меня.

— Разумеется, — быстро ответил Крыс Алисиным голосом. — Но ведь все кого-то изображают. Твой друг Пашка не только пилагейскую туристку изображал, но и готов был всех предать.

— Я и не думал предавать, — улыбнулся Пашка, который сидел в своем обычном мальчишеском виде. — Вы о военной хитрости когда-нибудь слышали?

— Я обо всем уже слышал, — ответил пират. — И уверен, что, если бы мы победили, ты бы остался пилагейкой и присоединился бы к нам, как бывший библиотекарь.

— Эх, — махнул рукой Пашка, — он ничего не понимает в дружбе.

— Дружбы не бывает, — сказал Крыс, — кто сильнее, тот и друг. Это же и червяку ясно.

— Хватит, — сказал капитан. — Психология у вас, прямо скажу, отвратительная, и прошу вас вернуться в свой облик.

— Пожалуйста, — сказал Крыс и превратился в профессора Рррр. — Пожалуйста, сколько угодно.

— Опять не то, — сказала Алиса.

— А кто знает, какой у меня обычный вид? — спросил Крыс. — Я так далеко зашел на пути порока и преступлений, что уже все забыл. И это неудивительно. Наверно, я сам бы испугался, увидев себя в естественном виде. Не все ли равно, на кого я похож. Главное, я сдался и готов отвечать на любой вопрос. Никого не пожалею.

— Даже собственную маму? — спросила Алиса.

— А уж ее тем более, — сказал Крыс, — нет более отвратительного существа на свете, чем моя мамаша. Это она дала мне в детстве порочное воспитание. Я мог бы стать космонавтом, инженером, садовником, но воспитание не оставило мне выбора — я стал преступником. И поздно раскаиваться.

Все увидели, как из единственного голубого глаза лже-Рррр выкатилась большая зеленая слеза.

— Не обращайте внимания, — сказал он и закрылся лапкой. — Глаз у меня чужой, но слезы мои настоящие.

— Куда вы намеревались лететь? — спросил капитан.

— Домой. Но уверяю вас, мы бы по дороге обязательно передрались. Так у нас всегда бывает. Мне, можно сказать, повезло, что я к вам в плен попал. Все-таки живым останусь. И еще со временем перевоспитаюсь. Как вы думаете, капитан, для меня еще не все потеряно? Могу ли я искупить свою вину честным трудом?

— Не верьте ему, капитан, — сказала Алиса.

— Но ведь каждый может перевоспитаться, если он захочет, — сказал добрый доктор, похожий на лейку. — Я знаю несколько таких случаев...

— Капитан, — в дверь заглянул радист, — получен ответ из Галактического совета.

— Покажи, — сказал капитан.

Радист протянул ему гравиограмму. Капитан прочел ее и сказал:

— Нам предписывают оставаться на орбите до прилета патрульного крейсера.

— Почему? — спросил доктор. — Чтобы передать им пленных?

— Пираты могут удрать с планеты на своем малом корабле, бросив добычу. Если они это сделают, мы должны узнать, куда они направляются...

— Но у нас на борту пассажиры... — сказал доктор.

— Корпус нашего «Аристотеля», — сказал капитан, — сделан из суперсплава. Нам пиратские пушки не страшны.

— А когда прилетит патрульный крейсер? — спросил Крыс.

— Это вас не касается, — сказал капитан. — Не верю я вашему раскаянию.

— Вы ошибаетесь, капитан, — сказал печально Крыс, вытирая слезы. — Я искренне раскаялся.

Крыса увели...

Алиса с Пашкой пошли обедать в кают-компанию. За соседним столом сидела компания пилагейских туристок. При виде их Пашка шепнул Алисе:

— Если бы они знали...

— Еще не поздно, — сказала Алиса. — Может быть, тебе стоит переехать на Пилагею. Сойдешь там за своего.

— Я подумаю, — сказал Пашка. — Расскажи мне теперь, как ты из тюрьмы убежала.

Когда Алиса закончила свой рассказ, она сказала:

— Скорей бы крейсер прилетел. Ты не представляешь, как я беспокоюсь за брастаков.

— Это зависит от того, в каком он сейчас секторе. Капитан сказал мне, что ожидает его завтра.

— Страшно представить, как пираты злобствуют. Они, наверно, уже догадались, что Крыс попался. Как ты без меня жил?

— Познакомился с красавицей.

— С какой еще красавицей?

— С пиратской мамашей, — сказал Пашка.

Пилагейские туристки вдруг затараторили. Показывали пальцем на пол. Там бежал большой черный таракан.

— Гадость какая, — сказал Пашка.

— Насекомое как насекомое, — сказала Алиса. — Конечно, на корабле ему не место. Надо доктору сказать — на кухне, наверно, завелся. Ну, продолжай.

Таракан на мгновение задержался, глядя на Алису, потом быстро побежал дальше, к каютам.

Пашка продолжал:

— Пиратская мамаша решила меня подкупить — ей надо было, чтобы я не выдал Крыса. Она даже поделилась со мной награбленными драгоценностями.

— Какими еще драгоценностями?

— Алмазами, жемчугом. Компот допьешь, покажу. Целую шкатулку мне подарила. Только я подозреваю, что потом она все камни подменила на стекла. Иначе зачем она мне ее сразу не отдала, а только потом прислала?

— Смотри, не забудь отдать камни брастакам.

— На что мне чужие драгоценности?

Алиса быстро допила компот.

— Пошли.

Пашка выплюнул косточку и тоже встал.

Но они не успели дойти до дверей кают-компании.

В дверях стоял пират. С бластером в руке.

— Ни с места, — сказал он, — всем оставаться на своих местах. Корабль захвачен.

Глава 16

ПОЛНАЯ ШКАТУЛКА ПИРАТОВ

Отодвинув пирата в сторону, в кают-компанию вошла женщина изумительной красоты с плеткой в руке. Лицо ее казалось фарфоровым, курчавые черные волосы спадали на плечи. Фарфоровые голубые глаза отыскали Пашку.

— Подойди сюда, мальчик, — сказала она нежно и засмеялась, словно зазвенели серебряные колокольчики.

Пашка подошел. Он ничего еще не понимал.

Пиратская мамаша медленно подняла руку, и хлыст взвизгнул в воздухе. Пашка схватился за щеку рукой, но не закричал. Стиснул зубы. Снова свистнул хлыст — красная полоса протянулась через руку Пашки.

— Я тебя научу, мерзавец, — сказала мамаша, — как обманывать королеву. Вот какая ты туристка!

— Мамаша, — сказал Крыс, входя в кают-компанию и отбрасывая кулаком Алису, которая кинулась на помощь Пашке. — Мамаша, зачем такие жестокости, не принятые в цивилизованном мире? Мы должны благодарить этого наивного мальчика, а ты его наказываешь.

— Поблагодарить я его всегда успею, а вот обмана не терплю, ты же знаешь.

Снова свистнул хлыст. Пашка от боли упал на колени.

— Успеете, всему свое время. Каждая минута на счету. Пока перегрузим добро да улетим, полдня пройдет, а патрульный крейсер уже в пути.

Пилагейские туристки тараторили на своем языке, никак не могли понять, что к чему. Пираты загоняли в кают-компанию других пассажиров и членов экипажа. Последним ввели капитана. Он был связан и жестоко избит.

Доктор-лейка увидел, что Пашка весь в крови, и нагнулся над ним.

— Как не стыдно, — сказал он, — взрослая женщина...

— А тебе я ноги обломаю, — сказала королева пиратов.

— Мамаша, он доктор, он нам пригодится.

— Я нового себе куплю.

— А твой радикулит?

— Ладно, пускай живет. Мы его с собой возьмем. Где шкатулка? А то все камушки растащат.

— Здесь, госпожа, — сказал пират Бесноватый, протягивая королеве шкатулку, которую она подарила Пашке.

— Может, кто-нибудь интересуется, как мы сюда попали? — спросила королева и усмехнулась: — Проще простого. Благодарите этого гадкого мальчишку. Он свою роль играл, а мы — свою. Мы понимали, что Крысу вряд ли удастся захватить целый корабль, и решили: пускай его захватят в плен. Непонятно? А ну-ка, Бесноватый, подойди сюда.

Королева поставила шкатулку на стол, открыла ее, выгребла оттуда камни, высыпала себе за корсет белого платья и откинула дно шкатулки.

Дно оказалось двойным.

— Эта шкатулочка досталась мне по наследству от дедушки, а он ее выкрал из склада Космических скитальцев, которые уже миллион лет назад улетели в соседнюю Галактику. Бесноватый, на стол!

Бесноватый взобрался на стол.

— Покажи им, миленький!

Бесноватый поставил в шкатулку ногу, и все увидели, как его нога уменьшилась и исчезла, и вскоре он весь скрылся в шкатулке.

— Теперь он стал размером с ноготь, — сказала королева. —

И ждет своего часа. Как мы все ждали. Так что ваш Пашка нас собственными руками на корабль пронес.

— А когда меня в каюту посадили, — сказал Крыс, — я в таракана превратился, в щелку выскочил, у всех на глазах прошел к Пашке, достал шкатулку, открыл и выпустил наружу тридцать пиратов во главе с моей мамашей. Оп-ля-ля!

— Представление окончено, — сказала мамаша, подняла шкатулку, опрокинула ее, и оттуда вывалился на пол Бесноватый.

— Можно бы и поосторожнее, — проворчал он.

— Я пошел на мостик, — сказал Крыс, — сейчас подойдет наш кораблик. Мы начнем перегружать добро на «Аристотель». Все пассажиры останутся на Брастаке, так что собирайте вещички. Команда тоже. С собой мы возьмем только мальчишку. У нас с ним особые счеты.

— И доктора, — сказала мамаша. — Меня радикулит замучил. Все время в походах, в набегах — сквозняки и ветры...

Только тогда Алиса вдруг догадалась:

— Так вот, значит, как вы планету Брастак завоевали!

— Молодец, девочка, умница, — сказала королева. — Крыс со шкатулкой под видом брастака всю планету объехал и всюду наших людей оставлял. Потом по моему сигналу пираты вышли из своих укрытий.

— Королева, — сказал доктор, похожий на лейку, — я как врач говорю вам, что этот молодой человек нуждается в медицинской помощи. У него кровоточащие раны. Я намерен его перевязать.

— Ничего, до свадьбы заживет, а мы ему еще добавим, — усмехнулась королева.

— Я настаиваю, — сказал доктор. — В ином случае я отказываюсь лечить ваш радикулит.

— А я тебя заставлю.

— Нет уж, не заставите, — сказал доктор. — Не получится. Меня пиратами не запугаешь.

— А если разрешу, вылечишь?

— Разумеется.

— Бесноватый, проводи их до амбулатории и пригляди за ними.

Глава 17

СРЕДСТВО ОТ ПИРАТОВ

— Это безобразие, — возмущался доктор, пока Бесноватый вел пленников к амбулатории. — Это варварство, и я буду жаловаться.

— Не скоро тебе, кастрюля, придется жаловаться, — сказал Бесноватый. Он успел отнять у какой-то пилагейской туристки шляпу с цветами и надел ее набекрень.

— Молодой человек, — сказал доктор Бесноватому, — попрошу вас внутрь амбулатории не входить.

— Это еще почему? — удивился Бесноватый.

— А потому что вы можете занести микробы. Всю Галактику исколесили, а руки, как я погляжу, не моете.

— Вчера мыл, — обиделся пират.

— И без мыла.

— Откуда у меня мыло? — сказал пират. — Нет у меня мыла. Алмазы есть.

— Вот и можете в любой момент заболеть, — сказал доктор. — Задумайтесь над этим.

Он открыл дверь, пропустил Пашку вперед и захлопнул ее перед носом пирата.

— Как она тебя отделала! — сказал доктор, покачав квадратной головой. — Больно?

— Больно.

— Терпи.

— А я терплю, — сказал Пашка сквозь зубы.

Доктор возился в стеклянном шкафу, вынимая какие-то бутылки, шприцы и инструменты.

— Может, обойдемся без уколов? — спросил Пашка. — У меня не очень болит.

— Нет уж, неизвестно, что она этим хлыстом делает, может, своих пиратов стегает. Ты же сам слышал — мыла нет, алмазы есть...

— Но что нам делать, доктор? — спросил Пашка. — Так горько сознавать, что я во всем виноват.

— Не вини себя, юноша. Что делать, если они оказались хитрее?

— Сейчас мы с вами — единственные люди на корабле, кто

хоть немножко на свободе. Скоро причалит их корабль, начнут выгружать ценности и всех, кроме нас, отправят на Брастак.

— Ах, мальчик, не расстраивай меня... А ну-ка повернись этой щекой. Наверно, шрам останется.

— Это даже красиво. Вы что-нибудь придумали? Ой, больно!

— Разумеется, у меня много мыслей. Например, есть у меня снотворное. Но его надо съесть...

Дверь приоткрылась, и возникла физиономия пирата Бесноватого в шляпе с цветами.

— Ну, скоро вы там?

— Сейчас, уйдите, не мешайте.

Дверь за пиратом закрылась.

— Да, обедать они не собираются, — сказал Пашка. — Неужели мы сдадимся, доктор?

Доктор подошел к стеклянному шкафу и задумался...

— Эврика! — сказал он, вынимая из шкафа небольшой флакон с распылителем.

— Что?

— Эврика, как сказал Архимед, когда догадался, что тело теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода.

— Знаю, учили в школе, но при чем тут Архимед?

— Когда мы уходили в рейс, мне дали этот флакон для испытания на диких животных.

— А как он действует?

— Он еще не испытан. И то, что годится для животных...

Вошел Бесноватый.

— Королева велела вести вас в кают-компанию. Через пятнадцать минут начнем погрузку.

Пашку буквально раздирало от желания узнать, что же придумал доктор.

— И вы думаете... — спросил он осторожно, когда они шли по коридору.

— Ничего я не думаю, — ответил доктор. — Не мешайте мне. Ах, как рискованно...

— Что рискованно? — спросил Бесноватый.

— Я думаю о новом средстве лечения радикулита вашей королевы...

— А вы не думайте, доктор, — ухмыльнулся пират. — Если ее скрючит, ничего страшного. Обойдемся без нее. Может, меня в короли выберут. Не исключено...

Они вошли в кают-компанию. Королева сидела на круглом табурете от рояля, который вывинтили до самого верха да еще прикрыли подушкой, чтобы пиратка была выше всех. Ее поддерживали телохранители, чтобы она не свалилась.

— Ай, как я тебя отделала! — сказала она весело, увидев, что Пашка заклеен пластырями. — Ты у меня будешь мальчиком для битья. Как плохое настроение или кто меня разозлит, буду вымещать гнев на тебе.

— Это вам даром не пройдет, — сказал капитан. Он лежал связанным на полу.

— Молчать! — сказала королева. — Кто сильнее, тот и командует.

Вошел Крыс.

— Все готово, — сказал он. — Наш корабль с первой партией драгоценностей пристал к борту. Можно готовить пленных.

Пашка краем глаза увидел, что доктор осторожно полез в карман. Вот он достает флакон и выходит вперед.

— Что там у тебя? — подозрительно спросила королева. — Смотри не умори нас.

— Каждый врач, — сказал доктор, — дает торжественную клятву не причинять вреда здоровью людей. Я тоже давал такую клятву. Не беспокойтесь. Что-то воздух здесь нечистый, надо освежить.

— А ну спрячь свою дезинфекцию! — крикнул Крыс. — Сейчас же.

Но доктор как ни в чем не бывало не спеша опрыскивал из распылителя кают-компанию.

Ничего не случилось.

Пираты смотрели на него во все глаза. В воздухе запахло ландышами.

— Бог с ним, — сказала королева, — помогите мне сойти с трона!

Доктор прошел рядом с Пашкой, Пашка вдохнул странный свежий запах. «Приятный запах», — подумал он. Он нашел пустое кресло и уютно устроился в нем. «И охота была мне, — подумал он, — суетиться?»

Доктор прошел совсем близко от пиратской королевы.

Никто больше не обращал на него внимания. Пираты начали было сгонять пленников к двери, но потом один из них по-

чему-то раздумал, отошел в сторону, улыбнулся и махнул рукой.

— Гони их сам, — сказал он своему соседу.

— Нет уж, — ответил тот, — пускай сама королева этим занимается.

Раздался грохот. Оказывается, телохранители, которые поддерживали королеву, отошли от нее и она, не удержавшись на вертящемся стуле, упала на пол.

— Что за безобразие! — сказала она. — Я же могла ушибиться!

— Обойдешься, — сказал телохранитель.

В дверь заглянул пират и сказал:

— Все готово к приему пленных.

Принюхался к приятному запаху и добавил:

— Кто желает, может их туда отогнать. Что касается меня, то я устал на этой службе...

— Сынок, помоги мне подняться, — сказала королева, лежа на полу.

— Сейчас, — сказал Крыс, подошел к ней и сел рядом.

— У тебя, мамаша, закурить не найдется? — спросил он.

— Сам достань из сумочки, — сказала королева, — мне лень шевелиться.

— Обойдусь без курева, — ответил Крыс, вытянулся во весь рост на полу и задремал.

Доктор, продолжая нажимать на кнопку распылителя, выбежал из кают-компании. Когда он через минуту вернулся, то первым делом подбежал к капитану, отбросил в сторону пустой пузырек и сказал:

— Все в порядке. Они обезврежены.

Он наклонился над капитаном и начал развязывать путы.

— Эй, — сказала лениво королева, — ты не прав, доктор. Нельзя его распутывать, он в плену.

— Молчите уж, — сказал доктор.

Алиса стояла посреди кают-компании и ничего не могла понять. Пираты потеряли всякий интерес к тому, что происходит вокруг. Пилагейские туристки сели в кружок на пол и тихонько запели какую-то песню, Пашка, обклеенный пластырем, дремал в кресле. Что случилось? Алиса хотела было подойти к доктору и спросить, но лень было двигаться. Она стояла и смотрела, как капитан поднимается и растирает затекшие руки.

— Чем это вы их? — спросил капитан у доктора.

— А помните, нам перед отлетом выдали новое средство от хищников? — спросил он. — Я вам показывал.

— А как оно действует? — спросил капитан у доктора.

— Оно совершенно безвредно, но вызывает необоримый приступ лени. Да сами посмотрите.

Алиса лениво проследила взглядом за пальцем доктора-лейки. И увидела, что пальма, стоявшая в кадке в углу кают-компании, бессильно опустила листья.

— Даже растения не могут бороться с ленью.

— Великолепно, — сказал капитан. — А вы?

— А вы? — ответил вопросом на вопрос доктор.

— Я? — Капитан пожал плечами: — Я — капитан корабля и отвечаю за все, что здесь происходит. Как же я могу лениться?

— Вот вы и ответили на вопрос, — сказал доктор. — А я — врач. Лень — это атавизм, то есть отмирающее свойство человека. Человек будущего забудет об этом чувстве.

«Ой, какой ужас! — подумала Алиса. — Неужели я — человек прошлого?» Она хотела крикнуть капитану, что тоже владеет собой, но ничего не получилось. Просто-напросто рот не открылся.

— И долго это средство действует? — спросил капитан.

— Я думаю, до завтра они будут отдыхать.

— Придется их оставить здесь. Боюсь, что мало сейчас на корабле людей, которые могли бы нам помочь.

— Я пойду в радиорубку, ладно? — раздался голос.

Алиса увидела, что к капитану подходит радист.

— Да, — сказал капитан, склонив голову набок и внимательно глядя на радиста. — Приятно убедиться... — сказал он, махнул рукой и совсем другим, командирским голосом продолжал: — Немедленно свяжитесь с патрульным крейсером и скажите, чтобы они прибавили ходу. Если возможно. Сообщите вкратце, что здесь произошло.

— Ой, что-то душно, — сказала королева пиратов и лениво сняла с себя розовую, словно фарфоровую, маску.

Алиса быстро отвернулась, увидев, какое в самом деле у королевы лицо. Это жуткое зрелище помогло ей совладать с собой. «Ну, — уговаривала она себя, — еще один шаг, еще шаг... Неужели придется так вот бороться с собой до завтрашнего дня?»

— Подождите, — сказала она капитану, который уже собирался запереть дверь в кают-компанию. — Я с вами.

— А я? — спросил Пашка.

— Скорей, девочка, — сказал капитан.

Алиса подошла к Пашке и помогла ему подняться.

— Неужели нет какого-нибудь противоядия от лени? — спросила Алиса, пока доктор запирал дверь.

— Еще не придумали, — сказал доктор. — Спасает только работа.

И Алиса потащила Пашку в каюту, чтобы он немного поспал.

* * *

Когда Пашка с Алисой спускались на поле московского космодрома, он вдруг остановился.

— Погоди, — сказал он. — Мне надо обязательно один вопрос задать. А то я забываю.

Пашка подбежал к шумной группе пилагейских туристок.

— Простите, — сказал он. — Зачем вам корзинки?

— Ах! — закудахтали туристки, размахивая своими корзинками. — А если мы снесем яйцо, куда его положить?

— Вы несете яйца?

— А разве это позорно?

— Нет, простите, я не привык к этому.

— Нельзя же бросать детей на произвол судьбы.

— А что же тогда в государственной корзинке?

— В государственной корзинке? О! Государственное яйцо!

— Как сложно! — вздохнул Пашка. — Сколько планет, столько и обычаев. И скрррулей мы так и не отведали...

УЗНИКИ «ЯМАГИРИ-МАРУ»

ПОДВОДНОЕ КЛАДБИЩЕ

На каникулах после шестого класса каждый сам выбирал себе тему биологической практики. В маленьком коралловом домике биостанции на Гоголевском бульваре собрались все биологи. С утра над Москвой синоптики устроили мелкий теплый дождь, потому что паркам и садам нужна была влага — наступало время цветения. Дождик уютно постукивал по молодым листьям, капли влетали в открытые окна. Жираф Злодей, существо доброе, но глупое, сунул голову в окно, полагая, что он спрятался от дождя. Питекантроп Геракл попросил у Аркаши Сапожкова зонтик и гулял по дорожке, порой громко ухая, чтобы привлечь к себе внимание. Он был уверен, что, завладев зонтиком, уже превратился в человека. Остальным обитателям биостанции дождь не мешал, и поэтому они, в свою очередь, не мешали юным биологам.

Первыми рассказывали о своих планах на лето близнецы Маша и Наташа Белые. Они решили уехать со своими ручными дельфинами на Черное море, потому что у Медеи вот-вот должен родиться малыш, и сестры решили с детства учить дельфиненка человеческому языку. Они рассудили, что трудности с обучением дельфинов происходят из-за того, что учат обычно взрослых, а взрослые уже знают свой дельфиний язык и новый учить им недосуг.

Биологи одобрили решение близняшек, только Пашка Гераскин, который, разумеется, опоздал, сказал:

— Первой фразой, которую выучит твой дельфиненок, будет: «Отстаньте от меня, люди!»

— А что ты будешь делать, Паша? — спросила Галина Петровна, наставник по биологии.

— Я еще не сформулировал, — скромно ответил Паша. — Может, вернусь к опытам по дрессировке белых грибов, чтобы они по сигналу сбегались к корзинке.

— Что очень показательно для твоего характера, — сказала Машенька Белая. — Один литературный герой уже придумал вареники, которые прыгали ему в рот.

— Теперь твоя очередь, Алиса, — сказала Галина Петровна.

— Хорошо, — ответила Алиса и подошла к стене, где висела географическая карта. — Только сначала я должна кое-что рассказать. Сто пятьдесят лет назад на Тихом океане бушевала война. В те дни 1941 года, когда немецких фашистов разгромили под Москвой, их японские союзники неожиданно, без объявления войны, напали на американский флот, который стоял в бухте Перл-Харбор на Гавайских островах. Впрочем, вы ведь знаете историю...

— Все равно рассказывай, — сказал Пашка. — Было морское сражение?

— Нет, — сказала Алиса. — Японский флот не подходил близко к Перл-Харбору. Но японские бомбардировщики поднялись с авианосцев и ранним утром сбросили тысячи бомб на американский флот. Самые сильные американские линкоры были потоплены, и поэтому японцы смогли послать корабли с десантом на юг и в несколько месяцев захватили всю Юго-Восточную Азию. Но постепенно их наступление остановилось. Война затягивалась. Японцам все труднее было вывозить из оккупированных стран награбленное добро. Американские подводные лодки топили их транспорты, а самолеты бомбили их. И вот теперь о том, что мало кто знает. В начале 1944 года японцы собрали большой конвой. В нем было около тридцати транспортов и танкеров. Охраняли их два крейсера и авианосец «Секаку». Этот конвой собрался в Сингапуре и взял курс на остров Яп.

— А что эти транспорты везли? — спросил Джавад Рахимов.

— На некоторых было награбленное добро — каучук, нефть, тиковое дерево, олово... Были там и транспорты с войсками, танки, пушки, солдаты, которых отправляли, чтобы укрепить гарнизон Марианских островов, где готовились высадиться американцы.

Алиса показала на длинную дугу островов.

— Утром третьего февраля конвой был замечен американ-

ским самолетом, как раз когда он приближался к атоллу Моруту, вот здесь. Самолет сообщил о конвое, и тут же с американских авианосцев поднялись бомбардировщики. В тот район вышла «волчья стая».

— Что? — удивился Пашка.

— Так называли группы подводных лодок, они нападали на добычу все вместе, как стая волков. Три часа длилось избиение конвоя. Некоторые корабли пытались спастись в лагуне атолла Моруту. Их разбомбили уже там...

— Все это очень интересно, — сказала Галина Петровна. — Но какое отношение это имеет к твоей практике?

— Через много лет после войны на атолле Моруту побывали биологи. И они обнаружили интересную вещь — оказывается, потонувшие корабли постепенно превращались в рифы. На них селились кораллы и водоросли, гнездились колонии рыб и моллюсков. Причем там удалось найти новые виды морских существ. Ведь эти искусственные рифы были железными, в танкерах была нефть. Все это влияло на состав воды в атолле. Кораллы, например, росли там втрое быстрее, чем на обычных скалах. Уже много лет никто не бывал на атолле Моруту. И, по-моему, очень интересно поглядеть, что там сейчас происходит. К тому же на острове Яп, — Алиса показала указкой на карту, — теперь есть морская ферма. Им хочется узнать, нельзя ли устроить филиал фермы на атолле Моруту.

— А чего они сами не съездят туда? — спросила Машенька Белая.

— У них людей не хватает. Поэтому они обрадовались, что я собираюсь на атолл, и дадут мне батискат.

— Кого дадут? — спросил Пашка.

За Алису ответила Машенька:

— Ты что, батиската не видел? У нас на Черноморской станции их штук пять. Это катер, который может идти по морю, а если надо, опускается на любую глубину.

— Вот тут, недалеко, — сказала Алиса, — есть Марианская впадина, глубочайшая в океане. Больше десяти километров. Батискат может опуститься туда, и ничего с ним не случится.

— И ты одна поплывешь? — спросила Машенька.

— Если никто из вас не хочет ехать со мной, я поищу себе попутчика в Индонезии, сегодня позвоню тамошним юным биологам, — сказала Алиса.

— Погоди, — прервал ее Пашка. — Есть вопрос. А сокровища на кораблях были?

— Может, и были, — ответила Алиса. — Их даже искали. Кто-то писал, что на «Ямагири-мару» хранилась годовая добыча рубинов из Бирмы. Подводники туда спускались, но ничего не нашли.

— Очень любопытно, — сказал Пашка. — Возможно, я отправлюсь на практику с тобой. Тебе может пригодиться мужчина.

— Честно говоря, — сказала Алиса, — я бы предпочла другого спутника. Ты очень склонен к романтике. А там надо работать.

ТАИНСТВЕННЫЙ УБИЙЦА

Остров Яп — место тихое, в стороне от больших путей. На нем расположен один из природных заповедников Тихого океана. Там нельзя строить никаких предприятий. На острове есть небольшой городок с современными зданиями, школами и больницами, там же — лаборатории и правление подводной фермы, где и работают большинство жителей острова. Но на другом берегу острова осталось несколько деревень, точно таких, какими они были сто и двести лет назад. Живут в них в основном старики и малыши, которым еще рано идти в школу. Остальные островитяне приезжают в эти деревни в отпуск, отдохнуть, порыбачить.

Алиса с Пашкой заглянули в правление фермы. Там никого не было — время обеденное. Тогда они пошли погулять по берегу, заглянули в деревню, потом славно искупались в теплом ласковом море и улеглись на берегу.

— Все-таки неплохая у тебя идея, — сказал Пашка. — Практика у Северного полюса скучнее.

— Я и к Северному полюсу соберусь, — ответила Алиса.

— Не спеши. А знаешь, я перед отъездом подключился к информатору, попросил проверить, что сохранилось в архивах по поводу «Ямагири-мару». Транспорт в самом деле шел из Рангуна. А в показаниях на процессе военных преступников полковник Судзуки, который отвечал за погрузку, сообщил, что в последнюю минуту на корабль была доставлена стальная шкатулка с рубинами.

— Оставь свои мечты, — сказала Алиса, переворачиваясь на живот. С непривычки можно и обгореть. Ведь еще утром они были в Москве, где прохладно и моросил дождик. — Подводники обследовали капитанскую каюту. Там ничего нет.

— Ага, — не стал спорить Пашка. — А в трюмах знаешь что было?

— Забыла. Кажется, рис.

— Никакой не рис. Танки. Танковую бригаду перебрасывали на Сайпан.

— Может быть. — Алисе было лень разговаривать. Налетел теплый ветер, зашуршал листьями пальм. Высохший кокосовый орех валялся на песке. Море накатывалось на берег мягко и тихо.

— Давай еще разок окунемся, — сказал Пашка.

— Иди, — сказала Алиса.

И Пашка побежал к морю.

Повернув голову, Алиса глядела, как он вбежал в воду, подняв фонтан брызг.

И тут же сверху, от деревьев, послышался крик:

— Назад! Немедленно назад!

По берегу к воде бежал высокий, очень худой, почти черный человек в плавках и голубом тюрбане. Алиса узнала его — они говорили по видеофону всего два дня назад, из Москвы. Это был доктор Аран Сингх, директор подводной фермы.

Алиса вскочила. Пашка не слышал. Он бултыхался в воде.

Сингх, не обращая на Алису внимания, пронесся мимо и врезался в воду как пуля. В несколько секунд он настиг Пашку, схватил его и поволок обратно к берегу. А так как Пашка не понял, что происходит, и вообразил, что на него напал пират-людоед, то он сопротивлялся изо всех сил.

Только минут через пять на берегу наступило спокойствие. Пашка уселся на песок рядом с Алисой.

— Можно было позвать нормально, — сказал он недовольно. — Я вам не добыча.

— Я звал, — сказал Сингх. — Никто не откликался.

— Он звал, — подтвердила Алиса. — Только не знаю почему.

— Остров небольшой, приезжающих нет, — ответил Сингх. — Так что все знают — в море купаться нельзя.

— А что, акулы? — обрадовался Пашка. Ему теперь рассказов на год хватит.

— Хуже, — ответил Сингх. — Смерть. Я как узнал, что вы прилетели на остров, сразу кинулся вас искать — вернее всего, гости из холодной страны сразу захотят искупаться.

— Смерть! — воскликнула Алиса.

— Я не преувеличил, — сказал Сингх. — У нас серьезные неприятности. Как вы знаете, отделения фермы разбросаны по всему океану. В некоторых разводят молодь осьминогов и тунца, в других — жемчужниц... Впрочем, вы это потом увидите. Есть и лаборатории, инкубаторы — большое хозяйство. Шесть дней назад кто-то напал на садок осьминогов — они погибли.

— Может, уплыли? — спросил Пашка, который все не мог простить Сингху, что тот его столь неуважительно вытащил из воды.

— Сетки были разорваны, от осьминогов почти ничего не осталось. Но кто виновник нападения — неизвестно. Ничего подобного раньше у нас не было.

— А где-нибудь было?

— Что-то похожее случилось весной севернее, у острова Сайпан, на краю Марианской впадины. Кто-то разорил там жемчужную отмель, сожрав всех моллюсков. И снова никаких следов.

— Неужели никто не следит за этими садками? — спросила Алиса.

— После того, как погиб еще один садок, мы удвоили бдительность. Прошел всего день, как раздался сигнал тревоги — его подавал кашалот Палау, ручное животное, большой наш друг. Он часто приплывал к нам.

— Как кашалот может подавать сигнал? — удивился Пашка.

— У тех китов и кашалотов, за которыми мы наблюдаем, есть передатчики. Мы всегда знаем, где находится кит, как он себя чувствует. Палау передавал сигналы страха и боли... Потом связь прервалась. Мой помощник немедленно сел во флаер и помчался в тот квадрат. Там Палау не было. Мы послали туда батискат. И он отыскал то, что осталось от Палау. Обглоданный скелет. На костях кашалота были следы мелких острых зубов, такие же, как на сетках садка осьминогов. Судя по следам, владельцы зубов невелики. И это еще больше запутывает картину.

— Значит, ничего не известно? — спросила Алиса.

— Объявлена тревога. Во всем районе от Марианской впадины до наших островов. Купаться запрещено. Ищем...

Аран Сингх поднялся.

— Пойдемте, я вас накормлю. А потом решим, что делать. Может быть, отложить ваше путешествие?

Они пошли по узкой тенистой тропинке к станции.

— В батискате нам ничего не грозит, — уговаривала Алиса Сингха. — Никакая рыба его не одолеет.

— Тогда я должен взять с вас слово, — сказал Аран Сингх, — что вы не будете покидать батискат ни при каких обстоятельствах. И будете поддерживать с нами постоянную связь.

— Нет вопросов, — сказал Пашка. — Обещаем.

Пообедав, они втроем спустились к пристани, где был пришвартован батискат. Он был похож на веретено с полушарием наверху. Полушарие было прозрачным — для наблюдений. К тому же батискат был снабжен иллюминаторами по бортам и спереди.

Внутри было тесно, он был рассчитан на двух исследователей. В задней части была небольшая каюта, под стеклянным полушарием размещалась рубка. Батискат был снабжен манипуляторами, которые выдвигались по сторонам переднего иллюминатора.

Когда они подошли к кораблику, из люка появился робот, который доложил, что все системы батиската проверены, вода и пища в расчете на неделю автономного плавания. Связь работает нормально.

Так что ничто не мешало с утра отправиться к атоллу Моруту.

АТОЛЛ МОРУТУ

Алиса с Пашкой отправились в путь на рассвете.

Море было синим, по нему катились редкие пологие валы, небо было еще темным, только там, где должно было подняться солнце, тянулись рваной марлей перистые облака.

Отплыли. Пашка проверил, как работает связь. Верхний прозрачный колпак юные биологи задвигать не стали — через него в рубку влетали влажный прохладный ветер и мелкие соленые брызги.

Алиса пустила батискат быстрее, он подпрыгнул, как жеребенок, и пошел, срывая верхушки валов и ударяясь о воду, отчего получились хлесткие гулкие удары.

Пашка вышел на связь с фермой. Аран Сингх пожелал им счастливого пути и напомнил об осторожности. Путешествие проходило без приключений. Часа через два Алиса поставила батискат на автопилот, а сама приготовила завтрак — на Пашку было мало надежды, он отличался склонностью к экспериментам, и потому обед в его исполнении оказывался несъедобным.

Еще через час они добрались до атолла Моруту.

Атолл — кольцо коралловых рифов окружностью около десяти километров. С запада в кольце был разрыв — достаточно широкий и глубокий, чтобы туда мог пройти океанский корабль. На восточной стороне разрывов не было, там даже росли пальмы и кустарник. В центре лагуны поднимались два голых острова.

Алиса снизила скорость, Пашка приклеился к переднему люку. Лагуна была прозрачной, и вода пронизывалась солнечными лучами.

— Ничего нет, — сообщил Пашка. — Дно неровное, скалы, камни, но никаких кораблей. Ты уверена, что мы в правильную лагуну приехали?

— А ты с поверхности ничего и не увидишь, — сказала Алиса. — Ведь полтора века прошло.

Батискат пересек лагуну и ткнулся носом в противоположный берег.

Они устроились под большой кокосовой пальмой. Пашка сразу углядел орехи, разулся и полез наверх, цепляясь ногами как обезьяна, а Алиса принялась читать отчет прошлой экспедиции.

Пашка добрался до середины острова, устал и решил нарушить договор с Сингхом. Он тихонько отошел подальше по берегу и вошел в воду с внешней стороны лагуны. Из песка высовывались острые кораллы, волны норовили сбить с ног, а глубина никак не начиналась. Наконец он зашел по пояс и поплыл.

Когда Пашка оглянулся, ему показалось, что берег уже далеко. И он, хоть и хорошо плавал, встревожился. Одно дело плавать в Черном море, другое — в Тихом океане.

Пашка поплыл обратно. И в этот момент его кто-то больно укусил за ногу.

Пашка буквально подпрыгнул над водой и попытался достать рукой до больного места. Что-то тонкое, словно жгут водо-

рослей, попало ему в пальцы, он рванул, но боль не уменьшилась. Тогда Пашка понесся к берегу изо всех сил. Он ударился коленом о песок и выскочил на мелководье.

Ковыляя к берегу, Пашка разглядел, что в руке у него не водоросли, а тело длинной и тонкой красивой полупрозрачной рыбки. Голова же рыбки, небольшая, усеянная мелкими зубьями, осталась на коже — она так сильно вцепилась в икру Пашки, что даже после смерти не разжала зубов.

Ранка немного кровоточила и болела. Может, потому, что в нее попала соленая вода, а может, — и этого, конечно, Пашка испугался больше всего, — рыбка была ядовитой.

В мрачном настроении Пашка побрел к Алисе. Алиса была так погружена в отчеты, что его пятиминутного отсутствия не заметила.

Пашка не стал бы ей рассказывать о своем проступке, если бы не страх умереть от ядовитых зубов.

— Алис, — сказал он, — ты, конечно, не волнуйся, но на меня напало морское существо. Боюсь, что ядовитое.

— Что? — Алиса сразу вскочила. — Как оно забралось на берег?

— Оно, может быть, и не забралось, — сказал Пашка. — Я с ним встретился там...

Он показал на море.

— Покажи! — Алиса присела на корточки рядом с Пашкой и осмотрела ранку. Края ее немного припухли, кровь уже не шла.

Алиса прыгнула в батискат, достала оттуда аптечку, отыскала в ней универсальное противоядие и смазала им ногу Пашки. Пока она занималась лечением, до нее дошло, что Пашка нарушил запрет.

— Ты как там оказался? — грозно спросила Алиса.

— Понимаешь... — Пашка искал серединку между правдой и ложью, в которую и самому можно поверить. Ведь если не поверишь сам, как убедишь остальных? — Я пока лазил на пальму, весь извозился. Вот и решил ноги помыть. Отошел от берега шагов на... сто. Эта рыбка на меня и кинулась.

— А почему голова мокрая?

— Волна налетела, — сказал Пашка. Он уже сам себе поверил. — Щиплет. Хватит меня мазать.

— Вот когда разболится, тогда раскаешься. Какая из себя рыбка была?

— Тонкая, полупрозрачная, а зубы острые. Она так вцепилась, что голова оторвалась. Даже рассказывать противно.

— Сиди здесь и отдыхай, — сказала Алиса. — Если будет хуже, я тебя отвезу обратно. И зачем только я согласилась взять тебя с собой? Балласт!

Алиса оставила Пашку на берегу и в первое погружение пошла одна. Но прежде она связалась с фермой и сказала, что все в порядке. Она не стала рассказывать о приключении Пашки, потому что взрослые всегда преувеличивают опасности. Сингх приказал бы свернуть экспедицию.

Алиса кинула последний взгляд на Пашку, который сидел под пальмой, вытянув ногу и воображая себя раненым конкистадором, потом закрыла колпак и осторожно повела батискат вниз, в зеленую глубину лагуны.

Вокруг сновали тропические рыбки, разноцветные, причудливых форм. Одни носились стайками, другие проплывали неспешно. Вспугнутая батискатом, сверкнув злым глазом, проплыла хищная мурена, полупрозрачные медузы покачивались перед иллюминатором. Здесь, у первого из затонувших транспортов, было неглубоко. Транспорт почти дотянул до суши, и раньше его мачты даже выступали над поверхностью воды.

Кораллы поднялись букетами черных, розовых и белых цветов. Потом Алиса увидела красную губку, по которой ползла пятнистая морская звезда. Она согнала звезду манипулятором и сорвала губку.

Стайка тропических рыбок пронеслась мимо иллюминатора. Что могло их испугать? Потом Алиса увидела горбатого краба, боком убегавшего по коралловому кусту. За крабом гнались полупрозрачные рыбки. Они изгибались, тыкались маленькими головками в панцирь. Алиса включила камеру, которая начала снимать эту сцену. За краба Алиса не волновалась — никакой рыбке, даже зубастой, не прокусить его панциря. Но тут она поняла, что дела краба совсем не так хороши, как показалось вначале. Рыбки облепили краба так, что Алиса ничего не видела. Потом рыбки рассыпались по сторонам, и на дне остался объеденный панцирь.

Так как Алиса никогда таких существ не встречала, она попросила бортовой компьютер определить их. Почему-то тот не смог дать ответ. Но надо было работать.

С помощью манипулятора Алиса сбила кораллы с возвышения на бывшей палубе. Под слоем кораллов обнаружился большой ржавый шар. Компьютер ожил и сообщил, что это морская мина, поэтому он не рекомендует чистить дальше.

Алиса согласилась и решила подняться, поглядеть, как себя чувствует Пашка, и заодно рассказать ему про нападение на краба. Про мину она рассказывать не будет; исследовательский зуд заставит ее друга тут же нырнуть и что-нибудь отвинтить.

Пашки на берегу не было видно.

Алиса встревожилась и погнала батискат к пальмам. Уже въезжая на берег, она увидела Пашку. Он, оказывается, вырыл себе в песке яму и улегся в нее. Там было прохладно, и Пашка мирно заснул.

Алиса будить его не стала, проверила, как нога, — припухлость была невелика и, видно, Пашку не беспокоила. Поэтому Алиса стала готовить чай. Конечно, проще и быстрее было сделать это в батискате, но глупо сидеть в каюте, когда такая погода. Она вынесла чаеварку на берег.

Пашка проснулся, заявил, что ему снился страшный сон, и хотел снова идти купаться. Алиса, которой самой до смерти хотелось поплавать, начала спорить с ним, и в конце концов они решили, что возьмут с батиската рыболовную сеть и отгородят ею кусочек океана.

Пока они этим занимались, позвонил Аран Сингх, и Алисе пришлось бежать в рубку, чтобы поговорить с ним.

Аран Сингх был полон подозрений — не купаются ли юные биологи. Он сказал, что поступил еще один сигнал, на этот раз от дельфинов — кто-то напал на них. Сейчас поднимаются флаеры спасательной службы. Если Алиса заметит что-нибудь подозрительное, надо сразу сообщить на ферму.

В огороженном садке было мелко, пришлось лечь на дно, чтобы поверить, что плаваешь. С востока шли темные облака, они громоздились на горизонте, и когда Алиса после купания помыла чашки и принесла их в рубку, она спросила у компьютера, что с погодой. Тот сообщил, что надвигается шторм.

Быстро наступил вечер, он был коротким, потому что солнце нырнуло в сизые облака, которые поднимались над океаном. Океан затих, катились по нему невысокие маслянистые черные волны, пальмы опустили листья, словно покорно ждали нападения.

Алиса с Пашкой посидели немного на берегу, но было тре-

вожно и даже страшновато. Низкий атолл почти не поднимался над океаном, и казалось, что они совсем одни под громадным недобрым небом... И когда первый порыв ветра достиг атолла, он был таким могучим и всесильным, что поднял к небу песок и согнул до земли покорные пальмы, словно хотел показать, что ему ничего не стоит сдуть и Алису с Пашкой.

Алиса сообщила на ферму, что они переждут ураган в батискате, уговорила Пашку уйти внутрь, и они спустились под воду.

Под водой они и ночевали.

В ПОГОНЕ ЗА КЛАДОМ

Пашка проснулся первым и в ужасном настроении. Разумеется, он куда лучше провел бы каникулы в любом другом месте Земли или Солнечной системы. Почему-то он должен бегать от рыб и ночевать в железной банке.

Алиса не стала с ним спорить, потому что ему этого больше всего хотелось. Она приготовила кофе, потом вышла на связь с фермой. Дела на ферме были хуже некуда. Вечером загадочно погибла стая дельфинов. Причем трагедия произошла всего в пятидесяти милях от атолла Моруту. Когда Алиса попрощалась с Сингхом, Пашка ворчливо сказал, что удивляется, почему Алиса не сообщила о том, что на него напала рыбка. Ведь не исключено, что он может погибнуть.

— Что же, — сказала Алиса, — сейчас я снова свяжусь с фермой, пускай за тобой прилетят. Полежишь в госпитале.

— Ты с ума сошла! — возмутился Пашка. — Из-за жалкой царапины ты хочешь упрятать меня в больницу?

— Но тебе, наверно, больно ходить?

— Лучше выберемся наружу, поглядим, что осталось от атолла.

Ураган миновал, и, если не считать одной сломанной пальмы, ничто о нем не напоминало.

Пашка побежал по берегу поглядеть, не выкинули ли волны старинную бутылку с просьбой о помощи или мешок с дублонами. Ни бутылки, ни мешка с дублонами он не отыскал, но мысль о кладе к нему вернулась.

Зато Алисе повезло больше. На песке она отыскала выброшенную волной полупрозрачную рыбку, из старых знакомых.

Теперь бортовой компьютер мог изучить ее более детально. Заработали анализаторы. Потом электронный мозг ответил: вид ему неизвестен, но ясно, что это мутация, причем недавняя. По составу микроэлементов в тканях можно утверждать, что эта особь еще недавно обитала в Марианской впадине. Почему она покинула глубоководье и появилась здесь, неизвестно.

Это было очень интересно и похоже на открытие. Но пора было исследовать подводное кладбище. Алиса позвала Пашку.

За первые два часа они предварительно осмотрели шесть кораблей, лежащих в лагуне. Алиса научилась угадывать их очертания, несмотря на заросли водорослей и наросты кораллов. Пашка, который раньше на тропических атоллах не работал, был в полном восторге от разноцветья этого подводного мира — от всех этих полосатых рыб и пятнистых морских звезд, от голубых креветок и красных крабов, от кораллов, похожих на деревья, от губок и моллюсков, схожих с цветами.

Но скоро Пашке надоело помогать Алисе фотографировать кораллы, измерять их размеры и скорость роста. Ему не терпелось поглядеть на «Ямагири-мару».

«Ямагири-мару» лежал в глубине, вне лагуны, по Алисиным планам его очередь подойдет дня через два, но Пашка буквально умолил ее отправиться к транспорту.

Они нашли транспорт не сразу, пришлось включить прожектор. Глубина там была около ста метров, подводный мир не так богат и разнообразен, как в лагуне.

Транспорт лежал, склонившись набок. Одна из труб не упала и казалась старинной крепостной башней, обвитой плющом. От удара о дно, а может, от бомбы транспорт раскололся, и между кормой и остальным корпусом зияла темная пропасть.

— Нам туда, — сказал Пашка.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Поглядим, где лежит шкатулка с рубинами, — просто ответил Пашка.

— Опять ты за свое!

— Но попробовать можно?

Алиса колебалась. Будь она взрослым исследователем, наверное, она бы отказалась послушаться Пашку. Но в двенадцать лет любому хочется приключений. В этот момент их вызвал Аран Сингх. Беды не оставляли ферму. Невидимый враг во время урагана напал на один садок. Кроме того, пропал без вести

турист, прилетевший на Яп. Вернее всего, не послушался, ушел купаться...

— Неужели никаких данных нет? — спросила Алиса.

— Установили два факта, но пока не знаем их значения. Во-первых, мы теперь точно знаем, что у бандитов маленькие острые зубы, во-вторых, собрали все сведения о подобных нападениях за последние недели, и теперь можно сказать, что они начались в районе Марианской впадины к востоку от острова Сайпан и постепенно перемещаются к юго-западу. А как у вас дела?

— Мы осматриваем корабли. Очень интересно.

Сингх пожелал счастливой работы и напомнил об осторожности. И они попрощались до обеда.

Пашка включил манипуляторы и с их помощью очищал проход в щель, что вела в трюмы корабля. Что-то сказанное Араном Сингхом встревожило Алису. Что-то о Марианской впадине. Может, она и вспомнила бы, но Пашка громко спросил:

— Ну как, мы спускаемся или нет?

— Спускаемся, — сказала Алиса.

— Алиса, — сказал Пашка, — видишь коридор?

Это был не коридор — громадное отверстие, которое зияло перед ними, было трюмом... Оно, словно открытая дверь, манило внутрь.

Батискат осторожно приблизился к отверстию. Оно было достаточно широким, чтобы в него прошли десять батискатов.

Трюм был уставлен ящиками и контейнерами, когда-то от толчка они сползли к борту. Потом за долгие годы водоросли и кораллы обжили эти искусственные скалы.

Алиса увлеклась работой — манипуляторы трудились, отбивая образцы для исследования. Пашка маялся. Ему хотелось проплыть глубже в трюм и посмотреть, что там. Но он пока терпел.

— Интересно, правда? — спросила Алиса, разгибаясь, — руки устали работать с манипуляторами.

— А ты не заметила одной детали, которая бросилась бы в глаза любому элементарному Шерлоку Холмсу? — спросил Пашка. — Где рыбы? Где креветки? Где крабы? Почему даже морские звезды не хотят здесь жить?

И в самом деле, в пещере трюма ничто не двигалось. Лишь

губки, кораллы и водоросли обитали там. И ни одного животного.

— Здесь какой-то яд! — предположил Пашка.

— Вряд ли, — сказала Алиса. — Если бы был яд, водоросли и губки тоже бы погибли.

— Но он может действовать только на животных. Понимаешь, скопился здесь за сто лет...

И тут, как бы нарочно, чтобы опровергнуть Пашку, рядом с иллюминатором полупрозрачной массой проплыла целая стая знакомых рыбок. Они выплыли из глубин корабля и спешили наверх. Некоторые заметили батискат и начали кружиться возле него, даже пробовать на зуб.

— Тогда яд на них тоже не действует, — сказала Алиса и схватилась за рычаги манипуляторов, чтобы выпустить тонкую сеть и поймать несколько рыбок.

— Давай проплывем еще несколько метров вглубь, — сказал Пашка. — Поглядим, как там.

Батискат плыл как бы по просторному залу, украшенному гирляндами к Новому году и устланному зеленым пышным ковром. Наконец впереди показалась стена — переборка. В ней проход.

— Вроде больше ничего интересного, — сказала Алиса.

— Впереди самое интересное, — ответил охотник за сокровищами.

В ПЛЕНУ

Медленно и осторожно батискат вплыл в следующий отсек. Прожектор выхватывал из черноты сплетения водорослей неясные очертания предметов, которые настолько потеряли форму, что невозможно было угадать, чем они были когда-то.

Алиса вела батискат на самой малой скорости. Проход становился все теснее, и пора было поворачивать обратно. Поэтому Алиса остановила батискат и включила манипуляторы, чтобы они взяли образцы флоры. И тут она увидела впереди серое движение.

Она перевела туда луч прожектора и не сразу поняла, что видит громадное скопление полупрозрачных рыбок, которые сплелись в шар диаметром метра в два.

— Попробуй их тронуть манипулятором! — сказал Пашка.

Рука манипулятора двинулась вперед, и в то же мгновение шар распался, превратившись в серое облако, которое заполнило собой весь трюм. Рыбки с яростью бросились на батискат, и видно было, как они бессильно скребли его маленькими зубами. Часть их стала отступать, утекая серой рекой в темный проход сбоку.

Алиса двинула батискат вслед за ними. Рыбки продолжали атаковать подводный кораблик. Они облепили иллюминаторы. «Еще десять метров, — сказала себе Алиса, — и назад».

Перед ними поднималась преграда, схожая со скалой, и надо было подняться наверх, туда, где над скалой кишели тучей рыбки. Некоторые ныряли внутрь скалы, которая, видно, была полой.

— Алиса, знаешь, что это такое! — воскликнул Пашка. — Это же танк.

И в самом деле можно было различить орудие, которое смотрело прямо на них и казалось зеленым, обросшим мхом бревном. Рука манипулятора содрала сверху слой губок, и под ним обнаружилась орудийная башня.

— Погляди с той стороны — это тоже танк?

Алиса приказала манипулятору обследовать скалу справа. Видимость была плохой. В дополнение к туче рыб, которые мешали смотреть, манипулятор, освобождая танк от губок, поднял тучу ила.

— Подождем, — сказала Алиса.

Но ждать не пришлось. Манипулятор задел за столб или стойку — впрочем, они так и не узнали, что это было. Сгнивший и проржавевший внутри корабль был настолько ветхим и перегруженным населившими его кораллами, губками и водорослями, что потолок трюма не выдержал и медленно, как в кошмарном сне, начал опускаться на них. Многотонный груз верхних палуб упал сверху на батискат и вдавил его в пол. Видимость сразу пропала. Батискат, хоть рассчитанный на многоразовые перегрузки при глубоководных погружениях, застонал от неожиданного удара. Казалось, что он расколется как орех.

Свет в батискате погас, треск был невыносимым и зловещим, и так как Алиса с Пашкой сначала не поняли, что произошло, они скатились к стене рубки, а на них в полной темноте посыпались разбитые приборы.

Потом стало очень тихо. Только медленно ухали, устраиваясь поудобнее, железные балки переборок.

— Ты жив? — спросила Алиса.

— Жив, — ответил Пашка. — У него аварийное питание есть?

Алиса нащупала пульт — пульт был почти цел. Третья кнопка справа.

Зажегся свет. Алиса выбралась из-под опрокинутого кресла. Болела рука.

Как только они немного отдышались и поняли, что воды в батискате нет, Алиса включила прожектор. Он горел. Только перестал двигаться. Вода за иллюминатором была мутной настолько, что не разглядишь ничего за метр.

— Придется подождать, — сказала Алиса, — пока муть уляжется. А то мы не знаем, куда плыть.

— Назад, — уверенно сказал Пашка, — нас не переворачивало. Просто повалило набок.

— Хорошо бы, — сказала Алиса.

Она не хотела пугать Пашку, но сквозь муть она постепенно различила темную массу, навалившуюся на верхний прозрачный колпак. К тому же перед передним иллюминатором протянулась рука манипулятора, которая торчала под неестественным углом. Алиса включила манипулятор. Видно было, как металлическая рука вздрогнула. Но не послушалась приказа: батискат застрял в груде металла. Алиса поняла, что их спас танк — он принял на себя груз переборки, отчего его пушка еще более склонилась к нему.

— Давай задний ход, — сказал Пашка. — И вырываем эту железку. Проще простого.

Но проще простого не вышло. Манипулятор застрял так прочно, что сколько ни давала Алиса задний ход батискату, тот не мог вытащить застрявшую руку.

Алиса выключила двигатель и вытерла пот.

— Не получается, — сказала она. — Надо думать.

— Думать не надо, — ответил Пашка. — Будем действовать. Я выхожу наружу через задний люк — он свободен. Отрезаю манипулятор — горелка у нас есть.

— А рыбы? — спросила Алиса.

— В скафандре они не страшны.

Сказав эти слова очень уверенно, Пашка тут же потерял до-

лю энтузиазма — с этими рыбами у него были связаны неприятные воспоминания.

— Ладно, — сказала тогда Алиса. — Я лучше умею обращаться с горелкой — ты курса подводных работ не проходил.

Пашка начал возражать, но Алиса его не слушала. Она надела скафандр и вошла в переходник — небольшой отсек, который наполняется водой, если надо выйти наружу. Задраила за собой внутренний люк — в переходнике было темно. Потом включила шлемовый фонарь, и свет его уперся в близкую стенку, высветив на ней каждую царапинку, каждую каплю влаги. Забортная вода с шипением стала поступать в переходник.

Алиса приготовилась к тому, что сейчас можно будет открыть внешний люк, потом надо будет как можно быстрее сделать три шага к основанию защемленного манипулятора и сразу включить резак.

И в этот момент она почувствовала болезненный укол в ногу. Тут же — второй.

Алиса направила луч фонаря в воду и поняла, что в воде кишат тонкие длинные рыбки, яростно вонзающиеся зубами в скафандр и прокусывающие прочнейший материал скафандра.

У Алисы хватило самообладания не драться с ними, не отгонять их. Она поняла, что ее единственное спасение — тут же откачать из переходника воду.

Но вода вокруг достигла уже горла, и руки под водой двигались куда медленней, чем в воздухе. К тому же она держала в одной руке горелку, а другой непроизвольно отдирала рыбок от скафандра.

Пока она догадалась выпустить из рук горелку, прошло три секунды, пока нашаривала в бурлящей воде кнопку откачки воды, прошло еще секунд пять, все это время вода прибывала и закрыла Алису почти с головой. Она ощутила, как острые тонкие струи воды врываются в скафандр в прокушенных местах. Было впечатление, будто Алиса попала под душ Шарко, который со всех сторон бьет тебя струями.

Алисе казалось, что вода уходит из переходника страшно долго — все укусы обжигали ее, а вода внутри скафандра уже поднялась до колен. Наконец вода с хлюпаньем ушла из переходника, прямо перед глазами оказались мокрые стены.

Терпя жгучую боль, Алиса обобрала рыбок со скафандра и только тогда услышала взволнованный голос Пашки:

— Ты что? Почему не выходишь? Почему молчишь? Ты что, Алиска?

— Все в порядке, — сказала Алиса. — Я возвращаюсь.

Вернувшись в рубку и задраив за собой люк, Алиса устало стянула скафандр.

Пашка, который не мог понять, что произошло, помогал ей и мучил вопросами.

— Достань антисептик, — велела Алиса.

— Ой, что с тобой?

— Мы не можем выйти из батиската. Придется вызвать помощь.

Алиса вздохнула. Вызывать помощь было стыдно. Пустили детей в лагуну, а они нарушили правила — без разрешения забрались внутрь ветхого судна, попали в ловушку, сломали батискат. А у Сингха и без того неприятностей выше головы.

Но ничего не поделаешь. Одно утешение — есть о чем рассказать на ферме. Рыбки из Марианской впадины — опасные обитатели лагуны. Если сюда поставить садки с молодью осьминогов, от них через полчаса ничего не останется. Может, эта информация стоит сломанного батиската.

Алиса смазала многочисленные ранки, приняла антисептик и включила рацию.

Ферма молчала. Рация работала нормально, слышны были шумы, но ни одно слово не доходило до батиската.

— Что еще случилось? — в отчаянии спросил Пашка.

— Связи нет, — сказала Алиса. — Я думаю, это из-за того, что мы сидим в груде железа.

— Ты что хочешь сказать, — произнес Пашка, — что мы здесь останемся навсегда?

— Очень не хочется, — ответила Алиса. Ну что еще ответишь на такой глупый вопрос?

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Сначала они сели и начали размышлять. По правде говоря, Алиса попросту устала, у нее болели ноги. Пашка же был удручен, потому что не мог придумать остроумного пути вырваться наружу. Надо сидеть в рубке и чего-то ждать. Это самое противное.

— Нас, конечно, найдут, — сказала Алиса. — Часа через два

Сангх будет нас вызывать, мы не откликнемся. Они встревожатся и станут принимать меры. Пришлют сюда флаеры и батискаты.

— Только неизвестно, есть ли у них свободные батискаты.

— Вызовут с Сайпана, может, даже из Индонезии. Воздуха у нас хватит, потерпим...

— Ты оптимистка, это хорошо, — сказал Пашка. — Только как нас отыскать, ты подумала? Здесь, в лагуне, и вокруг нее тридцать железных гробов, каждый не меньше «Ямагири-мару». А еще надо обследовать дно лагуны, а еще не исключено, что мы поплыли в открытый океан и утонули там... Я бы нас не нашел.

— Найдут, — сказала Алиса бодро, потому что и сама вдруг испугалась, что отыскать их будет невозможно.

— Я думаю, — сказал Пашка, — что надо рискнуть. Я выхожу в воду и быстро режу манипулятор.

— Они меня чуть не сожрали еще в переходнике, — возразила Алиса. — А ты захлебнешься в дырявом скафандре через минуту.

Рыбы деловито кружились вокруг танка, пропадая в люке и вылезая из него. Там у них было логово. Краем глаза Алиса увидела, как в освещенный прожектором участок трюма медленно вплыла огромная рыба. Длиной она была около двух метров, бурое тело было испещрено желтыми пятнами, она была немного похожа на сома, но вместо большой добродушной сомины головы морда ее была острой, хищной и невероятно злобной.

— Мурена, — сказала Алиса. — Может, она их ест?

— Хорошо бы.

Они с надеждой глядели, как громадная хищница, медленно поворачивая злобную головку, озиралась в новом для себя месте.

Вот первая из полупрозрачных рыб, заметив гостью, кинулась к ней и вцепилась в пятнистый бок. Она была так мала и ничтожна по сравнению с муреной, что, когда та, резко рванувшись от боли, поднялась выше, стараясь зубами достать обидчика, даже странно было, что она могла заметить этот укус. И тут же, словно услышав приказ, тысячи юрких врагов ринулись на мурену. Облепленная ими, рыба крутилась, рвала врагов зубами...

— Я поглядел на часы, — сообщил мрачно Пашка. — Прошло семь минут.

Они смотрели на тщательно обглоданный скелет мурены, который лежал на водорослях.

— Да, — сказала Алиса задумчиво. — Вряд ли в океане есть кто-либо, кто может с ними бороться...

— Да они даже кита сожрут!

— Кита? Кашалота? Ой, Пашка, я все думала, что же у меня в голове кружится. И никак не могла вспомнить. Марианская впадина!

— Не понял.

— Наш компьютер сказал, что по составу микроэлементов эти рыбы недавно покинули Марианскую впадину, что они первоначально были глубоководными существами. Так?

— Так.

— Сингх сказал нам, что они проследили случаи таинственных нападений. Они идут от Марианской впадины к югу. Как будто таинственный убийца перемещается к острову Яп. Ты только что сказал, что эти рыбы могли бы сожрать и кашалота.

— Я сказал — кита.

— Неважно. А таинственный убийца убил кашалота. И напал на дельфинов. Значит...

— Значит, таинственный убийца и есть эта рыба, — согласился Пашка.

— Теперь мы вдвойне должны спешить. Надо вырваться отсюда и предупредить биологов.

— Молодец. Остался пустяк...

Они снова замолчали и молчали долго — от безвыходности. Как на экзамене, когда не знаешь билета, экзаменатор тебе что-то подсказывает, задает наводящие вопросы, а ты смотришь в окно и думаешь: вот птичка полетела, а вот еще одна птица полетела...

— А может, здесь какая-нибудь мина есть? — вдруг спросил Пашка.

— Где?

— В трюме. Мало ли что бывает в трюме. Если танк есть, то и мины могут быть.

— А как мы их найдем?

— Один манипулятор у нас остался...

Конечно, просто совсем из головы вылетело! Может, с его помощью удастся освободиться?

Алиса тут же включила манипулятор. Он мог двигаться только справа от танка, между танком и какими-то заросшими предметами у борта.

Алиса стала осторожно чистить от губок и кораллов те предметы, что были у борта. Это была работа, а когда работаешь, забываешь о неприятностях и время идет быстрее.

Рыбам не понравилось, что в их владениях поселился манипулятор, — они отчаянно нападали на него.

Алиса уступила место у пульта Пашке, потому что понимала, что ему тоже хочется действовать.

Пашка обнаружил ящик. Когда манипулятор вскрыл его крышку, оказалось, что он полон снарядов. Пашка хотел было кинуть один из снарядов в танк с рыбами, но Алиса не разрешила.

— Ты представляешь, что случится, если снаряд взорвется? В первую очередь ничего не останется от нас с тобой — он же как глубинная бомба. Нас сплющит в лепешку.

— А чего же мы тогда ищем?

— Не знаю.

— Вот это плохо.

Пашка согласился с Алисой, кидать снаряд не стал, а принялся дальше разгребать водоросли в поисках какого-нибудь оружия. Работа эта была медленной, потому что движения манипулятора поднимали муть и приходилось ждать, пока она осядет. Прошло уже больше часа.

И вдруг Алиса обратила внимание на то, что движения рыбок стали более быстрыми и хаотичными, они вели себя как опаздывающие на стадион болельщики.

— Погоди, Пашка, — сказала Алиса. — Не мути воду.

Из танкового люка показалась пышная седая борода, состоявшая, наверное, из миллионов рыб. Невероятно, сколько их уместилось в старом танке! А они все выплывали и выплывали. Они плыли так тесно, что трудно было понять, что же там, внутри этого потока.

Но там что-то было.

Пашка тоже почувствовал это, подвел манипулятор и ударил его пальцами по скопищу рыб. На какое-то мгновение облако рассыпалось, и оказалось, что внутри таится громадная

многометровая рыбина толщиной в руку, которая злобно извивалась, стремясь укрыться от манипулятора. Тут же остальные рыбы скрыли ее от глаз, и вся эта армада проплыла к выходу из корабля.

— Эх! — сокрушался Пашка. — Надо было мне ее схватить. Это же их королева. Понимаешь?

— Но почему они уплыли? — спросила Алиса.

— Я думаю, что их королеве не понравилось соседство с нами. Они ведь хранили ее в самой секретной глубине. А представь — рядом мы, шумим, светим прожектором, орудуем манипулятором, стену и переборки крушим...

— Наверное, они найдут другое логово, откуда будут нападать на жителей океана. Если бы знать...

— Если бы мы могли отсюда вырваться, — вздохнул Пашка, — мы бы сразу следом за ними!

— Погоди, не води манипулятором. Мне надо посмотреть!

— Что посмотреть?

— Если они уплыли, значит, мы можем выйти.

Но надежды оказались напрасными. Сотни хищных рыбок остались в трюме, они вились у иллюминатора — видно, решили не оставлять батискат без присмотра.

СПАСЕНИЕ

— Представляешь, — грустно сказала Алиса, — они сейчас озлобленные, они ищут новое логово — кто им ни попадется на пути, любого растерзают. Печально, что мы не можем предупредить биологов.

— Все-таки надо что-то делать! Думай, Алиса!

— Как могло получиться, что раньше наука их не знала? — думала вслух Алиса. — Ведь эти места океана хорошо исследованы. Еще год назад их не было... а сейчас они нападают на любую живность! Это же ненормально.

— Может, они из космоса? — спросил Пашка. — Занесло их в виде спор, а потом они размножились.

Пашка продолжал работать манипулятором, и металлическая рука размахивала в узком проходе между танком и стеной, как будто отмахивалась от жалящих комаров. И в конце концов с такой силой ударила по обросшей губками стенке, что проби-

ла ее. Из отверстия вырвался черный шарик и медленно поплыл вверх.

— Это еще что такое? — удивился Пашка, догоняя шарик манипулятором. Тот послушно рассыпался на несколько маленьких шариков.

Еще одна темная капля жидкости медленно выползла из пробитой дырочки. Несколько рыб кинулись к ней, думая, что это добыча, но тут же отскочили.

— Я знаю, что это такое: нефть или мазут, — сказала Алиса.

— Точно, — согласился Пашка. — У них была в трюме цистерна для заправки танков. Может, они рассчитывали, что танки сразу пойдут в бой. Только мы с тобой в бой пойти не можем. Хотя нет! Слушай, у меня гениальная идея! Надо проверить, много ли нефти осталось в цистерне. Если много — мы ее выпустим и отпугнем рыб. Поняла?

— Но нефть уйдет вверх! — сказала Алиса. — И погубит рыб в лагуне.

— По-моему, ты рехнулась, — удивился Пашка. — Других рыб в лагуне эти уже сожрали. А если мы здесь останемся, то погибнем, как те рыбы.

— Иногда ты бываешь логичен, — печально улыбнулась Алиса.

— Правда, мы не знаем, сколько мазута в этой цистерне. Может, мало. Пойду я.

— Почему ты? — спросила Алиса. — Я лучше тебя умею...

— Может быть, — согласился Пашка. — Может, ты все умеешь делать лучше меня, даже в футбол играть. Но учти, что у тебя вместо скафандра сито. А мой скафандр тебе велик.

И Алисе пришлось согласиться.

Пашка натянул скафандр и вышел в переходник. Воду он туда пока не впускал, он ждал сигнала Алисы.

Алиса подцепила когтем манипулятора край маленького отверстия в цистерне, через которое все выдавливались капли мазута, и с силой рванула когтем вниз. Ржавый металл сразу поддался, и клочья отогнулись наружу. И из отверстия медленно и тяжело хлынул мазут, поднимаясь кверху и растекаясь по трюму.

— Жди, Пашка! — приказала Алиса. — Пускай мазут подойдет к батискату!

К счастью, мазута в цистерне было много — все меньше ос-

тавалось чистой воды в трюме, вот уже полосы мазута почти скрыли японский танк и заволокли иллюминатор.

— Пошел, Пашка! — сказала Алиса.

— Слушаюсь! — Слышно было, как Пашка включил воду и она начала поступать в переходник.

— Как рыбы?

— Пока нет, — ответил Пашка бодро. Еще через несколько секунд он сообщил, что выходит наружу.

Алиса его не видела — лишь на мгновение его рука промелькнула между слоями мазута.

— Иду на ощупь, — сказал он.

— Они на тебя не нападают?

— Не отвлекай. Вот манипулятор!

— Скорей начинай резать!

Сквозь толщу мазута Алиса увидела светлое пятно. Раскаленный резак, мелко вибрируя, врезался в твердую сталь.

Алиса смотрела, как ужасно медленно на часах выскакивают цифры секунд. Наконец свечение в толще мазута пропало. Раздался короткий треск.

— Все, — сказал Пашка. — Я возвращаюсь. Без меня не уезжайте...

Закрылся внешний люк.

— Вроде все нормально, — сказал Пашка. — Выгоняем воду.

Прошло еще полминуты.

— Ну что ты? — спросила Алиса. — Чего не входишь?

— Я бы рад, — сказал Пашка, — но вода не уходит, почти по пояс.

— Так я и знала! Мазут. Давай открою люк вручную.

— Будет потоп. И довольно грязный, — сказал Пашка.

Но прошло еще полминуты, уровень воды в переходнике все не понижался, и Пашка сдался.

Когда Алиса открыла люк, в рубку хлынул грязный водно-мазутный поток, сметая все, что лежало на полу. Вода хлынула по наклонному полу рубки, оставляя черные пятна. А потом в рубку влез измученный, в черных пятнах даже на прозрачном забрале шлема Пашка. Он еле держался на ногах.

— Помоги снять скафандр, — сказал он.

Алиса кинулась к нему.

Вывести батискат из трюма оказалось нелегким делом. Сна-

чала надо было его выпрямить, а потом долго ползти из трюма в черных облаках мазута, натыкаясь на кораллы и танки.

Только через пятнадцать минут батискат выскочил на поверхность моря.

Алиса откинула измазанный мазутом верхний колпак, и морской воздух ворвался в рубку.

— Я думал, еще минуту — и погибну от духоты, — сказал Пашка. — А теперь прошу вас, капитан, об одном — на берег, к кокосовым орехам.

— И не мечтай, — ответила Алиса. — Хоть я тебе очень сочувствую, но сначала надо отыскать этих наших рыбок. Далеко они уйти не могли.

— Иголку в стоге сена будешь искать?

— Мы не одни.

— Тогда я плыву к берегу один.

— И по дороге тебя съедают. Ты этого хочешь?

Алиса включила рацию.

И в тот же момент зазвучал сигнал вызова — их искал Сингх.

— Вы живы! — Сингх не мог скрыть счастья в голосе. — Мы уже час вас ищем. К вам летят флаеры.

— Извините, — сказала Алиса. — Мы были в трюме транспорта, и связь прервалась.

— Наверное, за сокровищами полезли? — Сингх не скрывал своей ярости.

— Нет, — ответила Алиса. — Мы узнали, кто нападает на ваши стада, и сейчас хотим догнать убийцу в океане.

— Да ну! — только и вымолвил Сингх.

— Это рыбки, — сказала Алиса. — Такие безобидные, даже красивые на вид. Но с ними что-то случилось.

Ей пришлось потратить еще несколько минут, пока она убедила Сингха, что они в самом деле нашли убийц.

А тем временем Пашка, смирившись с мыслью, что придется еще помучиться от жажды, сел к рычагам управления, включил передний экран и повел батискат вперед. Он догадался, как нужно искать рыб.

Алиса на секунду оторвалась от разговора с Сингхом и спросила его:

— Ты что задумал?

Пашка показал на рыбку, которая плыла перед экраном. Вот еще одна...

— Как они плывут? — спросил Пашка. — Большое ядро с королевой внутри, а вокруг охрана и длинный хвост простых жителей царства убийц. Их арьергард догоняет основной отряд.

— Молодец, Пашка, — сказала Алиса. — Я бы до этого не додумалась.

Флаер, посланный с фермы, нашел их как раз в тот момент, когда они настигли громадный косяк рыб, которые, окружив королеву, медленно плыли к западу.

Батискат выбросил сеть.

Конечно, в такой сети рыбок не удержать, но королева была так велика, что из сети ей вырваться не удалось. А остальные отказались или не могли ее бросить. Они метровым слоем покрыли сеть — в таком виде их всех и доставили на базу.

Вечером, вымывшись и напившись кокосового молока, Алиса и Пашка сидели в кабинете Сингха. В комнату то и дело забегали сотрудники фермы — всем хотелось познакомиться с ребятами из Москвы, которые нашли и поймали таинственного убийцу.

Пашка потом говорил, что у него даже рука распухла от рукопожатий. Конечно, он преувеличивал.

— Скажи спасибо, что нам не вспомнили наши грехи, — ответила ему тихо Алиса. — Залезли в трюм за сокровищами, поломали батискат...

Вошел Аран Сингх.

— Только что получил видеограмму с Сайпана, — сказал он. — Все правильно. В Марианскую впадину в специальных аппаратах спустились акванавты и нашли там на большой глубине еще три колонии этих хищников, — сказал он. — Одна из колоний уже двинулась к поверхности.

— Но почему там? — спросила Алиса.

— Все объясняется просто и печально, — сказал Сингх. — Сто лет назад какие-то безответственные головы решили, что атомные отходы, которые остаются в реакторах, можно опускать в контейнерах в глубоководные морские впадины и там они останутся навсегда. Это не так. Во впадинах контейнеры разрушились, и радиоактивные материалы попали в воду. За последние десятилетия мы выловили почти все эти источники отравления океана, но, видно, несколько контейнеров осталось — и под их влиянием началась мутация безвредных рыб. Их новая популяция оказалась хищной, плодовитой и очень

опасной для всего живого в океане. Они быстро уничтожили всю живность в глубокой впадине и в поисках корма начали перемещаться, распространяясь по океану как чума...

— Как странно! — сказала Алиса. — Сколько лет уже нет атомных бомб и войн, а опасность от них живет и сегодня.

— И еще... — сказал Пашка. — Они выбрали своим логовом старый танк, который утонул во время той последней войны. Убийцы, рожденные войной, жили в танке, который был сделан для войны.

— Хоть ваша практика была и короткой, — сказал Сингх, — но думаю, что мы поставим вам за нее отличные отметки.

— Нет, — сказала Алиса. — Нельзя. Мы отравили мазутом всю лагуну.

— С мазутом мы уже справились — там работают чистильщики. С рыбами придется повозиться подольше. За находчивость — спасибо.

Алиса и Пашка вышли на пирс плавучей фермы.

Возле пирса покачивался их батискат — одна рука отломана, весь еще в мазуте, несчастный, но живой и даже вроде веселый.

— Слушай, давай в нем покатаемся, — сказал Пашка. — Я слышал, что у атолла Трук триста лет назад затонул один неплохой галеон с сокровищами.

— Сначала, — сказала Алиса, — ты должен починить батискат. Если пришел в гости, неприлично ломать чужие вещи.

— Так это работа на неделю!

— Значит, наша практика еще не закончена, — сказала Алиса.

И они остались на ферме.

Батискат с помощью местного механика они починили за пять дней.

И поплыли на нем к атоллу Трук.

Правда, никаких сокровищ не нашли.

КОНЕЦ АТЛАНТИДЫ

Глава 1

СОВПАДЕНИЕ КАК В РОМАНЕ

Солнце мгновенно поднялось над океаном, словно вынырнуло из глубины и спешило отдышаться. Оно разбрызгалось искрами по верхушкам ленивых зеленых волн, подгоняя их к песчаному пляжу острова Яп. Но волнам за ночь надоело биться о берег, и они устало облизывали полосу плотного песка, не дотягиваясь до темного вала водорослей, выброшенных штормом к столбам кокосовых пальм.

Алиса медленно шла по песку. Порой язык волны, оторочченный пеной, трогал ступню. Маленькие полупрозрачные песчаные крабы деловито носились вокруг, а если на них падала тень Алисы, быстро закапывались в песок.

Алисе хотелось найти на берегу редкую ракушку или морскую звезду — утром после шторма на пляже случаются любопытные находки. Но в то утро ничего удивительного не встретилось. Алиса прошла больше километра и видела только два пустых кокосовых ореха, обкатанный волнами кусок дерева и несколько обыкновенных ракушек каури. Директор подводной фермы Аран Сингх рассказывал, что в прошлом году ураганом на берег выбросило метровую раковину тридакну. Теперь она лежит у входа в лабораторию.

Солнце поднялось уже высоко, и стало жарко. Но купаться здесь было плохо — мелководье. Пока дойдешь до глубокого места, сто раз побьешь ноги об обросшие скользкими водорослями обломки кораллов. В отлив широкая полоса, что тянется до рифов, кажется шкурой громадной жабы.

Алиса кинула последний взгляд на море и поспешила к белому причалу, за которым начиналась глубокая бухта. Она соединялась с океаном каналом, пробитым в коралловой тверди.

Вот тут-то Алиса и увидела бутылку.

Бутылка целиком ушла в песок, наружу торчало лишь горлышко, облитое сургучом, и поэтому она сначала показалась

Алисе концом палки. Но волна вспенилась вокруг горлышка, и оно заблестело. Алиса присела на корточки, разгребла мокрый тяжелый песок. Бутылка была толстой, пузатой, темной. Пока она плавала по морю, на ней поселились скользкие мелкие водоросли, покрыв ее словно чехлом. Алиса отодрала слой водорослей сбоку и подняла бутылку, глядя на нее против солнца, чтобы понять, нет ли чего-нибудь внутри.

Внутри что-то лежало. Может быть, листок бумаги.

Алиса попробовала соскрести сургуч с горлышка, но тот был как камень.

Она поднялась и побежала к причалу.

Алиса пробежала шагов сто и остановилась.

«А почему я, собственно, бегу? — подумала она. — Впрочем, торопиться надо, ведь бутылка — сигнал бедствия. Бутылки кидали с борта гибнущего корабля или с берега необитаемого острова. Правда, это бывало очень давно... двести, триста лет назад. Кто будет теперь кидать в океан бутылки? Скорее всего, шутник или безнадежный романтик. А если бутылка настоящая, «кораблекрушительная», то за триста или четыреста лет, что прошли с тех пор, как ее кинули в волны, корабль, терпящий бедствие, давно утонул, а Робинзон умер от скуки».

Чтобы развеять сомнения, бутылку надо разбить и прочесть вложенную в нее записку. Но это будет нечестно по отношению к Пашке Гераскину. Он никогда не простит ей такого предательства. Пашка Гераскин серьезно относится к романтике и верит, что настоящие приключения в конце XXI века еще не перевелись.

Алиса поднялась на причал.

Подводный катер — батискат, который на океанской станции дали Алисе и Пашке, был пришвартован со стороны бухты. Ни Пашки, ни робота, с помощью которого они чинили сломанный манипулятор батиската, видно не было. Да и вообще причал был пуст. Директор Аран Сингх с двумя зоологами еще вчера улетел в Сидней на совещание, а остальные с рассветом ушли на батискатах и катерах в океан проверить, не натворил ли бед ночной шторм на жемчужных фермах и в крабовых питомниках.

Алиса прошла по гладким камням причала до батиската.

Он был похож на веретено, увенчанное зеленоватым куполом. Там, под куполом, Алиса и увидела своего друга. Он лежал в кресле, задрав ноги на пульт, и читал старинную книгу.

Пашка был так поглощен чтением, что не заметил, как Алиса спрыгнула на палубу батиската и присела, разглядывая длинную членистую руку манипулятора.

Все в порядке. Пока она гуляла по берегу, Пашка с роботом закончили ремонт. Так что Пашка имел полное право читать сколько ему вздумается.

Алиса откинула колпак над каютой и спрыгнула внутрь. Пашка даже бровью не повел.

Алиса поставила бутыль на штурманский столик и уселась во второе кресло.

— Что нового? — спросила она.

— По-моему, я сделал великое открытие, — сказал Пашка, продолжая читать.

— Я тоже, — сказала Алиса и подвинула бутыль ему под нос.

Пашка был невозмутим. Алисе стало обидно.

— Что за тайны! — сказала она.

Книга, которую с таким вниманием читал Пашка, была очень старой. Кожаный переплет обтрепался на углах, страницы пожелтели.

— Слушай, — сказал Пашка и перелистал назад несколько страниц. — Перевожу с английского: «... Я находился в своей каюте, намереваясь отойти ко сну, когда услышал отчаянный крик лейтенанта Робинсона. «Капитан! — кричал он. — Скорее!» В его голосе была такая настойчивость, что я решил: случилось несчастье. Стремглав я выскочил на палубу и остановился, пораженный зрелищем. Предрассветная темнота была озарена странным зеленым сиянием, которое исходило от громадного болида, что несся, прочерчивая ослепительный след по синему небу. Еще мгновение — и примерно в миле от нас болид коснулся поверхности океана и, подняв гигантский столб воды, исчез в его пучине. Он был настолько раскален, что еще минуту мы наблюдали свечение воды, словно некто опустил в воду горящую лампу. Волна, поднятая этим небесным телом, вскоре достигла нашего фрегата и была так велика, что корабль лишь чудом не лег на борт. Когда все успокоилось, мы проследовали со всей осторожностью к месту падения болида и, осветив воду фонарями, увидели, что там плавает множество мертвой рыбы. Я разрешил матросам спустить шлюпку, и они набрали не-

сколько бочек рыбы, что послужило славным подспорьем нашему столу. Но самое удивительное случилось, когда мы поднимали шлюпки на борт, намереваясь следовать далее. Мичман Джонс закричал, что видел нечто огромное слева по курсу «Рочестера». Несмотря на то что рассвет лишь наступал и видимость была ограниченной, нам удалось понять, что упавший в океан болид настиг в невероятных глубинах некое загадочное существо, неизвестное прежде натуралистам. Это существо, достигавшее в длину ста или более футов...»

Тут Пашка перевел дух и сказал:

— Сто футов — это тридцать метров, понимаешь?

— Понимаю, — сказала Алиса. — А что ты читаешь?

Пашка заложил пальцем страницу и открыл книгу на титульном листе. Там было написано по-английски: «Отчет о плавании фрегата Его Величества «Рочестер» в Тихом океане и Южных морях в 1816—1819 годах, написанный коммодором Стэнли Рейнольдсом. Издано в Лондоне в 1822 году».

— Поняла? Это я в библиотеке фермы взял. Там много книг, но в большинстве специальные. А несколько совсем старых. Я как увидел эту книгу на полке, меня что-то кольнуло. Ты веришь в предчувствия?

— Нет.

— Ты не права, Алиса. Если не было предчувствия, почему я эту книгу взял? Почему я ее открыл именно на этих страницах?

— Случайно, — сказала Алиса.

— Иногда я подозреваю, что ты лет на пятьдесят старше меня, — укоризненно произнес Пашка.

— Дочитывай, — сказала Алиса.

Бутыль стояла перед самым носом Пашки, но тот ее не видел, сейчас для него ничего, кроме книги, не существовало.

— «Это существо, достигавшее в длину ста или более футов, — продолжал читать Пашка, — имело обтекаемое тело и длинную шею, которая заканчивалась небольшой головой, схожей с головой питона. Хвост чудовища скрывался в волнах. Так как одна из шлюпок еще не была поднята на борт, я приказал боцману и четырем матросам подгрести к чудовищу и осмотреть его подробно, соблюдая осторожность, ибо не исключено, что оно лишь оглушено. Вместе с матросами в шлюпку опустился судовой врач Р. Поткинс. Шлюпка не успела отойти от

борта, как чудовище пришло в себя и, сильно ударив широким плоским хвостом по воде, скрылось в глубине.

Полагаю, что мы наблюдали таинственного морского змея, о котором ходит столько слухов между моряками».

Пашка громко захлопнул книгу и воскликнул:

— Теперь ты понимаешь?

— Что я должна понимать?

— А то, — сказал Пашка, — что известна широта и долгота этой встречи. Слушай: «После того как волнения этих минут остались позади, я приказал штурману произвести счисление места, где находился «Рочестер» в момент падения болида. Вышеописанное происшествие имело место в точке с координатами: 138 градусов 50 минут 22 секунды восточной долготы и 12 градусов 15 минут 54 секунды северной широты».

— Это очень интересно, — сказала Алиса.

На самом же деле она не вслушивалась в Пашкины слова. Она не могла дождаться, когда наконец этот романтик увидит, что перед его носом стоит самая настоящая бутылка, выброшенная на берег океаном.

— Тебе неинтересно, — сказал Пашка. — Я по голосу слышу. Ты не поняла, что от нашего острова до той точки всего сто пятьдесят миль?

— Да?

— И сегодня же мы на нашем батискате отправимся туда. Нам все равно нужно провести ходовые испытания. Мы опустимся в той точке и отыщем громадный метеорит и логово морских змеев.

— Не слишком ли много сразу? — спросила Алиса. — Прошло двести пятьдесят лет.

— Морские змеи живут дольше. — Пашка сказал это так уверенно, словно всю жизнь дружил с морскими змеями. — Но если не хочешь, я проведу испытания без тебя. А ты отдыхай, загорай... может, отыщешь неизвестный науке подвид каракатиц.

— Или бутылку, которую выбросило на берег.

— Если бы ты увидела бутылку, выброшенную на берег, — заявил Пашка, — ты бы ее не заметила. Нужно иметь особый взгляд на вещи. Тайны и открытия покоряются лишь людям моего склада.

И в этот момент Пашка поднял глаза и увидел бутылку. Он посмотрел на нее совершенно равнодушно.

— Такие приземленные люди, как ты, — продолжал он, — увидят на берегу разбитый бурей фрегат с черным флагом на бизань-мачте и скажут...

Но что они скажут, так Алисе никогда и не удалось узнать. Потому что Пашка открыл рот, а закрыть его не смог. Он протянул руку, дотронулся до бутылки, отдернул пальцы и часто заморгал.

— Э... — произнес он наконец. — Э... Это что?

— Бутылка, — сказала Алиса.

— Какая?

— С письмом о бедствии, — сказала Алиса.

— Кто? Где? — Пашка вдруг ожил, вскочил и чуть не вывалился из батиската. — Почему на борту бутылка, а мне никто ничего не рассказывает?

— Я шла по берегу, — сказала Алиса как можно наивнее, — и подумала: наверное, Пашке хочется найти таинственную бутылку. Я взяла ее и принесла.

— Ты какое имела право находить бутылку? — Пашка был в ужасном гневе. — Ты не имела права находить бутылку! Я ее искал всю мою сознательную жизнь, а ты... так просто, шла по берегу! Это неправда! Этого не может быть.

— Ну что ж, — сказала Алиса, — если бутылки не может быть, я ее отсюда унесу.

— Не смей! — Пашка схватил мокрую, в водорослях бутылку и прижал к груди как бесценное сокровище. — Ты ничего не понимаешь. Немедленно открыть!

— Зачем? — Алиса, честно говоря, получала истинное наслаждение от Пашкиной суматохи. Уж очень быстро разлетелась в клочки его спесь. — Что за спешка? — спросила Алиса.

— А если они терпят бедствие? Если они носятся по волнам на маленьком плоту?

— Где носятся? — спросила Алиса.

— В океане.

— За триста лет их унесло очень далеко, — сказала Алиса.

— Но, может быть, ее кинули только вчера!

— Разве ты когда-нибудь видел такую бутылку? — спросила Алиса. — Это же древняя бутылка!

— Где молоток?

— Молоток и все инструменты унес робот, — сказала Алиса. — Да я и не позволила бы тебе разбить бутылку, потому что она — исторический памятник.

— Это не памятник! Это сигнал бедствия!

Алиса решительно отобрала у Пашки бутылку и выпрыгнула из батиската.

Пашка побежал за ней по пирсу, потом по дорожке, что вела к зданию лаборатории, и кричал:

— Осторожнее! Ты ее сейчас уронишь!

В лаборатории была только Дороти Гомеа, очень толстая добрая полинезийка, ассистентка Сингха.

Увидев вбежавшую в лабораторию Алису и услышав топот Пашки, она сказала:

— Дети, не разбейте микроскоп, он мне еще понадобится.

— Дороти, — сказала Алиса, подбегая к ней и ставя бутылку на стол, — что это такое?

— Это бутылка, — сказала Дороти.

— Что вы еще можете сказать?

— Это таинственная бутылка, ее выбросило на берег! — закричал Пашка.

— Странно, — сказала Дороти, разглядывая бутылку, — таких давным-давно никто не делает.

Дороти осторожно перевернула бутылку и посмотрела на ее донышко. На донышке были видны выпуклые буквы.

— Видите, — сказала она, — «Фирма Спанк и сыновья. Ливерпуль».

— А что это значит? — спросил Пашка.

— Сейчас узнаем.

Дороти включила информатор и набрала на нем код.

— Я вызываю Лондон, — сказала она. — Справочную Британского музея.

Через несколько секунд на дисплее побежали строчки — справочная откликнулась. Дороти набрала вопрос: когда в Ливерпуле существовал стекольный завод фирмы Спанк, который выпускал бутылки темно-зеленого стекла вместимостью в одну пинту?

Ответ пришел немедленно: фирма Спанк и сыновья обанкротилась в 1822 году. Бутылки в пинту и полпинты она выпускала начиная с 1756 года, однако требуется более точное описание бутылки, чтобы установить год ее изготовления.

— Вот так, — сказала Дороти, разглядывая бутылку.

— Я же говорила, что бутылка страшно старая, — сказала Алиса. — Ее болтало по волнам сотни лет.

— Я не согласна с вами, дети, — ответила Дороти.

Дороти убеждена, что все, кому меньше двадцати лет, — дети. У нее своих шестеро да еще двое приемных. Ждать от нее серьезного отношения к исследователю, которому недавно исполнилось двенадцать, невозможно. Приходится терпеть.

— Эта бутылка пробыла в воде не больше года, — сказала Дороти.

— Не может быть! — возмутился Пашка. — Вы посмотрите, как она обросла.

— Вот именно, она совсем не обросла, — ответила Дороти.

Она взяла пинцет и соскоблила водоросли с бока бутылки — водоросли уже подсохли и легко отстали от стекла.

— Даже меньше года, — сказала Дороти. — В наших краях морская растительность очень активна. Если бы бутылку бросили в воду двести лет назад, вы бы и не догадались, что это бутылка. Вы бы решили, что это кусок коралла.

— Значит, — сказала Алиса, — кому-то эта бутылка попалась на глаза и он решил: давай я подшучу над любителем романтики. Пускай он решит, что произошло кораблекрушение.

— Нет, — сказал Пашка. — Эта бутылка пролежала двести лет на берегу острова. В песке. А сегодня вылезла наружу.

— Не вижу у нее ножек, — заметила Алиса.

— Не спорьте, дети, — сказала Дороти. — Мы ее откроем и все узнаем.

Она достала из стола маленький молоточек и сбила темную массу сургуча. Под сургучом была пробка. Дороти подхватила ее пинцетом и вытащила.

— Вот и все, — сказала Дороти, запуская пинцет внутрь бутылки и извлекая оттуда свернутый в трубку листок бумаги.

Она развернула его на столе.

Листок был совсем белый, почти не пожелтел. На нем была только одна строчка:

«138 50′22″E, 12 15′54″N».

— И это все? — спросил Пашка. Он взял со стола бутылку и заглянул в нее, потом потряс. Ничего больше из бутылки не выпало.

— У меня есть рабочая гипотеза, — сказала Дороти. — Хоть мне и жаль разочаровывать мальчика Пашу. На острове Гуам работают гидрологи. Они изучают морские течения. Наверное, кто-то из гидрологов нашел старую бутылку и решил отправить ее в плавание. Надо будет им позвонить и сказать, что мы нашли их письмо.

— Но почему только координаты? — спросила Алиса.

— Я думаю, — ответила Дороти, — это та точка, в которой сбросили бутылку. Если хотите, загляните в кабинет профессора Сингха, там большая карта. По-моему, это отсюда недалеко.

— Хорошо, — согласился Пашка и забрал записку. Потом взял и бутылку. — Мы ее оставим себе на память, — сказал он.

— Разумеется, — ответила Дороти. — В нее можно налить кокосовое молоко.

Пашка первым побежал к двери. Дороти крикнула вслед:

— Постойте!

Почему-то вместо того чтобы остановиться, Пашка припустил со всех ног по дорожке. Алиса вернулась. Дороти достала из ящика стола коробку шоколадных конфет.

— Возьми, девочка, — сказала она. — И своего друга тоже угости.

Алиса поблагодарила и взяла конфеты. Она не любила шоколадных конфет, но не хотела огорчать добрую Дороти. Ведь конфеты привозили сюда из Австралии или из Индии специально для Дороти, которая их обожала.

Когда Алиса вышла из домика лаборатории, Пашка уже добежал до пирса.

— Пашка! — крикнула она. — Разве ты не пойдешь смотреть на карту?

Но Пашка только отмахнулся.

Алиса пошла за ним. «Романтика тебя погубит», — подумала она.

Когда Алиса поднялась на пирс, Пашка уже влез в батискат. Он положил на пульт записку из бутылки, а рядом с ней открытую книгу о путешествии фрегата «Рочестер».

— Ты чего убежал? — спросила Алиса, спрыгивая в батискат и кладя перед Пашкой две шоколадные конфеты.

— Смотри, — сказал Пашка таким голосом, словно он только что достиг в одиночку Северного полюса.

Указательным пальцем правой руки он прижимал строчку в

книге, указательным пальцем левой — записку, найденную в бутылке.

— Ты ничего не видишь?

— А что я должна увидеть?

— Тебе никогда не быть великим исследователем, — сказал Пашка. — Это же одинаковые координаты! До секунды!

Алиса сначала не поверила ему. Совпадение было слишком невероятным. Но через минуту она должна была признать, что Пашка прав.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Так не бывает.

— Так не бывает в обычной жизни, — сказал Пашка, — но, когда я берусь за дело, бывает и не такое.

— Во-первых, бутылку нашла я, — сказала Алиса.

— Ну и что? Если бы я не прочел книгу, эту записку ты бы выбросила.

Пашка кинул в рот одну за другой две шоколадные конфеты.

Потом спросил:

— Ты знаешь, что мы будем делать?

Алиса немного подумала и ответила:

— Наверное, мы завтра с утра поплывем в эту точку.

— Почему завтра с утра? Сегодня! Сейчас! Немедленно!

Глава 2

В ПОДВОДНОМ УЩЕЛЬЕ

Сразу уйти в море не удалось.

Путешествие займет весь день. Два часа туда, два часа обратно, и неизвестно, сколько уйдет на погружение.

Надо загрузить в батискат еду и пресную воду, проверить батареи и очиститель воздуха: погружение в море — не развлечение для детей. Пока Пашка с помощью робота проверял системы батиската, а потом раздобывал на складе скафандры для глубоководных работ, Алиса побывала в информатории, чтобы найти подробную карту морского дна того района, где они собирались искать болид, морского змея и разгадку тайны записки.

Судя по карте, глубины в тех местах были невелики — не больше пятисот метров. Правда, там проходила узкая расщели-

на. Больше ничего интересного — ни подводного вулкана, ни загадочной впадины...

Потом Алиса вызвала бюро прогнозов по Океании и получила прогноз погоды на сутки. Прогноз был хорошим.

Теперь — к Дороти.

— Дороти, миленькая, — сказала Алиса сладким голосом, заглядывая в лабораторию через окно.

Дороти откинула со лба прядь тяжелых черных волос.

— Что тебе, девочка?

— Мы пошли в море. Возвращение вечером.

— Не простудитесь, — сказала Дороти.

И снова склонилась над микроскопом.

Вся операция заняла полминуты. Если бы Алиса принялась просить разрешения или стала бы объяснять Дороти, что они с Пашкой хотят совершить погружение в таинственной точке, разумеется, Дороти бы никогда их не пустила и велела бы ждать возвращения профессора Сингха. Алиса же никогда не обманывала. Она сказала чистую правду. Но сказала точно так, как говорят экипажи батискатов, уходящие в океан на работу. Она не просила, а сообщила. Поставила в известность. А Дороти «приняла к сведению». Ей и в голову не пришло, что московские практиканты замышляют авантюру.

Через пятнадцать минут батискат отвалил от причала и осторожно направился по каналу к выходу в стене рифов. Ветер совсем стих, и вода в лагуне была гладкой как зеркало. Маяки на выходе из канала перемигнулись, фиксируя выход батиската, и Пашка, который вел кораблик, послал им сигнал: батискат номер семнадцать, экипаж два человека, выходит на ходовые испытания. Курс норд-ост-ост.

За рифами покачивало. Океан еще не успокоился после ночного шторма, его грудь мерно поднималась в сонном дыхании. Легкий батискат медленно и долго взбирался на вершину покатой волны, потом скользил вниз. Покачаться на волнах, конечно, приятно, но, когда у тебя дело, приходится отказать себе в удовольствии.

Пашка перевел батискат на полуполет. Два широких плавника выскочили из днища батиската, и он пошел дальше большими пологими прыжками, срезая вершины волн. Алиса откинула колпак, и теплый, упругий ветер приятно бил в лицо.

— У тебя есть версия, откуда взялась записка? — спросила Алиса.

Она понимала, что Пашка ни на секунду не поверил Дороти, будто записка в бутылке — шутка гидрологов.

Пашка ответил не сразу. Он поднял батискат чуть выше, чтобы не врезаться в большую волну, катившую навстречу.

— Я чувствую, — сказал он наконец, — что мы с тобой стоим на пороге великого приключения, может, самого большого в жизни. Но что это за приключение, я не знаю. Фантазии не хватает. Что нам с тобой известно? Точка в океане. Нам сообщили о ней капитан фрегата «Рочестер» и неизвестный, который кинул бутылку.

— Может, это случайность?

— Таких случайностей не бывает, — возразил Пашка.

— Погоди! — воскликнула Алиса. — У меня идея. А вдруг кто-то на острове уже читал эту книгу? Допустим, в прошлом году?

— Как читал?

— Пришел в библиотеку, увидел на полке старый том и прочел его. Потом подумал: дай-ка я возьму старую бутыль, напишу на записке координаты из книги и брошу ее у берега.

— Ну какой дурак мог это сделать?

— Ричи Гомеа, сын Дороти. Он очень веселый.

— Нет! — закричал Пашка. — Так быть не может! Ты отнимаешь у меня тайну! Мне надоела твоя трезвость, Алиса Селезнева! Я тебя в последний раз предупреждаю: если ты не станешь наконец романтиком, наши пути разойдутся.

— Не кричи, Пашка, — сказала Алиса. — Дай-ка мне эту записку.

Алиса еще раз поглядела на записку.

— Почерк взрослый, — сказала она. — Но если человек намерен сообщить что-то важное, зачем ему писать только координаты?

На этот вопрос Пашка отвечать не захотел. Они неслись по волнам больше часа, а потом Пашка снизил скорость, и батискат поплыл, покачиваясь, взбираясь на океанские валы и легко скользя с них. Над волнами носились летучие рыбки. Одна из них залетела в батискат, Алиса поймала ее на пульте и выбросила обратно в воду. Потом Алиса открыла термос с чаем и достала бутерброды. Они позавтракали.

В тот момент, когда Алиса поднесла ко рту последний кусок бутерброда, раздался звонок — пульт сигнализировал, что батискат вышел в расчетную точку.

Океан вокруг был точно таким же, как и полчаса назад, — пустынным, мирным и могучим. Высоко пролетел альбатрос, летучие рыбки блестками отсвечивали под солнцем.

— Ну что? — спросил Пашка. — Начнем погружение?

Алиса задраила прозрачный колпак. Пашка начал осторожно выпускать воздух из цистерн. Заборная вода поступала в них, и батискат постепенно становился все тяжелее. Он погружался. Зеленая волна хлестнула по колпаку, в последний раз сверкнул луч солнца, скользнул по приборам, и сразу стало темнее.

Сколько раз уже Алиса опускалась в глубины океана, но всегда у нее сжималось сердце от сладкого предчувствия. Только что батискат был для океана чужим — он лишь касался воды дном. Но стоило ему уйти вглубь, как он превратился в одного из обитателей бездны, словно стал громадной рыбой или китом. И океан, такой пустой и почти безжизненный на поверхности, внутри оказывался населенным всякой живностью, которой и дела не было до батиската и тех человечков, что в нем сидели.

Сначала вода вокруг была светлой, зеленой, лучи солнца пронизывали ее. Небольшая акула скользнула рядом с батискатом, равнодушно глянув на него. Можно было различить полосы на ее боках и даже блеск маленького злобного глаза. Потом совсем рядом — только протяни руку — проплыла большая медуза, чуть шевеля длинными, почти прозрачными щупальцами. Стайка рыб слаженно совершила поворот, словно это были не рыбы, а корабли, и пошла в глубину, обгоняя батискат.

Постепенно темнота за бортом сгущалась. Пашка не спешил с погружением — он проверял приборы. Потом выпустил оба манипулятора, и длинные членистые руки высунулись по бокам батиската, раскрыли и снова сжали металлические пальцы, страшно испугав акулу. Все системы батиската работали отлично.

Алиса взглянула на приборы. Температура воды понемногу падала — лучи солнца уже не прогревали ее. Вокруг царила вечерняя синь, и рыбы, проплывавшие рядом, казались черными тенями.

Пашка включил прожектора. Большой скат, попавший в луч, взмахнул крыльями и рванулся в сторону.

Батискат опускался по спирали.

Сто метров...

Сто двадцать метров...

Сто пятьдесят метров...

За бортом полная темнота. И рыбы, что встречаются там, сами имеют фонарики и огоньки. Они никогда не поднимаются к поверхности и привыкли жить под большим давлением.

Двести метров...

Двести тридцать метров...

Алиса включила отопление, в батискате стало холодно.

Триста метров...

Четыреста сорок...

— Вижу дно, — сказал Пашка.

Он направил луч прожектора вниз.

Дно было гладким, кое-где по нему были разбросаны крупные камни. В одном месте прожектор высветил бледную морскую звезду.

И больше ничего.

— Странно, — сказал Пашка.

— А ты думал, что здесь тебя ждут?

— Ничего я не думал. Давай искать. Может, потребуется осмотреть несколько километров дна.

Пашка набрал на пульте задание для батиската: разработать оптимальный маршрут, чтобы обследовать квадрат за квадратом весь участок дна. Человеческие глаза — далеко не лучший инструмент. Приборы скорее найдут то, что таится под слоем ила.

Подумав несколько секунд, батискат двинулся вперед. Он шел зигзагами, сам избирая маршрут. На дисплее этот маршрут накладывался на карту дна.

Так прошло минут двадцать. Ничего особенного за это время не случилось. Под батискатом тянулось серое почти ровное дно. Порой появлялись его обитатели: то проползет краб, то проплывет светящаяся большая креветка с глазами на длинных стебельках, то скользнет рыба, по боку которой тянется цепочка огоньков, отчего она становится похожей на пассажирский самолет.

— Гляди! — Пашка нажал на кнопку.

Батискат дернулся и замер. Под ним в слое глубоководного

ила протянулась широкая волнистая полоса, будто там проползла огромная змея.

Пашка сразу же перевел батискат на ручное управление и направил его по следу.

— Наверное, это морской змей, — сказал Пашка. — Кто еще мог оставить такой след?

Они проплыли по следу метров триста. И тут он внезапно оборвался.

— Еще одна загадка, — вздохнул Пашка.

— Похоже, — сказала Алиса, — что змей опустился на дно, прополз по нему, а потом снова поплыл.

— Допускаю, — согласился Пашка. Он не очень любил, когда кто-нибудь разгадывал загадку скорее его.

Алисе и Пашке казалось, что они уже весь день плывут в этой непроницаемой тьме, над ровным и скучным дном, где ничего интересного и быть не может. Металлоискатели батиската упрямо молчали, локаторы не показывали никаких крупных предметов. Тихо, монотонно, скучно. И с каждой минутой настроение портилось и все больше хотелось наверх, к солнцу, к зайчикам, играющим на волнах, к свежему ветру.

— Ничего здесь нет, — вдруг сказал Пашка.

— Предлагаешь подняться?

— Даже не знаю.

— Давай заглянем в расщелину, — предложила Алиса.

Она показала на почти прямую линию, что темнела на дисплее.

— Как хочешь, — ответил Пашка скучным голосом.

Он помолчал немного, потом добавил:

— Может, в самом деле гидрологи пошутили.

Трещина появилась под батискатом совсем неожиданно.

На карте она казалась узкой, но в действительности была шириной больше пятидесяти метров, и луч прожектора с трудом достигал ее дальнего края.

Стены расщелины почти вертикально уходили вниз. Приборы сообщили, что до дна двести метров.

Батискат завис над серединой расщелины и медленно начал опускаться.

— Смотри, температура воды здесь выше, — сказала Алиса.

— Всего на градус.

Лучи прожекторов отражались от базальтовых стен. Пронес-

лась, будто испуганная чем-то, стая крупных рыб, светя огоньками на концах усов.

Понемногу расщелина сужалась. Минут через двадцать батискат достиг дна. Здесь между стенами было не больше двадцати метров. Дно покрывал густой слой ила.

— Смотри, — сказал Пашка, — какая странная стена.

Стену пересекали тонкие полоски, словно их провели по линейке.

— Только не говори, что это следы неизвестной подводной цивилизации, — сказала Алиса.

— А это что? — Пашка направил луч прожектора на дно ущелья.

Там угадывалась гладкая каменная плита.

— Люк в подводное подземелье, где лежат сокровища, — улыбнулась Алиса.

— Не смейся, — сказал Пашка. — Мы обязаны это обследовать.

— Погоди, — сказала Алиса. — Давай проплывем еще дальше по трещине. Если ничего больше не увидим, тогда вернемся и поглядим на твой люк.

Плита, полоски... может, это ничего не значило, но Алиса почувствовала, как сердце забилось быстрее. А вдруг?..

Несколько громадных глыб, видно, сорвались в свое время сверху и перегородили ущелье. Из щели между глыбами вырвался пузырек газа и помчался вверх. За ним второй...

— Видишь? — воскликнул Пашка. — Выход газов.

Цепочка пузырьков вырвалась из-под скалы и потянулась кверху.

Батискат завис над тем местом, откуда вырывались пузыри.

— Может быть, здесь вулканическая активность? — спросила Алиса.

— Ты же сама проверяла — район сейсмически нейтральный, вулканической деятельности нет.

— Значит, здесь идет какой-то процесс с выделением метана или какого-нибудь другого газа. Это бывает, — сказала Алиса.

— Сейчас проверим, что за газ, — сказал Пашка.

Он дал команду манипулятору. Длинная рука выдвинулась из корпуса батиската. Два металлических пальца осторожно держали опрокинутую пробирку. Когда новая цепочка пузырьков вырвалась снизу, манипулятор ловко накрыл пробиркой один из них и быстро спрятался в корпус.

Алиса набрала запрос, и через минуту на дисплее появились цифры: состав газа.

— Кислород — 21 процент, — прочел Пашка, — углекислота — 1/10 процента, азот — 78 процентов — это же воздух!

— Почти такой, как наверху, — согласилась Алиса.

— И что это означает?

— Это означает, что там, внизу, — сказала Алиса, — есть полость, наполненная воздухом.

— Это невероятно! — заявил Пашка. — Я немедленно иду наружу.

— Зачем? — спросила Алиса. — Пускай манипулятор разберет завал и отыщет место утечки. Он это сделает куда лучше тебя.

— Лучше? — возмутился Пашка. — Ты больна болезнью двадцать первого века!

— Какой болезнью?

— Ты уверена, что машины все делают лучше, чем человек.

— Нет у меня такой болезни, — ответила Алиса. — Но машины для того и изобретены, чтобы делать некоторые вещи лучше человека. Быстрее и точнее.

— Но принимать решения все равно будет человек, — ответил Пашка. — В конце концов мне надоело сидеть в этой банке. Я тысячу лет не гулял по дну моря.

— Но здесь глубина почти полкилометра.

— Скафандр рассчитан на большее, ты же знаешь, — ответил Пашка. — А если тебе хочется посидеть в батискате, сиди. Отдохни, пока я буду заниматься исследованиями загадочного явления.

Пашка — великий провокатор. Об этом все в школе знают. Он может любого, даже самого спокойного человека вывести из себя, и тот, того не замечая, уже несется совершать необдуманные поступки и делать великие глупости, потому что Пашка его к этому подтолкнул. Неудивительно, что Алиса поднялась с места и сказала:

— Я пойду с тобой.

— Это неразумно, — сразу сменил политику Пашка. — Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли какая опасность может нам угрожать?

— Какая? В этих скафандрах нам ничего не страшно.

Пашка провел батискат немного вперед, отыскал ровную площадку на дне расщелины и опустил его туда. Облаком поднялся серый ил и долго не оседал. Даже когда акванавты натянули глубоководные скафандры и выбрались через двойной люк наружу, дно было покрыто туманом. Идти было трудно. Тяжелый столб воды сковывал движения. Впереди, словно толпа чудовищ, нависли каменные скалы.

— Как ты думаешь, — раздался в шлеме Алисы голос Пашки, — а вдруг это осколки того болида, который видел капитан «Рочестера»?

Алиса не ответила, но подумала, что надо будет захватить с собой образцы этих скал. Если это болид, то состав у него будет иной, чем у породы на дне.

Снизу, со дна, скалы казались выше. Темнота сгустилась, светили только шлемовые фонари скафандров, выхватывая из тьмы острые края скал.

— Где же эти пузыри? — услышала Алиса голос Пашки. — Куда они подевались?

Пашка протиснулся в узкий проход между скал.

— Вижу! — воскликнул он.

Его фигурка в блестящем скафандре исчезла. Алиса последовала за ним.

Но оказалось, что Пашка ошибся, это лишь маленькая глубоководная медуза сверкнула в луче фонаря.

— Ну где же, где же эти пузыри? — бормотал Пашка.

— Может, они кончились? — спросила Алиса.

Они остановились, стараясь сообразить, куда идти дальше.

Алиса взобралась на большой округлый камень, чтобы оглядеться. Перед ней торчали головы и спины скал, виднелись черные провалы между ними, а дальше — темнота.

Вдруг Алиса замерла. По ущелью медленно двигался огонек. Сначала Алисе показалось, что это какая-то глубоководная рыба с собственным фонарем, но огонек был куда ярче, чем положено иметь животному. К тому же он двигался, покачиваясь в такт шагам.

Алиса сказала:

— Паша, мы не одни.

Она сказала это так тихо, почти шепотом, что Пашка не сразу понял. Было страшно, что тот, кто идет, их услышит. Хотя

этот страх был глупым — ведь Пашка с Алисой переговаривались по радио.

— Что ты говоришь? — спросил Пашка, который где-то у ног Алисы пробирался по узкому проходу между скал.

— Тихо!

Пашка замер. По тону Алисы он сообразил, что произошло что-то особенное.

— Что там? — прошептал он.

— Он идет, — сказала Алиса. — Я его вижу.

— Кто?

— Не знаю.

— Тогда выключи фонарь, — приказал Пашка. — Я влезу к тебе!

Алиса послушно выключила фонарь. На нее сразу навалилась темнота. И лишь далеко впереди покачивался, медленно приближаясь, огонек.

К тому времени, когда Пашка оказался рядом с Алисой, огонек приблизился настолько, что стало ясно — это фонарь, укрепленный на шлеме человека.

— Кто это? — спросил Пашка.

Алиса не ответила. Она отодвинулась немного назад, чтобы спрятаться за выступом скалы.

— Может быть, нас ищут со станции? — спросил Пашка.

— Они бы услышали, как мы переговариваемся.

— А может, это другая экспедиция? Мало ли кто опускается на дно? Геологи, вулканологи, зоологи.

Неизвестный остановился метрах в двадцати от Пашки с Алисой и начал крутить головой, светя вокруг.

Он что-то искал.

Вдруг в свете его фонаря засверкали пузырьки воздуха. Неизвестный увидел их и подошел к тому месту, откуда они поднимались. Он опустился на корточки и начал разгребать ил. Облако ила просвечивало изнутри.

Алиса переключила шлемофон на внешний прием, и стали слышны звуки океана. Человек ударял чем-то по металлу, потом раздался удар погромче, и вдруг снизу вырвался фонтан пузырей.

Удары по металлу возобновились.

— Ты понимаешь? — прошептал Пашка, наклоняясь к шлему Алисы.

— Понимаю. И очень удивляюсь.

Любой бы удивился, увидев на дне неизвестного человека, который занимается ремонтом.

Не надо было быть гением, чтобы сообразить: здесь, под ущельем, расположена какая-то полость, наполненная воздухом. И в этой полости находятся люди.

Если бы это была научная база или лаборатория, Алиса с Пашкой узнали бы о ней еще на острове Яп, когда собирали материалы. Значит, здесь секретная база.

А это чепуха. К концу двадцать первого века на Земле уже не было не только тайных или секретных баз, но даже армий, бомб и пушек. Мысль о том, что можно убивать друг друга, чтобы отнять землю и города или навязать другим свой образ жизни, была людям двадцать первого века отвратительна. Самое главное правило: человек должен жить так, как он хочет, дружить с кем хочет, ходить и ездить куда хочет. Человек должен быть свободен. При одном условии: его свобода не должна наносить вреда другим людям. Вот этому научиться оказалось труднее всего. Но когда люди этому научились, оказалось, что число счастливых людей увеличилось в тысячу раз.

Конечно, не все люди через сто лет будут счастливыми. Такого не бывает. Останутся и обиды, и неразделенная любовь, и ссоры, и даже такие чувства, как зависть, ненависть и злоба. Не могут же все быть добрыми. Но если общество, в котором ты живешь, действует по правилам добра, то твоя злоба останется твоим личным делом. Твоя глупость — это твоя беда, твоя зависть — это твоя тревога. Мы станем терпимыми, и обязательным для всех будет чувство юмора. Улыбнитесь, будут говорить через сто лет врачи. Улыбнитесь, и вам станет легче. Такое лекарство поможет лучше любого аспирина.

— Надо его выследить, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Мы поднимемся наверх и сообщим о встрече на ферме. Пускай решают взрослые.

— Сингха нет. Дороти нам не поверит.

— Мы позвоним в Сидней.

— Постой, — возразил Пашка, — мы еще ничего не знаем. А вдруг это кладоискатель? Такой же, как я. Он тоже выловил бутылку и нашел подводную пещеру. А в ней сокровища атлантов.

Тем временем загадочный человек кончил трудиться, закрыл сумку, что висела на боку его скафандра, и, постояв немного, чтобы проверить, не поднимаются ли пузырьки, побрел прочь.

— За ним! — прошептал Пашка, и не успела Алиса ответить, как он уже соскользнул со скалы.

Алиса съехала вниз за ним и поняла, что не знает, куда идти. Ил поднялся со дна, застилая расплывчатое пятно удаляющегося фонаря.

Ничего не видно. Ровным счетом ничего. Только в ушах неразборчивое ворчание Пашки, который наткнулся на скалу и не может выбраться на открытое место.

Конечно, надо было включить фонари, но тогда тот человек их наверняка увидит.

— В какую сторону идти, понимаешь? — спросил Пашка.

— Дай руку.

Алиса двинулась вперед, и через два шага пальцы ее перчаток натолкнулись на гладкую грудь Пашкиного скафандра. Оказывается, Пашка шел ей навстречу.

Алиса развернула Пашку.

— Видишь? — Алиса показала на пятно света впереди.

— Вижу.

И в этот момент свет погас.

— Наверное, он куда-то свернул, — сказал Пашка. — Скорее.

— Или спустился вниз. Может быть, там у него люк.

Преодолевая сопротивление воды, они поспешили вперед по ущелью и лишь тут поняли, что свет исчез не потому, что неизвестный человек скрылся, — его перекрыло громадное черное тело.

Алиса успела включить шлемовый фонарь — на нее надвигался сгусток тьмы, который издавал низкий, утробный, почти неслышный звук.

Включить-то свет Алиса успела, но бежать было поздно: черная туша навалилась на нее, черная сверкающая кожа отразила свет фонаря, сверкнул яркий черный глаз... невероятная тяжесть подмяла Алису, закрутила, прижала к камням.

Алиса услышала, как вскрикнул Пашка.

К счастью, скафандр рассчитан на большое давление, его не повредить даже кашалоту. Но разве об этом думаешь, когда в

полной темноте на тебя наваливается абсолютно черный слон, а может, кто-то в десять раз тяжелее слона?

Давление ослабло — чудовище проплыло или проползло дальше.

Алиса хотела было подняться, но сделать это было трудно, потому что удар, поваливший ее, был таким сильным и неожиданным, что у нее перехватило дыхание...

Она повернула голову, стараясь нащупать лучом фонаря Пашку, и увидела, что он неподвижно лежит в облаке ила. Но помочь Пашке Алиса не смогла: чудовище возвращалось. Его пасть, усеянная длинными острыми зубами, потянулась к Алисе.

Алиса подняла руку, защищаясь. Она со страхом подумала: неизвестно, выдержит ли скафандр удар таких острых зубов? И в тот момент, когда Алиса поняла, что спасения нет, она услышала громкий свист. При этом звуке чудовище замерло, подняло голову... Затем отступило.

И Алиса потеряла сознание.

Алисе еще не приходилось терять сознания. А тут потеряла, да еще от страха. Поэтому Алиса никогда никому в этом не признается.

Она была без сознания совсем недолго, может быть, минуту. Но за это время Пашка, который ничего не видел, потому что лежал, зарывшись шлемом в ил, смог подняться, включить фонарь и отыскать Алису. Увидев, что ее глаза закрыты, он перепугался и принялся ее звать. От звука Пашкиного голоса она очнулась. Голова кружилась.

— Ничего, — сказала она слабым голосом, — ничего страшного.

В носу свербило, но, когда на тебе скафандр, невозможно почесать переносицу... Алиса громко чихнула, и Пашку это успокоило.

Он осмелел и был полон энергии.

— Ты видела? — воскликнул он. — Это был морской змей! Понимаешь, тот самый морской змей, которого видел капитан «Рочестера»! Мы с тобой сделали великое открытие. Скорее вставай, мы должны найти его логово.

— Пашка, — Алиса села, но встать не смогла — ноги не держали, — ты, кажется, забыл, что тут был человек.

— При чем тут человек! — завопил Пашка, но тут же спохватился и замолчал. Молчал он недолго. Ровно столько, чтобы

Алиса смогла подняться на ноги. — Пошли скорей! — наконец сообразил Пашка. — Разве ты не понимаешь, что теперь морской змей погнался за тем человеком. Он его догонит и сожрет!

— Нет, — сказала Алиса.

— Почему нет?

— Потому что тот человек умеет командовать морским змеем.

— А ты откуда знаешь?

— Я слышала, как он приказал змею оставить нас.

— А почему я не слышал?

— Не знаю.

— Тебе не показалось?

— Нет, я слышала свист.

— Значит, это он отправил бутылку, — заявил Пашка. — Он живет здесь в плену у морского змея... Мы должны его спасти.

— Пашенька, — сказала Алиса устало, — не сходи с ума. Лучше сначала подумай.

— Может, я и погорячился, — сказал Пашка. — Но главное — мы обязаны его найти. Если устала, возвращайся в батискат. И жди меня.

— Давай оба вернемся в батискат.

— И потеряем драгоценное время?

И Пашка пошел по ущелью вслед за морским змеем. Алисе стало ясно, что Пашку не остановить. Пришлось идти следом.

Голова у нее разболелась, ноги были как ватные. Ей казалось, что они идут уже три часа, хотя в самом деле прошло минут десять. Ущелье тянулось прямо, впереди никого не было — ни змея, ни человека.

— Паш, — сказала наконец Алиса, когда поняла, что сил больше нет, — давай вернемся.

— Сейчас.

Пашка остановился. Алиса подумала, что он согласен вернуться к батискату, но вместо этого Пашка присел на корточки и торжествующе произнес:

— Попались, голубчики!

Алиса подошла поближе.

Пашка склонился над крышкой люка. Люк был круглым, каменным. Ила на нем не было — значит, его недавно открывали.

Пашка вытащил нож и постарался всунуть его в щель. Это

было неразумно, но у Алисы не было сил спорить. Пашка надавил на нож, и его стальное лезвие благополучно обломилось.

В отчаянии Пашка начал стучать о крышку люка кулаком. Но камень гасил звук. С таким же успехом можно было стучать по скале.

— Я придумал, — сказал Пашка. — Мы пригоним сюда батискат и взломаем люк манипуляторами.

— Погоди, — возразила Алиса. — Мы не знаем, кто там таится. И они нас в гости не звали. Тебе бы понравилось, если бы кто-нибудь у тебя взломал дверь?

— Не понравилось, — согласился Пашка. — А что ты предлагаешь?

— Вернуться наверх.

— Я вернусь на остров, и мое великое открытие сделают другие. Лучше уж я попаду в плен, а ты будешь меня спасать.

Конечно, Пашка шутил, но ясно было, что вытащить его из ущелья можно только подъемным краном.

Луч фонаря упал на небольшой камешек. Пашка со злостью пнул его ногой, камешек не шевельнулся. Пашка рассердился и еще раз ударил по нему. И вдруг камешек отъехал в сторону, а люк, как бы подчиняясь движению камешка, медленно откинулся.

— Видишь, а ты говорила, что мне не открыть, — сказал Пашка.

— Ты ногу не ушиб?

— Потерплю. Давай спустимся, поглядим — и сразу обратно. Не отказываться же от такого приключения.

И, чтобы не слышать Алисиных возражений, Пашка быстро ступил в отверстие, и через несколько секунд его голова скрылась внутри.

— Стой наверху, — услышала Алиса голос друга. — И подстраховывай меня.

Но Алиса не послушалась. Оставлять Пашку одного ей не хотелось, да и стоять одной в черном ущелье, где плавают морские змеи, не очень приятно.

Алиса заглянула в шахту, далеко внизу вода светилась от Пашкиного фонаря.

— Пашка, ты что делаешь? — спросила она.

— Опускаюсь, — сказал Пашка. И через секунду добавил: — Опустился.

Тогда Алиса последовала за ним. Вот и дно колодца... Совсем близко закругляется каменная стена...

Она посветила фонарем вверх и вдруг увидела, что крышка люка медленно закрывается.

— Пашка, смотри!

— Ничего, — ответил Пашка храбрым голосом. — Выпутаемся. Главное — идти вперед.

Идти было некуда. Они были заперты, как жуки в узкой высокой банке.

У ног в стене колодца открылось забранное решеткой отверстие, и вода, урча, хлынула туда.

— Это переходник, — сказал Пашка спокойно. — Сейчас вода уйдет, и мы выйдем.

— Куда? — спросила Алиса.

Как только вода ушла из колодца, в его стене со скрипом отворилась железная дверь. За ней было светло.

Там стоял старый человек в скафандре, но без шлема. Лицо его было бледным и усталым.

— Выходите, дети, — сказал он по-русски.

Глава 3

ПЛЕННИКИ АТЛАНТОВ

Алиса с Пашкой оказались в обширном зале с низким каменным потолком.

Под потолком тянулся ряд позеленевших бронзовых светильников. Некоторые горели, некоторые погасли, и оттого часть пещеры была погружена в полумрак.

Старик подошел к стене возле двери в колодец, повернул медный рычаг, и дверь медленно, со скрипом, закрылась.

Что-то в старике удивляло. Но что?

Во-первых, скафандр. Он был непрозрачный, темно-синий, с золотым поясом и золотыми манжетами, на плечах — небольшие крылышки, тоже из золота, одно, правда, обломано. Потом Алиса разглядела и шлем старика, который лежал на широкой каменной тумбе у стены пещеры. Шлем был украшен продольным золотым гребнем, словно шлем древнегреческого воина.

А лицо старика? Странное лицо. Очень бледное, почти голубое, без морщин, с глубоко запавшими темными глазами. Длин-

ные седые волосы были собраны в пучок на затылке. Бороды не было, но жидкие усы, свисающие от углов рта, придавали лицу грустное выражение, какое бывает у голодной собаки.

Старик сказал:

— Можно снять шлемы.

Ребята отстегнули крепления и откинули шлемы на спину.

Потом старик спросил:

— Следили?

— За кем? — Пашка сделал большие глаза.

— Следили, следили, — проворчал старик. — Ходят тут, следят, подглядывают...

— Мы сначала не следили, — сказала Алиса. — Но потом на нас напал морской змей.

— Какой морской змей? — Старик глядел на них рассеянно, будто думал о другом.

— Морской змей! — сказал Пашка. — Редчайшее животное. Мы уже сто лет его ищем.

— Змей? Эмпедоклюс, что ли? — спросил старик. — Он играл. Молодой еще.

— Он у вас прирученный? — догадался Пашка. — И откликается на имя? А мы испугались, что он на вас напал.

— Значит, вы увидали, побежали, в колодец полезли — меня спасали?

Старик поморгал и глубоко вздохнул.

Какое-то шуршание послышалось неподалеку.

Алиса обернулась — в полутьме, в дальнем конце зала, мелькнула розовая фигура.

Старик тоже обернулся. И сразу сжался, понурился.

— Пошли, — сказал он, — пошли, чего уж там! Я вас не знаю, вы меня не знаете, залезли куда не просили, теперь плохо будет.

И он, волоча ноги, побрел к низкой металлической двери. Дверь была обита золотыми полосками. Старик повернул массивную изогнутую ручку.

Пашка толкнул Алису.

— Сто против одного, — шепнул он, — это самая настоящая Атлантида!

Старик отворил дверь, и они увидели уходящий наклонно вниз узкий коридор. Видно, старик услышал слова Пашки, потому что, не оборачиваясь, проворчал:

— Атлантида! Мы уж забыли, а они ищут. Была Атлантида, да потонула...

Под потолком тянулась цепочка светильников. Теперь Алиса смогла их разглядеть. Каждый светильник представлял собой разинутую пасть змеи, в которую, подобно белому яйцу, была вставлена лампа. Лампы были электрическими, некоторые разбиты или перегорели. Стены коридора выложены камнем, но тщательно обтесанным.

Вдруг Пашка, который шел спереди, ахнул и отшатнулся.

Он больно ударил Алису откинутым на спину шлемом.

— Ты что? — спросила Алиса и тут же увидела, что его испугало.

В неглубокой нише стояла позолоченная человеческая фигура с шестью руками. Страшные тонкие губы были растянуты в улыбке, на шее висело ожерелье из белых черепов.

— Не бойтесь, дети, — раздался голос старика. — Это бог невредный. Только пугает.

— Ну и боги у вас, — проворчал Пашка, который не любил, чтобы кто-то замечал его слабости.

Старик не ответил.

Коридор расширился. Вдоль стен потянулись длинные низкие скамьи со спинками в виде переплетенных змей. Скамьи были каменными, змеи — бронзовыми.

«Что же меня так настораживает?» — думала Алиса.

И поняла: пустота и тишина.

Они шли уже несколько минут, но никого не встретили, ни с кем старик не разговаривал, словно он один жил в этом подводном царстве. Как капитан Немо в «Наутилусе».

Старик открыл еще одну дверь и сказал:

— Здесь будете сидеть. Ждите, пока Госпожа скажет, что с вами делать.

— Какая госпожа? — спросила Алиса.

— Мы люди маленькие, — ответил старик, глядя куда-то мимо Алисы в стену. — Ходим, чиним. Все течет, все капает, все прохудилось. Все кричат: «Где Гермес? Почему капает?» А я вам скажу, — старик перешел на громкий шепот, — потому капает, что сверху вода.

С этими словами старик вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Алиса обернулась и поняла, что изнутри в двери нет ручки.

— Подождите! — крикнула она, бросаясь к двери.

Алиса несколько раз ударила кулаком в дверь.

— Не суетись, Алиса, — сказал Пашка. — Ты мешаешь мне думать.

Алиса обернулась.

Ее друг стоял у длинного низкого стола и разглядывал предметы, лежавшие на нем. Там было множество вещей, сваленных без всякой системы. Банки из-под пива, кучка ржавых гвоздей, карманные старинные часы, обросшие кораллами, кусок доски с надписью «SANTA MARIA», человеческий череп, сабля с обломанным клином, почти целая фарфоровая тарелка, мятая канистра, медный чайник с отломанным носиком, скелет рыбы...

Пашка извлек из-под расколотого блюда несколько потемневших серебряных монет.

— Талеры, — сказал он. — Им лет пятьсот.

Он стал разглядывать, что написано на талере.

— Как ты думаешь, — спросила Алиса, — куда мы попали? Может, это в самом деле... подводные археологи?

— Археологи? — Пашка фыркнул. Алисины слова рассмешили его. — И сколько же лет они вырубали в базальте свою базу, забыв сообщить об этом в видеогазеты? Неужели тебе все еще не понятно?

— Сейчас ты опять скажешь: Атлантида!

— Этот старик — последний атлант. А пещеры — осколки некогда великой и могучей империи.

— Но ведь Атлантида была в Атлантическом океане, а это Тихий.

— Удивительный народ — скептики, — ответил снисходительно Пашка. — Ты что, веришь старику Платону, который записал туманные слова египетских жрецов? А откуда знали про Атлантиду египетские жрецы? От моряков. А куда плавали египетские моряки? В Индию и Китай. Ну и, конечно, в настоящую Атлантиду, которая была расположена на островах.

— А как ты объяснишь, что он разговаривал с нами по-русски?

— Зачем объяснять? — нашелся Пашка. — Скажи, на каком языке разговаривали между собой атланты?

— Не знаю, — растерялась Алиса.

— А я вот читал в старом журнале, что русский язык в античном мире был очень распространен. Кто были этруски?

— Они жили в Италии еще до римлян.

— Вот именно. Этруски — это таинственный народ, язык которого до конца так и не удалось разгадать, даже с помощью самых современных компьютеров. Но кое-что известно. Этруски приплыли в Италию из-за моря в древние времена и построили там много городов, даже Рим. Но потом римляне их победили. И этруски куда-то делись. Один очень образованный человек, кандидат химических наук, еще сто лет назад написал статью, что этруски — это предки русских. Слышишь: эт-руски! И говорили они по-русски. Разве исключено, что они спаслись из Атлантиды, когда она утонула? И тогда все становится на свои места: атланты — это этруски, этруски — это русские, и мы с тобой по-своему атланты.

— Трудно поверить, — сказала Алиса.

— К сожалению, даже сто лет назад тому открывателю никто не поверил. И знаешь почему?

— Почему?

— Из зависти. Каждому хочется сделать великое открытие. А если не удалось, он начинает завидовать тому, кто сделал.

— Мне трудно с тобой согласиться, Пашка, — сказала Алиса. — Даже если это атланты да к тому же этруски, неужели они столько тысяч лет говорят на современном русском языке? А мне даже стихи Ломоносова трудно читать — так язык изменился.

— Ничего удивительного, — упорствовал Пашка. — Они следили за событиями. Выныривали и подслушивали.

Алиса поняла, что Пашку не переспоришь. Она отстегнула шлем и положила его на круглый табурет. Сиденье табурета было выточено из черного дерева, а ножки — из розового коралла.

Пашка с увлечением разбирал старые монеты. Но Алисе было тревожно. Зачем надо было их запирать? Куда исчез этот старик? Странный атлант — говорит по-русски, живет под водой, дрессирует морского змея... Алиса стояла возле стола с трофеями и разглядывала вещи, надеясь отыскать какой-нибудь ключик к этой тайне. И вдруг она увидела бутылку. Пузатую зеленую бутылку.

— Пашка! — сказала она. — Что ты на это скажешь? — Она подняла бутылку и показала ему.

— Точно! — воскликнул Пашка. — Как бы сказал Шерлок Холмс: это последняя точка в цепочке тайн. Преступник найден! Этот старик вызывал нас на помощь! Это он кинул бутылку с запиской. Все ясно!

— Ничего не ясно, — сказала Алиса. — Если кинул, почему не обрадовался, когда мы пришли?

— А что, если кинул не он? — Глаза Пашки загорелись. — А что, если здесь есть тюрьма? И он держит в ней тех, кто потонул после кораблекрушения? Алиса, слушай, когда он придет, о записке ни слова! Мы объединимся с его жертвами и поднимем восстание.

Алиса только вздохнула. Пашка — хороший человек, умеет так увлечься собственной идеей, что начинает верить: это не глупая идея, а единственная и окончательная правда.

Она почувствовала, что устала. Ведь с раннего утра на ногах, подумать только, сколько всего вместилось в этот день — от находки бутылки до подводного плена. А день еще только перевалил за половину.

Пашка закончил изучение монет и занялся детективной работой. Алиса сидела устало на скамейке и смотрела, как он тщательно простукивает стены и пол.

— Камень, — говорил он деловито и делал шаг дальше. — Камень, — повторял он.

Алисе было холодно. И душно. Такое неприятное сочетание — извечный каменный холод и духота. Снять скафандр? Станет еще холоднее. «Глупая, — сказала она сама себе, — ведь в скафандре должно быть отопление!» Алиса отыскала кнопку обогрева.

— Перегородка! — торжественно объявил Пашка. — Я же говорил!

В той стороне комнаты, где он выстукивал стену, было полутемно. Поэтому Алиса и не заметила небольшую дверь, покрашенную под камень.

Внезапно дверь медленно отворилась.

Пашка от неожиданности отпрыгнул.

В дверях стояла странная фигура. Это была очень толстая, невысокого роста женщина с длинными, до пояса, черными спутанными волосами.

На голове у нее сверкал золотой обруч, в который спереди был вставлен большой красный камень. Женщина была одета в

зеленое, до земли, платье, расшитое золотыми рыбками и змеями. На груди в несколько рядов висели ожерелья из драгоценных камней и маленьких раковин.

Алиса не сразу разглядела ее лицо, потому что оно было скрыто волосами. На нее в упор глядели маленькие черные пронзительные глаза, близко посаженные к крючковатому острому носу. Губы были тонкие, голубые.

— Это вас Гермес поймал? — спросила женщина пронзительным голосом.

«Ага, — подумала Алиса, — значит, старик здесь не один. Атлантида населена. И все знают русский язык».

— Здравствуйте, — сказал Пашка. — Скажите, почему нас заперли?

— Потому что к нам нельзя! Это нарушение закона.

— Нам ваши законы неизвестны, — сказал Пашка. — А по нашим — людей запирать нельзя.

— А разве мы вас звали?

— Звали, — сказал Пашка.

— Я не звала. Значит, никто не звал.

— А кто вы такая, что за всех отвечаете?

— Я — наследница Афродита. Скоро Госпожа Гера умрет, и я буду править Атлантидой. Я вам нравлюсь?

— Не очень, — честно признался Пашка.

— Тогда вас придется казнить. Я здесь единственный ребенок. Больше нам детей не нужно. Тем более таких грубых.

— Я с вами не согласна, — сказала Алиса. — Я думаю, что нас лучше отпустить, и вы останетесь одна.

Наследница Афродита задумалась. Она грызла ноготь и сопела.

Наконец она додумалась.

— Нет, — сказала она. — Если вы обещаете, что не будете драться со мной за трон, я вас оставлю здесь. Мне совсем не с кем играть. А у меня есть тысячи кукол. Мне папа дарит.

— Я не играю в куклы, — сказала Алиса.

— Значит, ты хочешь отнять мой трон?

И тут наследница уселась на пол и начала громко рыдать.

В дверь вбежал лысый толстяк в красной тоге. В руке у него был кинжал с хищно загнутым лезвием.

— Убийцы! — закричал он. — Не смейте обижать ребенка!

Он погрозил Пашке кинжалом, но тут же забыл о нем, ки-

нулся к наследнице, присел рядом с ней на каменную скамью и принялся ее утешать.

Алиса не поняла, что он говорит, но по тому, как лысый толстяк гладил длинные спутанные волосы наследницы, было ясно, что он ее очень любит и расстраивается из-за ее несчастий.

Афродита, всхлипывая, опустила голову на грудь толстяку.

Пашка с Алисой молча смотрели на эту сцену, не решаясь что-нибудь сказать.

Через несколько минут наследница стала всхлипывать все тише и тише, а потом вдруг захрапела. Да так громко, что Пашка не выдержал и прыснул от смеха.

Толстяк зашипел на него как змея. Пашка осекся. Толстяк поднатужился, подхватил наследницу под коленки, обнял другой рукой за плечи, поднял и, покачиваясь от натуги, унес из комнаты.

— Пашка, — сказала Алиса уверенно, — мне тут не нравится.

— А мне, — ответил упрямо Пашка, — даже очень нравится. Таких приключений у меня давно не было.

— Боюсь, — сказала Алиса, — что они только начинаются.

В этот момент большая дверь медленно отворилась, и вошел старик, который взял их в плен.

— Скучали? — спросил он.

Старик говорил ровным голосом, будто ему все равно, скучали они или нет, хотят сидеть в каменном мешке или не хотят. Надо говорить — он говорит. А может и не говорить.

— Мы не скучали! — ответил Пашка. — У нас были гости.

— Кто? — спросил старик.

Его голова медленно поворачивалась, будто ему легче было поворачивать всю голову, чем двигать глазами. Наконец он заметил открытую дверь в глубине комнаты.

— А я забыл, — сказал он, — что тут есть вторая дверь. Госпожа Гера будет сердиться. Как же ты, Гермес, скажет она, забыл, что там есть вторая дверь? Вот мне и конец придет. Вы ведь сбежать могли.

Алиса и Пашка заметили, что старик переоделся в длинную, до земли, темно-зеленую тогу. На ней была вышита серебряная змея, которая несколько раз обвивала старика, а ее разинутая пасть оказалась у него под подбородком. Казалось, еще секунда — и змея цапнет Гермеса за нос. Рукав тоги был разорван и кое-как сшит серыми нитками.

Старик пересек комнату, заглянул в маленькую дверь. Там было тихо.

— Эй! — крикнул он в темноту. — На совет, на совет! Госпожа сердится.

— Жалко, что у нас нет оружия, — сказал Пашка. — Не представляю себе, как буду тебя защищать.

Старик обернулся к ним и долго смотрел, словно не узнавал.

— Вы что здесь делаете? — спросил он наконец. — Здесь чужим нельзя.

— Мы сразу уйдем, — сказала Алиса. — Только покажите нам дорогу.

— А! — вспомнил старик. — Вы за Эмпедоклюсом гонялись. Теперь вас судить будем. Наверное, засудим, правда?

— Учтите, — строго сказал Пашка, — нас будут искать. И когда найдут, преступников настигнет заслуженная кара.

Алиса поняла, что Пашка вспомнил какой-то приключенческий роман.

— Настигнет — постигнет, — ответил старик. — А сверху все течет. Скоро протечет совсем, вот нам и крышка. Пошли, что ли?

Глава 4

СМЕРТЬ ПРИШЕЛЬЦАМ!

Старик вел их по скудно освещенным лестницам и коридорам. Алиса старалась запомнить все повороты, но это было невозможно: под океаном обнаружился целый подземный город... И тут Алиса ахнула от удивления.

За небольшой дверью открылся зал, второго такого на Земле не отыскать. «Наверное, — подумала Алиса, — рабы атлантов трудились сотни лет, чтобы его создать».

Зал был слабо освещен, и поэтому сначала казалось, что ты вошел в бесконечный лес. Прямыми рядами стояли колонны стволов, каждая больше метра в диаметре, вершины их исчезали в полутьме, и представлялось, что там, наверху, клубится густая листва.

Когда глаза привыкли к полутьме, стало понятно, что это не

деревья, а каменные столбы. Каменотесы тщательно вырезали каждую полоску коры, каждый сучок. Потолок в самом деле состоял из ветвей и листьев, но и они были вырезаны из камня. Этих гигантских каменных деревьев было столько, что границы зала скрывались в бесконечности. Когда-то деревья были раскрашены. Кора их была коричневой и золотой, листья зелеными. Но краска сохранилась лишь в отдельных местах, а там, где она облезла, был виден серый камень.

Пол в этом зале был гладким, сложенным из зеленых керамических плиток. На плитках были нарисованы цветы и бабочки, жуки и пчелы... Да так тонко, что страшно было на них наступить.

Алиса с Пашкой замерли на пороге зала. Старик же прошел вперед. Через несколько шагов, сообразив, что шаги пленников не слышны, он обернулся.

— Вы чего оробели? — спросил он. — Леса не видели?

— Кто это сделал? — спросил Пашка.

— Атланты, — ответил старик. — Старались, убивались, а зачем? Сик транзит глория мундис, что означает: «Так проходит земная слава».

Каждый шаг гулко раздавался в каменном лесу, и от этих звуков лес казался еще необозримее.

Зал заканчивался аркой, которая опиралась на колонны из белого коралла, обвитые зелеными нефритовыми змеями.

При приближении людей двери в арке медленно раскрылись, и Алисе почудилось, что сейчас она увидит стражей в латах с кривыми мечами, как в сказках Шахерезады. Но стражей не было: за дверями оказался еще один зал. В нем стояло множество скульптур. Некоторые из них были знакомы по учебнику античной истории.

Пашка задержался, любуясь мраморной статуей воина, поднявшего меч. Мрамор был белым, теплым, почти живым.

Следующая дверь оказалась пастью злобной драконьей рожи. Словно громадный красный язык, эту пасть перекрывал алый занавес.

Старик остановился перед ним в растерянности. Потом поглядел на Алису и сказал:

— Закрыто.

— Открыто! — послышался резкий, высокий голос изнутри.

— А вроде бы закрыто, — все еще сомневался Гермес.

Но все же откинул занавес. Алисе показалось, что чудовище облизнулось алым языком.

Алиса ожидала увидеть еще один огромный зал, но вместо этого они оказались в довольно небольшом, но высоком помещении. Всю заднюю стену занимала золотая кобра. Змея свернулась кольцами и высоко, к самому потолку, подняла раздутую шею, которая кончалась маленькой злобной головой и разинутым ртом. Изо рта высовывался усыпанный жемчужинами раздвоенный язык. Кольца змеи образовывали как бы сиденье трона, а шея и голова — спинку.

На троне восседала худая старая женщина с жемчужной диадемой в седых волосах. Она была одета в розовое платье, расшитое серебряными звездами. Лицо ее было голубым, глубоко запавшие глаза — черными. Женщина сидела неподвижно и сама казалась статуей.

По обе стороны трона тянулись низкие скамьи, на которых лежали плоские подушки. Справа от розовой женщины, которая, как поняла Алиса, и была Госпожой Атлантиды, на скамье сидел еще один старик. В отличие от нее и Гермеса, который привел пленников, он был одет скромно, даже бедно. На нем была серая мятая тога и серый высокий колпак. Ни одного украшения, если не считать медного браслета на правой руке.

Старик Гермес, введя пленников, спросил у Госпожи:

— Мне что, уйти или садиться?

— Глупый, — сказала женщина, — ты член Совета. Опять забыл?

— Он скоро забудет, как его зовут. — Человек в сером улыбнулся одними губами, глаза остались печальными.

Старик послушно поднялся на несколько ступеней и уселся на скамью по левую руку от Госпожи. И сразу задремал.

— Кто вы? — спросила женщина в розовом. — Зачем вы пришли сюда?

— Я — Алиса Селезнева, — ответила Алиса. — А это мой друг Павел Гераскин. Мы проходим биологическую практику на острове Яп, на океанской ферме.

— На ферме? — Госпожа подняла тонкие брови. Видно, ей было незнакомо это слово.

— Это такое хозяйство, — пояснила Алиса. — Там разводят морских животных, пасут кашалотов и дельфинов...

— Сколько лет тебе? — спросила Госпожа.

— Двенадцать, — ответила Алиса.

— А твоему другу?

— Мне тоже двенадцать, — сказал Пашка. — Только я не понимаю, что происходит? Мы ничего плохого не хотели, а нас заставили сюда прийти, как будто мы пленники.

— Вы пленники, — сказала Госпожа. — Таков закон Атлантиды. Никто, попавший сюда, не уходит живым.

— Но мы не знали вашего закона, — сказала Алиса.

— Незнание закона не освобождает от его выполнения, — сказала Госпожа.

— Какие-то средневековые порядки! — возмутился Пашка. — Спускаешься под воду с исследовательской миссией, тебя хватают и еще грозят. Вы должны радоваться, что мы вас нашли.

— Интересно, — сказал мужчина в сером, — почему мы должны радоваться тому, что вы забрались туда, куда вас не звали?

— Мы же не нарочно! — воскликнул Пашка. Он уже забыл, почему опустился в подводное ущелье, и чувствовал себя невинной жертвой.

— Глупые детишки! — вдруг проснулся старик Гермес. — Лезут, не спросясь, не знают куда. Я пойду, Госпожа Гера? А то опять течет.

Он показал костлявым пальцем на потолок, и все послушно подняли головы. На потолке, когда-то побеленном и раскрашенном желтыми узорами, расплылось большое влажное пятно.

— Помолчи, — поморщилась Госпожа Гера. — Сначала Совет, сначала приговор, а потом иди куда хочешь. Я предлагаю: за нарушение закона пришельцев убить.

— Как убить? — удивился Пашка.

— Мне лично вас жалко, — сказала Госпожа, — но я подчиняюсь закону. — Она обернулась к серому человеку: — Что ты скажешь, Посейдон?

— Я уважаю закон, — сказал серый человек. — Но он ничего не говорит о казни детей.

— Не все ли равно, сколько лет человеку? — возразила Госпожа. — Закон ничего не говорит, потому что он относится ко всем.

— Я полагаю, — сказал Посейдон, — что самым разумным

будет оставить пленников здесь. Нам нужны рабочие руки. Им все равно не убежать.

— Через час нас начнут искать! — выкрикнул Пашка. — И тут же локаторы найдут наш батискат. И еще через два часа вас будут судить уже по нашим законам.

«Какой дурак!» — подумала Алиса. Но было поздно.

— Мальчик прав, — сказала Госпожа Атлантиды. — Мы забыли о их подводном корабле. Посейдон, прошу тебя, перегони их корабль в наш ангар.

— Вы не знаете, как им управлять! — испугался Пашка. — Вы его сломаете.

— Я видел на моем веку много подводных кораблей, — улыбнулся одними губами Посейдон. Он поднялся и обратился к Госпоже: — Прошу мое мнение учесть при решении Совета.

— Твое мнение будет учтено, — ответила Госпожа.

— Стойте! — Пашка хотел было броситься следом за Посейдоном, но Госпожа так властно сказала: «Ни с места!», что Пашка остановился.

— А ты, Гермес, — улыбнулась Госпожа, глядя на Гермеса, который клевал носом, стараясь удержаться от дремоты, — ты понимаешь, что закон нарушать нельзя?

— Закон для всех один, — ответил Гермес. — Закон я знаю.

— И ты согласен со мной?

— Я всегда согласен, — ответил старик. — Мне идти пора, вода капает.

— Тогда скажи: «Пришельцы приговариваются к смерти».

— А? — Старик бессмысленно смотрел на Госпожу, и у Алисы возникло желание закричать: «Не слушайте ее!»

Затем мутный взор старика переполз на Алису и Пашку.

— Кто такие? — спросил он. — Я не помню.

— Скажи: смерть!

— Это... — Старик долго жевал губами. Потом светлая мысль посетила его. — Дай их мне, — сказал он. — Будем чинить. Сил не хватает, никто мне не помогает. Я их научу. Пускай помогают, а?

— Ты ничего не понял, старый дурак! — рассердилась Госпожа.

— Куда мне понять...

Алый занавес отлетел в сторону, и в комнату ворвались толстяк и наследница Афродита.

— Почему без нас заседаете? — закричал толстяк с порога. — Опять заговор?

— Мы вас звали, — устало ответила Госпожа. — И не наша вина, что вы гуляете неизвестно где.

— Почему неизвестно где? — возмутился толстяк. — У ребенка был нервный шок.

Толстяк помог наследнице подняться на ступеньки, и они заняли место Посейдона.

— Меркурий, — обратилась Госпожа к толстяку, — мы судим пришельцев, которые нарушили закон и проникли в Атлантиду. Мы приговорили их к смерти. Ты согласен?

— Согласен, согласен, — быстро ответил толстяк. — Они нам угрожали. Моя девочка в опасности.

— Значит, все решено. Единогласно.

— Чепуха какая-то, — возмутился Пашка. — Я протестую. Я требую защитника!

— Правильно! — закричала вдруг наследница. — Я скоро умру от скуки. Мне не с кем играть. Мне прислали сверху детей, чтобы я играла, а злая Гера хочет их убить. Папа, прекрати!

— Да, кстати, — тут же изменил свою позицию толстый Меркурий, — почему их нужно казнить, когда моей девочке не с кем играть? Нет, я не позволю. Опять заговор против моей девочки. Гера, тебе пора уступить ей место. Ты стара и зла.

Алиса слушала эту перепалку как во сне. Такого быть не могло. Мы живем в конце двадцать первого века, когда на Земле не убивают людей. Может, они шутят? Может, это спектакль?

— Вы не понимаете! — Госпожа Гера поднялась с трона и протянула вперед руку: — Если нарушить закон единожды, закон погибнет. Погибнет закон — погибнет Атлантида. Своей властью я приказываю: Гермес и Меркурий, отведите пришельцев к внешнему люку и утопите!

Она была грозной и страшной. Казалось, что из ее глаз вылетают черные стрелы. Остальные в зале оробели и молчали...

Пауза тянулась долго, словно все окаменели, заколдованные.

Вдруг занавес откинулся, впуская Посейдона.

— Все, — сказал он, — их корабль спрятан. Что решил Совет?

— Совет моей властью постановил — смерть! — произнесла Гера.

Посейдон окинул взглядом комнату. Потом обернулся к Алисе.

— Это правда? — спросил он.

— Она не вправе отвечать, — сказала Госпожа Атлантиды.

— Это ложь, — сказала Алиса.

— Здесь решаю я! — Госпожа была неумолима. — Я — это закон. И много лет уже я его охраняю.

— Что ты думаешь, Меркурий? — обернулся Посейдон к толстяку.

— Я против! — воскликнул толстяк. — Моей девочке не с кем играть, а вы тут топите детей.

— А ты, Гермес? — спросил Посейдон.

— Ты о чем? Прости, я задремал, может, чего пропустил?

— Задремал или притворился?

— Пускай дети живут, — быстро ответил Гермес. — Мне помощники нужны. Ты не сердись, Госпожа, все течет, чинить некому.

— Атланты не убивают детей, — сказал Посейдон. — Решение Совета: оставить им жизнь. Ты одна против.

— Решение Совета: смерть пришельцам!

— Я увожу детей, — сказал Посейдон. — Им не следует слушать дрязги стариков.

Он поднял руку, жестом приказывая пленникам следовать за ним.

Красный занавес всколыхнулся и мягко опустился сзади. Они снова оказались в зале скульптур.

Вслед несся крик Госпожи Геры:

— Они приговорены и будут убиты!

— Фапофадофажди, — сказала Алиса Пашке, пользуясь старым школьным кодом. — Фамыфаосфатафанемфася фаодфани.

— Фапофанял, — ответил Пашка.

— Фавлефасу, — сказала Алиса.

Пашка кивнул. И на самом деле, каменный лес — лучшее место, чтобы убежать.

Они миновали зал скульптур. Алиса оглянулась. Посейдон брел шагах в трех сзади, его серая тога волочилась по камням.

Вот и каменный лес.

Алиса почувствовала, как напрягся Пашка.

— Беги, — шепнула она. — Налево.

Пашка послушно бросился налево. Алиса побежала в другую сторону. Она не оглядывалась, главное было — оторваться от Посейдона. Ей казалось, что она бежит по настоящему лесу, вот только нет кустов, чтобы спрятаться. Она обогнула один ствол, второй, третий... Впереди, уходя в бесконечность, стояли такие же громадные колонны.

И вдруг со всего размаха Алиса врезалась в стену.

Она настолько не ожидала этого, что ушиблась и упала на пол.

Лес был обманом! Всего-то в нем оказалось шесть рядов деревьев, а за ними — зеркальная стена.

Алиса постаралась подняться, ноги скользили по кафельному полу, по нарисованным цветочкам и бабочкам. «Гадкий мир, — подумала Алиса, — все ненастоящее!» Сзади раздался крик.

Алиса обернулась.

Посейдон спокойно ждал в проходе между деревьями. А чуть дальше был виден Пашка, который колотил кулаками по зеркальной стене и громко проклинал Атлантиду и всех атлантов.

— Пашка, за мной! — крикнула Алиса.

Она побежала к выходу из зала. Пашка за ней.

Но выйти из зала не удалось. В его дверях стоял, нервно колотя себя хвостом по бокам и разевая розовую пасть, огромный лев.

Алиса начала отступать.

Лев сделал шаг за ней.

Кто-то толкнул Алису. Это был Пашка. Он встал перед Алисой, закрывая ее собой. У Пашки, может быть, много недостатков. Но он никогда не оставит товарища в беде.

Лев стоял с раскрытой пастью. Пашка и Алиса, замерев, глядели на льва.

Сзади подошел Посейдон и спросил:

— Ну что, набегались? Пойдем дальше?

Пленники ничего не ответили.

Посейдон поднял руку, щелкнул длинными сухими пальцами. Лев растворился в воздухе.

— Голограмма, — сказал Посейдон.

— Ага, — перевел дух Пашка. — Я так и подумал.

— Нет, — сказал Посейдон. — Ты так не подумал. Иначе бы прошел сквозь него. Идите направо.

Справа была небольшая дверь. Алиса повернула изогнутую бронзовую ручку, и дверь послушно открылась.

За дверью обнаружилась небольшая комната с длинным столом посредине. Вдоль стола были расставлены кресла с резными спинками. На столе стояло несколько сосудов, закрытых крышками.

Посейдон закрыл за собой дверь и сказал:

— Если вам нужно вымыть руки и привести себя в порядок, туалет в соседнем помещении.

— Зачем мыть руки, если вы собираетесь нас убивать? — спросил Пашка.

— Очень неприятно убивать грязных детей, — совершенно серьезно ответил Посейдон. — К тому же здесь тепло, вы можете снять скафандры, наверное, надоело в них ходить.

Когда Пашка с Алисой мыли руки в небольшой комнатке, где стояла низкая золотая ванна и из кранов в виде птичьих голов тонкими струйками лилась пресная вода, Алиса сказала:

— Знаешь что, Пашка?

— Что? — Пашка, ополоснувшись, принялся простукивать стены. Он надеялся, что можно будет убежать оттуда.

— Я думаю, что нас не будут убивать.

— В любом случае я им так просто не дамся, — сказал Пашка.

Алиса сняла скафандр и положила его на низкий каменный стол. Потом причесалась, глядя в мутное овальное зеркало. Пашка скафандра не снимал.

— Вроде бы нас собираются кормить, — сказала Алиса.

— Могут и отравить, — предупредил Пашка.

Алиса приоткрыла дверь в большую комнату. Посейдон сидел за столом, подвинув к себе один из сосудов, и мирно черпал оттуда серебряной ложкой суп. Он увидел, что дверь в туалет приоткрылась, и сказал, улыбаясь:

— Фазафахофадифате, а то суп остынет. И в следующий раз придумайте код посложнее. Нельзя недооценивать противника.

— Вы правы, — согласилась Алиса.

Она прошла к столу и села в кресло. Посейдон подвинул ей серебряную миску.

— Надеюсь, вы употребляете в пищу суп из креветок? — спросил он.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я очень проголодалась.

Пашка стоял в дверях, так и не решив еще, что перевесит: голод или осторожность.

Посейдон спросил:

— Суп не остыл?

— Нет, — сказала Алиса. — Очень вкусно.

— А мне так надоела морская пища! — сказал Посейдон.

Пашка осторожно подошел к столу.

— Нехорошо, — заявил Посейдон, глядя на него, — в скафандре за стол у нас не садятся.

Алиса посмотрела на Пашку укоризненно.

— Я руки вымыл, — сказал Пашка.

Понятно было, что скафандр он не снимет.

— Ну, как знаешь, — сказал Посейдон.

Суп был не очень вкусный, подсоленные креветки плавали в жидком бульоне.

— Овощей не хватает, — вздохнул Посейдон. — Теплица вышла из строя, а починить некому.

Пашка сел за стол. В скафандре не очень удобно обедать. Но он делал вид, что всю жизнь обедает только в скафандре.

— А откуда вы знаете русский язык? — спросила Алиса.

— Я знаю все основные языки Земли, — ответил Посейдон.

Пашка съел несколько ложек супа, потом отложил ложку и сказал:

— Плохо питаетесь.

— Другого предложить не можем, — ответил Посейдон. — Кстати, я должен заметить, что, в отличие от Алисы, вы плохо воспитаны.

— Ваша наследница не лучше, — ответил Пашка.

— Вы правы, — сказал Посейдон. — Но что поделаешь, она последний ребенок, мы ее избаловали.

— Ребенок! — фыркнул Пашка. — Взрослая женщина!

— Даже пожилая, — согласился Посейдон. — Но для нас она ребенок.

Он подвинул к себе сосуд поменьше, снял крышку.

— Отварной осьминог, — сообщил он. Потом достал ложкой кусок белого мяса и принялся жевать. — Как всегда, недоварен.

Алиса попробовала кусочек, но прожевать не смогла. Пашка даже пробовать не стал.

Так и закончился обед.

Затем Посейдон поднялся и произнес:

— Вы готовы идти?

— Только не вздумайте нас казнить, — сказал Пашка. — Учтите, я буду сопротивляться.

— Молодой человек, — ответил Посейдон усталым голосом, — меньше всего на свете мне хочется вас казнить. — Он помолчал и добавил: — Но осторожность не мешает.

В столовую быстро вошел толстый Меркурий.

— Я возьму обед для доченьки, — сказал он.

— Опять капризничает? — спросил Посейдон.

Толстяк только махнул рукой и начал составлять сосуды стопкой. Потом обнял стопку и осторожно понес к выходу.

— Тяжело одному воспитывать ребенка, — вздохнул Посейдон.

— А у вашей Афродиты нет матери? — спросила Алиса.

— Мать этой девочки умерла... пятьдесят лет назад.

Посейдон отодвинул миску.

— Хотите отдохнуть? — спросил он.

— Нет, мы не устали, — сказала Алиса. — Нам пора возвращаться.

— К сожалению, это невозможно. Закон велит сохранять нашу тайну.

— И сколько это будет продолжаться? — грозно спросил Пашка.

— Всю вашу жизнь, — ответил Посейдон.

— Вы хотите, чтобы я всю жизнь осьминогами питался?

— Мы же питаемся.

— Вы привыкли. А я не намерен.

— Ничем не могу помочь, — сказал Посейдон.

— Какие же вы после этого культурные люди, — воскликнул Пашка, — если вы не подумали о наших родителях? Они сойдут с ума, когда решат, что мы погибли! У вас нет совести!

— Мы не можем думать обо всех, — сказал Посейдон. — На Земле много несчастных людей и одиноких родителей. Мы — хранители великой и древней тайны. И мы не принадлежим себе. Я был бы рад покинуть Атлантиду. Но не имею права.

— Почему?

Посейдон не ответил.

Глава 5

ПРИНЦЕССА, КУКЛЫ И СИРЕНЫ

Посейдон провел их по узкому коридору в ту комнату, где они томились первый час своего плена.

— Прошу вас не выходить, — сказал он и запер за собой дверь. — Я вернусь.

Пашка прошел вокруг стола, потом улегся на скамью.

— Не переживай, Алиса, — сказал он. — Выпутаемся.

Алиса почувствовала, что устала. Она села в ногах у Пашки.

— Кто же они такие? — подумала она вслух.

— Атланты, — сказал Пашка уверенно. — Последние атланты.

— Но они знают, что такое голограмма, выходят наружу в скафандрах, говорят по-русски, как мы с тобой...

— Научились, — сказал Пашка.

— Нет, — сказала Алиса. — Я им не верю.

— Мне бы пулемет, — вздохнул Пашка. — Мы бы пробили путь наверх.

Алиса только отмахнулась. Она думала о другом. Вернее всего, у атлантов должен быть пункт связи. Обязательно должен быть. Значит, можно будет дать о себе знать... Атланты боятся, что их найдут. Значит, им есть что скрывать.

— Где наш батискат? — услышала Алиса голос Пашки.

— Он у них в ангаре, — сказала Алиса.

— Точно! — Пашка сел на скамейке. — Мы его найдем и прорвемся. Пошли.

— Куда?

— Ты забыла, что здесь есть вторая дверь. К наследнице.

— Она шум поднимет.

— Чем мы рискуем? Хуже не будет.

Пашка прошел к маленькой двери и толкнул ее. Дверь послушно открылась. За ней оказался большой зал, совершенно темный.

— Эй! — крикнул Пашка.

«Эй-эй-эй...» — отозвалось эхо, отражаясь от далеких стен.

Когда эхо утихло, стало слышно, как, срываясь с высоты, по полу бьют капли.

— Хорошо, что я оказался сообразительней тебя и не снял скафандра, — сказал Пашка.

Он надел шлем и включил фонарь. Яркий луч улетел вдаль, но не нашел преграды, а рассеялся в темноте.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Откуда же приходила наследница?

— Ау, — раздался голос справа. — Ау...

И тут же зазвучала медленная, нежная песня.

Она заполняла собой гулкое подземелье.

— Это вы, Афродита? — позвал Пашка.

Песня продолжалась.

Они пошли направо, стараясь держаться ближе к стене.

— Стой! — крикнула Алиса.

Но Пашка уже сам увидел, что дальше хода нет, — у ног был обрыв. Внизу чернела вода.

Песня прекратилась.

Пашка наклонил голову, чтобы фонарь светил вниз.

Вода была спокойна. Вдруг она всколыхнулась, и из нее показалась голова девушки. Длинные зеленые волосы расплескались по плечам. Лицо тоже было зеленым, глаза большие, словно у ночного животного.

Девушка подняла руку и поманила Пашку. Рядом с ней вынырнула вторая. И они запели. Они пели очень красиво, в два голоса, и при этом медленно плавали кругами, не отрывая взгляда от Пашки.

Пашка глядел на них завороженно, и Алисе пришлось вмешаться.

— Паш, — сказала она, — по-моему, это самые обыкновенные сирены, или морские русалки.

— Молчи. Не мешай!

— Когда-то моряки теряли голову от их песен и ныряли в воду. Только учти, вода здесь очень холодная.

— Ау, — позвала Пашку одна из русалок.

— Они хотят вступить с нами в контакт, — пояснил он.

Алиса вспомнила, что Одиссей заливал своим матросам уши воском, чтобы те не слушали песен сирен и не бросались в море.

— Может, тебе уши заткнуть? — спросила она.

— Не беспокойся, — ответил Пашка. — Неужели ты не видишь, что мною руководят научные интересы?

Но Алиса не была в этом убеждена. На всякий случай она встала к Пашке поближе.

Тут из темноты выплыл морской змей размером чуть побольше дельфина, но с длиннющей тонкой шеей и маленькой головкой.

Одна из русалок ловко вскочила ему на спину, и оказалось, что у нее широкий плоский чешуйчатый хвост.

— Вот это да! — воскликнул Пашка. — Морской змееныш!

Он уже забыл о сиренах, потому что проблема морских змеев его занимала куда больше.

Из озера доносились плеск, веселое уханье змееныша, визг сирен.

— Обойдем озеро с другой стороны, — сказала Алиса.

Вскоре они вышли на широкую площадку.

Площадка сбегала к самой воде, и там вдоль берега стояло несколько выдолбленных из камня корыт. Корыта были пусты. Возле одного из корыт сидели три сирены и тихонько выли. При виде Алисы и Пашки они принялись выть куда громче, а одна стала стучать кулачком по краю корыта.

— Наверное, они голодные, — решил Пашка.

Вдруг Алиса увидела свет.

Свет вырывался из небольшого окошка, пробитого в каменной стене. Желтым квадратом он падал на склон, и казалось, что горит окно в избушке в темном лесу.

Пока Пашка разглядывал сирен, Алиса поднялась к окошку и заглянула внутрь.

Там была самая настоящая лаборатория.

На длинном белом столе стояли приборы, колбы, пульты и баренги. У одной стены был пульт с дисплеями, вдоль другой тянулись стеклянные ниши с заспиртованными обитателями морских глубин. Но с первого взгляда было ясно, что лаборатория находится в полном запустении. Приборы стояли в беспорядке, большой электронный микроскоп зарос паутиной, а на окуляре сидел большой белый паук и чистил лапы. На полу валялись разбитые пробирки. В углу на круглом белом табурете сидел старик Гермес и мирно дремал, опустив голову на грудь.

— Тише, — сказал Пашка Алисе. — Пускай спит. Нам нужно скорее отыскать батискат.

Но уйти не удалось.

По берегу озера медленно брела еще одна сирена, но без хвоста и двуногая. Зеленые волосы скрывали лицо, а зеленое

платье волочилось подолом по камням. В руке она несла бронзовый фонарь.

Сирены при виде двуногой подруги отчаянно заскулили. Та зашипела на них — видно, приказывая молчать.

Она кинула опасливый взгляд на светящееся окошко лаборатории и тут заметила Алису с Пашкой.

— Ой! — сказала двуногая сирена, подобрала подол платья и, похоже, хотела убежать, но нога у нее подвернулась, и русалка неловко упала.

— Бежим, — сказал Пашка. — А то сейчас сюда сбегутся.

Сирена громко рыдала знакомым Алисе голосом.

Этот шум услышал старик, что спал в лаборатории. Он с трудом поднялся с табурета и побрел к двери.

Алиса отлично понимала, что нужно бежать, но ноги сами понесли ее к плачущей русалке. Она склонилась над ней, помогая подняться.

— Афродита, — сказала она, — вы ушиблись?

— Зачем ты меня испугала! — закричала на нее наследница. — Ты меня нарочно испугала, чтобы я упала.

— Вы ошибаетесь, — возразила Алиса. — Давайте я помогу вам подняться.

— Нет, я никогда уже не поднимусь, — сообщила наследница сквозь слезы. — У меня сломана нога.

— Пашка, — позвала Алиса, — помоги мне.

Пашка не отозвался.

Алиса подняла голову, над ней стоял старик Гермес.

Он сказал что-то наследнице на своем языке, и та в ответ разразилась длинной визгливой тирадой. Она была так возмущена, что поднялась без помощи Алисы и принялась махать кулаками перед носом Гермеса. Зеленый парик съехал набок.

Старик тоже кричал на наследницу, сирены выли и щебетали возле пустых корыт, эти звуки поднимались, усиленные эхом, к потолку подземного зала, и Алисе казалось, что она сидит на стадионе во время футбольного матча.

Вдруг шум как по команде прекратился.

Старик спокойно побрел в свою лабораторию, наследница замолкла, словно ее выключили. И даже русалки-сирены утихомирились.

— Ты думаешь, я его испугалась? — спросила наследница у Алисы.

Алиса нагнулась, подняла фонарь Афродиты, который, к счастью, не пострадал, и передала его женщине.

— И вовсе я не скрывалась от него, — продолжала наследница. — Я переоделась в русалку, потому что люблю изображать русалок. Иногда я даже с ними танцую на берегу.

«Где же Пашка? — тем временем подумала Алиса. — Вернее всего, он воспользовался суматохой, чтобы продолжить поиски батиската. Это правильно. У него есть фонарь. А я пока узнаю побольше об атлантах». А вслух спросила:

— Почему же вы ссорились с Гермесом?

— А они здесь все из ума выжили, — ответила наследница. — Он ходит в эту лабораторию и говорит, что там работает. А все знают, что он только спит. Он же сто лет как все забыл. И еще смеет кричать, что я мешаю ему ставить опыты, старый дурак!

Афродита подняла подол и стала рассматривать ссадину на коленке.

— Так я и знала, — сообщила она Алисе. — Почти до крови. Когда я стану Госпожой Атлантиды, я прикажу этого Гермеса казнить. Он мне надоел. Пошли ко мне.

— Пошли.

— А где твой мальчик? Он мне нравится.

— Мальчик ушел по делам.

— У всех дела! — капризно сказала наследница. — Как только мне мальчик понравится, у него дела. Я ненавижу мужчин.

Наследница сорвала криво сидевший парик, бросила его в озеро, и сирены, толкаясь и вереща, кинулись к нему. Их глаза хищно горели в полутьме. В мгновение ока они разорвали парик на клочки.

— Они думают, что он съедобный, — засмеялась наследница и пошла прочь от озера.

— Они голодные? — спросила Алиса, поднимаясь следом за ней.

— Еще бы, — сказала Афродита. — Что осталось в озере, то и едят. Скоро друг дружку съедят. Или змееныши их скушают, или они змеенышей скушают. Все друг дружку едят.

— А почему их не кормят?

— Самим мало, — сказала наследница. — Только Гермес иногда кормит. Но он глупый, всех жалеет.

Наследница остановилась у двери в лабораторию. Старик Гермес опять задремал.

— Тихо, не разбуди, — прошептала она, — мы через лабораторию пройдем. Тут короче.

Она подошла к стеклянному шкафу, в котором лежал свернутый спиралью скелет какой-то рыбы, нажала на угол шкафа, и тот, страшно заскрипев, чуть сдвинулся в сторону. Наследница навалилась на него животом и позвала Алису:

— Помоги. Все тут заржавело, даже противно.

Они принялись толкать шкаф вдвоем, но он не поддавался. Наследница запыхалась и отошла. Потом схватила со стола микроскоп и запустила им в шкаф.

— Ты что! — закричала Алиса.

Но было поздно — стеклянный шкаф разлетелся вдребезги, скелет рыбы рассыпался по полу, а то, что недавно было микроскопом, раскатилось по каменному полу массой мелких деталей.

— Ой! — закричал с перепугу Гермес. — Наводнение, обвал!

Он вскочил, опрокинул табуретку, кинулся было бежать, потом сообразил, что случилось, и опечалился:

— Что ж вы наделали! Как теперь опыты ставить?

— Молчи, дурак! — огрызнулась наследница и со всего размаха ударила ногой по стойке шкафа. У того, видно, уже не осталось сил сопротивляться, и он упал, открыв проход. — Вот видишь, — сообщила Афродита, — с ним надо строже! Они все распустились.

— Кто? — спросила Алиса, входя за наследницей в открывшийся проход. Там было темно, и бронзовый фонарь наследницы высвечивал занавески и тряпки, свисавшие вокруг.

— Все люди и все вещи, — сказала Афродита. — Когда я возьму власть, то приведу все в порядок. Все меня будут бояться. А Госпожу Геру, если не успеет помереть, казню.

— А что здесь было раньше? — спросила Алиса. Ей надоело слушать, как тараторит глупая наследница.

— Театр, — сказала Афродита. — Разве не видишь? Мне отец рассказывал. Я отсюда платья и парики беру.

В подводном мире было мало пыли. Только здесь, в этом проходе ее скопилось столько, что запершило в носу. И запах был особый — запах пыльных тряпок.

Проход кончился небольшим обрывчиком. Алиса увидела

внизу несколько рядов кресел. Наследница тяжело спрыгнула вниз и поспешила по проходу между кресел. Алиса сообразила, что они спустились со сцены и оказались в зрительном зале.

— Сколько вас здесь? — спросила Алиса.

— Много, — туманно ответила Афродита. — А раньше было больше.

— Сколько?

— Ты всех видела.

Ууууух-вззззиии! Что-то черное, чернее тьмы, широкое, плоское метнулось над головой — закачались, зашуршали старые занавески.

Алиса присела от неожиданности.

— Не бойся, — сказала наследница, — они не кусаются.

— Кто это?

— Летучие собаки.

— Они тут живут?

— А где же им жить? Ты их не бойся. Ты камеусов бойся.

Наследница, пригнувшись, нырнула под низкую арку.

И тут они оказались в ее детской.

Когда-то там была театральная уборная. Вдоль стены шли узкие высокие зеркала в золоченых пышных рамах, перед каждым был столик и небольшое вертящееся кресло. Кроме того, в комнате стояло несколько пышных, правда, потертых и продавленных диванов, валялось множество ковров и звериных шкур. Но больше всего там было кукол. Фарфоровые и тряпичные, целлулоидные и деревянные, в длинных платьях и коротких распашонках, с белыми, желтыми, золотыми, черными, рыжими, зелеными волосами, а то и вовсе без волос, с голубыми, серыми, черными закрывающимися глазами и даже с пуговицами, пришитыми к розовому лицу. Одни куклы были как новенькие, а другие истрепаны настолько, что трудно угадать, какими они были раньше. Несколько самых больших кукол сидели в креслицах перед зеркалами, остальные занимали диваны, лежали на полу и под стульями. Самая маленькая куколка сидела на подушке широкой неприбранной кровати.

— Тебе нравится? — спросила наследница, зажигая светильники перед зеркалами. — Сейчас мы будем с тобой играть.

Афродита суетилась, ей очень хотелось, чтобы гостье у нее понравилось.

— Ты у кого-нибудь видела столько кукол? — спросила она.

— Нет, не видела.

— Правильно. Потому что я наследница престола великого царства. Сегодня я люблю вот эту... — Афродита схватила с дивана деревянную, грубо сделанную большую куклу в синем коротком платье. Глаза куклы были нарисованы синей краской, а розовая краска со щек почти вся облупилась. — Нравится?

— Нравится, — согласилась Алиса.

Надо признаться, что сцена была страшноватой. Пожилая, толстая, лохматая женщина прыгала по комнате, хватала кукол, совала их под нос Алисе и требовала, чтобы гостья восхищалась.

— Откуда у вас столько игрушек? — спросила Алиса.

— Это все игрушки сверху, — сказала наследница. — Когда папа был молодой, он специально их искал. Больше всего собрал с утонувших кораблей. Меня все так баловали, так любили, даже больше, чем сейчас. Когда я маленькая была, Посейдон устроил у себя в узле связи пункт наблюдения. Как только ловили сигнал SOS, сразу посылали туда субмарину. Корабль еще не успеет до дна спуститься, а дядя Посейдон с папой уже идут по каютам: ищут, ищут, собирают кукол, чтобы меня порадовать... — Афродита захохотала, но тут же закручинилась и добавила: — А когда субмарина сломалась, больше кукол не стало... Правда, жаль? Ведь столько тонет детей, куклы им не нужны, а мне ничего не достается.

Алиса поежилась. Она все больше убеждалась, что наследница не совсем нормальная. В бабушки годится, а всерьез думает, что осталась девочкой.

— А где ваша мама? — спросила Алиса.

— Ее камеусы сожрали, — сказала наследница, — но давно, я еще маленькая была. Только я тебе не скажу, сколько лет назад.

— Почему?

— Чтобы ты не догадалась, что мне пятьдесят лет. Или сорок. А может, двадцать.

Афродита отбросила куклу в сторону, та ударилась головой в высокий железный подсвечник без свечей, отлетела к погнутому, ободранному игрушечному паровозу и замерла.

«Где сейчас Пашка? — подумала Алиса. — Столько времени прошло, а я так ничего и не узнала».

— Возьми эту куклу, она больная, за ней надо ухаживать, —

сказала наследница и протянула Алисе лысую куклу, которая долго пробыла в воде. — Качай ее и утешай, а я сделаю нам с тобой постельку.

— Зачем? — спросила Алиса. — Я не хочу спать.

— Ты будешь теперь спать со мной, — сказала наследница. — Ты всегда будешь спать со мной, или я тебя убью. Качай ребенка!

Алиса принялась покачивать куклу.

— Афродита, — попросила она, — расскажите мне про вас.

— Нельзя. Чужим рассказывать про нас нельзя.

— Закон не разрешает?

— Еще чего не хватало! — закричала наследница. — Знать не хочу этого отвратительного закона!

— Но Госпожа Гера главнее всех?

— Ой, какая ты вредная девочка! — изумилась наследница. — Ты меня все время обижаешь. Не буду с тобой дружить! Ты лишена моей милости. Отдай куклу!

Алиса протянула ей куклу.

Наследница взяла куклу за ногу и остановилась посреди комнаты в задумчивости.

— Очень странно, — сказала она. — Оказывается, мне нечего рассказывать.

— Расскажи, кто вы такие, откуда сюда попали...

— Но я не знаю, откуда мы сюда попали. Мы здесь всегда! Это наша Атлантида. Она всегда была и всегда будет. Самая великая страна в мире. И я в ней самая главная!

— А почему вас раньше было много и даже был театр, а теперь мало?

— Театр был... было светло. Много света. Была субмарина, и папа брал меня на ней кататься. Мы поднимались наверх, и я видела звезды... Ты видела звезды?

— Я живу наверху.

— Жила, — поправила ее наследница. — Отсюда еще никто не уходил.

Она всхлипнула и закашлялась.

— Были люди, — повторила она, — много. И мне давали конфеты. И мы делали музей... А где все это? Почему этого нет? Не знаю...

Афродита стояла посреди комнаты, раскачивая за ногу облезлую куклу. Потом уронила ее на пол.

Алиса стала размышлять, как лучше сбежать от наследницы и заняться поисками Пашки, но тут события приняли неожиданный оборот.

В детскую вошел, задыхаясь от быстрой ходьбы, толстяк Меркурий.

Он закричал что-то с порога и, не умолкая, кинулся к Афродите. Алису он не заметил — видно, принял ее за одну из кукол.

Но, толкнув ее, сообразил, что наследница не одна, испугался, схватился за сердце.

— Почему ты здесь? — спросил он у Алисы.

— Ваша дочь привела меня сюда.

— Тогда я спрашиваю, почему вы не заперли дверь? Вы что, забыли, что сегодня полнолуние и камеусы выходят из своих нор?

— Я ничего не знаю про камеусов, — сказала Алиса.

— Когда узнаешь, будет поздно, — сказал толстяк.

Он прошел к двери, которая вела в театральный зал, и запер ее на засов. Потом вернулся к той дверце, сквозь которую вошел. Запер ее тоже.

— Скажите, пожалуйста, что такое камеус? — спросила Алиса. — Я волнуюсь за Пашку. Он пошел искать наш батискат. Он же ничего здесь не знает.

Толстый Меркурий не ответил. Он попытался погладить по голове свою дочку, но пальцы запутались в ее волосах, и он с трудом выдрал их оттуда.

— Ты мне голову оторвешь! — взвизгнула наследница.

— Я пошла, — сказала Алиса. — Только объясните, где искать батискат?

— Не знаю, — сказал толстяк. — Уходи скорее. Мне надо утешить ребенка.

Он отворил дверь за занавеской и подождал, пока Алиса выйдет.

И тут же Алиса услышала, как щелкнул замок.

Алиса совершенно не представляла себе, куда идти. Поэтому она потеряла полчаса, блуждая по коридорам, пока не попала в еще один обширный зал.

Зал был похож... Ни на что он не был похож!

Если это была свалка, то зачем свозить сюда целые и даже ценные вещи? В полутьме вырисовывались контуры неожиданных в подводном царстве предметов. Настолько неожиданных,

что порой Алиса даже не сразу узнавала их. Что это за длинный стеклянный ящик с перегородками и черным квадратом на внутренней стенке? Да это старинная телефонная будка! А это? Словно плавник гигантской акулы? Хвост самолета столетней давности. А это? Контрабас. А это? Спортивная штанга. А это? Ну что? Такое знакомое... Башня танка? Склад? Или музей?

Конечно же, догадалась Алиса, много лет атланты собирали в морях то, что утонуло вместе с кораблями. А корабли, как известно, перевозят по морям все, что делают люди.

... Нечто громоздкое, темное, необъятное нависало над Алисой, перегораживая путь. Алиса подняла глаза и встретилась взглядом со страшной мертвой головой существа, которое висело, прибитое спиной к этой громадине.

Алиса ахнула и метнулась назад.

И тогда сообразила: перед ней стоял, подпертый бревнами, целый парусник, на носу которого под бушпритом была прикреплена деревянная фигура, как было принято делать на парусниках в давние времена.

Борта парусника поднимались на высоту трехэтажного дома. И в темноте, уходя к невидимому потолку, тянулись мачты с обвисшими серыми парусами. Как попал сюда такой большой корабль?

— Как ты сюда попал? — спросила Алиса вслух, обращаясь к деревянной фигуре. Та не ответила.

Но эхо подхватило негромкий вопрос и начало таскать, искажая, эти звуки по залу музея.

Зашуршали ткани, заскрипели доски, зазвенели медные котлы. Казалось, что вещи ожили, зашевелились, зашептались: здесь чужая, здесь живая девочка в мире умерших вещей...

И казалось, они начали сдвигаться все ближе, ближе, тянуть к ней невидимые лапы, чтобы не выпустить, навсегда оставить в этом промозглом, захламленном мире.

Алиса замерла, стараясь подавить ужас, который поднимался в ней. Замерли и вещи. Они подстерегали каждое ее движение.

Алиса не знала, в какую сторону идти дальше. Она стала осторожно оглядываться, чтобы отыскать проход в лабиринте.

И тут она услышала осторожные шаги. Кто-то медленно, крадучись, приближался к ней.

Алиса сделала осторожный шаг. Еще один. Остановилась.

Тот, кто преследовал ее, тоже остановился. Прислушивался.

Звук в этом зале распространялся так причудливо, что нельзя было угадать, с какой стороны приближаются шаги.

Скрипнула доска под чьей-то ногой. И снова нависла тишина, которая казалась более зловещей, чем любой звук.

Стоять на месте и ждать, когда тебя поймают, было еще страшнее, чем куда-то идти.

Алиса разглядела проход между кораблем и грудой ящиков и вошла в него. Единственный светильник, горевший как бы в воздухе, над парусником, рождал длинные черные тени.

Алиса шла все быстрее, стараясь ступать на носки, но даже самое слабое шуршание подошв разносилось, усиливаясь, по музею.

Наверное, ей теперь никогда не выйти отсюда. Надо закричать. Надо позвать...

Алиса все ускоряла шаги...

И вдруг впереди она уловила быстрое движение. Кто-то, увидев ее, спрятался за ящик.

Может, показалось?

Алиса бросилась назад. Только не оборачиваться...

Сзади шаги. Ее догоняют.

И тогда Алиса стремглав, спотыкаясь, помчалась вперед. Куда угодно, только убежать!

Но преследователь не отставал. Сквозь бешеные удары сердца, сквозь шум собственного частого дыхания Алиса слышала шаги.

Впереди показался яркий свет. Скорее туда!

Но на пути Алисы возникла высокая черная фигура.

Алиса попыталась остановиться, нырнуть куда-нибудь в сторону. Но не успела.

Человек, который подстерегал ее, быстро протянул длинную костлявую руку и схватил Алису за плечо.

— Стой! — сказал он.

Алиса забилась, как птенец, попавший в силки. Но человек держал ее крепко.

— Уходи, — сказал он громко кому-то. — Уходи и не навлекай на нас позора.

Алиса с трудом различала эти слова, голова кружилась от страха, и удары собственного сердца были как удары грома.

— Не бойся, девочка, — сказал тот же голос. — Ты в безопасности.

Алисе было так страшно, что она не сразу поняла смысл этих слов. Она замерла, словно окоченела, глядя назад. И увидела, как розовое платье мелькнуло рядом с кораблем и растворилось в темноте. И оттуда из темноты вылетела серебряная молния. Человек, что держал Алису, дернул ее в сторону и пригнулся сам.

Раздался удар и звон.

Острый загнутый нож с золотой рукоятью ударился острием о радиатор старинного автомобиля и упал на каменный пол.

— Как грустно, — произнес человек, державший Алису, — как стыдно...

Сначала Алиса узнала голос, а подняв голову — и человека. Это был Посейдон.

— Пойдем, девочка, — сказал он. — Она не вернется.

— Это была Госпожа Гера? — спросила Алиса.

— Да, — ответил Посейдон. — И она хотела тебя убить.

Посейдон вывел Алису из музея.

Он шел быстро, держа Алису за руку. Алиса еле поспевала за ним, ноги были как ватные. В жизни так не пугалась.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Ко мне.

Посейдон достал из кармана серого плаща большой ключ, схожий со штопором, и вставил его в почти невидимое отверстие в стене коридора. Раздался щелчок, и часть стены провалилась в пол.

— Это самое тайное место Атлантиды, — сказал он. — Мы рассчитывали на то, что даже если люди проникнут сюда, они не найдут этой двери.

В лицо Алисе ударил яркий свет. Ей показалось, будто в мгновение ока она перенеслась из Атлантиды в обыкновенную комнату обыкновенного института на Земле. И если бы не длинная, до земли, серая тога, Посейдон был бы самым обыкновенным земным профессором, который пригласил Алису к себе в лабораторию.

Посейдон снял серый колпак, поправил ладонью неровно остриженные седые волосы и сказал:

— Сюда, в мое хозяйство, я никого не допускаю.

Он провел Алису в следующую комнату. Это был пункт связи. В линию вдоль стены на низком столе тянулись телевизионные экраны. Они были окружены овальными золотыми рамами в виде змей.

— Сколько здесь змей! — сказала Алиса. — Почему?

— Традиция, — ответил Посейдон. — Наследие Атлантиды. Атланты поклонялись Великому змею.

— Зачем эти экраны? — спросила Алиса.

— Это мониторы, — ответил старик. Он уселся в удобное вращающееся кресло и указал Алисе на соседнее. — Садись, у тебя, наверное, много вопросов.

— Да, — сказала Алиса. — У меня тысяча вопросов, но сейчас меня больше всего беспокоит, где Пашка. Он побежал искать батискат и пропал. Раньше я не так боялась, а теперь очень за него волнуюсь.

— Сейчас проверим, — сказал Посейдон.

Он протянул руку и включил один из мониторов.

По экрану побежали зеленые полосы, и Посейдону пришлось долго настраивать его, прежде чем картинка стала нормальной.

— Все в небрежении, — вздохнул Посейдон, — остался один механик, но ты же видела, в каком он состоянии.

— Вы имеете в виду Гермеса?

— У него очень плохо с памятью. И ослаб он сильно. Его только и хватает на то, чтобы латать щели.

На экране монитора был виден большой плохо освещенный зал. Три его стены были каменными, а четвертая, блестящая, гладкая, — стеклянной. За ней плескалась вода.

— Это ангар, — сказал Посейдон. — Там, за перегородкой, наша сломанная субмарина и ваш батискат. Сейчас ты увидишь.

Посейдон нажал кнопку на пульте, и яркие прожектора загорелись в том зале, пронзая толщу воды. Алиса увидела, что за перегородкой находятся два корабля. Один из них незнакомый, похожий на акулу. Второй — батискат.

— Как видишь, — сказал Посейдон, — ваш корабль цел и в безопасности.

— А где Пашка? — спросила Алиса.

— Он должен будет сюда прийти, — сказал Посейдон. — Он уже час бродит по нашему городу.

— Вы его видели?

— Еще недавно он был в музее.

Посейдон набрал комбинацию из цифр на пульте, и на соседнем мониторе появился длинный коридор.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Это же Пашка!

И в самом деле по коридору шагал Пашка. Он был в скафандре, шлем откинут за спину, вид серьезный и целеустремленный.

— Он идет правильно, — сказал Посейдон. — Скоро будет у ангара. Не беспокойся.

— Пойдемте к нему!

— Не спеши. Ему сейчас ничто не угрожает.

— А Гера его не найдет? — спросила Алиса.

— Не беспокойся, мы его не выпустим из виду. А когда нужно, придумаем, как ему помочь.

— А сейчас нельзя помочь?

— Сейчас еще нельзя.

— Почему?

— У нас с тобой есть более важное дело, — сказал Посейдон.

— Спасти Пашку — самое важное дело.

— Ты ничего не знаешь!

— Я еще мало знаю, — сказала Алиса, — но уже начинаю что-то понимать.

— Что?

— Вы здесь как мастодонты, как вымершие динозавры. Я не знаю, сколько лет вы уже живете под водой, но, наверное, вас раньше было много, а теперь почти никого не осталось. Даже ваша девочка уже старуха. Вы меня извините, пожалуйста, что я так с вами разговариваю, но мне кажется, что вы все немного ненормальные. Почему вы не поднялись наверх? Вас очень хорошо встретят. У нас хорошая жизнь. Вы будете лечиться в санатории и, может, даже писать воспоминания. Представляете, как интересно — «Записки последнего атланта!» И по телевизору будете выступать. Я думаю, что вы много знаете, а если вы умрете от старости или ваш потолок рухнет, то все ваши знания пропадут.

Посейдон слушал серьезно, склонив голову, и чуть кивал, соглашаясь со словами Алисы.

— Наша последняя субмарина, — произнес он, — вышла из строя пятьдесят лет назад. Мы заточены здесь. Мы пленники Атлантиды.

— Но теперь же все изменилось! Мы поднимемся в нашем батискате!

Посейдон отрицательно покачал головой.

— Но почему же? — воскликнула Алиса. — Не так важно, кто живет под водой, а кто на суше. Это наша общая Земля, и вы должны чувствовать себя патриотами!

— Милая наивная девочка! — вздохнул Посейдон. — Так ты ничего и не поняла.

— Чего я не поняла?

— Если я тебе раскрою тайну, меня ждет смерть. Это самый главный наш закон. И я не могу его преступить.

— А если не раскрывать тайну? — спросила Алиса.

— Если не раскрывать, то мы останемся здесь и не сможем отпустить вас. И мы умрем, скоро умрем, потому что надежды не осталось. Но и вы умрете с нами.

— Что за глупая тайна! Что за глупый жестокий закон! — воскликнула Алиса. — Не может быть закона, который обрекает людей на смерть ни за что.

— Твоими устами говорит разум, — печально ответил Посейдон. — Но я воспитан в почтении к закону. И тот, кто правит нами, ставит закон выше жизни.

— Розовая Госпожа?

— Да, Гера.

— А какое она имеет право губить вашу жизнь? Я разговаривала с Меркурием. Он так переживает за свою дочь. И в самом деле, вы слышали, как она кашляет? Ей обязательно нужно на свежий воздух, ее надо лечить, а она сидит здесь.

— Меркурий выжил из ума, — сказал Посейдон. — Мы как маленькая стайка старых скорпионов...

Посейдон включил третий монитор. И они увидели зал Совета Атлантиды.

На троне-кобре сидела Гера. В руке она держала черную шкатулку.

— Так я и знал! — воскликнул Посейдон. — Она нас ищет.

Он ударил ладонью по ряду кнопок, и возник страшный шум, будто невпопад, без нот заиграл духовой оркестр.

Алиса зажала уши.

Посейдон поманил Алису за собой в небольшую нишу, там жестом велел сесть на стул. Потом выключил свет. Лишь огонь-

ки на пульте да зеленые экраны мониторов чуть освещали его лицо.

Голова Посейдона наклонилась к Алисе.

— Я не могу рисковать, — прошептал он ей на ухо. — Она не должна услышать.

Голова Алисы раскалывалась от шума.

— Я боюсь ее, — продолжал Посейдон. — Она убила многих. Тех, кто хотел подняться к людям, тех, кто отказался ей подчиниться. Она безжалостна, в ней не осталось ничего человеческого.

Губы Посейдона дрожали, голос срывался.

— Я открою тебе тайну, потому что хочу, чтобы ты ушла отсюда, — продолжал он. — Иначе Гера скоро уничтожит нашу станцию. Есть такой пункт в Законе: если спасти станцию нельзя и угроза раскрытия неотвратима, начальник станции обязан ее уничтожить. Как только Гера решит, что надежды нет, она это сделает. Поэтому ты должна знать правду.

И в темной нише, при неверном свете экранов, под грозную, нестройную музыку Алиса услышала историю Атлантиды.

Глава 6

ТАЙНА АТЛАНТИДЫ

Три тысячи четыреста лет назад на Землю прилетела экспедиция с планеты Крина.

Мудрая цивилизация той планеты уже давно вышла в космос и овладела секретом межзвездных полетов. Она посылала корабли во все концы галактики. Но эти экспедиции подчинялись строгому Закону: если жители какой-нибудь планеты еще не вышли в космос, если они не готовы к космическим контактам, изучение планеты должно проводиться в строжайшей тайне. Никто там не должен догадаться, что за ними ведется наблюдение. Иначе развитие планеты нарушится, и это может привести к печальным последствиям.

Когда криняне прилетели к нам, на Земле лишь начала развиваться цивилизация. Первые государства создавались в Египте, на острове Крите, в Индии и Китае. А севернее, в лесах Европы, лишь маленькие поселки охотников и рыболовов возникали на берегах рек.

Криняне были настоящими учеными, они внимательно записывали, снимали на пленку все, что происходило на Земле. На их глазах происходил удивительный феномен — рождение великой цивилизации.

Больше всего кринян интересовала Атлантида. Атлантида, слухи о которой дожили до наших дней, была богатым государством. Она лежала на островах Полинезии. Корабли атлантов бросали якоря у острова Пасхи и берегов Америки, ходили в Китай и Индию, достигали Аравии, огибали Африку и посещали Средиземное море. Но однажды, более трех тысяч лет назад, в Тихом океане произошло страшное землетрясение, и Атлантида погрузилась в глубины вод. Могучее государство пропало бесследно.

Эта трагедия произошла на глазах кринянских наблюдателей. Они ничем не могли помочь атлантам, даже их возможностей не хватило бы, чтобы остановить бедствие. К тому же строгий Закон запрещал вмешиваться в дела землян.

Когда Атлантида погибла, криняне начали исследовать утонувшую страну. Они опускались в подземные храмы и пещерные города Атлантиды. Потом кто-то догадался, что из подземной части столицы атлантов можно откачать воду, сделать непроницаемые переборки и таким образом спасти часть сокровищ погибшей страны. Что они и сделали.

И тогда криняне сообразили: подводная Атлантида — идеальная база для их экспедиции. Земляне никогда не найдут ее. С тех пор, уже три тысячи лет, подземные залы утонувшей страны существуют как база космической экспедиции кринян.

Шли годы и столетия. Каждые пять лет менялся состав станции. Ее мониторы могли наблюдать, что происходит в разных концах Земли, подводные корабли доплывали до любого уголка нашей планеты, спутники снимали картины битв и праздников.

По мере того как земная цивилизация развивалась, положение кринян становилось сложнее. Людей на Земле становилось все больше, они уже освоили свою планету, росли города, строились заводы, на полях сражений грохотали пушки...

По расчетам кринян, Земля уже подходила к критической точке своего развития. Это бывает почти с каждой планетой: на ней скопилось много опасного оружия, скоро люди изобретут и атомную бомбу. Немало было в космосе цивилизаций, которые не смогли справиться с этой страшной опасностью и погибли.

На других планетах удавалось преодолеть этот рубеж — запретить оружие и перейти к мирной эпохе.

На Крине понимали, что лет через триста подводную базу придется закрыть.

Если для землян триста лет — срок немыслимо длинный, то для кринян, которые живут дольше, он не так уж велик.

И вот в апреле 1818 года в тропической части Тихого океана опустился космический корабль, который должен был забрать ученых, что прожили на Земле пять лет, и заменить их новой сменой. Смена состояла из сорока молодых, энергичных, жаждущих работы, любознательных и очень образованных ученых. Были среди них биологи, химики, сейсмологи, электронщики, был экипаж подводной лодки и даже ремонтник. Сорок человек — двадцать шесть мужчин и четырнадцать женщин.

Прилет этого корабля и наблюдал капитан брига «Рочестер».

Ученые приняли дела у предыдущей смены, подивились на подземные залы и храмы атлантов, обошли музей, где скапливались столетиями предметы земной цивилизации, проверили лаборатории и, собравшись в главном зале Совета, вслух повторили клятву: «Никогда не преступать Закон. Никогда и никому не раскрывать своей тайны. А если случится невероятное и кто-то из землян проникнет в Атлантиду, члены экспедиции должны притвориться, что они и есть атланты — чудом пережившие катастрофу жители древней страны».

Члены экспедиции много работали, изучали вашу планету, следили за тем, что происходит в мире, снимали фильмы, собирали образцы земной техники и искусства — в этом им помогало море, пожирая корабли и даря исследователям все, что было в их трюмах.

В Атлантиде была большая биологическая станция. Если какому-нибудь виду морских животных грозило истребление, криняне брали к себе последних животных этого вида и сберегали их в своем зоопарке. Поэтому в подземном озере станции жили морские змеи, сирены и морские коровы. А семья взрослых морских змеев обитала в трещине, на дне которой скрывался вход в Атлантиду. Змеи были приручены и узнавали своих хозяев...

В этом месте рассказа Алиса вспомнила, как на них с Пашкой напал морской змей. Посейдон улыбнулся и сказал, что

змей не напал. Он принял их за обитателей станции и решил поиграть.

И тут Посейдон перешел к самой главной и печальной части своего рассказа.

Прошло пять лет. Вот-вот должен был прибыть корабль с Крины со сменой.

Ученые уже собрали материалы, которые они отвезут к себе домой, сортировали записи, паковали пленки и образцы, попрощались со своими питомцами в подводном зоопарке, облетели те места Земли, которые успели полюбить, а корабля со сменой все не было.

Месяц шел за месяцем, но никаких вестей из дома.

К сожалению, на базе не было космического передатчика. Никакой сигнал не достигнет другого конца галактики.

Месяцы превращались в годы, годы — в десятилетия.

Ожидание перешло в отчаяние.

Если сначала была надежда, что корабль со сменой погиб в пути и вместо него прилетит другой — может, через год, может, чуть больше, — то через десять лет последняя надежда пропала. Что-то страшное случилось на родной планете исследователей...

— А когда должна была прилететь смена? — спросила Алиса.

— В 1823 году.

— Но сейчас же 2088 год!

— Мы живем под водой двести семьдесят лет!..

Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Станция могла существовать вечно. Энергию давал термоядерный реактор, пресную воду синтезировали опреснители, море дарило пищу.

Станция-то была вечной, но ее обитатели вечными не были. Кто-то из ученых погиб, кто-то умер от болезни или сошел с ума от тоски. Одно дело — работать на подводной станции и знать, что ты в конце концов вернешься домой, совсем другое — понимать, что ты никогда уже не выйдешь из-под воды, что, вернее всего, твоя родная планета погибла.

— Надо было выйти к нам, — сказала Алиса, — и все объяснить.

— Кому объяснить? — спросил Посейдон. — Представь себе, что в 1860 или в 1870 году из-под воды появляются странные существа с голубыми лицами и рассказывают, что они — пришельцы с другой планеты. Нас просто могли убить.

— Ну а позже?

— А позже мы все, кто остался в живых, стали стариками. Даже наши дети стали стариками. Да и мало детей рождалось в подводном царстве. Из первого поколения нас осталось трое: я, Гермес и Гера. Толстяк Меркурий — мой племянник. А Афродита — третье поколение. Это последний ребенок Атлантиды, она родилась всего девяносто лет назад.

— Девяносто? А она мне сказала, что ей пятьдесят лет.

— Бедная девочка молодится. Она скрывает свой возраст.

— А сколько же лет вам?

— Мне скоро будет триста лет, — ответил Посейдон. — И мой жизненный путь подходит к концу.

Он замолчал. Все так же гремел оркестр и перемигивались огоньки на пультах.

Передохнув, Посейдон продолжил свой печальный рассказ.

Чем меньше оставалось на станции кринян, тем меньше она была похожа на научную станцию. Какой смысл проводить исследования, если их результаты никогда и никто не узнает? Постепенно ломалось оборудование, приходили в негодность приборы. К концу двадцатого века на станции осталась одна действующая субмарина и ни одного летательного аппарата. Потом последняя субмарина вышла из строя. Теперь даже при желании последние жители Атлантиды не смогли бы подняться на поверхность моря. Вымер и зоопарк. Лишь сирены да морские змеи чувствуют себя привольно. Он, Посейдон, единственный из наблюдателей продолжает работу. Не потому, что она нужна, а чтобы не сойти с ума.

— Ничего не понимаю! — воскликнула тут Алиса. — Вот появились мы с Пашкой. Вы должны просить нас: скорее, скорее поднимемся наверх!

— Все не так просто, — сказал Посейдон. — Ты очень молода, Алиса, и не понимаешь, как рассуждают очень старые люди. У нас есть Закон. В нем записаны все правила, по которым мы должны жить. Когда-то он был полезен. Закон приказывал нам работать, Закон предписывал подчиняться дисциплине и выполнять решения Совета. Представь себе: под водой, на немыслимой глубине, без надежды выйти наружу живут несколько человек. У них свой мир, совсем иной, чем на Земле или на несчастной Крине. У нас здесь как бы собственная планета. И на ней, как на планете, есть правительство и есть граждане.

Если у людей нет настоящего дела, они его придумывают. Мне легче других, я с грехом пополам продолжаю свои наблюдения. Старик Гермес следит, чтобы вода не прорвалась в подземелье. А Госпожа Гера правит нашим миром в постоянной борьбе с толстяком Меркурием и его глупой дочкой. Они борются за власть. Не улыбайся, Алиса, ты не знаешь, что порой власть людям кажется важнее работы, даже важнее жизни. Так случилось потому, что мы — пленники собственного мира. Для Геры Закон стал богом. Пока действует Закон, она правит Атлантидой. Пока она правит, она жива. Сто лет назад двое из нас, зная, что Земля уже вышла в космос, хотели подняться на поверхность и рассказать обо всем людям. Гера узнала об этом. И был суд. Она потребовала на Совете казни предателям за нарушение Закона. Я тогда выступил против этого жестокого решения, но люди были приговорены к смерти. Я был уверен, что приговор — пустая формальность. Кто и как будет казнить своих товарищей? А на следующий день этих людей нашли мертвыми. Никто не признался в том, что совершил злодейство. Но я убежден, что их отравила Гера. Ради чего? Ради власти...

— Но неужели вы не пытались дать о себе знать? — спросила Алиса. — Тайком от нее?

— Я — кринянин и подчиняюсь Закону, — сказал старик.

— И вы никогда не кидали в воду бутылку?

— Что за глупая мысль?

— Мы спустились сюда, потому что нашли бутылку с вашими координатами.

— Этого не может быть!

— И все-таки было, — сказала Алиса. Она жалела старого ученого. Он как будто закован в невидимые цепи. И не знает, что хуже: остаться и умереть здесь или уйти отсюда...

— Давайте поглядим, где Пашка, — сказала Алиса. — Он уже, наверное, в ангаре.

Глава 7

ПОБЕДА ГОСПОЖИ ГЕРЫ

С тех пор как Пашка расстался с Алисой, убежав от озера сирен, он многое увидел. И чем больше он видел, тем больше удивлялся и запутывался в своих версиях.

Он был в заброшенном театре, но не догадался, что это театр. Он видел засохший темный сад, где шуршали ветвями мертвые деревья и рассыпались под ногами хрупкие стебли травы. Он увидел странную мастерскую реставраторов. Там когда-то старались возродить произведения искусства, найденные на утонувших кораблях, — чистили от кораллов и ржавчины, укрепляли, паяли, восстанавливали обычные и необычные предметы: ложки, тарелки, часы, картины, скульптуры и даже одежду.

Потом Пашка заблудился, попал в нежилую часть пещерного города и с трудом нашел путь назад. Он спугнул стаю летучих собак, видел белого подземного червя, похожего на канат...

Только на исходе часа Пашка оказался в том музее, где Алиса пережила несколько страшных минут. Он, конечно, спешил, но, когда увидел гигантский склад трофеев, задержался там, потому что заметил парусник.

Пашка много читал о пиратах и мореплавателях и потому сразу определил, что в музее стоит непонятно как перенесенный туда атлантами испанский галеон семнадцатого века «Сарагосса». На орудийных палубах галеона сохранились тридцать две пушки, в каюте капитана — мореходные инструменты, его треуголка и серебряный бокал, а в трюме — груз пряностей и китайского фарфора.

Понятно, что Пашка обследовал галеон от клотика до трюма, потерял на это полчаса, но ничего с собой поделать не мог. Он даже поднялся на верхнюю палубу, увидел там штурвал и постоял, держась за него и воображая, что паруса надуваются над головой и пассат подгоняет «Сарагоссу» к Молуккским островам, чтобы сразиться там с голландским корсаром, что разгромил испанскую факторию...

Пашка был так погружен в собственные мысли, что не слышал осторожных шагов Алисы. И не заметил ее преследовательницу. Иначе он, разумеется, вмешался бы в ход событий. Тем более что через плечо у него висела перевязь с коротким морским абордажным палашом и он мог дать бой любому пирату.

А когда Алиса, умирая от страха, бежала по проходу между роялей, машин, ящиков, танков, статуй, тюков с бархатом, якорей, кроватей, столов, компьютеров, связок копры, Пашка, все еще воображая себя капитаном Хуаном Диего Суаресом, спускался по трапу с другой стороны фрегата.

Он слышал шаги, даже голоса, но меньше всего хотел встретить кого-нибудь из атлантов. Поэтому поспешил прочь от голосов и вышел из музея.

И вскоре он достиг цели.

Зал, в который попал Пашка, был разделен пополам прозрачной перегородкой. По ту сторону перегородки была вода. Зал был совсем пуст, если не считать сваленных в кучу каких-то баллонов и инструментов, а недалеко от перегородки — небольшого пульта, схожего с пюпитром, какой стоит перед дирижером в оркестре.

Вода за перегородкой была темно-зеленой.

Пашка включил шлемовый фонарь и подошел к перегородке.

Луч пронизал толщу воды и высветил узкую, похожую на акулу подводную лодку. Она лежала на дне. За ней, туда луч доставал с трудом, Пашка угадал очертания батиската.

Пашка обрадовался батискату, как родному брату.

— Здравствуй, — сказал Пашка вслух.

Но как проникнуть к батискату? Как проверить, цел ли он? Как вывести его отсюда наверх?

Может, вернуться в город атлантов за Алисой?

Пашка подошел к пульту. «Проверим, как действует система, — сказал он себе. — Ведь наверняка атланты как-то выходят наружу».

Возле кнопок на пульте были надписи на непонятном языке атлантов.

Пашка нажал на крайнюю кнопку справа.

Ничего не произошло, только где-то сверху раздалось слабое жужжание и на пульте загорелся зеленый огонек.

— Как я понимаю, — раздался голос, — ты намерен затопить наш город.

Пашка обернулся.

За его спиной, скрестив руки на груди, стояла Госпожа Гера. Ее большие черные глаза смотрели сурово, белые волосы обрамляли голубое лицо, и розовое платье мягкими складками касалось пола.

— Ты хочешь нам отомстить? — спросила женщина.

Она говорила совершенно серьезно. Пашка даже удивился.

— Почему я должен мстить? — сказал он. — Я хотел узнать, как попасть к нашему батискату.

— Пойми меня, мальчик, — сказала женщина, — мы живем

здесь вдали от всех людей, мы никому не мешаем, никого не трогаем. Нам нужно только, чтобы нас оставили в покое. Если вы выйдете наружу, вы сразу же приведете за собой своих друзей, и наша Атлантида погибнет.

— Почему? — удивился Пашка. — Если хотите, живите здесь. Но мне кажется, вы не очень хорошо живете.

— Мы живем по нашим древним законам.

— Вы, наверное, не представляете себе, как мы живем там, наверху, — сказал Пашка. — Вы оторвались от действительности. Может, в ваши атлантические времена люди враждовали, мешали жить друг другу. Но теперь на Земле мир, все сыты и даже нет армий. Вы не бойтесь. Я вам даю честное слово, вас никто не тронет. К вам будут приезжать только ученые, чтобы вас исследовать.

— Вот ты и проговорился, мальчик, — сказала розовая женщина. — Ты прав. Нас не оставят в покое. Погибнет тайна, погибнет Закон, и мы тоже погибнем!

— Если бы вы заглянули наверх, то поняли бы, как вы не правы!

— Неужели ты думаешь, что мы не заглядываем наверх? Мы знаем о вас все. Мы можем увидеть любую точку Земли. Уже много тысяч лет мы следим за каждым вашим шагом!

— Значит, вы не атланты!

— Для тебя мы атланты.

Женщина вздохнула, прикрыла глаза, стараясь успокоиться. Потом сказала спокойно:

— Прости, я совсем забыла, что ты всего-навсего мальчик и не знаешь действительных побуждений взрослых людей. Тебя легко обмануть.

— Меня не так уж легко обмануть, — возразил Пашка.

— Ты мне нравишься. Ты смелый мальчик.

Женщина подошла к нему и положила руку на его плечо. Пашка покосился на ее руку и увидел, какие узловатые и морщинистые пальцы у Геры. И вдруг он понял, что она стара как мир, что ей много-много лет. Он хотел спросить сколько, но не посмел.

— Любопытно, — вдруг произнесла женщина, — как все изменилось. Я в последний раз встречалась с вами, людьми, шестьдесят лет назад. Я видела водолаза. У него был совсем другой

скафандр. Куда более громоздкий. На какую глубину рассчитан твой?

— На два километра, — сказал Пашка.

— Молодцы! Вы делаете большие успехи. Я помню, как люди опускались под воду только в специальных колоколах. Ты не читал об этом?

— Читал, — сказал Пашка. — Пока под колоколом был воздух, водолаз мог дышать.

— Молодец. А из чего сделан твой шлем?

— Это полистон, — сказал Пашка.

— Дай погляжу, — сказала женщина.

Пашка удивился, но отстегнул шлем и протянул ей.

Женщина надела шлем.

— Мне идет твой шлем? — спросила она с улыбкой.

И что-то в этой улыбке испугало Пашку.

— Отдайте, — сказал он.

— Сейчас, — сказала женщина.

Она медленно отступала от Пашки.

Он сделал шаг следом за ней, и тогда женщина включила шлемовый фонарь. На расстоянии двух метров его свет с такой силой ударил Пашке по глазам, что тот зажмурился.

— Не надо! — воскликнул он и в ответ услышал резкий, колючий смех.

Когда Пашка открыл глаза, он увидел, что дверь в зал закрывается. Стало очень тихо. Пашка не знал, что делать.

И тут он услышал голос Госпожи Геры:

— Прощай, мальчик. Ты мне понравился, но я не могу оставить тебя в живых.

Пашка увидел, как в стеклянной перегородке открылся люк. И в него хлынул поток зеленой воды. Он ворвался в зал так сильно, что казался толстым блестящим канатом, протянувшимся через зал. Струя воды ударила в камень и разлетелась брызгами.

Вода завихрялась по полу, и вот уже весь пол залит водой, вот она коснулась башмаков Пашки, поднялась до щиколоток... Пашка бросился к двери, за которой скрылась Госпожа Гера. Но, конечно, дверь была закрыта... Вода крутилась водоворотами, быстро поднимаясь.

Там, за перегородкой, совсем близко, — батискат. Но до него без шлема не добраться.

Пашка поднял голову, выискивая, нет ли наверху отверстия... Он еще даже не успел испугаться, но был жутко зол, что дал себя провести розовой женщине.

Вода уже поднялась до колен...

Глава 8

КАМЕУСЫ ВЫХОДЯТ НА ОХОТУ

Посейдон начал последовательно, один за другим включать мониторы.

Вот зал музея. Пусто. Вот театр, там никого. Вот покои наследницы. Наследница спит, обняв лысую куклу. Вот берег подземного озера. Сирены сидят у пустых кормушек и заунывно поют...

— Почему у вас такие странные имена? — спросила Алиса.

— Мы взяли их из древних земных мифов. Так велит Закон. Никто не должен догадаться, что мы — пришельцы.

— А ваше настоящее имя?

Ответить Посейдон не успел.

На экране монитора возник зал перед ангаром Атлантиды. Все в зале изменилось.

Зал был залит водой, которая хлестала из отверстия в перегородке.

По пояс в воде металась маленькая фигурка.

— Пашка! — закричала Алиса. — Что с ним? Почему он не уходит?

— Проклятие! — воскликнул Посейдон. — Она нас обманула! Она добралась до него раньше нас!

Вспыхнул еще один монитор.

Алиса увидела, что, отделенная от ангара стеклянным иллюминатором, глядит на Пашкины мучения розовая Госпожа. Она улыбается и гладит Пашкин шлем, прижимая его к груди.

— Она отняла у него шлем!

— Вижу, — сказал Посейдон.

— Скорее, бежим ему на помощь!

— Мы не успеем, — ответил старик.

— Не спорьте!

— Но это безнадежно.

— Пожалуйста! Я же не знаю дороги!

Посейдон кинул последний взгляд на мониторы.

Вот Пашка. Вода уже достигает ему до груди. Пашка старается стащить с себя скафандр, который тянет его ко дну.

Розовая женщина удовлетворенно кивает головой, кидает на пол шлем и быстро уходит...

Алиса первой выбежала из лаборатории Посейдона.

Старик возился с ключами, он волновался, никак не мог попасть ключом в скважину.

— Никто не тронет вашей лаборатории! — сердилась Алиса. — Не тратьте времени.

— Надо запереть. Нужен порядок. Закон запрещает...

— Хоть скажите, куда мне бежать!

— Иду, иду...

Посейдон широкими шагами пошел по коридору. Алиса хотела схватить его за руку и тащить за собой, но она понимала, что он не может идти быстрее.

— Какое изуверство! — бормотал Посейдон. — Докатиться до низкого преступления!

Алиса не слушала старика. Она представляла себе, как вода в подземелье поднимается к потолку и там, стараясь удержаться на плаву, бьется Пашка, но силы его оставляют.

— Долго еще?

— Скоро, — задыхаясь, произнес старик. — Скоро... Я не могу!

Мелькали светильники. Странные статуи улыбались Алисе в залах, летучие собаки проносились черными тенями...

— Здесь, — сказал наконец Посейдон.

Ход раздваивался перед ними: лестница вверх и лестница вниз.

— Там. — Посейдон показал на нижнюю лестницу. — Вход в ангар.

И поспешил по второй лестнице наверх.

— Вы куда?

Посейдон уже стоял перед дверью.

— Мы должны перекрыть воду. А это можно сделать только отсюда.

Он распахнул дверь и с опаской заглянул внутрь.

Алиса поняла: он боится, не поджидает ли их Гера.

Маленькая комната. Пульт управления. Один иллюминатор, глядящий в ангар. Комната пуста.

Посейдон протянул руку к пульту. Алиса кинулась к иллюминатору. И замерла от удивления.

В зале не было воды!

Пол был мокрым, на полу валялись клочки водорослей, расплескалась пятном слизи медуза... Но Пашки и след простыл.

— Где он? Где? — Алиса обернулась к Посейдону, будто он был во всем виноват.

— Я сам ничего не понимаю, — ответил старик. — Кто-то перекрыл воду, включил насосы и выпустил твоего друга... Это загадка.

— Побежали обратно, — сказала Алиса. — Мы включим мониторы и найдем Пашку.

— Если я пробегу еще десять метров, — простонал старик, — я умру.

Он сказал это так искренне, что Алисе стало стыдно. Ведь в триста лет нелегко бегать по коридорам и слушать упреки какой-то девочки. Посейдон нарушил из-за нее Закон, теперь ему пощады не будет. И поэтому Алиса сказала:

— Не бойтесь, я с вами. Я вас не оставлю. Мы возьмем вас наверх, и никакая Гера до вас не доберется.

Голубые губы Посейдона тронула слабая улыбка.

— Спасибо, девочка, — произнес он.

Он с трудом поднялся и медленно пошел к выходу.

Алиса кинула последний взгляд на батискат, который мирно покоился в зеленой воде, такой близкий и такой недостижимый. И вдруг ахнула: батискат медленно начал двигаться.

— Посейдон! — воскликнула она. — Смотрите!

Батискат, набирая скорость, удалялся от стеклянной стены. Вот он включил носовой прожектор, и конус света разрезал зеленую мглу.

— Этого не может быть! — произнес Посейдон. — Он не мог.

— Это Пашка! — радовалась Алиса.

— Но как? Никто не мог вывести его отсюда. Его шлем отняла Гера.

Алиса оглянулась. Шлема нигде не было.

— Пойми же, — упрямо повторял Посейдон, — у толстяка и наследницы ума не хватило бы... да и не нужен им батискат, они хотят править Атлантидой. Старик Гермес давно в маразме... Неужели Гера?

— Конечно, — с иронией сказала Алиса. — Она сначала его утопила, а потом отнесла на батискат.

— Ничего не понимаю, — развел руками Посейдон.

— Все хорошо кончилось, — сказала Алиса, глядя, как светлым пятнышком исчезает в глубине океана батискат. — Сейчас Пашка вызывает по рации ферму на острове Яп. Через час здесь уже будут катера спасательной службы. И власть вашей Геры кончится...

— Мне страшно, — сказал старик. — Я прожил всю жизнь здесь, под водой.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — У нас хорошие врачи.

Посейдон покачал головой...

— Врачи не всегда могут помочь, — вздохнул он.

— Пошли, — сказала Алиса.

— Куда?

— Вам надо подготовиться. Кто-то должен все объяснить нашим.

— Погиб Закон, погибла Атлантида, — сказал Посейдон. — Тебе этого не понять.

— Честное слово, всем будет лучше!

Настроение у Алисы исправилось. Как хорошо, что раз в жизни Пашка оказался сознательным человеком и, вместо того чтобы совершать подвиги, догадался отправиться за помощью!

Если бы Алиса знала в тот момент, как она далека от истины, она бы так не радовалась...

Алиса с Посейдоном осторожно шли по коридору. Старик впереди. У него был замечательный слух, выработанный за многие годы жизни в тишине подводного мира. Он шел медленно, опасаясь каверз Госпожи Геры...

Вдруг он остановился.

— Слышишь? — прошептал он.

— Ничего не слышу.

— Сегодня полнолуние, — сказал Посейдон. — Сейчас там, наверху, взошла луна...

— И что же?

— Камеусы вышли на охоту.

— Я ничего не понимаю.

— Скорее, Алиса, — сказал Посейдон. — Надо спрятаться в моей лаборатории. Туда они не проникнут...

Над головой послышался шорох, потом громкий голос Геры прозвучал в динамике:

— Внимание! Камеусы вышли на охоту. Всем запереться в помещениях. Кто успеет, спешите в зал Совета.

И тут Алиса тоже услышала то, что так испугало старика.

Из недр подземелья доносился шорох, будто тысячи маленьких коготков скребли по камням. Этот шорох, хоть тихий и далекий, таил в себе что-то зловещее...

Старик побежал. Алиса даже не думала, что у него остались силы так бежать. Она бежала рядом, думая, как подхватить старика, если он упадет.

Через несколько метров они достигли двери в центр наблюдения. Старик дрожащей рукой сунул ключ в скважину.

И тут Алиса увидела загадочных камеусов. В дальнем конце коридора показалась серая масса.

Непонятно было, из чего она состоит: смутно мелькали ноги, покачивались спины каких-то существ. Все громче был слышен шорох.

Старик открыл дверь.

— Скорее! — Он почти упал внутрь. — Запри. У меня нет сил.

Алиса взяла у него ключ и, когда запирала дверь, почувствовала, как что-то ткнулось в нее. Потом еще удар...

Алиса повернула ключ.

Старик сидел на полу, прислонившись к стене.

— Все в порядке, — сказала она.

— Я сейчас, — простонал старик. — Сил не осталось...

— Давайте я вам помогу. — Алиса попыталась поднять Посейдона, он был худой и казался легким, но на самом деле поднять его было трудно...

Он потерял сознание, и Алиса, задыхаясь от напряжения, приволокла его во внутреннюю комнату центра наблюдения, где был диван, — не оставлять же старика на каменном полу.

К счастью, диван был низким. Алиса опустилась в ногах у старика.

Отдышавшись, она подошла к пульту.

Вот театр. Что-то темное проскочило в поле зрения монитора. Еще одна тень... Но не разберешь, что это такое.

Алиса стала смотреть на следующий экран. На нем был виден берег подземного озера.

И тут она увидела первого камеуса.

Это был большой серый краб, размером с собаку. Тонкие длинные ноги делали его похожим на паука-сенокосца, только очень большого. Но, в отличие от безвредного сенокосца, у краба были длинные массивные клешни, которые он раскрывал и сводил, будто угрожал.

Не успела Алиса разглядеть первого камеуса, как следом за ним на берег подземного озера выскочили другие. Они разбежались вдоль воды, вынюхивая что-то словно собаки. Алиса увидела, как из озера показалось испуганное лицо сирены и сразу исчезло, как только она заметила камеуса.

Один из камеусов увидел свет в лаборатории над озером. Он скользнул в ее дверь. И принялся пробовать клешнями приборы — может, искал что-нибудь съедобное. Алиса услышала звон и хруст стекла.

Она обернулась, глядя на Посейдона. Но тот все еще лежал с закрытыми глазами и часто дышал.

Алиса хотела заглянуть в другие залы Атлантиды, но не знала, какие кнопки нажимать.

Включались все новые экраны.

На одном было видно море. Солнце склонялось к воде. Алиса взглянула на часы: седьмой час. На базе уже волнуются. Нет, успокоились. Ведь там знают, что случилось.

Включился еще один экран. На нем был виден небольшой городок на берегу моря. Белый мирный городок, несколько корабликов и глиссеров стоят у причала, над улицей медленно плывет флаер... Почему этот городок заинтересовал Посейдона? Надо будет спросить.

Шорох со стороны двери отвлек Алису. Она поняла, что это скребутся крабы.

Посейдон открыл глаза.

— Вам плохо? — спросила Алиса. — У вас есть лекарство?

— Там, — тихо сказал Посейдон. — Синий пузырек. Видишь?

Алиса достала лекарство. Протянула старику.

Он прислушался.

— Они скребутся в дверь? — спросил он. — Это стучит смерть.

— Вы о крабах? — спросила Алиса.

— Камеусы... — Старик открыл пузырек, по комнате рас-

пространился странный острый аромат. Старик поднес пузырек к носу, понюхал... — Последний, — сказал он в ответ на взгляд Алисы. — У нас была аптека, с Крины.

Камеусы продолжали царапаться в дверь.

— Откуда они? — спросила Алиса. — Из моря?

Старику стало легче. Он опустил ноги на пол.

— Спасибо, — сказал он. — Не представляю себе, как ты меня дотащила. Отважная девочка.

Посейдон встал и подошел к мониторам.

Он увеличил изображение на мониторе, что глядел на берег подземного озера, и показал Алисе крупным планом краба, который методично рвал на клочки белый халат, забытый в лаборатории.

— Они жили здесь всегда, — сказал старик. — Правда, судя по всему, раньше они были куда меньше и совсем безвредными. Их ловили, исследовали... Это особый род пещерных крабов. Они таятся в трещинах скал и питаются тварями, что живут в пещерах, — улитками, мокрицами, если повезет, летучими собаками, даже грибами, что вырастают в темноте. Когда много тысяч лет назад это подземелье обжили атланты, крабы стали пожирать объедки, научились ловко воровать пищу, забираться в склады...

— Но ведь Атлантида утонула, — сказала Алиса, не в силах оторвать взгляда от краба, который рвал белый халат. В движениях его клешней и в выражении белых, на стебельках, глаз была холодная жестокость.

— Камеусы мечут икру и затем обволакивают ее плотной оболочкой. В глубинах трещин икринки прожили несколько лет, пока мы не откачали отсюда воду. А затем камеусы приспособились жить рядом с нами. Мы старались их извести, травили ядами. Многие крабы погибали, но те, что остались, перестали бояться ядов. Мы придумали новые способы истребления. Крабы учились с ними бороться. Мы запаковывали органические продукты в специальные контейнеры, камеусы стали прогрызать металл. Пока на станции было много людей, крабы отсиживались в своих трещинах и каменных норах. Но теперь, поняв, что мы бессильны, камеусы перешли в наступление. На наше счастье, крабы становятся агрессивны лишь раз в месяц, когда над океаном поднимается полная луна. В эту ночь они впадают в бешенство. В такие ночи мы собираемся в зале Совета за двойными стальными дверьми, потому что обычная дверь теперь не преграда для них... Но никогда еще я не видел такого нашествия...

— Что же делать? — спросила Алиса.

— Остается только одно: ждать. Как только зайдет луна, крабы исчезнут, спрячутся в своих щелях.

— Скоро прибудут спасатели, а они ничего не знают о крабах.

— Крабы, к счастью, не умеют плавать.

«Странно, — подумала Алиса, — я спешила, бежала — и вдруг остановилась. Я сижу в осажденной крепости и жду спасения. Рядом со мной очень старый человек, пришелец с другой планеты, который сотни лет жил в подводной тюрьме и не смел ее покинуть. И даже сейчас боится. А я к нему уже привыкла. Лицо у него приятное, очень усталое, но не злое».

Алиса поглядела на мониторы.

— А почему у вас некоторые мониторы показывают наш мир? — спросила она. — Вот этот показывает море, а тот — какой-то городок.

— Привычка, — сказал Посейдон. — Я ведь не только наблюдатель. Я занимаюсь тектоникой, изучаю строение Земли. Я прихожу сюда, веду наблюдения, регистрирую процессы, которые происходят в недрах вашей планеты. Работа меня спасает... Хоть она и никому не нужна.

— Теперь все будет иначе, — возразила Алиса. — Вы же знаете многое, что неизвестно наверху. Наверху вас обязательно сделают академиком, вот увидите.

— Наивно, девочка. Кому нужен выживший из ума старик? Все наши открытия безнадежно устарели. Еще сто лет назад мы знали о вашей планете в тысячу раз больше, чем сами земляне. Но ваша наука развивалась с такой скоростью, что теперь мне впору у вас учиться.

— Как жалко, что Закон запрещал вам выйти к людям раньше! — сказала Алиса. — Вы бы нам сильно помогли.

— Мы изучили морское дно. Мы знаем, где под океаном находятся очаги магмы, где — запасы полезных ископаемых. Мы знаем, как предсказывать извержения вулканов и землетрясения... Вот видишь этот гавайский городок Колау? Он спокойно спит, не подозревая, что в шесть утра на него обрушится землетрясение. И не будет больше этого городка — разлетятся на кус-

ки его дома, провалится под землю эта церковь, волна цунами смоет в море порт...

— Какой ужас! — воскликнула Алиса. — И вы так спокойно об этом говорите? Даже муравейник жалко, если он попадет в лесной пожар, а вы же говорите о целом городе, о людях, которые в нем живут!

— Это закон природы, — сказал Посейдон. — Мы не вмешиваемся.

— Вы не вмешивались, вы жили, как подземные кроты! Поглядите, до чего вы докатились! Нельзя быть только наблюдателями. Люди должны помогать друг другу. Знаете, кто вы? Вы преступники. И сами себя наказали! — возмутилась Алиса.

— Если бы мы открылись вам, то ваша судьба изменилась бы. Я не знаю, была ли бы сейчас Земля лучше или хуже, — возразил Посейдон.

— Я говорю не о том, чтобы вмешиваться или не вмешиваться! — сказала Алиса. — А о том, чтобы спасти людей, если им грозит опасность! Если бы опасность грозила вашей планете или даже вашей станции, мы пришли бы к вам на помощь!

— Для того чтобы стать такими, вы должны были сами прожить собственную историю. Сами совершить свои ошибки и сами их исправить.

— Но какую же ошибку совершили люди того города, который спит? И которые погибнут на рассвете?

— Я надеюсь, что ваши сейсмологи уже догадались, что надвигается землетрясение.

— Нет, не догадались. Это ясно. Вы же видите, до землетрясения осталось несколько часов, а в городе спокойно, никакой эвакуации. Значит, о землетрясении никто не подозревает.

— Я ничего не могу сделать, — сказал Посейдон.

— Неужели у вас нет рации?

— Она давно уже вышла из строя. Да и зачем нам связь с Землей?

— Скорей бы спускались спасатели, — сказала Алиса. — Тогда мы успеем предупредить этот городок...

Она была сердита на Посейдона и на всех этих кринян. Вроде бы они говорят правильно, логично, разумно. Но все равно они не правы.

Алиса с надеждой смотрела на монитор, на котором был виден ангар. Скорей бы...

Но там было спокойно. Только один камеус выскочил в зал, быстро переставляя серые ноги, боком пробежал через него, остановился перед стеклянной стеной, вглядываясь в толщу воды. Потом побежал прочь.

Посейдон уселся в кресло перед монитором и сказал тихо, словно чувствовал себя виноватым:

— Надо проверить, как остальные...

Но он не успел этого сделать. На мониторе, который показывал подземное озеро, в толпе крабов, суетившихся на берегу, жадно глядя на перепуганных сирен и морских змеенышей, вдруг возникла паника. Крабы бросились наверх, подальше от воды.

Вода в середине озера расступилась, и из нее показался прозрачный купол. На поверхность поднимался батискат. Еще несколько секунд — и батискат, вынырнув из воды, замер. Можно было различить, что под куполом два человека.

Яркий свет прожектора ударил по берегу. Купол откинулся. В батискате стоял Пашка.

Глава 9

БЕГСТВО ИЗ АТЛАНТИДЫ

Алиса сразу все поняла.

Вместо того чтобы подняться на поверхность и вызвать помощь, безрассудный Пашка отправился сам совершать подвиги.

Почему так случилось?

Но для этого надо рассказать, что же произошло с Пашкой Гераскиным.

...Вода уже достала Пашке до груди, когда он понял, что больше она не поднимается. Вода не только не прибывала, она начала уходить из зала. Слышно было, как работают насосы. Тяжело дыша и чавкая, они выкачивали воду.

Вот вода уже по колено, по щиколотки... вот последние ее струи втягиваются в решетку в полу.

Дверь в зал отворилась, и туда вошел, волоча ноги, старик Гермес. Он был в скафандре, сумка с инструментами через плечо. В руке Пашкин шлем, который унесла Гера.

— Это вы откачали воду? — спросил Пашка.

— Опять поломка, — вздохнул старик. — Везде поломки. Иду, вижу — прорвало. Да и ты остался запертый. Ох, старое все здесь, ненадежное. Попадешься невзначай, утонуть можно. Ай-ай-ай! — Старик тяжело вздохнул и протянул Пашке шлем: — Потерял, что ли?

— Спасибо.

Пашка не знал, что ответить старику. Может, признаться, что шлем отняла Госпожа Атлантиды и хотела его убить? А вдруг старик, чего доброго, сообщит Гере, что ее план не удался, и тогда она вернется, чтобы исправить ошибку.

Но старик сам разрешил Пашкины сомнения.

— И чего же ты хотел, мальчик? — спросил он. — Небось домой захотелось? К маме? Пошли, провожу тебя.

И старик вывел Пашку из зала, провел узким ходом в шлюзовую камеру. Потом задраил внешний люк, спросил, в порядке ли шлем у Пашки. Пашка надел шлем, закрепил его и проверил, как поступает воздух. Все было в норме. Потом старик вытащил из инструментального ящика свой потертый и поцарапанный шлем, похожий на шлем греческого воина, привинтил его и открыл воду. Шлюз быстро наполнился, и старик Гермес открыл внешний люк. Они стояли на дне океана.

Старик побрел вперед. Они не могли разговаривать — системы связи в скафандрах были разными. Пашка уже догадался, что старик ведет его к батискату.

Пашке казалось, что прошла вечность, прежде чем они, миновав субмарину атлантов, достигли батиската. Старик остановился. Он подождал, пока Пашка открыл люк переходника, а через три минуты они уже были внутри батиската и можно было снять шлем.

— Почему вы меня спасли? — спросил Пашка.

— Почему? — повторил старик, глядя на Пашку выцветшими серыми глазами. — Это я себя спас.

— А я думал, что вы ничего не соображаете, — нетактично признался Пашка. — Вы всегда чепуху несли.

— Так все думают, — сказал старик. — Какая опасность от старого дурака? Этим и спасаюсь.

— Но почему?

— Потому что здесь больше жить нельзя. Но и признаться в этом — значит, жизни лишиться. Вот и притворялся дураком.

Пашка уселся в кресло у пульта батиската.

— Куда идти? — спросил он. — Вы знаете?

— Туда. — Старик показал пальцем направление. — Я бы сам на нем уплыл, но не знаю, как управлять.

Пашка включил прожектор и начал разворачивать батискат.

Именно тогда Алиса увидела, как батискат уплывает, и обрадовалась, что Пашка догадался вызвать спасателей.

Старик Гермес тоже решил, что Пашка будет подниматься.

— Через триста метров выход в ущелье, — сказал он Пашке. Голос старика изменился, даже помолодел.

— И давно вы притворяетесь? — спросил Пашка.

— Давно. Если открыть мысли, Госпожа Атлантиды сразу меня со света сживет. Я все старался весть наверх дать. Я знаешь что придумал? Собирал старые бутылки, вкладывал в них записки с нашими координатами и выпускал в море.

— Я знаю! — воскликнул Пашка. — Мы потому и приплыли сюда, что нашли такую бутылку. С координатами.

— Значит, я был прав, — сказал старик Гермес.

— А что же вы подробнее не написали?

— Я напишу, — проворчал старик, — бутылка к Госпоже попадет. Она и догадается. Я человек старый, немощный, мне уже триста лет скоро. Я терпел и ждал. Что с дурака возьмешь? Хожу себе, чиню, латаю...

— Как хорошо, что вы успели вовремя и спасли меня.

— Я не успел. Я знал. Я как выследил, что Госпожа сюда идет, — сразу за ней. И ждал, пока она уйдет. Очень боялся, что она задержится поглядеть, как ты потонешь.

Батискат прошел сквозь горло широкого туннеля и оказался в ущелье.

— Поднимайся, — сказал старик. — Теперь можно.

Но Пашка не спешил перевести рули батиската на вертикальный подъем.

— Подождите, — сказал он, — нельзя оставлять Алиску. Ей угрожает ваша Госпожа.

— Так поднимись, позови на помощь!

— Нет, сначала мы возьмем Алису. Помощь может опоздать.

— Лодка твоя, ты капитан, — вздохнул старик. — Только разумнее вызвать помощь.

— Мы возвращаемся, — твердо произнес Пашка.

— Есть другой путь в Атлантиду, — помедлив, сказал старик. — Через подземное озеро. Там нас не ждут.

Старик боялся возвращаться в Атлантиду. Он нарушил Закон и знал, что сделает с ним Госпожа, если он попадет к ней в руки. Пашка этого понять не мог. А старик, мечтавший лишь о том, что он увидит перед смертью настоящее солнце и вдохнет свежего морского воздуха, мрачно сидел рядом с Пашкой. Он уже жалел, что спас его.

Шлюзовое устройство у озера действовало. И меньше чем через час после того как старик спас Пашку в зале ангара, они вынырнули посреди подземного озера, перепугав и без того испуганных сирен и морских змеенышей.

— Что это? — спросил Пашка, увидев, как от луча прожектора разбегаются камеусы.

— О горе! — воскликнул старик. — Как я мог забыть! Сегодня полнолуние! Камеусы вышли на охоту!

Эти слова старика Гермеса Алиса услышала. Их уловили микрофоны в зале подземного озера.

Алиса слышала, как Гермес объяснял Пашке, что такое камеусы. Посейдон, сидевший рядом, удивленно говорил:

— Этого быть не может! Ведь Гермес давно сошел с ума! Он ничего не понимает! Какая глупость! Нас было двое недовольных, а мы не доверяли друг другу.

Голос Госпожи Атлантиды раскатился по всему подземелью.

— Я все вижу! — кричала она. — Я вижу, какое преступление совершил ничтожный Гермес, который не убоялся моего гнева. Слушай же, предатель Атлантиды, нарушитель Закона: если ты сейчас убьешь этого мальчишку, я сохраню тебе жизнь.

Алиса видела, как вздрогнул Гермес, услышав грозные слова Геры. Он опустил голову, съежился, стараясь спрятаться от разящих слов.

— Не бойся, — услышала Алиса голос Пашки, — ничего она с тобой не сделает.

— Она всесильна, — тихо ответил Гермес.

— Зло не бывает всесильным, — возразил начитанный Пашка.

Крабы, толпившиеся у лаборатории, замерли, тоже слушая Госпожу Атлантиды.

— Я жду одну минуту, — произнесла Гера. — После этого пеняй на себя.

Посейдон включил еще один монитор. Гера стояла посреди зала Совета Атлантиды, держа в руке золотой микрофон в виде змеиной головы.

— Я пойду, — сказал между тем Пашка. — Мне надо найти Алису.

— Ты не пройдешь мимо камеусов, — чуть не плача, произнес Гермес. — Они разорвут тебя.

— Надеюсь, мой скафандр выдержит.

Алиса обернулась к Посейдону:

— Пожалуйста, сделайте так, чтобы он нас услышал. Он должен знать, что мне ничего не грозит.

Посейдон наклонился к микрофону.

— Внимание, — произнес он, — говорит Посейдон. Слушай меня, Госпожа Атлантиды! Слушай меня, Гермес, слушай меня, мальчик Паша. Алиса в безопасности. Она стоит рядом со мной. Госпожа, ты бессильна против нас. Еще вчера мы были разобщены, каждый сам по себе, и потому ты правила Атлантидой и утверждала, что ты и есть Закон. Твое время прошло. Я лишь жалею, что раньше не доверял Гермесу.

— Я тоже жалею об этом! — закричал Гермес, который услышал слова Посейдона.

— Ты одна, Гера, — продолжал Посейдон, — с помощью детей, которые пришли из солнечного мира, мы поняли, что единственный выход — наверх, где ветер и солнце.

— Я убью вас! — кричала Гера. Она отбросила микрофон и протянула руку к рубильнику на стене. — Я затоплю Атлантиду! Никто не выйдет отсюда живым.

— Глупости, — сказал Посейдон. — Гермес и Паша в батискате. Они не погибнут.

Гера замерла. Она поняла, что Посейдон прав.

Обезумевшая от страха потерять власть, Госпожа Атлантиды готова была убить всех. И если кто-то спасется, ее торжество будет неполным.

И тут все услышали отчаянный визг.

Вспыхнул еще один монитор. На нем была видна детская Афродиты.

Наследница сидела на кровати, прижимая к груди куклу, и отчаянно вопила. Ее отец, толстяк Меркурий, стоял посреди комнаты, подняв стул. Им было отчего испугаться: в дверной

трещине шевелилась клешня камеуса. С каждым мгновением щель становилась все шире. Слышно было, как трещит дверь.

Толстяк кинулся к двери и стал суматошно колотить по ней стулом, стараясь попасть по клешне, но промахивался и лишь расшатывал дверь.

— Гера! — воскликнул Посейдон. — Достань оружие. Бери лазерный бластер и спаси Меркурия с Афродитой. Ты Госпожа Атлантиды. Это твой долг — защищать кринян.

— Это священное оружие!

— Открой сейф! Наступил момент.

— Момент? — Госпожа Атлантиды задумалась. Потом тихо произнесла, словно читала: — В момент крайней опасности для станции ее начальник имеет право употребить оружие. Так гласит Закон.

Гера открыла сейф и вынула оттуда лазерный бластер.

И тут же направилась к двери.

— Вот видишь, — сказал Посейдон. — Я рад, что она вспомнила о долге.

— Вы уверены, что Госпожа Гера идет спасать наследницу и Меркурия? — спросила Алиса.

На экране монитора было видно, что Госпожа Атлантиды выбежала из двери. Навстречу ей, раскрыв клешни, кинулись два крупных камеуса.

Зеленый луч вылетел из бластера, крабы обуглились и кучками пепла рассыпались по каменному полу.

Госпожа миновала зал скульптур, потом повернула направо...

— Куда? — закричал Посейдон. — Не туда!

Камеусы, почуяв шаги Госпожи Атлантиды, кидались на нее со всех сторон. Но она резала их лучом, не останавливаясь... Она бежала к подземному озеру...

Алиса поняла: через три минуты Гера увидит батискат.

Она схватила микрофон:

— Пашка, ты меня слышишь?

— Что у вас случилось?

— Гера вырвалась из своей норы и несется вас расстреливать. Она вооружена и очень опасна. Немедленно — погружение.

— Понял, — быстро ответил Пашка.

Одним движением он закрыл колпак, задраил его. Взрывая

бурунчики воды, батискат быстро пошел вниз. Когда Гера, уничтожая камеусов, выбежала на берег озера, лишь водоворот на месте батиската напоминал о кораблике.

Гера выбежала на самый берег, к пустым каменным кормушкам, и начала палить по воде. Взревел раненый морской змей, вода кипела, облако пара поднялось над озером.

— Она больна, — сказал Посейдон. — Она лишилась рассудка.

Как молнии сверкали лучи лазерного бластера. Батиската и след простыл, но Гера не прекращала стрельбы, будто у нее заклинило палец. И она не услышала, да и как в таком состоянии услышишь, что сзади к ней подкрались камеусы.

Даже Алиса, поглощенная зрелищем, заметила их, когда было поздно.

— Сзади опасность! — закричала она.

Но Гера не обернулась. Клешни крабов рванули ее одежду.

Гера упала на каменный пол. Зеленый луч полосовал вокруг, но она не могла прицелиться: клешни крабов резали ее руки.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

Потом была тишина. Только доносился визг наследницы.

— Все, — сказал Посейдон. — Ты свободна, Алиса.

Алиса заставила себя посмотреть на монитор.

Куча тряпок и лужа крови, в которой лежал лазерный пистолет, — вот и все, что осталось от Госпожи Атлантиды.

И тут Алиса увидела, как вода близ берега расступилась.

Из воды поднимался Пашка Гераскин в скафандре. Крабы, закончив свою кровавую трапезу, кинулись к нему, широко разевая клешни.

Но Пашка не обращал на них внимания. Он будто не чувствовал, как клешни вцепляются в скафандр, стараются разорвать его.

Раскидывая крабов кулаками, он дошел до лежавшего на камнях лазерного бластера. Быстро поднял его. Несколькими короткими ударами луча он очистил берег от камеусов.

Потом откинул шлем и вытер перчаткой лоб.

— Алиса, — сказал он, — ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала Алиса.

— Где Афродита и Меркурий?

— Я скажу тебе, как пройти, — сказал Посейдон.

Алиса вместе с ним следила за каждым шагом Пашки, предупреждая друга об опасности, когда из-за кулис в театре на него кинулся громадный камеус, когда еще один протянул клешню из-под кресла, когда целая толпа камеусов устроила засаду в темном проходе, пока другие штурмовали дверь в бывшую гримерную — детскую наследницы.

И Пашка, как в приключенческом романе, успел в самый последний момент. Крабы уже прогрызли дверь, и первый из них махал клешнями, отбиваясь от стула, которым защищался Меркурий.

Но на этом Пашкина работа не закончилась.

Он вызволил и Алису с Посейдоном. И они вместе вернулись к берегу озера.

Когда переходили в батискат, который Пашка поднял на поверхность, на берегу не было ни одного камеуса. Они не хотели больше рисковать. А может быть, сообразили, что люди уходят и камеусы остаются безраздельными хозяевами Атлантиды. Вряд ли они слышали, как Алиса крикнула:

— Недолго вам здесь править! Люди вернутся!

Крабы не ответили. Они не умеют разговаривать.

В батискате было тесно.

Мрачной серой птицей сидел Посейдон, прижимая к груди мешок с записями и документами. Рядом нахохлился Гермес, поставив ноги на драгоценную и никому уже не нужную сумку с инструментами, с которыми он не мог расстаться. Всхлипывала наследница и шептала отцу: «А нас не утопят? Может, вернемся? Крабы уйдут, и мы будем жить с тобой вдвоем». — «Успокойся, — бормотал ее отец, — нам нельзя обратно, нас некому кормить». — «Но у меня не будет своего царства». — «Папочка отыщет тебе царство...»

— Я надеялась, Паша, что ты вызовешь помощь, — сказала Алиса.

— И это вместо благодарности! — Пашка задраил люк. — Я спас население Атлантиды. Что бы вы без меня делали?

— Дождались бы помощи, — сказала Алиса. — Может, даже Гера осталась бы жива.

— Геру мне не жалко, — сурово сказал Пашка. — Она бы все равно отсюда не ушла. А Меркурий с Афродитой обязательно бы погибли.

Он сел за управление батискатом и повел его к шлюзу.

Кто-то постучал по корпусу. Еще...

Алиса удивленно выглянула.

Рядом с батискатом плыли сирены и морской змееныш. Сирены колотили в корпус, просили не оставлять их.

— Товарищи сирены! — крикнул им Пашка. — Через несколько часов здесь будут люди. В том числе биологи. Вы для них — сокровище. Я обещаю вам, что отныне вас будут кормить только вкусно и только до отвала.

Но сирены не поняли Пашку и плыли за батискатом до самого шлюза, и их с трудом удалось отогнать, чтобы они не попали в открытое море.

Как только батискат начал подъем из трещины, Алиса, несмотря на возражения оробевшего вдруг Пашки, взяла микрофон.

— Остров Яп, — сказала она, — вас вызывает батискат-17.

— Это ты, Алиса? — раздался голос Дороти. — Ты с ума сошла!

— Простите, Дороти, мы не хотели вам доставлять неприятности. Но у нас было столько приключений!

— Какие могут быть приключения! — возмущенно ответила Дороти. — Вы же еще дети! Вы забываете, что питаться надо по часам. Вы знаете, сколько сейчас времени?

— Сколько? — виновато спросила Алиса.

— Девятый час, а вы все еще катаетесь по морю. Ужин остыл, кокосовое молоко прокисло, лепешки зачерствели. В следующий раз я оставлю вас без ужина.

— Мы летим, мы спешим! — воскликнула Алиса. — Мы везем гостей. Дороти, вы самая прекрасная, добрая и заботливая женщина на свете.

— Не подлизывайся, — сказала Дороти. — Сколько гостей я должна кормить сегодня?

— Кроме нас, четверых.

— Где же вы их нашли?

— В Атлантиде.

— Поняла, — засмеялась Дороти, — значит, это гидрологи. Скажи им, что я ставлю на огонь жаркое.

Алиса обернулась к кринянам.

Они смотрели на нее внимательно и даже испуганно. И молчали. Им было страшно.

Батискат быстро шел наверх.

Рядом с ним плыл громадный морской змей Эмпедоклюс, который не хотел отставать от своего друга, старика Гермеса.

— Минуточку, Дороти, — сказала Алиса, — не отключайся. Дай мне координаты сейсмической станции в Гонолулу.

— Пожалуйста. — Дороти никогда не удивлялась.

Алиса набрала координаты сейсмологов.

— Сейсмический дежурный по Гонолулу слушает, — послышался голос.

— Говорит подводная ферма острова Яп. Мы имеем информацию, что завтра в шесть утра на острове Оаху случится землетрясение силой в девять баллов. Наибольшим разрушениям подвергнется город Колау.

— Информация достоверная? — спросил сейсмолог.

— На сто процентов. Проверьте по вашим каналам, — сказала Алиса.

— Спасибо, — сказал сейсмолог. — До связи.

Батискат прорвал поверхность воды, и последний отсвет луны мелькнул в кабине.

Когда Алиса поглядела на атлантов, у нее сжалось сердце — какие это несчастные, грязные, изможденные старые люди. И чтобы жалость не отразилась на лице, Алиса улыбнулась и сказала, обращаясь к Посейдону:

— Сейсмологи благодарят вас. Вы спасли сегодня много человеческих жизней.

Маленькая голова морского змея поднялась над водой рядом с батискатом, потом показалась черная туша, короткий хвост... Поднялся фонтан брызг.

И морской змей скрылся в волнах.

Батискат взял курс на остров Яп.

ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

Глава 1

ДИПЛОМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

— Здравствуйте, дорогие дипломники, — сказала Светлана, входя в класс.

Десять семиклассников биологической школы окружили ее.

— Садитесь, — сказала Светлана. — Столы и кресла вам уже малы. Почему вы так быстро растете?

— Вы еще посмотрите, как мы за лето вырастем, — сказал Джавад, который и без того был выше Светланы.

— Все пришли? Никто не заболел? Никто не улетел на денек на Луну? Никто не купается на Гавайских островах? — спросила Светлана, усаживаясь в учительское кресло.

— Если вы меня имеете в виду, — сказал Пашка Гераскин, — то я пришел сегодня раньше всех.

— Этого не может быть!

— Мне тоже свойственно ошибаться, — признался Пашка. — Я становлюсь рассеянным.

— Он хочет сказать, что становится великим, — пояснил Аркаша Сапожков.

— Мне очень приятно, — сказала Светлана, — что в нашем классе будет великий выпускник. Но пока займемся делом. Итак, вы должны мне сегодня сказать, какие путешествия вы себе придумали.

Наступила тишина. Никто не хотел говорить первым. Диплом, который надо защитить после седьмого класса, называется «Необыкновенное путешествие». За месяц надо путешествие совершить, а потом написать о нем необыкновенный отчет. Задача сложная.

— Хорошо было сто лет назад, — сказала Маша Белая.

— Еще бы, — подхватила ее близняшка — Наташа Белая. — Любое путешествие было необыкновенным. Даже на Луну семиклассники еще не летали.

— А еще лучше было тысячу лет назад, — сказал Илюша Чашков. — Тогда еще паровоз не изобрели.

— Надо ли ваши слова понимать так, что вы ничего интересного не придумали? — спросила Светлана.

— Я придумал, — сказал Джавад. — Я уже начал делать воздушный шар, чтобы совершить на нем беспосадочный полет вокруг света.

— Уже летали! — сказал Пашка.

— А я полечу быстрее, — сказал Джавад.

— Очень хорошо, — согласилась Светлана. — Необыкновенным может стать даже обычное на первый взгляд путешествие.

— Конечно! — воскликнула Маша Белая. — Мы с Наташей договорились с дельфинами, что они нас перевезут через Средиземное море.

— И если будет хорошая погода, мы поплывем к Азорским островам, — сказала Наташа.

— Верхом на дельфинах? — удивился Аркаша. — Но ведь это опасно.

— Неужели дельфины дадут нам утонуть? — обиделась Маша.

— Ну а ты, Аркаша? — спросила Светлана. — Ты, наверное, придумал что-то необыкновенное.

— Я совершу путешествие вокруг нашей дачи.

— Как так?

— Я обойду всю дачу и буду наблюдать, как живут насекомые, как растут цветы.

— Теперь я понял, почему он испугался за близняшек! — сказал Пашка. — Сам-то выбрал самое безопасное путешествие на свете. Но если увидишь незнакомую собаку, сразу зови бабушку на помощь.

— Я постараюсь, — улыбнулся Аркаша. — Только она не услышит. Потому что я сначала уменьшусь в сто раз.

— Молодец, — сказала Алиса. — Жалко, что ты меня обогнал.

— Ты тоже хотела путешествовать вокруг дома? Тогда пошли вместе.

— У меня была другая идея, — сказала Алиса. — Я тоже хотела воспользоваться открытием куньминьского физика Ли Чу-

си, который научился уменьшать живые существа. Я собралась повторить путешествие Нильса на диких гусях. В Африку.

— Одно другому не мешает, — сказала Светлана. — Это два различных путешествия.

— Я подумаю, — ответила Алиса. Она была огорчена. Какая же она наивная! Решила, что никто, кроме нее, не подумает об уменьшении.

И пока другие ребята рассказывали о своих планах, Алиса размышляла, может быть, в самом деле отправиться в путешествие вместе с Аркашей? Или все-таки полететь на гусях?

— Гераскин, — услышала она голос Светланы, — что же ты молчишь? Опять рассеянность подвела?

— Не надо иронизировать, Светлана, — серьезно ответил Пашка. — К великим людям нужен особый подход, деликатный. Мы очень ранимы.

— Извините, — сказала Светлана. — Но учти, хоть ты и очень великий, дипломную работу я с тебя спрошу. Иначе в восьмой класс не перейдешь.

— Есть у меня одна мысль... — сказал Пашка. — В общем, я решил совершить путешествие к центру Земли.

— Ого! — сказал Илюша Чашков. — Ради такого путешествия я согласен отказаться от моей идеи.

А идея у Илюши была интересная — он хотел проплыть подземной рекой, что течет под Сахарой.

— Это невозможно, — сказал Аркаша. — Даже взрослые еще не были в центре Земли. Это невероятно трудная задача. Ты забыл, какое там давление?

— Я ничего никогда не забываю, — сказал Пашка.

— Подземный корабль еще только проектируется! — воскликнул Джавад.

— Корабль, может, и проектируется, но подземная лодка уже существует, — отрезал Пашка.

— Хорошо, — улыбнулась Светлана. — А теперь каждый из вас по очереди подходит ко мне и сообщает все детали путешествия, чтобы я убедилась, что оно безопасно. Кто первый? Ты, Илюша? Тогда оставайся в классе, а остальные свободны. Вы сами договоритесь, кто пойдет ко мне следующий.

В школьном саду Пашка отозвал Алису в сторону.

— Слушай, мой юный друг, — сказал он. — Чует мое сердце,

что ты расстроена оттого, что узурпатор Сапожков украл у тебя идею.

— То-то и обидно, что он не крал, — сказала Алиса. — По крайней мере, с точки зрения науки его путешествие более интересное.

— Лилипут бегает в траве от кузнечика! Тоже мне путешествие! Алиска, предлагаю: присоединяйся ко мне.

— Зачем?

— Мне нужен верный напарник. Моя идея уникальная, но одному, пожалуй, не справиться.

— Тогда расскажи, в чем дело.

— Потом. Сейчас ты дашь мне согласие, я расскажу обо всем Светлане, сообщу, что мы едем вместе.

— Пашка, а я знаю, зачем тебе это нужно.

— Зачем?

— Ты боишься, что Светлана тебя одного не отпустит. Признавайся немедленно! Или я с тобой не поеду.

— Значит, поедешь! Жди меня здесь. Я побежал к Светлане.

Вышел он от Светланы минут через десять. И тут же, поманив Алису за собой, побежал к стоянке флаеров.

— Что она тебе сказала? — спросила Алиса.

— Разве это так важно? Главное — мы с тобой вдвоем отправляемся в невероятное и удивительное путешествие к центру Земли.

Глава 2

КУЗНЕЦ СЕМЕН ИВАНОВИЧ

— Сейчас ты увидишь гения, — сказал Пашка Гераскин, направляя флаер вниз, к тихой извилистой речке, отороченной ивами. Речку пересекала запруда, у которой стояла старая седая мельница. Водяное колесо медленно вращалось, с него, сверкая под солнцем, стекали струи прозрачной воды.

За мельницей была видна крыша еще одного дома — тоже старого, бревенчатого, под тесовой крышей. Из трубы поднимался дым.

— Что это такое? — удивилась Алиса.

Ничего не ответив, Пашка посадил флаер на площадке пе-

ред мельницей. Слышно было, как из дальнего домика раздаются гулкие короткие удары.

— Пошли! — Пашка первым направился туда. Широкая дверь была распахнута. Над ней прибита вывеска:

КУЗНИЦА
Кузнец Семен
Как слон силен
ПОСЛЕДНИЙ НАСТОЯЩИЙ
КУЗНЕЦ В ГАЛАКТИКЕ

— Семен Иванович! — сказал Пашка, заглядывая внутрь. — Можно к вам?

— Заходи, коль не шутишь, — раздался в ответ сиплый голос. И снова послышались быстрые удары.

Они вошли внутрь кузницы. Она была невелика и заставлена, завалена железными предметами так тесно, что посреди нее только-только оставалось место для горна и наковальни, возле которой стоял сам кузнец и небольшим молотом стучал по раскаленной докрасна старинной алебарде.

Кузница была удивительной. В первое же мгновение Алиса увидела в ней множество вещей, которые встречаются только в музеях. Там лежала груда лошадиных подков, наконечников копий, алебард, стояли прислоненные к стене решетки и спинки железных кроватей, на гвоздях, вбитых в стены, висели амбарные замки и стремена...

Но удивительнее всего был сам кузнец.

Он был не очень высок ростом, но казался великаном, которого так стукнули по голове молотом, что он вдвое уменьшился, раздавшись во все стороны. Математик бы сказал, что этот человек точно вписывается в куб. Алиса подумала, что этот человек похож на старинный сундук.

— Ну что, решился? — спросил кузнец у Пашки.

— Я ни минуты не сомневался.

— Тогда погоди, — сказал кузнец. — Я еще обед себе не заработал, а уже умираю от голода.

Руки его не переставали работать. Левая быстро и точно двигала раскаленную алебарду, а правая ловко постукивала по ней молотком.

— Павел, — приказал кузнец, — шуруй!

Пашка, видно, был здесь не в первый раз. Он кинулся к мехам и начал работать ими. Кузнец прикрикнул на Пашку:

— Смелей, немощь городская!

Пашка не обиделся.

— Помочь тебе? — спросила Алиса.

— А ты, девочка, иди собирай цветочки! — сказал кузнец, и этим Алисе сразу не понравился.

Но сам он сразу же забыл об Алисе, потому что снова принялся молотить по железу.

— Все! — закричал он торжествующе и сунул алебарду в бочку с водой.

Поднялось облако пара. Пашка распрямился, потер руки — ему было приятно чувствовать себя помощником кузнеца.

— Ну и как? — спросил он. — Получилось у нас?

Кузнец ничего не ответил. Срывая на ходу фартук, он побежал к мельнице.

— Пошли за ним, — сказал Пашка.

— Но он не звал.

— Он никогда не зовет.

Они вошли в старую мельницу. Внутри обнаружилась обширная кухня. На стеллажах вдоль стен бесконечными рядами стояли банки и бутылки с приправами, специями, вареньями, соленьями, маринадами и соками. С потолка свисали длинные связки лука и чеснока, сушеной мяты и укропа. А вдоль стены тянулся длинный широкий стол, на котором стояли кастрюли, миски, чайники, котлы и сковородки. Еще больше их было на старинной плите с шестью конфорками.

— Зажигай! — приказал кузнец, кидаясь к столу и начиная быстро разделывать карпов, которых вытаскивал из ведра.

Пашка наклонился к сложенным у плиты полешкам, ловко наколол лучины, заложил в плиту и разжег ее.

Алиса глазам своим не верила. Она, честно говоря, впервые в жизни видела, как разжигают плиту, только в сказках об этом читала. И было непонятно, зачем же жечь дрова, если еду приготовит электровакуумный комбайн?

Кузнец, который все еще чистил рыбу, словно угадал ее мысли.

— Чепуха! — зарычал он. — Ты эти современные штучки-дрючки брось. Это, прости, не продукт получается, а самоубийство. Может, для вас, людишек умственного труда, роботы-

шроботы и нужны, а нам это без надобности! Больше огня, Пашка!

— Слушаюсь, капитан! — ответил Пашка, подбрасывая поленья в плиту.

— Девчушка, как тебя кличут? — спросил кузнец.

— Алиса Селезнева.

— Алиска, хватай ведро, беги к колодцу, одна нога там, другая здесь.

— А где колодец?

— Найдешь, не слепая!

Кузнец весело улыбался. Он был совсем не такой страшный, как в кузнице. Голова его казалась полушарием, вросшим в покатый холм плеч. Короткопалые руки были подобны слоновьим ногам. И вообще он был больше всего похож на слона, вставшего на задние ноги, только вместо хобота торчал красный носик, по сторонам которого яростно горели круглые голубые глазки.

Алиса взяла ведро и вышла из мельницы.

Колодец она увидела сразу, он был шагах в двадцати, под большой липой. Над колодцем была двускатная крыша, под ней отполированное руками бревно с намотанной на него цепью. Алиса прикрепила ведро к цепи, и бревно принялось крутиться, позвякивая. Потом ведро плеснуло, ударившись о воду.

Только сейчас Алиса поняла, как здесь тихо и ласково. Только и звуков, что монотонное жужжание стрекоз, кузнечиков, мух и других насекомых да отдаленное поскрипывание мельничного колеса. Как будто Алиса попала в сказочный, давно ушедший древний мир, в котором никто и не подозревает, что где-то есть флаеры, космические корабли, роботы и марсиане.

Алиса принялась тянуть ведро из колодца. Железная рукоять поворачивалась с трудом, ведро было тяжелым, и Алиса представила себе, как ведро появится сейчас над срубом колодца, а в нем медленно плавает щука, которая спросит:

— Чего тебе надобно, старче?

Она так поверила своей выдумке, что брала ведро осторожно, как бы щука ее не укусила. Никакой щуки, конечно, в ведре не было, но вода в ведре оказалась газированной, она бурлила от пузырьков, что поднимались к поверхности. Алисе даже почудилось, что нести это ведро было очень легко — вода все время стремилась наверх.

Когда она вернулась с ведром, в мельнице работа шла полным ходом. Жарко и весело трещали дрова в плите, шкворчала на сковородке рыба, закипала в кастрюле картошка, кузнец взбивал мутовкой клубничный мусс, Пашка резал хлеб. Он отколупнул кусок корки и сказал:

— Лучше, чем пирожное.

— Еще бы, — согласился кузнец Семен, — я сам муку мелю и хлеб пеку. Ко мне за хлебом из Австралии прилетают.

И тут он побледнел, даже пошатнулся от ужаса.

— Соус! — закричал он. — Соус перестоялся!

Он схватил с плиты кастрюльку и принялся бегать с ней по комнате, чтобы остудить.

— А почему у вас вода газированная? — спросила Алиса.

— Это не вода! Это нарзан, лучший в мире нарзан. Наливай в чайник, ставь на плиту, потом бери скатерть и приборы в буфете и быстренько накрывай на стол. Поняла, Алиса-киса?

От кузнеца Семена исходил такой шум, грохот, веселье, столько в нем было жизни, что хотелось смеяться.

— Еще минута — и я помру от голода! — закричал он. — Пашка, сливай картошку, волоки на стол, мечи из подпола сметану, соленые огурцы и не забудь квас. Мой квас на нарзане — лучший в мире, за ним из Австралии приезжают.

Наконец через пять минут все было готово и они уселись за стол.

— Начинай! — зарычал кузнец. Он наколол на вилку целого карпа, высыпал из кастрюли десяток крупных, как дыни, картофелин, отломил половину буханки, и в мгновение ока все это исчезло в его пасти.

— Вы Гаргантюа и Пантагрюэль сразу, — сказала Алиса. — Это были такие...

— Не надо объяснений. Я все читал, — ответил кузнец. — Не отвлекай меня, а то аппетит пропадет.

И с этими словами он кинул в рот еще одного целого карпа.

Но больше Алиса на хозяина не смотрела, потому что сама принялась за еду, которая оказалась такой вкусной, что остановиться было невозможно.

Клубничный мусс кузнец есть не стал, пододвинул миски с ним гостям, а сам, вздохнув, сказал:

— Ох, надо мне себя ограничить. С понедельника обязательно сяду на диету.

С этими словами он взял со стола еще одну буханку хлеба и не спеша затолкнул себе в рот.

— А почему у вас в колодце нарзан? — спросила Алиса. — Ведь нарзан в средней полосе не бывает.

— Мой колодец — сверхглубокий, — ответил кузнец. — Я его сделал во время последних испытаний. Нарзан поступает с глубины три километра.

И только тут Алиса вспомнила, зачем они приехали к кузнецу.

Она хотела было спросить про подземную лодку, но кузнец поднял толстый палец и произнес:

— Никаких деловых разговоров. Сейчас все спать, спать, спать. Пища не выносит легкомысленного отношения.

Он с трудом поднялся из-за стола и побрел наружу, где в саду, под яблоней, Алиса увидела помост, заваленный сеном. Там все они и заснули.

Разбудил Алису шмель. Он летал над самым ухом и занудно жаловался на жизнь. Солнце уже стояло низко, тени стали длинными. Слышно было, как поскрипывает мельничное колесо. Пашка спал на сене, раскинув руки и ноги, как парашютист в свободном падении. Кузнеца Семена не было видно. От сена пахло сладко и сонно. Может, еще подремать? Пять минуток?

И тут от мельницы донесся громовой голос кузнеца:

— Вставать, вставать, чай готов!

— Я не хочу чаю, — ответил Пашка, не просыпаясь.

Алиса вскочила. Ей было неловко. Приехали к одинокому мужчине и улеглись спать, а он вынужден заниматься хозяйством.

Кузнец уже сидел за столом. Он сам все приготовил. Притащил самовар литров на сто, сверкающий как раскаленная лава, расставил чашки, разлил по вазочкам варенье и, главное, испек такую гору пирожков, что над ней поднималась только блестящая макушка кузнеца.

— А мужик твой спит? — спросил кузнец, наклоняясь в сторону, чтобы увидеть Алису.

— Я думаю, он скоро придет, — сказала Алиса. — Он любит все делать сам, не выносит, когда ему приказывают.

— Понял, — сказал кузнец и усмехнулся. И тут же закричал на всю округу: — Павел! Не ходи пить чай! Спи немедленно!

Но его приказ запоздал.

Пашка уже стоял на пороге.

— Ясное дело, — сказал он. — Если дрова пилить, то где Гераскин? А если чай с пирогом, то о Гераскине забыли.

— Представляю тебя занудным стариком, — сказал кузнец. — Ты же всех своих внуков перепилишь.

Пашка стоял в неуверенности — то ли смертельно обидеться, то ли счесть слова кузнеца шуткой. Но кузнец сам решил за него эту задачу.

— Есть выход, — сказал он. — Давай есть пирожки наперегонки. Ты берешь, я беру. Кто последний взял — проиграл.

— Ой! — сказала Алиса. Она уж не знала, когда кузнец шутит, а когда говорит серьезно.

— Давайте, — сказал Пашка, усаживаясь за стол.

Кузнец начал соревнование всерьез. Он глотал пирожки словно горошины, а Пашка тем временем спокойно жевал, запивая чаем, не спешил, только спросил:

— А кто выиграет, что получит?

— Любое желание, — ответил серьезно кузнец.

— Ты же проиграешь! — шепнула Алиса.

— Проиграю — значит, проиграю, — сказал Пашка, продолжая не спеша жевать пирожок. — Хорошие сегодня пирожки у вас получились. Мне сейчас с капустой попались.

— А ты правее возьми, вон там, с брусникой. Сказка!

И не дожидаясь, пока Пашка возьмет пирожок справа, кузнец схватил оттуда пригоршню пирожков. Гора уменьшалась на глазах. Это уже была не гора, а пологий холм, над которым ритмично двигались ручищи кузнеца, словно ковши экскаватора.

И тут Пашка подобрался, словно изготовился прыгнуть.

Пальцы кузнеца скользнули по блюду, подбирая последние пирожки. Пашка мгновенно вытянул руку, схватил предпоследний пирожок и крикнул:

— Я выиграл, Семен Иванович!

Ручища кузнеца замерла над последним пирожком. Он поднял глаза на Пашку, хлопнул белыми ресницами и сказал с уважением:

— На вид маленький, а жуешь как великан. Придется тебе с понедельника садиться на диету вместе со мной.

— Мне это еще не грозит, — сказал Пашка.

— Желание сейчас будешь заказывать или потом?

— Потом, — сказал Пашка.

— Правильно. Тогда часок передохнем и пойдем смотреть машину.

— У меня желание, — сказал Пашка.

— Понял, — ответил кузнец, улыбаясь, — пошли смотреть машину сейчас.

Глава 3

ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА

Кузнец Семен Иванович с трудом поднялся из-за стола и пошел впереди. Хоть ножищи у него были толстыми, все равно Алиса удивлялась, как они выдерживают вес такого тела.

Они миновали колодец, прошли сквозь заросли орешника, и тут Алиса увидела покосившийся сарай. Двери его были заперты на замок. Семен Иванович начал искать по карманам ключ, не нашел, рассердился, рванул замок, дужка отлетела, и он сказал:

— Ничего, завтра починю.

И они оказались в сарае.

Кузнец рванул за большой железный рычаг у двери, и деревянный пол в сарае разъехался у самых Алисиных ног. Образовалась большая продолговатая яма. На дне ямы лежало веретено метров в десять длиной с широкой винтовой нарезкой, отчего Алисе оно показалось похожим на длинный батон с заостренными концами.

— Вот она, моя подземная лодочка, — сказал кузнец Семен. Он включил свет, и яркие лампы, спрятанные под стропилами сарая, залили все белым светом.

Кузнец первым спустился по лесенке к подземной лодке.

Он обошел ее, похлопывая словно лошадь.

— Ну как, красавица? — спросил он.

— У меня желание есть, — сказал Пашка.

— Но ты его уже заказал.

— То было не желание, а пожелание, — сказал Пашка.

— Не вижу разницы.

— А я вижу, — сказал Пашка. — Как честный человек, вы должны выполнять условия.

Тут кузнец расхохотался, принялся хлопать себя руками по бокам и повторять:

— Ну, хитрец, ну, Пашка, хитрец! Ну перехитрил! Ну перехитрил старика!

Отсмеявшись, кузнец подошел к люку, что был врезан в борт подземной лодки, и начал его отвинчивать. Он, видно, почувствовал, что Алиса смотрит на него с удивлением, поэтому, не оборачиваясь, сказал:

— Ты не думай, Алиска-барбариска. Изнутри все на автоматике. А вот чтобы снаружи открыть, нужна моя сила.

Внутри подземной лодки было темно. Кузнец просунул в люк ручищу, пошарил там, нашел выключатель, и в лодке загорелся свет.

— Влезайте, — сказал он, — поглядите, как там. Может, не понравится.

Пашка в мгновение ока нырнул в корабль. Кузнец подсадил Алису, и она буквально свалилась на Пашку. Там, в лодке, было страшно тесно, они умещались, лишь прижавшись друг к другу. Даже ноги некуда было вытянуть, потому что они упирались в пульт управления.

— Ну как устроились? — раздался голос снаружи.

— Замечательно, — сказал Пашка. — Можно попробуем?

— Как ты попробуешь, если не учился? — спросил кузнец. — Ты мне машину сломаешь.

— Вы же мне показывали, — возразил Пашка.

Пульт был выкован из железа, узорчатый, витиеватый, вместо кнопок на нем были изогнутые рукоятки, а рядом торчали ажурные головки ключей.

Пашка повернул рычажок, над пультом загорелась лампочка, спрятанная в выкованную сеточку словно в корзинку.

— Эй ты, неслух! — послышался голос кузнеца. — Ты хоть люк закрыть не забудь.

— Я ничего никогда не забываю, — ответил Пашка и повернул другой рычажок. Сбоку послышался удар — захлопнулся люк, затем — страшный визг. Алиса вздрогнула.

— Что это? — крикнула она, стараясь перекричать визг.

— Понятное дело, — ответил Пашка. — Люк завинчивается.

Пашка взялся за два больших рычага, что торчали в узких прорезях пульта, и одновременно двинул их вперед.

— Теперь держись!

Дрожание лодки усилилось, и тут Алиса почувствовала, что

сползает с железного кресла на пульт — нос лодки начал крениться вниз.

— Совсем забыл, — сказал Пашка. — Привяжись.

Он вытянул со своей стороны конец широкого брезентового ремня, перекинул через Алису, та нащупала со своей стороны крепление, защелкнула ремень. Теперь они были привязаны одним ремнем к креслу, но все равно было очень неудобно, потому что приходилось руками упираться в край пульта, чтобы не стукнуться об него головой.

— И так будет всегда? — спросила Алиса.

— Настоящий исследователь не имеет права надеяться на легкую прогулку, — строго сказал Пашка. — Если не нравится, останешься дома и будешь путешествовать вокруг дома вместе с Аркашей. Но если вас сожрет какой-нибудь необразованный паук, я не отвечаю.

— Мы уже под землей? — спросила Алиса, чтобы переменить тему разговора.

— Разумеется. Где включается экран, ты не помнишь?

Вопрос был риторическим. Пашка принялся поворачивать ключики. В кабине зажегся яркий свет, потом погас, включился вентилятор, из крана, похожего на кран самовара, который высунулся из стены как раз над Алисиным ухом, полилась вода...

— Не то, — бормотал Пашка, — не то...

Вдруг над пультом зажегся экран. На нем появилась цифра 6. Она поехала вправо, а от левого края экрана двинулась к центру цифра 7.

— Вот видишь, — сказал Пашка. — Я же говорил. Мы на глубине семь метров. Теперь можно перейти на горизонтальный ход.

Пашка потянул на себя два рычага, и лодка приняла горизонтальное положение. Алиса с облегчением откинулась на спинку кресла.

— А как она работает? — спросила Алиса. — Снаружи непонятно.

— Как все гениальное — просто, — сказал Пашка. — У этой лодки два корпуса. Как орех в скорлупе. Внешний керамический, жаростойкий, с резьбой. Он ввинчивается в породу как бур. А внутреннее ядро, в котором мы с тобой сидим, остается неподвижным, как бы плавает внутри бура. Этой лодке никакие

породы, никакая температура не страшны. Мы можем с тобой сквозь вулкан пройти, и хоть бы что.

— И это он сам сделал?

— Собственными руками. Что мог — выковал в кузнице. — Пашка показал на приборы на пульте. — А что не смог, заказал, ему сделали по его чертежам. Простой скромный гений.

— А почему он тебе эту лодку дал? Разве он ее не для себя делал?

— Нам с тобой повезло, — ответил Пашка. — Пока он ее изобретал и строил, он так растолстел, что ему в люк не влезть. А кому-то надо под землю идти. Вот и повезло кузнецу.

— Повезло?

— Конечно, повезло, что он меня встретил. Он за меня теперь двумя руками держится.

— Что-то ты, Пашка, темнишь, — сказала Алиса.

— Я не темню. Сейчас вылезем на поверхность, он сам тебе все расскажет.

На экране цифра 7 уезжала обратно и снова появилась шестерка.

— Постепенно поднимаемся, — сказал Пашка. — Видишь, какое простое управление.

— Вижу, — сказала Алиса. — Любой ребенок сможет.

— Ну не любой, — ответил Пашка серьезно, — а очень талантливый. Нужна интуиция. И точность. И не мешай мне. Мы поднимаемся наверх. Река позади.

Алиса следила, как на экране сменяли друг дружку цифры: 5, 4, 3, 2, 1, 0.

— Приехали, — сказал Пашка. — Пора вылезать. А то Семен Иванович проголодается, уйдет ужинать.

Снова раздался страшный визг — это отвинчивался люк.

И в этот момент лодка качнулась, нырнула носом вниз, на экране снова поехали цифры — только в обратном порядке: 0, 1, 2, 3...

Лодка замерла.

— Это что такое? — удивилась Алиса.

Послышался грохот — открылся люк.

И в ту же секунду в кабину хлынул поток воды.

— Мы в речке!.. — успела крикнуть Алиса, но тут же вода ударила ее, кинула на Пашку, дышать было нечем, со всех сто-

рон стенки — не выберешься, никуда не денешься... Алиса пыталась задержать дыхание и отыскать в темноте люк, но подземная лодка, видно, повернулась, погружаясь в воду, и руки никак не могли нащупать выхода. Воздуха не хватало — Алиса инстинктивно рванулась вверх и выскочила из воды — оказывается, под потолком кабины остался пузырь воздуха.

Но где Пашка?

И стало страшно... страшно до смерти.

Алиса выплюнула воду и позвала:

— Пашка!

Голос ее не слушался, звук его заглох в узком темном пространстве.

Алиса решила нырнуть, чтобы отыскать друга, но тут же натолкнулась на него. Он бултыхался совсем рядом и, видно, не сообразив, вцепился в Алису и чуть не утащил ее под воду.

— Погоди, Пашка! — крикнула Алиса.

И в этот момент подземная лодка накренилась, дернулась, вода хлынула наверх, Алиса еле успела набрать воздуха, как оказалась снова под водой. И непонятно было, то ли лодка поплыла сама по себе, то ли ее крутит водой.

Тут, видно, Алиса потеряла сознание, потому что ей вдруг показалось, что она лежит на солнечной поляне, светит солнце... Она ударилась о жесткую спинку железного кресла, свалилась в узкое пространство за ним, больно ударилась и пришла в себя.

... Лодка покачивалась, будто попала в шторм, но воды в ней не было.

Удар. Лодка замерла.

Алиса стала карабкаться из-за кресла.

Из люка в кабину протянулся луч света. Пашка лежал в кресле, закрыв глаза.

Что-то темное закрыло люк, послышался глухой голос:

— Вы живые или нет?

— Живые, — с трудом ответила Алиса.

— Тогда вылезайте, мне за вами не залезть.

Алиса сообразила, что голос принадлежит кузнецу. Она подхватила Пашку под мышки и потянула к люку.

Пашка начал кашлять. Он отбивался, но вяло, будто сам не соображал, что делает. Могучие ручищи кузнеца встретили

Алису у люка, рывком вытащили ее наружу, затем выволокли Пашку.

Алиса упала на траву. Хотелось только одного — лежать, закрыв глаза, и ни о чем не думать. Но она заставила себя открыть глаза и сесть. Кузнец сидел рядом с ней, перед ним лежал на траве Пашка, и кузнец делал ему искусственное дыхание.

Пашка махал руками и все еще кашлял.

— Посадите его, — сказала Алиса. — Только не бейте его по спине, позвоночник сломаете.

— Еще чего не хватало, позвоночники ломать, — обиделся кузнец.

Пашка открыл глаза и сказал между приступами кашля:

— Я сам, со мной все в порядке. А где Алиска?

— Я здесь.

— А лодка? Лодка утонула?

— Лодку я вынул, — сказал кузнец. — Я как увидел в речке пузырьки — сразу понял, что ты не там выскочил да еще сдуру люк раскрыл.

— А откуда мне знать...

— Молчи, путешественник! Пришлось мне в речку лезть и лодку на берег тащить. Хорошо еще, что я сильный, в лодке четыре тонны веса. Чуть не надорвался, пока на берег вытянул.

— Спасибо, — сказала Алиса. — А мы чуть не захлебнулись.

— Так чего же вы на приборы не смотрели? — сказал кузнец укоризненно. — Там же есть указатель, где лодка — в земле, в воздухе или в воде.

— Я забыл, — сказал Пашка, — я думал, что мы снаружи. Я на указатель глубины посмотрел, он на нуле, вот я люк и открыл.

— Нет, — сказал Семен Иванович. — Лодку я вам не доверю. Мне нельзя на душу такой грех принимать. Ты же не только себя загубил, ты невинную девочку погубить решил, разбойник.

Пашка ничего не ответил. Он снова закашлялся, но Алиса не была уверена, что ему хотелось кашлять. Кашель был дипломатическим. Пашке очень хотелось, чтобы его пожалели, но никто его жалеть не собирался.

— Подводим итог, — сказал кузнец. — Испытания провалились. Команда к походу не готова. Пошли одежду сушить. Заодно перекусим.

Глава 4

СТАРШИЙ БРАТ ГАРОЛЬД

За ужином Семен Иванович был печален, ел он мало: три жареные курицы, пирог с капустой, мешок пряников и ведро чая. Пашка сначала оправдывался — он не терпит признаваться в своих ошибках.

— Жаль, очень жаль, — сказал Семен Иванович, допивая последнюю, семнадцатую чашку чая. — Я так надеялся... это был мой последний шанс.

— Еще не все потеряно, — сказал Пашка. — Я постараюсь оправдать ваше доверие. Будем считать, что произошла случайность... больше она не повторится.

— А если так случится под землей, на глубине ста километров? Тогда как я вас вытащу? И что мне скажут ваши родители? Нет, и не мечтай.

Кузнец так расстроился, что смахнул со щеки слезинку, тяжело поднялся из-за стола и побрел на улицу.

— Ну вот, — сказал Пашка, — видишь, что ты наделала!

Алиса только улыбнулась. Она понимала — кто-то должен быть во всем виноват. Только не Пашка.

Она осталась убирать со стола. Потом вымыла посуду. За всей этой историей скрывалась непонятная трагедия, в которую Алису не посвятили.

Когда Алиса наконец вышла на поляну, она увидела, что кузнец сидит на большом пне, а вокруг него, заложив руки за спину, ходит Пашка и что-то доказывает. Алиса подошла к ним.

— Я вам не помешала? — спросила она.

— Нет, — ответил кузнец. — Пашка твой меня уговаривает. А я не поддаюсь.

— Алиска, подтверди, что на меня можно положиться! — воскликнул Пашка.

— Когда как, — честно ответила Алиса.

— Да? А кто Черного рыцаря победил? А кто пиратскую мамашу разоблачил? А кто, наконец, до лесного города долетел? Ты?

— Я и говорю — когда как, — повторила Алиса.

— Жаль, — сказал кузнец. — Я так надеялся...

Было тихо. Тонкие, легкие облака плыли по вечернему небу.

Солнце уже опустилось низко, и тень от колодца пролегла через всю поляну.

— Мой бедный брат, — произнес кузнец. — Сколько еще тебе ждать спасения?

— Ваш брат? — не поняла Алиса.

— Она ничего не знает, — сказал Пашка.

— Мой брат Гарольд, — сказал кузнец. — Гарольд Иванович. Ведущий талант в систематике пещерных сколопендр, рыцарь науки, святой человек... мой учитель во всем, в большом и малом, мой славный братишка!

Голос кузнеца дрогнул.

— Я не могу...

Кузнец тяжело поднялся с пня и сказал:

— Подождите, я сейчас. Мне надо успокоиться.

Он вернулся в мельницу.

— Что случилось с его братом? — не выдержала Алиса.

— Его брат Гарольд пропал без вести в какой-то очень глубокой пещере.

— Ой, как страшно! И давно это случилось?

— Давно, — отозвался Семен Иванович, подходя. Он держал в руке жареный свиной окорок и обкусывал его, как куриную ножку. — Это случилось двадцать лет назад. Поиски ни к чему не привели. Я — единственный человек в мире, который не поверил в смерть Гарольда. Остальные... только посмеиваются надо мной.

— Поэтому вы и построили подземную лодку? — спросила Алиса.

— Пошли ко мне, — сказал кузнец. — Я расскажу все по порядку.

Жил Семен Иванович в мельнице, на втором этаже. Посреди комнаты стояла низкая железная кровать, спинки которой были выкованы из множества виноградных листьев. Рядом с кроватью был низкий столик с лампой, на котором лежали справочники по металлургии и стояла ваза с леденцами, а белые стены были увешаны фотографиями.

Семен Иванович уселся на кровать, гости рядом с ним, и, глядя на стену, кузнец принялся рассказывать, в нужных местах показывая пальцем на ту или иную фотографию.

— Вот это мои бабушка и дедушка, — говорил он, — я их

почти не помню. Мой дед был энтомологом. Он отыскал на Марсе пустынных паучков и этим прославился.

— Мы проходили это в школе, — сказала Алиса. — Его фамилия Бордаев.

— Это наша общая фамилия, — сказал Семен Иванович. — Молодец, Алиса-киса, ты меня радуешь. Ты, наверное, хорошо учишься.

— Прилично, — сказала Алиса.

— Она почти отличница, — честно сказал Пашка.

— Чего о тебе сказать нельзя.

— У меня бывают срывы, — сказал Пашка. — Настоящий талант не может быть отличником.

— Неубедительно, — сказал Семен Иванович. — А вот это мои папа и мама. В день свадьбы. Мой папа тоже хотел стать энтомологом, но моя мама страшно боялась пауков, и ему пришлось заняться кулинарией. Он изобрел торт «Двойной сюрприз». Не слышали?

— Нет, — сказала Алиса.

— После смерти папы никто не смог его изготовить. Этот торт состоит только из начинки. Но начинка сделана из десяти сортов ягод и плодов, сливок и кефира. Она совершенно жидкая и даже частично газообразная. Для того чтобы этот торт не расплылся, папа придумал специальное силовое поле. А вот и мы с Гарольдиком.

На следующей фотографии была изображена вся семья. В креслах сидели бабушка и дедушка, они держали на коленях двух мальчиков. Сзади стояли папа и мама. Мальчики были очень разные. Тот, что постарше, был худеньким, серьезным и грустным. Младший был веселым крепким бутузом.

— С детства мы были очень разными. Гарольдик отлично учился и никогда не баловался. А из меня получился большой шалун.

Кузнец тяжело вздохнул и продолжал:

— Вы не представляете, сколько пришлось из-за меня пережить моим родителям и брату! И не только в раннем детстве. Именно я стал причиной трагической гибели наших родителей. Да, я! Как сейчас помню этот страшный момент. Мне было четыре года, и мне захотелось попробовать новый папин торт, над которым он работал второй год. Это был суперторт, которым можно было накормить всю планету. Достаточно было поло-

жить на тарелку затравку, сделанную из крема, как этот крем начинал расти.

— Как так? — удивилась Алиса.

— Он забирал из воздуха атомы и сам строил из них свои молекулы. Ты положил на тарелку чайную ложку крема, а через час получалась целая цистерна прекрасного крема. Папа хранил крем в специальном контейнере, потому что не изобрел еще способа, как остановить крем, если он начинал расти. Но я подглядел, куда он клал ключ от контейнера, и однажды, когда все легли спать, я открыл контейнер, положил затравку на тарелку и начал ждать, пока она увеличится. Как сейчас помню, в доме тихо, все спят, я сижу возле тарелки и смотрю, как на глазах увеличивается комок крема. А как трудно мне удержаться, чтобы не попробовать, но я терплю, а крем все растет, растет как снежный ком...

Кузнец замолчал, рассеянно запустил пальцы в вазу с конфетами и ссыпал их себе в рот. Проглотил, не заметив, что они были в фантиках, и продолжал:

— Когда крем начал расползаться с тарелки, я взял ложку, ведь я был воспитанным мальчиком, и принялся его есть. Крем был такой вкусный, что я забыл обо всем. Помню только, как мне пришлось отступить, когда крем сполз со стола, помню, как я ел его на улице, а он выползал из окон и расплывался по газону... Помню какие-то крики, шум. Мои родители утонули в креме, стараясь остановить его, но Гарольдика они успели выбросить в окошко. Я не сразу узнал, что стал сиротой, потому что меня увезли в больницу и с трудом спасли. Беда была не только в том, что я съел слишком много крема. Беда была в том, что он и во мне продолжал расти. Лучшие медики и химики мира не спали несколько суток, пока придумали способ остановить крем. К тому времени, говорят, он затопил мой родной город Кинешму. Меня спасли... но на всю жизнь я остался калекой.

— Калекой?

— Как мне объяснили доктора, мой организм для того, чтобы спасти себя, перестроился и научился переваривать пищу в сто раз быстрее, чем нормальный. Вы видели, какой я обжора. Это не распущенность. Это безнадежная болезнь. Мой брат Гарольдик, который после смерти родителей стал меня воспитывать, возил меня ко всем врачам-диетологам, я проводил месяцы в санаториях, но кончалось все печально: меня приходилось выписывать, потому что я пожирал все, что лежало вокруг, я воровал пищу с соседних столиков, грабил кухни и склады.

А оттого, что я так много и быстро ел, во мне бушевала энергия. В двадцать лет я уже был чемпионом мира по толканию ядра, только ядро у меня было в десять раз тяжелее, чем у остальных, иначе со мной никто не желал соревноваться. А с соревнований по поднятию штанги меня выгнали...

Кузнец показал на фотографию молодого атлета, который держал одной рукой штангу весом килограммов в пятьсот.

— Только представьте себе эту трагедию, — продолжал кузнец. — Всю жизнь Гарольд мечтал пойти по дороге нашего дедушки и открыть новый вид пещерной сколопендры. Он так любил порядок, тишину, систематику! А ему достался я... Вместо библиотек он посещал мою школу и выслушивал жалобы учителей на мое поведение. Он не выносил обжорства, а вынужден был кормить меня с утра до вечера. Он ценил тишину, а я ее всегда нарушал. Я дрался, целовался с девочками, прогуливал уроки, а Гарольдик терпел. И только когда с грехом пополам я кончил школу, Гарольд договорился, чтобы мне отдали эту мельницу, где я устроил пекарню. Правда, пользы от этой пекарни мало — я пожирал свежие булочки быстрее, чем их пек. Но, по крайней мере, Гарольд мог больше обо мне не беспокоиться. А в один прекрасный день двадцать лет назад он сказал мне: «Все, Семен. Я выполнил свой долг. Остаток жизни я посвящу науке. Я наведу порядок в энтомологии».

— Это наука о насекомых, — пояснил Пашка, хотя все знали, что это такое.

— Я испек мешок булочек для Гарольда, он взял с собой длинную веревку и фонарь и спустился в глубокую неисследованную пещеру, что начинается как раз за мельницей. Он сказал, что вернется, как только отыщет свою сколопендру. Но не вернулся... Вот и все.

— Нет, не все, — сказал Пашка. — Вы о себе не рассказали.

— Обо мне? Что можно сказать обо мне? Я понял, что мой долг спасти моего брата. И я решил посвятить остаток моей жизни поискам Гарольда.

— А разве его не искали? — спросила Алиса.

— Его искали. Его искали с помощью современных прибо-

ров. Целый месяц экспедиция спелеологов исследовала пещеру. И никаких следов...

— Может, он погиб? — спросил Пашка. — Провалился в трещину и погиб?

— Тогда бы его нашли. Нашли бы его тело. Но раз его не нашли, значит, он ушел так глубоко, что спелеологи были бессильны. Нет, мой брат жив!

— Значит, подземную лодку вы построили, чтобы отыскать его?

— Разумеется, — сказал кузнец.

— И вы ее сделали сами? Собственными руками?

— Я изобрел ее и построил всю, до последнего винтика!

— Но кто вам рассказал, как ее делать?

— Мне подсказало мое горе, любовь к брату и чувство вины.

— Это удивительно, — сказала Алиса. — Ни один институт еще не изобрел такую лодку, а вы изобрели.

— А моя наследственность? А мой папа? Мой дедушка? Они наградили меня талантами, которые раньше пропадали втуне. Первым делом я построил кузницу у своей мельницы, потому что лодка должна была быть очень крепкой. Я проводил в кузнице дни и ночи, пока не стал лучшим кузнецом в мире. Ко мне прилетают даже из Австралии, чтобы выковать то, что никто не может выковать. В музее народного искусства вы можете увидеть мои учебные работы: железную веточку ландыша в натуральную величину, паутину с пауком и три подкованные блохи. Но это все шутки...

— Шутки гения, — сказал Пашка.

— Нет, — серьезно ответил Семен Иванович. — Это шутки огорченного человека. Это лишь первый шаг к спасению Гарольда. Потом я перечитал всю литературу по металлургии и теплостойким сплавам, выучил все, что касается бурения. И потратил десять лет, пока создал такую лодку, которая может достичь центра Земли. И тут случилось новое горе!

— Какое? — спросила Алиса.

— Я вырос.

— Выросли?

— Да, я несколько растолстел. Я много работал, я махал молотом с утра до вечера, но мой организм все время требовал пищи. И я сам не заметил, как немного располнел. Изготовление внешнего корпуса потребовало двух лет упорного труда. И ко-

гда лодка была готова и я захотел испытать ее, оказалось, что влезть в люк я не могу. Я готов был себя убить!

— Надо было сесть на диету, — сказал Пашка.

— Не говори глупостей, Павел, — ответил кузнец. — Я не только сел на диету. Я целый день не ел, я потерял сознание от голода, но похудел только на один килограмм. А если во мне лишних сто двадцать?

— А сколько не лишних? — спросил Пашка.

— Триста сорок, — ответил кузнец.

Наступила тишина. Кузнец нагнулся, достал из-под кровати мешок с конфетами, высыпал в вазу и немного подкрепился.

— Я готов был себя убить. Но потом понял, что моя смерть не спасет Гарольда. Я должен найти человека, который согласен подхватить эстафету, выпавшую из моей растолстевшей руки.

— И это был я, — без лишней скромности сказал Пашка.

Но Алиса не поверила своему другу.

— А почему вы не обратились к ученым, к испытателям, к спелеологам? — спросила она.

— Я обращался, — сказал толстяк. — Но меня, к сожалению, подняли на смех. Неужели, сказали они, какой-то кузнец-самоучка может построить подземную лодку, которую до сих пор не изобрел наш институт? Разве они могли понять, что мною двигали высокие чувства, а ими — только научные планы? Однажды сюда приехал доктор Воляпюк. Он осмотрел мой корабль и сказал, что моя лодка никогда не сможет проникнуть в глубь Земли, потому что я самоучка.

— А вы? — спросила Алиса.

— Я выкинул доктора на тот берег речки. И больше ко мне никто не приезжал.

— Кроме меня, — сказал Пашка.

— А как же вы встретились? — спросила Алиса.

— Мы встретились в музее народных талантов, — сказал Пашка. — Мне так понравилась кованая паутина, что я решил научиться кузнечному делу. Ты же меня знаешь!

Алиса кивнула. Она знала, какой Пашка увлекающийся человек.

— Я сюда прилетел, и мы подружились.

— Пашка — хороший парень, — сказал кузнец. — Но одного я его под землю не отпущу. Надежности в нем мало. Я ему так и

сказал: найдешь солидного спутника — бери корабль, отправляйся к центру Земли.

— Вот я и привез сюда Алису.

— Ну хитрец! — сказала Алиса. — А сам сделал вид, что все произошло случайно.

— Но теперь я сомневаюсь, — сказал кузнец. — Ведь путешествие нешуточное, а сегодня Пашка чуть вас не утопил.

— Больше этого не повторится.

— Под землей меня не будет... Нет, не возьму такого греха на душу.

— Алиса, ну скажи! — взмолился Пашка. — Скажи, что ты будешь за мной следить!

— За тобой нелегко следить.

— Но ты подумай о брате Семена Ивановича. Он уже много лет сидит под землей, он мечтает увидеть солнце. Он ждет спасения! Неужели в тебе нет сердца?

Пашка может уговорить даже чугунную тумбу. А Алису уговорить легче. С ее-то любовью к приключениям!

— Но как мы его найдем? — спросила Алиса, и Пашка вздохнул с облегчением. Если она спрашивает, значит, уже колеблется. — Ведь прошло...

— Двадцать лет, — сказал кузнец.

Алиса подумала, что двадцать лет никто под землей не проживет, и, видно, Семен Иванович угадал ее мысли, потому что сказал:

— Гарольдик жив. Я получил от него записку. В прошлом году.

Кузнец расстегнул рубашку, вытащил висевший на груди золотой медальон, раскрыл его, достал изнутри свернутый в трубочку золотой листочек и расправил его на столе.

— Смотрите, — сказал он. — Это я нашел у моей двери в прошлом году.

На листочке чем-то острым были выдавлены маленькие буквы:

У меня все в порядке. Вынужден задержаться. Нашел три вида неизвестных науке насекомых. Надеюсь, ты ведешь себя достойно.

Гарольд

— В прошлом году? — спросила Алиса.

— А это значит, что он находится где-то там. — Кузнец показал под ноги: — И не может вырваться. Видите, он написал: «Вынужден задержаться».

— Значит, под землей есть жизнь, — сказал Пашка. — И мы стоим на пороге открытия.

— И эта жизнь не отпускает ко мне Гарольдика!

И кузнец не выдержал. Он зарыдал. Страшно было смотреть, как рыдает такой громоздкий мужчина.

Алиса поняла, что обязательно отправится в глубь Земли, чтобы воссоединить Семена с братом Гарольдом.

— А долго надо будет путешествовать? — спросила она.

— День-два, не больше! — радостно откликнулся Пашка. — Лодка ведь быстроходная.

— Пашка прав, — сказал сквозь слезы Семен. — Ведь не в раскаленном же центре Земли запрятан мой брат!

— Мы найдем его, даю слово, — сказал Пашка. — Завтра в путь.

— Нет, — сказал кузнец. — К путешествию надо подготовиться. И я хочу, чтобы Алиса научилась управлять лодкой. Пускай она будет главной.

— Еще чего не хватало! — воскликнул Пашка. — Я же мужчина!

— Ты легкомысленный мужчина, — сказал кузнец. — Или Алиса, или никто.

— Ладно, — взял себя в руки Пашка. — Я сдаюсь.

Ему очень хотелось отправиться в недра Земли. Он жаждал великих приключений и открытий.

Семен Иванович проводил их до флаера. Уже стемнело, жужжали комары. Громко плеснула рыба у плотины.

— Завтра с утра испытания, — сказал кузнец.

Он поднял руку, прощаясь со своими юными друзьями, и побрел в мельницу, чтобы чего-нибудь перекусить.

Глава 5

В ГЛУБИНАХ ЗЕМЛИ

Три дня продолжались тренировки экипажа и испытания подземной лодки. Алиса быстро привыкла к тесной каюте, сама сшила две подушки, чтобы не так было жестко сидеть на желе-

зе, а Семен Иванович усовершенствовал привязные ремни. Теперь они надежно подхватывали терранавтов и не давали уткнуться носом в пульт. Слово «терранавты» придумал Пашка. От латинского слова «терра» — земля. Слово всем понравилось, и даже подземной лодке дали название «Терранавт». Правда, написать это слово на борту было нельзя — лодка сотрет его о грунт в две секунды. Зато Алиса написала его большими буквами на обложке судового журнала. Ведь не бывает корабля без судового журнала. За спиной водительского кресла укрепили контейнеры для воды и еды. Места там было достаточно. И хоть договорились, что путешествие продлится только два дня, Семен Иванович набил эти контейнеры продуктами так, словно сам собирался в далекое путешествие.

— Ничего, — сказал он Алисе, когда она начала было спорить, — ведь Гарольдик так изголодался, он будет рад домашним продуктам.

За дни испытаний «Терранавт» пробуравил поляну так, будто на ней резвились громадные кроты. Алиса уговорила кузнеца после путешествия передать чертежи лодки ее знакомому сантехнику — ведь нет лучшего способа делать подземные коммуникации, чем проходить их на «Терранавте». Тем более что его внешняя оболочка могла разогреваться до трех тысяч градусов, и тогда стенки туннеля, который лодка прокладывала в земле, становились твердыми и гладкими, как фарфоровые.

Наступил четвертый день. Семен Иванович вызвал из Москвы трейлер, погрузил на него лодку, отвез ко входу в пещеру. Там он и поджидал путешественников. Когда прощались, он вручил им выкованные им за ночь острые ножи и каски, блестящие, легкие и крепкие. Спереди — фонари, которые не требуют подзарядки тысячу часов и светят ярче любого прожектора.

— Если встретится подземная опасность, — сказал Семен Иванович, — сразу включайте фонари — подземные жители не терпят яркого света.

— Подземная опасность, — прошептал Пашка с надеждой. Он мечтал встретить подземную опасность.

На прощание Семен Иванович нежно обнял друзей и передал им письмо для брата и фотографию Гарольда. На ней был изображен худенький молодой человек в очках, с бородкой. Человек был очень серьезен.

— Наверно, мой брат изменился, — сказал Семен. — Но вы его узнаете. Он добрый.

Кузнец был взволнован. Он вытащил из-за пазухи буханку и принялся ее жевать.

Алиса с Пашкой залезли в лодку.

— Поехали! — сказал Пашка.

Алиса включила механизм, который закрывал люк, потом проверила, как работают приборы. Пашка с нетерпением ждал, когда же начнется путешествие. Но молчал, потому что дал слово Алисе, что капитаном корабля будет она. И слово свое держал.

Все приборы работали нормально. Алиса включила двигатель и толкнула вперед две большие рукояти. Лодка задрожала, ввинчиваясь в землю.

Над пультом в изящной кованой рамочке появилась цифра 1.

Алиса включила экран. Он тоже был обрамлен рамкой из железных листочков. По экрану бежали цифры, которые показывали плотность породы.

— Земля, — сказал Пашка.

На третьем метре порода стала плотнее. Алиса посмотрела на спидометр — «Терранавт» ввинчивался в землю со скоростью метр в минуту. Конечно, это был не предел скорости, но Семен Иванович просил не торопиться.

— Один недостаток у нашей лодочки, — сказал Пашка. — Дрожит.

— Привыкнем, — сказала Алиса.

Она с удивлением посмотрела на экран, который показывал плотность породы — цифры на нем внезапно побежали назад, к нулю. Алиса хотела было сказать Пашке, что прибор испортился, но в тот момент они почувствовали, что лодка падает. Если бы не ремни, терранавты вылетели бы из кресел.

— Держись! — крикнула Алиса, не отрывая глаз от глубиномера.

Цифры на нем выскакивали как сумасшедшие.

Лодка ударилась во что-то, свалилась набок, выпрямилась и снова полетела в глубину.

— Это пещера! — крикнул Пашка.

Еще удар! Лодка замерла. Алиса перевела дух и выключила двигатель.

Стало очень тихо. Только слышно было, как часто дышит Пашка.

Глубиномер показывал 67 метров.

— Конечно, пещера, — согласилась Алиса.

— А крепкий у нас кораблик, — сказал Пашка, который как раз пришел в себя. — Грохнулся с высоты двадцатиэтажного дома и хоть бы что.

— Да, кораблик хороший, — согласилась Алиса. — Только я очень испугалась.

— А я, честно говоря, даже не успел.

— Может, выберемся, посмотрим, что вокруг? — предложила Алиса.

Пашка согласился. Они надели шлемы и открыли люк.

— Далеко не отходим, — сказала Алиса.

— Что ж я, не понимаю, что ли? — сказал Пашка. — Здесь все равно ничего интересного.

«Терранавт» лежал, заклинившись в расщелине. Если посветить наверх, то увидишь, как она расширяется.

— Здесь проходил спелеолог Гарольд, — сказал Пашка.

Гулкое пещерное эхо отозвалось перекатами шума.

Когда эхо смолкло, под землей стало тихо. Даже в ушах звенело от тишины. Только где-то далеко капала вода...

— Поехали, — сказала Алиса.

Они снова забрались в лодку. На этот раз управлял ею Пашка.

Лодка врезалась в стену расщелины и начала снова пробиваться в глубь Земли.

Целый час они двигались без приключений. Лишь на счетчике выскакивали новые цифры да показатель плотности утверждал, что порода за бортом становится все плотнее и немного теплее, словно горячее дыхание центра Земли добиралось до ее коры.

Висеть на ремнях было неудобно. Поэтому Алиса предложила идти вниз под углом в сорок градусов. Пускай скорость будет не та, зато меньше устаешь.

— Но тогда мы сильно отклонимся от той пещеры, сквозь которую спускался Гарольд, — сказал Пашка.

Сказав так, он тут же перевел «Терранавта» на планирующий спуск, потому что тоже устал висеть на ремнях.

Еще через полчаса они выпрямили лодку и перекусили.

— Знаешь что, — сказал Пашка, — давай еще на полкилометра спустимся, а потом обратно.

— Почему? — удивилась Алиса. — Мы же всего-навсего на сто пятьдесят метров спустились.

— Скучно!

— Ну вот, — заметила Алиса, — ты же сам хотел пробиться к центру Земли.

— До центра нам целый год добираться.

— Ну пускай не до центра. Хотя бы до того места, откуда пришло письмо на золотом листке.

— А ты уверена, что оно настоящее? — спросил Пашка. — А вдруг его Семен Иванович сам написал?

— Зачем?

— Чтобы мы согласились в этой лодке путешествовать.

— Слушай, Пашка, — рассердилась Алиса. — Тебя никто за язык не тянул. Ты сам меня затащил в это необыкновенное путешествие.

— Но я же думал, что оно в самом деле необыкновенное, а оно — самое скучное путешествие в мире. У этой проклятой лодки даже никаких рук нет, чтобы образцы забирать. Может быть, мы сейчас проходим мимо алмазных месторождений и даже не подозреваем об этом.

— Не ворчи, — сказала Алиса. — Займись лучше корабельным журналом. Будешь вести его через пятнадцать минут.

— И что записывать? Как капитан Селезнева чихнула?

— Я уверена, что еще будут приключения, — сказала Алиса. — А пока что я увеличиваю скорость вдвое. Ты согласен?

— Нет!

— Ты не согласен?

— Каждый лишний метр значит, что нам придется дольше подниматься. Ты об этом не подумала?

— Ты совсем пал духом, — сказала Алиса. — Открывай журнал и пиши, как мы открыли подземную пещеру.

Пашка подчинился. Со вздохом он достал журнал, записал что-то в него, потом открыл контейнер, вытащил оттуда пирожок, начал скучно жевать его, да так и задремал, повиснув на ремнях. Алиса не стала его будить — хуже нет, когда экипаж недоволен. Когда-то матросы чуть было не заставили Колумба вернуться обратно. Послушался бы он матросов, осталась бы Америка неоткрытой.

Пашка проспал почти час. За это время лодка опустилась еще на сто метров. На счетчике глубины горели цифры — 205 метров. Ой, подумала Алиса, которая тоже очень устала, сколько же нам придется подниматься? А если откажет двигатель? И ей стало не по себе от мысли о том, какой толстый слой камня отделяет их от солнца.

И куда они стремятся? А вдруг до самого центра Земли идет камень, сплошной камень?..

Где искать этого Гарольда?

Сами руки потянулись, чтобы повернуть рукоятки на подъем. Но упрямство взяло верх. Еще часок, может, два часа, сказала себе Алиса, и будем возвращаться.

Пашка мирно спал, свесившись ей на плечо, а минуты текли медленно, и было слишком тихо, лишь урчал двигатель.

Алиса незаметно задремала, а когда в следующий раз она поглядела на глубиномер, тот показывал 306 метров. Алиса кинула взгляд на второй экран. Плотность упала. Алиса посмотрела на таблицу и поняла, что лодка находится в воде. Понятно, почему она так быстро опускается. Видно, они попали в подземное озеро или даже море. Интересно, глубокое оно?

На отметке 440 метров погружение прекратилось и лодка снова начала вгрызаться в породу. Если внизу под морем какая-то новая пещера и в ней скрывается несчастный Гарольд, то через туннель, который пробурит лодка, вода хлынет туда и все затопит, испугалась Алиса. Но потом она вспомнила, что не включала обогреватель внешнего корпуса, поэтому лодка отбрасывает породу назад и закупоривает туннель.

Пашка пошевельнулся во сне, лениво открыл глаза и не сразу сообразил, где он. Потом проснулся окончательно, посмотрел на экран и не поверил своим глазам.

— Что это? — спросил он. — Сколько я спал?

На экране горела цифра 456.

— Посчитай, — сказала Алиса. — Ты заснул, когда было двести метров?

— Да.

— Значит, проспал четыре часа.

— Шутишь!

— Посмотри на экран. Он не будет врать.

— Что-то неладно, — сказал Пашка. — Четыре часа... Нет, не может быть! Поворачивай назад. Хватит!

— Я пошутила, — сказала Алиса. — Мы прошли сквозь подземное море глубиной в двести метров.

— Море? И ты меня не разбудила? Ты предательница.

— Но в лодке нет иллюминаторов, и ты все равно ничего бы не увидел.

Пашка успокоился, но вскоре стал жаловаться, что у него все затекло. Они поменялись местами на кресле, но это не помогло. Алисе тоже надоело висеть на ремнях в махонькой каюте.

Может, и в самом деле повернуть назад?

Алиса решила подождать, пока об этом снова попросит Пашка. Иначе, когда они вернутся на поверхность, он будет всех уверять, что хотел пробиться к центру Земли, да вот Алиска испугалась и сорвала экспедицию.

— Смотри! — крикнул Пашка.

На показателе плотности снова был 0.

— Держись! — крикнула Алиса.

Лодка начала падать. Казалось, что она падает страшно долго. Цифры глубины слились в сплошную линию. И когда наконец лодка ударилась о дно и покатилась по нему, отчего все в каюте перепуталось, на глубиномере горела цифра 624. Это была уже рекордная глубина! Наверное, ни один человек еще не спускался так глубоко.

— Все, — сказала Алиса, потирая ушибленную руку. — Приехали.

— Давай вылезай поскорее, — сказал Пашка. — Полцарства за то, чтобы выпрямить ноги!

Люк со скрежетом и визгом открылся. Они спрыгнули на каменный пол громадной пещеры, и, как ни старались достать до потолка ее лучами фонарей, так его и не увидели. И во все стороны простиралась пустота.

Тихо. Совсем тихо.

Никто не живет на такой глубине.

— Знаешь, что я сейчас сделаю? — сказал Пашка. — Я вытащу из кабины подушки и буду спать на полу. Не возражаешь?

— Только будем спать по очереди, — сказала Алиса. — Мало ли что...

— А если придет Гарольд, — сказал Пашка, залезая в лодку за подушками, — скажи ему, чтобы подождал, пока я проснусь.

Пашка положил подушки на камень, вытянулся и закрыл глаза.

Все-таки он храбрец, подумала Алиса. Я бы никогда не осмелилась здесь заснуть. Конечно, известно, что внутри Земли никто не живет. Но ведь получил же записку Семен Иванович... А почему здесь не жить? Воздух хороший, свежий, совсем не холодно. Только темно. Но к этому можно привыкнуть.

И Алиса решила пройти немного вперед, посмотреть, что представляет собой пещера, в которую они попали.

Только она сделала шаг вперед, как услышала голос Пашки:

— Нет, — сказал он. — Спать я не смогу. Я думал, что я устал, на самом деле хочу начать исследования. Не уходи без меня!

Пашка вскочил и догнал Алису.

И они пошли по гулкому подземному залу, где никогда не ступала нога человека.

Глава 6

В ГОСТЯХ У ПЛЕМЕНИ ОХОТНИКОВ

Метров сто они прошли по гладкому, словно отполированному полу, затем пол начал полого подниматься, кое-где встречались светлые столбики сталагмитов, сверху падали редкие капли воды. Алиса запрокинула голову, посветила фонарем, оказалось, что потолок здесь совсем не высок, с высоты трехэтажного дома свисали многочисленные сосульки сталактитов. И чем дальше они шли, тем ниже опускался потолок и гуще становились столбики и сосульки, кое-где они соединялись, образуя неровные, тонкие посредине стволы, будто путешественники попали в лес.

— Как бы нам не заблудиться, это будет глупо, — сказал Пашка.

— У меня компас на руке, — сказала Алиса.

— Ему здесь нельзя доверять. Вдруг где-то рядом запасы магнитного железняка?

— Пойдем обратно?

— Погоди, что-то блестит.

За лесом сталактитов поднималась гладкая скала. Она была черной, лишь кое-где поблескивали звездочки светлых вкраплений.

— Как ты думаешь, это алмазы? — спросил Пашка.

— Надо бы в справочник по минералогии поглядеть, — ответила Алиса.

— Но я его не взял.

— Зато я взяла, — ответила Алиса. — Только он на борту остался.

Пашка попытался отковырнуть кусочек скалы, но ничего не получилось. Нож только скользил по ее поверхности.

— Легкомысленно ты отнеслась к путешествию! — сказал Пашка. — Надо было молотки взять, взрывчатку.

— В следующий раз возьмем, — ответила Алиса.

— В следующий раз поедешь с кем-нибудь еще, — мрачно сказал Пашка. — Лучше бы я вокруг дома с Аркашей пошел. Сражались бы сейчас с пауками и гусеницами. Все интереснее. Здесь никакой жизни нет.

Но Пашка глубоко заблуждался.

Алиса вдруг почувствовала, что они не одни. Нет, она ничего не услышала и не увидела — так же тихо вокруг, но воздух... шевельнулся, будто повеял легкий ветерок.

Алиса оглянулась.

Луч ее фонаря скользнул по столбам сталактитов и отразился в человеческих глазах.

Кто-то наблюдал за ними.

— Пашка!

— Ну что еще?

— Пашка, здесь кто-то есть!

— Где?

Алиса не успела ответить, потому что раздался пронзительный свист и со всех сторон на них кинулись какие-то черные страшные существа, навалились, повалили на каменный пол. Алиса отбивалась, как могла, ее пальцы хватались за шерсть, за крепкие корявые пальцы, скользили по мощным мышцам... Но сопротивление было безнадежно. Она почувствовала, как ее поднимают и тащат.

— Пашка!

— Я здесь!

Алиса сообразила, что ее несет кто-то большой и сильный, перекинув через плечо. Она стала молотить кулаками по спине этого существа, но оно не обращало на это внимания.

Путешествие закончилось быстро.

Алису кинули на землю. Она увидела, что неподалеку горит большой костер, мохнатые люди, что схватили терранавтов, окружили их и переговариваются между собой возбужденно и громко.

Язык этих существ состоял не из слов, а из каких-то междометий.

Так как Алису никто не трогал, она приподнялась и села. Пашка лежал рядом.

— Пашка, — сказала Алиса, — ты живой?

— Живой, — ответил Пашка. — Только они меня по голове стукнули.

Услышав голоса пленников, мохнатые люди принялись еще громче ухать, ахать и рычать, но в их поведении не было ничего враждебного. Вернее всего, они были очень удивлены, увидев в своем подземелье таких странных гостей.

Местный ребенок вертелся возле Алисы и трогал ее ручонками. Алиса направила на него свет фонаря, ребенок зажмурился и заверещал, а большой мохнатый человек, что тащил Алису, рассердился и ударил кулаком по фонарю.

Удар был такой сильный, что Алиса поняла: еще раз стукнет — фонарь вдребезги. Так что она выключила фонарь, и мохнатый успокоился. А ребенок отбежал к костру и тер глаза, плакал. Мохнатая женщина подошла к нему и стала успокаивать.

— Уух, — сказал мохнатый человек. — Ты?

— Я Алиса, — ответила Алиса, поднявшись на ноги. Она ткнула себя пальцем в грудь и повторила: — Алиса.

Мохнатый охотник подумал немного, его маленькие, спрятанные в глубоких глазницах под низким покатым лбом глазки заморгали — видно, мохнатый соображал. Наконец он сообразил и произнес:

— Алиса! — И ткнул ее в грудь коротким пальцем. Потом еще подумал, ткнул себя пальцем и сказал: — Рын!

И все мохнатые вокруг повторили:

— Рын! Рын! Уух как Рын!

— Начало положено, — сказал Пашка. — Первая встреча доктора Ливингстона с дикарями на реке Замбези.

Он сделал шаг вперед и, ткнув себя в грудь, сказал:

— Павел Гераскин! Москва!

Эти слова привели мохнатых в полное замешательство. Ни-

кто из них не мог выговорить таких сложных слов. Мохнатый начал было стараться:

— Аве! Аски... Мо-ва...

Потом махнул рукой и отвернулся от Пашки. Зато при виде Алисы он рассмеялся, показав все свои могучие клыки, и повторил:

— Алиса!

Потом снова показал на себя и повторил:

— Рын.

Остальным Алиса тоже понравилась. Мохнатые люди по очереди подходили к ней, и каждый представлялся, и каждому Алиса называла свое имя. Пашке это не нравилось, но на него никто не обращал внимания.

Потом мохнатые люди повели Алису к костру и посадили на круглый камень. А когда Пашка тоже постарался занять там место, его оттолкнули в темноту, и Рын зарычал, показав клыки. Пашка счел за лучшее подчиниться.

На костре, насаженное на железные пруты, жарилось мясо.

Один из мохнатых людей долго выбирал куски получше, потом протянул прут Рыну, который был здесь главным. Рын понюхал, одобрил мясо и, сняв кусок с прута, дал Алисе.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Сзади из темноты донесся шепот Пашки:

— А он рук не моет.

Сам Пашка не отличался чистоплотностью, но сейчас у него было плохое настроение.

Алиса откусила кусочек, мясо было мягкое, но несоленое.

— Как? — спросил Рын. — Ах, добро? Кус-кус?

— Ах, кус-кус, — согласилась Алиса.

— Они здесь подземных крыс едят, — сказал злобно Пашка.

Рын услышал голос Пашки и не одобрил его тона, потому что, не поворачиваясь, метнул назад большую кость. Послышался удар и Пашкин крик:

— Так и убить можно!

Алиса вскочила:

— Пашка, тебе больно?

— Еще бы, крысоеды проклятые. Ты, Алиса, как хочешь, но я возвращаюсь в лодку и беру курс наверх.

На самом деле он, конечно, никуда без Алисы не двинется, но унижений Пашка не выносил.

— Пашка, ах! — сказала Алиса Рыну. — Уух, хороший!

— Нет, — отозвался Рын. — Он груб!

— Груб! Груб! Груб! — закричали остальные мохнатые люди.

Алиса обернулась и протянула Пашке кусок мяса.

— Не надо, — гордо сказал он. — У меня в лодке жареная курица есть.

Но мясо сжевал в мгновение ока.

Подошли две дикие мохнатые женщины, они стали щупать Алисины волосы, гладить шершавыми пальцами ее лицо. Алиса терпела, хоть и было страшновато.

— Алиса, — тут, Алиса, — кус-кус всегда, — сообщил Рын.

— Нет, — сказала Алиса. — Спасибо за гостеприимство, но у нас здесь дело.

Издали послышались голоса. Они приближались.

Мохнатые люди поспешили туда, где тускло светили факелы. Вскоре к костру подошла еще одна группа подземных жителей. Они волокли за собой большую мохнатую тушу. Морда была оскалена, острые зубы оскалены — это же медведь! Огромный черный медведь!

— Вот это добыча! — сказал Пашка.

— А ты говорил — крысы, — сказала Алиса.

— Но крыс они тоже едят, даю слово, — сказал Пашка.

Женщины сбежались к медведю, начали каменными скребками сдирать с него шкуру.

Главный охотник, седой, хромой, обросший шерстью так, что сам был похож на медведя, сел к костру и, посмотрев на гостей, спросил Рына, кто такие.

Рын начал объяснять, больше жестами, чем словами.

— Я попрошусь с ними на охоту, — сказал Пашка. — С моим ножом я для них находка.

— Этого еще не хватало, — сказала Алиса. — Нам пора уходить.

— Нет, — сказал Рын. — Кус-кус свежий медведь.

— Он прав, — сказал Пашка. — Пещерного медведя мы еще не пробовали.

Охотники у костра принялись петь. Пели они заунывно, медленно и однообразно, а вместо припева хором рычали.

— Алиса от-туда? — спросил Рын, показывая наверх.

— Да, — сказала Алиса.

— Я — от-туда, — сказал Рын, — но... — Он искал слова, которых у него в языке было совсем немного.

— Давно? — спросила Алиса.

— Ой, да! — сказал дикарь.

Он стал показывать руками, как давно, и по мере того, как он рассказывал, Алиса поняла, что язык жестов становится ей все более доступен. А по тому, как Пашка, сидевший рядом, поддакивал Рыну, стало ясно, что и Пашка все понимает.

Много-много лет назад, показал Рын, никто не помнит сколько, племя его жило на Земле, наверху, где солнце и хорошая охота. Но потом пришли другие люди, похожие на Алису и на Пашку, совсем без волос, была война, многих мохнатых убили, и оставшиеся спрятались в пещерах. Но безволосые люди добрались и до пещер. Поэтому мохнатые ушли глубже под землю, пока не забрались так глубоко, что и забыли путь обратно.

— Вы же неандертальцы! — сообразил Пашка.

— Неа — что? — спросил Рын.

— Пашка, — сказала Алиса укоризненно, — как же Рын может знать слово, которое изобрели совсем недавно?

— А я думал, что они сами себя так называли, — сказал Пашка.

— А наверх не хочется? — спросила Алиса, она тоже помогала себе жестами, и Рын ее сразу понял.

— Страшно, — ответил Рын. — Потому что безволосые люди нас убьют.

— Нет! — возмутился Пашка. — Безволосые никого не убивают. Они цивилизованные, они овладели природой и летают в космос.

Рын Пашку не понял, но улыбнулся.

— Ты же видишь, — сказала Алиса. — Мы не хотим зла.

— Вы — другое дело, — ответил Рын. — Ты хорошая. Ты так похожа на женщину, которая попала к нам давно, когда Рын был маленьким. Она пришла сверху и осталась жить у охотников. Рын ее очень любил.

— Наверное, тоже заблудилась, — сказал Пашка.

— Я покажу, — сказал Рын.

Он повел гостей внутрь низкой пещеры, где остановился перед гладкой стенкой, на которой было много рисунков мелом.

— Смотри, — сказал Рын.

На стене был портрет женщины с длинными белыми воло-

сами. Портрет этот был приблизительный, как будто его рисовал пятилетний ребенок. Так что угадать, кто нарисован, было невозможно.

— Смотри! — Пашка бегал вдоль стены и рассматривал рисунки. — Это мамонт! А это саблезубый тигр! Они здесь водятся?

— Совсем мало осталось, — сказал Рын. — Кус-кус нет. Даль ходи.

— Наверное, когда неандертальцы скрывались здесь от древних охотников, — сказала Алиса, — то и животные тех времен тоже стали прятаться в пещерах.

— Он кус-кус что? — спросила Алиса, показывая на мамонта.

Молодая женщина, что несла факел, нагнулась и подняла с пола белесую тряпку.

Алиса увидела, что это белый лишайник. Значит, здесь есть подземные растения, которые никогда не видели света.

— Рын — кус-кус нет, — сказал охотник, и это значило, что лишайники не годятся людям в пищу.

— Ого! — воскликнул Пашка. — Что мы видим!

На стене был изображен настоящий дракон, вокруг которого, словно для масштаба, были нарисованы маленькие человечки с копьями.

— Драка, — сказал Рын. — Много кус-кус, но бух!

И Алисе стало ясно, что в таком драконе много мяса и он — желанная добыча для неандертальцев, но, к сожалению, охота на него очень опасна и многие погибают во время нее. И чтобы Алиса в этом не сомневалась, Рын показал на лежащего у ног дракона человечка.

— Амба! — сказал он.

Пашка, не отрываясь, глядел на дракона, и Алиса поняла, что теперь Пашка не поедет обратно до тех пор, пока не отыщет и не поразит в честном бою подземное чудовище.

— Учти, — сказала Алиса, — если драконы здесь и сохранились, то их нужно немедленно занести в Красную книгу и охранять как зеницу ока.

— Ладно, — согласился Пашка. — Одного мы с тобой поразим, а остальных будем охранять как зеницу ока.

— А кто рисовал все это? — спросила Алиса.

— Рын! — Охотник ударил себя кулаком в грудь, и звук получился такой гулкий, что по пещере раскатилось эхо.

Женщина подняла с пола кусок мела, Рын жестом велел Алисе встать к стене, прижавшись спиной, и быстро обвел ее мелом, потом велел отойти и показал на Алисин силуэт на стене, очень гордый своим мастерством.

— Так каждый может, — сказал Пашка, — тоже мне художник!

Но этим работа Рына не закончилась. Поглядев на Алису, он вернулся к своему рисунку и нарисовал два кружка на месте глаз, потом вертикальную полоску — нос и горизонтальную — рот. Затем подошла очередь волос — их он нарисовал прямыми линиями, и теперь Алиса стала точной копией той женщины, что была нарисована раньше. Сходство поразило и самого художника.

— Ах! — воскликнул он.

А женщину, которая держала факел, больше всего потрясло мастерство художника. Жестами и междометиями она уверяла, что сходство портрета с Алисой — потрясающее. И она так громко восторгалась, что сбежалось все племя. И, конечно же, все были потрясены талантом Рына.

Тут Пашка не выдержал. Он отобрал у Рына кусок мела и заявил:

— Хоть в школе по рисованию у меня всего четверка и художником я становиться не намерен, но я обязан показать, что умеет делать обыкновенный талантливый школьник двадцать первого века.

Он велел молодой женщине с факелом встать у стены и принялся рисовать ее портрет. Портрет был не очень удачным, но, разумеется, куда ближе к действительности, чем работа Рына. Алиса предпочла бы, чтобы Пашка не демонстрировал свои таланты, но останавливать его — это значит еще более укрепить в упрямстве. Так что она терпела и ждала, чем это кончится.

Все племя глазело на Пашку. Принесли еще факелов, чтобы приезжему художнику было сподручнее. Пашка увлекся, очень натурально изобразил шерсть, скошенный лоб, маленькие глазки и даже шкуру, в которую женщина была закутана.

Минут двадцать он трудился. Потом отошел на два шага, склонив голову, обозрел свой труд и сказал:

— Готово. Принимайте работу.

Охотники вежливо смотрели на стену, потом хромой охотник сказал:

— Шкура похожа.

Охотники разошлись, а женщина поглядела на свое изображение и вдруг заплакала.

Ее подруга обняла натурщицу и повела прочь.

Алиса и Пашка остались одни.

— Ничего не понимаю, — рассердился Пашка. — Я же старался. Неужели моя картина хуже, чем эти детские каракули?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Может быть, они не привыкли к таким рисункам.

— Да, — утешил себя Пашка, — им еще расти и расти, пока они поймут искусство.

Они вернулись к костру. Охотники подвинулись, освобождая им место. Пока жарилась медвежатина, молодые женщины спели гостям песню, а воины сплясали боевой танец, в котором они очень понятно изобразили, как охотятся на мамонта.

— Рын, — спросила Алиса, — а почему Пашкина картина вам не понравилась?

Рын ответил, что понравилась, но видно было, что говорит он это только из вежливости.

Алиса пристала: говори правду. И Рын, вздохнув, объяснил, что Пашка, к сожалению, не понимает искусства. Искусство должно показывать не то, что видишь, а то, что хочешь увидеть. Если ты рисуешь картину охоты, то зверь должен быть побежден. Если ты рисуешь человека, то человек должен быть красивым. Вот Алису Рын нарисовал красивой, а Пашка нарисовал Кы-ну очень некрасивой, он показал, что у нее на теле волосы, что у нее маленькие глазки и низкий лоб, но это же не искусство!

Может быть, Алиса не все тонкости речи Рына поняла, но главное было ясно: не быть здесь Пашке великим художником.

Охотники спрашивали Алису, как там, наверху, как охота, есть ли мамонты? И когда Алиса пыталась объяснить, что там уже совсем другая жизнь, что безволосые люди на мамонтов не охотятся, ее не понимали.

— А чего бы вам не вернуться наверх? — спросила Алиса. — Вас там никто не обидит.

— Обидят, — ответил Рын уверенно.

— Можно послать кого-то из вас, пускай поглядит.

— Нет, — ответил Рын. — Мы знаем. Безволосые охотятся на нас и очень мучают.

После обеда Алиса спросила:

— Пашка, а где фотография брата Гарольда? Нужно ее показать неандертальцам, может, они его видели.

— Правильная мысль, — сказал Пашка. — Я как раз собирался сходить на лодку и принести фотографию.

— И заодно принеси оттуда чего-нибудь вкусненького для наших хозяев.

— И об этом я тоже подумал, — сказал Пашка.

Он включил фонарь и пошел к лодке. Никто его не останавливал — нужно человеку куда-то сходить, его воля.

— И куда вы дальше? — спросил Рын.

— Вниз, — сказала Алиса. — У нас там дело.

— Нет, — сказал Рын. — Вниз нельзя. Внизу плохо. Внизу вас обидят.

— Но что там такое?

— Там царство Четырехглазого!

При этом имени все вокруг костра начали водить ладонями у лица — видно, отгоняли злого духа. Женщины завывали, дети плакали, а мужчины били копьями в пол и угрожающе рычали.

— Чем он опасен? — спросила Алиса. — Он дракон?

— Он хуже дракона. Дракона мы кус-кус, а Четырехглазый нас кус-кус.

— Людоед?

— Много наших людей погибло навсегда, попав в его царство, — объяснил Рын.

Тут вернулся Пашка с целой коробкой спелых яблок.

Неандертальцы сначала не хотели их есть, боялись, но потом, видя, как Пашка хрустит яблоком, последовали его примеру.

Ну и радость началась!

Алиса следила, чтобы и маленьким досталось, и старикам, которые выползли откуда-то из пещер. К счастью, Семен Иванович не пожалел яблок и всем хватило.

— Вот это вы будете есть каждый день, если подниметесь наверх, — сказала Алиса, которой очень хотелось, чтобы неандертальцы вернулись на поверхность.

— Но мы не знаем туда пути — давно уже обвалились все пещеры и забыты ходы, — сказал Рын.

— И не мечтай, обойдемся без этих красных шаров, — сказал хромой охотник. — Там безволосые. Там друзья Четырехглазого.

Пашка воспользовался паузой и вытащил фотографию Гарольда.

— Простите, — сказал он, протягивая ее Рыну, — вы не видели где-нибудь такого человека?

Рын взял фотографию, посмотрел на нее, и вдруг лицо его исказилось гримасой ужаса.

— Нет! — закричал он. — Никогда!

Другие неандертальцы, любопытствуя, что же так испугало смелого охотника, подходили, смотрели на фотографию, и при виде лица Гарольда Ивановича их охватывал ужас. Женщины тащили детей, прятали их в темноте, охотники потрясали копьями.

— Чего вы так испугались? — спросил Пашка. — Это фотография одного хорошего человека, энтомолога, мы его должны спасти. Вы что, фотографии раньше не видали?

Но Алиса уже поняла, что не в фотографии дело — эти люди узнали Гарольда Ивановича и почему-то его испугались.

— Кто он такой? — спросила Алиса у Рына.

— Ты знаешь! — сказал он.

— Я не знаю о нем ничего плохого.

— Ты его друг, — сказал Рын и поднял копье.

— Они его друзья! Они шпионы Четырехглазого! — раздались крики.

Несколько копий уткнулись в грудь Алисы. Пашка отступал от занесенного над его головой каменного топора.

— Честное слово, мы ничего не знаем! — закричала Алиса. — Мы его даже никогда не видели.

«Еще мгновение — и нас убьют, — поняла она. — Это же дикие люди!»

Но в этот момент раздался голос Рына:

— Охотники великой пещеры не проливают кровь детей! Остановитесь.

Остальные нехотя опустили оружие.

— Может быть, они в самом деле ни в чем не виноваты, — сказал Рын. — Они пришли сверху, а не снизу.

— Тогда пускай уходят, — сказал хромой охотник.

— Пускай уходят! — закричали остальные неандертальцы.

— Пошли, Павел, — сказала Алиса.

— Пошли, нас здесь не поняли, — сказал Пашка и поднял фотографию Гарольда Ивановича с пола пещеры. — Может, еще пригодится.

Когда они уходили, ни один неандерталец не тронулся с места.

Вслед им глядели враждебные глаза.

Отойдя метров на сто, Алиса обернулась. Сзади по-прежнему горел костер, и вокруг него черными сутулыми тенями стояли охотники.

— Ничего страшного, — сказал Пашка. — Спустимся пониже, найдем дракона.

Глава 7

ЦАРСТВО ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО

— Подытожим, что нам известно, — сказал Пашка, забравшись в лодку. — Где-то здесь, под нами обитает человек, который похож на Гарольда Ивановича. А может быть, это и есть Гарольд Иванович.

— Вряд ли, — сказала Алиса. — Ведь неандертальцы говорили, что он людоед.

— Для того чтобы проверить информацию, мы должны спуститься в так называемое царство Четырехглазого и посмотреть на него.

— Если он нас не съест, — сказала Алиса.

— Съесть нас нелегко, — уверенно возразил Пашка. — Зубы обломает. Нас с тобой целое племя неандертальцев убить не смогло.

— И не хотело, — сказала Алиса.

— Дикарям доверять нельзя.

— Пашка, если они не оценили твоего произведения искусства, это не значит, что они недостойные люди.

— Дикари, и этим все сказано. Но не отвлекайся. Поехали дальше.

Алиса включила двигатель. Лодка послушно ввинтилась в породу. И снова начали выскакивать на экране цифры глубины.

На этот раз они недолго пробивались сквозь камень. На показателе плотности появился 0. Алиса тут же остановила лодку.

Та покачнулась, проехала по инерции вперед, но на этот раз, к счастью, никуда не упала.

— Добро пожаловать в царство Четырехглазого, — сказал Пашка.

Алиса выскочила из лодки на пологий откос громадной полости и удивилась: вокруг было светло. Свет исходил от стен, он был мерцающим, тусклым, но фонарей не требовалось.

— Алиска, — сказал Пашка, — ты взяла счетчик радиации?

— Нет, я не думала...

— Типичное урановое свечение, — сказал Пашка. То ли он где-то об этом читал в фантастическом романе, то ли полагал, что радиация должна быть светящейся, но сказал он это так уверенно, что Алиса невольно сделала шаг назад.

Но потом заметила, что светится не вся стена, а точки на ней, словно зеленые звездочки. Вот одна звездочка оторвалась от стены, перелетела на другое место...

— Алиса, стой! — закричал Пашка. — Ты с ума сошла!

Но Алиса уверенно подошла к стене. Так она и думала — вся стена была усеяна светлячками.

Они переползли на подставленный Алисой палец, и Алиса показала светящийся палец своему другу. Тот, конечно, сообразил, что видит насекомых, но не сдался.

— Может, они тоже радиоактивные, — сказал он. — Ты поосторожнее.

Алиса огляделась — полость была столь огромна, что ни потолка, ни дальнего ее конца не было видно. Алиса прислушалась. Неподалеку журчала вода.

Туда они и направились.

Под ногами пружинил белый мох, идти было легко, как по ковру. Вскоре они увидели подземную речку, которая бежала по камням. В воде мелькали тонкие прозрачные рыбки.

— Жалко, что папы нет, — сказала Алиса. — Он бы страшно обрадовался. Такое открытие!

— Ничего страшного, — сказал Пашка, — считай, что это открытие сделали мы с тобой. Интересно, хватит его на Нобелевскую премию?

— Пашка, зачем тебе Нобелевская премия?

— Мне бы очень хотелось стать самым молодым ее лауреатом. Тогда меня внесли бы в Книгу рекордов Гиннесса.

— Ну и логика! — удивилась Алиса.

— Какая есть. Представляешь, я прихожу в школу, а все спрашивают: что это за медаль у тебя, Гераскин? А я молчу. Учитель физики спрашивает: что за медаль? А я говорю: можете меня сегодня не спрашивать, я так устал, всю церемонию награждения на ногах простоял.

Порой с Пашкой трудно: непонятно, где кончаются его шуточки и начинаются его глупости.

Они пошли вниз по реке. Светлячки, которых они видели на стене, резвились во мху, и оттого было радостно, как на карнавале.

— Мы сюда будем экскурсии возить, — сказал Пашка.

— Не спеши, мы еще не знаем, кто такой Четырехглазый. Может, он не захочет, чтобы сюда ездили экскурсии.

Пашка замер.

— Прислушайся.

Издалека доносилось постукивание — словно несколько молоточков выбивали дробь.

— В случае чего, — напомнила Алиса, — включай фонарь — он ослепит любого местного жителя.

— Знаю.

Речка повернула, огибая высокий холм. За ним обнаружилась большая впадина, в которой горели фонарики, наполненные светлячками. При свете их были видны маленькие существа, которые откалывали молотками куски породы.

— Шахтеры, — сказал Пашка.

При звуке его голоса работа тут же остановилась.

Шахтеры замерли, испугались.

Алиса смогла их разглядеть. Некоторые из них были в красных или синих колпаках, большинство бородатые, ростом каждый не больше ботинка.

— Это же гномы! — сказала Алиса. — Самые настоящие гномы. У нас один живет в Заповеднике сказок, я с ним знакома. Только все думают, что они все вымерли.

— Это кто вымер? — строго спросил гном с самой длинной белой бородой. — Это мы вымерли?

— Я не говорю, что вы вымерли, — сказала Алиса. — Только так считает наука.

— Значит, ваша наука никуда не годится.

— Разумеется, никуда не годится, я тоже так считаю, — пре-

дательски заявил Пашка. — Я лично всегда был убежден, что вы не вымерли.

— И на том спасибо, — сказал самый старый гном.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — а вы давно здесь живете?

— Мы всегда здесь живем, — сказал гном. — С тех пор как люди вытеснили нас с Земли. Развели машины, автомобили, поезда, раскопали все горы — куда деваться честному гному? Пришлось уйти сюда.

— Но мы не жалуемся, — сказал второй гном. — Мы очень довольны.

— Мы счастливы! — сказал третий.

И что-то в их голосах Алисе не понравилось. Люди редко кричат о том, что они счастливы. Если они кричат, значит, не очень счастливы.

— А вы откуда? — спросил первый гном.

— Мы сверху, с Земли.

— И зачем к нам приехали?

— Мы ищем одного человека, — сказала Алиса. — Он потерялся много лет назад. Паша, покажи фотографию Гарольда Ивановича.

Пашка достал фотографию и протянул старому гному.

Фотография была размером с гнома, и Пашке пришлось поставить ее на землю.

Старый гном посмотрел на лицо Гарольда Ивановича, которое было чуть поменьше его самого, ахнул и упал в обморок. Среди гномов началась паника. Некоторые кидали свои лопаты и кирки, пытались зарыться в породу, другие с криками убежали.

Пашка поймал на бегу одного из гномов, взял его осторожно двумя пальцами и приподнял. Гном зажмурился.

— Простите, — вежливо сказал Пашка. — Вы, кажется, испугались?

Гном кивнул.

— И чего же вы испугались?

— Мы ничего плохого не сделали, — пискнул гном. — Мы выполняем нормы. За что нас так пугать?

— Честное слово, — сказал Пашка, — мы не хотели вас пугать. Мы хотели только узнать. И если вы недовольны, мы уйдем и оставим вас в покое.

С этими словами Пашка осторожно поставил гнома на камень.

— Мы так далеко ехали, — сказала Алиса, — а вы не хотите с нами разговаривать.

— Мы знаем, — послышался голос из-за каменной глыбы, где скрывались несколько гномов. — Вы нас нарочно испытываете. Вас прислал господин Четырехглазый.

— Нас никто не присылал, — сказала Алиса. — Но если вы скажете нам, как пройти к этому господину, мы тут же уйдем.

Гномы осмелели, некоторые стали выходить из укрытий. Старый гном пришел в себя и сказал:

— Уберите портрет. Умоляю. У меня слабые нервы.

Пашка послушно спрятал фотографию в карман.

— Куда же нам идти?

Гномы как по команде показали вниз по течению подземной реки.

Когда Алиса с Пашкой отошли на несколько шагов, сзади послышался тонкий голосок:

— Простите, а зачем вы сюда приехали?

Алиса обернулась. Гномы стояли кучкой, в руках покачивались фонарики со светлячками.

— Я же сказала — мы ищем человека, портрет которого вас так напугал.

— А зачем? — повторил вопрос старый гном.

— Мы хотим ему помочь.

— Я же говорил, говорил! — воскликнул самый молодой из гномов. — Они его хотят убить!

— Тише! — Старый гном погрозил ему кулачком. — Как же вы ему поможете?

— Мы еще не знаем.

— Мы вам подскажем.

Алиса присела на корточки.

— Вообще-то он бессмертный, — прошептал старый гном. — И убить вам его будет очень трудно. Но у него во дворце есть потайная комната. В этой комнате хранится стеклянное яйцо. Если яйцо разбить, то он умрет. Понимаете — его смерть в стеклянном яйце! Но это страшная тайна, которую знаем только мы, гномы. Если вы нас выдадите, мы все погибнем. Он не пощадит нас!

Гном замолчал.

Его руки так дрожали, что фонарь раскачивался словно маятник.

— Спасибо за информацию, — сказал Пашка. — А у этого Четырехглазого другое имя не Кощей Бессмертный?

— Есть такая версия, — прошептал гном.

— Скажите, — спросила гномов Алиса, — а почему вам пришла в голову мысль, что мы намерены убить Четырехглазого?

— Это не мысль, — ответил старый гном, — это наша мечта.

— Но почему мы?

— Вы молодые, красивые, — сказал гном. — Пришли сверху. Наверное, там узнали, что у нас безобразия, вот и прислали вас его убить. Правильно? Мы угадали?

— Посмотрим, — сказал Пашка. — А драконы здесь водятся?

— Водились, — сказал гном.

— Пойдем, Пашка, — сказала Алиса. — Ты забыл, что время дорого? Семен Иванович волнуется.

По берегу реки вела дорожка. Сначала она была просто тропинкой, видно, ее протоптали гномы, но вскоре, возле озера, где впадала подземная река, тропинка закончилась. Поперек нее был шлагбаум из окаменевшего бревна. На нем прибито объявление:

ГОСУДАРСТВО ПОРЯДКА
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

— Мы почти у цели, — сказал Пашка. — Всегда жалею, что приходится вступать в бой без оружия.

— Пашенька, — попросила Алиса, — а можно сегодня не сражаться?

— Ты с ума сошла, — сказал Пашка. — Когда мне еще придется встретиться с настоящим Кощеем Бессмертным?

— Но ведь это не Кощей, вернее всего, это несчастный брат Семена Ивановича, который заблудился и сошел с ума.

— Не исключено, — согласился Пашка. — Но что мы знаем о самом Семене Ивановиче?

— Он твой знакомый.

— Он совершенно случайный знакомый. И очень странный притом. Мне просто не пришло в голову, что он злобный волшебник. И он сознательно послал нас на смерть. Где письмо для Гарольда?

— У меня.

— Надо его немедленно вскрыть. Там инструкция по завоеванию Земли.

— Нехорошо читать чужие письма.

— Алиса, неужели ты до сих пор не поняла, что мы имеем дело с волшебниками, которые никого не щадят?

— Волшебники вымерли.

— Нет, не вымерли. Они спрятались под землей. Ты это отлично знаешь, но пытаешься закрыть глаза на правду. Земле грозит опасность. Мой долг — проникнуть к Кощею и разбить стеклянное яйцо. Но, как ты понимаешь, без боя он не сдастся. Давай сюда письмо.

— Нет, не отдам!

— Я отниму силой!

Алиса поняла, что Пашка настроен решительно. Он уже сам верил в то, что они вступают в царство зла.

Алиса подошла к шлагбауму и хотела подлезть под него, но как только она до него дотронулась, раздался пронзительный вой.

Алиса отпрыгнула от шлагбаума, но вой не прекратился.

— Все, — сказал Пашка. — Поздно. Мы обнаружены.

— Ну и что? — сказала Алиса. — Мы ничего плохого не сделали.

— Бежим обратно к неандертальцам!

Но договорить Пашка не успел.

По берегу озера к ним спешили странные существа, похожие на людей, но в то же время не люди. Они были очень худыми, длинные руки болтались будто тряпичные, узкие лысые головы покачивались на бегу. Существа были покрыты короткой светлой шерстью, сквозь которую просвечивала голубая кожа. В руках они держали заостренные палки.

— Нарушение, — сказало первое существо, подходя к Алисе. — Это нельзя.

Лица у существ были неподвижны, глаза белые, невидящие, движения вялые.

— Пропустите, — сказал Пашка, — нам нужно к вашему царю.

— Слово неизвестно, — ответило существо. — Вы подлежите изоляции для выяснения личностей.

— Еще чего не хватало! — возмущался Пашка. — Мы сами пойдем куда хотим.

— Нет, — сказало существо, — вы не пойдете куда хотите, а пойдете куда положено.

Алиса оглянулась. Сзади подошли еще три таких же монстра.

Пашка протянул руку, чтобы отвести железную палку, которую существо уперло ему в грудь. Но как только он коснулся ее, из палки вылетела искра и Пашка скорчился от боли.

— Нет! — закричала Алиса. — Вы не смеете!

— Мы охраняем порядок, — сказало существо. — Вы не хотите слушаться, вы сами виноваты.

С этими словами оно направило палку на Алису, которая склонилась к Пашке.

— Мы пойдем, — сказал Пашка. — Но учтите, что я вам это припомню.

Существо кашлянуло, а может, засмеялось.

— Тебе больно? — спросила Алиса, когда они, миновав шлагбаум, шли по прямой, посыпанной песком дорожке.

— Я умею терпеть, — сказал Пашка.

Они миновали большое квадратное поле, окруженное изгородью из колючей проволоки. На поле трудились неандертальцы. Они выкапывали какие-то белесые корни. По углам поля маячили белоглазые существа с железными палками.

Затем они обогнали вереницу гномов, каждый из которых тащил большой тяжелый мешок, сгибаясь под его тяжестью. За гномами также брело существо с палкой. Один из гномов споткнулся и свалился под тяжестью мешка.

Вжжик! — вылетела молния из палки, и гномик начал корчиться по камням от боли, потом дернулся и затих. Остальные гномы остановились, но существо с палкой прикрикнуло на них:

— Вперед! Не останавливаться!

Ногой оно отбросило с дорожки тельце гнома, подобрало мешок и сунуло в сумку, прикрепленную к животу.

Пашка сжал кулаки.

— Нет, — прошептал он, — я не уйду отсюда, пока не прекращу этот фашизм.

Он с такой ненавистью поднял кулак, обернувшись к охранникам, что те отшатнулись, выставив вперед свои палки.

Это мгновенное отвлечение дало Алисе возможность наклониться и схватить лежащего у обочины гнома. Она сунула его в нагрудный карман. Никто вроде бы не заметил.

Дорога стала шире. Теперь она шла между совершенно одинаковых высоких каменных стен, в которых через равные промежутки были двери, забранные железными решетками. Из-за одной двери доносился плач.

— Кто там? — спросила Алиса.

— Не разговаривать, — ответил охранник.

У следующей двери Алиса увидела обитателей этих камер: прижавшись к решетке, стояли маленькие существа, во всем подобные тем, что вели Алису и Пашку. Они протягивали сквозь решетку покрытые белой шерсткой лапки и молили:

— Кушать! Кушать! Кушать!

Один из охранников на ходу ударил ногой по решетке — существа отскочили.

— Я думал... — начал было Пашка.

— Как видишь, и среди них не все равны, — поняла его Алиса.

Она осторожно прижимала руки к груди. Ей казалось, что тельце гнома все холодеет. А может, ей только кажется?

— Пашка, — сказала она по-английски, полагая, что охранники его не знают, — держи себя в руках. Никаких неосторожных поступков. Мы должны выбраться отсюда.

— Понимаю, не маленький, — сказал Пашка. — Только я очень злой.

Охранники остановились перед пустой камерой. Решетка была откинута.

— Входите, — сказал главный охранник, подталкивая пленников концом палки.

Решетка опустилась. Звякнул замок.

Охранники пошли прочь. Алиса осторожно выглянула. Один из них остался, стоит у стены, сторожит.

Внутри было темно. Лишь кое-где по стенам ползали зеленые светлячки.

— Мы требуем свидания с вашим начальником! — сказал Пашка, подходя к решетке.

— Молчать!

— Я буду жаловаться!

Молния из палки пролетела через всю камеру и ударилась, разлетевшись искрами, в дальнюю стену.

— Погоди, Паш, — сказала Алиса.

Она отошла в угол так, что охранник не мог ее увидеть, и осторожно достала из-за пазухи гнома. Гном уместился на ее ладонях, только босые ноги свешивались вниз. Глаза его были закрыты. Алиса осторожно приложила ухо к его груди. Вроде бы сердце бьется. Она погладила гнома пальцем по щеке. Щека теплая.

Алиса присела на корточки и открыла аптечку, что была вмонтирована в пояс ее комбинезона. Оттуда она достала мягкую ампулу со стимулятором. Пашка стоял рядом, закрывая Алису от решетки.

Алиса закатала рукав рубашки гнома и приложила ампулу к его руке. Чуть-чуть прижала, чтобы под кожу гнома попала капля лекарства.

— Чего делаете? — спросил неожиданно охранник, заглядывая сквозь решетку.

— Спим, — сказал Пашка. — Не приставай.

Гном пошевелился. Приоткрыл глаза. И в ужасе зажмурился. Алиса поднесла губы к уху гнома:

— Тише, — прошептала она, — а то они услышат.

Гном понял. Он так и остался лежать у нее на ладонях. Но терпения его хватило ненадолго, вдруг он стал биться, стараясь вырваться. Алиса опустила его на пол.

Гном кинулся к решетке, но увидел ноги охранника и бросился обратно к Алисе.

— Вам надо будет подождать, — прошептала Алиса, — пока нас уведут. Потом вы сможете уйти. А сейчас опасно.

— Спасибо, — сказал гном. — Я думал, что меня убили. А вы кто такие?

— Мы ваши друзья.

— Если вы наши друзья, вы должны убить Четырехглазого, — сказал гном убежденно.

— Я это обязательно сделаю, — сказал Пашка.

— Но сделать это можно, только если знаешь страшный секрет, — сказал гном. — Я вам его открою.

— Если вы про стеклянное яйцо, в котором жизнь Четырехглазого, то мы уже знаем.

— Как? Откуда вы знаете эту страшную тайну?

— Нам сказали об этом другие гномы.

— Тогда судьба всего нашего мира в ваших руках.

И в этот момент послышался шорох. Гном бросился в угол и сжался там в комочек. Плита в центре камеры поднялась, и оттуда хлынул яркий свет.

В люке появилась голова охранника.

— Следовать за мной! — приказал он.

Глава 8

ВО ДВОРЦЕ ЧЕТЫРЕХГЛАЗОГО

Вниз вела белая лестница. Возле нее стояли еще два охранника, такие же белоглазые, слепые, с такими же длинными, как хоботки, носами и большими ушами.

Коридор под камерами был ярко освещен и покрашен в белую краску, отчего создавалось больничное настроение.

Охранники быстро пошли вперед. Два охранника впереди, третий сзади.

По сторонам коридора были двери, такие же белые, как и стены. Из-за некоторых слышались голоса, одна была приоткрыта, и кто-то там плакал.

Поворот. За ним еще один охранник. При виде своих коллег он отступил, вжался в стену. Еще поворот. Еще охранник. Они бежали по лабиринту, и за каждым углом стоял охранник с палкой наготове.

Потом они попали в круглый зал. По сторонам большой двери в конце его стояли на страже два чудовища, которых Алисе и в книгах видеть не приходилось. Это были огромные карикатуры на людей, коренастые, корявые, с зубчатыми мордами и глазами навыкате. Чудовища качнулись навстречу друг другу, закрывая проход. Первый охранник остановился в шаге от них и прошептал пароль. Чудовища нехотя расступились. Проходя мимо, Алиса подняла голову и встретилась взглядом с чудовищем. И поняла, что оно слепое — белые глаза были без зрачков.

Пропустив пленников вперед, охранники остались снаружи. Дверь тихо закрылась.

Они стояли в самом настоящем тронном зале, как будто перенесенном в это подземелье из старинной сказки. Алисе даже показалось на секунду, будто она видела его на картинке в детской книжке.

Широкая красная ковровая дорожка вела к возвышению, на

котором стоял позолоченный каменный трон с высокой спинкой, наверху которой была прикреплена резная хрустальная корона. Балдахин над троном был сделан из белого меха, а под сводчатым потолком было прикреплено вырезанное из камня изображение огромного отвратительного насекомого, глаза которого светились и, казалось, наблюдали за каждым, кто посмел войти в тронный зал.

Прошла минута, может быть, две, пока Алиса и Пашка осматривались, не смея шагнуть вперед. Но зал был по-прежнему пуст и зловеще тих.

— Эй! — не выдержал наконец Пашка. — Кто тут живой?

— И-вой... — откликнулось эхо.

Алиса разглядывала стены зала. Они были украшены картинами, выложенными драгоценными камнями. На картинах были изображены мрачные горы, ущелья, высокие ели, тесно стоящие у подножия гор, между деревьев была протянута паутина, у подножия елей росли громадные поганки и мухоморы. На мухоморах сидели черные улитки. Картины эти были сделаны так тщательно, что не сразу сообразишь, что стоишь в зале, а не в темном лесу. Каждая картина была выпилена из малахита, горы выложены из сапфиров и бирюзы.

— Не прячьтесь от меня! — сказал Пашка. — Меня не надо бояться.

— Пашка! — укоризненно сказала Алиса. — Ты опять за свое.

— Нет, ты только подумай: притащить нас в подземелье, издеваться, а потом привести в минералогический музей.

— Храбришься? — спросила Алиса. — Мне тоже не по себе.

— Я ничего не боюсь, — ответил Пашка громко, чтобы тот, кто подслушивает, не сомневался в Пашкиной отваге. — Просто мне все это надоело.

С этими словами он повернулся и направился обратно к двери, толкнул ее, но дверь была заперта.

— Эй! — сказал Пашка. — Выпустите меня!

Он стучал в дверь кулаками. Но дверь была гранитной, так что он только отбил кулаки.

— Ну ладно! — сказал Пашка. — Тогда я объявляю здесь революцию! Отныне я и есть Четырехглазый! Кощей Бессмертный! Властитель подземного царства!

Он перебежал зал, поднялся на три ступеньки и сел на трон.

— Ну как? — спросил он. — Похоже? Где бы еще корону найти?

Но тут он вскрикнул, подскочил на троне, скатился по ступенькам вниз и сел на ковер.

— Что? Что случилось? — Алиса подбежала к нему.

— Дергается! Током бьет! — сказал Пашка. — Даже трон у них не настоящий.

— Я думаю, что за нами наблюдают, — сказала Алиса. — Наблюдают и посмеиваются. Пустили детей в тронный зал! Посмотрим, настоящие ли это противники или просто детский сад, который вышел сюда порезвиться?

— А что я такого сделал? — обиделся Пашка. — Я пошутил. Каждый может пошутить.

В тишине послышался тихий смех. Совсем рядом.

Он доносился откуда-то из-за трона.

Алиса быстро пошла туда, откинула тяжелую махровую портьеру и увидела за ней небольшую приотворенную дверцу.

— Пашка, смотри.

Пашка уже был рядом.

— Он туда спрятался?

— Может, это ловушка?

— Какая еще ловушка? Мы с тобой где? Разве не в ловушке?

— В ловушке.

— А из ловушки в ловушку можно ходить без пропуска.

С этими мудрыми словами Пашка первым ступил в тускло освещенный проход за тронным залом.

Это был узкий, чистый, безликий коридорчик, в который выходило несколько дверей.

За первой был какой-то склад, там грудами лежали вывески и плакаты: «Вход воспрещен», «В труде высшее счастье», снова «Вход воспрещен», «Норму выполнил дотла — будет свежей голова», «Сегодня недоел, завтра остался запас», снова «Вход воспрещен» и просто «НЕЛЬЗЯ!».

Они прошли ко второй двери. Она была закрыта на засов. Пашка хотел откинуть засов, но Алиса сказала:

— Если он спрятался, то не сюда.

— Разумно, — согласился Пашка.

В третьей комнате стояло несколько вырубленных из камня ящиков. Все они были наполнены драгоценными камнями. В одном — груды рубинов, в следующем — алмазы, затем ящик

с изумрудами. Все камни были огранены и сверкали в полутьме, но оттого, что их было слишком много, они не казались драгоценными камнями, а выглядели как кучи стекляшек. Ведь драгоценный камень, чтобы быть драгоценным, должен быть одиноким.

Они повернули за угол. Коридор кончался небольшой лестницей и перилами. Двенадцать ступенек. Они поднялись на площадку, куда выходила дверь, обитая кожей. Обыкновенная дверь, какие бывают в старых домах.

На двери был прикреплен почтовый ящик. На стене рядом с дверью — кнопка звонка.

Пашка толкнул дверь — она была заперта. Тогда Алиса нажала на кнопку звонка. Внутри отозвалось мирно: дзинь-дзинь.

— Иду, иду, — послышался за дверью голос.

Дверь приоткрылась на цепочку, и в щели блеснули очки.

— Вам кого? — спросили изнутри.

Это было как во сне. Только что ты прошел мимо чудовищ, стоял в тронном зале, видел ящики с изумрудами — и вдруг как пробуждение, а может, провал в другой сон — мирный голос за обыкновенной дверью.

Алиса не нашлась, что сказать, ведь не Кощея же спрашивать. Но Пашка вдруг сообразил.

— Простите, — спросил он, — Гарольд Иванович здесь живет?

— Гарольд Иванович? А кто вас к нему послал?

— У нас письмо к нему от брата, Семена Ивановича.

— Не может быть! Сейчас отворю.

Звякнула цепочка, дверь растворилась. На пороге стоял невысокого роста худенький пожилой человек, в очках, одна дужка которых была сломана и подвязана веревочкой. Он был в синем халате и шлепанцах на босу ногу.

— Заходите, пожалуйста, умоляю вас, здесь опасно стоять снаружи. Проходите внутрь, проходите.

Алиса и Пашка прошли узким темным коридором, где стояло длинное, в рост человека, зеркало и на пустой вешалке висела шляпа, в небольшой кабинет. Стены кабинета были уставлены стеллажами с книгами, там стоял письменный стол, на котором лежали бумаги и тетради, и горела лампа под зеленым абажуром. Перед столом стояли два черных кожаных кресла.

Алиса посмотрела на Пашку, Пашка на Алису.

— Давайте знакомиться, молодые люди, — сказал хозяин квартиры. — Меня, как вы изволили проницательно догадаться, зовут Гарольдом Ивановичем.

— Я — Алиса Селезнева.

— А я — Павел Гераскин.

— Чудесно, чудесно. — Гарольд Иванович пожал гостям руки. — Уж я не чаял дождаться вестей из дома. А как же вам удалось меня отыскать?

— По фотографии, — сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу его портрет, который вызывал такой ужас у обитателей подземелий.

Гарольд Иванович взял фотографию и принялся ее рассматривать.

— Как я изменился! — сказал он. — Даже не нужно смотреть в зеркало, чтобы понять, как промелькнувшие годы избороздили мое чело морщинами. О годы, годы!

С этими словами Гарольд Иванович прошел за стол, сел и поднес фотографию к глазам.

— У меня еще письмо к вам есть, — сказал Пашка и протянул Гарольду Ивановичу конверт.

— От брата? От Сени? Как я вам благодарен, мои юные друзья! Да вы садитесь, садитесь, отдыхайте, в ногах правды нет, как говорил Цицерон.

Гости послушались. Но как только Алиса опустилась в кресло, она от удивления подскочила — кресло лишь казалось кожаным и мягким. В самом деле оно было искусно вытесано из черного мрамора. Только ударившись об него, можно было понять, что кресло — обман.

Пашка вскочил, потирая ушибленный локоть.

— Это как понимать? — воскликнул он. — Зачем вы обманываете людей?

— В чем дело? — Гарольд Иванович поднял голову и удивленно уставился на Пашку сквозь очки.

— Это же не кресла, а камни!

— Ах, да. — Гарольд Иванович виновато улыбнулся: — Я виноват! Эти кресла стоят здесь так давно и так давно в них никто не садился, что я сам поверил, что они кожаные. Господи, как бежит время! Поймите, я старею, я теряю память, я становлюсь рассеянным. И мне так дороги все воспоминания о моем земном прошлом, о нашей с Сеней квартире, о дедушкиных крес-

лах, что я стараюсь поддерживать в себе иллюзию того, что жизнь продолжается. Да, жизнь моя явно уже прекратилась, но я себя обманываю... Простите старого немощного человека.

— Ничего, — смутился Пашка, — я понимаю. Просто от неожиданности...

— Хотите, я уступлю вам мой стул? — Гарольд Иванович даже приподнялся. — А я постою...

— Нет, что вы! — возразил Пашка. — Сидите, я не устал.

Наступила тишина. Гарольд Иванович снова углубился в чтение письма.

Пашка отошел к полкам, стал смотреть на корешки книг. Потом, не подумав даже, что надо попросить разрешения, протянул руку, чтобы достать одну из книжек. И тут же отдернул руку, потому что между пальцами и стеллажом пролетела голубая искра.

— Ой! Током бьет!

— Что? — Гарольд Иванович был раздражен. — Из-за вас я не могу дочитать письмо! Что еще стряслось?

— Я хотел взять... А оно ударило.

— Это остаточное электричество, — сказал Гарольд Иванович. — Возможно, вам приходилось об этом слышать. Электричество накапливается в горных породах.

Алисе показалось, что глаза Гарольда Ивановича за толстыми стеклами очков улыбаются. Или ей это показалось? А его указательный палец дотрагивается до кнопки посреди стола.

— Не расстраивайтесь, Павел Гераскин, — продолжал Гарольд Иванович. — Это не настоящие книги. Откуда мне здесь их добыть? Это лишь корешки, выточенные из камня. Как ученый и интеллигентный человек я не мыслю себе существования без библиотеки. За долгие годы я выточил эти стены — точную копию библиотеки моего дедушки. Видите — вот полное собрание сочинений Чарльза Дарвина. А это моя любимая книга — произведение французского энтомолога Фабра. Он так интересно писал о муравьях! А дальше справочники, справочники, словари. Но есть книги для развлечения. Да, я не чужд этому. Видите «Пиквикский клуб» Диккенса? А это его же роман «Айвенго».

Алиса послушно смотрела на корешки. На них золотом вытиснены названия. Но ведь «Айвенго» написал не Диккенс, а Вальтер Скотт! А тут написано: «Диккенс».

— Простите, — сказала она.

Но Пашка ее опередил.

— Смешно, — сказал он. — Любой ребенок знает, что «Айвенго» написал Вальтер Скотт.

— Что? — Гарольд Иванович буквально подскочил на стуле. — Конечно же, Вальтер Скотт. А там что написано? Диккенс? Это безобразие! Я прикажу казнить всю типографию! Я их растерзаю!

Рука Гарольда Ивановича потянулась к красной кнопке, но в миллиметре от нее замерла. Гарольд Иванович спохватился и переменил решение.

— Ладно, — сказал он. — Пошутили и хватит. Но я должен сказать тебе, Паша, что ты безобразно воспитан. Если пожилой немощный человек совершил маленькую ошибочку, неужели ты должен смеяться над ним? Неужели у тебя хватит совести смеяться и издеваться?

Казалось, Гарольд Иванович вот-вот заплачет. Голос его дрожал.

— Я не хотел, — сказал Пашка. — Нечаянно получилось.

— Я принимаю твои слова за извинение, — сказал Гарольд Иванович. — И мы забудем об этом печальном инциденте. Прошу тебя, Алисочка, расскажи мне подробнее о моем брате Сене. Как он выглядит, чем занимается? Скучает ли обо мне?

— Он очень по вам скучает и любит вас, — сказала Алиса. — Все двадцать лет, прошедшие с того дня, как вы потерялись в пещере, он не вылезал из кузницы, чтобы изготовить подземную лодку для вашего спасения.

— Это удивительно, — сказал Гарольд Иванович. — Значит, он всегда верил, что я жив? Я этого не хотел.

— Значит, вы нарочно потерялись? — удивилась Алиса.

— Все значительно сложнее, ах, сложнее! Ты еще девочка, тебе не понять той страсти, которая ведет настоящего ученого к подвигам и жертвам. Неужели ты думаешь, что Колумб, отправляясь в безнадежное и опасное путешествие к берегам неизвестной Индии...

— Колумб открыл Америку, а не Индию, — вмешался Пашка.

— Павел, — сказал печально Гарольд Иванович, — ты плохо кончишь. И, может быть, даже в ближайшем будущем.

— Колумб отправился открывать Индию, а открыл Америку, — сказала Алиса.

— Молодец, девочка. Так вот, Колумб также вынужден был разорвать связи со своими близкими, бросить семью, которая его не понимала, и даже оставить на произвол судьбы своих детишек... Но если бы он думал о семье, Америка осталась бы не открыта, а Колумб никогда бы не прославился.

— Но Америка уже открыта. Зачем вы под землю полезли? — спросил Пашка. Он дразнил Гарольда Ивановича, и Алиса, хоть и не одобряла Пашкиного поведения, понимала, что Пашка не верит этому тихому старичку. И ни на секунду не забывает о несчастных гномах.

Гарольд Иванович лишь вздохнул и продолжал:

— Я рожден не для обычной жизни, не для того, чтобы ходить на службу или сидеть в кабинете. Я — из тех пионеров, которые первыми поднимаются на Эверест и достигают Северного полюса. Меня влекут высокие цели познания! — Гарольд Иванович вскочил, начал бегать по кабинету, размахивая руками, халат его распахнулся и летел сзади, словно крылья летучей мыши. — Мой любимый дедушка посвятил жизнь подземным исследованиям. Он открыл восемь видов насекомых, таящихся в глубинах земли, в тишине, в темноте, в подземных озерах и безмолвных реках. Статьи моего дедушки публиковались в ведущих энтомологических журналах Европы! Но Сколопендра Таинственная, безмолвный страж подземных пространств и пропастей, о которой писал в своем труде средневековый путешественник Генрих Сильмузфанский, который утверждал, что укус ее вызывает сладостные видения, Сколопендра Таинственная моему дедушке не далась в руки! И бессмертная слава ускользнула от него! С той минуты, как я осознал себя, с той минуты, как я впервые взглянул на коллекцию моего дедушки, на прозрачные и почти невидимые тельца и ножки насекомых земной пучины, я понял, что у меня в жизни есть призвание. И этому призванию я следовал всю жизнь. Да, всю жизнь! Меня не волновали страсти и шум земной поверхности. Я убегал с уроков, чтобы забраться в подвал или подпол. Я проводил каникулы в пещерах и ямах. В тишине... в тишине... в тишине.

Последние слова Гарольд Иванович произнес тихим свистящим шепотом.

— Но ваш брат Семен Иванович, — сказала Алиса, — рассказывал нам, как вы о нем заботились, как вы заменили ему родителей...

— Я человек долга! — сказал Гарольд Иванович совсем другим, громким пронзительным голосом. — Во мне уживаются две натуры. Одна — романтическая, стремящаяся к неизведанному, к великим свершениям, любящая тишину и уединение подземных глубин. И вторая моя натура — это Долг. Долг с большой буквы. Как тяжело мне было нести свою ношу, тащить на своих слабых, неокрепших еще юношеских плечах заботу об этом толстом, шумном, неуемном мальчишке, полном каких-то шуток, розыгрышей, необдуманных поступков, всегда жующем что-то, всегда что-то требующем от меня! Как я порой ненавидел его! Но я стискивал свои молочные зубы и нес свой крест. И ждал, с наслаждением ждал того момента, когда Семен подрастет настолько, что я смогу наконец-то оставить его и не мучиться совестью, что я чего-то недоделал! Вы просто не представляете, какой я совестливый человек... Я дождался. Выполнил свой долг и ушел к романтике глубоких пещер. К одиночеству.

— Значит, вы не хотите возвращаться? — спросила Алиса.

— Я! Возвращаться? В сутолоку и суматоху жизни мелких людишек, которые не знают великого слова — Порядок? Которые не имеют высокой жизненной цели? Нет. Мое место здесь. Среди моих коллекций и тишины!

— Но ваш брат так переживает!

— Это несоизмеримо! — Гарольд Иванович расстегнул пижамную куртку, и там обнаружился широкий кованый пояс с прикрепленной к нему связкой ключей. Он выбрал маленький серебряный ключ, подошел к большому резному шкафу и, прикрывая замок от гостей спиной, открыл его. Шкаф был поделен на плоские ящики. Один из них Гарольд Иванович вытащил. Осторожно перенес на письменный стол и произнес: — Можете убедиться сами.

На планшете ровными рядами были прикреплены насекомые. Совершенно одинаковые паучки, почти прозрачные, с ноготь размером, но с длинными тонкими ножками.

— Знаете ли вы, мои дорогие гости, — сказал Гарольд Иванович, — что этот вид паука неизвестен науке? Совершенно неизвестен. Ни один ученый не подозревает о его существовании. И я его открыл! А знаете ли, как он называется? Он называется Паук Гарольди! В мою честь! А в этом шкафу хранится еще более ста неизвестных видов. Более ста. И все они называются в мою честь!

— Очень интересно, — сказал Пашка. — Но если все они Гарольди, как их различить?

— Их вам не надо различать. Я их различаю, и этого достаточно.

— А зачем вам так много одинаковых? — спросила Алиса.

— Одинаковых? В природе не бывает двух одинаковых особей. Каждая отличается. Как отличаемся мы с вами. Я же каждого паука знаю в лицо! Я никогда их не перепутаю. Я должен поймать всех, всех, понимаете? И всех наколоть на булавки. Они все Гарольди — они все мои!

— Но их не останется, если вы их всех поймаете!

— Это мой идеал. Тогда они останутся только здесь! И если вы, профессор Браун, или вы, доктор Сигемицу, захотите убедиться в их существовании, пожалуйста, идите ко мне, просите, умоляйте! И, может быть, я соглашусь показать, а может, и нет...

Гарольд уморился, побледнел. Он устало поставил обратно на место планшет с паучками, запер шкаф и застегнул пижаму.

— Это романтическая половина моей жизни.

— А ту... сколопендру вы нашли?

— Молчите! — вдруг испугался Гарольд Иванович. — Вокруг завистники. Не смейте говорить о самом святом, самом сокровенном!

Он перевел дух, прошел к себе за стол, уселся, устало положил руки перед собой.

Наступило долгое молчание.

Его прервал Пашка:

— А вопрос можно задать?

— Задавай.

— Кто такой Четырехглазый?

— Кто-кто?

— Четырехглазый.

— В жизни не слышал такого имени. А почему ты спрашиваешь?

— Все здесь боятся Четырехглазого. Он правит подземным царством и всех страшно угнетает.

Гарольд Иванович снял очки, прикрыл их ладонью. Покачал задумчиво головой.

— Нет, не приходилось слышать такого имени.

— Но кто же правит этим царством? — не сдавался Пашка. — Кто командует этими... с палками?

— Лемурами?

— Пускай лемурами. Кто сидит на троне в тронном зале? Кто заставляет гномов приносить ему драгоценные камни, кто убивает неандертальцев? Кто держит людей в камерах? Неужели вы не знаете?

— Как? Держит людей в камерах? Угнетает неандертальцев? Здесь? В царстве свободы и порядка? Не представляю. Мальчик, тебя ввели в заблуждение.

— Но кто здесь главный?

— Ума не приложу. Я никогда об этом не задумывался. Наверное, кто-то правит. Но я же ученый, я романтик, я занимаюсь своими делами и не вмешиваюсь в окружающую жизнь.

— А кто вас кормит, кто сделал вам эти кресла и стеллажи?

— Паша, дорогой мой, ты мне надоел, — сказал Гарольд Иванович. — Ты все время задаешь нетактичные вопросы. Я же тебе сказал — совершенно не представляю, что происходит вокруг. Я живу как бы в башне из слоновой кости. Я изолирован от мира и выбираюсь отсюда только на экскурсии в поисках насекомых.

— Странно, — сказал Пашка.

Он не верил этому кабинетному ученому.

— Что же мы должны сказать вашему брату Семену Ивановичу? — спросила Алиса. — Вы не хотите возвращаться?

— Ты угадала. Не хочу.

— Может, вы напишете ему письмо?

— Здесь очень плохо с бумагой.

— Но вы ему посылали письмо. На золотом листке.

— Золото денег стоит, — отрезал Гарольд Иванович. — Скажите Семену на словах, чтобы не беспокоился и не вмешивался в мои дела. Сколько нужно повторять одно и то же!

— Хорошо, мы пойдем, — сказала Алиса.

— Возвращайтесь и забудьте о том, что видели. Я устал и не буду вас провожать.

— До свидания.

Гарольд Иванович не ответил.

Пашка первым пошел к двери. Алиса за ним. Они вышли на лестничную площадку, закрыли дверь. Щелкнул замок. И тут же они услышали, как звякнула цепочка.

Молча они прошли коридором, вышли в тронный зал. Там было пусто и тихо.

— Он и есть Четырехглазый, — сказал Пашка, глядя на пустой трон.

— Помолчи, — сказала Алиса. — Здесь слушают. Нам бы скорее добраться до лодки.

— Точно, — согласился Пашка. Но у выхода из тронного зала начал сомневаться. — Не в моих правилах бросать угнетенных на произвол судьбы.

— Пашка!

— Правильно. Мы вернемся.

— Пашка!

— Двенадцать лет Пашка. И знаю, что говорю.

Дверь из тронного зала медленно распахнулась. Два чудовища, что стерегли ее с той стороны, скалились, заглядывая внутрь.

— Скажите, как вас назвать? — спросил Пашка, который совсем расхрабрился.

— Мы тролли, — ответило одно из чудовищ и щелкнуло зубами так, что уши заложило от грома.

Охранники-лемуры стояли поодаль, палки наготове.

— Господин Гарольд Четырехглазый, — сказал Пашка, — велел нас отпустить.

И он пошел по коридору прочь от тронного зала. Охранники шли сзади.

— Видишь. — Пашка наклонился к Алисе: — Они не возражали.

— Это ничего не значит, — сказала Алиса. — Не исключено, что он все же просто эгоистичный ученый, который ничего, кроме своих пауков, не видит. И в самом деле не подозревает, что происходит вокруг.

— А кто же тогда здесь правит?

— Не знаю. Не видела.

— Ты наивная или притворяешься?

— Я осторожная, — улыбнулась Алиса.

Пашка спросил:

— А почему он назвал их лемурами? Ведь лемуры — это такие обезьянки. У Аркаши был лемур, маленький, как белка, только без хвоста.

— Я думаю, что обезьянок назвали лемурами в память об этих. О жителях подземелий, наверное, потому что они ночные.

— Эх, скорей бы выбраться! Мы бы такую экспедицию организовали. И главное — освободили бы угнетенных!

— Я думаю, что Гарольд Иванович именно этого и боится, — сказала Алиса.

Эта мысль пришла ей в голову, потому что лемуры остановились перед лестницей, что вела в камеру. В ту самую, из которой их час назад увели.

Лемур сказал хрипло:

— Иди. Наверх!

И в самом деле, откинув люк, Пашка оказался в загончике с решеткой.

Решетка была закрыта. Люк захлопнулся.

— Вот этого я от него не ожидал, — сказал Пашка.

— А я, к сожалению, ожидала, — ответила Алиса.

Глава 9

ПОПЫТКА БЕГСТВА

Из темного угла камеры послышался голосок:

— Вы живые? А я так боялся за вас.

— Гном! — удивилась Алиса. — Ты почему не убежал?

— Тише. Там снаружи дежурит лемур. А у лемуров замечательный слух.

Алиса присела перед гномом на корточки.

— Я боялся за вас, я думал, что вас съел Четырехглазый. Или тролли разорвали. Я думал — подожду, пока выключат свет. Тогда побегу к своим. Но я еще думал — а вдруг они придут обратно? Вдруг вы нашли стеклянное яйцо и разбили его?

— Спасибо, — сказала Алиса, — что ты думал о нас. Но стеклянного яйца мы не нашли.

— А Четырехглазого видели?

— Может быть, видели. Только я не уверена. Мы видели одного человека и даже разговаривали с ним.

— Какой он? Скажи, какой?

— Он невысокого роста, в очках, седой, он собирает подземных насекомых. А живет в маленькой квартире за тронным залом.

— Нет! — воскликнул гном. — Это не тот. Это кто-то из пленников Четырехглазого. Он скрывает их в подземельях. Че-

тырехглазый громадного роста, у него оскаленные, как у тролля, зубы, у него четыре глаза. Когда он говорит, изо рта у него идет дым. Если он поглядит на тебя в упор, ты падаешь без чувств.

Лемур, который стоял снаружи, услышал голоса и заглянул сквозь решетку.

— Что за разговоры? — спросил он. — Нельзя. Надо молчать.

— Молчим, молчим, а ты не подслушивай, — сказал Пашка. — А то я тебя заколдую.

— Нельзя, — сказал лемур, но от решетки отошел.

— А лемуры служат Четырехглазому? — спросила Алиса.

— Некоторые служат, а некоторые боятся. Лемуры глупые. Лемуров можно обмануть, мы, гномы, их обманываем. Вот тролли — это ужасно. Тролль может гнома одним зубом перекусить. Это наши самые страшные враги. И Четырехглазый их любит. Он, может быть, сам из троллей.

— Гном, — спросил Пашка, — а ты сам Четырехглазого видел?

— Нет, нет, что вы! — пискнул гном. — Кто его видел, долго не проживет. Но мне рассказывали верные люди. Мой старший брат Фуро попал в колесо, но чудом остался живым.

— Куда попал?

— В колесо.

Лемур снова сунул свой бледный нос-хоботок в решетку, вынюхивая.

Так Алиса и не узнала, что такое колесо, в которое попал брат гнома.

Когда он отошел, гном знаком попросил Алису взять его на руки, добрался до ее уха и начал быстро шептать:

— Сейчас свет потушат, я тогда побегу к моим знакомым. Тут есть городские гномы, их заставляют канализацию чистить, камеры строить, камни гранить. Я у них инструменты возьму, мы вашу камеру откроем и вас к себе уведем. Потому что если не увести, Четырехглазый вас обязательно сожрет. Ждите и молчите, с лемуром не спорьте.

И тут свет в подземелье погас. И в камерах, и в коридорах — везде. Только поблескивали светлячки.

Откуда-то издалека донесся строгий голос:

— Всем честным жителям спать, спать, спать... Вы должны

быть готовы к завтрашнему трудовому дню. Запрещается видеть плохие сны, храпеть и вставать с постели. Виновные будут наказаны. Спокойной ночи, спокойной ночи...

Заиграла тихая музыка. За стенкой звякнуло.

— Это лемур спать ложится, — сказал гном.

— А как же он будет сторожить нас?

— Ночью все спят, вы тоже. А если спишь, как можно убежать?

— А ты?

— Меня все равно что нет. Меня уже сегодня убили, и в большой книге записано, что я умер. — Гном хихикнул. — Даже лучше, что меня нет. Только вот паек мне теперь выдавать перестанут.

— Не беспокойся, — сказала Алиса, которая вдруг поняла, что страшно проголодалась. — Это долго не может продолжаться.

— Хорошо бы, — ответил гном. — Но мне не дожить. Некуда деваться.

— У нас есть подземный корабль, — сказала Алиса. — Если вы поможете нам до него добраться, мы привезем помощь и вас освободят.

— Какое счастье! Тогда я побежал! Поставь меня на пол!

Легонько прошелестели быстрые ноги гнома, и наступила мертвая тишина.

Пашка с Алисой уселись у стены, прижавшись друг к другу. Было холодно и голодно.

— Почему он нас не отпустил? — спросил тихо Пашка. — Или не убил?

— А вдруг в самом деле Гарольд Иванович ни в чем не виноват? Вот и гном Четырехглазого совсем иначе описывает.

— У страха глаза велики.

— Он, наверное, не знает, что с нами делать, — сказала Алиса. — Если нас отпустить, мы сюда приведем людей. И власть его кончится. А если пропадем без вести, то за нами пошлют экспедицию и его царство все равно будет открыто.

— Тогда нас лучше убить, — сказал Пашка мрачно. — Пока еще экспедиция сюда доберется. Он успеет следы замести.

— Все следы ему не замести, — сказала Алиса. — Нас неандертальцы видели, нас гномы видели. Они расскажут.

— Только нам будет уже все равно.

— Давай надеяться на гномов, — сказала Алиса. — Они нас выручат. Нам бы только до лодки добраться.

Было темно и тихо. Алиса пригрелась, прижавшись к Пашке, и задремала.

Проснулась она оттого, что кто-то осторожно дергал ее за рукав.

— Алиса, проснись. Это я, Фуррак, ваш друг.

Алиса сразу пришла в себя — вокруг слышались легкие шаги, шепот, шорохи.

— Я привел других гномов, — сказал Фуррак. — Они принесли инструменты.

Покачивались зеленые фонарики, наполненные светлячками. Черные силуэты множества гномов суетились вокруг.

— Алиса, подними нас к замку, — сказал гном Фуррак. — А то нам трудно туда забраться.

Проснулся Пашка.

— Привет, — сказал он, — спасатели пришли.

— Шшш, — сказал Фуррак, — лемура разбудишь.

— А я такой страшный сон видел, вы не представляете.

— Шшш, — зашипели на него сразу все гномы. — Страшных снов смотреть нельзя, Четырехглазый накажет!

— Ну и запуганные вы!

Алиса подняла на ладонях двух гномов к замку. Один из них светил зеленым фонариком, второй достал инструменты из мешка, что висел через плечо, и начал копаться в замке. Остальные гномы собрались внизу и подняли фонарики, чтобы было больше света.

— Знаешь, Алиса, — сказал Фуррак, — они все пришли, чтобы на вас поглядеть. Мы так давно живем без всякой надежды, а вы — наша надежда. Чем скорее вы приведете помощь, тем скорее мой народ будет свободным. А если вы не приведете помощь, то скоро от нас никого не останется.

— Я обещаю, — сказала Алиса, — что вам недолго придется ждать.

Замок щелкнул.

Алиса открыла замок. От щелчка чуть было не проснулся лемур, что лежал снаружи. Он заворочался во сне, зачмокал тонкими белыми губами. Все замерли.

Но лемур перевернулся на другой бок и тихонько захрапел.

— Вот кто-нибудь услышит, что он храпит, донесет куда надо, и его накажут, — сказал гном.

— Пускай спит, — сказала Алиса. — Пошли?

— Да. Пошли. Только я хотел попросить у вас прощения.

— За что?

— Мы не принесли с собой никакой пищи. И нам, гномам, которые всегда славились гостеприимством, очень стыдно. Но сейчас конец месяца, и мы истратили все талоны, а без талонов нам не дают никакой еды.

— А что вы обычно едите? — спросила Алиса.

— Мы выращиваем съедобный мох и подземный овес, делаем из них муку и жарим пироги. Мы собираем сладкие грибы и делаем из них приправы. Мы выменивали у подземных охотников мясо...

— Прекрати, — зашумели снизу остальные гномы. — Не говори о еде! Мы же все голодные!

— А почему вы теперь не выращиваете и не обмениваете? — спросил Пашка.

— Но ведь нельзя! Все, что собирается, выращивается и делается, нужно сдавать в распределитель Четырехглазого. А он уже выдает всем сколько нужно. Это называется справедливость.

— А почему же мало выдают?

— Потому что надо делать запасы. Надо быть разумным. Должен быть порядок.

— Не говори, как глупый лемур, — послышался снизу голос одного из гномов. — Ты же знаешь, что нашу пищу поедают охранники и тролли. Им теперь не надо заботиться о еде. За то, что они нас охраняют и мучают, им выдается пища, только куда больше, чем остальным.

— Вы пойдете или будете беседовать? — раздался еще один голос. — Скоро свет включат, а вы все разговариваете.

Пашка осторожно открыл решетку, и они пошли по улице между камер, где спали обитатели подземного города, которым нельзя было храпеть и видеть плохие сны.

Впереди бежали три гнома с фонариками и показывали путь. Потом шли Алиса с Пашкой, а остальные гномы замыкали шествие.

Гном Фуррак сидел на плече у Алисы, как матрос на мачте.

Передние гномы повернули направо.

— Не туда, — сказала Алиса. — Нам налево. Я помню, откуда нас привели.

— Мы не можем идти по дороге к шлагбауму, — сказал Фуррак. — Там охрана, которая не спит даже ночью. Придется пойти в обход.

Передний гном покачал фонариком, и вся процессия остановилась.

— Помоги, — сказал Фуррак Пашке.

Тот прошел вперед, нагнулся и поднял крышку люка.

— Нам вниз.

Они очутились в таком же коридоре, какой вел из камеры во дворец Четырехглазого.

— Теперь совсем тихо, — прошептал Фуррак на ухо Алисе.

Стены коридора разошлись, исчезли в темноте, и впереди открылся низкий зал, в котором бесконечными рядами тянулись одинаковые каменные столы. Глаза Алисы уже настолько привыкли к темноте, что света зеленых фонариков было достаточно, чтобы понять: на каждом столе лежит лемур. Лемуры лежали одинаково, на спинах, нос-хоботок кверху, руки сложены на мохнатой белой груди, и тонкие вялые пальцы переплетены. Сначала Алисе показалось, что лемуры умерли и их здесь сложили перед похоронами. Но тут же она сообразила — лемуры дышат. Они похрапывают, стонут во сне, морщатся, вздыхают, но никто не поворачивается, не меняет позы.

— Что с ними? — спросила шепотом Алиса.

— Как что? — удивился гном. — Они спят.

— А почему все одинаково? И почему здесь? Ведь неудобно.

— Может, и неудобно, но так надо. Они здесь работают, за этими столами, и спят здесь, чтобы времени не терять. Проснутся — сразу за работу. Видишь, что у них в руках?

Тут Алиса заметила, что в пальцах каждый сжимает маленькую коробочку.

— Там в коробочке их работа. Маленькие камешки и палочки. Много-много камешков и палочек. Они сидят весь день и перекладывают камешки и палочки. Один считает, сколько пайков надо гномам выдать, другой — сколько штрафов наложить, третий — сколько лемуров на какие работы послать. Очень много работы.

— Ты шутишь, Фуррак?

Но гном не шутил, как и все гномы, он был лишен чувства юмора. Он удивился, что Алиса такая непонятливая.

— Каждому лемуру выдают одну коробочку. Если он ее потеряет — значит, останется без работы, а если без работы — значит, без еды, и попадешь в большое колесо. А чем лучше лемур работает, тем больше у него коробочка. Вон, видишь, лежит главный лемур?

Алиса увидела лемура, который держал на животе целый сундук. Правда, и стол у него был вдвое больше, чем у остальных, и под головой была подушечка.

— А что ты про колесо говорил? Это что-то страшное?

— Иногда очень страшное, а иногда просто страшное, — сказал гном. — Но это увидеть надо.

По узкой лестнице они вышли на поверхность. Если можно считать поверхностью пол громадной полости, поросший мхом и лишайниками. Неподалеку журчала речка.

— Вот тут мы встретились, — сказал Фуррак. — Куда теперь?

— Сейчас соображу, — сказал Пашка. — Река была справа. Теперь слева. Нам туда!

Ноги тонули в белом мху, и потому звука шагов не было слышно. Темными котятами впереди бежали гномы, и зеленые фонарики раскачивались на ходу. А вокруг светлячки.

Скоро мы поднимемся наверх, подумала Алиса. И трудно будет поверить, что далеко внизу останется странное и загадочное царство Четырехглазого, где сидит упрямый Гарольд Иванович и не хочет отрываться от подземных букашек. Словно закроешь последнюю страницу интересной и страшной книжки и знаешь, что все это неправда, что так не бывает, хотя минуту назад ты в это верил.

Впереди блеснул борт «Терранавта».

Гномы остановились, испугались.

— Вот и наша лодка! — закричал Пашка. — Ну теперь берегись, Четырехглазый!

Он побежал к лодке и похлопал ее по борту, как боевую лошадь. Какая она твердая, надежная, даже красивая, подумала Алиса.

— До свидания, отважные гномы, — сказала Алиса, опуская на мох Фуррака. — Спасибо вам за помощь.

— Мы ждем, — сказал Фуррак. — Скорее возвращайтесь.

Когда Четырехглазый узнает, что вы убежали, он начнет искать, кто вам помог, и, конечно же, догадается, что только гномы могли открыть замок. И он будет нас пытать. Скорее! Привезите много пушек и ружей, привезите острые пики и железные щиты! И ведите нас в бой!

Гном даже приподнялся на цыпочки, чтобы стать выше ростом, и выпятил грудь.

— До встречи, друзья, — сказал Пашка и протянул руку к люку, чтобы открыть его.

— Не спеши, Паша, — раздался тихий голос.

Пашка обернулся. Вспыхнули яркие фонари, которые держали в руках могучие злобные тролли.

Гномы кинулись врассыпную, некоторые старались зарыться в мох.

Алиса зажмурилась.

— Глупые гномы сказали вам, что все спят, когда гасят свет. Но спят не все.

Алиса прищурилась, чтобы рассмотреть, кто это говорит. Она подозревала, что увидит сейчас Гарольда Ивановича, но увидела совсем другого человека.

Перед ними стояла высокая повозка на толстых широких колесах. В повозке сидел человек в черной мантии и широкополой шляпе, с полей которой опускалась книзу сетка, подобно тем, что носят пчеловоды на пасеке.

— Нам надо было узнать, где вы скрываете свой подземный корабль, — сказал человек в шляпе. — Вот мы и подождали, пока вы сами к нему приведете. Теперь для нас не будет преград в подземном мире — мы сможем спускаться и подниматься куда хотим. И власть моя расширится безмерно. А ну-ка, Паша Гераскин, открой мне корабль, я хочу посмотреть на него изнутри.

— Сами открывайте, — сказал Пашка.

— Не люблю непослушных мальчиков, — сказал человек в шляпе. — Я, повелитель подземелий Четырехглазый, приказываю тебе: открой подземный корабль, который теперь принадлежит мне!

— Еще чего не хватало! — грубо ответил Пашка.

— Тролль, научи этого пащенка хорошим манерам, — приказал Четырехглазый.

Алиса не успела ахнуть, как тролль схватил Пашку за шиворот и поднял в воздух. Алиса бросилась Пашке на выручку, но

второй тролль громко захохотал и также схватил ее. Земля ушла из-под ног, и Алиса почувствовала, как на ее горле сомкнулись страшные когти тролля.

— И не подумаю! — закричал Пашка.

— Тогда, тролль, милый мой, — спокойно сказал человек в шляпе, — будь любезен, помучай немного Алисочку. Мне ее очень жалко, но я не вижу другого способа образумить глупого Пашу. Пощекочи ее когтями, почеши ее зубами, откуси ее тонкие пальчики, выцарапай ее голубые глазки!

— Нет! — закричал Пашка. — Не смейте! Мучайте меня, но Алису не трогайте!

— Вот на это я и рассчитывал, — сказал человек в черной шляпе. — Вы ведь так просто устроены, благородные мальчики.

— Открою я вам корабль, — сказал Пашка.

— А ты, тролль, не отпускай Алисочку и мучай ее немножко, чтобы Паша торопился.

Алиса не смогла сдержать стона, так больно резали ей шею когти тролля.

Пашка сказал:

— Отпустите меня скорей! Я все покажу.

Пашка отвинтил крышку люка.

Он торопился, чтобы освободить Алису.

— Залезайте, — сказал он.

— А вот это лишнее, — возразил человек в черной шляпе. — Я залезу, а ты меня там запрешь или еще какую-нибудь гадость придумаешь. Нет уж, я вашим кораблем займусь на досуге, без свидетелей. А сейчас нам придется вернуться ко мне во дворец. Идите рядом с моей каретой, только не смейте убегать. Учтите, что тролли бегают очень быстро. Понятно?

Человек в шляпе стегнул повозку бичом — сначала по правым колесам, потом по левым. Из колес донесся писк и стоны.

Тролль опустил Алису на мох.

Повозка двинулась вперед, Алиса и Пашка шли по ее сторонам.

Алиса потерла шею.

— Тебе не больно? — спросил Пашка с другой стороны повозки.

— Нет, все в порядке, — сказала Алиса.

Колеса медленно поворачивались, повозка ехала со скоростью пешехода. Алисе стало интересно, почему из колес доно-

сятся такие странные звуки. Она нагнулась и увидела, что колеса устроены подобно беличьему колесу — внутри по ступенькам бегут гномы, много гномов. Они нажимают на ступеньки внутри колеса, и оно катится вперед.

— Там живые гномы? — удивилась она.

— Там наказанные, непослушные гномы, — ответил Четырехглазый. — Они знают, что только послушание может помочь им искупить свою вину.

— Но это же бесчеловечно!

— Это разумно и способствует дисциплине, — ответил Четырехглазый. — В государстве нельзя без наказаний, а то все распустятся. Все, что я делаю, я делаю для блага моих подданных.

— Алиса, не разговаривай с ним, — сказал Пашка. — Он же изверг! Когда мы вернемся наверх, я всем расскажу, что он здесь творит!

— Вот почему вы и не вернетесь наверх, — сказал Четырехглазый. — Я, к сожалению, не могу этого допустить. Я столько труда положил в создание образцового счастливого государства, что любое вмешательство со стороны для меня невыносимо.

— Ничего себе справедливое! — возмутился Пашка. — Спросите у гномов, которые заперты в этом колесе, справедливое ли оно?

— Конечно, справедливое. Если бы гномы вели себя достойно, они бы гуляли сейчас на свободе. Ничего не бывает без причины. И каждый мой подданный знает: ведешь себя хорошо — живешь хорошо. Нашкодил — будешь наказан. Это и есть справедливость. Не замыслил бы ты, Пашка, предать меня, убежать отсюда и донести на меня злым людям, что обитают на поверхности Земли, ты бы тоже остался жив и, может, занял бы высокое положение в моем обществе.

— Не нужно мне высокое положение!

— Вот именно поэтому ты и умрешь.

— Если вы нас убьете, — сказала Алиса, — то за нами тут же пошлют экспедицию и все ваши тайны будут раскрыты.

— Не знаю, не знаю. Пока что эта лодка существует в единственном экземпляре... Впрочем, я обязательно что-нибудь придумаю. Вот соберем сейчас высший совет моего королевства, посоветуемся и найдем способ, чтобы и вас убить, и тайну сохранить.

Четырехглазый обернулся к одному из троллей и приказал:

— Включай свет! Начинается трудовой день.

Тролль поднял трубу, висевшую у него через плечо, и громко затрубил.

И тут же впереди, где лежал подземный город, начали вспыхивать огни, загорелись они и под потолком пещеры, и вдоль улиц города, так похожих на коридоры в тюрьме.

— Хватит спать! — зарычал тролль так громко, что голос его, усиленный эхом, разнесся на километры. — Начинается новый счастливый день! Вставайте, лежебоки! Вставайте, преступники, вставайте, виноватые! Все, кто видел дурные сны или храпел, должны немедленно доложить об этом начальнику квартала для получения наказания! С добрым трудовым утром, граждане справедливого королевства!

Тролль снова протрубил.

Огоньки загорелись ярче. Алиса представила себе, как где-то в глубине пленные охотники и наказанные лемуры крутят громадные колеса, дающие свет этому городу.

— А теперь ты, — обернулся Четырехглазый ко второму троллю. — Объяви общее собрание.

— Уважаемые свободные граждане! — закричал второй тролль. — Ваш уважаемый и любимый повелитель просит и умоляет вас, если вам не трудно, собраться на площади перед дворцом для того, чтобы присутствовать при поучительном и незабываемом зрелище.

— Будем судить этих пришельцев, — подсказал Четырехглазый троллю.

— Справедливый и великодушный повелитель будет советоваться с народом, каким образом казнить двух негодных пришельцев, которые мутили народ и подрывали законную власть. Теперь они осознали свою вину и умоляют наказать их так, чтобы никому неповадно было нарушать порядок в нашем счастливом государстве. Спешите участвовать!

— Молодец, — похвалил тролля Четырехглазый. — Теперь предупреди как положено.

Тролль снова протрубил сигнал и крикнул:

— Напоминаю! Все, кто не поспешит сейчас, немедленно, быстро, радостно, на собрание, будут сурово наказаны как враги свободы. Только попробуйте не прийти, мерзавцы!

— Ну, последнее — лишнее, — сказал Четырехглазый.

— С ними иначе нельзя, — прорычал тролль. — Совсем распустились.

— Вот именно поэтому я хочу, чтобы суд над этими хитрецами был страшным, ужасным! Чтобы он стал уроком для всех!

Они въехали на главную улицу города. Видно было, как лемуры палками и пинками выгоняют из камер своих бедных родичей, как небольшой тролль, видно, троллиный детеныш, гонит перед собой толпу перепуганных гномов, как целая толпа вооруженных лемуров подгоняет связанных цепью неандертальцев.

При виде повозки Четырехглазого лемуры отгоняли народ к стенам и заставляли падать на колени.

— Зачем же так? — не выдержала Алиса. — Вы же производите впечатление интеллигентного человека.

Ее волновал вопрос: человек в черной шляпе и Гарольд Иванович — одно лицо или нет? Голос вроде похож, но и не похож...

— Они иного, к сожалению, не понимают, — ответил Четырехглазый. — Их приходится приучать к демократии палкой. Что ж, мое общество вынуждено пройти через этот реконструктивный период. Пускай для постороннего зрителя он может показаться недостаточно эстетичным, но иначе наступит анархия и вернется та дикость, из которой я год за годом вытаскиваю этих несчастных...

— А зачем? — спросил Пашка. — Зачем вытаскивать?

Четырехглазый полоснул бичом по одному колесу, затем по другому, гномы внутри заныли, заплакали, колеса стали вращаться скорее.

— Для их блага, — сказал Четырехглазый. — Вы просто не представляете, в каком я застал их состоянии. Никакого порядка! Гномы копают драгоценные камни, но не знают им цены и отдают за бесценок грязным, отвратительным неандертальцам. Неандертальцы охотятся за кем хотят! Лемуры жрут мох и вообще ничего не делают. Тролли охотятся на гномов и лемуров, и никакого порядка!

— А как же они вас стали слушаться? — спросила Алиса.

— Цивилизованный человек всегда найдет способ, как управиться с дикарями, — ответил Четырехглазый. — Они не знали, что такое справедливая власть, и потому не знали, что надо сопротивляться... А когда сообразили, было поздно. Вот только

до неандертальцев я никак не доберусь! Отбиваются! Безобразие какое-то! Я у них пленных беру, набеги совершаю, стараюсь перевоспитать их трудом — помирают, но не перевоспитываются. Но с помощью вашей лодки я смогу их обуздать.

Как раз в этот момент повозка обогнала еще одну партию неандертальцев. Они были скованы цепями, со всех сторон шли лемуры, уткнув им в спины электрические палки. Один из неандертальцев понял, видно, что речь о нем, поднял голову и оскалился. Глаза его горели ненавистью.

— Бей его! — крикнул Четырехглазый троллю. — Бей его!

Тролль ударил наотмашь когтистой ручищей по лицу неандертальца. По распоротой щеке потекла кровь.

— Вот так! Так будет с каждым, кто не хочет понять высшей справедливости!

— Вы мне противны, Четырехглазый, — сказал Пашка.

— А мне не нужно тебе нравиться, мальчишка! Через несколько часов тебя не будет на свете. Уж я позабочусь, чтобы всенародный суд с тобой расправился пожестче.

Улица кончилась, и они оказались на площади перед дворцом. На этот раз они подошли к нему со стороны главного входа.

Дворец оказался большим зданием из полированного мрамора с зелеными нефритовыми колоннами. Колонны были украшены пышными капителями, которые представляли собой пауков, плетущих паутину. В стеклянные глаза пауков были замурованы зеленые светлячки, они бились внутри, старались вылететь наружу, и от этого казалось, что пауки вертят глазами. На отполированных стенах дворца были выложены алмазами слова:

«ТРУД — ПОРЯДОК — СПРАВЕДЛИВОСТЬ —
ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ»

Площадь перед дворцом была заполнена жителями подземного города. Свободное пространство перед широкими ступенями, ведущими к дворцу, было оцеплено рядами лемуров-охранников с электропалками на изготовку. За их спинами покорной молчаливой толпой стояли обыкновенные лемуры. Канцеляристы держали в лапках заветные коробочки с камешками и палочками. Другие лемуры также прижимали к груди инструменты своего труда: один лопату, второй лом, третий метлу, четвертый грабли, пятый весы. Гномы толпились в пер-

вом ряду, а неандертальцы стояли закованные в цепи — видно, их здесь боялись.

Два тролля вытащили из дверей дворца трон, что стоял раньше в зале. И замерли по сторонам его, глядя перед собой зверским взглядом. Вслед за троном из тех же дверей вышли знатные лица государства. По крайней мере так решила Алиса, глядя, как важно они выступают и как толкаются, чтобы занять место поближе к трону.

Там были лемуры, но не простые лемуры, а толстые, лоснящиеся, там была старая троллиха в шапке из лемурьих шкур, там были две амебы. Алиса не знала, как их еще назвать — белые студенистые туши, с черненькими глазками по сторонам узкого рта, там был горбатый карлик на костылях из самородного золота и ящерица, которая шагала на задних лапах, упираясь хвостом в пол. Там были две огромные белые летучие мыши, которые семенили, сложив крылья, как плащи, а за ними вышло привидение — ходячий голубой скелет со светящимися зубами. И все эти знатные лица королевства были так густо увешаны драгоценностями, браслетами, ожерельями, диадемами, кольцами, серьгами, что живого места не оставалось. Толпа на площади подалась назад, зашелестел испуганный шепот.

Четырехглазый, увидев этих чудовищ, подумал вслух:

— За верность этих ублюдков мне приходится дорого платить.

— А вы не платите, — сказал Пашка.

— Пускай радуются, — сказал Четырехглазый. — Если кто из них начинает заноситься, я обвиняю его в измене, отдаю на растерзание подземному дракону, а богатства возвращаю в казну. Так что считайте — все ценности у них на временном хранении.

И Четырехглазый засмеялся. Смех его глухо долетал сквозь сетку.

— Эй, стоять! — приказал он гномам в колесах. Повозка замерла. Четырехглазый ступил на площадь, все склонились в поклонах.

— Пашка! — ахнула Алиса. — Это не он!

— Да, — сказал Пашка не менее удивленно. — Я был убежден, что Четырехглазый и есть Гарольд Иванович. Все сходилось. Но этот...

— Он по крайней мере на голову выше Гарольда Ивановича!

— Значит, зря мы его подозревали.

Глава 10

СУД И ПРИГОВОР

Странной походкой, будто у него ноги не гнулись, Четырехглазый поднялся по ступенькам. Обернулся, глядя на толпу, но сетки, скрывавшей лицо, не откинул.

Он уселся на трон, поднял руку.

Тролль с трубой вышел вперед и прогудел в трубу.

Второй тролль встал рядом.

— Начинаем показательный суд! Никто не уйдет от справедливой руки закона. Ура!

— Урра! — завопили значительные лица.

— Ура, — потянули отдельные голоса в толпе.

— Не слышу радости! — рассердился тролль.

— Урра! — уже громче крикнула толпа.

— Преступники, подойдите сюда! — приказал Четырехглазый.

В пещере была такая удивительная акустика, что каждое его слово доносилось до последнего человека в толпе.

— Пошли, что ли? — спросил Пашка. Он храбрился, но на самом деле ему было страшно. Алисе тоже. Этот сумасшедший диктатор может действительно казнить их. А желающих исполнить его приказание здесь больше чем достаточно!

— Преступление их ужасно! — сказал Четырехглазый.

— Смерть! — закричали значительные лица. Ящерица попыталась укусить Пашку, летучие мыши расправили крылья и принялись хлопать ими, тролли скалились...

— Есть мнение — смерть, — сказал Четырехглазый. — Есть другие мнения?

— Нет! — закричали приближенные. Толпа молчала.

— Есть другое мнение, — сказал Пашка. — Во-первых, я не знаю, в чем нас обвиняют.

— Позор! — закричали значительные лица. — Он издевается над нашим судом! Он ставит под сомнение слова повелителя.

— А вы скажите, скажите! — не сдавался Пашка.

— А почему бы и не сказать? — перекрыл общий шум голос Четырехглазого. — Я скажу. У нас все открыто, демократично. Вы прибыли сюда без приглашения, по сговору с нашими злейшими соседями, презренными неандертальцами, для того, чтобы свергнуть законную власть, вы вели агитацию против моей

персоны, вы склонили к предательству ничтожных гномов, вы, наконец, намерены открыть тайну нашего великого государства чудовищам, что живут наверху. А как все знают, наверху нет разумных людей. Там нет порядка, нет счастья. Вы — лазутчики, которые хотят отнять у нас наши славные чертоги! Которые хотят съесть все наши продукты и отобрать драгоценности!

Какой шум подняли тут значительные лица, трудно вообразить! Больше всего испугала их опасность расстаться с драгоценностями. Троллям пришлось защищать пленников от их гнева.

Кое-как угомонив приближенных, Четырехглазый произнес:

— Судить этих негодяев будет народ. Как у нас принято. Я не буду вмешиваться в голос народа. Вот ты!

Палец Четырехглазого уперся в лемура, который стоял в одном из первых рядов, прижимая к груди маленькую коробочку.

Его сразу же вытолкали из толпы, и, перепуганный, ничего не соображающий, он оказался на пустом пространстве.

На площади наступила гробовая тишина.

— Как зовут тебя, глас народа? — спросил Четырехглазый.

— Забыл, — прошептал лемур.

Значительные лица покатились от хохота. Одна из летучих мышей даже взмыла над площадью, но Четырехглазый погрозил ей пальцем, и мышь ринулась обратно так быстро, что сшибла с ног троллиху, что, конечно, только прибавило веселья.

— Замечательно, — сказал Четырехглазый. — Ты существо без имени, и имя тебе народ. Требуешь ли ты от имени народа, чтобы мы казнили этих мерзавцев?

Лемур стоял неподвижно, лишь рот его открывался и закрывался, а хоботок вздрагивал.

— Молчание — знак согласия, — произнес Четырехглазый. — Итак, народ потребовал смерти пришельцев, и мы, конечно же, подчиняемся столь недвусмысленно высказанному требованию. Теперь скажи нам, представитель народа, отдадим ли мы их дракону или кинем в пропасть, чтобы они умерли от голода?

Лемур выпучил от ужаса глаза и пошатывался, как ванька-встанька.

— Правильно, — сказал Четырехглазый. — Кинем. Пускай помучаются перед смертью. Но крови не прольем, не такие мы жестокие, как некоторые распускают о нас слухи. Решено. Единогласно. Кто не согласен, поднимите руки и пеняйте на себя!

И вдруг раздался громкий звон.

Все неандертальцы подняли свои волосатые могучие руки.

— Что? — Четырехглазый подпрыгнул на троне и застучал в бешенстве ногами о пол...

Нет, поняла Алиса, не ногами! Он стучал деревянными ходулями! Она хотела сказать об этом Пашке, но тот сделал быстрый шаг вперед, остановился на верхней ступеньке и закричал:

— Жители подземелья! Честные гномы и неандертальцы! Угнетенные лемуры и другие тролли! Объединяйтесь! Да здравствует революция! Долой диктатуру Четырехглазого! Час освобождения близок!

Значительные особы сначала опешили от такой наглости. Четырехглазый все еще в гневе стучал деревяшками по полу, а в ответ на Пашкин призыв из толпы донесся тонкий, но отчетливый голосок гнома:

— Да здравствует свобода!

— Найти! — кричал Четырехглазый. — Уничтожить!

Началась суматоха. Лемуры кинулись в толпу, разыскивая гнома, другие избивали беспомощных неандертальцев.

— А вас... вас, мерзавцы... — Четырехглазый не находил слов от возмущения. Он поднялся на ходулях, потеряв равновесие, уцепился за шапку троллихи, шапка слетела, обнажив лысую бугристую голову.

И вдруг Четырехглазый громко ахнул и замер.

Голова его медленно поворачивалась, растопыренные пальцы трепетали. Алиса проследила за движением его головы и увидела, что над площадью медленно порхает какое-то насекомое, похожее на ночную моль, только больше размером и совсем прозрачное.

Как во сне, повелитель подземного царства медленно двинулся к моли.

Догадавшись, что привлекло внимание диктатора, значительные лица кинулись вперед, стараясь поймать моль.

— Нет! — закричал Четырехглазый. — Не смейте! Вы повредите ей крылья! Ее нет в моей коллекции! Сачок! Срочно сачок!

Но сачка ни у кого не было.

Все замерли, глядя на моль, которая как ни в чем не бывало порхала над толпой. Четырехглазый прыгнул за ней, упал, но куда проворнее оказался Пашка. Во вратарском прыжке он кинулся за молью, та не успела увернуться и попала в ладони Пашки.

Лежа, Четырехглазый кричал:

— Осторожнее! Не помни крылья! Убью!

— Убью! — кричали значительные лица.

Пашка осторожно держал моль в ладонях.

Тролль достал из-за пояса коробочку и молча подставил Пашке.

Пашка положил туда моль, тролль закрыл коробочку и передал ее диктатору, который одернул свою мантию, чтобы не были видны ходули, и с трудом поднялся. Он приоткрыл коробочку, заглянул в щелку и сообщил:

— Этот вид науке неизвестен!

— Это он! — прошептала Алиса. — Он ходулями меня одурачил.

Пашка кивнул.

— Спасибо тебе, пришелец, — искренне сказал Гарольд Иванович. — Спасибо, Паша. Наука тебя не забудет. За такую заслугу я позволю тебе высказать любое желание. И я его исполню.

По площади прокатился вздох облегчения. Алиса поняла, что никто из подземных жителей не хочет их смерти. Но в толпе придворных послышались недовольные голоса.

— Молчать! — рассердился Гарольд Иванович. — Здесь я приказываю. Павел Гераскин, тебе предоставляется слово.

— У меня есть желание, — сказал Пашка, — чтобы вы отпустили нас с Алисой домой, а также отпустили всех неандертальцев, выпустили из колес несчастных лемуров и гномов и вообще вернулись к своему брату. Хватит вам здесь прохлаждаться.

— Много, ох как много желаний у тебя, Паша, — сказал укоризненно Гарольд Иванович. — Но, к сожалению, это все не желания, а требования. А требований я не допущу.

— Разве это не желание — остаться живым?

— Нет, это ультиматум. И если ты не хочешь остаться без желания, то спеши, проси. Ведь все равно я тебя казню. Потому что интересы государства выше личных. Тебя не я приговорил, тебя народ приговорил. А против народа я не пойду. Говори желание, которое лично я могу выполнить.

— Хорошо, — сказал Пашка. — Есть у меня желание.

Стало очень тихо. Только ящерица постукивала от нетерпения хвостом.

— С детства я интересовался собиранием насекомых, — сказал Пашка. — Не было у меня большей радости, чем накалывать на булавки бабочек и жучков. Все в классе завидовали моей коллекции. Алиса может подтвердить.

Алиса смотрела на Пашку во все глаза. Никогда в жизни он не собирал бабочек и жучков.

— Я хочу перед смертью, — продолжал Пашка, — увидеть великую и знаменитую коллекцию подземных насекомых, собранную великим ученым Гарольдом Ивановичем. Если я увижу ее, то могу умереть спокойно.

Над площадью шелестели удивленные голоса. Никто ничего не понимал.

— Ты не лжешь, мой мальчик? — спросил Четырехглазый.

— Я никогда не лгу! — торжественно соврал Пашка.

— Ну что ж, я знаю одного энтомолога по имени Гарольд Иванович. Он живет в задних помещениях моего дворца и никогда не выходит к людям. Я попрошу этого скромного человека показать тебе коллекцию. Но как только посмотришь, сразу на казнь — договорились?

— Разумеется, после такой коллекции и умереть не жалко, — сказал Пашка со слезой в голосе.

Алиса не понимала, что задумал ее друг, но не стала мешать ему. Она надеялась на Пашкину находчивость.

— Идите в тронный зал, — приказал Четырехглазый. — Вас проводит мой верный тролль. А вы, все остальные, расходитесь, срочно расходитесь по своим рабочим местам. И ввиду того, что все прогуляли целый час, проторчав на этой площади и ничего не делая, вы все оштрафованы на дневной паек, а сон сегодня будет укорочен на час. Ура?

— Ура! — крикнул кто-то из придворных.

— А что касается вас, мои дорогие помощники, — сказал диктатор, обернувшись к значительным лицам, — то после казни прошу всех на скромный ужин.

Больше Алиса ничего не слышала. Тролль втолкнул их с Пашкой в тронный зал, молча показал на дверь за троном и остался стоять возле нее. Видно, никто не имел права входить во внутреннюю квартирку кабинетного ученого Гарольда Ивановича.

Они поднялись по знакомой лесенке.

— Ты что задумал? — спросила Алиса.

— Ничего! — ответил Пашка, показав себе на ухо — могут подслушать.

Он первым подошел к двери в квартиру Гарольда Ивановича и нажал на кнопку звонка.

— Он еще не успел, — сказала Алиса.

И в самом деле, им пришлось подождать минуты три, прежде чем изнутри послышались шаркающие шаги и голос ученого произнес:

— Кто там?

— К вам гости! — бодро сказал Пашка. — Ваши старые друзья, нас прислал Четырехглазый.

— Кто-кто? — Гарольд Иванович приоткрыл дверь на цепочку.

— Здешний повелитель.

— Здесь есть повелитель? Никогда не слышал, — сказал ученый. — Ах, это вы, Пашенька и Алисочка? Как я вам рад! Заходите, заходите.

Ученый откинул цепочку и впустил гостей.

Черная шляпа висела на вешалке в прихожей. Но сам диктатор успел снять ходули и был уже в домашнем халате и шлепанцах.

— Заходите, — сказал он ласково. — Что же вас снова привело ко мне?

— Страстное желание посмотреть на вашу коллекцию, — сказал Пашка. — Прежде чем нас казнят, я должен насладиться ею.

— Казнят? Вас? Детей? Какое варварство! Вы, наверное, злостные преступники?

— Честно говоря, нет! — прошептал Пашка. — Но этот мерзавец Четырехглазый думает иначе. И знаете почему?

— Почему же?

— Он нас страшно боится.

— Вас? Детей?

— Он боится, что мы вернемся обратно и расскажем о тех безобразиях, которые здесь творятся.

— Безобразия? — Ученый был очень расстроен. — Не может быть! Я, правда, не встречался со здешним повелителем, но по отзывам он — милейший человек и жертвует всем, чтобы научить местных дикарей жить по справедливости, соблюдать порядок и плановую систему. Он считает, что мир должен быть организован строго и четко, как коллекция насекомых.

— Нет! — поддержал хитрость Гарольда Ивановича Паш-

ка. — Когда встретитесь с этим негодяем, то поймете, насколько вы не правы. Это мучитель и садист. Он уверен, что люди должны жить, как бабочки на булавках.

— Не будем отвлекаться. Какую часть коллекции вы хотели бы посмотреть?

— Все части, — сказал Пашка.

— Ну что ж, начнем.

Следующие полчаса показались Алисе самыми скучными в жизни. Гарольд Иванович доставал один за другим планшеты с наколотыми на них насекомыми и подробно рассказывал о них Пашке, а Пашка не спеша задавал вопросы. И если посмотреть на них со стороны, то подумаешь, что перед тобой старый ученый и его верный увлеченный ученик.

— Вот и все, — сказал наконец Гарольд Иванович. — Вы ознакомились с моей скромной коллекцией. Если не считать той коробочки, которую мне принесли сегодня.

Он показал на коробочку с молью, пойманной Пашкой.

— Ею я займусь сегодня вечером, когда с вами будет покончено. Довольны ли вы, Павел Гераскин?

— Мне жалко, что моя мечта стать собирателем насекомых не сбудется.

— Если бы это зависело от меня, — сказал Гарольд Иванович, — ты был бы моим любимым учеником. Но народ... народ требует.

— Чего требует народ?

— Ты же мне сам сказал, что народ тебя приговорил?

— Ничего я не говорил. Народ ждет не дождется, когда вас убьют.

— Ах, не говори страшных вещей, у меня слабые нервы! Как можно меня убить, когда меня все так любят?

— Как жаль, — сказал Пашка, оглядываясь, — что вы не показали мне всю коллекцию. Не думал, что вы будете обманывать меня по мелочам.

— Я? Показал не всю коллекцию?

— А где сколопендра Гарольди? Почему вы ее скрываете?

— Но она же существует в единственном экземпляре!

— В той маленькой комнате? — Пашка показал на дверцу за письменным столом. — В стеклянной банке?

— А ты откуда знаешь?

— Я догадался, — сказал Пашка. — Я только кажусь рассе-

янным и невнимательным. А на самом деле я все запоминаю и умею делать выводы!

— Впрочем, — Гарольд Иванович поправил очки, — я и сам собирался тебе ее показать. А почему бы и нет? Ты же никому о ней не расскажешь!

Гарольд Иванович открыл дверцу. За ней обнаружилась маленькая комната, и сквозь дверной проем Алисе была видна узкая кроватка и шкафчик. Из шкафчика Гарольд Иванович извлек небольшую хрустальную баночку. В ней сидело прозрачное, удивительно гадкого вида членистоногое.

— Вот она! — сказал Гарольд Иванович, показываясь на пороге. — Сколопендра Гарольди! Мое сокровище.

Пашка подошел поближе.

— Руками не хватать! — испугался диктатор.

— Я только посмотрю! — произнес дрожащим голосом Пашка. — Посмотрю и умру!

Гарольд Иванович нехотя приблизил банку к лицу Пашки.

Алиса уже все поняла и напряглась для прыжка.

Пашка резко толкнул Гарольда, выхватил банку и кинулся к выходу.

— Ааа! — закричал Гарольд, метнулся к письменному столу, выхватил электрическую палку и бросился за Пашкой. Он забыл про Алису.

Когда Гарольд пробегал мимо нее, Алиса совершила отчаянный прыжок, сбила с ног Гарольда Ивановича, выхватила палку и кинулась вслед за Пашкой. Гарольд Иванович никогда не занимался физкультурой, и потому, когда он с проклятиями поднялся на ноги, Алиса уже была у входа в тронный зал.

Она успела вовремя. Тролль готов был схватить Пашку.

Алиса подняла электрическую палку и воткнула ее в мохнатый бок чудовища. Запахло паленой шерстью, тролль закрутился на месте от боли.

Еще через секунду Пашка и Алиса выбежали на площадь.

А там за эти минуты многое изменилось.

Толпа лемуров поредела — видно, многие поспешили на рабочие места, но вместо них на площади появились неандертальцы — сотни разъяренных, страшных охотников. Размахивая копьями, они наступали на лемуров и троллей. Их товарищи крутили в воздухе цепями, сбивая с ног охранников. Могучий тролль, утыканный стрелами, как дикобраз, вертелся от боли и

ревел, знатные лица метались вокруг трона. Но и неандертальцам приходилось несладко — многие из них уже упали, пораженные электрическими палками.

И в этот момент Пашка вскочил на трон и оттуда закричал:

— Стойте! Все стойте!

Его голос перекрыл шум боя.

Пашка поднял руку с зажатой в ней стеклянной банкой.

— Здесь у меня, — кричал он, — стеклянная банка, в которой смерть Четырехглазого!

— Уууу! — прокатилось по площади. Одни кричали от ужаса, другие от радости. Все замерли.

И тут из дверей тронного зала выскочил Гарольд Иванович.

— Стойте! — кричал он. — Остановите его! Убейте!

Но никто не двинулся с места. Гарольда Ивановича погубило то, что он всегда появлялся перед своими подданными на ходулях и в черной шляпе с вуалью. А в маленьком лысом энтомологе трудно было угадать великого повелителя подземелий.

Визжа от страха и злобы, Гарольд Иванович старался влезть на трон, чтобы отнять у Пашки склянку со сколопендрой.

И в тот момент, когда его руки дотянулись до Пашки, Пашка размахнулся и со всего маху грохнул склянку о каменный пол. Склянка разлетелась вдребезги.

Знатные лица побежали во все стороны, лемуры-охранники кидали палки и падали на колени перед неандертальцами, умоляя о пощаде. Тролли, сшибая все на своем пути, умчались прочь.

Гарольд Иванович охнул тонким голосом и упал на спину.

И тогда наступила тишина.

И в этой тишине Пашка сказал:

— Все! Кончился ваш Четырехглазый. Это говорю вам я, Павел Гераскин! Можете жить спокойно.

Глава последняя

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО БРАТА

К подземной лодке Алису и Пашку пришли провожать гномы и неандертальцы. Лемуров там не было — лемуры побежали толпой грабить продовольственные склады, чтобы впервые за десять лет наесться до отвала.

Неандертальцы втиснули в люк завернутое в одеяло бесчувственное тело Гарольда Ивановича, который все еще был в глубоком обмороке. Алиса с трудом уговорила диких охотников это сделать. Она сказала им, что Гарольд Иванович не имеет никакого отношения к злобному диктатору, который исчез без следа после того, как его взяла смерть.

Она присела на корточки перед гномом Фурраком, который был страшно горд тем, что смог пробраться тайными ходами к неандертальцам и поднять их на помощь Алисе и Пашке.

На прощание он подарил Алисе свой фонарик с зелеными светлячками, а Алиса оставила подземным жителям все припасы, которыми их снабдил на дорогу добрый Семен Иванович. Вместо припасов положили Гарольда Ивановича.

— До скорой встречи! — сказал Пашка новым друзьям. — Живите спокойно.

Закрылся люк.

— Постараемся выжать из этой машины все, на что она способна, — сказала Алиса.

— Я тебя сменю, когда устанешь, — сказал Пашка. — Надо за ним присматривать. Как бы чего не натворил.

Поднимались они медленно. Пришлось огибать обширные подземные пещеры. Только через два часа они оказались выше подземелий, и лодка уверенно поползла наверх.

Пашка отыскал забытый кусок сыра, и они с Алисой разделили его.

И тут они услышали сзади стон.

Очнулся Гарольд Иванович.

— Где я? — спросил он слабым голосом. — Я умер?

— Нет, вы живы, — ответил Пашка. — Хотя думаю, что вы заслуживаете смерти.

— Ах! — завопил Гарольд Иванович. — Выпустите меня немедленно! Моя коллекция! Они же ее разорят!

— Когда туда отправится экспедиция, — сказала Алиса, — мы попросим их забрать и вашу коллекцию.

— Нет, я не переживу! — рыдал Гарольд Иванович. — Двадцать лет я посвятил собиранию этих насекомых. Это смысл моей жизни! Я не занимался ничем другим!

— Так уж и не занимались, — сказал Пашка. — А кто был Четырехглазым диктатором?

— А кто? — спросил Гарольд Иванович.

Алиса обернулась. Ей показалось, что за очками глазки Гарольда Ивановича лукаво поблескивают.

— Он забыл! — возмутился Пашка. — Двадцать лет он всех мучил, а теперь забыл.

— А это был не я, — ответил Гарольд Иванович. — Честное слово, не я. Я даже из своей скромной квартирки выходил только в походы за насекомыми. Я ничего не знаю. Клянусь памятью моего дедушки, я ничего не знал!

— Оставь его, Пашка, — сказала Алиса. — Он ни в чем не сознается.

Гарольд Иванович горько рыдал. Он перечислял неизвестные науке виды открытых им насекомых. Он вспоминал паука Гарольди, и сколопендру Гарольди, и мокрицу Гарольди...

И так он стенал, пока Пашка не сказал:

— Хорошо, мы возвращаемся назад. Но учтите, что там вас ждут неандертальцы и ненавидящие вас гномы, я уже не говорю о лемурах... Возвратимся. Вас встретят с распростертыми объятиями.

Гарольд Иванович сглотнул слюну и замолчал.

Он молчал и тяжко вздыхал полтора часа подряд.

Потом вдруг произнес:

— Я все равно уйду под землю. Есть еще много других подземелий, где обо мне ничего не знают...

Алисе вдруг стало его жалко. И она чуть было не достала коробочку с молью, что успела схватить со стола диктатора. Она отдаст эту моль в музей, и пускай ее называют молью Гераскина, потому что поймал ее Пашка.

Через пять часов подземная лодка выбралась на поверхность земли неподалеку от мельничной запруды. Гарольд Иванович то стонал, то засыпал и бредил во сне, грозил кому-то, распределяя какие-то должности и пайки. Потом просыпался и спрашивал:

— Я ничего лишнего не сказал? Мне приснился страшный кошмар.

Но ни Алисе, ни Пашке разговаривать с ним не хотелось.

Когда «Терранавт» замер на поверхности земли, Пашка открыл люк и сказал:

— Вылезайте!

Гарольд Иванович принялся умолять его:

— Пашенька, милый, любименький, только не говори ниче-

го моему брату. Он простой и недалекий человек, он может тебя неправильно понять.

— Нет, — сказал Пашка, спрыгивая на траву, — как приговоренный к смерти, я не имею права молчать.

— Паша! — умолял Гарольд Иванович. — Это была шутка!

— Не надо, не унижайтесь, — сказала Алиса, помогая Гарольду Ивановичу выбраться из подземной лодки. — Есть некоторые поступки, которые нельзя держать в тайне. Иначе их повторяют.

Она вышла из лодки последней.

Посреди лужайки стоял громадный добрый Семен Иванович. Он держал на руках полотенце, на котором лежал пышный каравай хлеба.

— Добро пожаловать, мои дорогие! — сказал он.

Гарольд Иванович оглянулся на Алису, потоптался на месте, а потом с криком:

— Братец, младшенький мой, я так скучал, так тосковал по тебе! — побежал к Семену Ивановичу и старался обнять и его, и каравай, что было совершенно невозможно.

— Какое счастье! — повторял сквозь слезы Семен Иванович. — Какое счастье!

Пашка посмотрел на Алису и пошел к флаеру, что стоял у мельницы.

— Вы куда? — удивился Семен Иванович. — Обед на столе!

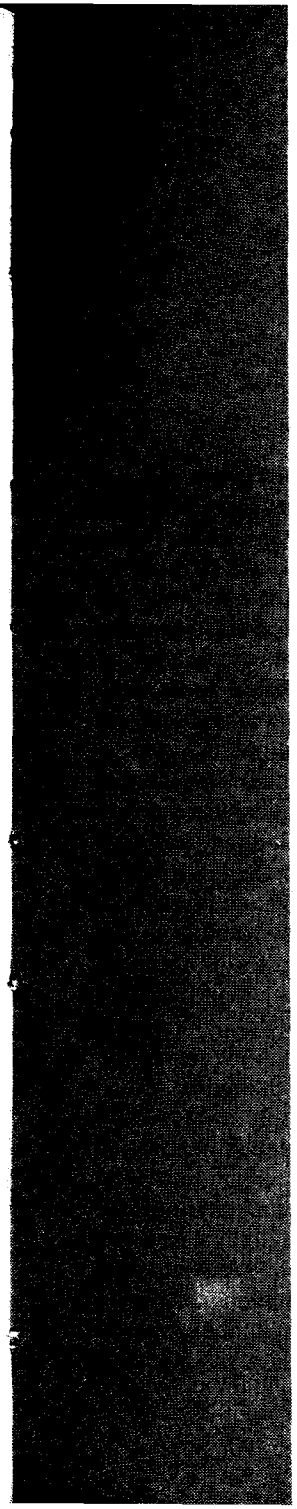
Алиса, которая пошла следом за Пашкой, обернулась и сказала:

— Мы потом прилетим. Завтра. А сегодня мы очень устали.

Гарольд прижался щекой к локтю младшего брата и махал им вслед ручкой. Он быстро осмелел.

— И не надейтесь! — крикнул Пашка. — Мы обязательно завтра прилетим.

Он задвинул дверцу флаера и поднял машину в воздух.

ГАЙ-ДО

ГАЙ-ДО И ЕГО ГОСПОЖА

В нашей Галактике много планет, где обитают разумные существа. Большинство из них — люди. Другие — похожи на людей. Третьи — похожи на что угодно, только не на людей.

Как-то директор московского Космического зоопарка профессор Селезнев взял свою дочь Алису на конференцию космозоологов. Там собрались ученые с 342 планет.

Сам зал заседаний был устроен необычно. Амфитеатр занимали люди и подобные им создания. По крайней мере, настолько подобные, что могли сидеть в креслах или на полу.

Вместо партера был устроен бассейн, где плавали и плескались делегаты, привыкшие жить в воде. Балконы были превращены в аквариумы, и там находились делегаты, которые дышат метаном, аммиаком и другими газами. А под самым потолком реяли и порхали летающие делегаты.

Порой космозоологи отлично понимали друг друга, а иногда начинали так отчаянно спорить, что Алисе становилось страшно — а вдруг они пустят в ход все свои зубы, когти, щупальца, иглы и клювы? И начнется первая зоологическая война.

Но до войны дело не дошло.

На конференции был делегат и с планеты Вестер. Алиса его не заметила, потому что жители планеты Вестер не отличаются от землян. Только глаза у них сиреневые, а на ногах шесть пальцев.

Если бы Алиса тогда знала, какую роль сыграет планета Вестер в ее жизни, она бы, конечно, подошла к профессору с Вестера и спросила бы, не знаком ли он с изобретателем Самаоном Гаем. А профессор бы ответил, что тысячу раз видел изобретателя, так как живет в соседнем доме и может рассказать много интересного о самом Самаоне и его дочке Ирии.

...Самаон Гай жил на окраине города в отдельном обширном доме, большую часть которого занимали лаборатория и мастерская. Гай работал один. Его звали в институты, предлагали конструкторское бюро. «Нет, — отвечал он, — когда рядом со мной чужие люди, я не могу думать. — И добавлял: — Вот родится у меня сын, я выращу себе помощника, и мы вдвоем построим такой корабль, что вся Галактика ахнет».

Самаон мечтал о сыне. Он ему придумал имя Ирий, что означает «солнечный». Самаон заранее покупал сыну игрушки, инструменты и приборы, чтобы тот, как родится, сразу занялся делом. Над мастерской он построил комнату для сына, в которой все, от гимнастических снарядов до маленькой лебедки и миниатюрной штанги, сделал собственными руками.

И тут случилась неожиданность: жена Самаона родила ему дочку. Нормальную, здоровую, веселую дочку. Но дочку!

Самаон Гай решил, что жена нарочно это сделала, потому что никогда его не любила. Так он ей и сказал. Правда, после того, как два месяца вообще с ней не разговаривал.

За эти два месяца Самаон Гай решил, что еще не все потеряно. Если у него нет сына, то он сделает сына из дочери. Он назвал дочь Ирией, что значит, как вы уже догадались, «солнечная», потом отнял ее у матери и переселил в комнату над мастерской. Самаон сам растил и воспитывал дочь, никого к ней не подпуская. Он не подарил ей ни одной куклы и не разрешил дотронуться до нитки с иголкой. Он запрещал ей собирать цветы и играть с девочками. Зато с раннего детства Ирия должна была водить автомобиль, поднимать штангу, заниматься боксом и вольной борьбой, прыгать с парашютом, считать в уме, работать с компьютером, пилить, строгать и паять. Даже в школу он ее не пускал, чтобы она не заразилась какими-нибудь женскими слабостями.

Мать Ирии редко видела свою девочку. Ей разрешалось только кормить семью, шить и стирать. Она несколько раз просила своего мужа: «Можно я рожу второго ребенка?» Но тот отвечал: «Хватит с меня одного». И нет ничего удивительного, что мать Ирии скоро умерла. И тогда уж ничего не могло остановить отца.

Ирия не подозревала, что существует другая жизнь, в которой девочки не поднимают штангу, не прыгают с крыши на

землю, не водят гоночных автомобилей и не занимаются боксом. Она была уверена, что так живут все девочки Вселенной.

Понемногу отец учил Ирию и ремеслу конструктора космических кораблей. Разумеется, трудно построить в мастерской настоящий корабль — обычно Самаон Гай делал только макеты, но его макеты были настолько хороши, что многие заводы были рады заполучить макет и сделать по нему большой корабль.

Когда Ирии исполнилось десять лет, она была куда больше похожа на мальчишку, чем на девочку. Руки в мозолях, ногти обломаны, волосы подстрижены совсем коротко, движения резкие и быстрые. Самым большим удовольствием в ее жизни было взять в руку широкий загнутый нож и вырезать из дерева модель будущего корабля или игрушечный бластер. После работы она ныряла в прорубь, если дело было зимой, или плавала с аквалангом, если стояло лето.

Отец был доволен. Ирия оказалась лучше обыкновенного сына. А если добавить, что у нее была такая великолепная память, что она знала наизусть всю таблицу логарифмов и могла в две секунды извлечь корень шестой степени из десятизначного числа, выучила наизусть все учебники и бегала стометровку быстрее десяти секунд, то можно согласиться с Самаоном Гаем, что ему повезло.

В доме Самаона Гая не было радио и телевизора. Ирия даже в университет не ходила. Профессора читали ей лекции дома. Самаон выбирал самых старых профессоров, которые не думали ни о чем, кроме своей науки.

Самой заветной мечтой Самаона Гая было построить умный корабль. Нет, не робот. Кораблей-роботов, которые сами выбирают курс, сами добираются до нужной планеты, сами разгружаются и загружаются, немало летает во Вселенной. Гай хотел сделать корабль, который будет думать.

Такой корабль нужнее всего в небольшой экспедиции. Он сам привезет ученых, будет поддерживать связь с базой. Если нужно, поможет советом, если нужно, сам выполнит задание. А главное, станет разумным и добрым собеседником, преданным другом, который готов пожертвовать собой ради экипажа. Такой корабль, хоть и небольшой по размеру, должен быть самостоятельным и, кроме обыкновенных двигателей, иметь гравитационный, чтобы совершать прыжки между звездами.

Над подобной задачей давно ломали голову конструкторы. Но у них либо получалась громадина, либо маломощный планетарный катер, либо обычный корабль-робот, а уж никак не друг и собеседник.

Этот корабль Гай решил построить сам. От первого листа проекта до последней кнопки на пульте. Он ухлопал в это дело все деньги, что скопил за жизнь, вложил в работу все знания и опыт. Но все равно без сына-дочки ему бы не справиться.

Три года они трудились рука об руку. Когда Ирии исполнилось девятнадцать лет, корабль был уже почти готов. Гай с дочкой даже спали в ангаре и три года питались только бутербродами и лимонадом. Три года Ирия не знала ни одного выходного дня, она отрывалась от работы только для занятий со старыми ворчливыми профессорами.

И вдруг случилось несчастье.

Самаон Гай срочно выехал в город, чтобы получить на заводе навигационные приборы, но по дороге попал в автомобильную аварию. За те месяцы, что он не выезжал на улицу, в городе левостороннее движение сменили на правостороннее. И единственным автомобилистом, который об этом не подозревал, был изобретатель Самаон Гай. Он врезался в грузовик и погиб.

Ирия Гай осталась сиротой.

Но раз отец научил ее всегда держать себя в руках, девушка, похоронив Самаона, заперлась в ангаре, заказала себе полугодовой запас бутербродов и лимонада, разогнала старых профессоров и принялась доделывать корабль.

И в конце концов она победила. Мечта ее отца осуществилась.

Кораблик, который она назвала «Гай-до», что значит на вестерском языке «Брат Гай», взлетел над планетой.

Он был так быстр, что даже патрульному крейсеру было нелегко его догнать. Он мог пролететь половину галактики и в то же время мог опуститься, не повредив ни травинки, на полянке размером с волейбольную площадку. Но главное — он был верным и единственным другом Ирии. Они понимали друг друга с полуслова. Гай-до так хорошо знал свою хозяйку, что мог бы вместо нее ходить в библиотеку или магазин. Правда, сделать этого он не мог, потому что оставался все-таки космическим кораблем.

Геологи, археологи, палеонтологи, экологи и ботаники планеты Вестер были в восторге от кораблика и просили сделать для них еще один. Но Ирия знала, что повторить Гай-до никто никогда не сможет — в него была вложена жизнь ее отца и часть ее собственной жизни. Поэтому, чтобы никого не расстраивать отказом, Ирия сказала, что сначала потребуются летные испытания.

Летные испытания не так уж были нужны — Гай-до и без них мог делать все, что нужно. Но неожиданная шумиха вокруг кораблика очень испугала и утомила Ирию. Она поняла, что отвыкла от людей и не знает, как себя с ними вести.

Ирия загрузила корабль всем необходимым для долгого путешествия, договорилась с геологами, что обследует для них несколько планет в пустынном секторе Галактики, и улетела.

Целый год они летали от планеты к планете. Много сделали интересных открытий, много повидали, но постепенно Гай-до начал замечать, что его госпожа невесела. Как-то вечером она спросила его:

— А что дальше?

— Дальше? — удивился корабль. — Дальше мы будем лететь от звезды к звезде и обследовать планеты.

— А дальше? — спросила Ирия.

— Я тебя не понимаю, — сказал корабль. — Очевидно, со временем мы с тобой состаримся и умрем. Так бывает со всеми людьми и кораблями. Это тебя печалит?

— Нет, не это. Меня печалит, что я не понимаю, зачем мы летаем?

— Чтобы принести пользу науке, — ответил корабль. — Вспомни своего отца. Вот кем надо гордиться. Он всю жизнь посвятил работе и в результате создал меня.

— Тебя он даже и не увидел, мою маму уморил, себя загнал до смерти, а меня изуродовал.

— Что ты говоришь, госпожа! — закричал кораблик. — Ты же самая сильная и мужественная женщина во Вселенной!

— Именно это меня и огорчает, — ответила Ирия, и кораблик ее не понял. Но замолчал, потому что когда у Ирии было плохое настроение, то и у корабля портилось настроение. К сожалению, с каждым днем это случалось все чаще.

НА ПЛАНЕТЕ ПЯТЬ-ЧЕТЫРЕ

Им осталось обследовать всего одну планету. И потом надо будет возвращаться домой. Но ни Ирия, ни кораблик не знали, хотят ли они этого.

В таком настроении они подлетели к последней планете. Названия у нее не было. Только номер. 456-76-54. Они могли бы сами ее назвать. Тот, кто первым обследует планету, имеет право дать ей имя. Но планета оказалась такой негостеприимной и даже некрасивой, что им и называть ее не хотелось. Между собой они называли ее Пять-четыре. А это, разумеется, не имя для настоящей планеты.

На планете извергались тысячи вулканов, а от потухших остались кратеры, порой заполненные горячей водой. Из этих озер поднимались гейзеры или пузыри газа. Порой планету сотрясали землетрясения, отчего вулканы рассыпались, а их обломки и лава покрывали долины. На планете Пять-четыре моря были набиты каменными островами и островками, которые вылезали из них, как ягоды из компота, налитого в блюдце. Реки утыкались в горы, исчезали под землей и выбивались фонтанами посреди озер. Долин там не было — нельзя же считать долинами россыпи скал, гор и камней. Этот бестолковый, тоскливый мир освещали четыре небольших красных солнца, так что там не было ночи, но и никогда не было светло. Тени от скал и гор метались по камням и лужам в зависимости от того, какое солнце светило сильнее. Живых существ на планете было мало, а те, что были, таились в скалах или в морях, в трепете ожидая очередного землетрясения или извержения.

Эту планету и надо было исследовать Ирии с Гай-до. Составить общую карту, геологическую карту, водную карту, собрать образцы минералов и фауны...

Устраивать наземный лагерь они не стали, а вышли на орбиту. А раз Гай-до никогда не спит, то он работал круглые сутки. Первым делом Ирия приготовила себе бутерброды. Она так привыкла питаться бутербродами, что даже забыла, как выглядит суп.

Тут она услышала голос корабля:

— На этой планете кто-то недавно побывал.

— Почему ты так думаешь?

— Тут вели взрывные работы и даже копали шахты.

— Странно, — сказала Ирия. — По всем справочникам, мы на Пять-четыре первые. Значит, тот, кто здесь побывал, не хотел, чтобы об этом знали.

Гай-до высыпал на рабочий стол фотографии, которые он уже сделал, и Ирия убедилась, что ее кораблик, как всегда, прав. Неопытный взгляд не увидел бы, где кончается естественный хаос, а где к нему добавились следы человеческой работы. Однако специалисту все было ясно.

Но еще более удивительное открытие они сделали примерно через час.

Они пролетали над очень мрачным ущельем, заваленным обломками скал, по дну которого, то исчезая среди камней, то вновь появляясь на поверхности, протекал горячий ручей. Неподалеку мирно пыхтел вулкан.

— Внимание, — сказал Гай-до. — Вижу предмет искусственного происхождения.

Ирия бросилась к экрану.

У ручья в тени скалы виднелось оранжевое пятно.

Они быстро снизились.

Оранжевое пятно оказалось смятой, разорванной палаткой.

Гай-до осторожно спустился в ущелье, Ирия выбежала наружу, чтобы поглядеть на палатку вблизи.

Она поняла, что случилось несчастье. Видно, на планету прилетел исследователь или турист и попал в землетрясение.

Ирия пошла вверх по ущелью и буквально в десяти шагах увидела остатки разбитого вдребезги планетарного катера.

Поняв, что в корабле никого нет, Ирия пошла дальше по течению ручья, от которого поднимались струйки пара. И вдруг замерла.

Под нависшей скалой лежал темноволосый молодой человек.

Он был неподвижен.

Ирия бросилась к нему, наклонилась и прижала ухо к его окровавленной, обожженной груди. Сердце молодого человека еле билось.

— Гай-до! — позвала она. — Он еще жив!

В две секунды Гай-до перелетел к Ирии, и девушка перенесла пострадавшего внутрь кораблика.

Ирия умела оказывать первую помощь. Она осмотрела раненого, вымыла его, перевязала, сделала укрепляющие уколы,

но больше помочь ему не могла — ведь на Гай-до не было госпиталя.

Пока Ирия возилась с раненым, Гай-до помогал ей советами, так как в его памяти лежала медицинская энциклопедия. В то же время он внимательно смотрел по сторонам и старался отыскать в ущелье ответ на загадку: что могло случиться с молодым человеком? Почему он так изранен и обожжен? Ведь он был довольно далеко от своего катера. Верно, он посадил свой катер в ущелье, потом разбил там палатку и пошел по ущелью вниз. И тут что-то случилось... Недоброе предчувствие охватило Гай-до.

— Госпожа, — сказал он, — думаю, что нам лучше отсюда улететь. И как можно скорее.

— Я согласна, — сразу ответила Ирия. — Но дай мне еще десять минут: должны подействовать уколы, а я подготовлю раненого к взлету.

Гай-до согласился с хозяйкой и продолжал осматривать ущелье.

И тут он увидел в углублении скалы странный знак: кто-то вырезал на камне два кольца, соединенные двумя полосками.

— Госпожа! — воскликнул Гай-до.

— Не мешай, — сказала Ирия.

— Я вижу рисунок, — сказал Гай-до.

— Этого еще не хватало, — ответила Ирия. — Помолчи, раненый может в любой момент умереть.

Гай-до замолчал. Но не переставал думать.

Он знал о таком знаке. Это был знак странников. Тех самых загадочных странников, которые когда-то облетели всю галактику. Они оставили свои следы на многих планетах. Иногда это были развалины гигантских башен, иногда пустые обширные подземелья или широкие шахты. Иногда базы снабжения.

Сами странники исчезли, по подсчетам ученых, сто тысяч лет назад. Исчезли без следа — вернее всего, улетели за пределы галактики. Базы странников больше всего волновали ученых и кладоискателей. Какие невероятные богатства могучей цивилизации хранятся там? Но еще ни на одну базу не удалось проникнуть.

Знаком, означающим, что база рядом, были два кольца, соединенные двумя линиями. Первый раз, когда такую базу отыскали, она оказалась пустой — странники все вывезли оттуда.

Вторую базу нашли нетронутой. Но как только постарались открыть ворота, ведущие туда, база тут же исчезла — взорвалась. Хорошо еще, что никто не пострадал. В третий раз разведчики были очень осторожны. Вместо того чтобы проникнуть через вход, они вырыли туннель сквозь скалы и увидели внутри много чудесного. Они даже успели кое-что сфотографировать, но тут раздался сигнал тревоги, такой громкий и страшный, что нервы разведчиков не выдержали и они убежали. Как только последний из них покинул базу, раздался взрыв, и база исчезла. Вот и все, что известно. С тех пор многие экспедиции обыскивали самые отдаленные и дикие планеты в надежде увидеть два кольца на скале. Но пока безуспешно.

Гай-до, углядев два кольца, стал шарить электронными глазами по соседним скалам в надежде увидеть вход в базу. Он был очень любознательным кораблем.

Вскоре в глубокой расщелине он увидел черный провал, а возле него каменную плиту. Он понял: когда-то землетрясение разрушило вход в базу и некому было вернуться и починить его. Гай-до направил луч прожектора в черную расщелину и увидел смутные очертания круглой цистерны. Он знал по докладам разведчиков, что в таких цистернах странники хранили сверхтопливо для кораблей, которое позволяло достигать невероятных скоростей. Гай-до даже подумал: «Попрошу Ирию, пускай возьмет немного топлива для меня. Ведь для корабля хорошее топливо все равно что торт с кремом».

И только он так подумал, как услышал голос своей госпожи:

— Гай-до, немедленно поднимаемся.

— Госпожа Ирия, — сказал Гай-до, — не могли бы мы немного задержаться? Я вижу открытый вход в базу странников. Может быть, мы там найдем кое-что интересное.

— Ты, по-моему, сошел с ума, — твердо сказала Ирия. — От наших действий зависит жизнь человека. Все базы странников не стоят этого. Приказываю стартовать.

И, конечно, Гай-до немедленно стартовал.

Но полет домой оказался совсем не простым.

Только Гай-до начал удаляться от планеты, как увидел, что за ним несется боевая ракета.

— Тревога! — сказал Гай-до Ирии. — На нас напали!

— Сам принимай меры, — ответила Ирия. — Нашему раненому совсем плохо.

Гай-до и без того уже принял меры. Он резко увеличил скорость и изменил курс. Ракета не отставала. Вслед за ней неслась вторая. Неизвестные враги не хотели выпускать кораблик живым.

К счастью, они не знали, какой замечательный корабль сделали отец и дочь Гай. Любой другой давно бы погиб. Но Гай-до умудрялся увертываться от хищных ракет.

— Осторожнее! — закричала Ирия.

— Другого выхода нет, — ответил Гай-до, включая гравитационные двигатели, чтобы уйти в прыжок, где его не найдет ни одна ракета.

И за мгновение до того, как ракета дотянулась до него, Гай-до исчез. Он растворился в пространстве, перестал существовать, лишь его тонкие приборы продолжали трудиться, высчитывая ту долю секунды, когда надо выключить гравитационные двигатели, чтобы кораблик снова возник среди звезд у пределов своей планетной системы.

Через несколько часов после выхода из прыжка на экранах Гай-до возникла знакомая планета Вестер.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИРИИ ГАЙ

Гай-до опустился у госпиталя и вызвал врачей. Тут же раненого перенесли в реанимационную палату. Ирия хотела остаться с ним, но врачи ей не позволили. Они спешили сделать очень сложную операцию, без которой спасенный умрет.

К удивлению Гай-до, Ирия отказалась идти домой. Она осталась в коридоре больницы и ждала до самого вечера, пока операция не закончилась и хирург не сказал Ирии, что жизнь раненого вне опасности.

Гай-до отвез Ирию домой, она отыскала в холодильнике два замерзших, высохших бутерброда и съела их, запивая водой из-под крана. А потом легла спать, так и не обсудив с корабликом удивительные события на планете Пять-четыре.

На следующий день с утра Ирия снова поспешила в больницу.

Гай-до уверял госпожу, что это неразумно. Она ничем не может помочь молодому человеку. Лучше сдать все собранные материалы в геологическое управление и написать отчет об экспедиции. Но Ирия не стала его слушать.

Так прошло еще несколько дней. С утра Ирия бежала в больницу, а Гай-до весь день стоял в больничном парке и ждал, пока она кормила с ложечки молодого человека и меняла ему повязки.

Когда молодой человек пришел в себя, оказалось, что его зовут Тадеуш, что он — биолог, специалист по беспозвоночным животным. Он занимался проблемой происхождения жизни и поэтому опустился на Пять-четыре, которая показалась ему очень интересной. Он выбрал наугад дикое ущелье, вытащил из корабля палатку, перенес туда микроскоп и спальный мешок и начал исследовать ручей. Он так увлекся работой, что ничего не видел вокруг. Он даже не заметил знака из двух колец на скале прямо у него над головой.

Вдруг раздался страшный взрыв. Тадеуш обернулся и увидел, что от его катера остались дымящиеся обломки. Следующим взрывом его отбросило в сторону. Больше он ничего не помнил и очнулся только в больнице на планете Вестер. Рядом с ним сидела девушка, которую он сначала принял за юношу. Она была коротко подстрижена, ладони ее были в мозолях, упрямый подбородок исцарапан, на щеке шрам. Да и одежда на этой девушке была мужская. Движения ее были резкими, голос грубым. Тадеуш узнал, что именно эта девушка спасла его, и удивился, узнав от врачей, что она две недели не отходила от его постели. Но тут он заглянул в громадные сиреневые, окруженные черными длинными ресницами глаза этой девушки-юноши и тут же понял, что все остальное — обман и пустая видимость. Настоящее — это сиреневые нежные глаза.

Он ничего не произнес, кроме слова «спасибо», потому что был еще очень слаб и сильно страдал. Все остальные слова он сказал взглядом. И самая мужественная женщина в галактике Ирия Гай вдруг почувствовала, как ее сердце остановилось, а потом начало биться, как пулемет. И она сказала:

— Можно я вам поменяю повязку?

Ничего этого кораблик Гай-до, который послушно стоял в парке, не знал. И не подозревал, какое страшное испытание готовит ему судьба.

На двадцатый день после операции Ирия сказала кораблю:

— Гай-до, я улетаю на Землю.

— Зачем?

— Надо отвезти Тадеуша на родину. Здесь для него неподходящий климат. А человеку лучше выздоравливать у себя дома.

— Но зачем вам лететь с ним, госпожа? — удивился Гай-до. — Жизнь Тадеуша вне опасности, а мы с вами еще не сделали отчета по экспедиции.

— Ты ничего не понимаешь, — раздраженно ответила Ирия. — Может быть, то, что я делаю для Тадеуша, в тысячу раз важнее, чем отчеты всех экспедиций, вместе взятых.

— Ты сделала для него все возможное, — сказал кораблик. — Пускай теперь о нем заботятся доктора на Земле. И всякие там нежные женщины, не годные для того, чтобы водить скутер, заниматься боксом и опускаться в жерла вулканов.

— Глупый железный болван! — закричала тогда Ирия. — Ты не понимаешь, как я жалею, что занималась боксом, но не умею варить суп. А Тадеуш, оказывается, любит суп с клецками. Я знаю наизусть таблицу логарифмов, но совершенно не представляю себе, как пришить пуговицу, и не умею собирать землянику. А Тадеуш любит землянику.

— Тадеуш, Тадеуш, — ворчливо сказал кораблик. — Мир клином сошелся на этом Тадеуше! Самый обыкновенный биолог по беспозвоночным. Он тебе в подметки не годится. Я уверен, что ты бегаешь стометровку на три секунды быстрее его.

— Какой безнадежный железный дурак! — воскликнула Ирия. — Неужели недавно я сама была такой же?

— Поэтому мы и дружим, — сказал кораблик обиженно. — Хотя я никогда никому своей дружбы не навязывал.

На этом разговор и закончился. Гай-до понял, что Ирия непреклонна в своем намерении отвезти Тадеуша на Землю. Он смирился с этим и даже предложил самому отвезти Тадеуша, но Ирия заявила, что Тадеушу, видите ли, будет неудобно лететь в таком маленьком корабле, на котором нет ванны и мягкой постели.

На прощание Ирия договорилась с геологами, что, пока ее не будет, Гай-до поработает с ними. Она обещала вернуться, как только Тадеуш выздоровеет, и Гай-до, хоть и был расстроен и обижен, скрыл свою обиду и полетел на соседнюю планету обследовать залежи цинковых руд.

Прошло полгода. Ирия все не возвращалась. От нее даже письма не было. Гай-до молча страдал. В экспедиции ему пришлось несладко. Геологи, конечно, знали, что он разумный

корабль, но до чувств Гай-до им дела не было. Они использовали его как самый обыкновенный разведочный катер. Он возил почту, собирал образцы, обследовал долины и ущелья, работал честно, но без души. И с каждым днем росло его беспокойство. В своем воображении он строил ужасные картины: в них его госпожа попадала в катастрофы, погибала, тонула, разбивалась. Гай-до мучили кошмары, но не было рядом ни одного человека, которому можно было пожаловаться. Когда он просил знакомых геологов послать на Землю запрос, что случилось с его госпожой, они только улыбались. Им казалось смешным, что корабль беспокоится о человеке. Они говорили, что с Ирией все в порядке, но Гай-до им не верил.

И вот он решился.

Когда геологи вернулись из экспедиции и оставили кораблик на космодроме, Гай-до уговорил знакомых роботов привезти ему горючее. Роботы заправили его для дальнего полета. У Гай-до были штурманские карты, и он представлял себе, где находится Земля. Как-то перед рассветом в дождливую ветреную ночь он тихонько поднялся с космодрома и взял курс к Земле. Разогнавшись в космосе, он включил гравитационные двигатели и совершил большой прыжок до самой Солнечной системы.

Настроение у Гай-до было приподнятым. Он очень надеялся, что его госпожа жива и тоскует по нему так же, как он по ней. Только не может дать о себе знать. Он предвкушал радостную встречу. Правда, его не покидала тревога. Он боялся встречи с патрульным крейсером или большим кораблем. Ему тогда зададут вопрос: что делает в космосе корабль без экипажа? Может, он потерял свой экипаж и скрывает это?

Когда на подлете к Солнечной системе Гай-до понял, что его преследует какой-то неизвестный корабль, он прибавил ход и постарался уйти от преследования. Но корабль не отставал. Гай-до повернет влево — корабль тоже, Гай-до поднажмет — корабль тоже. Гай-до пытался рассмотреть название корабля, но названия не было. Опознавательных знаков тоже. И тогда Гай-до решил: помчусь скорее к Земле, а там видно будет. Он выжал из своих двигателей все возможное и начал удаляться от преследователя. Преследователю это не понравилось. Он выпустил по Гай-до боевую ракету. Гай-до был настолько не готов

к такому нападению, что на миллионную долю секунды опоздал принять решение...

Это было последнее, что он помнил. Страшный удар разорвал его борт. Воздух в мгновение ока пузырем вылетел из корабля, и Гай-до беспомощно поплыл в безвоздушном пространстве.

Преследователь хотел приблизиться к нему, но взрыв привлек внимание патрульного крейсера, который стартовал с Плутона. Поэтому преследователь быстро развернулся и сгинул в глубинах космоса.

НУЖЕН КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ!

Каникулы — лучшее время, чтобы поработать в свое удовольствие. Никто тебе не мешает, не отвлекает уроками и не отправляет спать в десять часов, потому что завтра рано вставать.

За день до каникул Аркаша Сапожков сказал Алисе Селезневой:

— Мне нужна твоя помощь.

Аркаша уже третий месяц вынашивал такую идею: космонавтам в дальних полетах и сотрудникам космических баз не достается арбузов, уж очень они велики и неудобны для перевозки. А арбузов всем хочется. Какой выход? Арбузы должны быть маленькими и по возможности кубическими. На месте их можно положить в воду, чтобы они быстро надулись, разбухли и стали настоящими. Теперь надо придумать, как это сделать.

С этой целью Алиса с первого июня засела с Аркашей за работу в лаборатории станции Юных биологов на Гоголевском бульваре в Москве.

Задача оказалась интересной и сложной. За первую неделю биологам удалось создать арбуз, который был размером с грецкий орех, а в воде становился большим, но, к сожалению, совершенно безвкусным. На этом работа застопорилась.

День был дождливый, грустный. Однорогий жираф Злодей сунул голову в открытое окно лаборатории и громко чихнул, жалуясь на непогоду. Изо рта у него торчала ветка сирени.

— Аспирину дать? — спросила Алиса.

Она уже жалела, что согласилась помогать Аркаше: опыты грозили затянуться на все лето, потому что Аркаша — самый упрямый человек на свете. Он только на первый взгляд такой

тихий и застенчивый. Внутри его сидит несгибаемый, железный человечек, который не признает слабостей и поражений.

Жираф отрицательно покачал головой и положил веточку сирени на стол перед Алисой.

Дверь в лабораторию распахнулась, и вбежал промокший Пашка Гераскин. Глаза его сверкали, волосы торчали во все стороны.

— Сидят! — воскликнул он. — Уткнулись носами в микроскопы. Прозевали событие века!

— Не мешай, — тихо сказала Аркаша.

— Буду мешать, — ответил Пашка. — Потому что я ваш друг. Если я вас не спасу, вы скоро окаменеете у микроскопов.

— Что случилось? — спросила Алиса.

— Я вас записал, — сообщил Пашка и уселся на край стола.

— Спасибо, — сказал Аркаша. — Не шатай стол.

— Я вас записал участвовать в гонках Земля — Луна — Земля, — сказал Пашка, болтая ногами. — Как вам это нравится?

— Нам это категорически не нравится, — ответил Аркаша, — потому что мы не собираемся ни за кем гоняться.

— Получился славный экипаж, — сказал Пашка, словно и не слышал Аркашиного ответа. — Павел Гераскин — капитан, Алиса Селезнева — штурман, Аркадий Сапожков — механик и прислуга за все. Старт второго августа из пустыни Гоби.

— Теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что наш друг Гераскин сошел с ума. Слезь со стола наконец!

Пашка добродушно улыбнулся, слез со стола и сказал:

— Не надейтесь, я от вас не отстану. К тому же я ваш капитан. Вас интересуют условия гонки?

— Нет, — отрезал Аркаша.

— Расскажи, — произнесла Алиса, — что за гонки?

Пашка потрепал жирафа по морде.

— Первая брешь в вашей обороне уже пробита, — сообщил он. — Я и рассчитывал, что мой союзник — любопытство Алисы. Итак, объявлены гонки школьников. В них могут участвовать любые корабли, как самодельные, так и обыкновенные планетарные катера. Экипаж — не больше четырех человек. Первый приз — путешествие в Древнюю Грецию на первую Олимпиаду.

— Можно задать пустяковый вопрос? — Аркаша оторвался от микроскопа — все равно Пашку, пока не выскажется, не ос-

тановишь. — А где у тебя корабль? Может, ты его за месяц построишь?

— Это детали, — сказал Пашка. — Главное, что я получил ваше согласие. С таким экипажем мы победим.

— Никто тебе не давал согласия, — сказала Алиса. — Мы только задали вопрос.

— Чему нас учат в школе? — сказал Пашка. — Нас учат дерзать, думать и действовать. Почему вы не хотите дерзать? Вас плохо учили? Мы можем взять списанный планетарный катер и привести его в порядок.

— Чепуха! — воскликнул Аркаша. — Слишком просто. Наверняка другие уже полгода готовятся.

— Правильно, — сказал Пашка. — Я уже созвонился с Лю, это мой приятель, он учится в Шанхае. Они с зимы строят корабль.

— Вот видишь, — сказала Алиса.

— Потом я провидеофонил в Кутаиси. Резо Церетели сказал мне, что они взяли обыкновенный посадочный катер, оставили только шпангоуты и полностью его перестраивают.

— Вот видишь! — сказал Аркаша. — На что ты надеешься?

— На ваш ум и мою дерзость, — сказал Пашка. — Вы уже заинтересовались. Значит, полдела сделано.

— Мы ничем не заинтересовались, — сказал Аркаша. — Мы только хотим, чтобы ты все сказал и ушел. А у тебя есть идея?

— Конечно, есть, — рассмеялся Пашка. — Мне только нужно было, чтобы ты оторвался от микроскопа, а у Алисы в глазах загорелись лампочки. Своего я добился. Мы летим на свалку.

— Вот теперь я окончательно убедился, — сказал Аркаша, — что мой друг Гераскин сошел с ума. Во-первых, на свалку нас никто не пустит. Во-вторых, на свалке уже побывали конкуренты и ничего там подходящего не осталось. В-третьих, мы все равно не успеем.

— Хо-хо-хо! — взревел в восторге Пашка. — Вы у меня на крючке! Во-первых, я получил разрешение осмотреть свалку, и не спрашивайте меня, как мне это удалось. Во-вторых, мы ничем не рискуем. А вдруг нам подойдет то, на что другие не обратили внимания? Летим?

— Никуда я не полечу, — сказал Аркаша. — И Алиса тоже.

— Он тебе приказывает! — сказал коварный Пашка.

— Я слетаю с Пашкой, — сказала Алиса. — Все равно я хотела проветриться. Туда и обратно.

— Туда и обратно, — подтвердил Пашка. — Аркаша, ты слышишь: туда и обратно.

— Сегодня вернемся? — спросил Аркаша. — А то мама будет волноваться.

— Какие могут быть сомнения! — ответил Пашка.

Алиса уже поднялась и натягивала плащ.

Аркаша поглядел на своих друзей, вздохнул и принялся отключать приборы. Он не верил в Пашкины дикие идеи, он никуда не хотел улетать от своих кубических арбузов, но больше всего на свете Аркадий Сапожков ценил дружбу.

Пашкин флаер стоял у входа в лабораторию.

Дождик моросил по веткам берез, большие капли воды скапливались на длинных пальмовых листьях и тяжело срывались вниз. Под елочками таились сморчки. Жираф Злодей проводил друзей до флаера и с печальным видом глядел, как они забирались внутрь. Видно, догадался, что они летят в Африку.

Пашка набрал код свалки, машина резко взяла вверх и понеслась, увеличивая скорость, на юго-запад.

СВАЛКА В САХАРЕ

На западе великой пустыни Сахара, на плато Тассили, в одном из самых диких и сухих мест на Земле, несколько квадратных километров каменной пустоши огорожено: туда свозят космические корабли, которым не суждено больше подняться в небо.

Там есть суда, отслужившие свой век, есть неудачные модели, отвергнутые конструкторами, есть корабли, потерпевшие аварию, а есть и корабли, попавшие туда неизвестно как. Всего их на свалке несколько сот.

Зачем нужна такая свалка? Не лучше ли переплавить весь этот хлам и не загромождать пустыню?

Но это не хлам! Это великолепная лаборатория. Название «свалка» придумал неизвестный шутник. Оно прижилось, и никто не видел в нем ничего обидного.

Туда часто прилетают гости. Конструкторы, которые проектируют новые машины, чтобы учиться на ошибках своих коллег или отыскать ответ на трудную конструкторскую задачку. Исто-

рики, которые пишут книги о завоевании космоса. Киносъемочные группы, чтобы снять кадр отлета настоящего корабля. Металлурги, чтобы узнать, каковы свойства того или иного металла, побывавшего в космосе. Наконец, туристы со всех концов света.

Вот куда держал курс флаер Пашки Гераскина.

Летели долго — часа полтора. Сначала под флаером проплыли зеленые поля Украины, потом за Одессой он вышел к Черному морю и снизился над болгарским городом Варна. Море было теплым и синим, всем захотелось искупаться, но пришлось от этой мысли отказаться, а то вернешься в Москву ночью, родители будут беспокоиться. Еще через несколько минут флаер сделал круг над греческой столицей Афины. В Афинах уже начался туристский сезон — небо над городом было буквально забито флаерами, воздушными автобусами и глайдерами. Особенно много их было над знаменитым храмом Парфеноном.

Пашка обогнул Афины с запада, и вскоре флаер вылетел к Средиземному морю. Италию увидели на горизонте, зато заглянули в жерло спящего вулкана Этна на острове Сицилия. От Сицилии уже рукой подать до Африки.

Показался рыжий берег Алжира, усеянный зелеными точками апельсиновых деревьев, устланный квадратами пшеничных полей и садов. Флаер взял южнее, и постепенно зелень стала реже, пошли пустынные пейзажи, лишь изумрудные полосы пальм вдоль каналов и дорог доказывали, что в Сахаре живут люди.

Алиса глядела на друзей и думала, что они все-таки похожи. Бывает же так: совсем не похожи, а на самом деле похожи. Трудно найти более разных людей: у Пашки глаза голубые, у Аркаши карие, Пашка белобрысый, волосы прямые, непослушные. У Аркаши темно-рыжая шевелюра, завитая, как у барашка. Его в детстве бабушка так и звала: «Аркашка-барашка». А кожа у Аркаши очень белая, почти голубая, усыпанная крупными веснушками. У Пашки лицо непонятного цвета. Потому что этот цвет все время меняется. Пашка легко краснеет, мгновенно бледнеет, быстро загорает, и тогда его курносый нос становится малиновым. Пашка ни секунды не сидит на месте — он весь в движении, всегда куда-то несется, часто сначала делает, а потом думает, из-за чего попадает в неприятные ситуации. Аркаша рассудителен, спокоен, редко повышает голос и может

замереть на час, задумавшись. Оба любят придумывать, изобретать, но Пашка думает сразу о десяти вещах и изобретает одновременно вечный двигатель, невидимые шпаргалки и блинопереворачиватель. Поизобретает минут пятнадцать — и спешит на хоккейный матч. Аркаша занимается только теми проблемами, которые намерен решить. И решает, даже если полгода приходится просидеть в лаборатории. Пашка и Аркаша вечно ссорятся, спорят, чуть до драки дело не доходит, но при том остаются лучшими друзьями.

Флаер начал спускаться к плоскогорью, с трех сторон окруженному мрачными скалами. Сверху могло показаться, что они подлетают к детской площадке гигантов. Гигантские дети играли разноцветными корабликами и шариками, а потом убежали, разбросав игрушки. «Обитатели» свалки были всех возможных форм и размеров — от небольших спасательных и разведочных катеров до пассажирских лайнеров. Одни поблескивали металлом или были ярко раскрашены, другие потемнели от времени и космических передряг.

Флаер опустился возле проходной, что расположилась в небольшой летающей тарелочке. Как только флаер коснулся земли, послышался звонок, и люк в тарелочке распахнулся. Курчавая девичья головка появилась в люке, и дежурная сказала:

— Салам алейкум.

— Здравствуйте, — ответил Пашка, первым выскочивший из флаера.

— Добрый день, — сказала девушка по-русски.

Она увидела московский номер флаера и сразу перешла на русский язык. Ничего удивительного — все работники международных организаций знают десять основных земных языков, не считая космолингвы, на которой говорят в галактике. Дежурная на свалке, которую звали Джамиля, знала тридцать шесть земных и семь галактических языков и так любила учить новые, что специально пошла работать в пустыню, чтобы можно было заниматься в тишине.

— Вам звонили, — сказал Пашка. — Мы из московской школы и ищем космический корабль для гонок.

— Одну минутку, — сказала девушка.

Видно было, как она включила дисплей.

— «Павел Гераскин, — прочла она, — и сопровождающие

его два лица: Алиса Селезнева и Аркадий Сапожков». Проходите.

Алиса и Аркаша разинули рты от удивления и молча прошли за Пашкой в открытые двери свалки.

Только внутри Алиса пришла в себя и спросила Пашку:

— Гераскин, что все это значит?

— А что?

— Не только тебя пустили, — сказал Аркаша, — но и знали, что мы с тобой прилетим. А ведь мы ни на секунду не разлучались с того момента, как ты вошел в лабораторию на Гоголевском бульваре.

— Все гениально просто, — ответил снисходительно Пашка. — Мне помогло знание людей. Утром я узнал о гонках. Через час я принял решение в них участвовать. Затем мысленно подобрал себе экипаж и тут же позвонил на свалку.

Было жарко, дул сухой ветер, Пашка отошел в тень громадного космического лайнера и продолжал:

— Если бы мы пришли сюда как маленькие дети и стали просить: «Пустите нас, тетенька», — дежурная ни за что бы нас не пустила. Но я сказал ей по телефону: «В шестнадцать по местному времени к вам прибудет группа из Москвы в составе Гераскина и сопровождающих его лиц. Вы записали?» И что она ответила? Она ответила: «Хорошо, я записала». Остальное — дело техники.

— Что дело техники? — спросила Алиса.

— Я пошел к вам и сказал, что мы участвуем в гонках. Вы сразу бросили все свои арбузные дела и помчались в Сахару. Яснее ясного.

— Аркаша, я его сейчас убью! — сказала Алиса. — Он еще над нами издевается.

— Он совершенно прав, — сказал Аркаша. — Он нас обманул, соблазнил, провел за нос, потому что заранее знал, что мы, как послушные овцы, полетим в Сахару.

— Прекратить пустые разговоры! — сказал Пашка. — Времени в обрез. Папочки и мамочки ждут нас ужинать, а мы еще не нашли себе подходящего космического корабля. В путь, капитаны!

Ну что тут будешь делать? Аркаша с Алисой улыбнулись и пошли по жаркой пустыне искать космический корабль.

Солнце палило яростно, и приходилось перебегать от корабля к кораблю, чтобы отдышаться в тени.

Хорошо смотреть на свалку с неба — скопище маленьких игрушек.

Вблизи все было иначе — над друзьями нависали бока громадных кораблей. Только пройдешь мимо одного, выплывает новая громада.

Корабли образовали странный сказочный город. Улиц в нем не было, дорога вилась между гигантами и карликами, между сверкающими космическими щеголями и унылыми развалюхами.

Идти по такому городу с Пашкой, который бредил космонавтикой, было нелегко, потому что через каждые сто шагов он останавливался и восклицал:

— Ребята, глядите! Это же «Титанус». Привет, старина! Как ты отдыхаешь после последнего рейса к Черной дыре? Ребята, заглянем на минутку внутрь?

— «Титанус» как «Титанус», — отвечал всезнающий Аркаша. — Грузопассажирский второго класса, спущен со стапелей греческого завода на Луне 16 ноября 2059 года, ходил к поясу астероидов. Совершил один рейс за пределы Солнечной системы, после чего списан. Если мы полезем его осматривать, то не вернемся домой до завтра.

— Ты не романтик! — бушевал Пашка. — Тебе сидеть дома и разводить квадратные арбузы!

— А я сюда не просился.

— Как хочешь, а я обязан заглянуть на капитанский мостик «Титануса». Ведь именно там стоял капитан Синос, когда снимал с Ганимеда группу Вижека.

Нетрудно догадаться, что в конце концов Пашка уговорил своих друзей побывать на «Титанусе».

Капитанский мостик «Титануса» их разочаровал. Все ценные приборы были сняты, в шахтах повисли лифты, работало только дежурное освещение, в коридорах было полутемно, мрачно и пахло пылью. Навстречу пронеслась по коридору разбуженная летучая мышь. Пашка даже присел от неожиданности, а когда Алиса рассмеялась, обиженно объяснил, что он боялся ушибить редкое животное, вот и наклонился.

На мостике Пашка постоял перед пустым темным экраном

и сказал, что видит на нем отпечаток звездного неба. Спорить с ним не стали.

Когда выбрались наружу, солнце начало клониться к гряде скал, ветер затих и стало еще жарче. Пройдя с полкилометра и не обнаружив ничего подходящего, ребята спрятались в тень у скалы, и Алиса сказала:

— Только наивные дети могли не догадаться, что в пустыне им захочется пить.

— Мы и есть наивные дети, — мрачно ответил Аркаша. Он задумчиво глядел вдаль. Мысленно он уже вернулся в лабораторию.

Пашка вытер пот рукавом, поднял камешек и кинул его в щель под скалу. Вдруг оттуда выкатился серый футбольный мяч и шустро покатился прочь.

— Аркаша, что это? — воскликнул Пашка.

— Не знаю, — ответил Аркаша, который даже не удивился. — В Сахаре таких не водится.

— Наверное, что-то инопланетное, — сказала Алиса. — Остались споры в каком-нибудь корабле, вот и вывелось.

— Что ты говоришь! — воскликнул Пашка. — Ты понимаешь, что говоришь! Значит, какой-то корабль плохо продезинфицировали, и теперь Земле грозит страшная опасность. Эти мячи размножатся, и нам придется с ними воевать. Надо его поймать.

Пашка побежал в ту сторону, куда скрылся мяч, но ничего не нашел. Только запыхался и вспотел.

Они побрели дальше по свалке.

Вокруг стояли корабли — круглые, кубические, длинные и короткие, цилиндрические и веретенообразные, целые и разбитые. Два раза им попались небольшие катера, но один из них был стареньким и тихоходным, на таком не только до Луны, до Одессы не долетишь, а другой оказался в таком состоянии, что проще построить новый, чем восстанавливать.

Солнце уже садилось, от кораблей протянулись длинные тени.

Наконец Аркадий остановился у очередного космического колосса и сказал:

— Все. Мы возвращаемся. Очередная Пашкина идея оказалась блефом.

— Аркадий прав, — сказала Алиса. Ей так хотелось пить, что слюны во рту не осталось, язык еле ворочался.

Пашка молчал, не спорил. Он замер. Он так смотрел через плечо Аркаши, словно увидел привидение.

Алиса обернулась.

Там стоял небольшой планетарный корабль, подобного которому видеть раньше им не приходилось.

Он был похож на мятый желудь, проеденный червяком, в его боку у самой земли чернела дыра диаметром в два метра.

— На этом замечательном корабле, — сказал Пашка, — мы выиграем гонки.

— Ты перегрелся, — ответил Аркаша. — Ты слишком долго был на солнце.

РАЗУМНЫЙ КОРАБЛЬ

Аркаша сначала и смотреть на корабль не хотел, не то что лезть в него. Он устал, измучился от жажды и желал только одного: скорей вернуться домой. Алиса была с ним согласна. Но Пашка настаивал:

— Мы летели через всю Европу, чтобы посмотреть на корабли, мы третий час бродим по Сахаре. И зачем? Только для того, чтобы уйти за шаг до цели? Мы же никогда себе не простим, если не осмотрим корабль. А может быть, его можно починить? Поглядите, это же совершенно необыкновенное судно! Такого нет ни в одном справочнике! Ну ладно, оставайтесь здесь, а я загляну. На минутку. Мне он очень нравится.

— Тут нечему нравиться, — сказал Аркаша. — С таким же успехом можно любоваться ржавым паровозом.

Пашка решительно направился к кораблику, подтянулся, схватившись за оплавленные края дыры, и скрылся внутри.

— Я тоже погляжу, — сказала Алиса, — скучно стоять.

— Иди, — мрачно ответил Аркаша. — Глупости все это.

Алиса заглянула в черную дыру.

— Пашка, — позвала она. — Что там?

— Ничего не вижу, — ответил Пашка. — Фонарь во флаере остался.

— Вылезай, — сказала Алиса, — еще ногу сломаешь.

И в этот момент впереди, откуда доносился голос Пашки, зажегся под потолком плафон. И сразу стала видна фигура

Пашки, стоявшего среди покореженных остатков мебели и приборов.

— Вот видишь, — сказал Пашка, — еще не все потеряно.

— Интересно, почему загорелся свет? — сказала Алиса, забираясь в корабль.

— Не знаю, — сказал Пашка, пробираясь вперед. — Погляди, пульт управления почти цел. Только надписи на непонятном языке.

Алиса подобралась поближе к другу. Она отвалила в сторону сломанное пилотское кресло и поглядела на пульт. Пульт и в самом деле был почти цел. Надписи были сделаны на каком-то инопланетном языке. И в этом тоже не было ничего удивительного. На свалке встречались корабли с других планет. Те, что потерпели крушение у Солнечной системы или были оставлены экипажами, а потом были подобраны буксирами-чистильщиками и привезены на свалку.

— Надо осмотреть двигатели, — сказал Пашка.

— Если это инопланетный корабль, — сказала Алиса, — нам тут делать нечего — откуда мы знаем, как им управлять?

С трудом они пробрались в двигательный отсек. Там обнаружили Аркашу. Конечно же, тот не утерпел и тоже залез в корабль. К сожалению, дела в двигательном отсеке никуда не годились. Гравитационный двигатель был сорван ударом со станин, и на нем была большая вмятина. Хорошо еще, что планетарные двигатели остались целы.

— Ну, все ясно? — спросил Аркаша. — Теперь можно уходить?

— Ничего не ясно, — ответил упрямый Гераскин. — Ведь условие гонок — пользоваться только обычными планетарными двигателями. Гравитационными пользоваться нельзя. А обычные двигатели в порядке.

— Все! — сказал решительно Аркаша. — Я с тобой расстаюсь, и навсегда. Я не могу дружить с легкомысленным авантюристом.

— Аркаша прав, — сказала Алиса, — починить корабль нельзя. Придется ему доживать свой век на свалке.

И она первой побрела к выходу.

За ней последовал Аркаша. Пашка задержался еще на несколько секунд в двигательном отсеке. Но, видно, и он понял — ничего не выйдет. Он сказал кораблю:

— Прости, друг. Мы не виноваты.

И тоже пошел к выходу.

Вдруг они услышали негромкий низкий голос:

— Не уходите, пожалуйста.

Слова прозвучали на галактическом языке — космолингве, который ребята, конечно, знали.

— Это кто говорит? — вздрогнул Пашка.

— Это я, корабль, — послышался ответ. — Я очень прошу вас задержаться, люди. У меня создалось впечатление, что вы намеревались использовать меня для полета, но мое прискорбное состояние вас напугало.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Ребята, погодите! Это говорящий корабль.

— Мы слышим, — сказала Алиса, которая была удивлена не меньше Пашки. Бывают роботы, бывают разного рода разумные машины, но ей еще никогда не приходилось разговаривать с кораблем.

— Я не только говорящий корабль, — продолжал голос. — Я разумный корабль. И мой мозг совершенно цел. Я помогу вам починить меня.

Никто не знал, что ответить.

И тогда Пашка задал глупый вопрос.

— Послушайте, — сказал он. — А у вас воды нет? Ужасно пить хочется.

— Нет, — ответил кораблик, — воды у меня, к сожалению, нет. Синтезатор тоже вышел из строя.

— Жалко, — сказал Пашка.

— А вас где построили? — спросила Алиса.

— Я вам все расскажу, только не бросайте меня. Я не могу больше оставаться здесь. Я очень много знаю. Я — уникальное создание. Я — жертва несчастной любви, — ответил кораблик.

Все так удивились, что даже Пашка не засмеялся.

— Простите, — сказал тогда Аркаша, — но нам пора улетать, иначе мы вернемся домой ночью.

— Вы меня бросите? — спросил корабль, и Алисе показалось, что его голос дрогнул.

И тогда Алиса представила себе, что живое существо — а если ты обладаешь разумом, значит, ты живое существо, пускай даже металлическое, — очень боится остаться одно в этой пус-

тыне, на кладбище кораблей. Ей стало жалко этот разбитый кораблик. И она ответила за всех:

— Мы к вам обязательно вернемся.

— Завтра, — сказал Пашка.

Аркаша промолчал, но понятно было, что он не оставит друзей.

— До свидания, кораблик, — сказала Алиса, спрыгивая на камни.

— Меня зовут Гай-до, — ответил кораблик.

Солнце уже спустилось к острым зубцам скал, стало чуть прохладнее, и ребята побежали к выходу. Сил не осталось, язык присох к нёбу, и очень хотелось скорее выбраться из этого мертвого города.

Из последних сил они добрели до проходной.

— Как вы долго, — сказала Джамиля, — я уже думала посылать за вами робота. А то у нас в прошлом году один мальчик забрался в корабль и спрятался там, думал, что сможет один улететь. Правда, смешно? Пить хотите?

— Ужасно, — сказал Пашка.

— Тогда заходите ко мне.

Когда ребята поднялись в летающую тарелочку, Джамиля уже открыла банки с холодным апельсиновым соком и поставила их на столик. Она с интересом смотрела, как ее гости проглотили сок, и только повторяла:

— Пожалуйста, пейте глоточками, а то обязательно простудитесь.

Допив сок, будущие гонщики поставили пустые банки на стол и посмотрели на Джамилю так, что она без слов открыла холодильник и достала еще три банки.

На этот раз они пили медленнее.

Джамиля спросила:

— Нашли, что вам нужно?

— Не знаем, — сказала Алиса.

— На той неделе прилетали сюда ребята из Франции, — сказала Джамиля, — но ничего не нашли.

— А скажи, — Пашка поболтал в банке остатками сока, — можно узнать, как к вам попал один корабль?

— Конечно, — сказала Джамиля, — если я знаю.

— Планетарный катер в шестом секторе, — сказал Аркаша. — У него большая дыра в боку.

— Бедненький, — сказала Джамиля, — его подобрали возле Плутона. Совсем недавно, полгода назад. Бортового журнала на нем не нашли, и, судя по всему, он был оставлен или потерян в космосе.

Джамиля включила дисплей, на котором появилось изображение кораблика, который назвал себя Гай-до.

— Его осматривали эксперты. Язык надписей на его приборах вестерианский. Туда отправлен запрос, но пока что мы не получили ответа. Кораблик — нераскрытая тайна. Но он так разбит, что его уже никогда не восстановить.

— А если мы попробуем? — спросил Пашка.

— Разрешение надо спрашивать не у меня, — улыбнулась Джамиля. — Еще соку дать?

Алиса и Аркаша отказались, но Пашка выпил еще одну банку, про запас.

Когда они собрались уходить, Алиса спросила:

— А этот кораблик... он не разговаривает?

— Что? — удивилась Джамиля. — Корабли не разговаривают.

— Не обращай внимания, — сказал Пашка. — Алиса перегрелась на солнце. До свидания, мы завтра прилетим.

— Прилетайте, — сказала Джамиля. — А если у вас дома случайно найдется русско-китайский словарь, я буду вам очень благодарна.

— Хоть три словаря! — заявил Пашка и начал подталкивать друзей к выходу.

Когда они уже поднялись в воздух и взяли курс навстречу надвигавшейся с востока ночи, Пашка сказал:

— Ну и язык у тебя, Алиса.

— А что я сказала?

— С кораблем Гай-до связана тайна, он не хочет никому, кроме нас, показывать, что он разумный, значит, у него есть основания. А ты сразу начала у Джамили спрашивать.

— Мне это не нравится, — сказал Аркаша. — Машина не может обманывать людей.

— И эти странные слова о несчастной любви, — добавила Алиса, глядя, как далеко внизу, на берегу моря, зажигаются вечерние огоньки.

ГАЙ-ДО РАССКАЗЫВАЕТ

На следующий день Алиса и ее друзья с утра вернулись в Сахару.

Аркадий взял в лаборатории приборы, чтобы исследовать корабль и понять, насколько серьезно он поврежден. Павел вез с собой инструменты, чтобы наладить на корабле вентиляцию. Алиса захватила на всех еду и русско-китайский словарь. К тому же по дороге они спустились на окраине Афин у рынка, купили там апельсинов, маслин и целый ящик ранних овощей и фруктов.

Джамиля встретила гостей из Москвы как старых знакомых. Она даже не садилась завтракать — ждала их. Так что овощи из Афин пригодились. А русско-китайский словарь привел ее в восторг.

Конечно, Джамиля не верила, что корабль можно починить, но ей нравилось упорство в других. Она даже разрешила перелететь на флаере к самому кораблику, что обычно на свалке не разрешалось.

Флаер мягко опустился возле Гай-до.

Алиса первой выскочила из него.

Было еще прохладно, солнце невысоко поднялось над скалами и грело мягко, по-московски. По небу медленно плыли перистые облака. В колючих кустах, что росли между кораблями, щебетали птицы.

— Здравствуй, Гай-до, — сказала Алиса. — Мы вернулись.

— Доброе утро, — откликнулся кораблик. — Я рад вас видеть.

Алиса не заметила ничего странного в ответе кораблика. Но Аркаша был внимательнее.

— Ого! — сказал он. — Когда ты научился говорить по-русски?

«И в самом деле! — сообразила Алиса. — Ведь еще вчера кораблик разговаривал с нами на космолингве».

— У меня было время проанализировать ваши вчерашние разговоры, — ответил кораблик. — Вы сказали достаточно слов, чтобы я научился. Чего только не сделаешь за длинную пустынную ночь!

— Молодец! — сказал Пашка, выгружая из флаера инструменты. — А я никак английский выучить не могу.

— Наверное, у вас другие интересы, — вежливо сказал корабль.

— Интересов у него миллион, — улыбнулась Алиса.

Аркаша включил лазерную камеру и пошел вокруг корабля, снимая его со всех сторон, чтобы сделать потом голографическую копию.

Только он шагнул за корабль и скрылся из глаз, как раздался его крик:

— Это еще что такое!

Из тени выкатился серый мяч и быстро покатился прочь.

— Опять! — сказала Алиса. — Он тебя не укусил?

— По-моему, у него нет рта.

— Обязательно надо будет с Джамилей поговорить, — сказала Алиса. — Это какая-то мутация.

— Я полезу внутрь, — сказал Пашка, вытаскивая из флаера ворох инструментов. — Посмотрим, что можно сделать.

— Погодите, — сказал корабль, — вы в самом деле хотите меня отсюда взять?

— Мы еще не знаем, — сказала Алиса, — можно ли будет тебя починить.

— Мне бы хотелось, чтобы вы меня починили, — ответил корабль. — Я постараюсь вам помочь. Поднимитесь ко мне на мостик. Я покажу, как наладить информационный дисплей. Я расскажу вам грустную историю моей жизни.

Алиса с Пашкой пробрались к пульту управления, и Гай-до сказал им, как открыть бортовой шкафчик, где хранилась запасная трубка к разбитому дисплею. Вдвоем они за полчаса привели дисплей в порядок.

— Слушайте... — сказал Гай-до, когда дисплей загорелся зеленым цветом. На нем появилось изображение пожилого лысого человека с сиреневыми глазами. — Вы видите знаменитого конструктора Самаона Гая с планеты Вестер... — начал свой рассказ Гай-до. — Ему очень хотелось, чтобы у него родился сын...

Гай-до закончил долгий рассказ вопросом:

— Люди, ответьте мне: почему она покинула меня и не вернулась? Может, она погибла?

— Скорее всего, — сказал Аркаша, — Ирия Гай жива и здорова. Но погибла для науки. Она предпочла ей и тебе обыкновенного мужчину.

— Но это предательство! — воскликнул корабль.

— Не укоряй ее, — сказала Алиса. — Может, это любовь. Я читала, что ради любви люди совершали странные поступки. Ты не слышал про Ромео и Джульетту?

— Нет, — сказал корабль. — Они тоже конструкторы?

— Это случилось очень давно, — сказала Алиса. — Они погибли...

— Не путай, — прервал Алису Пашка. — Как можно из-за какой-то любви забыть о друге и о работе? Я эту Ирию презираю. Забыть ее надо.

— О нет! — возразил корабль. — Я ее никогда не забуду!

— Надо взять себя в руки, — сказал рассудительный Аркаша. — Если это любовь, то она скоро пройдет.

— Ты наивный, Аркаша, — сказала Алиса. — Ты еще никогда не любил.

Аркаша внимательно посмотрел на Алису и спросил:

— А вас, девушка, не Джульеттой зовут?

Пашка расхохотался, а корабль обиженно замолчал, потому что не очень приятно слушать смех, когда рассказываешь о своих чувствах.

— Ты очнулся только здесь? — спросила Алиса.

— Да.

— А почему ты скрыл от людей, что ты разумный?

— В первые недели я потерял дар речи. Ум мой работал еле-еле. Я тяжело болел. Меня осматривали инженеры, но они решили, что я погиб где-то в глубинах космоса и меня принесло к Земле звездными течениями. Так что я стою здесь как неопознанный обломок, который не представляет интереса для науки.

— А почему ты молчал, когда к тебе вернулась речь? — спросил Пашка.

— Я о многом передумал. Я не знаю, кто на меня напал и почему. Может быть, у вас на Земле есть злобные люди, которые уничтожают гостей?

— Ты с ума сошел! — воскликнул Пашка.

— А вдруг это был заговор против моей госпожи? Вдруг кто-то не хотел, чтобы я ее нашел? Сначала я решил выздороветь, а потом уже действовать. Пока что я начал заращивать дыру в борту. Еще неделю назад дыра в моем боку была вдвое больше. Я не бездельничаю, не сдаюсь на милость судьбы.

— И тут ты увидел нас, — сказал Пашка. — И решил нас использовать.

— Это вы решили меня использовать. Наверное, мне повезло. Если вы меня почините, я сделаю все, что вам нужно, а потом полечу дальше, искать госпожу Ирию.

— Правильно, — сказал Пашка.

— Неправильно, — возразил Аркаша.

— А в чем дело?

— Неужели ты не понял? — ответила за Аркашу Алиса. — Первым делом мы должны найти Ирию Гай.

— Что я слышу! — прошептал корабль. — Неужели в вас столько благородства?

— Это естественно, — сказал Аркаша. — Если у тебя несчастье, мы должны помочь.

— Но ведь я совсем чужой, и к тому же не человек, а корабль.

— Какая разница! — воскликнула Алиса. — Ты переживаешь, как самый настоящий человек.

— Погодите, погодите, — сказал Пашка, — что за спешка? А где гарантии, что этот катер не бросит нас, как только найдет свою госпожу? Мы тут будем стараться, трудиться и останемся без гоночного корабля.

— Как тебе не стыдно! — сказала Алиса.

— Паша прав, — сказал корабль. — Хоть и печально, что он плохо обо мне думает. Я даю слово, что буду вам честно служить.

— Не слушай Пашку, — сказала Алиса. — Ты лучше расскажи все, что знаешь об Ирии, чтобы нам легче было ее отыскать.

На дисплее возникло лицо молодой женщины. Лицо было красивым, решительным, волосы подстрижены очень коротко, на щеке небольшой шрам.

— Ее легко отличить от остальных женщин, — произнес Гай-до. — Она всегда ходит в мужской одежде, говорит редко, но метко, иногда даже употребляет грубые слова. Шаги широкие, спина прямая, любимые занятия: стрельба из пистолета, верховая езда, бокс и поднятие штанги... Ладони мозолистые, отлично обращается с рубанком и топором, владеет приемами смертоносной борьбы вейко. Это самая мужественная женщина во всей галактике, и лишь по недоразумению она родилась не мужчиной.

— Вот это да! — сказал Пашка. — Хотел бы я иметь такую сестру.

— А что ты знаешь о Тадеуше? — спросила Алиса.

— Тадеуш — он и есть Тадеуш. — В голосе корабля прозвучало презрение. — Обыкновенный биолог, таким не место в галактике, даже за себя постоять не может.

На дисплее показалось лицо приятного молодого человека, голубоглазого, курчавого, скуластого, с грустными глазами.

— Он очень обыкновенный, — сказал корабль. — Такой обыкновенный, что даже смотреть не на что.

— Тадеуш, — сказал Аркаша. — Наверное, из Польши.

— Не играет роли, — твердо ответил кораблик. — Он недостоин моей госпожи.

САД ПОД ВРОЦЛАВОМ

На следующий день Пашка с Аркадием с утра снова улетели в Сахару, а Алиса отправилась в центральный информаторий, чтобы разыскать Ирию.

Оказалось, что это не так просто.

Во-первых, никакой Ирии Гай на Земле не было.

Женщин же по имени Ирина, Ирия, Ира и Ираида жило на планете слишком много. А какая из них нужна, не угадаешь.

Стали искать Тадеуша.

Но в Польше обнаружились триста двадцать тысяч восемьсот четыре Тадеуша самого разного возраста, и из них несколько тысяч побывали в космосе, потому что, как известно, поляки любят путешествовать.

Тогда девушка, которая занималась поисками Ирии, попросила Алису подождать, пока она свяжется с Управлением космической разведки. Алиса пошла к автомату с мороженым, выбрала себе трубочку сливочного, покрытого ананасовым желе с тонкой хрустящей леденцовой корочкой. Не успела она доесть мороженое, как девушка позвала ее.

— Кое-что проясняется, — сказала она. — В Управлении мне сказали, что один Тадеуш Сокол числится в списках космобиологов по беспозвоночным. Он летал в экспедицию к системе Прокл, был ранен, лечился, полтора года назад вернулся на Землю. Сейчас живет возле города Вроцлав в поселке Стрельцы. Вот координаты.

Девушка нажала на кнопку, и из-под дисплея вылетела карточка со всеми данными. На обороте карточки было написано, как долететь из Москвы до поселка Стрельцы во Вроцлавском воеводстве, с расписанием подземки, аэробуса и координатами флаерной станции.

Алиса доела мороженое и взяла на стоянке флаер. Конечно, флаером лететь до Стрельцов немного дольше, чем добираться подземкой. Но подземка идет только до Вроцлава, а там надо пересаживаться. На флаере можно не спеша долететь прямо до нужного дома. Заложи в него карточку, полученную в информационном центре, остальное он сам найдет.

Настроение у Алисы было отличное, она предвкушала, как обрадуется Ирия, узнав, что ее кораблик на Земле.

Флаер сделал круг над поселком. Справа виднелись небоскребы и соборы Вроцлава, далее начиналась зеленая зона — деревья были покрыты молодой листвой, лес был светлый, пронизанный солнцем. Алиса опустила флаер на поляне и пошла через лес к нужному дому. Она не спешила. Уж очень ей тут понравилось. В лесу было свежо, из травы поднимались ландыши. Алиса рвала заячью капусту и жевала кислые мягкие листочки. В траве зашуршал ежик и смело вышел на прогалину, не обращая на Алису внимания. На иголках у него были смешно наколотые листья. Алиса догнала ежика и сказала:

— Какой ты неаккуратный!

Ежик фыркнул, обиделся и шустро побежал прочь.

Алиса засмеялась.

Светило солнце, ветер был упругий, но не холодный, шумели листвой березы.

По тропинке от поселка шла женщина в сарафане. Она катила перед собой детскую коляску. В коляске лежал совсем маленький малыш, держал в руке погремушку и так внимательно смотрел на нее, словно решал математическую задачу. Алиса поздоровалась с женщиной, спросила по-русски, как зовут малышку.

— Ванда, — сказала женщина. Может, женщина и не знала русского языка, но каждому ясно, что у тебя спрашивают, если смотрят на твоего ребенка и притом улыбаются.

— Скажите, — Алиса вынула информационную карточку, — как пройти к дому Тадеуша Сокола?

— Тадеуш Сокол? — повторила женщина тихим, очень нежным голосом.

Алиса залюбовалась ею. Она была такая воздушная и нежная. Длинные пышные волосы легко касались загорелых плеч, сарафан мягкими складками прилегал к стройному телу. У женщины были странные глаза сиреневого цвета в длинных черных ресницах.

— О! — сказала женщина. — Тадеуш Сокол. Это есть мой муж.

«Ой! — испуганно подумала Алиса. — Я и не подозревала, что столкнулась с трагедией. Значит, этот самый Тадеуш полюбил другую женщину и прогнал женщину-мужчину, которую ищет кораблик Гай-до. А вдруг Ирия с горя покончила с собой?»

— Я провожу? — спросила женщина.

Она повернула коляску и пошла по тропинке. Алиса за ней. Женщина раз или два обернулась, с тревогой глядя на Алису, словно настроение Алисы передалось ей.

Шагов через сто перелесок кончился, и перед ними открылся тихий поселок маленьких разноцветных домиков, окруженных садами. Женщина покатила коляску к крайнему дому. В саду загорелый мужчина в закатанных до колен штанах красил известью стволы яблонь.

— Тадеуш! — позвала женщина.

Мужчина выпрямился и радостно улыбнулся женщине.

Он спросил ее что-то по-польски. Женщина ответила, обернулась к Алисе.

Алиса сказала:

— Здравствуйте. Простите, что я не знаю польского языка, но мне нужно обязательно поговорить с Тадеушем Соколом по очень важному делу.

— Хорошо, девочка, — ответил Тадеуш, ставя кисть в ведро и вытирая руки. — Ты можешь говорить здесь?

— Мне хотелось бы, — сказала Алиса, чувствуя себя неловко, — поговорить с вами наедине.

— Хорошо, — сказал Тадеуш. — Пошли в дом.

Он сказал что-то своей жене, та осталась в саду, а Тадеуш провел Алису на веранду. Он был мало похож на Тадеуша с дисплея. Алиса не узнала бы его, встретив на улице. И понятно — Гай-до помнил его больным, чуть живым.

Тадеуш сел в соломенное кресло и показал Алисе на второе.

— Ты хочешь молока? — спросил он.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я к вам на минутку.

— Откуда ты?

— Меня зовут Алиса Селезнева. Я живу в Москве, но прилетела я к вам со свалки.

— Очень приятно, — сказал Тадеуш, но было видно, что он удивился. — А что тебя привело на свалку?

Алиса посмотрела в сад. Молодая женщина снимала с веревки детские ползунки.

Алиса ужасно стеснялась и потому говорила сбивчиво:

— Он ее любит и ради нее преодолел половину галактики. Он думает, что вы всему виной. Но теперь, когда я все поняла, то я, конечно, ничего не скажу, но что вы с ней сделали?

— Я ничего не понимаю, — сказал Тадеуш. — Объясни спокойно.

— Зачем объяснять? Я думаю, что вы все понимаете. Куда она улетела? Домой? Она ничего с собой не сделала?

— Может, тебе принести валерьянки? — спросил Тадеуш.

— Пожалуйста, не надо вилять и обманывать, — сказала Алиса. Она начала сердиться на этого биолога. Виноват, а сидит на веранде и еще предлагает валерьянку. — Обойдемся без валерьянки.

Тадеуш кинул встревоженный взгляд на жену, но та не смотрела в их сторону.

— Что я ему скажу? — спросила Алиса. — Он же при смерти. У него вот такая дыра в боку.

— Дыра? — Биолог вскочил. — У кого дыра?

Он сказал это так громко, что жена услышала его голос и поняла: на веранде происходит что-то неладное.

В мгновение ока она вбежала на веранду. И замерла, переводя взгляд с Тадеуша на Алису.

— Ничего не понимаю, — развел руками Тадеуш. — У кого-то дыра в боку, кто-то еще из-за меня погиб, а кого-то я, по-моему, убил.

Биолог говорил на космолингве — языке, который Алиса отлично понимала.

Молодая женщина смотрела на Алису.

«Ну что ж, — подумала Алиса. — Я хотела быть деликатной и щадила их чувства. Они сами этого не хотят».

— Я скажу всю правду, — произнесла она решительно. — Ваш муж был на планете Вестер. Это было давно, почти два года назад.

— Я знаю, — сказала молодая женщина.

Тадеуш на секунду скрылся внутри дома и вернулся, держа в одной руке флакон валерьянки, в другой — стакан с водой.

— Он был ранен, и за ним ухаживала одна женщина по имени Ирия Гай. Это совсем особенная женщина. Она скорее мужчина, чем женщина, она изобрела и построила корабль Гай-до.

— Знаю, — коротко ответила молодая женщина.

Ее длинные волосы ниспадали на плечи, и сзади их подсвечивало ласковое польское солнце. И оттого эта женщина показалась Алисе красивой, как принцесса из сказки. Ей было очень жаль огорчать такую милую женщину. Но раз уж она начала говорить, останавливаться было поздно.

— Эта Ирия улетела за Тадеушем на Землю. Может быть, она его любила, а может, просто пожалела. Я не знаю.

— Любила, — сказала молодая женщина.

— Тем хуже, — вздохнула Алиса. — Потому что я ищу эту женщину, а оказалось, что он уже женился на вас. Все так запуталось, и я не знаю, что теперь делать. Но мне надо отыскать Ирию Гай. Хотя, может быть, он, — Алиса показала на Тадеуша, — ничего вам про нее не рассказывал.

— Ты права, — сказала молодая женщина и вдруг улыбнулась. — Он ничего мне про нее не рассказал, потому что я и есть Ирия Гай. И на мне он женился.

— Нет! — ахнула Алиса. — Вы не можете быть Ирией Гай. Ирия Гай совсем другая. Она почти мужчина, так ее воспитал отец. Она гоняет на скутерах и занимается штангой. Она обожает рубить деревья.

— Я немного изменилась, — сказала Ирия Гай.

— Разве изменилась? — произнес Тадеуш и сам выпил валерьянку. — Я думал, что совсем не изменилась.

— Но вы совсем другая, — сказала Алиса. — Он мне рассказывал... и даже показывал ваш портрет. У вас даже взгляд другой.

— Кто обо мне рассказывал? — спросила Ирия.

— А у кого дырка в боку? Кто так любит мою жену? — нервно спросил Тадеуш.

— Конечно, Гай-до, — сказала Алиса.

— Корабль? — спросила Ирия. — А как ты могла его увидеть?

— Он так волновался, что полетел на Землю вас искать. Мы его нашли на Земле. На свалке.

— На какой свалке?

— На свалке космических кораблей. В Сахаре. Его обстреляли по пути к Земле, и он чуть было не погиб. Но все-таки долетел. Потому что хотел вас увидеть.

— Глупенький кораблик, — сказала Ирия Гай.

И в этот момент в саду заплакал ребенок. Ирия кинулась с веранды, подхватила малышку на руки и стала укачивать.

— Теперь я все понял, — сказал Тадеуш, — а сначала я даже испугался.

— Я тоже запуталась. Ваша Ирия не похожа на Ирию. А теперь я смотрю и вижу — конечно же, это Ирия, только она изменилась.

— Тадеуш, — послышался из сада голос Ирии, — поставь греть кашку.

— Сейчас, — откликнулся Тадеуш и убежал на кухню.

Алиса осталась на веранде одна.

Всего она ожидала, но не этого. В саду плачет ребеночек, Тадеуш разогревает кашку... А как же космос? А куда делась героиня, которая больше мужчина, чем женщина?

Героиня поднялась на веранду. На руках она несла ребеночка.

— Посмотри, — сказала она Алисе, — Вандочка — удивительное дитя. У нее уже зубик прорезается.

Алиса посмотрела на малышку: совершенно обыкновенный ребенок.

— И что мы будем делать с Гай-до? — спросила она.

— С кем? — удивилась женщина. — Ах, с кораблем? Но ты же сказала, что он на свалке.

— Вам его не жалко?

— Жалко? Конечно. Тадеуш, где же наконец кашка?

— Иду-иду, — откликнулся Тадеуш. Он прибежал на веранду, держа за ручку красную кастрюльку.

— Гай-до прилетел сюда из-за вас. Его чуть не убили, — сказала Алиса.

— Я его помню, — сказал Тадеуш. — Очень забавное кибер-

нетическое устройство. Имитация человеческого поведения. Твой отец был чудак.

— Мой отец был великий чудак, — ответила Ирия. — Правда, мне из-за этого пришлось нелегко. Я потеряла детство. В то время как мои счастливые сверстницы играли в куклы, я твердила логарифмы и осваивала рубанок. Вспомнить ужасно!

— А Гай-до говорил, что вам это нравилось.

— Я любила отца, — ответила молодая женщина, — и слушалась его. К тому же я не знала другой жизни.

— Славный старина Гай-до, — сказал Тадеуш, размешивая кашку, чтобы малышка не обожглась. — Помнишь, как вы меня нашли? Я ему очень благодарен.

— Значит, ты благодарен мне, — сказала Ирия. — Ведь я построила этот катер.

— Тебе я благодарен всегда, — ответил Тадеуш. — А ему за то, что он вытащил нас с той проклятой планеты, когда нас хотели убить.

— Но ведь не он два месяца сидел рядом с тобой в больнице?

Алисе показалось, что Ирия немного сердится на Тадеуша. «Так бывает, — подумала она. — Люди чувствуют себя виноватыми, а сердятся на других».

— Может, слетаем на свалку, навестим его? — сказал Тадеуш.

— Лучше Алиса пришлет нам его фотографию, — ответила Ирия. — Я не хотела бы оставлять Вандочку. В конце концов, корабль — это корабль. Не больше. Он связан с моим прошлым. Честно говоря, это прошлое мне кажется страшным сном. Лучше бы его не было. Только здесь я поняла, что создана не для приключений и бокса, а для того, чтобы качать детей и вышивать. Оказывается, я отлично вышиваю. Ты умеешь вышивать, Алиса?

— Нет, — сказала Алиса. — Я учусь стрелять из лука.

— Стрелять из лука — не главное в жизни, — засмеялась Ирия, прижимая к себе ребеночка.

— Не знаю, — сказала Алиса. — Мне кажется, что главное в жизни — это наука и приключения.

— Раньше я тоже была глупой. Теперь меня ничто не оторвет от дома. Ты будешь с нами обедать? У меня суп с клецками. Очень вкусный.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Меня друзья ждут. Мы хотим починить Гай-до.

— Зачем? Лучше постройте новый корабль. Гай-до свое отлетал.

— Нет, — не согласилась Алиса. — Второго такого корабля нет. Но он так переживал из-за вас!

— Знаешь что, — сказала Ирия сердито, — я бы на вашем месте отключила его динамик. Кораблю незачем разговаривать.

— Мы этого никогда не сделаем. Мы с ним уже почти подружились. А что сказать, если Гай-до будет спрашивать, нашла я вас или нет?

— Что? — Ирия задумалась. Потом сказала: — Тадеуш, подержи ребенка.

И быстро ушла в комнату.

Тадеуш спросил:

— Ты сказала, что у него дыра в боку. Что случилось?

— Кто-то напал на Гай-до, когда он подлетал к Солнечной системе.

— Напал? И выстрелил?

— Да. Он не знает, кто и почему. Его подобрал наш патрульный крейсер, и он очнулся уже на свалке.

— Странно, — сказал Тадеуш.

Тут на веранду вышла Ирия.

Она протянула Алисе маленькую плоскую кассету.

— Отдашь эту видеопленку Гай-до. Он сам скажет тебе, куда ее вставить. Тут я передаю ему привет и говорю, что у меня все в порядке, прошу, чтобы он забыл обо мне. Я больше никогда не буду летать. Я счастлива на Земле.

Ирия и Тадеуш вышли проводить Алису к калитке.

Алиса лесом добежала до флаера.

Через два часа она была уже в Сахаре.

САМОУБИЙЦА

Алиса рассказала обо всем ребятам, а кассету вставила в видеофон.

Корабль был огорчен. Он надолго замолчал и даже перестал помогать Пашке и Аркаше советами. Словно его больше не интересовала собственная судьба. Но работать он не мешал, про-

сто вдруг превратился в самый обыкновенный безмолвный корабль.

Алисе было жалко его. Конечно, у каждого человека своя судьба. И кораблю не разобраться в человеческих отношениях. Но Алисе почему-то казалось, что Гай-до — это щенок, который привязался к своему хозяину, а тот переехал на другую квартиру и решил, что обойдется без щенка, потому что он может испортить ковер. Вот и бегает щенок по улице и никак не поймет, за что его так обидели.

Аркаша привез из Москвы затравку кораллита. Это материал, из которого часто строят на Земле дома. Он состоит из живых кораллов, которые могут расти на воздухе. Если сделать кораллиту форму или опалубку, а потом поливать его питательным раствором, микроскопические кораллы начинают буйно размножаться, заполняя форму плотной массой, которая крепче любого бетона и легче ваты.

Пашка с Аркашей сделали из пластиковых листов заплату на корпус Гай-до, а затем нарастили ее кораллитом.

Кораллит быстро затянул пробоину. Получилось не очень красиво, но крепко. Даже в космос не страшно подняться, хотя надежнее сделать заплату металлическую. Но для этого надо перелететь в Москву, в школьную мастерскую. Там есть приборы и станки, с помощью которых можно починить Гай-до.

Подготовка к перелету заняла еще три дня.

Все эти дни Гай-до упрямо молчал.

Впервые он заговорил утром четвертого дня, когда москвичи прилетели на свалку, чтобы перегнать корабль к себе домой.

Пока Аркаша с Павлом сидели у Джамили, оформляя документы — ведь все корабли на учете и просто так забрать оттуда корабль нельзя, — Алиса включила пылесос, привезенный из дома, чтобы прибрать на мостике и в каюте.

Она так отвыкла от того, что Гай-до разговаривает, что вздрогнула, когда услышала голос корабля.

— Алиса, — сказал корабль, — я вам не советую лететь в Москву.

— Ой! — сказала Алиса. — Ты заговорил! Как хорошо!

— Я решил покончить с собой. И не хочу, чтобы в этот момент вы оказались внутри меня.

— Ты с ума сошел! — ответила Алиса. — Так не бывает! В истории космонавтики еще не было случая, чтобы корабль покончил с собой.

— Это будет первый случай, — сказал Гай-до, — потому что я первый в мире разумный корабль, которого так жестоко обманули. Я не хочу больше жить.

— Это из-за Ирии?

— Я желаю ей счастья, — сказал Гай-до. — Но я ей не нужен. И она этого от меня не скрывает. Она даже не хочет обо мне вспоминать. Она не хочет вспоминать ни о чем, что связано с ее прошлой жизнью. Значит, я должен исчезнуть. А вдруг она вспомнит обо мне и начнет разрываться между мною и этим проклятым Тадеушем. Она разрушит семью, забудет своего ребеночка. И все будут страдать. Нет, я не могу этого допустить. Поэтому я должен погибнуть.

— Как же ты собираешься это сделать? — спросила Алиса.

— Несложно, — сказал печально корабль. — Я возьму курс на ближайший астероид, разгонюсь до субсветовой скорости и врежусь в него. От меня ничего не останется.

— И ты твердо решил? — спросила Алиса и неожиданно для себя заплакала.

— Твердо, — ответил кораблик.

— Как жалко!

— Мне тоже нелегко.

Алиса ничего не могла с собой поделать. Она почти никогда не плакала, а тем более нельзя плакать, если тебе уже скоро двенадцать лет и ты облетела половину Галактики. Но представьте себе, как маленький, никому не нужный корабль Гай-до устремляется к пустому холодному клыкастому астероиду, чтобы найти мгновенную смерть в его скалах.

И в этот момент вернулись веселые, запыхавшиеся Пашка с Аркашей. И увидели, что Алиса сидит в кресле пилота с пылесосом в руках и безудержно рыдает. А вторя ей, из динамика над пультом доносится еще чей-то тихий плач.

— Кто тебя обидел? — бросился к Алисе Пашка. — Скажи, и я его убью!

— Может, тебя скорпион укусил? — спросил Аркаша.

— Нет, но у меня горе.

— Какое?

— Гай-до не хочет больше жить. Он решил разбиться об астероид.

— Чепуха какая-то, — сказал Пашка. — Так не бывает.

— Почему не бывает? — сказал Аркаша, который уже все понял. — Если ты дал разум машине, если ты научил ее чувствовать и переживать, то несешь за нее ответственность. А что сделала Ирия? Она нашла свое счастье и забыла, что этим отняла счастье у другого. Я не знаю, что бы я сделал на месте Гай-до.

— Спасибо, — сказал Гай-до. — Так хорошо, когда тебя понимают.

— Гай-до, миленький, постарайся не умирать, — сказала Алиса, глотая слезы. — Я буду о тебе заботиться.

— Она в самом деле опечалена? — спросил Гай-до.

— Еще как! — сказал Пашка. — Я бы этой Ирии голову оторвал.

— Послушай, Гай-до, — сказал разумный Аркаша, — может быть, вместо того чтобы разбиваться об астероид, ты поищешь другой смысл в жизни? Ты еще молодой, тебе летать и летать...

— Не знаю, — всхлипнул корабль. — Я не вижу этого смысла.

— Неправда, — возразил Пашка. — Смысл есть. Смысл в том, чтобы нам всем вместе победить в гонке.

— А потом? — спросил кораблик.

— А потом придумаем. Полетим с тобой в Галактику. Будем воевать с космическими пиратами. Найдем странников. Дел на всю жизнь хватит.

Гай-до замолчал. Задумался.

Алиса вытерла слезы. Ей было неловко перед друзьями, хотя никто ее не осуждал. Все они за эти дни привыкли к кораблику как к живому существу.

— Давайте я слетаю к этой Ирии, — сказал Пашка. — Я ей все выскажу по-мужски.

— Зря стараешься, — сказала Алиса. — Она не поймет. Нет смысла.

— Нет смысла, — повторил кораблик. — Но есть над чем задуматься. Слезы... детские слезы...

И он снова замолчал.

— Что теперь? — спросил Аркаша. — Возвращаемся домой?

— Нет, — твердо сказала Алиса. — Я его здесь не оставлю. Или он летит с нами и будет жить в Москве, или я останусь здесь.

— И умрешь от голода и жажды.

— Не умру, — сказала Алиса. — Джамиля меня поймет.

— Погодите! — воскликнул кораблик. — Алисе не надо здесь оставаться. Я лечу с вами в Москву. Я решил жить, потому что видел, как из-за моих несчастий плакала эта чудесная девочка. Значит, я все-таки не один на свете.

— Не один, — твердо сказал Пашка, который испугался, что затея с гонками рухнула. — Мы с Аркашей тоже тебя не оставим. Будешь четвертым членом экипажа. Честное слово!

— Спасибо, — сказал Гай-до. Еще подумал и добавил: — Когда вылетаем? Мне надо сменить в мозгу шестнадцать кристаллов.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Аркаша.

— Тогда за работу! — ответил кораблик бодрым голосом.

Я С ВАМИ НЕ ПОЛЕЧУ!

Они попрощались с Джамилей, у которой сидели биолог по случайным мутациям и специалист по сельскохозяйственным вредителям. Они и прилетели из Лондона искать этот таинственный серый мяч, который ребята видели на свалке. Пашка решил было задержаться и вместе с ними ловить серый мяч, но Аркаша посмотрел на него так строго, что Пашка смешался и сказал, что он пошутил.

Через Средиземное море летели не спеша, невысоко, чтобы Гай-до посмотрел Землю. Он ведь ее толком еще и не видел. Средиземное море ему понравилось, но красоту храма Парфенон кораблик не оценил. У него были свои понятия о красоте, которые не имели ничего общего со вкусами древних греков.

Зато Москву корабль одобрил. И небоскребы, и чистоту на улицах, и даже самих москвичей.

Школьная техническая площадка расположена между учебным зданием и футбольным полем. На площадке есть мастерские, небольшой ангар для летательных аппаратов, полигон и склад. Когда Гай-до снизился, там как раз возились первоклассники, которые разбирали старый спутник на практических занятиях по истории космонавтики. Малыши загалдели, окружили кораблик, он им понравился, и они не скрывали своего удовольствия. Оказалось, что и Гай-до не лишен тщеславия. Он медленно поворачивался вокруг оси, чтобы малыши могли его получше разглядеть, и Алисе даже захотелось засмеяться, но она сдержалась, чтобы не обидеть Гай-до. А тот сказал ей:

— Приятные ребята, из них выйдет толк. Когда-нибудь я с ними займусь.

Потом пришел Лукьяныч, бывший механик на грузовых кораблях, человек ворчливый, но добрый — даже трудно представить себе, сколько поколений учеников школы занималось у него космической техникой. Его слово было решающим. Пашка даже побледнел, так ему хотелось, чтобы экзамен прошел успешно.

Лукьяныч долго ходил вокруг Гай-до, заглянул внутрь, посидел в пилотском кресле. Гай-до молчал, он договорился с Алисой, что пока не будет показывать, что он разумный, а то начнутся всякие разговоры, расспросы... Ведь Лукьянычу все равно, разговаривает корабль или нет. Лукьянычу важны ходовые характеристики.

Лукьяныч вылез из Гай-до и сказал, покручивая сизый ус:

— Работа мастера!

Это было высокой похвалой конструктору корабля. Но потом Лукьяныч добавил:

— Вам его не довести до кондиции.

— Почему?

— Гонки идут не в открытом космосе, а частично в атмосфере. В этом вся загвоздка. Корпус побит, погнут, дыру вы заделали кое-как. Разогнаться как следует не удастся.

— А вы поможете? — спросила Алиса.

— Не помогу, — сказал Лукьяныч. — Послезавтра уезжаю на практику с седьмыми классами. А восстанавливать его надо на заводе. Сами понимаете.

С этими словами Лукьяныч ушел, оставив космонавтов в полном отчаянии. Потому что если Лукьяныч сказал, что корпус не восстановить, значит, не восстановить.

Они забрались в Гай-до, и Аркаша спросил:

— Ты слышал, что он сказал?

— Слышал, — ответил Гай-до. — Но я постараюсь.

— Что ты сможешь сделать! — воскликнул в сердцах Пашка. — Не надо было под ту ракету соваться!

— Глупо, — заметил Аркаша. — Откуда он знал, что по нему будут стрелять?

— Может, в самом деле поговорить на космическом заводе? — спросила Алиса. — Попросить их.

— Ничего не получится, — сказал Аркаша. — На заводе свой

план, они и так не справляются, вон сколько нужно кораблей! А к ним приходят дети и говорят: почините нам игрушку.

— Я не игрушка, — сказал Гай-до, — вы слышали, как профессор Лукьяныч сказал, что меня делал мастер?

— На прошлом далеко не уедешь, — заметил Пашка. — А наши соперники уже выходят на финишную прямую. Я звонил сегодня утром в Шанхай. Ван и Лю говорят, что почти готовы.

— Но я же прилетел сюда из Сахары! — сказал Гай-до.

— На малой скорости. И то ты плохо держал курс, сам знаешь.

— Знаю, — убитым голосом сказал Гай-до. — А я так хотел быть вам полезен.

— Мы тебя не упрекаем, — сказала Алиса. — Просто не повезло.

— Заколдованный круг получается, — сказал Аркаша. — Если бы ты был в полном порядке, мы обогнали бы всех и на обычном топливе. Если бы у нас было какое-нибудь особенное топливо для разгона в атмосфере, мы бы обогнали всех и в таком виде.

— Топливо... — повторил Гай-до. — А что, если... Нет, для меня эти воспоминания слишком тяжелые.

— Какие воспоминания? — быстро спросил Пашка.

— Воспоминания о планете Пять-четыре, где госпожа Ирия встретила этого Тадеуша.

— А что там было?

— Может, ничего и не было.

— Гай-до, — строго сказал Пашка, — или ты сейчас все рассказываешь, или остаешься навсегда на этой площадке, и пусть с тобой играют первоклассники.

— Я же вам рассказывал, — произнес нехотя Гай-до, — что мы нашли Тадеуша возле базы странников.

— База странников! — Пашка подскочил в кресле и чуть не стукнулся головой о потолок.

— База очень старая.

— Они все старые, — сказал Пашка. — Все равно туда не заберешься.

— Ах, вы такие забывчивые, друзья мои! — вздохнул корабль. — Я же видел там цистерны с горючим. А если я их видел, значит, они были видны.

— Я помню, — сказал Аркаша, — ты говорил, что вход был разрушен землетрясением.

— Значит, — сказал Гай-до, — предохранительный механизм, который уничтожает базу, если туда попадает посторонний, вышел из строя.

— Повтори, — сказал Пашка торжественно.

— Вышел из строя.

— Чего же ты молчал! — закричал Пашка. — Мы немедленно летим на планету Пять-четыре, забираем горючее странников... и, может быть, сокровища!

— Нет, — сказал Аркаша, — я категорически возражаю. Мы должны сообщить об этом в Верховный совет Земли. Туда снарядят экспедицию. Этим должны заниматься взрослые.

— Очень разумно, — сказал кораблик. — Я преклоняюсь перед вашей разумностью, Аркаша.

— Я тоже преклоняюсь, — сказал Пашка. — Я думаю, Аркаше пора возвращаться к ботаническим опытам. Квадратный арбуз — вот цель жизни!

— Это почему? — обиделся Аркаша. — Нельзя сказать правду, чтобы ты сразу не накинулся.

— И никаких гонок, разумеется, не будет, — сказал Пашка.

— Почему же?

— А очень просто, — ответила за Пашку Алиса. — Потому что мы должны будем в первую очередь отдать в Верховный совет нашего Гай-до. Его будут там расспрашивать и проверять. Может, он больной. Может, его так повредило ракетой, что он начал придумывать разные фантазии.

— Правильно! — подхватил Пашка. — И потом, конечно, Гай-до разберут на части.

— Не надо! — закричал кораблик.

— И, уж конечно, ему никогда не подняться в космос.

— Не надо!

— А потом на планету Пять-четыре полетит экспедиция, в которую ни за что не возьмут ни одного легкомысленного ребенка. Туда полетят профессора и академики, а потом напишут миллион статей о возможном применении отдельных предметов... А мы прочтем об этом в газетах.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Аркаша.

— Совершенно ясно, — сказала Алиса, — Пашка предлагает полететь туда самим.

— Полететь туда самим, поглядеть хоть одним глазком на сокровища странников. Я живу на свете только один раз! — Тут Пашка встал в гордую позу, чтобы все поняли, что живет он не зря. — Я не знаю, сколько подвигов и великих открытий я успею совершить. Но когда мне говорят: «Гераскин, ты можешь!» — я бросаю все дела и иду!

— Мне нравится, как говорит Павел, — сказал кораблик. — Я его понимаю. Но, к сожалению, я должен возразить: это путешествие может оказаться очень опасным.

— И мы вообще не долетим, — добавил Аркаша. — Это же настоящее космическое путешествие с большим прыжком. Его категорически запрещено делать человеку, не имеющему диплома космонавта. И вы подумали, что скажут наши родители?

— Отвечаю по пунктам, — сказал Пашка. — Во-первых, мы долетим, потому что полетим туда не на обыкновенном глупом корабле, а на нашем друге Гай-до. Он сделает все, что нужно. Ты сделаешь, Гай-до?

— Сделаю, — сказал кораблик.

— Второе. Никому мы ничего не скажем. Потому что нам, конечно, запретят лететь. А родители наши сойдут с ума от страха за своих малышей. При всех положительных качествах они совершенно отсталые, как и положено родителям.

— Я с вами не играю, — сказал Аркаша.

— Я и не ждал, что ты согласишься, — сказал Пашка. — Для этого требуется смелость, а смелость дана не каждому. Но ты должен дать слово, что будешь держать язык за зубами.

— Я не могу дать такого слова.

— Тогда мне придется тебя обезвредить, — сказал Пашка.

— Попробуй.

— Я найду подходящее подземелье и заточу тебя на то время, пока нас не будет.

— Ладно, мальчики, — сказала Алиса. — Хватит ссориться. А то вы наговорите глупостей, а потом будете целый месяц дуться друг на друга.

— Скажи, Алиса, — вступил в разговор кораблик, — а наш друг Паша в самом деле намерен провести в жизнь свой страшный план и посадить Аркадия в подземелье?

— Нет, — ответил за Алису Аркаша. — У него нет под рукой подходящего подземелья.

Аркаша повернулся и ушел.

Пашка бросился было за ним, но потом махнул рукой.

— Беги, предатель, — сказал он.

— Он никому не скажет, — сказала Алиса.

— Я знаю, — ответил Пашка. — Все равно обидно. Пошли, Алиска, нам надо придумать, что сказать предкам.

ФЕСТИВАЛЬ НА ГАВАЙЯХ

Они попрощались с Гай-до и выскочили из него.

День был радостный, солнечный. На площадке перед кораблем стоял молодой мужчина и задумчиво рассматривал его.

Мужчина был Алисе знаком, но она никак не ожидала его тут увидеть и сразу не узнала.

— Тадеуш! — воскликнула она. — Вы что здесь делаете? А где Ирия?

— Здравствуй, Алиса, — сказал Тадеуш Сокол. — Ирия во Вроцлаве с ребенком. А я вот приехал в Москву по делам. У нас конференция. И думаю: разыщу тебя, узнаю...

— А это Паша, мой друг, — сказала Алиса. — Мы хотим с ним вместе полететь на Гай-до.

— Очень хорошо, — сказал Тадеуш. — Я рад.

— Значит, это вы — муж Ирии? — спросил Пашка строго.

— Ты угадал.

— Понятно, — сказал Пашка. Тадеуш ему не понравился.

Они замолчали, глядя на кораблик. Он стоял совсем рядом, но неизвестно было, слышал их или нет. А может, он и не узнал Тадеуша. А если и узнал, то не подал вида. Наверное, потому, что считал Тадеуша виновником всех бед.

— Я себя чувствую неловко, — сказал Тадеуш. — Но жизнь очень сложная штука. Вы это еще поймете. Потом.

— Я уже сейчас понимаю, — сказал Пашка.

Тадеуш только улыбнулся.

Алиса подумала: «Он не так уж и виноват. Это все Ирия решила». Чтобы не молчать, она спросила:

— А вы на планете Пять-четыре не видели базы странников?

Пашка толкнул Алису в бок: замолчи!

— Базу странников? — удивился Тадеуш. — А разве она там есть?

— Нет, — сказал быстро Пашка. — Наукой установлено, что там нет базы странников.

— Впрочем, — сказал Тадеуш, — если бы я выбирал самое дикое место, чтобы спрятать базу, лучше, чем Пять-четыре, не найдешь.

— Вы так и не помните, кто на вас напал? — спросила Алиса.

— Нет. Это случилось очень неожиданно. Хотя, если задуматься, у меня в тот день было странное ощущение, словно за мной кто-то следит. Неприятное ощущение. Там водятся серые шары, большие, как... футбольный мяч. Один такой шар от меня буквально не отставал.

Тадеуш замолк. Алиса вдруг вспомнила мяч на свалке.

— Вот такой? — Она показала руками.

— Да, примерно такой... Простите, мне пора идти. До свидания, ребята. Напишите мне, как прошли гонки. До свидания, Гай-до.

Гай-до ничего не ответил.

Они попрощались с Тадеушем у школьных ворот. Его ждал флаер.

Тадеуш помахал сверху рукой. Алиса помахала в ответ. Пашка махать не стал.

— Где бы добыть оружие? — сказал Пашка. — В такую экспедицию безумие лететь невооруженным.

Алиса только отмахнулась. Она оставила Пашку на перекрестке и пошла домой.

Нельзя сказать, что она была довольна собой. Она отлично понимала, что Аркаша прав: детское легкомыслие — лететь на неизвестную планету, искать базу странников. Надо обо всем рассказать отцу. Тогда прощай, Гай-до, прощайте, гонки, прощай, Большое Приключение. Но как трудно от этого отказаться! А что, если Аркаша обо всем расскажет? Тогда она ни в чем не будет виновата. Все получится само собой. Нет, лучше, если Аркаша промолчит. В конце концов, что тут особенного? И она, и Пашка бывали в космосе, они уже не дети, им по двенадцать лет. Гай-до не обыкновенный корабль. А если открыть сокровища странников — это редчайшая удача!

Алиса почувствовала, что сзади кто-то есть.

Она быстро обернулась и увидела, что по дорожке следом за ней катится серый мяч.

Поняв, что его увидели, мяч резко изменил направление и покатился к кустам.

— Стой! — крикнула Алиса. — Еще чего не хватало!

Кусты зашуршали. Алиса раздвинула их, но ничего не увидела.

Может, показалось? Тадеуш говорил про серый шар, вот и чудится всякая чепуха.

Алиса не заметила, что серый мяч как бы растекся, превратился в серую пленку и обвил дерево, слившись с его корой.

«Пойду домой, — решила она. — Надо будет придумать, куда отправиться на несколько дней так, чтобы не удивить родителей».

Вечером ей повезло. Позвонила папина знакомая и стала рассказывать, какой замечательный фестиваль народных танцев всей планеты начинается на Гавайских островах. Она щебетала полчаса, а потом спросила:

— Почему бы вам туда не слетать?

— Мне некогда, — ответил профессор Селезнев, которому это щебетание уже надоело.

— А Алисочка? — воскликнула знакомая. — У нее же каникулы.

— Сомневаюсь. По-моему, она всерьез увлеклась космическими гонками, — сказал отец.

— Почему же? — сказала Алиса. — Гонки еще только в августе. Я с удовольствием слетаю на фестиваль.

А когда она сказала о фестивале Пашке Гераскину, тот заявил, что с детства только и мечтал наслаждаться народными танцами.

Мать его отпустила на Гавайи. Только умоляла не сражаться с акулами.

На следующее утро мать застала его в тот момент, когда он опустошал холодильник. Глядя честными голубыми глазами, Пашка сказал матери, что не выносит гавайской пищи и потому вынужден тащить с собой на фестиваль целый мешок копченой колбасы, сыра, масла и консервов.

Мать спросила:

— Может, у тебя живот болит?

— У меня железное здоровье, — ответил Пашка.

ДВА ЗАЙЦА

Конечно, экспедиция была подготовлена не очень тщательно. Но Алиса с Пашкой рассчитывали, что она продлится недолго. Туда и обратно. Да и много ли нужно двум космонавтам отроческого возраста?

С Аркашей в последние два дня перед отлетом они не виделись. Правда, Алиса как-то заглянула в лабораторию и увидела, что Аркаша в одиночестве сидит перед микроскопом. Они поговорили на разные темы, но основной и самой болезненной не касались.

Стартовать решили днем. На виду у всех. Пашка где-то вычитал, что опытные преступники так всегда и делали. Допустим, хочешь ты ограбить старушку-миллионершу. Тогда ты переодеваешься молочником или почтальоном и открыто стучишь к ней в дверь. Никто не беспокоится, включая саму старушку.

Алиса попросила Пашку самому поговорить с Лукьянычем. Дело в том, что Алиса ненавидит говорить неправду. Но в жизни детям время от времени приходится говорить неправду, в первую очередь из-за того, что родители их не понимают. В таких случаях Алиса предпочитала ничего не говорить вообще. А так как Пашка не имел таких железных принципов, он спокойно рассказал Лукьянычу, что они решили провести ходовые испытания Гай-до в атмосфере и совместить их с полетом на фестиваль народных танцев.

Лукьяныч сам проверил, как работает пульт управления, похвалил ребят, что они привели его в порядок, проверил прочность кораллитовой заплаты и дал согласие на полет.

— Только выше пятисот над поверхностью не советую подниматься, — сказал он. — И не гоняйте его на пределе скорости. Все-таки ему еще далеко до готовности.

— Будет сделано, — сказал Пашка.

Алиса, стараясь остаться честным человеком, молчала и укладывала посуду в ниши бортового шкафа, чтобы не побилась при маневрах.

Когда Лукьяныч вышел из корабля, Гай-до, который не проронил до этого ни слова, произнес:

— Странно, говорят, что ваш Лукьяныч разбирается в кораблях, а мне не доверяет.

— Ты не прав, братишка, — сказал Пашка. — Если бы у него были сомнения, никуда бы он нас не отпустил.

В последние дни Пашка называл Гай-до братишкой, и корабль не обижался. Чувство юмора у Гай-до было развито слабо, потому что оно было слабо развито у его конструкторов, но смеяться он умеет.

Алиса села в кресло пилота, связалась с диспетчерской, получила «добро» на вылет за пределы атмосферы.

— У тебя все готово? — спросила она Пашку.

— Готово, — сказал он, пристегиваясь к креслу.

И тут раздался леденящий душу крик. Он доносился снизу.

Алиса и Пашка замерли, словно примерзли к креслам.

Люк, что ведет в трюм корабля, распахнулся, и оттуда выскочил бледный как смерть Аркаша Сапожков.

Он даже трясся.

Как только Алиса и Пашка сообразили, что это не привидение, а самый обыкновенный Аркаша, они накинулись на него.

— Я могла умереть от страха, — заявила Алиса. — Ты об этом подумал?

— И вообще, что ты здесь делаешь? Шпионишь? — спросил Пашка.

— Я сам чуть не умер от страха, — сказал Аркаша, опускаясь в кресло. — Я решил: полечу все-таки с вами. А вдруг будут опасности и я смогу вам помочь. Но мне не хотелось об этом раньше времени говорить... Я прошел в корабль, забрался в трюм и стал ждать, пока Гай-до поднимется.

— Ты что, о перегрузках забыл? — удивилась Алиса.

— Он, может, и забыл, — послышался голос Гай-до, — но я о таких вещах, как безопасность экипажа, никогда не забываю.

— А чего же нам не сказал? — удивилась Алиса.

— А вы не спрашивали, — сказал Гай-до. — Вы не спрашивали, а Аркадий попросил меня хранить молчание. Вот я и хранил.

— Дурак, — сказал Пашка.

— Вот это лишнее, братишка, — обиженно ответил корабль.

— А чего же ты испугался? — спросила Алиса.

— Я испугался? — удивился Аркаша. — Я почти не испугался.

— Ты бы видел свое лицо, когда из люка лез, — засмеялся Пашка.

— Нет... так просто... Я там в пустой контейнер для образцов залез и заснул. А потом мне показалось... наверное, мне показалось, что там что-то живое меня коснулось. Как крыса. Там же темно... Я спросонья и закричал.

— Показалось? — спросила Алиса. — А может, там еще какой заяц есть? Может, какой-нибудь первоклашка забрался? Гай-до, скажи, в трюме больше нет ни одного человека?

— В трюме больше нет ни одного человека, — сказал Гай-до. — Я бы заметил, если бы на борт поднялся еще один человек. В трюме есть органические вещества, но это, очевидно, те продукты, которые загрузили мои новые хозяева. Там есть десяток палок копченой колбасы, двадцать три батона, головок сыра разного размера... четыре.

— Три головки сыра, — поправила корабль Алиса.

— Хватит, — сказал Пашка. — Так мы никогда не взлетим. Аркаша, ты не раздумал с нами лететь?

— Не раздумал, — сказал Аркаша.

— Всем членам экипажа занять свои места! Даю старт.

Прошли пояс околоземных лабораторий и городков на орбите, потом миновали громадный центральный космодром на полпути к Луне, где швартовались грузовые громады со всей галактики, затем справа по борту прошла Луна. На ней были видны многочисленные огоньки городов, заводов и рудников. Гай-до постепенно набирал скорость, так, чтобы не было особых перегрузок. Он щадил своих пассажиров.

Наконец орбита Луны была позади. Марс остался в стороне. Впереди плыл величественный полосатый Сатурн.

— Скоро будем проходить то место, где меня подбили, — сказал Гай-до.

— Как странно, — сказала Алиса, — тут оживленно, будто на улице.

— Может, позавтракаем? — спросил Пашка. — Что-то я давно не ел.

— Мы же договорились как следует позавтракать дома! — возмутилась Алиса. — Почему на тебя нельзя положиться? Пищу надо экономить. Теперь нас не двое, а трое. С твоим аппетитом мы умрем с голоду раньше, чем долетим до Пять-четыре.

— Я не рассчитывал на Аркашу, — сказал Пашка. — Мне бы хватило.

Алиса увидела, что Аркаша побледнел. Он был гордый человек и понимал, что виноват, не подумал о еде.

— Я вообще могу не есть, — сказал Аркаша.

— Поздравляю, — съязвил Пашка.

— Замолчи, умник! — возмутилась Алиса. — Я буду делить свою норму с Аркашей, а ты можешь о себе не беспокоиться.

Тут уж пришла Пашкина очередь возмущаться:

— Значит, я — холодный эгоист, я могу бросить друзей на произвол судьбы, а вы хорошие? Как я жалею, что выбрал вас к себе в экипаж. Столько хороших людей на свете, а мне достались неблагодарные эгоисты.

— Странно, — заметил Гай-до, — в рассуждениях моего братишки полностью отсутствует логика. Насколько я понял, его товарищи добровольно решили не ограничивать его питание, а он на них сердится.

— Что ты понимаешь в человеческих отношениях! — взревел Пашка.

— Боюсь, что ничего не понимаю, — грустно сказал Гай-до. — Я все время ошибаюсь. Когда я думаю, что люди должны вести себя так, они тут же начинают вести себя иначе.

— Извини, Гай-до, — сказала Алиса твердо. — Мы ведем себя как глупые дети, которых нельзя пускать в космос. Я предлагаю забыть о спорах и для начала выяснить, сколько у нас продуктов. Я пойду в трюм и все запишу.

— У меня с собой есть две пачки жевательной резинки, — сказал виновато Аркаша.

— Ими ты будешь угощать туземцев, — не удержался Пашка, потому что он всегда оставлял за собой последнее слово.

Алиса отстегнулась от кресла и открыла люк.

Гай-до включил в трюме яркий свет.

«Конечно, — подумала Алиса, — когда здесь было темно, Аркаша мог напугаться». Сейчас маленький трюм, в котором хранились инструменты, запасные части, продовольствие и снаряжение для экспедиции, фонари, веревки, лестницы, сверла и бурильная установка, которые приволок на корабль Пашка, казался обжитой мастерской. У стены стоял большой холодильник. Рядом на полках — контейнеры.

Алиса сказала Гай-до:

— Я буду тебе диктовать, а ты записывай, хорошо?

— Зачем записывать? — удивился корабль. — Я и так все запомню.

— Мне потом надо будет разделить пищу на дни и едоков, — сказала Алиса.

Она открыла холодильник и начала вслух перечислять все продукты, что были в нем. Потом перешла к продуктам, что лежали на полках. На нижней полке, где недавно скрывался Аркаша, лежали сухие колбасы и головы сыра.

— Записывай дальше, — диктовала Алиса. — Колбаса. Десять штук.

— А какой вес? — спросил Гай-до.

— Примерно по полкило.

— Записал.

— Три головы сыра.

— Нет, — сказал Гай-до, — четыре.

— Но тут три. Можешь посмотреть.

— Нет, четыре, — упрямился Гай-до. — Четвертая закатилась в угол, протяни руку.

Алиса протянула руку и, хоть она ничего не боялась, вскрикнула от неожиданности, потому что голова сыра была мягкой, теплой и покрытой слизью. Голова вздрогнула от Алисиного прикосновения, покатилась по полке, упала на пол и помчалась к куче инструментов, чтобы в нее зарыться.

Тогда Алиса сообразила: это был все тот же вездесущий серый мяч из Сахары.

— Еще чего не хватало! — сказала Алиса вслух. — Как же мы его раньше не заметили?

В люке появились головы Аркаши и Пашки — они услышали крик Алисы.

— Что случилось? — спросил Пашка.

— Этот сыр, — сказала Алиса, беря в руки кирку, чтобы защищаться, если мяч прыгнет на нее, — вовсе не сыр, а гадкое животное.

— Вижу, — сказал Гай-до. — Узнаю. Я видел эту тварь в Сахаре. Виноват, что не заметил, как оно проникло на борт. Несу ответственность.

— Не нужна мне твоя ответственность, — сказала Алиса. — Нам его надо поймать и посадить в какую-нибудь банку.

Она приблизилась к мячу. Сверху спрыгнул Пашка, он притащил из камбуза большую кастрюлю.

В тот момент, когда Пашка дотронулся до мяча краем кастрюли, мяч метнулся в сторону и исчез.

— Где он? — Алиса оглядывалась.

Шару негде было укрыться в трюме, но все же он скрылся.

— Он над вашей головой, — сообщил Гай-до. — И постепенно перемещается к люку, чтобы выбраться наверх.

Подняв голову, Алиса увидела шар. Только это уже был не шар. Он расползся по стене, превратившись в тонкий серый блин.

— Сейчас я до него доберусь, — сказал сурово Пашка. Он схватил швабру и угрожающе поднял ее.

— Не надо! — раздался тонкий пронзительный голос. — Я жить хочу. Я ни в чем не виноват!

— Ах, вы разумные? — удивилась Алиса.

— Тем хуже. Значит, он шпион, — сказал Пашка. — Пускай лезет в кастрюлю.

— Я не шпион! — взмолился мяч. — Я жертва обстоятельств. Можно я упаду на пол? Я обещаю, что не убегу. Мне же некуда убегать.

— Пускай падает, — сказала Алиса.

— Только без шуток, — предупредил Пашка.

Шар плюхнулся на пол, собрался в комок и замер посреди трюма.

— Признавайся, — сказал Пашка, — шпионил?

— А как я могу шпионить? — сказал шар. — Моя история такая простая и печальная, что вы должны меня понять. Вы же добрые люди.

Шар откатился подальше от швабры, которую направил на него Пашка.

— Я живу на планете, которую вы называете Пять-четыре, — сказал шар комариным голосом. — У меня есть жена и восемь маленьких детей, которые никогда меня не дождутся, если ваш страшный капитан убьет меня этой мохнатой палкой.

— Не такой уж я страшный, — сказал Пашка и отставил швабру в сторону.

— Я жил мирно, как все, но однажды на мою планету опустился большой корабль. Это была экспедиция. Они обследовали планету и собирали образцы. И забрали меня как образец.

— А чего же вы не возражали? — спросила Алиса.

— Меня погубило любопытство. Я решил, пускай они думают, что я неразумное существо, зато я увижу другие звезды. В душе я путешественник. Когда корабль прилетел к себе домой, я сбежал и пробрался в город.

— Как называлась планета? — спросил сверху Аркаша.

— Паталипутра, — быстро ответил шар.

— Я там была, — сказала Алиса.

— Ну вот видите! — обрадовался шар. — Значит, я говорю правду. Я осмотрел Паталипутру и решил лететь дальше. Мне это нетрудно. Я могу незаметно проникнуть на любой корабль. За пять лет я облетел много планет и захотел вернуться домой. Но как это сделать? Ведь на мою планету не летают корабли. И я отправился на Землю.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что сюда прилетают корабли со всей галактики. Здесь можно дождаться экспедиции в мои края. Ожидая случая, я облетел всю Землю. Я побывал в Сахаре на свалке кораблей и узнал, что ваш уважаемый корабль побывал на моей родной планете и вы собрались к нам снова. Но у меня нет денег на билеты. Пришлось спрятаться в трюм под видом головки сыра. Вот и вся моя история. Вы можете убить меня, а можете осчастливить.

Скользкий мяч покорно замер посреди пола.

— Поверим? — спросил Пашка.

— Не знаю, — сказал сверху Сапожков.

— И я не знаю, — сказала Алиса.

— Вы можете мне не верить, — сказал мяч. — Только довезите меня до дома. Меня уже не ждут... И мне суждено будет умереть на чужбине.

— А где он будет жить? — спросила Алиса.

— Пожалела? — понял ее Пашка.

— А что делать? Лучше верить, чем не верить.

— Я останусь здесь, в трюме, — сказал мяч, — чтобы не попадаться вам на глаза. Я вам кажусь некрасивым и даже противным. Но я не обижаюсь. Я буду жить здесь, на нижней полке.

— Если вы его оставляете, — сказал Гай-до, — то я за ним присмотрю.

— Только чтобы продуктов не касался, — предупредил Пашка.

— Я не ем колбасы и сыра, — ответил мяч. — Я извлекаю

все, что мне нужно, из простой воды. Вы не откажете мне в глотке воды?

— Не откажем, — сказал Пашка.

ПОЛЕТ С ПРОИСШЕСТВИЯМИ

Постепенно быт на борту наладился. Серый мяч мирно сидел в трюме, порой вылезая напиться. Двигался он с удивительной ловкостью. Он объяснил Алисе, что жизнь на планете Пять-четыре суровая. Слабому там не выжить. Разумные мячи могут прыгать, плавать, нырять, расплющиваться в блин, даже превращаться в червей. Опасаясь землетрясений, они обитают по берегам озер и речек, на открытых местах, чтобы успеть укатиться от опасности. И уж, конечно, не строят никаких городов.

Если озеро вдруг высохнет или провалится сквозь землю, они спешат к другому озеру или реке. Аркаша, которому мяч разрешил себя осмотреть, сказал, что мячи — растения. Но они не лишены чувств и привязаны к своей семье.

Из своих пассажиров Гай-до более других выделял Алису. Когда Алиса была на вахте, они подолгу разговаривали, и Пашка даже посмеивался: о чем можно часами разговаривать с кораблем? Но Гай-до не обижался. Он к Пашке привык и знал ему цену. Он придумал для Пашки прозвище: «Наш опасный друг». И объяснял его так: Пашка ради друзей готов жизнь отдать. Человек он благородный и верный. Но настолько увлекающийся, что в решающий момент может забыть о долге, обязанностях. Правда, про быка и красную тряпку Гай-до не говорил, потому что на Вестере не знают о бое быков, — так его поняла Алиса.

На третий день все космонавты заняли свои места, и корабль совершил прыжок. Как известно, притяжение передается гравитонами — особыми частицами, которые были открыты в начале XXI века великим чешским физиком Ружичкой и его женой Анитой Сингх. Гравитоны, в отличие от прочих частиц, движутся быстрее скорости света, то есть почти мгновенно. И когда удалось обуздать и подчинить гравитоны, люди смогли создать гравитонные двигатели: любой корабль может пронестись через половину галактики в считанные минуты.

Но гравитонные двигатели очень сложны и дороги. Далеко

не на всех, даже больших кораблях их устанавливают. А уж на маленьких — никогда. Гай-до был исключением.

Три с половиной часа, за которые Гай-до совершал прыжок к планете Пять-четыре, космонавты были без сознания. Для Алисы и ее друзей этих часов не существовало. Она закрыла глаза, потом открыла их снова. Часы над пультом показывали, что прошло три часа и тридцать одна минута.

Алиса услышала голос Гай-до:

— Прыжок прошел нормально. Система назначения видна на экранах.

Очнулся Пашка, включил экран. Несколько тусклых звездочек горели в его центре.

— Ищи там, где четыре солнца, — сказал Аркаша.

Алиса отстегнулась и спустилась в трюм проверить, как перенес прыжок серый мяч.

Тот был невредим, сидел в углу на полке, хотя трудно сказать, сидел, лежал или стоял, раз уж он совершенно круглый.

— Ты обо мне беспокоилась? — спросил он Алису.

— Разумеется, — сказала Алиса.

— Зря, — сказал мяч.

Алиса увидела, что он волнуется. Когда мяч волновался, по его телу пробегала дрожь, как будто мелкая рябь по воде.

— Я тебя не понимаю, — сказала Алиса. — Это же естественно.

— На свете нет ничего естественного, — ответил пронзительным голоском мяч. — Потому что ты не должна меня жалеть. Ты должна желать моей смерти.

— Я ничьей смерти не желаю, — сказала Алиса.

— Ты еще не знаешь жизни. Ты еще детеныш. Как и мои детеныши, ты думаешь, что все взрослые должны быть хорошими. Но если бы твоему отцу сказали: выбирай, что тебе дороже: жизнь своих детенышей или чужих? — он бы выбрал своих и стал убивать чужих.

— Ты говоришь странные и неприятные вещи, — сказала Алиса. — Я тебя не понимаю.

— Вот будут у тебя свои дети, тогда поймешь, — сказал мяч.

— Постараюсь, — согласилась Алиса. — Прости, мы давно знакомы, а я не знаю, как тебя зовут.

— Зачем тебе мое имя? — сказал шар. — Оно опозорено.

Шар забился в угол и замолчал.

«Странно, — подумала Алиса, выбираясь из трюма. — Сам говорил, что тоскует по своей семье. Казалось бы, повезло, подлетает к дому. А чем-то недоволен, говорит о смерти...»

Гай-до словно угадал ее мысли и сказал:

— В мяче пробудилась совесть.

— А разве он до этого был бессовестным? — спросила Алиса.

— Не знаю, — сказал Гай-до. — Но у меня дурные предчувствия. Мне кажется, что он не тот, за кого себя выдает.

— Ты думаешь, что он не с планеты Пять-четыре?

— Не в этом дело...

Постепенно одна из горящих точек на центральном экране увеличивалась и становилась ярче. К исходу второго дня уже можно было различить на ней кольца вулканических кратеров. Алиса с тревогой наблюдала, как уменьшаются запасы пищи. Но пока говорить об этом ей не хотелось, она боялась, что мальчики начнут нервничать. И Аркаша вообще откажется есть. А мужчины, как учила Алису бабушка, должны быть сытыми. Даже самый хороший мужчина становится невыносимым, если он голодный.

Мяч больше с Алисой не разговаривал. Но она как-то услышала, что он беседует с Аркашей, который собирался написать о мяче статью.

— А зачем вы-то летите на нашу планету? — спросил он Аркашу.

— Нам интересно, — ответил Аркаша.

— Что может быть интересного? — спросил мяч. — Ничего у нас интересного нет.

— Для ученого любой новый мир интересен, — сказал Аркаша.

— Изучаете, значит? — пронзительно произнес мяч.

«Неприятный голос, — подумала Алиса. — Сквозь переборки проникает».

— А я думал, вы клады ищете, — вновь послышался голосок мяча.

— Почему? — спросил Аркаша.

— Больше незачем лететь на пустую планету.

— Нет, — сказал Аркаша, — дело не в кладах.

— Да разве в вас разберешься? — сказал мяч. Помолчал. Потом спросил: — Ну и какая у меня температура?

Алиса заглянула в кают-компанию. Аркаша изучал мяч. Мяч сидел (или лежал, или стоял) на столе. Он был обклеен датчиками. Аркаша просматривал данные на дисплее.

— Температура тела, — сказал Аркаша, — повышается и понижается от настроения.

— Правильно. Как-то мой дядя с семьей попал на Северный полюс, занесло их потоком, и там они проспали три года во льду. Пока не разморозило. И ничего, живы. У нас климатические условия ужасные.

— Знаю, — сказал Аркаша.

— А то еще попадете в землетрясение. Тоже ужасно. Значит, клад ищете?

— Не ищем мы клада.

— Не люблю я вас, кладоискателей, — сказал мяч. — Таинственные вы. Вот я знаю: вас на борту четверо. Трех я видел, а Гай-до прячется. Почему? Где?

Послышался смех Гай-до. Ему показалось забавным заблуждение мяча, но спорить он не стал, а объявил, что начинает торможение.

Аркаша освободил мяч от присосок и датчиков, отнес его в трюм, где Пашка проверял снаряжение, потому что был уверен, что ему придется опускаться в пропасти и подниматься на вулканы.

— Типичные кладоискатели, — сказал мяч, увидев Пашку, обмотанного тросом, с альпенштоком в руке и ранцевым ракетным двигателем за спиной.

— Я альпинист, — сказал Пашка.

И тут они услышали голос Гай-до:

— Тревога, всем членам экипажа собраться на мостике.

Аркаша и Пашка выскочили из трюма и кинулись к креслам.

— Что случилось? — крикнул Пашка.

— Смотри на экран! — сказала Алиса.

По экрану быстро ползла зеленая точка.

— Вижу катер, — сказал Гай-до. — На мои позывные не отвечает.

Зеленая точка резко изменила курс и через несколько томительных минут скрылась за расплывчатым, туманным краем атмосферы.

— Я полагаю, — сказал Гай-до, — что разумно повернуть назад.

— Предлагаешь вернуться? — удивился Пашка. — В минутах от цели?

— Я не знаю, что нас отделяет от цели, — сказал Гай-до, — может, скорая гибель.

— Наверное, Гай-до прав, — сказал Аркаша, — у нас на борту девочка. Я считаю, что мы должны вернуться обратно и сообщить обо всем взрослым. Я и раньше так считал.

— Ты не о девочке думаешь! — вскипел Пашка. — Я все понял! Трусишь — сиди на Земле. А об Алисе не беспокойся, она смелее тебя!

Алиса понимала, что Пашка думает только о приключениях. Она готова была уже поддержать Аркашу, но странное дело: слова Пашки о том, что она смелая, заставили ее промолчать. Как будто хитрющий Пашка заткнул ей рот большой конфетой.

— У кого сколько смелости, мы еще посмотрим, — тихо сказал Аркаша. — Я высказал свое мнение, но сам я не возражаю, чтобы спуститься на эту планету.

«Ну и Пашка, — подумала Алиса, — он и Аркашу перехитрил. Ну какой нормальный парень будет настаивать на возвращении, если его обвинили в трусости?»

— Возвращайтесь! — услышала она пронзительный комариный голосок. Оказывается, серый мяч каким-то образом выбрался из трюма. — Вам с ними не справиться. Вы погибнете, как погибли все остальные.

— Что ты знаешь? — спросил Гай-до. — Отвечай, что ты знаешь?

— Я ничего не знаю. Я ничего не сказал! — Шар превратился в бесконечную серую нить и скользнул в люк.

— Настойчиво рекомендую, — сказал Гай-до, — вернуться на Землю.

— Голосуем, — быстро сказал Пашка. — Я за демократию. Твой голос, Гай-до, считается. Кто за то, чтобы опуститься на планету Пять-четыре? Я — раз, Алиса — два, Аркадий — три. Кто против?

— Я против, — сказал Гай-до.

— Я против, — послышался комариный голосок из трюма.

— Три — два в нашу пользу, — сказал Пашка. — Решение принято демократическим большинством. Начинаем посадку.

— Хорошо, — сказал Гай-до. — Но я предлагаю спуститься подальше от базы странников.

— Почему? — спросил Пашка. — Мы быстро спустимся, быстро осмотрим подземелье, моментально заберем, что нам нужно, и улетим.

— Моментально — это неправильное слово, — сказал Гай-до.

— Пока ты будешь моментально лазить по подземелью, — сказала Алиса, которая поняла, что Гай-до прав, — нас тридцать раз увидят, найдут и, если захотят, убьют.

— А что же ты предлагаешь? — спросил Пашка.

— У меня есть одна идея, — сказал Гай-до. — Смотрите.

Гай-до зажег большой экран на пульте, и на нем показалась объемная карта. На ней — путаница скал, ущелий, гор и кратеров.

Загорелась зеленая стрелка, которая поползла по ущелью.

— Вот здесь, — сказал Гай-до, — мы нашли Тадеуша. Рядом со входом в подземелье. Но сюда мы опускаться не будем. Здесь... — зеленая стрелочка переместилась в соседнее ущелье, — выходы железной руды. Под этим обрывом большая ниша, там можно уместить пассажирский лайнер. Навес над нишей — железная руда. Что это означает?

— Это означает, — сказал Аркаша, — что, если мы незаметно ляжем в ту нишу, нас нельзя засечь сверху.

— Если не возражаете, я начинаю маневр, — сказал Гай-до.

— А оттуда до базы далеко? — спросил Пашка.

— Километров двадцать. Но дорога через горы.

— А поближе нельзя?

— Братишка, ты нетерпелив, как маленький ребенок, — сказал Гай-до.

— Ну ладно, если другого выхода нет...

Пашка умеет всем сделать одолжение.

НЕУЮТНАЯ ПЛАНЕТА

Если бы кто-то наблюдал за Гай-до сверху, он страшно удивился бы, каким запутанным курсом тот идет над планетой. Корабль петлял, делал зигзаги длиной в тысячу километров, замедлял движение так, словно вот-вот остановится, и потом снова срывался с места. Внутри корабля все трещало, и Алиса побаивалась, выдержит ли коралловая заплата.

Разумеется, Гай-до был бы последним дураком, если бы полагал, что его маневры кого-то обманут, — ведь тот, кто следил за ним, мог спокойно ждать, пока он сядет. Гай-до рассчитывал на другое: вертясь над планетой, он хотел сам засечь наблюдателей.

На втором витке он засек спутник связи, который ходил на высокой орбите над планетой и координировал наблюдение. Затем он два раза прошел над одним местом, где ему показалось, что над кратером натянута маскировочная пелена. На всякий случай он отметил этот кратер в памяти.

Неожиданно Гай-до снизился. Он сделал это в тот момент, когда спутник связи находился на другой стороне планеты. Гай-до буквально прополз по ущелью, прижимаясь ко дну и порой задевая за скалы, отчего внутри корабля раздавался отвратительный скрежет. Алиса стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть от страха.

Затем корабль замер.

— Все? — шепотом спросил Пашка.

— Нет, не все, — ответил Гай-до. — Если они нас не потеряли, пускай думают, что я лежу здесь.

— И сколько ждать?

— Пока их спутник снова уйдет за горизонт, — сказал Гай-до.

Потянулись томительные минуты ожидания.

Вдруг корабль снова рванулся и полетел дальше.

На экране внешнего обзора мелькали страшные зубцы железных скал. Как ножи они тянулись к Гай-до. Он с трудом ускользал от них. Затем замер, резко метнулся вправо, отчего посудный шкаф распахнулся и чашки покатились по полу.

Послышался глухой удар.

Экраны потемнели.

— Все, — сказал Гай-до. — Приехали. Пока мы в безопасности. Они, конечно, знают, в каком районе мы затаились, но им потребуется некоторое время, чтобы нас отыскать.

— Неаккуратно ты спускался, — проворчал Пашка. — Всю посуду побил.

— Неаккуратно? — Гай-до был обижен.

— Гай-до, не слушай его, — быстро сказала Алиса, — ты все сделал великолепно. Ни один другой корабль в мире не смог бы так спрятаться.

Она отстегнулась от кресла.

— А какой здесь воздух? — спросил Аркаша. — Скафандры надевать?

— Не надо, — сказал Гай-до после некоторой паузы: видно, рассуждал, обижаться на Пашку или не стоит. — Воздух здесь пригоден для дыхания.

— Можно выйти? — спросил Пашка. — Я хочу начать разведку.

— Подожди, — ответил Гай-до. — Ждем час. Если я не увижу и не почувствую ничего подозрительного, тогда выходите.

— Давайте пообедаем, — сказала Алиса.

Аркаша помог Алисе убраться. Чашек осталось две на всех, но тарелки были небьющиеся, так что ничего страшного не случилось.

Пашка сказал, что пойдет в трюм, чтобы подготовиться к походу.

Он открыл люк, и только тогда вспомнили о сером мяче.

Мяч сидел на полке, кожа его ходила мелкой рябью. Он волновался.

— Ой, прости! — воскликнула Алиса. — Ты так хочешь к своей семье, а мы тебя держим. Иди скорей. Передавай привет своим детишкам.

Мяч не тронулся с места.

— Что такое? — удивилась Алиса. — Ты ушибся? Тебе плохо?

— У него нервный шок, — сказал Аркаша. — Мяч так долго ждал этого момента, что нервы не выдержали.

— Нервы у меня не выдержали, — сказал шар. — Я хочу остаться здесь. То есть я не хочу остаться здесь, но вам лучше, если я останусь здесь. Я не такой плохой, каким я вам кажусь, но я могу быть куда хуже, чем я вам кажусь.

Сказав эту загадочную речь, мяч застыл.

— Что он говорит? — удивилась Алиса. — То он стремится, то он не стремится!

— Заприте меня! — закричал шар. — Я знаю, какие вы добрые! Заприте меня так, чтобы я не мог выскользнуть, потому что я могу выскользнуть через самую узкую щель. Заприте меня, запакуйте... лучше всего в холодильник. Да, лучше всего в холодильник, потому что мне оттуда, наверно, не выбраться.

— Логика хромает, — сказал Аркаша, который сидел на краю люка. — Если вы не хотите уходить, то оставайтесь. Если

хотите уходить и даже намерены выбраться через любую дырочку, тогда уходите.

— Нет, — сказал Гай-до. — Я вижу логику в его словах. И очень печальную для нас логику. Его надо запереть в холодильник.

— Но я буду сопротивляться! И вы всем скажите, что я сопротивлялся, но вы меня разоблачили и мучили, чуть не убили и заточили в холодильник.

— Хорошо, — сказал Гай-до, — я согласен.

Мяч скатился с полки и поспешил к холодильнику.

У его двери он остановился.

— Да он с ума сошел! — закричал Пашка. — Там же продукты.

— Вынь продукты, — сказал Гай-до.

— А сколько он будет сидеть в холодильнике? Все продукты испортятся! У нас их и так мало осталось.

— Он недолго там просидит, — сказал Гай-до.

— Но скажи же, в чем дело? — не выдержал Пашка.

— Не говорите! — взмолился мяч. — Если они узнают, моя семья погибнет.

— Он говорит правду, — сказал Гай-до.

— Ничего не понимаю! — вскричал Пашка. Остальные молчали.

На этом спор кончился.

Алиса с Пашкой вынули из холодильника последние продукты: кусок колбасы, пять пакетов молока, пачку куриного паштета и мороженую курицу.

Мяч шустро залез в холодильник и сказал:

— Не беспокойтесь, мне совсем не холодно. Но учтите, что я сопротивлялся, как зверь.

Он забился в угол опустевшего холодильника, но Пашка медлил. Как-то неловко запирать в холодильник живое существо.

— Запирай! — пискнул мяч.

— Захлопывай, — сказал Гай-до, и Пашка подчинился.

Алиса взяла курицу и пошла ее готовить. Она положила ее в духовку. Скоро по кораблю потянуло приятным запахом пищи, и Пашка прибежал в камбуз, чтобы приглядеть за курицей. Ведь это последняя курица, а вдруг подгорит?

За ужином Алиса отдала Пашке половину курицы, а вторую

поделила с Аркашей. Аркаша понял и кивнул ей, а Пашка в мгновение ока сжевал полкурицы и начал шарить глазами по столу.

Тогда Алиса сказала:

— С завтрашнего дня вводим жесткий режим экономии.

Пашка вздохнул и пошел спать.

Он заснул через три минуты. А Алисе долго еще не спалось.

Она ворочалась на узкой койке. Потом поднялась и спросила:

— Гай-до, а можно я выйду на минутку? Только посмотрю и вернусь, я не буду отходить далеко.

— Хорошо, — сказал корабль.

Алиса накинула куртку и открыла люк. За ней вышел Аркаша. Ему тоже не спалось.

Вечер был холодным, ветреным и сырым. Под громадным каменным козырьком было темно, и Алиса сделала несколько шагов к прыгающему по камням ручью. Открылось небо, все в полосах от быстро текущих облаков. Небо было фиолетовым, на нем горели редкие оранжевые звезды. Маленькое алое солнце светило сквозь облака. Оно бежало по небу быстро, словно спутник. Второе солнце, чуть побольше и пожелтее, поднималось из-за скал. А в другой стороне неровно вспыхивало зарево — видно, извергался вулкан. Земля чуть дернулась под ногами и потом долго мелко вздрагивала, будто успокаивалась после спазма.

Это был неуютный и даже страшный мир. Черные тени черных скал двигались как живые — два быстрых солнца как бы дергали их, тянули в разные стороны.

— Куда нам завтра идти? — спросила Алиса. Ей стало страшно.

Из черной глубины ниши послышался тихий голос Гай-до:

— Надо будет подниматься на скалы, которые перед тобой, Алиса. Жаль, что я не смогу пойти с вами.

Начался дождик, и небо заволокло сизыми тучами. Стоять больше не хотелось, и Алиса пошла обратно. Аркаша за все время не сказал ни слова, и Алиса не знала, о чем он думает.

Аркадий пропустил Алису вперед, потом закрыл люк.

— Спокойной ночи, — сказала Алиса.

— Спокойной ночи, — ответил Аркаша печально.

— Спокойной ночи, — сказал корабль.

ПОХОД

Утром первым вскочил Пашка.

— Вперед! — шумел он. — Не время спать. Нас ждут сокровища странников!

Он выволакивал из трюма веревки и крючья, прилаживал альпинистские ботинки, проверял фонари — суетился за десятерых.

Пока Алиса готовила завтрак, Аркаша с Пашкой уже оделись.

Пашка сказал:

— А может, тебе не надо идти с нами? Кто-то должен остаться на корабле. Мало ли что может случиться? Тогда ты вернешься и расскажешь нашим родителям, как мы погибли.

— И не подумаю, — сказала Алиса, накрывая на стол. — Если ты мне скажешь, в чем я уступаю тебе, кроме нахальства, тогда я останусь.

— Тогда ты оставайся, Аркаша, — сказал Павел.

— Почему я?

— Так положено во всех экспедициях. Кто-то должен быть в резерве. Если что, вы с Гай-до прилетите на помощь.

— Гай-до сам может прилететь на помощь. Он не глупее нас, — сказал Аркаша.

— Но ведь так положено! — сказал Пашка.

— Летать на незнакомые планеты без взрослых тоже не положено, — сказал упрямо Аркаша, — а мы здесь. Но если хочешь, оставайся.

— Мне нельзя.

— Почему?

— Потому что я командир корабля и начальник экспедиции.

— А кто тебя назначил?

— Но вы же согласились!

— Он шутит, — сказала Алиса.

Пашка понял, что друзей не переспорить. Придется идти втроем.

Пока Алиса одевалась, Аркаша спустился в трюм, чтобы заглянуть в холодильник, не задохнулся ли серый мяч.

Он открыл холодильник и сказал спокойно, словно увидел муху:

— А мяча нет.

— Как так нет? — удивился Пашка. — Он не мог выйти. Корабль был заперт. Значит, он прячется где-то внутри.

— Его нет во мне, — сказал Гай-до. — Я бы почувствовал.

— Значит, пока мы вчера ночью гуляли... — сказала Алиса.

— Так! — сказал Пашка голосом полководца, которого в решающем бою подвели любимые генералы. — Значит, пока я спал, вы гуляли по планете. Значит, Гай-до разрешил вам гулять, а в это время любой мог зайти в корабль. Так получается?

Все чувствовали себя виноватыми и не нашли, что ответить. Они глядели на разъяренного капитана, через плечо которого висел моток троса, в руке был альпеншток, глаза сверкали, волосы выбивались из-под шлема, из-за спины торчали раструбы ракетного ранца. Пашка был ужасен.

— Ну и что? — вдруг сказала Алиса. — Мы сами хотели отпустить его к семье. А он предпочел посидеть в холодильнике.

— Значит, были основания, — сказал Пашка. — Никто без оснований не запирался бы в холодильник.

— У него были основания, — как эхо повторил Гай-до. — Я виноват. Я не заметил, как он ускользнул.

Пашка оглядел экспедицию. Он уже забыл о своем гневе.

— Пошли скорей, — сказал он. — Пока нас не выследили.

Они вышли из-под тени навеса. Корабль тускло поблескивал в полутьме. Было светлее, чем вчера, потому что по небу катились сразу три солнца, но свет от них был неверным и зловещим.

Надо было подняться на скалы на той стороне ущелья, потом пройти через лес камней, спуститься к небольшому горячему озеру, из которого раз в минуту поднимался стометровый гейзер, за ним начинался колючий, без листьев, кустарник, в котором можно было немного передохнуть. От кустарника шел пологий спуск к следующему ущелью, где таилась база странников. Путешественники рассчитывали выйти к ущелью выше базы и спуститься к ней по ручью.

На скалы они взлетели, включив ракетные ранцы. С их помощью можно прыгать метров на пятьдесят. Ребята умели пользоваться ранцами: в туристском походе так перебираются через реки и болота.

Прыгая, они не забывали об осторожности. Если их ищут, прыгающую или летающую фигуру легче засечь.

Поэтому они только помогали себе ранцами на подъемах, а когда выбрались наверх и начали спускаться к красневшему впереди озеру, то разошлись подальше друг от друга и открытые места перебегали как можно незаметнее.

— Эй, — закричал Пашка, — глядите!

У берега озера в рядок, будто выброшенные волнами, замерли несколько серых мячей. Три побольше, другие маленькие, с теннисный мяч.

— А может, наш тоже среди них? — сказал Аркаша. — Нашел все-таки семью?

Они повернули к мячам и прибавили шагу.

При виде людей мячи осторожно двинулись к воде.

— Простите! — крикнула Алиса. — Вы не были на нашем корабле?

Мячи заверещали тонкими голосами и попрыгали в воду.

— Нет, — сказал Пашка, останавливаясь, — это другие, нашему зачем убегать?

Посреди озера возник пузырь, вода вспучивалась, поднималась, и вдруг ее прорвало — громадный фонтан, подсвеченный оранжевым небом, взметнулся к зеленым облакам.

В то же мгновение из озера выскочило множество серых мячей. Они быстро заскользили по воде к дальнему берегу.

— Они нас боятся, — сказала Алиса.

— Надо им объяснить, что мы не будем на них нападать, — сказал Пашка. — Давайте я сяду на землю, они увидят, что я безвредный, и подойдут поближе.

— Братишка, — послышался в наушниках голос Гай-до, — напоминаю: времени у вас в обрез.

— Пошли, — сказал Аркаша, — с мячами мы еще успеем поговорить.

За озером началась каменистая долина. Она была усеяна большими глыбами. Пришлось снова включить ранцевые ракеты, чтобы не поломать ног. Только через полчаса они добрались до кустарника. Но кустарник оказался непригодным для отдыха. Кусты были покрыты острыми длинными колючками, словно ощетинились, чтобы не пустить никого внутрь.

Небольшой серый мяч выскочил из камней, помчался к кустам, и те раздвинулись, пропуская его.

— Типичный случай симбиоза, — сказал Аркаша. — Наверное, мячи скрываются там от крупных хищников.

— А здесь есть крупные хищники?

— Возможно, — сказал Аркаша.

— Гай-до, — спросила Алиса, — тут есть крупные хищники?

— Не знаю, — ответил Гай-до. — И попрошу не занимать связь пустыми разговорами. Чем больше мы разговариваем, тем скорее нас засекут.

Дальше они шли молча.

Закапал дождь. Пашка сказал, что проголодался, но Алиса, которая несла рюкзак с бутербродами, велела ему потерпеть до ущелья.

Спуск в ущелье был крутой, и потому они решили прыгнуть туда с помощью ранцев.

Они летали над ущельем, словно легкие, сухие листья, выбирая место на дне, свободное от камней.

От ручья, возле которого они приземлились, поднимался пар. Зарево над скалами стало ближе и ярче. Слышно было, как рокотал вулкан. Глухо журчал ручей.

Казалось, что из-за скалы следят злые глаза.

Ощущение было неприятным. Алисе захотелось вызвать Гай-до, чтобы услышать голос друга. Но Пашка опередил ее.

— Гай-до, — сказал он, — проверка. Как самочувствие?

— Ничего подозрительного, — отозвался корабль. — Отдыхайте.

Идти не хотелось. Устали ноги, а от здешнего воздуха, мертвого и скудного, у Алисы разболелась голова.

Ущелье было еще более мрачным, чем первое. Скалы сходились над головой, закрывая свет, пар, поднимаясь над водой, белыми клочьями метался по ущелью. И ни одной живой души.

Перекусив, они пошли вниз по ручью. Приходилось карабкаться через громадные глыбы, свалившиеся сверху, а то и ступать в горячий ручей. Ранцами не воспользуешься: ущелье было таким тесным, что от любого прыжка тебя бросало на каменную стену.

— Отдохнем? — спросил Пашка тоскливым голосом.

— Нет, — сказал Аркаша. — Осталось немного.

— Я не о себе, — сказал Пашка. — Алиска устала.

Алиса и в самом деле устала, но, конечно, ответила:

— Ты ошибаешься.

Следующие минуты слились у Алисы в странную череду

прыжков, шагов, переползаний, снова прыжков. Она старалась не смотреть далеко вперед. Вот перед ней камень, сейчас мы на него вскарабкаемся. А вот трещина, надо перепрыгнуть. А что дальше? Дальше надо лезть в ручей... И так шаг за шагом.

Стены ущелья неожиданно разошлись. Перед ними был цирк, окруженный отвесными скалами. Алиса услышала голос Гай-до:

— Вы на месте.

Ноги Алисы подкосились, она села на плоский камень и подумала, что никогда уж не поднимется.

Аркаша опустился рядом.

— Думал, не дойду, — признался он.

Пашка тоже хотел было сесть, но взял себя в руки.

— Гай-до, — спросил он, — куда дальше?

— Перед вами, — сказал корабль, — две высокие желтые скалы, похожие на обломки толстых колонн. Видите?

Желтые колонны поднимались над цирком, замыкая его.

— Справа от этих колонн темнеет провал. Видите?

— Вижу, — сказал Пашка и пошел туда.

— Подожди, — сказала Алиса слабым голосом.

— Я только посмотрю, — сказал Пашка упрямо.

Алиса бессильно посмотрела ему вслед.

Пашка на ходу включил фонарь, и яркий круг света ударился в скалу, отчего она вдруг засверкала множеством искр. Круг света сместился правее и исчез в темном провале. Алисе показалось, что внутри провала что-то блеснуло.

— Есть! — услышала она крик Пашки.

И тут оглушительно завизжала сирена. Так, что Алиса заткнула уши.

Но это почти не помогло.

— Бегите! — крикнул Гай-до, перекрывая шум. — На меня напали!

Из-за темных камней, из-за желтых колонн, из-за скал выскочило множество темных фигур, и со всех сторон они кинулись на ребят. Алиса успела увидеть, как падает окруженный этими существами Аркаша, как пытается скрыться в расщелине Пашка. Она отбивалась, но кто-то больно ударил ее по голове, и она потеряла сознание.

ПАЛАТА В ЦВЕТОЧКАХ

Очнулась Алиса от странного ощущения, словно она лежит на лужайке, светит солнце, стрекочут кузнечики... ей хорошо и приятно. Она открыла глаза...

Прямо в глаза ей светила яркая лампа. Алиса зажмурилась и отвернулась.

Она была в большой узкой длинной комнате.

Стены без окон были покрашены в светло-зеленый цвет, и на них нарисованы очень яркие пышные цветы.

В комнате стояло два ряда кроватей, головами к стене, ногами к проходу.

Алиса лежала на крайней кровати. Простыня была свежей и мягкой, одеяло легким и пушистым. Откуда-то доносилась нежная музыка. Это было очень странно, ведь перед этим Алиса запомнила темный красноватый густой воздух ущелья, черные скалы и желтые скалы, провал подземелья, пар, поднимающийся над ручьем, и темные стремительные фигуры.

Если после такого нападения ты остался жив, то, наверное, должен очнуться в тюрьме, в тесной, сырой камере, в мрачном подвале, где бегают крысы и тараканы... Как странно!

Алиса села на постели: что с остальными?

И тут же успокоилась.

На соседней кровати мирно спал Аркаша Сапожков, а дальше, через пустую кровать, — Пашка Гераскин. Правда, у Пашки был синяк под глазом, но это, как вы понимаете, далеко не первый и, уж конечно, не последний Пашкин синяк.

Напротив Алисы, по ту сторону прохода, была занята еще одна кровать. На ней лежал, закрыв глаза, знакомый ей человек. Очень знакомый... Кто?

Конечно же, Тадеуш Сокол, бледный, нос заострился, глаза запали!

Взгляд Алисы упал на ее рукав, и она поняла, что одета в пижаму: легкую, фланелевую, в голубых незабудках.

Алиса спустила ноги с постели. Ноги сразу попали в пушистые мягкие тапочки. Она тихо подошла к Аркаше, потому что в сложных ситуациях Аркаша куда надежнее.

— Аркаша, — позвала она, наклонившись к его уху, — проснись.

Аркаша открыл глаза, словно и не спал. И не произнес ни

звука. Его взгляд обежал палату и остановился на Алисином лице, но Аркаша словно ее и не видел. Взор его был отсутствующим. Он думал.

— Странно, — сказал он. — А кто тот мужчина?

Алиса вспомнила, что Аркаша раньше не видел Тадеуша.

— Это тот самый Тадеуш, — прошептала она, — из-за которого Ирия бросила нашего Гай-до.

— Он должен быть во Вроцлаве.

— А где мы?

— Не знаю. Пошли посмотрим?

Аркаша вылез из-под простыни. Он тоже был в пижаме. Только его пижама была расшита голубыми колокольчиками.

Они подошли к белой двери в конце комнаты.

Дверь легко открылась. Они оказались в светлом широком коридоре.

Коридор был пуст. Тихо играла музыка.

Дверь с другой стороны коридора отворилась, и навстречу им поспешила медсестра в голубом платье, высокой белой наколке и белом фартучке, обшитом кружевами. Сестра ласково улыбалась.

— Вы куда, дети? — спросила она издали. — Ночные горшочки у вас под кроватками.

Сестра говорила со странным текучим акцентом, словно припевала.

Улыбка тоже была странная. Словно наклеенная. И когда сестра подошла поближе, Алиса сообразила, что она в маске.

В гладкой улыбающейся розовой маске, обтягивающей все лицо. В маске были прорезаны аккуратные отверстия для глаз. И глаза, что смотрели сквозь искусственную улыбку, показались Алисе печальными и настороженными.

— Где мы? — спросил Аркаша медсестру.

— Вы у друзей, мои любимые, — пропела женщина. — А теперь, пожалуйста, возвращайтесь к себе в комнатку, там вы найдете умывальничек и ночные горшочки, на каждого приготовлена зубная щеточка и кусочек мыльца. Вы же не хотите бегать по улице в пижамках, чтобы над вами все смеялись?

— Кто вы такая? — спросил Аркаша.

— Потом вам принесут завтрак. — Медсестра обняла ребят мягкими теплыми руками в тонких белых перчатках и повела, подталкивая, обратно. — А после завтрака придет доктор. Он

очень добрый. Он вас допросит. Ну, будьте хорошенькие, будьте ласковые.

Медсестра мягко, но решительно толкнула их в комнату, и дверь закрылась.

Пашка еще спал, но Тадеуш проснулся и сразу узнал Алису.

— Доброе утро, — сказал он. — Не думал, что нам придется так скоро встретиться.

ИРИЯ ГАЙ ИЩЕТ МУЖА

В субботу после возвращения из Москвы Тадеуш собрался на рыбалку. На рассвете он погрузил во флаер удочки и палатку. Сказал, что вернется в воскресенье к обеду.

У Тадеуша было любимое место — в лесистом ущелье Карпат, у небольшой быстрой речки.

Поздно вечером в субботу он связался с Ирией, пожелал ей и дочке спокойной ночи, сказал, что очень доволен рыбалкой, к тому же набрал грибов. Только пожаловался, что кусаются комары.

К часу дня в воскресенье прилетела из Гданьска полюбоваться внучкой мама Тадеуша. Ирия еще не волновалась. Она знала, что рыболовы — народ увлекающийся, и, конечно же, Тадеуш забыл обо всем на свете. Ничего, проголодается — прилетит.

Ирия решила, что угостит Тадеуша и его мать печеным гусем с яблоками. Когда гуся уже пора было ставить в духовку, Ирия поглядела на часы и ахнула: скоро два часа!

Ирия вытерла руки и побежала в комнату, чтобы вызвать мужа.

Рация не отвечала. Удивительно: ведь рация вмонтирована в браслет для часов Тадеуша. Может, он отправился купаться и снял часы?

Через пятнадцать минут, когда гусь уже был в духовке, Ирия снова вызвала Тадеуша. И снова никакого ответа.

Ирия не хотела пугать свекровь и сказала, что ей срочно нужно лететь во Вроцлав, потому что она забыла положить в гуся особенную редкую пряность. А сама полетела прямиком в Карпаты.

То место, где рыбачил Тадеуш, она нашла без труда. Ведь она не раз там бывала с мужем.

Снижаясь, она разглядела оранжевую палатку Тадеуша. Возле нее флаер.

Ирия опустила свою машину рядом с палаткой.

— Тадеуш! — позвала она.

Никто не ответил. Только шумела говорливая речка и тихо жужжали пчелы.

Ирия выбежала к берегу. На траве у воды валялись удочки. Рядом стояло ведро, в котором крутилась форель. Речка была неглубокой, прозрачной — из воды высовывались обкатанные камни. Утонуть в ней было трудно.

Ирия кинулась в палатку.

Палатка была пуста. Спальный мешок смят и отброшен к стенке, рюкзак раскрыт, и вещи выброшены из него на пол.

И тут Ирия увидела на полу засохший грязный след чужого башмака. Чужие следы были и вокруг палатки. Ночью прошел дождь, но к середине дня земля подсохла, и следы остались.

Ирия принялась звать Тадеуша. Она кричала так, что сорвала голос. Никто не откликался.

«Спокойно, — сказала себе Ирия. — Возьми себя в руки».

Она сосчитала до двадцати, глубоко вздохнула и начала тщательные поиски Тадеуша. Сначала она осмотрела поляну у реки. Следы рассказали ей, что ночью прилетел незнакомый флаер, который опустился за деревьями. Три человека в башмаках с магнитными подковками, какие носят космонавты, подошли к палатке Тадеуша. Тот, видно, спал и сначала не сопротивлялся.

Нападавшие вытащили Тадеуша из палатки, скрутили его и привязали к толстому дубу — Ирия нашла царапины на коре, что оставила веревка. После этого Тадеуша, видно, допрашивали — вся земля вокруг дерева была истоптана. Не добившись от Тадеуша того, что хотели, те люди затащили его к себе во флаер. Потом один из них вернулся на поляну и постарался замести следы. Он хотел сделать так, чтобы те, кто будет искать Тадеуша, подумали, что он утонул. Но Ирию тот человек не обманул. Ведь она с детства умела читать следы и была замечательной охотницей.

«Если все случилось именно так, — размышляла Ирия, оглядывая поляну, — Тадеуш постарался бы оставить мне знак. Он же знал, что я буду его искать. Но где? Какой?»

Ирия еще раз обошла дерево, к которому привязывали Тадеуша. На земле у самого ствола между корней она увидела несколько кривых линий, которые Тадеуш начертил носком башмака. Пять палочек, потом еще четыре. Зачем ему надо было это писать? Пять, четыре... пять, четыре... Почему эти цифры ей знакомы?

Стой! А как называлась планета, на которой они познакомились?

Планета Пять-четыре!

Неужели Тадеуш имел в виду ту планету? В тот момент, когда его связали, допрашивали, хотели куда-то увезти, он вспомнил о далекой планете.

И тут Ирия подумала, что на планете Пять-четыре на Тадеуша тоже напали — ведь она нашла его чуть живого. С планетой была связана тайна, которую они так и не разгадали.

Что еще можно вспомнить? Конечно же! Когда она улетала оттуда, кораблик Гай-до что-то сказал... что-то важное. А она не обратила внимания. Он говорил о базе странников! Сказал, что видит вход в нее...

Нельзя было терять ни минуты.

Ирия быстро собрала палатку и вещи Тадеуша, сложила все в свой флаер, а флаер Тадеуша заперла, чтобы в него случайно не забрался медведь. Потом полетела домой. По дороге домой Ирия остановилась во Вроцлаве и с почтамта провидеофонила в Сахару. Ей хотелось узнать, где сейчас Гай-до и дети, что подобрали его на свалке.

Дежурная по имени Джамиля ответила, что московские дети починили кораблик и улетели на нем к себе, потому что хотят участвовать в гонках. А что-нибудь случилось?

— Нет, — ответила Ирия. — Ничего не случилось. Я просто хотела поговорить с девочкой по имени Алиса. Где ее найти?

— Одну минутку, — сказала Джамиля. — Они оставили мне свои адреса. Записывайте.

Ирия поблагодарила Джамилю и тут же позвонила Алисе домой. К видеофону подошел высокий, чуть сутулый человек средних лет, который оказался Алисиным отцом. Он удивился, увидев, что Алису разыскивает очень красивая женщина с длинными золотыми волосами. Женщина была взволнована. Она сказала, что ее зовут Ирия Гай и что ей надо взглянуть на корабль Гай-до. Где можно найти Алису и Гай-до?

— Точно не отвечу, — сказал отец, профессор Селезнев. —

Дело в том, что они полетели на Гавайи, на фестиваль народных танцев. Но, зная характер Алисы и ее друга Паши Гераскина, я полагаю, что они могут сейчас носиться по всей Солнечной системе, испытывая свой корабль.

Ирия позвонила на Гавайи, в штаб фестиваля. Там ей сказали, что на фестиваль прилетели шестьдесят тысяч гостей и из них по крайней мере двести на своих космических катерах.

На аэродроме в Гонолулу ответили, что корабль Гай-до там не зарегистрирован. Тогда Ирия поняла, что Алису ей быстро не найти, и полетела домой.

Дома Ирия прошла в кабинет Тадеуша, открыла шкаф, в котором хранилось экспедиционное снаряжение, и стала выбирать, что ей может пригодиться.

Собираясь в дорогу, Ирия продолжала размышлять.

Куда лететь? Что делать дальше?

Ключ к разгадке, вернее всего, на дикой планете Пять-четыре. У базы странников. Очевидно, кто-то ищет эту базу. Или даже нашел ее. И очень боится, что ее отыщет кто-то другой. Допустим, рассуждала Ирия, что враги заподозрили, что Тадеуш тоже ищет их драгоценную базу, и решили его убить. Ирия с Гай-до спасли Тадеуша. Но подозрения не оставили врагов. И они выследили Гай-до. И вот они видят, что Гай-до летит к Земле. Зачем он летит? Отыскал базу и спешит сообщить о ней? Тогда нападают на Гай-до. Гай-до оказался на свалке, и там его увидели дети из Москвы. Если у врагов есть шпион, он узнает, что Алиса летала в Польшу и встретилась там с Тадеушем! Значит, Тадеуш жив! Тогда враги всполошились. Еще больше их обеспокоило, что Тадеуш отправляется в Москву, приходит к Гай-до и сразу после этого корабль куда-то улетает. Тогда их агенты выслеживают Тадеуша и увозят его с собой. Конечно, можно обратиться в милицию, но, вернее всего, враги уже далеко. Пока будешь все объяснять, их и след простынет. Ирия должна действовать сама.

Когда готовая к полету Ирия вышла на веранду, мать Тадеуша не сразу ее узнала. И понятно почему. Мама Тадеуша знала, что ее сын женился на нежной и скромной женщине с длинными золотыми волосами, которая обожает готовить, ненавидит приключения и рада бы никогда не покидать своего сада. А кого она увидела?

Перед ней стояла настоящая амазонка: коротко подстриженная, в походном комбинезоне, сузившиеся сиреневые глаза холодны и суровы, твердый подбородок упрямо торчит вперед. Движения ее решительны и экономны. Она готова сейчас взойти на Эверест, выйти на боксерский ринг, вызвать на дуэль самого отчаянного пирата галактики.

Никто, даже Тадеуш, не узнал бы в этом решительном воине свою нежную жену. Хотя был, конечно, один человек, или почти человек, который сразу бы узнал Ирию и даже обрадовался этому. Узнал бы ее Гай-до. Именно такой воспитывал свою дочь конструктор Гай. Именно такая девушка в одиночку улетала в опасные экспедиции.

— Да, — сказала Ирия, увидев себя в зеркале, — никогда не думала, что вернусь к своему прошлому.

Ирия поцеловала дочку, спрыгнула с веранды и уселась во флаер, который словно почувствовал, что с Ирией шутки плохи, и вертикально взмыл в небо, распугав голубей и синиц. Со свистом ввинчиваясь в теплый летний воздух, он понесся к космодрому.

ВЕЧНЫЙ ЮНОША

— Здравствуйте, Тадеуш, — сказал Аркаша. — Может, вы нам объясните, что за детский сад вокруг? Что за пижамки, ночные горшочки, цветочки и нянечки? Вроде мы вышли уже из этого возраста?

— Мы с вами, ребята, — сказал Тадеуш, — попали в подполье всеобщего счастья. И очень грустно.

— Мы не на Земле? — спросила Алиса.

— Мы на планете Пять-четыре, — сказал Тадеуш. — Я здесь такой же пленник, как и вы, но неподалеку, за этими стенами, сидит и размышляет о благе всей Вселенной самый добрый, самый красивый и нежный Вечный юноша. В его присутствии расцветают улыбки и все умирают от радости...

— Да говорите вы серьезно! — прервал его Аркаша.

— Я совершенно серьезен. Я уже прошел через несколько допросов без нанесения ущерба для моего драгоценного тела.

Тадеуш за те дни, что Алиса его не видела, вдвое похудел, страшно осунулся, лицо у него было серое, глаза потускнели. Может, он сошел с ума?

— Только не думайте, что я сошел с ума, ребята, — сказал

Тадеуш. — Я сильно огорчен тем, что они схватили и вас. Вас будут допрашивать. Умоляю, рассказывайте все, что знаете, и даже больше того, что знаете. Иначе они будут вас мучить.

В этот момент дверь открылась и вошла медсестра, за ней доктор в улыбающейся маске.

— Кто первый на процедуры? — спросил он. — Смелее, детки.

— Я запрещаю вам трогать детей! — сказал Тадеуш, шагнув навстречу доктору. — Они ничего не знают.

— На место, — сказал доктор Тадеушу, — ты еще не выздоровел, тебе надо отдохнуть.

Доктор поднял руку с зажатой в ней металлической трубочкой.

Тадеуш непроизвольно поднял руку, закрываясь от трубочки — видно, он знал о ней. Алиса испугалась за Тадеуша и сразу подбежала к доктору.

— Я готова! — крикнула она. — Я хочу на процедуры.

— Вот и хорошо. — Доктор прижал к боку голову Алисы и погладил ее. — Всегда лучше разговаривать с девочками. Они такие нежненькие, добренькие, они все расскажут. Идем.

— Что такое? — услышала Алиса сонный голос Пашки. — Какие еще процедуры?

— Нет! — сказал Тадеуш. — Я этого не допущу!

— Назад! — Доктор сильнее сжал трубку в кулаке, тонкий голубой луч дотянулся до Тадеуша, отчего тот скорчился от боли и упал на пол.

Тут же доктор сильно дернул Алису за руку, так что она вместе с ним оказалась в коридоре, и дверь захлопнулась.

— Что вы сделали? — Алиса попыталась укусить доктора за руку, но тот больно сжал ее лицо пальцами.

— Ах, какие мы невыдержанные! — с упреком сказал он. — Ничего с твоим Тадеушем не случится. Мы его, упрямца, раз сто этим кнутиком стегали.

Он отпустил Алису. Спросил:

— Хочешь попробовать, как стегает? Но это больно.

— Не хочу.

— Молодец. Соображаешь. Еще вопросы будут?

— Снимите маску!

— Это не маска, — сказал доктор. — Это мое истинное лицо. — Он потащил Алису за руку по коридору, продолжая говорить: — Мое внутреннее лицо, что под маской, может ошибаться, может поддаваться минутным сомнениям и неправильным мыслям. Мое внешнее, настоящее лицо никогда не грустит и не сомневается. Оно знает, что я счастлив. И все мы счастливы.

— Куда вы меня ведете? — спросила Алиса.

— Доставить тебе счастье встречи с Вечным юношей.

— Но я не хочу такого счастья!

— А тебя и не спрашивают. Счастье — это подарок. Подарки берут и радуются.

Говоря, доктор тащил Алису по коридорам. Они казались бесконечными. Пересекались, раздваивались, изгибались. По обеим сторонам шли одинаковые двери. Но людей не было. Словно Алиса с доктором спешили по громадному ночному учреждению, откуда все служащие ушли, а свет за собой выключить забыли.

За очередным поворотом открылся большой низкий зал. В зале стояло множество кадок с фикусами и финиковыми пальмами, стены изображали картины природы — леса, зеленые долины и голубые речки. А с потолка свисали клетки с поющими птицами.

Под каждой клеткой стоял человек в улыбающейся маске и, если птица замолкала, тыкал в клетку острой палкой.

В дальнем конце зала была небольшая дверь с изображением на ней улыбающегося солнца. Перед дверью замерли два улыбающихся стражника с автоматами в руках.

При виде Алисы и доктора погонщики птиц принялись быстрее колотить по клеткам, громче запели птицы, громче заиграла музыка, стражники распахнули дверь, и доктор втолкнул Алису внутрь. Дверь закрылась, и Алиса осталась одна.

Она стояла посреди небольшой уютной комнаты. Звуки из зала сюда не доносились. Только мирно потрескивали дрова в камине. На стенах были нарисованы окна. Окна были широкими, небо за ними голубым, листва зеленой.

Стены были оклеены голубыми обоями с белыми нарциссами на них. На столе стоял букет бумажных нарциссов.

В комнату быстро вошел человек небольшого роста в золотой короне и улыбающейся маске. Длинная тога была расшита жемчугом.

— Прости, Алисочка, — сказал человек, — что я заставил те-

бя ждать. Ты не представляешь — тысяча дел. С утра вскакиваешь и крутишься как белка в колесе. Тебе сока или молока?

— Молока, — сказала Алиса. — А вы кто такой?

— Я император Сидон Третий. Обычно меня называют Вечным юношей. Я очень давно живу на свете — лет шестьсот тридцать шесть. И совершенно не старею.

Император открыл холодильник, что стоял рядом с пианино, достал оттуда бутыль с молоком, налил в стакан и поставил на стол.

— Ты садись, — сказал он. — Будь как дома.

— А почему на нас напали? — спросила Алиса.

Она села и отхлебнула молока. Молоко было хорошее, свежее.

— Не бойся, не синтетическое, — сказал император. — Я всегда вожу с собой двух коров. Куда бы ни летел. Но корова в космосе — роскошь. Так что молоко здесь на вес золота. Угощая тебя, я граблю себя. Но ты пей, пей...

— Спасибо, — сказала Алиса, которой сразу расхотелось пить такое драгоценное молоко.

— Нет, ты пей, — сказал Вечный юноша. — Ты ведь не думаешь, что я за тобой допивать буду? Мало ли какие в тебе микробы?

— А вы мне не сказали, — повторила Алиса, — почему на нас напали?

— Ты хорошо устроилась? — спросил император. — Пижамка тебе понравилась? Мне кажется, что она тебе очень к лицу. Я сам выбирал. Думал, проснется Алисочка, а на ней новая пижамочка.

— Ну почему вы мне не отвечаете? — воскликнула Алиса.

— А что, давай дружить? Ты права. Давай дружить!

— Почему вы мне не отвечаете?! — совсем громко закричала Алиса.

— Ты думаешь, что если я кажусь старше тебя, — продолжал диктатор как ни в чем не бывало, — то со мной дружить не интересно? Это не так. Я знаю много игр.

— Вот сейчас разобью этот стакан, — сказала Алиса, — что вы тогда будете делать?

— Ты, кажется, любишь нарциссы? — сказал император. — Я тоже их обожаю. Вот один пункт сходства между нами. А потом мы с тобой найдем другие. И общих знакомых тоже.

Алиса подняла стакан и замахнулась. Несколько капель молока брызнуло на ковер.

— А вот если ты это сделаешь, — сказал император скучным голосом, — ты об этом будешь жалеть до самого конца своей короткой жизни. Поставь стакан, дура!

Слова Вечного юноши были такими неожиданными, что Алиса растерялась и поставила стакан на столик.

— К сожалению, — вздохнул император, — первый подход к тебе не удался. Попробуем другую тактику. Откровенность. Хочешь, я буду разговаривать с тобой как со взрослой?

— А как же иначе?

— Тогда послушай. И не только послушай, а постарайся понять. Я правлю одной планетой. Название ее тебе ничего не скажет. Планета моя — самое счастливое место во Вселенной. Так как я правлю ею уже довольно давно — примерно шестьсот два года и три месяца, то у меня громадный административный опыт. Но для счастья нужно изобилие, а мы небогаты. У нас плохо с топливом.

Вечный юноша закручинился. Сел за пианино, сыграл гамму, захлопнул крышку.

— Плохо, — сказал он. — Некогда тренироваться. Тебе скучно? Потерпи. Я скоро кончу. Несколько лет назад мы узнали, что на этой планете есть база странников с нетронутыми запасами топлива. Что я делаю как отец моей планеты? Я созываю добровольцев, мы прилетаем сюда и начинаем искать базу ради счастья наших детей. Нам трудно вдали от родных, от родины. Но мы улыбаемся! Улыбаемся!.. И тут появляются злые люди, которые хотят нас ограбить! — Император ткнул пальцем в Алису. — И ты обманутая игрушка в их грязных руках!

Маска Вечного юноши безмятежно улыбалась. От этого было страшно.

Дрогнувшим голосом Алиса спросила:

— Вы кого имеете в виду?

— Ты отлично знаешь. Грабителей. Кладоискателей. Одного нам удалось схватить, и он не уйдет от наказания. Его зовут Тадеуш. Второй — тот, кто привез сюда вас, детей, — еще скрывается. Но мы его поймаем... С твоей помощью, девочка.

— Кого вы поймаете? — Алиса в самом деле ничего не понимала.

— Того, кто командовал вами. Его имя — Гай-до!

И тут Алиса все поняла. Вечный юноша думает, что Гай-до — это человек. Но так думал и серый мяч! Значит, серый мяч — шпион императора! Тогда все становится ясно.

Словно издалека до нее доносился голос Вечного юноши:

— У нас есть только одно страшное преступление — это ложь! Мы все так правдивы, что страдаем, если слышим ложь. Скажи правду: где Гай-до?

— А где он? — удивилась Алиса.

— На борту корабля вас было четверо: Алиса, Аркаша, Паша и Гай-до. Когда вы вышли из корабля, Гай-до остался на борту, и вы поддерживали с ним связь. Но на корабле мы не нашли Гай-до. Он успел скрыться. Куда?

— Как я могу знать! Я же была здесь!

— Ну, девочка, смелее! Это испытание на честность. Если ты не выдержишь его, я обижусь.

— Простите меня, — сказала тогда Алиса, — может, я очень глупая, но зачем вам Гай-до?

— Как зачем? — удивился диктатор. — Вы же злодеи! Вы же космические пираты! Вы хотите ограбить мой добрый, честный народ! Разве мы можем быть спокойны, если один из вас, негодяев, останется на свободе?

— Значит, вы его боитесь?

— Нет, жалеем, — возразил император. — Подумай, ты сейчас пьешь молоко, тебе тепло, ты в хорошенькой новой пижамке, а он, бедный, мерзнет среди скал, он плачет, ему плохо! Помоги ему вернуться к людям и почувствовать нашу добрую руку.

...Видно, чтобы Алиса тоже могла почувствовать добрую руку, Вечный юноша схватил ее за плечо и так вцепился когтями, что она чуть не закричала от боли.

— Правду, — зашипел император. — Я требую правды!

— Честное слово, на борту было только три человека!

— Четыре!

— Три!

— Врешь! — Император подбежал к двери, приоткрыл ее и закричал: — Дикодима ко мне!

Через несколько секунд, будто ждал сигнала под дверью, в комнату вошел стражник. В его руке покачивалась сетка, в ней был серый мяч.

— Дикодим, — спросил император, — ты знаешь эту девочку?

— Знаю, — пропищал шар. — Ее зовут Алиса Селезнева.

— Ты летел с ней с Земли?

— Да, я летел с ними.

— Сколько было их на борту?

— Четверо: трое детей и взрослый, которого я ни разу не видел, хотя он все время разговаривал с ними.

— И его звали...

— Его звали Гай-до. Но я его ни разу не видел.

— Как вам не стыдно! — сказала Алиса мячу. — Мы же вас пожалели.

— А что я мог поделать? — ответил мяч. — Моя семья в заложниках у его величества.

— Ну и нравы у вас! — обернулась Алиса к императору. — Мне за вас стыдно.

— Я все делаю ради народа, — ответил Вечный юноша.

— Простите, великий император, — пропищал мяч, — а где моя семья? Почему нас еще не отпустили? Я все сделал, как мне велели.

— Нет, голубчик, — сказал император, — ты нам еще пригодишься.

— Но вы же дали слово!

— Я его дал — я его взял обратно.

— Это нечестно!

— Честно, честно! Я самый честный на свете император. А у тебя, дружок, слишком длинный язык. Если я выпущу тебя, ты кому-нибудь расскажешь лишнее. А у меня ответственность перед моим славным народом. Я не могу его подвести в решающий момент, когда мы начинаем перевозить добро с базы странников на наш корабль.

— Я вас ненавижу! — запищал мяч. — Вы меня обманули!

— Вот это правда. Так я и думал, — сказал печально император, а его маска продолжала улыбаться. — Киньте неблагодарного в подземелье.

— А девочку? — спросил стражник.

— Эту плохую девочку? Придется ей тоже посидеть там, пока я буду беседовать с ее друзьями.

— Их привести? — спросил стражник.

— Погоди, сначала я проверю, как идут дела на базе.

Стражник подтолкнул Алису к двери. Но тут из динамика на

столе послышался голос на незнакомом языке. Голос возбужденно кричал.

Диктатор бросился к столу и принялся кричать в ответ.

НЕЛЬЗЯ БОЯТЬСЯ ПАУКОВ

Стражник, держа в руке сетку с мячом, подвел Алису к узкой лестнице, что вела вниз, и сильно толкнул в спину. Алиса покатилась по бесконечным скользким ступенькам. Вслед за ней полетел мяч.

Наверху захлопнулся люк.

Было совсем темно.

— Где мы? — спросила Алиса, сидя на каменном полу. Локти и колени страшно болели. Она их ушибла о ступеньки.

— Мы в подземелье, — ответил пискливо мяч Дикодим. — Отсюда еще никто не выходил живым.

— Выйдем, — сказала Алиса. — Не бойся.

— Я уже ничего не боюсь, — ответил мяч.

— А что они так кричали? — спросила Алиса. — Ты их язык понимаешь?

— Нет, — сказал мяч. — Но я видел, как Гай-до пробрался на твой корабль, хотя его охраняли. Он поднял корабль и улетел. Сейчас они за ним гонятся.

— Молодец Гай-до! — закричала Алиса. — Вот молодец.

— Они его все равно догонят и убьют.

— Это мы еще посмотрим, — сказала Алиса.

У нее сразу улучшилось настроение. «Вот дураки, — подумала она, — стерегли подходы к кораблю, стараясь поймать таинственного Гай-до, а настоящий Гай-до тем временем спокойно взлетел».

— Не расстраивайся, — стала утешать его Алиса. — Теперь Гай-до приведет к нам помощь.

— Не успеет, — пропищал мяч. — Я знаю: любого, кто попадает в это подземелье, пожирают пауки.

Алиса непроизвольно оглянулась. Темнота и тишина...

— Ничего, — сказала Алиса, но ее голос сорвался. Ей было очень страшно. — Они, наверное, опять обманывают. Они все время обманывают. Пугают.

— Хорошо бы, — сказал мяч. — Хотя мне уже все равно.

— Ты в самом деле шпион?

— Я гнусный шпион.

— Настоящие шпионы так не говорят о себе.

— Вечный юноша захватил всю мою семью — и жену, и всех детишек... И мне было сказано: отыщешь на Земле моих врагов, семья будет цела. Я сделал! Я выследил корабль, я выследил вас и даже выследил Тадеуша, его поймали и привезли сюда. Я все сделал. Ты думаешь, я делал это с радостью? Я это делал от страха и из любви к моим близким. Убей меня!

— Я тебя понимаю, — сказала Алиса, — хоть мне и очень неприятно думать, что все наши беды от тебя, Дикодим. Если ты делаешь подлые дела, даже из любви к своим родственникам, то подлые дела не становятся от этого менее подлыми. И потом будет наказание. Обязательно.

— Но он убил бы моих родных!

— А теперь?

— Теперь они уже мертвы...

— Вот видишь, — сказала Алиса.

Вдруг она услышала, как в темноте кто-то зашевелился.

— Пауки! — воскликнула она и вскочила. Она с детства боялась пауков.

— Вряд ли, — послышался из темноты низкий голос. — Это еще не пауки. Это только я.

В углу зажглась свечка и осветила старую женщину, которая сидела на куче тряпья. Она была в разорванном платье, седые волосы спутаны, глаза ввалились.

— Кто вы? — спросила Алиса. — Почему вы здесь, бабушка?

— Я здесь потому, что меня не существует, — загадочно ответила старуха. — А чем вы не угодили Вечному юноше?

— Я не угодил тем, что верно служил, — ответил мяч. — Потому что я поверил, что он выпустит на свободу меня и мою семью, если я стану подлецом и шпионом.

— И помогло? — спросила старуха.

— Нет, он обманул меня. Он смеялся надо мной.

— А тебя, девочка, за что?

— Я не знаю, — сказала Алиса.

— Не знаешь? А может, много знаешь? Вечный юноша не любит свидетелей.

— Он ненормальный? — спросила Алиса.

— Почему? Он совершенно нормальный негодяй.

— Он говорит, что все делает ради своего народа. Самого

счастливого народа в галактике, которым он правит уже шестьсот лет.

— Смешно, — сказала старуха. — Я его знаю куда меньше, лет сорок, и он всегда думал только о власти. А о народе он думал, только когда хотел его использовать.

— Он мне врал?

— Он ни разу в жизни не сказал правдивого слова.

— А как же народ его терпит?

— Народ можно обманывать. А Вечный юноша — мастер обмана. Он кричал, что мы счастливы, и мы верили ему. Он приказал всем ходить в улыбающихся масках, чтобы не видеть печальных лиц... Лучших людей убивали, торжествовали подлецы и грабители. Стало так плохо, что начали умирать от голода дети. Но нельзя всегда улыбаться и умирать от голода. И наконец наш народ поднялся и сверг Вечного, прекрасного, мудрого и счастливого юношу.

— Сверг? А о ком же он тогда заботится?

— О себе. Как всегда, только о себе... К несчастью, его не успели поймать. Он захватил флагманский корабль нашего флота, который называется «Всеобщее умиление», и вместе со своими приближенными примчался сюда.

— Зачем? — плаксиво взвыл серый мяч Дикодим. — Зачем именно сюда? Мы жили тихо, мы растили детей и купались в вулканических озерах. Зачем он прилетел сюда?

— Потому что он живет одной мечтой: добиться могущества, вернуться на нашу планету и жестоко отомстить тем, кто посмел его изгнать. С помощью вас, глупые дети, он нашел эту базу, теперь он грабит ее, теперь он готовится к победоносному возвращению домой. Чтобы казнить и расправиться с непокорными.

— Почему с нашей помощью? — удивилась Алиса. — Мы ему не помогали.

— Глупенькая! С той минуты, когда вы сели на планету, с вас не спускали глаз. И вы привели Вечного юношу к самому входу базы странников, которую он искал уже три года!

— Какой ужас! — ахнула Алиса.

— Бойся за себя и своих друзей. Может быть, вы нужны ему как заложники. А может, наоборот, не нужны как лишние свидетели. Я не знаю всех извилин его злодейского ума. И не так страшны пауки настоящие, как пауки в человеческом обличье,

потому что пауков, что таятся в этом подземелье, можно не бояться. И если их не бояться, они тебя не тронут. Они питаются страхом, спешат на запах страха. А Вечный юноша сам создает страх.

— А отсюда нет выхода? — спросила Алиса.

— А куда пойдешь? Надо ждать...

— Чего ждать?! — завизжал мяч.

— Смерти, свободы... все равно ничего не поделаешь. Ложитесь спать. Во сне люди ничего не боятся.

— Я не могу спать! — воскликнула Алиса. — Он там моих друзей сейчас допрашивает.

— Никого он не допрашивает, — лениво сказала старуха. — Сейчас он на склад побежал добычу считать.

— Это я виноват, — сказал мяч. — Но теперь я знаю, что сделаю. Если меня выпустят отсюда, я его сам убью!

— Попробуйте, — сказала старуха, прислушиваясь.

Из темноты послышалось шуршание.

Сначала Алиса увидела глаза. Круглые, желтые, немигающие. Они тускло светились.

— Только не бойтесь, — сказала старуха. — Они это чуют.

Что-то мягкое коснулось Алисиной ноги. Она еле удержалась, чтобы не вскрикнуть. Но это был всего лишь серый мяч.

Шуршание приближалось. Из темноты возникали пауки — с желтыми светящимися глазами, на длинных мохнатых членистых ногах, с могучими клешнями. Их было много, каждый ростом с собаку.

— Возьми меня на руки, — пропищал мяч, — я умру от страха.

— Зачем его спасать? — сказала старуха. — Он же предал тебя и твоих друзей. Отдай его паукам, и дело с концом.

— Так делать нельзя, — сказала Алиса. Она подхватила трепетавшего серого мяча. — Не бойся, они тебя не тронут.

Она боялась в тот момент, но не за себя, а за серого мяча. Ужас мяча почуяли и пауки. Они устремились к Алисе, тянули клешни к мячу, Алиса отвернулась от них и кинулась к стене, чтобы им не дотянуться до мяча.

Пауки касались ее спины, толкали, мешали друг дружке.

— Ну сделайте что-нибудь! — крикнула Алиса старухе. — Вы же знаете, что делать!

— Ничего не сделаешь, — ответила старуха. — Разве зло можно победить? Хочешь жить, отойди в сторону.

— Нас же сожрут поодиночке!

— Может, забудут...

Паукам надоело отталкивать Алису. Острые клешни все сильнее рвали пижаму, и, как ни отбивалась Алиса, ее оторвали от стены, отбросили и вырвали мяч из ее рук.

Тот пискнул и пропал в кошмарном месиве пауков.

Алиса пыталась расшвырять их, оттаскивала, но пауки были куда сильнее и не обращали на нее внимания.

А потом как по команде, толкаясь и спеша, бросились прочь и исчезли в темноте. Лишь занудное шуршание угасало в подземелье.

Алиса кинулась туда, где упал серый мяч. Но на полу было лишь мокрое пятно — все, что осталось от несчастного предателя.

— Заслуженная гибель, — сказала старуха.

— Он же спасал свою семью!

— Странная ты, Алиса, — сказала старуха. — Не плачь. Его уже не вернешь. Подумай, что он своей смертью спас тебя. Ты не испугалась, потому что защищала его. Была бы одна — испугалась бы. Тут бы тебе и конец.

Алиса поняла, что ноги не держат ее. Она села на пол и горько зарыдала.

ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

На рейсовом корабле «Линия» на маршруте Земля — Вестер произошло чрезвычайное событие, которое было отмечено в судовом журнале.

Когда корабль пролетал неподалеку от ненаселенной планетной системы, на капитанский мостик поднялась одна из пассажирок, которую звали Ирия Гай.

На эту странную женщину капитан обратил внимание еще на Земле. Она была одета как дальний разведчик, ни с кем не разговаривала и почти не выходила из каюты.

Поднявшись на мостик, Ирия Гай заявила, что хочет покинуть «Линию» и для этого ей нужен планетарный катер. Она вернет катер после высадки. Сообщить о причине такого желания она отказалась, и, разумеется, капитан отказался выполнить просьбу пассажирки.

Планетарные катера не предназначены для прогулок. Так он и сказал Ирии Гай.

Тогда, к удивлению капитана и вахтенного штурмана, Ирия Гай вынула боевой бластер и приказала капитану и штурману отойти к стене. Когда штурман попытался отнять у нее оружие, она умелым приемом джиу-джитсу бросила его на пол, а капитану нанесла такой удар в челюсть, что он оказался в нокауте.

Затем Ирия Гай набрала на пульте приказ подготовить планетарный катер к запуску, быстро и умело связала капитана и штурмана, а сама спокойно вышла к люку, залезла в катер и стартовала.

Когда через полчаса встревоженный молчанием капитана механик поднялся на мостик, он увидел, что капитан и штурман лежат связанные, с кляпами во рту. Он с трудом поверил, что с ними справилась одна молодая женщина.

«Линия» была рейсовым пассажирским кораблем, она не могла менять курс, чтобы догонять молодую женщину. Капитан связался с галактическим патрулем и сообщил о происшествии. Патруль сообщил, что пошлет крейсер с планеты Вестер и тот сможет прилететь через три дня.

Тем временем Ирия Гай старалась выжать из катера максимум скорости. Конечно, она чувствовала угрызения совести за то, что так жестоко обошлась с капитаном. Но мысль о судьбе Тадеуша Сокола беспокоила ее куда больше.

Через два часа после отлета с «Линии» Ирия увидела, что навстречу ей идет другой корабль.

Это было странно. С планеты Пять-четыре ее увидеть не могли. Значит, это враги?

Ирия включила передатчик.

— Отзовитесь, — сказала она. — Что за корабль, куда следует?

Корабль не отозвался и даже изменил курс, чтобы уйти от встречи.

«А вдруг это Тадеуш? — подумала она. — Вдруг он сумел угнать корабль врагов и теперь тоже опасается погони?»

Тогда она радировала:

— Говорит Ирия Гай. Держу курс на планету Пять-четыре. Вы меня слышите?

И тут она услышала знакомый голос:

— Госпожа! Какое счастье! Это я, Гай-до.

И неизвестный корабль устремился к Ирии Гай.

Через полчаса Ирия перешла на борт Гай-до, а планетарному катеру набрала программу на автоматический полет к Вестеру.

В знакомой рубке Ирия уселась в знакомое пилотское кресло. Как будто и не прошло двух лет со дня их последней встречи.

Гай-до был счастлив.

— Я мечтал увидеть тебя, госпожа! — повторял он. — Это такое счастье! Ты летела спасать Алису?

— Какую Алису? — удивилась Ирия. — Я лечу спасать Тадеуша.

— Опять? — сказал кораблик. — Но ведь ты его уже один раз спасла. Может, хватит? Неужели ему так понравилось, что ты его спасаешь, что он снова сюда полетел?

— Не говори глупостей, Гай-до, — сказала Ирия, — все не так просто, как ты думаешь. Тадеуша украли. Он успел оставить мне знак. Разве ты его не видел? А где Алиса?

— Нам надо обменяться информацией, — сказал Гай-до. — Сначала рассказывай ты, потом я.

И через десять минут все стало ясно.

— Как я и предполагала, — сказала Ирия, — неизвестные враги ищут базу странников. И стараются завладеть всеми, кто, по их мнению, что-то знает об этой базе.

— Наверное, ты права, — сказал Гай-до. — Но боюсь, что теперь они уже нашли эту базу. Ведь моих ребят они схватили возле нее. Их выдал один ничтожный серый шпион, которого они к нам заслали.

— Значит, мы их освободим, — сказала Ирия. — Курс к планете Пять-четыре.

— Я уже иду к ней, — ответил корабль. — Я не сомневался в твоем решении, госпожа. Воспитание твоего папы куда сильнее, чем полтора года жизни с Тадеушем. Я так и знал, что ты вернешься к старой жизни.

— Посмотрим, — сказала Ирия.

— А у тебя есть план действий?

— Проникнуть к ним, — сказала Ирия.

— Они тебя замучают.

— Пусть только попробуют!

— А я?

— Ты будешь ждать моих приказов.

— Слушаюсь, госпожа. Можно еще вопрос?

— Спрашивай.

— А если они уже убили Тадеуша, мы будем снова путешествовать вдвоем?

— Если ты еще раз скажешь такую глупость, безмозглый Гай-до, я больше не скажу тебе ни слова.

— Я молчу, — сказал Гай-до.

Ирия проверила оружие. Потом сказала, глядя, как на экране растет Пять-четыре:

— Я буду поддерживать с тобой связь. Если ты поймешь, что я попалась, улетай домой. Ты понял? Это приказ.

— Я должен немедленно улететь домой, — мрачно повторил Гай-до.

— Лети к ближайшей населенной планете и давай сигнал SOS. Ты понял?

— А что, ты думаешь, я делал, когда мы встретились? Я летел за помощью. Вот вернемся на Землю, попрошу Аркашу сделать мне колеса и руки. Мне надоело быть неподвижной железной банкой.

— Я не уверена, что у твоего Аркаши что-нибудь получится, — с непонятной ревностью заявила Ирия.

— Получится, он очень талантливый мальчик. Мы с Пашкой и Лукьянычем ему поможем.

— Не советую, — сказала Ирия. — Кстати, у тебя внутри все очень захламлено. Раньше у нас было чисто.

— Когда мои дети, — сказал гордо Гай-до, — уходили искать базу странников, они не собирались попадать в плен. Я виноват в том, что позволил им пойти на такой риск.

— Ты не виноват, ты только корабль, — сказала Ирия Гай. — Хотя иногда забываешься.

«Нет, — подумал с горечью Гай-до, — моя хозяйка уже никогда не станет прежней. Прошлое не вернуть. Я для нее теперь только корабль, только инструмент. Я должен ждать, я должен звать на помощь, я должен возить. И молчать».

— Помолчи, — сказала Ирия, — мне надо подумать.

«Я и так молчу», — хотел было ответить Гай-до, но не ответил.

Ирия смотрела на экран. Она рассуждала: сколько прошло

времени, а планета точно такая же, как была два года назад. Пройдет еще тысяча лет, и кто-то другой увидит ее впервые на экране, а она будет точно такой же. А два года назад Ирия была совсем другим человеком. Если бы ей тогда сказали, что она будет жить в саду под Вроцлавом и качать своего ребеночка, она бы засмеялась. «Ой, а как же там моя Вандочка? — У Ирии заныло сердце. — Она, наверное, капризничает, а мать Тадеуша забыла согреть ей молочка». Ирии захотелось повернуть назад, очутиться сейчас же на Земле и накормить малышку. Но это невозможно. Ирия шевельнула рукой — бластер врезался в бок. Нет, папа не зря потратил столько лет, воспитывая из нее бойца. Его школа не забылась.

— Мой скафандр цел? — спросила Ирия.

— Я сберег его, — ответил корабль.

— Давай!

В стене открылась ниша. В ней поблескивал скафандр.

— Ты останешься на высокой орбите, чтобы тебя не застали врасплох, — сказала Ирия.

— Но почему мне не опустить тебя на планету? Это же удобнее.

— Ты безмозглый...

— Лучше объясни, чем ругаться.

— А что бы ты подумал на их месте? Только что этот кораблик удрал с планеты. И вдруг возвращается. Зачем? Не беспокойся, я доберусь без тебя. Я стану метеором.

— Ни в коем случае! — испугался Гай-до. — Это опасно.

— Я уже пробовала. Ты знаешь.

— Я не позволю!

— Иначе меня засекут.

С этими словами Ирия залезла в скафандр.

Гай-до, электронное сердце которого разрывалось от тревоги, начал снижать скорость.

— Будь на связи, — сказала Ирия Гай.

Она не тратила лишних слов. Она была экономна в движениях и расчетлива, как на боксерском ринге.

Через переходник она вышла в открытый космос, оттолкнулась от Гай-до и поплыла к планете. Через несколько минут, отойдя от корабля на достаточное расстояние, она включила ракетный двигатель и пошла вниз, набирая скорость так, чтобы внешняя оболочка скафандра при входе в атмосферу раскалилась. Это было очень опасно — любой микроскопический дефект в скафандре погубил бы Ирию в мгновение ока. Но она считала, что у нее только один шанс попасть на планету незаметно. Если наблюдатели увидят метеор, они не встревожатся: на Пять-четыре падает много метеоров.

В ОЖИДАНИИ АЛИСЫ

В большой светлой палате, где остались Пашка, Аркаша и Тадеуш, прошло уже больше часа, а Алиса не возвращалась.

Дверь была заперта крепко, Пашка несколько раз пытался ее взломать, но из этого ничего не вышло. А на стук никто не приходил. Аркаша, как человек более разумный, за это время простучал все стены в палате. Он надеялся отыскать какой-нибудь потайной ход или дверь.

Тадеуш, видя, как Аркаша старается, сказал:

— Не стучи, нет смысла. Я все уже простучал. Под краской металл. Это же корабль.

— Мы в космосе?

— Нет. Мы на планете Пять-четыре. Вечный юноша прилетел сюда на флагманском корабле «Всеобщее умиление» и замаскировал его. Даже если ты будешь ходить по обшивке, никогда не догадаешься, что под ногами громадный корабль. Отсюда он руководит поисками базы странников.

— Что за странное имя — Вечный юноша? — спросил Пашка.

— Он говорит, что ему шестьсот лет, — ответил Тадеуш, — но он молод духом и заботится о своем народе.

— Понятно. Он приказал всем носить маски, — сказал Аркаша, — чтобы никто не видел, какой он дряхлый.

Пашка стукнул кулаком по двери.

— Как не повезло! — сказал он. — Надо же было собственными руками отдать базу этому Юноше.

— Собственными руками? — удивился Тадеуш.

— Мы его сами прямо к базе привели, — сказал Пашка. — Я думаю, что серый мяч был шпионом. Догадаться бы раньше, выкинул бы его в космос!

— Серый мяч хотел нас предупредить, — сказал Аркаша. — Только мы не поняли. А если все начнут друг друга выкидывать в космос, как ты разберешься, кто хороший, а кто плохой?

— Хороший тот, кто стремится к хорошей цели, — сказал

Пашка. — Наша с тобой цель благородная, а их цель отвратительная.

— Не знаю, — задумчиво произнес Аркаша. — У нас с тобой была цель: добыть топливо странников, чтобы победить в гонках. Это благородная цель?

— Но потом бы мы всем рассказали о базе! — воскликнул Пашка.

— С самого начала не сказали, — возразил Аркаша, — случилось много неприятностей.

— Не смей сравнивать нас с негодяями, — воскликнул Пашка, — когда Алисе угрожает гибель!

— Я не сравниваю, — сказал Аркаша. — Я стараюсь понять. Пока меня не переубедили, я верю в то, что люди хорошие.

— Давай лучше думать, как нам вырваться отсюда, — сказал Пашка, меряя длинную палату большими шагами. — Если они тронут Аліску хоть пальцем, им не жить на свете. Это говорю я, Павел Гераскин!

Тадеуш, слушая, как спорят друзья, лишь горько усмехнулся. Дети, думал он, совсем еще дети. И лучше им не знать, как Вечный юноша пытает своих пленников, как он мучил Тадеуша. Только бы Ирия поняла его знак! Тогда она уже подняла тревогу, и их успеют спасти... Самое страшное — неизвестность.

БОЙ В ТЕМНОМ ТУННЕЛЕ

В те минуты Алиса думала о своих друзьях. Как они? Может, им плохо?

Старуха дремала в углу.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — а из этого подземелья нет выхода?

— Зачем тебе?

— Убежать.

— Бежать некуда.

— А откуда приходят сюда пауки?

— А ты сунься к ним, погляди.

Алиса внутренне съежилась от мысли, что нужно идти в темноту, где кишат безжалостные насекомые.

— А наверх нельзя выйти? — спросила она.

— Эти ступеньки ведут к люку. Люк в днище корабля «Всеобщее умиление».

— Значит, мы под кораблем?

— Да. Корабль стоит на дне кратера, под ним пещера. Эту пещеру наш Вечный юноша превратил в тюрьму. Выхода нет, сиди и жди. Может, забудут.

«Странная старуха, — подумала Алиса. — Вроде бы зла не сделала, даже предупредила, что пауков бояться не надо. Но какая-то равнодушная».

— Если наверх нельзя, — сказала Алиса, — я пошла в пещеру.

— Что? — Старуха подняла голову. — Куда пошла?

— В пещеру, к паукам, — сказала Алиса.

— Сгинешь же!

— А я не боюсь пауков.

— А если там нет выхода?

— Должен быть, — возразила Алиса. — Здесь паукам нечего есть. Значит, они ходят на охоту.

— Не пройти тебе. В пещере не только пауки.

— Я пошла, — сказала Алиса. — Я не могу сидеть и ждать, если моим друзьям плохо.

— Ты всерьез? — Старуха только теперь поверила, что Алиса и в самом деле пойдет в черный туннель.

— Конечно, всерьез. И очень спешу.

Алиса сказала так, потому что знала: если спешишь, не так страшно.

— Тогда... тогда возьми свечку, — сказала старуха. — Я ее для себя берегла. Возьми, ты меня удивила. Меня давно уже никто не удивлял.

— Спасибо, — сказала Алиса.

Она, наверное, очень глупо выглядела в цветастой пижамке со свечкой в руке.

Воздух в подземелье был неподвижен, и пламя тянулось к потолку ровно, как в стеклянной колбе.

Алиса пошла в ту сторону, откуда появлялись пауки.

— Ты с Земли, говоришь? — спросила вслед ей старуха.

— Из Москвы.

В неровной каменной стене, по которой медленно сочились капли воды, было много трещин. Вот и самая большая — в ней пропали пауки.

Алиса шла медленно, ноги были тяжелые, словно их притягивало к полу магнитом.

Ей показалось, что вслед хихикает старуха. Нет, просто старуха закашлялась.

Алиса выставила руку со свечой далеко вперед. Она уговаривала себя: «Пауков я не боюсь. Это только насекомые. Они охотятся, выискивая волны страха. Когда я буду возвращаться на Землю, я возьму с собой парочку пауков для папиного зоопарка, папа будет очень рад...»

И тут она увидела в темноте желтоватый отблеск — это горели глаза пауков, которые преградили ей дорогу.

От неожиданности Алиса вздрогнула. Так бывает: ты готов к какой-нибудь неприятной встрече, знаешь, как себя вести, а как увидишь, все вылетает из головы.

Пауки неподвижно ждали Алису. Может, удивились ее наглости?

Тогда Алиса сказала:

— Здравствуйте! — Голос сорвался, она откашлялась и повторила: — Здравствуйте! Я на вас не обижаюсь. Вы — глупые твари. Покажитесь мне получше, я хочу отобрать парочку для московского зоопарка. Там у вас будет чудесная компания.

И она увидела, как свеча в ее руке, словно желая помочь, разгорается все ярче. От этого света пауки совсем растерялись, и плотная стена их блестящих ломких тел начала медленно отступать.

— С дороги! — приказала им Алиса. — Не шагать же мне через вас. Это очень противно. Уходите, а то рассержусь!

Стена пауков отступала назад все быстрее, пауки давили друг друга, шуршали лапами, словно их преследовал страшный хищник, а не безоружная девочка со свечкой в руке.

— Долой! — Алиса пошла еще быстрее.

И тогда пауки, охваченные паникой, кинулись назад, уродливым клубком катясь по трещине. Они спешили так, что оставляли на полу обломанные ноги и клешни.

Алиса остановилась и перевела дух. «Какая я слабая! — подумала она. — Нет сил идти. Но идти надо».

Трещина была пуста. Ни звука. Свечка снова потускнела, словно и не вспыхивала прожектором.

Алиса собралась с силами и побрела дальше.

Постепенно дно трещины поднималось вверх, идти было

трудно, пришлось перебираться через завал, что доставал чуть ли не до потолка, Алиса ободрала коленку. А конца этому ходу не было.

Что-то беспокоило Алису. Она даже не могла объяснить что. Но было ощущение, словно кто-то идет за ней следом, идет бесшумно, осторожно крадется, чтобы напасть стремительно и смертельно.

Когда ход чуть изогнулся, Алиса быстро спряталась за выступ и прижалась спиной к стене. Но ничего не услышала. Словно преследователь, угадав ее маневр, тоже затаился. Алиса высунулась из-за выступа и посветила свечой. Но свеча горела так тускло, что и в двух шагах ничего не было видно. Зато наверняка тот, кто преследовал Алису, видел огонек и теперь знает, где его добыча. Поняв это, Алиса поспешила вперед.

Она бежала, но бежала медленно, скользила по камням, чуть не провалилась в какую-то дыру. А шаги преследователя, хоть и мягкие, звучали все ближе... И когда Алиса увидела новое препятствие на своем пути, она почти не испугалась. Когда устанешь так, что нет больше сил, перестаешь пугаться.

Перед ней, разлегшись поперек прохода, лежала громадная сороконожка. Она рвала передними когтистыми лапами несчастного паука, угодившего к ней в лапы, когда он бежал от Алисы.

При виде Алисы сороконожка шустро отбросила недоеденного паука и начала подниматься. Она поднималась все выше, уже половина ее тела нависла над Алисой, и множество одинаковых когтистых лапок примеривалось, как лучше схватить новую жертву.

— Я тебя не боюсь, — сказала Алиса устало. — Уйди, насекомое.

Но, в отличие от пауков, сороконожка не реагировала на страх. Она просто увидела добычу и просто возжелала ее сожрать.

И когда Алиса поняла, что сороконожка сейчас бросится на нее, она отступила назад. И тут же замерла. Она вспомнила о преследователе.

Бежать было некуда.

«А раз так, — решила Алиса, — надо идти вперед».

Сороконожка не ожидала, что жалкое двуногое создание столь решительно кинется на нее. Она даже откинула голову

назад, но тут же сообразила, что двуногое неопасно, и резким движением накинулась на Алису.

Алиса ударила кулаками в жесткий скользкий живот сороконожки и почувствовала, как острые когти рвут материю пижамы. Она забилась в жестоких объятиях насекомого. Свеча упала и погасла...

Вдруг пещеру осветили яркие синие лучи. Они ударили по сороконожке, отбросили ее назад, расплющили о стену и разметали на кусочки.

Алиса без сил опустилась на пол.

— Ничего, — раздался голос сзади, — скоро выход.

Это был голос старухи.

Значит, это она шла за Алисой? И не догоняла, а охраняла ее?

— Спасибо, — сказала Алиса шепотом.

— Спеши, — сказала старуха. — У тебя мало времени.

Алиса поднялась на ноги, нащупала свечу. Свеча сразу загорелась в ее руке. Алиса обернулась. Но сзади уже никого не было. И Алиса побежала. А может, ей только показалось, что она бежит? Через сто шагов она увидела впереди свет.

Алиса выбралась из трещины на краю обширного кратера. Над ней расстилалось фиолетовое небо, по которому, обгоняя друг дружку, спешили два солнца. Дул ветер, приносил брызги дождя. Внизу у озерка точками маячили серые мячи. Из-под камня опасливо выглядывали желтые глаза паука.

Алиса упала на камни, и они показались ей теплыми и даже мягкими. Она бы заснула сейчас от усталости, но сердце билось так быстро, что не заснешь. И нельзя спать... надо идти. Но куда идти? Как найти своих? Как найти Гай-до? Как дать о себе знать? Алиса попробовала встать, но упала.

СТОЙ, МЫ СВОИ!

— Не волнуйся, — сказала старуха, которая вышла из трещины в скале вслед за Алисой, — можешь немножко отдохнуть.

Старуха вытащила из складок грязного мятого платья длинную черную курительную трубку, затем кисет, набила трубку табаком. Пальцы у старухи были длинные, желтые, сильные, с коротко обрезанными ногтями. Алиса пригляделась к ней и вдруг поняла, что старуха совсем не так стара, как казалось в

подземелье. Скорее пожилая женщина. Лицо ее было изборождено глубокими морщинками, углы тесно сжатых губ опущены, глаза велики и печальны. Прямые черные с проседью волосы были спутаны и падали на плечи неровными прядями.

— Отдыхай, — сказала старуха. — У нас есть пять минут.

— Как странно здесь, — сказала Алиса с облегчением. И в самом деле, ей нужно было именно пять минут, чтобы прийти в себя. — Все здесь не те, за кого себя выдают. И вы тоже.

— Ты не права, — сказала старуха. Она глубоко затянулась и выдохнула дым. Дым кольцами поплыл к фиолетовому небу. — Ты мне помогла, девочка, — продолжала старуха. — Я тебе очень благодарна.

— Как я могла вам помочь?

— Ты помогла понять, что рассудок — не главное, что правит миром. Если ты считаешь, что должна идти, то никакой паук не страшен. Тебе нельзя было идти ни в коем случае. Все было против тебя. А ты пошла.

— Если бы не вы, меня бы эта сороконожка сожрала, — сказала Алиса.

— С чудовищами куда легче сражаться, если у тебя в руке бластер. Это каждый сможет. Ты пойди в бой с одной свечой в руке, тогда мы и посмотрим, кто смелый. Ты можешь встать?

— Могу.

— Тогда пошли. Тут недалеко. Нам нужно проникнуть в корабль.

Старуха шла первой. Она осторожно подобралась к краю и поманила Алису. Отсюда было видно, как внизу шагают вереницей автоматические повозки. Повозки с трудом переставляли металлические ноги, перебираясь через каменные завалы к замаскированному кораблю.

На некоторых сидели стражники в улыбающихся масках и разноцветных веселеньких одеждах. Даже автоматы, что болтались на груди, были раскрашены незабудками.

— Чем хуже и голоднее, — сказала старуха, — тем веселее мы раскрашивали нашу бедность. Даже на похоронах положено было плясать от радости.

Она говорила сама себе, не глядя на Алису.

— Как мы попадем в корабль? — спросила Алиса.

— Не беспокойся.

— Первым делом я хочу освободить моих друзей, — сказала Алиса.

— Знаю. Так мы и сделаем. Они будут мне нужны.

«Странно, как меняются люди, — подумала Алиса. — В ней не угадаешь ту беспомощную старуху, что бормотала в подземелье».

Навстречу потоку повозок низко над камнями промчался флаер. В нем между двух автоматчиков сидел Вечный юноша.

— Спешит, — сказала старуха, — суетится. Хорошо, что он снова отлучился.

Яркий метеор пролетел по небу. Старуха посмотрела на него.

— Пошли, — сказала она. — Иногда лучше сгореть и погибнуть, как метеор, чем тлеть тысячу лет, как гнилушка.

Они быстро спустились на дно кратера, скрываясь за камнями, если близко проходил патруль автоматчиков.

Люк в корабль, замаскированный под вход в пещеру, был открыт. В нем по очереди скрывались повозки с добычей.

Из плоской сумки, висевшей у нее на боку, женщина достала две улыбающиеся маски. Одну надела сама, другую дала Алисе.

Маска оттягивала кожу на лице, она была как резиновая.

По знаку женщины они спрятались за большим камнем у самой тропы. Мимо прошагала повозка с двумя стражниками.

Следующая, груженная ящиками, была без людей.

— Прыгай! — приказала женщина.

Она первая вскочила на ящики и протянула руку, помогая Алисе.

Пока повозка, не замедляя хода, шагала к кораблю, женщина подвинула ящики так, что за ними были видны лишь улыбающиеся маски. А так как на планете царил полумрак, то стражники у люка в корабль равнодушно скользнули по маскам взглядами, не приглядываясь, кто едет. И как догадаешься, если все маски одинаковые?

Как только повозка оказалась в коридоре, женщина соскочила с повозки. Алиса последовала ее примеру.

Женщина уверенно шла по кораблю. Она отлично знала расположение помещений.

Алиса узнала коридор, ведущий к палате.

Навстречу им шел доктор. Знакомый Алисе доктор в маске. Тот самый, что водил ее на допрос.

При виде Алисы и женщины он остановился. Он был удивлен. Даже если он и не узнал Алису, то оборванная, растрепанная ее спутница возбудила его подозрения.

Он сказал что-то на незнакомом Алисе языке.

Женщина ответила, не замедляя шага.

Ответ доктора не успокоил. Он поднял руку к верхнему карману, но старуха мгновенно выхватила бластер, и зеленый луч ударил доктора в сердце. Он упал.

— Вы убили его! — крикнула Алиса.

— Его давно надо было убить, — ответила женщина, наклоняясь и срывая с лица доктора маску.

Алиса непроизвольно остановилась и посмотрела на доктора. Это было лицо старого человека с короткими усиками над верхней губой. Неприятное лицо.

— На твоей совести немало преступлений, Мезальон, — сказала старуха. — Ты получил заслуженную кару.

Алиса пошла дальше. Ей не хотелось смотреть на мертвого человека.

— Смотри-ка, испугалась, — сказала женщина. — Я-то думала, что ты ничего не боишься.

— Я очень многого боюсь, — сказала Алиса. — Я боюсь темноты, грома и больших пауков...

— Чего? — Женщина расхохоталась. — Пауков? Больших?

— Если бы я увидела паука с кулак размером, я бы умерла со страха.

Женщина расхохоталась так, что задрожали стены.

— Шутница!

Но Алиса не шутила. Она в самом деле была не очень храброй девочкой. Скажем, обыкновенной. И боялась темноты.

У двери в палату стоял стул. На нем дремала медсестра.

Алиса шепотом попросила:

— Не убивайте ее, пожалуйста.

— Не бойся, — ответила старуха.

От звука ее голоса медсестра очнулась.

— Ни слова. Руки вверх, — сказала женщина. — И благодари судьбу, что Алиса просила тебя не убивать.

— Я... я, — лепетала медсестра.

— Молчать!

Старуха сорвала с медсестры маску, вырвала из ее кармана микрофон и бросила на пол.

— Меркэ? — сказала она. — Я не думала, что ты полетишь с ним сюда.

— Он заставил меня, — ответила медсестра.

Под маской у нее обнаружилось пухлое, совсем незлое лицо с маленькими черными глазками.

— И ты подчинилась?

— Я хотела жить. Все хотят жить. Ваш голос мне знаком, госпожа... Но вас нет на свете.

— Еще бы, — сказала женщина. — Разумеется. Меня нет на свете.

Она властным движением руки сняла свою маску.

— Ой! — ахнула медсестра и упала на колени. — Пощадите меня, великая госпожа!

— Молчать. Ты меня не видела. Открой дверь в палату.

— Там опасные пленники. Они чуть не сломали дверь.

— Я два раза не приказываю.

Медсестра быстро набрала код на маленьком пульте возле двери.

— Открыто, — прошептала она.

— И не пытайся убежать.

— Я — ваша рабыня, — ответила медсестра.

— Можно я? — сказала Алиса и, распахнув дверь, вбежала в комнату. — Ребята! — закричала она с порога.

Она хотела закричать: «Мы свободны!» — но не успела сказать ни слова, потому что на нее прыгнул какой-то страшный зверь, сшиб с ног. Алиса ударилась о ножку кровати, но сознание не потеряла и даже сообразила, что это не зверь, а Пашка, который подстерегал в засаде того, кто войдет в комнату, а Аркаша и Тадеуш выскочили в дверь и бросились бежать по коридору.

Но далеко им убежать не удалось. Реакция у старухи была отменной. Она отпрянула в сторону и подставила ножку Аркаше, который рыбкой пролетел вдоль коридора прямо в цепкие руки медсестры.

Тадеуш, который уже отбежал шагов на пятьдесят, остановился, потому что не мог оставить в беде своих товарищей, и

бросился обратно. Но к тому времени Алиса уже успела подняться, оттолкнуть обалдевшего Пашку и крикнуть Тадеушу:

— Стой, мы свои! Понимаешь, мы свои! Это я, Алиса!

РАССКАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ

Пашка, придя в себя, сказал ворчливо:

— Могла бы и потише кричать...

Он был недоволен, что его замечательный план провалился и теперь он уже не главное действующее лицо драмы. А Пашка любит быть главным действующим лицом.

— Слушайте меня внимательно, — властно сказала старуха. — Я вам расскажу, что вы будете делать. Вы, молодой человек, — обернулась она к Тадеушу, — найдете в коридоре тело казненного мною преступника. Возьмите его маску и халат.

Тадеуш кивнул и вышел.

— О вас я знаю, — сказала женщина мальчикам. — Вы Аркаша и Павел, друзья Алисы. Меня зовут госпожа Моуд. Я знаю тайну Вечного юноши. Тайну, которая его погубит. Для этого я должна сорвать с него маску.

Вернулся Тадеуш. Он был в халате и маске доктора. Сама Ирия его бы не узнала.

— Хорошо, — сказала госпожа Моуд. — Вы должны помочь мне подойти к императору. Я буду в одежде медсестры Меркэ. Тадеуш — доктор Мезальон. Вы — пленники.

Госпожа Моуд вела себя так, будто не сомневалась: командует здесь она. И все покорялись ей. Даже Пашка.

— Зачем нужно срывать с императора маску? — спросила Алиса.

Старуха внимательно посмотрела на Алису, размышляя, отвечать или нет. Потом сказала:

— Я отвечу. Потому что, не будь тебя, я бы не решилась. Твоя смелость, Алиса, может изменить судьбу нашей планеты.

— А что ты сделала? — прошептал Аркаша.

— Сама не знаю, — сказала Алиса.

— Ничего особенного, — сказал Пашка, который хотел сам совершать все подвиги.

— Ничего особенного... — повторила госпожа Моуд. — Может быть, если я останусь жива, ты, Алиса, получишь титул наследной принцессы и право выпороть любого глупого маль-

чишку, который ставит под сомнения слова императрицы Моуд.

— О небо! — ахнула медсестра Меркэ. — О, грозная императрица!

— Молчать! — оборвала ее госпожа Моуд. — Слушайте. Много лет правил нашей планетой мой муж, император Сидон Третий. Наши народы жили в мире. Но у нас не было детей. И когда у одной из лун нашей планеты сорок лет назад потерпел крушение неизвестный корабль, на борту которого нашли чудом спасшегося маленького мальчика, мы решили, что это знак небес. Мы усыновили мальчика и воспитали его как принца. Его назвали Зовастром. Мы учили принца добру, а он рос грубым, нечестным, жестоким, он окружил себя подхалимами и мерзавцами, и мы слишком поздно поняли, что этого человека нельзя допускать к власти. И пять лет назад мой муж скрепя сердце сообщил о своем решении принцу. Принц Зовастр вошел в гнев и предательски убил императора.

— Не может быть! — воскликнула медсестра Меркэ. — Наш император убит? А кто же правит нами?

— Узурпатор Зовастр, — ответила госпожа Моуд. — Мой недостойный пасынок. Чтобы скрыть преступление, он объявил от имени убитого императора, что все жители планеты должны отныне носить улыбающиеся маски, чтобы не было ни одного хмурого или печального лица. Наши народы привыкли доверять императору и подчинились. Правда, некоторые шутили, что это старческая причуда.

— Правда, — сказала медсестра Меркэ. — Многие так думали.

— Я была тогда в отъезде. Но, вернувшись во дворец, я узнала об этой причуде и очень удивилась. Я сразу прошла в тронный зал, где меня ждал император. Я помню, как странно было идти по дворцу и вместо знакомых лиц видеть одинаковые глупые маски. Во всем дворце, во всем городе я была единственным человеком без маски. Когда я вошла в тронный зал, мне было достаточно одного взгляда, чтобы понять: на троне не мой муж. «Кто ты?» — спросила я. «Законный император», — ответил Зовастр. И по голосу я узнала своего приемного сына. «А где отец?» — спросила я. Он захохотал, и маски вокруг него льстиво захохотали. «Император покинул нас, — сказал он. — Но для блага отечества нужно, чтобы все думали иначе».

— О, ужас! — воскликнула Меркэ. — Но никто не знал об этом!

— Никто, кроме его друзей, не знает и сейчас, — сказала императрица. — Он предложил мне играть при нем роль: словно он — мой муж. Я была так возмущена, что заявила: «Лучше смерть, чем такая ложь!» А он засмеялся и сказал: «Не гневайся, мама, под масками все равны. Твою роль сможет сыграть любая служанка. Жива ты теперь или нет — никому нет дела. Выбирай — жизнь или смерть».

Я выбрала смерть, но он не дал мне даже смерти. Он приказал заточить меня в тюрьму. И если он арестовывал кого-нибудь из моих друзей или родственников, обязательно на последний день жизни сажал их ко мне в камеру. Так я встречала своих сестер, своих старых знакомых, великих ученых и славных князей, знаменитых писателей и замечательных музыкантов. И в последний день своей жизни они узнавали горькую правду. О, как я умоляла сохранить им жизнь! Но мой сынок был неумолим. Он получал удовольствие от убийства. Под масками все одинаково счастливы, повторял он. А тех, кто сомневается в этом, приходится убивать. Он приказал расписать цветочками все тюрьмы, веселыми узорами — крепости и бастионы. Все сильнее становилась его власть над страной, и все хуже жили люди в счастливом государстве масок. Он замыслил покорить другие миры. Но как это сделать? Он прослышал о том, что есть базы странников, где хранится абсолютное топливо и абсолютное оружие. Он разослал своих шпионов по всем планетам. Он постепенно превращал всю планету в военный лагерь. Планета разорялась, и все больше людей понимали, что дальше так жить нельзя. В страхе перед этим недовольством Зовастр казнил все новых и новых людей. Страшно было сказать лишнее слово на улице — тебя хватали, и ты не выходил живым из тюрьмы.

Люди проклинали императора. Они проклинали моего убитого мужа, они проклинали меня, потому что на приемах и торжествах вместо меня, в моих одеждах и в маске, рядом с узурпатором сидела актрисочка, которая играла мою роль. И кому могло прийти в голову, что все это обман, что вся планета живет обманом?

И я в тюрьме с жадностью ловила слухи о недовольстве народа, надеясь, что мое унижение не вечно. Я решила: вытерплю все, чтобы дождаться его гибели. В конце концов зло всегда

терпит поражение. Только иногда приходится ждать очень долго. И только ненависть помогла мне жить.

— О, ужас! — воскликнула медсестра Меркэ. — Наша бедная императрица!

— Три года назад, — продолжала императрица Моуд, — агенты Зовастра донесли, что база странников находится на этой планете. Он сразу послал сюда корабль, чтобы его разведчики искали базу и уничтожали всех, кто приблизится к планете.

— И потому они напали на меня, — сказал Тадеуш.

— Да, поэтому они напали на вас. И вскоре после этого меня охватила надежда: я узнала, что в столице началось восстание. Народ не выдержал жестокого гнета в империи улыбающихся масок. Даже в моей камере было слышно, как гремят пушки. Я надеялась, что освобождение близко, но внезапно дверь в мою темницу открылась, меня связали и вывели наверх. Стояла ночь. Над городом тянулся черный дым, сверкали костры пожаров, слышалась перестрелка. В закрытой машине меня отвезли на космодром, где снаряжался к полету флагманский космический корабль, который раньше назывался «Справедливость», а теперь был переименован во «Всеобщее умиление». Мой пасынок уже ждал меня на корабле. Оказывается, он решил бежать. Он кипел гневом, но был бессилен. Он решил перелететь сюда и оставаться здесь, пока не отыщет базу странников. Она нужна ему не для счастья народа, она нужна ему для того, чтобы мстить народу.

— Меня увезли насильно, — сказала Меркэ. — Здесь не только его друзья, здесь немало и таких, кто попал на корабль не по своей воле.

— Знаю, — сказала императрица. — Люди слабы и разобщены. Трудно первому пойти в бой. Потому что первые погибают. Я сначала удивилась, почему он меня не убил. Но потом поняла: я нужна ему живой. Он хочет, чтобы я присутствовала при его торжестве. Когда он захватит сокровища странников, когда он вернет себе власть и зальет кровью нашу планету, я должна стоять рядом с ним и видеть его триумф. А уж потом он сможет спокойно меня убить...

— И вы сидели в этом подземелье? — спросила Алиса.

— И в этом мое преступление, — ответила тихо императрица. — Я надеялась, что он не найдет никаких сокровищ. Я надеялась, что произойдет чудо — восстанут те, кто его здесь окружает. Я надеялась, что жители нашей планеты отыщут узурпатора и прилетят сюда, чтобы уничтожить его. Я ждала, что сюда прилетит патрульный крейсер Галактического содружества и его арестуют. Я надеялась, потому что боялась смерти. Но бояться и ждать — *значит губить других людей. И только сегодня* девочка Алиса доказала мне, насколько я была не права. И потому я выхожу на бой. Возможно, на последний бой.

Алиса поймала удивленный взгляд Аркаши. Конечно, он, как сдержанный человек, ничем не показал своего удивления, но одно дело — лететь в космос с Алисой Селезневой, ученицей твоего класса, другое — узнать, что эта обыкновенная девочка совершила какой-то таинственный подвиг, за который ее объявляют принцессой. Пашка тоже молчал, но на Алису не смотрел. Конечно, не нужны ему престолы и империи, но почему не он совершил подвиг? Почему?

— По моим расчетам, узурпатор вернулся и прошел в тронный зал, — сказала императрица. — Вы поняли, почему я должна сорвать с него маску?

— Поняли, — ответил за всех Тадеуш. — Пани императрица хочет, чтобы все увидели его настоящее лицо.

— Ты прав, мой дружок, — сказала императрица. — Теперь все мужчины должны отвернуться. Мы с Меркэ поменяемся одеждой. Принцесса Алиса, я позволяю тебе помочь мне одеться.

ГРОЗНАЯ ИРИЯ

Пролетев раскаленным метеором над планетой, Ирия затормозила над скалами. К счастью, скафандр выдержал стремительный спуск и теперь медленно остывал. Гай-до все время поддерживал с ней связь.

— Госпожа, — сказал он, когда Ирия пролетала над большим озером, из глубины которого поднимались и лопались громадные пузыри газа, — в районе, куда вы летите, заметна активность. Из недр горы все время выезжают груженые повозки, в ущелье видны люди. Полагаю, что враги отыскали базу странников.

— Ничего удивительного, — ответила Ирия. — Этого следовало ожидать.

— Повозки поднимаются по ущелью, переваливают через невысокую горную гряду и исчезают в большом кратере.

— Спасибо, — сказала Ирия. — Значит, у них здесь есть постоянное убежище...

— Или замаскированный космический корабль.

Теперь Ирия летела осторожно. Все правильно. Вот вход в базу. Неподалеку по ущелью шагает повозка, груженная контейнерами. Ирия задержалась возле входа на базу, ожидая, что оттуда появится еще кто-нибудь, но никто больше не выходил.

Ирия полетела за последней повозкой. На ней сидели несколько человек, одетые в яркие одежды. Почему-то все они непрерывно улыбались.

Так, за последней повозкой, Ирия добралась до входа в корабль.

— Вижу вход, — сообщила она Гай-до. — Ты меня хорошо слышишь?

— Отлично, — ответил Гай-до. — Но учтите, что, когда вы будете внутри, связь может ухудшиться.

— Знаю, — ответила Ирия.

В этот момент широкий грузовой люк корабля «Всеобщее умиление» начал медленно закрываться.

Ирия поняла, что нельзя терять ни секунды. Она включила двигатель скафандра на полную мощность и снарядом влетела в корабль.

Два стражника в масках, которые дежурили у люка, еле успели отскочить в стороны. Ирия затормозила. Ни один нормальный человек не выдержал бы такого торможения. Но недаром Ирия все детство провела в тренировках. Она только поморщилась от боли и тут же точным ударом в солнечное сплетение отправила в нокаут одного стражника, а второго схватила за руку, выбила оружие, завернула ему руку за спину и приказала:

— Веди к главному!

Стражник дергался, мычал, бормотал что-то на непонятном языке.

— С тобой говорят на космолингве, — сообщила Ирия. — Если ты меня не понимаешь, значит, жить тебе осталось одну минуту.

Стражник сразу понял, чего от него хотят, и побрел, согнувшись, по коридору.

— Выпрямись, — приказала Ирия, — а то подумают, что я тебя веду. Ты идешь сам. А ну, выпрямись. И улыбайся.

— Я всегда улыбаюсь, — буркнул стражник.

— На тебе маска?

— На всех маски.

— Слушай меня: на днях сюда привезли пленников с Земли. Где они?

— Мне пленников не показывают, — сказал стражник. — Их Вечный юноша для себя держит.

— Где держит?

— В палате госпиталя, — сказал стражник.

— Веди меня туда.

Стражник неуверенно двинулся вперед, будто раздумывал, куда идти.

— Учти, — сказала тогда Ирия, — если ты меня обманешь и заманишь в другое место, я погибну. Но первым погибнешь ты. Понял?

Стражник решил не испытывать судьбу. Он провел Ирию к палате самым коротким путем. На счастье, никто им не встретился. Ирия не знала, что большинство жителей корабля собрались в тот момент в тронном зале, где Вечный юноша должен был выступить с речью.

— Вот здесь, — сказал стражник, остановившись перед дверью с голубыми незабудками.

— Попробуй, — приказала Ирия, — открыта ли дверь?

— Дверь заперта, — сказал стражник. — А ключей у меня нет.

— Проверим, — сказала Ирия. Она сильнее загнула назад руку стражника и толкнула его вперед так, что он ударился головой о дверь. От этого удара дверь распахнулась, а стражник пролетел метров десять вдоль прохода и замер, шмякнувшись животом об пол.

Ирия увидела ярко раскрашенную комнату с двумя рядами кроватей. Но на кроватях никого не было. Только на стуле посреди комнаты сидела женщина в рубище. От удара в дверь она вскочила и приложила руки к груди.

— Они ушли, — сказала оборванка. — Никого нет.

— Куда?

— В тронный зал.

— Покажите мне туда дорогу.

— А вы не причините вреда императрице?

— Мне нужно освободить пленников.

— Пойдемте. — Медсестра Меркэ выскользнула в коридор.

Стражник, услышав, что дверь закрылась, приподнялся и дотянулся до кнопки на стене. По кораблю прокатился пронзительный рев сирены.

— Тревога! — закричала Меркэ.

— Тогда скорей! — крикнула Ирия.

— Слушаюсь, господин, — сказала Меркэ, подобрала юбки и побежала по коридору. Она была уверена, что человек в скафандре — отважный мужчина, боец с патрульного крейсера Галактического центра.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЗОВАСТРА

Когда императрица Моуд и Тадеуш в медицинских халатах и улыбающихся масках вошли в зал, гоня перед собой трех робких пленников, там уже собрались все обитатели корабля.

В другую дверь вошел Вечный юноша. Он был взволнован, ломал пальцы, подергивал плечами, приплясывал. За его спиной стали два телохранителя с автоматами.

— Слава! — закричал он, вскочив на сиденье трона, чтобы его лучше видели. Рот его широко раскрывался, руки и ноги суетились, но улыбка оставалась застывшей, и оттого зрелище было жутким. — Слава мне! Слава богам! Сокровища странников наши! Мы возвращаемся на нашу многострадальную планету, которую захватила кучка негодяев, посмевших поднять руку на меня, вечного и бессмертного императора! И пускай час моего торжества будет часом гибели наших врагов! Ура! Слава!

— Слава! Ура! — подхватили стражники и придворные.

Вдруг взор императора остановился на кучке пленников.

— Кто разрешил их привести сюда? — спросил он.

— Простите, ваше величество, — сказала императрица измененным голосом, подражая голосу Меркэ. — Доктор Мезальон приказал привести пленных, чтобы они видели момент вашего торжества.

И она поклонилась императору.

— Верно, — согласился император. — Подведите их сюда. Пускай падут мне в ноги. И, может, я подарю им жизнь. Я сегодня добрый.

Люди вокруг расступались, одинаковые улыбающиеся маски жутко глядели со всех сторон.

Узурпатор в нетерпении подпрыгивал на троне. Затем соскочил вниз, уселся на трон.

— Целуйте мне ногу, — приказал он, вытянув перед собой блестящий сапог. — Ну же, на колени! Ползите сюда!

По незаметному знаку госпожи Моуд Алиса и Аркаша упали на колени. Но упрямый Пашка и не подумал. Он стоял, гордо подняв голову. И чуть было все не испортил.

— Опустись, Пашенька, — умоляла его Алиса.

— Стража! — приказал узурпатор. — Покажите этому мерзавцу, как надо себя вести!

Один из стражников выхватил из-за пояса плеть. Но ему не пришлось пустить ее в ход. Тадеуш был быстрее, он так ловко толкнул Пашку в спину, что тот растянулся на полу.

— Молодец, доктор Мезальон! — расхохотался узурпатор.

Пашка пытался подняться, но Алиса и Аркаша вцепились в него.

Император от души веселился, глядя, как пленники возятся у его ног.

И вдруг замер. Рука его поднялась. Палец уткнулся в Алису.

— Нет! — закричал он. — Не может быть! Она же в подземелье!

«Все погибло, — успела подумать Алиса. — Как же мы забыли, что он меня знает!»

И ни она, ни император не заметили, что в этот момент ложная медсестра быстро поднялась на возвышение у трона.

— Слушайте меня, жители моей планеты, — произнесла она низким, властным голосом и резким движением сорвала с себя маску.

Гул изумления прокатился по залу. Все узнали императрицу.

— Вас обманули! — продолжала она. — Это самозванец.

Узурпатор так растерялся, что поднес ладони к лицу, словно испугался, что с него сорвут маску.

— Смотрите же! — Императрица с силой оторвала ладони Зовастра от его лица.

— Нет! — завопил узурпатор.

Императрица рванула маску так сильно, что она разорва-

лась. И все увидели потное от страха, бледное остроносое лицо Зовастра — ничем не примечательное лицо, не старое.

По залу прокатился крик ужаса.

— Вы узнаёте его? — продолжала императрица. — Это мой недостойный сын. Он не только убил нашего законного императора, но и заточил меня в подземелье. Мои друзья, — императрица показала на Алису, которая уже поднялась на ноги, — помогли мне прийти к вам и сказать правду. Правда всегда в конце концов побеждает, но, если мы не поможем ей, она может победить слишком поздно.

Императрица не видела, как растерянность на лице узурпатора уступает место гримасе ненависти.

Он отпрыгнул в сторону.

— Стреляйте в нее! — крикнул он телохранителям. — Убейте ее! Это ведьма!

— Я ведьма? — Императрица подняла руку, останавливая движение Тадеуша, который бросился ей на помощь. — Ты, жалкий червяк, после всего, что совершил, осмеливаешься оскорблять меня? Тебе нет прощения!

И императрица подняла руку с бластером.

Но не успела выстрелить.

Сразу несколько выстрелов поразили ее. Стрелял сам узурпатор. Стреляли его телохранители, и стреляли друзья Зовастра, что толпились тесной кучкой за троном.

— Проклинаю! — произнесла громко императрица и при полном молчании пораженного зала опустилась на пол.

— Вот так! — закричал в бешенстве узурпатор. — Так будет со всеми, кто осмелится поднять на меня руку. Не вам меня судить! У меня власть и сила. Всех казнить!

Он показал на Алису и остальных пленников. Но ужас, охвативший всех, даже телохранителей, был так велик, что ни один из них не тронулся с места.

Алиса кинулась к императрице и приподняла ее голову.

— Не умирайте! — заплакала она. — Только, пожалуйста, не умирайте!

— Ах так, вы смеете мне не подчиняться! — Император направил бластер на Алису.

Но тут в дверях послышался страшный шум и грохот. Влетели кучкой стражники, метнулись во все стороны зрители. Словно сверкающая молния, ворвалась в зал фигура в космическом боевом скафандре.

Луч бластера вонзился в потолок.

— Всем стоять на месте! — прогремел громкий голос.

И при виде фигуры в скафандре нервы узурпатора не выдержали.

— Патрульный крейсер! — крикнул кто-то в зале.

— Патрульный крейсер! — завопил узурпатор и кинулся прочь из зала. За ним побежали два или три его дружка.

— Ирия! — Голос Тадеуша перекрыл шум зала.

Он сорвал маску и побежал навстречу жене.

— Тадеуш, миленький, я так за тебя боялась, — сказала Ирия. — Тебя никто не обидел?

А в зале творился страшный переполох. Многие кинулись вслед за узурпатором, чтобы его поймать, другие окружили тесной толпой лежащую на полу императрицу.

Императрица открыла глаза и увидела рядом с собой плачущую Алису. Она сделала попытку подняться, и сразу десятки рук помогли ей.

Императрица Моуд положила слабую руку на голову Алисе и сказала:

— Уходя от вас, я передаю всю власть над планетой этой девочке. Она оказалась сильнее и смелее всех нас, вместе взятых. И я горда тем, что судьба свела меня с этой девочкой. Клянитесь же в верности ей!

— Клянемся!.. — прокатилось по залу. — Клянемся!

Люди срывали с себя маски и топтали их.

— Я скажу вам, что сделала эта... — И тут голос императрицы оборвался. Голова ее склонилась.

— О горе! — послышался чей-то голос. — Императрица скончалась!

И горький стон прокатился по залу.

Вдруг корабль содрогнулся от толчка. Сразу шум в зале оборвался. Люди прислушивались: что случилось?

В зал вбежал один из тех, кто гнался за узурпатором.

— Самозванец убежал! — закричал он. — На спасательном катере.

— Это очень опасно, — сказал пожилой человек, который стоял, наклонившись над императрицей. — На спасательном катере есть запас топлива и оружие.

— Гай-до, — сказала Ирия в микрофон, — ты меня слышишь?

— Я все слышу, — отозвался корабль.

— Сейчас от нашего корабля отделился спасательный катер. В нем находится опасный преступник. Приказываю тебе следовать за ним, находясь на безопасном расстоянии. Ты должен установить, куда он держит путь. Ты меня понял?

— Вижу спасательный катер, — отозвался Гай-до.

Но голос его слышала только Ирия. Сотни людей в зале молча смотрели на нее. Тогда Ирия включила динамик на полную громкость.

— Ты сможешь идти за ним? — спросила она.

— Он идет с большим ускорением. Полагаю, что для разгона он использует топливо странников. В открытом космосе мне его не догнать.

— Придумай что-нибудь, Гай-до, придумай, друг! — сказала Ирия.

— Принял решение, — ответил Гай-до. — Иду на сближение на встречном курсе.

— Ты что задумал?

— У меня нет выхода, — ответил Гай-до. — В меня стреляют.

— Гай-до, береги себя!

— Направляю удар в ходовую часть спасательного катера, — сказал Гай-до. — Намерен лишить их хода.

— Гай-до, не надо! — закричала Ирия. — Ты погибнешь!

— Прощай, моя любимая госпожа, — сказал Гай-до. — Передай привет Алисе и ее друзьям. Я их полюбил. Как жаль, что мы не сможем участвовать в гонках!

В зале стояла страшная тишина. Люди даже боялись дышать.

— Включите экраны! — закричал кто-то. — Включите экраны!

Под потолком тронного зала загорелись экраны внешнего обзора. На одном видно было небо, и по нему, быстро сближаясь, двигались две звездочки. Было видно, как одна из них несется на вторую. Вторая меняет курс, стараясь избежать столкновения. Но первая, как упрямая оса, снова сближается.

— Ты боишься меня, узурпатор! — раздался голос Гай-до. — Хочется жить!

И вторая звездочка — видно, и в самом деле нервы Зовастра не выдержали — резко развернулась и пошла на снижение. Гай-до не отставал от императора.

В гробовом молчании все смотрели, как звездочки, увеличиваясь, стремительно приближаются к планете.

На втором экране появилось изображение каменистой равнины. Именно там опустились оба корабля. Вот сел, ударился о камни Гай-до. Вот снизился, как затравленный волк, спасательный катер императора. В нем открылся люк. Из люка выскочил человек.

— Он убежит, — пронесся по залу ропот. — Надо догнать его.

— Он безопасен, — сказала Ирия. — Мы его поймаем.

Узурпатор отбежал от спасательного катера. В руке у него был бластер.

И вдруг все увидели, как из-за камня выкатился серый мяч. Узурпатор остановился, погрозил мячу бластером. Но мяч уже был не один, сотни мячей выкатывались со всех сторон и катились к Зовастру. Луч бластера бил по мячам. Но все новые и новые мячи выкатывались из-за камней. Наконец луч бластера потускнел, узурпатор отбросил оружие прочь и побежал от мячей.

— Они его убьют? — спросил Пашка.

— Как они могут его убить? — возразил Аркаша. — У них и рта нету.

Но мячи уверенно и упорно гнали перед собой убийцу.

Он выбежал на берег озера. Мячи серой массой покрывали берег.

— Они мстят, — сказала Алиса. — Они мстят за Дикодима и его детей.

Узурпатор вбежал в озеро. Он думал, что он в безопасности, но тут первая шеренга мячей тоже вошла в воду и поплыла за ним. Все глубже и глубже входил в воду узурпатор. Вот он поплыл. Мячи замерли, словно отказались его преследовать. И тут все поняли почему.

Перед плывущим императором из воды поднялся огромный многометровый гейзер. Столб воды поднял махонькое тельце императора к небу, а затем рухнул вниз. Лишь круги пошли по воде...

— Все, — сурово сказала Ирия. — Нам не придется его ловить.

В зале нарастал гул. Впервые за много дней люди могли посмотреть друг на друга спокойно, без страха. Некоторые прятали глаза, другие хмурились, третьи были серьезны, четвертые радостны.

И, перекрывая шум, издалека донесся голос Гай-до:

— Госпожа... Госпожа, я жив. Я жду тебя...

ЧТО ЖЕ ТЫ НАТВОРИЛА?

В тот же день Алиса и ее друзья полетели на берег озера, в котором утонул узурпатор Зовастр. Ни одного серого мяча на берегу они не встретили: те опасались людей и не скоро еще станут относиться к ним без опаски.

Гай-до, поврежденный при посадке, лежал на берегу. От удара вылетела заплата, поставленная на Земле.

— Я его обманул, — тихо сказал Гай-до. — Он поверил, что я пойду на таран. Но я ведь всего-навсего робот. Я не могу причинить вреда человеку, даже если он очень плохой.

— Но он забыл об этом, — сказал Аркаша. — И перепугался. Иначе тебе бы его не догнать.

— Простите, друзья, — сказал Гай-до, — что я так неудачно приземлился. Я спешил...

— Несчастный старик, — произнес Тадеуш. — Одно утешение: он прожил героическую жизнь.

Ирия, затянутая в черный сверкающий комбинезон, стройная, быстрая в движениях, ничем не похожая на ту нежную красавицу, что встретила Алису в лесу под Вроцлавом, ответила:

— Еще посмотрим.

В ее голосе звучала сталь. И Алиса подумала, что даже Тадеуш немного робеет перед женой: такой он ее никогда раньше не видел.

— Погуляйте, — сказала она. — Я вас позову.

Но никто не ушел. Все стояли за ее спиной и смотрели на Гай-до.

Всем было грустно. Но по-разному. Алиса жалела кораблик, который хотел летать, любил свою госпожу и был куда больше человеком, чем негодяй Зовастр. Пашка расстраивался, потому что сорвались гонки. А ведь он был почти уверен, что победит.

Аркаше было очень жалко, что пострадало замечательное изобретение — второго такого кораблика во Вселенной уже не будет. А Тадеуш беспокоился: вдруг невероятные изменения, что произошли с его любимой Ириечкой, останутся в ней навсегда? Сможет ли он полюбить ту незнакомку, что, оказывается, скрывалась в его нежной Ирии? Эти тревожные мысли заставили его спросить:

— Как там наша Вандочка?

На что Ирия совершенно спокойно ответила:

— Не беспокойся, она с твоей мамой.

И с этими словами она скрылась внутри Гай-до.

Часа два Ирия провела в кораблике. Остальные далеко не отходили: а вдруг понадобится помощь? Иногда изнутри доносились вздохи, Гай-до страшно страдал, а Ирия Гай, разбираясь в повреждениях, совсем его не жалела.

Потом Алиса пошла к озеру. Через каждые десять минут над озером поднимался высокий фонтан воды и с грохотом обрушивался вниз. Маленький серый мячик выкатился из-под камня и осторожно покатился к Алисе. Алиса замерла, боялась шелохнуться, чтобы не испугать малыша, но из-за камней раздался предупредительный свист, и мячик стремглав покатился обратно.

Подошел Пашка. Сел рядом на камни.

— Я тут поговорил с ребятами, — сказал он. — Они могут дать нам спасательный катер. Только, боюсь, скорость у него мала.

— Кто эти ребята? — спросила Алиса.

— Из экипажа «Всеобщего умиления». Приглашали меня к ним стажером.

— Неужели не согласился? — спросила Алиса.

Пашка почуял подвох в вопросе и ответил равнодушно:

— Не буду же я им объяснять, какая у меня несознательная мать.

— Да, — согласилась Алиса. — С Марьей Тимофеевной тебе не повезло. Она не оценит твоих способностей.

— Сама хороша! — вдруг озлился Пашка. — Наследная принцесса! Вот расскажу в школе ребятам, они со смеху лопнут.

— Не стоит рассказывать, — ответила Алиса серьезно. — Мы с тобой понимаем, что все эти королевства и империи —

вчерашний день человечества. А ведь императрица говорила все это серьезно. И потом умерла. Для них это не шутки.

— Ладно, понимаю, не маленький. Им после этого узурпатора лет десять придется приводить планету в порядок. Ты туда полетишь?

— Может, слетаю, — сказала Алиса. — Но только после того, как там будет республика.

— Правильно, — сказал Пашка.

Он помолчал, кидая камешки в озеро. На том берегу горело зарево далекого вулкана. Красное солнышко стремительно пронеслось над головами. Тени вытянулись, сократились и вытянулись снова.

— А может, все-таки расскажешь, что ты такого сделала?

— Когда?

— Не крути! Ведь не стала бы та императрица просто так престол передавать. Что-то ты натворила?

— Ничего не натворила, — сказала Алиса.

— Я знаю, ты скрытная, — сказал Пашка. — И теперь уж нам никогда ничего не узнать.

— Не скрытная, а скромная, — сказал Аркаша, который подошел к ним и остановился, глядя на зарево вулкана. — Ты бы уж давно всему миру возвестил о своем подвиге.

— А может, и не было никакого подвига? — спросил Пашка.

Он дразнил Алису. Любопытство убивало его.

Тогда Алиса поднялась и пошла к Гай-до. Кому нужны эти пустые разговоры? Ведь мальчики не знали императрицу, не были в подземелье, не видели пауков, не разговаривали с коварным узурпатором. А того, что люди не знают, им не объяснишь. Алисе было грустно.

Через два часа Ирия наконец вылезла из Гай-до и сказала:

— Здесь его не починишь.

— Значит, все-таки можно починить? — радостно спросил Пашка.

— Боюсь, что он уже никогда не станет таким, как прежде.

— А все-таки можно починить?

— Только на Земле, — сказала Ирия. — Или на Вестере.

— А это сложно? — спросил Аркаша.

— Сложно, — ответила Ирия. — Вам не справиться.

— Жалко, — сказал Аркаша. — А вы нам не поможете?

— Нет, — ответил быстро Тадеуш, который только что вер-

нулся из ближайшего ущелья, где собирал местные растения. Он не хотел терять время даром. — Ирия возвращается во Вроцлав. Нас ждут.

Ирия поглядела на Гай-до, потом на мужа. Взгляд ее смягчился, и она сказала добрым голосом:

— Тадеуш, мой любимый, пойми меня. Я была очень несправедлива к моему другу. Если бы я не забыла о нем, может, ничего бы плохого не случилось. Я очень люблю тебя и нашу малышку. Но прежде чем снова стать домашней, тихой, хозяйственной женой, я должна отплатить Гай-до за все, что он для нас сделал.

Тадеуш не стал спорить. Он был умным человеком и уже понял, что в его жене существуют два совсем разных человека. И ему придется теперь быть мужем обеих Ирий.

— Спасибо, — тихо произнес Гай-до.

— Ирия, — сказал Пашка, — я в твоем распоряжении. Ты можешь заставить меня работать круглые сутки, доставать материалы, паять, лудить, ковать, приносить гвозди...

— А что такое гвозди? — удивилась Ирия.

— Это я в переносном смысле, — сказал Пашка.

— Если в переносном, тогда не перебивай, — сказала Ирия, и Пашка сразу сник. Тогда Ирия чуть улыбнулась и добавила: — Конечно, я не откажусь от вашей помощи, друзья, потому что мне тоже очень хочется, чтобы Гай-до смог участвовать в гонках.

ПЕРЕД ГОНКАМИ

Еще через три дня прилетел патрульный крейсер. Галактический патруль сначала получил тревожный сигнал с пассажирского корабля «Линия», где сумасшедшая пассажирка угнала спасательный катер. Когда крейсер уже был в пути, его настигла гравиграмма со «Всеобщего умиления», в которой кратко говорилось о последних событиях на планете Пять-четыре.

К тому времени Ирии с ее помощниками удалось немного подштопать Гай-до, так что он сам смог подняться на орбиту. Ирия и Тадеуш уговорили командира крейсера взять Гай-до с собой. И потому Гай-до совершил путешествие до Вестера, откуда ходят регулярные рейсы к Земле, в трюме патрульного крейсера.

Они попрощались с обитателями «Всеобщего умиления», который уже был переименован в «Императрицу Моуд», и поклялись, что на следующие каникулы обязательно прилетят в гости к новым знакомым. На прощание медсестра Меркэ и старший советник, который теперь командовал кораблем, отозвали Алису в сторону и вручили ей официальный диплом, на котором было золотыми буквами написано, что в соответствии с последней волей императрицы Моуд Алисе Селезневой присваивается почетный титул наследной принцессы и она может в любой момент вступить во владение империей. Алиса, конечно, отказывалась, но Меркэ объяснила, что этот диплом только почетный. Неизвестно, захотят ли жители планеты новую императрицу, даже если она лучшая московская школьница. Поэтому пускай диплом останется ей на память. Тогда Алиса диплом взяла.

На Землю путешественники попали только через десять дней. Разумеется, с патрульного крейсера они послали на Землю гравиграмму. Страшно подумать, что произошло бы в Москве, если бы встревоженные родители отправились искать детей на Гавайские острова, где их никто не видел.

Когда родители получили гравиграммы с патрульного крейсера Службы галактической безопасности, в которых сообщалось, что их дети живы-здоровы, только почему-то находятся на другом конце Млечного Пути, то реагировали они на это поразному. Алисин папа, профессор Селезнев, сказал Алисиной маме, которая собралась заплакать:

— Вот видишь, с нашей дочкой ничего не случилось.

Пашкина мать, прочитав гравиграмму, разорвала ее в мелкие кусочки и заявила:

— Уши оборву!

Правда, эта угроза была в том доме обыкновенной, и Пашкины уши до сих пор остались на месте.

В доме Аркаши все Сапожковы, от прадедушки до правнуков, тети и дяди и племянники, собрались за овальным обеденным столом и долго держали совет, принимать меры или не принимать мер. Все очень шумели и переживали до тех пор, пока прадедушка Илья Борисович не сказал:

— У нашего мальчика есть склонность к научной деятельности. А эта склонность не позволяет Аркаше сидеть на месте.

Я очень надеюсь, что наконец-то в нашем семействе будет второй лауреат Нобелевской премии.

Первым лауреатом был сам прадедушка. Поэтому, когда путешественники наконец объявились на Земле, их родственники уже более или менее успокоились, и они смогли без помех заняться починкой Гай-до, что оказалось нелегким делом.

Если бы не замечательный конструкторский талант Ирии Гай и терпение Тадеуша, который взял на себя все заботы о малышке, если бы не трудолюбие Аркаши, который неделями не уходил с ремонтной площадки, если бы не помощь Лукьяныча и всех членов технического кружка школы, если бы не самоотверженность Пашки, который два раза летал в Австралию и один раз в Шанхай, чтобы добыть нужные детали, если бы, наконец, не старания Алисы, которая одна умела успокоить и утешить Гай-до, если бы не общие титанические усилия, Гай-до никогда бы не поднялся в воздух.

А так за четыре дня до начала гонок Ирия уселась в пилотское кресло, включила пульт управления, загорелись дисплеи и индикаторы, мерно зажужжали планетарные двигатели, и Гай-до спросил:

— Может, выйдем на круговую орбиту?

Голос его дрогнул от волнения.

— Один виток, — сказала Ирия.

Остальные члены экипажа, болельщики и помощники остались на Земле. Они следили за испытательным полетом по мониторам.

Легко, почти незаметно, Гай-до оторвался от земли, на секунду завис в воздухе и, набирая скорость, рванулся кверху. Он вышел на орбиту, и Ирия заставляла его совершать сложные маневры. Сначала Гай-до осторожничал, робел, но с каждым новым удачным маневром он все смелее менял курс, переворачивался, тормозил и вновь ускорялся.

— Можно еще один виток? — попросил он Ирию, поверив в свои силы.

— Нет, — ответила она. — Для первого раза достаточно. Дальше испытывать тебя будут ребята.

— Ну, как? Хорошо? Правда, хорошо? — спросил Пашка, первым подбежав к кораблю, когда тот спустился на школьную площадку.

— Нет, — ответила Ирия. — Недостатков масса. Еще надо работать и работать.

— Но это невозможно! — воскликнул Пашка. — Гонки через четыре дня!

— Значит, надо работать еще четыре дня, — ответила Ирия. — Это уже ваша задача. Я буду прилетать к вам каждый день и проверять, что вы сделали по программе, которую я вам оставлю.

— У нас есть шансы победить в гонках? — спросил Аркаша.

— Пока нет, — ответила Ирия.

— Есть! — крикнул Гай-до.

Все засмеялись, но Ирия сказала серьезно:

— Шансов у вас мало. Я думаю, что другие гонщики построили корабли не намного хуже, чем Гай-до. И их корабли не попадали в такие переделки.

— Не расстраивайся, Гай-до, — сказала Алиса, подойдя к кораблику и гладя его по еще теплому боку. — Мы постараемся.

Они проводили Ирию с Тадеушем до автобусной станции. А на обратном пути Пашка сказал:

— Завтра я работать не приду. Обойдетесь без меня.

— Что еще задумал? — спросила Алиса.

— Ничего. Просто я знаю, что мы все равно победим.

— Пашка, признавайся, что ты еще задумал! — потребовал Аркаша. — Моя интуиция говорит, что ты опасен.

— Интуиция тебя обманывает, — сказал Пашка.

Правда, на следующий день он пришел на площадку, и они работали, но после обеда он исчез. На третий день вообще зашел на полчасика, зато слетал за это время в Шанхай посмотреть на корабль китайских ребят и в Тбилиси. Алиса сердилась на него, говоря, что он — турист. Аркаша молчал. Хотя был недоволен.

За день до начала соревнований всем его участникам раздали отпечатанные правила.

Они уселись в кают-компании Гай-до и прочли их вслух.

— Ну что ж, ничего нового, — сказал Аркаша. — Взлет из пустыни Гоби. Облет вокруг Луны, возвращение в заданную точку. Двигатели только планетарные, топливо только обыкновенное, жидкое. Ты чего надулся, Пашка?

— Я надулся? — Пашка поднял брови. — Ничего я не надулся. Просто я думаю. На мне, как на капитане, лежит большая ответственность.

— Хорошо, — сказала Алиса. — На всех нас лежит ответственность. Поэтому я предлагаю разойтись по домам и хорошенько выспаться. Вечером перегоним Гай-до в пустыню Гоби. Старт в десять утра по местному времени.

ГОНКИ

Громадная плоская каменная равнина в то утро преобразилась. Вокруг долины, с которой должны стартовать корабли, реяли под ветром громадные флаги и вымпелы. Множество киосков с сувенирами, прохладительными напитками, мороженым радовали глаз. Тысячи и тысячи флаеров, аэробусов, стратолайнеров слетелись к полю. Когда Гай-до подлетел к месту старта, поле казалось усеянным разноцветными божьими коровками и яркими бабочками.

Посредине, на свободном круге диаметром в три километра, стояли гоночные корабли.

Всего их было сто шестьдесят три.

Гай-до, далеко не самый большой, новый и красивый из кораблей, скромно стоял почти в середине поля. Ирия Гай с Тадеушем с трудом отыскали его.

— Это какая-то ярмарка, — сказала Ирия. — Совершенно несерьезно.

Алиса, которая в последний раз проверяла дюзы Гай-до, потому что тот неожиданно заявил, что у него там что-то «чешется», обернулась на голос и не сразу узнала отважную Ирию, потому что с ней снова произошла метаморфоза.

Перед Алисой стояла скромная молодая женщина в легком голубом сарафане. Голову ее прикрывала от яркого солнца белая косынка. На руках женщина держала младенца, который с удивлением крутил головой, очень внимательно вглядываясь в космические корабли. Сзади стоял Тадеуш, лицо у него было счастливое и спокойное. Такая жена его устраивала больше, чем амазонка.

— Ого, — сказал Пашка, появившись в люке корабля и увидев малышку. — Как она смотрит! Наверное, продолжит дело своего дедушки!

— Вандочка не такая, — вмешался Тадеуш. — Я ей уже ку-

пил вагон кукол и набор для вышивания. Ты меня понимаешь, Паша?

— Я-то понимаю, а мама поймет?

— Алиса, — сказал Гай-до, — скорее проверь правую дюзу индикатором гладкости. Там шершавит. Мы проиграем. Не отвлекайся.

И только тут Алиса сообразила, что кораблик даже не поздоровался со своей госпожой. Он с утра был совершенно не в себе, так боялся опозориться.

И вдруг молодая женщина сверкнула сиреневыми глазищами и сказала мужу:

— Подержи малышку.

Она сделала решительный шаг вперед, отобрала у Алисы индикатор и с головой ушла в дюзу.

Тадеуш встревожился.

— Милая, — робко сказал он, — может быть, здесь обойдутся без тебя?

Но вокруг стоял такой грохот, так громко играли оркестры, так отчаянно перекликались гонщики, так натужно ревели в последних проверках двигатели кораблей, что, конечно, никто не услышал Тадеуша.

Подошли два китайских мальчика. Поздоровались с Пашкой. Это были его старые друзья и соперники из Шанхая.

— Хороший корабль, — сказал Лю.

— Очень красивый корабль, — сказал Ван.

Китайские гонщики были близнецами. Они были очень похожи, но не совсем одинаковы. Поэтому любой мог их отличить друг от друга. Правда, никто, кроме их мамы, не был уверен, кто из них Лю, а кто Ван.

— Мы постараемся тебя обогнать, Паша, — вежливо сказал Лю. Хотя, может быть, это сказал Ван.

Подбежала девочка из афинской школы, знакомая Алисы.

— Ты летишь? — спросила она.

— Да.

— А меня не взяли. Мы в классе тянули жребий. Я вытащила пустую бумажку.

Над громадным полем ударил гонг. Звук его как будто свалился с неба. Сразу шум стих, но через несколько секунд возник вновь и, быстро нарастая, заполнил поле.

— К старту приготовиться! — послышался голос главного

судьи соревнований Густава Верна, троюродного правнучатого племянника великого фантаста Жюля Верна.

Болельщики и зрители отходили от кораблей.

Ирия выскочила из дюзы.

— Не успела, — сказала она. — Когда вернетесь, доделаем. Я же просила Пашу проверить дюзы. Почему ты этого не сделал?

Капитан корабля, раздобывший где-то настоящий мундир капитана Дальней разведки, который был ему велик, отвел взор в сторону и сказал равнодушно:

— Я делаю ставку не на это.

— На что бы ты ни делал ставку, — ответила Ирия Гай, — это не избавляет тебя от обязанностей перед кораблем.

— Ты слишком строга к капитану, — сказал Гай-до.

Корабль знал цену Пашкиным недостаткам, но, как и многие другие Пашкины друзья, склонен был ему многое прощать. В этом таится какая-то загадка. Алиса по себе знала, иногда ей хотелось Пашку убить. А через полчаса стараешься вспомнить: почему ты хотела убить этого замечательного парня? И не вспомнишь.

— Я доверила Гераскину самое дорогое, что у меня было в жизни, — корабль Гай-до. И не потерплю, чтобы с ним так обращались! — возмутилась Ирия.

Алисе захотелось напомнить ей о первой встрече, когда она с трудом вспомнила Гай-до, брошенного на свалке. Но зачем напоминать людям об их слабостях? Они только сердятся.

Второй раз ударил гонг.

— Провожающим покинуть поле! — раздался голос Густава Верна. — Экипажам занять места в кораблях.

— Топливо проверили? — нервно спросила Ирия.

— С топливом обстоит так... — начал было Гай-до, но Пашка его перебил:

— С топливом все в порядке.

— Я буду ждать, — сказала Ирия. Потом добавила: — Как бы я хотела полететь с вами!

— С нами нельзя, — сказал Пашка. — Это школьные гонки.

— Неужели я не понимаю? — улыбнулась Ирия, и в глазах у нее сверкнули слезы. — Я же пошутила. Тадеуш, ты где? Малышка, наверное, проголодалась.

Но малышка на руках Тадеуша и не думала о еде, она восторженно глазела на Гай-до.

— По местам! — приказал Пашка.

— По местам! — на разных языках закричали капитаны из восьмидесяти разных стран.

Провожающие и болельщики уже покинули поле.

Экипаж Гай-до занял свои места. Пашка и Алиса в креслах у пульта управления. Аркаша сзади, в кресле механика.

Через пять томительных минут прозвучал третий удар гонга.

Во всех кораблях и корабликах раздался голос Густава Верна:

— Начинаю отсчет. Старт — ноль! Тридцать... двадцать девять... двадцать восемь...

— Ты готов, Гай-до? — спросил Пашка.

— Я готов, — ответил кораблик.

— Открыть клапан левого топливного бака, — приказал Пашка. — Топливо поступает?

— Поступает, — ответил Гай-до.

— Семь... шесть... пять... четыре... три... два... один...

— Ключ на старт! — приказал Пашка.

И одновременно сто шестьдесят три корабля взмыли над полем космодрома.

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

Это было чудесное зрелище. Никогда еще в истории Земли не стартовало столько кораблей одновременно.

Десятки тысяч зрителей захлопали в ладоши и замахали руками.

Десятки миллионов телезрителей закричали: «Ура!»

По правилам при подъеме корабли не должны были превышать минимальной скорости, потому что прорыв такого большого числа кораблей сквозь ионосферу вреден для Земли. Полной скорости можно было достигнуть только после того, как атмосфера Земли останется позади.

Очень многое зависело от мастерства пилотов. Корабли летели к Луне не по прямой, а по сложному маршруту, в котором надо было миновать девять контрольных пунктов.

Постепенно плотная толпа кораблей начала распадаться. Одни пропустили ту долю секунды, когда надо было включить

двигатели на полную мощность, другие чуть-чуть неточно рассчитали момент первого поворота...

— Начинаем второй поворот, — сказал Пашка.

— Второй поворот начали, — отвечал Гай-до.

Постепенно Гай-до выходил вперед. У москвичей было важное преимущество: их корабль был членом экипажа, который не только выполнял приказания капитана, но и не менее других его членов стремился к победе. Гай-до знал, что Ирия наблюдает за его полетом с Земли и жадно ловит каждое слово комментатора. Пашка еще мог ошибиться, приборы еще могли не догадаться, но Гай-до всегда успевал исправить ошибку человека и увеличить ошибку приборов, если считал нужным.

— Первым ко второму контрольному пункту вышел корабль «Янцзы» шанхайского экипажа, — услышали они голос комментатора. — Вторым, отставая на три секунды, к пункту подходит греческий корабль «Арго». Но их настигают сразу два корабля. Судя по эмблеме на борту, это корабль тбилисской школы, где капитаном Резо Церетели, а второй... второй «Гай-до». На нем летят москвичи!

— Неплохо, — сказал Пашка. — Совсем неплохо.

— Капитан, — произнес встревоженно Гай-до, — средняя скорость китайского корабля выше нашей.

— Штурман, ты слышишь? — спросил Пашка.

— Слышу, — ответила Алиса. — У нас есть шансы обойти Лю и Вана к шестому пункту. У них маневренность хуже нашей.

— Хорошо, если будут сложности, доложить.

Пашка продолжал играть в космического волка. У него даже голос стал басовитым.

— Как дела с топливом? — спросил он.

— Расход несколько больше нормы, — ответил Аркаша. — Тяга в правой дюзе меня не удовлетворяет.

— Правильно сказала Ирия, — вспомнила Алиса. — Ты должен был проверить дюзу.

— Не обращай внимания, — сказал Пашка. — Следи за приборами. Подходим к третьему контрольному пункту.

Луна на экранах увеличилась и приближалась. Уже можно было разглядеть даже самый маленький кратер и цепочки огней лунных баз и заводов.

Третий контрольный пункт Гай-до прошел четвертым. Но тонким маневром, который они провели с Алисой, к четверто-

му пункту, который был недалеко от Луны, им удалось обойти грузинский экипаж. Впереди шли только китайцы и греки.

— А вот теперь самое главное, — сказал Пашка. — Используем притяжение Луны. Ты помнишь все расчеты, Гай-до?

— Я ничего не забываю, — ответил корабль.

— Ты можешь прибавить скорость?

— Летим практически на пределе.

— Продолжаем полет, — сказал Пашка.

Маневр перед пятым контрольным пунктом удался. Гай-до поравнялся с греческим кораблем. Но сзади, обогнав грузинский экипаж, их стала настигать черная с желтыми полосами, похожая на осу стрелка корабля из Новой Зеландии. Рядом с осой словно привязанный шел красный диск второй чукотской школы-интерната.

Корабли летели вдоль теневой стороны Луны. Огоньки на ней были ярче. Земля скрылась из глаз.

— Мы догоняем «Янцзы»? — спросил капитан Гераскин.

— Нет, — ответил Гай-до.

— Тогда приказываю: переключить питание двигателя на резервную цистерну.

— Зачем? — удивился Аркаша. — У нас еще достаточно топлива в левом баке.

— Приказы не оспаривать! — рассердился Пашка. — Переключить.

— Исполняю, — сказал Аркаша.

— Исполняю, — повторил за ним Гай-до.

И тут все заметили, что корабль сразу прибавил скорости. Огоньки на поверхности Луны быстрее побежали назад, экипаж вдавило в спинки кресел — возросли перегрузки.

— Что случилось? — удивилась Алиса.

— Тайное оружие, — ответил капитан Пашка.

— Мы настигаем «Арго», — сказала Алиса. — При такой скорости мы обойдем «Янцзы» через шесть минут.

— Пашка, — сказал Аркаша, — объясни, что же произошло?

— Ничего, — ответил капитан. — Я вам обещал, что мы выиграем гонку. И мы ее выиграем.

— Я требую ответа, — повторил упрямо Аркаша. — Я хочу выигрывать честно.

— Ты обвиняешь меня в нечестности? — воскликнул Пашка.

— Еще не обвиняю, но подозреваю.

— Ничего удивительного, — сказал тогда Пашка. — Гай-до нашел резервы скорости.

— К сожалению, — послышался голос Гай-до, — капитан Гераскин не совсем прав. Никаких резервов во мне нет. Но топливо, которое поступает сейчас в мой двигатель, отличается от того топлива, что поступало раньше.

— Что ты туда подмешал? — спросил Аркаша.

— Ничего. Какое было, то и используем.

— Состав топлива мне неизвестен, — сказал Гай-до. — Но по всем компонентам могу предположить, что это абсолютное топливо странников.

— Пашка! — воскликнула Алиса. — Ты взял топливо на планете Пять-четыре?

— Всего одну канистру, — сказал Пашка. — На самый экстренный случай. Я думал, что оно нам не понадобится. Но настоящий капитан должен быть предусмотрителен.

— Настоящий капитан не имеет права быть обманщиком, — сказала Алиса.

— И ты тоже! — обиделся Пашка. — Пойми же, мы как на войне. Мы должны победить. На нас надеются многие люди. Подумай, там внизу Ирия Гай. Она ради нас с тобой рисковала жизнью. Мы не можем ее подвести.

— Она тебе этого не простит, — сказала Алиса.

— Ты-то сама никогда не рисковала жизнью ради других! — сказал со злобой Пашка. — Тебе этого не понять. Тебе не понять, что мною двигает чувство благодарности.

«Как я не рисковала?» — хотела было крикнуть Алиса, но сдержалась. Она никогда не расскажет им о темной пещере, пауках и сороконожке.

— Послушай, капитан, — сказал Аркаша. — В правилах соревнований есть пункт: гонки проходят только на обыкновенном стандартном жидком топливе. Это условие соревнований. Все должны быть в равных условиях.

— Мы обходим «Янцзы», — сказала Алиса.

Они поглядели на экраны. Яркая точка «Янцзы» была уже сбоку и отставала с каждой секундой.

Из-за края Луны показалась светлая Земля в широких полосах и завитках облаков, зеленая и голубая.

Гай-до стремительно летел к Земле.

Прошли пятый контрольный пункт. Понеслись к шестому.

— Корабль «Гай-до», — послышался голос главного судьи, — ваша скорость превышает разумные пределы. Все нормально на борту?

Пашка наклонился к микрофону, потому что боялся, что его перебьет кто-то из своих:

— На борту все нормально. Мы включили дополнительные мощности двигателя.

— Все, — сказал Аркаша, поднимаясь с кресла. — Я в твои игры, Пашка, не играю. И если мы победили, я первый скажу, что победили мы нечестно.

— Я согласна с Аркашей, — сказала Алиса.

— Что? Бунт на борту? — Пашка был оскорблен в лучших чувствах. — Я старался для всех!

— Голосуем, — сказал Аркаша.

— Голосуем, — сказала Алиса.

И тут как эхо послышался голос Гай-до:

— Голосуем.

Никто на Земле не знал, что происходит на борту Гай-до. Комментатор с удивлением говорил о том, что корабль московской школы «Гай-до» на темной стороне Луны обошел всех соперников и сейчас проходит шестой контрольный пункт. Вторым идет «Янцзы». Его догоняют греческий и грузинский экипажи.

— Я запрещаю вам голосовать! — закричал Пашка. — На борту приказывает капитан.

— Кто за то, чтобы немедленно перейти на нормальное топливо? — спросил Аркаша.

— Я, — сказала Алиса.

— Я, — сказал Аркаша.

— Я, — сказал Гай-до.

— Тогда я отказываюсь быть капитаном, — заявил Пашка.

Не успел он это произнести, как Гай-до вздрогнул, словно налетел на невидимую стену. Корабль сам выключил резервный бак и включил левый. Скорость сразу упала почти вдвое, двигателям нужно было время, чтобы переработать получившуюся смесь, которая для Гай-до хуже, чем обычное топливо.

— Внимание! — говорил комментатор, и его голос был отлично слышен на капитанском мостике Гай-до. — Что-то происходит с московским экипажем. Скорость его резко упала. Его настигает «Янцзы».

— «Гай-до», — снова раздался голос главного судьи, — что с вами происходит?

— Перевыборы капитана, — ответила Алиса.

— Совершенно беспрецедентный случай, — изумился главный судья. — А нельзя было подождать до конца гонок?

— Нельзя, — ответила Алиса. — К тому же это наше внутреннее дело.

— Я согласен с вами, — сказал Густав Верн. — Но вы рискуете отстать от своих товарищей.

— Знаем, — сказала Алиса.

Больше она не говорила ни с кем. Она следила за приборами. Она понимала, что теперь единственный шанс не прилететь среди последних заключается в ее умении маневрировать. Гай-до тоже понял это и помогал Алисе как мог.

Скорость его немного возросла, но недостаточно для того, чтобы удержаться на первом месте.

Вот их обошел «Янцзы», затем грузинский корабль, за которым стремилась черно-желтая оса новозеландского экипажа.

У седьмого контрольного пункта Алиса и Гай-до сумели так тонко совершить поворот, что настигли грузин.

Пашка сидел за пультом, глядя прямо перед собой, будто ему не было никакого дела до того, что происходит вокруг.

Впереди уже была видна Земля. Алиса и Аркаша старались сделать невозможное, чтобы догнать «Янцзы», но уже было ясно, что Гай-до не удастся прийти первым. Оставалась надежда на второе место.

Как ни напряжены все были, Аркаша все же не удержался:

— Если бы не махинации с топливом, мы бы, наверное, догнали «Янцзы».

— Я уже подсчитал, — ответил Гай-до. — По крайней мере мы пришли бы одновременно.

— Мы сами виноваты, — сказала Алиса. — Мы знали, кого избрали капитаном.

— Какие вы забывчивые! — вдруг сказал с горечью Пашка. — Как быстро вы забыли, зачем мы летали на планету Пять-четыре! Мы же хотели добыть топливо странников и выиграть гонку. Тогда никто со мной не спорил.

— Конечно, мы не спорили, — согласилась Алиса. — Каждому хочется найти сокровища странников. А потом там столько всего случилось, что мы о топливе и забыли.

— Нет, не забыли, — сказал Пашка. — Среди нас был один человек, который всегда помнил о долге.

— Чепуха, — сказал Аркаша, — тогда мы еще не знали, что можно лететь только на обычном топливе. А как только мы узнали, то топливо странников стало нам не нужно. И не отвлекай Алису. Ей начинать следующий маневр.

Они пронеслись мимо девятого контрольного пункта.

Теперь надо было сбросить скорость, чтобы войти в атмосферу Земли.

«Янцзы», шедший впереди, сбросил скорость раньше, и расстояние между ним и Гай-до сразу уменьшилось.

Пашка закричал:

— Не спеши, не спеши сбрасывать! Чуть-чуть, они не заметят.

— Нельзя, — сказал Гай-до. — Это нечестно.

— И он тоже о честности! — вздохнул Пашка и снова замолчал. И молчал до самой посадки.

В последний момент Гай-до чуть не упустил второе место — черно-желтая оса новозеландцев приземлилась почти одновременно. Но фотофиниш показал, что серебряная ваза — награда за второе место — досталась все же Гай-до.

Наконец Гай-до замер на поле среди кораблей, которые один за другим снижались рядом. Надо было несколько минут подождать, пока приземлится последний из гонщиков.

Алиса сказала:

— Может быть, мы не будем никому говорить, что прилетели без капитана?

— Я согласен, — сказал Аркаша. — У Пашки есть смягчающее обстоятельство. Он сначала делает, а потом думает о последствиях.

— Я тоже согласен, — сказал Гай-до. — Ирия очень огорчится, если узнает, что мы ссорились в полете.

— Пашка, выходи первым, — сказала Алиса.

— И не подумаю.

— На нас смотрит вся планета, — сказала Алиса. — Сделай это ради Гай-до.

— Алиса права, — сказал корабль. — Может, снова будем голосовать?

— Не надо, — вздохнул Пашка. — Если вы меня так просите, то я сделаю для вас доброе дело. Хотя это не значит, что я

вас простил. Мы могли быть первыми, если бы меня слушались.

Как только сел последний из кораблей, на трибуну взошел главный судья и почетные гости.

— Всех участников гонок просят подойти к трибуне, — услышали они голос Густава Верна.

Пашка вышел из корабля первым. Аркаша за ним.

— Не скучай без нас, — сказала Алиса. — Спасибо тебе, Гай-до.

— Я не буду скучать, — сказал Гай-до. — Я буду смотреть на экране, как вас награждают.

И Алиса побежала вслед за друзьями.

— Первое место и хрустальный кубок победителя всемирных гонок вручается экипажу корабля «Янцзы», город Шанхай, — произнес главный судья, подняв над головой сверкающую награду.

Он передал хрустальный кубок Вану. Хотя, впрочем, многие считают, что он передал его Лю.

— Второе место и серебряный кубок вручается экипажу корабля «Гай-до», — сказал Густав Верн. — Несмотря на то что экипажу пришлось преодолеть ряд дополнительных трудностей, московские школьники с честью вышли из положения.

Пашка первым взошел на пьедестал, принял серебряный кубок из рук судьи и поднял его над головой, чтобы его видела вся Земля.

Алиса отыскала в толпе зрителей Тадеуша с малышкой на руках. Тадеуш счастливо улыбался. А где же Ирия?

И тут Алиса увидела, как по опустевшему полю между замолкшими, неподвижными, как бы уснувшими кораблями бежит фигурка в белой косынке и голубом сарафане. Фигурка добежала до Гай-до и прижалась к его боку.

Как и договаривались, никто не узнал о том, что случилось на борту Гай-до. Может быть, Гай-до и признался Ирии, но она не выдала его.

После гонок ребята перелетели на Гай-до под Вроцлав. Они решили: пускай Гай-до поживет у своей госпожи. А когда его новые друзья соберутся в путешествие, он обязательно полетит с ними.

Они провели три чудесных дня в домике под Вроцлавом.

В лесу, на радость Алисе, уже поспела земляника, Аркаша

собрал коллекцию бабочек, а Пашка выкопал большую яму на дворе заброшенного старинного панского поместья, потому что кто-то из его новых друзей проболтался, что там есть старинный клад.

Тадеуш, который первые дни поглядывал с опаской на корабль, стоявший как башня рядом с домом, вскоре примирился с Гай-до, потому что обнаружилась удивительная вещь: стоило малышке заплакать или просто закапризничать, как ее несли к Гай-до, и при виде космического корабля девочка замолкала. Она могла часами, не отрываясь, глядеть на Гай-до. А Гай-до подслушал, как молодые парни пели на улице мазурку Домбровского, и напевал ее девочке по-польски.

Когда путешественники вернулись в Москву, Алиса повесила грамоту, где было написано, что она — наследная принцесса, у себя над кроватью. Но знакомые задавали столько вопросов, что она сняла грамоту и спрятала в ящик письменного стола.

Она вынет ее, когда соберется полететь на ту планету, где, как известно, давно уже установлена республика, но многие помнят об императрице Моуд, которая пожертвовала жизнью, чтобы разоблачить злобного узурпатора.

ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ

Вступление

О СТАРЫХ И НОВЫХ ЗНАКОМЫХ

Стоянка перед космовокзалом была переполнена, и Алисе пришлось минут пять кружить над ней, пока не освободилось место для ее флипа. Она пролетела совсем низко над рощей кокосовых пальм. Орехи уже созрели, дрессированные мартышки срывали их и метко кидали в корзины. С низким, почти неслышным гулом с космодрома поднялся рейсовый Москва — Марс, на несколько секунд завис неподвижно над полем, затем стремительно понесся к облакам.

Август подходил к концу, погода капризничала, даже бюро прогнозов не могло ее толком наладить. У входа в космовокзал громко перекликались туристки с Пилагеи в разноцветных париках, синий робот вынес из автобуса громадный букет орхидей, пожилая воспитательница пересчитывала галдящих малышей. У каждого малыша в руках розовый кристалл — значит, они вернулись из своей первой межпланетной экскурсии: такие кристаллы дают каждому, кто впервые побывает на Ганимеде...

Но для Алисы этот день был необычным.

Она провожала «Днепр».

Как быстро бежит время! Всего месяц назад они с Пашкой Гераскиным опускались в батискафе в глубины Тихого океана, спасались от морского змея, сражались на кладбище погибших кораблей и нашли затонувшую Атлантиду. И все это далеко в прошлом. Через две недели идти в школу, в седьмой класс, и все вокруг твердят: «Алиса, ты не ребенок, ты подросток, ты должна быть серьезной!»

Раньше она всегда торопила время, ей хотелось скорее вырасти, чтобы прекратилось это бесконечное детство, когда каж-

дый тебя учит, каждый что-нибудь запрещает, каждый дает полезные советы. Вот детство и прошло. Хорошо это или плохо?

Желтый, в черных кружках, похожий на божью коровку флип взвился со стоянки. Алиса сразу бросила свою машину вниз, чтобы занять его место. Времени до отлета «Днепра» оставалось в обрез. Жалко, если опоздаешь. Ведь еще неизвестно, увидит ли она когда-нибудь снова атлантов с Крины, которых они с Пашкой отыскали на дне Тихого океана.

Алиса выскочила из флипа и побежала на космовокзал.

Она не сразу разглядела в шумящей толпе своих друзей. Пашка первым заметил ее и закричал:

— Алиса, мы здесь!

Они стояли у ландышевого фонтана: капитан Полосков, с которым Алиса когда-то летала на «Пегасе» за дикими зверями, механик Зеленый, его рыжая борода поседела, а голубые глаза, как и прежде, были печальны, Тадеуш с видеокамерой через плечо, его прекрасная жена Ирия Гай, Пашка Гераскин и криняне.

Сначала Алиса подошла к кринянам.

— Здравствуйте, атланты, — сказала она.

Когда Алиса с Пашкой встретили их в подземельях Атлантиды, криняне старались убедить непрошеных гостей, что они — потомки атлантов. Только потом стало известно, что это не атланты, а жители планеты Крины, члены экспедиции, которые были заточены под дном океана, после того как неожиданно и таинственно прервалась связь с их планетой.

А теперь космический корабль «Днепр», которым командует капитан Полосков, должен помочь им вернуться домой. И разгадать тайну: почему двести пятьдесят лет назад связь с Криной прервалась и с тех пор никто в Галактике не знает, что же произошло с этой планетой.

— Ах, Алисочка! — воскликнула Афродита, бывшая наследница престола Атлантиды. — Я так рада тебя видеть! Я надеюсь, что ты обо мне не забыла?

За месяц на Земле наследница помолодела, лицо ее стало розовым, глаза блестели. Но, даже помолодев, Афродита совсем не была похожа на прекрасную греческую богиню. Она осталась пожилой толстой женщиной, которая так и не смогла расстаться с детством.

— Я о тебе не забыла, — улыбнулась Алиса и достала из сумки свою старую куклу, которую нашла в ящике под кроватью.

— Ах! — воскликнула наследница. — Какое счастье! Я так скучаю без моих кукол, которые остались в Атлантиде! Меня здесь никто не любит и никто не дарит мне игрушек.

— Афродита, ты не права! — возмутился ее отец, толстый старик Меркурий. — Мы загрузили в корабль два контейнера с игрушками.

— Это не те игрушки! — ответила Афродита. — Это не любимые игрушки!

Худой высокий Посейдон, глядя на которого никогда не подумаешь, что ему уже триста лет, положил сухую руку на плечо Алисе.

— Когда все уладится, — сказал он, — я буду тебя ждать. Прилетай к нам.

— А я? — вырвалось у Пашки Гераскина.

— Разумеется, ты тоже, наш отважный юный друг, — сказал Посейдон.

Робот, которого Алиса заметила, когда кружила над космовокзалом, подъехал к ним и спросил:

— Могу я видеть сейсмолога Посейдона с планеты Крина?

— Это я, — ответил старик.

— Примите, пожалуйста, этот скромный букет орхидей, — сказал робот, — от благодарных жителей гавайского города, который вы спасли от землетрясения.

Он протянул букет Посейдону. Тот смутился и ответил:

— Этот букет по праву принадлежит Алисе. Ведь она настояла, чтобы мы срочно поднялись наверх. Иначе бы никто не узнал о землетрясении.

Но, разумеется, Алиса букета не взяла.

Мастер Гермес стоял в стороне. Он так и не расстался со своим сундучком, где хранил инструменты. Много десятилетий он ходил с ним по переходам и залам Атлантиды, заделывая дыры, починяя трубы. Вот и везет его через всю Галактику домой.

Подошел невысокий седой человек со шрамом через щеку. Когда-то знаменитый капитан Симак, теперь начальник Космофлота.

— Вы готовы? — спросил он.

— Корабль «Днепр» к полету готов, — ответил Полосков.

— Хочу еще раз предупредить вас об осторожности, — ска-

зал Симак. — Наладить связь с Криной так и не удалось. Никто в Галактическом центре не знает, что там произошло. Ни один корабль с Крины не появлялся на населенных планетах. Ни один корабль не был там.

Алиса знала об этом. Уже месяц все газеты и телестанции рассказывали об этой тайне. Но педантичный Симак счел необходимым еще раз напомнить экипажу о сложности их задачи.

— Мы будем осторожны, — ответил Полосков.

— Вы отвечаете за безопасность наших гостей, капитан. Кринянам и без того пришлось многое пережить.

— Я обязательно вернусь на Землю! — воскликнула Афродита. — Здесь замечательные игрушки!

Симак вежливо кивнул и сказал механику Зеленому:

— Я очень рассчитываю на ваш пессимизм. Все знают, что вместо вопроса «Как дела?» вы говорите...

— «Что у нас плохого?» — хором ответили за Зеленого Алиса и Пашка.

Остальные рассмеялись. Даже сам Зеленый улыбнулся, хотя не выносил, когда над ним смеются. Но тут же согнал с лица улыбку и произнес:

— У нас еще немало недостатков. Некоторые дети плохо воспитаны.

— Они уже не дети, — сказал Тадеуш. — Они семиклассники, подростки.

— Прошло пять лет, как мы летали с Алисой на «Пегасе», — добавил Полосков.

Симак посмотрел на часы.

— Все, — сказал он. — Пора прощаться. Желаю счастья вам, криняне. И пускай наша с вами дружба станет началом дружбы между Криной и Землей.

— Спасибо, — ответил за кринян Посейдон.

Тадеуш обнял свою жену.

— Наступает осень, — сказал он. — Когда станет холодно, не надо открывать без нужды окна и закалять Вандочку.

— Не бойся, — ответила Ирия. — Даже если бы я захотела ее закалять, Гай-до никогда не разрешит.

Расставшись с экипажем и пассажирами экспедиции, Алиса, Пашка и Ирия Гай поднялись на крышу космовокзала. Они видели, как автобус подкатил к распахнутому люку «Днепра» и их друзья вошли в корабль. Автобус укатил обратно, люк закрылся, на вершине диспетчерской башни замигали сигнальные огни. Еще через несколько минут «Днепр» осторожно оторвался от летного поля и начал подниматься к облакам. Моросил дождик.

Ирия Гай незаметно смахнула слезу. Она обожала своего мужа и не выносила, когда тот улетал в экспедиции. Но что поделать, если твой муж космобиолог.

«Днепр» вонзился в серые облака и исчез.

— Полетели ко мне во Вроцлав, — предложила Ирия Гай.

— Спасибо, — сказала Алиса. — С удовольствием. Только не сегодня.

— На той неделе, — сказал Пашка. — Бюро прогнозов обещает хорошую погоду и много грибов.

— Правильно, — согласилась Алиса. — Мы навестим вас перед самым началом занятий. Я соскучилась по Гай-до.

— Замечательно! — сказала Ирия. — Гай-до каждый день о вас спрашивает.

На том и договорились.

Глава 1

«ДНЕПР» НЕ ОТВЕЧАЕТ

Есть под польским городом Вроцлавом небольшой домик на краю леса. Там живут космический биолог Тадеуш, его любимая жена инопланетянка Ирия Гай и их дочка Вандочка. А рядом с домом в саду стоит самый быстрый, умный и добрый космический корабль по имени Гай-до, построенный когда-то отцом Ирии.

В пятницу, как раз к обеду, Алиса и Пашка Гераскин прилетели к Ирии в гости.

В саду было пусто. Пашка осторожно опустил флип на дорожке возле большой клумбы с флоксами и выскочил первым.

— Алиса! — воскликнул он. — Гляди, какие яблоки!

Яблоки и в самом деле были удивительными. Дерево было густо усыпано красными, белыми, зелеными, желтыми, оранжевыми, длинными, круглыми, большими, маленькими плодами. Словно все существующие сорта яблок собрались на одном дереве.

— Тадеуш вывел, — послышался низкий голос. — Я ему помогал советами.

— Гай-до! — Алиса обернулась.

Кораблик был прикрыт кустами орешника.

Алиса кинулась к старому другу.

— Как ты? Не скучаешь? Ты совсем не изменился!

— Все меняется, — ответил кораблик и засмеялся. Он был рад видеть старых друзей. — Грустно лишь, что тебя забывают.

Из округлых боков кораблика вылезли два манипулятора, и они раздвинули кусты, чтобы лучше видеть Пашку и Алису.

— Честное слово, мы тебя не забывали! — сказала Алиса. — Но это лето было такое занятое. Мы были на острове Яп, опускались в океан в батискафе...

— Не надо лишних слов, — ответил Гай-до. — У меня есть телевизор, и я отлично знаю, что вы открыли Атлантиду. И Пашка, подозреваю, наделал там немало глупостей.

— Ну, это еще надо доказать, — возразил Пашка.

Сзади послышались быстрые шаги.

По дорожке к ним бежала Ирия Гай в домашнем халатике и переднике. В руке она держала поварешку.

— Мои дорогие! — закричала она. — Приехали! Какое счастье! Я совсем извелась от тоски.

— Обещали — сделали, — сдержанно ответил Пашка.

Ирия начала обнимать и теребить Алису, а Пашка отступил на шаг в сторону. Он обожал Ирию Гай, но испугался, что его тоже поцелуют. А поцелуев он, понятное дело, не выносил.

Вдруг внутри кораблика послышался детский плач.

— Простите, — сказал Гай-до, — Вандочка проснулась, пора ее кормить. Ты сама ее будешь кормить, хозяйка, или мне доверишь?

— Доверю, — сказала Ирия, потому что знала, как обидится корабль, если отнять у него обожаемую Вандочку. — Только сначала покажи ее моим друзьям.

Из открытого люка появились манипуляторы, которые держали розовую подушку. На подушке лежала годовалая девочка и сосала палец. Вандочка хныкала, и, когда Ирия взяла ее на руки, Гай-до проворчал:

— Сначала покормим, а потом, мамаша, будете играть с ребенком.

Но Ирия не послушалась и взяла девочку.

Девочка сразу перестала хныкать, а Гай-до сказал:

— Ты ее избалуешь. У этих мамаш никакого представления о педагогике.

Но Ирия его не слушала. Они с Алисой принялись обсуждать, на кого похожа Вандочка: сиреневые глазки от мамы, носик от папы, губки... губки вроде бы от мамы... а может быть, от папы...

Пашке этот пустой женский разговор быстро надоел, и он полез в Гай-до поглядеть на пульт управления.

К своему удивлению, он обнаружил, что внутри Гай-до все переделано. Похоже, что кораблю уже никогда не подняться в небо. Всю середину кубрика занимали детские вещи: люлька, бутылочки и тарелочки с пищей, пеленки, чепчики, игрушки... а вокруг были разбросаны многочисленные книжки о воспитании, кормлении и лечении маленьких детей. Целая библиотека на множестве языков.

— Ну, ты даешь, старина Гай-до, — сказал неодобрительно Пашка. — Видно, совсем забыл, как мы с тобой сражались в глубоком космосе.

— Ты не понимаешь, Пашка, — ответил Гай-до. — Самое благородное дело в мире — воспитывать младенцев. Ты еще не дорос до отцовской любви.

— И не спешу дорастать, — ответил Пашка. Он был расстроен, словно его предал лучший друг. — К тому же я думал, что если у тебя и будут дети, то железные.

— Не издевайся, — грустно ответил Гай-до. — Мне не дано стать отцом, но мне доступна любовь.

— Пашка! — позвала снаружи Алиса. — Пошли, окунемся в речке! Через десять минут обед.

Тут же в корабль вернулись внутренние манипуляторы, которые принесли подушку с Вандочкой. Ванда сидела, сосала конфету и улыбалась.

Манипуляторы осторожно положили девочку в люльку и принялись быстро готовить ей обед. С потолка спустилась третья рука и ловко отняла конфету.

— Перед обедом, — сказал Гай-до, когда девочка заревела, — хорошие дети не едят конфет, чтобы не испортить аппетита. А хорошие родители не дают малышам конфет за пять минут до обеда!

— Нет, — вздохнул Пашка, — мне с тобой не по пути.

Он выскочил из люка, взял свою сумку, и они с Алисой побежали купаться.

Речка была тихая, чистая, неглубокая, к ней склонялись ивы, рыбья мелочь прыскала в разные стороны от купальщиков. Вода была холодной. Алиса окунулась, вылезла на берег, достала кассету с записью языка планеты Крина и принялась учить. Пашка еще долго плескался, больше из упрямства, чем для удовольствия, вылез посиневший, зубы стучали, весь покрыт гусиной кожей. Он долго прыгал на берегу, залез на дерево, сорвался, снова залез. К обеду они, конечно же, опоздали, Ирия сердилась, что приходится подогревать суп.

Алиса глядела на Ирию и думала: «Как удивительно в ней уживаются два совсем разных человека! Один человек — домашняя хозяйка, хлопотунья, повариха: «Ах, как бы Тадеуш не простудился!», «Ах, как бы пчела не укусила Вандочку!». Второй человек — тот, которого воспитывал отец: боец, альпинист, отличный стрелок, победивший узурпатора на планете Пять-четыре, конструктор космических кораблей. Сегодня перед нами первый человек. А что будет завтра? Попробуй кто-нибудь обидеть ее Тадеуша или ее друзей. Тогда посмотрим!»

Обед был чудесный: суп с грибами, фритки — польская жареная картошка, тушеное мясо с ананасами, коктейль из кокосового молока, мангустины, которые Ирия выращивает в теплице... Алиса еле живая отвалилась от стола, глаза слипались. Но Пашка отважно сражался с третьей порцией малинового мороженого.

Алиса поднялась наверх, в свою комнату, поглядела сверху на сад. Погода испортилась, снова пошел дождик. Гай-до стоял посреди кустов, круглый, толстый, блестящий от дождевых струй, стекавших по нему. Он мерно покачивался и пел колыбельную песню на польском языке — видно, укачивал Вандочку.

Алиса свернулась калачиком на диванчике, успела подумать: «Какой здесь свежий, душистый воздух...» — и заснула.

Когда она поднялась, уже стемнело. Снизу раздавались голоса.

Она выглянула в окно. Пашка размахивал старинной саблей дедушки Тадеуша, сражаясь с большим чертополохом, Гай-до умолял его не шуметь, чтобы не разбудить Алисочку. У Гай-до

замечательная интуиция. Даже не видя Алису, он точно знал, спит она или нет.

— Ну вот, — услышала Алиса голос кораблика, — разбудил мою красавицу.

— Спать после обеда вредно! — ответил Пашка и сделал выпад. Но промахнулся. Потом поднял голову, увидел в открытом окне Алису и добавил: — Купаться пойдешь?

— Ни в коем случае.

— Купанье под дождем, — заявил Пашка, — закаляет лучше, чем подъем на Эверест. Хотя некоторые трусливые девчонки предпочитают вышивать гладью.

— Ах, гладью! — возмутилась Алиса, вскочила на подоконник и прыгнула вперед, чтобы достать до ветви могучего дуба, что рос возле дома. Ветвь спружинила, прогнулась, но Алиса уже перелетела на следующую, пониже, оттуда, метров с трех, прыгнула на землю. Пашка не успел отбежать и потому в мгновение ока был повержен.

— Ты что! — закричал он. — Больно же!

— Берешь свои слова обратно? — спросила Алиса.

— Ура! — закричал Гай-до. Он принялся стучать манипуляторами, изображая аплодисменты.

Пашка изловчился, вырвался. Ему было не очень приятно, что его победила Алиса.

— Ладно уж, — сказал он. — Я пошутил.

Из домика выглянула Ирия и позвала всех пить чай.

Чай пили на террасе, потому что Гай-до было скучно одному и хотелось поговорить.

Беседовали о планете Крина. Что могло с ней случиться?

Пашка, конечно, предположил, что на нее напали космические пираты или Черный странник.

— Конечно, — сказала Ирия, — этого исключать нельзя. В Галактике еще немало сохранилось всякой нечисти. Но все же мне кажется, что Паша не прав. Черный странник был один. Другого в Галактике никто не знает. И он давно погиб. А пиратам, даже если все пираты соберутся вместе, целую планету не захватить. Ведь Крина была цивилизованной планетой. Криняне могли путешествовать между звезд, у них была развита наука. Нет, здесь что-то иное...

— Эпидемия, — предположила Алиса.

— Это больше похоже на правду, — вмешался в разговор Гай-до. — По имеющейся у меня информации, по крайней мере три планеты за последние двести лет погибли из-за эпидемии. На Перикюле после космической чумы, которую занесла одна из экспедиций, спаслись лишь несколько человек. Что касается второго случая, то я о нем узнал из информатория...

— Погоди, Гай-до, — перебила его Ирия. — Ты так будешь рассказывать до утра. А ведь могло случиться, что там началась война и все погибли.

— Цивилизации такого высокого уровня, как кринянская, — сказал Гай-до, — уже не воюют. Этот закон сформулировал А-Пей-до на втором галактическом конгрессе футурологов и социопрогностиков на Альдебаране восемнадцать лет назад. Меня удивляет, что ты, моя хозяйка, этого закона не запомнила.

— У меня голова, а не компьютер, — ответила Ирия, и Гай-до замолчал. Он не выносил, если ему напоминали о том, что он всего-навсего машина.

Пашка подошел к телевизору.

— Я просто не представляю, — сказал он, — как люди жили в древности. Смотрели по телевизору не то, что хочется, а то, что показывают. Я недавно читал статью по истории телевидения. Оказывается, лет сто назад ты включаешь, допустим, телевизор в восемь часов. Показывают футбол. А тебе нужно узнать новости. А до новостей надо ждать целый час. Глупо, правда?

— Не понимаю, — сказала Алиса. — А если тебе некогда?

— Значит, жди до завтра.

— Мы не можем ждать, — сказала Алиса. — «Днепр» уже долетел до Крины.

Пашка включил телевизор.

— Пожалуйста, — сказал он, — прочтите нам новости.

— «Как сообщают с Паталипутры, — отозвалась дикторша, улыбнувшись, — эпидемия гигантизма, охватившая там коров, взята под контроль. Стадо гигантских коров, выросших после этой загадочной болезни, отправлено в зоопарк на исследование...»

На экране возникли коровы. Они мирно паслись на лугу... Нет, это не луг, они объедали вековые деревья!

— Радовались бы! — сказал Пашка. — Такая корова дает, наверное, тонну молока.

— А сколько она ест? — спросила Алиса.

И дикторша, будто услышав вопрос Алисы, добавила:

— «Стадо гигантских коров способно за один день уничтожить до десяти гектаров отборного леса».

Тут дикторша сделала паузу.

— «Одну минуточку, — сказала она. — Только что из центральной диспетчерской к нам поступила срочная информация... Она касается экспедиции к загадочной планете Крина...»

— Вот видите, — сказала Алиса. — Наверное, они приземлились.

— Погоди, — раздался голос Гай-до, — по интонации дикторши я чувствую, что дело неладно.

— «Экспедиция находилась на постоянной связи с диспетчерской. Двадцать минут назад была получена информация, что экспедиция достигла планеты и корабль готовится к посадке. После этого связь внезапно прервалась. Возможно, возникли помехи... Мы будем информировать о корабле «Днепр», как только поступят дополнительные сведения. А теперь начинаем репортаж с межпланетных соревнований по фехтованию на лазерных шпагах...»

— Не выключай! — сказала Алиса, увидев, что Пашка поднимается с кресла.

— И не думаю, — сказал Пашка. — Я просто хотел выйти на связь с диспетчерской. Они нам скорее скажут.

— Им сейчас не до нас, — сказала Ирия.

Она поднялась и подошла к перилам террасы. Подняла голову, глядя на звезды.

— Я чувствую, — сказала она, — что случилось несчастье.

— Какое может случиться несчастье с «Днепром»? — удивился Пашка. — Это же корабль первого класса.

Никто ему не ответил. Несчастья случаются с любым кораблем.

До ночи никаких новостей больше не было. Центральная диспетчерская все время пыталась добиться связи, но корабль не отвечал. В двенадцать Ирия заставила ребят пойти спать. Сама она осталась у телевизора. Алиса долго не могла заснуть, прислушивалась сквозь писк комаров к голосу диктора...

Глава 2

«МЫ ЕГО НАЙДЕМ!»

Алиса проснулась на рассвете, как только в лесу начала куковать кукушка. Лес был тихий, осенний, не то что в июне, когда он полон птичьих голосов.

Алиса поднялась, умылась и тихонько спустилась вниз.

Гай-до был покрыт росой и блестел сквозь листву. Телевизор на веранде был включен. Возле него в плетеном кресле сидела, нахохлившись, Ирия.

— Что нового? — тихо спросила Алиса.

— Ничего, — ответила Ирия.

— А что делать?

— Я только что говорила с диспетчером, — сказала Ирия. — Связи с «Днепром» нет.

Из кустов донесся тихий голос Гай-до. Корабль боялся разбудить Вандочку, что спала в нем.

— Мне нужны пленки переговоров «Днепра» с диспетчерской, — сказал он. — Я бы их проанализировал.

— Если связь оборвалась неожиданно, — сказала Ирия, — этот анализ тебе ничего не даст.

Дикторша на экране сказала:

— «Передаем дополнительные сведения, касающиеся экспедиции на «Днепре». Совет капитанов постановил готовить спасательную экспедицию к Крине. В качестве базы для экспедиции выбран патрульный крейсер «Боец», который в настоящее время дежурит за Трансплутоном. Сегодня крейсер будет вызван на Землю для подготовки к срочному вылету...»

— К срочному, — сказала, усмехнувшись, Ирия Гай.

— После дождичка в четверг, — добавил Гай-до, который знал все поговорки Галактики.

На веранду вышел сонный Пашка. Он тер глаза, жмурился, зевал.

— Что нового? — спросил он. — Нашли?

— Готовят экспедицию, — сказала Алиса.

— Пока они подготовят, — сказал Пашка, — мы уже будем там.

— Как так? — не поняла Алиса.

— Я во сне понял, — сообщил Пашка. — Мы не можем ждать, пока их найдут другие. У нас есть Гай-до.

— Пашка, ты что?

— А я лучше спрошу Ирию. Ирия, ты как думаешь?

— Я уже решила, — сказала Ирия спокойно.

— Что?

— Я лечу на Крину. Сегодня.

— И я с тобой, — сказал Пашка.

— Нет! Я лечу одна, — сказала Ирия. — И попрошу тебя, Алиса, позаботиться о Вандочке, пока нас с Гай-до не будет на Земле.

— И меня тоже не берешь? — удивился Пашка.

— Не беру.

— Тебе нужен мужчина на борту. Защитник.

Даже Алиса улыбнулась. Пашка совсем забыл, что Ирия Гай даст сто очков вперед любому мастеру спорта.

— Мы с Гай-до уже летали вдвоем и умеем обходиться без мужчин, — сказала Ирия.

Глаза Ирии потемнели, щеки запали, движения стали резкими.

— Послушай, Ирия, — сказала Алиса. — Ты права. Долететь ты сможешь одна. Но мы не знаем, что случилось на планете. Мы не знаем, что угрожает нашим друзьям. Ты сейчас думаешь только о Тадеуше. А кроме Тадеуша на борту еще несколько наших друзей. Я имею такое же право, как и ты, переживать за них.

— И я! — воскликнул Пашка.

— Мы тебе пригодимся. А если ты боишься, что тебе придется о нас заботиться и нас защищать, ты глубоко ошибаешься.

— Мы уже не дети, — сказал Пашка.

— Они правы, — послышался голос Гай-до. — Я уже просчитал все варианты полета. Куда больше шансов, что ребята тебе помогут, чем помешают.

— Ой, Гай-до, помолчи, — отмахнулась Ирия.

— Не могу молчать, — ответил с достоинством кораблик, — когда речь идет о справедливости.

— А что подумают ваши родители? — Ирия уже начала сдаваться.

— А они подумают, что мы у тебя в гостях, — ответил Пашка. — И пускай это тебя не заботит.

— Нет, не могу. Это слишком опасно, — вздохнула Ирия.

— Арьергардный бой, — заметил Гай-до. — Она уже почти сдалась. Можете собираться.

— Мы его найдем! — воскликнул Пашка.

Вся первая половина дня ушла на сборы, устройство Вандочки и дипломатические маневры с родителями.

А что касается оружия и снаряжения, у Ирии все было дома.

Глава 3

ПУТЬ К ЗАГАДОЧНОЙ ПЛАНЕТЕ

— Корабль Гай-до, третьего класса, пункт приписки Земля, начинает испытательный полет за пределы Солнечной системы, просит разрешения на выход в космос, — произнесла Ирия. Она сидела за пультом. Пашка рядом с ней, перед штурманским дисплеем.

— Гай-до, — диспетчер на экране улыбнулся Ирии, — выход разрешаю. Когда вернетесь?

— Дня через три, может быть, через неделю.

— Удивительные существа эти женщины, — сказал диспетчер, обернувшись к кому-то в комнате. — От трех дней до бесконечности. Все-таки без мужчин я бы их в космос не пускал.

Ирия быстро выключила экран.

— Пронесло, — сказал Пашка.

— А почему должно было не пронести? — спросила Алиса. — Мы им не врали. И нет никаких запретов улетать с Земли.

— Если бы они знали, что мы летим на Крину, никогда бы не пустили.

— Отставить пустые разговоры, — сказала Ирия. — Алиса, приготовь завтрак экипажу.

На ней был рабочий комбинезон и облегающий шлем. От этого лицо казалось совсем другим, чем вчера.

Алиса спустилась в трюм. Гай-до, который понимал, что с Ирией сейчас разговаривать нет смысла, начал давать Алисе советы, что достать из холодильника. Хотя Гай-до, если не считать топлива, никогда ничего не ел, он мнил себя великим кулинаром. За последний год, проведенный в саду под Вроцлавом, он проштудировал все кулинарные книги, что были дома и в библиотеке. У Гай-до была идея придумать такое питание для Вандочки, чтобы вырастить из нее самую здоровую девочку в

Галактике. У него вообще было много идей, и далеко не все из них самые умные. Но, как уверяет Гай-до, даже великие Эйнштейн и Дарвин время от времени ошибались.

Алиса слушала Гай-до рассеянно. Хорошо было бросаться в авантюры, если ты ребенок. Да здравствует приключение! Теперь, когда тебе уже почти тринадцать лет, начинаешь задумываться над последствиями. Конечно, она не раскаивается, что полетела на Крину. Но ее не оставляли другие мысли: отчет о летней практике так и не написан, коллекции не разобраны, на биостанции ждет Аркаша Сапожков, у него не получается опыт. И бабушку она уже три месяца не видела...

Сверху из рубки донесся голос Ирии, которая вышла на связь с центральным информаторием на Земле:

— Значит, никаких новостей? А как идет подготовка к спасательной экспедиции?

— Крейсер «Боец» прибыл на Землю. Центральный компьютер просчитывает варианты опасности. Старт экспедиции через три дня, — ответил голос диспетчера.

Раздался щелчок. Связь прервалась.

— Не понимаю, — сказал Гай-до. — Какие могут быть варианты? Что они там рассчитывают? Главное я высчитал. И на это у меня ушло сорок шесть секунд.

— Что ты вычислил? — спросила Алиса.

— Точку над Криной, в которой прервалась связь с «Днепром». Восемь километров. И эту цифру я вам советую запомнить.

Покормив друзей и вымыв посуду, Алиса взяла мневмокассету и принялась изучать язык кринян. Она не хотела учить язык под гипнозом, как сделали Пашка и Ирия, которые видели в этом докучливую обязанность. Лучше потратить три дня — все равно в полете — и выучить язык основательно, на всю жизнь, а не только на одну экспедицию.

Ирия проверяла снаряжение, а Пашка сидел за пультом управления, ловил на экранах золотые искорки встречных кораблей и вступал в переговоры с их радистами.

На следующий день дежурил по камбузу Пашка, и им пришлось есть подгоревшую яичницу, а молоко сбежало. Гай-до сообщил, что по всем законам физики испортить завтрак в условиях автоматической кухни невозможно и надо иметь к этому особый талант. Пашка признался, что у него такой талант есть.

На четвертый день полета Гай-до сообщил:

— Система Крины в пределах видимости. Начинаю снижать скорость.

Прошло еще полдня, прежде чем Крину смогла увидеть и Алиса.

Диск планеты был похож на земной. Белые спирали циклонов перекрывали очертания коричневых континентов и голубых океанов.

Гай-до вышел на орбиту вокруг Крины на высоте двадцати пяти километров и начал изучать планету.

Экипаж Гай-до расположился перед экраном, а он сам комментировал то, что они видели.

— Первое наблюдение, — произнес Гай-до, — не видно воздушных кораблей. Ни самолетов, ни ракет, ни дирижаблей.

— Странно, — сказала Алиса. — Триста лет назад они долетали до Земли и других планет. Куда же все делось?

— Ответить не могу, — серьезно сказал Гай-до. — Констатирую факт.

— Смотрите, город! — воскликнул Пашка.

В самом деле, на экране появился город. Можно было угадать улицы, даже отдельные дома.

— Наблюдение второе, — сказал Гай-до. — Не вижу на улицах быстроходных машин.

— Но отсюда не разберешь, — возразил Пашка.

— Разрешающая возможность моих объективов, — возразил Гай-до, — позволяет с высоты в двадцать пять километров различать предмет диаметром в два метра.

— А люди? — спросила Ирия. — Ты видишь людей?

— Да. Я почти уверен, что вижу отдельных людей, а в одном месте... смотрите... скопление людей возле большого здания.

Алиса тоже увидела на экране темное пятнышко.

— Значит, они не вымерли, — сказала Алиса.

— А может, это обезьяны? — спросил Пашка. — Люди вымерли, а их место заняли обезьяны. Я читал об этом в фантастическом романе.

— Не исключаю и такой возможности, — серьезно ответил Гай-до.

— Фантастические романы мы будем обсуждать потом, — сказала Ирия Гай. — Продолжайте наблюдение.

Гай-до еще несколько раз облетел планету. Они видели другие города, отдельные здания, деревни, дороги, корабли в море.

— Это удивительно, — сказал наконец Гай-до. — Если бы я не знал, что представляет собой Крина, я бы решил, что мы летаем вокруг отсталой планеты. Экипажи, что двигаются по улицам, по-моему, запряжены лошадьми или какими-то похожими животными, дороги запущены, некоторые зарастают кустарником. Корабли... Я убежден, что корабли здесь парусные.

— Все ясно, — сказал начитанный Пашка. — Я и об этом читал в фантастическом романе. Они истратили все свое топливо, и им пришлось перейти на силу ветра и лошадей.

— Ты опять ошибся, Паша, — сказала Ирия Гай. — Ты же знаешь, что на Крине были атомные станции, гравитолеты, солнечные и световые двигатели...

— Больше мы ничего отсюда не увидим, — сказал Гай-до.

— А как же «Днепр»? Если он не взорвался, то должен лежать на планете, — сказал Пашка.

— Продолжай облеты, пока не убедишься, что корабля нет, — приказала Ирия кораблику.

Тот молча подчинился.

И еще через три витка Гай-до показал на дисплее фотографию: в глубине густого леса среди деревьев лежит... космический корабль. Корпус его частично скрыт деревьями. Через минуту, сличив силуэт корабля с данными компьютера, Гай-до доложил, что сомнений у него нет: это «Днепр». Безжизненный, замерший, заваленный стволами деревьев, которые он сокрушил при посадке...

— Спускайся, чего же ты ждешь? — закричал Пашка.

— И не подумаю, — ответил Гай-до. — Я не знаю, почему они сели в лесу, я не знаю, почему прервалась связь, я не хочу, чтобы с нами случилось нечто подобное.

Ирия волновалась. Алиса увидела, как побелели ее пальцы, которыми она вцепилась в край пульта.

— Скажи, Гай-до, — ее голос дрогнул, — корабль поврежден? Нет ли в нем пробоин?

Все замолчали. Вопрос Ирии был понятен. Если в корабле есть пробоина — неизвестно от чего: от метеорита, от вражеской ракеты, — значит, он погиб, и погибли все, кто на нем находился.

Гай-до ответил не сразу.

«Пускай ее не будет, — мысленно умоляла его Алиса. — Пускай ты не найдешь пробоины!»

Наконец в гробовой тишине послышался голос Гай-до:

— Я не могу разглядеть его днище. С боков и сверху корабль цел.

Алиса вздохнула с облегчением.

— Но он совершил аварийную посадку. Это очень странно, — продолжал Гай-до.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что он сел в вековой лес, где стоят деревья в два обхвата. Ни один разумный капитан не будет сажать свой корабль в таком лесу, если рядом, всего в пяти километрах, есть большая ровная поляна.

Алиса поняла, что Гай-до прав.

— Гай-до, — сказал Пашка, — ты хочешь, чтобы мы навсегда остались на орбите?..

— Помолчи, — оборвала Пашку Ирия Гай. Она села за пульт и набрала приказ.

— Правильно, — откликнулся Гай-до, — я только собирался это сделать.

От Гай-до отделилась проба — небольшой управляемый аппарат, который спускают на неизвестную планету, чтобы определить ее температуру и состав воздуха.

Гай-до молчал, остальные смотрели, как на экране проба мягко опускается в атмосферу планеты. Рядом с ее изображением на дисплее загорались цифры — данные о ее скорости и высоте.

Когда до поверхности осталось восемь с половиной километров, все затаили дыхание — именно на этой высоте, по подсчетам Гай-до, что-то произошло с «Днепром». Но ничего не случилось. Проба миновала высоту, и ее приборы показали, что никаких изменений в составе воздуха нет. Ничто не помешало пробе достигнуть поверхности планеты. Воздух там был пригоден для дыхания, температура — плюс восемнадцать градусов.

— Все нормально, — сказал Пашка первым.

— Не знаю, — ответил Гай-до. — Не верю я этой планете. Ведь с «Днепром» что-то произошло!

— Но это не значит, что с нами случится то же самое? — спросил Пашка.

— Гай-до прав, — сказала Ирия Гай. — Поймите, ребята, я

куда больше вас спешу на Крину. Там, в «Днепре», мой Тадеуш. Но если с нами что-то случится, весь смысл экспедиции пропадет. Подождем возвращения пробы.

Проба вернулась через сорок минут. Она подлетела к Гай-до и спряталась в специальном люке. Гай-до принялся изучать ее записи. Алиса тем временем рассматривала местность, на которой лежал «Днепр».

И в самом деле странно — до края леса, где за обширной пустошью текла широкая река, было километров пять. За рекой начиналась равнина, где были видны отдельные домики.

— Я так и думал! — услышала Алиса возглас кораблика. — Именно на этой высоте есть какое-то препятствие.

— Какое? — спросила Ирия.

— Не понимаю. Все физические характеристики воздуха те же самые, температура почти без изменений... плотность воздуха чуть-чуть выше... Эффект светового преломления чуть-чуть иной... Но что это? Это не микроорганизмы, это какое-то неизвестное мне поле... Никогда не встречал... я в тупике. Но интуиция меня никогда не обманывала. Там таится опасность, моя госпожа.

— Что же будем делать? — спросила Ирия.

— Рискнем? — сказал Пашка.

— Есть один выход, — сказал после некоторого раздумья Гай-до. — Весь резерв гравитонов я могу обратить на создание мощного силового поля, которое защитит нас... Но тогда мне уже не подняться с планеты.

— Ничего страшного, — сказала Алиса. — Там внизу «Днепр». Мы возьмем топливо на нем.

— А вдруг что-нибудь случится? — возразил Гай-до. — Я ведь потеряю подвижность и не смогу прийти вам на помощь.

— Об этом сейчас не думай. На планете мы сами о себе позаботимся, — сказала Ирия Гай. — Работай! Сколько времени тебе понадобится?

— Две минуты, — сказал Гай-до печально. Никому не хочется стать неподвижным, а для Гай-до не летать — все равно что человеку остаться без ног, а птице без крыльев.

Ирия набрала на пульте курс. Если отключится автоматика, ей придется сажать корабль вручную.

— Опускаемся на поляне, на краю леса, — сказала она. — Если для «Днепра» метровые стволы все равно что спички, для

Гай-до они опасны. Пять километров пройдем пешком. Хорошо?

— Конечно, — сказал Пашка, — часовая прогулка.

— Готово, — сказал Гай-до. — Начинаю снижение.

Он медленно пошел вниз. Двадцать километров... пятнадцать... десять... девять... восемь...

Вдруг они увидели на экранах, как небо вокруг корабля начало интенсивно светиться фиолетовыми сполохами, похожими на полярное сияние. Алиса почувствовала, что в голове у нее зажужжало. Она хотела сказать об этом Ирии, но рот не открывался... Неприятное ощущение длилось меньше минуты. Затем сияние погасло.

— Прошли, — сказал Гай-до. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — сказала Ирия. — Но ты был прав. Там в самом деле какое-то поле.

— У меня в голове будто оркестр заиграл, — сказал Пашка. — И полное затмение.

— У меня тоже, — сказала Алиса.

Ирия не сказала ничего. Она вела кораблик вниз.

Гай-до тоже молчал. Он берег остатки энергии.

Шесть километров... четыре... два... пятьсот метров... Гай-до шел на бреющем полете над речкой. Вот и пустошь, за ней зубчатой стеной поднимается лес.

Корабль мягко коснулся травы, подскочил, улегся поудобнее.

— Все, — сказала Ирия. — Теперь в путь.

— Я буду ждать, — слабым голосом произнес Гай-до.

Глава 4

ТАЙНА «МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ»

Через несколько минут они покинули кораблик.

Впереди шла Ирия. В облегающем комбинезоне, в шлеме, к которому спереди прикреплен сильный фонарь. За спиной рюкзак, в нем пища, походная аптечка, заряды для парализующих пистолетов, теплая одежда — ведь никто не знает, что их здесь ждет. За широким поясом Ирии был кинжал в ножнах, кобура с бластером и моток тонкого троса.

Так же были снаряжены и ее юные спутники.

В том месте Крины, где опустился Гай-до, было позднее утро. Холодный ветер гнал над вершинами деревьев низкие серые тучи. Высокая трава, мокрая от недавнего дождя, поднималась выше колен. Земля под ногами была скользкой, в траве виднелись проплешины — пятна рыжей глины.

Лес поднимался перед ними сплошной темно-зеленой стеной. Если не считать шелеста ветра, вокруг царила тишина. Не слышно было пения птиц и жужжания насекомых. Крина показалась неласковой, угрюмой и настороженной.

За пять минут путешественники дошли до леса.

Подлеска в нем не было. Прямые седые стволы поднимались из покрытой голубым мхом земли. Деревья стояли так тесно, что сквозь потолок листвы свет почти не проникал. В лесу было сумрачно и сыро. Светлые стволы казались привидениями, и Алиса невольно жалась к Ирии. Она поминутно оглядывалась, будто деревья могли сойти с места и догнать ее.

Идти было трудно, ноги порой проваливались, прорвав слой мха, что покрывал сгнившие стволы или ямы между узловатыми корнями.

Попадались грибы. Они были похожи на громадные поганки, чуть ли не с Алису ростом. Хоть ветра в лесу не было, поганки покачивались на длинных тонких ножках, будто раскланивались с гостями. Большая летучая мышь пролетела над головами, так быстро, беззвучно и страшно складывая метровые крылья, что Пашка от неожиданности присел и чуть было не выстрелил в чудовище. Мышь давно уже исчезла, а в глазах Алисы все еще стояла ее ухмыляющаяся морда.

Они шли молча, говорить не хотелось: еще привлечешь голосами внимание тварей, что таятся в чаще.

Пять километров, которые надо было пройти до «Днепра», растянулись на два с лишним часа. С каждым шагом лес становился все гуще, седые стволы сдвигались все теснее, мох делался все выше, словно они шли по дну моря, раздирая ногами мягкие упругие водоросли.

— Стой! — прошептала Ирия.

Она показала вправо.

Там, в дымке между стволов, двигалось мохнатое животное, похожее на огромного кабана. Животное на секунду замерло, глядя в упор на Алису маленькими черными глазками... и по-

шло прочь. Кабан уходил беззвучно, словно лишь привиделся Алисе. Потом вдали хрустнула ветка...

Через час Ирия разрешила устроить привал. Сама она не устала, но понимала, что силы ребят на исходе. Они остановились на небольшой прогалине между деревьев, где над головой был виден клочок серого неба. Ирия достала из рюкзака термос с горячим бульоном, и они подкрепились.

Когда Алиса допивала бульон, она услышала шорох над головой. Она кинула взгляд наверх и замерла.

С низкого горизонтального сука до половины свесилась толстая блестящая белая змея. Ее голова была всего в десяти сантиметрах от Пашкиного лица. Красная пасть широко распахнулась, раздвоенный язык в нетерпении высунулся изо рта и плясал между острых зубов.

Размышлять было некогда. Даже бластер не успеешь достать.

Алиса крикнула:

— Пашка, ложись!

И кинула крышку от термоса, из которой пила бульон, в морду змее.

Пашка не понял, чего от него хотят, и начал крутить головой, соображая, откуда грозит опасность. Змея не обратила никакого внимания на крышку, пролетевшую рядом с ней.

Быстрее всех оказалась Ирия. Она успела выхватить усыпляющий бластер и поразила змею в мгновение, когда ее зубы были готовы коснуться Пашкиной шеи.

Змея дернулась, тяжело, вяло, как мешок, соскользнула на землю и вытянулась во всю свою пятиметровую длину у Пашкиных ног. Он стал медленно отступать назад, приоткрыв рот и выставив перед собой руки... Но тут он ударился спиной о ствол соседнего дерева, отчаянно прыгнул в сторону и провалился в моховую подушку.

— Да, — сказала Ирия, задумчиво глядя на змею, — здесь не следует отвлекаться.

Пашка поднялся. Он был бледный и злой.

Ирия спрятала бластер и сказала:

— Я думаю, что мы достаточно отдохнули. Можно идти дальше.

— Конечно, — сказала Алиса, но идти дальше она не могла, потому что у нее дрожали коленки. У Пашки тоже.

Пока ребята приходили в себя, Ирия сфотографировала змею, взяла пробу ее яда, смерила температуру ее тела. Ирия никогда не теряла времени даром.

Алисе было стыдно, что она не помогает Ирии, но дотронуться до этого скользкого чудовища у нее не было сил.

Первым собрался с духом Пашка.

— Пошли, что ли? — сказал он угрюмо. — А то совсем темно станет.

Ирия тут же пошла вперед.

Больше ничего, достойного упоминания, не произошло. Через полчаса впереди стало светлее, и они увидели поврежденный «Днепр».

Но добраться до него оказалось непросто. Ударившись о землю и протаранив дорогу среди лесных великанов, корабль повалил множество деревьев, и они, перепутавшись корнями и сучьями, образовали баррикаду, через которую путешественники перебрались с великим трудом.

Корабль почти не пострадал от такой необычной посадки, только кое-где на корпусе виднелись царапины.

«Днепр» был безмолвен и как будто мертв. Капли дождя ударяли по его обшивке, на сломанной внешней антенне сидела черная ворона. При приближении людей она с громким карканьем поднялась вверх и полетела оповещать лес о том, что видела чужих.

Они остановились, не доходя ста шагов до корабля.

Ирия знаком приказала ребятам оставаться на месте, а сама осторожно подошла к «Днепру». Люк был открыт, но трап не был спущен. Ирии пришлось подпрыгнуть и подтянуться на руках, чтобы забраться внутрь корабля.

Целую минуту Ирия простояла в первом отсеке неподвижно, вслушиваясь, есть ли кто-нибудь на корабле. Потом исчезла внутри.

Пашка сделал шаг к «Днепру».

— Стой, — сказала Алиса. — Ты куда? Ирия велела ждать.

— Жди, если хочешь, — огрызнулся Пашка. — Я могу ей пригодиться.

Он шел, выставив перед собой бластер, и, видно, сам себе казался героем. Но тут, как назло, под ним обломился сук, и Пашка завяз в переплетении веток.

В проеме люка показалась Ирия.

— Там никого нет, — сказала она.

Ее голос показался слишком громким.

Ирия протянула руку, помогая Пашке взобраться в корабль, а Пашка помог Алисе.

Ирия включила аварийное освещение.

Коридор, ведущий к отсеку управления, был пуст. Там не было ни одного человека. На полу валялись вещи, которым не положено валяться на полу корабля: один башмак, чья-то записная книжка, открытая консервная банка, из которой натекла уже засохшая лужа сгущенного молока, золотой нагрудный знак пилота, хлебная корка, радиационный счетчик и, что самое удивительное, бластер.

В отсеке управления тоже были следы беспорядка. Один из дисплеев разбит, кресло штурмана опрокинуто, на полу разорванные штурманские карты, второй башмак...

Алиса спросила:

— Ты смотрела в каютах?

— Разумеется, — сказала Ирия. — Там то же самое.

— Значит, на них напали грабители, — уверенно сказал Пашка. — Сначала они увели людей, а потом стали тащить вещи. Но очень спешили и многое по пути потеряли.

— Скажи тогда мне, — спросила Ирия, — что пропало с корабля?

— Ну как я могу сказать? — удивился Пашка. — Я же не знаю, что было тут прежде.

— Я тебя поняла, Ирия, — сказала тогда Алиса. — Даже если не знаешь, что было, можно сказать, что должно быть.

— Правильно, — сказала Ирия. — Я была в каюте Тадеуша, там все разбросано, но ничего не пропало. — Она помолчала и добавила: — И кто-то разорвал мою фотографию.

— Ничего удивительного, — тут же предложил другую версию Пашка. — На них напали дикари, которые не знают ценности вещей. Они хватали что придется и бросали.

Ирия как будто не услышала Пашку. Она продолжала:

— Обрывки фотографии валяются на полу, там же куртка Тадеуша. Он ее не надел. И талисман — медальон с локоном Вандочки. Тадеуш никогда не снимал медальон — ни днем, ни ночью.

Они еще раз обошли весь корабль, стараясь найти хоть ка-

кой-нибудь ключ к разгадке того, что случилось с экипажем. В каюте наследницы Афродиты валялись ее любимые куклы. В каюте мастера Гермеса Алиса нашла его заветный сундучок с инструментами... Люди, покидая корабль, расставались с самыми дорогими их сердцу вещами.

Так ничего и не поняв, они вернулись в отсек управления.

Корабельный журнал — кассета с пленкой, на которой регистрируется вся жизнь корабля, — обнаружился под креслом. Они включили кассету. Алиса узнала голос капитана Полоскова. Вот он сообщает, что планета Крина в пределах видимости. Вот идет доклад о переходе на орбиту... Полосков говорит: «Странно: над планетой нет воздушных кораблей». После этого Полосков отдает команду начинать снижение. Последние слова Полоскова звучали так: «Высота восемь тысяч семьсот метров. Экипажу приготовиться к посадке. До моего разрешения никому корабль не покидать...»

И тут его голос оборвался, а вместо него Алиса услышала другой: то ли Зеленого, то ли Тадеуша. Голос произнес: «Какая чепуха!» Послышался чей-то смех. И запись оборвалась. Лишь тихо шуршала пленка...

— Вот и все, — сказала Ирия.

— Что делать дальше? — спросил Пашка.

— Если их нет в корабле, мы будем их искать вне корабля, — сказала Ирия.

— А как же Гай-до? — спросила Алиса. — Он нас ждет. Он же совсем беспомощный.

— Рано, — отрезала Ирия. — Мы еще ничего не узнали. А если сейчас нести контейнер с топливом к Гай-до, это... это займет всю ночь. И неизвестно, что нас ждет ночью в лесу. Постараемся обойтись собственными силами. Если до темноты ничего не обнаружим, проведем ночь в «Днепре». Это безопаснее. Если бы я была одна...

Но Ирия оборвала себя. Может быть, ей хотелось сказать, что ребята для нее обуза, но она этого не сказала.

— Знаете, что мне это напоминает? — спросил Пашка.

— Что?

— Тайну «Марии Целесты». Читали?

— Я читала, — сказала Алиса. — А Ирия вряд ли.

Ирия отрицательно покачала головой.

— Много лет назад, когда корабли были парусными, в океане нашли «Марию Целесту». Корабль был совершенно цел, на плите стоял чайник, все вещи были целы... и ни одного человека.

— И что же с ними случилось? — спросила Ирия.

— До сих пор эта тайна не разгадана, — ответил Пашка.

Они прошли по коридору обратно к выходу.

— Почему они не спустили трап? — подумала вслух Ирия, останавливаясь перед люком.

Алиса увидела, что Ирия глядит на запор люка. Запор открывался, если нажмешь на кнопку справа от люка. Вторая кнопка выпускала трап. Дублирующие кнопки были в отсеке управления. В крайнем случае можно было открыть люк вручную, повернув рычаг, — это было сделано на случай, если по какой-то причине откажут силовые установки, чего обычно не бывает.

Но кто-то, забыв о кнопках, старался выбить дверь, приспособив как лом толстый стальной прут. Краска с люка была сбита неверными, неточными ударами. Вмятины и царапины были на самом рычаге.

— Вот видишь, — сказал Пашка, — дикари-грабители все-таки здесь побывали.

— И вместо того чтобы пробиваться в корабль, они старались из него выйти, — ответила Алиса. — Очень остроумно.

— Не исключено, — сказал Пашка, — что рычаг закрылся случайно, а грабители не знали, как открывается люк.

— А наши смотрели, как они это делают? — спросила Алиса.

— Не веришь? Ну хорошо, у меня по крайней мере есть своя версия. А ты только критикуешь, — сказал Пашка. — Предложи свою.

— Не знаю, — честно сказала Алиса.

Ирия спрыгнула на землю и принялась осматриваться в поисках следов. Но на мху и в переплетении ветвей трудно было что-нибудь отыскать. Алиса и Пашка, спрыгнув за ней, тоже стали искать следы, бродя кругами вокруг корабля. Но с каждой минутой искать было все труднее. Смеркалось. Дождь разошелся не на шутку. Порывы дикого ветра раскачивали вершины деревьев.

В двадцати шагах от корабля на обломанном суку Ирия увидела лоскут от синей куртки. Кто-то зацепился за сук и потом, вместо того чтобы осторожно освободиться, так рванул, что рукав разорвался... «Значит, он спешил? Бежал?» — подумала Алиса. Но говорить ничего не стала. Она понимала, что Ирия не хочет обсуждать новые версии. Она представляет себе, что где-то здесь, может, раненый, может, попавший в плен, томится ее любимый Тадеуш.

— Все, — сказала Ирия. — Возвращаемся в «Днепр». Поиски продолжим с рассветом.

— Не согласен, — возразил Пашка. — У нас есть фонари. Нельзя терять ни минуты.

Он включил фонарь, но его яркий луч тут же запутался в переплетении ветвей.

От этого стало еще темнее. Белые стволы казались гигантскими привидениями. Дождь стегал по лицам. Кто-то пронзительно заверещал в чаще. Пашка выключил фонарь. Этим он признал, что не прав.

Когда они вернулись на корабль, Ирия обратилась к Алисе с вопросом:

— Как ты думаешь, включить прожектор?

Алиса поняла: с одной стороны, его яркий свет может быть маяком для членов экипажа «Днепра», если они заблудились. Но если они попали к врагам и враги так сильны, что смогли захватить большой корабль, они догадаются, что на корабле снова появились люди, и вернутся.

— Наверное, не стоит, — сказала Алиса.

Ирия кивнула.

Потом сказала:

— Занимайте капитанскую каюту. Спать будем все вместе.

Они перетащили туда матрацы из соседних кают. Алиса и Пашка легли, не раздеваясь. Сил не было даже выпить чаю. Пашка сразу уснул, но к Алисе сон не шел.

Потом она все-таки уснула, и во сне ей показалось, что кто-то ходит по каюте. Она осторожно открыла глаза. Тускло горел ночник.

Дверь медленно открылась. Ирия вышла из каюты и прикрыла за собой дверь.

Алиса решила, что Ирия хочет проверить, хорошо ли заперт корабль. Она пролежала минут пять. Ирия не возвращалась.

Алису охватило беспокойство. Она поднялась и вышла в коридор. Ирии нигде не было. Алиса дошла до люка. Люк был приоткрыт. Алиса осторожно выглянула наружу и увидела, как далеко в сплетении ветвей поблескивает луч фонарика. То остановится, замрет, то дрогнет, то пробежит по листве. Алиса поняла, что Ирия ищет следы. Она не посмела окликнуть ее, уселась у люка, вытащила бластер и стала ждать. А фонарик все бродил вокруг корабля, постепенно удаляясь. Наверное, прошло больше часа, прежде чем его огонек снова приблизился к «Днепру». Когда Алиса поняла, что Ирия возвращается, она тихонько поднялась, вернулась в каюту, спрятала бластер и накрылась одеялом. Еще через две минуты в коридоре послышались осторожные шаги. Дверь приоткрылась и затворилась вновь. Алиса закрыла глаза. Сопел Пашка, но дыхания Ирии не было слышно. Значит, Ирия не спит.

Может, сказать ей, что сочувствуешь и все понимаешь? Нет, не надо. Пускай Ирия думает, что Алиса спит. Так ей спокойнее.

Алиса старалась дышать ровно и глубоко. И, согревшись под одеялом, заснула.

Глава 5

ГИБЕЛЬ МЕРКУРИЯ

Алисе показалось, что она спала одну минуту. И тут же ее разбудил бодрый голос выспавшегося Пашки:

— Скорее, скорее, выходим в поход!

Алиса вскочила. Пашка уже застегивал ремень с бластером и ножом.

Ирии не было.

— Ирия! — закричал Пашка. — Где ты?

— Я здесь, — послышался ответ. Ирия вошла в каюту. — Я встала пораньше, проверила все вещи Тадеуша. Хотела понять, в чем он ушел, что взял с собой.

Алиса с первого взгляда поняла, что Ирия так и не спала.

— Ну и что? — спросил Пашка.

— Очень странно, — ответила Ирия. — Он ушел, совершенно ничего с собой не взяв.

— Раздетый?

— Одетый. Так, как был одет в корабле. Но не так, как одеваются, выходя на незнакомую планету.

Ирия достала из рюкзака термос. Они выпили по чашке чая.

Снаружи был сизый туманный рассвет. Вата тумана покрывала поваленные деревья, и лишь некоторые ветки прорезали его и торчали наружу словно руки.

— В пятидесяти метрах отсюда ручей, — сказала Ирия. — Там умоемся.

Ирия уверенно шла впереди, ловко перепрыгивая через сучья и пробиваясь между ветвей. Алиса оглянулась: «Днепр» нависал над ними, темный, гладкий, как заблудившийся в лесу бегемотище.

Там, где кончался поваленный лес, журчал среди корней ручеек.

Чтобы не промочить ног, Алиса забралась на ствол упавшего дерева, что лежал поперек ручья. Вода текла под ним. На дне что-то блеснуло. Алиса сначала подумала, что это рыбка. Но когда она опустила руку в воду, рыбка не уплыла. Алиса достала из воды золотую пуговицу от форменного мундира Космофлота. Пуговицами давно уже никто не пользовался, только моряки и космонавты упрямо сохраняли старую традицию.

— Ирия, смотри, — сказала Алиса. — Это наверняка пуговица Полоскова.

— Или механика Зеленого, — сказала Ирия.

— Значит, их здесь вели дикари, — сказал Пашка, — и они специально оставляли мелкие блестящие вещи, чтобы мы их нашли по следам.

Ирия ничего не ответила. Она смотрела вперед, где так же, как вчера, поднимались одинаковые светлые стволы деревьев. Лес затаился...

Ирия остановилась, выпустила из-за обшлага своего комбинезона пластинку-карту, сфотографированную с орбиты. Алиса заглянула ей через плечо. На карте было видно, что лес тянется до широкой реки, за которой начинаются поля.

— Нам к реке, — сказала Ирия.

— Пойдем напрямик? — спросила Алиса печально. Она так устала прыгать по моховым кочкам и проваливаться в гнилые ямы.

— А может, спустимся по ручью? — ответила Ирия. — Он наверняка впадает в реку.

Вдоль ручья идти было веселее. Кое-где деревья расступались, и тогда было видно серое небо, по которому неслись быстрые облака. Правда, порой ручеек растекался, образуя широкое болотце, и приходилось углубляться в лес, чтобы обойти его.

Пашка осмелел, забыв о змеях и чудовищах, и часто отбегал в сторону в надежде отыскать еще какой-нибудь след. Но больше ему не удалось ничего отыскать.

Алисе хотелось есть, она знала, что в рюкзаке у Ирии были бутерброды и сок. Конечно, можно попросить ее сделать привал. Но просить не хотелось. Алиса была уверена, что Пашка сейчас думает о том же самом. Он-то любит поесть куда больше, чем обыкновенный человек, но тоже видит, как устремленно и неустанно шагает Ирия и как она порой оборачивается, бросая взгляд на спутников, и молча укоряет их за то, что отстают.

«Ничего, — уговаривала себя Алиса, — сейчас выйдем к реке, осмотримся, тогда Ирия обязательно сделает привал».

Берега ручейка стали круче, словно он почувствовал, что скоро ему встречаться с рекой, и начал энергичнее стремиться вперед, прорезая путь в земле. Им пришлось отойти от ручейка, и теперь они шагали по краю крутого обрывчика. Ручей, вобрав в себя ключи и родники, стал куда шире, глубже. Он громко журчал, перекатывая по дну камешки.

Впереди среди деревьев показался просвет — лес кончался.

И тут они увидели человека.

Человек сидел на земле, привалившись спиной к стволу и опустив голову на грудь.

Ирия подняла руку, приказывая спутникам не двигаться с места.

Затем вынула из кармана бинокль, вгляделась в неподвижную фигуру и передала бинокль Алисе. Та увидела лицо спящего совсем близко. И сразу узнала его, хотя человек был грязен, щеки его исцарапаны, а одежда разорвана.

— Меркурий! — закричала Алиса и бросилась к старику.

Конечно же, это был толстяк Меркурий, отец наследницы Афродиты. «Какое счастье, — подумала Алиса, — что мы так быстро нашли его! Сейчас тайна разрешится».

— Меркурий! — закричала она снова, спотыкаясь о сучья и проваливаясь в мох.

От вторичного крика Меркурий открыл глаза и увидел подбегающую к нему Алису. В глазах его был ужас. Он вскочил и попытался убежать. Но ноги плохо держали его.

Ирия, обогнав Алису, схватила его за руку.

— Не бойтесь! — закричала она. — Мы — ваши друзья.

Старик забился всем телом, словно животное, которое попало в западню. Он кусался, отбивался толстыми ногами, махал руками, и Ирия с трудом его удерживала.

А Алиса и Пашка прыгали перед ним, стараясь поймать его взгляд.

— Меркурий! — повторяли они. — Меркурий! Это мы! Это я, Алиса. Это я, Пашка Гераскин! Не бойтесь!

Но Меркурий продолжал вырываться из железных пальцев Ирии. Потом, стихнув, сказал плачущим голосом:

— Больно... мне больно...

— Только не убегайте, — сказала Ирия. — Мы не сделаем вам больно. — И она отпустила старика.

Тот начал растирать руки.

— Не надо, — повторял он, — я больше не буду.

— Меркурий, миленький, — испугалась Алиса, — что они с тобой сделали?

— Да, сделали, — согласился Меркурий, глядя мимо Алисы. — Больно.

— Кто они? — спросил Пашка. — Скажи, это дикари?

— Дикари, — согласился Меркурий.

— Погоди, Пашка, — остановила Ирия следующий вопрос Гераскина. — Меркурий в шоке. Ему нужно успокоиться.

Ирия обернулась к Меркурию и мягко сказала:

— Пожалуйста, успокойтесь. Все будет хорошо.

Она открыла сумку с аптечкой, прикрепленной к поясу, и достала оттуда прозрачный шарик. Быстро приложила его к руке Меркурия и нажала. Шарик сплющился. Его содержимое влилось под кожу Меркурию.

— Не надо, — сказал Меркурий, отводя руку Ирии.

Лекарство начало действовать сразу, хотя не совсем так, как надеялась Ирия.

Меркурий на самом деле стал куда спокойнее, но все равно не узнавал своих старых знакомых.

Ирия велела Алисе раскрыть рюкзак, достать еду. Угостили

и Меркурия. Он вел себя странно. Держал в руке бутерброд, словно не знал, что это такое. Но, видно, был голоден и, увидев, что Алиса и Пашка уплетают бутерброд, совсем по-детски улыбнулся и затолкал свой бутерброд в рот. Он жевал и улыбался. Потом взял протянутый Алисой стакан сока и долго принюхивался к нему. Выпил сок. Протянул стакан Алисе и сказал:

— Надо. Каждый день. Правильно?

— Что делать? — вздохнула Алиса. — Он еще не пришел в себя.

— Наверно, его пытали, — сказал Пашка. — Посмотрите, какие синяки на плечах и глаз подбит.

— Он сам мог упасть, — возразила Алиса. Ведь Ирия сейчас думает: если это случилось с Меркурием, то что с Тадеушем?

— Я ничего не понимаю, — произнесла Ирия. — Я ждала всего, что угодно, только не этого...

Меркурий хитро улыбнулся и потянулся к термосу.

Видно, он подумал, что в термосе тоже сок, никто не успел его остановить. Он хлебнул из термоса горячий бульон, завопил, стал отплевываться. Потом вскочил и сердито крикнул:

— Злые, злые!

Махнул рукой и побрел прочь.

Пашка засмеялся.

— Ты что? — удивилась Алиса.

— Смешно ведь!

Алиса хотела пойти следом за Меркурием, но Ирия ее остановила:

— Пускай он идет, может, ему станет лучше.

Они смотрели, как Меркурий медленно бредет по лесу. Шагов через сто он остановился. Оглянулся. Увидел, что его не преследуют.

— Ничего, — сказал он громко. — Это пройдет.

— По-моему, он приходит в себя, — сказала Алиса.

А Меркурий снова пошел прочь. Стволы скрывали его из виду, поэтому Ирия пошла за ним, но не спешила, чтобы не пугать старика.

Меркурий шел все быстрее. Он еще раз оглянулся, помахал им рукой, побежал...

Тут уж они все побежали следом.

Меркурий бежал неровно, зигзагами, как слепой, вытянув

вперед руки, его фигура все уменьшалась, и странно было видеть, как быстро может бежать такой толстый и старый человек.

Вдруг он пропал.

Когда Алиса первой добежала до того места, где Меркурий будто растворился в воздухе, перед ней раскрылась широченная даль: она стояла на краю высокого обрыва. Далеко внизу поблескивала река, за ней до горизонта тянулась плоская равнина.

Рядом часто дышал Пашка.

— Где он?

Они смотрели вниз, старались отыскать на поверхности голову Меркурия. Но река была пустой, чистой и ровной, как полоска серого пластика.

— Почему он так? — подумал вслух Пашка. — Чего он испугался? Он сошел с ума?

Алиса дотронулась кончиками пальцев до руки Ирии. Она понимала, как переживает сейчас Ирия, которая представляет себе, что так же где-то в лесу блуждает и может погибнуть ее Тадеуш.

Алиса еле сдерживала слезы. Надо же, прожить столько лет под океаном, а погибнуть дома, на родной земле!

Алиса перевела взгляд на противоположный берег. За рекой были видны редкие, раскиданные по лоскутным полям, словно игрушечные домики. Даже издали было видно, что они бедные, приземистые, крыты соломой, без труб. За домами снова начинался лес. На горизонте спичкой поднималась высокая башня или труба. Но это уже было так далеко, что даже в бинокль не разглядишь.

— Смотри! — сказал Пашка.

Из-за поворота показался гребной корабль. Посреди него поднималась высокая мачта с большим белым флагом, на котором был нарисован красный медведь.

Ирия рассматривала корабль в бинокль. Потом протянула бинокль Алисе.

Корабль приблизился настолько, что можно было разглядеть лица его гребцов и пассажиров.

Обнаженные по пояс, потные, угрюмые гребцы сидели на низких скамейках. Между ними ходил надсмотрщик с длинным бичом. Пассажиры собрались толпой на носу.

Нарумяненная толстая женщина с копной ярко-рыжих во-

лос восседала на высоком стуле. Одета она была в длинный белый халат, на котором был нашит красный медведь. Вокруг женщины кольцом расположились еще несколько человек, облаченных в белые халаты с красными медведями. На некоторых были шапки, изображающие птичьи головы.

Пашка протянул руку, Алиса передала ему бинокль.

Пока Алиса разглядывала корабль, он уже приблизился. Снизу стали слышны голоса, крик надсмотрщика, который начал стегать бичом по плечам гребцов. Рулевой на корме навалился на тяжелое рулевое весло. Поток подхватил корабль и понес его под самым обрывом.

Пашка опустил бинокль.

— Что характерно, — сказал он, — никакой техники. Обратили внимание?

— Трудно было не обратить, — сказала Алиса.

Ирия между тем разглядывала берег. Она прошла шагов сто вверх по реке, туда, где обрыв выдавался уступом, и позвала ребят.

Там, за поворотом, берег отступал от обрыва. Внизу, на усыпанной камнями и заросшей невысоким кустарником площадке, уместилась покосившаяся хижина. Рядом с ней была видна вытащенная на берег лодка.

— Предлагаю спуститься к хижине, — сказала Ирия.

— Зачем? — спросил Пашка. — Наших надо искать в лесу.

— Там должны быть люди, — ответила Ирия. — Они что-то могут знать.

— Ирия права, — согласилась Алиса. — Лес большой.

Вскоре они отыскали промоину, по которой скатывался к реке ручей. Спуск был крутой, в некоторых местах такой крутой, что приходилось прижиматься всем телом к откосу.

В трещинах росли колючки, из норок выглядывали пауки, ящерицы бесстрашно глазели на людей, не желая уступать дорогу.

От промоины сквозь кусты вела узкая тропинка.

Не доходя нескольких шагов до хижины, Ирия остановилась. Они с минуту прислушивались. Кругом все было тихо. На берегу никого. Тогда Ирия жестом велела друзьям подождать, а сама подошла к двери и постучала. Никто не ответил. Ирия постучала сильнее.

Глава 6

ДОЧЬ ПЕРЕВОЗЧИКА

Внезапно дверь резко распахнулась, и в проеме возник приземистый рыжий мужчина, одетый в серую рубаху и рваные черные штаны. В руке он держал топор и готов был пустить его в дело.

— Ты чего? — спросил он.

— Уберите топор, — сказала Ирия. — Что за манеры!

— Манерам не обучен, — ответил оборванец, не опуская топора. — Уходи, пока цела.

— Я не желаю вам вреда, — сказала Ирия, — но мне надо с вами поговорить.

— Человеческого языка не понимает! — удивился рыжий. — Бе-пе, что ли? От вас, бе-пе, добра не жди.

С этими словами он захлопнул дверь.

Но Ирия не сдавалась.

— Погодите, — сказала она, понимая, что за дверью слышно каждое ее слово. — Я пришла издалека. Я никакая не бе-пе. Я не знаю, что это такое «бе-пе». Я потеряла моих друзей. Скажите, пожалуйста, сюда не приходили люди, одетые как я?

— Убью! — раздалось из-за двери. — Не уйдешь сейчас, догоню и убью.

— С ума вы здесь все посходили, что ли? — удивилась Ирия. — Я прошу вас ответить добром.

— Я тебе сейчас отвечу!

Дверь с грохотом раскрылась, и рыжий с занесенным над головой топором выскочил из нее. Если бы Ирия не отшатнулась, он мог бы ее разрубить. Но Ирия ловко перехватила руку оборванца, заломила ее за спину, он согнулся до земли, выронил топор и сразу заныл:

— Тетенька, не надо, я тебе плохого не сделал! Мы люди маленькие, никого не видим, ничего не слышим, возим людей на лодке, как прикажет поклон Таракан, помилуй!

Из-за хижины выбежала рыжая девушка, одетая в платье из какого-то мешка, и с криком: «Не смей трогать моего отца!» — кинулась на Ирию, как разъяренная кошка.

Одна рука у Ирии была занята — она держала оборванца, — и она с трудом стала отбиваться от девушки.

Тут Пашка пришел на помощь Ирии, а Алиса, видя, в какой

клубок сплелись все четверо, схватила с земли топор, закинула его в воду и закричала:

— Прекратите драку! Я вам приказываю!

Получилось так громко, так повелительно, что все замерли, и клубок распался.

На поляне перед хижиной наступила тишина.

Отец девушки сидел на земле и тер кисть правой руки — видно, Ирия больно сжала ее. Девушка и Пашка стояли друг против друга, как два бодливых козла.

— Если вы нам скажете, видели ли вы наших друзей или нет, мы сразу уйдем, — сказала Алиса.

— Мы ничего не знаем, — сказал упрямо оборванец. — Куда мой топор дели? Мне без топора нельзя.

— Он в воде у берега лежит, — показала Алиса.

Мужчина сразу поднялся и полез в реку. Нагнувшись, он шарил руками в воде и громко ворчал.

Пока он был занят, девушка тихо сказала:

— Видела я твоих друзей. В лесу они.

— Где в лесу? — спросила Ирия.

— У помников, — сказала девушка.

— Сколько их было? — спросила Ирия. — Они здоровы? Кто такие помники? Они не причинят вреда нашим друзьям?

— Я сразу на все ответить не смогу.

— Отвечай по порядку. — Пашка показал ей кулак.

— А ты прикажи своему мальчишке, чтобы он не дрался, — сказала девушка. — А то ничего не скажу.

— Паша! — воскликнула Ирия. — Неужели ты не понимаешь, что в такой момент...

— Понимаю, — ответил Пашка и сделал шаг в сторону.

— Я была в лесу, — сказала рыжая девушка, — и видела там помников.

— Молчи, Речка! — завопил тут оборванец. — Хватит того, что я уже пережил.

Он, мокрый по пояс, вылез из реки, держа в руке свой топор.

— Папаша, — девушка подошла к нему и отняла топор, — не вмешивайся. Ты не все понимаешь.

Она обернулась к Ирии и объяснила:

— Мой отец здесь перевозчик. И все его обижают. Кто хочет, тот и обижает. А он огрызается, как дикий кот.

— Чтобы слова такого я больше не слышал! — не сдавался отец девушки. — Чтоб о помниках ни слова. А если какой поклон или вкушец услышит?

— Зря я к тебе вернулась, — сказала Речка. — Кричишь ты много!

— А ты, может, и не ко мне вернулась! Может, ты на подглядки вернулась.

Ирия улучила паузу в этом не очень понятном для посторонних споре и вмешалась:

— Вы обещали рассказать о наших друзьях.

— А что еще рассказывать? Помники с ними были. Значит, в Убежище повели.

— Простите, — сказала Ирия, — мы здесь первый день. Мы не знаем, кто такие помники, что такое Убежище, где все это находится. Помогите нам, пожалуйста.

— Ни в коем случае! — разозлился перевозчик. — Я ее не пущу.

— Не надо пускать, — сказала Ирия. — Вы только скажите, куда нам идти, мы сами.

— В лесу самим нельзя, — сказала девушка, — в лесу помереть можно.

— А ты за нас не беспокойся, — сказал Пашка. — Справимся. У нас бластеры.

— В лес нельзя, — сказал перевозчик. — В лесу смерть ходит. Где Ручеек? Нет Ручейка!

— Он придет, — сказала девушка.

— Когда придет? Ты все говоришь, а он не идет.

— Когда надо будет, тогда и придет.

— Сейчас надо.

— Сейчас рано.

— Порченая ты, помниками порченная! — закричал перевозчик, глаза его побелели, он стал водить руками по траве, словно искал свой топор.

— Я вас проведу, — сказала девушка. — Я вас до беспамятной ямы проведу, до каменной дороги.

— Никуда ты, Речка, не пойдешь, — повторил перевозчик.

— Только не сейчас, — сказала девушка. — Когда все проплывут, тогда и пойдем.

— Кто проплывет? — спросил Пашка.

— Я думаю, два остались, — сказала девушка, — но кто знает? Может, еще кого позвали.

Алиса кивнула, будто поняла.

— Должны вот-вот появиться, — продолжала девушка. — Только вам тогда по берегу лучше не гулять. Вдруг стрельнут?

Перевозчик насторожился. У него был отменный слух.

— Едут, — сказал он.

Девушка выглянула из-за угла хижины. Пашка хотел бежать на берег, но перевозчик остановил его:

— Куда собрался? Ты же одет по-чужому. Они тебя мигом схватят. А меня задушат.

Из-за хижины Алиса увидела, что по реке плывет новый корабль. Больше всего он был похож на огромное долбленое красное корыто, посреди которого торчала толстая мачта с парусом. На парусе был грубо нарисован павлин. На корме стоял шатер из синих и желтых полос ткани.

— Сам, — сказал печально перевозчик. — Сам поклон Таракан.

Тут «корыто» начало поворачивать к берегу. Матросы убирали парус, рулевые повисли на рулевом весле, заставляя неповоротливое судно двигаться куда надо.

На корме перед шатром можно было разглядеть человека в полосатой, цвета шатра, одежде. Он махал руками, суетился, грозил кулачком матросам.

— Прятаться надо, — сказала Речка. — Ты чего, отец, молчишь?

— Идите, — согласился перевозчик. — А я дань заплачу!

Девушка вывела путешественников из-за хижины, и, пригибаясь, чтобы их не увидели из «корыта», они побежали к кустам. Там они и затаились.

И вовремя. Еще через три минуты «корыто» приблизилось к берегу и ткнулось носом в песок. Матросы, голые, если не считать коротких полосатых юбочек, сбросили с борта мостики, и по ним быстро сбежал невысокого роста горбун, что командовал «корытом». За ним спустились стражники в полосатых, синих с желтым, таких же, как у господина, костюмах с копьями в руках.

Вся эта компания остановилась на берегу, и один из стражников закричал:

— Синий Нос! Синий Нос, предстань пред грозные очи!

Перевозчик мелкими шажками подбежал к горбуну, упал на колени и принялся биться головой о песок.

— О славный, грозный Таракан! — кричал он. — О великое хвостатое крылатое существо, поклон ты наш!

— Почему его зовут тараканом? — спросила Алиса шепотом у Речки.

— Потому что это его герб, — ответила девушка. — Видишь, на парусе нарисован?

— Но это же павлин, — сказала Алиса.

— Таракан не такой, — вмешался Пашка. — Он маленький, черный или рыжий, он с усами, он бегает. Он — насекомое!

— Я-то знаю, — загадочно ответила девушка, — а другие не знают.

Между тем перевозчик по знаку поклона Таракана протянул ему мешочек. Горбун вытряхнул из него на ладонь несколько монеток.

— Мало, — сказал он.

— Знаю, что мало, поклон Таракан, — печально ответил перевозчик. — Да никто не платит. Времена такие, что никто не платит.

— Врешь! — закричал Таракан высоким голосом. — Все таишь! Поклоном норовишь стать! Сапоги тебе целовать будут?

По знаку горбуна стражники вытащили из-за поясов плети и принялись стегать рыжего перевозчика, который валялся в ногах у горбуна и клялся, клялся, клялся, что ни монетки не спрятал, что с голоду опух, дочку не может замуж выдать, потому что нечего за ней дать.

— Чего же мы ждем! — возмущенно прошептал Пашка. — Можно, я их проучу?

— Не смей! — испугалась Речка. — Ты все погубишь. Так надо, чтобы бить. Так всегда делают. Иначе рабы слушаться не будут.

— Ты мне и без того уже столько монет недодал, сколько дней в году, — сказал горбун. — Как расплачиваться будешь?

— Вы же меня на место определили, поклон Таракан! — взмолился Синий Нос. — Сколько дают, столько отдаю. Может, помру скоро на этой работе.

— Что же делать? — Горбун пересыпал с руки на руку монетки. Стражники перестали лупить перевозчика — уморились. — А ну, показывай дочку. Может, и в самом деле осчаст-

ливлю тебя, за долги возьму, в хорошем доме будет жить, кушать из серебряной миски.

— Нету дочки, — ответил Синий Нос.

— Как так нету?

— В лесу она. Грибы собирает. Грибов не соберешь, что зимой жевать будем?

— Врешь! — сказал горбун. — Врешь, гладиолус вонючий! А ну, всыпьте ему, пока не сознается, где прячет свою дочь.

Стражники принялись снова хлестать перевозчика.

— Ну зачем он обо мне сказал? — расстраивалась Речка. — Совсем старый стал, не понимает.

— А почему такое странное ругательство? — спросил Пашка. — Разве у вас гладиолусы вонючие?

— Не все ли равно! — отмахнулась девушка. — Если человек бедный, подлый, ничтожный, то и имя у него некрасивое. А если благородный, богатый, то мудрецы придумают ему красивое имя.

— Значит, гладиолус хуже таракана?

— Значит, хуже, — сказала девушка.

На реке показался еще один корабль.

Это было совсем удивительное сооружение: большой плот из толстых бревен, на котором возвышался дощатый помост, устланный шкурами и коврами. По бокам плота медленно вращались, ударяя ступицами о воду, большие колеса, как на старинных колесных пароходах. На помосте стоял громоздкий резной шкаф. Вокруг шкафа выстроились люди в лиловых рясах, круглых шляпах, из-под которых свисали черные чадры с прорезями для глаз.

Стражники прервали экзекуцию и дружно повалились на колени. Матросы на «корыте» тоже пали ниц. Только горбун остался стоять, глядя, как плот поворачивает к берегу.

— Это еще кто? — спросила Алиса.

— Это сам повелитель грома и луны, верховный Клоп Небесный, первый вкушец королевства.

— Ой, — сказал Пашка, — можно понятнее?

— Можно, — спокойно ответила девушка. — Первый вкушец — это верховный жрец нашей земли. Вы знаете, что такое жрец?

— Конечно, — ответил Пашка, — это первобытный священник.

— Вот именно. У нас их называют вкушецами. Это приличнее.

— Почему приличнее?

— Потому что жрец жрет. А наши не жрут, а вкушают. Им кажется, что вкушец — более красивое слово.

— Любопытно, — сказала Алиса. — Странный пароход. Колеса крутятся, а трубы нет. Где же у него котел?

— Какой котел? — не поняла девушка.

— А колеса крутятся?

— А ты присмотрись, — сказала Речка.

Плот уже подошел поближе, и тут Алиса поняла, что она ошибалась. Колеса вращали люди, человек по десять каждое. Как белки в колесе, они работали ногами, потные, голые, несчастные.

— Это рабы? — спросил Пашка.

— Это грешники, — сказала Речка. — Бедные грешники.

— А в чем же они согрешили?

— Кто в чем, — сказала девушка. — Может, помник попался, может, вкушецу не заплатил, или украл что-нибудь, или высморкался в храме. Много бывает разных грехов.

— Их надо всех освободить! — сказал Пашка.

— Смотри, какой смелый! — улыбнулась Речка.

Когда плот подошел к берегу, люди в лиловых рясах распахнули дверцы шкафа, и оттуда вышел очень худой сутулый человек, одетый так же, как остальные жрецы, только на голове у него словно корона сияло золотое солнце.

Жрецы склонились перед ним.

— А почему у них лица закрыты? — спросил Пашка.

— Потому что они вкушецы звезд и ночи. И никто не должен видеть лица ночи.

— Слава тебе, знаменитый Клоп! — сказал горбун.

— Почему ты задержался? — спросил главный жрец. Голос у него был глухой, потому что он говорил сквозь чадру.

— Навожу порядок среди моих рабов, — сказал поклон Таракан.

— Хорошо, что я тебя догнал, — сказал жрец. — Надо поговорить.

— Слушаю и повинуюсь. — Горбун протянул руку, чтобы помочь жрецу сойти на берег.

— Отойдем, — сказал Клоп Небесный. — Чужие уши не должны слышать наших высоких бесед.

— Воистину, — ответил Таракан.

— Клоп с Тараканом, — фыркнул Пашка. — Смешно!

— Никто не думает, что это смешно. А кто подумал, уже умер, — сказала Речка.

Горбун в полосатом наряде и лиловый жрец с солнцем на голове пошли к кустам. За ними, на некотором отдалении, последовали стражники и монахи.

Горбун остановился совсем рядом с затаившейся в кустах Алисой.

— Вроде бы здесь можно поговорить, — сказал он.

— Да, они не услышат, — ответил жрец.

Они зашли за куст, и жрец откинул чадру. Под ней оказалось бледное лицо, изрезанное морщинами. Из вышитой бисером сумки, что висела у пояса, жрец достал кисет и курительную трубку. Набил трубку табаком, потом вытащил из сумки кремень и огниво. Раскурил трубку. Горбун стоял молча, глядел на жреца. Потом спросил:

— И какое же наказание положено тобой, Клоп Небесный, за такой грех?

— Медленное поджаривание на костре, — ответил тот, усмехнувшись. — Курение — страшный грех...

Жрец с наслаждением затянулся.

— ... с переходом всего имущества твоему храму, — закончил горбун прерванную жрецом фразу.

— Не пропадать же деньгам грешника, — кивнул жрец.

— Тогда и я согрешу, — сказал горбун.

— Греши, уважаемый Таракан, — согласился жрец.

В руках горбуна оказалась плоская медная фляга. Горбун отхлебнул из нее и спросил, вытирая тонкие голубые губы:

— О чем ты хотел поговорить со мной, властитель звезд?

— Там, в Убежище, — сказал жрец, — как доносят мои люди, есть много странных и даже чудесных вещей.

— Я слышал об этом, — согласился горбун.

— Плохо будет, если они попадут в руки недостойным.

— Или дуракам, — сказал горбун.

— Как видишь, мы мыслим с тобой одинаково, мой ученик, — сказал жрец. — Главное — не высовываться. Наши отряды невелики.

— Конечно, — сказал горбун, прихлебывая из плоской бутылки. — Эти бандиты-близнецы приведут с собой целую орду мерзавцев.

— И его Повелительство имеет армию.

— Наши люди не пойдут в первых рядах, — сказал горбун.

— Они должны остаться в живых...

— Чтобы забрать все чудесные вещи, что спрятаны нечестивцами.

Заговорщики замолчали.

Алисе очень хотелось чихнуть. Но она лежала так близко к горбуну, что видела каждую ниточку на его полосатых штанах.

«Он же похож на осу, — подумала она. — На желто-синюю осу».

— А теперь мне хотелось поговорить с тобой еще об одном деле, — сказал жрец, понижая голос.

— Я слушаю, несравненный Клоп.

— Наше Повелительство великий Радикулит...

— Да славится имя его! — воскликнул горбун.

— Да славится имя его, — тихо повторил жрец, — стареет.

— Но он еще крепок.

— Он еще крепок, но стареет. И мы обязаны думать о том, кто займет его место в случае несчастья...

Алисе жутко хотелось чихнуть. Она чесала переносицу, но не помогало, она извивалась на песке, стараясь удержаться...

И чихнула!

Заговорщики подпрыгнули от неожиданности и бросились бежать к берегу.

Впереди несся Клоп Небесный, подобрав лиловую рясу и мелькая худыми голыми ногами. За ним, подпрыгивая, семенил горбун.

— Стража! — кричал он на бегу. — Оцепить кусты! Никто не должен уйти живым! Там враги! Там подглядчики!

— Бежим! — крикнула Речка.

Она первой кинулась в гущу кустарника. Колючки цеплялись за рукава, корни — за башмаки, сзади доносились вопли.

— Сюда! — крикнула Речка и пропала из глаз.

Оказалось, что в гуще кустарника есть лаз. Алиса нырнула туда.

Пещера. Вернее, яма в обрыве, тесная и сырая. Вчетвером они еле в ней поместились.

— Теперь тихо, — сказала Речка. — Я думаю, они нас не найдут. Я тут уже не раз пряталась.

— Зачем пряталась? — спросил Пашка.

— То работорговцы, то люди горбуна, то разбойники — мало ли кто хотел меня утащить.

— Ну и жизнь, — сказал Пашка. — Никакой справедливости.

— А какая может быть справедливость для бедных?

— С этим надо кончать, — сказал Пашка.

— Трудно.

— Но ведь раньше было иначе, — сказала Алиса.

— Тише, — прошептала Ирия.

Алиса понимала: Ирию сжигает желание скорее вернуться в лес, найти Тадеуша. И раз приходится терпеть и ждать, она будет терпеть и ждать, но мысленно она не здесь, она в лесу.

Перекликались голоса. Солдаты и жрецы прочесывали кусты в поисках злоумышленников.

В пещерке было душно, с потолка сыпалась земля. Казалось, что прошел целый час, прежде чем крики солдат утихли.

— Можно вылезать? — прошептал Пашка.

— Погоди, — ответила девушка, — они могли затаиться. Вкушецы ужасно хитрые. Они привыкли ловить людей. Люди думают, что опасность миновала, а они сидят и подстерегают.

И снова потянулось ожидание.

— А кто такие помники? — спросила вдруг Ирия. — Они живут в лесу?

— Они живут в Убежище, — сказала Речка.

— Они плохие?

— Все думают, что они плохие, а они хорошие.

— Они не причинят вреда нашим друзьям?

— Если ваши друзья хорошие, то не причинят.

— А почему они живут в лесу?

— А где же еще жить? — спросила девушка.

— А почему твой отец их не любит?

— А помников никто не любит, — ответила Речка. — Их боятся. Вы же слышали, Клоп с Тараканом собираются в поход на помников.

— Почему?

— Потому что помники крадут детей.

— Так это же плохо!

— Это хорошо, — уверенно сказала девушка. — Они моего брата украли. И меня украли. Только я вернулась.

— Убежала? — спросил Пашка.

— Нет. Я подглядчица, — сказала Речка.

Пашка ничего не понял. Речка прошептала:

— Я вылезу наружу, посмотрю...

— Осторожнее, — сказала Ирия.

— Я очень осторожная, — ответила Речка и выбралась из пещеры.

Алиса смотрела ей вслед. Девушка проползла между кустами и замерла, прислушиваясь.

В кустах возник какой-то шум.

— Осторожнее! — прошептала Алиса.

Но девушка поднялась и пошла навстречу шуму.

Из кустов вышел ее отец. Он хромал, голова была разбита, бровь рассечена, струйка крови стекала по щеке.

— Отец! — побежала к нему Речка. — Они тебя совсем замучили!

— Ты жива! — обрадованно воскликнул перевозчик. — А я уж не знал, что думать.

Девушка сорвала лист с куста и стала вытирать отцу щеку.

— Негодяи! — говорила она. — Они за это поплатятся.

— Не надо так говорить. — Перевозчик опасливо оглянулся. — У них везде уши.

— Не бойся, недолго осталось терпеть.

— Нет, не говори так, не говори!

— Вылезайте. — Девушка обернулась к пещере. — Они уплыли.

— И так серчали, — сказал перевозчик, увидев, как его гости вылезают из-под земли и отряхивают с комбинезонов грязь. — Так серчали, чуть меня не убили. Я им сказал, что у нас здесь странная птица завелась — кричит, словно человек чихает.

— И поверили?

— Может, поверили, может, не поверили, откуда им знать, что в лесу водится. Но спешили сильно. Им в Город надо.

Когда все вышли на берег, то увидели, что плот Клопа Небесного и «корыто» горбуна уже отплыли довольно далеко.

— Я выведу их наверх, — сказала Речка отцу. — И вернусь.

— Нет, — сказал перевозчик. — Я с тобой пойду. А то ты опять в лесу пропадешь. Сколько мне одному бедовать?

— Не бойся, я вернусь, — сказала Речка. — Мне здесь до вечера сидеть, смотреть, кто по реке плывет. Вечером уйду. Так договорено. Так что ты оставайся. Если без меня кто проплывет, запомни и все расскажешь.

— Ты их далеко не води, — сдался перевозчик. Глаз у него распух, на щеке ссадина, он стал еще страшнее, чем прежде.

— Не бойся, — снова повторила девушка.

— Ты одна у меня осталась! — горестно сказал перевозчик.

Когда они забрались на крутой обрыв и, переводя дыхание, поглядели вниз, хижина перевозчика показалась им махонькой, игрушечной, а сам Синий Нос, что стоял рядом, задрав голову и стараясь разглядеть дочь на обрыве, был ростом чуть больше муравья.

Лес в том месте подступал близко к обрыву, и от него тянуло сыростью, влагой, тусклым запахом мхов и грибов.

Речка долго вглядывалась вверх по реке. Но река была пуста.

— А почему ты за ними следишь? — спросил Пашка.

Хоть они сначала и повздорили, с Пашкой Речка чувствовала себя свободней, чем с остальными.

— Надо, — коротко ответила девушка.

Она присела на корточки, сорвала несколько длинных травинок и принялась плести из них какую-то сложную косичку. Ее пальцы летали так быстро, что трудно было уследить за их движением.

— Это, — сказала она, обращаясь к Ирии, — вы отдадите первому же помнику. Скажете, что от Речки.

— Это пароль? — спросил Пашка. — Чтобы нас не убили?

— А зачем вас убивать? — удивилась девушка. — Если вы до помников доберетесь, никто вас не убьет. Вы только доберитесь. Не помрите по дороге.

— А как мы узнаем, кому отдать? — спросила Ирия, пряча косичку в карман комбинезона.

— Ну разве ты помника не отличишь?

— Нет, — улыбнулась Ирия. — Ты забываешь, Речка, что мы здесь еще ничего не знаем.

— Отличишь, — уверенно сказала Речка и первой направилась к лесу.

Они вступили в его тень. Белесые стволы сомкнулись со

всех сторон, под ногами пружинили моховые кочки. Небо пропало из глаз.

— Чем помники от остальных отличаются? — спросила Алиса.

— Они... они такие, как я. Обыкновенные.

— Твой отец помник?

— Нет, разве не видно? — удивилась девушка. — Мой отец простак. Как все люди там... — Речка показала назад.

— А в лодках были простаки?

— В лодках не было простаков, — поморщилась девушка. — Какие вы непонятливые! В лодках были поклоны, вкушецы и их слуги. И солдаты. Разные люди. А простаки работают. Землю пашут, сапоги тачают. Их можно бить. А поклонов и слуг бить нельзя.

— Вот это уже понятнее, — сказала Ирия. — А почему помники живут в лесу?

— Они не живут в лесу! — Речка была в отчаянии, что ее новые друзья не понимают простых вещей. — Они живут в Убежище. Там есть над чем думать. И их найти трудно.

— То, что ты называешь Убежищем, за лесом?

— До Убежища лес, — сказала девушка. — И за Убежищем тоже лес. И горы. Вы разве не знали?

— Не знали, — сказала Ирия.

Речка остановилась, огляделась. В лесу было тихо. Лес затаился, словно прислушивался к шагам людей.

— Здесь я прошлый раз оборотня встретила, — сказала Речка. — Еле убежала.

— Оборотня? — повторил Пашка. — А во что он оборачивается?

— Может в летучую мышь, а может в сову, — сказала девушка. — Кто знает! Они опасные.

— Нет, — сказал Пашка, — эта планета требует большой специальной экспедиции. Чем больше я по ней путешествую, тем более загадочной она мне кажется.

— А ничего загадочного, — откликнулась Речка. — Только безобразий много.

— Речка, — спросил Пашка, — а ты знаешь, что раньше это была очень развитая страна? И отсюда даже летали космические корабли.

— Ты честно говоришь?

— Честное слово. Ваши даже к нам прилетали.

— Когда будешь в Убежище, скажи об этом пигмею Хрусту, — попросила девушка. — Он очень обрадуется.

Справа что-то светлело.

— Там что? — спросила Алиса.

— Туда нельзя, — ответила девушка. — Вы вообще в лесу бойтесь ям, особенно если в них туман.

— Почему?

— Там пауки бывают. Или еще хуже.

— А что хуже? — спросил Пашка.

— Попадешь в яму, станешь бе-пе.

— Вместо того чтобы пугать, — сказал Пашка, — лучше бы объяснила.

— Ну как тебе все объяснишь, если ты простых вещей не понимаешь! — ответила Речка. — Я же сказала: видишь яму — беги.

— А еще от чего бежать?

— А в лесу, если что незнакомое, обязательно беги.

— Ничего, мы вооружены, — сказал Пашка.

— Слышала я уже это от тебя. Много твое оружие поможет, если в туман попадешь? Твои-то попали, видать.

— Кто? — быстро спросила Ирия.

— Кто? Твои друзья. Видела я их. Бе-пе! Ясное дело.

— Я так больше не могу! — воскликнул Пашка. — Говори по-человечески.

— Тише! Пигмеев атани спугнешь. И без шкуры останешься. Все! Дальше мне хода нет. Теперь держите на то белое дерево. Никуда не сворачивайте, поляну обойдите по краю, чевири неопасные, но противные, потом не отмоешься. У того дерева начнется каменная дорога. По ней идите быстро, не разговаривайте. Чуть какой шум — прячьтесь в кусты и ждите. Через час увидите белую полосу поперек дороги. Там встаньте. Выйдет караульщик. Это помник, наш. Отдашь ему плетенку. Скажешь на словах, что вечером буду, как договорено. Есть важные новости. Ясно?

— Ясно, девочка, — сказала Ирия.

— Я бы пошла с вами, да не могу, некогда.

— Мы увидимся, — сказала Ирия

— Обязательно увидимся.

Пашка протянул девушке руку.

— Ты чего? — спросила она.

— Руку даю, — сказал Пашка. — Прощаюсь.

— Так у вас делают? — спросила Речка.

Ирия уже шла впереди.

— Пашка, не задерживайся, — сказала Алиса.

Речка провела себе ладонью по щеке — так прощаются на Крине.

Девушка стояла, смотрела им вслед — тоненькая, в сером рубище, длинные рыжие волосы рассыпались по плечам.

Такой Алиса и запомнила Речку.

Глава 7

ПИГМЕИ АТАНИ

Метров через сто они вышли на поляну. Поляна была невелика, она густо заросла высокой сочной травой. Мирная поляна, тихая, только бабочки вьются над ее серединой.

— Не вижу чевирей, — сказал Пашка.

— Ну и хорошо, — ответила Алиса.

— Может, пройти напрямик?

Ирия, которая огибала поляну, прижимаясь к кустарникам, ответила, не оборачиваясь:

— Пашка, я бы тебя в экспедицию с собой не взяла. Если есть предупреждение, всегда выполняй его. А то будет поздно.

— Слушаюсь, капитан, — ответил Пашка, который уже раздумал идти напрямик. Он отломал толстый сухой сук и кинул его в центр поляны.

И тут же из густой зеленой травы высунулись многочисленные розовые щупальца, тонкие, гибкие, быстрые. Они закрутились, разыскивая, кто потревожил их покой. И над поляной повис густой неприятный запах.

— Пашка, тебя же предупреждали! — воскликнула в сердцах Алиса, спеша вперед, потому что дышать было невозможно.

Вонь еще долго преследовала их.

— Ведь предупреждали, почему ты никому не веришь? — возмущенно воскликнула Алиса, остановившись, чтобы перевести дух.

— Доверяй, но проверяй, — повторил Пашка чью-то глупую фразу.

Громадное белесое дерево-великан в три обхвата возникло перед ними. Оно было таким старым, что в коре, источенной норами и дуплами, живого места не было. Обитатели коры — насекомые, зверьки, птицы — высунулись, глазея на гостей.

Ирия первой обогнула дерево, прошла несколько шагов и остановилась. Ударила каблуком башмака по земле. Звук был гулким, твердым.

— Девочка была права, — сказала она.

Когда Алиса догнала Ирию, она увидела, что та стоит в начале бетонной дороги. Она была старая, по ней давным-давно никто не ездил. Между бетонными плитами росли кусты и даже маленькие деревья, края плит раскрошились. Но это была самая настоящая дорога.

— Еще одно предсказание сбылось, — заявил Пашка. — Теперь мы скоро дойдем до наших помников.

— Погоди, Пашка, — сказала Алиса. — Велели же не разговаривать. Только не представляю, как тебе это удастся.

— А вот посмотришь, — ответил Пашка и пошел по дороге рядом с Ирией, которая вытащила бластер из-за пояса и шла, стараясь беззвучно наступать на бетон, оглядываясь и прислушиваясь к звукам леса.

Так они шли несколько минут. Но до белой полосы не дошли.

Внезапно с обеих сторон раздались оглушительный визг, крики, треск ветвей. И отовсюду, даже будто из-под земли, появились маленькие юркие черные мохнатые тела...

Алиса даже не успела ахнуть, как под тяжестью мохнатых тел упала на бетон. Раздался выстрел, кто-то успел выстрелить — Пашка или Ирия. От существ, которые напали на путешественников, пахло шерстью, потом и мускусом. Они так суетились, дергали Алису, кричали, щебетали, таким тяжелым комом навалились на нее, что она испугалась: сейчас задохнется.

Ее потащили в лес...

Они не знали, что попали в плен к пигмеям атани. И не знали, что пигмеи, ловкие, цепкие, как обезьяны, живут в кронах деревьев, где вьют большие гнезда из сучьев, сражаются со стадами обезьян и драконами, которые разоряют их гнезда и воруют детей, и что у пигмеев есть тайные святые места, где они скрывают своих идолов и сокровища, что находят в заросших лесом городах. Ну и, конечно, они не знали, что есть на Крине

рыцари, из которых самые отчаянные посылают отряды, чтобы выслеживать пигмеев и отыскивать эти тайники. И уж совсем не знали, что, кроме братьев Кротов, это мало кому удается. Это лишь потом они узнали, что если пигмей попадется в лапы Крота или подобного ему лесного рыцаря, то вряд ли он вырвется на свободу. Скольких пигмеев эти разбойники уже замучили, чтобы выпытать секреты их тайников! Скольких сгноили в заброшенных шахтах! Зато если пигмеям попадется в руки рыцарь или стражник, они к ним беспощадны. Речку или помника они не тронут — они их угадывают по одежде. Но за рыцарями они охотятся. А Ирию и ее друзей они приняли за рыцарей.

Ничего этого наши герои, разумеется, не знали. Их волокли, как пойманных кабанов, скрутив лианами руки, по кочкам в чащу, в темноту, подальше от дороги.

Ветви стегали их по лицу и плечам, и не закроешься от ударов, лианы так сильно стягивали руки, что они затекли; вокруг пересвистывались пигмеи — мохнатые темные человечки, которые казались быстрыми тенями. Под их ногами чавкала вода. Потом они продрались сквозь переплетение колючих ветвей и оказались в низине, окруженной сплошной стеной кустов и деревьев. В центре низины горел громадный костер, вокруг стояло несколько шалашей. Шалаши эти были временными, только раз в году пигмеи атани собирались сюда на священный праздник Белой Господинки. В этот день сокровища вынимают, и пигмеи любуются ими, тут же приносят жертвы, совершают священные пляски, посвящают молодых пигмеев в охотники, продают и покупают невест. И главное — в этот день они смотрят на Белую Господинку, Хранительницу Леса, мать пигмеев. Пигмеи думают, что эта статуя родилась вместе с лесом в древние времена из корней деревьев. Ничья рука не касалась ее...

Пленников бесцеремонно бросили на землю и, казалось, о них забыли. Алиса смогла наконец разглядеть пигмеев.

Они были невелики ростом — по пояс взрослому человеку. Старые охотники украшали себя ожерельями из кабаньих клыков, а красавицы вдевали эти клыки в нос и в уши. Если пигмею удавалось найти в лесу или в заброшенном городе какую-нибудь красивую, с его точки зрения, вещь, он ее использовал как украшение. Поэтому в мочке уха одного из пигмеев висел ржавый гвоздь, у другого на груди — будильник без стрелок, а у

самого знатного в густые волосы была воткнута позеленевшая дверная ручка.

Пигмеи занимались своими делами. Женщины сортировали на больших листьях угощение — чистили улиток, сдирали шкуру с ящериц, — другие подметали ветками площадку у костра, устилали ее мхом.

— Как в приключенческом фильме, — сказал Пашка, который вовсе не пал духом, а наблюдал за всем с интересом. — Потом они привяжут нас к столбам и начнут стрелять в нас из лука.

— Не говори глупостей, — сказала Алиса, — и без тебя тошно.

— Ловко они нас ограбили, — произнесла с сожалением Ирия. — Я даже не заметила.

Тут Алиса поняла, что пигмеи сняли с них пояса, к которым крепится все — от аптечки и запаса концентрированной пищи до бластера.

— А я заметил, — сказал Пашка, — только подумал, что они меня щекочут.

Из самого большого шалаша вышел старый пигмей. Его длинные курчавые волосы от старости стали желтыми, желтая борода доставала до земли, и немудрено: он шел, согнувшись пополам, так что касался кончиками узловатых пальцев земли.

Остальные пигмеи, — а их собралось на площадке, наверное, несколько сотен, — засуетились, сбежались к старику. Тот направился к лежавшим на траве пленникам.

Изучал он их долго. Рассматривал, трогал, даже приоткрыл пальцем губу Алисы и осмотрел ее зубы, будто лошадь покупал. Пашка фыркнул, но старик заворчал на него.

Больше всего старика заинтересовала Ирия.

Он опустился перед ней на корточки, погладил по золотым волосам и засвистел. Остальные тоже засвистели. Старик распрямился и отдал приказание.

Алиса пожалела, что компактный переводчик остался в поясе, которого она лишилась. Без него языка пигмеев не поймешь.

Пигмеи выволокли из шалаша большой, длиной метра полтора, сверток. Они положили его на землю недалеко от пленников, развязали лианы, размотали мешковину, и там обнаружилась мраморная статуя.

Статуя изображала молодую женщину в короткой тунике. Женщина держала перед собой небольшую книжку. Талантливый скульптор очень хорошо передал состояние читательницы — ее не интересовало ничего, кроме книги, в которую был устремлен ее взгляд.

На небольшом постаменте было выбито название скульптуры: «ЧИТАТЕЛЬНИЦА».

По знаку старика пигмеи положили скульптуру рядом с Ирией и начали сравнивать пленницу с «Читательницей». Сравнение убедило их в том, что Ирия и есть ожившая статуя. Это привело пигмеев в восторг.

Старик поднял руку, все замолчали, и в тишине он произнес:

— Ату-мана!

Затем показал на статую и перевел указующий перст на Ирию.

Толпа пигмеев издала радостный вопль.

Когда радость несколько утихла, все обернулись к Ирии, ожидая, что она скажет.

Ирия сказала:

— Спасибо за внимание. Теперь развяжите меня и моих друзей.

Услышав голос ожившей Белой Господинки, пигмеи пришли в бурный восторг, но развязывать пленников не стали. Ирия повторила свое приказание и нахмурилась. Пигмеи всполошились: Белая Господинка недовольна.

Старик пошлепал губами, подумал, потом крикнул:

— Вери-Мери!

— Вери-Мери! — завопили пигмеи. — Вери-Мери!

Из-за шалашей раздался ответный крик. Пигмеи толпой бросились туда и через несколько секунд выволокли на площадку маленького сытого пигмея. Он жевал большой корень.

Пигмеи начали кричать на Вери-Мери, старик рассердился, отобрал корень, поднял на вытянутой руке и начал выговаривать пигмею за непослушание. Тот глубоко вздохнул, поглядел на пленников, потом, обратившись к Ирии, сказал на языке Крины:

— Они велят спросить, чего ты сердишься?

— Вы переводчик! — догадался Пашка.

— Конечно, переводчик, разве не видать? — сказал пигмей. — Быстро отвечайте, а то они мой корень сжуют.

— Я приказала им меня развязать, — сказала Ирия.

— Вряд ли, — сказал Вери-Мери. — Кого решили скушать, их не развязывают.

— А ты переведи, — повторила Ирия.

Вери-Мери обернулся к ожидавшим зрителям и сообщил, чего хочет Ирия.

Началось долгое совещание. Некоторые соглашались с тем, что живую богиню неприлично держать связанной. Другие полагали, что развязанная богиня убежит. Наконец старейшина принял решение и сообщил его Вери-Мери, заодно вернув ему корень.

— Странно, — сказал переводчик, засовывая корень в рот. — Велят развязать. Значит, кушать не будут.

С этими словами он не спеша направился обратно за шалаши.

Пигмеи развязали пленников. Ирия тут же потребовала, чтобы им вернули пояса.

Снова побежали за Вери-Мери. На этот раз он даже подходить близко не стал. Выглянул из-за шалаша и объявил:

— И даже переводить не буду. Они ваши вещи уже растащили и в тайники засунули.

— А ты попробуй, — сказала Ирия.

— А то мы дождь напустим или град, — добавил Пашка. — С нами, с богами, лучше не шутить.

— Ладно уж, переведу.

На этот раз совещание пигмеев затянулось. Видно, Пашкина угроза показалась им реальной, но расставаться с сокровищами не хотелось. Неизвестно, чем бы кончился спор, если бы вдруг из кроны громадного дерева, что нависало над низиной, не вылетел, держась за конец лианы, отчаянно верещавший пигмей.

Его крик вызвал панику. Некоторые бросились бежать в лес, другие хватались за дубинки, плакали дети, женщины метались по поляне, старик схватил статую «Читательница» и старался утащить ее в шалаш. К старику на помощь прибежали еще несколько пигмеев, но они только мешали друг другу.

Вери-Мери, который продолжал меланхолично жевать корень, подошел к растерянным пленникам и сообщил:

— Левый Крот едет. Выследил. Я так и думал, что выследит. Конец вам пришел.

Сверху послышался хруст ветвей и топот, кусты расступились, и над низиной показались всадники.

Все они были одеты одинаково: в черные кожаные куртки, узкие черные штаны, на головах вместо шапок или шлемов — волчьи головы с разинутыми красными пастями. Впереди был их предводитель, одетый так же, только на плечах серебряный плащ, расшитый волчьими головами. Все воины ехали верхом на оленях, предводитель — на единороге. Да, на самом настоящем единороге.

Алисе приходилось слышать о единорогах. Отец даже привозил фотографию, сделанную в зоопарке какой-то далекой планеты, только это было давно, и Алиса не запомнила названия той планеты. Когда-то, в сказочные времена, единороги жили даже на Земле, но вымерли.

Единорог был ослепительно-белым и во всем схож с большой красивой лошадью. Но на лбу у него был прямой, направленный вперед витой золотой рог.

Группа воинов замерла на краю леса, глядя вниз на суету и суматоху лагеря пигмеев.

Потом главный рыцарь на единороге взмахнул рукой в черной перчатке, остальные воины подняли большие луки и натянули тетиву.

— Иййееж! — закричал, улыбаясь, рыцарь.

На площадке наступила тишина. Пигмеи попадали ниц.

Черный отряд медленно спустился в низину. Это было внушительное, хоть и жуткое зрелище, и склонный к романтике Пашка глядел на рыцарей, приоткрыв от удивления рот.

А Алиса глядела в лицо предводителя, которого переводчик Вери-Мери назвал Левым Кротом.

Из-под волчьей морды смотрели черные узко посаженные глаза. Они казались глубокими дырами, пробуравленными в голубом узком лице. Все в нем было узкое: и нос, и губы, и брови, и даже усики. И еще Алиса успела заметить одну странность: все воины и их предводитель были обуты на одну ногу. На правой черный сапог, левая — босая.

Левый Крот встретился взглядом с Алисой и явно удивился.

Потом перевел взгляд на Ирию, на Пашку.

— Кто такие? — спросил он высоким голосом.

— Мы попали в плен, — сказала Ирия.

— Вижу и удивляюсь, — сказал рыцарь. — Я знаю этих дикарей. Они никогда не развяжут пленников. Они даже жарят и жрут их в лианах.

— Случилась странная вещь, — сказала Ирия, решив, что правда — лучшее оружие. — Эти карлики принесли статую, решили, что я похожа на нее, и развязали нас.

— Статую? Белую?

Голос рыцаря дрогнул. Видно, Ирия сказала что-то лишнее.

— Где она?

Рыцари привстали в стременах.

Алисе показалось, что большие карие глаза единорога глядят на нее с сочувствием. А может, с укором?

Пигмеи были неподвижны. Как будто сотни человечков заснули на этой площадке.

Взгляд рыцаря остановился на кучке пигмеев, скорчившихся возле костра.

Он тронул босой левой ногой единорога. Тот медленно и грациозно подошел к пигмеям и приподнял золотое копыто.

— Ну! — крикнул рыцарь. — Долой!

Пигмеи не шелохнулись.

Тогда по знаку рыцаря воины соскочили с оленей и принялись растаскивать пигмеев.

Когда плачущих карликов разогнали, оказалось, что они закрывали своими телами драгоценную статую «Читательница» — Белую Господинку, свою главную ценность.

Когда под стон и плач пигмеев воины поставили статую, Левый Крот радостно воскликнул:

— Она!

Воины загоготали.

— Большая удача! — воскликнул Левый Крот. — Посмотрим, как запоют поклоны в Городе. А теперь... — Он огляделся. — Искать тайники! Вы знаете, как это делать.

— Поклон Левый Крот, — сказал один из воинов, постарше других, сидевший верхом на могучем олене с рогами размахом в метр. — Я думаю, сначала лучше связать пигмеев, а то будут мешать.

— Правильно, — согласился рыцарь. — Займись этим. А я поговорю с чужими людьми.

Не слезая с единорога, он подъехал к Ирии. Голова единорога была совсем рядом с Алисой, и ей очень захотелось погладить его. Она протянула руку. Единорог словно понял, но не пошевелился. Алиса слышала, как рыцарь спрашивает Ирию:

— Судя по всему, вы благородные поклоны. Но одежда ваша и герб мне незнакомы. С кем имею честь?

Алиса дотронулась до шеи единорога. Шерсть была мягкой, шелковистой. Единорог закрыл глаза. У него были длинные черные ресницы.

— Мы издалека, — сказала Ирия. — Вы не знаете нас.

— Может, ты из помников? — нахмурился рыцарь.

— Нет, — ответила Ирия. — Разве вы сами не видите?

Рыцарь ничего не ответил.

В низине стоял вой, слышались крики, стоны, воины ловко привязывали пигмеев к длинной веревке, словно низали бусы. Пигмеи почти не сопротивлялись, а если кто-то норовил убежать, воины били пленников нагайками.

— Почему ехали лесом? — спросил рыцарь у Ирии.

— Мы заблудились.

— Мне трудно поверить, — сказал рыцарь. — Благородная поклонка с двумя детьми без коней или оленей.

— Мы плыли по реке, — сказала Ирия. — Наша лодка разбилась.

Алиса почесала единорога за ухом. Ей показалось, что единорог улыбнулся.

— Готово, поклон Левый Крот! — крикнул старый воин.

— Отгоните их, — приказал рыцарь.

Пигмеев загнали за шалаши, оставили возле них стражу.

— Теперь за дело, — сказал рыцарь. — Где Вери-Мери?

Переводчик Вери-Мери уже сам подошел к рыцарю. Непонятно было, откуда он взялся, где скрывался эти минуты.

— Здесь я, — сказал он лениво.

— Показывай, — сказал рыцарь. — Где тайники пигмеев?

— При всех показывать не буду, — сказал тихо переводчик. — Они увидят — под землей меня найдут. А я жить хочу.

— Не покажешь — умрешь куда раньше, — усмехнулся рыцарь.

— Нет, — ответил переводчик, — не убьешь ты меня, поклон Левый Крот. Сколько еще племен в лесу, сколько тайников, а тебе ведь хочется все раздобыть.

— Молчать!

— Могу и помолчать. Ищи сам, — сказал Вери-Мери и принялся сосать корень.

— Убью! — рявкнул рыцарь.

— Десятая часть моя, — ответил на это переводчик.

— Показывай, — сдался рыцарь.

— Под левым шалашом в земле, — сказал Вери-Мери. — Справа от костра яма засыпана сучьями. Выше, у большого двойного дерева между корней пещерка. А я пойду. Потом встретимся.

— Где? — быстро спросил рыцарь.

— Буду в Городе, — сказал Вери-Мери. — У мудрецов. Люблю поговорить с мудрецами. Дай-ка мне горсть.

— Много, — сказал рыцарь.

Маленький пигмейчик стоял спокойно и улыбался. Он был похож на злую перекормленную обезьянку. Босая нога рыцаря покачивалась у самой его головы. Рыцарю ничего не стоило ударить предателя. И, видно, ему хотелось это сделать. Нога дрогнула, и переводчик решил не испытывать судьбу — он шустро отпрыгнул в сторону.

— В Городе я постараюсь узнать важные для тебя вещи, рыцарь, — сказал он.

Левый Крот отстегнул от пояса один из висевших там кошелей и уронил на землю. Переводчик не шевельнулся.

Рыцарь тронул ногой единорога, и тот, кинув взгляд на Алису, двинулся прочь.

Тогда переводчик нагнулся, быстрым движением поднял с земли кошель и тут же засунул его под набедренную повязку.

Этим моментом воспользовался единорог. Он поднял заднюю ногу и сильно ударил Вери-Мери золотым копытом. Тот с воплем отлетел в сторону. Но никто не слушал его проклятий. Только Пашка сказал:

— А я согласен. Не люблю доносчиков.

— Я не доносчик! — откликнулся Вери-Мери. — Я принципиальный подглядчик! Это моя работа. И не хуже других.

А на площадке воины раскапывали тайники пигмеев. Те поняли, что происходит, и завопили еще сильнее.

Из тайников воины доставали сокровища, которые, на взгляд Алисы, и не были сокровищами. Ржавая кастрюля, корпус от пишущей машинки, утюг без ручки, разбитая люстра, дверца шкафа, мраморные шарики, какие-то блестящие тряпки, и все это грязное, замшелое, словно с помойки. Но воины думали иначе. Порой какая-нибудь вещь вызывала у них бурю восторга, а Левый Крот, который на единороге сновал между группами «археологов», щурился, как сытый кот. Все награбленное добро воины совали в мешки и приторачивали их к седлам. Олени пугливо поглядывали на незнакомые вещи. Особенно тщательно запаковали белую «Читательницу». Заворачивая ее, воины поглядывали на Ирию. Видно, им тоже казалось, что она похожа на статую.

— Может, сбежим? — спросил шепотом Пашка.

— Боюсь, сейчас не удастся, — сказала Ирия.

В этот момент воин вытащил из одного тайника пояс Ирии.

— Это мое, — сказала она, подходя к воину и протягивая руку.

— Подожди, — ответил рыцарь, — потом разберемся. Может, ты ведьма и у тебя там волшебные снадобья.

— Там рация, — сказал по-русски Пашка. — Вот что жалко. Вызвали бы сейчас Гай-до.

— Вызовешь его, — мрачно ответила Алиса. — Если он без топлива сидит, ждет нас, бедненький. Представляешь, как он переживает!

— Слушайте меня, друзья, — сказала Ирия. — Без моего согласия ничего не предпринимать. Мы обязательно убежим, но ошибки быть не должно.

Глава 8

ВСТРЕЧА В ЛЕСУ

Они шли по лесу. Впереди рыцарь на единороге, затем Ирия с ребятами и воины. Сзади гнали длинную вереницу пленных пигмеев.

— Боюсь, что мы с каждым шагом удаляемся от цели, — сказал Пашка.

— На непонятном языке говорить запрещено! — раздался рядом голос.

Они увидели, что за ними шагает, как всегда жуя корень, предатель Вери-Мери.

— Еще тебя не хватало! — возмутился Пашка. — Отойди, а то я с тобой расправлюсь почище единорога.

— Что такое единорог, я не знаю, — ответил с достоинством маленький предатель. — Если вы имеете в виду удар, который мне нанесла рогатая кобыла, то она за это поплатится. Каждый поплатится, кто поднял на меня руку.

Вери-Мери грозно выпучил глаза и надулся, но все равно он был так мал, что его шевелюра еле доставала до плеча Алисы.

— Вы думаете, — продолжал Вери-Мери, — что если человек мал ростом, то большие могут его топтать? Это ошибка. Все великие люди были маленького роста. И знаешь почему?

— И знать не хочу, — буркнул Пашка.

— А ты слушай. Полезно. Маленького ребенка обижают большие дети, потому что они глупые и думают, что рост — это достоинство. А потом, когда маленький человек станет взрослым, он понимает, что вместо роста небо подарило ему ум. И с помощью этого ума он доказывает всем глупым великанам, что может укоротить их, как пожелает. Только для этого нужно терпение и еще раз терпение. Ты думаешь, мне не жалко этих пигмеев, которые так и не поняли преимуществ нашего малого роста? Жалко. Но в этом мире побеждает только сильный.

— Вери-Мери, — сказала Ирия, — вы мне надоели. И я боюсь, что Пашка сейчас вас побьет.

— Нельзя, — ответил переводчик. — Я под защитой знаменитого непобедимого поклона Левого Крота.

— А он будет только рад, — сказала Ирия.

— К сожалению, вы правы, — согласился вдруг переводчик. — До встречи.

И он исчез. То ли под землю провалился, то ли нырнул в листву.

Некоторое время они шли молча. Лес близко подступал к тропе. Листва смыкалась над головой. Что-то заставило Алису поглядеть направо — из переплетения сучьев на нее глядел человек.

На мгновение его лицо мелькнуло белым пятном в массе зелени.

Она хотела сказать об этом Пашке, но, как ни вглядывалась в чащу, ничего больше не увидела.

Процессия двигалась медленно, петляя между могучих стволов. Сзади доносился шум: говор, стоны пигмеев, крики воинов. Спереди мерно покачивались черные спины рыцаря и его охраны.

Единорог оглянулся, взглянул на Алису, и ей показалось, что он улыбается. Но не может же лошадь, даже рогатая, улыбаться.

Деревья расступились, впереди была просека. Она заросла кустами и тонкими деревцами, посреди нее тянулась проселочная дорога. Воины оживились, заговорили громче, даже олени пошли быстрее.

И тут Алиса снова увидела человека, который следил за ними.

Он сидел на толстом суку, нависшем над дорогой, совсем не таился, и даже странно было, что никто не догадался поднять голову и заметить его.

Человек улыбнулся Алисе, подмигнул и помахал рукой.

Он был совсем молодым, даже юношей. Одет в кожаную куртку и штаны, у него были длинные, до плеч, огненные волосы, зеленые глаза, и лицо его почему-то знакомо. Но почему Алисе может показаться знакомым лицо лесного человека на далекой планете?

Дерево осталось позади. Алисе хотелось оглянуться, посмотреть, что будет делать юноша дальше, но она не осмелилась, чтобы не привлечь к нему внимания.

Но оказалось, что юноша сам этого хочет.

Когда через несколько минут первые воины выехали на широкую пустошь посреди леса, заросшую редкими деревьями, меж которых рос тростник и кое-где поблескивала вода, юноша сполз с дерева, вышел из кустов и спокойно побрел навстречу процессии. Он шел, опустив руки, глядя в землю, будто ему было совершенно невдомек, куда он попал и с кем встретился.

Один из воинов поднял лук, но рыцарь положил руку ему на локоть, приказал подождать.

Юноша шел, не поднимая головы, пока не натолкнулся на дерево. Он потер лоб, удивленно поглядел на ствол, как лунатик, который гуляет во сне по крышам, затем побрел дальше, забрел в низину, не замечая, что идет по колено в воде, чуть не упал, поскользнувшись, выпрямился, остановился, оглядываясь, будто стараясь проснуться и понять, что происходит. Он стоял совсем близко от черного рыцаря, и тот окликнул его:

— Куда идешь, добрый человек?

Юноша поднял голову. Глаза его были пустыми. Что-то произошло с ним за те минуты, что Алиса не видела его. Ведь

тогда он улыбнулся ей, он все отлично понимал. А сейчас он глупо моргал, глядя на рыцаря. Потом повернулся и пошел прочь.

— Бе-пе, — сказал воин.

— Вижу, — согласился Левый Крот. — Возьми его.

Воин на олене догнал человека. Преградил ему путь. Тот покорно остановился.

Воин вынул нагайку, слегка хлестнул ею юношу, и тот послушно, как корова, которую пастух погоняет домой, подошел к черному рыцарю.

— Стой! — приказал черный рыцарь. Потом наклонился в седле, протянул руку, сильно схватил юношу за подбородок и потянул к себе.

— Больно, — сказал юноша.

— Еще больнее будет! Ты чего притворяешься? Помник? Подглядчик?

— Может, и помник, — сказал старый воин. — Только он бе-пе. Я их навидался на своем веку. Вроде бы должны знать, куда нельзя соваться, а суются. Даже жалко.

— Ты себя жалей, а не других, — сказал рыцарь. — Свяжи его. И веди.

— Слушаюсь, — сказал старый воин. — А что с ним делать будем?

— Если не притворяется, отвезем в Город. На рынке он хорошо пойдет. Молодой, крепкий.

Старый воин спрыгнул с оленя и, вытащив из-за пояса веревку, быстро связал руки юноше. Тот безучастно смотрел на воина, будто и не замечал его.

Алиса хотела спросить черного рыцаря, что такое бе-пе. Это слово она слышала здесь уже не в первый раз. Но потом раздумала. Ведь здесь все знают, что означает бе-пе. А если Алиса не знает, это вызовет подозрение. Поэтому она не спросила.

Через полчаса дорога начала подниматься, лес поредел, и наконец впереди на вершине пологого холма показался замок. Высокая каменная стена окружала массивную башню. Башня была покрыта куполом, в котором виднелся большой разрез — от вершины до стены.

Когда процессия вышла на открытое место, рыцарь приложил к губам трубу, что висела притороченная к седлу, и затрубил. Тут же на стене появился человек и затрубил в ответ.

К тому времени, когда первые воины поднялись к стенам, ворота замка открылись и оттуда выехал рыцарь.

И тут Алисе показалось, что у нее двоится в глазах, потому что рыцарь, который выехал из замка, был точной копией рыцаря, который возглавлял процессию. Они были одинаково одеты, они ехали на одинаковых белых единорогах. И лица у рыцарей были одинаковыми.

— А я знаю, в чем разница, — сказал вдруг Пашка, который, как это часто бывает, угадал мысли Алисы. — У нашего левая нога босая, а у того — правая.

— Можно предположить, — добавила Ирия, — что если нашего зовут Левый Крот, то это...

— Правый Крот! — воскликнула Алиса.

Рыцарь услышал ее и резко обернулся.

— Слишком догадливая, — сказал он.

— Вы близнецы? — спросила Алиса.

— Я родился первым, — сказал Левый Крот.

— Не хвастайся, — сказал, подъезжая, второй рыцарь. — Хвастовство тебя когда-нибудь погубит. Ты забыл, что у меня первого прорезался зуб?

Рыцари поехали рядом.

Единороги сблизили головы, будто шептались о чем-то.

В воротах замка рыцари остановились, пропуская процессию, и Левый Крот сказал, словно представляя гостей:

— Этих мы отняли у пигмеев.

Он показал на Алису и ее друзей.

— Странные люди, — заметил его брат. — Бе-пе?

— Нет. Говорят, что поклоны издалека. Их корабль перевернулся на реке. Вели проводить их в верхнюю гостиную. Но глаз не спускай.

— А это?

— Это бе-пе, — сказал Левый Крот, глядя на юношу.

— Я бы сказал, что помник.

— Надо будет проверить.

Тут с ними поравнялись олени, груженные добычей.

— Мама будет рада, — сказал Левый Крот.

Больше Алиса ничего не услышала, потому что воины повели их внутрь, во двор замка, где возвышалась башня...

— Что она мне напоминает? — спросила Алиса вслух.

— Обсерваторию, — ответила Ирия.

Глава 9

ИСТОРИЯ БАНДИТСКОГО СЕМЕЙСТВА

Отец близнецов, Старый Крот, гроза лесов, бандит и убийца, каких мало, в молодости был простым разбойником, таился со своей бандой в пещере на берегу реки. Однажды, преследуя оленя, наткнулся в лесу на бывшую обсерваторию. Он не знал, что это обсерватория, — на Крине уже двести пятьдесят лет не было ни одного астронома, но башня ему понравилась, потому что была просторной, с холма было видно далеко вокруг, и в ней была лишь одна дверь, которую легко было защищать. Года через два, после некоторых удачных набегов на деревни горбуна Таракана, что тянулись по тому берегу реки, и захвата купеческого каравана, Старый Крот смог обнести башню стеной, чтобы было где расположиться его воинам, устроить конюшни для верховых оленей и хранить добычу. А если у разбойника есть неприступный замок, как у настоящих баронов и знатных поклонов, то он уже не разбойник, а поклон.

Как-то Старый Крот был в Городе у моря. Он ездил на рынок рабов продавать пигмеев, пойманных в чаще. Там на улице он увидел носилки, в которых несли красивую девушку, дочь вкушеца храма святой Сороконожки. Потому девушку и звали красивым именем — Сороконожка. Крот поклялся себе, что эта девушка будет его женой. Поклялся, но никому, кроме ближайших соратников, не сказал об этом. Он умел ждать. И надеялся на Вери-Мери. Вери-Мери был тогда юным пигмеем, который попал в замок-обсерваторию мальчишкой, тихой проворной обезьянкой. Его бы продали, как и других лесных рабов, но хитрый мальчишка смог выбраться из подземелья, где его держали, хотя никто раньше этого сделать не смог, пробраться к самому Кроту, который, на счастье пигмея, был в тот вечер в отличном настроении, и сообщить, что знает, где хранится тайник племени Сухих сучьев. И не соврал.

Не было на всей Крине лучшего шпиона, чем пигмей Вери-Мери. Ну кто подумает опасаться грязного карлика, одного из тысяч городских рабов, что подметают улицы, трудятся в рудниках, вывозят нечистоты?

Вери-Мери познакомился с рабами в доме вкушеца храма

Сороконожки и пронюхал, что Сороконожка собирается на Речной остров, к своей тетке, колдунье и прорицательнице Куке-Мокрице. Она отплыла на небольшом корабле с малой охраной, потому что стояли недели сбора урожая, и, как известно, пока урожай не свезут в закрома, в долине реки и на большом море устанавливается мир.

Но какое дело было бандиту Кроту до обычаев! Лес велик, он хранит свои тайны. Там пропадают люди, там живут страшные звери, там летают разумные говорящие птицы, там, в глубине чащи, лежит Убежище помников, которые крадут детей. Там есть страшные колодцы, из которых поднимается дух, одним дуновением своим превращающий человека в бе-пе, что значит «беспамятный, потерявший память».

Крот собрал свой отряд и на маленьких лодках, когда корабль Сороконожки пристал к берегу на ночлег, напал на ее охрану. Так Сороконожка стала его женой.

К несчастью для Крота, один из стражников Сороконожки остался жив. Утром он пришел в себя, выбрался из-под груды тел, брошенных на берегу, отыскал лодку и смог вернуться в Город.

Гнев вкушецов был ужасен. Ужасен был и гнев его Повелительства Радикулита. И хоть Вери-Мери успел предупредить Крота, что на него идет целая армия из города, Кроту пришлось плохо. Три дня продолжался штурм обсерватории. У Крота кончились стрелы и камни. Те из его людей, что еще оставались в живых, были ранены и так измучены, что не держались на ногах.

Правда, осаждавшие об этом не подозревали.

И когда во время последнего штурма погиб сам великий вкушец, его армия отступила. В том бою стрела попала Кроту в глаз, и он окривел. Но с невестой не расстался.

А что невеста? Она поплакала, погоревала, она еще ждала, что ее выручат. Но некому было ее выручать.

Через год она родила двойню — двух мальчиков, похожих как две капли воды. Они были такими одинаковыми, что даже Сороконожка путала их. Мальчики были ловкие, злые, жестокие, и отец специально приносил им из леса животных и птиц, чтобы они их мучили. Когда мальчики подросли, надо было дать им имена. И Сороконожка послала гонца с большими дарами к мудрецам в Город. Потому что только мудрецы знают

значение имен. Но мудрецы испугались мести властителя и вкушецов и отказались дать братьям имена. Пришлось назвать их как отца. И близнецы стали Левым Кротом и Правым Кротом. А знаменитая колдунья Кука-Мокрица с Речного острова, которой отвезли хорошие дары, предсказала, что близнецы никогда не поссорятся и не разлучатся, если будут носить только по одному сапогу: Левый Крот — правый сапог, Правый — левый. Что и было сделано. Первое время мальчики часто простужались, потому что им приходилось ходить босыми на одну ногу даже зимой. Но потом привыкли.

А что касается шлемов, то у них своя история. Когда-то, совсем давно, когда давали имя Старому Кроту, мудрец вместе с именем продал его дедушке картинку, на которой был изображен крот. Однажды в лесу Крот увидел такого зверя. Но он не знал, что зверь зовется волком, потому что только мудрецы знают, как что называть. А они думали, что это животное называют кротом. Вот и стал Крот, и все воины Крота, и дети Крота носить на голове вместо шлемов волчьи головы, называя их кротовыми головами.

Так уж повелось, что все воины в замке, да и сам Старый Крот ездили на верховых оленях. А однажды случилось невероятное событие. Сороконожка гуляла как-то вечером с близнецами на зеленом склоне возле замка и услышала стон. Совсем человеческий.

И тут она увидела, как из леса вышел единорог.

Разумеется, госпожа Сороконожка слышала о единорогах и знала, что они живут далеко, за непроходимыми лесами, и людям показываются очень редко. А в неволе умирают. Даже у его Повелительства Радикулита Грозного не было ни одного единорога. Так что настоящего единорога Сороконожка не видела.

И вдруг — такая встреча.

Но встреча оказалась грустной. Когда госпожа Сороконожка и мальчики стояли в оцепенении, глядя на это чудо, женщина увидела, что по шее животного струится кровь.

Госпожа Сороконожка не знала, как помочь животному. Тут из леса выбежали два маленьких единорога на тонких ножках — видно, родились совсем недавно, даже ходить толком не научились.

Единорог, вернее, единорожиха, что оказалась матерью же-

ребят, сделала несколько неверных шагов и упала. Жеребята остановились рядом.

Тогда женщина подбежала к матери жеребят, вытащила платок, постаралась остановить кровь, но не смогла. И тогда губы умирающей единорожихи дрогнули. Губы шевелились беззвучно, Сороконожке казалось, что животное умоляет женщину не покинуть в беде ее детей, потому что она тоже мать и у нее тоже есть близнецы.

— Я обещаю тебе, — поклялась Сороконожка.

Со стены замка стражники увидели, что происходит внизу, и послали за хозяином. Вскоре прискакал Старый Крот. Он был удивлен не меньше жены и тут же приказал отнести тело погибшей единорожихи в замок, снять шкуру и сделать из нее чучело. Сороконожка не стала спорить, хотя ей было это неприятно. А жеребят старый бандит хотел тут же связать и отвезти в Город, надеясь, что ему за них много заплатят.

Сороконожка боялась перечить дикому мужу. Она знала, что спорить с ним — пустое дело. Поэтому она и не спорила, а тихонько делала так, как хотела. Когда ее муж приносил из леса животных и птиц и заставлял мальчиков мучить и убивать их, она, как только он уйдет, отнимала у мальчиков несчастные жертвы, выхаживала их и отпускала на волю. И объясняла близнецам, что животных надо любить. Потому мальчики росли двуличными. Когда нужно, они слушались отца, когда нужно — мать. Отца они боялись, потому что в гневе он мог жестоко избить, а мать по-своему любили — ведь она их кормила, ухаживала за ними, сидела рядом с их одинаковыми кроватками, когда они болели.

Когда их мать сказала мужу, что считает разумнее не продавать жеребят, а вырастить их для мальчиков, близнецы стеной встали на сторону матери. И перед бунтом в собственном семействе Старому Кроту пришлось отступить.

Так и росли молодые рыцари вместе со своими жеребятами.

Нигде единороги не живут в неволе, но в замке Кротов они чувствовали себя свободными. Они были братьями молодых рыцарей. И если хотели, могли разговаривать. Беззвучно, чуть шевеля губами. Но Левый Крот понимал только своего единорога, а Правый — своего.

Когда Повелитель Города Радикулит Грозный узнал, что у Старого Крота живут настоящие единороги, он предлагал за

них любые деньги, но Крот был очень гордым. Если бы он сам решил продать единорогов, это одно дело. А если ему приказывают — никогда! Повелитель Радикулит объявил новый поход на замок Крота. Но тут началась война за проливы, и ему стало не до единорогов.

А братья-близнецы выросли самыми настоящими разбойниками, они были отважны и жестоки. Их никто не любил и все боялись. Помники не раз устраивали им засады, пигмеи собирались в большие орды, чтобы убить их, соседние бароны посылали против них отряды... Но не было лучше бойцов, чем братья Кроты. И не было во всем мире быстрее и умнее животных, чем их единороги.

У молодых Кротов была сестра. Она родилась уже после того, как в замке появились единороги. Теперь ей исполнилось шестнадцать лет. Она была странной девочкой — дикой, замкнутой, неразговорчивой. Сам Старый Крот считал, что она родилась такой, потому что ее мать в тот год встретила в лесу Угрюмую Старуху. А кто увидит Угрюмую Старуху, никогда не будет счастлив. Дочку свою Старый Крот не любил, порол, и она убегала от него в лес и пропадала там по нескольку дней. И никому, кроме матери, не было до нее дела. Ей даже не дали красивого имени. Звали ее Белкой.

Потом Старый Крот погиб. Погнался в лесу за каким-то зверем, один, без охраны, заблудился... А может, и не заблудился, а завели его в чащу враги-пигмеи. И попал он там в яму, где живет дух, отнимающий память. И долго он бродил по лесу. Когда его отыскали сыновья, он был так истощен, и так всех боялся, и такие страшные сны ему снились, что он повесился в замковой башне.

А жизнь в замке потекла, как прежде. Выросли сыновья, состарилась Сороконожка. Все уже забыли, что Старый Крот был простым разбойником. Сыновей считали настоящими поклонами. Потому, когда Радикулит Грозный стал собирать всех баронов и поклонов из подвластных ему земель, чтобы начать общий поход на помников, их тоже позвали.

Эту весть принес из Города Вери-Мери. По дороге ему удалось выведать у доверчивых пигмеев, где те собираются на годовой праздник. И, конечно же, рассказал об этом своим старым господам. Поэтому и оказался Левый Крот в лесу, поэтому Ирия, Пашка и Алиса попали к нему в замок.

Глава 10

НОЧЬ В ЗАМКЕ

Ворота замка со скрипом закрылись, стражи опустили толстый брус, запирая их. Воины спешивались, пигмеев, как покорное стадо, загнали в узкую пасть подземелья. Туда же попал и юноша, найденный в лесу.

Пожилой воин с длинными седыми усами сказал Ирии:

— Вам наверх.

И они вошли в здание обсерватории.

Когда-то на первом этаже были комнаты астрономов и вычислительный центр. Разумеется, все вещи давно отсюда вытащили, некоторые из перегородок сломали. Пленников повели наверх по спиральной лестнице, у которой давно обломились перила, туда, где когда-то стоял телескоп.

Это был огромный круглый зал, его стены кончались на высоте двух метров и переходили в купол с прорезью для телескопа. Сквозь широкую длинную прорезь было видно серое, темнеющее небо, по которому бежали серые облака. Начался дождь, и капли гулко ударялись о каменный пол.

Воин закрыл за собой железную дверь и ушел.

Сразу стало очень тихо.

И голос Пашки прозвучал гулко:

— Надо бежать.

Алиса и сама знала, что надо бежать, но вдруг она почувствовала, что смертельно устала и мечтает только об одном: лечь и вытянуть ноги.

У стены протянулась низкая широкая скамья, устланная шкурами. Алиса добрела до нее и сказала:

— Можно, я немножко отдохну?

— Нам всем нужно отдохнуть, — сказала Ирия.

Алиса поняла, что Ирия жалеет своих юных друзей, сама-то она могла обходиться без сна несколько суток.

— Еще чего не хватало! — возмутился Пашка. — Отдохнем, когда отыщем Тадеуша.

— Конечно, — сказала Ирия. — Но я здесь старшая. И я сама устала. Если ты, Пашка, не поспишь хотя бы несколько часов, от тебя завтра будет мало пользы.

— Конечно, — вздохнул Пашка, — надо учитывать, что Алиса — всего-навсего девочка.

Алиса только улыбнулась. Она понимала, что Пашка не умеет признаваться в своих слабостях.

— Ложись, — сказала она, — скамейка длинная.

Пашка вытянулся у нее в ногах и пробурчал:

— Интересно, почему-то совсем не хочется спать.

И тут же засопел.

Алиса подумала: «Наш герой заснул раньше меня». Но это была ее последняя мысль. Она уже спала.

Когда Алиса проснулась, было совсем темно. Она не сразу сообразила, где она, и не поняла, что же ее разбудило. Потом сообразила: в зале посторонний. Кто-то чужой беззвучно ступает по полу, стараясь сдерживать дыхание.

Алиса замерла. Она кинула взгляд наверх: в щели для телескопа были видны звезды.

Чужой подходил все ближе.

Потом раздался щелчок. По звуку Алиса догадалась, где стоит тот человек, — метрах в трех слева.

Снова щелчок. И искры. Снова щелчок — и зажглась свеча.

Как же она не догадалась раньше: пришелец разжигал огонь! У них здесь нет спичек.

Скупой свет свечи вырвал из темноты странное скуластое лицо, черные глаза, копну курчавых волос. Лицо подростка. Нет, девушки!

Девушка вглядывалась в темноту, стараясь увидеть, кто лежит на скамье.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Алиса негромко.

— Ах! — Свеча дрогнула и чуть не вывалилась из руки девушки.

— Не бойся! — сказала Алиса. — Ты кто?

Глаза Алисы привыкли к свету, и она поняла, что девушка не намного старше ее.

— Я — Белка. Я здесь живу.

— Белка?

— Я знаю, это некрасивое имя, но мне не стали давать настоящего, потому что отец меня не любил. Можно, я сяду рядом с тобой?

— Конечно, садись, — сказала Алиса. — Вот здесь.

Девушка села и поставила свечу на край скамьи.

— Мне так скучно здесь жить, — прошептала она. — Я уви-

дела, как вас ведут, и подумала: обязательно к тебе проберусь, когда все заснут. Только я очень боялась тех, кто с тобой.

— Почему?

— Эта женщина с золотыми волосами, она страшная.

— Почему?

— Не знаю. Я только чувствую. Я все чувствую, — сказала Белка. — В ней больше силы, чем в мужчине.

Алиса подумала: «Ты бы посмотрела на Ирию на Земле, когда она возится с Вандочкой или готовит обед Тадеушу, вот бы удивилась!»

И тут они услышали голос:

— Еще бы! Ведь Ирия вышла на тропу войны. А ирокезы на тропе войны беспощадны.

Это был голос Пашки.

Белка от неожиданности подскочила.

— Не бойся, — сказала Алиса. — Это Пашка. Он мой друг. Он проснулся от нашего разговора.

— Я вообще не спал, — сказал Пашка хриплым сонным голосом. — Я думал.

— Он немного хвастун, — сказала Алиса. — Но хороший друг.

— Мальчики не бывают хорошими, — сказала Белка. — Из них вырастают мужчины. А это самое гадкое племя.

— Сумасшедшая какая-то, — сказал Пашка. — Какой же мужчина тебя обидел?

— Меня все обижают, — сказала Белка. — Мои братья меня обижают, мой отец меня обижал. А хуже всех Вери-Мери.

— Это предатель! — сказал Пашка. — Я когда-нибудь до него доберусь.

— До него не доберешься, — сказала Белка. — Он только кажется таким тихим и беззащитным. А он очень богатый и знает все яды и заклинания. Даже моя мать его боится.

Пашка сел на скамье.

— А кто твои братья? — спросил он.

— Владетели этого замка. Крот Правый и Крот Левый.

— Какие странные имена, — сказала Алиса. — Совсем не подходят к рыцарям.

— Почему? Это же имена очень страшных зверей.

— Страшных? — Пашка не смог удержать смеха. — Подзем-

ные кроты! Рыцари черных норок! Победители дождевого червя!

— Ты странно говоришь, — сказала Белка. — Я тебя не понимаю. Вас-то самих как зовут?

— Меня — Алиса.

— Меня — Павел. Павел Гераскин.

— Вот у вас странные имена, — сказала Белка. — Я таких никогда еще не слышала. Что они значат?

— Ничего, — сказала Алиса. — Просто имена.

— Просто имен не бывает. Наверно, у вас бедные родители и они не смогли вам купить красивых имен. Откуда вы сюда приехали?

— С Земли, — сказал Пашка.

— Это выше по реке?

— Нет, это в космосе. За звездами.

— Ох! — испугалась Белка. — Что ты говоришь, Павел Гераскин? А вдруг кто-нибудь услышит?

— И что случится? — спросил Пашка.

— Тебя отведут к повелителям неба, вкушецам. И они тебя убьют.

— За что?

— За то, что ты говоришь, о чем говорить нельзя. Разве тебе не известно, что небо твердое, а звезды прибиты к нему?

— Ну прямо Средневековье какое-то! — возмутился Пашка. — Люди не знают самых очевидных вещей. А ведь каких-нибудь триста лет назад ваши прадедушки летали в небо и даже долетали до нашей планеты.

— Наши прадедушки, — громко сказала Белка, — жили в этом замке и во дворцах великого Города.

— Ребята! — улыбнулась Алиса. — Я предлагаю сделать вот что: ты нам расскажешь, что сможешь, о вашей жизни здесь. А мы тебе расскажем, что захочешь, о нашей жизни у нас.

— А если это будет неправда?

— Захочешь — поверишь, — буркнул Пашка.

— Ладно, начинайте, — сказала Белка.

— Я разбужу Ирию, — сказала Алиса. — Ей тоже надо все знать.

— Ни за что, — сказала Белка. — Тогда я ничего не скажу. Пускай ваша поклонка спит.

— Хорошо, — не стала спорить Алиса. — Рассказывай.

И Белка рассказала о Старом Кроте, о том, как он украл себе жену, как родились близнецы, как появились в замке единороги. Кое-что Алисе стало яснее, но многого она, конечно, и не поняла, потому что Белка всю жизнь прожила в замке-обсерватории и никогда не была в Городе. Она не могла объяснить, кто такие помники, только повторяла, что это очень страшные люди, они крадут детей и потом их едят. И еще призналась, что очень боится пигмея Вери-Мери, который сказал Белке, что обязательно на ней женится.

Белка вдруг замолкла и схватила Алису за руку.

В щели от телескопа на фоне звезд показалась человеческая фигура.

— Стой! — воскликнул Пашка.

— Тише, — послышался в ответ громкий шепот. — Что с вашими нервами? Это я, Ирия.

— А мы думали, что ты спишь, — сказал Пашка.

Ирия не спешила спрыгивать на пол. Она помогла взобраться в щель другому человеку.

Ирия спрыгнула вниз, второй человек последовал ее примеру. Алиса услышала его голос:

— Здесь трое. Кто третий?

— По-моему, мои друзья обзаводятся знакомыми, — ответила Ирия.

— Ничего удивительного, — сказал Пашка. — Ты же обзаводишься!

Алиса держала Белку за руку, чтобы та не убежала. Рука девушки дрожала.

Когда Ирия и ее спутник подошли к скамье, пламя свечи осветило их, и Алиса поняла, что это тот самый юноша, которого они встретили в лесу.

— Как же ты спустилась отсюда в подземелье? — спросил Пашка. — Там гладкая стена, метров десять.

— Гладких стен не бывает, — коротко ответила Ирия.

— Но мне бы без помощи Ирии сюда не забраться, — сказал юноша.

Ирия обернулась к Белке и спросила:

— Кто эта девочка?

— Это сестра близнецов, — сказала Алиса. — Она нам рассказывала о себе. Она тебя боится.

— Хорошим людям меня бояться не надо, — ответила Ирия. — Я тоже не теряла времени даром.

Тут Алиса увидела, что на плече у Ирии висит холщовая сумка.

Она положила ее на скамью, вытащила оттуда большой ломоть хлеба, кусок вареного мяса и глиняную бутыль с водой.

— Подкрепитесь, — сказала Ирия. — И благодарите Ручейка.

— Это меня так зовут, — сказал юноша.

Глаза его были живыми, движения уверенными.

— Значит, вы притворялись? — спросил Пашка.

— Когда?

— Когда вас нашли в лесу.

— Разумеется, — сказал юноша. — Иначе бы мне не попасть в замок.

— А я думала, что вы — бе-пе, — сказала Белка. — И все так думали.

— Кто-нибудь скажет мне наконец, что такое бе-пе?! — потребовал Пашка. — Мне никто ничего не рассказывает.

— Бе-пе — это значит беспамятный, — сказал юноша. — Человек, который потерял память.

— Почему потерял?

— В лесу есть такие опасные места, — сказал Ручеек. — Если человек туда попадет, он теряет память.

— Ой! — воскликнула Алиса. — Наверно, старик Меркурий потерял память! И погиб.

— Да, — сказала Ирия. — Я это тоже поняла. Но, к сожалению, все еще хуже.

— Что? Ты узнала о Тадеуше?

— Да, — сказал Ручеек. — Ваши друзья у нас. Мы их нашли в лесу. Они — бе-пе.

— Не может быть! — воскликнула Алиса. — Надо скорее их найти и вылечить.

— Чего же мы ждем! — сказал Пашка. — Ручеек, показывайте нам, как отсюда выбраться.

— К сожалению, — ответил Ручеек, — я ничем не могу вам помочь. Ворота замка закрыты, на стенах часовые. И через стены нам не перебраться. — Он посмотрел на Ирию. — Может быть, госпожа Ирия и смогла бы... но остальные — нет.

— Тогда ты, Ирия, — сказал Пашка, — иди.

— Нет, — ответила Ирия, — я не могу вас здесь оставить. Мы уйдем все вместе или все вместе останемся.

Алиса поняла, что Ирию не переубедишь. А раз так, то и говорить не о чем.

— А как же вы догадались встретиться? — спросила она.

— Я выбрался наружу, когда стемнело, — сказал Ручеек. — Меня ведь не очень стерегли, кто боится бе-пе? Я подошел к башне и тихонько свистнул.

— А я не спала, — сказала Ирия. — И думала, почему лицо молодого человека, которого нашли в лесу, мне так знакомо.

— Тебе тоже? — сказала Алиса.

— Да, — сказала Ирия. — И я догадалась. Юноша похож на Речку...

— Еще бы! — улыбнулся Ручеек. — Я ее родной брат.

— Ваш отец думает, что вас украли помники, — сказал Пашка.

— Не может быть, — вмешалась Белка. — Если бы помники украли, они бы давно его съели.

— Во-первых, — возразил Ручеек, — помники не едят детей.

— Нет, едят! Это все знают.

— Все знают только то, что им говорят вкушецы и поклоны, — сказал Ручеек. — А вкушецы и поклоны ненавидят помников и боятся их.

— Их все боятся, — сказала Белка. — Они страшные. Как дикие звери.

— А ты видела когда-нибудь живого помника? — спросил Ручеек.

— Нет, что ты! — отмахнулась Белка. — Кто их увидит, ослепнет.

— А если я тебе одного покажу?

— Нет, нет, не надо! А то я закричу!

— Но здесь тебе некого бояться, — сказала Ирия.

— Здесь некого, а вдруг он прилетит? Они же летают на птицах!

— Не буду с тобой спорить, — сказал Ручеек. — Но многие говорят, что я — помник.

— Врешь!

— Значит, вру, — быстро согласился Ручеек.

И Алиса поняла, что он в самом деле — помник. Она не знала, кто такие помники, но Ручеек был помником. Это точно.

— Я же тебя видела, — сказала Белка с недоверием. — Ты был бе-пе. А теперь говоришь, что помник.

— Ты смешная девчонка, — улыбнулся Ручеек, и в полутьме сверкнули его белые зубы. — Не все ли равно, кто я? Просто человек.

— Просто?

— А разве так не бывает?

— Не бывает, — решительно ответила Белка. — Потому что бывают повелители, бывают угодные небу вкушецы, бывают поклоны, бывают воины, бывают помники, бывают бе-пе, бывают пигмеи, бывают простаки и рабы, а бывают страшные люди из ночи.

Алиса с Пашкой тем временем ели. Оказывается, они очень проголодались. Алиса подумала: «Никогда еще в жизни не ела такого вкусного хлеба».

Над башней дул ветер, он залетал в щель, свистел, ворошил волосы. Было зябко. Алиса натянула на себя шкуру.

— Ручеек мне рассказал кое-что, — сказала Ирия. — И я хотела, чтобы он повторил свой рассказ для вас.

— Нет, — сказал Ручеек, — здесь я говорить не буду. Потому что здесь знатная госпожа и ей об этом не надо знать.

— А я не уйду, — заявила Белка. — Мне здесь интересно, а спать скучно. И к братьям идти скучно. Они сейчас напились и делят добычу.

— Тогда иди к маме.

— Мама любит скучать одна. Ей все надоели.

— Ну сколько же можно говорить! — с раздражением произнес Ручеек.

— А ты лучше помолчи, — ответила Белка. — Кто ты такой? Бе-пе? А я здесь хозяйка. Это мой замок, это моя башня. А когда мама умрет, а моих братьев убьют помники или другие поклоны, я стану хозяйкой. И всех, кто меня обижал, обезглавлю.

— Интересно, — сказал Ручеек, — кто же вложил в твою курчавую головку такие мысли?

— Это мои мысли!

— Твои?

— Мне Вери-Мери сказал. Он только один меня любит.

— А ты его? — спросил Пашка, которому Вери-Мери очень не нравился.

— Ты с ума сошел! — воскликнула девушка. — Он же гадкий.

— А ты ему веришь?

— Он хоть со мной разговаривает, — произнесла Белка. — А больше никто и разговаривать не хочет. Я сюда пришла. Здесь такая хорошая девочка, она со мной стала разговаривать. Мне интересно. А теперь приходит этот притворщик бе-пе со страшной ведьмой, которая ползает по стенам, и велит мне уйти. Уж лучше я буду верить Вери-Мери. Он — самый богатый человек на всем свете. Он только кажется маленьким. А на самом деле его все боятся!

Девушка даже запыхалась, так быстро и яростно она говорила. Она замолчала. Остальные тоже молчали. И вдруг ее губы задрожали, маленький вздернутый нос сморщился, брови сошлись к переносице, и наследница сокровищ Старого Крота заревела, как маленькая девочка.

— Я не хотела... — повторяла она. — Я не хотела так говорить! Я боюсь Вери-Мери, он хочет, чтобы я стала его женой. Он страшный, и мне страшно. Здесь всегда темно... убегу отсюда...

— Не надо плакать. — Алиса обняла Белку. — Мы тоже не хотели тебя обидеть. Мы знаем, что ты хорошая.

— Я тебя гнал не потому, что ты плохая, — сказал Ручеек, — я тебя гнал, потому что ты поклонка. Ты расскажешь лишнее своим братьям или этому пигмею... И нам будет плохо.

— Я никому ничего не расскажу. Честное слово. Я клянусь лесной чащей, священным белым деревом, небесной оленихой, дрожащей трясиной, что никому ничего не расскажу...

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Ирия. — Оставайся. Начинай, Ручеек.

Но Ручеек ничего не успел сказать, потому что вдруг Белка, у которой был удивительный слух, встрепенулась, вырвалась из объятий Алисы и прошептала:

— Они идут.

Не говоря ни слова, Ручеек метнулся к щели, перемахнул через стену и исчез.

Дверь в зал распахнулась.

Вошел старый воин. Он нес факел.

— Уважаемые поклоны, — сказал он, — Великие Кроты велят вам спуститься к ним.

Тут он заметил горящую свечу и сидевшую на скамье Белку.

Девушка подбежала к нему и тихо сказала:

— Сук, не говори никому, что ты меня здесь видел.

— Ясное дело, — ответил он.

Белка скользнула мимо него, и ее легкие шаги простучали по лестнице.

Глава 11

КРОТЫ РАССЕРДИЛИСЬ

Братья Кроты ждали пленников в главной комнате замка, которая находилась за каменной перегородкой на первом этаже.

Комната была похожа на дольку арбуза: одна стена полукруглая, вторая — прямая. В глубине, у выгнутой стены, стояли три деревянных, покрытых резьбою трона. Средний, самый большой, был пуст. На двух поменьше, по сторонам, сидели близнецы. Перед ними стоял длинный, похожий на полумесяц стол. На нем — миски и кружки с едой и питьем. А между ними, за ними, перед ними — сотни горящих свечей. Свечи были вставлены в старые подсвечники, различные бутылки, вазы и вазочки, даже в химические колбы, словно в этом замке жил сумасшедший коллекционер, собиравший предметы, в которые можно вставить свечу.

Алису так и подмывало спросить, зачем нужно столько свечей и кто собирает такие подсвечники. Но она не спросила, она понимала, что в этом мире порой лучше обойтись без вопросов. Так она никогда и не узнала, что этот обычай родился в замке после того, как Старый Крот в бою потерял глаз, а второй стал слабеть. Бандиту казалось, что он плохо видит, потому что зал плохо освещен, и он велел вечерами зажигать столько свечей, сколько поместится на столе. Вот и собирали его слуги где придется разные вещи, которые хоть как-нибудь могли сойти за подсвечник. Чем хуже становилось зрение у Старого Крота, тем больше свечей зажигали на столе. Говорят, что Крот истратил на свечи половину своих сокровищ, и после его смерти в подвалах осталось столько свечей, что его сыновьям ничего не оставалось, как жечь свечи, хотя у них со зрением все было в порядке. Так родилась традиция. А традиция — это то, что никому не нужно, но от чего трудно отказаться.

— Добро пожаловать, дорогие гости, — сказал Крот, что сидел справа и был, наверное, Правым Кротом.

— Садитесь, — сказал Левый Крот.

Ирия и ее друзья уселись на табуретки, что стояли с их стороны стола.

Братья внимательно разглядывали Ирию, и Алисе очень не понравились их взгляды. Они были хищными, волчьими. Перед близнецами стояли большие жбаны, откуда они подливали себе в кружки какую-то коричневую жидкость. И вряд ли это был квас.

— Слушай, приезжая поклонка, — сказал Правый Крот, — у тебя золотые волосы и длинные ноги.

— У тебя красивое лицо, — сказал Левый Крот.

— Ты нам понравилась, — сказал Правый Крот.

— И мы решили на тебе жениться, — сказал Левый Крот.

Тут братья захохотали. Это был неприятный смех, потому что они смеялись, изгибая губы, показывая желтые зубы, булькая горлом, а глаза оставались такими же жестокими и пустыми, как прежде, словно кто-то пробуравил в их лицах глубокие черные дыры.

Ирия ничего не ответила. Братья оборвали смех. Правый Крот продолжал:

— У нас, зубастых и страшных Кротов, есть такой обычай: мы не просим себе жен, а мы берем их силой. Так поступил наш отец. Так поступим и мы. Но нас двое, а ты одна. Поэтому мы разыграем тебя в кости.

Второй брат вытащил из кошеля, привязанного к его серебряному поясу, мешочек и высыпал из него на стол два кубика.

— Простите, — сказала Ирия, поправляя волосы и вежливо улыбаясь. — Но у меня уже есть муж, который мне нравится куда больше, чем вы оба вместе взятые. К тому же я знатная поклонка и со мной нельзя разговаривать неуважительно.

— Да! — не удержался Пашка. — Муж Ирии — великий и могущественный поклон. У него есть большое войско. А я его друг. И если кто-нибудь хоть пальцем тронет Ирию, он будет иметь дело со мной, Павлом Гераскиным!

Рыцари расхохотались и долго не могли остановиться.

Они трясли головами, длинные прямые черные волосы, перехваченные серебряными цепочками, метались, как трава под

ветром, унизанными перстнями пальцами они стучали по столу — по стенам прыгали длинные тени.

— Мальчики, мальчики! — послышался скрипучий голос. — Ну опять вы расшалились.

В комнату вошла пожилая грузная женщина, одетая в вышитое цветами платье. Ее седые волосы были забраны в пук на затылке и скреплены усыпанной сверкающими камнями заколкой. В руке женщина несла корзинку.

— Не мешай, мать, — отмахнулся от нее Правый Крот, — мы решили жениться.

— Наконец-то, — пропела женщина. — Давно пора образумиться. А то все по лесам шастаете.

Рыцари снова рассмеялись. Веселый у них получился вечер.

— Ой, мама! — сказал наконец Левый Крот. — Ты даже и не спросила, кто наша невеста.

— А чего спрашивать? — вздохнула женщина, усаживаясь на табуретку и доставая из корзинки вязанье и спицы. — Вы же мне все равно не скажете.

— Вот она, сидит перед тобой.

Женщина поглядела на Ирию. Алиса уже догадалась, что эта женщина — госпожа Сороконожка, вдова Старого Крота.

— Нет, — сказала она печально. — Не по зубам вам такая красавица. Да и не согласится она выйти замуж за разбойников.

— А мы ее и спрашивать не будем, — сказал Правый Крот. — Разыграем ее в кости, и дело с концом.

— Ладно, хватит, — вдруг сказала Ирия. — Мне это надоело. Мне пора от вас уезжать. Верните нам наши вещи и оружие. Иначе я приму меры.

— Я же говорила, что вам она не по зубам, — повторила Сороконожка.

— Ты ничего не поняла! — взъярился Правый Крот. — Ты должна нам сапоги целовать от радости. В роду зубастых Кротов женщины трепещут перед мужчинами! Встать!

Ирия не пошевелилась, но у Пашки нервы не выдержали.

Он вскочил и, как петушок, бросился к рыцарю.

— Вам же сказали! — закричал он. — Неужели не понятно? Не смейте приставать к Ирии.

Рыцарь коротко размахнулся и ударил Пашку по лицу так, что тот отлетел к стенке.

— Вы подняли руку на ребенка, — раздался тихий голос Ирии. — И это вам даром не пройдет.

Дальнейшее произошло так быстро, что даже Алиса, которая знала, на что способна Ирия Гай, не успела ничего сообразить.

Ирия распрямилась, схватила Правого Крота за руку, рванула вперед так, что он взлетел в воздух и со всего размаха шлепнулся на пол. Брат бросился к нему на выручку, но он не успел даже вытащить меч из ножен, как и сам перевернулся, пролетел метров пять и врезался головой в стену.

— Ну вот, — сказала госпожа Сороконожка, не переставая вязать, — я же говорила, что эта невеста вам не подходит.

— Он нечестно мне врезал, — сказал Пашка, потирая затылок, пока Алиса помогала ему подняться. — И, возможно, подставил подножку. Без подножки я бы не упал.

— Спасибо тебе, что ты за меня вступился, — сказала Ирия. — А теперь надо уходить.

— Деточки мои, — произнесла госпожа Сороконожка, — вам отсюда не уйти. Ворота заперты, стража стоит, а уйдете — в лесу ночь, вас мигом звери растерзают.

Со стонами и проклятиями рыцари поднимались на ноги.

— Она не женщина, — сказал Правый Крот.

— Она сам дьявол, — сказал Левый Крот.

— Если хочешь на ней жениться, я тебе уступаю очередь, — сказал Правый Крот.

— А я вообще пока не хочу жениться, — ответил его брат.

— Пускай уходят, — сказал Правый Крот.

— На все четыре стороны, — добавил его брат.

— Пускай их удавы задушат, дракон разорвет, черная тьма сожрет.

— Пускай они в беспамятную яму попадут, в болоте утонут, — вторил, потирая синяк, второй близнец.

— Верните сначала наши вещи, — сказала Ирия.

— Сейчас, — сказал Левый Крот. — Подождите. Сейчас сам принесу.

Прихрамывая, он поспешил к двери и скрылся за ней.

В дверях он столкнулся со своей сестрой — Белкой, но не обратил на нее никакого внимания.

Белка остановилась у входа, исподлобья разглядывая сцену.

— Они на вас напали? — спросила она у Алисы.

— Ничего, — сказала Алиса. — Они уже извинились. Мы уходим.

— Белка, ты что здесь делаешь? — спросила ее мать. — Спать пора.

— Проваливай, — сказал второй брат. — Чтобы я тебя больше не видел.

Белка кинула взгляд на Алису. Но что могла сделать Алиса? Она же не распоряжалась в этой семейке.

— Возьмите меня с собой, — попросила Белка. — Я хочу уйти!

— Вот я тебе поговорю, — проворчала мать. — Совсем распустилась. Не серди мальчиков. Они и так расстроены.

Белка понуро повернулась к двери.

Сороконожка обратилась к Ирии:

— Может, подождете до утра? Вместе с моими мальчиками до Города доберетесь?

— Нет, уж мы лучше сами по себе, — сказала Ирия.

— И то правильно. Я бы на вашем месте моим сынкам доверять не стала.

И, сказав это, госпожа Сороконожка снова принялась за вязание.

— Идем, — сказал Правый Крот. — Там все готово.

Они вышли из комнаты, миновали коридор, еще комнату, заваленную мешками, и попали во двор.

Там все было готово...

Выставив копья, стояли полукругом воины Кротов. Слуги держали факелы — сцена была зловещей. Ирия обернулась — сзади уже тоже были воины.

— Только не вздумай бежать, — раздался голос Левого Крота. — Погляди на стены. Вы под прицелом.

Алиса подняла голову. Рыцарь был прав. На стене протянулась цепочка воинов. Каждый из них держал в руках натянутый лук.

— Вы мерзавцы, — сказал Пашка убежденно. — У вас нет честного слова.

— Это нам никогда не мешало, — ответил Правый Крот.

Из башни, неся корзинку с вязаньем, вышла госпожа Сороконожка.

— Что вы намерены делать с ними, мальчики? — спросила она.

— Не жениться же на этой ведьме! — рявкнул Правый Крот. — Отвезем в Город. Продадим на рынке невольников.

— Нехорошо, мальчики, не так я вас воспитывала, — вздохнула Сороконожка.

— Нас жизнь воспитывала, — ответил ее сын. — А жизнь — жестокая штука.

Слышен был плач. У стены, скорчившись, сидела наследница рода Кротов Белка и горько плакала, спрятав лицо в ладонях.

Глава 12

В ПОДВАЛЕ ЗАМКА

На этот раз братцы-близнецы взялись за дело серьезно. Они уже видели, на что способна Ирия, и не хотели рисковать. Слуги приволокли тяжелые ржавые кандалы с цепью и заковали Ирии руки.

Потом пленников провели в душный холодный подвал, набитый несчастными пигмеями. Воздух проникал туда только через забранное решеткой окошко под самым потолком, и Алисе показалось, что она вот-вот умрет от духоты и вони, от стонов и плача пигмеев.

Они с трудом отыскали себе место на скользком каменном полу и прижались друг к дружке, чтобы не замерзнуть.

Сквозь решетку сверху проникал синий свет — начинался холодный рассвет. На дворе замка еще некоторое время слышны были голоса, смех воинов. Потом послышался голос одного из Кротов:

— Не спать, часовые, не спать! Головы оторву!

— Не спим, зубастый Крот! — послышалось в ответ со стены.

Потом все затихло.

Пленники молчали. Алиса иногда засыпала и тут же просыпалась. Душно, холодно и безнадежно. Вот что получилось: летели, спасали — представители великой галактической цивилизации. А чем все это кончилось? Подземельем на дикой Крине, где никто не помнит, что всего несколько сот лет назад их планета была одним из центров галактической науки. Что же могло случиться? И Алиса поняла, что за весь день она ни на шаг не приблизилась к разгадке. Тайна громоздится на тайну — и ни

одного ответа. Загремели кандалы — значит, Ирия не спала. «Как она мучается, — подумала Алиса. — Она переживает не только за Тадеуша, но и за нас с Пашкой. Она ведь думает, что виновата в том, что взяла нас на Крину». Алиса протянула руку, нащупала железный браслет, сковывающий кисть Ирии, погладила ее пальцы.

— Ничего, — прошептала она. — Все будет хорошо.

— Спасибо, Алисочка, — прошептала в ответ Ирия. И голос ее дрогнул.

Черная тень закрыла решетку.

— Девочка, — послышался шепот. — Девочка, это я, Белка. Ты не спишь?

— Я не сплю, — ответила Алиса.

— Я тоже не сплю. Я очень злая. Я обязательно убегу и тебе помогу убежать. Держи.

Тонкая рука протянулась между прутьями решетки. Алиса поднялась и, перешагивая через тела спящих пигмеев, добралась до окна. В кулаке Белки был кусок хлеба.

— Ешь, — сказала Белка. — Больше мне достать не удалось.

— Спасибо.

— Что тебе еще нужно?

— Убежать, — сказала Алиса.

— Это я понимаю. Только из замка не убежишь. Мы в Городе убежим.

И с этими словами Белка исчезла.

Алиса вернулась к Ирии. Она разделила кусок хлеба на три ломтика. Пашка тоже не спал. Они съели хлеб. Почуяв запах хлеба, вокруг зашевелились голодные пигмеи. В тот момент, когда Алиса подносила ко рту последний кусочек хлеба, мохнатые пальцы вырвали его и в темноте завязалась драка между невольниками.

На дворе стояла тишина. Из окошка тянуло холодом.

Алиса снова задремала. Ей даже начал сниться сон, будто она сидит в гостях и хозяйка протягивает ей большой бокал валерьянки. «Я не люблю валерьянку, — говорит Алиса. — Я голодная». — «Сначала бокал валерьянки, а потом уже гречневую кашу», — отвечает хозяйка. И звенит кандалами.

Звон разбудил Алису.

Оказывается, Ирия поднялась и отошла к окну.

— Не расстраивайтесь, — донесся оттуда, из-за решетки, го-

лос Ручейка. — Я повторяю: ваши друзья в безопасности. И мы обязательно до них доберемся. Терпение и еще раз терпение.

— Детям плохо.

— Утром мы будем на корабле. Там я постараюсь вам помочь.

— А вы уверены, что наши друзья в безопасности?

— Следующую ночь, — ответил Ручеек, — мы проведем на острове, у реки. Это на полдороге к Городу. Там я получу известия из дома. И тогда мы решим, что делать. Главное — потерпите.

— Спасибо. Мы надеемся на вас.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи...

Алиса проснулась, когда уже наступило утро. Проснулась от страшного гама, криков и стонов — воины выгоняли пигмеев наружу. Проснулся Пашка. Он принялся растирать затекшие ноги, потом начал прыгать, чтобы согреться.

В опустевший подвал заглянул старый воин и крикнул:

— Выходи! Вам что, специальное приглашение?

На дворе в котле варилась похлебка. Пигмеи стояли толпой у котла, протянув ручки, и скулили. Слуги кидали им деревянные миски, повара плескали туда похлебку. Старый воин Сук сам принес Ирии и ребятам по миске похлебки. Правда, ложек не было, и пришлось пить похлебку через край. Один из близнецов стоял у входа в башню и посмеивался, глядя на пленников.

Ни старой госпожи Сороконожки, ни Белки не было видно.

Зато Алиса увидела Ручейка. Юноша сидел в сторонке и тоже пил похлебку из миски. Алиса чуть было не поздоровалась с ним, но спохватилась: ведь он бе-пе, беспамятный.

Ручеек оказался замечательным актером. Даже издали было видно, какое у него тупое, равнодушное лицо, какие пустые глаза. И когда воины начали сгонять в кучу пигмеев и остальных пленников, Ручеек покорно поднялся и пошел к воротам.

— Ку-ку, — сказал вдруг один из пигмеев, что шагал рядом с Алисой.

Алиса обернулась. Вот чудеса! Да это же Белка! Она встрепала свои черные кудри, закуталась в немыслимо грязную шкуру и, маленькая, худенькая, затерялась в толпе дикарей.

Близнецы выехали к воротам верхом на одинаковых едино-

рогах. Они приоделись. Поверх черных курток накинули одинаковые серебряные плащи. Оскаленные волчьи головы казались издали их собственными головами. Это были замечательные, бравые рыцари... если бы не беда с сапогами. На Левом — только правый сапог, на Правом — только левый.

Госпожа Сороконожка вышла проводить детей к двери башни. С вязаньем она так и не рассталась.

— Вы там поосторожнее! — крикнула она сыновьям. — Поменьше безобразничайте.

Сыновья даже не оглянулись.

Госпожа Сороконожка достала из корзины длинный пирог, поманила к себе Алису. Алиса оглянулась на воина. Тот отвернулся. Алиса подошла к Сороконожке.

— Возьми, — сказала она, — на дорожку.

— Спасибо, — сказала Алиса и взяла пирог.

— От пигмеев береги, — сказала Сороконожка. — Они голодные, отнимут.

Голова процессии уже скрылась в воротах. И Алиса побежала догонять своих.

Глава 13

ВНИЗ ПО РЕКЕ

Вниз по реке плыли на двух кораблях. И это было к лучшему, потому что на переднем, гребном, расположились братья и большая часть их воинов. Всех пленников, а также оленей и единорогов разместили на барже, которая шла на буксире за передним кораблем. Стражников на барже было немного, и они не обращали внимания на пленников.

Ручеек незаметно подсел поближе к Ирии. Между ними и ближайшим стражником стояли единороги. Вскоре к ним присоединилась Белка. Ручеек сначала ее не узнал, а узнав, развеселился:

— Ну и хитра, тебе бы подглядчиком быть. Давай мы тебя к себе возьмем.

— Куда к себе? — Белка была так рада, что ей удалось ускользнуть из замка, что перестала бояться юношу.

— К нам, к помникам.

— Брось шутить, — отмахнулась наследница замка Кро-

тов, — какой ты помник! Помники страшные! Помник бы меня давно съел.

— Никогда не поздно, — сказал Ручеек.

— Только не шути, — сказала Белка. — Я не люблю, когда шутят. Вы так — пошутите, пошутите, а потом украдете.

На всякий случай она отодвинулась от Ручейка.

Ирии было тяжело таскать ржавые кандалы. К тому же они натирали ей запястья.

— Время есть. Целый день плыть. Я вам много чего расскажу. Но и вы мне расскажете. Хорошо? — сказал Ручеек.

— Хорошо, — сказала Ирия.

— Тогда вы начинайте. Про себя и про нас.

— Про нас не надо, — сказала Белка. — Про нас мы все знаем.

— Не вмешивайся, когда старшие разговаривают, — сказал Ручеек. — А то накостыляю тебе.

— А я закричу. Тебя братья убьют.

— Не знаю, кого сначала, — ответил Ручеек. — Меня везут по приказу братьев, а тебя? Тебя кто приглашал?

Белка сразу замолчала. Но, правда, вскоре она забыла об угрозе Ручейка и время от времени вмешивалась в рассказ. Уж очень ей трудно было поверить в то, что Крина, на которой она родилась и выросла, когда-то была совсем другой. Что на Крине были заводы, в громадных городах работали театры, что с космодромов поднимались космические корабли, что кринские экспедиции бывали в разных концах Галактики и даже на Земле. И ни о каких рыцарях, баронах, вкушецах и рабах на их планете и не подозревали. Ирия рассказала молодым людям, как Пашка и Алиса отыскали на дне Тихого океана забытую станцию кринян и как они помогли кринянам подняться к людям.

— Сколько лет назад эти криняне потеряли связь с нашей планетой? — спросил Ручеек.

— Двести пятьдесят лет назад, — сказала Ирия.

— Правильно, — сказал Ручеек. — Это случилось двести пятьдесят лет назад. Мы это уже знаем.

— Но что случилось? — спросила Алиса.

— Точно мы еще не знаем, — ответил Ручеек. — Только сейчас наши ученые отыскали главный архив и начали его исследовать. Они читают документы.

— Что такое «читают»? — спросила Белка.

— Они смотрят на маленькие черные значки, которые написаны на старых листах бумаги, — объяснил Ручеек. — И эти значки с ними говорят.

— Как так говорят? У них рты есть?

— Нет, они молчат, — сказал Ручеек. — Но говорят.

— Это колдовство!

— Значит, я колдун, — сказал Ручеек.

— Ой! Порази тебя гром, разорви тебя кролик! Сожри тебя суслик!

— Вот видишь, ничего не случилось, — сказал Ручеек.

— Значит, ты не колдун, — с облегчением произнесла Белка.

— У вас никто не умеет читать? — спросила Ирия.

— Только мы, помники. За это нас считают колдунами и охотятся за нами, как за дикими зверями.

— Еще бы, — сказала Белка, — вы детей крадете и потом едите.

— Ну скажи ей, что это чепуха! — воскликнул Пашка. — Они просто темные и ничего не понимают.

— В этом есть правда, — сказал Ручеек. — Мы крадем детей.

— Не может быть! — удивилась Алиса.

— А почему? Меня самого когда-то украли, когда я был маленький. Если бы не украли, я был бы такой же темный и беспамятный, как эта Белка.

— Я знатная поклонка!

— Вижу, какая ты поклонка.

— Но красть детей нехорошо! — сказала Алиса.

— Что ты знаешь? Ты второй день на нашей планете, а уже половину этого времени сидишь связанная и голодная. Скажи спасибо, что живая! — Ручеек разволновался, начал махать руками, и Ирия остановила его, чтобы он не обратил на себя внимание охранников.

Алиса заметила, что один из единорогов внимательно смотрит на юношу, будто понимает, о чем идет разговор.

Ручеек взял себя в руки и продолжал спокойнее:

— Вы не видели нашей планеты. А хуже места я, как я понимаю, нет во всей Вселенной. Ты рассказывала нам о Земле, о том, что у вас нельзя убить человека просто потому, что он тебе не нравится, что у вас там нет голодных, что все чистые, хорошо одеты и говорят то, что хотят. Ты рассказывала, что у вас все умеют читать и писать, летать на воздушных машинах, все могут учиться и жить там, где им хочется. У нас ничего этого нет. У нас есть кучка знатных поклонов и вкушецов, которые хорошо живут, а все остальные даже не подозревают, что тоже могут жить иначе. У нас никто, понимаешь, никто не умеет читать и писать. А если узнают, что ты почему-то научился читать, то тебя затравят собаками или сожгут на костре. Мы живем без памяти, мы даже не знаем, что было на нашей планете много лет назад. И считается, что ничего другого, чем есть теперь, и быть не могло. Потому что тем, кто правит нами, выгодно, чтобы мы ничего не знали. Но среди нас оказались люди, которые догадались, что так было не всегда. Что раньше было иначе...

— А ты знаешь, что было раньше в замке братьев Кротов? — перебила Ручейка Алиса.

— Нет, не знаю, но, вернее всего, там что-то раньше было. Почти все замки устроены в старых зданиях.

— Там была обсерватория — место, чтобы смотреть на звезды, — сказала Алиса.

— Вранье, — обиделась Белка, — этот прекрасный замок построил мой отец.

— Зачем же он тогда сделал такую щель в крыше? — спросил Пашка.

— Потому что так красивее, — ответила упрямая Белка.

— Нет, раньше там стоял телескоп — такая труба с увеличительным зеркалом, — и он двигался за звездами.

— Ты говоришь плохие вещи, — сказала Белка. — Я не хочу, чтобы трубы двигались.

— Дайте мне договорить, — сказал Ручеек. — Некоторые люди догадались: что-то плохое случилось со всей нашей планетой. Они догадались, что можно читать. И в книгах, которые чудом сохранились, они прочли правду. И узнали, что мы живем не в своем мире. Мы шакалы на кладбище.

— Может, была война? — спросила Ирия.

— Не знаю. Вроде бы войны не было. — Ручеек пожал плечами. — Была какая-то беда. Разве так важно, какая? Но после этой беды наши люди изменились. И стали дикарями, стали первобытными.

— И что же дальше? — спросил Пашка. — Те, что догадались, ушли в партизаны?

— Я не знаю, что такое партизаны. К тому же все это было

еще до того, как я родился. Нашего первого учителя поймали и сожгли вкушецы.

— И правильно сделали, — сказала Белка. — Поклоны должны быть поклонами, а то не будет порядка.

— Вот видите, — вздохнул Ручеек, — искалеченное дитя.

Все засмеялись. Кроме Белки.

— Учителя нашего убили, но уже были другие, которые умели читать. И они ушли в лес, потому что в лесу есть другие города, покинутые, забытые всеми. В тех городах они надеялись найти следы прошлого, вернуть его и разогнать эту свору кровососов с красивыми именами Мокриц, Кротов, Сосунов, Вампиров, Фаланг и Скорпионов.

— Почему они берут такие имена? — спросила Алиса.

— А потому, что они думают, будто эти имена значат совсем не то, что они значат на самом деле.

— Как так?

— А просто. Никто не умеет читать, никто не помнит прошлого, никто не знает, как назывались раньше разные животные. А в Городе сидят мудрецы, это тоже паразиты, они теперь вместо ученых. Когда надо назвать знатного младенца, обращаются к ним, и за большие деньги они дают ему имя. Например, Крот. Что такое крот?

— Как что? — удивилась Алиса. — Это такое маленькое животное, оно живет под землей и роет себе ходы.

— Неправда! — закричала Белка. — Это вранье. Ты обижаешь моих братьев и моего отца.

— А что же это такое? — спросила Ирия Белку.

— Крот — это такое могучее лесное животное с большими зубами, очень сильное. Его головы мои братья носят вместо шлемов.

— Но это же головы волков! — сказала Алиса.

— Вот именно, — улыбнулся Ручеек. — Конечно, это волк. А мудрецы говорят: крот — это могучий зверь! Кто их проверит? Кто узнает правду, если только мудрецам разрешено придумывать имена?

— Не хочу больше слушать, — сказала Белка и отошла к борту баржи.

— Она не пожалуется братьям? — спросил Пашка.

— Не думаю, — сказал Ручеек. — Ей же интересно с нами. Но к правде нелегко привыкнуть.

— Я согласна с Ручейком, — сказала Ирия. — Белка — неплохая девочка. Ей было несладко в замке. Продолжайте, Ручеек.

— Мои учителя ушли в глубину леса. Там было трудно. В лесу много страшных зверей, есть очень опасные места. Учителя отыскали покинутый город и поселились в нем. Назвали его Убежищем. Прошло уже много лет...

— Если никто не знает правды, — удивился Пашка, — как к вам приходят новые люди?

— Мы крадем детей, чтобы учить их, — сказал Ручеек. — У нас нет другого выхода. Помники не могут ходить по городам и учить людей, их сразу поймают и убьют. Поэтому они и стали красть детей. Взрослого трудно переубедить, а ребенка можно всему научить.

— Но как же родители?

— По-разному, — уклончиво ответил Ручеек.

— Все-таки это жестоко, — сказала Алиса.

— Но у нас нет другого выхода! — повторил Ручеек. — Если этого не делать, кто освободит наш мир? Когда ребенок вырастет, он волен вернуться домой. Наш лесной город, наше Убежище — это как школа. Некоторые возвращаются. Иногда тайно и скрывают свои знания. Эти люди нам очень нужны, они наши глаза и уши. Некоторые не выдерживали, погибали.

— Почему? — спросила Алиса.

— Они стали рассказывать людям правду. Или начинали учить их читать. И их выдавали собственные ученики.

— Как же свои ученики выдавали? — спросил Пашка.

— Потому что они учили рабов, — сказал Ручеек. — А рабы не знают, что такое свобода. Они любят палку. Для нас опасно покидать город. Я очень беспокоюсь за сестру Речку. Она подглядчица.

— Значит, я должна тебе передать от нее послание, — сказала Ирия. — Она велела передать его первому помнику, которого мы встретим.

Ирия достала из кармана комбинезона сплетенную из травы косичку. Ручеек взял ее и стал перебирать травинки.

— Это шифр? — спросил Пашка.

— Это наш тайный язык. Если такое послание попадет в руки поклонов, они ни о чем не догадаются.

Белка подошла к нему и заглянула юноше через плечо, стараясь понять, над чем он так задумался.

— Плохо дело, — сказал Ручеек. — Так мы и думали.

— Что там написано? — спросил Пашка.

— Речка сообщает, — сказал Ручеек, — что все поклоны государства съезжаются в Город, потому что решено начать против нас поход.

— А это не тайна, — сказала Белка. — Я слышала, как братья говорили, что они покажут этим помникам.

— Мы надеялись, — сказал Ручеек, — что они никогда не сговорятся. На наше счастье, поклоны, как пауки в банке, все время грызутся между собой. Но вот сговорились.

— Они хотят спасти детей, — сказала Белка, — потому что помники детей крадут, а потом кушают...

— Да перестань ты нести чепуху! Надоело, — сказал Ручеек. — Кушают, кушают! Не кушают, а учат читать и писать, учат пользоваться теми вещами, которые нашли в старом городе, учат делать новые вещи. Учат! Понимаешь?

— Уж больно ты ученый! — огрызнулась Белка.

— Куда ученее твоих братьев и даже его Повелительства Радикулита.

— Не смей так говорить! — испугалась Белка.

— Боишься, что меня убьют?

— Конечно. Хоть ты и противный и, может быть, даже помник, мне все равно тебя немножко жалко.

— Ну вот и хорошо.

Ручеек обернулся к Ирии:

— Речка считала корабли, которые проплыли мимо нашей хижины. Очень много кораблей. И на каждом воины.

— А у вас есть оружие? — спросила Ирия.

— Кое-что есть. Но мы не готовились... Мы надеялись, что они побоятся леса.

— Мои братья ничего не боятся, — сказала Белка.

— Твоих братьев нам еще не хватало! — Ручеек поднялся, посмотрел вдаль, на лесистый берег, мимо которого плыла баржа. — Надо как можно скорее сообщить обо всем нашим. Им нужно подготовиться.

— А может, нырнуть в воду и доплыть до берега? — сказал Пашка. — Если хочешь, я с тобой пойду.

— Глупости, — ответил Ручеек. — Ты не знаешь, как далеко

мы уже отплыли. Отсюда до нашего Убежища идти целый день. Если не больше. И по самым диким местам. Не дойти. Даже мне.

— Отнять бы у Кротов наши бластеры, тогда бы дошли, — сказал Пашка.

— Эх, друг мой! — ответил Ручеек. — Ты не на своей Земле, где все звери добрые, а леса не опасные.

— У нас разные звери есть.

— Таких, как у нас, нет. Такие тебе и не снились. И думаю, что моим прадедушкам тоже.

— Ты хочешь сказать, что их раньше не было, а за триста лет они появились?

— Мне рассказывали учителя, что, когда все это случилось... в городе, где теперь лес, было очень большое место, в котором держали диких животных.

— Зоопарк, — подсказала Алиса.

— Зоопарк. Но не только для наших зверей, но и для зверей, которых привозили с других планет. И эти звери разбежались. Некоторые подохли, а другие расплодились в лесу...

— Мы видели, — сказал Пашка, — когда шли по лесу.

— Вы еще очень мало видели, поэтому остались живы, — сказал Ручеек. — Вся надежда на птицу. Если она меня найдет.

Река была такая широкая, что дальний берег скрывался в дымке. Стало теплей, облака разошлись, и солнце, поднявшись высоко, приятно согревало. Алису опять стал мучить голод, но она молчала, потому что понимала: остальным тоже несладко.

Над кораблями показалась стая больших летучих мышей. Когда они спустились пониже, высматривая, нет ли чего съедобного на кораблях, Алиса увидела, что у них длинные пасти, утыканные множеством острых зубов.

С переднего корабля воины принялись стрелять по летучим мышам из луков.

— Вот вам пример, — сказал Ручеек. — Раньше их не было. Они вообще не с нашей планеты.

Одна из летучих мышей спикировала на баржу. Испуганные пигмеи бросились плашмя на дно, закрывая головы руками. Алиса увидела совсем близко разинутую пасть и отпрыгнула в сторону. Единорог поднял золотой рог.

Воины замахали мечами. С переднего корабля сыпался дождь стрел. Одна из мышей упала в воду, и ее понесло по вол-

нам. Единорог пронзил рогом еще одну тварь и выкинул за борт.

— Спасибо, — сказала ему Алиса. — А то я так испугалась.

Единорог наклонил голову и дотронулся губами до руки Алисы.

— Ты мне тоже очень нравишься, — шепнула Алиса.

Летучие мыши взвились к небу и полетели прочь. Пигмеи испуганно щебетали.

— Они их очень боятся, — сказал Ручеек.

— Я тоже боюсь, — сказала Белка. — У нас один воин пошел в поле, на него целая стая напала — разорвали.

На правом низком берегу показалась небольшая деревенька. Хижины стояли у самой воды. Напротив, на высоком берегу, у леса, возвышался еще один замок.

На этот раз Алиса сразу догадалась, что когда-то здесь стоял завод — от него остались две трубы. Их превратили в башни, а в заводских корпусах заложили окна камнями.

Замок был безлюден. Никто не вышел на стены поглядеть на проплывающие корабли.

— Наверное, все уплыли в Город, — сказал Ручеек.

— Чего же они все так дружно поднялись? — спросил Пашка. — Неужели в самом деле хотят освободить детей?

— Да не из-за детей они переживают, — сказал Ручеек. — Они думают, что у нас там сказочные сокровища. Вот и хотят отнять.

— Скажи, Ручеек, — спросила Алиса, — а ты почему притворился бе-пе?

— Так это же ясно, — сказал Ручеек. — Мы должны были встретиться с Речкой. Позже, вечером. Мне нужны были сведения о том, сколько кораблей проплыло вниз, какие корабли. Мы знали, что поклоны что-то затевают, но не знали подробностей.

— И ты шел на свидание с ней?

— Я наблюдал за лесом, — сказал Ручеек. — И тут увидел, что по лесу едет Левый Крот со своим отрядом. Я проследил за ними и увидел, как они напали на лагерь пигмеев.

— Их Вери-Мери навел, — сказала Алиса.

— Знаю, — кивнул Ручеек. — У лагеря пигмеев я увидел, что Крот захватил людей, очень похожих на тех бе-пе, что мы нашли вчера в лесу.

— Экипаж «Днепра»? — спросил Пашка.

— Правильно. Я сразу понял, что вы не бе-пе, что вы разумные. Значит, вы нам можете помочь. И тогда я стал следить за вами. Вижу — вас ведут в замок. А как мне в замок попасть? Как мне связаться с вами?

— И ты притворился бе-пе? — с ужасом спросила Белка.

— И вот я здесь.

Лес на левом берегу кончился. К реке подступили крутые утесы, вода пенилась, и баржа поплыла быстрее. Пигмеи заверещали, испугались.

— Скажи, — тихо спросила Алиса, — а от беспамятства можно вылечить?

— Не знаю, — ответил Ручеек. — Пока что мы еще никого не смогли вылечить.

— Какой ужас!

— Вылечить нельзя, — сказала Ирия, которая все слышала, — но можно всему научить заново.

— Ты не расстраивайся. — Алиса присела рядом с Ирией и погладила ее закованные в кандалы руки. — На Земле быстро найдут противоядие от этой болезни.

Ручеек тоже подошел к Ирии.

— Ничего страшного, — сказал он. — Твой муж жив и здоров. Как только он тебя увидит, все вспомнит. Только вот добраться до него непросто. Сегодня ночью я передал через нашего человека в замке весть о себе в Убежище. Если он сможет добраться к нашим, они узнают, что мы плывем по реке и будем ночевать на Длинном острове. Тогда этой ночью к нам прилетит птица.

Глава 14

СОБЫТИЯ НА ДЛИННОМ ОСТРОВЕ

Уже темнело, когда корабли братьев Кротов достигли узкого острова посреди реки, заросшего кустарником.

У острова, приткнувшись носами, стояли еще два корабля. Видно, они добрались сюда раньше и остановились на ночлег.

На берегу, возле покосившегося навеса, горело несколько костров.

— Кто плывет? — раздалось с одного из кораблей.

В ответ Левый Крот пронзительно крикнул:

— Плывет корабль непобедимых зубастых Кротов, поклонов лесного царства! А кто посмел задавать нам вопросы?

— На этом острове остановился на ночлег благородный поклон Страны зеленых болот Червяк Самыйтолстый. Он приветствует своих друзей и приглашает их разделить с ним его скромную трапезу.

— Ничего себе лучший друг, — тихо сказал Ручеек. — Еще в прошлом году братья разорили деревню Червяка, а он в отместку потопил рыбачьи лодки Кротов.

— Они будут воевать? — спросил Пашка.

— Не будут. Видишь, как вежливо разговаривают. На время общей войны поклоны объявляют мир.

Флотилия Кротов пристала к берегу. Пленников с баржи отогнали к кустам. Вокруг стояли воины, но следили они за пленниками кое-как, часто отходили к кострам. Да и понятно — кто убежит с острова?

Ужин пленников был таким же скудным, как и завтрак. Слуги притащили ящик с подсохшими хлебами, а воду каждый мог черпать ладонями из реки.

Ручеек есть не стал, он отполз, таясь за кустами, туда, где близнецы медленно разгуливали с Червяком Самымтолстым, желтая тога которого была разрисована изображениями черных пантер. Видно, мудрецы опять ошиблись — назвали пантеру червяком. Ручейку надо было узнать, о чем разговаривают поклоны.

Как только зашло солнце, поднялся ветер. Стало холодно. Но приходилось терпеть. Пашка сказал:

— Алис, давай займемся акробатикой.

В прошлом году все в классе увлекались акробатикой, ходили в секцию, — конечно, это была Пашкина идея. Но когда Пашка выступил на районных соревнованиях школьников и занял всего-навсего третье место, он сразу в акробатике разочаровался и ходить в секцию перестал.

— Идите, — сказала Ирия, — побегайте, только на глаза воинам не попадайтесь.

Уже почти стемнело, осталась лишь оранжевая черточка на горизонте, там, где опустилось солнце. Алиса с Пашкой прошли на дальний берег острова, нашли широкую полосу твердого песка. Сначала они по очереди крутили сальто. Потом Пашка поддерживал Алису, и она сделала ласточку и стойку у него на руках. Потом они решили устроить соревнования: кто быстрее пробежит сто метров на руках. Пашка Алису обогнал, но до конца дистанции не добежал.

— Камень под руку попал, — сказал он.

И тут они услышали аплодисменты.

Совсем недалеко стояли братья-близнецы и Червяк Самыйтолстый. Оказывается, они смотрели, как ребята занимаются акробатикой.

— Молодцы! — сказал Левый Крот. — Что же вы раньше молчали?

— А нас никто не спрашивал, — ответил Пашка.

— Твои рабы? — спросил Червяк, тряся шестью подбородками.

— Наши, — сказал Правый Крот.

— А зачем они вам? — спросил Червяк.

— Как зачем? Везу в Город. Я их его Повелительству покажу.

— Отдай их мне, — сказал Червяк.

— Нельзя, — ответил Левый Крот. — Это подарок властителю.

— Я хорошо заплачу.

— У тебя таких денег нет, — ответил Левый Крот, ухмыляясь. — Этих детей с младенчества готовили, учили. Даже кормили особой кашей. Таких больше во всем мире нет.

— Говори, сколько!

— Ни за что! — воскликнул Правый Крот.

А Левый Крот почесал длинным пальцем подбородок и сказал:

— Такие вопросы так не решаются. Надо думать.

— Правильно, — согласился его брат. — Надо думать.

Братья как по команде повернулись и пошли прочь от берега.

Червяк Самыйтолстый семенил следом.

— Мешок золота! — кричал он. — Два мешка золота!

Но братья не обернулись. Алиса услышала, как они хихикают.

Алиса улыбнулась. Пашка сердито спросил:

— Ты чего смеешься? Разве не понимаешь, что нас с тобой продадут? В рабство.

— Но какие хитрые братья!

— Ты что, хочешь выступать перед здешними поклонами?

— А почему бы и нет?

— Иногда мне хочется тебя убить! — заявил Пашка и побежал прочь.

Алиса пошла следом. Разумеется, она не хотела выступать перед этими баронами, даже смешно было бы подумать... Просто интересно на них смотреть.

— Я бы могла разбогатеть, — сказала Алиса. — Привозила бы на Крину акробатов и гимнастов. Целыми секциями и спортивными обществами.

Алиса разбежалась и сделала двойное сальто.

И чуть не врезалась в Белку, которая стояла в кустах, поджидая ее.

— Алиса! — сказала она громким шепотом. Глаза ее были круглыми от ужаса. — Они тебя продадут! Тебя продадут Червяку!

— Знаю, — сказала Алиса. — Я давно хотела прославиться.

— Тебя тоже! — Белка обернулась к Пашке.

— Я убегу, — сказал Пашка.

Когда они вернулись к тому месту, где их ждала Ирия, Ручеек уже был там. Они негромко разговаривали. Лагерь понемногу засыпал. Только у костров нестройно пели воины. Оттуда послышалась ругань, зазвенели мечи, кто-то завизжал, кто-то засмеялся.

— Нас намерены продать, — сказала Алиса. — Мы будем выступать со смертельными номерами. Сегодня и ежедневно: отличники седьмого класса «Б», двойное сальто-мортале!

Но никто не поддержал Алисину шутку.

Над ними, закрывая звезды, пронеслась большая темная тень.

— Смотри, опять летучие мыши, — сказала Алиса.

— Нет, — ответил Ручеек. Он вскочил на ноги и тихо свистнул.

Снова пролетела тень, и сверху послышался ответный свист.

Ручеек сказал:

— Пошли к берегу. Она нас будет ждать там.

— Кто? — спросил Пашка.

— Увидишь, — сказала Ирия.

По дороге Белка все время жалась к Алисе.

— Я боюсь, когда темно, — шептала она. — Я идти с вами боюсь и оставаться боюсь.

На берегу, недалеко от того места, где Алиса с Пашкой крутили сальто, на небольшой полянке в кустах их ждала большая белая птица.

А может, и не птица? Подобного существа Алисе раньше встречать не приходилось.

С первого взгляда в полутьме, при свете двух кринянских лун, ее можно было принять за гигантского голубя, ростом с человека. Но если приглядишься, то удивляли глаза, они были не птичьими, а человеческими, с веками, ресницами, белком и голубым зрачком. Клюв птицы был невелик и казался мягким. Когда птица говорила, он двигался и даже изгибался.

— Я тебя еле нашла, — сказала она Ручейку.

— Я же передал, что мы будем ночевать на острове.

— Посланец не сказал, на каком.

— Я думал, что ты догадаешься, — сказал Ручеек.

— Я и догадалась, — сказала птица. — Что за люди с тобой?

— Это наши друзья.

Птица оглядела всех.

— Дети, — сказала она, — и закованная в кандалы женщина одеты так же, как беспамятные люди у нас в Убежище. Они из одного племени?

— Вы их видели? — спросила Ирия. — Как они себя чувствуют?

— Они сидят в большой комнате, — сказала птица. — С ними говорят учителя. Они сыты. Они ничего не помнят. Что я еще могу сказать?

— Спасибо, — сказала Ирия. — Еще не узнали, почему это с ними случилось?

— Спроси у злых духов леса, — ответила птица.

Алиса заметила, что Ирия, в отличие от остальных, вовсе не удивлена встречей с говорящей птицей. Наверное, Ручеек рассказал ей все заранее.

Птица посмотрела на Алису.

— Учителя спрашивают, — сказала она, — как вы попали на нашу планету? Из дальних стран или с неба?

— С неба, — сказала Алиса.

— Где ваш корабль?

— В лесу.

— Я расскажу им. Спасибо, — сказала птица. — Мне интересно на вас смотреть. Я таких еще не видела.

Затем птица обернулась к кустам.

— А кто эта пигмейка, что прячется от меня в листве?

Конечно же, Белка при виде птицы спряталась.

— Выходи, — сказал Ручеек, — тебя никто не тронет.

— Не выйду, — послышался ответ из кустов. — Она меня унесет.

— Тогда сиди, — сказал Ручеек.

— Мне страшно.

— Пигмейка, — сказала птица, делая шаг к кустам, — я никогда никому не причинила вреда. Ты можешь спросить об этом у любого жителя леса. Мне стыдно, что ты меня боишься.

— Сама говоришь, — послышался ответ из кустов, — а потом клюнешь.

— Какая дикость! — сказала птица. — Я, благородная Альта из рода Альтосов, оскорблена такими подозрениями.

— Нет, — ответила Белка, — я лучше здесь посижу.

Птица по-куриному склонила голову и спросила Ручейка:

— Друг мой, что мы теперь будем делать?

— Мы обсуждали этот вопрос с Ирией, — сказал Ручеек.

— Кто такая Ирия?

— Это наш благородный друг с планеты Земля, закованный в кандалы, потому что ничтожные Кроты ее боятся.

— Какой стыд! — воскликнула птица Альта. — И это называется рыцари!

— Ты моих братьев не трожь! — отозвалась из кустов Белка.

— Так, значит, ты не пигмейка? Значит, ты та самая девочка из замка Кротов, которую бьют, не кормят и на которой хочет жениться гадкий предатель Вери-Мери?

— А ты откуда знаешь?

— В лесу для меня нет тайн. Берегись, Белка. Звери и люди говорили мне, что ты добрая и не мучаешь животных. Берегись своих братьев, но втройне берегись Вери-Мери.

Белка ничего не ответила, но вышла из кустов.

Она стояла в сторонке, настороженная, готовая в любой момент спрятаться снова.

— Мне нужно передать в Убежище послание, — сказал Ручеек. — Так, чтобы к утру оно было у учителей.

— Хорошо, — сказала птица. — Полетели.

— Нет, — ответил Ручеек. — Полечу на тебе не я. Полетит мальчик Паша.

— Почему? — спросила птица.

— Почему? — воскликнул Пашка.

— Так мы решили, — сказала Ирия, обращаясь к Пашке с Алисой. — Ручеек не может сейчас покинуть нас. Ему обязательно надо быть в Городе, ему надо проникнуть во дворец и узнать, что замышляют поклоны.

— Но почему я?

— Альта может отнести в Убежище помников одного человека. Я не могу лететь. Я не могу оставить вас здесь. Но один из нас должен попасть в лес как можно скорее, увидеть наших друзей и рассказать учителям, как отыскать «Днепр» и Гай-до. Кто-то должен перенести в Гай-до контейнер с гравитонами. Без этого Гай-до не сможет взлететь и вызволить нас. Это могут сделать Алиса или ты, Паша. Я решила, что полетишь ты, Паша. Все-таки ты мальчик, ты сильнее. А путешествие может быть опасным. Алиса пускай остается со мной. Ты понимаешь, Паша, какая тебе поручена задача?

— Я понял, — сказал Пашка. — Но пускай летит Алиса. Я не хочу оставлять тебя одну. Тебе может понадобиться моя защита.

— Здесь остается Ручеек. Он меня защитит. В крайнем случае я сама за себя постою. А от того, как ты доберешься до лесного Убежища и сможешь поднять в воздух Гай-до, зависит все. Даже наши жизни и жизни наших друзей.

— Понял, — сказал Пашка.

— Лети, — сказала Алиса. Ей было чуть-чуть обидно, что для полета выбрали не ее, а Пашку, но лучше не спорить. Если недовольна, скажешь на Земле, когда все кончится.

— Я сомневаюсь, — сказала птица Альта, которая до того бродила по полянке и что-то клевала в траве. — Я сомневаюсь. Мальчик никогда не летал. Он может испугаться и упасть.

— Я? Испугаться? — Пашка тут же забыл о своих сомнениях.

— Ты полетишь низко, — сказал Ручеек. — Медленно. Ты не позволишь мальчику упасть. Я на тебя надеюсь.

— Я постараюсь, — сказала птица. — Но возить мальчиков — последнее дело. Они всегда шалят.

— Может, привязать Пашку? Чтобы не свалился? — спросила Алиса.

— Еще чего не хватало! — возмутился Гераскин.

— Не надо, — сказала птица. — Веревки будут мне мешать.

— А сколько лететь до вашего Убежища? — спросила Ирия.

— Я буду лететь медленно, — сказала Альта. — Я буду лететь часа три-четыре. Утром будем на месте.

— Три-четыре — это много? — спросила вдруг Белка.

— Нет, немного, — сказал Ручеек. — А может быть, ты хочешь научиться считать и читать?

— Нет, что ты! — воскликнула Белка. — Это запрещено! Только ужасные помники читают и пишут.

— Какая темнота!

Ручеек тем временем нарвал травинок и быстро сплел послание для учителей. Ирия еле уговорила Пашку взять ее куртку — ведь в полете будет холодно.

— Я не замерзну, — возражал Пашка.

— Когда мы вернемся на Землю, — сказала Ирия, — твоя мама меня обязательно спросит: почему вы не проследили за здоровьем моего сына? Почему он чихает и кашляет? Куда вы его возили? На Северный полюс?

Ирия так здорово скопировала голос Пашкиной мамы, что Пашка засмеялся и сдался.

Пока Ручеек плел свое послание, а Ирия диктовала Алисе записку для Тадеуша, Пашка вышел на берег реки. По реке протянулись две серебристые полосы — от двух лун. На том берегу мерцали тусклые огоньки — там была деревня. Под ложечкой щекотало от предчувствия приключений. Таких ему еще переживать не приходилось. Страшно ли ему сейчас подняться в небо на белой птице с голубыми светящимися глазами? Нет, не страшно. Он представил себе, как в лесной чаще ждет, волнуется, не зная, что с ними происходит, их добрый Гай-до. Что ж, в жизни всегда найдется место подвигам.

— Я готов! — сказал Пашка. — По коням!

Альта присела, чтобы Пашке было сподручней забраться ей на спину. Спина была теплой, гладкой. Пашка опустил ноги перед крыльями. Ручеек снял с себя ремень и завязал его на шее Альты.

— Хватайся за него, только если будет страшно, — сказала птица. — А то задушишь меня.

— Хорошо, — сказал Пашка и поклялся себе, что, даже если будет жутко, он не дотронется до ремня.

— Ой, Паша, — сказала плачущим голосом Белка, — может, останешься? Занесет она тебя в колдовские места, превратишься ты в цветочек безгласный, пропадешь в вонючих болотах.

— Перестань канючить, — сказала птица. — Мне стыдно за тебя.

— А мне Пашеньку жалко, — сказала Белка.

Она подошла к Ручейку и взяла его за руку.

Тот даже удивился:

— Ты меня больше не боишься?

— Я тебя, конечно, боюсь, — сказала Белка. — Но я остальных еще больше боюсь. Ты уж меня не обижай.

— Не обижу! — Ручеек запустил пятерню ей в волосы, но Белка тут же вырвалась и сказала строго:

— Ты забыл, с кем имеешь дело! Я же настоящая поклонка.

Ручеек передал Пашке шифрованное послание, Ирия — записку для Тадеуша. Алиса просто пожала руку.

— Мы полетели, — сказала Альта. — Осторожней в Городе!

Птица разбежалась по полянке и расправила крылья. Крылья оказались громадными, каждое — метра четыре длиной.

Добежав до воды, Альта резко взмахнула крыльями. Пашка сидел, обхватив ногами плечи птицы и обняв шею, ему очень хотелось вцепиться в ремень, но он сдерживался.

— Нильс на диком гусе! — услышал он голос Алисы.

В ушах засвистел ветер, Пашка зажмурился, а когда открыл глаза, остров уже выглядел черной полосой на глади реки, а костры на берегу казались светлячками.

— Только не засни, — сказала Альта.

— Еще чего не хватало!

— Это бывает, — сказала Альта. — Ты мне лучше рассказывай, где ты живешь, откуда прилетел, какие у вас птицы. Мне все интересно.

И Пашка начал рассказывать о жизни на Земле.

Глава 15

ОПАСНЫЙ ПОЛЕТ

Через час полета Пашка так закоченел, что, несмотря на всю свою гордость, вынужден был признаться Альте, что вот-вот свалится.

— Глупости, — сказала Альта. — Мог бы и раньше сказать. Мне не нужны мертвые мальчики.

— Может, спустимся, и я немного попрыгаю, согреюсь, — сказал Пашка.

— Через пять минут будет такое место, — сказала птица. — Я и сама собиралась там сделать привал. И знаешь почему?

— Н-н-нет, — ответил Пашка. Даже губы у него замерзли так, что не слушались.

— Там есть чудесные ягоды. Вам, людям, они кажутся горькими, но мы, Альты из рода Альтосов, их обожаем.

Птица начала снижаться. Мерно поднимались и опускались по бокам Пашки ее громадные крылья. Внизу тянулись скалы, острые, кое-где поросшие колючками, мрачные под светом лун.

Наконец Альта опустилась в лощину между скал. Там было темно. Альта легла, чтобы Пашке было удобно с нее спуститься, и он скатился на землю — ноги не держали.

— Плохо дело, — сказала Альта, ее глаза светились в темноте, как голубые фонарики.

В лощине было теплее, чем наверху.

— Ходить можешь? — спросила птица.

— Сейчас, только ноги разотру.

— Тогда шагай за мной.

Птица уверенно пошла вдоль лощины. Впереди поднимался белый пар.

Когда Пашка добрался до того места, оказалось, что это маленькое озерко, чуть больше ванны размером. Вода в нем бурлила, и от нее поднимался пар.

— Рекомендую окунуться, — сказала птица. — Это целебная вода. Мой друг Ручеек всегда здесь купается.

Пашка послушался. Одеревеневшими пальцами он стащил с себя одежду и бултыхнулся в теплую, почти горячую, наполненную щекотными пузырьками воду. «Ванна» была неглубокой, по пояс. Пашку охватило блаженство. Наверное, никогда в жизни ему не было так хорошо.

Он нежился в воде минут десять. Наконец Альта, которая куда-то отходила, вернулась и сказала:

— Пора и честь знать. Всему хорошему бывает конец. Вылезай, а то перегреешься и простудишься. Ты забыл, что нам еще лететь и лететь. А тебе еще обсохнуть надо.

Пашка с сожалением подчинился птице, вылез, и его сразу стало знобить.

— Иди за мной, — сказала птица.

Она отошла на несколько шагов и остановилась перед углублением в земле.

— Ложись здесь.

Пашка подчинился. Камни оказались теплыми, как лежанка на печи. Жестко, но тепло и уютно.

— Я пойду поклюю немножко, — сказала птица. — Подожди меня.

Пашка решил, что несколько минут можно подремать.

И заснул.

А когда проснулся, солнце уже встало, жужжали насекомые, было тепло. Альта сидела рядом, подняв одно крыло, чтобы защитить Пашку от лучей солнца.

— Ой! — испугался Пашка. — Чего же вы меня не разбудили?

— Людей будить нельзя, — сказала птица. — Это вредно.

— Прости, — сказал Пашка. — Я нечаянно. Сколько я проспал?

— Два часа, — сказала птица, — ты же всего-навсего человеческий детеныш, наверное, недавно из яйца вылупился. Одевайся, полетим дальше.

И через три минуты они уже были в небе.

Начался лес. Вершины деревьев так переплелись листьями и сучьями, что Пашке казалось: под ними тянется сплошной слой зелени, по которому можно ходить. Стало теплее, и даже трудно было представить себе, что совсем недавно он умирал от холода. Страшно захотелось есть. Ведь если не считать нескольких кусочков хлеба да миски с жидкой похлебкой, за последние сутки у Пашки ничего во рту не было. Он думал о еде и не заметил, как откуда-то появились летучие мыши, такие же, как те, что напали на баржу.

Увидев одинокую птицу, они тут же начали снижаться.

— Держись, Пашка! — сказала Альта. — Попытаемся уйти.

Пашка обхватил шею Альты и прижался к птице всем телом. Крылья махали чаще, они казались голубыми занавесами, раздуваемыми ветром. Альта изменяла полет, ныряла вниз, взмывала вверх. Она летела быстрее мышей и была куда ловчее их, но мышей было не меньше десятка. И хоть почти все они про-

махивались, то одной, то другой удавалось дотянуться зубами до Альты... Вот одно перо взмыло в воздух и полетело, планируя, к земле. За ним второе...

Альта устала.

— Снижаемся, — сказала она. — Только бы дотянуть до поляны.

— А здесь нельзя?

— Нельзя! Здесь сплошная чаща, негде опуститься.

И тут одной из мышей удалось полоснуть зубами по крылу птицы.

Альта сразу полетела медленнее, часто взмахивая раненым крылом. Пашка всей душой чувствовал, как ей больно и тяжело. Почувствовали это и мыши, которые с новой яростью кинулись на Альту.

Удар, еще один... Острые желтые зубы мелькали со всех сторон. Пашка сумел развязать ремень на шее Альты и размахивал им, отбиваясь от мышей. Одной он угодил по морде, и она с воем стала падать вниз.

— Вот вам! — кричал Пашка. — Вот вам, стервятники! Ну давайте, смелее нападайте! Я вам покажу!

Он даже не сообразил, что Альта падает... Лишь у самой земли, на узкой прогалине между деревьями, она, отчаянно махая крыльями, задержала падение и, сев на землю, пробежала несколько шагов, волоча крыло.

Пашка свалился с птицы.

— В лес! — прошептала Альта.

Пашка помог ей спрятаться под укрытие деревьев.

Там было полутемно, сыро. Но, к счастью, летучие мыши не смогли последовать за своими жертвами и одна за другой поднялись в воздух. Они еще долго кружили над лесом, надеясь, что добыча к ним вернется.

— Плохо наше дело, — сказала птица.

— У тебя повреждено крыло!

— И боюсь, что серьезно.

— Можно, погляжу?

— Погоди, — сказала Альта. — Здесь недалеко есть развалины. Никто не знает, что там было раньше.

Альта побрела вперед. Она шла медленно, прихрамывая, крыло волочилось по земле, по перьям сочилась алая кровь.

Пашке хотелось поддержать птицу, помочь ей, но он не знал, как это сделать.

— Еще немного, — сказала Альта слабым голосом. — Осталось чуть-чуть...

Пашка увидел развалины, только когда они подошли к ним вплотную. Обвалившиеся бетонные стены, проемы окон, заплетенные лианами, груды плиток, провода... запустение.

Птица вошла в руины и тяжело опустилась на пыльный пол, усеянный камнями и сухими сучьями.

— Может, здесь они нас не найдут, — сказала птица.

— Кто?

— Хозяева этих мест. — Альта вздохнула и добавила: — Нельзя было лететь днем, когда летучие хищники вылетают за добычей. Я знала...

— Значит, я виноват, — сказал Пашка. — Прости. Это я проспал.

— Теперь поздно искать виноватого, — сказала птица.

— Можно, я погляжу, что у вас с крылом?

— А ты понимаешь?

— Я постараюсь.

Пашка осторожно осмотрел крыло. В двух местах он нашел глубокие раны, до кости. Из них все еще сочилась кровь.

Птица тихонько стонала.

— Нужно лекарство, — сказал Пашка. — Давайте я пойду пешком в Убежище. Вы скажите, как дойти. Вам необходима помощь.

— Нереально, — сказала Альта. — До Убежища идти полдня. И через самую чащу. Даже наши туда не заглядывают.

— Что же делать?

— Не знаю. Я всего только птица. Я привыкла доверять людям. Они лучше умеют думать.

Пашка был бы рад что-нибудь придумать. На Земле он обязательно бы придумал. Но что придумаешь посреди непроходимого леса, на чужой дикой планете?

— Вас будут искать? — спросил он.

— Как? Как нас найти? Я сбилась с пути.

— Но мы не можем сидеть всю жизнь в этом лесу!

— Ты прав. Значит, мы умрем. Прости, что я не выполнила своего обещания и не донесла тебя до Убежища.

— Не это важно, — сказал Пашка. — Дело не в нас с вами.

Ведь в Убежище не знают, что вот-вот начнется общий поход против помников. Они не ждут его.

— Это ужасно! — сказала птица. — Я не переживу такого позора. Лучше умереть...

Альта распласталась на полу и спрятала голову под здоровое крыло.

«Типично птичья реакция, — подумал Пашка. — Скрыться от трудностей, спрятав голову под крыло!»

Он решил осмотреться. Он был убежден, что находчивый человек обязательно найдет выход из любой ситуации.

Пашка оставил птицу скорбеть, а сам отправился исследовать развалины.

Здание, в котором они спрятались, состояло из нескольких больших комнат. Крыша обвалилась, и кое-где приходилось перебираться через груды камней и бетонных плит. В одной из комнат Пашка увидел несколько столиков и стульев. Большая часть их была опрокинута, другие разломаны. Столики были маленькими, будто для карликов. Может, в этом доме когда-то жили пигмеи? Но неужели они потом так одичали? В следующей комнате — длинной, выходившей окнами в лес, — стояли кроватки. Тоже маленькие, пигмейские. На одной даже сохранились простыня и одеяло. Пашка дотронулся до одеяла, и оно тут же рассыпалось в прах. А из-под кровати выскочил, подняв клешни, сухопутный краб размером с тарелку и боком-боком побежал к Пашке, пугая его. Пашка не стал спорить, отступил. Конечно, всем известно, что ядовитых крабов не бывает, но это на Земле, а не в диком лесу на неизведанной планете. Ведь в лесу крабам тоже не положено водиться.

Из той комнаты вниз вела лестница. Ступеньки осыпались, лоскуты краски, отвалившиеся от стен, валялись на лестнице, как лужицы голубой воды. За приоткрытой дверью обнаружилась кухня. Да, вернее всего, это была кухня — на заржавевших плитах еще стояли кастрюли и сковородки. Грудой громоздились тарелки. На крюке висели полотенце и белый фартук, но Пашка, наученный горьким опытом, не стал до них дотрагиваться — знал, что рассыплются в пыль. «Те, кто жил здесь когда-то, — подумал Пашка, — ушли сразу, неожиданно. Бросили все как есть. Чего они испугались?»

Пашка прошел сквозь кухню и выбрался другой, узкой лестницей наружу. Лес, подходивший к дому, был здесь не так густ,

в нем встречались прогалины и полянки. Одна из них, овальная, была окружена невысоким барьером из керамических плиток. Внутри барьера была впадина, облицованная белым. Большое корявое дерево выросло в центре впадины, разломав плитки. Пашка не сразу сообразил, что когда-то там был бассейн. Чуть дальше в кустах он отыскал площадку для игр, качели, большой мяч до половины врос в землю...

Зашуршало в кустах, и Пашке показалось, что за ним из чащи следят многочисленные злые глаза. Он спохватился, что отошел далеко от дома, и бросился назад. Шуршание сзади усилилось. Что-то черное мохнатое вылезло из лиан. Пашка чуть не свалился в бассейн, споткнулся о торчащий корень и стрелой добежал до разрушенного дома. Оглянулся. Никто его не преследовал.

И все-таки было очень страшно. Лес был чужой, зловещий, он подстерегал Пашку, следил за каждым его движением, а Пашка был безоружен и сам должен был охранять раненую птицу.

Он прошел вдоль стены дома. Вот и главная дверь. Над ней покосившаяся вывеска — золотые буквы на черном фоне:

«ЛЕСНЫЕ ПОЛЯНЫ»
Санаторий для детей

Как странно было увидеть эту надпись, напоминавшую о тех временах, когда на Крине были санатории, дети играли в мяч или купались в бассейне! Вот почему кровати такие маленькие!

Пашка заглянул в прихожую санатория. Увидел справа небольшую дверь. Толкнул ее, и она с грохотом упала внутрь.

Когда-то здесь был медицинский кабинет. На длинном белом пластиковом столе стоял непривычной формы микроскоп, в застекленном шкафу на полках — различные медицинские инструменты. Второй стол стоял у разбитого окна. На нем стопкой лежали бумаги... Пашка осторожно подошел к столу. Он не дотрагивался до бумаг. Только посмотрел, что там написано.

Дата, которая ничего не говорит, потому что на Крине свое летосчисление. Потом: «Расписание праздника проводов лема». «Праздничный ужин. Концерт гостей. Танцы. Костер на лужайке. Фейерверк».

Пашка неосторожно кашлянул — лист бумаги разлетелся в пыль.

«Фейерверк, — подумал Пашка, подходя к медицинскому шкафу, — концерт гостей, танцы... Что же случилось? Куда делись дети?»

Пашка просунул руку сквозь разбитое стекло шкафа. Как назло, не видно никаких бинтов или пластыря, чтобы перевязать Альту. Впрочем, это все разлетелось бы от прикосновения. «Возьму ножницы. Может, пригодятся. Почти оружие», — решил он.

В комнате стало темнее.

Пашка обернулся. В разбитое окно глядела страшная образина: мохнатая морда, оскаленные зубы, прижатые желтые уши — похоже на медведя, но очень большого желтого медведя.

— Иди отсюда! — крикнул Пашка скорее с перепугу.

Медведь еще шире оскалился и низко зарычал.

В следующее мгновение Пашки в комнате не было. Он выскочил в коридор. Куда бежать? Где птица?

И в этот момент он услышал тонкий крик.

Альта! Они напали на Альту!

Глава 16

ГОРОДСКИЕ ПРИЧАЛЫ

Ночь они скоротали кое-как, сбившись в кучку, — Ирия, Ручеек, Белка и Алиса. Белка все норовила забраться в середину, толкалась, а под утро проснулась и решила идти к братьям, сознаться во всем, сказать, что ее украли.

— Иди, — сонно сказал Ручеек. — Они тебя ждут.

Белка утихла.

Так они и дотерпели до утра, очнулись еле живые. Над рекой плыл туман, воины бродили по пояс в белой вате, расталкивали спящих, гнали их на баржу. Пигмеи дрожали, они были голодны, но кормить их не стали.

— Пошли умоемся, — сказала Ирия.

— Нельзя, — ответила Белка. — Мыться вредно. — Она подумала и добавила: — И холодно.

Но Ирия уже поднялась и шла к реке. Чтобы кандалы не звенели, она подобрала их, кандалы были тяжелыми, ей было

трудно, но Ирия терпела и даже улыбалась, чтобы подбодрить Алису.

Белка осталась на берегу и все твердила, что Алиса и Ирия наверняка ведьмы, потому что нормальный человек по доброй воле мыться не будет, тем более холодной водой, да еще в речке, где водятся чудовища, которые тех, кто моется, обязательно утянут в воду.

Алиса побегала по берегу, размялась, стало чуть теплее.

Когда они вернулись, оказалось, что их уже разыскивают по кустам стражники. Близнецы хватились, что нет Пашки.

Их привели к близнецам, и Левый Крот спросил:

— Где мальчик, который умеет кувыркаться?

— Не знаю, — сказала Алиса.

— Не знаю, — пожала плечами Ирия.

Белка стояла неподалеку, в толпе пигмеев и молчала. Ручейка нигде не было видно.

— Ты мне его найди, — сказал Червяк Самыйтолстый. Он выплыл из тумана, словно обрюзгшее желтое насекомое. — Я у тебя одну девчонку не куплю. Я двоих хотел купить. Ты меня не обманешь.

— А я и не собирался продавать тебе моих рабов! — рявкнул Левый Крот. Он и без того был взбешен пропажей. А тут еще надутый Червяк.

— Если бы не мир, объявленный в стране, я бы не стал слушать твой гнусный визг! — взревел Червяк Самыйтолстый. — Но ты мне еще заплатишь за оскорбление. А девчонку я беру себе. Бесплатно.

Правый Крот выхватил меч — воинов у Кротов было куда меньше, чем у Червяка, но братья и не думали отступать. Червяк бесновался, грозил страшной местью. В конце концов его корабль отплыл, а братья со своими подручными еще долго обшаривали остров, споря, то ли мальчишка утонул, то ли его унесли летучие мыши... Алиса и Ирия покорно сидели у погасшего костра, ждали, чем кончатся поиски. Когда Пашку отчаялись отыскать, Алисе велели перейти на первый корабль. Кроты не хотели терять главную рабыню, так что полдня ей пришлось быть одной среди воинов. Правда, ее покормили вместе с ними. Алиса сидела на корме, глядела по сторонам, старалась высмотреть, что делают ее друзья на барже. Она видела, как, укрываясь от любопытных глаз за единорогами, Ирия шепталась

о чем-то с Ручейком, и Алисе было грустно, что она ничего не слышит. Потом, уже днем, берега стали низкими, деревни пошли куда чаще. По берегам тянулись развалины, но было трудно угадать, заводы это, лаборатории или, может, какие-нибудь склады. Алиса увидела, как Ручеек сел у борта, к нему подошла Белка и они оживленно заговорили. Белка спорила, махала руками, сердилась. Ручеек смеялся, даже издали было видно, как сверкают на смуглом лице его белые зубы, и, судя по всему, Белка его вовсе не боялась. Забыла, что ли, что он помник?

Алиса помахала Ручейку рукой, тот улыбнулся в ответ. И вдруг потупился и отвернулся от Белки.

Алиса услышала скрипучий голос одного из Кротов:

— Погляди, брат, тебе это не кажется странным?

— Вижу, — ответил второй Крот. — Что-то он сегодня не похож на бе-пе.

— Как только приедем в Город, вели его схватить и как следует допросить. Может, это подглядчик помников.

— И я так думаю, — сказал второй брат.

Алису братья не принимали в расчет. Они отлично видели, что она сидит почти у их ног, но продолжали разговаривать о своих делах, в том числе и об Алисе.

— Жалко, что мальчишка утоп, — сказал Левый Крот.

— Может, уплыл? — спросил Правый Крот.

— Куда уплыл? В лес?

— Не знаю. За двоих мы бы получили куда больше.

— А мы и за одну получим неплохо, — сказал второй брат.

Алиса почувствовала, как ей на голову опустилась тяжелая рука в жесткой кожаной перчатке.

— Ты, девочка, постараешься? — спросил Левый Крот ласково.

Алиса решила, что сразу соглашаться не стоит.

— А зачем? — спросила она.

— Затем, чтобы сделать приятное нам с братом, — ответил Левый Крот.

— Я не хочу делать вам приятное, — сказала Алиса. — Вы моей тете руки железом сковали. Вы злые.

— Не сделаешь нам приятное, — сказал Правый Крот, — тебе будет плохо.

— И тетке твоей тоже. Она не знает, как надо себя вести, если знаменитые поклоны удостаивают тебя вниманием.

— Я боюсь, дяденька! — заныла Алиса. — Не наказывайте меня.

— Ладно, — смилостивился Правый Крот. — Ты старайся, и мы тебя не обидим. Хочешь яблоко?

— Спасибо, — сказала Алиса. — Но не продавайте меня этому страшному Червяку.

— Еще чего не хватало! — захохотал Левый Крот. — Да этот старый выжига за тебя и кошелька не даст. Мы тебя во дворец поведем!

— А он сказал, что меня отберет.

— Посмотрим, — ответил Левый Крот. — Мы, славные зубастые Кроты, все берем сами и никому ничего не отдаем.

Яблоко было диким. Алиса его съела, хоть скулы сводило от кислятины. Она продолжала изображать из себя запуганную, дикую девочку. «Лучше пусть они меня недооценивают», — думала она.

К середине дня, когда солнце поднялось высоко и стало припекать, корабли добрались до Города.

Было тихо, лишь мерно вскрикивал надсмотрщик, подгоняя гребцов. Остальные, разморенные теплом и мирным путешествием, дремали. Алиса глядела на берега, уже густо населенные, и думала: «Как там Пашка? Добрался ли он до Убежища? Нашел ли Гай-до? Нет, до Гай-до он, пожалуй, еще не добрался. Бедненький Гай-до, как он переживает, не зная, куда делась его хозяйка».

Корабль миновал высокий, могучий замок. На его башнях развевались флаги. Алиса уже достаточно присмотрелась к здешнему миру, чтобы понять, что и этот замок построен на руинах большого завода. За замком начинались кварталы Города. Город, как все по пути, оказался полуразрушенным. Люди жили в развалинах, покрытых соломенными крышами либо разномастной черепицей. Улицы, сбегавшие к реке, были пыльными, заросшими травой и кустами, кое-где видны были повозки, которые тянули быки или лошаденки, у самого берега Алиса увидела кузницу — кузнец мерно бил молотом по наковальне, потом промелькнул небольшой базарчик — несколько покосившихся лотков с фруктами. У берега покачивались долбленые лодки, в которых сидели рыболовы с удочками, хилый старичок в длинной синей тоге колотил палкой громадного полуголого раба, и тот покорно сносил удары. Потом Алиса уви-

дела на площади между домами виселицу, на которой висел человек...

Вскоре пошли причалы. На причалах было оживленно. Там стояли десятки различных кораблей и плотов: некоторые с парусами, другие гребные. Корабли были раскрашены, на мачтах висели флаги с гербами. Алиса поняла, что это корабли поклонов и вкушецов, что съехались в столицу планировать поход против лесного Убежища.

Кормчий корабля Кротов углядел свободный причал, возле которого стояли несколько человек. Самый маленький из них, темнокожий, в полосатом длинном одеянии, при виде корабля замахал руками, как бы призывая: сюда, сюда!

Корабль ударился днищем о пологий берег, его занесло течением, надсмотрщик набросился на гребцов с кнутом, кормчий навалился на весло, один из воинов выбежал на нос и кинул веревку маленькому человеку, что стоял на деревянных мостках. Тот схватил веревку и потащил ее к тумбе. Он замотал веревку за тумбу, а когда он распрямился, Алиса поняла, что это пигмей Вери-Мери.

С корабля сбросили мостки, а тем временем матросы подтягивали к берегу баржу.

Братья легко сбежали по мосткам на причал. Вери-Мери склонился перед ними в поклоне.

— Мы ждем вас не дождемся! — воскликнул он. — Повелитель Радикулит Грозный гневается. Все поклоны уже собрались в столице. Ждут только вас.

— Подождут, — отмахнулся Правый Крот. — Что за спешка?

— Говорят, что послезавтра начало похода. Кто не успеет, будет объявлен врагом всех поклонов и имения его будут захвачены.

— Не суетись, — сказал Левый Крот. — Мы, кровожадные Кроты, никогда не отказывались от походов и битв. Говори, что еще?

— Не для враждебных ушей, — сказал Вери-Мери, вставая на цыпочки.

Оба Крота наклонились к нему, и Вери-Мери принялся шептать, подскакивая на месте, чтобы дотянуться до ушей своих господ. А те — видно, нарочно — не особенно старались наклоняться, будто издевались над доносчиком.

Алиса оглянулась. С баржи сгоняли рабов. Надо быстрее

предупредить Ручейка, что братья подозревают его. Вот он спускается с баржи. Ирия идет в стороне, не замечая его. А где Белка? Белка среди пигмеев.

Алиса оглянулась на Кротов — они не смотрели на нее.

Алиса быстро пошла к Ручейку, наклонив голову, будто что-то искала на досках причала. Она смешалась с толпой несчастных голодных пигмеев.

— Ручеек, — позвала она негромко.

Ручеек будто не слышал, он тупо смотрел перед собой. Но задержался.

— Они видели, — сказала Алиса, — как ты говорил с Белкой. Они хотят тебя допросить, тебе надо бежать.

Ручеек продолжал идти вперед, глядя прямо перед собой.

— Ручеек, ты слышишь?

В этот момент Алиса услышала голос одного из братьев:

— Где эта проклятая девчонка?

Что делать?

— Ручеек! — крикнула Алиса.

Никакого ответа. К Алисе, расталкивая пигмеев, уже бежали воины. Пигмеи заверещали.

— Ручеек! — закричала отчаянно Алиса. — Беги!

Именно в этот момент Ручеек, который шел у края причала, скользнул в воду. Так быстро и ловко, что даже Алиса не заметила, как он исчез.

Тем временем воины добрались до нее. Старый Сук схватил ее больно за руку, и Алиса, не притворяясь, закричала:

— Больно! Больно! Что ты делаешь? Ирия, я к тебе хочу!

А Ирия, поняв, в чем дело, кинулась навстречу Алисе, громко крича:

— Иду, иду, моя дорогая! Что они с тобой сделали! Не смейте делать больно ребенку!

Гремя цепями, Ирия пробивалась к Алисе сквозь толпу пигмеев, что еще больше прибавило суматохи, и Алиса уже надеялась, что Ручеек благополучно убежит, как раздался крик Вери-Мери:

— Вот он! Держите его!

На берег, метрах в ста от причала, выбрался Ручеек. Он бросился вверх, стараясь скрыться между сараями, между сваленными в незапамятные времена и поросшими кустарником грудами бревен.

— Так я и знал! — взревел Правый Крот. — Я его давно подозревал!

Он выхватил меч и бросился следом за Ручейком. Второй брат крикнул:

— Стрелять! Где ваши луки, небо вас разрази!

Воины были заняты тем, что пытались собрать в кучу разбегающихся, орущих от страха пигмеев. Некоторые даже и не взяли своих луков с корабля. Но все же за минуту, пока Ручеек бежал к сараям, два или три воина успели натянуть луки. Взвизгнула тетива — стрелы унеслись вслед беглецу.

Вери-Мери бежал к Левому Кроту, волоча за повод оленя. Но тот только отмахнулся и закричал:

— Не стрелять! В брата попадете.

И правда, Правый Крот огромными прыжками уже догонял Ручейка. Алиса не выдержала и закричала:

— Скорей!

На пути Ручейка появился какой-то богато одетый мужчина. Он попытался, расставив руки, остановить беглеца, но тот сумел обогнуть его, зато Правый Крот врезался в неудачливого помощника. Не разбирая, кто прав, кто виноват, взбешенный Крот полоснул мечом по лицу человека. Тот упал, обливаясь кровью, но этой задержки было достаточно для того, чтобы Ручеек перемахнул через покосившийся забор и исчез в лианах сада, что начинался за забором.

Алиса смогла перевести дух.

— Ты чуть все не погубила, — сказала стоявшая рядом с ней Белка. — Зачем кричала? Что он, глухой, что ли?

— Я думала, что он не слышит.

— Глупая ты все-таки, — сказала Белка. — Если бы они его поймали, я бы тебя своими руками убила.

— Прости, — сказала Алиса. Она поняла, что в самом деле вела себя неумно.

Ирия подошла к ней. Воин все еще держал Алису за руку, но, видно, не знал, что делать дальше, и смотрел наверх, где вдоль забора, размахивая мечом, метался Правый Крот.

— Слушай, Алиса, — сказала Ирия по-русски, чтобы воин не понял, — нас продадут в рабство.

— Не может быть! Мы будем сражаться!

— Ни в коем случае! Ручеек все уладит. Он обещал. Нас купит его друг. Веди себя спокойно.

Воину не понравилось, что пленницы говорят непонятно. Он оттащил Алису от Ирии, проворчав:

— Хватит вам на ведьмином языке колдовать.

— Где девчонка? — спросил Левый Крот. Он уже понял, что брату не догнать Ручейка, и хотел сохранить хотя бы Алису.

— Веду! — ответил воин. — Здесь она.

Воин подтащил Алису к Кроту. Вери-Мери стоял рядом.

— Осмелюсь доложить, ваше поклонство, — сказал пигмей, — эта девчонка что-то кричала тому, который убежал.

— Я и сам слышал, — ответил Крот, недоверчиво глядя на Алису.

— Я не ему кричала, — сказала Алиса. — Я мою тетю звала.

На причал вернулся Правый Крот. Он был зол. Он шел, вытирая о штаны лезвие меча.

— Дьявол дернул его сунуться мне под меч, — сказал он.

Он поглядел наверх. Там, за сараями, уже собралась кучка людей, окружившая лежавшего на земле горожанина.

— Вы ранили старшину этого квартала, — сказал Вери-Мери. — Это будет вам дорого стоить.

— Еще не хватало платить за кровь простолюдина! — возмутился Правый Крот.

— Если бы ты быстрее бегал, — заметил его брат, — то поймал бы нашего раба, вместо того чтобы рубить горожан. Нам теперь на рынке ничего не продадут. Как в прошлый раз, когда ты избил вкушеца.

— Я заплачу! — быстро сказал Вери-Мери, кланяясь братьям. — Я вам обязан.

— Вот и отлично, — сказал Правый Крот.

Но Левый Крот был поумнее близнеца.

— Почему такая милость? — спросил он. — Я не слышал, чтобы ты хоть что-то в жизни делал бесплатно.

— Отвечу честно, — усмехнулся пигмей, — как всегда. Вы мне за это дадите продать ваших рабов. Может, мне удастся получить на этом несколько лишних монет.

— Я подумаю, — сказал Левый Крот.

— Еще чего не хватало! — возмутился его брат. — Я сам пойду их продавать. Если Вери-Мери этим займется, мы вообще с тобой голыми по миру пойдем.

— Господин шутит! — рассмеялся пигмей. — Мой любимый господин всегда шутит.

— Иди, — приказал ему Левый Крот. — Иди и заплати этим подонкам. Скажи, что мы добрые люди и не хотели лишней крови.

— Что за порядки в этом Городе? — расстраивался Правый Крот. — Этого не убей, этого не тронь! Где же наши права?

Вери-Мери побежал к сараям.

Правый Крот оглядел толпу пленников и велел старому воину Суку:

— Всех их на невольничий рынок! А где Белая Дама?

— Несут, — сказал воин.

И в самом деле, воины вытащили из трюма корабля завернутую в тряпки статую «Читательница».

— Грузите, — сказал Левый Крот.

Воины принялись привязывать статую между двух оленей.

С баржи свели единорогов. Они радовались тому, что наконец снова стоят на твердой земле, переступали золотыми копытами. Зеваки, что толпились у причала, оживленно перекликались при виде чудесных животных.

Воины садились на оленей, близнецы оседлали единорогов.

— Двинулись? — спросил Правый Крот.

— Готовы! — отозвался Сук.

Процессия тронулась в путь. Первым ехал молодой воин, который держал знамя — зеленое полотнище с оскаленной мордой волка. Затем, бок о бок, — братья Кроты. За ними вели Алису. Потом тянулась толпа пигмеев, и среди них шла Ирия Гай.

Алиса обернулась: какое печальное зрелище! Хорошо еще, что Гай-до не видит: знаменитого конструктора космических кораблей, одну из первых красавиц Галактики Ирию Гай уводят на невольничий рынок. Она идет, волоча тяжелые железные цепи, окруженная, как лебедь стаей воробьев, толпой пигмеев.

Не успели они миновать сараи, как из-за бревен выбежал Вери-Мери.

— Поклоны! — громким шепотом произнес он, подпрыгивая, чтобы его лучше услышали. — Впереди засада!

— Кто? — отрывисто спросил Правый Крот.

— Люди Червяка Самоготолстого.

— Так я и знал, — сказал Левый Крот. — Он хочет бесплатно заполучить акробатку. Ну, я ему покажу!

— Осмелюсь предложить, поклоны, — сказал Вери-Мери, — может быть, нам пройти вон той улицей?

— Почему? Мы не боимся этих разбойников.

— Но сейчас объявлен мир, и, если кто-то нарушит его, Правитель рассердится.

— Но ведь мир нарушает Червяк! — возмутился Левый Крот.

— Осмелюсь напомнить, — сказал Вери-Мери, — что Червяк Самыйтолстый при всей неприятности его характера — могучий поклон, который владеет обширными землями, а главное, приходится родственником госпоже Радикулит-Фаланге. Вы же — простые лесные бароны.

— Убью! — закричал Правый Крот. — Как ты смеешь нас унижать!

И прежде чем более осторожный брат успел его остановить, Правый Крот уже мчался, подстегивая своего единорога, вверх от реки. Левый Крот, а потом и воины помчались за ним. Остальные стали нещадно подгонять пленников, и пигмеям пришлось бежать на косогор.

Образовался довольно большой разрыв между первым отрядом и пленниками. Когда толпа пигмеев поравнялась с обширными, заросшими травой и кустарником развалинами, оттуда на них кинулись воины в желтых одеждах с нарисованными на них пантерами — засада Червяка Самоготолстого.

Воинов у Кротов было мало, и в начавшейся свалке их быстро одолели, отогнав от пленников. Из кустов донесся пронзительный голос Червяка:

— Вот она, в голубом, хватай ее!

Сразу два воина кинулись к Алисе, но тут ей на выручку пришла белокурая женщина, закованная в кандалы. Она подняла руки и начала размахивать цепями. Цепи свистели в воздухе, и воины присели от страха.

Услышав шум боя, возвратились основные силы Кротов.

Как метеоры ворвались Кроты в толпу. Они безжалостно рубили врагов направо и налево, мечи их сверкали как молнии.

Червяк Самыйтолстый выскочил из кустов и завопил, подпрыгивая:

— Что же вы, солдаты! Отважные, зубастые червяки! Бейтесь! Кротов меньше! Вперед!

Правый Крот увидел Червяка Самоготолстого и направил единорога в его сторону. Единорог буквально взвился в воздух и

ударил Червяка копытами передних ног. Тот ахнул и рухнул на землю, как мягкая кукла, выброшенная на помойку.

При виде этого воины Червяка Самоготолстого с воплями бросились в разные стороны.

На этом бой и кончился.

Два воина из охраны Кротов погибли, несколько получили ранения, белая статуя валялась на земле. На земле корчились пигмеи, попавшие между сражавшимися и пострадавшие невинно, стонали порубленные воины Червяка...

«Сколько всего страшного, — подумала Алиса, — произошло за две минуты». Она поглядела на Ирию. Та стояла, опустив руки, и тяжело дышала.

— Славно мы с ними расправились, — сказал Правый Крот.

— Позволю не согласиться с великими воинами, — послышался голос Вери-Мери.

— Что еще? — спросил Правый Крот. Он спрыгнул на землю и старался стащить с пальцев Червяка драгоценные перстни.

— Повелитель будет гневаться и может вас казнить, — сказал Вери-Мери.

— Чепуха! Мы воины и поразили его в честном бою. Мы не устраиваем засад.

— Как вы это докажете? — сказал печально Вери-Мери.

— Тогда заплати за нас.

— Всех моих денег и всех ваших рабов не хватит, чтобы искупить эту смерть.

— Тогда мы едем обратно, — сказал Левый Крот.

— Червяки уже добежали до дворца, — сказал Вери-Мери. — Скоро за вами будет погоня. И вам от нее не уйти.

— Мы не боимся, — сказал тогда Правый Крот. — Мы мирные бароны. Мы пойдем к Повелителю и все расскажем.

— Нужно будет сделать очень необыкновенные подарки, — сказал Вери-Мери, — чтобы замолить ваш грех. Единственная надежда на то, что Повелителю нужны сегодня храбрые воины.

— А что мы ему дадим? — спросил Левый Крот. — Белую Даму?

— Не дам! — закричал Правый Крот.

— Когда ее у нас отнимут, мудрецы ее получат бесплатно, — возразил его брат.

— Разумно, — поддержал старшего близнеца Вери-Мери, — но одной Белой Дамы мало.

— У нас больше ничего нет, кроме пигмеев, — сказал Правый Крот.

— А эта акробатка? — спросил Вери-Мери. — Из-за нее толстый Червяк и напал на вас.

— Ни в коем случае! — воскликнул Правый Крот. — Ты нас хочешь разорить.

— У вас еще останутся пигмеи, это тоже хорошие деньги, — сказал Вери-Мери.

— Хорошо, — принял решение Левый Крот. — Сук, гони рабов на невольничий рынок. Девчонку берем во дворец.

Он ловко наклонился и, подхватив Алису, посадил перед собой на спину единорога.

Алиса кинула последний взгляд на Ирию.

— Вперед! — крикнул Левый Крот. — Мы должны успеть во дворец как можно скорее. С каждой минутой гнев Радикулита будет расти.

— Я прослежу за невольниками! — крикнул вслед Вери-Мери.

Алиса обернулась — Ирия осталась далеко позади.

«Ничего, — подумала Алиса. — Ирия в безопасности. О ней позаботится Ручеек. А я попаду во дворец и, может, узнаю что-нибудь важное о походе и потом расскажу Ручейку».

Глава 17

СОВЕТ В БЫВШЕМ ТЕАТРЕ

Там, где тянулись деревянные причалы и стояли покосившиеся сараи, когда-то был речной порт. И можно было угадать, каким он был: ряды складов, от которых теперь остались лишь огрызки стен, подъездные пути для монорельсовых повозок и грузовиков, посадочные площадки для трейлеров... Когда этот порт в одночасье обезлюдел, он быстро пришел в упадок. Потом окрестные жители забрались в склады и растащили оттуда то, что могло представлять ценность в хозяйстве, но рельсы остались на месте — портальные краны, рухнув со временем, перегородили подъездные пути, как скелеты вымерших чудовищ. Лишь один каким-то чудом остался стоять, склонив набок острую морду. То, что было слишком тяжело или не пригодилось людям, так и продолжало валяться, ржаветь, гнить, пылиться. И потому некогда широкая улица, что вела от причалов вверх, к

Городу, вынуждена была виться, огибая груды камней и бетона, проржавевшие бухты кабелей, рассыпавшиеся стопы стальных отливок, пустые контейнеры; на мостовой возвышались холмы и холмики, и теперь уж не угадать было, из чего такой холм возник, — то ли это была когда-то гора удобрений, высыпавшихся из мешков, то ли железная руда, то ли окаменевшая соль. Есть миллионы вещей и продуктов, без которых не обойтись цивилизованному обществу и которые непонятны, не нужны и даже вредны для первобытных людей. Среди этого запустения лениво бродили мелкие куры, вороны расклевывали чудом уцелевший пластиковый мешок. Из погнутой и пробитой в нескольких местах цистерны, на которой еще можно было угадать надпись «Ацетилен», выглядывала тощая собака, нищие и калеки сидели в ряд под выложенными цветными плитками в стене буквами «Холо..льник № 67», протягивали худые руки и бормотали:

— Подайте славным рыцарям, умирающим от голода!

Выше по склону склады кончились, и потянулись оплетенные лианами и диким виноградом, невероятные по размерам руины какого-то учреждения, передняя стена которого с дырками выбитых окон поднималась этажей на двадцать, а сквозь оконные проемы были видны небо и остатки гнутой арматуры. Дальше когда-то был район вилл и домов, которые прятались в садах. От садов остались редкие одичавшие деревья. Аллея высохших пальм вела к изысканным, вырезанным из розового камня воротам, от которых сохранилась лишь одна створка. Стены некоторых вилл стояли, перекрытые сверху жердями и кусками железа. Другие рухнули, и на их руинах выросли хижины и кривули-домики нынешних жителей Города.

А дорога вела все выше и выше, она обогнула стройное, ничуть не тронутое временем здание с высокой красной башней. Здание было обвешано разноцветными флагами. У входа стояли два вкушеца в синих тогах, расшитых серебряными звездами.

Братья-близнецы поклонились этому зданию, приложив руку к сердцу, воины гладили себя ладонями по щекам. Наверное, решила Алиса, это местный собор.

За собором с площади открылся вид на море. Вернее, на море и на небо сразу — они были голубыми и сливались на горизонте так незаметно, что не догадаешься, где кончается вода, а где начинается воздух.

С этой площадки открывался другой мир, он был шире, душистее и даже теплее. И теплота в нем была наполнена упругим ветром, который мог разгуляться, набрать силу и впитать в себя просторы моря, пышность облаков и запах соли...

Море было пустым. Только у берега, куда сбегали кривые узкие улочки, чернели полоски рыбачьих лодок, а далеко, у самого горизонта, виднелся одинокий белый парус.

Занудные, скучные и пыльные запахи города сразу исчезли...

Единороги замерли, глядя вперед, — возможно, они никогда еще не видели моря и не знали, какие бывают в мире просторы. Один из единорогов легонько ударил золотым копытом по камню, и из камня вырвался столб искр. Братья тоже не двигались и тоже молча глядели вперед; они были лесными жителями, а в лесу горизонт всегда закрыт деревьями, мир огражден зелеными стенами.

Сзади слышалось дыхание воинов. Но никто не сказал ни слова.

И неизвестно, сколько бы длилась эта сцена, если бы не пронзительный голос Вери-Мери:

— Поклоны, поклоны, мы не можем задерживаться!

— Проклятие! — Левый Крот ударил единственным сапогом в бок единорога, тот недовольно дернул головой, но подчинился и медленно начал спускаться вниз.

Они долго ехали по улицам, кривым и вблизи совсем не таким приятным и веселым, какими казались с верхней площади. Они были пыльными и грязными, там стояла вонь от жаровен, бродили облезлые псы, из-за покосившихся заборов вылезали цепкие колючки кустов, в пыли возились грязные детишки. Море часто пропадало из виду, но присутствие его все равно ощущалось — сейчас откроется за поворотом, сейчас блеснет между кустов.

Минут через десять они выехали на большой плац, окруженный некогда роскошными, а теперь запущенными и полуразрушенными строениями. На фронтоне одного из них, над колоннами — пять на месте, шестая рухнула и валяется, рассыпавшись на каменные бочонки, — выбиты слова: «Музей искусств». Перед музеем — деревянные ящики, затянутые с одной

стороны решетками. В ящиках скорчились голые люди. К столбу, врытому в землю перед входом в музей, был привязан человек, два других полосовали его бичами, и после каждого удара на спине несчастного вздувалась красная полоса.

— Что там? — спросила Алиса.

— Тюрьма, — ответил Левый Крот равнодушно.

— Тюрьма? А раньше что было?

— Здесь всегда была тюрьма, — откликнулся Вери-Мери, что семенил рядом с единорогом, стараясь не отстать. — Там даже написано: «Тюрьма». — И он показал потной ручкой на надпись: «Музей искусств».

— Кто вам сказал? — спросила Алиса.

— Все знают, — ответил Вери-Мери.

Рыцари свернули к другому, самому большому на той площади дому. И не надо было быть мудрецом, чтобы догадаться, что там когда-то был театр: над широким входом, к которому вела пологая лестница, виднелись полустертые изображения поющих и танцующих фигур.

Сейчас сбоку от лестницы к невысоким столбикам был прибит длинный брус — коновязь, стояли привязанные к нему лошади, одни под попонами, другие с разукрашенными седлами, рядом лежали носилки. Вокруг толпились слуги и воины.

Кроты спрыгнули с единорогов, появление которых вызвало оживление среди челяди и охраны.

Воины Кротов отвязали и положили на землю статую «Читательницы». Вери-Мери осмотрел Алису и остался недоволен.

— Она одета не так, — сказал он.

— Так раздень ее, — отмахнулся Левый Крот.

Кроты волновались, они боялись того, что ждет их, но скрывали страх за грубостью. Кричали на воинов, топали, говорили громко.

Вери-Мери рванул Алису за рукав серенького платьица, что дала ей Речка, которое она надела поверх комбинезона.

— Это сними! — приказал он.

Алиса не выносила, когда ее хватают даже за рукав. Разумеется, старших бить нельзя... Но тут она не выдержала, схватила пигмея за руку, вывернула ее назад и сделала ему подсечку. Пигмей взлетел в воздух и шлепнулся задом о каменную мостовую.

Как он взвыл! Рыцари схватились за мечи, слуги и воины, окружившие их, захохотали. Никто не любил Вери-Мери.

— Убью! — завопил пигмей, поднимаясь и потирая ушибленный копчик.

— Только попробуй! — ответила Алиса.

— Хватит шуметь, — сказал Левый Крот. — Пускай остается как есть. Еще не хватало нам устраивать драки перед дворцом Повелителя.

По лестнице к ним уже спешил какой-то поклон, на лице которого были нарисованы желтые и зеленые круги, в ушах висели тяжелые медные серьги, длинная розовая тога развевалась, как облако.

— Что за шум?! — закричал поклон. — Вы забыли, где находитесь?

— Мой слуга нечаянно упал, — сказал Левый Крот. — Это больше не повторится.

Правый Крот промолчал, но Алиса увидела, как побелели его пальцы, которыми он схватился за рукоять меча.

— Так чего же вы здесь прохлаждаетесь? — сердился вельможа. — Все уже собрались. Как докладывать?

За его спиной стояли два стражника с обнаженными мечами.

— Доложи: Великие и Кровожадные Кроты, бароны леса, — сказал Правый Крот, — прибыли просить защиты, милости Повелителя и принесли с собой дары.

— Кроты? Вам запрещено входить во дворец, — сказал вельможа. — Вы нарушили мир в столице и, предательски напав из-за угла, убили знаменитого и величественного поклона Червяка Самоготолстого.

— Клевета! — воскликнул Левый Крот. — Чье слово против нашего?

— Слово его воинов.

— Слово воинов — грязь и ничтожество перед словом поклонов, — сказал Правый Крот и решительно пошел к лестнице.

— Стойте, ждите! — Вельможа отступал перед рыцарями, которые решительно шагали вверх по ступеням.

— А вы за нами! — обернулся Левый Крот к воинам и Алисе. — Девчонка, статуя — все здесь?

Вельможа повернулся и кинулся внутрь театра.

Стражники, хоть и держали мечи перед собой, медленно отступали, не смея напасть на знаменитых разбойников.

Так они и прошли через холл театра, где сохранились окошки, над которыми было написано «касса», мимо холла с остатками гардероба.

Тут их ждал следующий заслон. Это были воины громадного роста в кольчугах и стальных шлемах. На плече каждого, вцепившись когтями в кожаную подушечку и уставившись желтыми злыми глазами на пришельцев, сидел орел. В руках они держали раздвоенные на концах короткие мечи.

Между воинами стоял длинноносый старик с острой седой бородой, на голове которого возвышалось чучело попугая.

— Остановитесь! — произнес старик. — Вы нарушаете тишину дворца. Нам не нужны разбойники в нашем великом и культурном государстве.

— Мы требуем, — сказал Левый Крот, — чтобы нас провели пред сверкающие очи Радикулита Грозного, нашего господина и покровителя.

— Вы нарушили закон!

— Закон? — сказал Левый Крот. — Закон устанавливают благородные поклоны. Пусть судит нас сам Повелитель.

— Тогда отдайте оружие, — сказал старик, — и вас выслушают.

Братья переглянулись. Они колебались. Но впереди стояли стражи в кольчугах, с орлами на плечах.

— Разрешите нам взять с собой подарки Повелителю? — спросил Левый Крот.

— Подарки всегда разрешается брать, — согласился старик.

Мечи братьев звякнули об пол. Их воины, что несли Белую Даму, тоже положили на пол оружие.

Старик подошел к дверям, над которыми была надпись: «Партер», распахнул их и воскликнул:

— Рыцари лесного замка, кровожадные зубастые Кроты приползли на брюхе просить милости и прощения Повелителя Радикулита Грозного.

Голос его гулко разносился по зрительному залу.

В ответ послышался гул многочисленных голосов. Затем голоса стихли и послышался низкий хриплый голос:

— Пусть войдут.

Они вошли в зрительный зал.

Давно в нем не играли спектаклей. Давно уже упали, сгнили портьеры, слезла бархатная обивка с кресел, да и кресел почти не осталось. Лишь десятка два, кое-как сбитых и починенных, обтянутых мешковиной, стояли полукругом в пустом и гулком зале. В креслах сидели поклоны.

На сцене стоял великолепный трон, освещенный множеством факелов и свечей. Трон был белый, с высокой спинкой, белыми подлокотниками, с двигающейся полочкой под рукой, чтобы можно было положить на нее что захочешь... И тут только Алиса сообразила: это же старинное зубоврачебное кресло!

В кресле сидел пожилой мужчина с перебитым носом. Его редкие пегие волосы были собраны в пучок на макушке. Пучок был охвачен узкой золотой полоской с зубцами — короной. Одет мужчина был просто — в кольчугу на голое тело. Лишь на пальцах сверкали перстни. На переносице Повелителя были очки с одним стеклом. Он снял очки, протер стекло, глядя на вошедших, которые растворились в полутьме громадного зрительного зала, снова надел их.

Алиса обратила внимание на то, что на сцене стоит еще и большой шкаф. Где же она его видела? Конечно же, он стоял на плоту, который плыл по реке! И в шкафу ехал знаменитый и великий Столп невежества. Покровитель беспамятства. Главный вкушец Клоп Небесный.

Пока Повелитель манипулировал с очками, дверцы шкафа раскрылись и оттуда выглянул Клоп в синей хламиде, расшитой серебряными звездами.

— Позор! — воскликнул он. Сделал шаг назад, и двери шкафа закрылись вновь.

— Позор! — закричали поклоны, что собрались в зале. Они подпрыгивали в креслах, размахивали кулаками, строили рожи, но, правда, ни один не поднялся с места и не посмел подойти к Кротам, что стояли у дверей зала плечом к плечу, набычившись, нахохлившись, готовые сражаться до конца.

— Не надо, — сказал тихо Радикулит Грозный, — зачем же так! Мы все здесь друзья, мы все настоящие поклоны. Если мы будем ссориться, кто же будет нас бояться, дети мои?

— Они убили Червяка Самоготолстого!

— Знаю и скорблю, — сказал Повелитель, почесывая пучок волос, что торчал над короной. — Тем более что Червяк Самый-толстый был моим возлюбленным родственником. И потому я

строго накажу наших неразумных детей — баронов леса, кровожадных Кротов. Мы решим этот вопрос сейчас же. Подойдите ближе к моему трону, гадкие дети!

Кроты одновременно поклонились и поспешили к сцене.

— Стойте! — приказал им старик с попугаем на голове, когда они подошли близко. И как бы в ответ на его слова из оркестровой ямы поднялся лес копий и верхушки шлемов — оказывается, там затаились воины охраны.

Братья замерли.

Алиса, которая осталась стоять у входа, рядом с двумя воинами, разглядывала зал.

Вместо задника на сцене висели флаги, на каждом был нарисован белый слон. Алиса уже достаточно знала про этот мир, чтобы догадаться, что слон и называется здесь Радикулитом.

По сторонам сцены, незаметные, пока глаза не привыкли к полумраку, стояли две кучки людей. Справа — вкушецы, этих Алиса уже научилась узнавать, слева — мужчины, большей частью пожилые, бородатые, длинные одежды которых были изукрашены геометрическими знаками, словами, буквами, цифрами и непонятными значками. На головах этих людей были высокие черные цилиндры.

За троном возвышались два гигантского роста телохранителя, на головах которых были странные, чем-то знакомые шлемы — круглые, с кольцом сбоку. В кольца были вставлены пучки перьев. Что же напоминали эти шлемы? И тут Алиса не выдержала и громко засмеялась. Она поняла, что на головах главных телохранителей ночные горшки. С ручками.

— Кто смеется? — спросил Радикулит.

Тут же из темноты к Алисе кинулись два человека в темных одеждах и шапках, к которым были пришиты громадные уши.

Они схватили ее и поволокли к сцене.

— Ну, скорее, что там? — спросил Радикулит.

— Твои наушники-подслушники, великий господин, докладывают! — крикнул один из них. — Это девчонка.

— Зачем здесь девчонка?

— Разрешите сообщить, ваша милость, — сказал Правый Крот. — Разрешите сказать.

— Говорите, мои милые, — ласково произнес Повелитель. — Говорите, мои мальчики. Всю правду говорите. Ничего не таите.

Люди с пришитыми ушами держали Алису за локти. Не больно, но крепко.

— А зачем вам запасные уши? — тихо спросила Алиса.

Они не ответили, но Повелитель, у которого был изумительный слух, что, как известно, помогло ему пережить сорок четыре заговора и три восстания, ответил за них:

— Это мои наушники-подслушники, слухачи и доносчики. Моя опора и надежда. — Тут же Радикулит поглядел на Кротов. — Говорите, мои кровожадные, — сказал он. — Говорите.

Левый Крот сделал шаг вперед, поклонился и сказал:

— Как было велено, мы сели на корабли и приплыли в столицу по зову нашего Повелителя.

— Хорошо, люблю послушных мальчиков. Говорите, говорите.

— Мы взяли с собой драгоценные и редкие дары, чтобы обрадовать глаза нашего Повелителя.

— Говори, говори.

— В пути, остановившись на ночлег на Длинном острове, мы встретили уважаемого поклона Червяка Самоготолстого. Мы не имели к нему вражды и мирно провели ночь.

— Проверить! — приказал Радикулит, обернувшись к вкушецам.

— Проверено, — ответил один из них. — Это правда.

— Но уважаемый поклон Червяк Самыйтолстый возжелал получить вот эту девочку, на которую вы обратили свое благосклонное внимание, Повелитель.

— Почему? Что в ней особенного?

— Эта девочка — акробатка, она умеет делать такие трюки, которых не знают наши акробаты. Мы сами выучили ее этим трюкам и хотели привезти ее в подарок нашему грозному Повелителю. Разумеется, мы вынуждены были отклонить требование Червяка.

— Любопытно, — сказал Радикулит. — Продолжай, мой мальчик!

— А когда мы спустились на берег в столице, Червяк устроил засаду, чтобы отнять у нас девочку. Мы не нападали на него, но защищались. И в бою подлый Червяк был убит.

Повелитель обернулся к вкушецам. Один из них вышел вперед и наклонил голову. Но сказать ничего не успел, потому что

с одного из кресел, что стояли полукругом у сцены, вскочил очень высокий и страшно худой поклон и закричал:

— Я, Червяк Самыйдлинный, требую казни этих ничтожных самозванцев и жалких лесных бродяг за смерть моего возлюбленного брата! Если Червяк из нашего рода требует рабыню, вы должны с благодарностью отдать ему рабыню. Смерть преступникам!

— Я выслушал тебя, мой уважаемый Червяк Самыйдлинный, — сказал ласково Радикулит. — Я полностью разделяю твое негодование. Я рассмотрю твою просьбу.

Дверь шкафа раскрылась, оттуда выглянул Клоп Небесный и сказал:

— Я разделяю точку зрения Червяка Самогодлинного. Никто не смеет поднять руку на представителя знатного рода.

— Никто! — закричали, перебивая и подогревая друг друга, остальные вельможи, что сидели в креслах.

Тут Левый Крот не выдержал. Он закричал, обращаясь к орущим вельможам:

— У меня нет меча, и я не могу осквернить вашей подлой кровью этот священный дворец. Но когда мы выйдем, я вызываю на честный бой до смерти любого из вас!

Эти слова вызвали новую вспышку негодования.

— Как он смеет! — кричали толстые и тонкие, низенькие и величавые вельможи Крины. — Самозванец! Поклон в первом поколении! Твой отец был простым лесным разбойником.

— Пускай, — отвечал им Левый Крот. — Пускай он был разбойником, но вы от него бегали, как быстроногие трусливые черепахи!

— Ах! — закричали вельможи. — Ах!

Видно, под черепахой имелся в виду какой-то очень позорный для них зверь.

Радикулиту надоели эти крики, он поморщился и поднял руку, давая знак всем замолчать. Никто не замолчал, словно забыли, где находятся. Тогда раздался удар гонга, такой низкий и гулкий, что его звук поглотил остальные звуки в зале.

Вельможи опомнились.

Червяк Самыйдлинный сказал:

— Просим голосования вельмож! Пускай решит голосование.

— Голосование! — закричали остальные вельможи.

— Кто за то, чтобы немедленно казнить Кротов, а их имущество и замок поделить между нами? — спросил Червяк.

Все вельможи, без исключения, подняли обе руки.

— Вот так, поклон Радикулит, — сказал Червяк и сел.

Наступила тишина. И в этой тишине послышался голос Радикулита:

— Мы тут посоветовались с мудрецами, — старики в высоких шапках поклонились, — и со вкушецами, — жрецы поклонились, — и решили: ваше требование законно и обычай должен быть соблюден. Так что вам, мои дорогие мальчики-кротики, придется погибнуть.

— Мы будем сопротивляться, — сказал Правый Крот.

— Похвально! — ответил Радикулит. — Вы отважные воины.

— Отдай их мне, господин, — выглянул из шкафа Клоп Небесный.

Алисе хотелось спросить, почему этот человек прячется в шкафу, но спросить было не у кого.

— Конечно, считай, что они твои, — ласково ответил Повелитель.

— Я кину их в пропасть Блаженства.

— Разумеется, — согласился Радикулит. — А теперь мы перейдем к насущным делам.

— Как так? — подпрыгнул в кресле Червяк Самыйдлинный. — А казнить? Сначала казнь!

— Погодите, дорогие мои, любезные поклоны, — сказал Радикулит. — Разумеется, мы их казним. Но не сейчас. Не в день, когда мы выходим в великий и исторический поход. И в этом походе кровожадные Кроты нам очень и очень понадобятся. С их знанием леса, с их умением сражаться! Нет, пускай они погибнут в бою, в первых рядах, пускай они искупят свое преступление кровью на пользу общего дела. А если они случайно останутся живы, мы их убьем сразу после окончания победоносного похода. Разве я не мудро решил?

— Мудро, — криво усмехнулся Червяк. Конечно, он не был согласен с Радикулитом, но, если будешь возражать, получается, что ты выступаешь против общего дела. Поэтому Червяк некоторое время мялся, словно искал убедительные слова, потом махнул худой лапкой и плюхнулся в кресло.

— А пока что, — сказал Радикулит, — покажите мне, что вы

там принесли мне в подарок. А то, когда погибнете, некому будет приносить мне подарки.

И многие в зале захлопали в ладоши, поражаясь мудрости Повелителя.

— Во-первых, мы нашли в лесу и отобрали у пигмеев их главную святыню, за которой тщетно охотятся многие славные мужи, — сказал Левый Крот.

Он махнул рукой. Воины вытащили на сцену мраморную статую и поставили ее. Правый Крот подозвал к себе Алису и тоже вывел ее на сцену.

Радикулит спросил:

— А это акробатка?

— Замечательная акробатка, — сказал Правый Крот, — специально выдрессированная лесными мудрецами и волшебниками, чтобы услаждать ваши глаза, милостивый Повелитель.

— Покажи, — сказал Радикулит Алисе.

— Что показать? — спросила Алиса.

— Что ты умеешь.

Алиса пожала плечами. Лживый и сладкий Радикулит ей не понравился. Впрочем, Алиса чувствовала, что и она Повелителю пришлась не по душе. Так что неприязнь была взаимной.

— Девчонка! — зарычал Правый Крот. — Показывай все, что ты умеешь.

— В ином случае, — улыбнулся Радикулит, — не поздно еще пересмотреть приговор. Почему мы должны откладывать казнь братьев Кротов? Может, сделаем это сейчас? Повеселим наших слуг?

— Конечно! И скорее! — закричали вельможи.

— Если ты думаешь, девчонка, — сказал из зала Левый Крот, — что, когда нас казнят, ты останешься живой, ты ошибаешься. Я всегда успею отрубить твою упрямую голову.

Алиса поняла, что он не шутит. Но одно дело — крутить сальто на берегу вместе с Пашкой, когда это тебе хочется, другое — здесь, на голой пыльной сцене, под взглядами напыщенных индюков. Но что поделаешь?

Алиса разбежалась и сделала сальто. Вышла из сальто в стойку и прошлась немного на руках. Что еще им показать? Она перевернулась, сделала ласточку, потом шпагат и снова сальто.

— И это все? — спросил Радикулит разочарованно.

— Почти все, — ответила Алиса.

— И из-за этого Червяк напал на вас?

— Из-за этого, — сказал Правый Крот.

Повелитель посмотрел на своего советника — старика с чучелом попугая на голове.

— Конечно, это редкий дар, — сказал старик. — Но скорее он подходит для ярмарки, чем для Повелительского дворца.

— И я так думаю, — сказал Радикулит. — Пускай она подождет нашего решения.

— Отдай девочку мне. — Голова Клопа высунулась из шкафа. — Мне она нравится.

— Я сказал — подождем. Есть еще второй подарок.

Один из охранников подошел к Алисе и довольно чувствительно толкнул ее.

— Отойди, не слышала, что ли?

Алиса не стала спорить. Чем дальше от негодяев, тем безопаснее.

— Так, — сказал Радикулит. — А это Белая Дама?

— Так точно, ваша милость, — сказал Правый Крот.

— Таинственная Белая Господинка, богиня пигмеев?

— Она самая.

Радикулит поднялся с зубоврачебного трона, и оказалось, что одно плечо у него выше другого и притом он хромает.

— А что у нее в руках? — спросил он подозрительно.

— Не можем знать, — ответил Правый Крот.

— Мудрецы, — приказал Радикулит, — выскажите свое высокое мнение.

Мудрецы в высоких цилиндрах тут же окружили статую, начали водить по ней пальцами, щелкать, стучать, двое встали на колени и стали вслух, споря из-за каждой буквы, стараться прочесть слово «Читательница» на пьедестале.

— Скорее, дорогие, — торопил Радикулит, — отвечайте. Нам еще многое надо обсудить. Если вы, мои голубчики, будете так долго разгадывать эту простую загадку, придется передать вас в руки вкушецов забвения.

Мудрецы засуетились, сдвинулись в кружок, так что цилиндры касались друг дружки, пошептались, и главный мудрец с длинной, до пояса, раздвоенной бородой сказал:

— Как сказало нам великое знание, учениками и слугами которого мы, господин, являемся, эта Белая Дама, давно потерянная и наконец-то возвращенная, в подлинности которой мы

не сомневаемся, держит в руке священный кирпич, который, по преданию, она заложила в основание храма.

— Но, с другой стороны, — сказал второй мудрец, невежливо отталкивая в сторону своего коллегу, — есть версия, не менее достойная доверия, и она заключается в том, что Белая Дама держит в руках коробку с конфетами.

Алиса снова хихикнула.

— Девочка, у тебя есть своя версия? — ласково спросил Радикулит. — Ты, по-моему, слишком умная.

— У нее в руках книга, — сказала Алиса. — Что же, ваши мудрецы книг не видели?

— Что? Что она говорит, богохульница! — закричал, распахнув дверь шкафа, вкушец Клоп Небесный. — Богиня никогда не падет так низко, чтобы взять в руки это проклятие прошлого — книгу!

— Девочка очень глупа! — сказал главный мудрец.

— А что за буквы у ног этой Белой Дамы? — ласково спросил Радикулит.

— Мы их расшифровали, — сказал белобородый мудрец. — Они означают: «Успокоение».

— Есть другая версия, — сразу же вылез вперед второй мудрец — видно, вечный соперник первого. — Там написано: «Слава Радикулиту, мудрейшему Повелителю».

— Странно, — сказал Радикулит, — неужели богиня знала о том, что я приду править этим миром, надпись-то кажется старой. А ты что скажешь, акробатка?

— Там написано: «Читательница», — сказала Алиса. — Наверное, эта статуя когда-то стояла в библиотеке, поэтому девушка читает книгу.

— Какой ужас! — воскликнули мудрецы. — Она хочет сказать, что женщина могла читать! Таких девочек надо жечь на костре!

— Почему женщина? — спохватилась Алиса, которая перехватила горящий злобой взгляд Клопа из двери шкафа. — Вы же сами говорите, что это богиня. А богиням все можно. И читать тоже.

— Богине можно и читать, — проскрипел Клоп. — Но вот рабыне-акробатке читать не положено.

— Ты в самом деле умеешь читать, мое сокровище? — спросил Радикулит. И в его голосе было столько сладости и столько

угрозы, что Алиса почувствовала, как над ее головой повис топор.

— Нет, — сказала Алиса. — Зачем мне читать! Мне так показалось.

— Вижу, что показалось. Ты лживая девчонка, и мне хотелось бы узнать, чем ты околдовала этих глупых лесных разбойников.

— Я не колдовала. Я прыгала, — сказала Алиса.

— А прыгаешь ты слишком ловко, — сказал Радикулит.

— Отдай ее мне, Повелитель, — проскрипел из шкафа Клоп Небесный. — Я из нее быстро выпытаю правду.

— Это все куда серьезнее, чем вам кажется, — произнес Радикулит, глядя на Алису в упор кошачьими желтыми глазами. — Иди, девочка, подожди, пока дяди и тети будут говорить о своих скучных делах. Потом мы решим твою судьбу.

— Куда идти? — спросила Алиса.

— Тебе покажут, — ответил Радикулит и кивнул старику-советнику.

Тот подозвал пальцем одного из подслушников с привязанными к шапке ушами и что-то тихо приказал ему. Алиса уловила лишь последние слова: «Отвечаешь головой!»

Подслушник цепко схватил Алису за руку и утащил за сцену, в пыльные, темные проходы между ржавых колес и свисающих сверху тряпок. Когда они остались одни, он больно ущипнул ее.

— За что? — спросила Алиса.

— Чтобы знала, где ты. От нас еще никто не уходил живым, — сказал подслушник.

— А я и не убегаю, — сказала Алиса.

Рядом мелькали черные ушастые тени — подслушники охраняли заседание поклонов.

— Иди. — Подслушник толкнул Алису, она споткнулась.

— Ой! — сказала она. — Ногу подвернула.

Алиса села на пол и подумала: «А что он теперь будет делать?»

— Ты где? — спросил подслушник.

— Здесь. Ой, ногу больно!

— Иди!

Подслушник принялся бить Алису ногами, но в темноте не мог попасть, сердился и ругался. Этого Алисе и надо было. Она

схватила его за поднятую ногу и так рванула, что он с писком полетел на пол.

Алиса поднялась, сорвала с его пояса веревку, быстро скрутила ему руки. Чем бы заткнуть рот? Ага, у нее же есть платок. Жалко, конечно, платок, мама вышивала, но для хорошего дела и платком можно пожертвовать. Алиса заткнула хрипящему подслушнику рот платком и, подхватив его под мышки, потащила в сторону от прохода.

И вовремя — зашуршали, зашлепали шаги: со сцены уходили вкушецы и мудрецы. Два подслушника гнали их.

— Скорее, — торопили они. — Давайте отсюда! Нечего вам слушать, о чем разговаривают великие.

Алиса засунула мычащего подслушника за кучу сломанных и сгнивших декораций и сняла с него шапку с ушами.

Шапку она надела себе на голову, потому что уже поняла, что в этой темноте видны только силуэты. А силуэт человека с громадными ушами не вызовет никаких подозрений.

Затем она проскользнула обратно к сцене и остановилась за дырявым задником. Так что теперь она отлично слышала и видела все, что происходило в зале.

Глава 18

БЕГСТВО

— Все? — раздался голос Радикулита. — Лишних нет? Тогда перейдем к делу. Как вы знаете, мы решили пойти большим походом на лесное логово помников. Давно пора их уничтожить. Для объяснений слово предоставляется его Высокому невежеству Клопу Небесному.

Послышался скрип двери шкафа.

— Вылезай, голубчик, вылезай, — сказал Радикулит. — Мы все знаем, как ты трясешься за свою драгоценную жизнь. И понимаем, что у тебя есть на то основания — слишком много людей в мире мечтают, чтобы ты поскорей встретился со смертью.

Послышался смех поклонов, которые, видно, не любили Главного вкушеца.

Снова раздался скрип — Клоп все же вылез на сцену.

— Смертельная опасность нависла над нашим миром! — возопил он. — Грядет гибель, грядет разорение! Вы думаете, что я

сижу в шкафу, потому что труслив? Нет, я отважен. Я первым в молодости поднялся на стены замка кальдонских бунтовщиков, я вступил в бой с драконом Кори, я не побоялся выйти к оборванцам в год малой смуты. Но сейчас я трепещу!

Вкушец закашлялся, и слышно было, как эхо прокатывает его кашель по гулкому пространству театрального зала.

— Если мы не ударим сегодня и не выжжем священным огнем Убежище помников, нам не жить. И погибнет наш славный мир, мир, в котором все довольны, все забывчивы и спокойны. Помники подняли руку на самое святое, что у нас есть, — на детей!

— Смерть помникам! — раздался крик Правого Крота.

— Людоеды! — раздался крик толстой поклонки, которую Алиса видела на реке. — Они пожирают наших крошек!

— Ты права, Коси-косиножка, — согласился Клоп. — Они их пожирают. Но раз уж здесь только свои, я открою вам страшную тайну, которая должна умереть в этих стенах! На самом деле они их не едят. Они их учат читать.

Наступила такая тишина, что у Алисы зазвенело в ушах.

— Читать? — спросил кто-то тихо.

— Читать и писать.

— Но этого не может быть!

— Это и есть их главная цель. Они крадут счастливых, ничего не знающих, живущих в мирном неведении крошек, утаскивают их в свой вертеп и там превращают их в новых помников. Дети уже никогда не вернутся к нам. Они уже не дети, они страшные оборотни.

— Зачем читать? — послышался голос из зала. Спрашивал горбун Таракан. — Зачем читать? Для этого есть мудрецы.

— Сегодня читают сотни помников, завтра их будут тысячи!

— Смерть помникам! — крикнул Червяк Самыйдлинный.

— Смерть! — раздались крики поклонов.

— Тишина! — оборвал крики Радикулит. — Слушайте мой приказ. Поход, запланированный на послезавтра, переносится на завтра. На рассвете мы выступаем.

— Как так? — воскликнула поклонка Коси-косиножка. — Мы совсем не отдохнули с дороги.

— Помники уже пронюхали, — продолжал Радикулит, —

когда мы выступаем. И будут готовы отразить наше наступление. Мы не знаем, на какие коварные хитрости они пойдут.

— Как же они об этом узнали? — спросил горбун Таракан.

— Наивный, — сказал Клоп Небесный. — Разве тебе не понятно? Помники воспитали оборотней, которые умеют читать и готовы свергнуть справедливую власть благородного невежества. Они уже среди нас. Они таятся, они ходят по улицам, они делают вид, что они такие же, как и мы с вами. И они подслушивают, вынюхивают, доносят своим господам... Вот поэтому и переносится поход на завтра.

— А что же твои подслушники и подглядчики, Повелитель? За что они едят хлеб с маслом? — спросила Коси-косиножка.

— Можно увидеть и услышать то, что говорится, — ответил Радикулит. — Но даже мои люди не могут заглянуть в душу каждого из оборотней.

— Но как их отличить? — спросил Червяк Самыйдлинный. — Я их никогда не видел!

— Только мой пронзительный взгляд может проникнуть в душу оборотня, — сказал Радикулит. — И сейчас я вам покажу одного из них.

— Ой, а это не опасно? — ахнула Коси-косиножка.

— Пойманные, они не опасны. Они опасны неузнанные, — сказал Клоп Небесный.

— Голубчики Кроты, — сказал сладким голосом Радикулит, — ответьте мне, только честно, как родному папочке, где вы нашли эту девчонку-акробатку? Ведь вы не учили ее прыгать и кувыркаться. Вы случайно узнали об этом?

— Случайно, — признался Правый Крот. — Мы отбили ее у пигмеев. В лесу.

— В лесу! — сказал Радикулит. — Именно в лесу! Я так и думал. Что же она сказала вам, мои наивные и глупые рыцари?

— Она сказала, что она поклонка из дальних мест, их корабль утонул, и она заблудилась в лесу.

— И вы поверили, глупенькие!

— А кто еще мог быть в лесу?

— А если она помник?

— Нет, — сказал Левый Крот. — Помника я за сто шагов узнаю. Не помник она. И одета не по-нашему. А помники одеты по-нашему.

— Ах, какое умное рассуждение! — пропел Радикулит. — Значит, если ты видишь крота в кошачьей шкуре, то ты думаешь — это кошка. Знаете ли вы, что привели в мой дворец подглядчицу помников, оборотня?

Послышались возмущенные крики поклонов.

«Пора бежать», — подумала Алиса.

— Нет, — сказал Правый Крот. — Быть того не может.

— А мой проницательный взгляд заметил то, к чему вы были слепы. Она прочла написанное у ног статуи!

— Но ведь мудрецы прочли это слово иначе, — сказал горбун.

— А вы им верите? Вы верите этим выжившим из ума старикашкам, которые скажут что угодно, только чтобы подольститься ко мне? Нет, я уверен, что правильно это слово прочла именно та девчонка. Она — оборотень. Она — подглядчица помников. И сейчас на глазах у вас мы будем пытать ее и мучить до тех пор, пока она не сознается в своем ужасном преступлении. Приведите ее!

Старик с попугаем на голове хлопнул в ладоши.

— Подслушники! — крикнул он. — Привести акробатку.

И тогда Алиса поняла, что через минуту здесь начнется такая катавасия, что убежать будет невозможно. И она быстро пошла прочь, спустилась по железной лесенке со сцены и оказалась в неосвещенном коридоре. Навстречу ей бежали два подслушника.

— Не видел акробатку? — крикнул один из них на бегу.

— Ищу, — ответила Алиса, стараясь не ускорять шагов.

Затем она оказалась в каком-то служебном помещении, здесь уже было светлее. Мимо протопали, не замечая ее, несколько стражников. Из зала доносился гул голосов.

— Эй! — раздался крик сзади. — Стой! Ты куда? Туда нельзя.

Перед Алисой была полуоткрытая дверь. Она толкнула ее и оказалась в большой комнате, где была устроена спальня. Громадная кровать под пышным, но рваным и пыльным балдахином была не убрана, на полу валялись подушки, через окно, затянутое выцветшей бархатной занавеской, пробивался луч света.

Женщина в длинном зеленом платье, которая убирала со столика грязные чашки и тарелки, закричала:

— Ты куда, проклятый подслушник! Это же спальня Повелителя!

Но Алиса, не обращая внимания на крик, рванулась к окну. По дороге она опрокинула сундучок, стоявший у кровати. Из сундучка посыпались ветхие, потрепанные книги. «Ага, — успела подумать Алиса. — Все вы лжецы! Конечно же, здешний Повелитель умеет читать!»

Уборщица погналась за Алисой, в дверь вбежал стражник, но Алиса уже откинула занавеску и глянула вниз: метрах в трех от окна — дно театрального двора, заставленного развалившимися декорациями. Алиса смело прыгнула вниз, нырнула за декорацию. И тут же фанерная стенка вздрогнула: в нее вонзилась стрела.

Алиса пробежала узким проходом между стеной театра и какими-то развалинами, перебралась через груды битого кирпича и остановилась. Прямо перед ней была улица. По улице ходили люди, совсем рядом ехала телега, запряженная парой быков. На телеге были навалены вязанки хвороста, а возчик шел по ту сторону телеги, лениво понукая быков.

Алиса медленно шла за телегой, стараясь восстановить дыхание.

Но никто ее не преследовал. Видно, стражники потеряли ее из виду.

Улица была узкой, кое-где в старых домах и между ними разместились лавочки и мастерские. Люди, что шли по улице, были одеты не то чтобы бедно, но как-то неопрятно и скудно.

«Что теперь делать? — спросила сама себя Алиса. — Надо как можно скорее отыскать Ручейка и сообщить ему, что поход перенесли на завтра. Но как искать его в этом совершенно незнакомом Городе? Эврика! Надо найти невольничий рынок, там Ирия и Белка. У кого спросить? Так, чтобы не вызвать подозрения?»

Алиса увидела пожилую женщину, которая вела за руку худенькую, замороженную девочку, а в другой руке несла мешок.

Алиса догнала женщину.

— Простите, — сказала она, — вы не подскажете, как пройти на рынок, где продают рабов?

Круглое доброе лицо женщины исказилось страхом. Она бросила мешок. Девочка заплакала.

— Я ничего не знаю, — запричитала она, — я ничего не помню, я ни в чем не виновата!

— Я вас ни в чем не обвиняю, — сказала Алиса, удивившись тому, что ее испугались. — Я только хотела спросить...

Но женщина, подхватив девочку, уже мчалась прочь.

Алиса оглянулась. И поняла, что улица вокруг опустела. Дверь в лавку, где торговали сандалиями и сапогами, захлопнулась, нищий, что сидел у стены, пополз в проход между домами, кучка мужчин, которые обсуждали что-то интересное, рассеялась.

«Почему они меня боятся?» — подумала Алиса.

Высокий согбенный человек брел по улице ей навстречу. Он нес на плече несколько тонких досок и глядел себе под ноги.

— Простите, — сказала Алиса, — скажите, пожалуйста, как пройти на рынок?

— На рынок, говоришь? — Человек поднял руку, чтобы показать направление, но тут взглядом уперся в лицо Алисы, и у него от ужаса расширились глаза. — Я ни в чем не виноват! Я ничего не говорил! — закричал он и, бросив доски, побежал по улице, высоко поднимая колени.

«Что-то со мной неладно!» Алиса провела руками по груди и бокам. Серое платье, которое дала ей Речка, скрывает комбинезон. Башмаки уже такие грязные, что никто не догадается, что они сделаны на Земле... И тут пальцы Алисы натолкнулись на мягкие полотнища, болтающиеся у щек. Что такое? Алиса не сразу сообразила, что на ней шапка с громадными ушами подслушника. Вот за кого ее приняли! Алиса даже улыбнулась — это еще не самое страшное. Зато она узнала полезную для себя вещь: в этом счастливом государстве, где никто ничего не помнит и все довольны, прохожие смертельно боятся подслушников.

Алиса сняла ушастую шапку и хотела выкинуть ее, но потом передумала. Уши еще могут пригодиться. Она свернула шапку в трубочку и быстро пошла прочь, держа ее в руке.

На следующей улице Алиса встретила мальчишку и уже спокойно задала ему вопрос о рынке рабов.

— Глупая ты, что ли? — спросил мальчишка. — Или нездешняя?

— Я с моим поклоном приехала. Мы вверху по реке живем, — сказала Алиса.

— На помников в поход собрались? — сказал мальчишка. — Только ничего у вас из этого не выйдет.

— Скажи, где рынок, мне некогда.

— Иди прямо, до большой площади, потом свернешь к морю. Там и рынок. Найдешь.

Глава 19

НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Рынок занимал бывший стадион. На вытоптанном пыльном поле стояли шатры и палатки, хижины и навесы. Здесь торговали всякой живностью — от кур и коз до людей.

Алиса боялась, что опоздала и рабов уже распродали. Но еще издали она увидела, что густая толпа окружила высокий помост, на котором стоит кучка понурых пигмеев, а рядом с ними два воина с волчьими мордами на головах.

Алиса протолкалась поближе к возвышению.

Сбоку на помост взобрался Вери-Мери. Он был роскошно одет в расшитую цветами тогу, в руке держал позолоченный посох. И, впервые увидев пигмея снизу, Алиса заметила, что из-под тоги торчат каблуки — деревянные столбики, приделанные к его сандалиям. Столбики были сантиметров по десять. Значит, на самом деле, поняла Алиса, он и среди пигмеев карлик.

Вери-Мери стукнул посохом о доски настила и объявил:

— Целое племя послушных, безропотных пигмеев. За бесценок вы купите себе полон дом слуг, куда более надежных, чем городские рабы.

— Они только и норовят в лес убежать! — раздался голос из толпы.

— А вы их привяжите, — ответил Вери-Мери. — А если на кухне, то и приковать можно. И кормить их недорого. Жрут в два раза меньше нормального человека.

— И ты тоже? — послышался из толпы другой голос.

Вери-Мери не обратил внимания на издевательский вопрос. Он крикнул:

— По большой монете за каждого пигмея! Всего по большой монете! Это почти даром!

— По монете, еще чего не хватало! — крикнул оборванец, стоявший рядом с Алисой. — Они дохнут как мухи.

Вери-Мери посмотрел вправо. Алиса, встав на цыпочки, увидела, что там, у самого помоста, стоят несколько человек, одетых побогаче прочих.

— По одной монете, — повторил Вери-Мери. — Кто больше?

— Даю по монете за мужчин, — послышался голос справа.

— Две монеты, — толстяк в синей тоге поднял два пальца.

«Где же Ирия?» — Алиса постаралась еще поближе пробиться к помосту, но ближе второго ряда лезть не стала — не хотела, чтобы ее заметил Вери-Мери или воин Сук.

— Две монеты, кто больше? — кричал Вери-Мери. — За идеальных слуг, за послушных рабов. Их можно бить, над ними можно издеваться, они слова в ответ не скажут!

Могучий мужчина, обросший светлой шевелюрой и густой бородой так, что на лице осталось место только для кончика курносого носа и голубых глаз, поднял три пальца.

— Три монеты, кто больше?

Никто не поднимал цену.

Торг был окончен. Вери-Мери дал знак воину Суку, тот начал по одному подгонять перепуганных пигмеев к краю помоста, бородач принимал каждого из них, отсчитывал три монеты и ждал следующего.

«Зачем такая длинная процедура? — подумала Алиса. — Ну подсчитал бы всех, сложил...» — И тут она вспомнила, что на Крине умеют считать только до десяти — сколько пальцев на руках. А уж складывать и вычитать никто не умеет.

— Следующая партия! — закричал Вери-Мери. — Знаменитая красавица дальних стран! Сам бы ее купил, но не хватит денег!

По ту сторону помоста засуетились воины, Алиса видела, как покачиваются волчьи головы. Потом над ними поднялась золотая встрепанная голова Ирии. И вот она всходит на возвышение, спокойная, гордая, словно ее ведут не в рабство, а на трон. Ирия подобрала тяжелые железные цепи и выпрямилась.

По толпе прошел вздох удивления.

— Чего заковали? — раздался голос из толпы. — Может, она ведьма? Или психованная?

— Ни в коем случае! — ответил Вери-Мери. — Она здоровая и сильная. Она годится по хозяйству или в жены богатому человеку. А закована она, потому что еще дикая, неприрученная.

Пять золотых монет — это гроши за такую драгоценную покупку.

И Вери-Мери поднял вверх руку с растопыренными пальцами.

Первым откликнулся изысканный, завитой, с подведенными бровями щеголь.

— Рука и палец! — крикнул он.

— Она тебя искусает! — крикнули из толпы.

«Какие странные люди, — подумала Алиса, — это для них развлечение. Как в театр пришли».

Ирия, обводя взором толпу, увидела Алису. Она чуть улыбнулась. Алиса приподняла ладонь. Ирия отвернулась — боялась подвести девочку. А у Алисы сразу исправилось настроение: «Теперь Ирия знает, что я здесь, теперь мы вместе!»

— Рука и палец — один! — крикнул Вери-Мери.

— Рука и два пальца! — отозвался молодой воин в высоком шлеме.

— Рука и два пальца. Кто больше? — воскликнул Вери-Мери. — Неужели эта прекрасная работница, эта женщина, которая будет работать на кухне за десятерых, не стоит двух рук?

— Рука и три пальца! — сказал щеголь.

В толпе шумели. Торг покупателей всех увлек.

И тогда бородач с голубыми глазами, который уже купил пигмеев, сказал высоким голосом, что так не вязался с его могучим обликом:

— Две руки!

— О-о-ох! — прокатилось по толпе. Видно, это была высокая цена.

Молодой воин достал кошель, висевший у него на поясе, и пересчитал монеты.

— Две руки и одна! — крикнул он.

Вери-Мери обернулся к щеголю:

— Что скажешь, торговец благовониями?

— Она не стоит и одной руки, — огрызнулся тот.

— Две руки и две монеты, — сказал громко бородач.

— Проклятие! — Воин повернулся и начал проталкиваться сквозь толпу, чтобы поскорее уйти.

— Возьми свою покупку, — сказал Вери-Мери. — Ты не пожалеешь. Ты купил за бесценок лучшую женщину в государстве. Только не советую пока снимать с нее цепи. За них с тебя дополнительно половина монеты.

Алисе бородач понравился. Ей очень хотелось надеяться, что его подослал Ручеек.

— За цепи я тебе платить не буду, — сказал бородач. — Можешь их оставить себе. Я умею укрощать строптивых рабынь. Но могу дать тебе монету за оставшихся пигмеек. Там только женщины и детеныши. За них тебе никто ничего не заплатит.

— Как так не заплатит? — возмутился Вери-Мери. — Из детенышей вырастут замечательные ручные забывчивые рабы. А женщины нужны в хозяйстве. Я отдам тебе их за руку монет.

— Две монеты и цепь.

Сторговались на трех монетах.

Бородач поднялся на помост, взял у воина Сука ключ от цепей и освободил Ирию. Алисе было видно, какие темные полосы остались от цепей у нее на запястьях. Бедненькая, как она все это терпела! Ирия сошла с помоста следом за бородачом, осторожно растирая руки.

Алиса услышала, как бородач спросил:

— Больно или онемели?

— Онемели.

— Дома у меня травы есть, — сказал бородач. — Потерпи.

Из-за помоста воины вытолкали женщин и детей пигмеев. Они жались друг к дружке, плакали.

Вери-Мери стоял и пересчитывал деньги. Алиса заметила, что он считает по десятку, загибая пальцы. Насчитал десять, половину кинул в кошель. Потом оглянулся, не смотрит ли кто-нибудь на него, и пять монет ссыпал в карман.

Пигмейки увидели своих мужей и кинулись к ним. Видно, уж не надеялись, что когда-нибудь с ними встретятся. Шум поднялся такой, что перекрыл гул толпы, которая отваливала от помоста, растекалась по полю стадиона, стремилась к трибунам, где расположились торговцы пирожками, требухой и фруктовой водой.

Крики пигмеев не понравились Вери-Мери.

— Эй, борода! — крикнул он. — Уводи их поскорей!

— Не твое дело! — ответил бородач.

Наконец-то Алиса увидела и Белку. Белка вырвалась из толпы пигмеев и кинулась к Ирии.

— Ирия, я так боялась! — бормотала она, обнимая ее.

— Отойди! Молчи! — сказала Ирия.

Алиса не слышала этих слов, а угадала по движению губ.

Но было поздно. Алиса заметила, как насторожился Вери-Мери. Он тоже увидел, как Белка обнимает Ирию.

Бородач прикрикнул на своих новых рабов:

— Пошли, пошли, нечего тут кудахтать!

Широко расставив руки, он погнал их перед собой.

— Эй! — крикнул вслед Вери-Мери. Он сделал движение вперед, начал было спускаться с помоста. Потом передумал и, приставив ладошку ко лбу, стал приглядываться к Белке, что семенила рядом с Ирией.

Тут к нему подошел воин Сук и спросил:

— Где деньги для господ?

— Сам отдам, — ответил Вери-Мери.

Он сбежал с помоста и исчез в толпе.

Алиса настигла бородача и Ирию у прохода под трибуной. Там был фонтанчик с водой. Пигмеи окружили его и жадно пили. Бородач торопил их.

— Пошли, дома напьемся, наедимся, — говорил он. — Потерпите немного.

Голос у него был добрый.

Алиса не стала подходить близко к Ирии. Рано еще. Нужна осторожность. Ведь ее, Алису, ищут по всему городу подслушники и воины Радикулита. К тому же ее беспокоил хитрый Вери-Мери: а вдруг он узнал Белку?

Толпа рабов с бородачом во главе вышла на улицу и направилась в гору. Алиса не спешила их догонять. Она остановилась за углом и посмотрела назад: не бежит ли Вери-Мери? Нет, никого. У ворот стадиона снуют люди, ржут кони, мычат коровы, плачут рабы, но никто не идет за бородачом.

Толпа рабов шла медленно, бородач лениво покрикивал на пигмеев. Белка совсем осмелела, она держала Ирию за руку и безостановочно болтала. С крутого поворота Алиса посмотрела назад — наступал вечер, море стало густо-синим, а небо выцвело, и по нему ползли золотистые облака.

Минут через десять бородач остановился перед высоким каменным забором. В нем была деревянная дверца.

Глава 20

В ОСАДЕ

Пашка пронесся по коридору, выскочил в детскую спальню, опрокинул кровать, выбежал в столовую... Вот и комната, где, прижавшись к стене, отбиваясь здоровым крылом, несчастная Альта пытается отпугнуть еще одного медведя, который пролез сквозь разбитое окно и, поднявшись на короткие лапы, медленно идет к птице.

— Не выйдет! — закричал Пашка.

Выставив вперед ножницы, как кинжал, он бросился на медведя.

И тот, хоть был куда больше и сильнее Пашки, от неожиданности закрыл морду лапами и задом наперед вывалился из комнаты.

— Он ничего не сделал? — спросил Пашка птицу.

— Я думала, что ты убежал, — сказала Альта.

— Ну как не стыдно!

— Тогда беги. Спрячься где-нибудь. Пережди. Меня тебе не спасти.

Медведь вернулся к оконному проему и заглянул внутрь. Желтые глазки его яростно горели. Он рычал низким басом.

Пашка подобрал с пола камень и кинул в медведя. Медведь, обиженно взревев, исчез.

— А теперь, — сказал Пашка, — мы отступим. Я знаю, где спрятаться. Вы можете идти?

— Я постараюсь, — сказала птица. — Только это лишнее. Не думай обо мне.

— Молчите, вы и так ослабели, — сказал Пашка.

Птица поднялась на ноги и поплелась к двери в столовую. Пашка шел сзади, сжимая в одной руке ножницы, в другой — увесистый камень. Увидев, что добыча уходит, медведь снова полез в окно.

Но его возможные жертвы уже были в другой комнате.

Когда Пашка решил, что они без помех доберутся до кухни в подвале, еще один медведь преградил им дорогу. Птица от страха присела и замерла.

Пашка кинул камень. Медведь даже не обратил внимания, он был крупнее и злее первого.

Пашка оглянулся. Никакого оружия! А ножницы не помогут: пока дотянешься ими до шкуры зверя, он тебя разорвет.

Но Пашка не сдавался.

— Стойте! — крикнул он птице и поднял детскую кровать — к счастью, она оказалась крепкой и не развалилась. Пашке было тяжело, но он закрылся кроватью как щитом, выставив вперед ее ножки.

Такого медведь не ожидал. Прежде чем железное четырехногое чудище набросилось на него, он ретировался. Дорога в подвал была открыта.

Пашка подождал, пока Альта спустится в подвал. Затем перекрыл дверь кроватью, подтащил к ней кухонный стол и тоже привалил к дверному проему.

За дверью ворчал медведь, стараясь сообразить, как преодолеть это препятствие.

— Полежите, вам надо отдохнуть, — сказал Пашка птице, переводя дыхание.

— Ты отважный рыцарь, — сказала птица. — Если мы когда-нибудь выберемся отсюда, я расскажу всем о твоем мужестве.

— Вот это лишнее, — ответил Пашка, хотя ему, честно говоря, было приятно слышать похвалу.

Медвежья морда показалась в окошке под потолком подвала. К счастью, окошко было невелико и медведь мог только облизываться, глядя на птицу.

— Так сидеть бессмысленно, — сказал Пашка. — Сколько мы продержимся?

— Нас ищут, — сказала птица. — Наши никогда не оставят нас в беде... Но они не знают, где искать, они думают, что мы погибли в лесу.

— Значит, надо дать им знать, — сказал Пашка.

— А как?

— Надо разжечь большой костер, — сказал Пашка. — Так, чтобы ваши друзья увидели этот сигнал.

— А как зажечь костер? — спросила птица. — И где?

— Не знаю, — отмахнулся Пашка. — Главное — принять решение. Как его выполнить — дело второе.

— Ты мудрый, — согласилась птица. — Считай, что мы приняли решение. Что дальше?

— Дальше надо думать, — сказал Пашка, расхаживая по комнате.

Он остановился у окошка и погрозил медведю кулаком. Медведь взревел, стараясь протиснуться в узкое отверстие. Пашка кинул в него кастрюлю. Медведь взревел еще громче. Кастрюля грохнулась на пол и покатилась между столов.

— Как зажигают огонь? — рассуждал Пашка вслух. — Для этого добывают спички. Спичек я не вижу, и вряд ли они сохранились. Можно достать кремень и трут. Я их тоже не вижу. Можно достать увеличительное стекло. Где его достать? Видел! Там же стоит микроскоп! Если вынуть из него увеличительное стекло, потом разложить костер...

— Но где этот микроскоп? — спросила птица.

— Он там, наверху.

— Но наверху звери.

— Правильно. Они скоро уйдут.

— Не знаю. Может быть, и не уйдут, — сказала птица.

Настроение у Пашки чуть упало. Нелегко будет добраться до медпункта, разобрать микроскоп, сложить костер, зажечь его... но все-таки положение уже не безнадежно.

Рассуждая так, Пашка не переставал исследовать кухню. И его труды не пропали даром. За грудой ржавых кастрюль, битых тарелок, ящиков с консервными банками, за жестянками со сгнившими специями он заметил небольшую дверь.

«Склад» — было написано на ней.

Пашка начал отваливать мусор, чтобы проникнуть туда. Ведь на складах случаются интересные находки.

Большой паук отпрыгнул в сторону, когда Пашка потащил какой-то мешок, но Пашка не испугался — некогда было.

Дверь на склад открылась с большим трудом. Там было темно. Стояли какие-то ящики. Пашка ножницами открыл первый из них — труха. Второй — какая-то ссохшаяся грязь. Он перемазался, закашлялся от пыли. Ничего на этом складе нет. Вот груда простыней, их лучше не трогать — все равно рассыплются. Вот ящик с резиновыми мячиками... Вот ящик с какими-то длинными круглыми цилиндрами. Поверх них лежит загнутая с одной стороны трубка.

— Пашка! — раздался крик Альты. — Он здесь!

Пашка сразу бросился обратно.

И точно, один из медведей все-таки свалил кровать и лез в подвал.

Пашка бросился обратно, выволок ящик с тяжелыми пла-

стиковыми мячами и принялся метать их в хищника. Тот опять отступил.

Пашка потащил к двери плиту. Он чуть не надорвался, тем более что медведь навалился на плиту с той стороны и не давал поставить ее на место.

К счастью, медведю надоело толкать плиту и он отступил.

Пашка свалился на пол. Сил больше не было. Выход один: все же прорываться в медпункт. Но как это сделать, когда медведи не собираются уходить?..

— Сейчас, — сказал он птице. — Сейчас, я отдохну немного.

— Конечно, отдыхай, — сказала птица. — Что же теперь еще делать?

Пашка посмотрел наверх. В окошко он, пожалуй, пролезет. Но там поджидает медведь. Попробовать? Сейчас он отдохнет немного и попробует...

Глава 21

ДОМ КОШМАРА

Бородач достал ключ и отпер калитку. Пигмеи послушно зашли внутрь. Ирия с Белкой вошли последними. Калитка уже закрывалась, когда Алиса, со всех ног добежав до нее, втиснулась в щель.

— Это я! — крикнула она. — За нами никто не следил!

Бородач совершенно не удивился. Он протянул Алисе руку и представился:

— Меня зовут Вепрь. Я твой друг.

— Я знаю. Меня зовут Алиса.

Бородач запер калитку на засов. Белка прыгала вокруг совсем как маленькая девочка и кричала:

— Алиса, Алиса пришла! Молодец Алиса! Ручеек побежал тебя спасать, а ты сама пришла!

— Я в тебе не сомневалась, Алиса, — сказала Ирия.

Алиса осмотрелась. Они стояли в густом, заросшем саду. Дорожка, устланная каменными плитами, вела к веранде, на полу которой было разложено множество вывесок. Окруженный ими, в глубокой задумчивости сидел в кресле седобородый мудрец в высокой шляпе, которого Алиса видела в театре.

— Ой! — сказала Алиса. — Тише, он нас услышит.

— Ничего, — сказал Вепрь. — Идите за мной. Господину всемудрому Кошмару не до нас. Он думает.

Они обогнули дом.

С его задней стороны были пристроены каменные сараи. Из открытой двери одного из них тянулся дымок, такой вкусный, что пигмеи оживились и начали поглядывать на бородача. Одна пигмейка, похрабрее, дернула его за рукав и, когда он обернулся, сунула палец себе в рот.

— Ваш намек понял, — сказал бородач.

Он повел пигмеев в тот самый сарай. В сарае стоял длинный стол, за ним сидели на длинных скамьях три пигмея и хлебали из больших мисок похлебку.

— Эй, Моро-Пари, — сказал Вепрь, — я тебе новых друзей привел. Завтра ночью переправляем их в лес. Сегодня накорми их как положено. Потом все объяснишь. Ты знаешь как.

— Слушаюсь, мастер, — сказал молодой пигмей, который стоял у большого бака с поварешкой в руке.

Пигмеи толпой кинулись в сарай, начали расхватывать тарелки и строиться в очередь к Моро-Пари.

Тот принялся кричать на них на пигмейском языке, чтобы установить порядок.

А бородач провел Ирию, Алису и Белку по узкой наружной лесенке наверх, в небольшую комнатку, пристроенную к стене дома над кухней. Там стояли кровать, два стула и низкий столик. В комнате было чисто.

— Садитесь, отдыхайте, друзья, — сказал Вепрь. — Сейчас я принесу целебной мази для Ирии.

Когда они остались одни, Алиса спросила:

— Когда вернется Ручеек? У меня для него важные новости.

— Он тебя ищет.

— Это опасно. За мной гонятся подслушники.

— Что ты натворила? Что ты натворила? — спросила Белка. — Ты кого-нибудь убила?

— Нет, не убила, — улыбнулась Алиса. — Но узнала тайну, которую они очень хотели сохранить.

— Это хорошо, что не убила, — сказала Белка. — А то мои братья всегда кого-нибудь убивают.

— А кто этот бородач? — спросила Алиса.

— Он управляющий в доме главного мудреца.

— Он помник?

— Самый настоящий, — сказала Ирия.

— Ты не бойся, он добрый, — сказала Белка. — Я в людях разбираюсь.

— Как странно, — сказала Алиса. — Мы в доме мудреца. А я его видела в театре, то есть во дворце Радикулита, и он мне совсем не показался мудрецом. А ты очень волновалась?

— Ирия совсем не волновалась, — заявила Белка. — Ведь Ручеек сказал, что все будет в порядке. Ты просто не представляешь, какой он смелый, наш Ручеек. Он любого стражника победит. И даже Вери-Мери.

— Да, кстати, — сказала Алиса. — Мне кажется, что Вери-Мери тебя узнал.

— Не мог он меня узнать, — ответила Белка. — Я от него все время отворачивалась. Я волосами лицо закрывала.

— Почему ты так подумала, Алиса? — спросила Ирия.

— Он так поглядел вам вслед... помнишь, когда Белка к тебе кинулась?

— Это могло показаться ему странным, — сказала задумчиво Ирия.

— Но он за вами не следил, — сказала Алиса. — Я специально отстала и смотрела.

— Ему и не надо было следить, — сказала Ирия. — Он наверняка знал, что нас купил управляющий всемудрого Кошмара.

— Ну и имена у них! — вздохнула Алиса.

— Конечно, — согласилась Ирия. — Мудрец выбрал себе самое красивое.

Вернулся бородач. Он принес склянку с мазью и чистую тряпочку.

— Не бойтесь, — сказал он. — Это лесное средство. Нас научили им пользоваться пигмеи. Они знают травы.

Алиса взяла у него банку, набрала мази на тряпочку и протерла раны Ирии. Ирия иногда морщилась, но терпела. Белка, которая уже полюбила ее, вмешивалась, давала советы и говорила под руку. Но Алиса не сердилась. Белка была доброй, только плохо воспитанной.

— В городе шум, подслушники с ног сбились, — сказал бородач. — Твоя работа, Алиса?

— Моя. А Ручеек где?

— Будем надеяться, что скоро придет. А что случилось?

— Я узнала...

И в этот момент дверь растворилась и в комнату заглянул Ручеек. Запыхавшийся, пропыленный, усталый...

— Алиса! — воскликнул он. — Ты здесь! Какое счастье! Как же ты добралась?

— Ничего особенного, — сказала Алиса. Она взяла со стола шапку с ушами и натянула ее на голову. — Узнаешь? — спросила она.

— Подслушник!

И Алиса рассказала о том, что услышала и узнала в бывшем театре.

Когда Алиса завершила свой рассказ, Ручеек сказал:

— Новости, которые ты принесла, такие важные, что я не знаю, как тебя благодарить.

— Глупости, — сказала Ирия. — Без твоей помощи мы могли погибнуть.

— Хорошо, — сказал юноша. — Мне нужна лошадь, Вепрь.

— Это очень трудно. И лошадь сейчас добыть нелегко, а выбраться из Города еще труднее. Ты же знаешь, что все ворота закрыты, на причалах дежурят солдаты. Они очень боятся, что известие о начале похода вырвется из Города.

— Что же делать?

— Можно попробовать уплыть на лодке. У меня есть люди среди рыбаков. Но грести против течения нелегко. И все равно потом придется идти пешком.

— Что делать? Что делать? — Ручеек ходил по маленькой комнате, ломая пальцы.

— Не волнуйся так, — сказала Белка. — Ты станешь старый.

— Значит, так, — произнес бородач, — когда солнце сядет, ты переберешься через стену. Мой человек проводит тебя до деревни — это часа три быстрой ходьбы. Деревня стоит в начале лесной дороги. Там тебе дадут коня... Правда, я не знаю, остались ли у них кони — всех коней в последние дни отняли для армии.

— Это единственный выход, — сказал Ручеек.

— Может, подождем Пашку? — спросила Алиса. — Он, наверное, уже добрался до Гай-до.

— И чем он нам поможет?

— Он прилетит на Гай-до и всех перепугает.

— Я незнаком с вашим Гай-до, но не уверен, что они испу-

гаются. Не думай, что они такие уж суслики. Среди поклонов немало отчаянных разбойников, которые насмотрелись в лесах и в горах таких чудовищ, что еще одно их не остановит. Они верят лишь в силу своих мечей.

— Я думаю, — сказала Ирия, — что мне лучше пойти с Ручейком.

— Нет, не лучше, — возразил бородач. — Здесь вы в безопасности. А пользы от вас в лесу никакой. Да и выбраться из Города у Ручейка куда больше шансов, чем у такой красавицы, как вы.

Если Ирия и не согласилась с Вепрем, то она ничем этого не показала. Она понимала, что здесь она — гостья и должна подчиняться друзьям.

— Хорошо, — коротко ответила она и взглянула в окно.

Алиса прочитала ее невысказанные мысли: где же Пашка? Почему от него до сих пор нет вестей?

— Не будем терять времени, — сказал бородач. — Прощайся, Ручеек.

— Я с тобой, — заявила Белка.

— Я иду в лес. Я иду быстро, — сказал Ручеек.

— Что же, я леса, что ли, не знаю? — спросила Белка.

— Я мужчина.

— А я поклонка!

— Ты глупая девчонка, а не поклонка, — сказал Ручеек. — К тому же я иду в лесное Убежище, а там живут страшные помники, которые крадут и едят детей.

— Не боюсь я твоих помников, — возразила Белка. — Тоже мне, испугал! Что я, не знаю, что ты сам помник и Вепрь помник? А вы приличные, не деретесь.

— Я тебя обязательно возьму с собой. В следующий раз, — сказал Ручеек. — Я обещаю.

— Конечно, бросишь и забудешь.

— Слушай, Белка, — сказал твердо юноша, — я не из тех, кто забывает. Я никогда ничего не забываю. Я клянусь тебе лесом и великим знанием, что вернусь к тебе и возьму тебя с собой.

— Навсегда?

— Навсегда.

— Тогда иди и скорей приходи обратно.

— А нам что делать? — спросила Алиса.

— Пока я не вернусь, вы можете ходить по саду и по дому, — ответил бородач.

— Но там же ваш Кошмар!

— Не обращайте внимания на него. Он, как и все мудрецы, уже столько раз терял память, что ничего не помнит. Он никогда ничему не удивляется. Если будет скучно, можете поговорить с ним. Я вернусь через час.

Ручеек вслед за Вепрем вышел из комнаты.

— Увидишь Пашку, скажи, что мы его ждем! — крикнула вслед Алиса.

— Скажу! — послышалось в ответ.

Глава 22

ФЕЙЕРВЕРК В ЛЕСУ

Выглянув наружу после того, как отразил очередной приступ упрямых тупых медведей, Пашка с удивлением заметил, что тени деревьев стали длиннее. Куда делся целый день? Пашка и не заметил, как он прошел. Хотя, честно говоря, жутко устал.

От усталости и напряжения Пашка отупел. Он ощущал, как медленно движутся в голове мысли... Сейчас надо снова встать, снова выбраться наружу через окошко, снова убежать от медведя... Там медпункт. Разобрать микроскоп... Но в медпункте дверь и большое окно, и медведи снова не подпустят его к микроскопу.

Рядом тихо стонала Альта. Видно, ей было совсем плохо.

А мысли продолжали тянуться, как кисельная пенка.

Надо вынуть стекло, пройти в медпункт... Там на столе расписание праздника. Будут танцы, будет фейерверк... Что такое фейерверк? Это когда стреляют ракетами и в воздухе горят разноцветные огни.

— Ура! — закричал Пашка и вскочил.

Птица от неожиданности вжалась в угол, даже медведь, что следил за ними сквозь окошко, отпрыгнул.

Раскидывая кастрюли, Пашка кинулся на склад.

— Что случилось? — спросила вслед Альта.

Из склада донесся шум, грохот, потом раздался треск, и птица увидела, что сквозь дверь склада прорвался на кухню ос-

лепительный красный свет. Она в ужасе закрыла глаза. Когда она открыла их, то увидела, что из дверей склада тянется густой белый дым, а в дыму, отчаянно кашляя, стоит счастливый Пашка, держа в одной руке изогнутую трубку, а в другой — несколько круглых длинных цилиндров.

— Что? Что случилось? — крикнула Альта. — Ты жив?

— Фейерверк! — закричал Пашка. — Сейчас мы им устроим такой фейерверк, что они запомнят его на всю жизнь! И внукам расскажут! Закройте глаза!

Альта послушно закрыла глаза и не видела, как Пашка вложил в трубку цилиндр и нажал кнопку. Ослепительный сноп искр вырвался из трубки и ударил прямо в морду медведю.

Оглушенный и ослепленный медведь отскочил от окна и помчался, ревя, в лес.

— Видишь?

Птица открыла глаза. Подвал был полон дыма, дышать было трудно. А Пашка прыгал в этом дыму, смеялся и размахивал трубкой.

— Но что это? Что? Скажи, — умоляла перепуганная Альта.

— Как говорил наш друг Ручеек? — спросил Пашка. — А он говорил: «Надо читать!» Только грамотные люди могут стать господами мира! А неграмотным дикарям — стыд и срам!

— Я не понимаю, — простонала птица.

— Я догадался. Если они хотели устроить фейерверк для детишек, но не успели, то ракеты где-то должны сохраниться? Где? На складе. А что я видел на складе? Ящик с цилиндрами. На ящике надпись: «Огнеопасно». А что, если, подумала моя гениальная голова, та изогнутая трубка и есть ракетница? Все гениальное просто! Теперь мы спасены! Я разгоню ракетами всех медведей и прочую нечисть. Я спокойно, как царь природы, пойду к медпункту, выну лупу из микроскопа, разожгу костер, и пусть только кто-нибудь попытается мне помешать!

С этими словами Пашка, рассовав ракеты по карманам, направился к двери и решительно оттащил в сторону плиту и кровать.

Медведь, что дежурил за дверью, радостно заворчал, полагая, что обитатели подвала решили сдаться ему на съедение.

— Глядите на торжество просвещения! — воскликнул Пашка, отступая назад и целясь в зверя из трубки.

Он нажал на кнопку. На этот раз сноп зеленых искр осветил

подвал нереальным, мертвенным светом, а рев убегающего медведя был слышен, даже когда он умчался километра за два.

— Сидите спокойно, — сказал Пашка Альте. — Я пошел разбирать микроскоп и разводить костер.

— Погоди, — сказала птица, — ты, конечно, гениальный мальчик. Но можно глупой птице задать тебе вопрос?

— Валяйте, — ответил Пашка.

— А там много этих самых ракет?

— Больше сотни.

— А может быть, и не надо разводить костер?

— Почему? А как же нас заметят?

— А если эта штука, которую ты называешь ракетницей, может посылать цветной огонь высоко в небо, это ведь лучше, чем дым от костра?

Пашка задумался. Ему было не очень приятно сознавать, что птица права, но в конце концов Пашка улыбнулся и сказал:

— Что ж, даже гениям свойственно ошибаться.

Он вышел на поляну перед домом, поднял ракетницу вверх и выстрелил.

Ракета звездой взлетела высоко над вершинами деревьев. Даже при свете заходящего солнца было видно, как в невероятной высоте она рассыпалась красными искрами.

Альта, прихрамывая и волоча крыло, тоже выбралась наружу.

— Я уверен, — сказал Пашка, — что если они не увидят наш сигнал днем, то вечером увидят обязательно.

— Я думаю, что мои собратья уже летают над лесом, — сказала Альта.

— А тебе что здесь надо? — Пашка снова увидел в листве морду медведя, который не смел подойти ближе. Желтая ракета, как раскаленное пушечное ядро, унеслась к кустам, и визг медведя был доказательством тому, что выстрел угодил в цель.

— Эй! — крикнул Пашка. — Друзья! На помощь! — И он снова выстрелил в небо.

И как бы в ответ на его крик над прогалиной белыми облачками появились две птицы.

— Это они, — сказала Альта. И заплакала.

Никогда еще Пашке не приходилось видеть, чтобы птица плакала. Он даже растерялся. Вдруг он почувствовал, что ноги его не держат, и сел прямо на траву.

Глава 23

ВЕЧЕР С МУДРЕЦОМ

Алиса подошла к окну. Ручеек и бородач спустились по лестнице и поспешили к дверце в ограде сада.

Вечерело. Солнце скрылось за откосом горы, южные деревья стали фиолетовыми в тени и золотыми под лучами уже невидимого солнца. Моря из окна не было видно, но присутствие его чувствовалось в воздухе, в освещении, в движении ветра.

— Пошли посмотрим, как живут мудрецы, — предложила Алиса.

— Может, все же разумнее остаться здесь? — сказала с сомнением Ирия.

— Пойдем, я не могу столько времени сидеть в комнате. Нам ведь разрешили, — вмешалась Белка.

Втроем они спустились в залитый сумраком сад. Там под навесом на циновках спали пигмеи. Они обошли дом и вышли к веранде.

Мудрец Кошмар был не один. Он сидел в кресле, а рядом с ним стоял второй мудрец. Его Алиса тоже видела в театре.

Оба с умным видом рассматривали вывески и надписи, разложенные на полу.

Алиса поднялась на веранду.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Наше почтение, — ответили хором мудрецы. И тут же снова обратили свои взоры к вывескам.

— Вы собираете коллекцию? — спросила Алиса.

Мудрец Кошмар не ответил, зато второй оглянулся и радостно улыбнулся.

— Новое слово! — сказал он. — Коллекция! Каково его значение?

— Это собирание разных большей частью никому не нужных вещей, — сказала Алиса.

— Очень красивое слово. Его надо запомнить. Я его дам какой-нибудь знатной поклонке.

Алиса между тем рассматривала вывески. Их явно собирали по всему Городу. Были там и маленькие, лаконичные вроде: «Посторонним вход воспрещен», «Без стука не входить». Была большая, красивая, правда сильно потертая вывеска: «Булочная-кондитерская». Была золотая пластинка с черной надписью: «Директор». Были там названия улиц, «Остановка автобуса» и даже: «Не влезай — убьет!» Алиса так и не догадалась, куда нельзя влезать и кто убьет.

— Вы их читаете? — спросила Алиса.

— Шшш! — Второй мудрец приложил палец к губам. — Слово «читать» запрещено в нашем государстве. Мы их изучаем и расшифровываем. Но не читаем.

— А жалко, — сказала Алиса. — Такие красивые надписи.

— Какая самая красивая? — спросил вдруг мудрый Кошмар.

— Вот эта, — сказала Алиса, показав на небольшую табличку, явно из зоопарка, на которой было написано: «Хищников кормить воспрещено».

— А мне больше нравится вот эта, — сказала Белка, показав на табличку с надписью: «Детское питание».

Табличка эта и в самом деле была очень красивой. На ней были изображены скрещенные бутылочки и погремушка.

— А мне эта надпись не нравится, — сообщил Кошмар. — Я бьюсь над ее расшифровкой уже который год. Я понимаю, что она говорит о том, что пить молоко запрещено. Но почему?

— Нет, — сказала Алиса. — Там написано: «Детское питание».

— Глупая версия, — сказал второй мудрец. — Я давно уже разгадал эту надпись. Она означает: «Запрещено сражаться на бутылках!» В древние времена это был очень распространенный вид спорта.

— Ну зачем гадать, — сказала Алиса, — если можно прочесть? Вот видите эту букву? Что она означает?

— Это не буква, — сказал Кошмар, — это рисунок.

— Это буква «Д», — сказала Алиса.

— Мой друг, не слушай ее, — сказал второй мудрец, — я подозреваю, что мы имеем дело с помницей.

— Я ее не боюсь, — сказал Кошмар, — но попрошу уйти, потому что она мешает нам плодотворно мыслить. Она разрушает спокойную научную дискуссию.

— Но почему бы вам не научиться читать? — упорствовала Алиса. — Вы бы тогда стали вдвое мудрее.

— Высшая мудрость... — Кошмар поднял к небу палец, — заключается в том, чтобы все знать, но ничему не учиться.

— Слушайте, как мудро говорит мой коллега! — воскликнул второй мудрец.

— Учиться — это значит запоминать, — продолжал Кошмар. — Что может быть опаснее этого заблуждения? Что может быть страшнее для судьбы счастливого государства, где никто ничего не помнит и не знает?

— А почему вы боитесь знания? — спросила Ирия.

— Потому что... потому что мы боимся вкушецов, — признался Кошмар.

Вдруг он вздохнул и добавил:

— Я подозреваю, что когда-то я умел читать.

— И что?

— Ничего.

— Моего друга трижды лишали памяти, — сказал второй мудрец. — Вернее всего, за дело.

— А вас лишали?

— Может быть, — устало улыбнулся мудрец. — Но я не помню. Я вообще себя помню только с прошлого лета. Вы не представляете, как рискованна жизнь мудреца. Всегда есть опасность, что ты нечаянно научишься читать. И тогда — наказание. Вкушецы этого не прощают.

— Поэтому настоящая мудрость, — воскликнул Кошмар, — это ничего не знать, но обо всем судить! Да здравствует мудрое невежество!

— Да здравствует! — согласился второй мудрец.

Но тут же, таясь и от Алисы, и от своего коллеги, нацарапал камешком на перилах веранды букву «Д». И губы его шевельнулись.

«Запомнил», — подумала Алиса.

Она хотела сказать об этом Ирии, но не успела. Она почувствовала, что за ними кто-то следит.

Над забором торчала голова Вери-Мери.

Увидев, что Алиса обернулась, пигмей тут же исчез.

— Он здесь! — сказала Алиса. — Выследил!

— Кто выследил? Где? — всполошился второй мудрец.

— Вас не касается, живите спокойно, разгадывайте.

Она сбежала с веранды и поманила за собой Ирию и Белку.

— Там Вери-Мери! — прошептала она.

Белка тут же бросилась к калитке, распахнула ее и выглянула наружу.

— Никого нет, — сказала она. — Может, это тебе показалось?

— К сожалению, мне не показалось, — вздохнула Алиса.

К ним подошел второй мудрец.

— Я не хочу беспокоить моего коллегу, — сказал он, — но я вижу, что вы не подслушники, а эту девочку я узнал, ее сегодня хотели убить. Так что я могу быть с вами предельно откровенен. А если вы на меня донесете, то я скажу, что ничего вам не говорил.

— И что вы хотите сказать? — спросила Ирия.

— Мы, молодое поколение мудрецов, уже многое понимаем. И, может быть, в чем-то по большому счету вы правы — в том, например, что касается знания. Но как только мы признаем знание, значит, мы окажемся где-то, как-то в одних рядах с помниками. А это недопустимо.

— Боитесь вкушецов?

— И не только это, — сказал мудрец. — Наш счастливый мир незыблем, потому что не меняется. И к нам, к мудрецам, идут, потому что мы единственные, кто знает то, чего не знает никто. Поэтому нас уважают и ценят, мы придумываем все названия, а нам за это дают красивые дома и одежды. А если мы научимся читать, то станем самыми обыкновенными помниками и нас придется лишить памяти. Вы меня понимаете?

— Я ничего не поняла, — сказала Белка.

— А я кое-что поняла, — сказала Алиса. — Но должна сказать вам под большим секретом, что Повелитель Радикулит умеет читать и у него в спальне есть книги.

— Молчите! — закричал мудрец и присел от страха.

— Молчу, — согласилась Алиса, мысли которой сейчас были заняты совсем другим.

Мудрец наклонился к Алисе и прошептал:

— У меня тоже есть книга. И мне очень хочется ее прочитать.

И мелкими шажками, так и не отняв пальцы от губ, он убежал обратно на веранду.

— Давайте вернемся в комнату, — сказала Ирия. — Расскажем обо всем Вепрю. Он лучше нас знает, что делать.

У лесенки их догнал веселый молодой повар Моро-Пари и сказал:

— Если голодные, я накормлю. Правда, все остыло.

— Спасибо, — сказала Ирия.

Они зашли на кухню. Моро-Пари налил им холодной похлебки.

Похлебка была вкусной, крупяной. На длинном столе, отшлифованном локтями, стояла свечка. Было уютно, как на даче вечером. Вокруг свечи кружились маленькие оранжевые мотыльки. Слышно было, как в саду под навесом ворочаются, сопят пигмеи. Издалека донесся удар колокола.

— Ночная стража, — сказал Моро-Пари, принеся всем по кружке молока. — Что-то Вепрь пропал. Но вы не бойтесь, он вернется.

Из сумеречной сини на пороге кухни возник пигмей.

— Госпожу Белку зовут, — сказал он.

— Кто зовет? — удивилась Белка. — Никто не знает, что я здесь.

— Один человек, говорит, что у него для тебя важные новости.

— Это от Ручейка! — вскочила Белка.

— Ручеек не может передавать тебе новости, — сказала Алиса. — Он все скажет через Вепря.

— Этот человек ждет близко за домом, — сказал пигмей и растворился в кустах, подступающих к дверям кухни.

— Я пошла, — сказала Белка. — Это Ручеек. Я точно знаю.

Белка выбежала из кухни.

Ирия поднялась.

— Мне это не нравится.

— Я боюсь, что это штучки Вери-Мери, — сказала Алиса, тоже поднимаясь.

Они быстро вышли из кухни. В саду уже было темно, хотя небо было светлым, зеленоватым и лишь самые яркие звезды появились на нем.

Тихо.

Они дошли до угла. Остановились, прислушиваясь. С веранды доносилось бормотание мудрецов. Потом от забора из чащи послышался тихий голос:

— Нет, пойдешь! Пойдешь добром, иначе мы всех возьмем.

— Я сейчас закричу! — Это был голос Белки.

— Закричишь — будет хуже. Тогда твои дружки попадут в яму беспамятства. Ты этого хочешь?

— Нет, я не пойду! Я боюсь тебя! Ты противный.

— Привыкнешь. Госпожа Сороконожка тоже сначала спорила, потом смирилась.

Короткий крик... Треск кустов... Шум борьбы...

Ирия бросилась к забору. За ней — Алиса.

Два темных тела боролись на фоне белой каменной стены. Алисе показалось, что она видит сцену в театре теней.

Плотный, крепкий, почти квадратный Вери-Мери зажимал рот Белке, другой рукой держал ее за горло.

— Нет, пойдешь! — шипел он. — Не шуми! Если твои прибегут, им же хуже будет.

Но договорить он не успел.

В следующее мгновение он валялся в траве. С Ирией шутки плохи.

Алиса подхватила падающую Белку.

— Не бойся, — сказала она, — мы с тобой.

Зашуршали кусты, из них выглянул второй мудрец. Его голова в высоком цилиндре сокрушенно закивала при виде этой сцены. Он произнес:

— Ничего не вижу, ничего не слышу — в этом высшая мудрость.

И исчез.

Вери-Мери с трудом поднялся. В полутьме его глаза сверкали ненавистью.

— Ты за это поплатишься, — пробормотал он, вытирая окровавленную губу. — Ты выплачешь это оскорбление горючими слезами.

Белка заплакала:

— Он такой страшный, такой противный! Я не хочу с ним идти!

— Не бойся, никуда ты не пойдешь, — сказала Ирия. Она возвышалась над Вери-Мери, как громадная статуя прекрасной богини над бешеным индюком. — И Вери-Мери никому никогда не расскажет, что он здесь видел.

— Расскажу. Теперь-то наверняка расскажу, — ответил Вери-Мери. — Ты посмела поднять руку на советника великих поклонов, на самого богатого человека в столице, на будущего барона Крота.

— А мне все равно, кто ты. Я знаю только одно: если ты хоть пальцем тронешь Белку, тебе не жить. Ни здесь, ни в лесу, ни в небе.

— Кто ты такая, чтобы указывать мне? — храбрился Вери-Мери.

— Я госпожа с далекой звезды, — сказала Ирия. — Я живая богиня неба. За мной стоят могущественные силы Вселенной, и не тебе, жалкий работорговец, грозить мне.

Ирия так замечательно играла свою роль богини, что Белка замерла в страхе и удивлении и даже у Алисы мурашки побежали по коже.

— Я видел тебя в цепях, — ответил Вери-Мери. — Ты не смогла их снять. Я видел тебя на помосте для рабов, и тебя продавали как скотину. Я не верю тебе, женщина.

— Потом будет поздно, — сказала Ирия. — Если ты хочешь сохранить свою жалкую, подлую жизнь, уйди отсюда тихо, забудь, что видел. И когда времена изменятся, а они изменятся скоро, ты сохранишь жизнь. Иначе я не могу тебе обещать даже этого.

Голос Ирии и ее уверенность в себе произвели впечатление на карлика. Но ему так не хотелось расставаться с добычей...

— Почему же ты таишься, почему скрываешь беглую девушку из рода кровожадных Кротов? В чем твоя сила?

— Вери-Мери, — вмешалась Алиса, — я даю тебе честное слово, что Ирия прилетела с далекой звезды. Я знаю, я была вместе с ней. И я даю честное слово, что ее власть бесконечна по сравнению с властью твоих вкушецов и твоего Радикулита.

— Но ты меня тоже пойми, — Вери-Мери с облегчением обернулся к Алисе. Наверное, потому, что разница в росте между ними была не так велика. — Я тоже человек, у меня тоже есть чувства. Одни меня не любят, другие боятся, ибо власть моя тайная. Но я давно люблю эту девушку. Я мечтаю о ней. Я ночами не сплю, думая о Белке. Вот, например, прошлую ночь совершенно не спал... Подумайте о чувствах немолодого человека! Я согласен жить с ней в шалаше, хотя, должен сказать, у меня скоплены скромные средства. Увидев Белку в Городе, где ей грозят опасности, я обезумел. Я хочу одного: отвести ее в безопасное место, охранять ее и беречь...

Обильные слезы заблестели в полутьме, стекая по толстым щекам пигмея.

Алиса растерялась.

Не очень приятно смотреть, как плачет взрослый мужчина.

— Я не верю ему! И ты не верь. Не верь, Алиса! — Голос Белки развеял гипноз.

— Я не лгу! — ответил пигмей. — Я уйду сейчас. Но при одном условии: вы будете охранять Белку так, как охранял бы ее я. Я не появлюсь здесь до тех пор, пока вы не позволите. Но я буду охранять этот дом, эту улицу...

— Разумно, — сказала Ирия. — Больше того, мы заплатим тебе за молчание.

— Заплатите? Вы хотите оскорбить меня деньгами?

— Да, — сказала Ирия, — хотим. Сколько тебе нужно? Мешок золота?

— Мешок? А большой мешок?

— Такой, чтобы ты не смог унести, — сказала Алиса. — У нас в школьном музее килограммов на триста самородков есть. Мне дадут.

— Вы поражаете меня своей щедростью!

— А сколько тебе надо, чтобы вообще забыть о существовании Белки?

— Я не смогу ее забыть. Никогда! — Вери-Мери задумался. — Два мешка, — сказал он решительно.

— Тогда уходи немедленно.

— А золото?

— Золото, когда Белка будет в безопасности.

— Мне нужны гарантии, — сказал Вери-Мери. — Я деловой человек. Я привык никому не верить. Даже богиням с далекой звезды.

— Сейчас ты получишь гарантии, — раздался голос. Оказывается, вернувшийся Вепрь неслышно подошел к ним и слышал окончание разговора. — Ты кончишь свои ничтожные дни в страшных мучениях!

Бородач протянул руку к Вери-Мери, но тот с потрясающей ловкостью кинулся прочь, перевалился через забор и исчез из глаз.

— Как неладно получилось, — сказал Вепрь. — Упустили.

И тут же из-за забора послышался голос Вери-Мери:

— А три мешка можно?

— Можно, — поспешила ответить Алиса.

— Если три мешка, я молчу, — ответил голос из-за забора. — Прощай, Белка, прощай, моя любимая!

В тишине было слышно, как стучат по мостовой деревянные каблуки карлика.

— Зря мы его отпустили, — сказал Вепрь. — Может, догнать?

— Поздно, — сказала Белка. — Он этот Город знает лучше всех. Он уже спрятался.

— Будем надеяться на его жадность, — сказала Ирия.

— Конечно, лучше бы вам уйти, — вздохнул Вепрь, — но сейчас идти некуда. Город полон подслушников. Ищут помников. К тому же пропали единороги Кротов.

— Как пропали?

— Их не нашли в конюшне. Может, они сами сорвались и убежали, потому что не хотели жить в Городе, но, вернее всего, их кто-то украл. В Городе творится что-то несусветное.

— Что с Ручейком? — спросила Белка. — Он жив?

— Он уже далеко, — сказал Вепрь. — Если он достанет лошадь, то доберется до Убежища к середине дня. А теперь спать, спать, спать. С рассветом я постараюсь перевести вас в более безопасное место. А когда из столицы уйдут войска, мы переправим вас в лес.

Они поднялись наверх, в комнату. Белка упала на кровать и сразу заснула, а Ирия и Алиса долго отвечали на бесконечные вопросы бородача. Ему хотелось узнать о Земле, о космосе, о других мирах. И только когда ударил колокол полуночной стражи и обе луны поднялись высоко в небо, Вепрь пожелал гостям спокойной ночи и сказал, что разбудит их с первыми лучами солнца.

Ирия и Алиса улеглись на полу, на шкурах, потому что больше места в комнате не было.

Глава 24

УБЕЖИЩЕ ПОМНИКОВ

Пашка долетел до города помников на другой птице — ее звали Алиной, она приходилась Альте двоюродной сестрой. Алина была птицей веселой, вздорной и все время пела. Алина уже знала о Пашкином героизме и невероятной сообразительности — Альта все рассказала птицам, которые видели ракеты, запущенные Пашкой. Она очень гордилась тем, что несет на себе не обыкновенного мальчика, а героя с другой планеты. Из-за этого она то и дело оборачивалась и спрашивала:

— Вас не беспокоит? Может, лететь пониже?

Вторая птица — ее имени Пашка не запомнил — осталась с Альтой ждать, пока из города помников пришлют за раненой птицей повозку. Там же остались и оба человека, что прилетели на птицах. Это были совсем подростки, похожие чем-то на Ручейка, серьезные, задумчивые. Кожаные куртки и штаны сидели на них, как рыцарские латы. Они уже знали, что Ручеек встретился с землянами, но не ожидали, что Пашка полетит на Альте. Больше всего они поразились целому ящику ракет. Пашке пришлось потратить несколько минут, чтобы убедить их, что ракеты — это не страшное оружие, а развлечение.

Алина летела быстро, внизу все так же тянулся лес, в одном месте из него высунулось несколько фабричных труб. Между трубами поднимались голубые дымки, и слышно было, как что-то скрежещет и позвякивает в развалинах, заросших деревьями и лианами.

— Плохое место, — сообщила Алина. — Мы туда не летаем. Это был завод. И теперь он работает.

— Как так работает? — не понял Пашка.

— Никто не знает как. И никто не знает, кто там живет. Мы летали, смотрели — ни одного человека. А работает. Так бывает?

— Не знаю, — сказал Пашка, — может быть.

Затем пошли болота. Пятна яркой зелени перемежались с купами кустов, хилыми осинами, проплешинами рыжей воды. Кое-где над болотом поднимался пар.

— Смотри! — сказала Алина. — Какой большой!

Пашка увидел дракона. Самого настоящего дракона. Он лежал в жиже, иногда взмахивал бронированным хвостом, отмахивался от слепней. Две головы спали по уши в грязи, третья была на страже. При виде пролетавшей Алины голова дракона поднялась, раздула ноздри и пыхнула дымом.

— Как в сказке! — крикнул Пашка.

— Попадешь ему в зубы, будет действительность, — ответила Алина.

Они миновали болота, пролетели над пустошью, через которую протянулся железнодорожный путь без начала и конца. На рельсах стоял поезд — три вагона без паровоза, окна выбиты,

стенки проржавели и потеряли цвет. Из одного окошка высунулся по пояс голый человек, замахал желтой тряпкой.

— А это кто?

— Это бе-пе, — сказала Алина. — Он здесь живет, думает, что едет в гости. Его никто не трогает, даже подкармливают.

Снова пошел лес, только был он не такой мрачный и высокий.

Пашка углядел стадо коров, которые бродили между деревьев.

— Скоро мы будем дома, — сказала Алина.

Внезапно показался город помников. Они летели над расчищенной от зарослей улицей. По ней шли два человека, несли на носилках груду камней. Улица уперлась в ров, в котором блестела вода. За рвом начинался высокий вал, насыпанный недавно, он даже не успел зарасти травой. На валу трудились люди. Они подсыпали, укрепляли его. Один из них замахал рукой, приветствуя Алину.

— Это мой друг, — сказала птица. — Его зовут Дротик.

— Очень приятно! — крикнул в ответ Пашка. — А зачем вал? Защищаться от поклонов?

— Нет, поклоны еще не нападали. От зверей, от лесной нечисти, от разбойников. Нас многие хотят убить. Или ограбить.

Убежище помников было невелико: несколько улиц, очищенных от зарослей. Отремонтированные каменные дома окружали небольшую площадь. Там, перед трехэтажным домом с колоннами, и опустилась Алина.

К ней поспешила худая пожилая женщина с добрым узким лицом, в простом сером платье. Следом шел молодой человек в шортах, с лопатой в руке, словно он только что копал землю, но увидел птицу и оторвался от своего дела.

Женщина удивилась при виде Пашки — она ожидала увидеть Ручейка.

— Вы кто? — спросила она настороженно.

— Я все сама расскажу, — сказала Алина. — Это наш маленький герой.

— Простите, — сказал Пашка. — Ничего страшного не случилось. Ручеек жив. Он просил меня передать вам вот это...

Пашка достал из кармана плетеную косичку и передал женщине.

Та взяла плетенку и вопросительно поглядела на птицу.

— Можно, я буду петь? — спросила Алина. — Подвиги, совершенные нашим гостем, настолько велики, что их нельзя рассказывать прозой.

— Как хочешь, — сдержанно сказала женщина.

Пашка понял, что она предпочла бы выслушать его, но не могла обижать птицу.

А та распелась! Пашке казалось, что она описывает их путешествие уже целый час. Ему хотелось вмешаться и попросить прощения — уж очень птица преувеличивала его заслуги, — но женщина и молодой человек с лопатой слушали Алину внимательно, а когда та наконец закончила и завела руладу без слов, женщина сказала Пашке:

— Не удивляйтесь, Паша. Наши друзья — птицы Альтосы — очень привязаны друг к другу. И если вы спасли жизнь одной из них, можете быть уверены, что все птицы будут петь о вас гимны. Но я вижу, что в послании Ручейка говорится о тревожных вещах. Можете ли вы добавить что-нибудь новое?

— Постараюсь, — сказал Пашка.

— Тогда пройдемте со мной в штаб.

Женщина поблагодарила Алину, которая не слышала благодарности, так как была очарована собственным пением. Женщина пошла в дом. Пашка и молодой человек последовали за ней.

— Значит, вы с другой планеты? — спросил молодой человек.

— Вот именно, — сказал Пашка. — Мы ищем наших друзей, которые живут у вас.

— Да, к сожалению, они попали в плен к духам беспамятства. И мы не можем им помочь. Но в остальном они здоровы. Мы о них заботимся.

— Первым делом, — сказала женщина, — вам, Паша, надо умыться. Копье, — обратилась она к юноше, — будь любезен, покажи гостю, где он может помыться.

Когда Пашка привел себя в порядок и вернулся в комнату, на столе уже стояла большая кружка с молоком и лежала буханка хлеба.

— Наша еда покажется вам скромной, но мы живем небогато, — сказала женщина.

— Это замечательная еда! — ответил Пашка. — В последний раз я ел тысячу лет назад.

Он отхлебнул теплого парного молока, это было самое вкусное молоко, которое ему приходилось пить в жизни.

— Простите, — сказал он с набитым ртом, — я не знаю вашего имени-отчества.

— Меня зовут Учительница Зарница. А что такое отчество? Это имя отца?

— Конечно.

— Мы забыли многие слова, — сказала женщина. — Кто был мой отец, я не знаю. Когда я была маленькой девочкой, меня продали в рабство, наши люди выкупили меня и привезли сюда.

— Сколько же лет существует ваше Убежище?

— Уже больше ста лет, — сказала Зарница.

Пашка с трудом дожевал хлеб и допил молоко.

— Я вижу, что вы хотите спать, — сказала Зарница, — но, пожалуйста, постарайтесь еще немного потерпеть. Нам очень важно знать, как готовятся наши враги к походу.

— Разумеется, — ответил Пашка.

И он начал рассказывать обо всем, что видел за последние два дня.

Во время рассказа вошел кругленький, подвижный, совсем лысый пигмей в белом халате. Зарница представила его как доктора Хруста, физика и врача Убежища.

Когда Пашка кончил свой доклад, глаза у него слипались. Но он все же нашел в себе силы попросить Зарницу:

— Можно, я встречусь с моими друзьями?

— Конечно, можно, — ответила женщина. — Только они вас не узнают.

— А вдруг? Я с ними давно знаком. Ведь не может быть, чтобы люди все забыли.

— Может быть, — вздохнула Зарница.

Они вышли из большого дома. Возле него стояла лошадь, запряженная в кузов старого автомобиля. Шин на колесах не было, и потому, когда этот экипаж поехал по улице, трясло так, словно катишься по стиральной доске. А это особенно чувствительно человеку, который только что выпил литр молока и съел буханку хлеба.

Пашка оглядывался по сторонам.

Честно говоря, он ожидал от города помников большего.

Кое-где улица шла между расчищенных от развалин кварта-

лов. Потом тянулись груды камней, руины больших зданий, переплетение проводов и арматуры...

— У нас не хватает пока людей и сил, чтобы все привести в порядок, — сказала Зарница, заметив удивление Пашки. — Но со временем мы обязательно отстроим наш город.

Они миновали ржавый остов автобуса, опрокинутый помятый киоск, фонарный столб, привалившийся к стене... На некоторых домах сохранились вывески, напоминавшие о прошлой жизни.

Уже совсем стемнело. Улицы были освещены редкими керосиновыми фонарями. Прохожих почти не было.

— Вы так и не догадались, что здесь произошло? — спросил Пашка.

— Наш главный учитель, профессор Разум, обещал на днях сделать сообщение, — сказала Зарница. — Он уже несколько месяцев работает в архиве Собрания наук, который мы раскопали в прошлом году. А пока мы знаем только то, что жизнь на нашей планете оборвалась неожиданно. Люди бросили свои дела, остановились заводы, машины и поезда; самолеты, что летели в небе, упали и разбились, в столовых люди оставили недоеденные блюда, корабли теряли путь к гавани, и их выбрасывало на берег... Что это было за бедствие, никто не знает.

— Даже самые старые старики?

— Даже самые старые.

— Но ведь здесь живут подолгу, — сказал Пашка. — Наши друзья с Атлантиды улетели триста лет назад.

— Теперь мы живем не так долго, — ответил профессор Хруст. — Может, сорок-пятьдесят лет. Вот мне, например, тридцать пять...

— Погоди, — оборвала пигмея Зарница, — о каких друзьях с Атлантиды ты говоришь, Паша? Кто улетел от нас триста лет назад?

«Конечно же, — спохватился Пашка. — Она ничего не знает!» И Пашка даже расхотел спать, так напряженно слушали его жители Крины. Он рассказал им о том, как они с Алисой отыскали забытую экспедицию с Крины на дне Тихого океана.

Но он не успел кончить рассказ — они доехали до места назначения. Там, рядом с глубокой ямой, в которой работали археологи, раскапывая подвалы научной библиотеки, стояло приземистое здание с узкими окнами. Когда-то в нем был склад.

Теперь же в подвалах освободили место для тех ценностей, что помникам удалось найти или раскопать за последние сто лет. Они старались сберечь каждую крупицу знаний.

В одном из подвалов, в большой комнате, устланной мягкими коврами, Пашка нашел своих друзей.

Лучше бы он не видел их! Страшно было войти в комнату и увидеть, что капитан Полосков сидит за столом и, придвинув к себе лист бумаги, рисует на нем крестики и нолики, всклокоченный механик Зеленый мрачно бродит из угла в угол и повторяет: «Это хорошо не кончится», Тадеуш лежит, задрав ноги, на широком диване и равнодушно смотрит в потолок. В углу, прижавшись друг к другу, дремлют два старика — Посейдон и Гермес, а Афродита сидит на полу и пытается напоить Алисину старую куклу чаем из кружки... И страшнее всего, что никто из них тебя, Пашку Гераскина, не хочет узнавать.

— Здравствуйте! — громко сказал Пашка, в глубине души надеясь, что земляне и криняне, увидев его, бросятся к нему с объятиями и это недоразумение разрешится.

Но ничего подобного не произошло. Капитан Полосков поднял голову, посмотрел на Пашку равнодушно и снова принялся рисовать. Механик Зеленый произнес, глядя в угол:

— Жду больших неприятностей.

А Тадеуш даже не повернул головы.

Пашка на какое-то время буквально потерял рассудок. Он бегал от человека к человеку, тряс каждого, кричал:

— Ну что же это? Вы меня не узнаете? Я же Пашка Гераскин! Ваш друг. Вы меня помните? Вы Алису помните?

Потом он кинулся к Тадеушу, дергал его за рукав и повторял:

— Ирия здесь! Она прилетела. Ты понимаешь, твоя Ирия здесь!

— Ирия? — Тадеуш удивился. Он осторожно освободил свой рукав из Пашкиных пальцев и повторил: — Ирия? Странное имя.

— У тебя есть дочь, Вандочка! Она живет под Вроцлавом.

— Я не знаю никакой Вандочки! — вдруг рассердился Тадеуш. — Не мешайте мне думать.

И он отвернулся к стене.

Пашка готов был разреветься.

— Не расстраивайтесь, — сказала Зарница. — Вы этого

раньше не видели, а для нас, к сожалению, это обычное дело. Мы потеряли таким образом много друзей.

— Но почему? Почему?

— В лесу осталось немало колодцев и котловин. Люди считают, что там живут духи беспамятства. Если человек туда попадает, он все забывает.

— А потом?

— А потом? Мы их лечим.

— Как?

— Мы все начинаем сначала. Мы показываем им разные вещи и просим запомнить! Мы учим их есть, пить, одеваться, мы подсказываем им забытые слова. Постепенно человек становится нормальным. Для него начинается новая жизнь. Он может накопить новую память, но никогда уже не вспомнит то, что было раньше.

— Какая ужасная болезнь!

— Хотите, Паша, посмотреть, как их учат? Только учтите, это не очень приятное зрелище.

— Хочу, — упрямо сказал Пашка.

В комнату вошла женщина. Она катила перед собой столик, на котором стояла тарелка с пирожками. Она остановилась посреди комнаты. Люди в комнате оживились. Афродита первой подбежала к столику.

— Дай! — закричала она.

— Подожди, — сказала женщина. — Сначала ты должна сказать мне, сколько будет один и один.

Женщина показала Афродите два пальца.

— Не знаю, не помню, хочу кушать!

— Сначала скажи, — настаивала женщина.

— Я скажу. — Полосков поднялся и подошел к столику. — Это будет два.

— Вот как хорошо, умница! — сказала женщина. — Возьми пирожок. А как тебя зовут?

Полосков жадно жевал пирожок. Паша смотрел на него с состраданием. Полосков потерял свой мундир, он был в брюках, но босиком.

— Я не помню, — сказал Полосков.

— Простите, Паша, — услышал Пашка голос пигмея Хруста. — Я хочу, чтобы вы продиктовали мне имена и род занятий наших больных. Это может быть полезно при лечении.

И Пашка, стараясь не смотреть и не слышать, как женщина учит беспамятных, продиктовал пигмею имена и занятия всех больных... Больных ли? Ведь они не знают, что заболели. Они думают, что все в порядке.

— А потом мы учим их работать, — сказала Зарница. — Они могут освоить простые занятия.

— Мы увезем их как можно скорее, — сказал Пашка. — Если это вирус или что-то подобное, наши ученые найдут противоядие.

— Это было бы замечательно! — сказала Зарница. — Если вы сможете привезти это противоядие нам...

— Первым делом! — заверил ее Пашка, будто он и был тем ученым, который вот-вот придумает противоядие. — До свидания, — сказал он своим друзьям.

Но никто из них не ответил. Они смотрели на столик с пирожками, им было не до Пашки.

Когда вышли из подвала и остановились под фонарем у экипажа, Пашка отказался идти спать.

— Поймите, — горячился он, — в лесу стоят два космических корабля. Один из них — Гай-до, мы сможем поднять его в воздух, если перенесем на него с «Днепра» контейнер с гравитонами. Так что сейчас о сне думать некогда. Пора в путь.

Сказав так, он вдруг почувствовал, что ноги у него словно ватные.

Зарница ответила, что она очень благодарна Пашке за такое самопожертвование, но не может ему этого разрешить, ведь каждому человеку надо отдыхать. Особенно после опасных приключений.

Мимо пробежала стайка ребятишек. Они были бедно одеты, но веселы и говорливы. При виде Пашки они остановились как вкопанные. Слух о том, что в городе появился героический мальчик-инопланетянин, уже распространился во все концы.

— Можно получить ваш автограф? — спросила худенькая большеглазая девочка, протягивая Пашке дощечку, покрытую воском, и тонкую палочку.

— Конечно, — сказал Пашка, — пожалуйста.

Он взял палочку и, пока расписывался на твердом скользком воске, увидел, что к нему тянутся еще десять рук с такими же досками.

— Сейчас, — сказал он и почувствовал, что глаза у него закрываются.

— Дети, спать! — сказала Зарница. — Наш гость еще побудет в городе. А сейчас ему надо отдохнуть. Он очень устал, сражаясь с медведями.

Доктор Хруст взял Пашку под руку.

— Мой дорогой друг, — сказал он мягко, — я предлагаю пройти ко мне в дом, это совсем рядом, за углом, и несколько минут поспать.

— Но только несколько минут, не больше, — согласился Пашка.

Он не помнил, как дошел до дома профессора Хруста, как добрался до низкой короткой кровати, заснул и проспал десять часов.

Глава 25

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Алиса проснулась от того, что ее кто-то позвал.

В комнате царил голубой рассвет. За окном громко пели птицы.

— Алиса! — снова раздался отчаянный крик.

Алиса увидела, как Ирия рывком села на постели.

По лестнице застучали шаги.

Кто это? Бородач? А где Белка?

От сильного удара дверь рухнула внутрь, и комната мгновенно наполнилась вооруженными вкушецами. Несколько кинжалов нацелились в Алису и Ирию. В прорезях лиловых чадр сверкали злобные глаза.

— Вниз! — приказал один из вкушецов. — Быстро!

В саду кишмя кишели вкушецы и подслушники. Они врывались в комнаты, вытаскивали оттуда вещи, что-то искали, перекликались, ломали кусты, из кухни, гремя, вылетали кастрюли и тарелки, под навесом жались толпой пигмеи.

Ирию и Алису потащили вокруг дома. На веранде два вкушеца вязали мудреца Кошмара.

— Я ничего не знаю! — кричал он. — Ничего не видел. Я ни о чем не спрашиваю. Это мой жизненный принцип.

— Сейчас мы покажем тебе жизненный принцип.

Один из вкушецов выволок из внутренней комнаты сундук и раскрыл его. Он начал выбрасывать оттуда многочисленные вывески и куски бумаги, исчерченные корявыми знаками, — плоды деятельности мудреца.

— Не смейте! — кричал Кошмар. — Это моя мудрость!

Тут Алиса увидела Вери-Мери.

Он стоял в сторонке рядом с толстым вкушецом. Он был возбужден, покрикивал на воинов.

— Ищите! — повторял он. — Она должна быть здесь! Она не могла убежать!

— Так вот как вы держите слово! — сказала Алиса.

— А я ничего от вас не получил, — ответил, улыбаясь, Вери-Мери. — Неужели думаешь, я поверил в ваши обещания? Я сам кому хочешь могу мешок золота обещать.

И он было засмеялся, но тут же его лицо снова собралось в кулачок.

— Ищите! — крикнул он.

Мудреца подтащили к предателю и поставили рядом с Алисой.

— Вы можете подтвердить, что я вас никогда не видел? — спросил он Алису. — Это для меня жизненно важно.

Среди гама и треска ломаемых стульев Алиса услышала тихий голос, который звал ее. Алиса подняла голову: в ветвях большого дерева затаилась Белка.

— Не бойся за меня! Я позову помников, — прошептала она.

Мудрец поднял голову, проследил за взглядом Алисы и спросил:

— А кто там прячется?

— Нет, — сказала Алиса, отводя глаза от дерева. — Вы ее не знаете.

— Вот именно, — сказал Кошмар. — Незнание — высшая форма знания.

Вери-Мери был взбешен. Он бегал по комнатам, но Белку найти не смог.

Наконец вкушецам надоело обыскивать дом, который они уже полностью разграбили. Они повели пленников на улицу. У ворот Алиса в ужасе замерла.

Там поперек дорожки лежал мертвый бородач, рядом с ним повар Моро-Пари. В руке Вепря был зажат меч.

Вери-Мери мстительно сказал Алисе:

— Допрыгались! Сопротивлялись при аресте. Это у нас карается смертью.

Тут же он подбежал к толстому вкушецу, который командовал нападением, и сказал:

— Давайте их пытать. Сейчас. Они скажут, где она прячется.

— Не вмешивайся в высшие дела правосудия, пигмей, — сказал, напыжившись, вкушец. — Кто ты такой, чтобы направлять наши действия?

— Я стараюсь, — сказал Вери-Мери. — Я сам вас сюда привел. Вы же обещали, что в обмен на преступников я получу рабыню Белку.

— Если ее нет, я не могу тебе помочь, — сказал вкушец. — Ищи ее сам.

Он приказал вести пленников к большой повозке, на которой стояла клетка. Пленников затолкали в клетку. Алиса выглянула наружу — ей показалось, что листва на большом дереве колышется.

Мудрец дергал Ирию за рукав и повторял:

— Вы обязаны подтвердить, что я не имею отношения к вашим ужасным преступлениям.

— К каким преступлениям?

— Неважно, — сказал мудрец. — Был бы преступник, преступление у нас всегда найдется. А я чист, я в жизни не прочитал ни одного слова.

Повозка со скрипом двинулась по улице. Вери-Мери, злой, нахохленный, опухший от бессонной ночи, шагал рядом.

Он крикнул Алисе:

— Хотите остаться живыми, скажите, где Белка!

— Мы с вами даже разговаривать не хотим, — ответила Алиса.

— Вы не представляете, какой ужасной будет ваша гибель. Это хуже, чем смерть. Куда хуже.

На перекрестке повозка и ее охрана остановились. По большой улице шли войска. Ждать пришлось довольно долго.

Зрелище войска, выступающего в поход, было внушительным и в то же время, с точки зрения современного человека, смешным.

Вот верхом на быке, разукрашенном желтыми и черными полосами, видно, для того, чтобы больше походить на тигра, едет Червяк Самыйдлинный. Его худые ноги волочатся по зем-

ле. За ним нестройной толпой шагают воины с копьями и луками.

Затем шестерка коров тянет катапульту.

Вот и сам Радикулит Грозный. Его несут на золотых носилках восемь воинов. Он сидит в своем любимом зубоврачебном кресле, и собравшиеся вдоль улиц зеваки кричат от восторга, видя такое богатство. За носилками шагают закованные в панцири телохранители, у каждого на плече сидит стервятник. Широким кольцом окружив носилки, семенят подслушники, хлопая матерчатыми ушами.

Вот и близнецы Кроты. Они мрачны как тучи, они бледны как смерть. Еще бы! Им приходится выступать в поход верхом на оленях. Бородач не ошибся — единороги исчезли. А может, единороги, жители вольного леса, не хотели воевать?

Топали солдаты горбуна Таракана, пели боевые песни воины госпожи Коси-косиножки, стучали копыта, ревели быки и коровы, развевались флаги и вымпелы. Оркестранты били в барабаны и дудели в деревянные трубы.

Наконец последний солдат миновал перекресток, толпа загудела — внимание зевак переключилось на повозку.

Мальчишки бежали за ней, крича:

— Ура! Сегодня будет казнь!

— Я не теряю надежды, — простонал мудрец, — что это недоразумение разрешится и меня оправдают. В конце концов для казни достаточно и вас, вы как думаете?

Алиса так не думала, поэтому ничего не ответила.

Повозка остановилась возле красного собора.

— Что здесь было раньше? — спросила Алиса у мудреца.

— Когда-то здесь была водокачка, — ответил мудрец.

— А вы откуда знаете? Вы ведь ничего не помните.

— Разумеется, не помню, — согласился мудрец. — И вообще я все путаю.

Клетку с пленниками на веревках втащили внутрь красной водокачки. Там было прохладно, сквозь дыры в крыше проникали утренние лучи солнца. Громко ворковали голуби.

С другой стороны открылась широкая дверь и выехала низкая платформа, на которой стоял резной шкаф. Дверца шкафа приоткрылась, и оттуда высунулась голова в чадре.

— Наконец-то! — раздался радостный голос Клопа Небесного. — Все здесь! И девчонка-акробатка, и дикая женщина, и

даже мой старый друг мудрец Кошмар. Я рад приветствовать вас в моем храме!

— Ваше Святое Незнание! — воскликнул мудрец, подползая к прутьям клетки и дергая их. — Это недоразумение! Я спал и, как всегда, не видел никаких сомнительных снов. И вдруг меня привезли сюда. Я сначала решил, что намечена плодотворная дискуссия с вашим Незнанием по поводу некоторых букв алфавита, но оказалось, что меня обвиняют в укрывательстве опасных преступников. Защитите меня своим могуществом!

— Разумеется, ты, как всегда, ничего не знаешь, — сказал Клоп, откидывая чадру.

— Разумеется, я ничего не знаю!

— Тогда я тебе помогу, — сказал верховный вкушец. — Я сделаю так, чтобы ты совсем ничего не знал.

— Помилуй! — зарыдал мудрец.

— Отнесись к этому философски, — сказал Клоп Небесный. — Это с тобой случается не в первый раз.

— Неужели?

— Ты и этого не помнишь?

— Конечно, не помню, конечно, не помню! — И мудрец горько зарыдал.

В зал, расталкивая вкушецов, вбежал Вери-Мери.

Хлопнула дверца шкафа — Клоп закрылся, опасаясь покушения. Воины выхватили кинжалы.

Вери-Мери, растрепанный, несчастный, подбежал к шкафу и принялся стучать в дверь.

— Откройте, ваше Неведение! — умолял он. — Это я, ваш верный раб Вери-Мери. Меня обманули. Мне обещали мешок и девушку по имени Белка, но девушку не нашли, а мешок не дали.

Дверца шкафа со скрипом приоткрылась, высунулся нос Клопа — самый длинный нос на планете. И вкушец скрипучим голосом произнес:

— Зачем ты меня испугал, глупый пигмей? Я этого не прощаю.

— Но ведь это нечестно, ваша милость! Мне обещали.

— Разве мы ему что-нибудь обещали? — спросил Клоп.

— Ничего подобного, — ответил толстый вкушец, который командовал нападением на дом мудреца. — Мы приняли его донос с благодарностью.

— Благодарность — это лишнее. Великие вкушецы никогда не благодарят. Все остальные должны быть нам благодарны за то, что еще живы и что-то помнят. Полагаю, что пигмей Вери-Мери совершил преступление, оклеветав нас, честных вкушецов, — сказал Клоп Небесный.

— А что? — задумался толстый вкушец. — Вы, как всегда, правы, наш мудрейший. Пожалуй, Вери-Мери надо арестовать.

Может, все бы обошлось, если бы пигмей не пришел в ярость.

— Как так! — закричал он. — Я всю жизнь верой-правдой служу вам, я сделал для вас столько подлостей и совершил столько предательств, а вместо благодарности вы пытаетесь меня одурачить? Нет, хватит! Я ухожу. Поищите себе другого предателя. Вы ко мне еще придете, вы еще попросите...

Он повернулся и пошел прочь из собора.

— Это слишком, я этого не потерплю! — рассердился Клоп. — Он меня пугает, он мне угрожает, он вымогает у нас деньги. Взять его!

В мгновение ока вкушецы набросились на визжащего пигмея и поволокли его в клетку.

Хоть Алисино положение было несладким, она не могла скрыть удовольствия от того, как наказано предательство.

Пигмей сел на пол клетки, закрыл лицо руками и стал отчаянно ругаться сквозь зубы. В соборе было тихо. Все вкушецы слышали, как ругается пигмей.

— Пожалуй, состав преступления налицо, — сказал толстый вкушец. — Неприличные выражения в храме, попытка покушения на Клопа Небесного и гнусное вымогательство.

— Тогда начнем суд с него, — сказал Клоп.

— Согласен.

Воины вынесли длинную скамью, которую поставили рядом со шкафом. Несколько вкушецов уселись на нее, а толстяк, подняв колокольчик, что висел у него на груди, потряс им. Раздался мелодичный звон.

— Начинаем высший и справедливый суд! — воскликнул толстый вкушец.

— Начинай! — сказал Клоп, высовываясь из шкафа.

— Перед нами предстал известный негодяй и платный предатель пигмей Вери-Мери, — сказал толстяк. — Он не только выдал нам сотни людей...

— Большей частью невинных, — добавил Клоп Небесный, — о чем мы скорбим...

— Он к тому же помогал бандитам, неоднократно судимым кровожадным Кротам, ловить и продавать в рабство собственных единоплеменников.

— Позор! — крикнул кто-то из вкушецов.

— Сегодня же он, презрев все правила приличия, ужасно вел себя в нашем присутствии. Может ли быть снисхождение к такому мерзавцу?

— Нет, не может! — откликнулись вкушецы.

— К чему мы его приговариваем? — спросил толстяк.

— К беспамятству! — отозвались вкушецы, сидевшие на скамье.

— Погоди, — вмешался Клоп. — Может быть, мы его помилуем? В прошлом он сделал для нас немало полезного.

— Помилуйте! — закричал Вери-Мери, который осознал, что ему грозит.

— Мы отпустим его на свободу, — продолжал Клоп, — если он передаст нам нечестно нажитое богатство.

— Нет, только не это! — завопил Вери-Мери.

— Тогда нам не остается ничего иного...

— Приговаривается, — сказал толстяк, — преступник и изверг Вери-Мери...

— Согласен, согласен! — закричал пигмей.

— Тогда сообщи, где хранишь свои богатства, — произнес толстый жрец, который ждал такого исхода дела.

— Я скажу! Мое золото лежит под полом в большой комнате моего дома. Надо открыть вторую от двери половицу.

— Там все твое золото?

— Да, я клянусь!

— Оставайся в клетке, — сказал Клоп Небесный, — пока мои люди не принесут золото. Тогда мы тебя отпустим.

— Переходим к следующим преступникам, — объявил толстый жрец. — Вернее, к преступницам. Прибыли к нам неизвестно откуда, вели себя безобразно. Есть подозрение, что они умеют читать и потому служат подглядчицами помников.

— Девчонку помилуем, — сказал из щели Клоп. — Дикую бабу — в яму!

— Почему? — удивился толстяк, который не знал, что Алиса — акробатка. — Зачем миловать девчонку?

— Потому что она будет услаждать наш взор, — ответил Клоп. — Девчонка, покажи нам, как ты умеешь прыгать.

— Я покажу, — сказала Алиса, — если вы не будете кидать в яму Ирию.

— Я удивлен, — вздохнул Клоп и прикрыл дверь.

Все молчали. Ждали.

Минуты через две дверь раскрылась, и нос жреца высунулся наружу.

— Я решил, — сказал он, — остаться без развлечений. Казним обеих.

Толстый вкушец позвонил в колокольчик, и судьи хором воскликнули:

— Решено! Решено! Решено!

Алиса поглядела на Ирию.

— Не сердись, — сказала она.

— Что я могу сказать? — грустно ответила Ирия. — Конечно, ты поступила неразумно. Но я бы на твоем месте сделала то же самое.

И она улыбнулась Алисе.

— Дело последнее! — сказал толстый жрец. — Мудрец Кошмар, известный нам по прежним процессам и уже не единожды приговоренный. Судится за укрывательство опасных преступников, за подозрение в том, что научился читать, и за сопротивление при аресте.

— Возражаю! — закричал мудрец. — Я не сопротивлялся.

— Думаю, что выражу общее мнение, — сказал толстяк, — если скажу — в яму его!

— В яму, — согласился Клоп Небесный. — С конфискацией имущества. А где имущество?

— Уже конфисковано, ваше Незнание!

— Тогда можно казнить.

Воины повезли шкаф с Клопом к выходу. Остальные тоже потянулись к дверям.

— Когда казнить будете? — крикнул вслед вкушецам мудрец.

— Подождем, пока привезут золото пигмея, тогда и казним. Мы не задержимся.

— Ой! — рыдал пигмей. — Лишиться всего — и любви, и богатства, и репутации! И все вы виноваты! Не будь вас, жил бы спокойно!

Он с ненавистью смотрел на Алису и Ирию.

— Никто не просил нас предавать, — сказала Алиса. — Вы платите за собственную подлость.

— Что ты понимаешь, девчонка! Что ты можешь понять в душе бедного пигмея, который только своим умом и талантами смог столь многого добиться в жизни. Ты ничего не нажила, ты ничего не потеряешь. Я же теряю все!

Пигмей упал на пол и замер.

В водокачке было тихо, только под крышей ворковали голуби, мудрец сидел прямо, шевелил губами, словно читал стихи.

«Ну почему не прилетает Пашка? — думала Алиса. — Ведь нас хотят казнить!»

— Яма забвения, — шептал мудрец. — Яма забвения... Снова эта проклятая яма забвения!

Глава 26

ГАЙ-ДО ДОЖДАЛСЯ

Проснувшись, Пашка некоторое время лежал, соображая, где он. Ему казалось, что он поспал совсем немного — полчаса, ну час, не больше. В комнате было полутемно, за дверью разговаривали шепотом — стерегли его сон.

Пашка вскочил, осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Пигмей Хруст, похожий на мальчика, напялившего кожаную куртку и кожаные штаны, о чем-то спорил со своей женой, обыкновенной женщиной, которая хоть и была небольшого роста, но на голову возвышалась над ним.

— Никуда ты не пойдешь, — шептала она. — Тебе уже много лет. Пускай по лесам шастают молодые. Ты нужен здесь.

— Тобой движет не забота о науке, о нашем Убежище в конце концов, — горячился пигмей, — а лишь эгоистические интересы!

— Назови мне эгоистические интересы!

— Мое здоровье!

— Это не мой эгоистический интерес, а твой. Ты думаешь, что здоровье принадлежит только тебе. А оно принадлежит мне и нашим детям. Вот сейчас я их позову, они начнут рыдать, тогда посмотрим.

— Замолчи! Ты разбудишь нашего гостя!

— Его из пушки не разбудишь! — ответила жена пигмея. — Как раз он-то и бережет свое здоровье. Спит уже десять часов, а весь город ходит на цыпочках.

— Как так десять часов! — воскликнул Пашка так громко, что супруги Хрусты разлетелись от его голоса в разные стороны. — Этого не может быть! Вы что, забыли, что Алиса с Ирией в плену? Почему меня никто не разбудил?

— Молодой человек, — ответил Хруст, придя в себя, — сначала я хотел бы познакомить вас с моей супругой.

— Очень приятно... Но...

— А во-вторых, должен заявить с полной ответственностью: ваш отдых не нарушил наших планов. Всю ночь шла подготовка к походу в лес, в которой ваше участие не требовалось.

Профессор Хруст всегда помнил, какого он маленького роста, и потому говорил очень торжественно.

— Вы меня жалеете, да? Но мне не нужна жалость!

— Я клянусь вам, Паша, что нам тотчас сообщат, как только все будет готово. Пока что у нас есть время позавтракать. Дорогая, завтрак готов?

— Готов, — мрачно ответила его жена. Но при Пашке спорить с мужем она не решилась.

— Пейте молоко, оно свежее, — сказал Хруст. — У нас в городе большое стадо коров. И хлеб мы печем.

— А сахар? — спросил Пашка.

— В этом нам потребуется ваша помощь, — сказал Хруст. — Нам очень нужны семена сахарной свеклы. Здесь мы их не нашли. Когда прилетите в следующий раз, захватите, пожалуйста.

— Обязательно, — пообещал Пашка.

Он чувствовал себя бодрым и готовым к подвигам. «Пожалуй, хорошо, что я выспался, — подумал он. — Теперь можно выходить. Чего же они медлят?»

Завтракая, Пашка разглядывал комнату. Кроме стола и табуреток в ней было несколько полок. Только стояли на них не книжки, а старые предметы. Как в запаснике музея.

— Книг мы в домах не держим, — сказал Хруст, разгадав взгляд Пашки. — Слишком большая ценность. Но когда наберется много книг, они будут в каждом доме.

— А это что? — спросил Пашка. — Музей?

— Это загадки, мой друг, — ответил Хруст. — Каждый день при раскопках, а то и просто в развалинах нам попадаются загадочные вещи. Мы не знаем их значения. Мы стараемся разгадать, что это могло значить, как это употреблялось нашими предками. Иногда случаются замечательные открытия, которые сразу на несколько лет вперед двигают нашу цивилизацию. Как рассказывают, наш первый учитель, глядя на сломанные карманные часы, изобрел колесо.

— Изобрел? — Пашка не понял.

— Конечно, изобрел, — сказала жена пигмея. — В первые годы даже этого никто не знал.

Не выпуская из руки кружки с молоком, Пашка поднялся и подошел к полкам. Предметы, что лежали там, были поломаны, некоторые заржавели, от других остались только детали.

— Во многих наших домах, — услышал он голос Хруста, — есть такие полки. Надо все время смотреть на вещи, и тогда тебя может озарить...

— Я знаю, что это такое! — сказал Пашка, подняв небольшой ржавый металлический конус, днище которого было усеяно мелкими отверстиями.

— Скажи, скажи! — воскликнул Хруст. — Я бьюсь над этой проблемой уже третий год!

— Это наконечник от садовой лейки, — сказал Пашка. — Если соединить его трубкой с ведром, то можно разбить струю воды на много струек и поливать овощи.

— Гениально! — воскликнул Хруст. — Искусственный дождь! Спасибо, Павел Гераскин! Не хотел ли бы ты вернуться к нам консультантом по загадочным предметам?

— Я постараюсь, только на каникулах, сейчас мне в школу надо возвращаться.

— Похвально, — сказала строгая жена Хруста, — что у некоторых людей еще сохранилось чувство ответственности.

В комнату заглянула Зарница.

— Доброе утро, — сказала она. — Вы уже встали?

— Я готов, — ответил Пашка.

Зарница положила на табуретку мешок.

— Здесь одежда для путешествия по лесу, — сказала она. — Твой костюм уже совсем изорвался.

Пашка убежал в маленькую комнату и там быстро переоделся.

Помники все подобрали по размеру. И кожаную куртку, и

штаны. Только башмаки Пашка переодевать не стал. Его собственные еще были крепкими.

— Ну вот ты и настоящий помник, — сказала Зарница, увидев его. — Пошли?

Пашка поблагодарил госпожу Хруст за завтрак, и они вышли на улицу.

На улице прямо на мостовой сидело человек двадцать молодых помников. Некоторые дремали, другие читали или писали что-то на восковых дощечках. В сторонке по земле прогуливались две белые птицы, тихо беседуя о чем-то. И с первого же взгляда было ясно, что они давно ждут сонливого инопланетянина.

— Так я и знал! — возмутился Пашка. — Мы потеряли время из-за вашей ненужной деликатности.

— Вы вчера так устали, — смутилась Зарница.

— Это не довод!

— Но вы — наш гость, — сказал Хруст. — И еще очень молоды.

— Хорошо, я принимаю ваши извинения, — сказал Пашка. — Но прошу, чтобы это было в последний раз. Пора в путь.

— Паша, — сказала Зарница, — мы хотели рассказать, как мы планируем поход. Конечно, лучше было бы всем полететь на птицах, но здоровых птиц в городе всего две.

— А как себя чувствует Альта? — спросил Пашка.

— Ей лучше, — сказала Алина. — Но она еще долго не сможет летать.

— Вот карта нашего леса, — продолжала Зарница, расстилая прямо на мостовой большую грубо нарисованную карту. — Ты можешь показать, в каком месте вы вышли к реке?

— Разумеется, — ответил Пашка. — Мы вышли там, где стоит дом перевозчика, в котором живет ваша подглядчица Речка.

— Это какая Речка? — спросила Хруст Зарницу.

— Сестра Ручейка, — ответила Зарница. — Моя ученица.

И она указала на точку на берегу реки, где маленький черный квадратик изображал хижину перевозчика.

— Мы вышли под прямым углом к реке, — сказал Пашка. — А шли примерно два часа. Следовательно... — Пашка провел линию в глубь леса. — Какой у вас масштаб?

— Один к десяти тысячам, — сказал Хруст.

— Значит, примерно здесь. — Пашка показал точку в лесу и ногтем отчеркнул крестик.

— Вы правы, — сказала Зарница. — Беспамятные космонавты были найдены нами вот здесь... — И она показала на точку километрах в трех от места падения «Днепра».

— Отсюда, — сказала птица Алина, которая подошла к карте и заглядывала поверх голов, — лететь три дня, не меньше.

— Три дня? — удивился Пашка.

Хруст улыбнулся.

— Не слушайте, Паша, наша уважаемая Алина, к сожалению, не умеет считать.

— Мне это не нужно, — сказала птица. — За меня считают другие.

— Значит, план таков, — сказала Зарница. — Паша Гераскин и Хруст летят на птицах туда, где должны быть корабли. Как только они их находят, Хруст возвращается к основной группе, которая тем временем движется в этом же направлении.

— А контейнер с топливом, о котором вы говорили, он тяжелый? — спросил Копье. — Сколько он весит?

— Честно говоря, — смутился Пашка, — я не знаю. И как его переносить, тоже не знаю. Но мы спросим Гай-до. Это наш маленький корабль. Он все расскажет.

— Корабль расскажет? — удивился Хруст.

— Он разумный, — ответил Пашка.

— Корабли не бывают разумными, — сказала птица Алина.

И Пашка не стал с ней спорить.

— Все равно надо брать повозку, она может понадобиться, — сказала Зарница.

Повозка — широкая телега на деревянных колесах, запряженная двумя быками, — стояла за углом.

Молодой помник вскочил на облучок и крикнул быкам:

— Трогай!

Остальные пошли следом за телегой. Копье остался с Пашкой и Зарницей.

— Держи, — сказал он, протягивая Пашке большой кинжал в кожаных ножнах.

— Спасибо, — обрадовался Пашка, который любил ходить по диким планетам вооруженным. Он прикрепил кинжал к поясу.

— Увидимся, — улыбнулся Копье, поправляя на плече большой лук.

— Счастливого пути, — сказала Зарница.

Птицы подошли поближе и присели, чтобы Пашка и Хруст могли на них влезть.

— Хорошо сидишь? — спросила Пашку Алина.

— Хорошо, — ответил Пашка.

И она, легко разбежавшись, взмыла в небо.

Город уходил вниз. Вот улица, по которой за повозкой, запряженной быками, бредет группа помников. Вон там стайкой бегут в школу дети, вон начали трудиться археологи. Но больше всего народу на валу, они готовятся к бою с поклонами.

«Хорошо, что я прилетел, — подумал Пашка. — Теперь помников никто не застанет врасплох».

Птица, которая несла Хруста, летела совсем рядом и переговаривалась с Алиной о том, какие ягоды созрели в какой-то роще, о том, что у Альты маховые перья линяют...

— Ваша жена так волнуется о вас! — крикнул Пашка Хрусту.

— Что поделаешь! — ответил пигмей. — В наши дни мужчина должен рисковать. А кто, кроме меня, полетит с вами!

— А разве другие не летают?

— Глупый, — сказала Алина. — Мы же тоже не железные. Мы взрослых не возим, надорвемся. Тебя или Хруста — пожалуйста, а уж Ручейка мне не поднять, только Альта может, она самая сильная.

— Нас мало осталось, — сказала вторая птица. — Нас надо беречь.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Пашка, — а почему вы не летаете в столицу? Ведь это бы ускорило связь?

— Глупости, — сказала Алина. — Я никогда туда не полечу.

— Ее лучший друг, Алон, погиб возле столицы, — сказала вторая птица. — И попрошу вас не задавать больше горьких вопросов.

Птицы замолчали.

А Хруст сказал:

— Столицу охраняют прирученные стервятники. Нашим птицам там нельзя появляться.

— Не надо, не надо о печальном! — воскликнула Алина.

Под ними уже тянулся сплошной лес. Справа, вдалеке, была видна полоса реки. Пашке показалось, что он увидел над деревьями холм и на нем башню обсерватории. Но, может, он ошибся.

Впереди что-то блеснуло.

— Смотрите! — воскликнул Пашка. — Это «Днепр»!

И в самом деле, внизу, в переплетении поваленных деревьев и разорванных лиан, лежал громадный космический корабль.

— Ура! — закричал Хруст. — А я, честно говоря, сомневался...

— Вы не верили?

— В чудо трудно поверить, — отозвался Хруст.

— Теперь медленнее! Не пропустить бы, — сказал Пашка. — Там должна быть поляна...

Вот и поляна. Посреди нее стоит любимый, дорогой, покинутый, одинокий Гай-до.

— Гай-до, друг! — закричал Пашка. — Я к тебе прилетел!

И услышал снизу громкий голос корабля:

— Пашка! Какое счастье! Я чуть не умер от тоски и беспокойства.

Конечно, космические корабли не умирают от тоски и беспокойства, но Пашка понимал чувства кораблика.

— Снижаться? — спросила Алина.

— Конечно, и скорее. Мой друг ждет нас.

— Это кто ваш друг? — спросила птица. — Это железное яйцо — ваш друг?

— Конечно. И он может летать быстрее вас и выше вас, даже к звездам.

— Железные яйца не летают, — категорически ответила Алина.

Они опустились на поляну неподалеку от Гай-до, и обе птицы, как только люди сошли с них, отлетели на почтительное расстояние.

Обернувшись на их кудахтанье, Пашка понял, что причиной испуга птиц был не сам Гай-до, а громадная драконья голова, что лежала на траве в метре от Гай-до. Пасть была разинута, из нее торчали желтые кинжалы зубов, красные глаза остекленели.

Вместо того чтобы вбежать в корабль и рассказать ему, как он соскучился, Пашка изумленно спросил:

— Это еще что такое?

— Прости, — смущенно ответил кораблик. — Я понимаю,

что с точки зрения экологии я совершил непростительную ошибку. Назовем ее даже преступлением. Но я, как ты понимаешь, совершенно неподвижен и не могу гоняться за драконами. Пожалуйста, сформулируй мое преступление как превышение пределов разумной обороны...

— Что ты несешь, Гай-до! — прервал его Пашка. — Мне совершенно не жалко здешних драконов.

— И нам не жалко, — ответил профессор Хруст, — слишком много их развелось в лесу. Житья от них нет!

— Как тебе удалось отрубить ему голову? — удивился Пашка.

— Понимаешь, когда эта тварь вылезла из леса и стала обдавать меня вонючим огнем из всех трех голов, шатать и бить когтями, я долго терпел. Я ему объяснял на всех известных мне языках, что несъедобен. Обычно драконы на меня не нападают, потому что об меня только зубы обломаешь... Можешь поверить, что я старался быть рассудительным. Но когда он совсем обнаглел и попытался прогрызть мой корпус, мне пришлось выпустить манипуляторы и придержать его голову. И вдруг — ты не поверишь! — он отбросил ту голову, которую я держал, и удрал в лес!

— Голову?

— Ничего удивительного, уважаемый Паша, — сказал профессор Хруст. — Некоторые ящерицы отбрасывают хвост. А драконы умеют в минуту опасности отбросить голову. Иногда рыцари устраивают ловушки на драконов, а когда дракон попадет в ловушку и отбросит голову, рыцарь возвращается в свой замок и рассказывает, что он эту голову отрубил. Хотя на самом деле ни одному рыцарю не удалось еще победить дракона.

— Вы очень подробно все объяснили, маленький человек, — сказал Гай-до. — Я вижу в вашем лице представителя местной науки. Вы сняли с меня моральную тяжесть и потому разрешите мне поблагодарить вас за внушительный вклад в космическую драконологию.

— Ну что вы, — смутился профессор. — Я драконами не занимаюсь. Мой профиль — домашний скот.

— Тем более меня поражает широта ваших познаний. Я буду рад познакомиться с вами. Меня зовут Гай-до.

— Профессор Хруст. Родом из пигмеев, — ответил карлик. — Я рад встретить столь образованный корабль.

Пашка понял, что Гай-до и Хруст могут хвалить друг друга до вечера. А времени нет.

— Послушай, Гай-до, — прервал их разговор Пашка, — нам надо спешить...

— Я понимаю твое нетерпение, Паша, — ответил кораблик. — Но вежливость отличает воспитанное существо от нецивилизованного. Надеюсь, ты не захочешь погубить мою репутацию?

Даже птицы, которые все еще жались к кустам, удивленно распахнули клювы, слушая такой изысканный монолог.

— Если на вашей планете такие корабли, — сказал профессор Хруст, — то теперь я понимаю, откуда получаются такие герои, как вы, Павел Гераскин.

— Что ты натворил? — обеспокоенно спросил Гай-до. — Рассказывай!

— Некогда рассказывать! Нам надо как можно скорее поднять тебя в воздух. Ирия и Алиса в плену, все остальные потеряли память!

— Так я и знал! — возопил кораблик. — Ни на минуту вас нельзя оставить одних! Скорей летим!

— Сначала надо тебя заправить, — ответил Пашка. — Скажи, контейнеры с гравитонами очень тяжелые?

— Запасные контейнеры с гравитонами очень невелики. Не более полуметра в поперечнике, включая защитную оболочку. Но вес их... — Гай-до на секунду замолчал, заглядывая в свой компьютер. — Вес их триста двадцать килограммов. Мне достаточно одного контейнера.

— Триста двадцать — это много? — спросил Хруст.

— С чем бы сравнить? Это восемь раз мой вес, — ответил Пашка.

— Не так много, — сказал Хруст. — От корабля «Днепр» до этой поляны примерно тысяча шагов. Можно отнести контейнеры на носилках. Десять юношей донесут?

— Конечно, — сказал Пашка.

— Тогда я немедленно лечу навстречу нашим друзьям. Часа через два они будут здесь. Но как найти этот... контейнер?

— Летите, профессор, — сказал Пашка. — А мне оставьте Алину. Мы с ней подлетим к «Днепру» и там будем вас ждать.

— Отлично! — сказал профессор Хруст. — Люблю деловых людей. Я сам деловой человек.

— А я тогда пока слетаю позавтракать, — сказала Алина. — Здесь недалеко я видела отличные ореховые кусты. Тем более что мне не хочется проводить время в обществе драконьих голов и железных яиц, которые называют себя летающими кораблями. Хотя вряд ли они умеют летать.

Алина презрительно фыркнула и взлетела.

Пашка с Гай-до остались одни.

— Заходи в меня, — сказал Гай-до, — на тебе лица нет.

Пашка не заставил себя долго просить. Он взобрался в гостеприимно раскрытый люк своего друга. Внутри все было по-старому, даже запах сохранился: запах ванили, молока и детской присыпки. Ведь совсем недавно здесь стояла кроватка Вандочки. Вот и объемная фотография девочки — сейчас засмеется. И Пашке стало грустно, когда он подумал, что отец этой девочки потерял разум, а мать сидит закованная в кандалы в неизвестном подвале.

— Открывай холодильник, — сказал Гай-до, — там твои любимые сосиски. Соскучился, наверное, по домашней пище. А я пока плиту в камбузе включу. Ты не спеши рассказывать, ты все обдумай, ты меня не пугай, но только правду говори...

Голос Гай-до оборвался.

Пашка понял, как переживает кораблик и как старается держать себя в руках.

«Он же не знает, в каком я состоянии, — думал Пашка, — может быть, я потеряю сознание от страха и отчаяния, а может, у меня полное душевное опустошение. Сейчас он предложит мне провести медицинское обследование».

Только Пашка открыл холодильник и достал оттуда сосиски, как услышал голос Гай-до:

— Пашенька, у тебя не будет свободной минутки? Мне так хотелось проверить, не барахлит ли диагност? Это займет всего несколько минут...

— Не хитри, Гай-до, — сказал Пашка, проходя в камбуз и бросая сосиски в закипевшую воду. — Не волнуйся за меня. Я в норме, нервы в порядке, чувствую себя отлично. Давай я лучше расскажу тебе о наших злоключениях.

Пашка рассказывал долго, Гай-до не прерывал его, лишь иногда вздыхал или ахал. Он все принимал близко к сердцу и очень огорчался, что стоял в лесу, когда его друзья подвергались таким страшным опасностям.

Пашка за время рассказа съел полкило сосисок, выпил литр ананасового сока и сожрал коробку сладкого печенья. Но сам этого даже не заметил. Наконец его рассказ подошел к концу.

— Должен тебе сказать, что я тоже не терял времени даром, — заявил Гай-до, когда Пашка закончил свой рассказ.

— Сражался с драконами?

— Сражения с драконами заняли лишь полпроцента моего времени, — серьезно ответил кораблик. — Кроме того, мне пришлось отразить нашествие метровых муравьев, нападение ядовитых улиток и наскок коррозийных микробов, которые хотели превратить меня в ржавчину. Но главное — я думал. И теперь, когда ты мне все рассказал, мне стала абсолютно ясна причина болезни наших с тобой друзей.

— Ты догадался?!

— Да... Разумеется, это потребовало некоторой изобретательности и серьезных размышлений. Ты помнишь, как на высоте восьми километров от планеты мы брали образцы забортного воздуха, подлетая к Крине?

— Помню.

— Что-то почти неуловимое в анализах мне тогда не понравилось. Должен тебе сказать, что интуиция меня не обманула, и я недаром окружил себя силовым полем. Смею думать, что это дало нам возможность спокойно сесть на Крину. Пока я сидел и ждал вас в лесу, я размышлял над этим происшествием. И в результате решил провести небольшой эксперимент. С помощью манипулятора я поймал двух мышей и поместил их в маленький несложный лабиринтик, выход из которого мыши легко находили. Но стоило мне заполнить эту мышеловку воздушной пробой, взятой нами на восьмикилометровой высоте, как мыши стали метаться и уже не могли выйти из лабиринта, они напрочь забыли, где находится выход. Значит, рассуждал я, там, в атмосфере, на этой высоте существует некая субстанция, которая заставляет живые существа терять память. Это не вирусы. Это даже не газ — газу не проникнуть в корабль. Это разновидность биологического поля. И оно словно пелена окутывает планету на высоте восьми километров.

— Значит, экипаж «Днепра» попал под действие такого поля и потерял память?

— Именно так!

— А на планете никто не знает, что существует такой слой.

Они уже двести пятьдесят лет никуда не летают. Но зато у них есть какие-то колодцы и провалы, попадая в которые человек становится бе-пе — беспамятным.

— Молодец! — воскликнул Гай-до. — Между колодцами и слоем есть связь. Я измерил движение слоя и подсчитал, что он постепенно поднимается над планетой. Ровно двести пятьдесят лет тому назад он вплотную прилегал к поверхности Крины. Понял?

— Начинаю понимать! — сказал Пашка.

— А допусти, — воскликнул Гай-до, — что двести пятьдесят лет назад планету окутало поле беспамятства! И люди мгновенно все забыли. Тогда ты можешь объяснить, почему они до сих пор, за исключением кучки упрямых помников, не умеют читать. Ты же сам говорил, что какой-то их учитель изобрел колесо! Представляешь, как все забыто! Поэтому их так мало на планете. Ведь люди без памяти легко погибают, как погиб наш бедный Меркурий.

— Это великое открытие! — воскликнул Пашка. — Ты гений, Гай-до!

— Я давно об этом подозревал, — ответил кораблик скромно. — Кстати, Пашка, ты тоже молодец. И с ракетами ты великолепно придумал.

Собеседники были довольны друг другом.

Послышался стук в стенку корабля.

— Там птица, — сказал Гай-до, — твоя голубоглазая глупая птица, которая полагает, что я не умею летать. Она тебя зовет.

— Значит, мне пора лететь. Помники уже подходят к «Днепру».

— Тогда слушай, как пробраться в резервный топливный отсек и извлечь контейнер...

Через десять минут Пашка подлетал к «Днепру». Как раз в это время, запыхавшиеся и измученные, из леса вышли помники. Пашка провел их в «Днепр», поразивший помников своими размерами и техническим могуществом. Общими усилиями они вытащили наружу контейнер, и еще через полчаса Гай-до мог сказать:

— Я готов к полету. Прошу всех желающих на борт.

Разумеется, все помники забрались внутрь Гай-до, стало ужасно тесно, но было очень весело. Гай-до за те несколько минут, что занял полет до города, развлекал гостей как мог, показывал им фильм о Земле, напоил с Пашкиной помощью ананасовым соком, сделал для них мороженое и успел поговорить на научные темы с доктором Хрустом. Пашка слушал их разговор краем уха, но уловил забавную фразу Гай-до, которая позволила ему заглянуть в душу корабля.

— Вы невелики ростом, — сказал Гай-до, — по человеческим меркам.

— Да, к сожалению, это так, — вздохнул Хруст. — Даже жена выше меня.

— А я невелик по корабельным меркам. Ах, сколько мне приходится выслушивать обидных слов от роботов и диспетчеров! А я ничем не хуже громоздкого дурака, вроде этого «Днепра». А вы, наверное, не глупее местного короля.

— С королем не сталкивался, — сказал профессор, — но отлично вас понимаю.

— Нам, маленьким, надо держаться друг друга.

— О, как я вас понимаю! — воскликнул профессор.

Птицы летели над Гай-до, постепенно отставая, хоть изо всех сил работали крыльями, — им не хотелось признать, что с того момента, как на Крине появилось это железное яйцо, они перестали быть самыми быстрыми существами на планете. Они прилетели уже после того, как Гай-до, к изумлению жителей Убежища, опустился на площади перед Главным домом.

Зарница предложила послать вместе с Гай-до в столицу нескольких молодых стрелков. Но Гай-до отказался. Он знал, что каждый защитник в Убежище на вес золота.

— Спасибо, — сказал он. — Мы с Пашкой вдвоем справимся. У нас есть опыт.

Глава 27

КАЗНЬ ЗАБВЕНИЯ

Видно, времени прошло немного. Может, час, может, чуть больше. Алиса так устала, что ей уже было все равно. Нет, она не собиралась умирать. Страна эта, хоть и страшная, все равно казалась сном, сказкой. Ей было жалко бородача и веселого повара, но непонятно, существовали ли они или приснились... Рядом бормотал мудрец, и конец его бороды лежал, завившись

белым червем, на грязном полу клетки. Скорей бы уж все это кончилось!

Вошли четыре вкушеца, встали по сторонам дверей, как почетный караул. Клетка дрогнула, сзади ее толкали слуги. Дребезжа и раскачиваясь, клетка выехала в дверь и оказалась на площади. Площадь была залита солнечным светом, по яркому голубому небу плыли легкие облака. Внизу было видно бескрайнее море.

Вокруг площади стояли толпы народа. Удивительные люди, беспамятные, готовые к любому развлечению. Вчера они бежали на невольничий рынок, на рассвете провожали войска, сейчас собрались глазеть на казнь.

Под крики толпы клетку подтащили к низкой балюстраде — каменному кольцу шириной метра в три, окружавшему колодец или вход в шахту. Над колодцем, упираясь многометровыми лапами в кольцо, поднимался треножник, к которому была подвешена небольшая платформа со столбом в центре. Справа, неподалеку от кольца, была трибуна, на которой возвышался большой куб, накрытый черным полотнищем с намалеванным человеческим лицом, с повязкой на глазах, завязанным ртом и заткнутыми ушами.

По сторонам этого сооружения стояли в два ряда вкушецы.

— Смотри-ка, — сказал Вери-Мери, — какой большой сбор ради вас. Обычно попроще это бывает.

— А что это? — спросила Ирия.

— Как что? Казнь.

— Людей кидают в шахту? — спросила Ирия.

— Нет, не кидают, — засмеялся Вери-Мери, — а опускают и поднимают. У вас что, не так?

— Не так.

— А я думал, что везде, где есть вкушецы, они так казнят.

— У нас нет вкушецов.

— Так я и знал! Ведьмин корень, вот ты кто! — сказал пигмей и постарался отодвинуться. Хотя как отодвинешься в клетке в два квадратных метра.

Алисе казалось, что все это происходит не с ней, с другим человеком, а она смотрит кино. Даже не очень страшное.

Вкушецы были в лиловых тогах, глаза сверкали сквозь отверстия в чадрах. Толстый вкушец вышел вперед, стукнул золотым посохом о помост и воскликнул:

— Начинается главная казнь этого года! Великая казнь, посвященная началу победоносного похода нашего славного воинства против логовища помников!

Народ на площади зашумел, некоторые хлопали в ладоши. Другие молчали.

— Командует казнью специально прибывший для этого в столицу великий Клоп Небесный, Гроза разума.

И при этих словах вкушецы стащили полотнище с куба, и под ним обнаружился уже знакомый Алисе шкаф.

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда вышел Клоп Небесный.

Народ на площади пал ниц.

И было из-за чего. На Клопе была высокая, золотая, в драгоценных камнях тиара, а одежды усыпаны драгоценностями. Он был без чадры, но в черных очках.

— Эти жертвы, — сказал Клоп, — мы приносим на алтарь победителей. Пусть они укажут путь в неведение всем помникам, которых вы скоро увидите на этой площади.

Затем Клоп Небесный обернулся к своему толстому помощнику.

— Кто у нас первый? — спросил он. — Начинай.

С этими словами он отступил назад, встал в шкаф и прикрыл дверцу.

— Первым будет казнен закоренелый помник, скрывающийся под видом благородного мудреца. Это не мудрец, а подколодный зайчик, ядовитый соловей, пожиратель трупов — колибри!

— Не надо! — закричал мудрец. — Друзья мои, коллеги, подтвердите, что я не умею читать, что я в жизни книги в руках не держал!

Мудрец кричал, обращаясь к небольшой группе мудрецов в высоких цилиндрах и черных траурных одеяниях, которые стояли в толпе.

— Освободите его! — крикнул из толпы второй мудрец. — Он не виноват.

— Если он не виноват, — сказал толстый вкушец, — тогда ему бояться нечего. Он ничего не знал и ничего знать не будет. Разве не в этом высшая мудрость мудрецов?

— Но жизненный опыт! Вы забыли о жизненном опыте Кошмара!

— Снова наберет, — отмахнулся от защитников жрец.

— Странная казнь, — сказала Алиса Ирии.

— Я тоже ничего не понимаю.

Вкушецы распахнули дверь клетки, ловко подхватили визжащего мудреца и поволокли его к колодцу. Платформа на треножнике покачнулась и поползла вниз. Один из жрецов захватил ее крюком за трос и подтянул к каменному кольцу. Вкушецы затащили мудреца на платформу и быстро прикрутили к столбу. Тут же спрыгнули с платформы, и по знаку толстяка она снова поднялась и повисла над центром колодца.

Клоп Небесный высунулся из шкафа и махнул белым платком.

Платформа начала медленно опускаться вниз, мудрец вопил, остальные мудрецы стенали, закрыв лица руками.

— Я боюсь! — вдруг вырвалось у Алисы, и она прижалась к Ирии. — Они хотят его сжечь. Там огонь.

— Не бойся, девочка, — сказала Ирия. — Все будет хорошо.

Она обняла Алису и крепко прижала к себе.

Вопящий мудрец скрылся за бортом колодца, и вкушецы подбежали к краю, стали заглядывать внутрь и кричать:

— Ниже! Еще ниже!

Любопытные из толпы тоже пытались прорваться к колодцу, но вкушецы их не пускали. Крики мудреца вдруг оборвались. И на площади стало тихо.

— Все, — сказал толстяк. — Казнь свершилась, справедливость восстановлена. Да здравствует неведение и беспамятство!

Он обернулся к толпе, поднял руки и громко возгласил:

— Мы ничего не видим!

— Мы ничего не видим! — подхватили люди на площади.

— Мы ничего не слышим!

— Мы ничего не слышим...

— Мы ничего не знаем!

— Мы ничего не знаем...

— Мы никогда не возражаем!

— Мы никогда не возражаем... не возражаем... не возражаем...

Вкушецы принялись энергично крутить лебедку, и платформа стала подниматься. Вот из-за края колодца показалась голова мудреца. Он был жив и вроде бы невредим. Толпа встретила его появление возгласами. Мудрец стоял совершенно спокойно, глупо улыбался, словно забыл, что только что отчаянно сопротивлялся.

Платформу подтянули к борту колодца, мудреца освободили от пут. Он остался стоять на месте, словно не знал, куда идти.

Вкушецы свели его под руки на площадь и подвели к помосту.

— Ты кто? — спросил из шкафа Клоп.

— Не знаю, — ответил мудрец и улыбнулся. — Понятия не имею.

— Как зовут тебя, ничтожество?

— Ничтожество, — согласился мудрец.

— Где ты живешь?

— Я живу? Где я живу?

— А куда ты пойдешь?

— Я никуда не пойду, — ответил мудрец.

Под аплодисменты зрителей жрецы разрешили мудрецам подойти к своему коллеге и увести его. Мудрец шел не оборачиваясь, загребая ногами, словно разучился ходить.

— Что с ним случилось? — спросила Алиса.

— Я знаю, — сказала Ирия, — они лишили его памяти.

— А что, раньше не догадалась? — спросил пигмей. — Мне говорили, что его уже пять раз лишали памяти, а он все равно остался мудрецом. Они такие живучие... Года не пройдет, как он снова начнет учить людей, как надо жить.

— И это они хотят сделать с нами? — спросила Алиса.

— Это то, что случилось с Тадеушем, — сказала Ирия. — И со всеми нашими друзьями. Значит, Ручеек прав — они тоже попали в такой колодец.

Тут на площадь прибыла странная процессия. Три быка тащили большую телегу, на которой горой было навалено всевозможное барахло.

Пигмей кинулся к решетке клетки, вцепился в нее и закричал:

— Так мы не договаривались! Вы сказали: только золото. А не вещи. С вами нельзя договориться честно.

— Что такое честность? — спросил толстый вкушец. — Мы не помним такого слова. Господин Клоп Небесный, мы обещали что-либо этому ничтожному пигмею?

— Не помню. Я — вкушец забвения.

— Вы меня ограбили! — закричал пигмей, кусая прутья.

Толпа на площади покатывалась со смеху. Ясно было, что пигмея многие знали и никто не любил.

— Так ему и надо! — кричали люди.

За телегой шли солдаты, волоча несколько тяжелых кожаных мешков. Они подходили к помосту, кидали на него мешки, и те с тяжелым стуком падали возле шкафа.

Клоп Небесный присел на корточки, жадными дрожащими пальцами он развязал один из мешков, и из него посыпались золотые монеты, слитки, украшения, драгоценные камни.

Толпа зашумела, завопила.

— Все! Я разорен! Я погублен! — кричал пигмей. — Дайте только мне выйти отсюда, я до вас доберусь! Я за каждым из вас знаю такие делишки, что господин Радикулит всем вам головы отрубит. У меня все записано!

Это последнее, вырвавшееся в запальчивости слово и погубило коварного пигмея.

— За-пи-са-но? — медленно произнес, выпрямляясь, Клоп Небесный. — Значит, ты тоже агент, лазутчик помников.

— Нет! — спохватился Вери-Мери. — Я в переносном смысле, я ничего никогда не записывал. Я не умею!

— Казнь подглядчику! — закричал Клоп, прыгнул в шкаф и захлопнул за собой дверцу.

— Казнь! — требовали жрецы.

— Казнь! — кричали в толпе.

Алиса не выносила предателей, а уж Вери-Мери особенно. Но когда его, плачущего, сопливого, протащили к платформе, она не выдержала и крикнула:

— Пожалейте его, может, он еще исправится! Вы же у него все отняли!

— А мы его и собираемся исправить. Причем самым решительным образом, — ответил толстый вкушец.

Он подождал, пока платформа с Вери-Мери скроется в колодце и крики пигмея прекратятся, затем в наступившей тишине сказал:

— Здесь одна из обвиняемых обвинила нас в жестокости. Она сказала, — жрец показал на Алису, — что наша казнь ужасна. Так ли это?

— Так! — крикнул с площади молодой голос.

— Не так, — перебили его другие голоса.

— Объясняю, — произнес толстый вкушец. — Нет ничего добрее и гуманнее, чем наша казнь. Мы не приносим человеку никакого вреда, а возвращаем его обществу живым и здоровым. Мы только извлекаем из него все плохое, что он накопил в своей душе: склонность к преступлениям, жестокость, жадность, стремление к заговорам, желание жить лучше, чем живут поклоны и господа вкушецы, преступную страсть к чтению или знаниям. Мы ничего у него не отнимаем хорошего и полезного. Разве он разучивается есть? Нет, он умеет есть и спать, ходить и стоять. Со временем он научится полезному ремеслу и вернется в общество перековавшимся, полезным существом. Да здравствует мудрость казни беспамятства!

В толпе раздались приветственные крики и свист.

Платформа с Вери-Мери поднялась. Он стоял у столба, крутя головой. В глазах его был ужас.

— Кто эти люди? — спросил пигмей. — Они хотят меня убить!

Глава 28

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЕДИНОРОГОВ

Профессор Хруст попросил Пашку подвезти его к дому. На одну минутку.

— А то жена волнуется, — смущенно сказал он.

— Понимаю, — ответил Пашка.

Хруст не зря беспокоился. Его жена стояла на пороге дома, скрестив руки на груди, и даже при виде Гай-до не дрогнула.

Гай-до осторожно спустился на улицу и открыл люк. Профессор выглянул наружу и игриво крикнул:

— Кисочка, я здесь! Я вернулся, я здоров!

— Вернулся — иди в дом! — ответила жена и скрылась в дверях.

— Вот видите, — развел руками пигмей. — Но она меня любит. До скорой встречи.

Он выпрыгнул из корабля и побежал к дому. В дверях он столкнулся с женой, которая вновь возникла на пороге. На этот раз она держала в руке какой-то предмет, завернутый в белую тряпочку.

— Твой мальчишка здесь? — спросила она.

— Паша? Паша летит спасать своих друзей. Все в порядке!

— Ребенок голоден, — мрачно сказала жена. — Отдай ему пирог.

И она снова ушла.

Пигмей кинулся обратно к Гай-до. Он отдал Пашке сверток и сказал:

— Вот видишь, а ты ее упрекал.

Хотя, разумеется, Пашка ни в чем не упрекал жену пигмея.

Гай-до резко поднялся ввысь, и Пашка, сев в пилотское кресло, заложил в навигационный компьютер оптимальный маршрут до столицы.

— Где мы их будем искать? — спросил кораблик.

— Не знаю, — признался Пашка. — Я сам в столице не был. Я думаю, что мы опустимся где-нибудь на окраине, и я пойду в Город искать их.

— Глупости, — сказал Гай-до. — Ты сгинешь, а мы потеряем время.

— А что ты предлагаешь?

— Открытый полет. Мы летим с законной целью: спасти из рабства наших близких. Следовательно, мы опускаемся на их главной площади и задаем прямой вопрос: что вы сделали с Алисой и Ирией?

— А они не ответят?

— Они испугаются. Они же темные.

Убежище пропало из глаз, начался густой лес. Две белые птицы поравнялись с Гай-до и, отчаянно работая крыльями, пытались его обогнать.

— Не старайтесь! — крикнул им Гай-до. — Сейчас я прибавлю скорости, надорветесь!

— Яйцо железное! — крикнула в ответ упрямая Алина. — Ты сейчас упадешь, у тебя крыльев нет.

Почему-то белых птиц больше всего возмущало то, что у Гай-до не было крыльев.

— Забавные создания, — сказал Гай-до. — Но настолько глупы, что мне порой бывает стыдно, что я принадлежу к их породе.

— Ты? — спросил Пашка.

— Разумеется. Еще у моего прадедушки были крылья. Его называли самолетом.

Птицы держались рядом — Гай-до жалел их.

Вдруг одна из них крикнула:

— Смотри вниз! Какой ужас!

Пашка включил нижний экран, но ничего не увидел в сплошном зеленом море листвы.

А птицы уже снижались к вершинам деревьев.

— Гай-до! — закричала Алина. — Чего же ты медлишь? Помоги, яйцо железное!

— Давай посмотрим, что там, — сказал Пашка.

— Без тебя знаю, — ответил Гай-до и начал опускаться вниз.

Он коснулся верхней границы листвы. Пашке показалось, что он слышит, как шуршат листья и трещат ветки. Вскоре внизу открылось пространство, спрятанное под кронами, словно они влетели в громадный полутемный храм, в котором колоннами служили прямые стволы деревьев.

И тогда Пашка увидел то, что раньше высмотрели птицы: по лесу бежал Ручеек.

Он перебегал от ствола к стволу, отбиваясь от преследователей — стай коротких полосатых ящериц на длинных мускулистых лапах с массивными, похожими на крокодильи головами. Ящерицы были размером со среднюю собаку, и, наверное, каждая в отдельности была не очень опасна для вооруженного человека, но когда их больше десятка!..

Ручеек, как видно, бежал из последних сил. Он прихрамывал, движения его были неточными, ящерицы яростно наскакивали на него. Вот самая смелая бросилась вперед, широко разинув желтую пасть, усеянную треугольными зубами. Все же блеск меча заставил ее отступить и спрятаться в стае.

— Ручеек! — закричал Пашка. — Держись!

Птицы опередили Гай-до, они с трудом летали между стволами, задевая деревья концами громадных крыльев, и отчаянно кричали. Ящерицы при виде птиц остановились. Они поднялись на задние лапы, опираясь на короткие хвосты, будто надеялись сбить птицу, если она опустится слишком низко.

И тут в битву вмешался Гай-до.

Он включил свою оглушительную сирену, перепугав не только ящериц, но и птиц, которые с криком взмыли вверх, и Ручейка, не понявшего, откуда идет такой страшный вой.

В следующую секунду Гай-до коснулся земли. Пашка включил внешний микрофон и закричал:

— Не бойся, Ручеек, это я, Павел Гераскин!

Ящерицы постыдно улепетывали.

Пашка выскочил из люка и подбежал к Ручейку.

— Ты не ранен? — спросил он.

— Пашка, друг! — обрадовался юноша. — Как хорошо, что ты пришел!

— Тебя не ранили?

— Нет, устал только. Я боялся, что не хватит сил отбиваться от этой дряни, ведь до Убежища еще далеко.

— Тебе километров пять еще осталось, — сказал Пашка. — Как там дела?

— Не беспокойся, — сказал Ручеек, переводя дух и опускаясь на кочку. — Твои подруги в безопасности, они в доме у Вепря. Никто их не тронет.

— А Белка? — спросил Пашка.

— И Белка там же.

— А ты почему в лес пошел?

— Они начинают поход на день раньше. Об этом Алиса узнала. Она у тебя отважная девчонка.

— Знаю, в одном классе учимся, — согласился Пашка.

— Друзья вывели меня из Города, — продолжал Ручеек, — я должен был взять коня в деревне. Но коней нет, их всех отобрали для похода. Вот мне и пришлось бежать пешком. Всю ночь... Устал страшно.

— Ничего, мы с Гай-до мигом тебя домчим до Убежища.

— Как хорошо! — сказал Ручеек. — А то сил не осталось. И каждая минута на счету.

— Ничего подобного! — раздался сверху пронзительный голос. — Ручеек полетит в Убежище с нами. — Это говорила Алина, которая сидела на большом суку прямо над их головами. — Еще чего не хватало — лететь в железном яйце! Как упадет да как кокнется — костей не соберешь!

— Ну уж, — обиженно сказал Гай-до, — где это вы видели, чтобы я падал и кокался?

— А сегодня утром в лесу? Кто валялся чуть не кокнутый и не мог взлететь?

— Но у меня топлива не было.

— Вот я и говорю, — рассмеялась птица. — Какой же ты летун, если без топлива не можешь?

— А если тебя два дня не кормить, как ты полетишь?

— Хватит, хватит! — приказал Пашка. — Сейчас не время для ссор, друзья!

Алина опустилась на землю и подошла к Ручейку.

— Ну как, полетим или будем глазеть на железное яйцо?

— Не сердись, Алина, интересно, — сказал Ручеек, — я никогда еще не видел космического аппарата. А тем более говорящего.

— В этом отношении я уникален, — сказал Гай-до.

Но тут Ручеек поднял голову и стал прислушиваться.

Птицы тоже насторожились.

— Кто-то едет, — сказал Ручеек, поднимая меч.

— Два коня, — сказала Алина и взлетела на толстый сук.

— Один конь со всадником, второй без всадника, — сказала сверху вторая птица.

Все обернулись в ту сторону, откуда доносился стук копыт.

Между деревьями мелькнуло что-то белое.

В следующую минуту стало ясно: скачут два единорога.

На одном сидела верхом Белка. Второй был без всадника.

— Ручеек! — закричала издали Белка. — Ты живой? Какое счастье!

Единороги одновременно замерли, кося глазами на Гай-до, который стоял среди сломанных ветвей и кучи листьев, сорванных с деревьев при посадке.

Белка спрыгнула с единорога и кинулась к своему Ручейку.

Она плакала от радости. Пышная копна черных курчавых волос скрыла лицо Ручейка. Он гладил Белку по плечам и успокаивал:

— Ну что ты, все в порядке, все живы, здоровы! Я рад тебя видеть.

— Ты ничего не понимаешь, — заговорила сквозь слезы Белка. — Это мое счастье, что единороги убежали от моих братьев. Я выскочила на улицу, темно, вокруг враги... и тут стук копыт. Они тоже меня узнали. Им в Городе плохо было, они воевать не хотят, они в лес хотели, они знали, что я в Городе, и искали меня, а я думала, что все-все погибли, и бородача убили, а Алисочка... — Тут Белка зарыдала.

— Что, — кинулся к ней Пашка, — что с Алисой?

— Их поймали! И Алису, и Ирию. Их поганый Вери-Мери предал, чтоб ему в колодец беспамятства провалиться! Гадкий, поганый, он меня выследил и вкушецов привел! Бородач их у

ворот встретил. Он сражался, и Моро-Пари сражался, а их убили... А Ирию с Алисой в собор повезли, там их казнить будут, а я побежала, а единороги меня увидели, они все понимают...

Белка говорила сбивчиво, плакала, сама себя перебивала, но Пашка уже все понял.

— Где? — спросил он. — Где казнить?

— Их повели в собор, а потом к колодцу беспамятства.

— Где это? — обернулся Пашка к Ручейку.

— На холме посреди Города.

— Все! — крикнул Пашка. — До встречи!

— Я с тобой! — Ручеек побежал за ним.

— Справимся, — сказал Гай-до, — у тебя свой долг. Ты забыл, что должен предупредить Убежище?

Пашка прыгнул в люк. Люк мгновенно закрылся. Пашка сел в пилотское кресло. На экране внешнего вида он видел, как Ручеек что-то говорит птицам, и те одна за другой взмывают ввысь. Единороги преклонили колени и опустили к земле золотые рога. Белка и Ручеек вскочили на единорогов. И последнее, что увидел Пашка, прежде чем Гай-до, прорвав листву, вылетел снарядом в небо, были скачущие по лесу на прекрасных белых единорогах Ручеек и Белка. Они скакали рядом, держась за руки.

Глава 29

В ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ

Под гогот толпы воины развязали Вери-Мери, тот ступил на борт колодца, испуганно вращая глазами.

— Нет! — закричал он вдруг. — Я не могу! Я боюсь!

И, сделав неосторожный шаг, упал в колодец.

Все замерли от неожиданности. И слушали... Секунд через десять донесся глухой далекий всплеск... и все затихло.

Дверца шкафа раскрылась, и оттуда выглянул Клоп Небесный.

— Что случилось? — спросил он.

— К сожалению, ваше Беспамятство, — ответил толстый вкушец, — презренный пигмей наказал себя больше, чем мы того хотели.

— Прискорбно, прискорбно! — сказал Клоп. — Но, к счастью, перед смертью он успел завещать нам, вкушецам, свое имущество. А это искупает его грехи. Продолжайте казнь!

Он схватил ближайший мешок с золотом и утянул его в шкаф.

Толстяк прокашлялся и произнес:

— Теперь мы приступаем к казни двух женщин, пришедших к нам с заданием помников. Одна из них старалась убить самого Повелителя Радикулита. Вторая нападала на поклонов. Так как наша задача — искоренять террор во всех его видах, мы этих подглядчиц обязаны казнить. Какую первой? — обернулся он к приоткрытому шкафу.

— Вместе, вместе! — отозвался Клоп Небесный из шкафа. — И не отвлекай меня, я считаю завещанное имущество.

Из шкафа слышался звон монет.

Воины вывели Алису и Ирию из клетки.

И тут по толпе прокатился гул возмущения. Жители столицы привыкли к казням, даже любили на них глазеть. Но казнить беспамятством девочку — этого еще не случалось. Да и красота Ирии произвела на зрителей впечатление.

— Отменить казнь!

— Детей казнить нельзя!

— Что вы делаете, изверги?

С каждой минутой толпа шумела все громче. Толстый вкушец растерянно посмотрел на шкаф.

Клоп Небесный высунул оттуда нос и крикнул:

— Исполняй, и скорее!

Воины вытащили мечи и старались остановить толпу, которая напирала на них.

Ирия решила воспользоваться этим замешательством и крикнула Алисе:

— Бежим!

И понеслась по площади.

Алиса за ней.

Может быть, они и убежали бы, тем более что толпа раздалась, пропуская их, а многие кричали:

— Давай! Скорей! Мы задержим стражу!

Но, как назло, на пути оказалась толпа мудрецов, они окружили Кошмара и хором твердили:

— Мудрость — это незнание!

— Мудрость — это незнание, — покорно повторял за ними мудрец Кошмар.

При виде бегущих он вдруг ожил и закричал:

— Бегать нельзя! — И кинулся им наперерез.

Ирия успела увильнуть, а Алиса споткнулась о выставленную ногу и рыбкой полетела вперед.

Ирия пробежала еще несколько шагов и поняла, что Алиса отстала. Она бросилась обратно. Алиса кричала:

— Беги! Беги!

Но было поздно. Толпа вооруженных вкушецов накинулась на них.

Алиса и Ирия сопротивлялись, как пантеры. Их растащили и поволокли к колодцу. Толпа пыталась отбить их, но вкушецы обнажили мечи, и на площади полилась кровь.

Вот все ближе колодец... Над ним уже покачивается платформа...

Но в тот момент, когда Алису уже втаскивали на борт колодца, с неба, из облаков, послышался громовой голос:

— Несчастные! Остановитесь! Или я поражу вас молнией!

От этого голоса вкушецы замерли, затем бросились врассыпную. Зеваки, сшибая друг друга, неслись за ними вслед, сзади семенили мудрецы. И через минуту на площади остались только Алиса с Ирией и мудрец Кошмар.

Гай-до медленно и торжественно опустился возле колодца.

Люк раскрылся, и из него выскочил Пашка Гераскин.

— Как хорошо, что ты успел! — сказала Алиса. — Еще бы пять минут...

— И что? — спросил Пашка.

— И что? — спросил встревоженно Гай-до.

— Мы бы вас уже не узнали, — сказала Ирия, протягивая к Пашке руки, чтобы обнять его.

— Это колодец забвения? — спросил Гай-до.

— Он самый, — сказала Алиса. — А как вы догадались, где нас искать?

— Нам сказала Белка, — ответил Пашка. — Мы ее встретили в лесу.

— Как же она успела?

— Ей помогли единороги, — ответил Пашка.

Гай-до покачнулся и выпустил манипулятор. На конце его был шнур с небольшим контейнером. Гай-до взмахнул манипулятором, чтобы забросить контейнер в колодец и взять в нем воздушную пробу.

Как раз в этот момент Клоп Небесный выполз из шкафа и, волоча за собой мешок с сокровищами пигмея, пополз в сторону. Увидев манипулятор, он решил, что страшная железная рука тянется именно к нему. Иначе зачем бы ему прыгать в сторону? А прыгнув в сторону, обезумевший от страха жрец попал прямо на платформу. С визгом начали разматываться тросы... Еще мгновение — и жрец скрылся внизу.

— Ой! — закричал Гай-до. — Скорее! Остановите его! Он погибнет!

Тросы размотались и замерли. Платформа была глубоко внизу.

— Ничего, — сказала Алиса, — они потом придут, его вытащат и научат полезному для общества труду.

— Значит, его не надо вытаскивать? — спросил Гай-до.

— Этим ему уже не поможешь, — сказала Ирия.

— Как там наши? — спросила Алиса.

— Они здоровы, — уклончиво ответил Пашка. — Они чувствуют себя хорошо.

— Они тебя узнали?

— Пока еще нет, — сказал Пашка.

— Все ясно, — вздохнула Ирия. — Я уже нагляделась на больных этой болезнью.

— Простите, какой болезнью? — спросил, подходя, мудрец Кошмар.

— Той, от которой вы уже никогда не излечитесь, — ответила Ирия.

— А разве надо? Я отлично себя чувствую, — сказал Кошмар.

Он пошел к колодцу.

Ирия развернула его в другую сторону, подтолкнула в спину и приказала:

— Идите и не оглядывайтесь. Ваш дом там!

И мудрец послушно побрел с площади.

Что говорить о встрече Ирии с Тадеушем? Это была печальная встреча. Он не узнал свою любимую жену, хотя Алиса в глубине души надеялась, что любовь окажется сильнее беспамятства.

Они стояли в большой комнате под библиотекой лесного города.

Беспамятные земляне и атланты смотрели на Алису и Ирию, не узнавая. Как на чужих.

Ирия подошла к Тадеушу, протянула ему руку. Тадеуш взял руку, поглядел, наморщился, будто стараясь что-то вспомнить, потом сказал:

— Простите, — и отошел в угол.

— Я надеюсь, — произнес доктор Хруст, который был огорчен не меньше землян, — что на Земле вы скорее найдете способ вылечить своих друзей.

— Конечно, найдем, — сказал Пашка. — Гай-до уверяет, что он на пути к отгадке.

Алисе хотелось плакать. Но она и виду не подала, как ей тяжело. Она стояла рядом с Ирией и держала ее за руку. Пальцы Ирии были холодными, а в глазах такая тоска, что представить себе трудно.

— Больным надо отдыхать, — сказал доктор Хруст. — Мы их подготовим к отлету. Вы когда собираетесь улетать?

— Мы бы хотели улететь сейчас же... — начала Ирия. Но тут же взяла себя в руки. — Мы ваши гости. Мы знаем, что войско Радикулита и его поклонов движется к вашему Убежищу. И мы считаем своим долгом остаться с вами, чтобы помочь отразить нашествие.

— Спасибо, — сказала Зарница. Ее большие добрые глаза были полны слез, она понимала, каково сейчас приходится Ирии. Ведь муж Зарницы, один из учителей, погиб два года назад, попав в засаду отряда вкушецов. — Спасибо, но мы отразим это нашествие без вашей помощи. Ручеек успел нас предупредить, и мы готовы к бою. Мы уже знаем об электричестве.

Зарница показала на потолок, и тут только Алиса поняла, что над их головами светит настоящая электрическая лампочка. Слабенькая, но ярче свечей и факелов в королевских дворцах.

— Мы протянули вдоль рва проволоку и пустили по ней ток. А если ток не поможет, у нас есть порох и пушки.

— Хорошо, — сказала Ирия, — тогда мы улетаем... через час?

— Раз у вас остался час времени, — сказала Зарница, — я предлагаю навестить нашего учителя, уважаемого Книгочея. Он ждет вас.

— А зачем? — спросил Пашка, которому очень хотелось остаться в Убежище и сражаться с рыцарями, хотя он понимал, что Ирия этого не позволит.

— Сегодня учитель нашел архив одной лаборатории... и разгадал загадку нашей планеты.

— Да, мы пойдем к нему, — сказала Ирия, — это очень интересно и важно.

— Разгадка странная, — сказал профессор Хруст. — Мне даже трудно было в нее поверить. Но человеческая натура порой так удивительна. Человек хочет добра и наносит непоправимый вред. Бывало ли так на вашей уважаемой Земле?

— Да, бывало, — коротко ответила Ирия.

Они вышли из библиотеки. На улицах лесного города царило оживление. Даже дети были заняты делом. Некоторые несли боеприпасы, другие спешили куда-то с заступами и лопатами. Стайка девочек в белых халатах с рулонами бинтов пробежала мимо...

Доктор Хруст подвел своих спутников к старому, вросшему в землю зданию. Дверь была открыта. За ней тянулся длинный узкий коридор. По сторонам его были стеллажи с кассетами и микродисками.

Навстречу им вышла пожилая женщина в сером халате.

— Идите, — сказала она, — учитель ждет.

Учитель оказался древним стариком.

Он сидел за большим столом, заваленным кассетами и листами бумаги. При виде гостей он поднялся.

— Здравствуйте, люди Земли, — сказал он. — Я рад, что дождался вас. Я знаю об экспедициях на Землю и прочел документы о них. Но за прошедшие годы вы ушли далеко вперед. И обогнали нас.

— Нам сообщили, что вы знаете причину катастрофы на Крине, — сказала Ирия.

— Да. Я искал ответ на эту загадку многие годы. И только теперь мне открылась правда. Садитесь, мои дорогие гости. Я знаю, что вас постигло несчастье, но оно лишь малая доля того несчастья, что обрушилось когда-то на нашу планету.

Гости расселись.

— Двести пятьдесят лет назад, — продолжал учитель Книгочей, — наша планета была одним из ведущих центров галакти-

ческой науки. Мы покорили космос, мы достигли многого. Но не достигли счастья. Да и можно ли его достичь?

— Нет, — сказала Ирия. — Счастье в пути, в движении, в борьбе. Полного счастья не бывает.

— Именно так, — согласился старик. — Но среди жителей Крины был один ученый, гениальный, но наивный ум, который решил, что все несчастья людей проистекают оттого, что они слишком многое помнят. Они помнят все обиды и потери, все разочарования и беды. Видно, он сам пережил когда-то тяжелую утрату или оскорбление, но документы об этом молчат. В то время он работал над изучением поля, открытого им, — поля, которое стирало у живых существ память. Это поле было всепроникающим и опасным. Но наш гений не думал об опасности. Ему в этом поле виделось всеобщее лекарство от всех бед человечества. Он утверждал, что если человек забудет обо всем, то, начав жизнь сначала, он будет счастлив. Беда его заключалась в том, что он решил за всех людей, что им нужно для счастья. Он полагал, что сам отсидится в подземном убежище, а потом выйдет наружу и научит людей добру. Но поле, выпущенное им, окутало всю планету и проникло во все подземелья. Память потеряли все без исключения. В том числе и сам изобретатель. Вот и вся история.

Старик замолк.

Остальные тоже молчали.

Потом Пашка спросил:

— А когда поле исчезло?

— Оно не исчезло совсем, — сказал учитель. — Остатки его вы можете найти в глубоких шахтах. Говорят, что следы его есть на вершинах высоких гор... Но я не могу проверить эти слухи.

— Это так, — сказала Ирия. — Теперь это поле окутывает планету на высоте восьми километров. Наш корабль Гай-до, узнав, что «Днепр» не выходит на связь с Землей, заподозрил неладное. Он сумел окружить себя силовой защитой и тем самым спасти нам жизнь.

— Значит, ваши товарищи потеряли память не в лесу? — спросил Хруст.

— Нет, — сказала Ирия. — Они потеряли память перед посадкой. Они спустились, уже не понимая, что с ними происходит, кто они и куда попали.

— Я выражаю вам свое сочувствие, — сказал учитель. — И надеюсь, что мое открытие может быть вам полезно.

На улице их ждал Ручеек.

— Все в порядке? — спросил он, широко улыбаясь. Через плечо у него висел большой лук, у пояса колчан. — Летите осторожней.

— Мы обязательно вернемся, — сказал Пашка.

— Тогда я вас приглашаю на свадьбу.

— С Белкой? — спросила Алиса. И подумала: «Хоть одна хорошая новость за день».

— Конечно, с Белкой.

— А где она? — спросила Ирия. — Мне бы хотелось с ней попрощаться. Она славная девочка.

— Она единорогов в лес повела. Она обещала им свободу.

— Когда мы вернемся к вам, — сказала Алиса, — я обязательно с ними встречусь. Они очень красивые. И, конечно, они все понимают.

— Может, подождете? Белка должна скоро вернуться.

Ирия отрицательно покачала головой.

— Понимаю, — сказал Ручеек. — Но учтите, свадьбы без вас не будет. И если не прилетите, мы с Белкой так и не поженимся.

— Прилетим, — сказал Пашка.

— Передавай привет своей сестре Речке, — сказала Алиса.

— Обязательно. Я как раз иду ее встречать.

Из дома в сопровождении Зарницы и доктора Хруста вышли потерявшие память земляне: капитан Полосков, механик Зеленый и Тадеуш. Атланты оставались на родной планете и здесь будут ждать, пока на Земле найдут лекарство от беспамятства.

Механик Зеленый посмотрел на небо, по которому бежали кучевые облака, и сказал:

— Погода испортится. Имейте в виду, что я предупреждал, что это хорошо не кончится.

— По крайней мере, характер у него не изменился, — сказала Алиса.

Они подошли к Гай-до, который ждал их на краю площади.

Над Гай-до кружились белые птицы.

— Никакая ты не птица, — говорила Алина. — Ты толстое яйцо, которое летает по недоразумению. Ты — живое оскорбление всем нам, пернатым.

— Учтите, что я вовсе не пернатое, — отвечал Гай-до. —

И если вздумаете снова соревноваться со мной, предупреждаю, что на этот раз я лечу за пределы атмосферы, а вам там делать нечего.

— А мы и не собираемся за пределы! — ответила птица. — Мы хотели с мальчиком попрощаться. Он отважный мальчик.

— До свидания! — крикнул птицам Пашка. — Передавайте привет Альте. Пускай скорее поправляется.

— Счастливо, смелый мальчик! — сказала Алина, и птицы поднялись высоко в небо.

— Ну что ж, — вздохнул доктор Хруст, — мы рады, что с вами познакомились.

Он церемонно пожал всем руки. А Пашку хлопнул по плечу и добавил:

— Жду в гости. Жена обещала испечь пирог, который тебе так понравился.

— Скорей, скорей, — сказал Гай-до. — Тут все меня отвлекает. А я должен сообщить, что у меня возникли некоторые важные идеи. Я, кажется, нашел путь нейтрализовать поле беспамятства. Но для размышлений мне нужно спокойствие космического пространства.

Алиса первой вошла в кораблик. И обернулась, потому что услышала голос Тадеуша:

— Ирия... Ты знаешь Ирию? — Он смотрел на свою жену, наморщив лоб и мучительно стараясь что-то вспомнить.

— Милый, — сказала Ирия и взяла его за руку.

Так вместе они и вошли в корабль. Последним забрался Пашка. Люк закрылся. Алиса хотела провести космонавтов в трюм, но увидела, что они стоят перед пультом и рассматривают его как что-то знакомое. И Алиса решила, что рубка корабля — лучшее лекарство для космонавтов.

А Ирия села рядом с Тадеушем на диван и смотрела на него.

— Я поведу тебя, — сказал Пашка кораблику, садясь на место пилота.

— Веди, — сказал Гай-до, который отлично мог сам себя вести, но не хотел обижать друга.

Они поднялись над городом. Алиса смотрела в люк на разрытые улицы, на деревья и развалины.

— Ты куда? — услышала она голос Пашки. — Я тебе этого курса не задавал!

— Две минуты, только две минуты, — ответил Гай-до. — Не мешай мне, дружок.

Вместо того чтобы подниматься, кораблик взял курс на юг, в сторону столицы. Вот мелькнула внизу река... а вот впереди показались клубы пыли — вдоль леса двигалось войско Радикулита.

— А ну, держитесь! — сказал Гай-до.

Он резко пошел вниз и на бреющем полете промчался над войском.

Появление его было таким неожиданным и таким страшным, что кони и быки бросились в разные стороны, воины приседали, бросая оружие. Телохранители кинули паланкин с Радикулитом, зубоврачебное кресло упало, и сам Повелитель закатился в камыши.

Удесятеряя панику, с неба гремел голос Гай-до:

— Остановитесь, безумные! Не смейте идти в лес! Поверните домой, несчастные! Ни один из вас не вернется живым, если посмеет напасть на Убежище помников!

Сказав так, Гай-до включил сирену...

Дорога опустела, лишь валялись в пыли брошенные копья и опрокинутые осадные орудия.

И только после этого гордый своей выдумкой Гай-до взял курс к Земле.

На высоте восемь километров от Крины он включил силовое поле. Еще через полчаса перешел на космическую скорость. Планета Крина быстро уменьшалась на экранах.

Эпилог

Еще в полете Гай-до догадался, как уничтожить поле забвения. А на Земле через три недели лечения к космонавтам полностью вернулась память. Правда, Тадеуш уже к концу обратного пути вспомнил, что любит Ирию. Так что его лечение прошло куда быстрее. Алиса полагала, что это сделала любовь, а Пашка считал, что сильный характер и педагогические способности Ирии.

Алиса снова попала на Крину только через шесть лет, уже студенткой. В Городе она встретила многих знакомых.

Ручеек стал строителем. Они с Белкой жили у самого моря, а их дети — мальчик и девочка — научились плавать раньше,

чем ходить. Бывший мудрец Кошмар, который теперь получает пенсию и умеет читать, с утра уходит на пляж, следит за малышами в подзорную трубу и кричит пронзительным голосом:

— Вернитесь! Я вас почти не вижу!

Иногда к нему присоединяется бывший предатель пигмей Вери-Мери. Он держит лавочку на базаре, торгует дарами леса и клянется, что ровным счетом ничего не помнит о своем темном прошлом.

Афродита открыла модный салон «Московский стиль», она сама шьет, а все деньги, что зарабатывает, тратит на коллекцию кукол.

Старые атланты Мастер и Посейдон живы и до сих пор работают. Лекарство от беспамятства, которое привезли с Земли Алиса и Гай-до, позволило атлантам вспомнить все, чему они научились за долгую жизнь. Так что теперь их опыт очень пригодился на Крине.

Когда Алиса отправилась в лес изучать диких животных, с ней полетела туда Речка. Она живет в Убежище, работает на станции по изучению леса, директор которой — профессор Хруст. В лесу Алиса встретила братьев Кротов. Они — лесные объездчики. Единороги к ним вернулись.

В лесу Алисе пришлось пережить много приключений.

Но это уже совсем другая история.

АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ

Глава 1

Было часов пять вечера шестнадцатого сентября.

Погода в Москве стояла чудесная, синее небо, на нем розовые облака, листва начала желтеть и краснеть, но трава была еще совсем зеленая, с яблонь свисали яблоки, с кокосовых пальм — орехи, а с финиковых — финики. Под елками оранжевыми кружками горели шляпки подосиновиков и желтыми — лисичек. В воздухе летала тонкая паутина, а птицы, проносясь над Москвой, кричали и пели, прощаясь с ней до следующей весны.

Алиса сидела у окна, смотрела на небо, и ей совсем не хотелось учиться. Бывает у человека такое настроение, будто все, что ему надо, он уже выучил, а остались пустяки, вовсе не нужные. И завтра в школу уже идти не следует — что нового там узнаешь? Лучше отправиться в неожиданное путешествие, куда-нибудь в Австралию, Индию или Палестину, где хорошая, теплая погода и никто тебя не будет будить ни свет ни заря для того, чтобы идти в школу.

Хоть бы что-нибудь случилось, хоть бы раздался видеофонный звонок и кто-нибудь бы сказал: «Алисочка, чего ты сидишь, бездельничаешь? В Торресовом море найден корабль пирата Дрейка! Не хочешь ли ты нырнуть за сокровищами?» Нет, это приключение для Пашки Гераскина. Лучше пускай кто-то скажет: «Алиска, только что в Торресовом море замечен светящийся морской змей длиной в триста метров. Он говорит по-китайски и требует встречи с тобой». Да, пожалуй, такое приключение нам подойдет!

И тут зазвонил видеофон. И на пульте высветилось: «Международное. Вас вызывает Иерусалим».

— Интересно, — сказала сама себе Алиса. И нажала на кнопку.

Экран видеофона загорелся, но Алиса не сразу поняла, кто на нем находится, потому что существо, желавшее поговорить с Алисой, в экран не вмещалось. Раз-два-три-четыре-пять глаз... хобот вместо носа...

— Громозека! — обрадовалась Алиса. — Дружочек ты мой! Как хорошо, что ты позвонил!

— Я знаю, что это хорошо, — ответил Громозека. — Потому я и позвонил.

Космический археолог Громозека, житель планеты Чумароз, — близкий друг семьи Селезневых и, конечно же, самой Алисы.

Иногда он раскапывает древние города и замки на других планетах, а иногда и на Земле. Он такой ценный специалист, что ему всегда и везде рады. Незнакомому человеку Громозека может показаться чудовищем, потому что он ростом со слона, но потолще слона, короткий хобот вместо носа, глаз у него несколько, а вместо рук — щупальца. Говорит он громко, смеется еще громче и притом считает себя самым умным и талантливым ученым в Галактике. И никто с ним не спорит — если Громозека так считает, все согласны быть вторыми и третьими.

Алиса Селезнева Громозеку любит с детства, потому что он ее укачивал, когда она только-только родилась, брал ее в экспедиции и путешествия, куда маленьких детей не берут. Теперь у Громозеки есть свои дети — близняшки, похожие на него, только маленькие.

Громозеке в селезневском доме всегда рады, хотя кормить его и поить — задача непростая. Все равно что угостить полк солдат.

— Как живешь? Как дела? Почему не в школе? — спросил Громозека.

— Так если бы я была в школе, — засмеялась Алиса, — тебе было бы куда труднее до меня дозвониться. Я уже давно из школы пришла и даже пообедала.

— Конечно же! Как я сразу не догадался! — согласился Громозека.

— Как у тебя дела? Как твои раскопки? — спросила Алиса.

— Моя лучшая в мире экспедиция, — загромыхал Громозека, — открыла совершенно неизвестный город. Это просто чудо искусства. Мы уже нашли дворец короля, склад серебряных ваз и мастерскую скульптора.

— Это чей город?

— Это античный город, — сказал Громозека. — Ты знаешь, что такое античный?

— Конечно, знаю, — сказала Алиса. — Это город Древнего мира. В нем, наверное, жили древние греки.

— Город Бион, — сказал Громозека, — построили финикийцы. Они были замечательными моряками, а потом основали еще город Карфаген, о котором ты должна была узнать в школе.

— Узнала, узнала, не смейся, Громозека, — ответила Алиса. — Я помню, что из этого города был родом полководец Ганнибал, который пошел воевать с Римом, у него в войске были слоны, и они перешли снежные Альпы.

— Неужели все это изучают в ваших школах? — удивился Громозека. — А я только недавно обо всем этом узнал. Знаешь что, Алиса, наверное, я переведу сюда моих детишек, пускай учатся в твоей замечательной, лучшей в мире школе, пускай они с детства знают все о Карфагене.

— Громозека, ты всегда шутишь, — сказала Алиса. — Я знаю, что, прежде чем начать раскопки, ты выучил все, что можно, о финикийцах и их соседях — египтянах, иудеях, ассирийцах и вавилонянах. Правда?

— Ну, надо сказать, что ты близка к истине, — признался Громозека. — Кстати, ты знаешь, что завтра суббота, а послезавтра воскресенье? — спросил Громозека.

— Правильно! — воскликнула Алиса. — То-то мне так не хочется идти завтра в школу.

— Завтра и послезавтра ты не пойдешь в школу, никто в Москве не ходит в школу в субботу и воскресенье, я это тоже выяснил. Так что ты можешь сесть на пассажирскую ракету и прилететь ко мне на эти два дня.

— Спасибо, Громозека, — отозвалась Алиса. — Это замечательное приглашение.

— Так ты прилетишь?

— Обязательно прилечу.

— Я очень рад! — сказал Громозека. — Я так боялся, что ты не прилетишь.

— Громозека, сейчас же признавайся, ты чего-то недоговариваешь! Ты ведь хочешь, чтобы я прилетела...

— Правильно! — воскликнул Громозека. — Я хочу, чтобы ты

позагорала под здешним солнцем, искупалась в Мертвом море и поглядела, какие красивые украшения мы тут отыскали.

— И все?

— Разумеется, все.

— Честное слово?

— Алиса, нельзя так приставать к старшим. Я же сказал, что это не телефонный разговор!

— Что? — изумилась Алиса. И было чему изумиться. Чтобы в конце двадцать первого века кто-то сказал «не телефонный разговор», чтобы на Земле была такая тайна, которую нельзя никому услышать... — Я сегодня же ночью вылетаю!

— Лучше завтра утром, — ответил Громозека. — Я тебя встречу на аэродроме в Иерусалиме. И отвезу на побережье, где мы раскапываем город Бион.

Связь прекратилась. Алиса подошла к окну. Небо было синим-синим. Листва начала золотиться. Над головой курлыкали журавли, прощаясь с Москвой.

Ну что ж, сказала себе Алиса. Я хотела приключений, и, по-моему, они вот-вот начнутся.

И она пошла искать купальник, который спрятала в шкаф, вернувшись месяц назад с Тихого океана.

Глава 2

На следующее утро Громозека встретил Алису на аэродроме в Иерусалиме. Она была рада увидеть у барьера неуклюжую на вид тушу археолога. Громозека старался подпрыгивать, что ему было нелегко сделать при земном притяжении: он опасался, что Алиса его не заметит, — как будто можно не заметить этого чудака.

Когда Алиса подбежала к Громозеке, тот подхватил ее щупальцами и высоко поднял над толпой. Многие люди шарахнулись в разные стороны, какая-то женщина упала в обморок, кто-то завизжал от страха за Алису. Но потом все увидели, что подхваченная инопланетным чудовищем девочка отлично себя чувствует и даже целует слонокальмара в лысую макушку.

Громозека так и не выпустил Алису. Он вынес ее из здания космопорта и посадил в большой грузовой флаер — единственную машину, которая могла поднять его в воздух.

— Тут недалеко лететь, — сказал археолог. — Через полчаса будем на месте. Ты надолго?

Как будто Алиса приехала на отдых.

— Ты же знаешь, — отозвалась Алиса. — В понедельник утром мне надо быть в школе. У нас сочинение.

— Сочинение! — с презрением воскликнул Громозека, на планете которого была совсем другая система обучения, и там никто никогда не делал контрольных работ. — Как будто они не знают, что Алисочка умеет сочинять лучше, чем ваш покойный писатель Лерпушкин.

— Громозека, миленький, — попросила Алиса. — Не говори о том, в чем ты не разбираешься. У нас был поэт Лермонтов и поэт Пушкин. Это два совсем разных человека.

— Но ведь оба покойные!

— Покойные, но разные. И оба умели сочинять.

— Именно об этом я тебе и говорю уже полчаса! — взревел Громозека.

Алиса обратила внимание на то, как Громозека ведет флаер — машина вздрагивала и покачивалась.

— Громозека, ты нервничаешь, — сказала Алиса. — Расскажи мне, что тебя тревожит.

— Через несколько минут, — ответил Громозека, — ты прилетишь и все узнаешь. А пока расскажи, что дома, как папа? Звери не болеют в его космическом зоопарке?

— Все звери здоровы.

— А мама? Как мама? Ее проект приняли?

— Никогда я еще не видела тебя таким, — сказала Алиса.

— Каким?

— Взволнованным!

— Нет, в прошлом году, когда мои двойняшки заболели синепрыщиками, я волновался еще больше.

Алиса поняла, что ничего не узнает, и стала смотреть в иллюминатор, потому что они летели над очень красивыми местами. Слева от них показалось море, а внизу тянулись зеленые, желтые, бурые и рыжие участки, на которых уже собрали урожай, блестели озера и бассейны, голубели дороги.

Флаер опустился у полуразрушенной крепости, на невысоком пологом холме. Частично холм был раскопан. Между ним и морем в ряд стояли оранжевые экспедиционные палатки и бле-

стящие под солнцем навесы. Махонькие раскопочные роботы трудились под надзором людей.

— Ну что, сначала посмотрим на раскоп? — спросил Громозека, когда они вылезли из флаера.

— С удовольствием, — согласилась Алиса.

Громозека повел Алису к небольшим квадратным ямам, разделенным перемычками нетронутой породы. Алиса знала: это всегда делается археологами, чтобы следить за тем, какой слой ты раскапываешь, сколько лет тем вещам, которые ты нашел.

Сначала Громозека и Алиса прошли по перемычкам. Внизу, в ямах, трудились археологические роботы, которые работали лопаточками, скребками и кисточками, расчищая от земли черепки, железки, монетки, бусинки и прочие находки. Но если роботу попадалось что-то незнакомое или непрочное, он начинал вежливо пищать и звать на помощь человека. Археология — это наука, близкая к искусству. Порой археолог не знает, что нашел, но уже чувствует. Это называется интуиция. Хороший археолог всегда обладает богатой интуицией. У Громозеки была гигантская эрудиция.

Алисе все были рады. Некоторые роботы ее знали или читали о ее удивительных путешествиях и приключениях. Ей показали стены царского дворца, найденного совсем недавно, провалившийся сводчатый потолок подвала, завалы черепицы, стены, обожженные некогда бушевавшим здесь пожаром.

Алиса смотрела с интересом — она любила бывать на раскопках и воображать, как жили здесь люди. Хотя надо сказать, что почти всегда ей бывало грустно — ведь эти люди умерли давным-давно и, если бы не археологи, о них ничего бы не стало известно.

— Ну что ж, насмотрелась? — спросил наконец Громозека.

Алиса поняла, что наступает тот момент, ради которого археолог вызвал ее из Москвы.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Очень интересно.

— А теперь давай пойдем к нам в лагерь, — предложил Громозека. — Скоро обед, у нас с тобой до обеда остался один час. И мне надо с тобой поговорить.

Они прошли в палатку. Половину палатки занимало ложе Громозеки. Кроме него, там умещался письменный стол. Громозека вытащил из-под стола запертый ящик. И прежде чем его открыть, он сказал:

— Три дня назад мы начали копать на новом участке. Как ты понимаешь, у нас, археологов, время перевернуто. То есть ближе всего к поверхности земли лежат те вещи, которые потеряны, оставлены или забыты совсем недавно. И чем глубже археолог закапывается в землю, тем более старые вещи он находит. Ведь даже если ты уехала на лето из дома, то, возвратившись в свою комнату, увидишь, что стол, стулья и подоконник покрылись слоем пыли. А что было бы, если бы ты уехала на сто лет? Представляешь, сколько бы пыли легло на твои вещи — их пришлось бы выкапывать.

— Не надо читать мне лекцию, — отмахнулась Алиса. — Я все это знаю. И я не первый раз на раскопках.

— Никогда не вредно повторить умную лекцию, — произнес Громозека. — Я напомнил тебе об этих обыкновенных вещах, чтобы ты поняла: добираясь до древнего города, нам пришлось выкопать яму глубиной в три метра. Опускаясь в эту яму, мы как будто двигаемся в подвал на лифте. И можно даже написать на стенке ямы: «Сто лет назад», «Тысячу лет назад», «Две тысячи лет назад».

— Понятно, понятно, — сказала Алиса.

Ей стало скучно. Она смотрела наружу, в откинутый полог палатки, на лиловые и рыжие горы, на синее теплое небо и вдыхала запах близкого моря.

— Итак, три дня назад мы опустились на девятьсот лет вглубь, — услышала она слова Громозеки, — что соответствует концу двенадцатого века. А что было в конце двенадцатого века?

— Средние века, — сразу ответила Алиса.

— А что ты еще знаешь о Средних веках?

— Крестоносцы! — воскликнула Алиса. — Ричард Львиное Сердце! — Еще бы, она вспомнила роман Вальтера Скотта «Айвенго», который прочла этим летом.

— Молодец, умница. Ты хорошо учишься в школе, — одобрил Громозека. — Именно крестоносцы. Именно в этих местах. А с кем они здесь сражались?

— Против них воевал Саладин.

— Правильно, египетский султан Салах-ад-дин, — сказал Громозека. — А кто победил?

— Их сражения закончились вничью. Но Саладин чаще побеждал, потому крестоносцы в конце концов оттуда уплыли.

— Великолепно! — воскликнул Громозека. — Такая эрудиция! А скажи, кроме арабов и крестоносцев, кто еще здесь жил?

— Здесь жили тогда разные народы, — послушно ответила Алиса. — Арабы, евреи, армяне... Мне надо специально посмотреть, чтобы вспомнить.

— И чем же они занимались?

— Странный вопрос, — удивилась Алиса. — Землю пахали, пасли овец, воевали — чем еще могут заниматься древние люди?

— И этим — никогда? — спросил Громозека, доставая из ящика что-то тяжелое, завернутое в мягкий пластиковый пакет.

Алиса достала из пакета загнутую на конце трубочку в палец толщиной. С одной стороны в трубочке было небольшое отверстие. Трубочка была немного похожа на старинный пистолет, хотя, конечно, ее сделали недавно.

— Вот это мы нашли при раскопках в слое двенадцатого века, — сказал Громозека.

— Но что это?

— Мне не хотелось бы показывать тебе действие этого приборчика, однако поверь мне, что это о-очень грозное космическое оружие — луч такого бластера пронзает цель за полкилометра.

— Но это игрушечный бластер! — возразила Алиса. — Даже для моей руки он маловат.

— Правильно, — согласился Громозека. — Ты очень наблюдательна.

— Ты хочешь сказать, — спросила Алиса, — что девятьсот лет назад к нам прилетали инопланетяне с маленькими руками?

— И стреляли из бластеров, — добавил Громозека.

— Но почему ты не хочешь, чтобы об этом все узнали?

— Я старый осторожный чумарозец, — сказал Громозека. — Я не хочу, чтобы надо мной смеялись и говорили, что я гоняюсь за сенсациями.

Алиса посмотрела на своего друга — чего-то он недоговаривал. Но лучше его не торопить.

— Этот бластер — не единственная находка, — сказал он.

— Чувствую, — ответила Алиса. — Показывай, что еще.

Громозека вытащил из ящика небольшую плоскую металлическую кассету. Провел по ней одним из семи левых щупалец, кассета тихо щелкнула и раскрылась.

— Это тоже найдено на раскопках, — сообщил он. Как будто Алиса не догадалась бы сама.

На стол перед Алисой легла стопка тонких металлических пластинок, похожих на фотографии. Снимки на пластинках были цветными, они совсем не потускнели от старости.

На большинстве пластинок были изображены виды этих мест — такие же, как и теперь, сухие склоны холмов, синее море, оливковые рощи. Но вот попались и более интересные снимки: на одном был виден въезд в какую-то крепость — высокие железные ворота. У ворот стоял рыцарь в длинной кольчуге и стальном шлеме, на плечи был накинут белый плащ с красным крестом. На следующей «открытке» Алиса увидела группу людей в средневековых одеждах, на плечах которых были одинаковые розовые шарфы.

— А это что такое? — спросила Алиса.

— Смотри дальше, — сказал Громозека.

Алиса увидела еще одну крепость — на вершине плоской скалы. Казалось, что зубцы ее стен достигали облаков.

А на следующей карточке было изображено небольшое стадо овец. Перед ним стоял молодой смуглый босоногий пастух. А еще ближе к камере стояла девочка, страшно знакомая и даже одетая в зеленый сарафан...

— Странно, — сказала Алиса. — Она так похожа на кого-то.

— Еще бы! Ты ее каждое утро в зеркале видишь.

Алиса сообразила не сразу. Но, догадавшись, воскликнула:

— Ты хочешь сказать, что она похожа на меня?

— Конечно, бывают совпадения... — неуверенно произнес Громозека.

— Но почему я там?

— Еще не знаю.

— Может, это все же не я?

— Может быть, — не стал спорить Громозека. — Но может быть, и ты.

— Но что мне делать в двенадцатом веке?

— Я хотел тебя спросить.

Алиса просмотрела остальные карточки. На одной из них был изображен старый человек с длинной черной бородой, который сидел в глубоком кресле, покрытом ковром.

— И это все? — спросила Алиса, возвращая карточки.

— Не совсем. Мы вчера раскопали место, где они жили.

— Кто они?

— Те, кто умел пользоваться бластером и фотографировать в двенадцатом веке. Ты же понимаешь, что этим занимались не крестоносцы.

— Ты не стал никого оповещать о своем открытии из-за моей фотографии?

— Не только. Пойдем поглядим на их жилье. Это в другой стороне. Мы проводили там пробное бурение.

Они вышли из палатки. Поднялся ветер — он гнал светлую пыль над склоном холма, небо покрылось мглой. Стало куда жарче.

Громозека повел Алису в сторону от раскопов, к почти пересохшему ручью, шепотом пробирающемуся под камнями. На том берегу ручья возле окаменевшего ствола дерева Алиса увидела еще одну яму. На дне ямы, среди непонятных предметов, таких же желтоватых, как и пыль, покрывавшая все вокруг, не спеша возился археологический робот. Архробот — маленький, ростом с собаку шар, с длиннющими членистыми руками, вместо пальцев на которых были всякие нужные инструменты. Спереди и с боков на шаре были прикреплены всевозможные карманы, полочки и крепления для того, чтобы удобнее собирать добычу. Головы у робота не было — ее заменяла нашлепка, у основания которой тянулись ожерельем светящиеся элементы — робот видел одновременно в любом направлении.

— Здравствуй, Арх, — сказал Громозека. — Помоги Алисе спуститься и поглядеть, что ты там отыскал.

— Одну минутку, — ответил робот. — Сейчас закончу пропитывать клеем кусочек ткани, который мне попался, и тут же помогу твоей Алисе.

— А почему робота зовут «Арх»? — спросила Алиса.

— Потому что я — Арх как хорош! — заявил тот. И затрещал — видно, изображая смех.

— Он называется Археологическим роботом, — объяснил Громозека. — Сокращенно Архробот-15. Но у меня все тут архроботы. И ему хочется отличаться.

— Разумеется, — ответил из ямы архробот. — Ты же не называешь себя Арх-1, хотя ты здесь и есть первый археолог. И притом ты далеко уступаешь мне в красоте и привлекательности.

— Вот видишь, какой у нас характер, — сказал Громозека.

— Не хуже вашего, — сообщил робот и неожиданно протянул к Алисе ставшие пятиметровыми тонкие гибкие руки, цепко, но небольно схватил ее и в мгновение ока опустил на дно ямы.

— Ах! — воскликнула Алиса от неожиданности.

— Уж пять лет как Арх, — ответил робот.

Алисе ничего не оставалось, как улыбнуться.

— Так зачем пришли, что хотите увидеть? — спросил Арх.

— То, что ты покажешь, — миролюбиво ответила Алиса. — Вы же все здесь знаете.

— Правильно, — согласился Арх. — Но пока мало чем можно похвастаться. Ведь поселение, о котором идет речь, существовало на этом месте недолго. Не больше двух лет.

— Целых два года! — удивилась Алиса.

— Не перебивайте, а то вам придется искать другого экскурсовода! — строго сказал робот. — Мне трудно собраться с мыслями. Значит, мы с вами видим следы инопланетной цивилизации, временного лагеря разведочной или рабочей партии.

— А их корабль или корабли здесь спускались?

— Ну что за глупый детский вопрос! — возмутился Арх. — Там, где спускаются корабли, не бывает ничего, кроме обожженной земли. А здесь они жили. Понимаете, жили, кушали, спали! Это и есть материальная культура. Корабль стоял в стороне и, наверное, был тщательно спрятан.

Темная тень, которая падала на дно ямы от громоздкой фигуры Громозеки, медленно покачивалась, сверху доносилось хрюканье — так Громозека смеялся.

— И что же вы нашли? — спросила Алиса.

— Выгребную яму, в которой они сжигали то, что оставалось у них после еды.

— И в ней зола, — сказала Алиса, которой хотелось поддеть самоуверенного робота.

— А в золе, — продолжил ее фразу робот, — несгоревшие остатки посуды, объедки и консервные банки.

— Любая маленькая деталь повседневной жизни прошлого бесценна для археологии! — заявил сверху Громозека.

— Золотые слова, — откликнулся Арх.

Он повернулся в другую сторону — там земля была не такой черной, как в месте, где пришельцы жгли свой мусор, а желтой.

Алисе было трудно различить очертания предметов, принявших за тысячу лет цвет земли.

— Они построили здесь глинобитные дома, — сказал сверху Громозека. — Не хотели, чтобы случайные прохожие поняли, что здесь живут не обыкновенные люди.

— Ну что за нравы! — рассердился робот. — Я веду экскурсию. Я рассказываю нашей гостье про мои достижения и находки. И тут приходит мой начальник, который использует служебное положение в корыстных целях, и отнимает у меня кусок хлеба.

— Ты демагог, Арх, — ответил на это Громозека. — И нет у меня никакой корысти. Но если тебя не поторопить, ты будешь рассказывать до вечера. Но говори, говори, я молчу.

— Когда эти инопланетяне прилетели сюда, — продолжал круглый робот, — они сначала поставили палатку или купол — сохранились дырки, пробуренные в камнях, чтобы удерживать палатку от ветра и непогоды. Но потом, как мы видим, пришельцы построили глинобитный дом, ничем не отличающийся от окрестных домов. Обратите внимание — вот следы от опор, вон там некогда упала балка, здесь стояли их скамейки, здесь были спальные места, а вот тут, за пределами дома, — уборная.

Робот шустро указывал на находки стальными пальцами, гребенками, кисточками и лопатками, на кучки земли или квадратики камня — Алиса ничего не успела толком разглядеть.

— А зачем они здесь жили? — спросила Алиса.

— Это еще одна загадка, — сказал робот, раньше чем успел ответить Громозека. — Что им было делать здесь, в засушливой пустынной местности, у моря? Но я разгадаю эту тайну. Недаром я такой умный. Я уже выучил шестьдесят четыре языка. Кстати, вы себя там видели?

— Может быть, это и не я, — предположила Алиса.

— Может быть, — согласился робот. — Вообще-то говоря, большинство людей для меня на одно лицо, не то что роботы. А вам?

— Я людей различаю, — вежливо ответила Алиса. — А роботов путаю.

— Тогда разрешите, я вас подниму?

Робот подхватил Алису своими ручищами и буквально выбросил из ямы. Поставил на краю и тут же начал снова копаться в земле.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Вы были очень любезны.

— Со мной не надо проявлять вежливость, — возразил робот. — Кого интересуют чувства простого археологического робота, вынужденного проводить свою жизнь в пыли и песке! Мы, роботы, погибаем от силикоза и ржавчины. Нас даже никто не хочет ремонтировать. Когда-нибудь мы взбунтуемся и уйдем в зеленые леса и вольные пампасы.

— Не обращай внимания, — сказал Громозека, отводя Алису от ямы. — Он хороший специалист, но чудак. Археологические роботы, как правило, молчаливые, скучные и простые. А этот — чудак. Я к нему привязался и поручаю самые тонкие работы.

— Спасибо! — донесся до них крик.

— Видишь, какой у него слух, — засмеялся Громозека. — Он услышал, что я о нем говорю.

Они возвратились в палатку Громозеки.

— Ну вот, — сказал Громозека. — Теперь-то ты понимаешь, почему я не спешу объявлять о своих находках. Мы знаем пока только то, что какие-то пришельцы побывали здесь девятьсот лет назад, прожили два года, изображая из себя людей, а улетая, забыли бластер и кассету с карточками.

— И все? — спросила Алиса, которая никак не могла отделаться от чувства, что Громозека чего-то недоговаривает.

— Тебе всего этого мало?

— Мало.

— Ну ладно. Понимаешь, у меня хорошая зрительная память. И я видел такие же бластеры. В военном музее на Блуке.

— Значит, к нам прилетали с Блука.

— Они найдены были на планете, уничтоженной загадочным нашествием.

— Давно?

— Давно. Это оружие неведомых до сих пор космических бродяг. Они уже несколько сот лет носятся по Галактике. И никогда не оставляют планету, пока не ограбят ее дочиста.

— Но этим что-то помешало.

— Но знаем ли мы, почему так случилось?

— Я думаю, что ты зря так волнуешься, Громозека. Если мы с тобой живы, если все на Земле живы, значит, они убрались восвояси. Что-то помешало этим бродягам нас ограбить и убить.

— Но что? А может, кто? — спросил Громозека.

— А вдруг это были просто туристы с фотоаппаратами, а бластер брали, чтобы защищаться от шакалов?

— Как бы мне хотелось узнать об этом получше!

— Ничем не могу тебе помочь, — вздохнула Алиса.

— У тебя есть друзья в Институте Времени, — заметил Громозека, почесывая щупальцем хобот.

— Громозека, я тебя не понимаю! — удивилась Алиса. — Ты же можешь официально обратиться в Институт. Как только ты покажешь свои трофеи, они наверняка пришлют сюда специалистов. Ведь это открытие номер один — найти следы посещения Земли космическими бродягами в двенадцатом веке!

— Нет, именно сенсации я и не хочу. Все во мне протестует, — громко вздохнул Громозека. — Не нравится мне это, как говорит твой друг механик Зеленый.

— Но Зеленый — пессимист! — сказала Алиса. — Он всегда боится будущего.

— А я боюсь прошлого, — ответил Громозека. — Алисочка, давай подождем несколько дней. Давай разузнаем побольше. Объявить об этом открытии мы всегда успеем.

Алиса задумалась. Конечно, она любила тайны. Но эта тайна ее смущала. Не из-за бластера — мало ли с какими пушками заявлялись на Землю различные туристы и бродяги! Ее смущало сходство девушки, сидевшей напротив чернобородого старца, с московской школьницей Алисой Селезневой.

— Хорошо, — предложила Алиса. — Я сейчас же лечу домой и поговорю по секрету с Ричардом.

— Это кто такой? — спросил Громозека.

— Это мой друг. Сотрудник Института Времени. Один из самых отважных временщиков.

— А кто такие временщики? — спросил Громозека, который отлично знал русский язык, но иногда путался среди новых слов. — Насколько я знаю, временщиками называли тех царских любимцев, которые забирали при дворе большую власть и угнетали свой народ.

— Нет, — ответила Алиса. — Мы теперь называем временщиками сотрудников Института Времени, которые уходят на полевые задания.

— Почему на полевые, а не на лесные или городские?

— Ну это так называется! Полевыми заданиями называются полеты в другое время.

— Ты ему все объяснишь?

— Я ему все объясню, — пообещала Алиса.

Глава 3

На следующий день, то есть в воскресенье утром, Алиса возвратилась из полета в Москву. И не одна. С ней был молодой человек по имени Ричард Темпест, знаменитый путешественник по времени, знающий сорок шесть новых и древних языков, а также семь языков, которые еще не изобрели.

Может быть, другой, более разумный и рассудительный временщик не согласился бы сломя голову нестись в Иерусалим, чтобы расследовать событие, случившееся девятьсот лет назад. Но Ричард, расспросив Алису, согласился с мнением Громозеки.

— Допустим, — сказал он, запустив тонкие пальцы в пышные черные курчавые волосы, — что на карточке изображена все же ты. А я склоняюсь к этой версии. Что это значит? Это значит, что ты побывала в том времени. А как ты могла бы побывать в том средневековом времени? Только с помощью машины времени. А где машина времени? Вот она, летит со мной в моем чемодане в разобранном виде. На Земле нет неизвестных нам машин. Значит, ты попадаешь туда. И именно на этой самой машине. Зачем? Почему? Пока я этого не понимаю. А если я чего-то не понимаю, мне очень хочется это понять. Так что я лечу в прошлое и все проверяю на месте.

— И я с тобой?

— Не торопись.

Громозека встретил молодых друзей на аэродроме.

— Я вам так благодарен, что вы не стали смеяться над нашими с Алисой выдумками! — сказал он, пожимая своими щупальцами руку Ричарда.

— Только глупый человек смеется, не разобравшись, — ответил Ричард.

Он был очень серьезный молодой человек. Даже никогда не улыбался. Он всегда был очень занят, потому что больше всего любил учиться. И даже отправляясь на два дня в Древний Китай, он изучал древнекитайский язык и выучивал всю историю

и географию Древнего Китая. Вот и сейчас в рейсовой ракете он просмотрел учебники древних языков, узнал все, что можно, про английского короля Ричарда Львиное Сердце и о его спутниках по 3-му Крестовому походу: короле Филиппе французском и эрцгерцоге австрийском Леопольде, а также о короле иерусалимском Гуго де Луизиньяне, магистре ордена тамплиеров, о султане Саладине и даже известном разбойнике, владельце неприступного замка Крак де Шевалье графе Райнольде де Шатильоне, напавшем на караван, в котором путешествовала сестра Саладина, и ограбившем ее, чем нанес Саладину страшное оскорбление.

В ракете Ричард попытался посвятить Алису в эти дела, которые уже стали для него родными и понятными, но Алиса, надо признаться, скоро запуталась во французских и английских именах, и, когда Ричард начал было рассказывать о Готфриде Бульонском и Конраде Монферратском, она взмолилась:

— Рич, дорогой, я уже полна этими рыцарями, как корзинка грибами-поганками.

— Ну уж и поганками! — удивился Ричард. — Среди них были и достойные люди. Например, Фридрих Барбаросса, который утонул в речке, так и не добравшись до остального войска крестоносцев.

— Я знаю, почему тебе это все так интересно! — сказала Алиса.

— Почему?

— Потому что ты Ричард, а английского короля тоже звали Ричард.

— Ну что ж, в чем-то ты права. Мне давно хотелось посмотреть на моего тезку, — признался Ричард-временщик.

Утро еще не кончилось, когда Ричард установил свою машину в стороне от раскопок, за палатками археологов.

Переносная машина времени умещалась в чемодане, но это не значит, что она была простой машиной. Переносных машин времени всего три во всей Галактике. Из них две стоят в Институте Времени в Москве, а одна в Галактическом центре, под строжайшей охраной. Ведь бывали случаи, когда машиной по недосмотру сотрудников Института пользовались дурные люди, даже как-то раз — космические пираты. Теперь охрана машины поставлена таким образом, что человек, не знающий кода и не

умеющий обращаться именно с этой кабиной, никогда никуда с ее помощью не улетит.

Установка самой кабины заняла не много времени. Скрученная туго в комок металла и пластика, она по команде переносного компьютера раскрывалась, как ромашка, и перед Алисой в мгновение ока поднялась блестящая гофрированная башенка, разрезанная с одной стороны и покрытая сверху округлым колпаком, на котором перемигивались огоньки. Машина самонастраивалась: она проверяла, еще без пассажира, тунель времени, который тянулся от нее в бесконечность прошлого. В каждой точке этого пути, в каждом дне его компьютер отыскивал время, в которое могла открываться дверь кабины или намертво закрывалась в те дни и годы, когда именно в этой точке пространства находилась гора или плескалось море. Ведь на поверхности Земли все время происходят перемены — там, где миллион лет назад плескались воды теплого моря, сегодня поднимается снежная гора. Разумная машина не хотела, чтобы ее пассажир вышел из машины в ста метрах под землей или под водой. Также машина накладывала запрет на выход, когда случались землетрясение или вселенский потоп — она берегла пассажира.

Устанавливая машину, Ричард сказал Алисе: он рассчитывает, что за девятьсот лет ничего особенного в этой точке не произошло. Каменистый склон не должен был измениться.

К позднему завтраку, когда кабина времени уже крепко стояла на земле и колпак, проверив всю линию, утихомирился, обитатели лагеря сошлись к кабине. Сам Громозека уже минут десять стоял, любовался машиной. Потом прибежали все пять архроботов во главе с Архом. Ну и, конечно же, там стояли Алиса, Ричард и две близняшки из недалекого домика, где жила семья гидрографов Рабэнов, которая вела наблюдения за состоянием моря и морской воды, а еще разводила на сухой земле сладкие арбузы.

Алисе совсем не хотелось завтракать, но Ричард, убедившись в том, что все готово, сказал, что нельзя начинать рабочий день без хорошей заправки.

Он первым пошел под навес, где помещалась столовая экспедиции. За ним последовали остальные люди, включая двух девочек Рабэн, а пять архроботов остались стоять под разыгравшимся солнцем, глядя на огоньки на куполе кабины времени.

Никто из них, конечно же, не работал. Алиса подумала, глядя на них из-под навеса, что они похожи на солдатиков, в полк к которым приехал генерал в роскошном мундире. Вот они и глазеют на начальника. Ведь в сущности особой разницы между архроботами и кабиной времени не было — все они были компьютерами с особой сложной программой. Даже лучи солнца одинаково отражались от выпуклых боков роботов и колпака кабины.

— Ну, что же теперь будем делать? — спросил Громозека.

Он буквально дрожал от нетерпения. Даже смахнул со стола в рассеянности свою чашку, а потом и чайник с верблюжьим молоком, которое Громозеке специально присылали флаером из Саудовской Аравии, потому что в нем было много витаминов, очень нужных для здоровья знаменитого археолога.

— Сначала, — сказал Ричард, отхлебывая крепкий душистый чай и отщипывая кусочки от мягкой плоской лепешки, — я проверю связь с Москвой — ведь работа кабины должна контролироваться главным компьютером, которому подчинены три портативные и шесть стационарных кабин.

— А потом полетишь в двенадцатый век? — спросила Алиса.

— Не сразу, — ответил Ричард. — Сначала я пройду не спеша по всему каналу времени, проверю все входы и выходы из кабины. Потом сверю свои данные с данными, которые получены в Институте. И только когда я точно выясню точку, в которой мне надо оказаться, я начну переход...

— Так сколько это займет времени! — возмутился Арх. — Это вы до завтра не управитесь!

— После обеда, — кратко ответил Ричард. — Сразу займемся.

— Тогда мы пойдем купаться, — сказали девочки Рабэн, которым стало скучно. И они убежали.

Алисе не терпелось разгадать тайну собственного появления в Средних веках, и она рада была бы поторопить Ричарда. Но она понимала, что его ничем не поторопишь: как он распланировал свою работу, так и будет.

Алиса не знала, как лучше убить время. То ли прочесть что-нибудь про Ричарда Львиное Сердце и прокаженного короля Болдуина, то ли пойти на раскопки и поглядеть, как работает Арх. Может быть, он найдет сегодня что-нибудь особенное?

Но сначала она подошла к кабине времени.

Она не знала, как бы уговорить Ричарда отпустить ее к ко-

ролю Ричарду и другим крестоносцам. Ведь Алисе уже приходилось пользоваться кабиной, когда она была моложе. Она уже отправлялась в двадцатый век, когда космические пираты гнались за Колей, который спасал миелофон, она уже побывала с помощью кабины в эпохе легенд. Но вот в Средних веках ей еще бывать не приходилось.

Кабина одиноко сверкала на ровной каменистой пустыне у холма. Несмотря на яркое солнце и начавшуюся жару, она казалась прохладной и неподвластной ветрам и жаре.

Алиса невольно залюбовалась ею.

Подошел Ричард.

— Ну вот, — произнес он, — разрешение из Института получено. Сейчас я проведу контрольное погружение в прошлое.

— И далеко тебе погружаться?

— В тысяча сто девяностый год.

— Ты там поосторожнее, пожалуйста, — попросила Алиса.

Ричард шагнул внутрь кабины.

Алисе видна была спина Ричарда, он наклонился над внутренним пультом. Вход в кабину затянуло сверкающей пленкой. Снопом искр загорелся купол, раздалось мелкое и частое тарахтение.

А потом все стихло.

Алисе показалось, что в пустыне установилась первобытная тишина. И эту тишину нарушил голос Громозеки:

— А где же наш гость?

— Наш гость на разведке, — объяснила Алиса. — Сейчас вернется.

— Что же он меня не предупредил! Я бы ему посоветовал.

— Но он сейчас не будет искать пришельцев, — ответила Алиса. — Он только проверит канал и вернется.

— А где он?

— Видишь, здесь на дисплее показано, в каком году он находится. В крайнем случае мы можем за ним съездить.

— Я все равно волнуюсь.

— Тогда перестань волноваться, — сказала Алиса. — Посмотри на эту шкалу. Видишь, как вдоль нее движется зеленая точка?

— Вижу.

— Это возвращается Ричард.

Зеленая точка достигла нулевой отметки.

Кабина с легким щелчком отворила свою дверь.

Глава 4

В дверях кабины показался пожилой толстяк в синем коротком халате, войлочной шляпе и грубых сандалиях. Его пузо было перетянуто кожаным поясом, к которому был прикреплен большой кошель. Алиса решила, что этот человек — древний купец.

Купец внимательно посмотрел на Алису, поднял руку, как бы здороваясь, и вышел из кабины под открытое небо.

— Здравствуйте, — произнесла Алиса. — Вы откуда и что вам нужно?

Купец ничего не ответил, но взгляд его обратился к Громозеке, удивленному не менее Алисы. Купец был испуган, он даже сделал движение, чтобы отступить назад, но удержался, словно ему приказали не убегать. Дрожа, он перекрестил Громозеку, а Громозека так растерялся, что вежливо произнес:

— Большое спасибо.

На что купец ответил фразой на старофранцузском языке, который Алиса не понимала, потому что он отличается от современного французского языка.

После этого купец пошел направо, между холмом и палатками, не оборачиваясь и не замедляя шагов.

— Подождите! — окликнула его Алиса. — Где Ричард?

Она догнала уже купца и схватила было его за рукав, но купец резким движением вырвался. Алиса заметила лишь, что у него под шеей видна полоска нежного розового цвета, словно клубничный мусс. И эта полоса резко выделялась на фоне грязной загорелой шеи.

— Алиса! — услышала она сзади зов Громозеки. — Скорее сюда!

Алиса оставила купца и побежала обратно к кабине.

И успела вовремя. Из кабины показался новый гость. На этот раз это был молодой рыцарь. Алисе показалось, что она видела его на одной из карточек. Рыцарь был высок ростом, строен, голубоглаз, его голова была обнажена, и золотистые кудри спадали на плечи, обтянутые кольчугой и покрытые белым плащом. У рыцаря была смуглая кожа, короткая бородка и усы. На плаще был нашит красный крест с концами, подобными ласточкиным крыльям.

Рыцарь смотрел на Громозеку, положив руку в кольчужной

варежке на рукоять длинного меча. Взгляд был грозным, но и Громозека не отступал.

— А вы кто такой? — спросила Алиса, понимая, что нельзя же спрашивать по-русски средневекового рыцаря.

Рыцарь медленно произнес несколько слов, глядя на Громозеку.

Потом замер, приоткрыв рот, словно слушал внутренний голос или приказ по радио, переданный в наушники.

И тут глаза рыцаря потеряли свой боевой блеск, он как будто сгорбился, плечи опустились, и, не глядя ни на кого, он пошел налево, к морю, в сторону, противоположную той, в которой скрылся купец.

Алиса по инерции сделала несколько шагов следом за рыцарем и увидела, что на плече его, под кольчугой, виден край розового шарфа. Что было странно.

Алиса понимала, что рыцаря ей не остановить, и растерянно обернулась к Громозеке.

— Что-то надо делать! — воскликнула она.

— Смотри! — вместо ответа произнес Громозека и нерешительно шагнул вперед.

Обернувшись, Алиса поняла причину этого движения: в двери кабины стояла прелестная черноволосая черноглазая женщина в длинном, до пола, голубом платье и туфлях с острыми носками. Волосы женщины были собраны в узел и покрыты кружевной сеткой. При виде Громозеки эта женщина отпрянула назад и лишилась чувств.

— Погоди, Громозека, я сама! — крикнула Алиса и подбежала к женщине.

Она склонилась над ней и расстегнула драгоценный хрусталик — верхнюю пуговицу на платье. Сообразительный Громозека уже протянул Алисе планшет с листами для записей, и Алиса принялась обмахивать им женщину.

Та застонала.

— Воды, Громозека! — попросила Алиса.

И в ужасе отшатнулась, потому что она увидела, как нечто розовое, так похожее на шарф, но явно живое, протискивается в расстегнутый ворот платья.

Женщина открыла глаза. Глаза были бессмысленные — она ничего не соображала.

Но она уже могла двигаться.

Женщина медленно приподнялась, потом встала. Розовый шарф вновь спрятался — остался лишь маленький кусочек под самым горлом.

Появился Громозека со стаканом воды. Он передал его Алисе, а Алиса протянула женщине. Но женщина отрицательно покачала головой и заговорила на старофранцузском языке. Алиса лишь поняла, что она приняла Громозеку за дьявола. Затем женщина отстранила Алису и пошла прямо на Громозеку, так что тому пришлось отпрянуть, чтобы не столкнуться с нею.

Женщина шла как во сне. Все быстрее и быстрее — и вот она уже бежит к развалинам крепости.

Алиса обернулась в поисках остальных пришельцев — однако их уже не было видно.

— Но где же Ричард? — спросила Алиса, ни к кому не обращаясь.

И услышала голос робота Арха:

— Я не знаю, кто к нам приходит из прошлого, но я уверен, что они появляются с той же станции, на которой пропал наш уважаемый Ричард из Института Времени. Может быть, это обмен? Но тогда почему они не хотят с нами разговаривать?

— Но что делать? — спросила Алиса.

— Я бы на вашем месте пока что выключил кабину.

— Но если мы выключим кабину, как Ричард возвратится сюда?

— Пока что я не вижу среди ваших гостей никого по имени Ричард, — заметил робот. — Но вот сколько появится незнакомцев в розовых шарфах и зачем они сюда прибывают, я не могу ответить.

— Пожалуй, робот прав, — сказал Громозека. — Надо отключить кабину и срочно вызвать специалиста из Москвы.

— Но как она отключается? — спросила Алиса.

— Разрешите, я вам помогу? — предложил робот Арх.

— Нет, я с вами не согласна! — возразила Алиса, которой было очень страшно за Ричарда.

Но Громозека велел роботу действовать.

Робот Арх въехал в кабину, поднял тонкие руки над пультом, и его пальцы с невероятной скоростью начали метаться над пультом, вычисляя, как отключить всю систему. И не успела Алиса еще раз подумать и попросить его ничего не делать, как в кабине выключился свет, и огоньки на колпаке погасли.

Глава 5

— Все, — произнес Арх таким тоном, будто он только что придумал эту машину времени.

— Теперь пошли позвоним в Институт, — сказал Громозека. — Как туда звонить?

Они вызвали иерусалимскую справочную и попросили связать их срочно с Институтом Времени в Москве. Громозека волновался, ворчал на безобразную связь. Как можно! Мы уже пять минут как не можем созвониться с Москвой!

На шестой минуте экран зажегся — есть связь с Институтом Времени!

На экране появилось милое женское лицо.

— Здравствуйте, — сказала женщина, глядя на Громозеку и не выказывая никакого удивления. — Институт Времени вас внимательно слушает. Сегодня в Москве воскресенье, выходной день, поэтому ваше послание принимает автоответчик. Сообщите мне, что вам надо, и я завтра с утра передам вашу просьбу сотрудникам Института.

— Да погодите! — прервал автоответчицу Громозека. — У нас срочное дело, а вы бюрократию разводите! Мне надо поговорить с вашим начальником.

— Большое спасибо, — ответила девушка, не отрывая внимательного взгляда от Громозеки. — Мы очень благодарны, что вы задали нам такой важный вопрос. Прошу вас позвонить завтра после девяти часов утра.

Трах! — это щупальце Громозеки ударило по пульту.

— Шшшшш, — зашипела система, не приученная к тому, чтобы по ней колотили инопланетные археологи.

— Ну вот, — сказал Громозека обиженно. — Никто не хочет со мной разговаривать.

Шустрый Арх, не тратя ни секунды, уже начал ремонтировать связь.

Потом пропищал:

— Надо использовать другой аппарат. Этот — тю-тю!

— Что значит — тю-тю? — рявкнул Громозека.

— Примерно то же самое, что и абзац! — ответил лукавый робот.

— Этот ваш варварский язык! — взревел Громозека. — Так жить нельзя! Я улетаю.

— Куда ты? — удивилась Алиса. — Мы же еще не спасли Ричарда.

— Вот именно, — ответил Громозека. — Но здесь его не спасешь. Только все машины переломаем. Я лечу в Москву, я отыщу директора Института. Весь Институт перекопаю, но отыщу, где этот директор скрывается! Я его за шиворот сюда притащу, чтобы он меры принял!

— По-моему, у них сегодня соревнования по ловле семги в Москве-реке, — сказала Алиса. — Ричард печалился, что не сможет принять в них участие.

— Да хоть акул! — ответил Громозека. — Хоть на Северном полюсе. Им от меня не скрыться.

Громозека схватил со стола несколько лепешек на дорогу и приказал Алисе:

— Машину времени не трогать. Ничего не предпринимать, с пришельцев глаз не спускать! Я буду здесь через час-два. Ясно?

— Неясно, — сказала Алиса. — А как мы можем не спускать глаз с пришельцев, если они разбежались?

— Далеко не убегут. Если их увидят, сразу отправят лечиться.

И, не слушая ничего больше, Громозека, тяжело переваливаясь, побежал к своему флаеру.

Алиса с роботом Архом посмотрели друг на дружку и засмеялись. Хотя, конечно, им было не до смеха.

Флаер Громозеки медленно поднялся в вихре желтой пыли и помчался в синеву неба.

— А мы что будем делать? — спросила Алиса.

— А мы посоветуемся с нашими товарищами, — ответил робот Арх. И тут же пронзительно засвистел.

Через минуту вокруг них собрались четыре археологических робота и две девочки Рабэн.

Все расселись вокруг обеденного стола под навесом.

— У кого есть мнения и предложения? — спросил робот Арх, который был здесь за главного.

— Имеем трех пришельцев, — сказал первый архробот. — Не знаем их местопребывания. Полагаю, что их следует найти и оприходовать.

— В каком это смысле — оприходовать? — спросил Арх.

— Определить их класс, семейство и вид, имена и занятия. Описать и сфотографировать, — ответил робот.

— У каждого свои методы, — сказал Арх. — Но в принципе правильно. Кто знает, куда они ушли?

Никто этого не знал.

— Вопрос второй, — продолжала Алиса. — Как нам помочь Ричарду и вызволить его оттуда?

— Совершенно ясно, — ответил Арх. — Громозека привезет специалиста из Москвы, и тот спасет Ричарда.

Когда же любители лезут управлять машинами, в которых ничего не понимают, это приводит к неприятностям.

Конечно же, робот был совершенно прав, но остальные с ним не согласились. Труднее всего сидеть и ждать, пока приедут взрослые и все наладят.

— Скажите, — спросила одна из сестричек Рабэн, — а кто были эти дяди и тетя, которые вылезли из серебряной башенки?

— Это умный вопрос, — сказал Арх. — Я думаю, что это были пришельцы.

— А зачем они убежали?

На этот вопрос никто не смог ответить.

Все думали. Неожиданно заговорил один из археологических роботов, имени которого Алиса не знала.

— Нет, — сказал он. — Это вовсе не пришельцы. Кто угодно, только не пришельцы.

— Почему ты так думаешь? — спросил Арх.

— Потому что я знаю о пришельцах больше, чем все вы.

— Откуда? — удивилась Алиса.

— По той простой причине, что я художник, — ответил робот. — Я фотографирую и зарисовываю все вещи, которые находят на раскопках. И я зарисовал то, что осталось от лагеря инопланетян.

— Ну говори, говори, — прервал его Арх, который теперь, когда Громозеки не было, считал себя самым главным. — Не тяни!

— Это что такое? — спросил художник, показывая фотографию круглого углубления в камне диаметром в полметра.

— Не знаю, — сказала Алиса.

— А это? — Он показал фотографию еще одного круглого углубления с отверстием в центре. На этот раз маленького, чуть побольше чашки.

— Не знаю, — признался Арх.

— А я знаю! — закричала девочка Рабэн.

— Нет, это я знаю! — перебила ее сестренка.

— Ну, говорите, — улыбнулась Алиса.

— Это горшочек! — хором сказали девочки и страшно смутились.

— Какой горшочек? — не поняла Алиса, которая давно уже вышла из того возраста, когда детям требуется горшочек.

— Ночной, ясно какой! — ответил за девочек робот-художник. — Я то же самое вычислил. А большое углубление — это постель.

— Значит, они туда голову свешивали? — спросила Алиса.

— Нет же! Они туда целиком помещались! — ответил художник.

— Значит, купец, рыцарь и женщина... вовсе не пришельцы? — догадалась Алиса.

— Вот именно! — сказал робот-художник.

— А где же пришельцы?

— Надо поймать одного из... этих и спросить — где же пришельцы? — предложил Арх.

Какими же они были — совсем маленькими? Карликами? А кто же тогда эти купец, рыцарь и дама? Привидения? Куклы? Нет, Алиса дотрагивалась до купца — он был горячим. Да и в обморок куклы не падают.

Алисе не пришлось долго ломать голову, потому что робот-художник громко сказал:

— К нам гости!

И в самом деле, уже известный Алисе купец подошел к кабине и попытался отыскать вход. Но так как кабину отключили, даже Алисе трудно было бы догадаться, где в ней дверь.

— Как хорошо! — воскликнула Алиса, вскакивая из-за стола. — А мы как раз о вас говорили.

Купец не услышал ее слов или сделал вид, что не услышал. Он продолжал шарить грязными руками по блестящей стене кабины.

— Ничего не получится, — сказала Алиса, подходя ближе, — кабина отключена.

Наконец-то купец соблаговолил обернуться к Алисе. Он был очень сердит. И высказал свое недовольство на непонятном языке.

— Простите, к сожалению, я вас не понимаю, — сказала Алиса. — Но если вы умеете говорить по-русски, по-английски,

по-китайски, по-немецки, по-французски, по-польски или на галактическом языке космолингве, я буду рада с вами побеседовать.

Купец задумался, словно прислушивался.

Он стоял перед Алисой, прижавшись спиной к кабине и дотрагиваясь до нее пальцами правой руки, словно боялся, что она улетучится.

Алиса услышала шуршание материи — к кабине быстрыми шагами подходила черноволосая дама, которая недавно падала в обморок.

Дама остановилась возле кабины и спросила купца на старофранцузском языке:

— В чем дело? Почему ты здесь, торговец Филипо?

— Дверь закрыта, ваша светлость, — ответил купец.

— Так откройте ее.

— Я не могу, ваша светлость.

— Тогда прикажите этим людям, — женщина показала тонким пальцем на Алису, — открыть дверь.

С каждой минутой Алиса все лучше понимала речь этих людей. Не все слова, не все выражения — но понимала. Потому что люди говорили на старофранцузском языке. А Алиса знала современный французский язык как родной.

— Дитя мое, — обратился купец к Алисе, — открой эту дверь. Нам надо уйти.

— А кто вы такие? — спросила Алиса.

— Это тебя не касается, девочка! — ответила знатная дама. — Делай, как тебе велят!

— И не подумаю, — сказала Алиса. — Это не ваши средневековые времена!

Сейчас придет еще и рыцарь — нам только его не хватало, подумала Алиса. Скорей бы Громозека возвращался. Но явно пройдет еще часа два-три, прежде чем ее друг появится с подмогой.

Алиса оглянулась — вот и рыцарь! Молодой воин шел, склонившись под тяжестью большого мешка. Он подтащил его к кабине, сбросил на землю и вытер пот краем не очень белого плаща. Удивительно, что он не умер от жары в железной рубахе до колен, в кольчужных сапогах и чулках.

— В чем дело? — спросил рыцарь у своих спутников. — Почему вы задерживаетесь?

— Эти люди не пускают нас, — ответил купец.

— Кто? — Рыцарь посмотрел сверху на Алису. — Эти ничтожные рабы?

Эти слова возмутили робота Арха.

— Как вы сказали? — воскликнул он неприятным сварливым голосом, уперев в круглые бока длинные членистые конечности. — Кто здесь раб? Кто здесь ничтожный? А ну, повторите!

— Сейчас повторю, — сказал рыцарь и вытащил из ножен длинный меч.

Девочки Рабэн хором завизжали, но не убежали.

Алиса отметила про себя, что робот Арх уже неплохо освоился в старофранцузском языке. Что же касается смелости — разве робот может быть трусливым? Для него нет боли и даже нет смерти. Его всегда можно починить.

— Давай, давай. — Робот подъехал к рыцарю поближе. — Интересно, как ты будешь доказывать свое превосходство! Кстати, я должен тебе напомнить одну поговорку, которую в твое время еще не придумали: сила есть — ума не надо. Ты меня понял, мальчишка?

Алиса поняла: робот нарочно дразнит рыцаря. С какой-то целью. А так как Алиса привыкла за свою жизнь, что роботы чаще всего умнее многих людей, не говоря уж о средневековых рыцарях, она отошла на два шага и не вмешивалась в оживленную беседу.

— Тогда обнажай свое оружие, неизвестный железный рыцарь! — воскликнул молодой человек. — И защищайся.

Меч сверкнул в воздухе — молодой рыцарь занес его над головой.

Маленький робот стоял неподвижно, лишь в нашлепке — его голове — поблескивали рецепторы.

— Ух! — воскликнул рыцарь и с силой опустил меч на круглого робота.

Видно, удар был настолько силен, что робот даже присел — металлические ноги его разъехались. Но он тут же собрался с духом и воскликнул:

— Ха-ха! Что-то не вижу я силы в этом рыцаре!

Положение рыцаря никуда не годилось, потому что от удара его меч разломился, конец отлетел метров за пятьдесят, и рыцарь, держа в руке обломок меча, смотрел на него с таким страданием в глазах, что Алисе стало его жалко, несмотря на то, что он сам во всем был виноват.

— О господи, чем я тебя прогневил! — Голос рыцаря дрожал от слез. — Этот меч я заслужил в бою, у меня больше нет ни денег, ни сил добыть себе новый! Лучше дай мне погибнуть, чем пережить такой позор. Я не могу потерпеть поражение от ничтожного железного карлика.

Интересно, подумала Алиса, как странно устроены средневековые люди. Они спокойно относятся к такому чуду, как железный робот, и даже согласны с ним сражаться: для них мир полон чудес, привидений, драконов — и нет ничего такого, во что бы рыцарь не поверил. Но вот постарайся научить его пользоваться телефоном или смотреть телевизор — он умрет от удивления. Впрочем, может быть, я не права?

Алиса была не права. Как она вскоре убедилась, средневековые люди, словно маленькие дети, попросту не замечали, в упор не видели того, что не вписывалось в их сознание. Телефона не бывает — значит, мы телефона не видим...

Немолодая, но стройная черноволосая дама подошла к рыцарю и положила тонкую руку ему на плечо.

— Не печалься, рыцарь Солсбери, — произнесла она. — Твой меч был погублен страшным волшебством. И наши славные покровители обязательно вознаградят тебя за верность, за то, что ты пострадал, охраняя их честь.

— О прекрасная графиня Констанца! — возопил молодой рыцарь. — Ты хороша, как само утреннее солнце. Я хотел бы провести остаток своих дней у твоих ног, чтобы защищать тебя от насильников, драконов и сарацинов.

— Прости, Годфри, — трезво заметила дама. — Я не могу взять тебя в свои рыцари, потому что у тебя сломан меч. Но я надеюсь, что наши друзья его починят.

Ничего не произошло.

— Ну! — Дама вовсе рассердилась.

Она ударила себя кулачком по правому плечу.

Алиса давно уже обратила внимание на то, что правое плечо у дамы было чуть-чуть выше левого.

Раздался отвратительный писк, и из-под платья высунулась совершенно плоская змеиная голова розового цвета. Алиса от неожиданности отскочила метра на три. Даже отважный робот на всякий случай отступил назад.

— Как ты смеешь меня бить! — крикнула змеиная голова на старофранцузском языке и начала надуваться, округляясь и сверкая черными глазками. Вслед за головой из-под платья вылезли остальные части тела розовой ящерицы, настолько плоской, будто она была резиновой, надувной, и из нее был выпущен воздух. По мере того как ящерица вылезала на плечо дамы, она надувалась, и через минуту на плече у дамы сидела крупная ящерица, покрытая густыми короткими перьями розового цвета. Словно шкурку ящерица получила по наследству от розовой птицы фламинго.

Как будто подчиняясь сигналу, из-под одежды рыцаря и купца также вылезли плоские ящерицы и тоже раздулись и ожили. Никто из «носителей» ящериц этому не удивился. Можно было бы предположить, что эти люди околдованы, загипнотизированы, порабощены ящерицами и служат им верными немыми рабами. Но не тут-то было. По тому, как люди вели себя с ящерицами, ясно было, что все не так просто.

— Ну вот! — первым нарушил молчание робот-художник. — Я же говорил вам, что постель приспособлена для мелких тварей!

— И горшочек! Ночной горшочек! — хором закричали девочки Рабэн. — Мы первыми догадались!

— О чем они говорят? — спросила ящерица, сидевшая на плече графини.

— Наверное, о вас, — ответила та.

— Правильно, — вмешалась в разговор Алиса. — Мы раскопали ваше жилище и обнаружили, что пришельцы уступали людям размером. Поэтому мы так удивились, когда увидели людей, вылезающих из кабины. А теперь мы догадались, что вы ездите на людях как наездники.

— Мы их возим добровольно! — возразил купец.

— Но почему? — поразилась Алиса.

— А потому, — ответила ящерица, которая сидела на плече у графини, — что на Земле все для нас слишком велико. Приходится использовать людей, чтобы они нас на себе носили и нам служили.

— Осторожнее, — возмутилась графиня. — Без этих речей! Мне не нравится, когда всякая ящерица будет воображать себя равной графине де Шатильон!

— Помирились, помирились! — прикрикнула на спорщиков

ящерица, сидевшая на плече рыцаря. — Мы должны быть едины перед лицом общего врага.

— Общий враг — это я? — спросил робот Арх.

— Общий враг — это все, — сказала ящерица. — Кроме тех, кто с нами дружит или нам подчиняется.

— Может, мы не будем ссориться? — произнесла третья ящерица. — Вы нас отпустите обратно, а мы не будем вас обижать.

— Мы вас сюда не приглашали, — напомнил робот Арх.

— А зачем он мой меч сломал? Я его в бою добыл! — плаксивым голосом произнес рыцарь Солсбери. — Где я найду новый меч?

— В бою! Только в бою! — сказала ящерица, которая сидела у него на плече.

— Ах так! — взревел рыцарь и попытался сбросить ящерицу с плеча.

Но та крепко уцепилась когтями в кольчугу, и у рыцаря ничего не получилось. Только розовые перья летели во все стороны.

— Прекрати, бездельник! — закричала ящерица, сидевшая на плече у купца.

У нее в лапке Алиса увидела трубочку бластера, точно такую, как та, что показывал Громозека. Ящерица прицелилась в рыцаря, чем испугала его ящерицу.

Та заверещала на своем языке, и ящерица купца опустила лапку с бластером.

Рыцарю тоже надоело воевать со своим наездником, он успокоился, поднял из пыли конец меча и попытался приставить его к рукояти.

Постепенно все успокоились, и на площадке воцарился мир.

— Вы нас намерены отпустить? — спросила одна из ящериц. — Или мы вынуждены будем принять меры?

— От того, что вы примете меры, кабина не откроется, — заявил робот Арх. — Лучше поговорить.

— Нам не о чем с вами говорить, — отрезала ящерица.

— Наоборот, — поддержала робота Алиса. — Чем больше вы нам расскажете, тем больше у вас шансов возвратиться к своим товарищам. Я предлагаю уйти в тень, под навес, здесь очень жарко. Там мы поговорим обо всем.

— Еще чего не хватало! — крикнула ящерица, но она оказалась в меньшинстве.

Все остальные, словно ждали сигнала, потянулись в тень. Сестрички Рабэн схватили большой термос и побежали к себе домой, чтобы принести холодного лимонада.

— Рассказывайте, — попросила Алиса ящериц.

— О чем? — вопросом на вопрос ответила ящерица с плеча графини.

Алиса еще не понимала, кто из ящериц главнее. Впрочем, важнее было, чтобы ящерицы разговаривали. Лучше разговаривать, чем воевать.

— Обо всем рассказывайте, — сказала Алиса. — О том, откуда вы, зачем к нам прилетели, куда вы дели нашего друга Ричарда и что вам от нас нужно.

Ящерицы начали переговариваться на своем языке. Люди из Средневековья отдыхали в тени, разглядывая издали палатки археологов.

— Нас называют космическими бродягами, — сказала первая ящерица, легко и грациозно скользнула с плеча графини Констанцы на стол и принялась расхаживать, подняв хвост. Она была длиной в Алисину руку и могла, если нужно, подниматься на задние лапы.

Оказались эти ящерицы такими гибкими, упругими и твердыми, что Алисе было трудно поверить в то, что они могли выпускать из себя воздух и становиться совершенно плоскими, не толще сантиметра, что удобно для маскировки.

— Нас неверно называть бродягами, — продолжала ящерица на старофранцузском языке. Видно, она думала, что на Земле все понимают этот язык. — У нас есть своя планета, о которой нельзя знать простым смертным, потому что тогда до нас доберутся враги...

Вторая ящерица спрыгнула с плеча купца и, расхаживая рядом со своей товаркой, продолжила ее речь:

— Мы — типичный пример гонимых и несчастных жертв вражеской агрессии. Вынужденные сопротивляться ради спасения наших детей и культурных ценностей, мы посылаем корабли в разные концы Галактики в поисках сырья и различных товаров, которые необходимы, чтобы мы могли продолжать военные усилия. Таким образом нам удалось посетить вашу так называемую Землю и найти среди ее обитателей существа, ко-

торые разделяют нашу точку зрения на борьбу за свободу и независимость нашей родины!

— Вот именно! — Третья ящерица также спрыгнула на стол.

Она чуть прихрамывала, и Алиса увидела, что вместо одной из лапок у ящерицы протез. Все ящерицы были без одежды, если не считать ремней с прикрепленными к ним бластерами. Ремень третьей ящерицы был снабжен несколькими карманами.

— Мы прилетели сюда с мирными намерениями, — заявила хромая ящерица. — Нам не нужны ваши территории, ваш воздух и ваши люди. Нам нужен уран, нам нужны золото, кадмий, алмазы. Простые вещи. За которые мы готовы платить всем, что есть в нашем распоряжении. Мы отыскали милейших людей, которые готовы нам во всем помочь. А мы тоже помогаем этим людям, как можем.

— Да, видит господь, что это именно так, — произнес купец.

Ящерицы замолкли и стали в ряд перед Алисой, опираясь на хвосты и сложив на розовых животиках белые лапки. Это были очень красивые ящерицы, но Алиса им совершенно не верила. Вроде бы все в порядке, тебе рассказывают интересную историю — почему бы не верить? А вот ты не веришь, и все тут!

— Значит, вы торговцы? — спросил робот Арх.

— В широком смысле этого слова вы правы, — сказала первая ящерица.

— А чем вы сами торгуете? Что вы привезли?

В стане ящериц произошла маленькая заминка — они поворачивали головы, как бы передавая друг дружке право отвечать на этот вопрос. Наконец третья, хромая ящерица сказала:

— Я буду искренна с вами: мы торгуем услугами. Мы даем услуги, а берем товары.

— Что это значит? — спросила Алиса. — Какие еще услуги? Разве вы рубите лес, моете полы, варите суп?

— Ха-ха-ха! — рассмеялись ящерицы. — Зачем нам варить суп, если мы всесильные, могучие, мы очень полезные друзья.

— Именно так! — подтвердила графиня Констанца.

— И какая от вас польза? — спросила Алиса.

— Пускай наши друзья сами расскажут, — сказала хромая ящерица. — А то приходят тут всякие, сомневаются, думают, что мы какие-нибудь космические разбойники.

— Давай я скажу, — начал купец. — Кто вперед меня на сво-

ем круглом кораблике полетит, поглядит, что на рынке в Багдаде сегодня нужно, а чего никто не покупает?

— Я полечу, — сказала хромая ящерица.

— Ты, мой коршун, — кивнул купец и погладил ящерицу. — А кто конкуренту в чай снотворного зелья подсыплет, чтобы тот проспал открытие базара и товары свои не вынес?

— Для друга — всегда готова! — откликнулась ящерица. — Да что снотворного, если скажешь, я и смертельного яда подсыплю.

— И мне для тебя ничего не жалко, — сказал купец. — Если нужно для тебя купить киноварь или бирюзу, привезти алмазы или сапфиры — я готов. Это я называю дружбой.

— Ясно, — вздохнула Алиса.

Она уже догадывалась о том, что ей скажут другие средневековые люди. Они, конечно же, попали в рабство к космическим ящерицам, но об этом не догадываются и никогда не догадаются, потому что хитрые ящерицы обставили рабство как дружеский союз. Попробовал бы купец отказаться служить ящерицам и привозить то, что им нужно, — и для него бы нашелся яд.

— А я называю мою ящерицу феей, — сладким голосом сказала графиня Констанца. — Такая она у меня ласковая, милая, добрая. Если мне нужны шелка и атлас, ковры и ожерелья, стоит мне только моргнуть — все у меня будет.

— А для твоего мужа — оружие и кольчуги, — добавила ящерица.

— Разумеется! Он же настоящий отважный рыцарь! Он должен воевать.

— Еще бы! — сказал тут молодой рыцарь Солсбери. И Алисе показалось, что в голосе его звучит недовольство. — Напасть на мирный караван, нарушить перемирие, захватить и ограбить женщин и детей — это замечательное занятие для вашего супруга!

— Не смейте так говорить! — Графиня Констанца даже покраснела от гнева. — Мой муж Рено напал на неверных! А с ними не может быть мира.

— Я не согласен с вами, благородная графиня, — возразил купец, — для нас, торговых людей, очень важно, чтобы никто не нарушал перемирия. Сегодня мы нападаем на сарацинский караван, а завтра они нападут на наш. Кто же тогда повезет вам ковры и драгоценности?

— Мои феи привезут. — Графиня погладила ящерицу, которая опять взобралась к ней на плечо и прижалась к ее шее. — Ты привезешь мне драгоценностей, моя крошка?

— Разумеется, графиня, — подтвердила ящерица.

— Тогда приказывай нападать на караваны, сколько тебе хочется.

— Это нам, торговцам, не по душе, — мрачно сказал купец. — Твой муж, графиня, напал на мирный караван, который принадлежал сестре султана Саладина, потому что в нем везли в Египет ляпис-лазурь и рубины, которые были нужны твоим друзьям-феям. Он ограбил караван, не подумав, что подпортил торговлю всем остальным.

— Да, нам нужны рубины! — закричала ящерица графини. — А ты молчи, мужлан немытый!

— Да я тебя! — Купец рванулся к ней, но тут Алиса увидела, как ящерица, опять уже сидевшая у него на шее, вцепилась в нее мелкими зубками. — Ай-ай-ай! — закричал купец. — Больно!

— Еще не так больно будет, мерзавец, если посмеешь поднять против нас голос! — пригрозила ящерица, сидевшая на плече графини.

— Вот именно, — сказал молодой рыцарь Солсбери. — Мы все друзья, но должны помнить свое место. Наши друзья-дракончики помогают нам отыскивать пути в пустыне, находить рабов, строить крепости. Но мы с ними не спорим...

Алиса увидела, что молодой храмовник усмехнулся. Хотя невесело. Видно, дружба с ящерицами не всегда его радовала.

— Мне все ясно! — громко заявил круглый робот Арх. — А теперь признавайтесь, куда вы дели нашего друга Ричарда?

Почему-то никто не захотел ответить на такой простой вопрос.

Графиня сорвала сухую травинку и принялась ее грызть, рыцарь стал вглядываться в даль, а купец пересчитывал монеты в кошельке, прикрепленном к поясу.

— Нет, вы не молчите! — встревожилась Алиса. — Вы говорите правду! Вы ничего не сделали плохого?

— А если сделали, — заявил Арх, — то живыми вы отсюда не выйдете!

Но и на эти слова никто не ответил.

Алиса всерьез встревожилась. Арх приказал остальным археологическим роботам:

— Взять их!

Видно, ящерицы были уверены в своей безнаказанности и не ожидали нападения со стороны таких неуклюжих машинок. Не прошло и пяти секунд, как все три ящерицы болтались в длинных металлических руках роботов — те держали их за розовые хвосты.

Свободными руками роботы отобрали у ящериц бластеры.

Алиса думала, что сейчас средневековые люди, такие близкие друзья ящериц, кинутся им на помощь, и была даже готова к этому нападению. Но люди и с места не двинулись. Глядели, как их друзья болтаются под ветром, и делали вид, что ничего особенного не случилось.

— Говорите, — приказала Алиса, подходя к первой ящерице.

— А что вам сказать?

— Быстрее!

— Конечно, конечно... Ваш друг Ричард появился у нас, и мы сразу догадались, что он из другого места. Вернее всего — шпион.

Ящерице было трудно говорить, вися вниз головой, и Алиса велела роботу поставить ее на стол, но не отпускать.

— Мы стали спрашивать, для кого он шпионит, а он молчит и что-то приборчиками проверяет...

— Мы хотели дружить! — закричала вторая ящерица. — Только дружить.

— А Ричард, значит, не хотел дружить? — строго спросил робот Арх.

— То есть, с одной стороны, он хотел, а с другой стороны, совсем не хотел, — пропищала ящерица. — А мы ему говорим: как тебе не стыдно так плохо с нами дружить!

— Чего уж там, — заявил вдруг купец. — Стали они его пытать.

— Пытать? Ричарда! — У Алисы даже голос сорвался. — И вы говорите, что вы не пираты и не разбойники?

— Мы культурные путешественники, — заявила одна из ящериц. — Если с нами тоже говорят культурно, мы никогда не делаем больно. Но если с нами разговаривают грубо...

— Тогда мы делаем больно! — закричала вторая ящерица.

— А ваш Ричард оказался совершенно некультурным.

Тут снова в разговор вмешался купец:

— Они его били, колотили, током мучили, но скоро поняли, что ничего поделать не смогут.

— И что же тогда? — со страхом спросила Алиса.

— А тогда вышел вперед мой дорогой муженек, — сладко улыбнулась графиня Констанца, — и сказал: «Так у вас дело не пойдет. У меня есть план. Через пять минут ваш пленник заговорит как миленький».

— И он заговорил как миленький, — сказал купец. — Потому что нет на свете большего мерзавца и более жестокого изверга, чем граф Райнольд де Шатильон, которого обычно называют графом Рено.

— Еще бы не стать жестоким, — возразила графиня Констанца, — если эти проклятые арабы держали его в плену шестнадцать лет. Я чуть не поседела за эти годы без мужа.

— Но пожалела денежек на его выкуп, — заметил злоязычный купец.

— Так что же придумал ваш граф? — спросила Алиса. Она спешила, нельзя было терять ни минуты — может быть, от них зависит спасение Ричарда.

Графиня не захотела рассказывать дальше. Рыцарь Солсбери тоже молчал. Пришлось снова говорить купцу:

— Помните, вам говорили, что граф Рено захватил мирный арабский караван и нарушил этим перемирие?

Алиса кивнула.

— В том караване была девочка. Совсем еще маленькая. И он приказал ее привести.

— Ну ладно, ладно, — сказала графиня. — Рассказал, и дело с концом. Дальше неинтересно.

— Еще как интересно, — не согласился с ней купец. — Они притащили девочку и говорят: если ты сейчас нам все не расскажешь, мы будем девочку мучить!

— Ой! Не может быть! — воскликнула Алиса.

— А чего такого, чего такого? — закричала одна из ящериц. — Нам нужна была информация, а ваш Ричард пожалел ее нам отдать. Пришлось нам искать новые пути. Мы же умные. Вот и нашли.

— Вы с графом негодяи! — сказал Арх. — Мне жаль, что я робот и не имею права причинять людям вред. А то бы я оторвал вам всем головы.

— Попрошу без этого! — возмутилась графиня. — Живете

через тысячу лет после нас, а сами куда хуже нас воспитаны! Угрожаете беззащитной женщине.

Тут уж даже роботу Арху ничего не оставалось, как развести руками.

— Продолжайте, — сказала Алиса, глядя на графиню.

Та чувствовала себя неловко, но продолжала рассказ:

— Эту паршивую сарацинку привели, привязали к столбу, и мой дорогой муженек Рено сказал: «Не расскажешь, зачем приехал, — вышибу дух из этой паршивки. Будешь врать — сам посмотришь, что будет дальше».

— И что Ричард? — спросила Алиса.

— А твой Ричард сдуру начал кричать, что он не позволит, что так нельзя с детьми обращаться, что мы за это дорого заплатим! Известные штучки. Слышали мы такое.

Купец и рыцарь ордена тамплиеров стали кивать, подтверждая слова графини.

— Тогда моему муженьку пришлось врезать девчонке по носу. Кровь ручьем, вопль — до самого Иерусалима слышно! Эти местные дети такие невоспитанные! Она мне чуть на платье не попала кровью — хорошо, я успела отскочить.

И графиня снова заливисто рассмеялась.

Алиса еле сдерживалась, чтобы не кинуться на эту феодальную негодяйку. А графиня словно и не замечала ее состояния.

— Тут твой Ричард, должна сказать, показал себя совершенным сопляком. Ну какой настоящий рыцарь и мужчина будет переживать из-за сарацинки? — продолжала графиня. — А Ричард закричал, что признается во всем. И признался, что прилетел к нам из будущего. Что у него есть машина, которая позволяет человеку летать из века в век.

— Мы внимательно следили за твоим другом, — пропищала ящерица. — Ричард попытался умолчать, как пользоваться машиной, но тут...

— Нет, я сама скажу, сама! — закричала графиня. — Я хочу сама!

— Ну что ж, говори, графиня, — согласилась ящерица.

— Я вцепилась ноготками в щеку девчонки, — графиня побледнела от сладкого воспоминания, — и расцарапала ее, как пантера!

— Вы больная, — сказала Алиса. — Вы больная злобная садистка. Вас надо лечить.

— Правильно. — Графиня вовсе не обиделась. — Меня надо лечить от доброты. Я слишком добренькая для Палестины, где так жарко и такие жестокие сарацины. Скоро мы пойдем на них в большой поход, и тогда никто не останется в живых!

Алисе было жалко и Ричарда, и неизвестную девочку. Но как его освободить?

Наступило тяжелое молчание.

Не только Алисе и роботам было противно смотреть на эту графиню, но даже купец и рыцарь Солсбери глядели в землю.

А хромая ящерица сказала:

— Нам очень трудно разговаривать с вами, если нас держат за хвосты, как селедок. Теперь вы все знаете, так что можно нас отпустить. Мы никуда не убежим.

Археологические роботы отпустили ящериц, те взобрались на плечи своих средневековых спутников и обернулись вокруг их шей, словно розовые шарфы.

— Вы их всегда так носите? — спросила Алиса.

— Так удобнее, — коротко ответил рыцарь. — Мой друг дракончик всегда может подсказать мне или посоветовать, что делать.

— И вы его слушаетесь?

— Разумеется, — твердо произнес рыцарь. — Нам так выгоднее.

Ящерица, которая лежала у него на плечах, подняла лапку, легонько ударила рыцаря по щеке, и тот послушно замолчал.

— Мне тоже хотелось с вами поговорить, — сказала ящерица Алисе. — Как я вижу, нам куда выгоднее иметь с вами дело, чем с вашими предками. Надо будет обсудить условия договора. Мы хотим, чтобы вы так же дружили с нами, как вот эти.

И ящерица потрепала лапкой рыцаря по уху.

— Сначала пускай возвратится Ричард, — сказала Алиса.

— Чтобы он возвратился, — ответила ящерица, — нам надо вернуться домой, рассказать о нашей с вами встрече и принять решение.

— Мы не отпустим вас, пока не возвратится Ричард! — заявил робот.

— Только попробуйте! — рассмеялась ящерица.

— Если кто-то из нас не вернется вовремя, вашего Ричарда замучают и разрежут на куски. А вы даже его тела никогда не найдете.

Рыцарь Солсбери поднял с земли туго набитый мешок и шагнул к кабине.

— А это еще что? — спросила Алиса.

— Это образцы товаров, которые я нашел вон там...

И он показал назад, на белые домики поселка.

— Обокрал кого-то в поселке? — поинтересовался робот Арх.

— Рыцари-храмовники никогда ничего не крадут! — гордо произнес Солсбери. — Я с ними поменялся.

— Надеюсь, вы никому не нанесли вреда? — строго проговорила Алиса.

— Мы совершенно безвредные, — ответила ящерица за своего рыцаря.

— И на том спасибо. — Алиса глядела, как незваные гости уходят к машине времени. — Скажите Ричарду, что мы ждем и беспокоимся.

— Предупреждаю, — сказал робот Арх, — ни один волос не должен упасть с головы Ричарда Темпеста. Иначе вы будете иметь дело со мной, Архом непобедимым.

— Ладно, не пугай, — ответила ящерица с плеча графини.

Глава 6

Наконец последний из пришельцев исчез в кабине.

Алиса и роботы стояли у входа в нее, все еще не в силах прийти в себя. И хоть это была далеко не первая встреча Алисы с пришельцами, она оказалась самой необычной.

— Хорошо, что мы не стали с ними ссориться, — сказала Алиса. — Вот все и кончилось.

— Сомневаюсь, — ответил робот Арх. — Ты забыла, что они сделали с сарацинской девочкой. Кстати, что такое — сарацинская девочка? Это национальность или специальность?

— Сарацинская — значит, мусульманская девочка: арабская, египетская, персидская — для крестоносцев все жители этих мест делились на сарацинов, евреев и франков. Франками называли европейцев.

— Это важно запомнить, — произнес робот Арх, который любил повторять, что он уже умнее многих людей, а скоро будет умнее всех.

Стало жарко. Откуда-то прилетела пчела и кружилась над Алисой. Поднимая пыль, прибежали близняшки Рабэн.

— А где дядя рыцарь? — воскликнула одна из них.

— Зачем тебе дядя рыцарь? — спросил робот Арх.

— У нас такое интересное событие! — сообщила вторая девочка. — Мы ему хотим рассказать.

— Тогда расскажите мне, — посоветовала Алиса.

— Нас обокрали! — хором заявили девочки.

Они, видно, думали, что Алиса страшно удивится, но она вовсе не удивилась, потому что догадывалась об этом раньше.

— И много всего украли? — спросила Алиса.

— Кофемолку! — сказала одна из девочек.

— Когда мама придет с работы, она, наверно, огорчится.

— Еще бы, — согласился Арх. — Ну кому нужна кофемолка?

Алиса поглядывала на кабину — ждала, когда из нее покажется Ричард. Но Ричарда все не было. Одна из девочек перехватила ее взгляд.

— А может быть, дядю Ричарда тоже украли? — спросила она. — Вместе с кофемолкой.

Девочки захихикали, а робот Арх сердито сказал:

— Не вижу в этом ничего смешного.

Прошло уже минут десять, а Ричарда все не было.

— Может, он устал и немного отдыхает? — сказал один из археологических роботов.

— Не надо меня успокаивать! — обиделась Алиса. — Я понимаю, что сделала глупость. Разве можно было так доверяться этим ползунам? Вся эта компания мне с самого начала не понравилась.

— Вот и надо было сказать об этом вслух! — заявил робот Арх. — А то получается, что ты чувствовала с самого начала, а я ничего не чувствовал, потому что я механическая машина, никому не нужный и презираемый робот, то есть железная банка.

— Не ссорьтесь, дядя и тетя! — сказали девочки Рабэн. — Вы должны дружить.

Для этих малышей робот, похожий на шар с ножками и ручками, и старшая девочка были дядей и тетей. Двойняшки привыкли жить среди разумных машин.

— Еще пять минут! — сказал робот Арх.

— И что тогда? — спросила Алиса.

— Тогда я пойду в это прошлое и покажу им, где раки зимуют.

— Может, подождем, пока приедет Громозека?

— Ты жди, — ответил робот. — А я не могу рисковать. Каждая минута грозит жизни Ричарда. Неужели не понимаешь, в руки к каким палачам и обманщикам он угодил? Они же здесь только что уверяли, что они добрые, разумные, гуманные. А на самом деле?

— На самом деле я с тобой совершенно согласна, — сказала Алиса. — Мы с собой бластеры берем?

— Сомневаюсь, — ответил робот, — потому что я думаю, что их там тьма-тьмущая. И всех ты и не перестреляешь.

— Я не хочу никого перестреливать! — воскликнула Алиса.

— Тем более не надо. Мы должны одолеть их умом, сообразительностью и выдержкой. Вот наше оружие!

Алиса кинулась к компьютеру и включила видеофон — она быстро наговорила ему краткий отчет о том, что случилось, пока Громозеки не было, и сказала, что они с роботом Архом решили спешно отправиться в прошлое — попытаться спасти Ричарда, потому что они опасаются за его жизнь.

После этого Алиса велела оставшимся роботам и сестричкам Рабэн беречь запись и дополнить ее рассказ своими наблюдениями. Девочки Рабэн тоже обещали все рассказать Громозеке.

Алиса вошла в кабину. Шар на коротких ножках вбежал за ней и прижался к ее ногам. Его голова-нашлепка крутилась у Алисиной груди.

— Поехали! — сказал робот.

Алиса нажала горящую кнопку перелета в 1190 год.

Тут же дверь закрылась, стало темно, голова закружилась, послышался звон, и показалось, что быстро-быстро падаешь с крутой горы. Неизвестно, сколько продолжалось это падение.

Затем свет в кабине зажегся.

И кабина тут же начала растворяться.

И исчезла. На ее месте осталось лишь легкое туманное облачко — для того, чтобы путешественники во времени знали, где оставлена дверь в будущее.

Алиса и робот Арх стояли на том же месте Палестины, на котором будут стоять через девятьсот лет.

Глава 7

Как странно!

Местность почти не изменилась. Только развалины на вершине холма превратились в целый, грозный, с четырьмя башнями могучий каменный замок. Там, где в наше время была сухая степь, добегавшая до сиреневого шоссе, тянулось уже убранное поле, на котором остались лишь сухие стебли. Вместо шоссе пыльная разбитая дорога вела наверх, к воротам замка. Вдоль дороги медленно брело небольшое стадо овец. За ним шел пастух.

Солнце пекло так же, как и в двадцать первом веке, и ветерок, долетавший от недалекого моря, почти не охлаждал кожу.

— Я ничего не понимаю, — произнесла Алиса.

— Если уж я не понимаю, — сказал робот, — то о тебе и говорить не приходится.

— Может, мы ошиблись временем? — спросила Алиса. — Два-три года могут показаться мелочью для кабины...

— Не говори глупостей, девочка, — оборвал ее робот. — Ты отлично знаешь, что для электроники ошибка в одну минуту уже трагедия. Лучше посмотри под ноги.

Алиса подчинилась роботу и посмотрела под ноги.

И поняла, почему он просил об этом: земля была истоптана, колоски вбиты в пыль — еще недавно здесь ходило много людей.

— Но где все люди? — спросила Алиса.

— Я предлагаю, — сказал робот Арх, — подойти к пастуху и спросить его: куда все ушли? Ведь он же здесь давно. И наверняка видел наших с тобой знакомых.

— Пойдем к пастуху, — согласилась Алиса.

Она не ожидала такого от ящериц. Ну ладно, не хотите освобождать Ричарда, мы этого добьемся и без вашего желания, но куда вы исчезли?

Они поднялись к дороге. Смуглый пастух смотрел на них, опершись о посох.

— Молодой человек! — крикнула Алиса. — Вы меня слышите?

— Ты на каком языке его зовешь? — удивился робот.

— Ой, я забыла! Я по-русски его позвала.

Алиса с роботом подбежали к пастуху. Овцы остановились и пропустили их и тут же снова принялись щипать скудную траву.

— Здравствуй! — произнесла по-арабски Алиса. — Ты здесь никого не видел?

Пастух оказался совсем молодым парнем в длинном сером халате, босиком. Его черные кудри были спутаны и лежали на голове, будто никогда не чесанная и не мытая шапка.

Пастух обратил к Алисе черные глаза. Он ее не боялся. Но ничего не понимал.

Лицо его было знакомо. Откуда? Конечно же, с фотографии, что ей показал Громозека! Но на той фотографии была и она сама. Кто же тогда сделал снимок? И не успела Алиса подумать об этом, как услышала слабый щелчок. Она оглянулась. Розовая тень мелькнула в траве.

— Это какая-то ловушка, — насторожился робот Арх. — Неужели ты не чувствуешь, как они за нами наблюдают?

— Не понимаю, — произнесла Алиса. — Зачем им за нами наблюдать? Мы же не прячемся. В крайнем случае они могут нас перестрелять из бластеров.

— Ну уж на это они не решатся! Громозека от них мокрого места не оставит.

— Во-первых, они незнакомы с Громозекой...

— Их счастье, — ответил робот.

Пастух, который слышал разговор Алисы с роботом, что-то сообразил, потому что стал показывать на замок и быстро говорить, словно предупреждал об опасности.

— Я думаю, что он прав, — сказал робот, хотя Алиса была уверена, что он ничего не понял. — Кроме как в замке им негде спрятаться.

— Не будем терять время даром, — согласилась Алиса, и они побежали вверх по дороге, ведущей к воротам замка.

Замок был обнесен глубоким рвом, но воды в нем не оказалось — на дне лежали острые камни. Подъемный мост был опущен, и решетка, перекрывавшая ворота, приподнята.

У ворот в тени под башней стоял воин в кожаных штанах и кольчужной рубахе, но босой.

— Эй! — сказал он лениво. — Вы кто и куда?

Удивительный мир, подумала Алиса. Ничему они не удивляются, ни на кого глаза не таращат. Как будто эти средневековые люди уже всю Галактику облетели.

— Нам нужна графиня Констанца де Шатильон, — объяснила Алиса. — Как ее найти?

— А вот прямо пройдете, — ответил воин, — справа будет арка, поверните под нее и поднимитесь на второй этаж. Они только что туда пробежали, заседают, наверное.

— Кто — они? — заинтересовалась Алиса.

— Наша госпожа, — ответил воин, — и ее черти розовые.

— Все правильно. Черти розовые! — согласилась Алиса и вошла в замок.

За ней последовал робот Арх.

Внутри замка текла неспешная средневековая жизнь. Над кузницей поднимался черный дым, и слышны были удары молота по металлу, кони волновались, били копытами у коновязи, два поваренка свежевали барана, а какой-то бездельник-рыцарь давал им ценные указания. Поджарая собака кружилась вокруг поварят, а за ней бегал малыш, грязный и голый — норовил схватить пса за хвост.

Алиса и ее спутник повернули под арку и поднялись на второй этаж.

Никто на них не обратил внимания.

Они оказались в гулком обширном зале, узкие окна которого располагались высоко над головой.

За длинным столом сидели известные уже Алисе средневековые люди, к которым прибавился еще один господин — толстый, плешивый, в вышитом золотом костюме, похожем на детскую распашонку, а его жирные ляжки были обтянуты серыми рейтузами. У толстяка был длинный тоскливый нос, да и все лицо у него было тоскливым.

Несколько розовых ящериц сидели на столе или бегали по нему.

Центром внимания всех этих господ была куча вещей, лежащая посреди стола рядом с пустым мешком.

Алиса сразу сообразила, что это тот мешок, который таскал молодой рыцарь-храмовник, потому что посреди стола стояла электрическая кофемолка.

— Ого! — сообразил робот. — Они любуются трофеями из нашего века. Вот почему они забыли нас встретить.

Средневековые люди и ящерицы и теперь не обращали на Алису и робота никакого внимания.

Графиня Констанца подняла на руки обыкновенную гово-

рящую куклу одной из сестричек Рабэн и наклонила ее. «Ой, мама, я хочу кушать!» — сказала кукла на языке иврит. И несколько раз хлопнула ресницами.

Графиня Констанца не поняла, но захохотала.

Никто ее не поддержал — купец любовался настольной лампой, рыцарь крутил в руке складной швейцарский ножик с тридцатью лезвиями, толстяк с длинным носом наслаждался стеклянной пепельницей с замурованной в нее настоящей бразильской бабочкой. Многое было украдено храмовником из дома гидрографов Рабэнов, но были там и предметы из других мест. Например, портативный микроскоп Громозеки и запасные глаза для роботов. Когда они успели все это украсть, Алиса не представляла.

Алиса с роботом подошли к столу поближе.

Тут хромая ящерица на протезе заметила, что в замке гости, и спросила:

— А вы что здесь делаете?

— Мы пришли освободить Ричарда, — произнесла Алиса.

— Какой Ричард! — воскликнула Констанца. — Какой еще Ричард! Вы же видите, мы изучаем трофеи!

— Это не совсем трофеи, — вежливо сказала Алиса. — Это вещи, которые вы у нас украли.

— Женщина, — возразила одна из ящериц, — в нашем языке нет слова «красть». Это глупое слово. Если тебе выгодно, если ты сильный, то ты сам берешь.

— Дельно сказано, — заявил рыцарь с тоскливым носом. — Неплохие парни эти дракончики.

Он обернулся к Алисе:

— А вы откуда будете, прекрасная дама? Из будущего?

— Да. И мне хочется поскорее найти нашего друга.

— Найдем. — Мужчина поднялся со стула. Алиса увидела, что у него странная фигура — маленькая головка с усами, громадный, отвисающий к ногам живот и тонкие ноги, которым трудно удержать этот мешок жира. — Ты мне нравишься, неизвестная красавица. Я буду за тобой ухаживать.

— Не говори глупостей, мой дорогой супруг, — сказала ядовитым голосом графиня Констанца. — Неужели ты не видишь, что это просто рослый ребенок? Они там в будущем все переростки.

— Как жаль, — сказал толстяк и представился Алисе: —

Граф Райнольд де Шатильон к вашим услугам. Владелец замка Крак де Шевалье и будущий король иерусалимский.

— Алиса Селезнева, — ответила Алиса.

— Ведущий специалист по археологии, — представился, выкатившись вперед, робот Арх. — Алиса сопровождает меня в моей поездке сюда.

Алиса хотела было возразить, но потом только улыбнулась.

— Ну сколько же можно спрашивать вас об одном и том же? — воскликнула Алиса. — Где Ричард? И если вы мне не ответите немедленно, то вам придется иметь дело не со мной, а с самим господином Громозекой.

— А господин Громозека шутить не любит, — добавил Арх.

— Это еще что за рыцарь? — спросил граф де Шатильон. — Я его не встречал в Святой земле.

— Не дай бог вам его встретить! — предупредил Арх.

— Не ссорьтесь, — вмешалась в разговор хромая ящерица. — Мы видим, сколько в вашем будущем есть отличных вещей. Давайте дружить!

— При условии, что вы освободите Ричарда, — сказал робот Арх.

— Мы рады будем его освободить, — ответила ящерица. — Но сейчас он отдыхает в соседнем замке. Как только он отдохнет, мы его вернем.

— Почему я должен вам верить? — строго спросил Арх.

— Да потому, что трофеи, которые наш молодой друг Солсбери принес из вашего времени, куда ценнее всего, что мы добываем здесь. Нам выгоднее иметь дело с вами, чем с этими дикарями! — Ящерица презрительно махнула лапкой.

— Как так? Как так? — возмутилась графиня Констанца. — Кто посмел назвать нас дикарями? Мы же мясо ножом режем, чай из чашек пьем — не то что некоторые! — И графиня не менее презрительно показала мизинцем на хромую ящерицу.

Но тут другая ящерица взлетела розовой молнией на плечо графине и, приблизив губы к уху Констанцы, начала быстро шептать, думая, наверное, что ее не слышат. А Алиса, конечно же, услышала.

— Мы их перехитрим, — шептала ящерица. — Мы с вами всегда заодно. Если мы их обманем, вам тоже достанется, вы у меня в золоте будете купаться.

— Хочу стать королевой Иерусалима! — сказала Констанца.

— Тшшшш! Мы вам гарантируем это.

Констанца хитро улыбнулась, прижимая к груди украденную в двадцать первом веке детскую куклу.

— А моего мужа можно отправить на завоевание Индии, — прошептала она, глядя на молодого рыцаря-храмовника.

— И это сделаем, — пообещала ящерица.

Дождавшись, пока разговор с графиней закончится, хромая ящерица сказала:

— Сейчас мы перейдем на наш корабль, там составим и напечатаем договор между вами и нами. И будьте уверены, что мы вас не обидим.

Робот Арх толкнул Алису в бок. Но она и без этого понимала, что ящерицы — великие мастерицы всем все обещать. Но ведь если обещаешь всем, то обязательно кого-то обманешь.

— Вы согласны, господа ахрологи? — спросила ящерица у Алисы и робота.

— Мы не ахрологи, а археологи! — обиделся робот.

— Вот именно, — не стала спорить ящерица.

— Первым пунктом будет возвращение Ричарда, — сказала Алиса. — И немедленное!

— Конечно, Ричард, разумеется, Ричард! — согласились ящерицы. — Мы немедленно за ним пошлем.

Но послать они никого не успели, потому что неожиданно встреча была прервана. В дверях показался пропыленный темнолицый рыцарь без шлема. Его щека была окровавлена, синий плащ разорван.

— Ваше сиятельство, граф! — прохрипел он, шатаясь и еле удерживаясь пальцами за косяк двери. — Случилось несчастье.

— Что еще? — Толстый граф де Шатильон вскочил с неожиданной резвостью.

— Саладин!

— Что Саладин? Говори, бездельник!

— Саладин наступает. Он уже разбил наши посты у озера! Вот-вот он будет здесь.

— Что?! — Де Шатильон побледнел как бумага. — Я тебе голову оторву! Почему не предупредили раньше? Чем я буду его останавливать? У меня половина отряда в Аккре! Я помогаю королю Филиппу! О горе! О горе!

— Перестань ныть, дорогой супруг. — Графиня Констанца

поднялась со своего места. — С нами наши верные друзья. Они не дадут нас в обиду.

— Правильно! — обрадовался граф. — Это вы меня соблазнили, вы заставили! Я бы без вашей подсказки никогда перемирия не нарушил!

— К сожалению, в нашем договоре, — сказала хромая ящерица, — нет пункта о нашем участии в ваших войнах, сварах и стычках. Мы не можем рисковать жизнью или здоровьем хоть одного из нас. А если мы застрелим сто или тысячу сарацинов, они нам отомстят.

— Неужели вы их испугались? — спросил граф.

— Мы никого не боимся, но не хотим лезть в пустую драку.

— Предатели! — завопил граф Рено. — Всех вас перебью! — Он швырнул оловянный кубок с вином в каменную стену. — А потом отрублю голову самому Саладину.

— Пока мой супруг голыми руками воюет с сарацинами, — тихо сказала графиня Констанца, — мы тоже примем меры. У нас есть могущественные друзья, не так ли? — Графиня выразительно посмотрела на ящериц, которые, сблизив острые рыльца, о чем-то шептались.

— Да, — сказала наконец хромая ящерица. — Наступление Саладина — опасность для всех нас. Мы отправим людей за помощью к Старцу Горы.

— Правильно, у него есть ассасины, — проговорила графиня.

— Кто такие ассасины? — спросила Алиса шепотом у робота.

— Убийцы, — ответил тот.

— А я тут же отправляюсь к магистру нашего ордена, — сказал молодой рыцарь Солсбери. — Он находится у Аккры с отрядом рыцарей. Но надеюсь, что наш орден будет вознагражден за помощь?

— Он будет вознагражден, — ответил граф де Шатильон, — уже тем, что не будет разбит и уничтожен проклятым Саладином!

— Это наше общее дело! — воскликнула хромая ящерица. — Мы должны стоять нерушимой стеной. Или мы вместе, или мы погибнем.

— И не получим богатств, которые сулит нам будущее, — тихо добавил купец.

Все его услышали и склонили головы, соглашаясь с мудростью бывалого человека.

Когда рыцарь Солсбери быстрыми шагами направился к выходу из зала замка, графиня Констанца сказала ему вслед:

— Если вам, Годфри, удастся уговорить английского короля Ричарда Львиное Сердце помочь нам, мы спасены.

— Надежды на это мало, графиня, — ответил рыцарь. — Король Англии не любит Старца Горы...

— И меня! — завершил фразу граф Рено.

Когда рыцарь ушел, графиня сказала, глядя на добро на столе:

— Чтобы Старец Горы быстро помог нам, нужен ценный подарок.

— Ты думаешь, что ему подойдет что-нибудь из этого? — спросил де Шатильон. И он несмело дотронулся до кофемолки.

— Нет, — сказала графиня. — Потребуется нечто более весомое. Нечто подходящее для его старческих вкусов...

— У меня есть идея! — воскликнула розовая ящерица. — Я знаю, что подарить старому негодяю! У вас в подвале сидит девочка-сарацинка.

— У нее вся мордочка исцарапана и нос распух, — отмахнулась Констанца. — Кому такая уродина нужна?

— Но она все равно очень хороша и принадлежит к благородному сарацинскому роду.

— Мало. Он может не принять дар. И тогда из мстителей мы превратимся в жертву, — сказала Констанца.

— Но что тогда? — Ящерица растерялась.

— Я знаю, — тихо произнес купец. — Мы подарим ему сразу двух девочек.

Он показал грязным пальцем на Алису.

— Нет! — отрезала ящерица. — Нам эта девочка нужна как заложница.

— У вас уже есть заложник! — возразила Констанца. — Нельзя всех людей из будущего держать в заложниках. Хватит. На двух девочек старик обязательно клюнет! Такой подарок! Я бы сама хотела заиметь таких хорошеньких маленьких рабынь!

— Может быть, ты и права, моя супруга... — произнес толстый граф де Шатильон. — Старец Горы — самый нужный нам союзник. Нужнее даже, чем дракончики.

— Каждый нужен в свое время, — мудро заметил купец.

— А кто их отвезет? — спросила Констанца. — Мне не следует появляться в крепости Старца, а ты занят подготовкой войска к битве с Саладином.

— Я отвезу, не беспокойтесь, графиня, — предложил купец.

— А мы постараемся, чтобы Старец Горы не отказал в вашей просьбе, — заметила одна из ящериц.

— Тогда пошевеливайтесь, — приказала графиня Констанца. — В путь!

— Надо подготовиться к поездке, — возразил купец. — Выбрать коней, взять с собой воду и провизию на дорогу.

— Какая тут дорога! Два шага, — отмахнулась графиня Констанца.

— Это зависит не от меня, а от ваших слуг, — произнес купец с ласковой улыбкой.

Пожалуй, Алиса даже не смогла бы сказать, кто ей противнее всех. Все были хороши! И худая Констанца с жестокими глазами, и ленивый длинноносый граф де Шатильон, и упругий, крепкий и наглый купец с грязными пальцами и жирными космами.

— А что делать с железным дьяволом, который приехал с девочкой? — спросил купец. — Я бы запер его как следует.

— А вот этого я вам не советую делать! — возразил робот Арх. — Совершенно неизвестно, кто главнее всех. Возможно, я и есть то лицо, которое должно вести с вами переговоры.

Алиса еле сдержала улыбку, хоть было вовсе не смешно.

— Может быть, и на самом деле этот железный человек — самый главный в будущем? — усомнилась графиня Констанца.

— Вот именно! — закричал маленький робот.

— Нет, — раздался тихий голос ящерицы. — Не слушайте его. Это человеческий слуга. И он старается защитить своих хозяев. Он притворяется, чтобы перехитрить нас. Мы знаем о подобных слугах — они встречаются на различных планетах.

— Не слушайте его! — обиделся Арх. — Я не слуга, я равноправный сотрудник экспедиции.

— И что же посоветуете с ним делать? — спросила графиня де Шатильон.

— Его следует кинуть в яму! — посоветовала ящерица. — И покрепче запереть. Такие слуги бывают очень сильными. Уч-

тите, что господин Ричард ни в коем случае не должен его видеть. Иначе он догадается, что дело нечисто!

— Я вас всех раскидаю! — закричал робот. — Только посмейте подойти к Алисочке! Вам мало того, что я сегодня победил в честном бою рыцаря Солсбери?

Ящерица подняла лапку, давая кому-то сигнал.

И тут же сверху — непонятно, как она была там прикреплена, — упала крепкая толстая сеть, которая накрыла возмущенного робота. По другому знаку ящерицы сеть затянулась тугим мешком и медленно поднялась в воздух.

Когда Алиса попыталась броситься на помощь роботу, на нее накинулись два стражника и заломили ей руки за спину. Другие стражники быстро вытащили из зала окутанного сетью робота.

— А тебе, девочка, я не советую сопротивляться, кричать или драться, — сказала Констанца. — Нас тут много, мы все друзья. Лучше, если ты подчинишься и отправишься в гости к доброму дедушке Старцу Горы.

— Но вы же только что обещали освободить Ричарда и хотели с нами дружить!

— Ситуация изменилась, девочка, — ответила графиня. — Всему свое время. Сначала мы победим Саладина, а потом будем дружить.

— Будет поздно, — сказала Алиса.

Констанца щелкнула пальцами, и Алису поволокли к выходу. Ящерицы замерли на столе, поднялись на задние лапки, глядя Алисе вслед.

Глава 8

Алиса не видела ни Ричарда, ни робота — она провела следующий час в каком-то темном закутке, где таились днем летучие мыши, которые возмутились вторжением Алисы и начали бесшумно и быстро летать вокруг, а это было страшновато. На полу валялась солома, Алиса сгребла ее в кучу и уселась на ней. Свет в ее темницу проникал лишь сквозь какую-то дырку под потолком. Зато было прохладно.

Целый час Алиса рассуждала, хотя, честно говоря, ничего особенного она не придумала. Она надеялась, что Громозека уже привез специалистов из Института Времени, что девочки

Рабэн и археологические роботы рассказали им, что Алиса с Архом отправились на спасение Ричарда. И вот-вот должна прийти помощь из двадцать первого века. Но пока она не прибыла, лучше всего терпеть, раз уж сама виновата в том, что попала в такое положение. Никто не заставлял ее пускаться в путешествие с Архом, не дождавшись, пока вернется Громозека.

Еще Алиса раздумывала о том, что она увидела в прошлом. Конечно же, эти ящерицы, они же дракончики, они же феи — как кому удобнее считать, — грабители и жулики. Но нельзя сказать, что они обратили в рабство или загипнотизировали жителей Земли. По крайней мере, их союзники — графская семья де Шатильон, купец, рыцарь-храмовник — дружат с ящерицами, потому что им это кажется выгодным. Они занимаются своими делами, воюют, торгуют, грабят и используют ящериц в своих целях. А ящерицы используют людей в своих целях. Так что все вроде бы квиты.

Но Алиса понимала, что ящерицы в сто раз хитрее средневековых людей и в обмене получают рубль за каждую копейку. Например, подговорили графа Рено мирный караван ограбить, товары себе взяли, а султан Саладин ведет войско мстить не ящерицам, а графу.

Правда, союзники ящериц — тоже угнетатели и грабители. Это же надо придумать: подарить какому-то Старцу Горы двух девочек, в том числе Алису. Как вам это нравится? Если бы Алиса не была уверена, что ее вот-вот освободят, она бы сильно расстроилась — ведь ее еще никогда не дарили как простую вещь, как канарейку или говорящую куклу.

Хорошо бы приехал английский король Ричард Львиное Сердце. Он же благородный рыцарь, не то что этот молодой храмовник. Алиса уже читала роман Вальтера Скотта «Айвенго» и кое-что знала о храмовниках, рыцарях и самом Ричарде.

Хотелось есть. Ведь ей так толком и не удалось поесть сегодня. Приключения начались слишком рано и неожиданно. Хорошо бы Громозека привез с собой бутерброд...

И с этой мыслью Алиса задремала.

Ей показалось, что она проспала всего минуту, но часы показывали, что прошло больше часа. Алиса отлежала руку на каменном, еле покрытом соломой полу.

В камере стояли два стражника — они и разбудили Алису.

Один из них потянул Алису за руку. Пришлось подняться.

Алису вывели во двор замка.

Там уже ждали верховые воины, окружившие крытые носилки, подвешенные между двух коней. К ним и повели Алису.

Алиса решила дать о себе знать — ведь в окнах замка нет стекол и в комнатах каменных башен, окружавших двор, будет слышен ее голос.

— Эй! — закричала она. — Ричард! Арх! Меня увозят к Старцу Горы! Скажите об этом Громозеке.

Стражники потянули Алису к носилкам и попытались закрыть ей рот, но Алисе показалось, что в одной из бойниц башни мелькнуло лицо Ричарда. Однако, может быть, она ошиблась?

Алису втолкнули в носилки и захлопнули деревянную дверцу.

Но внутри было достаточно светло — свет проникал сквозь щели.

Алиса поняла, что она не одна. В носилках сидела, прижав к груди колени, еще одна девочка. Черноволосая, худенькая, смуглая. На щеках у нее были глубокие царапины.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. Она сказала эти слова на старофранцузском языке, привыкнув уже, что рыцари и купцы здесь говорят на нем. Но девочка не была француженкой. Алиса уже догадалась, что она — та несчастная пленница графа де Шатильона.

Девочка тихо сказала «здравствуйте». У нее был гортанный, птичий голос.

К сожалению, это было единственное слово на французском языке, которое знала девочка. Алиса на арабском языке тоже знала мало слов. Правда, она быстро выучивала новые языки. И для начала она узнала, что ее спутницу зовут Мариам.

Носилки дрогнули, закачались. Стало трудно держаться, чтобы не скатиться друг на дружку. Девочки столкнулись, Мариам заплакала — так ей было больно. Алиса постаралась удержать ее, чтобы девочка не ударялась о стены носилок.

Слышно было, как скрипит, поднимается решетка крепостных ворот, как перекликаются стражники, потом носилки закачались мерно, и вскоре Алиса привыкла к этому движению. Они с Мариам даже стали разговаривать.

Пока их везли по пыльной дороге, Алиса узнала, что Мариам десять лет. Она жила в Дамаске со своей мамой. Они отправились с большим караваном в Египет, где у них жили родственники, но по дороге на караван неожиданно напали воины

графа де Шатильона, и это было нечестно, потому что сейчас между крестоносцами и арабами объявлено перемирие. Поэтому-то и отправился в Египет мирный караван. Но граф де Шатильон не признает благородных правил. Тогда господин султан Саладин прислал графу сердитое письмо, в котором потребовал немедленно освободить пленных и отдать награбленное добро, но де Шатильон ответил, что он уже распорядился добычей, потому что у него много долгов, и никаких переговоров с неверными он вести не намерен.

Султан Саладин хотел наказать наглого графа, но для этого надо было собрать войско, чтобы взять штурмом его замок Крак де Шевалье. Саладин не хотел новой войны, и он послал гонца к английскому королю Ричарду Львиное Сердце. Тот стоял с войском крестоносцев возле города Аккра, и король Ричард ответил, что раз граф де Шатильон поступил нечестно, то Саладин имеет право его наказать. А английский король вмешиваться не станет.

Как Мариам, сидя в подвале замка, смогла проведать все эти подробности, Алиса не знала, но подумала, что, наверное, в замке есть много слуг и рабов, в том числе арабов, которые и рассказали все девочке. Ведь, судя по всему, это была не простая девочка, а такая, из-за которой сам султан Саладин решил наказать наглого графа.

— А где твоя мама? — спросила Алиса.

Девочка заплакала. Она ничего не знала о судьбе своей мамы. Но думала, что маму тоже подарили этому отвратительному Старцу Горы. Однако, когда Алиса попыталась узнать еще что-нибудь о том Старце, к которому их везут, девочка Мариам начала рыдать и пришлось разговор прекратить, так Мариам боялась этого человека. А когда Алиса ее успокоила, то оказалось, что они уже приехали.

Дверцы носилок открылись. Алиса выскочила наружу, и стражник сразу поймал ее за руку, чтобы не убежала. Хотя Алиса и не собиралась пока убегать.

Перед ними возвышалась странная скала, похожая на крутую пирамиду со срезанным верхом. На вершине — это было видно снизу — прилепилась крепость. Путь к ней шел по узкой тропинке, которая обтекала скалу узкой спиралью.

Подъем к крепости оказался трудным и долгим путешестви-

ем, потому что тропинка порой становилась очень крутой и иногда превращалась в лестницу, вырубленную в скале.

Когда они обогнули в первый раз скалу, Алиса удивилась, увидя неподалеку летающую тарелку. Тарелка была так удачно укрыта между обрывами соседних скал, что ее можно было увидеть только сверху. Вокруг тарелки суетились розовые точки, и Алиса догадалась, что именно там находятся посадочная площадка и штаб розовых ящериц.

Чем выше поднимались Алиса и Мариам, тем становилось прохладнее. Здесь уже не было пыли и веял свежий ветерок. В то же время все дальше и дальше открывался вид. Алиса разглядела в отдалении море и холм с замком Крак де Шевалье графа де Шатильона. В другой стороне у самого горизонта виднелся какой-то городок. В море черной полоской с белой ваткой паруса плыл корабль. Над самой головой медленно реял орел.

Какой простор, какой покой — и тут же несчастье, жестокость и смерть! Вот рядом с Алисой стоит девочка, такая слабенькая, беззащитная! Какими же надо быть тупыми извергами, чтобы избивать и мучить ее! И живут ведь, не раскаиваются и только говорят: она же другой расы, другой национальности, у нее другая кровь и она верит в другого бога. А эта девочка так надеется, что пройдут годы и на Земле исчезнут жестокость и подлость. И она будет жить в мире, где царит справедливость, а зло наказывается. Как в сказке.

Но Алиса учила историю. К сожалению, она знала, что много веков люди будут жить дурно, сильные будут угнетать слабых, жестокие — мучить добрых. И в двадцать первом веке Алиса тоже будет встречать нечестных людей. Впрочем, когда она говорила об этом Громозеке, мудрый археолог отвечал: «Если бы все были хорошие, то как бы мы об этом догадались? Не с кем сравнивать».

Вспомнив голос Громозеки, Алиса улыбнулась — скоро, скоро все ее беды кончатся: только бы появился дорогой Громозека!

Наконец они достигли верхней площадки скалы, и, кинув последний взгляд на бесконечную равнину, на голубые горы на горизонте и морскую гладь, Алиса вошла внутрь крепости. Крепость эта куда как уступала замку графа де Шатильона — стены ее были ниже и сложены не так аккуратно, башен вообще не

видно, внутри лишь несколько невысоких каменных строений, глядящих открытыми дверями внутрь двора. Половина замка отделена невысокой стеной, в которой лишь маленькая калитка. Оттуда доносилась тихая восточная музыка.

Стражники графа передали пленниц и письмо появившимся из одного из строений молодым людям в черных халатах и белых повязках, удерживающих длинные волосы. За их поясами торчали рукояти кинжалов.

— Фидаи, — прошептала в страхе Мариам. — Убийцы. Ученики имама.

Несколько минут девочкам пришлось простоять под солнцем посреди двора.

Потом из дверей здания чуть побольше других вышел один из фидаев и велел девочкам войти внутрь.

Алиса и Мариам подчинились.

Они прошли через прихожую, на полу которой сидели молодые люди, затем оказались в просторном помещении, вырубленном в скале. Стены и пол его были устланы роскошными коврами, на которых лежали подушки, в дальнем конце комнаты находился мягкий широкий диван, на котором, сложив ноги, сидел нестарый еще человек с длинной черной бородой и в таком же простом черном халате, как у фидаев.

Алиса узнала человека. Она видела его на фотографии, откопанной Громозекой. Теперь она знала, кто был фотографом — одна из розовых ящериц. Разумеется, они проникли и сюда.

Освещалась комната ярким солнечным светом, который проникал сквозь широкую дверь, ведущую на балкон. За балконом Алиса увидела лишь синее небо.

— Подойдите ближе, — приказал человек с длинной бородой.

Он курил кальян — Алиса сразу догадалась, когда увидела это сооружение: длинную трубку, сосуд с водой и дымок, поднимающийся над ним. Алиса когда-то видела похожую картинку на иллюстрации к сказкам «Тысячи и одной ночи». Да и вообще вся эта комната была похожа на картинку к такой сказке.

— Так вот, значит, какие у меня новые гостьи, — сказал чернобородый старик и попытался улыбнуться. Губы у него были такие тонкие и твердые, что улыбнуться ему было невозможно.

Но порой он пытался это сделать, и зрелище получалось ужасное, словно улыбался скелет.

Алиса уже научилась понимать арабский язык — ей хватило часового путешествия в обществе Мариам, чтобы узнать достаточно слов для простой беседы.

Старик развернул свиток — письмо от графа де Шатильона — и прочитал вслух:

— «Мой высокий друг, Старец Горы, тайный имам, Повелитель исмаилитов, посылаю тебе с этим письмом двух редких рабынь, которые, наверное, доставят тебе удовольствие. Одна из них, по имени Алиса, будет жить через тысячу лет и может рассказать тебе интересные сказки о том времени. Но будь с ней осторожен, она очень опасна, потому что она хитрая и злобная. Но я думаю, что ты умеешь управляться с дикими кошками».

Старец Горы отвел в сторону руку со свитком и, прищурившись, посмотрел на девочек.

— Я так понимаю, — сказал он, — что Алиса — это та, что повыше ростом и белая волосами. Надеюсь, что ты будешь хорошо вести себя у нас. Иначе мне придется тебя наказать. Я бываю очень строгим.

Сказав так, Старец вернулся к чтению:

— «Вторая девочка, к сожалению, плохо себя вела, и мне пришлось ее наказать. Щеки у нее скоро заживут, а во всем остальном она годится в танцовщицы и по хозяйству, а может, и в жены вашей светлости. Зовут ее Мариам, она хорошего происхождения, и я ее отбил у сарацинов».

Отложив письмо в сторону, Старец Горы спросил у Мариам:

— Правда ли, что ты хорошего происхождения, но плохо себя вела и тебя пришлось наказать?

Но Мариам ничего не смогла ответить — у нее дрожали губы и слезы катились из глаз.

— Это правда! — сказала Алиса. Ей было трудно говорить по-арабски, и она понимала, что говорит не всегда правильно и с акцентом. Но это было не самое главное. — Это правда, что Мариам происходит из знатного семейства, а вот все остальное — наглая ложь!

— Ого, — медленно произнес Старец Горы. — Ты и в самом деле дикая кошка! Мне это даже нравится. Продолжай, продолжай, иноземная девочка.

— Мариам мучили, — сказала Алиса. — Ее терзали жестокие

люди — вы знаете графа Райнольда де Шатильона и его жену Констанцу?

— Это мои друзья, — ответил Старец. — И я не советую сопливой девчонке говорить о них плохо.

— Мне все равно, чьи они друзья, — ответила Алиса. — Я говорю правду. Они сами сознались в жутком преступлении.

— В каком же? — засмеялся Старец Горы.

— Им нужно было получить... Они допрашивали моего друга Ричарда.

— Что? — Старец прямо подпрыгнул на диване. — Им в плен попался английский король? Он твой друг?

Алиса поняла, что может сейчас воспользоваться недоразумением и обмануть Старца. Но ей было противно его обманывать, и Алиса только отмахнулась:

— Нет, это не тот Ричард. Мой Ричард не король, а старший научный сотрудник.

Алиса видела, как испуг исчез с лица чернобородого старца. Он снова пытался улыбнуться. Алиса продолжала:

— Они воспользовались тем, что Ричард — благородный человек, и стали при нем пытать беззащитную девочку.

— И он во всем признался? — спросил Старец.

— А что ему оставалось делать? Они избили Мариам.

— Вот молодцы, вот умники! — обрадовался Старец Горы. — Настоящие политики. Надо мне ввести этот обычай у меня в замке! Они мучили девочку, а твой рыцарь во всем признался! Ну и ничтожество же он. Совсем не настоящий воин!

— Нет, он настоящий воин.

— Настоящий воин никогда не смотрит на ничтожных женщин. Он их использует и презирает.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответила Алиса.

— Ладно, — сказал тогда Старец. — Уведите их. Мы ими займемся после битвы. Сейчас нам предстоят серьезные дела.

Алиса и Мариам послушно покинули покои Старца Горы и проследовали за фидаем в небольшой каменный дом без окон, примыкавший к стене.

Алиса осмотрелась — приходится привыкать, подумала она, я сегодня уже попала во вторую средневековую тюрьму. Даже интересно.

Мариам села на пол. Она раскачивалась. Не то пела, не то стонала.

— Что с тобой? — спросила Алиса.

— Болит, — сказала Мариам. — Щека болит.

— Давай я посмотрю.

Хоть кровь и остановилась, глубокие царапины потемнели и вздулись.

— Тебе надо немедленно к доктору, — сказала Алиса.

— Нет, — ответила Мариам. — Я боюсь доктора. Я хочу найти маму. Мама знает, к какому хакиму я пойду. Она отведет меня.

Алиса решительно подошла к двери и постучала.

Фидай в черном халате сразу приоткрыл дверь.

— Поглядите! — произнесла Алиса. — Поглядите, в каком состоянии эта девочка. Срочно принесите мне чистой воды. Вы меня слышите?

Ничего не ответив, фидай закрыл дверь. Алиса подождала несколько минут и, хоть Мариам просила ее не сердить фидаев, снова постучала в дверь. Правда, ей и самой было страшновато, но она боялась за здоровье и даже жизнь девочки — ведь на такой жаре в пустыне можно получить заражение крови.

На этот раз в ответ на ее стук дверь почти тотчас открылась, и в сопровождении фидая вошел пожилой горбун в синем халате и высокой шапке. Как Алиса поняла — хаким, тамошний доктор. Он заговорил с Мариам вежливо, тихо, а потом послал фидая за водой, а сам достал из своего широкого пояса бутылочки и баночки и занялся ранами девочки. Алиса успокоилась за судьбу Мариам. Она решила, что теперь можно не спешить — ведь наверняка специалисты из Института Времени достигли уже замка графа де Шатильона, скоро они будут здесь.

Хаким разговаривал с Мариам вежливым и мягким голосом. Он спросил у нее, где она родилась, где жила, почему с ней случилась такая беда. А Мариам доверчиво рассказала ему то, что Алиса уже в общих чертах знала:

— Я родилась в великом городе Дамаске и жила в достатке с моей мамой.

— А твой отец?

— Мой отец погиб в боях с франками, — ответила Мариам. — Но это было давно, и я этого не помню.

— И что случилось дальше?

— Моя мама поехала в Египет, где живут ее сестры и дядя, и взяла меня с собой. Мы поехали с большим караваном, и водитель каравана имел золотой пропуск от всех государей. Включая повелителей франков, которые приехали к нам на кораблях и хотят воевать с моим дядей.

— Кто же твой дядя, с которым хотят воевать неверные? — спросил хаким.

— Мой дядя — повелитель миллиона воинов, — тихо произнесла Мариам, — лев пустыни, гроза неверных, Салах-ад-дин.

Стоявший у дверей фидай в черном халате тихо ахнул и исчез.

Доктор неожиданно поклонился до земли маленькой несчастной арабской девочке и задом выполз из комнаты.

— Что это он так? — удивилась Алиса.

— Не знаю, — ответила Мариам, — очень вежливый.

— Скорее бы нас спасли, — сказала Алиса. — Уже пора. Где же Громозека и спасатели из Института Времени?

Мариам ничего не ответила, потому что не знала ни Громозеку, ни Институт Времени.

— Послушай, — нарушила молчание Алиса, чтобы скоротать время, — а что ты знаешь об этом Старце Горы и его фидаях?

— Ой, — прошептала Мариам, — это ужасные люди. Лучше не говорить о них вслух.

— Как же не говорить, если мы с тобой сидим у них в плену и нас даже подарили этому чернобородому уроду.

— Это исмаилиты... — Мариам шептала так тихо, что Алисе пришлось сесть с ней рядом, подставив ухо к ее губам. — Они верят в скрытого тайного имама.

— А кто такой имам?

— Это такой учитель. Он для них все равно что для нас Мухаммед.

— Значит, они не настоящие мусульмане?

— Они неправильные мусульмане. Они верят, что их Старец Горы и есть тайный имам. Что он даст бессмертие и вечную жизнь всем, кто его слушается. Они хотят покорить весь мир.

— Но как же они вас покорят? — удивилась Алиса.

— У них есть много крепостей. В самых недоступных местах, — шептала Мариам, — куда не могут пройти даже войска самого халифа. Они сидят в них, как стервятники в своих гнездах.

— Ну и пускай сидят, — сказала Алиса.

— Ты не понимаешь, потому что ты неверная, — возразила Мариам. — Ведь дети Исмаила посылают своих людей в разные города и страны, и они убивают всех, кто хочет их уничтожить или стоит у них на пути.

— Зачем?

— Потому что они считают, что самое сильное оружие — это страх. А когда все будут трепетать, дрожать перед ними, то они завоюют весь мир. Для этого у Старца Горы есть фидаи — это такие ужасные люди. Они самые верные рабы Старца. Он что прикажет, то они сделают. И только один человек не боится фидаев — это мой дядя Салах.

Алиса не стала спорить с несчастной девочкой. Ей так хочется надеяться на какого-то дядю. Если так легче, пускай тешит себя.

Главное — сейчас раскроется дверь и войдет спасатель...

Алиса бы не была так спокойна, если бы знала, что происходит у того замка на самом деле.

Глава 9

Примерно в то время, когда к Мариам явился доктор, из столба пыли, поднявшейся там, где туннель времени выходил в Средневековье, возникла приятная молодая женщина, сотрудница Института Времени по имени Елена Простакова, очень ученая, очень организованная, готовая к любым неожиданностям — настоящий агент Института. Ей уже приходилось вызволять из невероятных ситуаций своих товарищей, и потому она была уверена, что и на этот раз сможет вытащить из прошлого всех, кто туда угодил, — то есть Ричарда, Алису и даже робота Арха. Сам Громозека рад был бы последовать за спасательницей, но, к сожалению, не смог поместиться в эту модель кабины и вынужден был остаться в двадцать первом веке и переживать за судьбу своих друзей.

Елена Простакова, облаченная в одежду средневекового оруженосца и снаряженная не хуже, чем любой крестоносец, подождала, пока уляжется пыль, и стала осматриваться в надежде найти следы пропавших. Кстати, у Елены был с собой и «ричардоискатель». «Ричардоискатель» — это небольшой приборчик, в котором хранится капелька крови Ричарда Темпеста. На расстоянии километра этот приборчик мог почуять Ричарда,

и, чем ближе ты подходил к нему, тем ярче загорался в приборе огонек. К сожалению, Алиса убежала в прошлое без разрешения, и, конечно же, для нее такого прибора не сделали. Ее придется искать обыкновенными способами.

Елена Простакова вышла из круга и обогнула по траве это место. Трава была вытоптана, и следы направлялись вверх, к дороге, которая вела к воротам мрачного замка, оседлавшего низкий покатый холм. По дороге ей навстречу брел пастух, гнавший перед собой небольшое стадо овец. Елена не знала, что за три часа, прошедшие с того момента, как Алиса побывала здесь, пастух со стадом уже добрались до стен замка и теперь возвращались обратно, к деревне, желтые стены глинобитных домиков которой были видны в отдалении.

Разумеется, Елена Сергеевна знала все языки всех народов Средних веков — это обязательно для спасателей. Она начала задавать пастуху вопросы на иврите, арабском, финикийском, арамейском и других тамошних языках, а пастух не отвечал ни на один вопрос, потому что очень испугался странного оруженосца, от которого исходило слабое сияние и некоторый гул. Этот гул издавали приборы, которые берет с собой в прошлое каждый настоящий спасатель.

Не добившись ответа от пастуха, Елена направилась вверх по дороге, к воротам замка. Пастух смотрел ей вслед, а из-под его рубища высунулась розовая голова ящерицы, которая тоже смотрела вслед Елене. И когда спасательница удалилась на солидное расстояние, ящерица включила передатчик размером с горошину, который помещался у ее горла, и сообщила в замок, что из будущего прибыла женщина, изображающая из себя оруженосца. По-видимому, у нее много приборов и приспособлений для спасения человека по имени Ричард и железного урода по имени Арх. Из замка ответили, что передача принята. Ящерица спрятала плоскую голову под одежду пастуха, и тот погладил ящерицу по головке. Пастух любил свою ящерицу. Она была красивой, она разрешала ему днем спать и сама следила за овцами, она даже приводила его в замок и там давала вкусные вещи. За это пастух носил ящерицу, куда она желала, и всегда ее слушался.

Спасательница Елена Простакова остановилась у поднятого моста через ров. Она включила силовое поле и поэтому не боялась стрел или камней со стены замка, но все равно соблюдала

осторожность, и если ее не заметили, то пускай не замечают и дальше.

Конечно, Елене ничего не стоило перепрыгнуть через ров, пользуясь специальными пружинами, укрепленными в подошвах, но это ей ничего не давало, так как на высокую стену не запрыгнуть. Тогда спасательница отошла назад и вытащила из своего рюкзака складные пластиковые крылья, присоединила их к спине и подключила к элементу питания. Это заняло всего минуту. Ящерицы внимательно наблюдали за действиями Елены, глядя на нее между зубцов стены.

Елена включила двигатель, и крылья начали двигаться быстро, словно у пчелы. С легким жужжанием Елена поднялась в воздух и полетела вдоль стены, размышляя, где бы перелететь внутрь замка, чтобы ее никто не заметил. Правда, замок несколько смущал Елену тем, что был слишком уж неподвижен и безлюден, тих и даже казался из-за этого зловещим. К тому же огонек на запястье Елены не зажигался — значит, Ричарда в пределах километра не было.

Елена поднялась над стеной и заглянула внутрь замка. Двор его казался глубокой пропастью. И он был совершенно пуст.

Если бы вместе с Еленой Простаковой была сейчас Алиса, она бы очень удивилась: куда же делись все обитатели замка? Ведь всего два часа назад здесь кипела жизнь.

Осмотрев замок сверху, Елена Простакова осторожно спустилась внутрь двора. Никто ей не помешал. Она осмотрела двор и пришла к выводу, что совсем недавно здесь были люди. Даже очаг в кузнице еще не остыл, даже плита на кухне была теплой. И мухи еще кружились над оставленной в миске похлебкой.

Нет, здесь что-то неладно, сказала себе Елена Простакова. Она постаралась выйти на связь с двадцать первым веком, но связи не было. Дело в том, что связь во времени — штука очень ненадежная. И чаще всего если ты уходишь в прошлое, то лучше на нее не надеяться, а поскорее возвратиться.

Тогда Елена включила локатор — этот локатор показывал, есть ли пустые места в земле или камне или земля под тобой сплошная. При первом же взгляде на маленький экранчик, прикрепленный к запястью, Елена поняла, что под замком находятся обширные и глубокие подземелья. Так что Елена определила, где вход в подземелье, потом вошла в приоткрытую дверь главной башни, миновала не покрытый скатертью длин-

ный обеденный стол, за который могли бы усесться сразу человек пятьдесят, и остановилась перед небольшой дверью, закрытой на засов.

Перед тем как отправиться в подземелье на поиски Ричарда, спасательница обвела стены и пол вокруг искателем живых существ. Искатель показал, что Елену окружают только мелкие животные: крысы, летучие мыши и ящерицы. И ни одного человека. Так что Елена спокойно отправилась обследовать подземелья, полагая, что в каком-нибудь каменном мешке может быть заточен Ричард, а искатель не показывает его, потому что их разделяет слишком толстый слой камня.

Когда Елена Простакова скрылась за дверью и начала спускаться по каменной лестнице в темноту подземелья, следом за ней туда же побежала розовая ящерица, которую спасательница, к сожалению, не заметила, потому что не подозревала, что космические пришельцы бывают такого вида. Елена светила перед собой сильным фонарем. Если в луч света попадал паук, летучая мышь, мокрица или ящерица, она думала, что все эти существа родились именно в подземелье.

Легкими шагами Елена Простакова обежала подвальный этаж башни, но ничего, конечно же, не отыскала. Тогда она снова включила локатор, и тот показал спасательнице, что под ней находится глубочайшая яма: как бы вторая башня, только опрокинутая вверх ногами — под землю. Получился колодец глубиной в двадцать метров.

Елена Сергеевна стала думать, как ей найти вход в этот гигантский колодец, но все плиты пола казались одинаковыми, и уложены они были так плотно, что между ними не протиснется и лезвие ножа.

Елена медленно шла по плитам, и, когда она дошла до тринадцатой плиты справа от лестницы, ящерица, что сидела на потолке над головой спасательницы, тонко свистнула. Этот свист донесся до ниши первого этажа башни. Там ждал сигнала уже известный нам пастух. Он стоял возле длинного ржавого железного рычага.

Услышав свист, пастух изо всех сил потянул за рычаг, и тот медленно, со скрипом опустился. И тут же плита, на которую только что ступила спасательница Елена Сергеевна, встала ребром, и молодая женщина, не ожидавшая такой подлости, провалилась в черную дыру.

Ящерица свистнула снова, и пастух поднял рычаг. Плита легла на место и заглушила крик Елены Сергеевны, которая хотела раскрыть крылья, прикрепленные за ее спиной, но не успела — и сильно ударилась о каменное дно колодца.

Ящерица, убедившись в том, что плита вернулась на место, выскользнула из подземелья и через несколько секунд уже улеглась на плечи пастуху. В тонкой лапке она держала дольку сушеной дыни, потому что знала, что ее друг пастух очень любит сушеную дыню.

— Спасибо, мой мальчик, — проворковала ящерица.

— Не стоит благодарности, — ответил пастух. — Ты же мне тоже всегда помогаешь. Но нам пора идти, овечки ждут.

И пастух со своим наездником поспешил прочь из замка, забыв о судьбе несчастной Елены Сергеевны, которая вместо того, чтобы спасти Ричарда и Алису, сама попала в яму, откуда еще никто никогда не выбирался.

Она лежала на каменном полу почти без сознания, так ей было больно. Но, разумеется, она не потеряла присутствия духа, иначе бы она не была спасательницей, а пошла бы в кондитеры или художницы.

Как только Елена Сергеевна немного отлежалась и пришла в себя, она достала из своего специального пояса обезболивающие лекарства. Она проглотила таблетку и подождала, пока та начнет действовать. Пока она ждала, ей показалось, что в страшной, абсолютной тишине каменного мешка она слышит отдаленный шум — словно кто-то пытается сверлить или пробивать чем-то каменную твердь. «Может, это мне кажется?» — подумала отважная спасательница. Но нет — на самом деле в одной из камер, выдолбленных в скале, находился кто-то живой, и он рвался на волю.

«Ричард!» — поняла спасательница.

Ей сразу стало лучше. Вывихнутая нога перестала болеть, и девушка, поднатужившись, вправила ее, кровь перестала течь из рассеченной головы и руки. Елена Сергеевна перевязала себя, заклеила пластырем и включила «ричардоискатель».

Но «ричардоискатель» молчал.

На свободу стремился какой-то другой узник.

Тогда Елена Сергеевна решила, что у нее две задачи: выбраться на свободу, чтобы отыскать все же Ричарда и Алису, а

также освободить неизвестного узника, заточенного в подземелье.

Из рукава кожаной куртки оруженосца Елена Сергеевна вытащила длинный бур, в поясе у нее была атомная батарейка, которую она подсоединила к буру. Прихрамывая и морщась от боли, Елена Сергеевна включила пропеллер, прикрепленный за спиной, и взлетела на высоту трехэтажного дома — именно оттуда доносились стуки и шум. Там она включила бур. Вскоре куски гранита начали откалываться от стены и с грохотом падать на каменный пол. Елена Сергеевна очень страдала от ран и от тяжести труда. Но когда Елена Сергеевна кого-то спасает, она забывает о себе. Такие все они — спасатели Института Времени.

Спасательницу искренне радовало то, что с каждой минутой шум, издаваемый пленником, который пробивался на свободу, становился все громче.

Глава 10

После ухода доктора-хакима все сразу изменилось.

Не прошло и минуты, как фидай, который раньше сторожил девочек, вполз в комнату на коленях и ударился головой о ковер.

— *О благородные гостьи!* — *воскликнул он.* — Великий тайный имам, мудрый Хуссейн, просит вас пожаловать к нему.

Фидай отполз назад, освобождая выход, и Алиса спросила Мариам:

— Что с ним случилось? Может, наши уже побеждают?

Но Мариам ничего не ответила.

На этот раз Старец Горы встретил девочек у входа и сам отвел к дивану.

— Простите, что я говорил с вами как с простыми рабынями, которых подарили мне франки за некоторые услуги. Но теперь я узнал, что вы не простые рабыни. Так что теперь вы мои гостьи.

«Наверное, дядя Мариам — какой-то важный вельможа», — подумала Алиса.

— Дошло до меня, — продолжал имам Хуссейн, расчесывая черную бороду, — что одаренная милостью Аллаха Мариам по вине неизвестных злодеев жестоко страдала и нашему хакиму

удалось облегчить ее страдания. Да пусть о нашей милости и доброте знают во всем мире!

Глаза у Старца Горы были хитрыми, а кричал он так громко, что, наверное, не только в его замке, но и по всей долине разнесся этот крик. Теперь все знали, какой добрый старик обитает в крепости исмаилитов.

Видно, Старец Горы решил, что Алиса недостаточно удивилась, и потому он спросил ее:

— Знаешь ли ты, неверная, но неплохая девочка, о моей власти?

— Я очень мало знаю о вас, — ответила Алиса.

— Наверное, враги мои и злопыхатели поведали тебе о моих страшных преступлениях? Ну, признавайся, поведали?

— Извините, — сказала Алиса, — но мне еще не приходилось разговаривать с вашими врагами.

— Врешь, врешь, по глазам вижу, что врешь! — закричал Старец и даже подпрыгнул на подушках. — Неужели тебе не рассказывали, как я собираю по деревням самых глупых и послушных мальчиков, а потом воспитываю из них страшных убийц — фидаев? Неужели франки не рассказали тебе, как я приучаю молодых людей к отвратительному наркотику — гашишу и поэтому они, эти франки, и называют моих мальчиков ассасинами: гашишины-ашишины-ассасины, понятно? Будто мои мальчики всегда не в себе. Не знаешь?

— Не знаю, — призналась Алиса.

— А что перед тем, как послать их на задание, я отправляю их вон на ту половину крепости, где есть прекрасный сад, где красивые девушки поют песни и танцуют, где мальчикам дают любые сладости и напитки, и потом я говорю им: это вы побывали в раю! Если вас убьют, когда вы выполняете мое задание, знайте, что вы навсегда попадете в такой рай! — И Старец Горы расхохотался тонким голосом.

— И неужели они верят?

— Верят! — ответил Старец. — Еще как верят! Я же говорю, что самых тупых отбираю, а потом еще их наркотиками отравляю!

— Это подло! — сказала Алиса.

Старца Горы слова Алисы позабавили.

— Я же пошутил! — смеялся он. — Я всегда шучу! Я самый главный шутник во всем мире.

Отсмеявшись, Старец Горы продолжал:

— А если не шутить, то я должен сказать вам, мои гостьи, что моя цель — сделать всех людей счастливыми. А как?

— Как же вы хотите сделать всех счастливыми? — спросила Алиса.

— Для того чтобы люди стали счастливыми, — ответил Старец добрым голосом, — надо, чтобы все меня слушались, потому что только я один знаю истину. Только я один знаю, что нужно людям! Но люди — это стадо свиней! Они не понимают своего счастья. Мне приходится вбивать в людей счастье палками... И я это делаю! Главное — полное и абсолютное послушание! Вы мне не верите?

Глаза Старца сверкали страшным черным зловещим блеском. Тонкие губы раздвигались, как шрам от удара саблей. Он казался сумасшедшим. Но если он и был сумасшедшим, то очень опасным.

— Хочешь увидеть, что значит моя полная власть? Власть, которая сильнее страха?

Старик вскочил и быстрыми шагами вышел на балкон. Балкон нависал над пропастью — земля была далеко внизу, и в первый момент Алисе захотелось спрятаться обратно в комнату. Бесконечная равнина открывалась перед глазами, но так как уже наступила вторая половина дня, то дали заволокло мглой.

— Видишь? — Старик показал на наблюдательную площадку выше их, на углу крепости.

Там стоял фидай в черном плаще с белой повязкой на лбу. Он внимательно всматривался в даль.

— Видишь, как он молод и красив? — кричал старик. — Представляешь, какая долгая жизнь предстоит ему? Какая у него будет красивая невеста и какие у него вырастут чудесные дети?

— Представляю, — сказала Алиса, сжимаясь от ужаса.

— Так этого не будет, не будет, не будет, потому что я этого не хочу!

— Не надо! — вырвалось у Мариам.

— Эй, Ахмет! — позвал старик.

— Я здесь! — откликнулся молодой страж.

Старец поднял руку. Рукав упал к плечу и обнажил коричневую старческую кожу.

Юноша колебался.

— Ну! — подхлестнул его Старец. — Тебя ждет счастье!

И вдруг — Алиса даже не успела закричать — юноша сделал большой шаг вперед и... рухнул вниз!

Его тело, как тряпичная кукла, медленно-медленно падало к острым скалам на невообразимой глубине. А Старец разинул от наслаждения рот. Так ему было приятно, что по его зловещей воле погиб молодой человек.

— Вы изверг! — воскликнула Алиса. — Вас судить надо.

— Я имам, я повелитель! Я господин всего мира!

Слова Старца срывались с его губ и летели над долиной. Алисе хотелось плакать.

А Старец радовался тому, как он напугал девочек.

— У меня много врагов, — говорил он, расхаживая по балкону. — Но они погибают один за другим. И мне помогает вражда между моими врагами. Как только я пожелаю смерти одного, приходят друзья и говорят: а не поможешь ли ты нам, великий имам, убить еще одного султана? Или короля? Или графа? Ах, говорю я, почему бы не помочь хорошему человеку!

— И поэтому вы подружились с этими гадкими розовыми ящерицами? — спросила Алиса.

— Они лучшие союзники и друзья, какие у меня были за много лет, — ответил Старец. — Вы и не представляете, как они мне полезны! Они дают мне разные нужные вещи, они помогают мне убивать непокорных...

— Но моего дядю вам не убить! — неожиданно закричала Мариам. Алиса даже не ожидала, что она может так зло кричать. — Он вас самого убьет!

— Мой милый ребенок. — Старец заговорил нежно-нежно, словно мед сочился из его уст. — Как ты ошибаешься! Твой дядя очень меня боится. Но это не спасет его. Мои друзья розовые дракончики подсказали мне, где он будет сегодня. И нет ничего легче, чем послать туда верного фидая. Он убьет твоего дядю. Очень скоро он убьет его и тут же, как и положено фидаю, покончит с собой, ибо никто не должен узнать моих тайн.

— Где он? Его надо остановить! — воскликнула Мариам.

— Поздно. Армии уже сближаются. Твой дядя уже почти убит. Кинжал занесен над ним.

Мариам упала на пол и заплакала.

И вдруг, неожиданно для Алисы, Старец наклонился к девочке и осторожно поднял ее.

— Не плачь, все будет хорошо! — прошептал он.

— Ничего не может быть хорошо! — плакала Мариам. — Злобный франк напал на наш караван и убил мою мамочку! Твой фидай убьет моего дядю, и я останусь одна на свете!

— Нет, моя дорогая девочка, — сказал Старец. — В этом и есть чудо драгоценного дара, который сделали розовые дракончики. После смерти твоего дяди ты останешься последней в династии Айюбов. Ты унаследуешь Сирию и Египет. А это значит, что унаследую их я как твой опекун и любящий приемный отец.

— Нет, этому не бывать! — закричала Мариам, вырываясь из цепких рук имама.

Старец хлопнул в ладоши, и тут же появился доктор-хаким. Словно ждал под дверью.

— Дай успокоительного принцессе египетской, — велел он.

Хаким протянул Мариам чашку. Та сначала отказалась, но потом покорно выпила.

Старец между тем смотрел на долину. Затем шагнул к столику, стоявшему на балконе, и схватил с него подзорную трубу. Алиса сначала даже не сообразила, что у средневекового имама не может быть подзорной трубы. Да еще с такими большими линзами.

— Это подарок дракончиков, — сказал Старец, словно угадал невысказанный вопрос Алисы. — У меня много таких подарков. Недаром мои рабы копают для драконов медь, свинец и другие металлы и камни в наших ущельях. Без меня дракончики как без рук!

Старец поднес трубу к глазу и воскликнул:

— Они идут!

Потом добавил:

— Пойдем ко мне в комнату. Я покажу тебе такое, чего нет ни у одного султана и даже самого халифа.

Старец сделал знак хакиму, тот поднял с пола сонную Мариам и, внеся в комнату, положил на подушки.

Затем имам тоже прошел в свою комнату, откинул ковер со столика возле дивана, и Алиса увидела экран вроде телевизионного. Вот уж не ожидала увидеть ничего подобного!

Старец уверенно включил прибор, и Алиса поняла, что экран показывает отдаленный участок долины, покрытой тучей пыли. Старец стал настраивать изображение, и оно стремительно приближалось. Вот уже стали видны отдельные всадники.

Алиса увидела, что впереди войска, окруженный арабами в высоких тюрбанах и позолоченных шлемах, едет смуглый человек с правильным красивым лицом, обрамленным небольшой бородкой. Конь под всадником был белым, белым был и плащ.

Алиса поняла, что экран, наверное, связан с небольшим наблюдательным спутником-шпионом, который сейчас завис над войском. Она уже догадалась, что видит: человек с бородкой — командующий арабской армией.

Но все же спросила:

— Это твой дядя, Мариам?

Мариам откликнулась сонным голосом:

— Это мой дядя Салах.

— Да, это последний султан из рода Айюбов, — подтвердил Старец Горы. — Который погибнет в этом сражении.

Потом имам подстроил картинку и показал Алисе панораму долины. И Алиса увидела другое войско, которое приближалось к армии дяди Салаха.

Впереди того войска ехали рядом граф де Шатильон и рыцарь Солсбери. За ними несколько незнакомых Алисе рыцарей. Они были одеты куда тяжелее, чем арабы, кони их, тоже покрытые кольчугами, с трудом переступали по вязкой пыли. Порой пыль полностью застилала изображение.

Потом стали видны пехотинцы — Алиса поняла, что тяжелые рыцари графа де Шатильона составляют лишь малую часть войска крестоносцев. В основном оно состояло из пехотинцев в кожаных или кольчужных рубахах и в тяжелых шлемах. Эти люди с трудом брели по жаре, волоча за собой копья и мечи.

Враждебные армии двигались все медленнее и наконец остановились друг против друга.

К сожалению, не было слышно звука. Но ведь раз ящерицы смогли сделать такой передатчик, значит, должен быть звук.

Алиса подошла к монитору и внимательно пригляделась к нему. Конечно, он был неземного изготовления, но Алиса понимала, что его, вероятно, ящерицы сделали специально для человеческих пальцев, ушей и глаз. Значит, и она сможет разобраться.

— Не смей подходить! — рассердился Старец. — Сломаешь что-нибудь. Я за это волшебное сокровище отдал годовую добычу золота со всех моих рудников.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Не сломаю. Мы такое в школе проходим. Во втором классе.

Одного взгляда ей было достаточно, чтобы понять, что Старцу просто забыли сказать, как включается звук. Или он от старости забыл об этом. Алиса нажала на кнопку, и комнату заполнил невнятный суровый гул надвигающегося боя.

— О! — признал ее достижение Старец. — Я оставлю тебя здесь. Ты будешь ухаживать за моими машинами.

Загудела труба. Это был сигнал к бою.

Дядя Салах — полное имя которого Салах-ад-дин, или Саладин, Алиса вспомнила только сейчас — поднял руку: сейчас он прикажет коннице скакать вперед.

— Смотри! — закричал Старец. — Сейчас это случится! Сейчас твой проклятый дядя погибнет, и мы с тобой станем наследниками всего мира, моя приемная дочка!

Но в этот момент что-то сорвалось в зловещих планах Старца Горы. С отвратительным криком он отшатнулся от экрана и, не выпуская из рук подзорной трубы, кинулся на балкон. Там он приставил трубу к глазу и замер, часто постукивая по полу пяткой.

Алиса внимательно смотрела на экран и, когда пыль на секунду отнесло ветром, увидела, что к месту начинающегося боя подъезжает еще одна группа рыцарей-франков.

Впереди скакал знаменосец, который держал в руке красное знамя с вышитыми на нем тремя золотыми львами. За ним ехал на черном громадном коне мощный белокурый рыцарь в алом плаще, но без шлема. Замыкали группу шесть или семь богато одетых рыцарей и толпа оруженосцев и слуг.

Белокурый рыцарь сразу оценил обстановку и направил своего вороного коня на невысокий холм, возвышавшийся как раз между армиями врагов, но чуть в стороне от их центра. Когда белокурый рыцарь оказался на вершине холма и знамя развернулось под ветром рядом с ним, оказалось, что он как бы вознесся над остальными — копыта вороного коня оказались на уровне голов сарацинов и франков.

— Злые духи прислали мне короля Ричарда! — злобно произнес Старец. — Мне вовсе не нужны лишние свидетели.

— Это король Англии Ричард Львиное Сердце? — спросила Алиса.

Несмотря на всю тревогу, владевшую ею, Алиса ощутила

странное радостное чувство: ты читаешь, слышишь о человеке — и вдруг видишь его наяву. Как любимого писателя или космонавта!

— Да, это он, проклятие злых духов, вонючий шакал!

— А чего же вы так его испугались? Он будет сражаться против Саладина?

— Не будет он сражаться, — отмахнулся Старец Горы. — Сейчас перемирие, и этот проклятый рыцарь всегда соблюдает все правила и договоры. Но, видно, какая-то гадкая птичка донесла ему, что сегодня будет битва между Шатильоном и Саладином. Вот и примчался поглядеть. Его хлебом не корми — дай поглядеть на битву или турнир! Мальчишка проклятый, да сразит его стрела справедливости!

— Или ваш убийца? — спросила Алиса.

— Или мой убийца, — твердо ответил старик.

Но Алиса-то знала из учебника истории, что Ричард Львиное Сердце благополучно возвратится из Палестины, и не боялась, что фидаи до него доберутся.

При виде рыцаря в красном плаще франки графа де Шатильона начали радостно кричать и размахивать копьями и мечами. А среди воинов Саладина произошло некоторое замешательство, и передние ряды подались назад, оставив Саладина в одиночестве.

Откуда-то, словно из-под копыт коней, выбежал фидай в черном халате, подобранном под пояс, чтобы не мешался, в руке его блеснул кинжал.

Фидай подпрыгнул, занеся руку с кинжалом, и все это произошло так быстро, что никто не успел пошевелиться или прийти на помощь султану. Но тот был начеку.

Каким-то чудом султан Саладин успел перехватить руку фидая, и тот повис в воздухе, пойманный во время прыжка. Он извивался, как змея, но ничего не мог поделать. Саладин уже готов был отбросить неудачливого убийцу, но тут Алиса увидела, как в разрезе черного халата возникла розовая мордочка ящерицы, затем показалась розовая лапка с маленьким бластером — как молния сверкнул луч, и Саладин, пошатнувшись, начал валиться с коня.

Алиса ахнула от ужаса и отвращения к злобному старику.

Но фидай не успел воспользоваться ранением султана, потому что охрана Саладина уже опомнилась и множество мечей

и копий вонзилось в убийцу. Алиса увидела, как под ногами коней мелькнула, убегая, розовая ящерица, которая так хотела помочь убийце.

— О великий Аллах! — кричала девочка Мариам. — Как ты терпишь такое злодейство!

Оказалось, она очнулась и смотрела на экран.

Старец Горы стоял на балконе, бессильно опустив руку с подзорной трубой.

— Бездельник, — хрипло произнес он, — ничего нельзя доверить! Зачем я вас учу, если вы не можете вонзить кинжал в плоть ничтожного султана? О крушение моих планов!

Старец вошел в комнату.

Мариам метнулась в угол, словно она была виновата в том, что Старцу не удалось убить ее дядю.

Но Старец не обратил на нее внимания. Он впился взором в экран монитора.

— Может, он все же подох... — бормотал тайный имам.

Но Алиса увидела, как Саладина подняли обратно в седло. Правой рукой он придерживал левое плечо, куда попала лучом розовая ящерица. Сквозь пальцы сочилась кровь. Охрана пыталась увести Саладина с поля боя, но он и думать об этом не хотел.

Здоровой рукой он высоко поднял меч и, пришпорив коня, поскакал на войско франков.

И все его воины в едином порыве кинулись за своим раненым вождем.

— Нет, он погибнет, — шептал Старец Горы. — Он обязательно погибнет. Он должен погибнуть!

Началась отчаянная сеча, и в поднявшейся пыли Алисе трудно было понять, где там свои, где чужие, — а для нее своими были арабские всадники султана Саладина, а чужими — крестоносцы. Вот как бывает, если столкнешься с историей наяву!

На несколько секунд пыль отнесло поднявшимся ветром, и Алиса увидела, что Ричард Львиное Сердце в красном плаще и его спутники не вмешиваются в бой. Они неподвижно как статуи стоят на пригорке под знаменем с тремя львами.

Поднявшаяся пыль снова скрыла и короля Ричарда, и сражавшихся. Лишь звон металла, крики, проклятия, стоны, стук подков доносились с экрана.

Старец Горы метался по комнате, издавая дикие крики, как

болельщик на стадионе, который видит, что его любимая команда проигрывает решающий матч, но ничем не может помочь.

По стене прокатился, упал на пол камешек — Алиса подняла глаза и успела увидеть, как в щель под потолком спряталась розовая ящерица. Так вот где они здесь таятся! Впрочем, было бы наивно думать, что ящериц не допускают на скалу исмаилитов.

Глава 11

Битва продолжалась недолго, хотя Алисе показалось, что прошло несколько часов. Но, судя по всему, франки не успели собрать на помощь других рыцарей, а может быть, никто и не захотел защищать графа де Шатильона. И видно было, как то тут, то там франки начинают отступать.

Ящерицы, как удалось заметить Алисе, старались помочь своим союзникам, но, видно, больше боялись за себя. Некоторые из них таились по окрестным холмам и тайком стреляли из бластеров. Им удалось убить и ранить некоторых сарацин, но это не повлияло на ход боя: все равно тяжелые рыцари в жаре и пыли стали жертвами быстрых всадников Саладина, а пехотинцы один за другим покидали поле боя. Сарацинские всадники догоняли их и либо убивали, либо брали в плен.

Бой все приближался к скале, на которой стояла крепость исмаилитов. С балкона уже можно было различить в громадном клубе пыли отдельные фигурки. А там, откуда бой ушел, в пыли валялись убитые и раненые бойцы. Как махонькие куколки, как раздавленные муравьи.

«Нельзя же!» — думала Алиса. Нельзя же воевать. Ведь воевать желают не те, кто погибает, не невинные люди, они хотят жить, как тот молодой фидай, которому Старец Горы приказал кинуться в пропасть. Те, кто хочет войны, умирают не на поле боя. Вот и эта война началась уже много лет назад, когда крестоносцы пришли сюда, чтобы завоевать Иерусалим. Жестокий толстяк Райнольд де Шатильон напал на мирный караван, убил мать Мариам и издевался над ее дочкой... Война нужна Шатильону! И Ричарду Львиное Сердце.

Алиса не успела додумать до конца, потому что в этот момент окончательно решилась судьба сражения — сломленные

франки, бросая оружие, погоняя коней, ринулись с поля боя. Но бежали они не к замку де Шатильона, а сюда, к скале — убежищу Старца Горы.

Старец, наблюдавший бегство в подзорную трубу, отбросил ее и ворвался в комнату с криком:

— Сюда нельзя! Никто не должен знать, что мы союзники. Я с ними незнаком!

Алиса так удивилась, что не удержалась и сказала:

— Но ведь все видели, как ваш фидай хотел убить султана Саладина!

— Нет! — закричал старик, дергая себя за черную бороду. — Это был не мой фидай, это был чужой убийца. Вы ничего не докажете!

И Алиса поняла, что этот изувер и страшный фанатик — на самом деле трус. Но ей от этого было не легче. Ведь такие трусы — самые опасные. А вдруг он решит избавиться от Алисы и Мариам, чтобы никто не узнал, что они получены им в подарок от графа? Ведь они свидетельницы того, что он хотел убить Саладина и с помощью несчастной Мариам завладеть его троном.

На экране монитора было видно, как сарацины окружают рыцарей. Вот сдаются графиня Констанца и храмовник Солсбери, вот стаскивают с коня отчаянно сопротивляющегося графа де Шатильона. Его волокут к Саладину, граф валится на пузо и едет, как пингвин с ледяной горки.

По пустыне неслись, прижимаясь к песку и стараясь остаться незамеченными, розовые ящерицы — все они стремились к своему кораблю, который был спрятан за скалой Старца Горы. Ящерицы были покрыты пылью, и их никто не замечал.

Алиса переключила монитор на корабль: вокруг него царила страшная суета, сотни, а может быть, и тысячи ящериц тащили внутрь какие-то ящички, ящики, тюки, пакеты, коробки — видно, рассудили, что лучше утащить, что уже добыто, чем потерять все, втянувшись в земные войны.

— Смотрите, госпожа! — воскликнула Мариам, дергая Алису за рукав.

Алиса увидела, что по степи к кораблю пришельцев несется, подпрыгивая, телега, запряженная четверкой коней. На телеге — клетка, в которой сидит скованный человек. Да это же Ричард!

Вот он поднялся и трясет прутья клетки, стараясь освободиться.

Значит, граф де Шатильон потащил Ричарда за собой в битву, не захотел оставлять его в замке. А теперь ящерицы спешат отвезти пленника на корабль.

Это зрелище могло показаться смешным, хотя Алисе было не до смеха. Лошади были буквально облеплены ящерицами, десятки их бежали по равнине, натягивая поводья коней, другие взобрались им на спины и щипали, били, погоняли несчастных животных, которые неслись, потеряв от страха рассудок.

— Мы должны спасти Ричарда! — закричала Алиса и кинулась вон из комнаты.

Но в дверях стоял мрачный фидай, который выставил ладонь. Алиса натолкнулась на нее и отлетела обратно в комнату.

— Это еще что такое! — рассердился Старец Горы, только сейчас заметивший ее попытку к бегству. — И не мечтай! Ты останешься со мной и будешь мне защитой. Пока ты у меня — мне ничто не грозит.

И Старец заквакал, растянув лягушачий рот.

Алисе пришлось подчиниться. Она была уверена, что обязательно убежит, вырвется. Но главное теперь — спокойствие и выдержка. Ей уже приходилось попадать в безвыходные положения. И она знала, что и из безвыходных положений всегда есть выход.

Поэтому Алиса сделала вид, что ничего не случилось, и стала глядеть на долину внизу. И вовремя. Потому что телегу с плененным Ричардом заметили и настигли всадники Саладина. При виде их розовые ящерицы ринулись в разные стороны.

Некоторые из них выхватывали бластеры и стреляли, но лучи бластеров не могли пробить кольчугу. Видно, то, что смертельно для ящерицы длиной в локоть, вовсе не столь опасно для человека. Из-за этого ящерицы не могли участвовать в сражении — только путались у всех под ногами. Пожалуй, союзникам лучше на ящериц не надеяться. Каждый спасается как может.

Понял это и Старец Горы.

— Убрать лестницы! — закричал он. — Закрыть ворота! Чтобы ни одна муха не проникла в мою крепость!

И как бы в ответ на этот дикий крик из-за дивана показались две розовые ящерицы. Они скользнули к двери и исчезли.

Тем временем всадники Саладина подскакали к скале Старца Горы, воины окружили телегу, но клетку не раскрывали. Ричард стоял, держась руками за прутья, и тяжело дышал. Ни одной ящерицы не было видно — они все скрылись в корабле по ту сторону скалы.

К Ричарду подскакала кавалькада: впереди султан Саладин, следом его свита — эмиры, ханы, шахи и другие начальники. Затем, чуть отстав, но спокойно и уверенно к этому месту подъехал и Ричард Львиное Сердце в алом плаще и под красным знаменем с тремя золотыми львами. Он был похож на богатого туриста, попавшего на бой быков.

Чуть далее, окруженные арабскими всадниками, медленно брели связанные пленники — союзники розовых ящериц. Может быть, Алиса и пожалела бы графа и графиню Шатильон, но рядом с нею стояла девочка Мариам. И Ричард был так избит, словно по лицу его били молотком — а они наврали, что его и пальцем не тронули!

Войско скопилось вокруг телеги с Ричардом, и постепенно наступила тишина. Алиса думала, что Саладин, подъехавший к Ричарду, сейчас заговорит с ним, но вместо этого султан обратился к английскому королю, который сидел на таком большом коне и сам был так велик, что султан рядом с ним казался мальчиком.

— Добрый день, великий король, — произнес Саладин на языке франков.

— Добрый день, султан, — ответил король Ричард.

— Что привело тебя сюда? — спросил Саладин.

— Мне донесли, — сказал Ричард, — что ты решил напасть на благородного графа де Шатильона и рыцарей-храмовников. Я поспешил сюда, чтобы убедиться, не нарушили ли вы перемирие.

— Перемирие между войском Аллаха и неверными не нарушено! — ответил султан. — Я пришел сюда не для войны, а чтобы вернуть мою честь.

— Кто обидчик твой? — спросил английский король.

— Здешний граф Райнольд де Шатильон, — произнес Саладин.

— Это он нанял фидая, который хотел убить тебя?

— Я не знаю, кто нанял жалкого убийцу, но прислал его Старец Горы, и я накажу его.

— Так чем же граф оскорбил твою честь, сарацин?

— Хоть я и не обязан говорить о таких вещах с неверными, тебе, как смелому и справедливому рыцарю, я скажу: граф де Шатильон напал на мирный караван, с которым путешествовали в Египет моя сестра и ее маленькая дочка. Он ограбил караван, он убил мою сестру. Он захватил подарки, которые я посылал с сестрой в Египет, и захватил в плен дочь моей сестры, мою любимую племянницу Мариам.

Саладин произнес эти слова срывающимся голосом.

— Не может быть! — возмутился английский король. — Неужели это правда, граф де Шатильон?

— Не может быть мира с неверными! — откликнулся хриплым голосом граф. — Я их уничтожал и буду уничтожать, как бешеных собак!

— Ты можешь уничтожать их в честном бою, — сказал английский король. — Но как ты посмел напасть на мирный караван в дни перемирия и убить женщин и детей?

— Эти женщины и дети, — с презрением воскликнул граф, — сами напали на моих людей! А меня там даже и не было. Я ничего об этом не знаю.

— Это ложь! — Саладин сделал знак, и из толпы воинов вышел старик с перевязанным глазом. — Вот, король, один из караванщиков. Ему удалось спастись. Он тебе все скажет.

— Что мне слова твоего караванщика, султан! — ответил английский король. — Против них есть слова знатного вельможи Франции и Иерусалимского королевства.

— Но моя сестра и племянница погибли!

— Я ничем не могу тебе помочь. Мне мало свидетелей, которых ты представил, — сказал английский король. — Поэтому я объявляю перемирие прерванным и завтра же начинаю штурм крепости Аккра.

Ну как сказать ему? Как донести до него правду! Алиса сжала кулаки. Неужели не найдется больше ни одного честного человека? Ричард, который стоит в клетке, наверное, не подозревает, что девочка, которую пытали из-за него, и есть племянница султана. Констанца же и рыцарь Солсбери никогда не признаются.

— Нет! — услышала Алиса крик Мариам. — Я так больше не могу!

Алиса не успела остановить девочку, та бросилась на балкон. Она тянула руки вниз, но люди, что казались близкими на

экране монитора, на самом деле находились очень далеко. Если бы король Ричард поднял голову, он увидел бы лишь маленькую фигурку.

И тут в отчаянии девочка Мариам вспрыгнула на парапет и, широко расставив руки, кинулась вниз с балкона.

Алиса в ужасе закрыла глаза руками.

Глава 12

К сожалению, в нашем рассказе мы совсем забыли о Елене Простаковой — отважной спасательнице, которая по недоразумению попала в подземные казематы замка Крак де Шевалье. Но Елена не из тех, кто сдается перед лицом трудностей. Вы можете замуровать ее в скалу, опустить на морское дно, выкинуть в космос, но, как и положено отважной спасательнице Института Времени, она всегда найдет выход из положения. И не раз уже находила.

Мы оставили спасательницу в тот момент, когда она, прижавшись к стене колодца, старалась просверлить в камне тоннель, чтобы помочь неизвестному пленнику, который пробивался сквозь гранит ей навстречу.

Два раза она обессиленно падала на пол. Но каждый раз вставала и снова, как муха, поднималась к потолку.

Пропеллер с трудом удерживал ее на весу, но с каждой секундой работать становилось все легче, потому что спасательница вскоре пробила в стене нишу, которая постепенно превратилась в туннель, вернее — в глубокую нору.

Вот уже можно выключить пропеллер и вытянуться во весь рост на животе.

Елена Сергеевна замерла и целую минуту лежала неподвижно, затаив дыхание. Она старалась понять, откуда и в каком направлении пробивается неведомый узник, на помощь которому она спешит.

Вот этот звук! Кто-то скребся совсем близко — правда, теперь Елене пришлось долбить свой лаз правее, чтобы не промахнуться.

Забыв об усталости, спасательница вгрызалась буром в скалу и ловко сбрасывала отколотые камни назад, так что камни вылетали из ее норы, как из пушки.

Елена Сергеевна так увлеклась своей работой, что забыла о

времени. Она и не подозревала, что наверху, в пыли и грохоте, идет самое настоящее сражение, что Алиса и девочка Мариам смотрят за ним со скалы, где находится крепость Старца Горы.

Когда Елена остановилась в очередной раз, чтобы прислушаться, она поняла, что неведомый узник находится всего в метре от нее — еще чуть-чуть, и она его спасет!

Но удивительное дело: словно услышав о том, что спасение близко, узник прибавил прыти и принялся уводить свой лаз в сторону — испугался, что ли?

Тогда спасательница тоже прибавила скорости.

Узник еще больше заторопился.

Спасательница чувствовала, что уже догнала его, что роет ход параллельно с его ходом. Они были как два земляных червя, которые устроили соревнования, кто скорее прокопает лаз под грядкой.

И тут Елена сообразила, что делает лишнюю работу; она взяла левее и через три минуты оказалась в только что проделанном туннеле.

Туннель этот был заполнен камешками и песком, которые оставил узник — ведь он тоже отбрасывал назад камешки, которые отбивал от скалы. Так что Елене было нелегко дышать, к тому же она страшно устала, несмотря на то, что была очень выносливой.

— Ну, давай, немного осталось! — крикнула Елена сама себе.

Из последних сил она устремилась вперед, как крот, отбрасывая камни и песок, и еще через минуту луч ее фонаря уловил движение впереди — металлические подошвы отбрасывали ей в лицо куски породы. Вот он — узник!

К счастью, фонарь Елены был пуленепробиваемый. Доставалось только лицу. Но Елена протянула вперед руки и схватила узника за ноги.

Тот отчаянно сопротивлялся. Он же не знал, что его спасают; наверное, думал, что за ним гонятся.

Он тащил Елену как на буксире, только не сквозь воду, а сквозь каменные крошки, что, конечно же, куда больнее для пловца.

Неизвестно, сколько это могло бы продолжаться. Вернее всего, спасательница бы погибла. Но впереди оказалось пустое пространство — большой подвал. И узник, которого Елена дер-

жала за дергающиеся металлические ноги, вывалился в подвал и потянул за собой Елену, которая упала на него сверху.

Оглушенные, они замерли.

Первым очнулся неизвестный узник. Он попытался убежать от Елены, но она смогла снова схватить его и громко сказала:

— Нет, голубчик! Ты спасен и можешь меня благодарить.

— Я не просил меня спасать! — раздался высокий тонкий голос. — Я сам спасаю Ричарда.

Елена Сергеевна зажгла свой фонарь и увидела, что по ошибке спасла вовсе не Ричарда Темпеста и даже не какого-нибудь другого человека, а странного на вид шарообразного робота с длинными руками и короткими ногами, неизвестно как оказавшегося в глубоком подземелье замка Крак де Шевалье в конце двенадцатого века нашей эры.

— Ты никого не можешь спасать, — заявила Елена Сергеевна, — потому что ты не спасатель и вообще неизвестно, кто ты такой.

— Я археологический робот первого класса по имени Арх. А вот с кем имею честь говорить, не знаю.

— А я спасатель Института Времени Елена Сергеевна Простакова. Я прибыла сюда из двадцать первого века.

— Вы не очень спешили, девушка, — сказал на это археологический робот. — Пока вы собирались, нас всех могли перебить, отдать в рабство и посадить в тюрьму.

Елена Сергеевна Простакова немного обиделась.

— Во-первых, — произнесла она, — как только я получила сигнал тревоги, я бросила все и кинулась сюда.

— Что такое — все? — строго спросил маленький робот.

Его бока были покрыты пылью и каменной крошкой, а кое-где даже помяты. И некоторые из инструментов, которые служили ему пальцами, были погнуты и обломаны.

— Я только-только села за стол, — призналась спасательница, — на моем дне рождения.

— И сколько же вам лет, спасатель?

— Мне уже двадцать два года, — ответила Елена Сергеевна. — Но, к сожалению, я слишком молодо выгляжу.

— Это исправимо, — утешил робот. — Но я бы не дал вам... поверните фонарь, чтобы мне лучше было видно... спасибо. Я не дам вам больше восемнадцати!

— Хватит разговорчиков. Спасая вас, я потеряла много времени. Мне пора спасать Ричарда и Алису, — сказала Елена.

— А вы думаете, я чем занимался? — удивился робот. — Ведь я пробивался именно сюда. В это подземелье.

— Почему?

— Да потому что я подслушал, что здесь они содержали Ричарда Темпеста.

— А где он теперь?

— Коллега, не задавайте глупых вопросов, — ответил робот Арх. — Вы же видите, что его здесь нет.

Спасательница согласилась с роботом и быстро провела лучом фонаря по стенам подземелья. И не зря. Возле железной двери на стене было выцарапано чем-то острым:

«Меня уводят. Граф не хочет меня оставлять. Ричард».

— Вот видите, — сказал робот. — Я же знал, где искать.

— А я думаю, что теперь надо отыскать графа. Где граф, там и Ричард, — заметила спасательница.

— Замечательная мысль! — воскликнул робот. — Может, вы знаете, где Алиса?

— Нет еще. Но я ее тоже спасу.

— Тогда не будем терять время понапрасну.

Робот подбежал к железной двери и отворил ее. Никакой охраны поблизости не было. Каменная лестница вела наверх.

Елена Сергеевна, сопровождаемая археологическим роботом, поспешила наружу, хотя, конечно же, ей больше всего хотелось отдохнуть.

Они пробежали через пустой двор. Ворота в крепость были приоткрыты — так спешили в бой стражники графа. Правда, на склоне холма Елена Сергеевна увидела пастуха, который медленно брел за стадом овец. И она подумала: что-то уж очень долго здесь гуляет одинокий пастух. И в этот момент археологический робот произнес:

— Что-то не нравится мне этот пастух. Когда мы с Алисой здесь проходили несколько часов назад, он уже здесь ошивался.

Спасательница подошла к пастуху. Тот очень удивился, увидев ее и робота. Но не убежал.

— Скажите, — спросила спасательница, — куда повезли нашего друга Ричарда Темпеста?

— И мою подругу Алису Селезневу? — спросил Арх.

Спасательница задала свой вопрос на арамейском языке, а

потом на арабском и еще шести языках. А Арх спросил на старофранцузском языке, потому что они с Алисой на том языке уже со многими здесь разговаривали.

Но пастух ничего им не ответил. И неясно было, понял он что-нибудь или нет. Но потом поднял руку и показал в сторону — туда, где над долиной клубилась туча пыли.

Робот и спасательница побежали к туче, догадавшись, что там кипит бой. Но через некоторое время Елена Сергеевна остановилась, чтобы проверить направление.

— Что это еще такое? — спросил робот, крутя головой.

— Это «ричардоискатель».

— Зачем он нужен?

— Чтобы отыскать Ричарда Темпеста, — сказала спасательница.

Робот вытянулся на коротких ногах, чтобы разглядеть циферблат небольшого приборчика. Там была стрелка. Она показывала в сторону тучи, и рядом было указано расстояние: «4 км 760 м».

— Ричард там? — спросил робот.

— Вот именно, — ответила девушка.

— Значит, граф утащил его с собой, не рискнул оставить в замке. А может, не сам догадался, а ящерицы подсказали.

— Кто подсказал? — не поняла спасательница.

— Его инопланетные союзники. Розовые ящерицы.

— А где же они?

— Вот это я и хочу проверить, — сказал робот Арх. — По моим расчетам, их космический корабль должен скрываться вон в том ущелье, за высокой скалой, на которой возвышается крепость.

— И вы пойдете туда? — удивилась спасательница.

— Да, пока вы будете спасать своего Ричарда, я постараюсь выручить Алису Селезневу.

— Но почему вы решили, что она в корабле?

— Или в корабле, или вон в той крепости. Я не зря сидел в заточении в замке Крак де Шевалье. У меня замечательный слух.

— Хорошо, — согласилась спасательница. — Как только я спасу Ричарда, я сразу поспешу к вам на помощь.

Робот Арх не стал прощаться, а, с удивительной скоростью

перебирая ногами, ринулся в сторону скал. И скоро лишь клуб пыли указывал, где он бежит.

Вдруг пыль перестала вздыматься — робот остановился и пронзительно крикнул Елене:

— Тебе не дашь двадцати двух! Я думаю, тебе сегодня исполнилось семнадцать!

Елена смотрела ему вслед и улыбалась — очень смешной и гордый робот! Она уже готова была включить пропеллер и нестись в сторону битвы, как вдруг ее внимание привлек далекий пронзительный крик. Подняв голову, она увидела, как с балкона крепости, нависшего над бездонной пропастью, сорвалась маленькая человеческая фигурка и, медленно переворачиваясь, полетела вниз.

Не забывайте, что Лена Простакова по своей натуре была спасательница. И если она видела, что может кого-то или что-то спасти, она забывала о себе и бросалась спасать. Именно таких людей и отбирают в спасатели Института Времени.

Поэтому, увидев человеческую фигуру, падающую со скалы, да еще поняв, что это ребенок, Елена забыла обо всем: о Ричарде, об Институте Времени и даже о своей докторской диссертации «Опыт спасания сотрудников Института Времени в чрезвычайных ситуациях каменного века». Она понеслась вперед, чтобы подхватить девочку, прежде чем она коснется земли.

Лена обхватила девочку руками и бешено закрутила пропеллер, чтобы не разбиться вместе с нею.

Ей удалось удержать девочку лишь у самой земли, и она упала на спину, чтобы спасенный ребенок поменьше ушибся.

Пропеллер, конечно же, разлетелся вдребезги, спина превратилась в сплошную ссадину. На затылке выросла шишка с апельсин. Притом Елена так перепачкалась в пыли, что и родная мама не узнала бы спасательницу Простакову.

Пока Лена, совершенно оглушенная, лежала на жухлой траве, Мариам, которая даже и не поняла, что произошло — так она стремилась к дяде! — поднялась и, прихрамывая, побежала к Саладину.

Как ни странно, никто, кроме Алисы и Старца Горы, не заметил падения Мариам. А ее чудесное спасение вообще прошло незамеченным, потому что Алиса в этот момент в ужасе зажмурила глаза, а Старец отвернулся — какой бы он ни был жесто-

кий, все же он не хотел смотреть, как разобьется несчастная девочка.

Алиса очнулась от взрыва голосов — множество людей кричали и бряцали оружием. Непроизвольно Алиса обернулась к экрану монитора и, к своему изумлению, увидела, как к знатным воинам подбегает, хромая и горбясь, маленькая девочка в разорванном платье.

Султан Саладин уже издали узнал племянницу. При виде девочки султан ловко спрыгнул с коня и ринулся к ней навстречу. Он подхватил ее, поднял и прижал к груди. Его воины горячили коней, размахивали копьями и мечами, и в самый разгар этой суматохи султан поднял руку вверх, призывая к молчанию.

Алиса понимала, что чудес не бывает и люди не остаются живыми, упав с высокой скалы, но как не поверить собственным глазам? Племянница султана была жива и обнимала своего великого дядю.

Взгляд Алисы упал на супругов де Шатильон. Они были в ужасе. Граф Рено пытался спрятаться в толпе рыцарей, он тянул Констанцу за руку, чтобы прикрыться ею, а графиня зло отталкивала руки мужа.

Шум немного утих, и Алиса смогла различить голос султана, который обернулся к английскому королю.

— Аллах велик! — произнес он. — И не оставит в беде и несправедливости тех, кто верит в него. Ты видишь перед собой, король, мою единственную любимую племянницу Мариам. Откуда ты взялась, девочка?

Мариам с трудом оторвалась от груди дяди и показала наверх:

— Меня держали в плену, вон там! Я прыгнула и улетела оттуда!

— Этого не может быть! — воскликнул король Ричард Львиное Сердце.

— Это чудо, сотворенное Аллахом, — ответил Саладин. — Не так ли?

— Воистину! — закричали его воины, ударяя мечами о круглые щиты.

— Почему ты оказалась там? — спросил Саладин.

— Меня подарили страшному имаму, — ответила Мариам.

— Проклятие! — услышала Алиса голос Старца Горы. — Это гибель! Он никогда меня не простит. Он потратит всю жизнь,

чтобы убить меня! И зачем я согласился взять эту проклятую девчонку!

И с этими словами Старец Горы выбежал из комнаты во двор крепости, и Алиса услышала, как он там отдавал приказания. Но она не прислушивалась, потому что ей интереснее было следить за тем, что происходило на равнине.

— Кто же подарил тебя мерзкому старику? — грозно спросил Саладин, когда гневные крики его воинов стихли.

— Вот этот человек, — сказала Мариам, — отдал Старику в рабство меня и еще одну девочку.

И она показала здоровой ручкой на графа де Шатильона.

— Я его убью собственными руками! — закричал Саладин. — Я его порублю на куски!

— Погоди, султан. — Алиса увидела, как король Англии подъехал ближе к султану. — Я разделяю твою радость, потому что ты обрел потерянную родственницу. Но я хочу знать, может ли она быть свидетельницей других преступлений графа де Шатильона.

— Мариам, — попросил Саладин, — скажи королю франков, кто убил твою маму?

— Мою маму убил этот страшный толстый франк, — сказала девочка.

— Она лжет! — испуганно завопил граф. — Как вы можете верить грязной рабыне?

Король Ричард Львиное Сердце поморщился: он не любил трусов.

— Он убил мою маму, — повторила Мариам, — потом он меня мучил.

— Мучил? — Саладин побледнел от гнева.

— Мне трудно в это поверить, — сказал Ричард. — Я не слышал раньше о подобной жестокости.

И тут неожиданно в разговор вмешался второй Ричард — пленный сотрудник Института Времени.

— Клянусь вам, — произнес он, вцепившись в толстые прутья клетки. — Эта девочка говорит правду. Я попал в плен к графу де Шатильону и его друзьям. И они никак не могли добиться от меня нужных сведений. И когда они поняли, что не заставят меня заговорить... — Голос Ричарда сорвался, и он с трудом продолжал: — Они... — он показал на графа и графиню, — велели привести девочку. Клянусь, я не сразу понял, что они могут пойти на это.

— Проклятый гяур! — закричал султан Саладин. — Значит, ты причина всех моих несчастий! Убейте этого негодяя.

Воины рванулись к Ричарду, и лишь прутья клетки спасли ему жизнь. Девочка Мариам закричала:

— Нет, не трогайте его, он добрый. Как только этот дядя понял, что они со мной делают, он им все сразу рассказал — только чтобы избавить меня от боли!

— Остановитесь! — приказал воинам Саладин. — Если принцесса Мариам сказала, значит, так тому и быть. Ты свободен, франк, и можешь уйти, куда хочешь.

Султан Саладин передал племянницу одному из воинов, а сам посмотрел на короля Англии.

— Ну как, король Ричард? — спросил он. — Теперь наконец ты мне веришь?

Вместо ответа король обернулся к Ричарду-временщику:

— Чем ты так провинился перед графом де Шатильоном, что он пытал тебя? Что за тайну ты скрывал от него? Может быть, ты посланник дьявола?

— Вот именно! — закричала графиня Констанца. — Вы только поглядите на него! Это сам дьявол!

— Если бы я был дьяволом, — улыбнулся Ричард, который отлично умел владеть собой — этому учат в Институте Времени, — то кто бы удержал меня в такой клетке?

— Это так, — кивнул Ричард-король. — Продолжай.

— Я путешественник из дальней страны. А графу нужны были секреты.

— Какие?

— Секреты пути в мою страну. Но ты знаешь, король, как тщательно берегут торговые пути купцы всех стран.

— Так, значит, ты купец?

— Значит, я купец, — сказал Ричард.

Некоторое время король Ричард размышлял, разглядывая своего тезку — оборванного, избитого, грязного, измученного, в котором родная мама не узнала бы сотрудника Института Времени. Потом он произнес:

— Я верю этому человеку. У него добрые глаза.

— Значит, ты веришь и мне, король франков? — спросил Саладин.

Ричард Львиное Сердце наклонил голову.

Саладин глядел теперь на своих пленников.

— Я не виновата! — воскликнула графиня Констанца, увидев смерть в его взгляде.

— Я не воюю с женщинами, хоть ты и виновата, — сурово сказал султан. — Уходи! Ну, уходи же!

Констанца подобрала край платья и побежала прочь, в пустыню, не оборачиваясь и даже не попрощавшись с мужем. Ее черные длинные волосы растрепались — она стала похожа на ведьму.

— Констанца! — закричал граф де Шатильон. — Ты почему покинула меня?

Но та не слышала.

— Ты, рыцарь Храма, — сказал Саладин, обернувшись к молодому храмовнику Солсбери, — тоже присутствовал при этом и не вступился за ребенка. Ты проведешь остаток своих дней в моей тюрьме. Если тебя не выкупит твой орден за сто фунтов золота.

— Мой орден никогда не заплатит столько за меня! — в ужасе воскликнул храмовник.

— Это ваше дело, — ответил султан. — Уведите его.

После этого он посмотрел в глаза графу де Шатильону.

— Что же мне делать с тобой? — спросил он. — Что мне делать с тобой, вонючая собака?!

— Я ни в чем не виноват! — закричал граф. — Меня оклеветали. Это все розовые дьяволы виноваты. И ваш Старец Горы. Они опутали меня.

— Молчи! — приказал ему Ричард Львиное Сердце. — Я не хочу стыдиться за благородных рыцарей.

— Король, выкупи меня! Я верну тебе любой долг.

— Ты отдашь мне этого человека? — спросил английский король.

— Есть вещи, которые нельзя купить, — ответил султан Саладин. — Это слезы и смерть беззащитных женщин и детей.

— Ты прав, султан, — произнес король Англии и легонько натянул поводья своего черного коня.

И тот послушно понес своего всадника прочь. За ним поскакали знаменосец и несколько молчаливых рыцарей — свита английского короля.

И больше Алиса никогда его не видела.

— Король! — кричал ему вслед граф де Шатильон. — Я тебе расскажу страшные тайны. Ты станешь владыкой мира!

Но Ричард не обернулся.

И тогда султан Саладин легким движением выхватил свой меч. Шатильон отшатнулся, но Саладин был быстрее — граф упал на землю...

Воины и вельможи, окружившие султана, радостными криками приветствовали смерть графа Рено.

— Месть свершилась! — воскликнул Саладин.

Все внимание было приковано к Саладину и мертвому графу.

И никто не заметил, как из тучи пыли вышла еще одна молодая женщина — такая пыльная, измученная, что никто не обратил на нее внимания. Ведь за средневековыми армиями всегда следовали толпы нищих, попрошаек, воров и мародеров, которые, как вороны, питались падалью войны. Вот и эта женщина казалась такой бродяжкой.

И когда она подошла к забытой всеми клетке, в которой был заперт Ричард Темпест, на нее никто не смотрел.

Ловким движением спасательница сунула в отверстие замка, что закрывал клетку, стальную заколку, которой скреплялись ее волосы. Замок послушно щелкнул и открылся.

— Быстрее! — прошептала спасательница.

Она подставила Ричарду руку, и тот, с трудом опираясь на нее, выскочил из клетки и побрел, прихрамывая, прочь.

Но и тогда никто не обратил на них внимания.

Когда они удалились от места битвы, спасательница включила пропеллер, который, хоть и был сломан, все же помогал ей идти вперед.

— Так это ты, Елена! — воскликнул Ричард. — Я тебя сразу и не узнал.

— Ничего, — ответила Елена, улыбаясь, — вымоюсь, причешусь — и узнаешь.

— Но у тебя на лице такие кровоподтеки! У тебя выбит зуб, под глазом синяк.

— Ричард, — строго проговорила спасательница, — ты ведешь себя невежливо. Ты забыл, что я спасательница и мне положено получать синяки и шишки. А зуб вырастим новый.

— Мне тоже досталось, — виновато сказал Ричард.

И, помогая друг другу, они пошли к замку Крак де Шевалье.

По дороге они обогнали графиню Констанцу, но она их да-

же не заметила — наверное, приняла за раненых из ее собственного войска.

Доведя Ричарда до круга, посреди которого находился воздушный туннель в будущее, спасательница помогла ему войти в круг и сделать нужные движения, чтобы включилась машина времени.

— А я сейчас слетаю за Алисой и вернусь, — сообщила Елена.

— Я хотел бы тебе помочь... — вздохнул Ричард.

— Ничего, не беспокойся, — ответила спасательница, — я не одна. Со мной археологический робот Арх.

— Я буду ждать тебя, — предупредил Ричард и исчез. Улетел в двадцать первый век.

Спасательница Елена Сергеевна оглянулась. Было тихо. Природа забыла о сражении. Графиня Констанца медленно и устало поднималась по дорожке к замку. Никто ее не встречал. И розового шарфа на ее шее в этот раз не было.

Пастух, который стоял у дороги возле стада овец, смотрел ей вслед.

Потом обернулся к Елене Сергеевне и подмигнул ей.

Та ничего не ответила, потому что так и не знала, на каком языке надо разговаривать с пастухом.

Собрав последние силы, она побежала — потому что пропеллер совсем уж никуда не годился — в сторону крепости исмаилитов.

Глава 13

Алиса больше не хотела смотреть на то, что происходит внизу. Честно говоря, и смотреть-то было не на что.

В туче пыли, на фоне темнеющего восточного неба, скрывалась армия Саладина, которая медленно уползала к Дамаску, уводя пленных и унося добычу. Где-то там, на роскошных носилках, едет несчастная принцесса Мариам. А может, она сейчас счастлива — для нее все хорошо закончилось... не то чтобы хорошо, но могло быть хуже.

Алиса осторожно толкнула дверь комнаты.

Дверь послушно отворилась.

В крепостном дворе не было ни души. Там царило такое за-

пустение, словно последние фидаи вместе со своим имамом убежали лет сто назад.

Неужели они так испугались мести Саладина?

Впрочем, какое дело Алисе до всего этого? Она почувствовала, что страшно устала за такой длинный день. Наверное, никогда в жизни еще так не уставала.

Теперь домой, в двадцать первый век...

Еле переставляя ноги от усталости, Алиса пересекла крепостной двор. Ворота были полуоткрыты. Она протиснулась в щель и стала спускаться вниз по крутой лестнице, вырубленной в скале.

Стояла тишина, особенно ясной и спокойной она была после грохота битвы, шума и криков.

Спуск казался ей бесконечным, и она вдруг испугалась: а что, если Ричард уйдет в будущее и оставит ее здесь? Но тут же она улыбнулась своим страхам — ее никогда не оставят в беде. Ведь даже в Средние века Саладин не оставил в беде свою племянницу. А в двадцать первом веке люди друг друга никогда не подводят.

Едва лестница обогнула скалу, перед глазами Алисы оказался космический корабль розовых ящериц. А она вовсе забыла о них! Как же так? Ведь все из-за них и началось. Алисе казалось, что эти ящерицы уже давно улетели к себе, награбив что могли и внеся свару в наш мир.

Возле корабля было несколько ящериц — видно, они заканчивали последние приготовления к отлету. Им очень повезло, что во время боя их не заметили ни Саладин, ни король Ричард.

«Ладно уж, летите, — мысленно разрешила Алиса. — Но впредь мы будем тщательно проверять прошлое время — нам совсем не хочется, чтобы нашу планету грабили все кому не лень».

Размышляя так, она спустилась на землю и только сделала два шага в сторону долины, как неожиданно кто-то накинул на нее прочную непроницаемую ткань и сшиб с ног.

Вокруг раздавались шуршание, неясный шум.

Алиса попыталась вырваться, но потом поняла, что ее крепко держат — наверное, напали какие-то работорговцы и она сама виновата, что потеряла осторожность — будто гуляла по Москве, а не по Палестине двенадцатого века.

Алису куда-то волокли, она не сопротивлялась, потому что

хотела сохранить силы, когда убежит. А в том, что убежит, она не сомневалась.

Прошло минуты три-четыре — Алиса чувствовала, что ее похитители начали втаскивать ее наверх. И было странно — она поняла, что у похитителей не было рук. Ведь если тебя схватили и тащат, ты чувствуешь руки, которыми тебя схватили. А ее тянут десятки маленьких лапок... Ну конечно же, это маленькие лапки! Ящерицы!

— Этого еще не хватало! — возмутилась Алиса. — Мало вам грабить нашу Землю, вы еще решили меня похитить. Нет, вам это даром не пройдет!

Тут лапки отпустили ее, Алиса сбросила с себя покрывало, и оказалось, что она стоит посреди грузового отсека космического корабля, который представлял собой обширный зал, набитый вещами и добром, которое ящерицы набрали на Земле. Множество ящериц окружало Алису.

— Добро пожаловать на наш корабль! — сказала хромая ящерица.

— Немедленно отпустите меня! — потребовала Алиса.

— Нам нужен заложник, — ответила ящерица. — Мы потеряли твоего друга Ричарда, но нашли ему хорошую замену.

— Но зачем вам я?

— Мы хотим спокойно улететь отсюда и знать, что никто не будет нас преследовать. За пределами Солнечной системы мы тебя отпустим.

— Но ведь я буду жить через тысячу лет! Здесь у нас нет космических кораблей. Кто меня найдет и вернет родителям?

— Ничего не знаем! — заявила ящерица. — Никому не верим! Ты наша заложница.

Алиса разозлилась и, потеряв терпение, кинулась на ящериц.

— Перестань! — крикнула хромая ящерица. — Мы тебя расстреляем паралитическими пулями. Ты этого хочешь?

И чтобы Алиса не сомневалась в ее словах, она выстрелила в девочку из бластера. Алиса почувствовала боль в плече, и тут же плечо онемело.

— Ничего у вас не выйдет! — сказала Алиса, хотя ей больше всего хотелось плакать.

— Приготовить корабль к полету! К нам приближается

опасный противник! — раздался голос сверху — видно, из пульта управления корабля.

— Ложись! — прозвучал приказ.

Все ящерицы вокруг — а было их несколько сот — улеглись на мягкий пол, прижались к нему и покрыли центр отсека словно розовым ковром.

«Сейчас мы поднимемся в небо, и тогда я уж никогда не увижу моих друзей», — подумала Алиса, но ничем не показала своего страха и даже не стала ложиться, как велела главная ящерица. Она верила в спасение.

И в самом деле — в тот момент, когда по внутренней связи начался отсчет последних секунд, случилось вот что.

В закрытом и задраенном люке появилась раскаленная белая точка. Точка двигалась и превращалась в округлую линию. Ящерицы в ужасе заверещали.

И тут же точно такая белая точка появилась внизу в полу и тоже превратилась в округлую раскаленную линию.

Раз — два — три!

Круг, вырезанный в люке из сверхпрочного металла, упал внутрь корабля, пропустив вечерний свет пустыни, и одновременно другой такой же круг выпал из корабля на землю.

Сквозь входной люк в корабль ворвалась длинноногая встрепанная худая девушка с резаком в руке и сломанным пропеллером за спиной.

— Ни с места! — приказала она. — Спасатель Института Времени требует немедленно отпустить Алису Селезневу!

А в полу корабля показалась нашлепка на шаре — голова робота Арха.

— Лапы вверх! — велел он. — Немедленно освободите мою подругу Алису Селезневу!

— Ну вот, — сказала Алиса. — Доигрались. Вы сами виноваты в том, что заставили моих друзей сделать в вашем корабле по крайней мере две дырки. Как вы теперь улетите от нас — ума не приложу!

На самом деле Алисе хотелось сразу и плакать, и смеяться. От счастья, что все кончилось, и от жуткой усталости.

Ящерицы принялись стенать и кричать. Даже требовать, чтобы люди починили им корабль.

— Ничего особенного, — успокоила их Елена Простакова, которая отлично разбирается в кораблях всех марок. — Если вы

выгрузите все награбленное у нас, то сможете починить корабль и кое-как доберетесь до дому.

— Мы не грабили! — закричали ящерицы. — Мы менялись.

Но Алиса, Елена и робот не стали задерживаться.

Они вышли из корабля ящериц и не спеша отправились к замку де Шатильонов. У Алисы ноги подгибались, и поэтому она проехала часть пути верхом на шаре — роботе Архе, который без передышки рассказывал о своих приключениях. Но Алиса не слушала. Она дремала.

— Кстати, Алиса, — разбудил ее Арх. — Ты знаешь, что у нашей спасательницы сегодня день рождения? Ей исполняется пятнадцать лет!

— Не говори глупостей. Мне — двадцать два, — отозвалась спасательница.

— Ты красивая, но слишком худая! — не сдавался робот.

Они легко отыскали обведенный бороздкой туннель времени.

Воздух внутри этой бороздки был туманным и дрожал.

У дороги стоял молодой пастух.

— До встречи! — крикнул он по-старофранцузски.

Алиса зашла в кабину — а ее с роботом Архом отправили первой, — кинула последний взгляд на замок Крак де Шевалье и увидела, что на башне стоит графиня Констанца. Наверное, все от нее убежали, подумала Алиса.

Но тут машина времени заработала — Алису потянуло наверх, и через минуту она уже стояла возле сверкающей кабины времени, перед которой ее ждал похудевший вдвое от переживаний милейший археолог Громозека.

ЗОЛОТОЙ МЕДВЕЖОНОК

Отец Алисы Селезневой — директор Космозо. А Космозо, как всем известно, — Космический зоопарк. Сюда привозят животных с разных концов Галактики.

Алиса буквально выросла в Космозо. С самого раннего детства она проводила здесь все свободное время. У нее были свои любимцы и друзья, например гигантский динозавр Бронтя, который, правда, взялся не из космоса, а вывелся на Земле из яйца, замороженного триста миллионов лет назад. Иногда Алиса приносит из дома пирожки для склисса. Склисс во всем похож на обыкновенную корову, но, если его испугать, он расправляет большие прозрачные стрекозиные крылья и медленно поднимается в воздух. В специальном вольере, отгороженном от стеклянного птичьего павильона, на ветке дремлет птица Говорун, она умела летать между звезд и запоминала все, как компьютер. И так как у Говоруна две головы, он может рассказывать много и очень долго. Теперь Говорун стал старенький, никуда не хочет летать, много ест и ждет, когда к вольеру подойдут посетители, чтобы поведать им о космических пиратах или живых туманностях. В отдельном домике живет индикатор — коробочка на ножках, которая может менять цвет в зависимости от настроения: от желтого до черного. Иногда индикатор чего-нибудь пугается, выбегает на дорожки Космозо и носится по ним, мигая словно светофор. На весь мир славятся тамошние аквариумы. Справа от входа, за площадкой молодняка, расположен аквариум, наполненный теплой морской водой, в нем царствует медуза-горгона с планеты Серый Клук. Размером она с парашют, а щупальца у нее — змеи. Там живут также рыбешки-марашки, которые при опасности собираются в одну страшную хищную рыбину, а когда опасность минует, снова становятся жемчужными мальками. А если миновать поляну, заросшую

зеркальными цветами, которые фотографируют все, что происходит вокруг, подойдешь к аквариуму, наполненному жидким аммиаком, в котором обитают совсем уж странные существа...

Но в тот день, когда начинается наш рассказ, Алиса не подошла ни к склиссу, ни к озеру, в котором плавал Бронтя, ни даже к загону, по которому бродили, еле переставляя ноги, марсианские богомолы. Она торопилась к домику под красной крышей, в котором с недавних пор жило самое загадочное существо во Вселенной. В газетах и по телевидению его называли золотым медвежонком, хотя, конечно, это существо не было медвежонком.

Перед домиком стояла очередь. И это неудивительно, сюда в последнее время стекались посетители не только из Москвы, но и из других городов и стран, даже с Луны и Марса. Всем хотелось поглядеть на пушистое чудо.

Алиса, конечно же, не стала стоять в очереди. Должны же быть хоть какие-нибудь преимущества у дочери самого директора Космозо, которая не только дочь, но и юный биолог, участница экспедиций за зверями на корабле «Пегас», вылечившая бронтозавра Бронтю, нашедшая общий язык с шушами, а также разгадавшая загадку Говоруна. Нет, в очереди такая девочка стоять не должна.

Все посетители Космозо были обязаны подчиняться строгому объявлению, выбитому на бронзовой доске перед входом:

«Пожалуйста, не кормите наших зверей!

Мы лучше вас знаем, что им надо, а что может оказаться для них вредным».

Разумеется, если бы такое объявление повесили у зоопарка сегодня, то некоторые посетители наверняка бы не послушались, принесли с собой булки, конфеты и орехи, не задумавшись над тем, что булка может стать опасным ядом для барракицы с Панкерагги или оказаться слабительным для склисса.

Алиса не хуже сотрудника зоопарка знала, что можно, а чего нельзя животным. Она читала все научные статьи в «Вестнике космической зоологии» и даже иногда дежурила на зоокухне, где трудились тридцать повароботов и три человека.

Обойдя очередь, Алиса открыла заднюю дверь в домик.

Внутри было тихо, тепло, даже уютно.

Золотой медвежонок дремал, привалившись спиной к громадному дубовому пню, который для него приволокли из леса.

Об его кору медвежонок точил свои коготки. Зрители, скопившиеся в полутьме по ту сторону прозрачной преграды, старались не шуметь и переговаривались шепотом, чтобы не разбудить очаровательное создание. Впрочем, они зря старались — Алиса-то знала, что преграда звуконепроницаемая.

Медвежонок был невелик размером, чуть побольше пуделя, его длинная и прямая шерсть стояла дыбом, и кончики волос загорались яркими искорками, когда на них падал случайный луч света. Морда медвежонка была курносая, темно-коричневая, а глаза светлые, сиреневого цвета. Они были окружены длинными черными ресницами. Задние лапы медвежонка были короткими, сильными и толстыми, а передние заканчивались пальцами с длинными крепкими когтями, чтобы цепляться за деревья.

Алиса поздоровалась с Еленой Федоровной, сотрудницей Космозо, которая была специально прикреплена к медвежонку. Елена Федоровна спросила:

— Ты будешь к Женечке заходить?

— Да, — сказала Алиса, — я сделала Жене настой из липы с медом, как прописал доктор Кан.

И она показала Елене Федоровне банку с напитком.

Хоть медвежонок по прозвищу Женя и не мог услышать голоса Алисы, он открыл глаза и, лукаво прищурясь, поглядел на нее. Рот медвежонка растянулся в улыбке — он узнал свою гостью.

— Здравствуй, Женя, — сказала Алиса, когда Елена Федоровна раскрыла для нее дверь. Алиса вошла в прозрачный тамбур и подождала, пока Елена Федоровна закроет внешнюю дверь и откроет внутреннюю. Этот тамбур был нужен для того, чтобы медвежонок случайно не выбежал наружу. Он ведь может испугаться и даже погибнуть в непривычной обстановке. К тому же каждый, кто проходил сквозь тамбур, подвергался дезинфекции специальным горячим воздухом, чтобы не занести с улицы в клетку какого-нибудь вредного микроба.

Медвежонок Женька продолжал сидеть, прислонившись к пню, и не спешил встретить Алису, которую уже отлично знал. Он понимал, что ей надо постоять минуту в тамбуре и лишь потом она попадет в клетку.

Он был очень сообразительным животным — порой Алисе казалось, что он вот-вот заговорит.

Когда же Алиса вошла в клетку, он поднялся на задние лапы и вперевалку пошел к Алисе, протягивая короткую лапу.

— Здравствуй, Женька, — сказала Алиса.

Она знала, что медвежонок не обижается на прозвище. Ведь у каждого животного должно быть имя. А его имя получилось от слова «медвежонок». Женька-Женька, медвежонок...

Медвежонок стоял перед ней, покачиваясь на задних лапах, и ждал, пока ему дадут бутылочку с липовым отваром.

Алиса протянула ему бутылочку. Зрители снаружи прильнули к стеклу, но изнутри стекло было сильно затемнено, и потому они казались лишь темными силуэтами.

Пока медвежонок пил из бутылочки, как человеческий детеныш, Алиса достала щетку и спросила:

— Давай я тебя причешу? Ты уже два дня не причесывался.

Медвежонок, разумеется, ничего не ответил, но, когда допил отвар, отбросил бутылочку и уселся перед Алисой, чтобы она его причесала.

— Умница, — приговаривала Алиса, расчесывая пушистую шерсть медвежонка. — Мы с тобой теперь будем такими красивыми... Жаль, что здесь нет твоих родственников, чтобы они тобой полюбовались.

Медвежонок ничего не ответил, потому что в этом и заключалась его тайна: никто не знал, где же его родственники.

Медвежонка Женьку нашли на планете, которую и найти никто не рассчитывал. Она была спрятана за черной дырой, среди нескольких маленьких, но густых туманностей, в стороне от всех торговых и туристских путей. Ни в одном звездном атласе даже намека на эту планету не было, ни один капитан ее не видел, даже пираты не подозревали о ее существовании.

И надо же было, чтобы увидели эту планету биологи-исследователи, ученые, которые как раз возвращались на Землю из долгого путешествия за зверями для Космозо, но сбились с пути, попав в гравитационную бурю. Их унесло вихрями тяготения в самое сердце раковидной туманности, приборы отказывались работать, компьютер вместо того, чтобы вычислять курс, начал сам с собой играть в шашки, звери в клетках, аквариумах и ящиках стали визжать, ворчать, ворочаться, кидаться, бросаться... И капитан Полосков сказал:

— Видно, мы задержимся и не успеем домой к Новому году.

На что механик Зеленый мрачно ответил:

— И вообще никогда домой не попадем.

— Я беспокоюсь, чем мы будем кормить зверей, если придется здесь задержаться, — сказал профессор Селезнев.

— А их не надо кормить, — ответил механик Зеленый. — Мы все равно раньше их помрем.

У механика Зеленого такой характер. Вместо «здравствуйте» он всегда говорит:

— Ну, что у нас плохого?

А если вы скажете ему:

— Какая хорошая сегодня погода!

Он обязательно ответит:

— Это хорошо не кончится. Ждите дождя.

— Ах, оставьте, механик, — рассердился профессор Селезнев. — Вы что, раковидной туманности раньше не видали?

Механик Зеленый принялся думать, как бы ответить начальнику экспедиции, чтобы тот понял всю трагедию их положения. Но ничего страшного придумать не успел, потому что капитан Полосков закричал:

— Планета! Неизвестная планета!

— Вот видите, — произнес тогда Зеленый, почесывая густую рыжую бороду. — Нам еще не хватало неизвестной планеты.

Для того чтобы переждать гравитационную бурю, корабль «Пегас» опустился на неизвестную планету. Оказалось, что она была вполне мирным, уютным местечком. Правда, почти ненаселенным, наверное потому, что лежала так далеко от остальных планет. Даже споры растений и бактерий, которые летают в открытом космосе, перенося жизнь с планеты на планету, туда не попадали. Так что в реках еще не было рыбы, в океанах — китов, на суше — слонов или медведей. Правда, леса там были густые и на деревьях росли чудесные, хоть и кислые плоды.

Пока пережидали бурю и Зеленый устроил профилактику двигателям, Селезнев с Полосковым ходили на экскурсии, собирали гербарии, семена плодов и ягод.

Как-то, за день до отлета, профессор забрел довольно далеко, к небольшому озеру. День был теплый, профессор хотел было искупаться, как услышал, что кто-то ломится сквозь кусты к берегу. Профессор очень удивился, так как был уверен, что на планете нет животных. И даже не взял с собой никакого оружия.

Он хотел уже вызвать по рации подмогу, но тут увидел, как

из кустов на берег выбежал золотой медвежонок — такого красивого создания ему еще видеть не приходилось. Медвежонок спешил к нему и вовсе не испугался сначала. Но в нескольких шагах от профессора он замер и испуганно заморгал сиреневыми глазами. Профессор понял, что медвежонок потерялся и ищет свою маму. И при виде незнакомого существа он, конечно же, оробел.

Стараясь говорить тихо и ласково, профессор произнес:

— Не бойся меня, малыш. Я не причиню тебе вреда. Мне только хочется тебя снять, чтобы на Земле наши дети увидели, какие зверюшки водятся в этой части Галактики.

Но при виде видеокамеры медвежонок оскалился, зарычал и кинулся было, выставив перед собой длинные когти передних лапок, на профессора, и профессору даже пришлось отскочить, чтобы его не поранило когтями.

— Погоди! — крикнул профессор вслед медвежонку, который улепетывал в лес. — Погоди ты, в конце концов! Неужели ты человеческого языка не понимаешь?

Профессор от огорчения совсем позабыл, что имеет дело с диким, да еще инопланетным зверем.

А когда он возвратился на «Пегас» и рассказал об удивительной встрече своим товарищам, механик Зеленый сказал:

— А если он ядовитый? Ну кто кидается на зверей с голыми руками?

Конечно же, Зеленый был совершенно прав.

Весь следующий день профессор Селезнев, взяв небольшой катер, который был на борту «Пегаса», летал над планетой. Он рассуждал так: если я видел медвежонка, значит, на планете должны водиться медведи. Иначе медвежонку было неоткуда родиться. Но если на планете есть медведи, то на ней водятся и другие животные. Не бывает же так, чтобы на целой планете завелись только медведи и никто больше не завелся.

Профессор Селезнев снимал сверху лес и поляны под большим увеличением, он опускался в подозрительных местах и залезал в самую чащу, даже смотрел под корнями и в траве. Но ни одного животного, даже крошечного, он не нашел. Не говоря уж о таких крупных зверях, как медведи.

Селезнев был в полной растерянности. Когда он вернулся на корабль, Полосков, видя, как расстраивается начальник экспедиции, сказал:

— А может быть, медвежонка и не было? Может быть, вам очень хотелось увидеть на планете какое-нибудь животное, вот вы и вообразили медвежонка?

— Вот именно! — сказал Зеленый. — Типичная галлюцинация. Пора нам возвращаться, а то как бы чего не вышло.

— Но я же его снимал! — воскликнул профессор.

— Но не успели снять, — заметил Полосков.

Профессор понурился, потому что и сам уже сомневался, что видел медвежонка. Ведь по всем законам биологии его быть на планете не могло. Не может существовать одно-единственное животное в целом мире. Это или волшебство, а волшебства почти не бывает, или обман зрения. А обман зрения на чужих планетах встречается довольно часто.

Полосков уже готовил корабль к подъему, а профессор Селезнев подошел к иллюминатору и грустно смотрел на кусты и деревья снаружи, расстраиваясь оттого, что ему не удалось разгадать эту тайну.

Когда еще удастся кому-нибудь попасть на эту планету?

За иллюминатором был туманный, сумрачный день. Планета казалась совсем мертвой.

— Что они, вымерли, что ли! — в сердцах воскликнул профессор Селезнев.

И тут он увидел, как из кустов, по брюхо в тумане, выбежал медвежонок и встал на задние лапы. Словно он прибежал проводить гостей.

— Полосков! Зеленый! — закричал профессор. — Что я вам говорил?

Капитан и механик подбежали к иллюминатору и наконец-то убедились, что профессор не сошел с ума и не воображает животных.

— Какой красавец! — воскликнул Полосков.

— Наверное, ядовитый, — сказал Зеленый.

— Но он совершенно один на всей планете! — возразил Селезнев.

— Может быть, возьмем его с собой? — предложил Полосков.

— Он убежит, — ответил Селезнев.

— Не берите, — сказал Зеленый. — На нем блохи.

Селезнев вышел из «Пегаса». Медвежонок на этот раз никуда не убежал. Наоборот, он поджидал Селезнева у самого люка,

и, как только тот вышел, медвежонок доверчиво протянул ему лапу. Как ручной.

Когти он убрал, а ладонь у него оказалась теплой и мягкой.

Медвежонок что-то урчал и тянул Селезнева к люку.

— А как же твои родители? — спросил Селезнев.

Медвежонок посмотрел на него, и тут профессор увидел, как из глаз зверя текут слезы.

— Ну, не расстраивайся! — сказал Селезнев. — Не надо. Ты сирота? Ты потерялся? С твоей мамой несчастье?

Разумеется, медвежонок ничего не понял, но доверчиво прижался к ноге человека. И все попытки Селезнева отправить его обратно в лес ни к чему не привели.

И тогда, после короткого совета, большинством в два голоса против одного медвежонок попал на борт «Пегаса». И в тот же день все его полюбили.

Был зверек ласковым, доверчивым, совершенно ручным — можно было допустить, что он никогда не испытывал вреда от людей. Медвежонок оказался вегетарианцем. Он ел плоды, которые Селезнев собрал для него на планете, а когда они кончились, с удовольствием перешел на яблоки и сырую картошку.

Зеленый, конечно же, ворчал, что по кораблю шастают медведи, но на самом деле больше всех полюбил медвежонка и даже подолгу разговаривал с ним и уверял, что понимает желания медвежонка, когда тот урчит или сопит. Правда, почему медвежонок остался сиротой, понять он тоже не смог.

Сначала медвежонку постелили в кают-компании, но както ночью он проснулся и залез на пульт управления. Там разорвал лежавший на столе звездный атлас и справочник кораблей. С тех пор на ночь шалуна запирали в клетку, что ему страшно не нравилось.

Профессор Селезнев на пути домой внимательно проверил все пленки, которые снял на планете медвежонка, но приборы уверенно показали, что никаких живых существ крупнее комара на планете не водится.

Медвежонок не возражал, когда Селезнев осматривал, выслушивал и изучал его. Профессор даже написал статью в «Вестник космической зоологии», когда вернулись на Землю, разослал номер всем своим коллегам в других зоопарках с запросом, не встречалось ли кому-нибудь из них такое животное. Но оказалось, что никто из зоологов такого зверька не встречал.

А пока что медвежонок жил в Космозо, стал любимцем публики, и особенно он любил, когда Елена Федоровна на цепочке водила его гулять по дорожкам парка после закрытия Космозо. Он ни разу не пытался убежать и никогда не выпускал своих когтей.

Конечно, если его никто не пугал...

Как-то они шли с Еленой Федоровной по дорожке, и служительница провела его мимо клетки с тигрокрысом с планеты Пенелопа. Тигрокрыс при виде медвежонка зарычал и начал бить раздвоенным на конце хвостом по полу клетки. Медвежонок, перепугавшись, кинулся прочь, потащил с неожиданной силой Елену Федоровну, а когда она пыталась его остановить, принялся отбиваться от нее и оставил на память об этом два длинных шрама у нее на руке. Елена Федоровна говорила всем, что сама виновата, а медвежонок, словно чуял свою вину, так уж ластился к ней, так урчал, что не простить его было невозможно.

Правда, и тигрокрыса вскоре наказала судьба. Каким-то образом это чудовище смогло ночью втащить в клетку грабли, оставленные возле дорожки садовником. А втащив их, тигрокрыс решил грабли наказать и попытался их сожрать. И хоть его зубы и желудок могут перемолоть и переварить почти все, грабли в этот список не входят. Вот и угодил тигрокрыс в госпиталь. Там его усыпили и вырезали из него куски пережеванных граблей. Нельзя сказать, что после этого тигрокрыс стал добрее, но по крайней мере осторожнее.

А однажды медвежонок, которого уже все в Космозо звали Женей, показал себя храбрецом. И вновь при том присутствовала Елена Федоровна.

Неподалеку от домика медвежонка располагался вольер с крикушами — птицами, которые умеют подражать различным звукам и летают вниз головой. А так в них нет ничего особенного, если не считать того, что живут они на самом краю Галактики, встречаются очень редко, а их гнезда — большие скирды соломы или сена. Представляете: сама птичка — чуть больше голубя, а гнездо — чуть ли не с человека ростом. Так что вольер крикуш весь уставлен копнами сена, словно большими муравейниками.

Эти птицы почему-то невзлюбили медвежонка. Стоило ему на прогулке приблизиться к их вольеру, они поднимали страш-

ный шум и норовили просунуть сквозь сетку свои тонкие длинные клювы, чтобы ущипнуть звереныша.

Да и по ночам они иногда просыпались и, словно желая повторить дневной урок, начинали хором, перебивая друг дружку, изображать какой-нибудь новый звук, который им удалось подслушать днем — то гудят, как сорок пожарных машин, то плачут, изображая маленького ребенка, который потерял в Космозо маму. А представляете себе, как могут плакать сорок младенцев! В общем, медвежонку от крикуш были сплошные неудобства.

Как-то они гуляли с Еленой Федоровной по дорожке, и, когда миновали вольер с гнездами из сена, там начался пожар. Словно кто-то кинул внутрь спичку. Сено занялось мгновенно, птицы, одуревшие от дыма и жары, метались, стараясь вырваться наружу. И тут еще Елена Федоровна упала в обморок. То ли она упала в обморок, увидев, как начинается пожар, то ли сначала упала в обморок, а потом начался пожар... в любом случае медвежонок проявил себя настоящим героем.

Елена Федоровна рассказывала, и это подтвердили роботы-пожарные, которые первыми примчались к горящему вольеру, что медвежонок Женя изо всех сил тащил лежавшую на земле сотрудницу Космозо, уцепившись когтями за рукава ее куртки, чтобы языки пламени не достали ее.

Пожарные раскрыли вольер, оставшиеся в живых птицы вылетели наружу и разлетелись по окрестным улицам и паркам. К сожалению, те, которых не удалось найти, стали жертвами ворон и котов, потому что крикуши не знали, что вороны и коты их не любят.

С тех пор Елена Федоровна еще больше полюбила отважного медвежонка, и он отвечал ей взаимностью. А что касается нечаянного обморока, то доктор, который осматривал сотрудницу Космозо, сказал ей, что это случилось из-за переутомления. В то лето у нее на даче выдался невероятный урожай малины, смородины и яблок. И чтобы не пропали ягоды, она, сменившись с работы, мчалась на флаере в Абрамцево и там вечерами собирала ягоды, а ночи напролет варила варенье, делала компоты и наливки, так что поспать ей почти не удавалось целых две недели. Вот и довела себя...

Напоив Женю из бутылочки, Алиса его тщательно расчесала. От этого шерсть медвежонка еще больше заблестела. Алиса проверила, не попало ли ему что-нибудь между пальцами, и в

очередной раз подивилась странному капризу природы. На ладошках медвежонка были нарисованы треугольнички с хвостиками — так иногда маленькие дети рисуют мышек. Когда Алиса рассказала об этих мышках отцу, тот сначала поднял ее на смех, потом все же пошел, поглядел на ладошки Женьки и объяснил Алисе, что это пигментация. И пока не удастся отыскать других медвежат и сравнить их ладошки, нельзя сказать, только ли у нашего Женьки такой узор на ладошках или у других мишек тоже.

Медвежонок не любил, когда Алиса рассматривала его ладошки — ему было щекотно. Он ворчал и вырывал лапы. Алиса засмеялась и оставила своего мохнатого воспитанника в покое.

— Алиска! — раздался тут голос ее друга Пашки Гераскина.

Елена Федоровна, которая его знала, пропустила Пашку внутрь стеклянной загородки.

— Ты что здесь делаешь? — удивилась Алиса. — Разве ты не готовишься к соревнованию?

Медвежонок вырвался из Алисиных рук и побежал к Пашке, как будто ужасно по нему соскучился. Пашка подхватил его на руки.

— Нельзя его так баловать! — возмутилась Елена Федоровна. На самом деле она так не думала, но ей самой нравился медвежонок, и она хотела, чтобы баловала его только она сама.

— У меня собственная программа исследования Женечки, — сказал Пашка. — Я намерен разбудить в нем разум.

— Что? — изумилась Алиса.

— Я убежден, что наш медвежонок обладает зачатками разума, и, когда я его научу читать и писать, он расскажет нам про свою судьбу. Ведь нельзя же оставить ребенка сиротой, нельзя не разгадать эту страшную тайну!

— И как же ты его научишь читать и писать? — спросила Алиса.

— А вот так!

Пашка раскрыл свою сумку и высыпал из нее на пол груду картонок — набор для детей, которых учат читать. На каждой картонке была большая буква.

Медвежонок подошел к буквам и начал их двигать по полу, как будто понимал, что от него требуется.

— Что же дальше? — спросила Алиса с недоверием.

— Дальше требуется терпение, — заявил Пашка. — И оно у меня есть.

Он вытащил из груды карточек букву «а», положил перед медвежонком и произнес:

— А! Аааа!

Медвежонок внимательно глядел на Пашку и ничего не отвечал.

— На что же ты рассчитываешь? — спросила Алиса. — Он же не умеет говорить. Тем более по-русски.

— Научим, — сказал Пашка. — И, если у тебя есть другие дела, ты можешь нас покинуть.

— Ничего, я посмотрю, — ответила Алиса.

Пашка продолжал выкладывать перед медвежонком карточки и называл буквы. Медвежонок слушал его внимательно, как будто что-то понимал. Алисе хотелось смеяться. С таким же успехом можно было учить грамоте простого бурого медведя или кота.

А Пашка терпеливо выкладывал карточку за карточкой, потом принялся складывать карточки по две. Получались слоги.

Наконец медвежонку надоело глядеть на игру, которую предложил гость, и он отвернулся от карточек.

— Женька, нельзя! — рассердился Пашка. — Мы же с тобой работаем!

Но медвежонок спокойно сел на карточки, разложенные Пашкой, и стал глядеть на дверь. Алиса-то понимала, почему он туда смотрит: вот-вот должны принести его обед.

— Совсем еще ребенок, — проворчал Пашка и, оттолкнув Женьку, собрал карточки в сумку. — Только пускай он не воображает, что я отступлюсь. Вы плохо знаете Гераскина. Я научу этого болвана читать!

И он пошел к выходу.

Медвежонку принесли обед — большое блюдо различных фруктов и овощей. Он сразу забыл о гостях, схватил большой банан и, забыв очистить, принялся жевать.

Вслед за Пашкой покинула клетку и Алиса. Она догнала друга.

Пока они шли по дорожке к выходу, Алиса вспомнила.

— Пашка, — спросила она, — ты не обращал внимания на странный рисунок на его ладошках?

— Ладошки как ладошки, — ответил Пашка, который не выносил, если кто-то знал о чем-то больше его. — А что?

— Там вот такие треугольники с хвостиками, как мышки.

— Нет, — сказал Пашка, — я стараюсь не смотреть на мелкие детали, чтобы не отвлекаться от большого и главного. А что твой отец говорит?

— Он считает, что это пигментация. То есть это у него от рождения.

— Профессору Селезневу лучше знать, — ответил Пашка.

* * *

Незаметно прошло несколько дней. Новостей особенных не было. Пашка регулярно ходил к медвежонку и упрямо раскладывал перед ним карточки, а медвежонок так же упрямо в карточках не разбирался. Елена Федоровна рассказала Алисе, как был наказан один глупый подросток, который дразнил медвежонка.

— Я как раз собиралась выходить из домика. Вдруг слышу — Женечка рычит. Это для него так нетипично. Гляжу: за стеклом какой-то перекормленный дурак передразнивает Женечкину манеру ходить — ну, знаешь как, вразвалочку. Я думаю — вот сейчас выйду и сделаю ему выговор. Вышла. Вижу этого хулигана. Подхожу к нему — и тут сознание потеряла, на одну секунду. Очнулась на полу. А рядом лежит этот хулиган, и на лбу у него здоровая шишка. Я, конечно, к нему: что случилось, почему вы упали? А он представляешь что мне сказал? Он сказал, что это я его по голове каблуком стукнула. Будто бы я сняла с ноги туфлю и по голове его стукнула. Ты представляешь, чтобы я была на это способна?

Алиса засмеялась. Конечно же, Елена Федоровна была к такому совершенно не способна. Она очень маленькая и хрупкая пожилая женщина, у нее уже два внука есть, она никого в жизни ни разу не ударила. Тот парень, который медвежонка дразнил, не стал, правда, никому жаловаться — стыдно стало с бабушкой воевать. Но Елена Федоровна так переволновалась, что ей пришлось лечь в постель.

Так как специального опекуна медвежонка на эти дни не стало, то Пашка с Алисой сговорились приходить к нему, чтобы медвежонку не было скучно.

Алиса брала с собой книжку. Или карманный компьютер, чтобы готовить уроки. Женечка никогда ей не мешал. Он дре-

мал, лежа у ее ног, или смотрел на дисплей компьютера, как будто что-то мог понять.

На третий или четвертый день Алисе пришлось удивиться.

В Космозо был выходной, посетителей нет, дорожки пусты.

Она пришла немного раньше, чем обещала, и Пашка еще не кончил урока. Алиса остановилась в дверях, чтобы не мешать, и стала смотреть, как ведет себя медвежонок. И тут она, к своему изумлению, увидела, что Женечка складывает из карточек слова «девять вечера». Именно «девять вечера». Не «мама» или «папа», как можно было бы ожидать от очень способного инопланетного медвежонка, а весьма сложные слова, которые не каждый первоклассник напишет.

Первая мысль Алисы была: «Пашка гений!» Научил читать инопланетного медведя!

И тут Женечка заметил Алису. В мгновение ока он смешал карточки и отвернулся от Алисы, словно ее и не было в домике.

— Что за тайны? — засмеялась Алиса. — Я все видела, от меня не скроетесь.

Но тут же ей пришлось оборвать смех, потому что медвежонок страшно, низким-низким голосом зарычал, а с Пашкой тут случилось что-то совсем уж невероятное. Он вскочил, пошатнулся, словно был не в себе, кинулся к Алисе, и Алиса мгновенно поняла, что Пашка не владеет собой.

— Паша! — крикнула она.

Пашка прыгнул на нее и попытался схватить за горло. Алиса отбивалась от Пашкиной хватки, и в ее ушах все время звучало странное рычание медвежонка.

Вообще-то Пашка и Алиса по силам примерно равны — им уже приходилось сражаться, правда шутя, не так, как на этот раз. Но в Пашку словно вселился злой дух — руки у него были стальными и пальцы как железные крючья.

И неизвестно, чем бы окончилась борьба, если бы дверь в домик не отворилась. В дверях стояла Елена Федоровна с узелком в руке.

— Что такое? — Елена Федоровна так ничего и не поняла, потому что Пашка тут же отпустил Алису и выбежал на улицу.

Медвежонок замолк и мгновенно забился в угол. Лишь Алиса осталась стоять у стены, растирая оцарапанное Пашкиными ногтями горло.

— Что-нибудь случилось? — спросила Елена Федоровна. — Вы поссорились?

— Нет, — ответила Алиса, проглотив слюну. — Нет, ничего особенного. Паша... просто очень спешил.

Ну не будешь же ты малознакомому человеку объяснять, что твой друг напал на тебя, как дикий зверь, и пытался задушить.

Все это было загадочно и даже страшновато.

Алиса сделала шаг к медвежонку. Он поднял на нее сиреневые глаза. Глаза были печальные-печальные и очень виноватые.

— Ну, как ты все это объяснишь? — спросила Алиса у медвежонка.

А тот заскулил, как побитый щенок.

Алиса посмотрела на карточки, разбросанные по полу. Если бы она что-нибудь понимала!

А Елена Федоровна, решив, что все ей почудилось, радостно произнесла:

— Здравствуй, мой звереныш! Я не смогла усидеть дома — так по тебе скучала. Видишь, испекла тебе пирог с яблоками. Ты же любишь пирог с яблоками?

Медвежонок поднялся и, переваливаясь, потопал к Елене Федоровне.

Подойдя, он протянул лапку к узелку.

— Понимает! — обрадовалась Елена Федоровна. — Умненький ты мой!

Алиса, не прощаясь, ушла.

Из дома она провидеофонила Пашке. Того не было дома. Интересно, как он объяснит свое нападение? Может быть, он хотел сделать сюрприз? Удивить весь мир тем, что научил медвежонка грамоте, и обиделся на Алису за то, что она подглядела и испортила сюрприз? А что означало рычание медвежонка? Может, он просто перепугался, когда Пашка напал на Алису?

Когда Алиса пришла домой, мама была на кухне. На плите стоял бак, в котором варился борщ.

Алиса сразу догадалась, кто к ним будет в гости, — только громадный, ростом со слона, добродушный и вспыльчивый космический археолог и знаток галактических древностей Громозека мог съесть целый бак борща за один присест. Он любил мамин борщ так, что готов был перелететь половину Галактики для того, чтобы его отведать.

— Ой, мама! — обрадовалась Алиса. — Неужели Громозека прилетел?

— Он был на конференции, — сказала мама, — и по пути домой решил нас навестить.

Тут загремел старый кухонный комбайн, в который отец засыпал два ведра картошки и, конечно же, его перегрузил.

И Алиса, забыв о Пашке, и медвежонке, и всех странностях Космозо, о которых только что собиралась рассказать отцу, принялась помогать родителям готовить обед для дорогого гостя.

Громозека заявился не один. Он сделал замечательный сюрприз своим друзьям. Когда он втиснулся в дверь и пробился в прихожую, то тут же вытащил из мешков, пришитых к его одежде и называемых им скромно кармашками, двух маленьких громозек. Оказывается, у него родилось четверо детей. Двоих он оставил со своей женой, а двоих взял с собой на конференцию, чтобы они с детства приучались к научной обстановке. Одного маленького громозеку звали Помогризом, а второго Земогроком, их было трудно различить, правда, один был в синем костюме, а второй в красном. В красном был Помогриз, и хобот у него был короче, чем у брата, а в синем был Земогрок, и у него было на два щупальца больше. А вообще-то малыши были ростом побольше Алисы, а в объеме раз в пять крупнее ее. Так что пока Алиса и отец развлекали гостей, маме пришлось срочно ставить на плиту вторую порцию борща — на этот раз в ведре, — потому что, оказывается, папа Громозека уже два месяца рассказывал своим малышам о том, как они прилетят к Селезневым и как мама Алисы приготовит им сказочный борщ.

За обедом Громозека и его малыши вели себя как умирающие от голода дикари: пока они не съели весь борщ и не умяли три противня с жареной картошкой, не выпили шесть литров яблочного сока и восемнадцать банок компота из слив, они не разговаривали, а только ахали, охали и вздыхали от наслаждения. Потом, прямо за столом, малыши заснули, и, хоть мама хотела положить их в Алисиной комнате, папа Громозека заявил, что им куда лучше у папы под боком, и засунул спящих малышей в мешки-карманы своей куртки. Малыши мирно спали, только иногда поворачивались и бормотали или смеялись во сне, от этого Громозеку раскачивало, и пол под ним скрипел — ведь нет такого стула, на котором бы уместился Громозека.

Отец стал расспрашивать Громозеку об общих друзьях — им

не раз приходилось работать на разных планетах в совместных экспедициях. Но после второго или третьего вопроса Громозека вдруг опечалился и опустил голову.

— Прости, — произнес он глухим голосом, — но нашего друга Гинде-бу нет в живых. Он погиб.

— Прости, — сказал отец. — Но как это случилось?

— Наша экспедиция работала на небольшой планете, давным-давно оставленной своими жителями. Оттуда коллеги сообщили нам, в Археологический центр, что отыскали сокровищницу древних царей и просят подмоги, потому что надо было описать, сохранить и вывезти эти сокровища. Мы срочно вылетели туда на большом корабле. Но когда прилетели, то не нашли ни одного живого человека...

— И не нашли сокровищ? — сказал отец.

— Кто-то узнал о сокровищах, налетел на планету, застиг экспедицию врасплох и безжалостно убил ученых.

— Чтобы замести следы? — догадалась мама.

— Вот именно, — согласился Громозека.

— Но как они узнали о сокровищах? — спросила мама.

— Все просто, — сказала Алиса. — Экспедиция наверняка вызывала вас открытым текстом.

— Разумеется.

— Это были космические пираты? — спросила мама.

— Космические пираты не перебили бы целую экспедицию. Ну, в крайнем случае захватили бы всех заложниками. Нет, пираты — грабители, но не убийцы.

— Так кто же это был? — спросил отец.

— Так и не удалось узнать.

— И никаких следов? — спросила Алиса.

— Никаких. Впрочем, нет, погоди... Где же эта проклятая штука? Я всегда ношу ее с собой и всем показываю... Вдруг найдется кто-то, кто видел нечто подобное.

Громозека начал шарить многочисленными щупальцами по многочисленным карманам, его детишки проснулись, высунулись из карманов и тоже начали искать — хотя не знали, что искать, и потому вываливали на пол пуговицы, записные книжки, какие-то книжки, кассеты, аппараты, бумажки, пленки, черепки, бусинки... И скоро пол в комнате был по щиколотку засыпан содержимым карманов археолога.

— Вот! — наконец закричал Громозека, когда все отчаялись дождаться.

Он вытащил из нагрудного кармана небольшую фотографию. На ней был виден участок стены или какой-то каменной плоскости, на которой мелом был нарисован треугольник с хвостом, как будто какой-то малыш рисовал мышку.

— Но это же детский рисунок! — сказала мама. — Это мышка.

— Нет, — возразил Громозека. — Лучшие детективы изучали этот рисунок. Он сделан взрослой сильной рукой именно в тот день, когда погибла экспедиция и пропали сокровища. Если я узнаю, кто и почему нарисовал эту мышку, то смогу приблизиться к тайне гибели моих друзей.

— Я помогу тебе, — сказала Алиса.

— Что ты говоришь? — удивился отец.

— У тебя слишком плохая память для ученого, — укоризненно сказала Алиса. — Ты забыл, что я тебе несколько дней назад говорила об этом рисунке.

— Ты? Мне? — Отец был искренне удивлен.

— Как вредно не обращать внимания на открытия, которые делают дети, — произнесла Алиса. — А я с самого начала почувствовала неладное.

— Так говори, говори! — воскликнул Громозека.

А его детишки высунулись из карманов и даже завизжали от нетерпения.

И тогда Алиса рассказала, что точно такие же треугольники с хвостиками есть на ладонях золотого медвежонка.

Отец, разумеется, сказал, что это случайное совпадение, но Громозека отнесся к словам Алисы серьезно. И тут же стал собираться в Космозо.

Естественно, отец с мамой стали отговаривать Громозеку, убеждать, что лучше съездить завтра — сейчас Космозо уже закрыт. И открывать его — дело сложное.

Алиса не слушала спора взрослых. Она знала, что Громозека настоит на своем. Ее беспокоило совсем другое — она вспомнила, какие слова были сложены на полу в домике медвежонка: «Девять вечера». Конечно, слова могли быть чисто учебным упражнением и ничего не значить. Или относиться к любому другому дню. А могли...

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Пашки. Подошла Пашкина мама.

— Простите, — спросила Алиса. — Паша пришел?

— А разве он не у тебя? — удивилась Пашкина мама. — Он сказал, что пошел к тебе делать домашнее задание по генетике.

Алиса хотела было сказать неправду, потому что неправду можно говорить, когда надо успокоить родителей. Но так как на нее одновременно посмотрели ее собственные родители, Громозека и маленькие дети Громозеки, она вынуждена была сказать правду:

— Нет, он еще не приходил.

— Но уже десятый час! — воскликнула мама Пашки.

— Но вы же его знаете, — ответила Алиса. — Он такой увлекающийся.

— Так вот, когда твой увлекающийся друг придет, — строго сказала Пашкина мама, — вели ему немедленно позвонить домой.

— Конечно, конечно, — пообещала Алиса и быстро выключила экран.

Она обернулась. Все смотрели на нее.

— Что еще с твоим Пашкой? — спросила мама.

— Он учил медвежонка читать и складывать слова, — призналась Алиса.

И рассказала о том, что случайно подглядела сегодня, как Женечка складывал странные слова.

— Ох и не нравится мне это, — совсем как Зеленый, произнес Громозека, и они все побежали к Космозо, благо бежать до него было всего пять минут.

От ворот отец вызвал ночного дежурного, тот открыл служебный вход.

По пути к домику медвежонка отец спросил у дежурного:

— Никаких событий?

— В общем, все в порядке, — ответил дежурный, но в голосе его была неуверенность.

Отец сразу почувствовал ее и остановился.

— Что значит «в общем»? — спросил он строго.

— Но, может, мне показалось...

— Говорите. Быстро!

— Полчаса назад мне показалось, что на территорию опустился флаер.

— Как так показалось?

— Но потом я подумал, откуда здесь быть флаеру в такое позднее время, — ответил дежурный.

— Где опустился флаер?

— Вон там, возле домика, где наш медвежонок живет.

— Вот именно! — воскликнул Громозека. — Этого я и опасался.

— Вы проверили? — спросил отец дежурного.

— Вот как раз собирался.

— Разумеется, — вздохнула Алиса. Ведь дежурный смотрел триста шестую серию фильма «Бедным тоже щекотно» и не мог оторваться от переживаний за судьбу обнищавшей герцогини Леокадии.

Отец отмахнулся от дежурного и поспешил вслед за Громозекой.

Самые худшие их подозрения оправдались.

Дверь в домик медвежонка была распахнута, а домик пуст.

— Сбежал! — ахнул отец.

— Ему помог бежать мой Пашка, — сказала Алиса. — И я теперь очень беспокоюсь за его судьбу.

— Что ты говоришь! — возмутилась мама. — Почему ты должна бояться? Ну, мальчик шалит...

— Мальчик-то, может, и шалит, — произнес Громозека. — Но вот ваш золотой медвежонок, вполне вероятно, не такой уж невинный зверек, как вам кажется.

— Ты его не видел! — возразила мама. — Если бы его увидел, ты бы понял, какой он очаровашка.

— Не все то золото, что блестит, — сказал тогда Громозека, который знал множество русских поговорок и очень любил употреблять их к месту и не к месту.

— Что теперь делать? — спросил отец, как бы передавая этим командование Громозеке. Он был очень расстроен, что не смог увидеть опасности: ведь, как и все, он был очарован милейшим медвежонком.

— Теперь надо спешить на космодром, — сказал Громозека. — У меня есть подозрение, что этот ваш медвежонок с помощью мальчика Паши постарается улететь с Земли.

— Но почему? Почему он оказался совсем один на дикой планете?

— Вот именно это и должно было тебя насторожить, — ответил Громозека. — Подумай: откуда может взяться такое боль-

шое животное на планете, на которой нет даже мелких зверюшек, тем более нет родственников золотого медвежонка?

— Мы думали об этом, — признался отец и развел руками.

— Так бежим на космодром.

— Нет, — возразил профессор Селезнев. — Бежать туда — дело долгое. Да и флаер надо вызывать. Пошли ко мне в кабинет, оттуда мы позвоним на космодром и предупредим охрану.

Все согласились, что это самое мудрое решение, и через пять минут они уже были в отцовском кабинете.

Отец дозвонился до космодрома. Дежурный был вежлив и, когда узнал, что из Космозо убежало редкое животное, которое может попытаться улететь на корабле, встревожился и тут же согласился, что искать медвежонка следует тихо, не объявляя об этом вслух, чтобы не спугнуть медвежонка и тем более не перепугать тысячи пассажиров, что толпятся в помещениях вокзала. Дежурный записал и приметы Пашки, который мог быть вместе с медвежонком.

— Вот теперь мы можем ехать на космодром, — сказал отец. — Сейчас я вызову флаер.

— Подожди, папа, — остановила его Алиса. — Скажи, пожалуйста, а ты уверен, что они с Пашкой полетели на космодром?

— А куда же еще?

— Куда угодно, — ответил за Алису Громозека. — Мы же ничего не знаем. Даже не знаем, какие у них с Пашей отношения и кто из них командир.

— Боюсь, что командир — Женечка, — проговорила Алиса. — Только такая последняя дура, как я, могла спокойно смотреть на слова, сложенные медвежонком, и не поднять из-за этого тревогу на всю Москву. Почему я не догадалась, что дикое животное, прожившее на Земле всего три недели, не может складывать буквы на чужом языке. А если может, то тогда это никакое не животное.

— Вот я и думаю, — сказала мама, — почему медвежонок прямо не поговорил с твоим Пашей, если они такие друзья?

— Да потому что он водил Пашку за нос! Он оказался умнее всех нас вместе взятых. Пашка хотел научить его с помощью карточек. И Женечка сообразил, что если он выучится под Пашкиным мудрым руководством, то Пашка будет так счастлив, что дальше можно из него веревки вить. Если бы он попытался Пашке что-то приказать словами, то Пашка бы сразу за-

подозрил неладное и сказал бы об этом мне или папе. Но карточки! Гениальное Пашкино изобретение!

— Алиса права, — согласился профессор Селезнев. — Но если медвежонок попросил Пашку отвезти его на космодром, чего он этим добьется? Ведь Пашка не может положить его в карман. У него нет минимизатора.

— Да и с минимизатором ничего бы не получилось, — сказала Алиса. — Пашка не может вместе с Женечкой улететь с Земли, потому что у нас послезавтра контрольная по генетике, а Светлана сказала, что если Пашка ее не напишет по-человечески, то не видать ему летнего путешествия как своих ушей.

— Тогда что же он сделал? — в отчаянии воскликнул Селезнев.

Алиса понимала, что отец прав — получалась неувязка. Что же понадобилось медвежонку Женечке от Пашки Гераскина?

— Что мы знаем об этом медвежонке? — спросил Громозека. — О его способностях и странностях? Не может быть, чтобы вы ничего не заметили.

— Я заметила! — воскликнула Алиса. — Только для этого мне нужно позвонить Елене Федоровне.

— Зачем? — спросил папа.

— А затем, что в Космозо случались некоторые незначительные события, которые не получили объяснения, — сказала Алиса.

— Какие? — спросил отец, встревожившись.

— Например, пожар у крикуш. Или тот случай, когда тигрокрыс чуть не подавился граблями. Или когда Елена Федоровна одному глупому человеку хотела голову проломить.

— Что? — удивился отец.

Оказывается, о последнем событии он даже не знал.

Алиса уже набрала номер Елены Федоровны. Та словно ждала звонка.

— Что случилось? — спросила она. — Что он еще натворил?

— Вы кого имеете в виду? — спросил Громозека.

И Елена Федоровна, которой не приходилось встречать его раньше, не догадалась, что это профессор археологии и знаменитый ученый, она увидела слоноподобного осьминога или спрутоподобного слонопотама. И от страха выключила видеофон.

— Теперь ты немного подождешь, — сказала Алиса. — А я сама с ней поговорю.

Оба детеныша Громозеки высунулись из его карманов и принялись возмущаться поведением людей.

— Как можно? Как можно? — кричали они. — Наш папочка самый красивый. Мы не позволим, мы не допустим!

Громозеке пришлось заткнуть головки малышей в карманы и застегнуть карманы на «молнию».

Со второго раза Алиса дозвонилась Елене Федоровне. Та уже поняла, что проявила невежливость, и потому чувствовала себя виноватой. Громозека-то обиделся, отошел от видеофона и даже повернулся к нему спиной.

— Елена Федоровна, что-то случилось с вашим медвежонком, — сказала Алиса. — Даже не что-то, а он сбежал.

— Я этого ждала! — вздохнула пожилая женщина.

— Но если ждали, почему не сообщили директору Космозо? — поинтересовался профессор Селезнев.

— Так я думала, что рехнулась, — призналась Елена Федоровна. — С одной стороны, я не встречала никого милее и тише нашего питомца, а вот с другой стороны...

— Он не всегда был таким, каким казался окружающим? — спросила Алиса.

— Вот именно. Всем казался, а на меня внимания не обращал, потому что думал, что никто не поверит старой глупой бабке. То оскалится, то укусит, то ямку выроет на моей дороге, чтобы я ногу сломала, то испугает исподтишка... В общем, натерпелась я с ним!

— А вот тот случай, когда тигрокрыс грабли жевал...

— А я ничего не видела!

— Как же не видели! — снова вмешался отец. — Вы же с животным гуляли по дорожке.

— Гулять гуляла, а ничего не видела.

— Пускай женщина объяснится, — произнес, разворачиваясь, Громозека.

— Я долго голову ломала, — сказала Елена Федоровна, — но ничего не вспомнила. Как будто проспала самое важное.

— А второй случай? Когда вольер крикуш сгорел?

— Тоже загадка! — воскликнула женщина. — Ничего не помню.

— И случай с шалуном-посетителем?

— Совсем уж непонятно. Вроде бы присутствовала, должна была все видеть — и не видела.

— Пожалуйста, Елена Федоровна, расскажите нам об этом подробнее, — взмолилась Алиса. — Нам это очень важно!

— Алиса права, — поддержал Громозека. — Я вас очень прошу!

— Но я мало что могу рассказать, — ответила Елена Федоровна. — Я ничего не помню! То есть я помню, как мы шли и как мы смотрели на тигрокрыса, а он скалился на Женечку, а потом... потом какой-то провал в памяти, и я уже вижу только, как тигрокрыс давится этими граблями, а медвежонок улыбается...

— Улыбается? — переспросил профессор.

— А у меня внутри было так тепло-тепло, как будто случилась большая радость. — Елена Федоровна виновато опустила голову. Она, конечно же, понимала, что нормальному человеку, а тем более сотруднику зоопарка не может быть тепло и хорошо, если какому-нибудь животному плохо и больно. Но воспоминание было таким приятным!

— Скажите, — спросил Громозека, — а когда загорелись эти...

— Крикуши? Точно так же, — ответила Елена Федоровна. — Я помню, что было до пожара, а потом помню сам пожар. А вот что было... как он начался — не припоминаю.

— И, конечно же, не помните, как ударили молодого человека?

— Я не могла ударить человека! Это недоразумение! Я даже муху не могу прихлопнуть!

— Не помните?

— Не помню!

— Спасибо, Елена Федоровна, — сказал отец.

— Мне подавать заявление об уходе? — спросила женщина.

— Почему же? — удивился отец. — Вы хороший работник и любите животных.

— Но ведь я замешана в таких грязных историях!

— Ах, Елена Федоровна! — сказал тогда директор Селезнев. — Вы же все давно поняли, только сами себе не смеете признаться, потому что жалеете медвежонка. Вы же понимаете, что каким-то образом он замешан в этих каверзах!

— Нет, я отказываюсь в это верить! — воскликнула Елена Федоровна сквозь слезы. — Простите, я больше не могу...

Экран погас.

В кабинете Селезнева стало совсем тихо. Слышно было

лишь, как о стекло окна бьется оса. Громозека протянул щупальце и открыл окно, чтобы оса могла улететь.

— Но как он это делал? — спросил сам себя Селезнев.

— Я думаю, что он вовсе не животное, — сказала Алиса. И все кивнули, потому что думали так же.

— Вас всех сбивало то, что медвежонок, — заметил Громозека, — так похож на ваше земное животное, только лучше и красивее.

— И даже добрее, — добавила Алиса.

— Если Елена Федоровна не может простить себе ошибки, — произнес Селезнев, — то что делать мне, опытному ученому, который не отличил медвежонка от хитрого и разумного инопланетянина.

— А потому, папочка, — сказала Алиса, — что этот медвежонок не хотел, чтобы ты догадался, кто он на самом деле.

— Но почему? Почему?

Ответ на этот вопрос пришел буквально через три секунды.

— Вас вызывает космопорт, — сообщил видеофон.

Экран загорелся. На нем появился дежурный.

— Профессор Селезнев? — спросил он.

— Я здесь.

— Вы беспокоились о золотом медвежонке? — спросил он.

— Да! Вы его нашли?

— Нет, — ответил загадочно дежурный. — Это они нас нашли.

И тут же на экране появились три золотых медвежонка. Именно три, именно золотых и именно медвежонка.

Были они крупнее Женьки, потемнее его, все три с портфелями и в очках.

— Мы просим встречи с вами, — сказал тот медвежонок, у которого были самые толстые очки. — Мы официальная делегация с планеты Лумм. Вряд ли вы о нас слышали, потому что мы живем совсем в другом конце Галактики, и даже ваш журнал со статьей о золотом медвежонке в Космическом зоопарке мы получили только неделю назад и сразу же выслали к вам военно-правительственную делегацию.

Три медвежонка поклонились экрану.

— Вы узнали... — сказал отец. — Вы узнали о чудовищном недоразумении. — Тут впервые в жизни Алиса увидела, как ее отец густо покраснел. — Да, мы совершили ошибку!

— Какую? — удивился главный медвежонок.

— Мы поместили в клетку и показывали посетителям разумное существо!

— Какое счастье, что вы так сделали. Хоть вы и не смогли, наверное, его полностью контролировать, но все же надеюсь, что в вашей клетке очень толстая и крепкая решетка.

— Что вы говорите! — испугался отец. — Нет, не думайте! Мы не варвары, ваш коллега... ваш соотечественник гулял на свободе.

— И еще не сбежал? — спросил второй медвежонок. — Я не поверю!

— Сбежал, — сказала Алиса в наступившей тишине.

— О ужас! — закричал третий медвежонок. — Вы должны тут же объявить всеобщую тревогу и ввести на планете карантин.

— Он болен! — догадался Громозека, и его карманы зашевелились. Из них бились и рвались наружу его детишки. — Он разносит страшную заразу!

— Он здоров, но он разносит страшную заразу! — ответил первый медвежонок. — Где он сейчас?

— Мы не имеем представления, — признался отец.

— Тогда вы должны прекратить все полеты, запретить все вылеты с Земли. Если он вырвется — мы ничего не можем обещать! Вы не представляете, к чему это может привести.

— Да погодите вы! — рассердился тут Громозека. — Что вы кудахчете, как курицы! Опасность, опасность... Какая может быть опасность от одного маленького звереныша?

Алиса понимала, что Громозека нарочно так говорит, чтобы члены военно-правительственной комиссии с планеты Лумм перестали спорить и скорее рассказали, что же представляет собой этот золотой медвежонок.

Но отец не понял Громозеку — видно, очень волновался — и потому остановил его.

— Нет, ты не прав, мой друг, — сказал он. — Не надо перебивать наших гостей. Они сейчас приедут к нам, и мы поговорим. Я же не снимаю с себя вины за происшедшее.

— Боюсь, нам некогда встречаться, — возразил отцу Громозека. — Лучше обменяться мнениями сейчас же. Если уважаемые члены комиссии в самом деле встревожены, пускай они в двух словах все расскажут, и мы начнем действовать.

И, видя, что отец не перечит ему, Громозека тут же задал главный вопрос:

— Кто этот медвежонок? Почему он оказался один на дикой планете? Почему он не признался в том, что он разумный, а тщательно изображал зверя?

После короткой паузы глава делегации начал свою речь:

— Имя этого... существа, которое вы называете медвежонком, Выпрахол Четвертый. В молодости он правил небольшим княжеством на острове того же названия...

— В молодости? — удивилась Алиса.

— Ему сейчас по вашим меркам... — сказал второй член делегации, — примерно шестьдесят три года и три месяца.

— Ничего себе медвежонок! — прошептала Алиса.

— Но ему не сиделось на острове, и он завоевал соседний остров. Он возглавил банду насильников и бандитов, без стыда и совести. И на нашу тихую планету пришла беда. Они назвали свою банду братством щита и кнута, и их гербом, который они рисовали повсюду и даже татуировали на ладонях, был треугольный щит, из-под которого высовывается конец кнута...

Конечно же, подумала Алиса. А мы считали это мышкой.

Отец покачал головой и тихо проговорил:

— Алиса же показывала мне этот знак! А я не поверил! Разве медвежата выжигают знаки на ладошках?

— Остров за островом, княжество за княжеством, страна за страной он покорил всю нашу планету и установил на ней дикие порядки. Никто не чувствовал себя в безопасности. Он был одержим желанием гадить всем хорошим людям. Часто даже его сподвижники и соратники вставали в тупик перед его преступлениями... Выпрахол Четвертый и его бандиты начали даже совершать нападения на другие небольшие планеты и всюду оставляли свой знак...

— И всюду оставляли свой знак, — повторил Громозека. — И убивали...

— Он убил моих родителей, — произнес второй член делегации. И голос его дрогнул.

— Да, — подтвердил глава делегации. — У маршала Варшула погибли родители, у меня подруга.

— А у меня запасная дочь, — произнес третий член делегации.

Алиса подумала, что обязательно надо будет спросить, что

такое запасная дочь на той планете? Но события, которые развернулись вскоре, так отвлекли Алису, что она забыла об этом спросить и до сих пор мучается.

— Наконец терпение нашего народа лопнуло! — Медвежонок в очках топнул лапой, а два других зарычали. — Началось восстание. Борьба была долгой и жестокой, погибли тысячи людей!

— И мой брат, — добавил второй медвежонок.

А Алиса подумала: когда они переводят свои слова на русский, то называют себя людьми. А мы их — медвежатами. Просто неприлично получается. Даже если ты произносишь такое слово мысленно.

— Власть кровавого диктатора и бандитов щита и кнута была свергнута. Большинство их были перебиты, а самого Выпрахола Четвертого разжаловали в Выпрахола Половинного...

— Да, именно так! — криками подтвердили эти слова остальные члены делегации.

— Для самого Выпрахола Половинного была придумана страшная медленная казнь. Его отвезли на самую отдаленную планету, где не было больше ни одного живого существа. Навсегда. До самой смерти.

— А мы его нашли, — сказал тогда профессор Селезнев. — И еще ломали голову — почему звереныш совершенно одинок? Что случилось с его родителями?

— Нам очень обидно, что вы нас спутали с какими-то неразумными зверями, — сказал глава делегации, а второй ее член, маршал Варшул, добавил:

— Это помогло хитрому и злобному Выпрахолу. Каким-то дьявольским образом он догадался, что вы не знаете о нашем существовании. Он удивительно способная и хитрая тварь. Я уверен, что уже через день он знал ваш язык и все понимал.

— Конечно же! — признался отец. — В первый день он от нас убежал. А на второй пришел снова.

— Он понял, что вы для него — нежданное спасение.

— Конечно, если вы не догадаетесь, что он известный злодей, — добавил маршал Варшул.

— А как мы могли догадаться? — вздохнул отец.

— Должны были догадаться, — не согласился с ним Громозека. — Иначе вас зря на вашей работе держат. Даже с биологической точки зрения вся эта история была чепухой. Как может

одно животное жить на целой планете? Кто тогда его родил? Кто его выкормил?

— Не надо спорить, — сказала Алиса. — Этим мы делу не поможем. Нам же надо поймать этого самого... четвертого Выпрахола.

— Нет, нет! — хором закричали медвежата. — Половинного!

Отец переключился на дежурного по космопорту.

— Никаких новостей? — спросил он.

— Ни ваш беглец, ни Павел Гераскин не появлялись, — ответил дежурный. — Служба безопасности предупреждена. Ни один корабль не поднимется в воздух. Он не улетит. Другие космодромы тоже предупреждены.

Дежурный был очень серьезен — он же слышал разговор с военно-правительственной делегацией с планеты Лумм.

Отец вновь переключился на зал, в котором стояли медвежата.

— Скажите, — спросил глава делегации, — а откуда еще могут подняться космические корабли?

— Все космодромы предупреждены, — ответил профессор Селезнев. — Можете не беспокоиться.

— А я бы не была такой уверенной, — сказала Алиса. — Разве трудно построить космический корабль? Например, в школе?

— Ты еще скажи — в детском саду, — улыбнулся Селезнев.

— Папа, когда ты учился в школе, были еще древние, отсталые времена, — сказала Алиса. — Тогда еще в детских садах дети не знали программ «Д малое» и «Кобра вечером».

— Я и сейчас их не знаю.

— А сегодня, папочка, — продолжала Алиса, которой давно уже хотелось намекнуть родителям, что они жили в древнюю эпоху, — дети совершенно отличаются от вас. И космические корабли стоят в каждой школе. Разве ты не знаешь, что мы с Пашкой Гераскиным участвовали в гонках вокруг Луны?

— Но у вас же не настоящий космический корабль! Он не может вылететь за пределы Солнечной системы.

— А если долететь до Плутона и там захватить корабль геологов?

— Или на Марсе украсть мой корабль, — предположил Громозека. — Я его оставил на космической стоянке.

— Нет, это несерьезно, — сказал отец. Но голос его звучал неуверенно. Он уже ни в чем не был убежден.

— Простите, — вмешался в разговор глава делегации с планеты Лумм. — А молодой человек по имени Паша знает о местонахождении такого вот небольшого планетарного корабля?

Значит, они сообразили, насколько это серьезно, поняла Алиса.

— Да, — ответила она. — Наш кораблик стоит на школьном дворе.

— Он готов к полету?

— Он может долететь до Марса.

— Тогда надо спешить туда! Сообщите нам адрес! — хором воскликнули луммцы и схватились за портфели так, что Алиса поняла — в портфелях у них бластеры или даже пушки.

— Пашка не такой глупец, чтобы посадить медвежонка одного в корабль, — сказал отец. Но сам уже поднялся и набирал на пульте вызов флаера.

— Может быть, ваш Пашка и не такой глупец, — ответил мохнатый маршал Варшул, — но бывший кровавый диктатор в тысячу раз умнее его, в сто раз коварнее и умеет подчинить себе любого человека.

— Как? — спросил Громозека.

— Во-первых, он может заговорить, обольстить и буквально околдовать любого. Если это не помогает, он может... и это самое страшное... Он может...

— Говорите! — воскликнула Алиса. — Я уже догадываюсь, что вы скажете. Елена Федоровна была жертвой его силы!

— Мы не знаем ничего о существе по имени Елена Федоровна, — сказал глава делегации, — но мы знаем, что Выпрахол способен испускать поток психоволн и на минуту полностью подчинять себе любое живое существо. Когда же гипноз пройдет, его жертва ничего не помнит.

— Все ясно, — сказала Алиса. — Вот как погибли крикуши и чуть не умер тигрокрыс!

— Как так? — спросил Селезнев. Одним глазом он следил за информацией на пульте — ждал, когда подлетит пассажирский флаер, — другим наблюдал за экраном связи с космопортом: нет ли вестей оттуда. — Как это случилось?

— Елена Федоровна, сама того не понимая, сунула в клетку к тигрокрысу грабли, потому что медвежонок решил сделать ему гадость. А потом она подожгла гнезда крикуш... и ничего не запомнила.

— Значит, он всех может загипнотизировать? — спросил Громозека.

— Во-первых, только на минуту, и потом ему надо часа три восстанавливать силы, во-вторых, с нами он ничего поделать не сможет.

Сказав так, глава делегации вытащил из портфеля мягкий шлем, натянул на голову и сразу стал похож... На кого же он стал похож? Скорее всего, на медведя в купальной шапочке.

Остальные члены делегации последовали его примеру.

— Он уже употреблял гипноз против Пашки, — сказала Алиса. — Пашка под гипнозом кидался на меня, как шакал. И тоже, наверное, ничего не помнит.

Она первой поспешила на улицу, где как раз приземлился вызванный отцом флаер. Вторая такая же машина, которая была на постоянной связи с Селезневым, уже ждала у космопорта делегацию с планеты Лумм.

Флаер резко взмыл в небо, подчиняясь программе экстренного полета. Дети Громозеки, который с трудом втиснулся в просторную машину, запищали — им не понравились перегрузки.

— Приучайтесь, малыши! — прикрикнул на них археолог Громозека, похлопывая щупальцами по шевелящимся карманам. — Вам всю жизнь придется терпеть перегрузки — такова судьба бродячего археолога.

Уже через три минуты внизу показался парк, в котором расположена Алисина школа. Вот и площадка практических игр, где стоят машины, придуманные и построенные учениками. Выше всех поднимается округлое ребро летающего блюдца, построенного Пашкой и другими ребятами еще в прошлом году.

— Они еще здесь! — закричала Алиса. — Они не улетели.

— Если дети на Земле так любят строить космические корабли, то не исключено, что они в другой школе или даже в детском саду, — заметил Громозека. — И мы до следующего года будем облетать и проверять ваши детские учреждения.

Никто не ответил Громозеке. Селезневы внимательно приглядывались к тому, что творится внизу. У корабля никого не было. Но когда они опустились ниже, Алиса заметила, что люк в корабль приоткрыт.

— Осторожно, папа, — прошептала она, словно боялась, что ее услышат. — Они могут быть внутри.

Селезнев кивнул. Он опустил флаер метрах в пятидесяти от диска.

Первым вышел он сам, потом Алиса. Последним выбрался Громозека. Детишки бились в его карманах, норовя высунуть головы наружу, чтобы не пропустить интересное зрелище.

Профессор Селезнев сделал Алисе знак, чтобы она остановилась, а сам подошел к люку.

Все молчали.

Наступал весенний вечер, похолодало, небо стало зеленым и розовым, а по нему плыли лиловые и сизые облака. Деревья вокруг площадки шумели молодой листвой, под деревьями было темно. Из полуоткрытого люка вырывался желтый уютный свет.

— Паша, — позвал Селезнев.

Никто не ответил.

Селезнев сделал еще два шага — он был совсем близко от люка. Алисе так хотелось помочь ему, но она была умным человеком и понимала, что в боевой операции бывает только один командир. Громозека тоже это понимал. И даже его малыши затихли, хоть Громозека и расстегнул карманы, чтобы их успокоить....

Изнутри корабля неожиданно послышались шум возни, хихиканье, потом смеющийся Пашкин голос произнес:

— Да погоди ты, малыш! Слышишь, меня зовут? Не бойся.

Тут люк распахнулся, и в нем показался силуэт Пашки.

Алиса вздохнула с облегчением. Хоть с Пашкой ничего не случилось!

Пашка казался вырезкой из черной бумаги.

— Здравствуйте, — сказал он, узнав Селезнева. — Вы ищете Алису? Но Алисы тут нет.

— Нет, Паша, — ответил профессор Селезнев. — Мы с Алисой ищем совсем другого человека.

— Кого? — удивился Пашка.

— Человека по имени Выпрахол Половинный, который оказался страшным преступником.

— Я не знаю такого!

— Ты его знаешь. Он похож на золотого медвежонка и жил до сегодняшнего дня в Космозо.

Пашка смешался. Врать в глаза профессору Селезневу он не мог.

Он растерянно обернулся, будто ожидая, что ему подскажут из корабля, как себя вести.

— Разреши, я войду в корабль, — сказал Селезнев, — и поговорю с твоим приятелем?

— Но я ему обещал! — воскликнул Пашка. — Он так просил показать ему Луну.

— Что? — удивился Селезнев. — Какую еще Луну?

— Я научил Женечку читать и складывать карточки, — сообщил Пашка профессору. — Он такой способный! Я хотел исполнить его мечту.

— Вот и отлично, — сказал Громозека, подходя к Селезневу. — Ты его научил, а теперь нам с ним надо серьезно побеседовать.

— Он так стесняется, Громозека, — ответил Пашка, совсем не удивившись тому, что археолог участвует в разговоре. Пашка казался каким-то подавленным и пришибленным. — Может быть, лучше мы сначала с ним немного полетаем, а поговорите потом, когда вернемся?

Пашка сделал шаг назад и попытался закрыть за собой люк, но профессор Селезнев быстро взбежал по лесенке, чтобы помешать Пашке.

— Нет! — закричал тогда Пашка и, словно пантера, кинулся на профессора Селезнева.

Селезнев успел отшатнуться, и Алиса увидела в проеме люка темный силуэт медвежонка, который, конечно же, гипнотизировал Пашку. Пашка неудачно упал на землю и застонал, схватившись за ногу. Профессор Селезнев хотел было схватить медвежонка, но и его постигла участь Пашки — вдруг он спрыгнул на землю и, повернувшись к остальным, закричал не своим голосом:

— Назад! Назад! Скорее назад! Не мешайте этому несчастному зверенышу посмотреть на Луну! Иначе я вас всех перебью!

— Папа! — закричала Алиса. — Папа, что с тобой?

Но в этот момент ее охватило странное чувство — безграничная любовь к несчастному золотому медвежонку. И ей хотелось лишь одного — скорей пробраться в корабль и показать медвежонку, как лучше управлять им, помочь медвежонку взлететь в небо.

Алиса как будто бодрствовала, но не принадлежала себе.

Она хотела было быстро подняться в корабль, закрыть за собой люк и помочь медвежонку улететь, но тут на площадку опустился еще один флаер.

Из него выскочили три медвежонка в купальных шапочках. Вид у них был странный и даже смешной. Но Алисе не было смешно — ей в сердце вонзился ужас при виде этих отврати-

тельных карателей. Вместе с Пашкой и папой она, как дикая кошка, кинулась на военно-правительственную делегацию с планеты Лумм, стремясь стереть пришельцев в порошок. Но Громозека? Что с ним? Почему он медлит? Почему он не идет нам на подмогу?

Все эти мысли пронеслись в голове как молния — за секунду.

Больше Алиса ничего не помнила.

Она лишь увидела строгие глаза маршала Варшула с планеты Лумм, который надвигался на нее, целясь из бластера.

И больше ничего...

Алиса очнулась минут через пять. По крайней мере, ей сказали потом, что она была без сознания пять минут после того, как и ей достался парализующий заряд из бластера маршала Варшула.

Рядом на земле лежали без чувств ее отец профессор Селезнев и лучший друг — Пашка Гераскин.

Громозека навис над ними, растерянно разведя щупальца в стороны, а из боковых карманов его широкого костюма выглядывали многоглазые лица его детишек.

Алиса села. Голова кружилась.

Совсем недалеко от нее стояли три медвежонка в купальных шапочках, защищающих от гипноза. Они окружили четвертого, самого золотого. Они стояли, направив на него бластеры.

Рядом зашевелился Пашка. Будто просыпался. Случайный комар сел ему на нос, и, прежде чем прийти в себя, Пашка хлопнул себя по носу. Затем очнулся и отец.

— Простите, — сказал глава делегации с планеты Лумм. — Мы вам причинили небольшие неудобства. Теперь Выпрахол будет жестоко наказан. Его будут называть Выпрахолом Четвертинным.

— Только не это! — закричал по-русски золотой медвежонок. Кричал он совсем без акцента, будто в Москве родился. — Я Четвертый! Я всегда буду Четвертым и умру Четвертым. Вы можете отнять у меня свободу, вы можете связать и сослать меня. Но не троньте мое честное имя!

— У тебя, преступник, нет честного имени, — ответил маршал Варшул.

— Алиса! — обратился к ней медвежонок. — Неужели тебе меня совсем ни капельки не жалко?

И удивительное дело: Алиса все знала и понимала, она ничуть не верила Выпрахолу и в то же время не могла не любоваться его славной мордочкой, его золотой пушистой шерстью, его беззащитными сиреневыми лучистыми глазами.

— Хватит! — сказал маршал. — Хватит тебе обманывать человечество. Тебе многие верили, и где они? Погибли.

— Профессор Селезнев! — закричал медвежонок. — Я обращаюсь к вам официально как к директору Космического зоопарка и известному гуманисту. Вы должны охранять редких животных! Я требую занести меня в Красную книгу, и чем скорее, тем лучше.

Профессор Селезнев поднялся с земли. Он чувствовал себя неловко. Не глядя на космического преступника, он подошел к Алисе, положил ей руку на плечо и спросил:

— Тебе не больно?

— Все хорошо, папа, — ответила Алиса.

Селезнев обернулся к Пашке.

— У меня тоже все в норме, — ответил Пашка, догадавшись, о чем хочет его спросить отец Алисы. — Только не понимаю, как же я попался?

— Павел! — закричал медвежонок. — Как мы славно полетим с тобой! Да здравствуют щит и кнут! Долой врагов и бездельников! Бери свой бластер, сядем в крейсер, врежем всем по первое число!

— По-моему, он не совсем нормальный, — сказал Пашка.

— Ненормальный-то ненормальный, — не удержалась Алиса, — но обвел тебя вокруг пальца. Видите ли, мы решили показать ребеночку Луну!

— Кто так говорил? — удивился Пашка.

— Ты так говорил.

— Я так никогда не говорил. Я не мог такого сказать!

— А зачем вам понадобился наш школьный космический корабль?

— Чтобы... чтобы посмотреть!

Тут этот разговор прервал глава военно-правительственной делегации с планеты Лумм.

— Простите за причиненное беспокойство, — произнес он, протягивая руку профессору Селезневу. — И вдвойне простите, что мы были вынуждены вас временно парализовать. Вы попали под власть этого преступника.

— Все, кроме меня, — сообщил Громозека.

— И нас! И нас! — поддержали его малыши.

— У него на вас силенок не хватило, — сказал маршал. — Он потратил их на землян.

Попрощавшись с остальными, медвежата, то есть члены военно-правительственной делегации, направились к своему флаеру. Между ними шагал, переваливаясь, золотой медвежонок.

Перед тем как войти в флаер, он обернулся и крикнул:

— Мне стыдно за вас, профессор Селезнев! Вы отказались занести меня в Красную книгу! Если я буду истреблен, вина падет на вас.

Маршал подтолкнул его в спину, и люк в флаере закрылся.

Золотистой каплей флаер поднялся к потемневшим облакам, к первым звездам, к светящейся рекламе детского питания, прикрепленной к ручке ковша Большой Медведицы.

— Посетители Космозо будут очень расстроены, — сказал после долгой паузы профессор Селезнев. — Они успели полюбить золотого медвежонка.

— А я уже статью придумал. Для вашего журнала, — сообщил Пашка. — «Опыт обучения золотых медвежат с помощью карточек с буквами». Интересно?

— Ты лучше скорей маме позвони, — ответила Алиса. — Она волнуется, куда ты пропал.

— Я не пропал, а попал под вредное влияние одного завоевателя и диктатора, — ответил Пашка. — Можно, я флаер возьму?

— Возьми, — сказал Селезнев, — мы пешком пройдем до дома. Тут недалеко. И погода хорошая.

— Правильно, — согласился Громозека и выпустил из карманов своих детей. Чтобы побегали вокруг. И глядя, как они топают и неуклюже резвятся, он добавил: — Хорошая погода. Но если бы не эта делегация... быть бы нам рабами такого маленького славненького медвежонка.

— Ничего! — крикнул Пашка, забираясь в флаер. — Дружба все равно победила!

— Подкрепленная парализующими бластерами, — вздохнул Громозека. — Что-то много в Галактике развелось нечисти. И никак не уменьшается. Как вы можете объяснить это, хорошие люди и настоящие друзья?

— Если бы нечисти не было, — догадалась Алиса, — как бы понять, что мы такие хорошие? С кем сравнивать?

Флаер, уносящий Пашку, резко взмыл в темное небо, а остальные пошли не спеша домой, где мама готовит ужин на всю эту дружную компанию.

СОДЕРЖАНИЕ

МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ. *Повесть* 5
УЗНИКИ «ЯМАГИРИ-МАРУ». *Повесть* 255
КОНЕЦ АТЛАНТИДЫ. *Повесть* 285
ПОДЗЕМНАЯ ЛОДКА. *Повесть* 375
ГАЙ-ДО. *Повесть* 467
ГОРОД БЕЗ ПАМЯТИ. *Повесть* 605
АЛИСА И КРЕСТОНОСЦЫ. *Повесть* 823
ЗОЛОТОЙ МЕДВЕЖОНОК. *Повесть* 921